

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

II

Под редакцией
М. В. НЕЧКИНОЙ (главный редактор),
М. Н. ТИХОМИРОВА,
С. М. ДУБРОВСКОГО,
М. А. АЛПАТОВА, Б. Г. ВЕБЕРА,
А. М. СТАНИСЛАВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том «Очерков истории исторической науки в СССР» охватывает в основном вторую половину XIX в.; изложение доводится до крупнейшего рубежа нашей историографии — начала ленинского периода исторической науки. Развитие и укрепление марксистско-ленинской концепции и кризис буржуазной историографии являются темой следующего, третьего тома.

Первые четыре главы настоящего тома освещают историографию России и тематически построены в соответствии с основными направлениями исторической науки, изучавшей прошлое нашей Родины. Первая посвящена революционно-демократическому направлению русской историографии, преимущественно 60-х годов XIX в., и включает революционно-демократические исторические концепции Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича. В особый отдел выделено рассмотрение исторических взглядов А. П. Щапова, который при всем своеобразии демократического мировоззрения относится, несомненно, к этому же историографическому течению. В главе II характеризуется дворянская и буржуазная историография русской истории во второй половине XIX в. Ее первый отдел охватывает «охранительное» дворянское направление, представленное М. П. Погодиным, Н. Г. Устряловым, Н. К. Шильдером, Д. И. Иловайским и другими историками. Во втором отделе сосредоточен разбор работ либерально-буржуазного направления, «государственной исто-

рической школы» (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.). Особым отделом представлен Н. И. Костомаров. Глава завершается анализом творчества крупнейшего историка либерально-буржуазного направления В. О. Ключевского.

Деятельность некоторых историков России, проживших долгую жизнь, продолжалась иной раз и в то время, которое хронологически выходит за рамки настоящего тома. Так, В. О. Ключевский, начавший свой научный путь еще в 60-х годах, завершил его уже в XX в. (он умер в 1911 г.), когда кризис буржуазной историографии и становление марксистской исторической науки были уже налицо. В этом и подобных случаях мы в настоящем томе кратко останавливались на завершающих годах деятельности ученого, чтобы очертить общую картину его научного развития, но в третьем томе история творчества этого ученого в последний период найдет свое место в большой теме о кризисе исторической науки. Форма «Очерков» позволит в нужных случаях вернуться к творчеству того или иного историка, чтобы показать значение его последних работ в последующем развитии кризиса исторической науки.

В главе III рассматривается собственно народническое направление: в первой части — исторические взгляды революционного народничества (работы П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и прочих представителей этого течения); во второй — либерального народничества (концепции Н. К. Михайловского, труды П. А. Соколовского, А. Я. Ефименко, В. И. Семевского).

Глава IV анализирует крупнейшую по значению проблему — зарождение марксистской историографии, распространение марксизма в России и начальный этап приложения марксистской теории к изучению русского исторического процесса. К. Маркс был первым ученым, осветившим ряд вопросов исторического развития России с позиций новой, единственно научной исторической теории. Поэтому представляется закономерным первый отдел указанной главы посвятить именно этой теме. Ранние исторические работы Г. В. Плеханова, основателя группы «Освобождение труда», рассматриваются во втором отделе.

В соответствии с принятым ранее планом издания, том второй «Очерков», как и первый, не ограничивается изложением

вопросов развития исследования истории России, хотя отводит им основное место и ставит их на первый план в структуре тома. Главы V—IX освещают русскую историографию всеобщей истории (взгляды революционных демократов и народников на проблемы всеобщей истории рассматриваются в главах I и III). Историки второй половины XIX в. много работали над изучением истории древнего мира, средних веков, нового времени, славяноведения и византиноведения, сделали немалый вклад в изучение истории стран Востока.

Глава X посвящена ряду крупных самостоятельных исторических дисциплин: русской историографии, источниковедению и архивному делу, археологии, этнографии и исторической географии.

В главе XI дана история разработки тех отраслей исторического знания, которые принято считать вспомогательными: палеографии, дипломатики, хронологии, метрологии, нумизматики, сфрагистики, генеалогии и геральдики.

Историография народов нашей Родины во второй половине XIX в. излагается в главе XII, освещающей историю исторической науки Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Казахстана, а также народов Татарии и Сибири. Историография Эстонии, будет дана в III томе.

Авторами настоящего тома являются: М. А. Алпатов, А. И. Акатова, А. В. Арциховский, И. Н. Бороздин, Б. Г. Вебер, В. Н. Габашвили, А. Л. Гальперин, И. М. Гасанов, Х. Г. Гимади, Я. С. Гросул, А. Н. Гулиев, А. И. Данилов, Т. Я. Драудин, В. А. Дунаевский, В. Е. Иллерицкий, И. З. Ионина, С. А. Каштанов, И. Н. Кобленц, Л. А. Коваленко, Б. П. Козьмин, Р. П. Конюшая, М. А. Коростовцев, Ф. А. Кудрявцев, Н. А. Машкин, Б. Г. Могильницкий, Н. А. Мохов, В. Я. Непомнин, С. А. Никитин, В. Н. Перцев, Ю. З. Полевой, Э. К. Путный, А. А. Семенов, К. В. Сивков, Н. А. Смирнов, А. М. Станиславская, С. А. Токарев, З. В. Удальцов, Л. В. Черепнин, В. Ф. Шахматов, А. М. Эльчибеян, В. Л. Янин, В. К. Яцунский.

Основные авторы указаны в оглавлении, прочие формы авторства и соавторства — в тексте, в соответствующих примечаниях.

С 16 по 20 марта 1959 г. проходила конференция по обсуждению рукописи настоящего, второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР» с участием историков союзных республик и различных научных центров РСФСР. Выступило около 30 историков, сделавших ценные замечания, принятые во внимание при окончательной его доработке. Редакция приносит благодарность участникам совещания и авторам письменных отзывов о рукописи: Г. Б. Акопову (Туркменская ССР), С. А. Асиновской (Институт истории АН СССР), И. Н. Бороздину (Воронеж), И. М. Гасанову (Азербайджанская ССР), Е. В. Гутновой (МГУ), Т. Я. Драудину (Латвийская ССР), В. А. Дунаевскому (Гос. библиотека им. В. И. Ленина), Ю. И. Жюгжде (Литовская ССР), А. А. Зимину (Институт истории АН СССР), В. Е. Иллерицкому (Историко-архивный институт), Б. С. Итенбергу (Институт истории АН СССР), Б. А. Каменецкому (Гос. историческая библиотека), Л. А. Коваленко (Ужгород), Ф. А. Кудрявцеву (Иркутск), И. С. Кравченко (Белорусская ССР), И. Я. Лернеру (Мичуринск), В. И. Мендельсону (Гос. историческая библиотека), Н. А. Мохову (Молдавская ССР), Ю. З. Полевому (Институт истории АН СССР), Э. К. Путныню (Саратов), П. Г. Рынзюнскому (Институт истории АН СССР), Б. Г. Сафронову (МГУ), Е. И. Чернышеву (Казань), Л. В. Черепнину (Институт истории АН СССР) и др.

Научно-вспомогательную и организационную работу по тому вела Р. А. Киреева.

Глава I

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ. РАБОТЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО, Н. А. ДОБРОЛЮБОВА И ИХ СОРАТНИКОВ

Важнейшей особенностью общественно-политической борьбы в России в середине прошлого века было деятельное участие в ней в качестве основной прогрессивной силы революционеров-демократов во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Они внесли значительный вклад в развитие русской исторической мысли. Творчески развивая и обогащая традиции Радищева и декабристов в изучении истории и в особенности исторические воззрения своего великого учителя Белинского, а также критически осваивая с демократических позиций лучшие достижения современной им русской и зарубежной историографии, Чернышевский, Добролюбов и их соратники разработали теоретическое обоснование политической программы революционной демократии, смогли придать законченное выражение революционно-демократической исторической концепции и противопоставить ее охранительному и либерально-буржуазному пониманию истории.

Революционно-демократическое направление в русской историографии прошло в своем идейном и научном развитии ряд этапов. Первый из них связан с развернувшейся в 40-х годах XIX в. деятельностью Белинского, Герцена, Огарева. Второй этап, 50—60-е годы, ознаменовавшийся высшим подъемом революционной и научно-теоретической деятельности демократического направления, неразрывно связан с именами Чернышевского и Добролюбова.

Исторические условия этого периода во многом отличались от условий 40-х годов, когда протекала деятельность первых

представителей революционной демократии. В России назревала революционная ситуация, что заставило царизм и господствующий класс помещиков вступить на путь реформ, могущих предотвратить демократическую революцию.

В борьбе против угрозы народной революции самодержавное правительство и крепостники получили поддержку со стороны либералов. В этих условиях разногласия, имевшиеся в крепостнически-либеральном лагере, свелись, как указывал Ленин, к борьбе «*исключительно* из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти»¹.

Господствующим классам противостояло закрепощенное крестьянство, боровшееся за революционное уничтожение крепостного права и демократизацию политического строя России. Чернышевский и Добролюбов вместе со своими единомышленниками выступили убежденными защитниками интересов крестьянства и выполнили задачу создания теоретически обоснованной революционной программы. Решительно борясь за уничтожение самодержавно-крепостнического строя в России, они одновременно настойчиво разоблачали либералов, соглашательская идеология которых и установка на реформы «сверху» были препятствием для подготовки и осуществления народной революции и реализации демократической программы.

* * *

В 50—60-х годах продолжалась деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Покинув Россию и создав за границей вольную русскую прессу, они получили возможность открыто пропагандировать свои революционные убеждения, свободно разрабатывать многие важные вопросы истории. В их числе — проблема народных антикрепостнических движений в России, история русского освободительного движения и передовой общественной мысли, история революционного движения в Западной Европе.

Конечно, не преодоленная Герценом и Огаревым в 50-х годах дворянская ограниченность их воззрений, свойственные им отступления от демократизма к либерализму определяли известное различие между ними и последовательными демократами Чернышевским и Добролюбовым. Но все эти деятели были революционерами, связанными принципиальной общно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

стью убеждений, принадлежностью к единому революционно-демократическому лагерю. В силу этого решающего обстоятельства Герцен и Огарев выступали соратниками Чернышевского и Добролюбова также и в теоретическом обосновании революционно-демократической исторической концепции, в творческой разработке коренных проблем всеобщей и русской истории².

Однако отношения между названными деятелями в конце 50 — начале 60-х годов существенно изменились. Если Чернышевский и Добролюбов в период формирования воззрений испытали значительное влияние со стороны Герцена, то теперь, напротив, на Герцена и его сподвижника Огарева оказывали влияние признанные идеологи демократического движения в России Чернышевский и Добролюбов. В решении вопросов о необходимости народной революции в России, о роли народных масс в истории и о предстоящих революционных преобразованиях в России они помогали Герцену и Огареву преодолевать их либеральные колебания, содействовали их утверждению на позициях революционного демократизма, в частности в трактовке ими исторических проблем.

В 50—60-х годах в разработке исторических проблем принял участие значительно более широкий круг демократических деятелей, нежели в 40-х годах. Если Белинский, а также Герцен и Огарев до их отъезда за границу разрабатывали исходные положения своей исторической концепции без существенного содействия со стороны немногих единомышленников, то Чернышевский и Добролюбов были окружены многочисленными соратниками, принимавшими деятельное участие в теоретическом обосновании революционно-демократических устремлений, в том числе и в освещении истории с демократических позиций. Особую роль в этом отношении выполняли сотрудники «Современника» Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович, тесно примыкавшие в этот период к демократическому лагерю А. П. Щапов и Г. З. Елисеев, а также видные представители демократического движения в России — Д. И. Писарев и великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин³. Именно поэтому можно с полным правом говорить о революционно-демократическом

² Исторические взгляды А. И. Герцена на всем протяжении его деятельности освещены в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР». Поэтому в настоящем томе будут отмечены лишь те их черты, которые дополняют характеристику революционно-демократического направления в русской историографии в 50—60-х годах XIX в.

³ Для изложения исторических взглядов Д. И. Писарева и М. Е. Салтыкова-Щедрина в настоящей главе были использованы материалы В. А. Дунаевского.

направлении в развитии русской исторической мысли 50—60-х годов.

В статьях и в обобщающих работах на исторические темы, в пространных исторических экскурсах, содержащихся в их публицистических, литературно-критических, философских и экономических произведениях, в многочисленных и исключительно ценных по своему содержанию рецензиях на исторические труды, сборники исторических материалов, учебные пособия по истории, а также в дневниках и переписке⁴ революционеры-демократы оставили глубокие оценки важнейших этапов истории человечества, особенно истории России. Эти высказывания отразили самостоятельное понимание ими закономерностей исторического процесса, движущих сил истории, задач демократической исторической науки. Они освещали наиболее существенные для того времени конкретные исторические проблемы.

Основная роль в обосновании теоретических принципов демократической исторической науки принадлежит Чернышевскому и Добролюбову. В этом смысле можно говорить о школе Чернышевского и Добролюбова в русской историографии и в историографии народов СССР.

Воздействие теоретических принципов Чернышевского и Добролюбова особенно проявилось в воззрениях Михайлова, Н. Серно-Соловьевича, а также Антоновича и Елисеева, которые в своих произведениях ставили и разрешали некоторые социологические проблемы и вопросы истории, преимущественно русской. В ряде случаев названные деятели, как сотрудники «Современника», на страницах которого они публиковали значительную часть своих исторических работ, следовали прямым указаниям Чернышевского и Добролюбова, являвшихся идейными руководителями журнала.

Деятели революционно-демократического лагеря были тесно связаны единством общественно-политических и теоретических взглядов. Это принципиальное единство характеризует и выдвинутую революционными демократами историческую концепцию. Вместе с тем исторические взгляды отдельных представителей революционной демократии имели свои индивидуальные особенности, вклад каждого из них в развитие демократической исторической концепции был своеобразен. Яркий пример этого — замечательное творческое содружество Чернышев-

⁴ Произведения революционеров-демократов, в которых они раскрывали свои исторические взгляды, требуют особых приемов изучения. Исследователь должен учитывать их подцензурный характер и знать способы обхода цензурных препятствий со стороны демократических деятелей, должен учитывать полемическую направленность их произведений, эволюцию и особенности воззрений каждого из них.

ского и Добролюбова, в котором каждый из них занимает свое особое место.

Чернышевскому принадлежит заслуга углубленной и многосторонней разработки теоретических, методологических принципов демократической исторической науки. В области всеобщей истории он с большим интересом занимался историей кризисных, революционных периодов, особенно французской революции конца XVIII в. и революций 1830 и 1848 гг. во Франции. Основные проблемы русской истории также получили творческую разработку в ряде работ Чернышевского. В центре его внимания при занятиях отечественной историей стояли проблемы народных движений, буржуазной реформы и общественного движения 60-х годов, исторической роли и перспектив русского капитализма.

Большое значение для развития русской исторической мысли имел его глубокий анализ вопросов истории русской литературы в ее связи с передовой общественной мыслью.

В ряде критических статей и рецензий Чернышевский дал оценку достижений лучших представителей как русской, так и зарубежной исторической науки и вскрыл одновременно присущие дворянской и буржуазной историографии черты идейной и научной ограниченности.

В своих замечательно ярких, талантливых литературно-критических статьях Добролюбов, останавливаясь на страшных картинах жестокого, косного быта предреформенной дворянско-купеческой России, нарисованных Гончаровым и Островским, сумел показать ту «неестественность общественных отношений», те глубинные социальные процессы, которые привели к кризису самодержавно-крепостнического строя. Добролюбов показал вместе с тем и неизбежность гибели «темного царства», вызревающий «протест против бесправия и произвола»⁵. Большой интерес вызывала у Добролюбова и проблема преобразований в России в первой четверти XVIII в. — здесь он противопоставил свое понимание значения петровских реформ взглядам реакционного лагеря⁶.

Глубоки высказывания Добролюбова по вопросам развития русской общественной мысли. Борьба русских просветителей второй половины XVIII в. против самодержавия, деятельность Белинского, философские течения 40-х годов получили в его статьях яркое, пронизанное боевой революционной направленностью освещение.

В области всеобщей истории, которой Добролюбов занимался в меньшей мере, чем Чернышевский, его особенное

⁵ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I—VI. М., 1934—1941. т. II. стр. 85, 332, 333.

⁶ Там же, т. III, стр. 114—212.

внимание привлекала борьба за воссоединение Италии. В ряде на редкость острых, темпераментных статей он вскрыл трусость и половинчатость итальянского буржуазного либерализма и противопоставил типичному его представителю — графу Кавуру — народного героя Италии — Гарибальди.

Н. В. Шелгунов осветил широкий круг проблем как всеобщей, так и русской истории, в том числе и такие проблемы, которые не затрагивались Чернышевским и Добролюбовым. Так, он имел возможность шире показать развитие буржуазных отношений и углубление противоречий между пролетариатом и буржуазией в капиталистических странах, чему содействовало наблюдение им западноевропейской действительности в 70—80-х годах прошлого века, а также знакомство его с некоторыми положениями марксизма. Не став марксистом, он, однако, способствовал ознакомлению передовых кругов России со взглядами Маркса и Энгельса, внимательно изучил некоторые их работы, испытал их влияние в трактовке отдельных вопросов.

Изучение марксизма помогло также освобождению Шелгунова от народнических иллюзий о спасительной роли русской общины как основы «самобытного» развития России. С течением времени, особенно в 80-х годах прошлого века, он пришел к выводу относительно неизбежности развития капитализма в нашей стране.

Шелгунов написал значительное число работ по истории России как обобщающего характера, так и по отдельным важным проблемам. Так, продолжая традиции Чернышевского и Добролюбова, он много занимался изучением истории русского крестьянства, в частности истории антикрепостнических крестьянских движений, раскрыв эту тему полнее, чем это сделали его идейные вдохновители.

Однако Шелгунов не всегда оставался на уровне теоретических достижений Чернышевского и Добролюбова в объяснении истории. В исторических воззрениях Шелгунова более определенно выявлялась их идеалистическая основа, слабее были выражены материалистические тенденции в понимании исторического процесса, чем у Чернышевского и Добролюбова.

50-е годы — первая половина 60-х годов были периодом высшего подъема антикрепостнического движения в России. К этому же времени относятся и высшие достижения научно-теоретической мысли революционной демократии. Первая революционная ситуация 1859—1861 гг. не привела к революции. Временный спад революционного наступления на самодержавие, усиление политической реакции, быстрое развитие капиталистических отношений в той или иной степени наложили свою печать на теоретические воззрения представителей революцион-

ной демократии в последующие годы. Кроме того, ряд виднейших деятелей ее в это время уже не принимал непосредственного участия в революционной и теоретической работе. В 1861 г. умер Добролюбов. В том же году был арестован Михайлов, затем в 1862 г.—Чернышевский и Н. Серно-Соловьевич.

Антонович и Елисеев в дальнейшем проявляли колебания в защите демократических принципов. Более того, Елисеев закончил свою деятельность либеральным народником, взгляды которого в 80-х годах уже мало отличались от взглядов буржуазных либералов. Писарев, Шелгунов и Салтыков-Щедрин оказались способными не только защищать, но и развивать демократические принципы своих учителей.

С коренными принципами идей Чернышевского и Добролюбова Писарев солидаризировался еще в первых статьях, помещенных в 1861—1862 гг. в журнале «Русское слово». В середине 60-х годов, в условиях спада демократического движения в России, Писарев проявлял иногда непоследовательность в защите демократических принципов, допускал и некоторые уступки позитивизму в понимании общественного развития, переоценивая роль географической среды, а также распространения естественно-научных знаний в историческом прогрессе. В этой связи он давал положительные оценки воззрениям Бокля и основоположника позитивизма О. Конта. В последние годы жизни, особенно в период сотрудничества в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Писарев преодолел свою неустойчивость в защите демократических принципов, в разрешении вопросов истории и современности с демократических позиций. В своих произведениях он уделял главное внимание разработке вопросов всеобщей истории. Некоторые из них он раскрывал с большей полнотой, чем Чернышевский и Добролюбов, таково, например, освещение истории буржуазной революции во Франции конца XVIII в., данное им в ряде статей. Социально-политические и исторические взгляды Писарева не содержали в себе народнических тенденций. Он никогда не идеализировал русскую общину. Напротив, в условиях пореформенного развития России Писарев уделил значительное внимание проблеме капитализма, допуская возможность утверждения капиталистических отношений в России, а также пристально следил за развитием пролетарского движения в Западной Европе.

Исторические взгляды великого русского сатирика, революционера-демократа М. Е. Салтыкова-Щедрина отличались большей демократической последовательностью, чем воззрения Писарева. Широта исторического кругозора соединялась у Салтыкова-Щедрина с боевой полемической заостренностью его

выступлений по вопросам истории против основных принципов и выводов дворянской и буржуазной историографии. Салтыков-Щедрин беспощадно высмеивал идеализацию крепостнических отношений славянофилами — пошлую идиллию прошлого, по меткому его выражению⁷. Резко выступал Салтыков-Щедрин и против государственной школы. В его произведениях нашел отражение обширный круг исторических проблем, в том числе и тех, которые были выдвинуты новыми условиями русской и западноевропейской действительности 70—80-х годов прошлого века, освещение которых он всегда умело связывал с разрешением самых злободневных вопросов современности. Будучи одним из последних представителей революционно-демократического направления, Салтыков-Щедрин в 70—80-х годах с большой душевной болью сознавал невозможность в тот момент победы народной революции и неизбежность для России капиталистического развития, что он считал бедствием для русского народа.

* * *

Чернышевский придавал важнейшее значение общественным наукам. «Как ни возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы,— писал он,— человек важнее, интереснее всего для человека. Потому, как ни высок интерес, возбуждаемый астрономиею, как ни привлекательны естественные науки,— важнейшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человеке»⁸.

Одним из основных разделов «науки о человеке» Чернышевский считал историческую науку. Она призвана, по его мнению, пробуждать в людях общественные интересы и потому должна служить фундаментом образования. Именно в этом смысле следует понимать широко известное высказывание Чернышевского: «...можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно»⁹.

Чернышевский и Добролюбов, как и другие выдающиеся представители демократического лагеря, не выступали как историки-профессионалы. Но бесспорен огромный интерес и большое внимание, которое они уделяли в своих произведениях исторической тематике. Идеологи демократического движения

⁷ Н. Щедрин. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. I—XX. М., 1933—1941, т. VI, стр. 270.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953, т. II, стр. 616.

⁹ Там же, стр. 546.

обладали разносторонними конкретными познаниями в этой области, умением глубоко анализировать содержание источников и самостоятельно оценивать исторические события и явления. Их стройные теоретические воззрения помогли раскрыть с революционно-демократических позиций движущие силы и закономерности исторического процесса.

Во времена Чернышевского и Добролюбова в еще большей мере, нежели в 40-х годах, повысился интерес к исторической науке. Идеологи демократического движения, вслед за Белинским и Герценом, видели в ней важное средство теоретического обоснования политической программы революционной демократии, в центре которой стояла задача народной революции в России. Чернышевский и Добролюбов убедительно доказывали, что задача эта поставлена самим ходом развития страны.

Исторические взгляды выдающихся деятелей демократического движения были глубоко связаны с их революционными политическими убеждениями. Чернышевский и Добролюбов критически пересмотрели предшествующие и современные им исторические теории, вскрыли с демократических позиций их несовершенство, обогатили и развили революционно-демократическую историческую концепцию, созданную их предшественниками — Белинским и Герценом.

Н. Г. Чернышевский уделил преобладающее внимание методологическим вопросам и критике представлений дворянских и буржуазных историков, русских и зарубежных в таких своих произведениях, как «Сочинения Т. Н. Грановского» (1856), «Экономическая деятельность и законодательство» (1859), «г. Чичерин как публицист» (1859), «Суеверие и правила логики» (1859), в «Замечаниях на книгу Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии»» (1860—1861), в статье «О причинах падения Рима» (1861), «Примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса» (1863) и ряде других. Н. А. Добролюбов эти вопросы освещал в работах: «Жизнь Магомета» (1858), «Роберт Овен и его попытки общественных реформ» (1859), «От Москвы до Лейпцига» (1859). Вопросы методологии освещены и в статьях Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» (1861), «Исторические идеи Огюста Конта» (1865), а также в работах Н. В. Шелгунова, Н. А. Серно-Соловьевича и других демократических деятелей.

Исходным пунктом воззрений революционных демократов на исторический процесс было признание подчинения его объективной закономерности. Н. А. Серно-Соловьевич, например, писал, что «историческую жизнь народов и всего человечества управляют постоянные, неизменные законы... Счастье или несчастье народов, успех или неуспех предприятий, процвета-

ние или упадок государств зависят от неизменных законов»¹⁰. Формулировка Н. Серно-Соловьевича о «постоянности и неизменности» законов истории недостаточно отчетлива, но содержит по существу признание им объективного характера законов исторического развития. Открытие объективных законов развития человеческого общества революционные демократы считали основной задачей передовой исторической науки и не сомневались в возможности ее успешного разрешения: «Законы развития человеческих обществ,— писал Шелгунов,— могут быть неизвестны, как неизвестны до сих пор вполне законы, управляющие остальным миром, но из этого не следует, чтобы их не существовало, или чтобы они зависели от личной воли отдельных людей»¹¹.

Законы истории, полагали идеологи демократического движения, могут быть открыты, если ученый будет вооружен передовым мировоззрением, позволяющим ему раскрыть внутренние силы развития общества и верно оценить исторические события. Первая задача его, указывал Чернышевский, заключается в том, чтобы «...передать прошедшее; вторая, исполняемая не всеми историками,— объяснить его, произнести о нем приговор... исполняя вторую задачу, историк становится мыслителем, и его творение приобретает научное достоинство»¹². Этому требованию не отвечали дворянские и буржуазные исследователи, поскольку они руководствовались отсталыми теориями, в основе которых лежало отрицание творческой роли народных масс в развитии общества. Такие теории, по единодушному мнению революционных демократов, исключали возможность правильного понимания закономерностей и движущих сил истории. Становившиеся «модными» во времена Чернышевского и Добролюбова позитивистские теории так же подверглись со стороны великих русских мыслителей решительной критике. Отвергая возможность механического распространения законов природы на познание развития общества, они указывали, что законы исторического процесса столь же объективны, как и законы природы, но вместе с тем подчеркивали неко-

¹⁰ Сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 73.

¹¹ Н. В. Ш е л г у н о в. Начала общественного быта.— «Русское слово», 1863, ноябрь и декабрь, стр. 37. Ошибочные суждения в рассматриваемом вопросе встречаются в произведениях Д. И. Писарева, преимущественно ранних. Так, он заявлял, что «история есть осмысление события с личной точки зрения автора; каждая политическая партия может иметь свою всемирную историю, и действительно имеет ее» (Д. И. П и с а р е в. Полн. собр. соч. в шести томах. СПб., 1896—1907, т. 1, стр. 310). Однако такие суждения не были характерны для революционеров-демократов, да и сам Писарев впоследствии неоднократно высказывал иное понимание объективных закономерностей истории и задач исторической науки.

¹² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 111.

торые особенности общественного развития. «Элементы и процессы в истории общества,— писал Чернышевский,— гораздо сложнее, нежели в истории природы и поэтому следить за их законами гораздо труднее»¹³. В соответствии с этим Н. П. Огарев заявлял: «...я не могу согласиться с сравнением зоологического и исторического развития... Разница между общественной и зоологией — огромная»¹⁴.

Трудности, связанные с познанием закономерностей общественных явлений, не были до конца преодолены революционерами-демократами, в том числе и наиболее выдающимся мыслителем среди них — Чернышевским. Объективную основу общественного развития они видели в «человеческой природе» с ее естественными потребностями, в идеях и в просвещении, в общественном сознании, а не в способе производства материальных благ, что исключало для демократических деятелей возможность научного понимания движущих сил и закономерностей истории. В воззрениях революционеров-демократов содержались лишь материалистические тенденции в оценке отдельных исторических процессов и явлений. Это не выводило их в конечном итоге за пределы исторического идеализма в трактовке коренных основ общественного развития.

Важнейшую из объективных закономерностей общественного развития революционные демократы усматривали в его непрерывном и, по общей тенденции, поступательном движении, прогрессе. Как и все революционеры-демократы, Чернышевский усматривал источник прогресса в стремлении людей к более полному удовлетворению своих потребностей — потребностей в труде и в достижении материального благосостояния, но движущей силой прогресса и его критерием он считал умственное совершенствование людей.

Исходя из антропологического положения о едином проявлении качеств «человеческой природы» у всех людей, революционные демократы со всей определенностью утверждали, что законы истории являются едиными для всех народов. Этот вывод лежал в основе их решительного протеста против деления народов на «избранные», «высшие», и «низшие», в основе их твердого убеждения в антинаучном и реакционном характере расистских «теорий».

Вслед за Белинским и Герценом Чернышевский и Добролюбов видели основную творческую силу истории в народных массах. В этом смысле их исторические взгляды, как и взгляды всех представителей революционно-демократического направления в русской историографии, принципиально отличались от

¹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 12.

¹⁴ «Литературное наследство», т. 61. М., 1953, стр. 202, 203.

взглядов дворянских и буржуазных историков. Творцами истории Чернышевский считал людей из народа, которые своими руками производят все национальное богатство¹⁵. Он подчеркивал, что «сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа»¹⁶. Добролюбов, упрекая историков в том, что они «никогда не хотят обратить ни малейшего внимания» на историческое развитие народа, с полной определенностью заявлял: «история самая живая и красноречивая будет все-таки не более, как прекрасно сгруппированным материалом, если в основании ее не будет положена мысль об участии в событиях всего народа, составляющего государство»¹⁷.

Соратники Чернышевского и Добролюбова полностью разделяли их взгляды. Так, Шелгунов утверждал, что «несмотря на свою научную и техническую неразвитость, народный элемент представляет основную экономическую силу страны. Все производится им, и общее материальное довольство всякой нации зависит исключительно от успешности народного хозяйства»¹⁸. Н. Серно-Соловьевич писал: «Государство в целом составе и каждый человек, отдельно взятый, могут существовать только при ежедневно возобновляемом производстве трудящихся»¹⁹. Тожественную позицию в этом вопросе занимали Щапов, Писарев и Салтыков-Щедрин. «Действующая сила лежала и лежит всегда и везде — не в единицах, не в кружках, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно — в экономических условиях существования народных масс», — говорил Писарев²⁰. Только «*глас народа...* определяет своим громко произнесенным приговором течение исторических событий»²¹. Поэтому «история должна быть осмысленным и правдивым рассказом о жизни массы»²². По мнению Салтыкова-Щедрина, жизнь народа «составляет конечную цель истории... в ней одной заключается все будущее благо... она и в настоящем заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немислима»²³. Салтыков-Щедрин полагал, в противоположность дворянским и буржуазным историкам, что народ выступает в истории как сила «не анархическая, а устроительная».

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 181.

¹⁶ Там же, т. V, стр. 217.

¹⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 334, 120.

¹⁸ Н. В. Шелгунов. Начала общественного быта. — «Русское слово», 1863, ноябрь — декабрь, стр. 34.

¹⁹ Сб. «Революционное движение 1860-х годов», стр. 96.

²⁰ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 3, стб. 171.

²¹ Там же, т. 4, стб. 400.

²² Там же, т. 3, стб. 114.

²³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. V, стр. 323.

Раскрывая в историческом процессе борьбу нового со старым, неодолимость всего прогрессивного и революционного, демократические деятели на основе внимательного изучения истории человечества, и особенно ее революционных и переломных периодов, доказывали, что носителем революционного начала в истории и важнейшим двигателем в смене общественных форм неизменно выступали народные массы. Так, Писарев подчеркивал их роль во французской революции конца XVIII в. Чернышевский считал, что успех революций 1830 и 1848 гг. во Франции был решен народом.

Это положение являлось стержнем революционно-демократической исторической концепции. В условиях назревания революционной ситуации в России Чернышевский и Добролюбов придали первостепенное значение разработке проблемы о роли народных масс в истории и пошли в этом направлении дальше Белинского, а также Герцена и Огарева.

Конечно, эта проблема не имела у революционных демократов последовательно материалистического обоснования, впервые данного марксизмом-ленинизмом. Решение этой задачи для них оказалось непосильным, так как они не поднялись до понимания материальных основ общественного развития и потому не в состоянии были понять, что трудящиеся — важнейший элемент производительных сил общества; они не могли раскрыть роли народных масс во всех ее исторических проявлениях, не определили четко классовые силы, составляющие народные массы. Тем не менее твердое убеждение всех революционеров-демократов в том, что народные массы являются главной силой истории, высоко поднимает их над представителями дворянско-буржуазной историографии и составляет самую главную особенность и отличительную черту демократического истолкования истории.

Высокий теоретический уровень исторических воззрений революционеров-демократов нашел свое выражение в признании ими исторического процесса противоречивым и скачкообразным, осуществляющимся через борьбу нового со старым, нарождающегося с отживающим, прогрессивных социальных сил с реакционными, осужденными историей на гибель. Чернышевский и Добролюбов глубже, нежели их предшественники, разработали вопрос о борьбе угнетенных с угнетателями, о классовой борьбе и революциях как движущих силах исторического прогресса; связь этих вопросов с признанием решающей роли народных масс в истории была у них более органической.

Добролюбов видел содержание истории в борьбе «аристократии с демократией» и рассматривал «уничтожение дармоедов и возвеличение труда» как постоянную тенденцию

истории²⁴. Указывая, что на протяжении тысячелетий народные массы угнетаются, Добролюбов замечал: «...только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации»²⁵.

Революционные демократы придавали борьбе трудящихся против угнетателей первостепенное значение. Они приближались к пониманию классовой борьбы как движущего начала истории. Раскрывая противоречивость и скачкообразность исторического прогресса, они развивали мысли об исторической роли борьбы угнетенных с угнетателями и в особенности революционных преобразований в истории. В. И. Ленин писал, что от сочинений Чернышевского — самого выдающегося русского революционера-демократа — «веет духом классовой борьбы»²⁶.

Однако не дав четкого определения классов, не достигнув ясного понимания значения уровня материального производства и частной собственности на средства производства как коренных условий существования классов и ошибочно полагая, что основой деления общества на классы является форма распределения продуктов производства, революционные демократы не могли, конечно, разработать и научной теории борьбы классов.

Чернышевский наиболее глубоко обосновал положение о роли экономического фактора в истории. Он писал о «материальных условиях быта», «играющих едва ли не первую роль в жизни»²⁷, о том, что «во всех делах экономическая сторона очень важна»²⁸. Еще более отчетливо свои суждения о роли «обстоятельств экономической жизни» в истории Чернышевский выразил в «Примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса» (1863). Указав здесь на мысль английского историка Бокля, что «история движется развитием знания», Чернышевский заявлял: «Если дополним это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования»²⁹. Тем самым Чернышевский ближе всех других революционеров-демократов подо-

²⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 267.

²⁵ Там же, т. IV, стр. 394.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

²⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 357.

²⁸ Там же, т. V, стр. 599.

²⁹ Там же, т. X, стр. 441.

шел к материалистическому пониманию истории. В. И. Ленин отмечал в воззрениях Чернышевского «зачаток исторического материализма»³⁰. Добролюбов, как и Чернышевский, подчеркивал роль экономического фактора в истории. Он указывал на «нужду и голод», как на причины борьбы народа против своих угнетателей, а также на развитие промышленности как условие экономического прогресса.

Понимание важного значения экономического фактора в историческом прогрессе было свойственно и другим революционерам-демократам. Так, Шелгунов писал: «Экономическое начало является основным двигателем всех внутренних и внешних отношений»³¹. Он полагал, что «потребности, удовлетворение их и следовательно экономически производительный труд — вот основная форма социально-экономической деятельности»³². Однако Шелгунов, как и другие демократические деятели, подразумевал под «экономическим началом» не способ производства материальных благ в его научном понимании, а добывание и распределение средств жизни, т. е. не стоял в этом вопросе на последовательно материалистических позициях.

Исходя из положения о важном значении экономического фактора, Чернышевский пытался наметить этапы исторического прогресса, определить особенности каждого из них. Не будучи в состоянии научно, материалистически истолковать историю, он не мог вполне разрешить эту задачу. Но он отметил некоторые существенные признаки общественного строя на тех сменяющих друг друга этапах исторического развития человечества, которые мы в настоящее время называем первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным и капиталистическим. Каждый из них характеризовался, по его мнению, определенной формой «экономического быта». Так, Чернышевский отмечал, что совместное владение землей лежало в основе первобытнообщинного строя³³; при господстве рабства не только земля, но и личность трудящегося принадлежали рабовладельцу, что определило особенности общественного строя рабовладельческих государств³⁴; собственность вотчинников на землю обусловила их политическое преобладание в период господства феодальных отношений³⁵; собственность капиталистов

³⁰ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 54.

³¹ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I—II. СПб., 1895, т. I, стб. 502

³² Там же, т. II, стб. 254.

³³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 573.

³⁴ Там же, т. IX, стр. 437—438; т. IV, стр. 482

³⁵ Там же, т. VII, стр. 32; т. IX, стр. 505.

на средства производства привела их к экономическому и политическому господству в буржуазном обществе³⁶.

Чернышевский не выявил специфические закономерности каждого из отмеченных им этапов общественного развития, не раскрыл преемственности этих этапов и законов смены указанных им форм «экономического быта». Он был еще далек от марксистского учения об общественно-экономических формациях, не понимал решающего значения развития производительных сил в поступательном ходе истории, не давал им научного определения и потому нередко высказывал ошибочные суждения относительно смены общественных форм и в оценке их особенностей. Так, Чернышевский ошибочно утверждал в своей статье «О причинах падения Рима» (1861), что установление феодальных отношений представляло собой шаг назад в общественном развитии сравнительно с античным рабовладельческим строем.

Однако самая попытка установить этапы общественного прогресса, отдельные, верные в своем существе суждения относительно ряда существенных признаков этих этапов составляют несомненную заслугу Чернышевского и характеризуют его взгляды как наиболее глубокие в домарксовую историографии.

Серьезное внимание, уделявшееся революционерами-демократами вопросу об экономической стороне общественного развития, связано с разрешением коренного для них вопроса о роли народных масс в истории, для которых экономические условия существования всегда имеют первостепенное значение и которые вместе с тем своей трудовой деятельностью вносят наиболее существенный вклад в экономический прогресс каждой страны. Говоря о революции 1848 г. во Франции и событиях в Италии в период борьбы за национальное освобождение и воссоединение страны, Чернышевский подчеркивал важность требований народа об улучшении своего материального положения. Писарев, анализируя причины революционных событий во Франции в конце XVIII в., указывал на экономические условия существования народных масс как на главную причину революции.

Признание народных масс основной движущей силой истории позволяло революционным демократам с большой глубиной решать такие сложные и важные исторические проблемы, как роль личности в истории, государства в общественном развитии, соотношение между реформой и революцией.

Отдельные демократические деятели иногда высказывали неверные суждения о роли личности в истории. Так, Герцен в 40—50-х годах, ссылаясь в особенности на пример Петра I, пе-

³⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 32—34.

реоценивал роль выдающихся личностей. Напротив, Писарев допускал недооценку роли личности, когда называл великих деятелей «мудрителями над жизнью», относя к последним того же Петра I. В целом революционеры-демократы критиковали субъективно-идеалистические воззрения на роль личности в истории представителей дворянско-буржуазной историографии, полагавших, что выдающиеся деятели оказываются способными изменять по своей воле ход истории. Вместе с тем революционеры-демократы были далеки и от фатализма, присущего некоторым буржуазным историкам, а также от обусловленной им недооценки роли личности в истории. Так, Добролюбов задачу историка-демократа видел в том, чтобы стремиться показать, как великий человек умел «воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе»³⁷.

Революционные демократы ставили деятельность великих людей в зависимость от решающей роли в истории народных масс. Чернышевский хорошо раскрыл это положение на примере французской истории конца XVIII — начала XIX в. В статье «Июльская монархия» он писал: «...простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году»³⁸. В полном соответствии с этим суждением Чернышевского находится заявление Шелгунова: «Велик народ и человечество в его совокупных стремлениях, а не отдельный человек, являющийся только представителем этих стремлений»³⁹. Если бы деятельность великих людей подменяла собой деятельность народа, полагал Писарев, то «нам, простым смертным, пришлось бы отказаться от всякой самодеятельности; за нас думали, чувствовали и жили бы разные герои, мудрецы и гении»⁴⁰.

Указывая на решающую роль объективных исторических обстоятельств для успешной деятельности выдающихся личностей, Салтыков-Щедрин писал: «...надобно не только родиться героем, но и чтоб обстоятельства расположились так, чтобы сделать из вас героя»⁴¹.

³⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 120.

³⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 153.

³⁹ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I, стб. 71.

⁴⁰ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., дополнительный выпуск, стр. 14.

⁴¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. I, стр. 330—331.

Однако в указанных границах роль великих личностей в истории, по мнению революционеров-демократов, была и продолжала оставаться весьма значительной.

Проблему роли государства в истории революционные демократы также разрешали в неразрывной связи с вопросом о значении народных масс в общественном развитии. Их взгляды на государство характеризуются революционным подходом к этой проблеме, принципиально отличным от подхода к ней дворянских и буржуазных историков России и Западной Европы.

Так, Чернышевский и Добролюбов, наиболее четко изложившие свои воззрения на роль государства в общественном развитии, считали неизбежным создание государственной организации на известном этапе исторического прогресса, когда возникла частная собственность. Государство, по мнению Чернышевского, не выражает собой божественного откровения, оно не представляет также воплощения «отвлеченных идей справедливости, правды и т. п.»⁴². «Столкновение интересов... приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности»⁴³.

Революционные демократы признавали прогрессивную роль государства в определенные исторические периоды, в частности во времена преодоления феодальной раздробленности и борьбы за национальную независимость, например в период борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей. Но они решительно выступали против апологетической оценки значения государственной организации, когда последняя направлялась против интересов народа и удовлетворяла интересы только привилегированных сословий. Именно поэтому Чернышевский и Добролюбов подвергали резкой критике представителей буржуазной историографии, в частности русской государственной школы, рассматривавших государство как единственную движущую силу истории. Не скатываясь к анархическим воззрениям, Чернышевский и Добролюбов подчеркивали необходимость демократической государственной организации для защиты и удовлетворения интересов народных масс в будущем, после победы народной революции.

С позиций защиты интересов народных масс рассматривался Чернышевским и Добролюбовым также вопрос о соотношении между реформой и революцией. Решение его направлялось ими против либералов, которые, боясь революционной инициативы народа, видели в реформах, проводимых «сверху», государством, и в интересах господствующих классов, единствен-

⁴² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 597.

⁴³ Там же, стр. 606.

ное средство общественных преобразований. Ориентация на реформы, осуществляемые государством, находилась у либералов в полном соответствии с их представлениями о ведущей роли государства в историческом развитии.

Чернышевский и Добролюбов, не отрицавшие необходимости реформ, частично облегчавших положение народа или дававших ему некоторые права в тех условиях, когда народные массы еще не были готовы к самостоятельному историческому действию, считали реформы вредными, тормозящими исторический прогресс тогда, когда народные массы могли добиться полного удовлетворения своих требований путем революционной борьбы. Коренные интересы народных масс, утверждал Чернышевский, могут быть удовлетворены только в результате демократической революции, призванной сломить сопротивление реакционных классов и защищающей их интересы старой государственной организации. Из этого убеждения проистекала та глубокая оценка прогрессивного значения революций в историческом развитии, которая давалась Чернышевским и Добролюбовым. «Человек, не ослепленный идеализацией,— писал еще в юности Чернышевский,— умеющий судить о будущем по прошлому... знает, что... мирное, тихое развитие невозможно... что без конвульсий (т. е. революций).— *Ред.*) нет ничего ни одного шага вперед в истории»⁴⁴. Чернышевский отчетливо сознавал, что революции обеспечивают наиболее быстрое и полное осуществление исторического прогресса. Вождь и крупнейший идеолог лагеря русской революционной демократии уверенно заявлял: «...девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы»⁴⁵. В вопросе о прогрессивном значении революций в общественном развитии Чернышевский и Добролюбов также пошли дальше Белинского и Герцена.

В отличие от Белинского, Чернышевский и Добролюбов не только в общей форме признавали неизбежность революционных преобразований, не только возлагали надежды на народную революцию в России как наиболее радикальное средство ликвидации самодержавно-крепостнического строя, но в условиях назревания революционной ситуации сумели достаточно правильно установить объективное содержание социальных

⁴⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 357. Эту же мысль обосновывал и Шелгунов, который писал: «...только борьбой определяется история, и только борьбой обуславливается прогресс» («Дело», 1868, кн. 5, стр. 41). Н. П. Огарев также заявлял: «Я не вижу в истории ни одного примера такого развития понимания, которому властвующее меньшинство уступило бы добровольно» («Литературное наследство», т. 39—40. М., 1941. стр. 346).

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 13.

процессов в нашей стране в середине прошлого века, определить расстановку классовых сил и выдвинуть задачу подготовки народной, крестьянской революции, отдав всю свою энергию ее реализации.

В отличие от Герцена и Огарева Чернышевский и Добролюбов не знали колебаний в сторону либерализма, настойчиво сплачивали революционные силы России, решительно боролись с либерализмом и подвергли критике либеральные иллюзии Герцена и Огарева, оказав влияние на развитие их убеждений в революционном направлении, содействовали их переходу на позиции революционного демократизма.

Но как бы ни были значительны материалистические тенденции в исторических воззрениях идеологов демократического движения в России, как бы ни была велика их неудовлетворенность идеалистическим пониманием истории, однако преодолеть полностью исторический идеализм им не удалось. В их воззрениях на историю содержались антропологические элементы; как просветители они отводили решающую роль в историческом прогрессе просвещению, распространению идей, считая их коренной основой исторического прогресса. Чернышевскому и Добролюбову, как и всем революционным демократам, оказалось недоступным понимание материальной основы общественного развития. Это важнейшее обстоятельство исключило для них возможность подняться до понимания того, что первостепенной и основной теоретической задачей исторической науки является изучение развития производительных сил и производственных отношений на каждом из этапов исторического прогресса, обнаружение и раскрытие законов экономического развития общества. Социально-экономическая отсталость России середины XIX в. и крестьянский характер революционности деятелей демократического движения помешали им овладеть историческим материализмом.

* * *

Чернышевский и Добролюбов отмечали и высоко ценили успехи исторической науки за многие века в накоплении фактов, расширении источниковедческой основы и совершенствовании методов исследования, а также некоторые теоретические успехи в развитии исторических знаний, например известное расширение понимания самого предмета этой науки. Они внимательно следили за новыми публикациями исторических памятников⁴⁶, за развитием вспомогательных истори-

⁴⁶ Так, Чернышевский дал, вслед за Белинским, высокую оценку публикаторской деятельности Археографической комиссии в России, полагая, как

ческих дисциплин⁴⁷ и в собственных изысканиях опирались на успехи современной науки. Эти успехи были, по мнению Чернышевского, особенно значительны на протяжении первой половины XIX в. и нашли свое выражение в работах Нибура, Шлоссера и Гизо. В статье, посвященной сочинениям Грановского, Чернышевский наряду с положительной оценкой названных западноевропейских историков, указывал на достижения передовой русской исторической науки. Труды Грановского, по его мнению, стояли на уровне лучших достижений зарубежной историографии и отличались научной самостоятельностью: «...действительно, кто вникнет в понятия Грановского,— писал он,— тот увидит, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы им часто гораздо полнее и глубже, нежели теми людьми, на которых он ссылается»⁴⁸.

Отмечая успехи в развитии современной исторической науки, Чернышевский и Добролюбов вместе с тем со всей определенностью указывали на возрастающее несоответствие между распространением в их время интереса к историческим знаниям в широких общественных кругах и неспособностью даже лучших историков разрешить важнейшую задачу исторической науки, которую отдельные из них уже начали сознавать,— открыть законы исторического развития. Вскрывая это противоречие, они делали правильный вывод, что современная им историография не соответствует научным требованиям, и полагали, что открыть законы истории можно только с демократических позиций.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали, что в дворянско-буржуазной историографии крайне узко понимался предмет исторической науки, что ее представители ограничивались по существу только политической историей, рассказом о «войнах и других громких событиях», в то время как политическая история «имеет для жизни рода человеческого только второстепенную важность»⁴⁹.

Лишь немногие историки, к числу которых Чернышевский относил Нибура, Шлоссера, Гизо и Гегеля, присоединяли к политической истории еще историю «умственной жизни...

он писал в 1854 г., что ее издания относятся к важнейшим приобретениям «нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет» (Полн. собр. соч., т. II, стр. 405).

⁴⁷ Особенно значителен был интерес к развитию вспомогательных исторических дисциплин у Чернышевского, который оставил содержательные оценки отдельных из них (о генеалогии см. Полн. собр. соч., т. II, стр. 647—649; о нумизматике — там же, стр. 781—782; о геральдике — там же, стр. 652—655; об исторической филологии — стр. 319, 375, 380, а также т. V, стр. 296 (примечание).

⁴⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 365.

⁴⁹ Там же, стр. 356.

немногочисленных классов, принимающих деятельное участие в развитии наук и литературы»⁵⁰, т. е. историю умственной жизни господствующих сословий. Еще меньше, полагал он, обращалось внимания на историю нравов. К тому же история умственной жизни и нравов не рассматривалась буржуазными историками в связи с другими сторонами общественной жизни.

Чернышевский и Добролюбов объясняли слабые стороны дворянской и буржуазной историографии принадлежностью ее представителей к защитникам интересов «высших сословий», господствующих классов. В зависимость от этого они ставили ее наиболее характерную черту — представление о государстве (в частности, о русском самодержавии) как о единственной творческой созидательной силе в историческом процессе. С этой специфической особенностью дворянской и буржуазной историографии было непосредственно связано и органически присущее ей игнорирование роли народных масс в истории и вместе с тем безразличное, равнодушное отношение к интересам народа.

Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) с горечью спрашивал: «...много ли являлось в Европе историков народа, которые бы смотрели на события с точки зрения народных выгод, рассматривали, что выиграл или проиграл народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей полководцев и т. п.?»⁵¹. Он делал вывод, что принадлежность представителей дворянско-буржуазной историографии к «высшим сословиям» определяла односторонний характер освещения ими истории.

В соответствии с этим Чернышевский и Добролюбов решительно отвергали претензию на объективность со стороны этих историков. «...У писателей аристократического образа мыслей,— указывал Чернышевский,— правда на стороне аристократии, у писателей, представляющих собою среднее сословие, правда на стороне среднего сословия, и т. д.»⁵². Называя имена известных историков — Гизо, Тьерри, Маколея, Шлоссера и ряда других, он совершенно определенно заявлял, что «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»⁵³. В сочинениях Чернышевского, Добролюбова и других революционеров-демократов была

⁵⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 356.

⁵¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 211.

⁵² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 979.

⁵³ Там же, т. V, стр. 661.

раскрыта и классовая ограниченность русских буржуазных историков — Чичерина, Соловьева и Кавелина.

Раскрывая подлинное существо «беспристрастия», «объективности» дворянских и буржуазных историков, Чернышевский и Добролюбов указывали, что эти историки, защищающие интересы отживающих классов и стремящиеся сохранить осужденные историей на уничтожение социально-экономические порядки, не могут не исказить в своих сочинениях историю и неспособны дать ей объективное освещение.

Чернышевский призывал «...расширить границы содержания науки, о какой бы отрасли исторических наук ни должна была идти речь»⁵⁴. Это расширение должно было идти в совершенно определенном направлении — в направлении изучения жизни и деятельности народных масс и выявления их творческой роли в истории.

Чернышевский видел в таком расширении содержания исторического изучения решающее условие превращения истории в подлинную науку. История станет наукой, считал он, только тогда, когда она будет изучать, «кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства», еще и такие первостепенной важности вопросы, как «нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби»⁵⁵.

Представители русской революционно-демократической исторической мысли были непримиримо враждебны реакционному официальному направлению русской историографии, сохранявшему силу и в пореформенный период, когда продолжали свою деятельность виднейшие его представители М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, М. А. Корф. Революционные демократы дали также критическую оценку воззрений виднейших буржуазных историков — Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева⁵⁶.

Для Чернышевского и Добролюбова, как и для других деятелей демократического движения в России, теоретические выводы, раскрывающие закономерности и движущие силы истории, никогда не были абстрактными формулами, но всегда являлись итогом внимательного изучения и вдумчивого анализа исторического развития человечества во всем его конкретном содержании. При этом важное значение имело

⁵⁴ Там же, т. IV, стр. 502.

⁵⁵ Там же, т. III, стр. 356.

⁵⁶ Историографическая оценка воззрений дворянских и буржуазных историков революционерами-демократами дана в очерке «Историография» (см. гл. X).

для них изучение исторического опыта западноевропейских народов. К середине XIX в. Западная Европа знала наиболее развитые формы экономической жизни и социальных отношений, а соответственно с этим и более развитые формы классовой борьбы сравнительно с феодально-крепостнической Россией. Поэтому этот исторический материал был особо ценен для определения и понимания общих закономерностей исторического процесса. Усвоение западноевропейского опыта помогало вернее понять закономерности русского исторического процесса, установить его принципиальное единство и черты различия с западноевропейским и в особенности помогало определить перспективы развития России. Обращение революционных демократов к явлениям западноевропейской и всемирной истории, использование в подцензурных произведениях соответствующих аналогий, иносказаний и других приемов «эзопового языка» помогало им в борьбе против самодержавно-крепостнического строя.

Сочетание выдающегося познавательного и общественно-политического значения изучения всемирной истории объясняет тот глубокий интерес, который питали к ней русские революционеры-демократы. Они хорошо знали труды современных им западноевропейских историков — Гизо, Тьерри, Минье, Тьера, Токвилля, Маколея, Бокля, Кинглека, Шлоссера, Гервинуса, Вебера и ряда других, давали им разностороннюю и глубокую оценку⁵⁷. Учитывая достижения западноевропей-

⁵⁷ Наиболее глубокие и развернутые оценки трудов большинства из названных западноевропейских историков принадлежат Чернышевскому. Он посвятил специальные рецензии труду Гизо «История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции» (Полн. собр. соч., т. VII, стр. 475—480), вторично вернулся к нему в статье «О причинах падения Рима» (там же, т. VII, стр. 643—668); труд Токвилля «Демократия в Америке» рассмотрен в статье «Непочтительность к авторитетам» (там же, стр. 685—706); оценка воззрений английского историка Маколея дана Чернышевским в статье «Нынешние английские виги» (там же, стр. 388—409). Книгу английского военного историка Кинглека «Вторжение в Крым, его происхождение и изложение хода его до смерти лорда Раглана» Чернышевский положил в основу своего произведения «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)» (там же, т. X, стр. 193—440). Чернышевский оставил свои замечания на книгу английского социолога и историка Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (там же, т. XVI, стр. 535—635). Добролюбов и Чернышевский были инициаторами перевода на русский язык многотомной «Истории XVIII столетия» Шлоссера. В конце своей жизни Чернышевский занимался переводом на русский язык «Всеобщей истории» Г. Вебера, снабдив ее своими содержательными комментариями, внесшими существенные коррективы в суждения и выводы немецкого историка, которого он считал посредственным ученым. Чернышевский, признавая заслуги видных представителей современной ему западноевропейской буржуазной историографии в обогащении ими исторической науки новыми материалами, невысоко оценивал теоретический уровень воззрений многих историков. Так.

ской историографии, идеологи демократического движения вместе с тем отличались самостоятельным пониманием истории человечества и потому критически относились к выводам зарубежных историков. Некоторые из них уделяли вопросам всеобщей истории преобладающее внимание⁵⁸.

В литературном наследстве Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Шелгунова, Писарева, Салтыкова-Щедрина имеются серии работ, посвященных вопросам всеобщей истории. Огарев, Михайлов, Н. Серно-Соловьевич давали оценки событиям всеобщей истории главным образом в своих статьях по вопросам современной им общественно-политической жизни России.

При всем тематическом разнообразии работ революционеров-демократов, посвященных всеобщей истории, они умели связывать их содержание с разрешением злободневных вопросов своего времени, а также с освещением тех теоретических проблем и конкретных вопросов русской истории, которые приобретали по тем или иным причинам актуальное значение.

Стремясь использовать революционный опыт всемирной истории для подготовки и победоносного осуществления народной революции в России, идеологи демократического движения сосредоточивали свое внимание на изучении переломных и революционных периодов в истории различных народов. Так, они дали проницательный и разносторонний анализ средневековых крестьянских и городских движений, например Жакерии и восстания под руководством Этьена Марселя во Франции в середине XIV в., крестьянской войне в Германии в XVI в. Они извлекали уроки из этих движений для оценки крестьянских антикрепостнических восстаний в России и раскрывали в них общие черты — широкий размах народных движений, героизм восставшего крестьянства. Отмечая прогрессивную историческую роль крестьянских восстаний в России и на Западе, революционные демократы видели вместе с тем и слабые стороны их — стихийность народных движений, неорганизованность восставших, что служило, как они правильно заключили, причиной их поражения.

в связи с анализом взглядов немецкого историка Гервинуса он писал «о младенческом состоянии исторических идей в головах большинства историков» (там же, т. X, стр. 452).

⁵⁸ См. статьи Д. И. Писарева: «Аполлоний Тианский» (1861), «Меттерних» (1861), «Очерки из истории печати во Франции» (1862), «Очерки из истории труда» (1863), «Историческое развитие европейской мысли» (1864), «Перелом в умственной жизни средневековой Европы» (1865), «Генрих Гейне» (1867), «Очерки из истории европейских народов» (1867) и ряд статей о французской буржуазной революции конца XVIII в.

В центре внимания революционеров-демократов находилась история нового времени, начиная с XVIII в., а не вопросы древней истории или средних веков, как у дворянских и буржуазных историков. История нового времени была наполнена наиболее острыми социальными конфликтами и революционными преобразованиями, в ходе которых ярко проявлялась решающая роль народных масс в борьбе с отжившими общественными отношениями. История нового времени поэтому была наиболее поучительна для революционеров-демократов, боровшихся за уничтожение феодально-крепостнического строя в России путем народной революции.

Преддверием наиболее радикальной буржуазной революции во Франции в конце XVIII в. Герцен считал реформацию и английскую революцию XVII в. «Для того, чтобы дойти до вселенского переворота конца XVIII столетия,— писал он,— надобно было испытать частные эмансипационные перевороты. Реформация торжественно заключается английской революцией»⁵⁹. Подчеркивая половинчатый характер английской революции XVII в., Герцен замечал, что она далека «от всеобъемлющего характера французской, она боится инициативы, старается каждому требованию придать историческую основу, она предоставляет только такие права, на которые она имеет исторические antecedенты, она двигается вперед, но спиною, беспрестанно смотря на прошедшее и боясь, особенно в первую половину, сознаться, что идет по вовсе не разработанной земле и новой»⁶⁰.

Незавершенность английской революции XVII в. отмечал и Н. П. Огарев, который справедливо указывал на то, что английская буржуазия, «освободившись из-под феодализма... оставила возле себя место феодализму»⁶¹.

Считая французскую революцию конца XVIII в. наиболее последовательной и радикальной из всех буржуазных революций в Западной Европе, русские революционеры-демократы уделили особое внимание анализу ее исторических предпосылок и ее результатов.

Так, Чернышевский, оценивая в своей статье «Тюрго» (1858)⁶² обстановку во Франции накануне революции, сумел показать, несмотря на цензурные препятствия, неотвратимость революционных преобразований и беспочвенность надежд Тюрго на возможность предотвращения революции при помощи реформ «сверху». Этот вывод был использован им для

⁵⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 120.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения (далее — Избранные произведения), т. I. М., 1952, стр. 327.

⁶² Н. Г. Чернышевский. т. V, стр. 292—317.

обоснования неизбежности народной революции в России и для борьбы с реформистскими тенденциями буржуазных либералов.

Герцен в 40-х годах, еще не преодолев ограниченности дворянской революционности, подчеркивал, однако, в отличие от декабристов, что решительная расправа якобинцев с силами реакции была исторически необходима. «Всякая остановка, половинность не годится, когда развитие идет вперед,— писал он.— Жиронда явным образом положила голову на плаху, ставши между якобинцами и монархистами»⁶³. Герцен высоко ценил вождя якобинцев Робеспьера и решительно поддерживал Белинского в его споре с Грановским, который защищал жирондистов, отвергал необходимость якобинского террора и порицал деятельность Робеспьера. В дальнейшем Герцен еще более утвердился в своей оценке революции во Франции в конце XVIII в. Он сумел понять исторический смысл и прогрессивное значение этой и других буржуазных революций в Западной Европе. В одной из черновых рукописей середины 50-х годов Герцен писал: «С точки зрения общей экономики, переход феодального общества в общество буржуазное является неоспоримым прогрессом»⁶⁴.

Развернутый и глубокий анализ французской буржуазной революции конца XVIII в. дал Писарев. Этому вопросу он посвятил специальную обширную статью «Исторические эскизы» (1864), в которой многосторонне раскрыл решающую роль народных масс в событиях ее начального этапа. Используя некоторое облегчение цензурных условий, Писарев сумел высказать свое отношение к изложенным вопросам с большей определенностью, чем другие революционеры-демократы. Писарев указал, что «первая причина революции заключалась... в экономическом истощении народа и государства»⁶⁵. Предпосылки французской революции конца XVIII в. освещались Писаревым в его статьях «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866) и «Французский крестьянин в 1789 году» (1868).

Писарев понимал, что движущей силой революции были народные массы: в революционных событиях проявились неисчерпаемые запасы «пламенного и беспощадного отрицания», накопленные в сознании и чувствах «всего французского народа во время долгих веков безгласности и страдания»,— писал он⁶⁶. Эти настроения народных масс Франции определили, по справедливому мнению Писарева, весь ход революции и ее историческое значение, выразившееся в решительной ломке

⁶³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. III, стр. 43.

⁶⁴ «Литературное наследство», т. 61, стр. 108.

⁶⁵ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 230.

⁶⁶ Там же, стр. 144.

отживших феодальных отношений. «Не клубы, не речи ораторов, не газеты Демулена и Марата,— заявлял Писарев,— производили в низших слоях французского общества неумолимое озлобление, а напротив, существовавшее озлобление порождало и поддерживало и клубы, и яростные речи, и неистовые газеты»⁶⁷. Более того, Писарев верно отмечал, что народные массы часто выступали независимо от своих вождей, шли дальше их в своих требованиях и толкали «их вперед тогда, когда они считали удобным приостановиться»⁶⁸.

Писарев с большой глубиной раскрыл буржуазный характер французской революции, совершенной народными массами, но закончившейся утверждением власти буржуазии. В рассматриваемой статье он писал: «Пролетарий увидел с наивным изумлением и с комическим или вернее... трагикомическим гневом, что победа третьего сословия к нему, пролетарию, совсем не относится, и что всякие политические права существуют и имеют значение только для людей состоятельных, ...которым при всяком порядке вещей живет не совсем плохо. Пролетарий, несмотря на свою неразвитость... смекнул в одну минуту, что кроме родовой аристократии есть еще аристократия денежная, и что этой последней аристократии он, пролетарий, доставил над первой полную победу, от которой ему, пролетарию, не досталось ничего, кроме горячих подзатыльников»⁶⁹.

Эти выводы Писарева по существу разделялись другими революционерами-демократами и раскрывались ими при анализе последующей истории революционных событий во Франции и других западноевропейских государствах, в особенности на примерах революций 1830 и 1848 гг., в которых решающая роль по-прежнему принадлежала трудящимся, пролетариям, но результатами победы неизменно пользовалась буржуазия. События 1848 г. во Франции и Италии получили развернутую оценку в замечательных произведениях Герцена «Письма из Франции и Италии» (1847—1850), «С того берега» (1850), «Былое и думы» (1852—1865). В серии статей Чернышевского, посвященных истории Франции первой половины XIX в., — «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858), «Кавеньяк» (1858), «Франция при Людовике — Наполеоне» (1859), «Июльская монархия» (1860) — показаны революционные события 1830 и 1848 гг., их всемирно-историческое значение. Успех революции 1830 г. был решен, по мнению Чернышевского, вмешательством той силы, «на которую до той поры никто не обращал внимания, никто

⁶⁷ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 170.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 158.

не рассчитывал — вмешательством народа»⁷⁰. В ходе революции 1848 г. во Франции по требованию народа, работников, была провозглашена республика. «Республиканцы шли впереди, — отмечал Чернышевский, — но их требования не имели бы никакой силы, если бы не были поддерживаемы работниками»⁷¹.

Вместе с тем Чернышевский раскрывал и огромную роль экономического фактора в революционных событиях: важнейшим требованием победивших народных масс в феврале 1848 г. во Франции было, по его мнению, требование «принятия мер к улучшению материального положения низших классов»⁷².

Так на конкретном историческом материале Чернышевский обосновывал важнейшее принципиальное положение революционно-демократической исторической концепции относительно решающей роли народных масс в истории.

Более того, Чернышевский, как и некоторые другие революционные демократы — Добролюбов, Шелгунов, Писарев, Салтыков-Щедрин, а также Герцен и Огарев в последний период их деятельности, отмечал на основе изучения западноевропейского исторического опыта и современной им зарубежной действительности своеобразные особенности в положении пролетариев и их способность к проявлению революционной инициативы. Однако революционные демократы еще не могли понять всемирно-исторической роли пролетариата как руководящей силы трудящихся в борьбе за уничтожение всякой эксплуатации, как строителя социалистического общества.

Но, раскрывая важную роль народных масс в революционных событиях Западной Европы, русские демократические деятели отчетливо сознавали, что в этих событиях принимали участие далеко не все слои народа, а те из них, которые в них участвовали, не проявляли должной политической сознательности и по существу боролись не за свои интересы, а за интересы буржуазии, которая неизменно захватывала политическую власть в свои руки и использовала ее для удовлетворения своих экономических интересов, навязывая трудящимся угнетение в новых его формах. Революционные демократы не сомневались в том, что наступит время, когда народные массы поднимутся на борьбу против буржуазии непосредственно за свои интересы и тогда с особой силой проявится их решающая роль в историческом прогрессе, в небывалой ранее мере раскроется их творческая инициатива.

⁷⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 261.

⁷¹ Там же, стр. 15.

⁷² Там же.

По мнению Чернышевского, народ «только готовится выступить на историческое поприще, только еще авангард народа — среднее сословие, уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать; а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности»⁷³. Уверенность Чернышевского и других революционеров-демократов в том, что в борьбе за собственные интересы народ раскроет неисчерпаемые запасы своей энергии и в активную историческую деятельность включится вся его масса, была коренной основой их непоколебимого исторического оптимизма.

Чернышевский не разделял пессимистических настроений Герцена, вызванных поражением революции 1848 г. Чернышевский был уверен в том, что трудящиеся Западной Европы вновь поднимутся на борьбу за свое социальное освобождение. К этому выводу позднее пришел, как известно, и Герцен.

Несмотря на то, что Герцен и Чернышевский не уяснили до конца буржуазной ограниченности революций 1830 и 1848 гг., они сумели понять контрреволюционный характер буржуазного либерализма, а также половинчатость и нерешительность мелкобуржуазных демократов типа Луи Блана и Ледрю-Роллена. Об этом говорит оценка буржуазии и мелкобуржуазных демократов в произведениях Герцена, являвшегося очевидцем революционных событий во Франции и Италии в 1848 г. Как указывал Ленин, Герцен посылал проклятия тому «...холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III...»⁷⁴. Еще более последовательно разоблачал буржуазных либералов, предательскую политику буржуазного временного правительства и подлую роль Кавеньяка — палача рабочих — Чернышевский, подводивший итоги революции уже тогда, когда стали очевидными ее результаты.

Чернышевский широко использовал в своих статьях, посвященных революции 1848 г. во Франции, в частности в наиболее важной из них «Кавеньяк», известную книгу республиканца Луи Блана «История десяти лет». Но он брал из этой книги преимущественно фактические сведения, проверяя их показаниями других источников. В выводах и обобщениях Чернышевский во многом разошелся с Луи Бланом, подвергнув глубокой критике его реформистские заблуждения. Более того, в оценке решающей роли парижских пролетариев в революционных событиях и контрреволюционности буржуазных

⁷³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 666.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 110.

либералов великий русский демократ вплотную приблизился к выводам и оценкам Маркса.

Ряд других событий истории западноевропейских государств и других стран мира, современниками которых являлись русские революционеры-демократы, получил освещение в их произведениях. Так, Добролюбов в серии замечательных так называемых «итальянских статей» — «Непостижимая странность», «Два графа», «Из Турина», «Отец Александр Гавацци и его проповеди», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», печатавшихся в «Современнике» в 1860—1861 гг., подробно осветил развитие событий в Италии в конце 50 — начале 60-х годов, связанных с борьбой итальянского народа за национальную независимость и воссоединение страны. Симпатии Добролюбова, как и всех демократических деятелей России, были на стороне Гарибальди и его сподвижников в борьбе за национальное освобождение итальянского народа. Он разоблачал либерала Кавура и его пособников как предателей народа, используя факты итальянской действительности для разоблачения русских либералов в период назревания в стране революционной ситуации.

Большой интерес к событиям в Италии проявляли Чернышевский и Герцен. Они понимали роль народных масс в борьбе за воссоединение страны и связывали ее с их стремлением к улучшению своего экономического положения: «...работники ... хотели существенных изменений в своем материальном быте», — писал в этой связи Чернышевский⁷⁵.

Всеобщей истории и современным международным событиям Н. В. Шелгунов посвятил свои работы: «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (1861), «Прошедшее и будущее европейской цивилизации» (1864), «Исторические очерки» (1864), «Три народности» (1864), «Главные моменты в истории Европы» (1865), «Цивилизация Китая» (1865), «Россия и европейская цивилизация» (1868), «Американские патриоты» (1868), «Европейский Запад» (1883) и ряд других.

Шелгунов затронул широкий круг вопросов всемирной истории, особенно истории народных движений, революционных событий XVIII—XIX вв. в Европе и национально-освободительной борьбы народов Европы, Азии и Америки. В его произведениях поставлены также проблемы истории западноевропейской культуры. Шелгунов много занимался историей войн. Решительно осуждая захватнические войны, он показывал их тяжесть для народных масс, писал об опасности усиления прусского милитаризма во второй половине XIX в. и выступал убежденным сторонником мира между народами.

⁷⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 15.

Особенно широко осветил Шелгунов в своих произведениях вопросы социально-экономического развития европейских стран, в частности Англии, Франции, Германии, начиная с промышленного переворота, проследил обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией в этих странах, одним из первых познакомил русских рабочих с развитием рабочего движения в Западной Европе и с ее передовой общественной мыслью. Шелгунову принадлежит заслуга ознакомления переломных русских современников с произведениями Маркса и Энгельса.

Кроме работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (Шелгунов положил ее в основу своей статьи «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» в той части ее, где речь идет о положении английского рабочего класса; статья была напечатана в «Современнике» в 1861 г.), ему были также известны работы К. Маркса «К критике политической экономии» и «Капитал». Некоторые из положений этих работ популяризировались Шелгуновым в его статьях. Так, первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания была признана Шелгуновым «историческим законом». В одной из своих позднейших статей он заявляет: «Известный исторический закон, что «бытие определяет сознание, а не сознанием определяется бытие», больше всего применяется в России»⁷⁶. Знакомство Шелгунова с некоторыми работами Маркса и Энгельса содействовало углублению его материалистических тенденций в понимании истории.

Часто останавливался в своих произведениях на событиях новейшей истории Западной Европы Салтыков-Щедрин. Его творческая деятельность продолжалась еще два десятилетия после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского. Он имел возможность в 70—80-х годах видеть и понять уже развившиеся тенденции русской и зарубежной действительности, в 60-х годах лишь намечавшиеся. Так, он вместе с Шелгуновым решительно осуждал прусскую военщину, которая во второй половине XIX в. представляла серьезную угрозу для безопасности европейских народов. Еще в статье «Сила событий» (1870) Салтыков-Щедрин показал истинное лицо прусских милитаристов. Одна из глав его известных очерков «За рубежом» (1880—1881) специально посвящалась германским делам.

Салтыков-Щедрин отмечал историческое значение обострения борьбы между трудящимися и буржуазией в европейских странах, о чем свидетельствует напряженный интерес его к такому выдающемуся событию всемирной истории, как Парижская Коммуна. В цикле очерков под общим наименова-

⁷⁶ Н. В. Шелгунов. Из домашней хроник. — «Дело», 1883, кн. 6, отд. «Современное обозрение», стр. 48.

нием «Итоги» он, несмотря на жестокий цензурный гнет, сумел выразить свое сочувствие борьбе парижских коммунаров и заклеймил презрением контрреволюционную французскую буржуазию, потопившую в крови восстание пролетариев. Представителей этой буржуазии Салтыков-Щедрин называл «одичалыми охранителями»⁷⁷.

Не ограничиваясь вопросами истории западноевропейских народов, революционные демократы интересовались историей Индии, Китая, а также Северной Америки.

Чернышевский в серии международных обзоров, помещавшихся в «Современнике», проследил назревание и развитие борьбы Севера в Америке против рабовладельческих штатов Юга за освобождение негров. Рабство негров, по утверждению Чернышевского, «лежало гнетом на всей жизни всего североамериканского народа, пятном на доброй славе его»⁷⁸. Чернышевский был твердо уверен в победе северян и держал сторону левых республиканцев, аболиционистов, настаивавших на применении решительных, революционных методов борьбы с плантаторами Юга. Гневно бичуя американских рабовладельцев, Чернышевский тем самым разоблачал русских крепостников, настойчиво стремившихся сохранить свою власть над крестьянами и свести их «освобождение» к пустой формальности.

Добролюбов в статье «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» (1857) приветствовал индийский народ, выступивший на борьбу против английских колонизаторов. Он не смог вскрыть до конца существа колониальной политики англичан в Индии, но гневно бичевал колониальный режим и доказывал историческую неизбежность краха английской колониальной системы.

Осуждая и последовательно разоблачая расистские реакционные теории, обрекавшие негров и восточные народы на вечное подчинение белой расе, революционные демократы доказывали безусловное право этих народов на свободу, на независимое национальное существование. Они решительно выступали против расизма и шовинизма, против колониального угнетения и всякого иноземного владычества, связанного с грабительской колониальной политикой европейских государств. В этой связи особый интерес представляют суждения Чернышевского и других революционеров-демократов, относящиеся к истории Китая и современным событиям в жизни этого великого народа.

Исходя из идеи единой закономерности исторического развития человечества, Чернышевский утверждал, что народы

⁷⁷ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VII, стр. 487.

⁷⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 353.

прошли в основном сходные этапы исторического развития. Эту мысль он подкреплял примером китайской истории, которая «имеет те же самые черты, как история всякого народа при таких же обстоятельствах»⁷⁹. Разоблачая расистов, ссылавшихся на «неподвижность» китайской истории, Чернышевский указывал на неблагоприятные исторические обстоятельства, которые привели к тому, что китайский народ, знавший в древнейшие времена самую высокую цивилизацию, затем отстал в своем развитии от европейских народов и оказался подчиненным колонизаторам. Этими обстоятельствами были жестокие завоевания со стороны соседних народов. «Китайская история не неподвижность,— утверждал Чернышевский,— а ряд падений цивилизации под гнетом нашествий и завоеваний варваров. После каждого упадка китайцы оправлялись, успевали иногда подняться до прежнего уровня, иногда и выше его, но снова падали под ударами варваров»⁸⁰.

Проявляя глубокий интерес к истории китайского народа, Чернышевский с самого начала своей литературной деятельности знакомил читателей «Современника» с ее героическими страницами. Так, в 1857 году, воспользовавшись изданием «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», он в своей рецензии воспроизвел эпизод из истории Китая середины XVII в., связанный с крестьянским движением против Минской династии и поддерживаемых ею феодалов. В связи с этим Чернышевский показал обстоятельства, при которых совершалось утверждение в Китае Манчжурской династии⁸¹. Еще ранее, в литературном обозрении за август 1854 года, Чернышевский выделил раздел, названный им «Объяснение китайской революции», посвятив его характеристике широкого народного движения против манчжурских завоеваний и китайских феодалов в середине XIX в., вошедшего в историю под наименованием восстания тайпинов⁸².

Чернышевский сочувствовал борьбе китайского народа против европейских колонизаторов, начавших внедряться в страну в середине XIX в. Этой же темы коснулся Шелгунов в статье

⁷⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 824.

⁸⁰ Там же. Насколько высока была оценка Чернышевским древнейшей культуры азиатских народов, видно из его недавно опубликованных замечаний на книгу Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии». Чернышевский возражал Боклю, принижавшему культурные достижения восточных народов. Так, Бокль, ссылаясь на Таннемана, писал, что «греки — единственная нация древнего мира, имевшая расположение к науке и делавшая в этих целях исследования». Чернышевский, опровергая эту мысль, замечал: «Но все это лишь от тогдашнего незнания Востока. Индийская математика и медицина», (Полн. собр. соч. т. XVI, стр. 547).

⁸¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 523—527.

⁸² Там же, т. III, стр. 758—759.

«Цивилизация Китая» (1865). Разоблачая расистские реакционные идеи, которыми европейские колонизаторы пытались оправдать насильственное покорение Китая, Шелгунов с гневом писал: «Европейская образованная чернь полагала, что, разоряя Китай и опустошая его плантации, она разрушает старый порядок и обновляет жизнь полусонной азиатской расы, не имеющей ни умственных сил, ни достаточной энергии, чтобы обновиться без посторонней помощи»⁸³. Подобные утверждения, заявлял Шелгунов, имели корыстную основу. Так, английские колонизаторы «хлопочут в сущности о том, чтобы с водворением в Китае спокойствия, иметь рынок для сбыта своих мануфактурных произведений»⁸⁴. Этим новоявленным «цивилизаторам» Китая «было бы лучше,— полагал Шелгунов,—...вместо того, чтобы учить китайцев», самим во многом поучиться у них, воспользовавшись их «четырёхстелетним историческим опытом»⁸⁵. Он выдвигал требования о прекращении порабощения Китая англичанами.

Русские революционные демократы не сомневались в том, что китайский народ освободится от колониального угнетения и добьется независимого национального существования. Они верили в творческие способности великого китайского народа. «Когда нация,— утверждал Чернышевский,— имеющая теперь, по всей вероятности, бóльшую многочисленность, чем все нынешние цивилизованные нации, взятые вместе, примет участие в обработке человеческой жизни с пособиями нашей цивилизации, то по натуральному закону следует ожидать, что работа пойдет успешнее и китайцы будут полезными сотрудниками европейцев, как в Европе работа одной нации была всегда полезна прогрессу других наций. Но то будет новая работа над новою цивилизациею, служащею развитием нынешней европейской»⁸⁶.

Единство исторических закономерностей в развитии отдельных народов и другие принципы революционно-демократического понимания истории полностью подтверждались, по мнению Чернышевского, Добролюбова и других демократических деятелей, историческими судьбами славянских народов. Эта тема была близка революционерам-демократам, поскольку славянские народы Балканского полуострова были тесно связаны в своем историческом развитии с русским народом. Вместе с тем славянский вопрос был одним из актуальнейших вопросов современности в середине XIX в., так как он являлся важным элементом более широкого «восточного вопроса»—

⁸³ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I, стб. 113.

⁸⁴ Там же, стб. 114.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Н. Г. Чернышевский Полн. собр. соч., т. IX, стр. 896.

одного из острых вопросов международных отношений. Разностороннее и наиболее последовательное в смысле реализации демократических принципов изложение эти вопросы получили в работах Чернышевского⁸⁷.

Взгляды на «восточный вопрос» Чернышевский изложил в «Рассказе о Крымской войне (по Кинглеку)». Он признавал наличие внутреннего кризиса в Турции и неизбежность падения турецкой власти над нетурецким населением, но, в отличие от панславистов, Чернышевский отрицал, что у русского народа существует стремление к овладению проливами или какими-либо территориями. Осуждая захватнические стремления царизма и реакционные мечты панславистов, он говорил о праве балканских народов на самостоятельное развитие.

Чернышевский, в отличие от славянофилов и либералов, преувеличивавших значение национальных различий в общественном развитии, подчеркивал важность различий классовых. «Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен облегчению повинностей и вообще быта русинских поселян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельца русинского племени по этому делу много отличались от чувств польского землевладельца. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в сословных, а не в племенных отношениях»⁸⁸.

Наряду с выступлениями по этим и ряду других принципиальных вопросов славянских отношений Чернышевский касался конкретных вопросов истории славян. Он написал статью по поводу перемены на сербском престоле и возвращения в Сербию Милоша Обреновича. Он дал верный анализ переворотов 1842 и 1858 гг., подчеркивая особенности аграрных отношений в Сербии, ее социального строя и значение их для понимания политической жизни Сербии. В Сербии не было крупного землевладения, в ней господствовало мелкое крестьянское хозяйство. Поэтому сербские перевороты имели демократический характер. Этим же демократизмом сербского социального строя он объяснял особые черты монархической власти. «Сербь не могут чувствовать к своему князю того робкого благоговения, которое является у подданных государства, где монархическое начало развивалось исторически...»⁸⁹.

Признавая этот демократизм сербской жизни, Чернышевский не утрировал его, как делала позднее буржуазная исто-

⁸⁷ Приведенные ниже суждения Чернышевского по «восточному вопросу» и вопросам истории славянских народов излагаются на основе материалов С. А. Никитина.

⁸⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 779—780.

⁸⁹ Там же, т. V, стр. 628.

риография. Он отмечал наличие «богачей», «вельмож», владельцев крупных имений в Валахии,— так, в частности, он характеризовал вождей уставобранителей.

Огромный интерес представляет трактовка Чернышевским вопросов славянского национального движения в Австрии в период революции 1848 года. Он подверг события 1848 года классовому анализу, показал антифеодальную борьбу народных масс, вскрыл предательскую политику славянской буржуазии, которая привела национальное движение к столкновению с революционным. «Из австрийских славян самый сильный оттенок враждебности к нынешнему устройству Австрии имеет национальное чувство у чехов. Известно, что они всегда и были предводителями австрийских славян в политической тактике. Что же? До сих пор огромное большинство прогрессивной партии у чехов считает делом необходимости иметь Вену столицей Австрийской империи,— не говорим уже о том, что оно считает необходимостью сохранить самую Австрийскую империю. В 1848 г. это чувство было еще сильнее: чешские депутаты в решительную минуту спасли австрийское правительство на венском сейме»⁹⁰.

Будучи горячими поборниками национальной свободы, русские революционеры-демократы решительно поддерживали борьбу славянских народов за национальное освобождение не только против Турции и Австрии, но и против царской России. Яркий пример передовой позиции в разрешении славянского вопроса представляет отношение Герцена и его соратника Огарева к восстанию в Польше 1863 года. Искренне сочувствуя делу восставших поляков, они всеми доступными им средствами поддерживали их героическую борьбу против царизма, являвшегося врагом как польского, так и русского народов. «Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России,— писал Герцен.— Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих»⁹¹. Герцен и Огарев пробуждали сочувствие в Европе к делу польского освобождения, создавали и крепили польско-русский революционный союз, боролись с либералами и реакционными панславистами, ставшими на сторону царского правительства и его кровавой политики усмирения Польши. Своей позицией в польском вопросе Герцен, по словам Ленина, «спас честь русской демократии»⁹².

В произведениях Герцена и Огарева, внимательно следивших за событиями в Польше и живо откликнувшихся на них, содержатся ценнейшие материалы для изучения польского

⁹⁰ Там же, т. VIII, стр. 439.

⁹¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 151.

⁹² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

восстания 1863 года — его исторических предпосылок, хода событий, расстановки сил, его исторического значения для России — ее освободительного движения и для всей Европы.

Приведенные примеры показывают, насколько широки были исторические интересы демократических деятелей в изучении всеобщей истории. При этом ярко обнаруживались революционная направленность их исторических воззрений, демократический подход к освещению исторических событий, сила их диалектической мысли, материалистические тенденции в понимании истории, что позволяло революционерам-демократам делать глубокие обобщения, конкретизировать свои представления о законах истории, иногда благодаря этому идти дальше общих теоретических посылок, ограниченных антропологическими принципами в объяснении общественного развития.

Вместе с тем изучение крупнейших событий в истории европейских и других народов вооружало демократических деятелей России богатейшим политическим опытом, учило их правильной оценке различных социальных сил, политических партий и их лидеров, помогало разоблачению реформистских либеральных иллюзий.

Революционный исторический опыт убеждал идеологов демократического движения в неизбежности победы сил прогресса над реакцией, служил основой их исторического оптимизма, основой уверенности в торжестве народной революции в России, несмотря на яростное противодействие реакционных сил. Чернышевский говорил, что деятель, понявший законы исторического прогресса, может с непоколебимой уверенностью смотреть в будущее: «он знает, что из реакции по необходимости возникает движение вперед, что самая реакция prepares и потребность, и средства для движения»⁹³.

При всей широте исторических интересов революционных демократов в центре их внимания всегда находилась отечественная история, героическая история великого русского народа, за освобождение которого от самодержавия и крепостничества они боролись. Объясняя причины преобладающего интереса к истории России, Чернышевский писал в одной из своих ранних рецензий: «...русская история важнейшая для нас, как своя родная, с тем вместе есть самая привлекательная для неутомимых исследователей и потому, что обещает самое обильное поле для новых открытий, самостоятельных взглядов..»⁹⁴.

Революционные демократы посвятили вопросам русской истории преобладающую часть своего литературного наслед-

⁹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 14.

⁹⁴ Там же, т. II, стр. 546.

ства. Если Чернышевский и Шелгунов делили свое внимание между всеобщей и русской историей, то Добролюбов, Герцен, Огарев, Антонович, Елисеев⁹⁵ и близкий к революционным демократам Шапов большинство своих исторических работ посвятили вопросам русской истории.

Чернышевский и Добролюбов раскрыли свои воззрения на историю России в многочисленных статьях, рецензиях, дневниках и переписке⁹⁶. Герцен и Огарев в период их заграничной деятельности имели возможность — по существу первыми в русской исторической литературе — осветить такие аспекты русской истории XVIII—XIX вв., как антикрепостническая борьба народных масс, освободительное движение в России, в особенности движение декабристов, история передовой общественной мысли и культуры⁹⁷. Их произведения существенно

⁹⁵ Шелгунов посвятил русской истории серию своих статей: «Русское слово» (1862, статья была запрещена цензурой, опубликована в «Красном архиве», 1926, т. I, стр. 131—147), «Россия до Петра I» (1864), «Ученая односторонность» (1864), «Новый ответ на старый вопрос» (1868), «Попытки русского сознания» (1872), «Романтизм русский» (1873), «Из истории русской деревни» (1879) и многие другие.

Антонович выступил с рецензиями на работы Шапова «Русский раскол старообрядства» («Что иногда открывается в либеральных фразах!» — «Современник», 1859, кн. 9), «Земство и раскол», «Бегуны» («Современник», 1863, кн. 3), в которых дал оценку раскола и осветил ряд других вопросов русской истории.

Г. З. Елисеев, кроме рецензии на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева, опубликовал в 60—70-х годах ряд статей по вопросам русской истории. Но в этих статьях все более определенно проявлялись либеральные тенденции в воззрениях Елисеева.

⁹⁶ К числу важнейших произведений Чернышевского, посвященных русской истории, относятся: рецензии на IV том «Истории России» С. М. Соловьева (1854), на книгу Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» (1856), статьи «Прадедовские нравы» (1860), «Русский реформатор» (1861), «Письма без адреса» (1862), «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)» (1863). Добролюбов освещал историю России в своих обширных статьях-рецензиях на первые три тома «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова, названных им «Первые годы царствования Петра Великого» (1858 г.), в статье-рецензии на заключительный том той же работы — «Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича» (1860), в рецензии «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858), в статьях «Русская сатира в век Екатерины», «Сочинения В. Белинского», «Николай Владимирович Станкевич» и ряде других.

⁹⁷ Исторические работы А. И. Герцена указаны и рассмотрены в связи с характеристикой его исторических взглядов в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР». Н. П. Огарев освещал русскую историю, как правило, в статьях по важнейшим вопросам современной ему русской общественно-политической жизни. Однако некоторые из них непосредственно касались русской истории. Такова не опубликованная в свое время статья «Что бы сделал Петр Великий...» (написана в 1857 г., опубликована в «Литературном наследстве», № 39-40) и статья «Разбор книги Корфа» (1858). Вопросы истории освободительного движения России рассмотрены Огаревым в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» (1861), примыкающем по своему содержанию к заме-

дополняют исторические работы тех революционеров-демократов, деятельность которых протекала в России.

Наиболее частой формой выражения революционными демократами своего отношения к вопросам истории были рецензии на появлявшиеся тогда в печати исторические работы. Разумеется, выбор сочинений для рецензирования подчинялся определенным целям: избирались прежде всего сочинения, тема которых так или иначе перекликалась с живыми вопросами современности и которые давали им возможность осветить коренные проблемы русской истории или же раскрыть важнейшие особенности своих исторических взглядов. Такие цели выдвигали перед собой, например, Чернышевский, выступивший в 1856 г. против Чичерина по вопросу об истории сельской общины в России; Добролюбов, использовавший в 1858 г. свою рецензию на труд Устрялова для раскрытия собственных воззрений на историю России до реформы Петра I включительно. В 1860 г. Чернышевский и Добролюбов в тех же целях приняли участие в полемике между Костомаровым и Погодиным по вопросу о происхождении Руси; в связи с критикой норманской «теории» они высказали свой взгляд на самодержавную власть как антинародную силу, мешавшую историческому прогрессу страны, что имело большое политическое значение в условиях революционной ситуации. Наконец, Антонович и Шелгунов, откликнувшись в 1859—1863 гг. на выход работ Щапова, отправляясь от частных тем этих работ, осветили такой кардинальный для понимания исторического развития России вопрос, как вопрос о роли народных масс в истории в связи с оценкой народных движений.

Революционные демократы были убеждены, что Россия развивается на основе общих для всего человечества закономерностей исторического процесса. «Русская история понятна только в связи с всеобщей,— писал Чернышевский,— объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории»⁹³. Вместе с тем они отличали черты своеобразия истории России.

чательной работе Герцена «О развитии революционных идей в России», а также в статьях «В память людам 14 декабря 1825» (1869), «Памяти Герцена» (1870) и некоторых других.

⁹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 268. В соответствии с этим Чернышевский стремился, как и другие демократические деятели, рассматривать вопросы русской истории в связи с общеевропейской и мировой, в зависимости от одновременно совершавшихся важнейших событий в других странах. Типичным в этом отношении произведением Чернышевского является его «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)».

Разработка проблем отечественной истории всегда связывалась у Чернышевского и Добролюбова с необходимостью обоснования политической программы русской демократии, подчинялась задаче уяснения путей и средств борьбы за освобождение русского народа от самодержавно-крепостнического гнета, за демократическое преобразование социально-экономического строя России.

В своих работах революционные демократы осветили все более или менее значительные события русской истории, начиная с древнейших времен и до середины XIX в. Анализ этих работ в их совокупности позволяет представить общую концепцию русской истории, созданную революционно-демократическим направлением. В отличие от дворянских и буржуазных историков, революционеры-демократы не замыкались в пределах политической истории России. Новое, внесенное ими в историческую науку, заключалось, в первую очередь, в постановке вопроса о путях и перспективах исторического развития страны, о народной революции, о характере и направлении реформ 60-х годов и в этой связи о судьбах русского капитализма. Эти вопросы занимали центральное место в исторической концепции революционных демократов.

Новаторским был самый подход к русской истории, основные проблемы которой рассматривались ими с точки зрения раскрытия творческой роли народных масс в истории.

Представители революционно-демократического направления много сделали для освещения деятельности народных масс в истории России и их борьбы за национальную независимость, для разработки вопросов социальной истории в связи с оценкой закрепощения крестьянства в России и с образованием других сословий, для показа антикрепостнических крестьянских движений. Изучая эти проблемы, революционеры-демократы значительно расширили пределы исторической науки, и в этом заключалась их выдающаяся заслуга. Слабой стороной исторических работ демократических деятелей являлось недостаточное внимание к истории экономического развития России, ее недооценка, чему виной — не преодоленный ими идеализм в понимании истории.

Глубокое и многостороннее изучение отечественной истории выдающимися деятелями демократического движения тесно связывалось ими с раскрытием ведущих процессов современности и подчинялось основной задаче — определению перспектив исторического развития России. Установление неразрывной связи истории с современностью как «последним звеном истории», по образному выражению Герцена, являлось отличительной особенностью воззрений представителей революционно-демократического направления в русской историо-

графии. История давала им возможность объяснять истоки современных явлений, современность раскрывала итоги исторических процессов, она же определяла характер истолкования последних. В результате углублялось понимание как истории, так и современности, что в свою очередь облегчало предвидение будущего в пределах, доступных деятелям демократического движения.

Свою уверенность в неизбежности народной революции в России революционеры-демократы подтверждали замечательным по глубине анализом состояния России в середине XIX в. В своих произведениях Чернышевский и Добролюбов вскрыли упадок крепостного хозяйства, его отсталость и рутинность, особенно выявившиеся в период Крымской войны. Они отметили разложение дворянства и феодально-крепостнической системы, разоблачили антинародную сущность буржуазного либерализма.

Следует особо подчеркнуть значение оценки Чернышевским крестьянской реформы 1861 г. Загнивание феодально-крепостнической системы в России накануне крестьянской реформы, крепостническая политика самодержавия в годы ее подготовки и проведения, социальные противоречия и политическая борьба в этот период глубоко освещаются в романе Чернышевского «Пролог», в его замечательной работе «Письма без адреса»⁹⁹ и во многих других работах. Реформу 1861 г., которую, по словам В. И. Ленина, «либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли», Чернышевский «назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители»¹⁰⁰. Ленин отмечал глубокое понимание Чернышевским буржуазного существа реформы, поскольку она открывала путь капиталистическому развитию России. Ленин видел гениальность Чернышевского в том, что он сумел «в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер... понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹⁰¹.

В тесной связи с разрешением вопроса о характере крестьянской реформы у революционеров-демократов находился во-

⁹⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 90—116. Работа была написана в 1862 г., но впервые опубликована в 1874 г. Она внимательно изучалась К. Марксом («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1948, т. XI, стр. 172—199).

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Соч. т. 17, стр. 97.

¹⁰¹ Там же, т. 1, стр. 263.

прос о судьбах капитализма в России. Они не отрицали возможности развития в нашей стране капитализма, видели превосходство буржуазных отношений над крепостническими, но вместе с тем учитывали тяжелое положение трудящихся масс в капиталистических странах, были знакомы с критикой капитализма западноевропейскими социалистами-утопистами, которая дополнялась у них собственным изучением социальных противоречий в капиталистических странах Западной Европы.

Русские революционные демократы объективно отражали буржуазную тенденцию исторического развития. Однако они отдавали себе отчет в исторической ограниченности капитализма. Чернышевский и Добролюбов отвергали мысль о том, что капиталистический строй является конечной формой общественного развития, и разоблачали теории буржуазных историков и социологов, освящавшие этот строй. Чернышевский признавал превосходство политических порядков буржуазных государств, таких, как Англия и США, над самодержавно-монархическими режимами феодальных государств, в том числе и России. Но Чернышевский справедливо полагал, что идеализируемые буржуазными историками — Гизо, Маколеем, Чичериным и другими — политические порядки Англии и США имели в середине XIX в. существенные антидемократические особенности, роднившие их с порядками России, Австрии и Пруссии. «Не только в самодержавных государствах, — писал Чернышевский, — но и в Англии и в Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов... независимо от народного желания или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословий»¹⁰². Он высмеивал преклонение Гизо, свойственное и Чичерину, перед английским государственным строем и не видел в нем существенного отличия от строя Франции времени Наполеона III. «...Слишком большого превосходства над французской жизнью английская не имеет, — замечал Чернышевский, — ...можно спорить разве о том, в чем больше горечи, в полыни или в горчице»¹⁰³.

Как бы развивая суждения Чернышевского о пороках буржуазного строя, великий русский сатирик Салтыков-Щедрин раскрыл различные стороны общественной жизни Франции 50—60-х годов XIX в. В «Заметке о взаимных отношениях помещиков и крестьян» (1857) он разоблачил бюрократический произвол правительства Наполеона III, в ряде других произведений обнажил лицемерие буржуазных «свобод» во Франции, а в статье «Драматурги-паразиты во Франции» (1863) показал растление, «нравственное и умственное

¹⁰² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 265.

¹⁰³ Там же, т. VI, стр. 8.

каплуновство», культивировавшееся правителями Второй империи.

Чернышевский разоблачал фальшь и лицемерие американской демократии. В государственном устройстве США он видел много отрицательных сторон. Здесь, указывал Чернышевский, «закон Линча», т. е. наглое насилие, кулачное право, нашло себе «свободный доступ» в сенат»¹⁰⁴.

Чернышевский и Добролюбов, их соратники и единомышленники выступили продолжателями славных традиций Белинского и Герцена в борьбе с преклонением имущих классов России — помещиков и буржуазии — перед Западом. Чернышевский клеймил Бабста и Чичерина, находившихся в «фантастической уверенности будто бы Западная Европа — земной рай»¹⁰⁵.

Чернышевский и Добролюбов считали, что капиталистический строй на Западе должен, согласно закону исторического прогресса, уступить в будущем свое место более высокому общественному строю — социализму, как некогда капитализм пришел в западноевропейских государствах на смену строю феодальному. Писарев убежденно заявлял: «Теперь всеми сделанными открытиями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукие мыслители могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала»¹⁰⁶.

Критический подход революционных демократов к капиталистическим порядкам на Западе определил их отрицательное отношение к возможности капиталистического развития России. Революционные демократы были убеждены в том, что народная революция в России избавит ее от капитализма, утвердит в стране социалистический общественный строй, основой для которого послужит сельская община.

Надежда Чернышевского и Добролюбова на русскую общину как основу некапиталистического развития России, а также свойственное им непонимание всемирно-исторической роли пролетариата объяснялись отсталостью социально-экономического развития России их времени и являлись утопическими.

Они не понимали объективно буржуазного содержания собственных социально-политических устремлений, ошибочно полагали, что крестьянство самостоятельно может осуществить социалистическую революцию в стране. Черты классовой и исторической ограниченности воззрений идеологов крестьянства

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 915.

¹⁰⁵ Там же, т. IV, стр. 727.

¹⁰⁶ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 308.

исключали возможность правильного решения ими вопроса о судьбах капитализма в России.

При всем том утопические воззрения Чернышевского и Добролюбова соединялись с революционным демократизмом, что определяло глубокую критику ими капиталистического строя, в которой они превзошли не только социалистов-утопистов Западной Европы, но и своих идейных предшественников — Белинского и Герцена. В. И. Ленин называл Чернышевского «замечательным глубоким критиком капитализма»¹⁰⁷.

В 70—80-х годах такие последователи Чернышевского и Добролюбова, как Шелгунов и Салтыков-Щедрин, убедившиеся в неудаче демократического натиска, видевшие развитие капитализма в пореформенной России, внесли существенные коррективы в решение вопроса о судьбах капитализма в нашей стране. Этому содействовало и наблюдение за развитием капиталистических отношений в других странах Европы. В итоге они должны были признать капитализм в России совершившимся и неотвратимым историческим фактом. Так, Салтыков-Щедрин писал о необходимости для России «пережить эпоху чумазовского торжества»¹⁰⁸, о «мироедском периоде» в ее истории, полагая, что народнические иллюзии о возможности некапиталистического развития России совершенно беспочвенны. При этом Салтыков-Щедрин и Шелгунов не сомневались в том, что буржуазный строй не вечен, что он будет уничтожен взрывом народного протеста. Однако и они были не в состоянии научно раскрыть противоречия капитализма, определить внутренние силы, которые вырастают в недрах буржуазного строя и призваны историей разрушить его, понять всемирно-историческую роль пролетариата. Классовая и историческая ограниченность воззрений революционеров-демократов находила свое выражение в том, что им оказалось недоступным научное, материалистическое понимание законов исторического прогресса, законов движения человечества к социализму.

Цензурные условия не позволяли представителям революционно-демократического направления в историографии свободно разрабатывать вопросы истории народных движений в России, хотя глубокий интерес их к этой теме бесспорен. Революционные демократы подчеркивали антикрепостнический характер народных движений в России в XVII—XVIII вв.

Добролюбов отмечал, что еще в XVII в. «глухое неудовольствие стало раздражаться открытыми восстаниями, внутренние беспорядки увеличивались с каждым годом»¹⁰⁹. Он имел в виду

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

¹⁰⁸ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 441.

¹⁰⁹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 198.

городские восстания в середине XVII в. и крестьянское восстание под руководством Степана Разина.

Наиболее широко показал антикрепостнические движения в России Шелгунов. В статье «Романтизм русский» (1873), подчеркнув силу и размах крестьянских движений под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева, Шелгунов отметил и их слабости: монархические иллюзии, отсутствие ясных положительных представлений о будущем социально-экономическом строе, способном удовлетворить коренные интересы крестьянства. О Степане Разине Шелгунов замечал, что он «чтит» великого государя и «в то же время разрушает весь государственный порядок и рассылает по всей России своих эмиссаров возмущать народ против власти»¹¹⁰. Здесь же Шелгунов указывал, что Разин, «уничтожая московский порядок... заменял его порядком казачьим, и не понимал того, что этот порядок годился только для военной казачьей общины и не годился для обширного и разбросанного земледельческого московского государства»¹¹¹.

Великие русские демократы отмечали усиление крепостнической зависимости крестьянства в XVIII в. Справедливо связывая этот процесс, как и утверждение крепостного права, с интересами помещиков и политикой самодержавного государства, Чернышевский и Добролюбов указывали на прогрессивное историческое значение крестьянских антикрепостнических движений, в частности самого мощного крестьянского восстания под руководством Емельяна Пугачева. Чернышевский еще в юношеском дневнике дал оценку этому восстанию, указал на его слабости — распыленность движения и отсутствие «единства», организованности среди восставших, но вместе с тем здесь отмечалось, что участники восстания «разбивали линейные войска, более, чем они, многочисленные»¹¹². Извлекая уроки из истории антикрепостнических движений в России, Чернышевский в своей прокламации «Барским крестьянам» призывал крестьян к единовременному и дружному, заранее подготовленному выступлению в ответ на грабительскую «крестьянскую» реформу, усматривая в таком выступлении основное условие успеха народной революции в России.

¹¹⁰ Н. В. Шелгунов. Романтизм русский.— «Дело», 1873, кн. 9, стр. 33—34.

¹¹¹ Там же, стр. 37. В связи с оценкой народных движений XVII в. революционные демократы выразили свое отношение к расколу. В статьях Антоновича и Шелгунова, явившихся откликом на работы Щапова (1859—1863), отвергалась идеализация раскола и подчеркивался пассивный характер протеста раскольников против официальной церкви и правительственной администрации.

¹¹² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 67.

В 1859 г., в связи с изданием «Пермского сборника», в котором были напечатаны статьи о движении крестьян под руководством Пугачева, одновременно выступили с рецензиями на этот сборник в «Современнике» Добролюбов и в «Русском слове» Михайлов (в октябрьских номерах названных журналов). Не во всем соглашаясь с авторами статей, о чем достаточно определенно заявлял Михайлов, рецензенты не имели возможности в подцензурных журналах высказать во всей полноте свое понимание широкого крестьянского восстания — этого, по словам Добролюбова, «загадочного для ученых события русской истории». Но Добролюбов и Михайлов нашли способ для того, чтобы косвенно сказать об антикрепостническом характере крестьянского движения под руководством Пугачева. В этих целях они солидаризировались с суждением редакции «Пермского сборника», приводя в обеих рецензиях одну и ту же цитату: «Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явления тем, что вот-де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так, значило бы отрицать всякий человеческий смысл у волновавшегося миллионного народонаселения»¹¹³. Тем самым опровергалась официальная версия о причинах крестьянского восстания и читателю внушалась мысль, что подлинная его причина заключалась в протесте широких крестьянских масс против крепостного права.

Одной из наиболее интересных для представителей революционно-демократической исторической мысли проблем была проблема развития русской передовой общественной мысли и русской литературы в их связи с освободительным движением. Герцен и Огарев особенно ярко и отчетливо показали связь передовой русской литературы и общественной мысли с освободительным движением. Используя для этой цели свободную от цензурных оков печать, Герцен блестяще выполнил эту задачу в своем замечательном произведении «О развитии революционных идей в России» (1851). Он раскрыл сложный процесс развития передовой общественной мысли России, самостоятельное и творческое освоение лучшими ее представителями идейного опыта человечества в интересах революционного разрешения коренных национальных задач. Он показал, как прогрессивная общественная мысль и в особенности передовая русская литература все полнее отражала назревающий протест народных масс против крепостнического угнетения. Все более крепнувшая связь русской литературы с народными освободи-

¹¹³ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, стр. 520, «Русское слово», 1859, октябрь, отд. 2, стр. 41.

тельными стремлениями определяла, по мнению Герцена, последовательное укрепление в ней реализма. С этих позиций он глубоко оценил творчество наиболее замечательных русских писателей и поэтов — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, более точно и определенно раскрыв особенности их творчества, обусловленные русской действительностью, ее противоречиями, обстановкой самодержавного произвола и крепостнической реакции.

К рассматриваемому произведению Герцена непосредственно примыкает предисловие Огарева к сборнику «Русская потаенная литература» (1861). В бесцензурной, «потаенной», литературе наиболее отчетливо обнаруживались, по справедливому мнению Огарева, стремления прогрессивных деятелей России и свободолюбивые настроения, свойственные всей передовой русской литературе. «В подземной литературе,— писал он,— отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений». Подземная литература «являлась негаданно, то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу»¹¹⁴.

Характеризуя развитие русской литературы и культуры в целом, великие русские демократы рассматривали их в качестве важного органического элемента истории русского народа.

Чернышевский и Добролюбов проявляли глубокий интерес к истории освободительного движения в России. Отдельные яркие характеристики Радищева и декабристов давались Добролюбовым еще в студенческой газете «Слухи», Чернышевский сочувственно писал о петрашевцах в своем дневнике. Чернышевский и Добролюбов дали разностороннюю оценку общественно-политической деятельности великого революционер-демократа Белинского. «Что бы ни случилось с русской литературой,— писал Добролюбов,— как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением... в Белинском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития»¹¹⁵. Особенно показательна в этом отношении замечательная работа Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856), в которой подчеркивалась роль великого русского критика-демократа в борьбе за утверждение реализма в русской литературе и вместе с тем давалась и сжатая история русской общественной мысли 30—40-х годов, в которой выдающаяся роль принадлежала Белинскому. В том же произведении Чернышев-

¹¹⁴ Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. I, стр. 415.

¹¹⁵ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 470, 471.

ский сумел намекнуть русскому читателю и о деятельности Герцена. В 1856 г. Чернышевский написал обширную рецензию на сборник стихотворений Н. Огарева, в которой высоко оценил его творчество, сказав, что «с любовью будет произноситься и часто будет произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык»¹¹⁶. Всем знавшим о тесной дружбе Огарева с Герценом эта рецензия вновь напоминала и о «лондонском изгнаннике», самоотверженно боравшемся с самодержавием и крепостничеством¹¹⁷.

Однако Чернышевский и Добролюбов, как и все их соратники в России, не имели тех возможностей для освещения истории русского освободительного движения, которыми располагали Герцен, а затем и Огарев в годы их заграничной деятельности. Вопросы истории освободительного движения в России для Герцена и Огарева являлись одними из наиболее важных и потому они уделяли им много внимания в своих бесцензурных произведениях, изданных Вольной русской типографией в Лондоне.

Мы знаем, какое значение придавал Герцен освещению истории освободительного движения в России, особенно истории выступления декабристов, которых он рассматривал как своих революционных предшественников и духовных отцов¹¹⁸.

По тем же причинам тема истории декабризма привлекала пристальное внимание и Огарева. Движению декабристов он посвятил свою обширную работу «Разбор книги Корфа» (1858), разоблачавшую измышления придворного клеветника о выступлении декабристов. Издание этой работы хронологически совпало с выходом работ Герцена по истории декабристского движения. К той же теме Огарев вернулся в 1869 г., выступив со статьей «В память людям 14 декабря 1825». В этой статье Огарев, раскрывая последовательное развитие движения декабристов, их политических воззрений и подчеркивая огромную роль восстания дворянских революционеров, высказал многие мысли, совпадавшие с суждениями Герцена и своими собственными, отраженными в работах конца 50-х годов. Таков анализ программных документов декабристов, выдающейся роли Пестеля в декабристском движении, характера его политических взглядов и ряда других положений. Но вместе с тем в рассматриваемой статье Огарева содержались и такие суждения, которые

¹¹⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 562.

¹¹⁷ В 1861 г. в статье «Схоластика XIX века», помещенной в журнале «Русское слово», смело напомнил читателям о Герцене также Д. И. Писарев, назвав его «талантливым, рыцарски честным человеком» (Полн. собр. соч., т. 1, 1955, стр. 110).

¹¹⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 408—411.

оставались в тени в его статьях и статьях Герцена конца 50-х годов, не были достаточно развиты и обоснованы, а некоторые высказывались впервые, свидетельствуя об определенной эволюции Огарева в истолковании движения декабристов. Так, Огарев в своей статье более определенно раскрыл связь революционных целей декабристов с народными стремлениями к освобождению от крепостной зависимости. «Народ был взволнован,— писал Огарев,— и пугачевщиной прошлого столетия, указавшей ему в туманной дали свободу, войной 12-го года, стоившей ему стольких жертв и обещавшей ему в не менее туманной дали — свободу»¹¹⁹. Здесь Огарев отметил также важность объединения южан с Обществом Соединенных славян, целью которых было «создать из славянских племен федеративную республику»¹²⁰. Особое значение в деятельности Северного общества Огарев придал в рассматриваемой статье Рылееву, который «сделался самым деятельным членом Северного общества и был главным учредителем восстания 14 Декабря»¹²¹. Объясняя причины поражения декабристов, Огарев более отчетливо подчеркнул ошибки руководителей выступления на Сенатской площади, которые вовлекли солдат в это выступление, только ссылаясь на необходимость соблюдения верности присяге Константину, в то время как обещание народу свободы от крепостничества и уничтожение рекрутства «подействовало бы на войско сильнее, чем все присяги на свете»¹²². Огарев повторяет в рассматриваемой статье свой вывод, вполне разделявшийся Герценом и впервые им высказанный, относительно того, что основной причиной поражения декабристов являлось отсутствие у них связи с народом. Но одновременно в этой же статье настойчиво проводится мысль о «жертвенном» подвиге декабристов, якобы стремившихся только «заявить свою мысль всенародно, заявить пример, одним словом,— начать с тем, что они погибнут, но дело уже никогда не погибнет»¹²³. Это утверждение Огарева, конечно, являлось ошибочным.

Огарев, как и все революционные демократы, стремился извлечь из исторического опыта декабристов уроки для современного революционного движения. Одним из важнейших уроков он считал необходимость опоры на народ и твердость в руководстве восстанием народа против самодержавия: «...в другой раз надо распорядиться определеннее. Сами народные требования стали определеннее. Солдаты, очевидно, не откажутся от народ-

¹¹⁹ Н. П. О г а р е в. Избранные произведения, т. I, стр. 796.

¹²⁰ Там же, стр. 785.

¹²¹ Там же, стр. 788.

¹²² Там же, стр. 789—790.

¹²³ Там же, стр. 786.

ного восстания, но взять основательно в руки распоряжение — необходимо»¹²⁴.

В своих работах Герцен и Огарев осветили и другие вопросы истории общественного движения в России, в частности борьбу революционных демократов против славянофилов и либералов, деятельность кружка петрашевцев, насильственное устранение царизмом великого русского демократа Чернышевского из общественно-политической жизни, которое Герцен называл «безмерным злодейством»¹²⁵.

Герцен видел в Чернышевском замечательного публициста и писателя, выдающегося революционного деятеля и мыслителя, оказавшего могучее воздействие на передовых современников, воспитателя нового поколения революционных борцов-разночинцев, которые шли на смену революционерам из среды дворянства. Лично испытал определенное воздействие со стороны Чернышевского, в основном преодолев свои колебания в сторону либерализма, утвердившись на позициях революционного демократизма и признав тем самым правоту Чернышевского во многих вопросах, ранее их разделявших, Герцен заявлял в начале 60-х годов: «Для этой новой среды (разночинцев.— *Ред.*) хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба... Среди ужасов, нас окружающих, среди боли и унижений нам хочется еще и еще раз повторить им, что *мы с ними*, что мы живы духом и не хотим больше ни исправлять неисправимых, ни лечить неизлечимых, а хотим вместе с ними работать над отысканием путей русского развития, над разъяснением русских вопросов»¹²⁶.

Наконец, деятельность и воззрения самого Герцена получили оценку со стороны его единомышленника Н. П. Огарева, который посвятил характеристике своего ближайшего друга, выдающегося революционера и мыслителя, одного «из самых сильных деятелей в деле русской свободы», специальную статью «Памяти Герцена» (1870)¹²⁷.

Так в творческом содружестве революционных демократических деятелей, выступавших в России и за границей, широко разрабатывалась история русского освободительного движения.

Наряду с этими центральными темами своей исторической концепции революционные демократы дали анализ ряда других важных проблем русской истории.

¹²⁴ Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. I, стр. 793.

¹²⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 260.

¹²⁶ Там же, стр. 299—300.

¹²⁷ Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. I, стр. 797—799.

Считая своей первостепенной задачей изучение истории народа, революционные демократы начинали русскую историю задолго до так называемого «прихода варягов». Они нарушали тем самым традицию дворянско-буржуазной историографии, представители которой, в своем большинстве, рассматривали варягов как основателей русского государства и в его создании видели начало истории России.

Проследивая исторические судьбы восточного славянства до образования древнерусского — Киевского государства, характеризуя общественные отношения древних славян, распад их родового строя в результате появления частной собственности¹²⁸, Чернышевский и Добролюбов решительно разоблачали антинаучную норманскую «теорию». Раскрывая самостоятельность исторического развития русского народа, они подчеркивали решающую роль в процессе образования государства в России внутренних факторов. В борьбе со сторонниками норманской «теории» — Погодиным и славянофилами — Чернышевский и Добролюбов, не ограничиваясь доводами своих идейных предшественников — декабристов и Белинского, мобилизовали новую аргументацию, обратившись к анализу летописей, памятников народного творчества и других источников. Так, Добролюбов указывал, что «летописи упоминают князей, которые вовсе не должны были приходиться роднею Рюрику»¹²⁹. «Кто имеет хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, — писал Чернышевский, — видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси»¹³⁰. Чернышевский и Добролюбов были убежденными противниками норманской «теории» не только потому, что она противоречила их пониманию исторического процесса как процесса, обусловленного в основном внутренними, а не внешними факторами,

¹²⁸ Чернышевский отмечал принципиальное сходство развития общинных отношений у восточных славян, начиная с древнейших времен, с аналогичным процессом у других народов, в частности германцев. В полемике с Чичериным в 1856 г. по поводу исторических судеб русской общины он отвергал суждения буржуазного историка относительно решающей роли государства в смене форм общины в последующий период, полагая, что русская община развивалась органически и была генетически связана с древнейшей славянской общиной, как это было и у всех других народов (см. Полн. собр. соч., т. III, стр. 644—650).

¹²⁹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 248.

¹³⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 298. Огарев также отказывался признавать влияние норманнов на историческое развитие славян. Черты же сходства законодательных и судебных форм у славян и германцев, по его мнению, являлись следствием «некоторой однародности общественных отношений» («За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева», ч. 2. Лондон, 1861, стр. 261).

но и потому, что они отчетливо понимали реакционный политический смысл этой «теории», которая в их время использовалась для поддержания слабеющего авторитета самодержавной власти. В этом отношении Чернышевский и Добролюбов превосходили Герцена, который не занял принципиальной позиции по отношению к антинаучной норманской «теории» и недооценил политическое значение борьбы с ней.

Чернышевский и Добролюбов, борясь с идеализацией самодержавия и преувеличением роли государства в истории дворянскими и буржуазными историками, подчеркивали роль народных масс как решающей силы на всех этапах исторического развития России. Эту роль они усматривали в том, что народные массы еще в древние времена крепили могущество Киевского государства, сумевшего благодаря этому противостоять всем своим внешним врагам.

Характеризуя внутренний строй Киевского государства, Чернышевский и Добролюбов с большой проницательностью подметили социальное неравенство в древнерусском обществе. Чернышевский писал об обогащении дружины, которое «вело к разорению смердов»¹³¹. Добролюбов указывал на то, что в летописании, отражавшем интересы знати и духовенства, замалчивались судьбы народа, и потому, полагал он, «истории народа по данным летописным составить... невозможно»¹³².

Указание Чернышевского и Добролюбова на социальное неравенство в Киевской Руси отличает их исторические взгляды от взглядов Герцена, ошибочно отрицавшего это неравенство в рассматриваемый период.

В оценке так называемого «удельного периода» Чернышевский и Добролюбов также сумели высказать новые суждения сравнительно с Белинским и Герценом. Как известно, характеризуя «допетровский период» в истории России, Белинский, Герцен и Огарев переоценивали степень различия исторического развития России в этот многовековый период от развития западноевропейских государств. Так, Огарев, обосновывая это ошибочное заключение, полагал, что историческое развитие Западной Европы шло путем «бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства пролетариата»¹³³, в то время как в России якобы совершалось мирное заселение обширных, никем не занятых земель, что исключало, по мнению Огарева, отрицательные стороны западноевропейского развития. Россия не знала завоевания и присвоения земли. «Русское начало,— утверждал Огарев,—...экономическое, начало

¹³¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 329.

¹³² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 232.

¹³³ Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. I, стр. 108.

земельной собственности общественной и права каждого на пользование землею»¹³⁴. Такое противопоставление русского исторического процесса западноевропейскому было связано у Огарева, как и у Герцена, с утопической теорией «русского социализма».

Чернышевский и Добролюбов были свободны от указанной ошибки. Они подчеркивали принципиальную общность истории России и Западной Европы, следовательно, более последовательно проводили принцип закономерности в истолковании русского исторического процесса. Чернышевский склонялся к признанию феодальных отношений в России. «Средневековое распадение стран на мелкие владения приняло в Западной Европе форму феодализма,— писал он.—...У нас точно такое же распадение имело другую форму — форму раздробления государства по вотчинному праву...»¹³⁵. Для того чтобы оценить приведенные суждения Чернышевского, достаточно указать, что подавляющее большинство буржуазных историков еще в начале XX в. отрицало наличие феодализма в России.

Чернышевский и Добролюбов указывали на отрицательную роль удельных распрей между князьями, которые явились причиной ослабления сил русского народа в период татаро-монгольских завоеваний.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали решающую роль народных масс и в процессе образования единого русского государства. Они указывали на прогрессивный характер этого процесса в Западной Европе. Чернышевский писал: «...централизаторы были в тысячу раз лучше феодалов»¹³⁶. Учитывая признание им принципиального тождества западноевропейского и русского исторического процесса, можно отнести эту его оценку и к России.

Создание централизованного государства в условиях России было прогрессивным процессом в том смысле, полагал Чернышевский, что оно способствовало преодолению княжеских междоусобиц, подрывавших народные силы и национальное един-

¹³⁴ Н. П. О г а р е в. Избранные произведения, т. I, стр. 361.

¹³⁵ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. X, стр. 324. Чернышевский указывал на сходство удельных отношений в России и феодальных в Западной Европе еще в своем семинарском сочинении о причинах введения удельной системы в России (см. Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 373). Возникновение феодализма в Западной Европе он, как и все русские демократы, связывал, вслед за французскими историками периода реставрации, с завоеванием одних народов другими. В России же феодальные отношения возникли, полагал Чернышевский, в результате разделения древнерусского государства на отдельные княжества после смерти Ярослава в 1054 г. Такое понимание возникновения феодальных отношений крайне упрощает этот сложный исторический процесс.

¹³⁶ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 823.

ство. Но успешное завершение этого процесса Чернышевский целиком связывал с активной деятельностью народных масс, стремившихся к национальному воссоединению¹³⁷. Московские князья в своих стремлениях к созданию централизованного государства руководствовались своекорыстными мотивами. Этому соответствовали и противоречивые результаты рассматриваемого процесса: русский народ упрочил свою национальную независимость, но ценой усиления гнета со стороны государства, а также бояр и помещиков, ценой уничтожения последних остатков древнего народного самоуправления. Если представление об укрепляющемся централизованном государстве как антинародной силе обнаруживало глубину демократических исторических воззрений Чернышевского, то его стремление совершенно отрицать положительную роль московских князей в упрочении национального единства было ошибкой.

Подобная крайность являлась реакцией на переоценку роли государства в истории России буржуазными историками, а также была результатом стремления революционеров-демократов развенчать авторитет самодержавной власти не только в настоящем, но и в прошлом, что приобретало исключительно важное политическое значение в условиях назревания революционной ситуации в России.

Чернышевский правильно утверждал, что поместная система в России представляет собою «иерархию более или менее крупных поземельных владельцев — иерархию чисто феодальную»¹³⁸. В крепостнических отношениях Чернышевский справедливо усматривал признак феодализма в России. Но то и другое — поместную систему и крепостничество — он, как и Добролюбов, ошибочно считал созданием «централизации» — самодержавного государства, которое защищало интересы боярства и дворянства. «Вместе с уничтожением удельной системы, — писал Добролюбов, — начинается со стороны центральной власти ряд мер, противодействовавших переходу крестьян

¹³⁷ Чернышевский и его соратники придавали, вслед за Белинским, большое значение включению Новгорода в единое русское государство. В трактовке внутреннего строя Новгорода они также продолжали традиции Белинского. В отличие от Герцена и Огарева, следовавших за декабристами в идеализации вечевого строя Новгорода как выражения народо-властия, Чернышевский не идеализировал новгородский политический строй и видел в Новгороде носителя «провинциальных» — децентрализаторских стремлений, чуждых большинству русского народа (см. Полн. собр. соч., т. III, стр. 570). Шелгунов писал, что в Новгороде «простору для личности было много, а гражданской связи почти не существовало» (Соч., т. I, стр. 209). Шелгунов полагал, что «логическое развитие основ государственной жизни Новгорода шло своим порядком и подготовляло ему соединение с Москвой» (там же, стр. 210).

¹³⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 705.

и все более скрепляющих союз князей с боярами и всякими служилыми людьми»¹³⁹. В отличие от Белинского и Герцена, полагавших, что крепостное право было установлено только в конце XVI в., при Борисе Годунове, Чернышевский и Добролюбов относили начало закрепления крестьян к более раннему времени. Добролюбов указывал на последовательное отягощение народных масс до реформ Петра I, что нашло свое выражение в «Судебниках» Ивана III и Ивана IV, в развитии крепостнических отношений, завершавшихся юридическим их оформлением в «Уложении» 1649 г. «Ограничения перехода,— замечал Добролюбов,— видны во многих договорах московских князей; срок перехода определен в XV в. в Судебнике Иоанна III; меры закрепления являются с конца XVI в.»¹⁴⁰. Но Добролюбов, как и другие революционные демократы, не раскрыл экономических основ процесса закрепощения русского крестьянства.

Освещая историю России в канун преобразований первой четверти XVIII в., Чернышевский и Добролюбов разоблачали идеализацию славянофилами допетровской Руси как времени «гармонического развития», «единения власти с народом» и «благоденствия народа». Они указывали на усиление в XVII в. самодержавно-крепостнического гнета, отмечали также социально-политическую и культурную отсталость Русского государства от передовых западноевропейских стран, даже иногда допускали крайности в этом отношении, особенно в полемике со славянофилами. Но вместе с тем демократические деятели видели и ростки нового в этот период, назревание потребности в преобразованиях, призванных содействовать преодолению отсталости страны.

Важнейшие события русской истории, в особенности борьбу русского народа за национальную независимость, начиная с борьбы с польско-шведской интервенцией, Чернышевский и Добролюбов связывали с деятельностью народных масс. «С начала XVII века,— писал Чернышевский,— почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения»¹⁴¹.

Новое содержалось и в трактовке реформ Петра I Чернышевским, Добролюбовым и другими революционными демократами. Они не видели в петровских преобразованиях столь серьезного рубежа в истории России, как Белинский и Герцен, но вместе с тем придавали их изучению важное значение. В 50—60-х годах разработка этой исторической проблемы приобрела еще большую политическую актуальность, нежели в 40-х го-

¹³⁹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II, стр. 486.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 313.

дах прошлого века. В петровских реформах Чернышевский и Добролюбов, в отличие от славянофилов, видели прогрессивное содержание. Добролюбов, особенно много сделавший для освещения деятельности Петра I и его реформ, отказывался рассматривать эти реформы в качестве результата только личной инициативы самого монарха. Он не соглашался с упрощенным представлением Устрялова, считавшего Петра I «идеальным философом», с юных лет наметившим программу преобразования. «Петр был сильным двигателем,— указывал Добролюбов,— направление же движения было не от него... оно задавалось, как всегда и везде, ходом истории»¹⁴². Многие реформы Петра «были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа и вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси»¹⁴³. Величие Петра заключалось в том, что он осознал «потребности и стремления народа»¹⁴⁴.

Вместе с тем Чернышевский и Добролюбов сумели преодолеть идеализацию реформ Петра, свойственную в определенной мере Белинскому и Герцену в начальный период их деятельности. Более того, в борьбе с буржуазными либералами, распространявшими реформистские иллюзии накануне и в ходе буржуазных преобразований в России 60-х годов прошлого века, Чернышевский и Добролюбов выступали против либеральной идеализации реформ Петра I как исторического прообраза для решения новых коренных вопросов русской общественной жизни. Чернышевский указывал на необходимость судить о реформах Петра I с точки зрения «существенных интересов русского населения тогдашнего государства»¹⁴⁵. Рассматривая петровские преобразования с демократических позиций, Добролюбов отмечал их тяжесть для народных масс, страдавших от налогового гнета, рекрутских наборов, каторжного труда на строительстве крепостей, городов и каналов. В оценке этой стороны преобразования первой четверти XVIII в. содержались элементы понимания социальной обусловленности политики правительства Петра I. Однако Добролюбов, как и другие революционеры-демократы, был не в состоянии четко определить классовое существо реформ Петра I.

Чернышевский и Добролюбов справедливо замечали, что не все заимствования Петра из-за границы были целесообразными и что Петр, просвещая дворян, оставил в темноте народные массы. Реформы Петра I упрочили военное могущество

¹⁴² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 203.

¹⁴³ Там же, стр. 137.

¹⁴⁴ Там же, стр. 210.

¹⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, стр. 613.

России и ее международное значение, но не изменили, а лишь укрепили самодержавно-крепостнический строй. Подчеркивая этот вывод, Чернышевский писал: «Бороды сбрили, немецкое платье надели, но остались при тех же самых понятиях, какие были при бородах и старинном платье»¹⁴⁶. Эту же мысль развивал и Добролюбов: «...решительно не стоит убиваться из-за того, ежели в древности бояре в думе «сидели, брады свои уставя», а ныне чиновники в разных местах сидят, вовсе бород не имея,— иронически замечал он.— Ведь они и без бород так же точно *думают*, и точно так же *дело делают*, как прежде делали с бородами»¹⁴⁷. Не делая уступок «хвалителям Петра» — буржуазным либералам, борясь с их реформизмом, Чернышевский и Добролюбов отказывались видеть в реформах Петра I исторический пример для ожидаемых преобразований, обосновывая необходимость крестьянской революции в России.

Суждения Чернышевского и Добролюбова еще более заострял Д. И. Писарев. В статье «Бедная русская мысль», отдавая должное личным дарованиям Петра I, Писарев относил его к числу «мудрителей над жизнью», поскольку его преобразование не затрагивали основ народной жизни. В результате реформ Петра I совершенно не изменился «гражданский и экономический быт нашего престонородья», т. е. сохранился и был даже усилен крепостнический гнет над крестьянством. Писарев осуждал Петра I за насильственный способ осуществления преобразований¹⁴⁸. В той же работе Писарев подверг справедливой критике Белинского за его идеализацию деятельности и личности Петра I в статьях начала 40-х годов. В целом Писарев не поднялся до понимания исторических предпосылок и необходимости преобразований в России первой четверти XVIII в., свойственного Белинскому и в особенности Добролюбову. Он допускал явное преувеличение степени отсталости России накануне реформы Петра I, говоря о ее «жалком, подавленном прозябании» в XVII в.¹⁴⁹

В оценке событий русской истории, совершавшихся после преобразований первой четверти XVIII в., у Чернышевского и Добролюбова было много общего с суждениями и выводами их идейных предшественников. Они отмечали усиление меж-

¹⁴⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 612. Как известно, сходную оценку преобразований первой четверти XVIII в. давал в конце 50—60-х годов XIX в. Герцен (см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 402—403). Можно предполагать, что взгляды Чернышевского и Добролюбова в рассматриваемом вопросе помогли Герцену преодолеть свойственную ему ранее идеализацию реформ Петра I.

¹⁴⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 283.

¹⁴⁸ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 66, 70.

¹⁴⁹ Там же, стр. 65—66.

дународной роли и военного могущества России в результате реформ Петра I и в то же время указывали на засилие иностранцев, особенно в период «бироновщины», и осуждали преклонение высших слоев перед всем иноземным.

Чернышевский и Добролюбов указывали на всемирно-историческое значение борьбы русского народа за национальную независимость. Лживой легенде буржуазных западноевропейских и некоторых русских историков, видевших причину поражения французских войск в климатических условиях России, Чернышевский противопоставил вывод о том, что Россию привели к победе в 1812 г. «патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»¹⁵⁰.

С исключительной силой показал Чернышевский роль великого русского народа в мировой истории на примере его борьбы с татаро-монгольскими и французскими завоевателями. Народные массы России, говорил он, выступали спасителями западноевропейских народов «от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей... и другого ига — французов и Наполеона»¹⁵¹.

Таким образом, народные массы рассматривались революционерами-демократами в качестве созидательной силы на протяжении всей русской истории. Силой, угнетающей и тормозящей историческое развитие страны, выступали самодержавное государство и эксплуататорские сословия, лишавшие народные массы возможности проявлять свою творческую энергию во всей ее силе и могучем размахе. Такова была роль антинародных сил в прошлом, таковой она оставалась, по мнению демократических деятелей, и в настоящем.

Расправа с декабристами и петрашевцами, кровавое подавление крестьянских возмущений, венгерского и польского национально-освободительных движений, борьба с революционным движением в Западной Европе, проведение грабительской «крестьянской» реформы, преследование передовой общественной мысли и литературы — все эти и многие другие реакционные акты самодержавного правительства и крепостников не только вызывали гневное возмущение у демократических деятелей и убеждали их в необходимости насильственно уничтожить прогнивший самодержавный крепостнический строй как основное препятствие для прогрессивного развития страны, но и обогащали исторический опыт идеологов демократического движения.

Таким образом, все коренные вопросы исторической науки

¹⁵⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 490.

¹⁵¹ Там же, т. XIV, стр. 48.

своего времени демократические деятели разрешали как защитники интересов угнетенных народных масс, как мыслители-революционеры. Выдающееся значение достижений революционеров-демократов в развитии исторической науки подчеркивалось Ф. Энгельсом, давшим самую высокую оценку исторической и критической школе в русской литературе¹⁵².

II

А. П. ЩАПОВ — ИСТОРИК-ДЕМОКРАТ

Афанасий Прокофьевич Шапов (1831—1876)¹⁵³ в истории русской академической историографии — явление исключительное. Из числа историков, занимавших кафедру в высших учебных заведениях, это единственный ученый, оценивавший исторические явления с точки зрения народных интересов и потребностей.

А. П. Шапов родился в глухом сибирском селении Анге Иркутской губернии, расположенном на одном из притоков Лены. Его отец был дьячком этого селения, а мать, бурятка по национальности, — неграмотной крестьянкой. Обучался Шапов в Иркутской духовной семинарии, по окончании которой был послан для продолжения образования в Казанскую духовную академию, которую окончил со степенью бакалавра в 1856 г., и начал читать там же курс русской истории. Вскоре началась и его литературная деятельность, первоначально в журнале «Православный собеседник». Еще студентом Шапов стал работать в богатом собрании старинных рукописных книг, хранившихся в Соловецкой библиотеке, эвакуированной во время Крымской войны в Казань. Эта работа дала ему ценнейший материал для первых научных работ по истории раскола. В 1858 г. издается монография молодого ученого «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII». Через три года вышла его другая монография, посвященная той же теме, «Земство и раскол». В последней работе Шапов дал иную концепцию раскола и причин, его вызвавших, нежели в первой. Это объяснялось весьма существенным переломом в его умственном и политическом развитии.

¹⁵² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 277. См. ниже стр. 239, 265 настоящего издания.

¹⁵³ Точная дата года рождения А. П. Щапова установлена М. К. Азатовским на основании выписки из метрической книги Ангинской церкви за 1831 год (см. М. Азатовский. Заметка о годе рождения А. П. Щапова.— «Советская Азия», 1930, № 5—6 (35—36) стр. 354).

С осени 1860 г. Шапов начал читать курс русской истории в Казанском университете. Уже вступительная его лекция привлекла к себе общее внимание в Казани. Две основные идеи были положены Шаповым в основу лекции — идея народности и идея децентрализации. Он начал лекцию словами: «Скажу наперед: не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на университетскую кафедру русской истории». Шапов указывал далее, что «главный фактор в истории есть сам народ» и что поэтому «сущность и содержание истории есть жизнь народная». Этим заявлением Шапов резко порывал с господствовавшей в то время в русской исторической науке историко-юридической школой, сводившей историю страны к истории государства, противопоставлял ей новую историческую концепцию. Шапов считал важной особенностью русской истории «начало областности»: «Русская история, — говорил Шапов, — в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа... Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации»¹⁵⁴. Эти же мысли легли в основу его последующих работ.

Кроме основных курсов учебного плана Шапов читал лекции «особого приготовления», тематика которых относилась к запретной сфере и имела особую по тем временам политическую остроту, — это лекции о декабристах, о развитии в России революционных идей, о конституции. В своем произведении «Гражданская грусть» (написано в 1862 г.) Шапов отмечает, что он с увлечением читал произведения «горемычного, сердечного Шевченко», «Думы» «бессмертного Рылеева», «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. В дошедшем до нас тексте лекции «О конституции» Шапов смело протестует против абсолютизма, защищая демократическую идею народного представительства¹⁵⁵.

Преподавательская деятельность Шапова в Казанском университете оказалась весьма непродолжительной.

16 апреля 1861 г. Шапов принял участие в панихиде, устроенной казанскими студентами по крестьянам, убитым при подавлении восстания в селе Бездна. Панихида вылилась в политическую демонстрацию. Шапов произнес речь, закончив ее словами: «Да здравствует демократическая конституция!»¹⁵⁶. Этому лозунгу предшествовали слова Шапова о том,

¹⁵⁴ А. П. Шапов. Неизданные сочинения. — Оттиск из «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 2—3. Казань, 1926, стр. 12, 13.

¹⁵⁵ Там же, стр. 38—58.

¹⁵⁶ «Красный архив», 1923, т. IV, стр. 410.

что земля, политая потом и кровью народа, призовет его к восстанию и свободе.

В связи с этим выступлением Шапов был арестован и отправлен в Петербург, где был назначен на работу в Министерство внутренних дел, насильственно оторван от студенчества и преподавания в университете.

В Петербурге широко развернулась литературная деятельность Шапова. Он общался с Н. Г. Чернышевским и кругом «Современника», участвовал в ряде журналов, сблизился с «Русским словом». Идеи ведущего сотрудника этого журнала Д. И. Писарева позже оказали на Шапова большое влияние. Через лиц, близких к Чернышевскому, Шапов установил связь с А. И. Герценом и стал готовить для «Колокола» статью о русском дворянстве.

В 1864 г. в связи с тем, что правительству стало известно о сношениях Шапова с издателями «Колокола», он был выслан из Петербурга на родину, в селение Ангу, а оттуда вскоре переведен в Иркутск. Безрадостную жизнь вел Шапов в этом городе, где ему суждено было и умереть в полной нищете.

Воспитание в семинарии и духовной академии не могло не наложить отпечатка на взгляды Шапова в его молодые годы. В начале его научной деятельности мировоззрение его отличалось большой противоречивостью. Шапов всегда был близок к народу и его интересам, отсюда его демократическая настроенность, проявлявшаяся во всех его сочинениях. Однако на первых порах демократические элементы в его мировоззрении причудливо соединялись с влиянием традиционной идеологии православной церкви. В этом отношении особенно показательны названная выше книга «Русский раскол старообрядства» и брошюра «Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей» (1858), ставящая вопрос о крепостническом угнетении, но доказывающая, что русская церковь и ее духовенство будто бы всегда защищали угнетенных и стояли за отмену холопства и крепостного права. Обе эти работы Шапова получили резко отрицательную оценку на страницах «Современника», руководимого Чернышевским. Первая из них была прорецензирована Н. А. Добролюбовым, убедительно показавшим ошибочность точки зрения автора¹⁵⁷. На вторую же его работу «Современник» отозвался статьей М. А. Антоновича «Что иногда открывается в либеральных фразах?». Автор этой статьи указывал, что книга Шапова «сочинение не историческое, а полемическое» и что Шапов, по примеру всех церковных историков, ставит своей задачей не научное изучение исторических судеб раскола, а его «обличение»¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., IV, стр. 318—323.

¹⁵⁸ «Современник», 1859, кн. 9, стр. 42, 45.

Несмотря на резкость этого отзыва о книге Щапова, ему нельзя отказать в обоснованности. Книга действительно отличалась крайней непродуманностью и противоречивостью концепции. С одной стороны, в ней можно было встретить оценку раскола как демократического и противогосударственного движения. Щапов видел в нем проявление недовольства низших классов общества своим тяжелым положением, протест против произвола управителей и против злоупотреблений помещиков¹⁵⁹. Однако наряду с этим он указывал, что раскол является отклонением от «прямого пути», по которому шла православная церковь, и что именно это отклонение и привело раскольников к протесту против государства. Раскол тянул страну назад, в то время как «благодетельное» правительство стремилось вести ее вперед. Расколоучители рассматривались им как представители «тьмы» в ее «борьбе со светом». Раскол — это «отрицание просвещения», возникшее в результате нравственной испорченности русского общества¹⁶⁰.

В изображении Щапова православная церковь и Московское государство выступали в роли строителей нравственного и правового порядка, основанного на «христианской всепримиряющей любви». Щапов, будущий противник государственной централизации, в это время восхвалял «зиждительное» и «благоустроительное» начало государственной власти.

Оценка книги Щапова, данная «Современником», наиболее авторитетным и передовым журналом того времени, помогла Щапову пересмотреть свои идейные позиции. Результаты этого пересмотра проявились в новом сочинении — «Земство и раскол», в котором Щапов полностью отказался от взгляда на раскол как на результат невежества масс и злонамеренности их вожakov. Теперь он видит в расколе одно из проявлений борьбы народа против московской государственной централизации. Раскол, по новому мнению Щапова, вырос на почве «земской розни», возникшей после того, как в XVII в. низшие классы общества почувствовали «скорбь и тяготу от тягла *государевой казны*, от злоупотребления государевых чиновников, писцов и дозорщиков, от насилия бояр». Все эти явления «порождали вопиющее экономическое неравенство в народе», вызывавшее восстания и бунты. Раскол рассматривается теперь Щаповым как «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского»¹⁶¹. Таким образом, причины раскола имели политический и социальный характер, Щапов

¹⁵⁹ А. П. Щапов. Соч., т. II. СПб., 1906—1908, стр. 173—174, 410, 433, 439.

¹⁶⁰ Там же, стр. 221, 242, 246.

¹⁶¹ Там же, т. I, стр. 452, 456, 460.

возражал тем, кто сводил их к религиозно-фантастическим или мистико-апокалиптическим верованиям.

В «Земстве и расколе», а также в других работах Шапова 1861—1862 гг. получили развернутое обоснование уже известные нам основные положения его вступительной лекции 1860 г. в Казанском университете. Эти положения развиты и в статье «Земские соборы в XVII столетии», напечатанной в 1862 г. в журнале «Век». В ней Шапов указывал, что русские областные общины допетровского периода выражали «три великих принципа областной народной жизни»: «принцип федеративной союзности», «принцип местной областной совещательности» и, наконец, «потребность всеобщего, земского народосоветия», выражавшуюся в XVII в. в виде земских соборов¹⁶². Идеализируя порядки того времени, Шапов утверждал, что в первоначальных областных общинах «не было сословного разъединения... а было только естественное разделение труда, культуры и промышленности по свободному выбору земских людей»¹⁶³. Только под влиянием воздействий извне появились в общинах «чуждые разделительные элементы». Однако ни византийское влияние, ни московский централизм, ни преобразования Петра I не могли полностью искоренить «мировой дух», искони отличающий русский народ. Шапов писал: «корень вольнонародного, земсковечевого, самим народом созданного мира уцелел в могучем крестьянском мире, в сельской общине»¹⁶⁴. Шапов мечтал о том, чтобы перестроить Россию наподобие сельского мира. Он призывал русское общество учиться у крестьянской общины мира началу «народосоветия», мирской инициативе и совещательности. Будущая Русь представлялась ему федеративным государством, состоящим из отдельных самоуправляющихся областей, делящихся в свою очередь на самоуправляющиеся общины, сельские и городские.

Пребывание в Петербурге, встречи с Чернышевским и чтение «Современника» привели к дальнейшим изменениям взглядов Шапова на историю вообще и на историю русского народа в частности. Изучая произведения Чернышевского, Шапов понял, что счастье народа, вся его история и возможность достигнуть благосостояния определяются не столько юридическими формами, в которые укладывается его жизнь, сколько его экономическим положением, которому Шапов ранее почти не уделял внимания в своих работах и на важность которого он, как мы уже отмечали, указал в своей книге «Земство и раскол». Шапов признал ошибочной свою мысль о том, что «благосостояние русского народа зависит от хороших или правильных

¹⁶² А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 710.

¹⁶³ Там же, стр. 753.

¹⁶⁴ Там же, стр. 762.

государственных учреждений, от постепенных политических реформ — административных, юридических, гражданских». Он понял, что «невозможно никакими историко-юридическими или административными мерами искоренить в мире голод и бедность»¹⁶⁵.

Щапов сам указывал, что эти новые для него мысли были внушены ему переводчиком и критиком «Политической экономии» Милля, т. е. Чернышевским, фамилию которого он в то время, когда писал приведенные нами строки (1864), по цензурным условиям назвать не мог¹⁶⁶.

Работы Щапова о расколе, несмотря на все их слабые стороны, имеют большое историографическое значение в истории научного исследования старообрядчества. В то время как прежние исследователи раскола, принадлежа преимущественно к руководящим кругам православного духовенства, рассматривали раскол с догматических позиций, видя в нем лишь скопление «еретических» вымыслов и ставя своей целью показать торжество официальной православной ортодоксии над заблуждениями отвергнутых церковью лжеучений, Щапов впервые поставил вопрос о расколе, как о народном движении. Он видел в нем не формально-догматическое содержание, а народную борьбу против угнетения крепостническим централизованным государством. Это было принципиально ново и чрезвычайно плодотворно в историографическом отношении.

После спада революционной ситуации и неудачи первого демократического натиска, наступление которого было отбито самодержавием, развитие исторического мировоззрения Щапова вступает в новый период. Продолжая поиски материалистического мировоззрения, Щапов стремится сделать исторические явления объектом естественнонаучного исследования. Методы естествознания должны, по мнению Щапова, стать приемами исторического исследования. Свои новые принципы Щапов изложил в работе «Естествознание и народная экономия». Посвятив эту установочную статью Писареву и всем сотрудникам «Русского слова», Щапов тем самым подчеркивал, какое значение в истории своего умственного развития он придавал произведениям этого писателя и его товарищей по журналу.

Насколько глубоко переживал Щапов новый поворот в своем идейном развитии, можно судить по тому, что в 1864 г. он публично отрекся от своих прежних произведений. Свою земскообластную теорию, развитую в 1860—1862 гг., он

¹⁶⁵ Там же, т. II, стр. 157, 160.

¹⁶⁶ Там же, стр. 159.

начинает теперь рассматривать как разновидность историко-юридической теории. Он приходит к выводу, что последняя имеет два варианта: одни представители этой школы, наиболее последовательным из которых Шапов считал Б. Н. Чичерина, ставят во главу угла своих научных изысканий абстрактную идею государства и ее исторического развития, другие последователи этой же школы твердят «не о централизации, не о единстве государственном, не о слиянии народа с государством, а о земстве, о народе, о земском самоуправстве, саморазвитии, самосуде и самоуправлении, о децентрализации, о земских соборах и об областных земских собраниях, об общинах сельских и городских и т. д. В том числе грешен был и я,— писал Шапов,— ...земство и земское саморазвитие было моей «*idée fixe*»»¹⁶⁷. Такую свою прежнюю точку зрения Шапов признает теперь ошибочной, порожденной «совершенным отсутствием естественных знаний»¹⁶⁸. Поняв это, Шапов, по его словам, начал размышлять «о взаимодействии и взаимоотношении сил и законов внешней, физической природы и сил и законов природы человеческой». В результате своих раздумий Шапов пришел к выводу, что «какая бы то ни было, хоть бы самая совершенная, абстрактная социально-юридическая теория не прочна, произвольна без единственно прочных основ — естественнонаучных, физико-антропологических»¹⁶⁹.

Мы говорили уже об интересе к вопросам экономики, пробудившемся у Шапова под впечатлением трудов Чернышевского. Однако Шапов был весьма далек от правильного понимания значения экономических явлений. Он считал, что «абстрактная, философская экономическая теория сама по себе еще не может разрешить вопроса жизни и развития человеческих обществ», экономическая теория способна только раскрыть ложь и ненормальность современного экономического строя и указать на рациональные начала нормального экономического развития народа. «Переделать же настоящий экономический мир она не в силах»¹⁷⁰. Как видно из этих слов, Шапов искал такую теорию, которая была бы в состоянии переделать мир. Ему казалось, что такой теорией является «естественнонаучное» объяснение развития исторической жизни человечества.

Вслед за Писаревым Шапов начинает придавать громадное значение распространению естественных наук в массах. В этом он хочет найти единственный верный путь к переделке

¹⁶⁷ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 157—158.

¹⁶⁸ Там же, стр. 158.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, стр. 163

современного экономического строя и к поднятию материального благосостояния трудящихся масс. С его точки зрения, бедность и богатство являются историческими аномалиями, порожденными «изначальным бессилием человеческого разума в области экономии природы, всеобщим и совершенным незнанием ее»¹⁷¹. Изучение природы является единственным ключом, открывающим путь «в область рациональной народной экономии», т. е. к правильному экономическому устройству общества. Шапов полагал, что знание природы поможет человеку ослабить свою зависимость от нее. Как и Писарев, он придавал определяющее значение в истории человечества географической среде и климатическим условиям, в которых проходит жизнь того или другого народа.

Шапов мечтал о перенесении в историческую науку точных методов и приемов изучения, принятых в науках естественных. Он, как и Писарев, не понимал, что закономерности в развитии общественных форм существенно отличаются от закономерностей, наблюдающихся в царстве природы. Своей обязанностью как историка русского народа он считал обследование исторических судеб этого народа при помощи естественнонаучного метода, опираясь на все достижения современного ему естествознания. На статью «Естествознание и народная экономия», упомянутую нами выше, он смотрел только как на предварительное и по необходимости сжатое изложение своих новых взглядов на исторический процесс.

Шапов намеревался подробно изложить и обосновать на конкретном материале свои новые взгляды в большой работе, посвященной истории умственного развития русского народа. Ссылка в Сибирь помешала ему привести в исполнение это намерение. Тем не менее он написал ряд работ, которые являлись крупными фрагментами задуманного им большого труда. Таковы «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа», «Физическое и антропологическое мировоззрение и социальное развитие русского общества» и ряд других.

В них он выступал как человек, стоящий на позициях естественнонаучного материализма. С этих позиций в поисках научного метода он стремится пересмотреть всю русскую историю.

Шапов исходит из мысли, что природные условия определяли всю человеческую жизнь с самого начала истории человечества. Правда, с течением времени значение и влияние их уменьшаются в той мере, в какой человек научается понимать природу и использовать ее в своих интересах. Однако

¹⁷¹ Там же, стр. 163.

несмотря на это, природные условия не перестают воздействовать на человека и общество, определяя и его хозяйственный строй, и административно-политические порядки, и его идеологию. Преувеличивая значение географической среды, Шапов не понимал, что она воздействует на человечество через производственные отношения, а не непосредственно. Шапов же считал, что ими порождается известная психофизиологическая организация человека. Ослабить влияние природных условий может только наука. Она является главенствующим фактором исторического прогресса. «Бесспорно,— пишет он,— что главный фактор в истории человеческого развития есть разум, обращенный к изучению природы, творящий открытия в области естествознания и в сфере умственной и материальной цивилизации»¹⁷². Таким образом, сторонник естественнонаучного материализма Шапов в вопросах истории и обществоведения фактически остается на идеалистических позициях, признавая, что человеческий разум правит миром.

Тем не менее Шапову иногда удавалось в той или иной степени приближаться к материалистическому решению вставших перед ним конкретных исторических проблем. Так, например, вслед за Чернышевским Шапов оспаривал точку зрения тех историков, которые приписывали создание земледельческих общин государственной власти, действовавшей в фискальных целях; он утверждал, что народ сам организовывал общины и артели для того, чтобы «сообща», коллективными усилиями покорять своей воле суровую природу¹⁷³.

Экономическими же причинами объяснял Шапов и закрепощение крестьян. «Не имея решительно никакой возможности справиться с лесом,— писал он,— для того чтобы, распахавши пашню, добывать свой хлеб насущный и обстроиться своим двором, бедняки волей неволей должны садиться на чужой земле, «поряжаться во крестьяне» к богатым собственникам землевладельным для того, чтобы иметь готовый двор, избу, рабочий скот и даже денежную подмогу или ссуду»¹⁷⁴.

Однако, несмотря на эти отдельные материалистические догадки, Шапов все же оказался не в силах вырваться из плена исторического идеализма. Это особенно ясно из его работ, посвященных истории культурного развития России, в частности из книги «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1869). Книга эта привлекла в свое время большое внимание читателей и критики. Одни рассматривали эту книгу как первую в русской литературе

¹⁷² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 398.

¹⁷³ Там же, стр. 238.

¹⁷⁴ Там же, стр. 240—241.

попытку применения к исторической науке методов точных наук (П. А. Ровинский)¹⁷⁵. Другие, как В. О. Ключевский, отмечали в качестве заслуги автора то, что его книга «содержанием своим... вводит читателя в сокровенные глубины народной жизни, куда неохотно заглядывает наша ученая литература»¹⁷⁶. Наряду с этим критика отмечала и недостатки работы Шапова. Так, справедливо указывалось, что невозможно измерять степень умственного развития страны исключительно степенью прогресса естественнонаучных знаний.

Шапов делил историю умственного развития русского народа на два периода: первый — допетровский, который он характеризовал как период самобытности развития и медленного культурного прозябания, и второй, наступивший со времени петровских реформ и озаглавленный вступлением нашей страны на путь общеевропейского развития. В допетровский период умственное развитие русского народа определялось в основном процессом колонизации страны, ходом овладения территорией, вошедшей в состав государства. Процесс же колонизации зависел от географических условий, в первую очередь от климата, отразившегося, по мнению Шапова, на самом характере нашего народа. Тяжелые природные условия заставили русский народ заниматься почти исключительно физическим, а не умственным трудом: у русского рабочего люда сила мускулов развита гораздо больше, чем сила умственная. У нас «много веков вовсе не было мыслящего класса»¹⁷⁷. Руководящая роль в культурном развитии в течение этого периода принадлежала церкви. При Петре и после него эта роль перешла от церкви к государству. Шапов считал основным, краеугольным фактом русской истории этого периода то, что «во главе народной деятельности в России всегда стояло правительство»¹⁷⁸.

Шапов верил в близость наступления третьего периода истории России, когда во главе ее умственного развития станет не церковь и не государство, а сам народ. Поэтому Шапов считал очередной и неотложной задачей, стоящей перед нашей страной, максимально широкое распространение образования в народе, создание народной интеллигенции. Мысль о том, что «парней деревенских» нельзя обучать «высшим естественным наукам», Шапов считал старым заблуждением, завещанным метафизикой крепостного права¹⁷⁹.

¹⁷⁵ П. Ровинский. Поворот в русской исторической науке.— «Неделя», 1870, № 21—22.

¹⁷⁶ В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. М., 1914, стр. 135.

¹⁷⁷ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 125.

¹⁷⁸ Там же, стр. 38.

¹⁷⁹ Там же, стр. 390.

В сибирский период своей жизни Шапов познакомился с «Капиталом» К. Маркса, который произвел на него большое впечатление. Ему не удалось стать на позиции марксизма, его знакомство с Марксом и интерес к нему не выходят за пределы народнического восприятия. Но самый факт изучения Шаповым Маркса заслуживает внимания и свидетельствует о страстных поисках правильной материалистической теории.

Для того чтобы яснее представить место Шапова в истории русской исторической науки, необходимо остановиться на отношении его к основным направлениям русской исторической и политической мысли его времени.

Отрицательное отношение Шапова к историко-юридической школе достаточно ясно из вышеизложенного. Многие сближали взгляды Шапова со славянофильскими и считали, что исторические работы представителей славянофильства оказали большое влияние на его взгляды. Даже Плеханов находил, что «в Шапове были очень сильны славянофильские тенденции»¹⁸⁰. Однако согласиться с такой точкой зрения никак нельзя. Шапова внешне сближала со славянофилами идеализация допетровской жизни, которую можно найти в его сочинениях 1860—1862 гг. Однако Шапов и славянофилы идеализировали совершенно различные стороны русской жизни того времени. Шапов противопоставлял земство государству и в борьбе между двумя этими началами усматривал сущность русской истории того времени. Он расценивал московскую централизацию как явление отрицательное, враждебное исконным началам русской жизни. Его симпатии были на стороне народа, борющегося за свою волю против покушающегося на нее государства. Славянофилы же отрицали существование этой борьбы, утверждая, вопреки исторической очевидности, будто бы покорность власти и незаинтересованность в политических правах являлись основными качествами, отличавшими русский народ от других народов. Шапов видел в земских соборах ограничение самодержавной власти царей в пользу земства. Славянофилы же рассматривали эти соборы исключительно как совещательные органы, предоставляя им только свободу «мнения», а всю власть оставляя царю. Славянофилы идеализировали допетровскую Русь, находя, что Петр I своими реформами свернул страну с правильного пути. Шапов же находил, что это произошло значительно раньше Петра в связи с укреплением московского самодержавия.

Шапову была чужда националистическая ограниченность славянофилов. «Мы верим,— писал он,— в русскую народность, но, не теряя этой веры, не должны забывать и того, что

¹⁸⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. II. М.—Пг., 1923—1927, стр. 15.

русская народность существует не для себя самой исключительно, но и для всех европейских народов, для всего человечества, как западного, так, в частности, и для восточного... Народ русский должен примирить, соединить в братский союз Восток с Западом»¹⁸¹. В этом Щапов усматривал историческое призвание русского народа.

Не менее отрицательно, чем к славянофилам, относился Щапов к западникам. Упрекая их в односторонности и восставая против их низкопоклонства перед Западом, он писал: «...у некоторых наших историков и публицистов европейское направление доходит до отрицанья самостоятельности народного исторического характера, творческого такта, всех живых, самобытных сил, зачатков основных стихий народной социальной жизни». Щапов при этом считал, что Запад может поучиться у русского народа началам «свободно-общинного быта». Русский народ призван доказать Западу «великое начало свободной ассоциации труда»¹⁸².

Эти высказывания Щапова, равным образом как и его проповедь перестройки России по образцу крестьянского «мира», ясно свидетельствовали о влиянии на него «русского социализма» Герцена и Огарева, или, другими словами, народничества, родоначальником которого являлся издатель «Колокола». Областническая теория Щапова совпадала в основном с мнением Огарева о «вреде» государственной централизации и «пользе» деления России на области, какое мы находим в статьях Огарева, печатавшихся в «Колоколе».

Однако народничество было явлением весьма сложным, развитым преемниками и продолжателями Герцена в различных направлениях. Поэтому сказанное выше об отношении Щапова к Герцену и Огареву отнюдь не исчерпывает вопроса об отношении его к народничеству. Г. В. Плеханов в статье о Щапове, написанной в 1883 г., указывал, что работы этого историка явились «значительным вкладом в теорию народничества». Плеханов считал, что народники заимствовали у Щапова его взгляды на взаимоотношения народа и государства, на роль раскола и на значение поземельной общины. Отрицательное отношение Щапова к исторической роли государства, по словам Плеханова, «совпало в умах наших народников с анархическим учением Прудона и Бакунина и послужило как бы его историческим объяснением»¹⁸³.

Сочинения Щапова, написанные в 1860—1862 гг., подтверждают точку зрения Плеханова. Взгляды Щапова на значение

¹⁸¹ А. П. Щапов. Соч., дополнительный том. Иркутск. 1937, стр. 3—4.

¹⁸² Там же, стр. 5.

¹⁸³ Г. В. Плеханов. Соч, т. II, стр. 10, 16.

земского элемента в русской истории, на борьбу народа против государственной централизации, на необходимость создания федерации самоуправляющихся общин, не говоря уже об отношении Шапова к расколу, в известной мере сближались со взглядами Бакунина и его последователей, а отчасти и с установками П. Л. Лаврова. Однако Плеханов не прав в том отношении, что не обратил внимания на перелом, происшедший во взглядах Шапова в 1863 г. Если взять его работы, написанные после этого года, то мы не найдем уже в них отмеченных выше элементов, сближавших его с народниками. С его новой исторической концепцией народники никак не могли бы согласиться. Так, если бакунисты и лавристы рассматривали Россию как страну в основном земледельческую и считали русскую капиталистическую промышленность явлением случайным, наносным, то в отличие от них Шапов, вслед за Писаревым, приветствовал развитие промышленности в нашей стране, высказывал убеждение, что русский народ отстал от западных народов «именно оттого, что всегда был главным образом земледельческим народом». Таким образом, народники типа Бакунина и Лаврова для обоснования своей программы могли использовать только те статьи Шапова, от которых их автор торжественно отрекся, признав их ошибочность.

Необходимо остановиться также на отношении Шапова к сибирским областникам, «сепаратистам», по делу которых он, вскоре после ссылки в Сибирь, был арестован. Привлеченные по этому делу к суду члены кружка интеллигентов-сибиряков (Потанин, Ядринцев и др.) мечтали об отделении Сибири от России и о превращении ее в федеративную республику.

Члены этого кружка на допросах рассказали, что их убеждения сложились в значительной мере под влиянием сочинений Шапова. Один из арестованных высказал даже догадку, что прокламации, отобранные у членов кружка, были написаны Шаповым. Не имевший в действительности никакого отношения к этим прокламациям, Шапов отозвался о них на допросе очень резко: «Не писал таких глупых прокламаций и не способен писать их». План образования из Сибири самостоятельного государства Шапов назвал «совершенно несообразным с современным состоянием Сибири» и «даже нелепым». Необоснованность предъявленного к нему обвинения была настолько очевидна, что царский суд оправдал его. Показания Шапова можно считать вполне искренними, так как с его точки зрения планы заговорщиков действительно представлялись нелепыми. Шапов понимал, что Сибирь может развиваться нормально лишь в составе России.

Сибирские областники разделяли взгляды Шапова на громадное значение географических и климатических условий

в истории человечества. На программе областников отразились те мысли, которые Щапов развивал в статьях 1860—1862 гг. относительно принципа «областности» и федеративного устройства страны. Однако позже Щапов, прежде относившийся с непримиримой враждебностью к централизации, в 1863 г. в статье «Новая эра» признал, что «московская и имперско-петербургская централизация наша имела то важное значение, что создала особый внешний порядок в России и собрала в одну семью, в один союз все бродившие врозь славянские и инородческие племена». Он признавал теперь частичную правоту как федералистов, так и централизаторов, указывая, что «эти направления заключают в себе каждое большую или меньшую долю истины»¹⁸⁴.

Отталкивала Щапова от областников и откровенная защита ими интересов крупной сибирской буржуазии и кулаков. Ядринцева, например, не страшили «буржуазные инстинкты», так как он был уверен, что «инстинкты» сибирской буржуазии «не похожи по качеству на западноевропейские»¹⁸⁵. Щапов же не мог согласиться с таким делением буржуазии на плохую и хорошую. Его резко отрицательное отношение к сибирской буржуазии, как и буржуазии вообще, ясно из его статьи «О развитии высших человеческих чувств»¹⁸⁶. Здесь Щапов дал чрезвычайный резкий отзыв о сибирском обществе и об его «эгоистически-приобретательных буржуазных наклонностях». Статья эта интересна и потому, что отражала впечатления Щапова от Иркутска — одного из крупнейших центров сибирской буржуазии. Идеологи этой буржуазии областники не могли простить Щапову этой статьи; их озлобление против него после напечатания ее в 1872 г. было настолько велико, что они характеризовали эту статью Щапова как проявление «самодовольного западничества» и доходили до обвинения Щапова в «измене» родине.

* * *

А. П. Щапов — крупная фигура русской демократической историографии. Искренняя любовь к простому народу, горячая преданность его интересам, сочувствие его страданиям и горю роднили Щапова с революционными деятелями 60-х годов. Народ в представлении Щапова, как и Чернышевского, был истинным творцом истории. Основной научный интерес

¹⁸⁴ А. П. Щапов. Собр. соч., дополнительный том, стр. 5—6.

¹⁸⁵ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину, вып. 1. Красноярск, 1918, стр. 51, 130, 141, 151.

¹⁸⁶ А. П. Щапов. Соч., т. III, стр. 606—642.

Шапова, центральная тема всех его исторических работ,— это жизнь русского народа и его история на протяжении столетий. Многочисленные исторические работы Шапова, научная ценность которых снижалась из-за ошибочной методологии их автора, сохраняют, однако, свое значение благодаря богатству собранного в них материала, освещающего различные стороны жизни русского народа. Обобщающий труд по истории умственного развития русского народа, задуманный Шаповым в сибирской ссылке, поражает грандиозностью замысла и является памятником страстных поисков правильной теории материалистического объяснения истории, поисков, характерных для лучших представителей русской передовой науки. Ценны для нас и труды Шапова, посвященные расколу и его времени, рисующие упорную борьбу народа за право на достойное человека и материально обеспеченное существование.

Глава II

ДВОРЯНСКО-БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

I

ОФИЦИАЛЬНОЕ ОХРАНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Официальная историография, отражавшая идеологию господствующего класса помещиков, и после реформы продолжала носить охранительный, реакционный характер. В своих принципиальных основах она была тесно связана с дореформенной дворянской историографией.

Кроме общей классовой базы и идейно-политической общности официальной историографии дореформенного и пореформенного периодов, связь между ними обеспечивалась также и тем, что деятельность таких видных историков этого направления, как М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов, сформировавшихся в качестве ученых еще в первой половине XIX в., продолжалась и в пореформенный период. Правда, М. П. Погодин во второй половине XIX в. уже не создал крупных исторических работ, ограничиваясь главным образом переизданием написанного ранее, но оставался одним из наиболее влиятельных представителей официально-монархической идеологии. Н. Г. Устрялов свой основной труд «История царствования Петра Великого» завершил в первой половине 60-х годов. В пореформенный период продолжалась его деятельность в Петербургском университете и Академии наук. Как Погодин, так и Устрялов оказывали значительное воздействие на историографию охранительного направления пореформенного периода.

У представителей охранительного направления пореформенного периода история России по-прежнему сводилась в основном к политической истории, причем преобладающее внимание уделялось укреплению самодержавного государства, деятельности самодержцев и других носителей власти.

Официальной историографии рассматриваемого времени свойственны были, однако, и некоторые новые черты, поро-

жденные иными условиями, отличавшие ее от дворянской историографии предшествующего периода. Ей пришлось мобилизовать свои силы на борьбу против демократического лагеря, на то, чтобы реагировать на успехи прогрессивных направлений русской исторической науки.

В годы подготовки и осуществления крестьянской и других реформ середины XIX в. стали смыкаться силы крепостнической реакции и помещичье-буржуазного либерализма. Они постепенно сближались в борьбе с общей для них опасностью нарастания демократического движения в стране и угрозой народной революции. Смыкание в области политики облегчало идеологическое сближение также на поприще исторической науки. Процесс этот был двусторонним — реакционные историки испытывали воздействие со стороны либеральной историографии, либеральные же, особенно в лице представителей государственной исторической школы, в свою очередь воспринимали и разрабатывали некоторые идеи официально-монархической историографии.

Сближение между либеральными историками и историками-охранителями стало намечаться еще до реформы 1861 г. Крупнейшие представители либеральной историографии К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев, выступившие еще в 40-х годах, при всем отличии их подхода к истолкованию русского исторического процесса от подхода реакционной дворянской историографии, должны были уже тогда во многом опираться на труды дворянских историков, что в особенности относилось к области изучения древней русской истории и использования источников. Преимущественное внимание к политической истории также сближало их с дворянскими историками.

В свою очередь такие реакционные дворянские историки, как Погодин и Устрялов, не могли не считаться с достижениями либерально-буржуазной историографии своего времени как русской, так и западноевропейской. Эта особенность уже отличает взгляды Погодина и Устрялова от взглядов их непосредственного предшественника — Н. М. Карамзина. Необходимость считаться с достижениями буржуазной историографии объясняет, например, выдвижение Устряловым задач прагматического изучения истории, направленного им против Карамзина. В особенности же дворянские историки не могли не считаться с таким серьезным достижением либеральной историографии в России, каким явился фундаментальный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

Однако это взаимное сближение с полной определенностью выявилось лишь в пореформенный период, что объясняется рядом обстоятельств.

Реформы 60—70-х годов прошлого века удовлетворили основные интересы либералов. Вместе с тем подъем демократического движения в конце 50 — начале 60-х годов, а затем в конце 70 — начале 80-х, т. е. в периоды революционных ситуаций, вызвал у либералов панический ужас перед угрозой народной революции, породил у них настойчивое стремление к «сильной власти», способной предохранить от этой угрозы. Не случайно в реакционные периоды, следовавшие за поражением демократических сил, — во второй половине 60 и в 80-х годах — с наибольшей полнотой обнаруживалась общность классовых интересов реакционеров-охранителей и либералов, общность их политических устремлений. В эти периоды лидеры либерализма явно стремились приспособиться к официальной идеологии, забывали о своих былых конституционных надеждах и оппозиционных настроениях. В такие периоды и буржуазные историки стремились сгладить свои разногласия с официальными историками и подчеркивали роднившие их общие принципы в понимании истории.

В среде историков охранительного направления отношение к либерально-буржуазной историографии было различным. Некоторые из них полнее восприняли традиции Н. М. Карамзина, М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова и слабее отразили в своих трудах влияние принципов либеральной историографии. К их числу прежде всего относился Д. И. Иловайский (1832—1920). Другие официальные историки, оставаясь по классовой сущности своих воззрений представителями дворянской историографии, сильнее испытали воздействие либерально-буржуазных тенденций в историографии как следствия процесса обуржуазивания дворянства в условиях развития капитализма в России по прусскому пути. К их числу следует отнести К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897). Так же примерно следует оценивать характер исторических взглядов С. Ф. Платонова (1860—1933), научная деятельность которого началась в 80-х годах прошлого столетия.

Отличительные черты официальной историографии пореформенного периода с наибольшей отчетливостью выявились в немногих обобщающих работах, которые возникли в это время.

Характерна в этом отношении «История России» Д. И. Иловайского в пяти частях (1876—1905), доведенная до царствования Алексея Михайловича включительно. Сам Иловайский претенциозно называл свой труд «историографическим», желая подчеркнуть этим его не только обобщающий, но и критический, и даже более того — историко-философский характер. Однако в действительности это компилятивное произведение отнюдь не оправдывало претензий автора;

содержание «Истории России» Иловайского обнаруживало полную устарелость и реакционность взглядов этого типичного историка-охранителя. В понимании задач исторической науки Иловайский возрождал охранительные принципы Карамзина.

Определяя задачи исторической науки в предисловии к своему труду, Иловайский писал: «История какого-либо народа есть изображение его прошлой жизни. Постепенное развитие этой жизни, светлые и темные стороны его быта, счастливые и бедственные эпохи, им испытанные, многообразная внутренняя и внешняя борьба, которую он вел, перевороты, которым он подвергался,— все это составляет задачу истории». Вслед за Карамзиным Иловайский заявлял, что история «с одной стороны... наука, а с другой — искусство»¹.

Основную, творческую задачу историка Иловайский формулирует, вслед за Карамзиным, как задачу «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению историка», который должен «найти всему соответствующее выражение в языке, усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль»². Наконец, вслед за этими архаическими для второй половины XIX в. рассуждениями, Иловайский, опять-таки в духе Карамзина, заявлял, что «история прошлого есть великая наставница и поучительница для новых поколений»³.

При всем этом Иловайский, вслед за буржуазными историками, формально не отрицал того, что история как наука «стремится раскрыть самые законы и основания, на которых... общество существует и развивается»⁴. Но законы общественного развития получили определение у Иловайского в примитивной формуле, согласно которой прогресс всех «исторических» народов совершался в формах «государственного быта»⁵. В соответствии с этим история каждого народа ограничивалась историей его государственного развития и выражалась преимущественно в деяниях носителей власти, поскольку «жизнь и движение народ проявляет,— полагал Иловайский,— в своих представителях. Вот почему история, по преимуществу, имеет дело с лицами, стоящими во главе народа и вообще с теми деятелями, посредством которых он проявляется себя в разных сферах общественного развития»⁶.

В этих утверждениях Иловайского нельзя, однако, видеть только возрождение карамзинских традиций. В них следует

¹ Д. И. Иловайский. История России, ч. I. М., 1876, стр. V.

² Там же.

³ Там же, стр. VI.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

усматривать проявление общих особенностей дворянской и буржуазной историографии пореформенного периода. Суждения о том, что общественное развитие сводится к изменениям в области «государственного быта», к истории государства и к деятельности «вождей народа», мы встречаем, например, у Соловьева и у Кавелина. При подобном понимании истории для народа в качестве деятельной силы общественного развития не оставалось места ни у дворянских, ни у буржуазных историков. Не случайно поэтому заявление Иловайского о том, что «народная масса есть не что иное, как этнографическая почва, которая выделяет из себя действующие лица»⁷, напоминает сходные утверждения Кавелина⁸.

Приведенные нами положения, раскрывавшие основные особенности исторических взглядов Иловайского, исключали возможность создания им сколько-нибудь самостоятельной концепции истории России. В этом смысле его труд не дает ничего нового, поскольку в нем возрождались взгляды Карамзина на русскую историю в сочетании с некоторыми формально воспринятыми Иловайским принципами современной ему либеральной историографии, в особенности государственной школы как ее ведущего направления.

Не является новой, прежде всего, периодизация русской истории, которую мы находим в труде Иловайского. Он выделял в истории России киевский, московско-литовский и московско-царский периоды. За исключением второго периода, в этой периодизации нет ничего своеобразного сравнительно с предшествующими дворянскими историками. Основное место в труде Иловайского отведено описанию деятельности носителей власти — князей и царей, а внутреннее членение материала в пределах указанной периодизации дано по княжениям и царствованиям, как и у всех дворянских историков. В трактовке описываемых событий Иловайский также шел за представителями дворянской историографии, далеко уступая в этом отношении Соловьеву и другим историкам-либералам, в частности Ключевскому, научная деятельность которого развертывалась в годы издания труда Иловайского.

Не представляла новизны «История России» Иловайского и в смысле своей источниковедческой основы. В этом отношении он следовал главным образом за трудом Соловьева, обильно заимствуя из него фактический материал и почти не вводя свежих данных. Устарелость его труда и наличие в нем фактических ошибок вызвали отрицательную рецензию

⁷ Там же.

⁸ К. Д. Кавелин. Соч., т. I. СПб., 1897, стр. 637

С. Ф. Платонова⁹, хотя последний сочувственно относился к руководящим принципам официальной историографии и сам разделял многие из них. Правда, в труде Иловайского давалось довольно подробное освещение истории Литовско-Русского государства — вопроса, слабо разработанного в русской историографии; это явилось в известной мере новым элементом общей концепции, однако самое освещение и понимание событий оставались и тут на уровне Карамзина.

Иловайский еще ранее создания своей «Истории России» выступил как автор исследования «История Рязанского княжества»¹⁰, а также монографии «Гродненский сейм 1793 года»¹¹, которую он защитил в качестве докторской диссертации. В сборнике своих статей «Разыскание о начале Руси»¹² Иловайский подверг критике норманистские воззрения предшествующих и современных ему историков, мобилизовав для этой цели обширную и в значительной мере новую аргументацию, в частности данные археологии. Однако он был как нельзя более далек от научного понимания процесса возникновения государства в России. Рассматриваемая проблема сводилась им исключительно к доказательству того, что иноземные элементы не принимали никакого участия в этом процессе. Критика норманизма с позиций представителей передовой общественной и исторической мысли в России решительно отвергалась Иловайским.

Широкою, но весьма незавидною известностью в дореволюционной России Иловайский приобрел, однако, не этими своими работами, а прежде всего своими учебниками для начальной и средней школы по русской и всеобщей истории, официально одобренными и усиленно внедрявшимися соответствующими правительственными инстанциями.

Почти одновременно с Иловайским, в 1872—1885 гг., выступил с обобщающим двухтомным трудом «Русская история» К. Н. Бестужев-Рюмин. Взгляды этого историка были сложны и противоречивы. Как ученый Бестужев-Рюмин стоял выше Иловайского; оставаясь по коренным принципам своего подхода к русскому историческому процессу представителем официальной историографии, он все же был более тесно связан с современной ему либеральной исторической наукой и имел возможность близко общаться с представителями как официальной, так и либеральной историографии. Связанный со сту-

⁹ С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории (1883—1912), изд. 2. СПб., 1912. стр. 103—126.

¹⁰ Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858.

¹¹ Д. И. Иловайский. Гродненский сейм 1793 года. М., 1870. См. об этой работе в настоящем томе в очерке, посвященном славяноведению.

¹² Д. И. Иловайский. Разыскание о начале Руси... М., 1876.

денческих лет с М. П. Погодиным и кругом московских славянофилов, Бестужев-Рюмин одновременно слушал в Московском университете лекции Кавелина и Соловьева, испытал влияние и с их стороны. Впоследствии он внимательно изучал каждый из вновь издаваемых томов «Истории России» Соловьева, на многие из них отзывался обширными рецензиями¹³. В исторических взглядах Бестужева-Рюмина сочетались элементы и официальной, и либеральной историографии, однако по основным чертам своих исторических воззрений он все больше сближался с течением времени с официальной историографией.

Характерно в этом смысле положительное отношение Бестужева-Рюмина к своему современнику Д. И. Иловайскому как историку-охранителю. Бестужев-Рюмин высоко оценил его «Историю России». «После Карамзина никто ближе Иловайского не подходил» к тому «художественному идеалу, к которому должен стремиться исторический писатель», — писал он¹⁴. Учебник Иловайского Бестужев-Рюмин ставил выше одновременно изданного учебника С. М. Соловьева¹⁵.

В своем введении к «Русской истории» Бестужев-Рюмин выражал солидарность с основными положениями идеолога позднего, наиболее реакционного славянофильства Н. Я. Данилевского, автора сочинения «Россия и Европа» (1869)¹⁶. Славянофильские элементы воззрений Бестужева-Рюмина получили отражение в его представлениях об особых национальных качествах славянских народов, предопределивших якобы их выдающуюся роль во всемирной истории. Эти представления сложились у Бестужева-Рюмина под влиянием историка славянства А. Ф. Гильфердинга, известного своими славянофильскими убеждениями и находившегося в дружественных отношениях с Бестужевым-Рюминым. Последний сам писал об этом в одной из своих статей, посвященных памяти Гильфердинга: «Со времени знакомства с Гильфердингом я... почувствовал, что в славянской природе есть нечто новое, своеобычное, что изменило в значительной степени и мой взгляд на русскую историю. Разговоры и сочинения Гильфердинга много помогли мне в понимании особенностей славянского мира»¹⁷.

¹³ См. об этих и других историографических работах Бестужева-Рюмина в настоящем томе в очерке, посвященном русской историографической литературе во второй половине XIX в.

¹⁴ «Древняя и Новая Россия». СПб., 1876, т. 2, № 6 стр. 193.

¹⁵ «Отечественные записки», 1860, № 10, стр. 51

¹⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 4.

¹⁷ «Славянское обозрение» 1892, т. III, кн. 9, стр. 7—8.

Но Бестужев-Рюмин в том же введении к «Русской истории», формулируя основную задачу исторической науки как задачу изучения общества в его развитии, отразил также и воздействие принципов либеральной историографии. Правда, эту задачу он выполнил в своем труде далеко не полно и в значительной мере формально, изучая обособленные проявления общественной жизни: государственную власть, органы управления, сословия, суд, торговлю, религию, формы семейной жизни и литературу. Бестужев-Рюмин не раскрывал органического единства элементов общественного развития, но все же он весьма расширил предмет исторической науки сравнительно с предшествующими и современными ему представителями дворянской историографии.

Воспринимая некоторые принципы современной ему либеральной историографии и модного в его время позитивизма, Бестужев-Рюмин уделял в своем труде основное внимание точному воспроизведению единичных фактов истории и тщательному изучению исторических источников, причем эта работа превращалась у него в самоцель. Такие установки Бестужева-Рюмина отнюдь не превращали его, разумеется, в представителя «объективного знания», как он сам ошибочно полагал, а свидетельствовали лишь о том, что он уже вставал на путь отказа от широких обобщающих построений в истолковании исторического процесса, до которых поднимались такие его предшественники, как Соловьев и Кавелин.

Наиболее ценной частью «Русской истории» Бестужева-Рюмина было введение, в котором давался пространный и тщательный по исполнению анализ важнейших видов исторических источников. В этом смысле труд Бестужева-Рюмина превосходил все прежние и современные ему общие работы, в том числе и «Историю России» Соловьева, а в некоторых отношениях не утратил своего значения вплоть до настоящего времени¹⁸. Тщательный анализ источников не послужил, однако, у Бестужева-Рюмина основой для разработки самостоятельной концепции русской истории. Трактровка русской истории с древнейших времен и до царствования Ивана IV включительно не отличалась у Бестужева-Рюмина оригинальностью. Сравнительно с трудом Соловьева автор почти не давал новых материалов, в оценке же событий он часто был ближе к Карамзину и Иловайскому, чем к Соловьеву. Главными деятелями истории и героями повествования в «Русской истории» Бестужева-Рюмина продолжали оставаться князья и цари, описание деяний которых и составило основное содер-

¹⁸ Об источниковедческих взглядах К. Н. Бестужева-Рюмина см. ниже, гл. X, раздел I.

жание его труда. Бестужев-Рюмин крайне переоценивал при этом роль психологической мотивировки деятельности изображаемых им исторических личностей. Обобщающий труд Бестужева-Рюмина остался незавершенным.

Учеником Бестужева-Рюмина был С. Ф. Платонов, занимавший с 1888 г. кафедру русской истории в Петербургском университете.

Взгляды Платонова сложились в условиях политической реакции и контрреформ 80-х годов. В процессе их формирования он испытал на себе влияние со стороны не только своего учителя Бестужева-Рюмина, но также и В. О. Ключевского. Подобно Бестужеву-Рюмину, Платонов с самого начала своей научной деятельности соединял в своих воззрениях на русскую историю основные черты официального консервативного направления с отдельными элементами либеральной историографии. Специальные научные интересы Платонова относились главным образом к истории России XVI—начала XVII в. Он проделал большую работу по изучению источников начала XVII столетия—сказаний и повестей, впервые опубликовал многие из них¹⁹ и написал посвященный их анализу труд «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века»²⁰.

Самым крупным исследованием Платонова являются «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» (1899). Однако концепция, раскрытая Платоновым в этом труде, во многом связана уже с особенностями развития историографии господствующих классов в эпоху империализма и будет рассмотрена ниже²¹. Наиболее характерными чертами этой концепции были: оценка истории России с ярко выраженных монархических позиций, сведение всех событий начала XVII в. к «нарушению» государственного порядка в связи с пресечением старой династии Рюриковичей и его «восстановлению» в связи с утверждением новой династии Романовых и, наконец, резко выраженное отрицательное отношение к народным движениям как «анархическим».

Основное направление развития официальной историографии в 80—90-х годах XIX в., являвшихся кануном эпохи империализма, нашло свое наглядное выражение в создании ряда трудов по истории царствований отдельных императоров и истории внутренней и внешней политики самодержавного

¹⁹ «Русская историческая библиотека», т. XIII. СПб., 1891, стб. 1—950.

²⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб. 1888. Подробнее об этом см. гл. X, раздел 1.

²¹ См. в III томе «Очерков истории исторической науки в СССР» главу «Кризис русской буржуазной историографии».

правительства. Наиболее типичными историками-охранителями были в эти годы Н. К. Шильдер (1842—1902)²², Н. Ф. Дубровин (1837—1904), С. С. Татищев (1846—1906), Н. П. Барсуков (1838—1906).

Историки эти принадлежали к высшим военным и придворным кругам. Шильдер и Дубровин дослужились до генеральских чинов, Татищев занимал видные дипломатические посты. Их чины, связи и высокое официальное положение открывали им доступ ко многим важным документальным материалам, недоступным широким кругам историков.

Ранее других начал свою деятельность в качестве историка, хотя и не получившего систематической научной подготовки, Н. Ф. Дубровин. Для него характерен интерес главным образом к военной истории России, отдельные проблемы которой он изучал преимущественно на основе архивных материалов. Так, Дубровин разрабатывал вопросы истории присоединения Крыма и Кавказа к России, историю Отечественной войны 1812 года, историю Крымской войны. Им была опубликована серия документов, посвященная присоединению Крыма к России, а также «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя»²³ — наиболее полный для своего времени свод документов по этому вопросу. Кроме того, Дубровиным была издана обширная работа «История Крымской войны и обороны Севастополя»²⁴. В исследовании «История войны и владычества русских на Кавказе»²⁵ Дубровин давал детальный обзор военных операций, связанных с длительным процессом завоевания Кавказа, причем колониальная политика царского правительства принималась как должное. Но труд этот представлял тем не менее определенную научную ценность для своего времени как в отношении обширного фактического материала, так и в том отношении, что он освещал внутренний строй, быт и нравы народов Кавказа и содержал сведения об их истории. Автор полагал, что изложение истории кавказских племен «должно предшествовать изложению военных действий и исторического хода распространения русского владычества в крае»²⁶. Хотя Дубровин давал здесь лишь отрывочные сведения об экономических и социальных процессах,

²² О трудах Шильдера, появившихся в самом конце XIX — начале XX в., см. в той же главе III тома «Очерков истории исторической науки в СССР».

²³ «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», ч. I—IV. СПб., 1871—1872.

²⁴ Н. Ф. Дубровин. История Крымской войны и обороны Севастополя, т. I—III. СПб., 1900.

²⁵ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I—V. СПб., 1871—1887.

²⁶ Там же, т. I, стр. XIII.

протекавших у кавказских народов, однако исследование его содержало немало нового материала.

Дубровин не замыкался в пределы военной истории. Им был написан ценный во многих отношениях труд «Пугачев и его сообщники»²⁷, также основанный на обширном документальном материале и давший наиболее полную для своего времени сводку фактических сведений о ходе восстания под руководством Емельяна Пугачева. Дубровин был первым историком, получившим возможность изучить следственное дело Пугачева и его соратников. Он использовал также множество других новых документов из государственных и частных архивов. Преувеличивая роль яицкого казачества в движении, Дубровин в то же время преуменьшал в нем роль крестьянских масс; искажая его историческое значение, видя в этом выступлении лишь «эпизод из царствования императрицы Екатерины» (таков был подзаголовок книги), Дубровин одобрял политику правительства в борьбе с восставшими. Полностью разделяя официальную дворянскую точку зрения на события, связанные с крестьянской войной 70-х годов XVIII в., Дубровин писал о «наших» — правительственных — войсках, противопоставляя их войскам «мятежников». Самый факт появления монографии о наиболее широком крестьянском антикрепостническом движении все же имел важное значение, не только научное, но и общественное, тем более что фактический материал, приводимый в книге, вступал нередко в противоречие с выводами и оценками автора. Используя известные ему материалы, в особенности записки и доклады члена секретной комиссии капитана Саввы Маврина, и опираясь на исследование В. И. Семевского «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II», Дубровин вынужден был признать, что положение помещичьих и заводских крестьян во второй половине XVIII в. в России было настолько тяжелым, что протест с их стороны являлся неизбежным. Автор отмечал, что «все меры правительства клонились к расширению пределов крепостной зависимости»²⁸, характеризовал на основе труда В. И. Семевского многочисленные повинности, обременявшие крестьян²⁹, отмечал факты жутких издевательств помещиков над крестьянами³⁰. Ему пришлось признать, что побеги крестьян «были самым первоначальным и простейшим видом оппозиции произволу и насилиям помещиков»³¹. И хотя Дубровин

²⁷ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. I—III. СПб., 1884.

²⁸ Там же, т. I, стр. 331.

²⁹ Там же, стр. 336—337.

³⁰ Там же, стр. 342—343.

³¹ Там же, стр. 346.

в дальнейшем называл более активные формы протеста крестьян «грабежами и разбоями», у читателя складывалось, вопреки намерениям автора, убеждение, что широкий протест крестьянства и казачества был не только неизбежен, но и необходим и что правда была на стороне восставших, а не на стороне помещиков и правительства.

Книга Татищева «Внешняя политика императора Николая I»³² представляла собой обзор фактов внешней политики царской России с момента образования Священного Союза и до Крымской войны, с подразделениями ее на западную и восточную. Это была первая попытка подобного обзора в русской исторической литературе, и притом явно тенденциозная. Но работа представляла интерес тем, что вовлекала в научный оборот довольно значительный материал по истории внешней политики России первой половины XIX в. Автор широко использовал в своей книге официальную правительственную документацию, извлекая ее, правда, преимущественно из иностранных публикаций, вследствие недоступности даже для него подлинников, хранившихся в строго засекреченных архивных фондах. Наряду с этим он использовал и более доступные материалы государственных и частных архивов, записки виднейших государственных деятелей Западной Европы — Пальмерстона, Гизо, Меттерниха — и другие материалы.

Книга Татищева, освещая ряд внешнеполитических актов за период 1815—1856 гг., ярко выявляла крайне реакционные монархические убеждения автора. Так, в главе, посвященной революции 1848 г. в Западной Европе, он выражал свою ненависть к революционным движениям, полностью одобрял подавление «смуты» и «беспорядков» в Западной Европе в 1848 и в 1849 гг. и превозносил контрреволюционную политику царского правительства.

Описание деятельности самодержцев и их актов в области внутренней и внешней политики определяло основное направление в развитии официальной реакционной дворянской историографии пореформенного периода, лишь отдельные ее представители посвящали свое внимание другим темам. Так, известный историк и археограф Н. П. Барсуков приступил в 1888 г. к выпуску громоздкого издания в 22 томах «Жизнь и труды М. П. Погодина», предпринятого по инициативе и на средства родственников Погодина и законченного лишь в начале XX в. Посвященное видному идеологу официально-монархических кругов издание это восхваляло как самого По-

³² С. С. Т а т и щ е в. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.

година, так и политику самодержавного правительства, на страже которой стоял этот реакционный историк и публицист и которую полностью одобрял его биограф Барсуков. насыщенный богатой документацией из архива Погодина труд Барсукова раскрывал отношения Погодина с широким кругом деятелей, представлявших различные общественные течения в России 30—70-х годов XIX в., вследствие чего он выходил за пределы документированной биографии Погодина и служил длительное время важным сборником источников для изучения русской общественной мысли середины XIX в.

В пореформенный период официальная идеология значительно активизировалась, особенно в годы усиления реакции. Одним из выражений этого являлось стремление представителей охранительного направления не ограничиваться освещением с реакционных позиций только русской истории, но и попытаться создать более широкие построения, дававшие объяснение с тех же позиций истории славянства и всего человечества.

Бесконечно далекие от подлинной науки, эти построения грубо извращали действительный ход истории, имели откровенно реакционное политическое назначение и содержали в своей основе мистические принципы. Характерно при этом, что в роли наиболее деятельных идеологов реакции в пореформенный период начали выступать представители позднейшего славянофильства — Н. Я. Данилевский и Константин Леонтьев. Именно они прежде всего давали своими историческими построениями «теоретическое» обоснование реакционной внутренней и внешней политики господствующих классов царской России.

Н. Я. Данилевский (1822—1885) эволюционировал в своих воззрениях от раннего увлечения идеями петрашевцев до неприкрытой реакции. В 1869 г. он опубликовал работу «Россия и Европа», неоднократно затем переиздававшуюся, в которой развил свою «теорию культурно-исторических типов», вошедшую в идейный арсенал позднейшего, наиболее реакционного славянофильства. Отдавая дань модным в его время идеям позитивизма, Данилевский широко применял аналогии между явлениями природы и общественного развития. Но такие аналогии понадобились ему для обоснования антинаучных в своей сущности выводов.

Отрицая идею эволюции в природе и выступая ярким антидарвинистом, Данилевский утверждал, что подобно тому, как природа представлена отдельными неизменными видами животных и растений, так и человечество представлено отдельными народами, развивающимися независимо друг от друга. В соответствии с этим якобы не может быть единых для всех

народов закономерностей, а поэтому не может существовать и единая теория общественного развития.

Эти исходные принципы послужили Данилевскому основой для опровержения гегелевской трактовки всемирной истории как процесса прогрессивного развития человечества, в котором каждый из «исторических» народов раскрывает ту или иную сторону «абсолютной идеи». Он признавал в связи с этим искусственным разделение всемирной истории на «древнюю», «среднюю» и «новую».

Данилевский полагал, что всемирная история имела дело с развитием отдельных племенных групп, протекавшим почти изолированно, и те группы, которые оказывались способными к полному раскрытию присущих им особенностей, создавали де самостоятельный «культурно-исторический тип». Каждый народ, утверждал Данилевский, живет для себя, а не для других. Всемирная история и есть процесс параллельного во времени развития различных культурно-исторических типов или же борьбы между ними. При этом каждый из культурно-исторических типов знает периоды формирования, расцвета и упадка. Современный ему этап всемирной истории характеризовался, по Данилевскому, упадком романо-германского культурно-исторического типа, представленного группой европейских народов, и оформлением славянского культурно-исторического типа, представленного славянскими народами во главе с русским народом. Однако в данном случае этот процесс смены старого культурно-исторического типа новым должен протекать, утверждал Данилевский, в острой и напряженной борьбе между ними, победа в которой предопределена для славянского культурно-исторического типа. К этому выводу и сводился весь смысл хитросплетений Данилевского в объяснении им хода всемирной истории и ее современного этапа.

Идея исконной вражды между Россией и Европой пронизывает все содержание книги Данилевского, имеющий ярко выраженный публицистический характер. В «России и Европе» Данилевский призывал к непреклонной борьбе с Европой и полагал, что решительное столкновение между враждебными силами последует при разрешении «восточного вопроса» — вопроса о судьбах Турции и зависимых от нее славянских народов Балканского полуострова. Разрешение этого вопроса в пользу России будет знаменовать, предполагал Данилевский, окончательное сокрушение Европы, которая будет, как и в Крымской войне, поддерживать Турцию, что приведет к окончательному упадку романо-германского культурно-исторического типа. Создание же федерации славянских народов во главе с Россией будет означать расцвет славянского культурно-исторического типа.

Теория культурно-исторических типов была средством обоснования реакционных панславистских идей, распространявшихся в среде господствующих классов царской России после неудачной Крымской войны и в период подготовляемого нового выступления против Турции и ее мощных европейских союзников — Англии и Франции.

Данилевский формально отрицал гегелевское разделение народов на «исторические» и «неисторические». Но фактически он сам возрождал такое разделение, утверждая, что не все племенные группы способны полностью раскрыть свои особенности и создать самостоятельный культурно-исторический тип. Удел тех из них, которые скажутся неспособными к этому, заключается в том, чтобы стать «этнографическим материалом» для других народов. Далее, Данилевский формально отрицал также мысль ранних славянофилов о провиденциальном всемирно-историческом назначении славянских народов, но вся его эклектически-противоречивая система воззрений по существу своему служила обоснованию именно такого вывода. Наконец, Данилевский, гневно отвергая западноевропейскую цивилизацию как порочную, несущую в себе семена социального раздора, что роднило его с ранними славянофилами, решительно противясь развитию буржуазных отношений в России, своим обоснованием внешней политики царской России содействовал, сам того не понимая, разрешению задач, продиктованных нуждами именно буржуазного развития страны в пореформенный период.

Экскурсы Данилевского в русскую историю имели своей целью доказать будто русский народ наиболее полно воплотил в своей истории особенности славянского культурно-исторического типа, а это служило обоснованием того, почему именно Россия призвана возглавить федерацию славянских народов, которая будет создана после сокрушения Турции и ее европейских союзников.

В своей трактовке русской истории Данилевский сочетал отдельные принципы старого славянофильства с принципами, заимствованными им у школы государственников.

История каждого народа представлялась Данилевскому прежде всего школой его исторического воспитания, в которой формировались и закреплялись его национальные качества. Так он смотрел и на историю России.

Исходным этапом исторического развития России Данилевский считал, подобно ранним славянофилам, призвание варягов для избавления славян от внутренних неурядиц. Варяги не могли покорить славян, так как были крайне малочисленны. Данилевский не склонен был преувеличивать значение призвания варягов, но он оставлял им совершенно определенную роль:

«варяги послужили только закваскою, дрожжами, пробудившими государственное движение в массе славян, живших еще одною этнографической, племенной жизнью, но не могли положить основание ни феодализму, ни другой форме зависимости одного народа от другого»³³. Так, по мнению Данилевского, были заложены основы для самобытного развития России, противоположного развитию Западной Европы.

Значение «удельного периода» в русской истории Данилевский усматривал в том, что тогда, «с одной стороны, распространилась государственность, с другой — каждой части сохранена равноправность, как особому самостоятельному княжеству»³⁴. Однако дальнейшее развитие удельного дробления таило в себе серьезную угрозу — «самой государственности предстояла гибель через обращение князей в мелких племенных вождей, без всякой связи между собой... племена не слились бы в один народ под охраной одного государства. Во избежание этого был необходим новый прием государственности, и он был дан России нашествием татар»³⁵. Превратив развитие государственности в основной стержень русской истории, Данилевский ложно истолковал жесточайшее иго татар как историческое благо. Он полагал, что татарское иго было сравнительно легким и тем самым извращал историческую действительность. Избавление же от татарского ига он полностью приписал изощренной политике московских князей, выступавших посредниками между ханами Золотой орды и русским народом. Эта политика снискала им, по Данилевскому, уважение со стороны народа и укрепила авторитет княжеской власти. «Кроме понятия о государственной власти (коренящейся в духе славянских народов), — писал Данилевский, — в таком посредничестве московских князей, избавлявших народ от прямого отношения к татарам, кроется, без сомнения, то полное доверенности и любви чувство, которое русский народ сохраняет к своим государям»³⁶.

Однако наиболее действенным средством укрепления государственности в России, «последними подмостками, употребленными при постройке нашей государственности»³⁷, — по словам Данилевского, — явилось крепостное право. В трактовке его происхождения и исторического значения достаточно определенно проявилось стремление Данилевского сочетать принципы старого славянофильства, выраженные Константином

³³ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, изд. 3. СПб., 1888, стр. 275.

³⁴ Там же, стр. 275—276.

³⁵ Там же, стр. 276.

³⁶ Там же, стр. 277.

³⁷ Там же, стр. 281.

Аксаковым, с принципами государственников, сформулированными Б. Н. Чичериным.

Повторяя аргументацию и выводы Чичерина, Данилевский писал: «при тогдашних обстоятельствах не было другого средства, как закрепление всего народа в крепость государству». Но здесь же в духе Константина Аксакова он утверждал, что «Годунов предчувствовал его необходимость, Петр его довершил»³⁸. Подчеркивая связь крепостного права с предшествующими средствами укрепления государственности, Данилевский заявлял: «для упрочения русского государства — чего не могли довершить ни добровольное призвание иноплеменников, ни насильственно наложенное данничество, имевшие слишком легкий характер, — надо было прибегнуть к крепостной неволе»³⁹. Но верный себе Данилевский и крепостное право считал сравнительно легким, особенно до преобразований Петра I.

В такой идеализации самых мрачных явлений русской истории — татарского ига и крепостного права — с особой силой выразился реакционный характер исторических и политических взглядов Данилевского. Для него все это было средствами укрепления государственности и воспитания народов в духе понимания ее «благодеяний». «Русский народ, — заявлял он, — прошел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим общим целям — и эти цели достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основе»⁴⁰.

Но рисуя идиллическую картину исторического воспитания русского народа в духе государственности, Данилевский не мог пройти мимо народных возмущений. Само собою разумеется, он, как и все дворянские и буржуазные историки, решительно осуждал народные движения, выражавшие протест трудящихся масс против крепостничества, как «анархические» выступления. Вместе с тем он стремился особо извратить подлинный характер этих выступлений: «Все смуты, которые представляет Русская история, могущие по своей силе и внешнему виду считаться народными мятежами, — писал Данилевский, — всегда имели совершенно особый, — не политический, в строгом смысле этого слова, характер. Причинами их были: сомнение в законности царствовавшего лица, недовольство крепостным состоянием, угнетавшим на практике народ всегда в сильнейшей степени, чем это имели в виду законы, и наконец те элементы своеволия и буйства, которые необходимым образом развивались на окраинах России в непрерывной борьбе казачества

³⁸ Там же, стр. 279.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 281.

с татарами и другими кочевниками. Эти три элемента принимали совместное участие в трех главных народных смутах, волновавших Россию в XVII и XVIII столетиях, так что каждый из них играл попеременно преобладающую роль»⁴¹. Итак, стремление иметь законного царя, недовольство крепостным правом и своевольные действия казачества — таковы истоки народных движений, лишаящие их политического характера.

В освещении преобразовательной деятельности Петра I Данилевский отошел от славянофильских представлений и тесно сблизился с государственниками. Данилевский заявлял, что «в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т. е. те изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательности, благоговейной памяти и благословения потомства. Как ни тяжелы были рекрутские наборы, безжалостна финансовая система, монополии, усиление крепостного права, одним словом, запряжение всего народа в государственное тягло, всем этим он заслужил имя Великого — имя основателя русского государственного величия. Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что доселе еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело»⁴². Эту сторону деятельности Петра I Данилевский называл «обезнародывающей реформой»⁴³, сохраняя в этом смысле верность славянофильской традиции.

В восторженной оценке Данилевским государственной деятельности Петра I, очевидно, ретроспективно отразилось его положительное отношение к реформе 1861 г., как к удачной реформе «сверху», оправдывающей подобный способ реформирования и в настоящем и в прошлом. В этом отношении Данилевский вполне солидаризировался с буржуазными идеологами — представителями государственной школы Б. Н. Чичериным и К. Д. Кавелиным.

Другим представителем реакционной исторической концепции явился Константин Леонтьев (1831—1891). Он признавался, что первоначально увлекался книгой Данилевского «Россия и Европа», но в дальнейшем не удовлетворился ее выводами.

К. Леонтьев получил медицинское образование. Длительное время он был дипломатом, хорошо изучил Ближний Восток.

⁴¹ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, стр. 534.

⁴² Там же, стр. 286.

⁴³ Там же, стр. 287.

В 70—80-х годах он выдвинулся в качестве видного реакционного публициста, был близок к вдохновителю реакции 80-х годов Победоносцеву, являлся почитателем Каткова. Всегда склонный к мистицизму, К. Леонтьев закончил свою жизнь монахом.

Леонтьев значительно больше внимания уделял в своих работах, преимущественно в публицистических выступлениях, вопросам внутренней политики, нежели Данилевский. Что касается внешней политики, то Леонтьев, отнюдь не отказываясь от борьбы на Ближнем Востоке за сокрушение Турции, уже начал выражать разочарование в панславистских идеях. Он сделал для себя вывод, что эти идеи не только устарели, но и таят опасность для России, поскольку обнаружилось, что славянские народы Балканского полуострова успели воспринять от Запада вредные идеи демократизма, парламентаризма и т. д., начали «разлагаться», а поэтому их объединение под эгидой России, о чем мечтал Данилевский, может заразить этими идеями русский народ. «Опасен не чужеземный враг, не немец, не француз, не поляк, полубрат, полуоткрытый соперник,— писал Леонтьев,— страшнее их всех брат близкий, брат младший... если он заражен чем-либо таким, что при неосторожности может стать для нас и смертоносным»⁴⁴. Поэтому борьба с Турцией должна завершиться реставрацией Византийской империи, в которой восторжествовали бы идеи самодержавия, находящегося в прочном союзе с православной церковью, и утверждались бы начала общинности. Консервация этих отношений и учреждений как в возрожденной Византийской империи, так и в самой России представлялась Константину Леонтьеву «спасением» от всех современных идей, гарантией против исторического прогресса. Не случайно он предлагал «подморозить Россию», изолировать ее от современного мира, дав этим лозунг для злейшей реакции 80-х годов. Реакционная политика Александара III, Победоносцева и Д. А. Толстого, политика решительной борьбы с революционным движением и проведение контрреформ, вполне удовлетворяли Леонтьева, он был одним из наиболее ревностных их сторонников.

Леонтьев шел еще дальше Данилевского в противопоставлении России Западной Европе, в апологетике русской государственности, доказывал историческую необходимость крепостного права и настаивал на сохранении в его время общины: между ними он видел органическую связь. Крепостное право потому было необходимо, что «власть помещика была... крепкой охраной для целостности общины, к внутренней организации

⁴⁴ К. Леонтьев. Сб. статей «Восток. Россия и славянство». М., 1886, стр. 188—189.

прививалось внешнее давление. Отсюда — прочность мира крестьянского; надо опасаться, чтобы, представленный внутреннему деспотизму своему, он не разложился»⁴⁵. Леонтьев вообще подчеркивал необходимость внешнего давления, насилия в целях достижения реакционных целей, оправдывая подобные методы как в настоящем, так и в прошлом. С этим связан и его тезис о благотворном для России всесиилии государственности и призыв к сплочению всех реакционных сил вокруг самодержавной власти для борьбы с революционной опасностью.

Эволюция славянофильства завершилась его полным разложением, деградацией. Эпигоны славянофильства в лице Данилевского и в особенности Константина Леонтьева полностью отказались от каких-либо оппозиционных тенденций, они стали верными идейными оруженосцами самодержавия, а Константин Леонтьев — к тому же одним из вдохновителей самой дикой реакции 80-х годов, наряду с Победоносцевым и Катковым.

Следовательно, не только работы историков типа Иловайского, Бестужева-Рюмина и Платонова, но и суждения славянофильствующих публицистов типа Данилевского и Константина Леонтьева раскрывали официальную охранительную концепцию русской истории, сложившуюся в условиях пореформенного периода. Эта концепция получила распространение в самых разнообразных формах и внедрялась в умы самыми разнообразными средствами. В этой концепции реакционные деятели видели одну из «умственных плотин», призванных задержать распространение революционных идей. Такую цель совершенно определенно сформулировал, например, Бестужев-Рюмин в рецензии на книгу Данилевского «Россия и Европа», которую он поместил в «Журнале Министерства народного просвещения»⁴⁶, обращаясь тем самым к воспитателям юношества.

Дав хвалебную оценку книге Данилевского, назвав ее одной «из замечательнейших книг, когда-либо появлявшихся на русском языке»⁴⁷, заявив, что «автор поражает строгою логичностью своих выводов, необыкновенным глубокомыслием, широтой взгляда и многосторонностью своих познаний»⁴⁸, и засвидетельствовав этим охранительный характер своих собст-

⁴⁵ К. Леонтьев. Сб. статей «Восток, Россия и славянство», стр. 96—97.

⁴⁶ Рассматриваемая рецензия не имеет подписи. Но Е. Шмурло в своей книге «Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина...» (Юрьев, 1899, стр. 379, примечание) убедительно обосновал принадлежность этой рецензии Бестужеву-Рюмину.

⁴⁷ «Журнал Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП), 1888, апрель, стр. 532.

⁴⁸ Там же.

венных взглядов, Бестужев-Рюмин закончил краткий обзор рецензируемой книги таким выразительным пожеланием: знакомство с книгой Данилевского «должно отвратить молодые умы от бесплодных, по большей части отживающих или отживших свой век мыслей, а отчасти никуда не приложимых вздорных и вредных мечтаний и направлять их на единственный путь, на котором возможна плодотворная деятельность, на изучение своего, на сознательное обобщение его и укрепление сознания народности...»⁴⁹.

Официальная монархическая историография пользовалась непрестанной — как политической, так и материальной — поддержкой со стороны правящих кругов царской России. В силу этого реакционные дворянские историки имели возможность оказывать сильное влияние на направление деятельности научных обществ, на содержание исторических периодических изданий и соответствующее освещение в них истории России⁵⁰, на преподавание истории в начальной, средней и высшей школе, на пропаганду и насаждение соответствующим образом препарированных исторических представлений в народной среде.

Правящие круги царской России придавали преподаванию истории в верноподданическом духе особое значение, усиленно внедряя в школу учебники, которые наиболее полно отвечали этой цели. Не случайно особым покровительством официальных правительственных учреждений пользовался наиболее типичный представитель реакционной дворянской историографии Д. И. Иловайский. Казенные учебники Иловайского, содержавшие откровенную пропаганду черносотенной монархическо-крепостнической идеологии, были в глазах не только демократических, но и либеральных элементов символом мракобесия в области истории.

По количеству написанных учебников и по числу их изданий Иловайский превзошел всех других авторов учебников в дореволюционной России. Достаточно указать, что «Руководство к русской истории. Средний курс» Иловайского выдержало начиная с 60-х годов XIX в. до 1916 г. 44 издания⁵¹. Учебники Иловайского считались «образцовыми» в смысле своего официально-монархического направления и потому высоко ценились в реакционных кругах. Не только по своему идейному содержанию, но и в методическом отношении они стояли на весьма низком уровне.

⁴⁹ Там же, стр. 533.

⁵⁰ Об этом подробнее см. ниже, гл. X, раздел 3.

⁵¹ Кроме названного учебника, Иловайский написал «Сокращенное руководство ко всеобщей и русской истории. Курс младшего возраста», выдержавшее к 1916 г. 32 издания; «Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста», выдержавшие к 1912 г. 36 изданий.

В основе содержания учебника Иловайского по русской истории лежала та же самая устаревшая и реакционная концепция Карамзина, которая воспроизводилась Иловайским и в его общем труде «История России». Как в этой работе, так и в своих учебниках Иловайский сводил историю России к деяниям носителей власти. В его учебнике русская история выступала перед учащимися как сумма разрозненных событий, творимых правителями страны. Тем самым представление об истории как едином и закономерном процессе разрушалось, утрачивалось понимание логической связи между историческими явлениями. Учащиеся должны были поэтому механически заучивать массу фактов, что делало восприятие содержания учебника крайне трудным, несмотря на легкое и местами даже художественное изложение.

В пореформенный период пользовались известностью также учебники по русской истории И. И. Беллярминова⁵², В. А. Абазы⁵³, М. Я. Острогорского⁵⁴, выдержанные в том же официально-монархическом духе.

Либералы С. М. Соловьев⁵⁵ и С. Е. Рождественский⁵⁶, выступая в качестве авторов гимназических учебников, вынуждены были подчиняться требованиям официальных программ и излагали историю России с позиций охранителей.

Наиболее откровенно официально-монархическое освещение истории России преподносилось в так называемых «книгах для народа». Показательна в этом отношении «История России для народа» Н. Малинина, изданная в 1879 г. Книга написана в форме рассказов об исторических событиях и биографий исторических деятелей, главным образом образом князей и царей. В этих рассказах и биографиях автор не пренебрегал явно несуразными выдумками, эксплуатируя суеверие и темноту своих читателей. Свою задачу он видит в том, чтобы доказать «блаженство» России под сенью самодержавной власти. «Сначала история Руси показывает, — пишет он, — что в многоначалии и многоправительстве одни только беды». Время Екатерины называется автором «золотым веком» России, раздел книги, посвященный царствованиям Александра I и Николая I, носит название «Россия — водворительница в Европе мира и порядка».

⁵² И. М. Беллярминов. Элементарный курс всеобщей и русской истории (курс III и IV классов), выдержавший к 1880 г. 10 изданий.

⁵³ В. А. Абаза. История России для учащихся, ч. 1—3. СПб., 1885.

⁵⁴ М. Я. Острогорский. История России с картинками для народных... училищ. Выдержала с 70-х годов до 1914 г. 33 издания.

⁵⁵ С. М. Соловьев. Учебная книга русской истории. Выдержала с 50-х годов до 1915 г. 13 изданий.

⁵⁶ С. Е. Рождественский. Отечественная история в связи с всеобщей (среднею и новою). Выдержала с 70-х годов до 1916 г. 19 изданий.

Было бы неправильно недооценивать вред, нанесенный охранительным дворянским направлением развитию исторической науки. Захватив в орбиту своего влияния школу, многочисленные книжные и периодические издания, ученые общества, опираясь на мощное содействие самодержавной государственной машины, действуя и в классной комнате, и с университетской кафедры, и с церковного амвона, охранительное направление было сильным врагом передовой исторической мысли. Без победы над ним нельзя было открыть путь подлинной исторической науке. Но как бы ни был силен этот враг, передовая историческая наука одерживала над ним одну победу за другой. Еще в домарксистский период представители революционной исторической мысли вели успешную борьбу с казенной историографией, а утверждение марксистских идей в общественных науках предвещало ей полное разоблачение и сокрушение. Подобно тому, как реакционные господствующие классы были не в состоянии остановить исторический прогресс, так и официальная охранительная историография все более обнаруживала свою несостоятельность в борьбе с прогрессивной исторической мыслью.

II

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА

Государственная, или юридическая, школа в русской историографии окончательно сложилась во второй половине 50-х годов прошлого века, когда ее коренные принципы были отчетливо сформулированы в трудах главы этой школы и ее основного теоретика Б. Н. Чичерина. Оформление государственной школы было подготовлено предшествующим развитием либеральной историографии в России и знаменовало вместе с тем новый его этап. Этот этап отражал эволюцию помещичье-буржуазного либерализма, его ясно определившееся к началу 60-х годов сближение с силами крепостнической реакции в обстановке острой борьбы за тот или иной путь дальнейшего развития России, за тот или иной вариант отмены крепостного права.

Тесное сближение либералов с крепостниками явилось результатом их борьбы с демократическим лагерем, выражавшим революционные настроения крестьянских масс, и было вызвано страхом перед надвигавшейся народной революцией. Обострение классовых противоречий в стране и активизация деятельности демократических элементов обусловили настойчивое стремление либералов сохранить сильную монархическую власть, способную предотвратить революционные выступления народных масс. Либералы готовы были отречься от своих былых прогрессивных идей, выступали апологетами самодер-

жавия, оправдывали расправы царизма с революционерами и крепили свой союз с реакционными дворянскими кругами. Они рассчитывали, что утверждение буржуазных порядков осуществится в результате реформ «сверху» и окажется совместимым с сохранением помещичьего землевладения и самодержавия. В годы революционной ситуации обнажилась антидемократическая сущность и антиреволюционная направленность помещичье-буржуазного либерализма.

Лидерами либерализма и его виднейшими идеологами в середине прошлого века выступали Б. Н. Чичерин (1828—1904) и К. Д. Кавелин (1818—1885). Эти деятели, будучи историками русского права, не случайно оказались и крупнейшими представителями государственной школы в русской историографии.

Особенности нового периода в развитии либеральной историографии отразились с наибольшей полнотой в исторических воззрениях Чичерина. Он подчинил теоретические принципы государственной школы задаче исторического обоснования политической программы помещичье-буржуазного либерализма. В соответствии с этим признание государства в качестве основного творческого начала истории и ее движущей силы стало главным принципом государственной школы. Отсюда произошло и ее наименование.

Важнейшим идейным источником исторической концепции Чичерина, как и Кавелина и Соловьева, была философская система Гегеля, ее консервативное содержание. Чичерин подчеркивал ведущую роль государства в историческом развитии, видел в нем, вслед за Гегелем, творца истории и высшее достижение общественного прогресса. «Государство,— по определению Чичерина,— есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная *народность*, которая выражается преимущественно в единстве *языка*, собирается в единое тело, получает единое *отечество*, становится народом»⁵⁷. Рассматривая государство как «органический союз народа», в котором «воплощается сознание и воля народа, как единого целого»⁵⁸, Чичерин видел в нем надклассовую силу и связывал с его деятельностью важнейшие изменения в общественной жизни. Наиболее определенно, полагал Чичерин, руководящая роль государства обнаружилась в истории России, где сам народ создан был государством, которое собирало под свою власть отдельных лиц, блуждавших по необъятным просторам страны. Географические условия Рос-

⁵⁷ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 369

⁵⁸ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866, стр. 389

сии обусловили всемогущество государства, которое «сверху», силой своей власти создало сословия, закрепило их и заставило служить себе. Только государству поэтому и принадлежало право освободить сословия. Эта теория закрепощения и раскрепощения сословий, сформулированная Чичериным накануне крестьянской реформы 1861 г., была средством обоснования «освобождения» крестьян «сверху», в интересах имущих классов. Весь исторический опыт России, утверждал Чичерин, «доказывает яснее дня» тот «очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории... что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»⁵⁹.

Самодержавному государству Чичерин приписывал и создание общины в России в фискальных целях. Такая община, утверждал он в своей работе «Обзор исторического развития сельской общины в России» (1856), сменила собой в XVII—XVIII вв. вотчинную, которая еще ранее пришла на смену общине родовой. Чичерин доказывал таким способом право самодержавного государства на разрушение якобы им же созданной общины с целью передачи земли крестьян помещикам.

Чичерину решительно возражал Н. Г. Чернышевский, вскрывший подлинный политический смысл его выводов. Немедленно после выхода статьи Чичерина он подверг критике исторические «доказательства» автора по вопросу о роли государства в создании общины в России⁶⁰. Важно подчеркнуть, что К. Маркс также опровергал положения Чичерина о создании общины в России государством и указывал, что эти домыслы использовались в своих целях немецкими реакционерами⁶¹.

Выводы Чичерина о всеилии государства в русском историческом процессе служили историческим обоснованием его тезиса о необходимости для России, где нарастала угроза демократической революции, сильной монархической власти, способной, как писал он позднее, после 1 марта 1881 г., в записке графу Милютину, «показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозой». Не случайно приведенные слова Чичерина были использованы В. И. Лениным для разоблачения монархических устремлений представителей русского помещичье-буржуазного либерализма⁶².

⁵⁹ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1899, стр. XVII.

⁶⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 649. Более подробно о полемике Чернышевского с Чичериным по вопросу о сельской общине в России см. В. Е. Иллерицкий. Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов.— «Труды Московского государственного историко-архивного ин-та», т. XI. М., 1958, стр. 198—201.

⁶¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 93.

⁶² См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 50.

Свои общие представления об истории России Чичерин раскрыл в статьях «Обзор исторического развития сельской общины в России», «Холопы и крестьяне в России до XVI в.», а также в ряде других работ, вошедших в его сборник «Опыты по истории русского права» (1858). В своих более детальных исследованиях он освещал с указанной точки зрения многие первостепенные юридические памятники, обстоятельно характеризуя на основе обширного актового материала историю учреждений, функции и содержание деятельности воевод, подчиненных им должностных лиц, приказных людей различных категорий, выборных должностных лиц в Московском государстве XVII в. («Областные учреждения России в XVII веке», 1856), показывал историю земских соборов (соответствующая глава в книге «О народном представительстве», 1886).

Эти исследования объективно содействовали разработке новых вопросов и более полному освещению отдельных сторон русского исторического процесса, раскрывали в известной мере историю сословных отношений в России. Но в конечном счете работы Чичерина сводились к обоснованию коренного принципа государственной школы в русской историографии, согласно которому ведущая роль в истории России принадлежит государству. Всесилие государства рассматривалось Чичериным в качестве специфической особенности русского исторического процесса.

Создавая свои труды и продолжая разработку исторической концепции государственной школы, Чичерин во многом опирался на ее предыдущее развитие. Изучение государственных отношений в России, истории учреждений и правовых норм, а также истории социальных отношений, трактуемых в юридическом плане, столь характерное для всех государственныхников, развивало давние традиции их предшественника — И. Эверса (1781—1830), который заложил исходные теоретические основы государственной школы. Родовую теорию Эверса — проблему рода и родовых отношений — разрабатывали в 40-х годах прошлого века предшественники и старшие современники Чичерина К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Важнейший принцип государственной школы о решающей роли государства в историческом развитии России получил достаточно определенное выражение в трудах Кавелина и Соловьева, изданных еще до начала литературной деятельности Чичерина.

Схема исторического развития России по Чичерину, согласно которой «союз кровный» сменился в нашей стране, примерно в XII в., «союзом гражданским», а последний в период царствования Петра I в свою очередь сменился «союзом госу-

дарственным», принципиально сходна со схемой Соловьева и Кавелина⁶³.

Представители либеральной помещичье-буржуазной государственной исторической школы не придерживались уже, в отличие от предшествующих дворянских историков, метафизических взглядов на княжескую и царскую власть в России. Соловьев и Кавелин, а вслед за ними и Чичерин, подчеркивали значительное усиление власти московских великих князей и царей и расширение ее функций сравнительно с властью киевских князей. Они указывали также на известную зависимость княжеской власти от конкретных исторических условий, от общественной среды, в которой она развивалась. Но при всех особенностях взглядов историков государственной школы на княжескую власть именно последняя неизменно находилась в центре их внимания и выступала у них носителем постепенно усиливающегося государственного начала, основной движущей силой в развитии России.

Утверждение власти варяжских князей открывало собой, по мнению представителей этого направления, историю России.

Еще Кавелин и Соловьев считали основными деятелями русской истории князей Киевской Руси, князей-вотчинников в удельный период, князей — собирателей русских земель, создателей Московского государства, носителей принципа самодержавной власти. Чичерину оставалось лишь систематизировать эти представления и выразить их в четкой формуле: «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части»⁶⁴. Эта формула раскрывала ведущую идею той концепции русской истории, которую разработал Чичерин; она служила обоснованием важнейшего его утверждения, что в нашей стране все творилось государственной властью, по ее инициативе и благодаря ее направляющему и организующему воздействию. Общественное устройство в России, заявлял Чичерин, «получило бытие от государства; монархия сделалась исходною точкою и вожааем всего исторического развития народной жизни»⁶⁵.

⁶³ Общее изложение исторических взглядов Кавелина и Соловьева дано в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР». В настоящей главе рассматривается вопрос об отражении в исторических взглядах Кавелина и Соловьева важнейших принципов государственной школы преимущественно в их работах, написанных в пореформенный период.

⁶⁴ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 285.

⁶⁵ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве. М., 1899, стр. 356. Приведенные утверждения Чичерина об историческом значении княжеской власти и монархии развивали применительно к истории России со-

Крайнее преувеличение роли государства, вытекавшее из принципиально неверного понимания его значения в общественном развитии, имело своей оборотной стороной представление о народных массах как об инертной силе в истории, враждебной государственному началу и только под его давлением укреплявшей мощь государства. И в этом выводе Кавелин и Соловьев выступали в качестве предшественников Чичерина.

Преимственность взглядов Чичерина по отношению к воззрениям Кавелина и Соловьева нашла свое выражение также и в их общих представлениях о своеобразии географических условий России сравнительно с условиями Западной Европы.

С рассмотренным вопросом связан был гораздо более широкий по своему значению вопрос о различии путей исторического развития России и Запада до реформ Петра I. И в его постановке Кавелин и Соловьев также опередили Чичерина.

Чичерин использовал не только общие положения и выводы Кавелина и Соловьева, но и конкретный материал их исследований, особенно исследований Соловьева, опирался на сходную с ними документальную основу, заимствовал у своих предшественников методы анализа источников.

С другой стороны, Кавелин и Соловьев с самого начала научной деятельности Чичерина увидели в нем ученого, солидарного с ними в философско-исторических принципах, в трактовке основных проблем русского исторического процесса, в выводах по многим конкретным вопросам русской истории. Именно этим объясняется та деятельная поддержка, которую оказывали Чичерину как молодому ученому Соловьев и в особенности Кавелин. Последний в рецензии на магистерскую диссертацию Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» с полной определенностью заявлял: «За самыми немногими и незначительными исключениями, мы вполне разделяем мнения ученого автора в том, что касается собственно до избранной им эпохи»⁶⁶.

Отмеченные черты принципиального сходства исторических взглядов Кавелина и Соловьева со взглядами их младшего современника Чичерина позволяют сделать вывод, что начиная с 40-х годов XIX в. в русской помещичье-буржуазной историографии шел процесс формирования государственной школы, который завершился в основном во второй половине 50-х годов, когда в составе этой школы объединились Кавелин, Соловьев и Чичерин, присоединив к себе ряд сторонников. Но это объединение произошло тогда, когда характер взаимоот-

ответствующие положения Гегеля, который полагал, что «народ, взятый без своего монарха... есть бесформенная масса, уже не представляющая собой государства» (Гегель, Соч., т. VII. М.—Л., 1934, стр. 305).

⁶⁶ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стр. 543.

ношений между названными историками уже изменился, когда ученик стал лидером своих учителей, более полно развил и систематизировал исходные принципы государственной школы, более отчетливо их сформулировал и придал им значение теоретических догматов⁶⁷. В таком виде принципы эти стали средством исторического обоснования политических позиций помещичье-буржуазного либерализма в новых исторических условиях. Поэтому с именем Чичерина правомерно связывать завершающий этап оформления государственной школы в русской историографии.

Выступив в качестве виднейшего теоретика государственной школы, Чичерин особенно настойчиво подчеркивал роль государства как всемогущего творца истории России, как силы, создавшей «сверху» сословия, общество и народ, заострял и углублял противопоставление истории России истории западноевропейских государств, как это делали и его предшественники. Вместе с тем в отличие от Соловьева и Кавелина Чичерин переоценивал роль внешних факторов в русской истории — варяжского и монгольского завоеваний, западноевропейских влияний в период осуществления реформ Петра I. В то время как Соловьев прослеживал органическую связь между отдельными периодами русской истории, преемственность между ними, закономерность их смены, Чичерин в отдельных случаях начал уже отказываться от признания исторического процесса внутренне обусловленным, закономерным.

В условиях подготовки и осуществления буржуазных реформ в России взгляды либеральных историков претерпели существенную эволюцию. Применительно к середине XIX в. эта эволюция выразилась в том, что вслед за Чичериным представители государственной школы все более тесно сближались с дворянской историографией охранительного направления в трактовке коренных проблем русской истории.

Основой для сближения в пореформенный период либеральной историографии с реакционной был прежде всего коренный принцип государственников в истолковании русского исторического процесса — утверждение о ведущей роли государства в историческом развитии России. Государственники трактовали этот вопрос более глубоко и разносторонне, чем реакционные дворянские историки, изучая эволюцию государственной власти, рассматривая деятельность государственных учреждений, изучая развитие норм права и учитывая изменения в социальных и сословных отношениях при объяснении деятельности государственной власти. Но с течением

⁶⁷ Догматизм Чичерина хорошо подметил и точно определил А. И. Герцен, когда писал о нем, как о «несгибающемся доктринере» (А. И. Герцен и н. Собр. соч., т. XI. М., 1957, стр. 300).

времени историки государственной школы все более склонны были сводить деятельность государственной власти к деятельности правительственных органов и даже отдельных носителей власти — князей и царей. Это и сближало их с реакционной дворянской историографией, тем более что и последняя не оставалась неизменной и усваивала многие из положений и выводов государственников.

Выражая интересы обуржуазивающихся помещиков, Чичерин и Кавелин никогда не выступали принципиальными противниками дворянского государства и не были поэтому последовательными критиками дворянской историографии.

Тенденция к сближению между государственниками и официальными историками в пореформенный период обнаруживалась прежде всего в их отношении к народным массам. И те и другие считали трудящихся пассивным началом в истории, видели в них исполнителей предначертаний верховной власти, одинаково отрицательно относились к народным восстаниям как выражению анархических устремлений народных масс.

Важным проявлением отмеченной особенности в эволюции исторических воззрений государственников было их растущее враждебное отношение к представителям демократической исторической мысли. Так, острая полемика между Н. Г. Чернышевским и Б. Н. Чичериным в конце 50-х годов, о которой свидетельствовала замечательная статья Чернышевского «г. Чичерин как публицист», касалась коренных вопросов общественного развития, истолкования движущих сил истории.

Возвеличение либеральными историками государства как ведущей силы истории являлось прямой антитезой коренного принципа демократического истолкования истории, подчеркивавшего роль народных масс как основной движущей силы истории.

Принципиально иной подход к коренному вопросу об отношении между государством и народом дополнялся различным разрешением государственниками и демократическими деятелями таких теоретических проблем, как закономерность исторического процесса, оценка реформ и революций в истории, вопрос об отношении русской истории к истории народов Западной Европы, трактовка роли личности, роли экономического фактора, значения географических условий в общественном развитии и т. д.

Отмеченные нами различия в трактовке основных исторических проблем все более ясно сознавались как демократическими деятелями, так и самими государственниками. Первые отчетливо понимали, что такое различие проистекает из противоположности их социально-политических убеждений; особенно показательны в этом смысле отношение А. И. Герцена и Н. Г. Чер-

нышевского к Б. Н. Чичерину. Вспоминая о своей встрече с Чичериным в Лондоне осенью 1857 г., Герцен писал в «Былом и думах»: «С первых слов я почувал, что это не противник, а враг... Расстояния, делившие наши воззрения и наши темпераменты, обозначились скоро. С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всем... Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гвернементалист, считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Все это учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии»⁶⁸.

К тем же выводам в оценке Чичерина пришел и Чернышевский. Он решительно отвергал представление Чичерина о роли государства в России как всемогущей силы. К 1859 г. Чернышевскому стал совершенно ясен характер воззрений Чичерина. В своей статье «г. Чичерин как публицист» он уже недвусмысленно, хотя еще и в условной форме, заявлял, что Чичерин «не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философски построениями доказывать историческую необходимость каждой статьи свода законов сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность»⁶⁹. Предвидение Чернышевского полностью оправдалось.

Чичерин, в свою очередь, враждебно относился к Герцену и Чернышевскому, называл их «проповедниками социалистических и материалистических теорий», с ненавистью писал о том, что демократические деятели — сторонники народной революции — готовы «загубить великое историческое дело», как он называл преобразования, готовившиеся царским правительством и помещиками в конце 50-х годов прошлого века⁷⁰.

Литературная деятельность Б. Н. Чичерина по вопросам истории России развернулась в основном во второй половине 50-х годов. Из исторических сочинений, написанных Чичериным в 60-х годах, следует назвать его работу «О народном представительстве», построенную главным образом на западноевропейском материале. В книге имеется только одна глава, посвященная истории России.

⁶⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, М., 1956, стр. 248—249.

⁶⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 669.

⁷⁰ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, стр. 22.

Роль Чичерина в историографии заключается не столько в разработке им конкретных вопросов русской истории, сколько в теоретическом обосновании основных положений государственной школы. По существу то же представляют собой и работы Кавелина, являющиеся преимущественно откликами (в форме рецензий) на вновь издававшиеся исторические работы.

Иное значение имели исторические сочинения Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879). Разделяя основные теоретические принципы государственной школы, Соловьев, как крупнейший историк своего времени и прекрасный знаток источников, проявил себя главным образом в конкретной разработке исторических проблем.

Уже в середине 50-х годов Соловьев завоевал прочное место в русской исторической науке и стал наиболее видным ее представителем. Но особенно интенсивной литературная деятельность Соловьева стала со второй половины 50-х годов, сохранив этот характер вплоть до 70-х годов. К этому периоду относятся важнейшие тома «Истории России с древнейших времен», в которых освещалась русская история XVII—XVIII вв., ранее недостаточно разработанная.

Откликаясь на злободневные вопросы современности, Соловьев опубликовал в 1858 г. «Исторические письма», отразившие его общие политические позиции и отношение к подготавливаемой крестьянской реформе. В 1863 г., в период восстания в Польше, Соловьев написал «Историю падения Польши». В 1872 г., когда отмечалось 200-летие со дня рождения Петра I, он выступил с «Публичными чтениями о Петре Великом». В начале русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Соловьев завершил и напечатал очерк о внешней политике Александра I. Именно в рассматриваемый период Соловьев, выступая как зрелый и авторитетный историк, оказал наиболее значительное влияние на русскую историческую науку своего времени.

Работы Соловьева серьезно обогащали историческую науку прежде всего громадным новым материалом. Русская история XVII и в особенности XVIII в. излагалась в работах Соловьева во многом заново, а часто и впервые. Обратившись к новым материалам, главным образом архивным, Соловьев существенно расширил источниковедческую основу русской исторической науки. Но при всех научных достоинствах работ Соловьева на них сильно отразилась политическая и классовая ограниченность государственной исторической школы.

Это можно проследить прежде всего на примере крайне актуальной для середины XIX в. проблемы закрепощения крестьянства в России. Еще в первых работах Чичерина, начиная с его статьи о сельской общине в России, мы находим в трактовке этой темы ясное отражение злободневных вопросов, свя-

занных с характером и проведением подготовлявшейся в то время крестьянской реформы. В этих статьях Чичерин исходил из признания крестьян до конца XVI в. юридически свободными, совершавшими беспрепятственно переходы от одного владельца к другому. Он так рисовал образ кочевой древней Руси: «Дружина... была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне: это было всеобщее брожение по всей Русской земле»⁷¹. Лишь постепенно это брожение преодолевалось государственной властью, которая сначала прикрепила к земле дворянство, а вслед за тем, в конце XVI в., и крестьянство. Чичерин полагал при этом, что прикрепление крестьян было произведено на основе особого юридического акта, изданного в конце XVI в.

Те же по существу представления были и у Соловьева. Вслед за Чичериным Соловьев писал о непрочности общественных связей в древней Руси, о «волнующемся жидком состоянии общества» до закрепощения сословий, о бродяжничестве крестьян, преодолеваемом силой государственной власти. По мнению Соловьева, только правительственная власть связывала людей. Отсюда, полагал он, «привычка русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление ловить, усаживать и прикреплять»⁷².

В отличие от Чичерина, Соловьев не думал, что крестьяне были закрепощены единым юридическим актом, но полностью разделял существо его воззрений относительно закрепощения государством как крестьян, так и других сословий.

Изучение Соловьевым и другими историками-либералами вопроса о закрепощении крестьян имело известное положительное значение, так как содействовало разработке истории крестьянства в качестве новой и важной исторической проблемы. Но подход либеральных историков искусственно ограничивал пределы изучения этой проблемы, поскольку история крестьянства не исчерпывается вопросом его закрепощения. Кроме того, рассмотрение процесса закрепощения подчинялось государственным доказательству основного их тезиса о решающей роли государства в истории России. А это приводило в итоге к искажению подлинной исторической действительности.

Трактовка историками-либералами вопроса о закрепощении крестьянства в России мало отличалась от постановки этого вопроса реакционными дворянскими историками. Последние, как известно, также связывали закрепощение крестьян с деятельностью государственной власти, а такой видный

⁷¹ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 175.

⁷² С. М. Соловьев, История России с древнейших времен. Изд-во «Общественная польза», кн. III, стб. 664.

дворянский историк, как Карамзин, не случайно оказался даже своеобразным «предшественником» Чичерина, доказывая в своей «Истории государства Российского» положение о закреплении крестьян особым указом, изданным якобы в конце XVI в.

В «Истории России с древнейших времен» содержался некоторый материал о народных антикрепостнических движениях под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина и о других, менее крупных народных возмущениях. Но Соловьев резко порицал эти народные восстания. С особой силой он ополчался на казачество, как типичного выразителя анархической стихии, неоднократно толкавшего крестьянские массы к открытому протесту и возглавлявшего народные возмущения.

Отмечая факты протеста народных масс против крепостничества, либеральные историки стремились доказать, что этот протест был нарушением естественно складывавшихся отношений между крестьянами и помещиками, народом и властью и вызывался обычно не существом крепостничества, а лишь злоупотреблениями крепостников. Это касалось в особенности XVI и XVII вв. Тогда, писал Кавелин в статье «Мысли и заметки о русской истории» (1866), крепостное право «...было только властью, иногда жестокой и суровой, вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека. Крепостное право не исключало попечительности о людях, справедливости в обращении с ними, правильного, не слишком тяжелого определения их обязанностей и повинностей»⁷³. Идеализируя «патриархальные отношения между владельцами и их крестьянами» в допетровской Руси, Кавелин полагал, что лишь в XVIII и XIX вв., когда крепостное право стало превращаться в рабство, оно стало изживать себя. Под такой характеристикой крепостного права могли бы подписаться многие из реакционных историков и идеологов дворянства.

Для Кавелина характерно было стремление подчеркивать монархические чувства русского народа, что опять-таки сближало его с реакционными историками типа Карамзина и Погодина. В той же статье «Мысли и заметки о русской истории» Кавелин попытался изобразить монархические настроения русского народа в качестве его исконной национальной особенности, связать их с родовыми отношениями, с характерным для последних господством домовладыки, сохранявшимся в измененных формах в частном быту русского народа на протяжении веков. Говоря о допетровской Руси, Кавелин писал: «Глубокий смысл московских государственных и общественных порядков тот, что в них осуществилось государство в

⁷³ К. Д. Кавелин. Соч., т. 1, стр. 629

формах, вполне доступных и понятных великорусскому народу. Как был устроен частный быт, точно так же было устроено и все государственное здание. Домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной. В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал. Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства»⁷⁴.

То, что сближало государственников с дворянской историографией, противопоставляло их, напротив, демократической исторической мысли. Представители последней, начиная с В. Г. Белинского и кончая Н. В. Шелгуновым, неустанно доказывали, что установление крепостного права было актом насилия над народом со стороны государства, защищавшего интересы дворянства, что народные движения были выражением неистребимого стремления масс вернуть отнятую у них свободу, что монархические настроения представляли собой предрассудки, настойчиво внедряемые угнетателями и потому мешавшие трудящимся в их борьбе за социальное освобождение. Стремясь обосновать и распространить свои антидемократические исторические взгляды, идеологи помещичье-буржуазного либерализма пытались нейтрализовать, опровергнуть и искоренить из общественного сознания демократические исторические идеи.

Охарактеризованные нами черты исторических взглядов государственников получили свое отражение и в разработке ими ряда других проблем русской истории в их произведениях пореформенного периода. Одной из таких проблем была проблема земских соборов в допетровской Руси.

Интерес государственников к изучению истории земских соборов вызван был злободневностью этой проблемы в условиях проведения в России в 60-х годах XIX в. буржуазных реформ и, в частности, земской реформы. С другой стороны, тема эта связана была с историей учреждений, привлекавшей особое внимание государственников.

Конкретная история земских соборов была наиболее полно освещена в «Истории России» Соловьева. В работах Кавелина и Чичерина, написанных во второй половине 50-х годов, вопрос о земских соборах ставился лишь в самой общей форме. Глава в работе Чичерина «О народном представительстве», посвященная истории земских соборов в России, опиралась на труд Соловьева.

⁷⁴ Там же, стр. 637.

Земские соборы, полагал Соловьев, не должны противопоставляться государственной власти, так как они были созданы самой же властью для исполнения ее предначертаний. Соловьев отрицал связь земских соборов с вечевыми учреждениями древности и доказывал их зависимость от государственной власти на основе анализа вопросов, которые на них разрешались и предлагались, как правило, правительством. Поскольку прекращение деятельности соборов произошло еще при Алексее Михайловиче, постольку, полагал Соловьев, нет никаких оснований обвинять Петра I в уничтожении земских соборов, как это делали славянофилы. Чичерин в дальнейшем лишь повторил эти выводы, дав итоговую оценку характера деятельности земских соборов с позиции государственников: «Если в средние века при бессвязности общественных элементов сословное представительство не могло выработаться из жизни, то оно явилось по призыву правительства, когда государственная власть, объединив землю, стала требовать содействия общественных сил»⁷⁵.

Разрешение вопроса о характере деятельности земских соборов Чичерин связывал с оценкой современных ему земских учреждений. Он полагал, что последние должны действовать в пределах функций, предоставляемых им правительством, как действовали некогда земские соборы.

Основные особенности государственной школы нашли свое яркое выражение в освещении ее представителями проблемы петровских преобразований в России. Особенно много внес в этот вопрос Соловьев. Проблема эта занимает важнейшее место в научном творчестве Соловьева. Это объясняется не только значением преобразований Петра I в истории России, но в первую очередь тем, что Соловьев связывал свою трактовку реформ Петра I с истолкованием реформ, осуществлявшихся в России в 60-х годах XIX в.

Заслуги Соловьева в разработке проблемы петровских преобразований неоспоримы. Он ввел в науку огромный новый фактический материал, добытый им в архивах, разносторонне, как никто до него, осветил самый ход преобразований, посвятив этой теме шесть томов своей «Истории России» (с XIII по XVIII). Соловьев поставил перед русской исторической наукой много новых вопросов, касающихся изучения преобразований первой четверти XVIII в., и тем самым серьезно обогатил ее.

К изучению реформ Петра I Соловьев обращался неоднократно. Помимо наиболее полного их изложения в «Истории России», он снова вернулся к рассматриваемому вопросу в 1872 г. в своих «Публичных чтениях о Петре Великом». Сравне-

⁷⁵ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве. М., 1899, стр. 535.

ние содержания этих двух произведений убеждает в том, что в оценке реформ Петра I взгляды Соловьева претерпели определенную эволюцию, тесно связанную с общим развитием политических и исторических воззрений историка.

В «Истории России» Соловьев обстоятельно рассмотрел состояние России накануне реформ, указал их исторические предпосылки, многосторонне раскрыл ход преобразований, их историческое значение, подробно описал внутреннюю деятельность правительства Петра I и его внешнюю политику, в частности ход Северной войны. Освещая преобразования первой четверти XVIII в., Соловьев исторически обосновывал тем самым необходимость проведения реформ 60-х годов и методы их осуществления. В связи с этим он не только подчеркивал историческую подготовленность реформ Петра I, но и расценивал их как крутой перелом в историческом развитии России, достигнутый деятельностью правительства, как «нашу революцию начала XVIII века», осуществленную волей самодержца, противопоставляя ее французской революции конца XVIII в. и доказывая преимущество преобразований «сверху»⁷⁶. Характеризуя Петра I как выразителя народных стремлений, Соловьев идеализировал его деятельность, превращал реформатора-самодержца в главного героя своего повествования. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» сохранял свою идеалистическую в основном трактовку причин, вызвавших реформы Петра I, и продолжал связывать их с осознанной самим царем и его сотрудниками необходимостью преобразований в результате сопоставления состояния России с положением передовых европейских государств. Но здесь он уже не говорил о преобразованиях первой четверти XVIII в., как о крутом переломе в историческом развитии страны и уже не сравнивал их с французской революцией конца XVIII в. Напротив, он с особой силой подчеркивал теперь историческую подготовленность реформ, их эволюционный характер, стремление Петра I сохранить все лучшее из старого в процессе преобразований, сравнивал теперь эти реформы с эпохой Возрождения в Западной Европе XV—XVI вв. Новые оттенки в понимании реформ Петра I отражали усилившийся консерватизм политических взглядов Соловьева, который резко осуждал в эти годы революционные решения как «болезненные припадки», искажающие якобы нормальный ход общественного развития. Соловьев поддерживал общую всем государственным формулу: «Народы в своей истории не делают прыжков»⁷⁷.

⁷⁶ С. М. Соловьев. История России., кн. III, стб. 803—806, 1055

⁷⁷ С. М. Соловьев. Собр. соч. Изд-во «Общественная польза», стб 1008 Приведенная формула Соловьева по существу совпадает с ана-

Характерной особенностью подхода Соловьева к реформам Петра I в «Публичных чтениях» было включение экономического момента в ряд причин, вызвавших преобразования. «Дело должно было начаться с преобразования экономического,— писал он,— государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения и для этого добыть себе уголок у Северного Средиземного (Балтийско-Немецкого) моря»⁷⁸. Но важность этого нового момента в общем построении Соловьева не следует переоценивать — ему отводилась второстепенная роль.

В «Публичных чтениях» Соловьев развивал мысль, что реформы Петра I были «народным делом», а сам Петр — «народным царем», выражавшим народные интересы и выступавшим перед народом образцом труженика в деле преобразования страны. Соловьев характеризовал Петра I как «великого учителя народного... великого помощника народного», рисовал образ «царя-работника»⁷⁹. Подобная идеализация царя, отразившаяся уже в «Истории России» Соловьева, еще более усилилась в его «Публичных чтениях». Представление о народе было при этом у Соловьева типичным для историка господствующих классов — народ оставался для него единой инертной массой.

Говоря о реформах Петра I, как «народном деле», Соловьев в «Истории России» и особенно в «Публичных чтениях» не показывал в действительности роли народа, сосредоточив свое внимание на оценке деятельности государственной власти, правительства и прежде всего самого Петра I. В этом смысле труды Соловьева мало отличались от «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова, историка официального охранительного направления.

В тех случаях, когда Соловьеву приходилось объяснять причины народных возмущений, происходивших в период преобразований, таких, как движение Булавина или восстание башкир, он говорил о неоправданном и мешавшем реформированию страны протесте анархических элементов народа против «призыва Петра к великому и тяжелому труду»⁸⁰. Такая

логичными суждениями Чичерина в его известном письме к Герцену, относящемся к 1856 г. Он писал здесь о «законе постепенности, проникающем все явления», утверждал, что «история, как природа, не делает скачков» и каждый народ в «нормальные», то есть мирные, периоды своего исторического развития совершает «свое шествие, медленное и постепенное» («Голоса из России», ч. I. Лондон, 1856, стр. 31—32).

⁷⁸ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 980, 985, 993, 994, 995, 1060.

⁷⁹ Там же, стб. 1016.

⁸⁰ Там же, стб. 1082.

трактовка народных движений резко противопоставляла Соловьева, как и других государственников, революционерам-демократам.

Одновременно с печатанием «Публичных чтений о Петре Великом» Соловьев работал над сочинением «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876), в котором сформулировал некоторые важные принципы своего понимания исторического процесса. В этом произведении Соловьев дал свое определение отношений между деятельностью правительства и жизнью народа, между народом и личностью в истории. «Правительство,— писал здесь Соловьев,— какая бы ни была его форма, представляет свой народ; в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка»⁸¹. Свое историческое бытие народ получает, полагал Соловьев, только после того, как он воплотит себя в государстве. Поэтому историк должен иметь дело не с массами, а с деятельностью правительства, носителей власти, направляющих жизнь народа: «История имеет дело только с тем, что движется, видно, действует, заявляет о себе, и потому для истории нет возможности иметь дело с народными массами. она имеет дело только с представителями народа, в какой бы форме ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народные массы приходят в движение, и тогда на первом плане являются вожди, направители этого движения, с которыми история преимущественно и должна иметь дело»⁸².

Приведенные суждения Соловьева, раскрывающие его понимание движущих сил истории, были типичными для государственников и сближали их с официальными, дворянскими историками в понимании не только реформ Петра I, но и роли народных масс и государственной власти в историческом процессе. В этих суждениях заключалась вместе с тем и скрытая полемика с революционными демократами, попытка опровергнуть коренной принцип их исторической концепции — признание решающей роли народных масс в истории.

Но классовая ограниченность воззрений Соловьева отчетливо проявилась в рассматриваемой статье не только в трактовке вопроса о роли личности и народных масс в истории. Не следует забывать, что в той же статье Соловьев выразил свою солидарность с ошибочными представлениями Гегеля об «изолированной жизни» восточных народов и «застое» малокультурных народов и повторил реакционный его тезис о разделении народов на «исторические» и «неисторические».

⁸¹ Там же, стб. 1123.

⁸² Там же.

Значительное внимание уделял Соловьев в ряде своих произведений истории внешней политики. Она освещалась им в соответствующих разделах «Истории России с древнейших времен», в работе «История падения Польши» (1863), в статье «Россия, Австрия и Англия во время движений 1848—1849 годов» (1877), в фундаментальном исследовании «Император Александр I. Политика — дипломатия» (1877).

Интерес Соловьева к истории внешней политики России вызван был не только его общим стремлением осветить важную сторону русского исторического процесса, но непосредственно обуславливался обострением международных отношений и, в частности, отношений России с главнейшими западноевропейскими государствами после Крымской войны.

Научная ценность исследований Соловьева по вопросам истории внешней политики России несомненна. Им был мобилизован обширный круг дипломатических документов, большей частью извлеченных из архивов, поставлены и освещены многие новые вопросы внешней политики России до середины XIX в., которая рассматривалась в тесной связи с историей международных отношений и историей других, главным образом соседних европейских государств. В своих работах по истории внешней политики Соловьев значительно раздвинул хронологические рамки изучения истории России сравнительно с освещением ее внутренней политики. Если история внутренней политики рассматривается Соловьевым в «Истории России с древнейших времен» до последней четверти XVIII в., то в его работах, посвященных истории внешней политики России, по существу дана ее оценка на протяжении всей первой половины XIX в. Этим лишний раз доказывается насколько широк был диапазон исторических интересов Соловьева. В русской дореволюционной историографии нельзя поставить рядом с Соловьевым ни одного историка, вклад которого в изучение внешней политики России был бы равен его вкладу.

При всех значительных научных достоинствах работ Соловьева на них сильно отразилась ограниченность государственной школы. Соловьев оценивал внешнюю политику России с великодержавных позиций, одобряя даже те внешнеполитические акты царского правительства, которые носили захватнический и реакционный характер. Так, в период восстания в Польше, в 1863 г., он выступил с работой «История падения Польши», в которой пытался доказать историческую правомерность разделов Польши в XVIII в. и обосновать вывод о невозможности ее самостоятельного государственного развития. В таком выводе было заинтересовано царское правительство, душившее восстание. Он оправдывал и враждебное отношение к восстанию со стороны русских либералов, начавших пре-

смыкаться перед самодержавием. В других своих работах Соловьев идеализировал внешнеполитическую деятельность Александра I. Говоря о внешней политике Николая I, Соловьев одобрял подавление им венгерского национально-освободительного движения в 1849 г.

В работах Соловьева по истории внешней политики классовая ограниченность его исторических взглядов выразилась и в том, что он не оценил подлинного значения экономических факторов, определявших взаимоотношения России с другими государствами, не проследил действия социальных сил на международной арене.

Хотя в воззрениях Соловьева было много черт, сближавших его с государственниками, он все же занимал особое место в государственной школе. Признание исторического процесса закономерным, внутренне обусловленным, тяготение к конкретному материалу, часто не укладывавшемуся в абстрактные формулы государственной школы, были характерны для Соловьева как историка на протяжении всей его научной деятельности. Поэтому его работы в меньшей мере носили на себе отпечаток той формально-юридической трактовки исторических проблем, который так отчетлив в сочинениях историков-юристов Чичерина и Кавелина. Последние проявили себя в основном как теоретики государственной школы, С. М. Соловьев своими трудами внес крупный вклад в конкретную разработку русской исторической науки своего времени.

Особенности взглядов Соловьева не дают все же оснований для выделения его из государственной школы. Они имеют второстепенное значение⁸³.

⁸³ Демократически настроенные современники Соловьева не отделяли его от государственников. Так, Чернышевский, признавая научные заслуги Соловьева и считая его «достойным историком», вместе с тем справедливо замечал, что он неправильно считал деятельность государства основным источником общественного развития. В этом смысле он называл Соловьева, вместе с Чичериным, «приверженцем бюрократической централизации» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр., соч., т. VII, стр. 796). Еще более определенно подчеркивали общие черты исторических взглядов Соловьева и государственников Г. З. Елисеев и Н. В. Шелгунов. Первый в обстоятельной рецензии на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева писал, что автор «исключительно занят государственным началом и централизацией московскою» («Современник», 1860, кн. II, стр. 66). Н. В. Шелгунов отзывался на издание XIII тома «Истории России» Соловьева статьей под характерным названием «Ученая односторонность», в которой упрекал историка в одностороннем раскрытии только интересов государства в истории России и в игнорировании потребностей народа. «Зная вполне,— писал Шелгунов,— что нужно государству в его политических нуждах, мы не находим у г. Соловьева указаний на то, что нужно ему для удовлетворения потребностей народных» («Русское слово», 1864, кн. 4, отд. II, стр. 36)

В пореформенный период выдвинулась группа историков, явившихся типичными государственниками, верными хранителями принципов государственной школы, учениками и продолжателями традиций ее главы — Б. Н. Чичерина. К числу этих историков относились В. И. Сергеевич (1835—1911), А. Д. Градовский (1841—1889), в определенной мере Ф. И. Леонтович (1833—1911). Научная деятельность этих представителей государственной школы, младших современников Кавелина и Чичерина, началась позднее — в основном в 60-х годах прошлого века и протекала в обстановке, когда стали проявляться результаты буржуазных реформ и вступления России в эру капитализма. Их научное творчество раскрывает последующую эволюцию государственной школы. Они более полно и определенно отразили в своих воззрениях новые условия развития страны и постепенно усиливавшиеся буржуазные тенденции русского либерализма в процессе превращения его из помещичье-буржуазного в буржуазно-помещичий.

Принципиальное единство воззрений названных историков как представителей государственной школы определялось политическими основами их исторических взглядов. Не одобряя крайней реакции, они выступали решительными противниками революционного движения, видели свой идеал в «правовом» государстве и полагали, что им может стать самодержавное государство при некоторых уступках буржуазным элементам, которые своей поддержкой призваны упрочить его могущество и предотвратить тем самым демократическую революцию в России.

Либералы этого поколения продолжали отводить самодержавному государству руководящую роль в разрешении современных общественно-политических проблем. Вслед за своими предшественниками они по-прежнему подчеркивали решающее значение государственной власти и в прошлом, в исторических судьбах России. Поэтому в центре их внимания продолжали оставаться вопросы развития государственной власти, государственных учреждений, развития правовых норм, законодательства, что, по их убеждению, определяло все стороны общественной жизни с момента возникновения государства.

Развитие капитализма в пореформенный период, рост буржуазных элементов, изменения в социальных отношениях в результате осуществления буржуазных реформ — крестьянской, земской, городской, судебной и других, необходимость приспособления государственного аппарата самодержавия к новым условиям, подъем революционного движения в стра-

не — все это не могло не наложить отпечатка на характер исторических воззрений и направление научных интересов представителей государственной школы в рассматриваемое время. Такие исторические проблемы, как отношения между государством и народом в прошлом, как история государственных учреждений, деятельность местной администрации и самоуправления, история сословий и сословного законодательства, приобретали в условиях того времени злободневный интерес. Одни из этих вопросов начинали разрабатываться заново, другие изучались и ранее, но теперь требовали иного подхода. На эти вопросы, писал К. Д. Кавелин в 1866 г., приходилось «уже теперь отвечать несколько иначе, чем думалось еще недавно»⁸⁴.

Необходимо учитывать также развитие буржуазной философской и социологической мысли в Западной Европе, что также влияло на теоретические построения государственников. Так, становившиеся модными позитивистские теории Конта, Милля, Льюиса, Спенсера нашли свое отражение в теоретических воззрениях В. И. Сергеевича, о чем свидетельствовала его докторская диссертация «Задачи и метод государственных наук...» (1871). Сергеевич отвергал «метафизические» взгляды предшествующих историков, отказывался от широких обобщений, призывал историков сосредоточить свое внимание на установлении отдельных исторических фактов, обосновывал эмпиризм в исторической науке, предвосхищая уже частично те явления в буржуазной историографии, которые впоследствии, в эпоху империализма, стали характерными проявлениями ее кризисного состояния. Позитивизму отдал дань в своих работах и А. Д. Градовский.

Определенное значение для понимания особенностей исторических воззрений государственников пореформенного периода имеет также то обстоятельство, что наиболее типичные из них были историками-юристами со свойственной последним тематикой исследований и формально-юридическом подходом к источникам. В этом отношении Сергеевич, например, существенно отличался от Соловьева и превосходил даже Чичерина и Кавелина.

Центральная проблема для всех государственников — проблема развития государственной власти и ее отношения к народу — получила освещение, применительно к истории древней Руси, в работе В. И. Сергеевича «Вече и князь». Работа эта была издана в 1867 г. в качестве магистерской диссертации. В своей монографии Сергеевич подверг справедливой во многом критике родовую теорию Соловьева, согласно которой отноше-

⁸⁴ К. Д. Кавелин Соч., т. 1, стр. 596.

ния между князьями в древней Руси регулировались родовыми счетами, принципом старшинства в роде. Опровергая теорию «лестничного» восхождения при замещении княжеских столов. Сергеевич заявлял, что «корень ошибочного толкования источников родовой теорией заключается в том, что она отправлялась от предположения наличности строго выработанного порядка преемства для такого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы»⁸⁵. В связи с этим он упрекал Соловьева в модернизации прошлого, в перенесении в древнюю Русь современных понятий права. Но подобную же ошибку допускал и сам Сергеевич, развивая теорию договорных отношений между князьями, князьями и дружины, князьями и народа, выдвинутую ранее Чичериным и обоснованную последним в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей»⁸⁶. Согласно утверждению Сергеевича, договорные отношения определяли собой все стороны государственной и общественной жизни древней Руси на протяжении веков. Древнерусское государство — результат договора между князем и народным представительством — вечем. В итоге правовая норма рассматривалась Сергеевичем в качестве источника политической организации.

В этих суждениях Сергеевича отразилось не только его идеалистическое понимание исторического процесса и игнорирование классовых отношений, как определяющих государственную организацию, не только модернизация им прошлого, выразившаяся в представлении о регулирующем значении договорных отношений по образцу буржуазного публичного права. Прошлое искажалось и в том смысле, что вече рассматривалось Сергеевичем в качестве общенародного представительства. Тем самым он изображал его по образцу позднейших представительных учреждений и отрицал вместе с тем классовые противоречия в древнерусском обществе. Но при всех своеобразных особенностях своих взглядов на характер государственной и общественной организации в древней Руси Сергеевич оставался на принципиальных позициях, общих со всеми государственниками, в особенности с их лидером Чичериным. И у него княжеская власть выступала в качестве основного творческого начала в древнерусской истории и оставалась в центре внимания.

Государственники более молодого поколения продолжали освещать в своих работах сохранявшую актуальное значение и для их времени проблему происхождения крепостного права

⁸⁵ В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. II. СПб., 1908, стр. 369.

⁸⁶ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 232—375

в России. Одни из них развивали взгляды Чичерина на этот вопрос, связывая закрепощение крестьян с деятельностью государства, закрепощавшего якобы и другие сословия. Градовский полагал, что крестьяне в России были вольными до конца XVI в. «Вольно ходил и переходил он (крестьянин.— *Ред.*) по общему отечеству»; «деятельность нашего правительства начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий»,— заявлял Градовский⁸⁷. Повторяя аналогичную ошибку Чичерина, Сергеевич длительное время настаивал на существовании особого акта, которым государство закрепостило крестьян в конце XVI в.

Иначе объяснял процесс закрепощения крестьян Ф. И. Леонтович, посвятивший этому вопросу специальные работы. Если в середине XVI в. закрепощение крестьян было недостаточно изучено даже на основной территории России, то еще слабее процесс этот освещен был для Белоруссии и части Украины, входивших некогда в состав Литовско-Русского государства. Стремясь устранить этот пробел, Леонтович написал работу «Крестьяне юго-западной России по литовскому праву XV и XVI столетий» (1863).

Исследование Леонтовича писалось в период проведения крестьянской реформы. В нем Леонтович выяснил как общие черты процесса закрепощения в Юго-Западной Руси и в центральных областях России, так и его специфические особенности на специально изучавшейся им территории. Леонтович отказался от точки зрения Чичерина об одновременном закрепощении крестьян в конце XVI в. в Юго-Западной Руси, сомневаясь в ее правильности и по отношению к центральным местностям России. Он доказывал, что во всяком случае в Юго-Западной Руси закрепощение крестьян было длительным и постепенно протекавшим процессом. Нельзя указать момент, с которого собственно начинается несвободное состояние крестьян; «переход к нему совершается незаметно,— писал Леонтович.— Крестьяне мало-помалу опутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства»⁸⁸.

Но при некоторых отличиях точки зрения Леонтовича от точки зрения Чичерина, оба они считали деятельность государства решающим условием закрепощения крестьян и рассмат-

⁸⁷ А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. 1. СПб., 1868, стр. 1, 5.

⁸⁸ Ф. И. Леонтович. Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863, стр. 4.

ривали отношения между крестьянами и помещиками как преимущественно правовые, выраженные и закрепленные в законодательстве.

Истории местного управления в России была посвящена докторская диссертация А. Д. Градовского, изданная в 1868 г. В предисловии к книге автор подчеркивал созвучие темы исследования с злободневными вопросами современности. «Никто не станет отрицать,— писал Градовский,— что введение земских учреждений и их деятельность должны придать вопросу нашей провинции особенное значение как в догме, так и в истории государственного права России»⁸⁹. Задумав свое исследование как начало изучения губернской администрации, Градовский ограничился характеристикой местного управления России XVI—XVII вв. на примере уездов Московского государства.

Анализ важнейших вопросов исследования — состояния класса землевладельцев, земской и сословной общины XVI и XVII вв., общего характера административного управления и уездного управления этого периода дан был Градовским в формально-юридическом плане, соответственно традициям государственной школы. В своей работе он высказал вместе с тем солидарность с коренными убеждениями Чичерина в вопросе о закреплении в России всех сословий, в том числе крестьянства, и в вопросе об отличии русского исторического процесса от западноевропейского в смысле признания решающей роли государственной власти в России. В этой связи он пытался исторически обосновать распространенную в либеральных кругах пореформенного периода идею «земского царя». «На Западе,— писал Градовский,— общины объявили себя непосредственными подданными короля после долгих усилий и кровавых побед над феодализмом; а в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живую практической действительностью»⁹⁰.

В связи со стремлением исторически обосновать зарождавшиеся у либералов пореформенного периода конституционные надежды находилась разработка государственниками истории земских соборов в древней Руси. Этой проблеме была специально посвящена монография В. И. Сергеевича «Земские соборы в Московском государстве», изданная в 1875 г. В монографии доказывалось, что земские соборы являлись первой ступенью представительных учреждений и в качестве таковых сыграли важную роль в управлении государством. Сергеевич не разделял славянофильской идеализации земских соборов

⁸⁹ А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. I.

⁹⁰ Там же, стр. 132.

как органов выражения «народного мнения», но в духе современного ему буржуазного конституционализма считал, что они ограничивали царскую власть. В своем подходе к земским соборам Сергеевич, как мы видим, расходился с пониманием их значения в древней Руси, свойственным Соловьеву и Чичерину.

Характерным для государственников пореформенного периода продолжал оставаться интерес к изучению истории государственных учреждений. Так, А. Д. Градовский издал в 1866 г. исследование «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры». Интерес Градовского к этой теме, несомненно, стоял в связи с преобразованиями в области высшей администрации в 60-х годах прошлого века, которые преследовали цель ее приспособления к новым условиям пореформенного развития России.

В своем понимании петровских преобразований, в результате которых была создана новая высшая администрация в России, Градовский следовал Соловьеву. Подобно Соловьеву, устанавливавшему историческую преемственность между реформами Петра I и предшествующим периодом, Градовский также рассматривал высшую администрацию, созданную Петром I, в ее связи с администрацией допетровской Руси. Но пытаясь объяснить происхождение новшеств в государственном аппарате, Градовский, как и Чичерин, переоценивал воздействие иностранных влияний, прежде всего шведских образцов.

Градовский осветил деятельность Сената, Верховного тайного совета, административные преобразования в царствования Екатерины II и Александра I, остановившись особенно подробно на характеристике деятельности генерал-прокуроров и их функций. Он высказал в этом исследовании ряд общих суждений, раскрывающих его понимание русского исторического процесса в духе государственников. Так, он выразил солидарность с теорией закрепощения сословий Чичерина, заявляя, что «закрепощение одного сословия на службу государству совершилось под условием такого же закрепощения крестьян на службу этого сословия»⁹¹. В духе Чичерина Градовский объяснял и деятельность воеводской администрации XVII в., укреплявшей, по его мнению, государственные начала в России до реформ Петра I. «Сильная и энергичная деятельность воевод была единственным пунктом, где начинало чувствоваться значение государства в новейшем смысле этого

⁹¹ А. Д. Градовский. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866, стр. 7—8.

слова»⁹², — писал Градовский, ссылаясь на заключение Чичерина к его книге «Областные учреждения России в XVII веке». Наконец, Градовский, вслед за Чичериным, полагал, что историческое развитие России существенно отличалось от исторического развития стран Западной Европы, будучи обусловленным всеилием государства в нашей стране.

Таковы основные проблемы русской истории, разрабатывавшиеся представителями государственной школы в пореформенное время. Расцвет государственной школы падает на 50—70-е годы прошлого века. Значительной была роль государственной школы и в 70-е годы, когда она продолжала сохранять свое господствующее положение в либеральной историографии, разрабатывавшей прошлое России. В 50—70-х годах лишь отдельные крупные либеральные историки России оставались за пределами этой школы. К числу последних принадлежал, например, Н. И. Костомаров, взгляды которого заметно отличались от взглядов государственников. Некоторые черты отличия содержались и во взглядах В. О. Ключевского, начинавшего в 70-х годах приобретать известность.

Представители государственной школы внесли крупный вклад в историческую науку, мобилизуя новый фактический материал и осветив ряд неисследованных ранее вопросов. Однако в соответствии со своими коренными убеждениями относительно руководящей роли государства в истории России примыкавшие к этой школе ученые рассматривали изучавшиеся ими исторические проблемы прежде всего в правовом аспекте, в их законодательном выражении. Тем самым государственники обрекали себя на формально-юридическую трактовку исторического процесса, искажали и обедняли подлинное историческое развитие, оказывались бессильным понять его истинные закономерности. Вместе с тем они допускали модернизацию прошлого, привнося в правовые нормы пройденных этапов свои современные представления, и явно идеализировали деятельность самодержавного государства.

Все отмеченные особенности исторических взглядов представителей государственной школы выражали классовую, помещичье-буржуазную природу их мировоззрения. В силу исторических особенностей русской буржуазии, склонной к союзу с помещиками, государственники оказывали сильное воздействие и на развитие чисто буржуазных тенденций в русской историографии не только в тот период, когда государственная школа занимала в ней господствующее положение, но и тогда, когда она уже начала его утрачивать.

⁹² А. Д. Градовский. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры, стр. 37.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. КОСТОМАРОВА

Н. И. Костомаров (1817—1885)—один из наиболее видных историков дворянско-буржуазного направления второй половины XIX в.⁹³ Он по праву может считаться представителем как русской, так и украинской исторической науки.

Элементы известной оппозиционности самодержавию возникли вполне естественно в жизни Костомарова. Уже в детстве он изведal крепостной гнет на собственном опыте: «незаконный» сын воронежского помещика и крепостной украинской крестьянки (ставшей в конце концов женой своего барина), Костомаров в десятилетнем возрасте после смерти отца, убитого своими крепостными, сам стал крепостным отцовских наследников. Лишь после долгих хлопот удалось добиться его освобождения, узаконения и признания его прав на наследство отца.

Историческое образование Николай Иванович Костомаров получил в Харьковском университете (1830—1836). Общественно-исторические взгляды его в этот период формировались под влиянием традиций украинского помещичье-буржуазного национализма. В работах его представителей — Д. Н. Бантыш-Каменского, Н. А. Маркевича, отчасти М. А. Максимовича — проводились идеи бесклассового развития украинского народа, давалась романтически идеализированная картина старины, приводились доказательства исторических «прав» украинского дворянства на автономию и восстановление гетманщины. В ранних исторических работах Костомарова, относящихся к началу 40-х годов, — «Первые войны малороссийских казаков с поляками», «Русско-польские вельможи», в не допущенной к защите магистерской диссертации «О причинах и характере унии в Западной России» — по существу проводились те же взгляды.

Для николаевского правительства оказалось достаточным того оттенка националистической оппозиционности и известного интереса к народным массам, который был присущ диссертации Костомарова. Все отпечатанные экземпляры ее были уничтожены. В 1844 г. Костомаров вынужден был написать новую магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии», которую и защитил в том же году. В 1845 г. он стал профессором Киевского университета.

⁹³ О работах Костомарова по истории Украины см «Очерки истории исторической науки СССР», т. I, стр. 606—607 и настоящее издание, глава XII, раздел I. В данной главе рассматриваются преимущественно взгляды Костомарова на историю России.

В 1846 г. Костомаров вступил в Кирилло-Мефодиевское общество, где вместе с П. А. Кулишом и В. М. Белозерским представлял правое либерально-буржуазное крыло, противостоявшее революционно-демократической его части во главе с Т. Г. Шевченко и делавшее ставку на «реформу сверху». После разгрома общества в 1847 г. Костомаров был приговорен к годичному заключению в Петропавловской крепости, а затем выслан в Саратов, где пробыл девять лет. Ему было запрещено печатать свои работы. В Саратове Костомаров общался с Н. Г. Чернышевским.

В конце 50-х годов в научной деятельности Костомарова наступил новый этап. Ослабление полицейского режима после смерти Николая I позволило ему перебраться в Петербург. В 1859 г. он был избран экстраординарным профессором Петербургского университета по кафедре русской истории. В этот период Костомаров пользовался у передовой молодежи большой популярностью. Его лекции имели огромный успех. Студенчество видело в нем противника николаевского режима, жертву правительственных преследований.

На конец 50 — начало 60-х годов приходится высший подъем научного творчества Костомарова. В эти годы были созданы наиболее значительные его работы «Богдан Хмельницкий» (1857) «Бунт Стеньки Разина» (1858), «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1860). В 1863 г. вышла в свет монография «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада».

Особой популярностью пользовались «Богдан Хмельницкий» и «Бунт Стеньки Разина». Нерешительные, но все же по своему искренние попытки Костомарова оправдать «бунт» нищетой и угнетением народа, яркие картины народной расправы с угнетателями, а главное полный драматизма рассказ о судьбе народа — угнетенного, борющегося за свое освобождение и беспощадно мстящего врагам,— именно это, независимо от намерений самого автора, ценил в них передовой читатель.

К. Маркс был знаком с работой Костомарова «Бунт Стеньки Разина» и составил ее конспект⁹⁴.

Но даже в пору наивысшего расцвета творчества Костомаров оставался всего лишь представителем умеренной либерально-буржуазной оппозиционности.

В своей автобиографии Костомаров говорит об отрицательном отношении к революционным и материалистическим прин-

⁹⁴ Опубликован в журнале «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 106—125.

ципам Чернышевского⁹⁵, о пропасти, лежавшей между ними⁹⁶. Когда в 1862 г. все профессора — сотрудники «Вольного университета» прекратили в знак протеста против высылки проф. П. В. Павлова чтение лекций, Костомаров, прикрываясь громкими фразами о «свободе науки и совести», пытался продолжать свои занятия⁹⁷. Студенты Петербургского университета освистали еще недавно столь любимого ими профессора. В результате Костомарову пришлось уйти из университета. За этим последовал разрыв с Чернышевским⁹⁸, с передовым общественным движением 60-х годов.

С уходом из Петербургского университета навсегда прекратилась преподавательская деятельность Костомарова. Научная деятельность его продолжалась, однако, весьма интенсивно. В 1868 г. вышла его работа «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия», опубликованная в «Вестнике Европы» еще в 1866 г.; в 1862 г. — «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» (впервые была опубликована в «Современнике» в 1857—1858 гг.); в 1873—1876 гг. — «Русская история в жизнеописаниях...». В качестве члена Археографической комиссии Костомаров подготовил к изданию 12 томов документов.

Потеряв популярность в передовых кругах, Костомаров становится признанным идеологом украинской буржуазии. Написанные в 70—80-х годах работы по украинской истории «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы» — своего рода программные документы украинского буржуазного национализма того времени.

Историческая концепция Костомарова была во многом противоречива.

Определение предмета исторической науки было в 60—70-х годах одной из самых жгучих проблем русской исторической мысли. Максимально приблизиться к правильному решению этой проблемы оказалось под силу только представителям революционной демократии. Костомаров первоначально интересно поставил вопрос о предмете истории, делал попытки расширить его определение, проявлял известное внимание к истории народных движений, пытался противопоставить культу монархического государства как творца истории свое более широкое понимание движущих сил русского исторического процесса.

⁹⁵ Н. И. Костомаров. Автобиография. М., 1922, стр. 330—335.

⁹⁶ Письмо Костомарова Чернышевскому (1862). См. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. 2. М.—Л., 1928, стр. 402—404.

⁹⁷ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 298—304.

⁹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 757—763; т. XV, стр. 552, 555—556.

«Отчего это,— писал Костомаров в своей «Автобиографии»,— во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы. Бедный мужик — земледелец-труженик — как будто не существует для истории». Задачу настоящего историка Костомаров видел во «введении народного элемента в науку истории»⁹⁹.

В лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии» (1863)¹⁰⁰ Костомаров дал резкую и во многом убедительную критику ограниченного понимания предмета исторической науки русскими дворянскими историками XVIII в., Карамзиным, государственной школой, славянофилами. «Царские дворы, правительственные приемы, законодательства, войны, дипломатические отношения,— писал он,— не удовлетворяли желания знать прошедшую жизнь. Кроме политической сферы оставалась еще нетронутую жизнь народных масс с их общественным и домашним бытом, с их привычками, обычаями, понятиями, воспитанием, сочувствиями, пороками и стремлениями»¹⁰¹.

Решение вопроса об определении предмета истории Костомаров искал в синтезе истории и этнографии, полагая, что на основе этнографического материала историк должен определить главные черты психологии и быта данного народа в настоящем, а затем проследить раскрытие их в ходе истории¹⁰². При этом первичным элементом, основным определяющим фактором для идеалиста Костомарова является «народный дух», «двигательная сила души человеческой», «духовная сторона народной жизни». Определение «духовной физиономии народа» и составляет в понимании Костомарова предмет исторической науки, подлинную цель историка.

Таким образом, первоначально широко и остро поставленная проблема определения действительного предмета истории, введения «народного элемента в науку истории» не получила у Костомарова самостоятельного научного решения. Роль «народного элемента» в истории свелась им к идее «народного духа».

Содержание русского исторического процесса Костомаров видит в борьбе демократического федеративно-вечевого начала с монархическим началом централизации и единодержавия. В этой концепции Костомарова, в противопоставлении начал

⁹⁹ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 148, 168.

¹⁰⁰ Н. И. Костомаров. Собр. соч., СПб., 1903—1906, кн. I, стр. 718—731.

¹⁰¹ Там же, стр. 720 (Разрядка наша.—Ред.).

¹⁰² Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 148; см. также Собр. соч., кн. I, стр. 20, 718—731.

вечевого и самодержавного были некоторые элементы, прогрессивные для того времени. То лучшее, что было в научном творчестве Костомарова, имело своим источником именно эту его попытку, полемически заостренную против официального направления и государственной школы, — противопоставить неограниченной монархии и централизации вече и федерацию. Оппозиционные стороны мировоззрения Костомарова при всей их умеренности так или иначе сталкивали его с официально-охранительным направлением русской историографии, с присущим последнему «квасным» патриотизмом и отрицанием каких-либо противоречий. Говоря о развернувшейся в 1860 г. полемике Костомарова с представителем официальной историографии М. П. Погодиным, Н. А. Добролюбов подчеркивал, что «с самого начала русской истории г. Костомаров предполагает следить в ней борьбу двух начал — вечевого и единодержавного. Г. Погодин, напротив... истощается в доказывании того, что у нас никогда никакой борьбы не было, ...и что в этом именно и заключается *противоположность* русской истории с историей Запада»¹⁰³.

Полемика эта была сосредоточена на вопросе происхождения Руси; Погодин отстаивал теорию норманского происхождения, Костомаров же — теорию литовского, «жмудского» происхождения Руси (с научной точки зрения также несостоятельную). Передовая молодежь, присутствовавшая на диспуте в университетском зале в Петербурге, всячески демонстрировала свое сочувствие Костомарову, что вызвано было в первую очередь, разумеется, политическими мотивами, протестом против реакционных политических взглядов Погодина.

Участие Костомарова в Кирилло-Мефодиевском обществе, долготелая ссылка его, ограничения, чинимые царским правительством его научной деятельности, привлекли к нему в 50—начале 60-х годов внимание революционных демократов. Чернышевский ценил Костомарова¹⁰⁴, подчеркивая в нем те черты, которые, по его мнению, могли бы дать возможность так или иначе использовать историка для борьбы с реакционной историографией. Ряд работ Костомарова был напечатан в «Современнике».

В этот период под очевидным влиянием вызревавшей революционной ситуации и идей Чернышевского и Добролюбова Костомаров достиг высшего, возможного для него предела в подходе к ряду проблем русской и украинской истории, в первую очередь к проблеме народных движений. Следует особо отметить его полемические статьи и рецензии по вопросам освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., печатавшиеся

¹⁰³ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. V, стр. 362—363.

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 928—929.

ся в «Современнике», такие, как «Замечание на статью г. Соловьева «Малороссийское казачество до Богдана Хмельницкого», «Ответ г. Падалице», рецензии на «Черную раду» П. Кулиша. Костомаров сумел в этих работах в той или иной степени приблизиться к пониманию социально-политического содержания события 1648—1654 гг. Полемизируя с С. М. Соловьевым, он доказывал, что восстание имело не ограниченно казачий, а общенародный характер¹⁰⁵. Статья «Ответ г. Падалице» вся посвящена историческому обоснованию права угнетенного украинского крестьянства на восстание против польских панов. «Простой народ Руси,— утверждал Костомаров,— в XVII веке поднялся огромным пластом против польских панов»¹⁰⁶. В той же статье и в рецензии на «Черную раду» П. Кулиша¹⁰⁷ Костомаров приближался к пониманию классовой борьбы на Украине в XVII в., подмечал стремление верхушки казацкой старшины закрепить украинское крестьянство¹⁰⁸.

Чернышевский в своей рецензии на «Богдана Хмельницкого» указывал, что Костомаров был близок к верной оценке антифеодального характера освободительной войны 1648—1654 гг.¹⁰⁹

Эти взгляды Костомарова не были, однако, последовательными и сталкивались с прямо противоположными им высказываниями о «бесклассовости» украинского народа и руководящей роли казачества в событиях 1648—1654 гг. Даже в период максимального идейного и научного подъема Костомарова Чернышевский и Добролюбов ясно видели в нем типичные для либерала трусость, половинчатость, готовность на компромисс с правительственным лагерем¹¹⁰.

В 1860 г.— за два года до окончательного разрыва — Чернышевский резко порицал трусливую, половинчатую тактику Костомарова, почтительно склонявшегося перед дутыми «авторитетами» официального правительственного лагеря (Чернышевский имел в виду М. П. Погодина) и готового на компромисс с ними. Согласие Костомарова вступить в публичный диспут с реакционером Погодиным по вопросу о происхождении Руси Чернышевский расценивал как проявление типичного либерального примиренчества по отношению к противнику — «ошибочного уважения к г. Погодину». «Пора нам деятельнее прежнего приняться за перетряску хлама многих ученых и других наших знаменитостей, чтобы всем стало видно, что это

¹⁰⁵ «Современник», 1859, кн. 11, отд. III, стр. 51—57.

¹⁰⁶ «Современник», 1860, кн. 12, отд. III, стр. 374.

¹⁰⁷ «Современник», 1858, кн. 1, отд. VII, стр. 1—12.

¹⁰⁸ «Современник», 1860, кн. 12, отд. III, стр. 380.

¹⁰⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 821—822.

¹¹⁰ Там же, т. VII, стр. 296—299.

именно хлам», — энергично подчеркивал Чернышевский в статье «Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова»¹¹¹.

Добролюбов в сатирическом листке «Свисток» также ядовито подсмеивался над осторожным профессором, который на диспуте с Погодиным обнаружил явную боязнь, как бы его не причислили к демократическому лагерю¹¹².

Еще в 1851 г. Чернышевский считал, что Костомаров отшатнется от грядущей революции, что его испугает мужицкий бунт¹¹³. Предсказание Чернышевского сбылось: в период революционной ситуации окончательно раскрылась либерально-примиренческая сущность политической позиции Костомарова.

Критерий «двух начал» — начала централизации и монархии и начала веча и федерации — лежит в основе концепции Костомарова и его периодизации истории России.

Но противопоставление их остается у Костомарова внешним и второстепенным, главным же оказывается противопоставление «носителей» этих начал — русского и украинского народов.

«Русская история», говорит он, представляет «две половины, несходные между собою по духу и содержанию. Каждая из них изображает свою особую Русь, отличную от другой по политическому и общественному строю. Первая была Русь удельно-вечевая, вторая — Русь единодержавная»¹¹⁴. Основная черта «удельно-вечевого периода», по Костомарову, — отсутствие не только сложившегося государства, но даже и признаков государственной централизации. Княжеская власть имела лишь чисто внешний, «наезднический» характер: князья ограничивались тем, что наезжали собирать дань и «...могли быть только вроде атаманов разбойничьей шайки, называемой дружиною, и более ничем»¹¹⁵.

Киевская Русь, говорит Костомаров, складывалась из ряда земель — самобытных, самоуправляющихся, автономных, но объединенных единой федеративной связью, которая получает в его освещении очень неопределенный, расплывчатый характер и сводится не к реальному единству, а к сознанию общности происхождения, быта, языка, веры и к единству княжеского рода.

В концепции Костомарова этой федеративной форме связи земель соответствовала демократическая форма общественного строя. Коренным признаком удельно-вечевого периода было вечевое начало, полностью господствовавшее во всех землях. Вече было источником княжеской власти — оно признавало

¹¹¹ Там же.

¹¹² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 95—100.

¹¹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 419.

¹¹⁴ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 199.

¹¹⁵ Там же, кн. V, стр. 5, 13.

или призывало князей; функции и пределы княжеской власти были весьма ограничены. Костомаров подчеркивает при этом демократический характер вечевого строя. Со словом *вече* связывался механизм независимости и гражданской свободы», — говорит он ¹¹⁶.

Подобную демократическую федеративно-вечевую форму общественного строя, будто бы господствовавшую в древней Руси, Костомаров считает единственно возможной, органической формой существования «свободных человеческих обществ». Однако в противоречии с этим положением падение вечевых Новгорода и Пскова под ударами централизованного государства он ставит в зависимость от слабости превозносимого им строя. На этой шаткой исторической основе он строит широкие социологические выводы.

Костомаров решительно отрицает прогрессивность создания централизованного государства. Централизация, по его мнению, лишь подавляет внутреннюю федеративную тенденцию развития, государство остается не более чем «внешней формой объединяющей полицейской власти» ¹¹⁷. Костомаров резко подчеркивает при этом решающую роль внешней силы: «...там, где не было завоевания и где оно не являлось достаточно могучим, не могло составиться государство». Объяснения этому он ищет все в том же «народном духе». Славяне будто бы по самой своей природе «не терпели единовластия», без внешнего давления «оказывались неспособными к сплочению и образованию государства», «только крепкое завоевание или влияние иноземных стихий могло привести их к тому» ¹¹⁸.

Исходя из этих антинаучных теоретических предпосылок, Костомаров и строит свою характеристику второго периода русской истории — периода «Руси единойдержавной», противопоставляя его периоду «Руси удельно-вечевой».

Решающую роль в образовании русского централизованного государства Костомаров отводит татарскому завоеванию. В общем разгроме и бедствиях, последовавших за ним, погибли «старые вечевые начала свободы». Ранее свободные земли становятся княжеской собственностью, ханы возвеличивают великого князя — своего приказчика.

В подобных исторических условиях сложились будто бы присущие русскому народу черты рабского обоготворения верховной власти, способствовавшие укреплению единойдержавия: «в этом-то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумалась в период свободы» ¹¹⁹.

¹¹⁶ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. V, стр. 26, 28, 41, кн. I, стр. 205.

¹¹⁷ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 263.

¹¹⁸ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. V, стр. 5

¹¹⁹ Там же, стр. 42.

Очевидны ошибочный характер костомаровской концепции складывания русского централизованного государства, тенденциозное освещение им национального характера русского народа, особенно ярко проявившееся в принижении героев русского народа Дмитрия Донского, Ивана Сусанина, Минина, Пожарского. Отрицательное отношение Костомарова к созданию самодержавного государства определяется прежде всего тем, что он считал его виновным в уничтожении автономии земель, федерации. По сравнению с этим уничтожение «народоуправления» стояло для Костомарова на втором месте. В его подходе к проблеме создания централизованного государства преобладала не политическая оппозиционность самодержавию, а националистическая тенденция.

Под углом зрения борьбы «двух начал» Костомаров рассматривал и другие основные проблемы русской истории.

В борьбе Новгорода и Москвы в XIV—XVI вв. Костомаров видит прежде всего столкновение местного вечевоего начала с единоподержавным. В лекции «О значении Великого Новгорода в русской истории» (1861) Костомаров выразительно характеризовал Новгород как «последнее прибежище федеративных начал, изгнанных из других земель», а Новгороду он противопоставлял Москву, воплощавшую восходящую линию исторического развития, но вместе с тем беспощадно задушившую олицетворенные в Новгороде начала местной свободы. Отсюда идет и оценка Костомаровым деятельности Ивана III¹²⁰. С тем же критерием Костомаров подходит и к оценке деятельности Ивана IV и к проблеме опричнины. Костомаров идеализирует «избранную раду», деятельность которой будто бы «отличается духом общинности, намерением утвердить широкую общительность и самодеятельность русского народа и дать ему возможно большие льготы, способствующие его благоденствию». В этом Костомаров видит возрождение традиции новгородско-псковского народоправства, подчеркивая, что «недаром Сильвестр, дававший всему почин в то время, был новгородец»¹²¹. Костомаров отрицает какое бы то ни было положительное значение деятельности Ивана IV (статьи «Начало единоподержавия в древней Руси» и «Личность царя Ивана Васильевича Грозного»)¹²².

Как отмечено выше, Костомаров считал необходимым «ввести народный элемент в науку истории» и проявлял интерес

¹²⁰ Там же, стр. 57; его же. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, кн. I. СПб., 1912, стр. 248—250.

¹²¹ Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., кн. I, стр. 340; ср. также его же. Собр. соч., кн. V, стр. 72.

¹²² Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. V, стр. 5—91, 395—448; см. его же. Русская история в жизнеописаниях..., кн. I, стр. 368—419.

к проблеме народных движений. Последнее — центральная тема таких крупных работ его, как «Богдан Хмельницкий», «Бунт Стеньки Разина» и «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия...». Проблему роли народных движений в истории Костомаров ставил с известным сознанием ее научного и общественного значения, что он сам энергично подчеркивает в своей «Автобиографии». «Приступая к Смутному времени, — пишет он, — я был верен себе и своей задаче работать над историей народа. Я работал над эпохой Хмельницкого и Выговского, где главным образом высказывалась деятельность народной массы (подчеркнуто нами. — *Ред.*), меня сильно занимала эпоха дикой самодеятельности народа, проявившейся в бурное восстание Стеньки Разина»¹²³.

В особом интересе Костомарова к эпохам народных движений были несомненные прогрессивные черты, отличавшие его от славянофилов, официальной историографии и государственной школы. Однако конечное решение Костомаровым проблемы народных движений не поднималось над обычным для либерально-буржуазной историографии уровнем. Костомаров был далек от понимания классового содержания народных движений XVII в. И здесь у него идет речь не о реальной борьбе общественных классов, а о столкновении «начал». Классовая борьба подменяется характеристикой этнографической: протест против единодержавия вдохновляет и возглавляет, по Костомарову, казачество, генетически связанное в общей его схеме с «южнорусской народностью» и со «старорусскими вечевыми началами»; «старое удельно-вечевое начало Руси облеклось теперь в новый образ — то было казачество», — говорит Костомаров¹²⁴.

Рисую красочные картины народных восстаний, Костомаров не пошел дальше романтического обыгрывания «дикой самодеятельности» разбушевавшейся народной стихии. На самом же деле его пугают «неистовства черни», которая «разлакомилась на грабеж и кровь»¹²⁵.

Костомаров упорно подчеркивает бесплодность и историческую бесцельность народных движений, полное отсутствие у восставшего народа «стремлений к какому бы то ни было иному государственному и общественному строю»¹²⁶. Вожди его (Болотников, например) могли только поднять «кровавое знамя переворота Русской земли вверх дном»¹²⁷. В случае победы народа могла, по мнению Костомарова, произойти лишь смена

¹²³ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 359.

¹²⁴ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 408, см. также стр. 409, 654; см. кн. II, стр. 37.

¹²⁵ Там же, кн. II, стр. 266.

¹²⁶ Там же, стр. 43.

¹²⁷ Там же, стр. 280.

лиц, а затем неизбежно должен был бы возродиться старый социально-политический строй¹²⁸. О борьбе украинских крестьян во второй половине XVII в. Костомаров говорит, что они «бунтовали» лишь «в надежде отомстить за поборы хозяевам и присвоить их имущество для того, чтобы пропить и промотать награбленное в несколько дней»¹²⁹. В целом крестьянскую войну начала XVII в. и восстание Разина Костомаров считает явлением исторически реакционным, регрессивным. Возглавлявшее их казачество «было не новым началом жизни, а запоздалым, отцветшим», неспособным «проложить... новый путь»¹³⁰ русскому народу.

Отношение Костомарова к самодержавию также было отмечено чертами либерально-буржуазной ограниченности. Правда, в самом подходе Костомарова к проблеме создания централизованного государства был, как сказано уже, известный элемент оппозиционности. Однако критикуя деятельность самодержавия в прошлом за разрушение «федеративных связей», Костомаров готов примириться с ним в настоящем, при определенных условиях. В лекции «О значении Великого Новгорода в русской истории» (апрель 1861 г.) Костомаров изложил свое понимание реформы как мирного разрешения вековой борьбы «двух начал». «Государственность примиряется с народностью... сознавая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь»¹³¹. Здесь Костомаров излагает, таким образом, точку зрения, общую для всей либерально-буржуазной исторической мысли: для России возможен лишь путь «реформы сверху».

В центре исторической концепции Костомарова стояла, как уже указывалось, противоположность двух начал: демократического «федеративного начала», основным носителем которого была, по его мнению, «южнорусская», или «малороссийская», народность, и «начала единодержавия», которое воплотилось будто бы в «великорусской народности».

Эти взгляды Костомарова раскрыты в основном в его известных статьях «Две русские народности» (1861), «Мысли о федеративном начале в древней Руси» (1861), «Начало единодержавия в древней Руси» (1870), «Черты народной южнорусской истории» (1861), «О значении Великого Новгорода в русской истории» (1861). Статьи эти большей частью печатались в «Основе» — выходившем в Петербурге украинском националистическом дворянско-буржуазном журнале.

Усилия Костомарова направлены к тому, чтобы противопо-

¹²⁸ Там же, кн. V, стр. 88—91.

¹²⁹ Там же, кн. I, стр. 330, а также стр. 311.

¹³⁰ Там же, кн. II, стр. 287, 327; кн. I, стр. 411—412.

¹³¹ Там же, кн. I, стр. 213—214.

ставить два братских народа, в действительности близкие и по языку, и территориально, и по характеру, и по истории, и показать коренную якобы противоположность их психического склада, а соответственно последнему — и хода их исторического развития.

«Начало этого отличия, — подчеркивает Костомаров, — теряется в глубокой древности...»¹³² Уже в киевский период русской истории определились основные черты психического склада «южноруссов»: «...развитие личного произвола, свобода, неопределимость форм были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии»¹³³. «Южнорусс» олицетворяет стихию народной свободы, ненависть к насилию, терпимость, отсутствие национального высокомерия, но вместе с тем ему присущи и черты анархичности: «в натуре южнорусской не было ничего насильствующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной рассчитанности, твердости на пути к предназначенной цели»¹³⁴.

Этой исполненной авторского сочувствия характеристике «южнорусса» Костомаров противопоставляет нарисованный темными красками национальный характер великоруса. Ему якобы органически присущи такие психические черты, как рабская готовность подчиниться прочной самодержавной власти, стремление «дать прочность и формальность единству своей земли»¹³⁵.

Противоположность этих различных типов народной психологии обусловила, по мнению Костомарова, различные направления исторического развития украинского и русского народов. Извечная, коренная черта украинского народа — господство начала личной свободы — привела к образованию в IX—XI вв. свободной федерации русских земель. Преобладающая черта великорусского народа привела «к единовластию и крепкому государству»¹³⁶. В ходе истории это органическое различие «двух русских народностей» все более углублялось. Теоретической основой этой концепции явилась идеалистическая теория «народного духа» как определяющего фактора исторического развития.

Чернышевский резко критиковал взгляды Костомарова на процесс формирования русской и украинской национальностей¹³⁷ и его идею федерации славянских народов¹³⁸.

¹³² Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 35.

¹³³ Там же, стр. 42.

¹³⁴ Там же, стр. 43, см. также стр. 54.

¹³⁵ Там же, стр. 40, см. также стр. 53, 56, 57; ср. стр. 40, 48.

¹³⁶ Там же, стр. 55.

¹³⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. т. VII, стр. 946.

¹³⁸ Там же, т. I, стр. 776.

Созданная Костомаровым концепция украинской истории легла впоследствии в основу исторических взглядов буржуазно-националистической школы Антоновича и Грушевского. Вместе с Максимовичем Костомаров выступил с отрицанием исторической преемственности в развитии Киевского и Московского государств, изображая Киевское государство созданием лишь одной «малороссийской народности». Стержень костомаровской концепции истории Украины — утверждение бесклассового ее характера. Основной движущей силой он считал казачество. Бесклассовая, социально однородная, демократическая казачья рада была, по мнению историка, новым воплощением древнерусского веча. С этих позиций Костомаров освещает великую освободительную войну украинского народа 1648—1654 гг. В первой половине XVII в. ополяченная украинская шляхта, говорит Костомаров, оказалась на стороне Польши, украинский же народ выступил как единое, цельное, не знающее классовых различий казачество. «Во время борьбы с Польшей все украинцы были равными казаками», «слова перемешались и слились в понятии русского казака»¹³⁹.

В конце 50-х годов Костомарову случалось высказывать более правильные взгляды в этом вопросе, но в целом в его изображении освободительной войны 1648—1654 гг. отразилась идея бесклассового развития Украины XVII в. и преобладающей роли казачества.

Костомаров выступает с несколько завуалированной отрицательной оценкой присоединения Украины к России, рассматривая его не с точки зрения интересов самого украинского народа, а с точки зрения украинской феодальной верхушки, «права» которой в XVII—XVIII вв. были частично урезаны.

Богдана Хмельницкого Костомаров рисует двуличным интриганом, который фактически сыграл отрицательную роль в истории Украины¹⁴⁰.

Для Костомарова история Украины после присоединения ее к России только «руина» (так и называется одна из его позднейших работ), т. е. история постепенного падения и гибели «гетманщины» — самостоятельного гетманского управления — вследствие умаления русским правительством привилегий феодальной верхушки. Костомаров поднимает при этом на щит таких злейших врагов украинского народа, как Выговский и Дорошенко¹⁴¹, изображая их борцами за «федеративность» и «самобытность» Украины, утверждая, что Выговский шел по

¹³⁹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 309; кн. IV, стр. 254.

¹⁴⁰ Н. И. Костомаров. Рецензия на «Черную раду» Кулиша. — «Современник», 1858, кн. I, отд. VII, стр. 1—28; его же. Русская история в жизнеописаниях..., кн. II, стр. 207.

¹⁴¹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 307—403; кн. VI, стр. 271, 81, 96, 101.

следам Богдана Хмельницкого, который якобы стремился к федерации с Польшей¹⁴².

Возникновение сословных различий на Украине Костомаров относит за счет внешнего влияния — русского или польского. Русские власти в XVII в. «создали небывалое в Малороссии дворянство... Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде в отношениях между богатыми землевладельцами и селившимся у них бедняками. Но то бывали злоупотребления, всегда признаваемые как таковые, а с нового порядка вещей они узаконились»¹⁴³.

Костомаровская теория «бессословности» украинского народа получила впоследствии широкое хождение в лживых писаниях украинских буржуазно-националистических историков.

В свое время правые реакционные круги не скупилась на обвинения Костомарова в «украинофильстве» и сепаратизме. В действительности же политическая программа Костомарова не шла дальше пожеланий национально-культурной автономии и предоставления украинской буржуазии известной доли участия в управлении страной. На этих условиях Костомаров был готов примириться с самодержавием: «местные силы», писал он, будут верны государству, «находя в нем покровительство своему развитию»¹⁴⁴.

Очень сложным было отношение Костомарова к государственной школе.

Он пытался противопоставить ей свое понимание предмета исторической науки и свою концепцию русского исторического процесса. Ее представлению о государстве как единственной движущей силе истории он противопоставлял свою теорию борьбы «двух начал», их апологии государства — свое умеренно критическое к нему отношение. Там, где Кавелин, Чичерин, Соловьев видели прежде всего прогрессивный процесс складывания государственных отношений, Костомаров подчеркивал другую, отрицательную, с его точки зрения, сторону — гибель местной автономии, федерации, вечевого строя. Костомаров отмечал недооценку государственной школой исторического значения «удельно-вечевого» периода¹⁴⁵, доказывал, в соответствии со своей теорией демократичности общественного строя дотатарской Руси, что источником власти в Киевской Руси было вече, призывавшее на стол князя¹⁴⁶, а не родовые права, как полагали представители государственной школы. Столь же решительно Костомаров выступал и против теории возникнове-

¹⁴² Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 312, 403.

¹⁴³ Там же, кн. VI, стр. 715.

¹⁴⁴ Там же, кн. I, стр. 213—214.

¹⁴⁵ Там же, стр. 202.

¹⁴⁶ Там же, кн. V, стр. 26—27.

ния государства или непосредственно из родовых отношений (Соловьев) или из отношений вотчинных (Кавелин). При этом то, что в действительности было исторической заслугой Кавелина и Соловьева, — отрицание ими решающей роли внешнего влияния в создании централизованного государства, Костомаров считал их пороком¹⁴⁷. Сам он, как уже было сказано, приписывал эту решающую роль татарскому завоеванию.

В спорах между Костомаровым и государственной школой поставлен был вопрос об исторической роли казачества. С. М. Соловьев выступил в 1859 г. с направленной против Костомарова статьей «Малороссийское казачество до Богдана Хмельницкого», где дал резко отрицательную характеристику казачества как «врага» государства, тормоза исторического прогресса¹⁴⁸.

Не следует, однако, переоценивать остроту тех разногласий, которые разделяли Костомарова и государственников. Их сближали общий страх перед народной революцией и общая установка на «реформу сверху». Несмотря на попытки как-то по-своему поставить вопрос о народных движениях, Костомаров, так же как и представители государственной школы, прежде всего подчеркивал их анархичность и историческую бесплодность, их опасность для «общества». Хотя Костомаров и расходился с государственной школой в оценке «благодетельности» развития государственных отношений, он по существу также считал, что создание централизованного государства является всецело делом верховной власти — «государственность объединила русский народ»¹⁴⁹. Конкретное, социально-экономическое, классовое содержание этого процесса также отсутствует в концепции Костомарова, как и в концепции государственной школы.

Научная методология Костомарова имела своеобразный характер. Источниковедческая основа его работ отличалась широтой и многообразием. Свидетельства архивных документов, летописей, мемуаров, записок иностранцев, фольклорные данные привлекались им обычно в большом количестве. Однако присущие Костомарову приемы пользования источниками встретили резкую и справедливую критику современных ему историков. Вопрос о степени достоверности данного исторического источника имел для Костомарова второстепенное значение; критический анализ источника обычно не был для него необходимым условием научного изучения. Сам он несколько наивно писал в своей «Автобиографии» о «старой привычке

¹⁴⁷ Там же, стр. 6.

¹⁴⁸ С. М. Соловьев. Малороссийское казачество до Хмельницкого. — «Русский вестник», 1859, т. XXIII, сентябрь, кн. 2, стр. 178—196.

¹⁴⁹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. I, стр. 213.

слепо и с верою держаться известий в том виде, в каком они передаются летописными источниками, мало вникая в то, что самые источники, по разным причинам, нередко являются лживыми, даже без умышленного обмана»¹⁵⁰.

Причина выработанного Костомаровым приема пользования источником заключалась в том, что на первый план он выдвигал задачу создания такого историко-литературного повествования, которое должно быть увлекательным, живописным, драматическим хотя бы и в ущерб исторической достоверности.

Костомаров считал возможным опираться на источники, в недоброкачественности которых сам отдавал себе отчет. Так, излагая в работе «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» на нескольких страницах речь Шуйского на Красной площади 19 мая 1606 г., Костомаров в примечании указывал: «хотя эти слова приводятся таким историком как де-Ту, который никогда не был на месте описываемых событий, но в них так верно отразился характер Василия Шуйского, что, по нашему мнению, он должен был получить о них сведение от лиц, стоящих весьма близко к событиям того времени»¹⁵¹. Широко используя в «Богдане Хмельницком» летопись Величка, цитируя по ней письма и речи Хмельницкого, Костомаров сам же подчеркивал, что хотя «памятники, помещенные в летописи Величка, иногда подложны», он все же считал приводимый им документ — письмо Хмельницкого польскому королю — достоверным, так как вообще самый факт переписки Хмельницкого с поляками действительно имел место¹⁵².

Признание достоверным недоброкачественного, иногда прямо подложного документа в том случае, если признавался возможным тот исторический факт, который документ этот должен засвидетельствовать, приводило к прямому извращению исторической действительности.

Очень показательна в этом плане полемика, развернувшаяся в начале 70-х годов между Костомаровым и Г. Карповым, ярким сторонником обрусения Украины. В своей книге «Костомаров как историк Малороссии» (1871) Карпов резко критиковал источниковедческие приемы Костомарова, примененные им в работе «Богдан Хмельницкий». Излагая ход переговоров Хмельницкого и представителей царского правительства по статейному списку Бутурлина, Костомаров в нужный ему момент оставляет этот надежный, документальный источник и опирается затем на малодостоверную, по собственному

¹⁵⁰ Н. И. Костомаров. Автобиография, стр. 364.

¹⁵¹ Н. И. Костомаров. Собр. соч., кн. II, стр. 245.

¹⁵² Там же, кн. IV, стр. 148.

его признанию, летопись Величко. Ссылаясь на эту летопись Костомаров пытается доказать, что якобы на Переяславской раде бояре от имени царя дали клятву соблюдать выставленные Хмельницким условия присоединения Украины к России. Характерно, что при этом Костомаров замалчивает прямое свидетельство статейного списка Бутурлина, решительно опровергающее позднейшие измышления Величко (летопись Величко составлена в начале XVIII в.).

Костомаров выступил с развернутой защитой своих источниковедческих приемов: «Историком, кроме доверия к источникам, должен же еще руководить и здравый смысл... Величко говорит о таком событии (клятва бояр в верности выставленным Хмельницким условиям присоединения.— *Ред.*), которого по здравому смыслу не могло не быть. Если бы до нас не дошло никакого известия о том, что на Переяславской раде читались условия, на которых Малороссия приступила к соединению с Московским государством, то я и тогда был бы убежден, что они там читались. Как же могло быть иначе?»¹⁵³.

Недоброкачество источника историко-источниковедческого метода Костомарова отмечал даже близкий к нему лично и идейно М. А. Максимович, осторожно, но решительно осудивший его в своих известных «Письмах о Богдане Хмельницком». Указав на присущую этой популярнейшей из работ Костомарова «занимательность романа» Максимович подробно разобрал множество фактических и источниковедческих промахов автора и в конечном счете в завуалированной форме брал под сомнение научную ценность монографии в целом. Костомарову следовало бы, подчеркивал Максимович, «пересмотрев и перебрав критически весь богатый запас, им собранный», написать новую книгу о Хмельницком, «равно удовлетворительную для публики и для ученого круга специалистов»¹⁵⁴.

Основная заслуга Костомарова как историка и археографа состоит в привлечении широкого круга мало известных для того времени источников — архивных, этнографических, мемуарных, в насыщенности его работ богатым фактическим материалом. Некоторые из них, как, например, «Очерк торговли Московского государства», сохранили свое значение и поныне. Несомненный, хотя и поверхностный повествовательный талант Костомарова способствовал тому, что его исторические работы, даже потеряв частично свою научную ценность, продолжали интересовать широкие читательские круги (напомним известный эпизод в «Коновалове» М. Горького).

¹⁵³ «Беседа», 1871, кн. 1, отд. 2, стр. 3.

¹⁵⁴ М. А. Максимович. Собр. соч., т. 1, Киев, 1876, стр. 395—474, особенно стр. 399—400, 450—452.

Заслуживает внимания роль Костомарова как популяризатора исторических знаний.

Костомаровская борьба двух начал — государства и народности, централизации и федерации, единодержавия и веча — имела черты известной оппозиционности самодержавию. В конечном счете, однако, эта борьба завершается в общей концепции Костомарова вырождением федеративно-вечевого начала, моральной победой начала государственного, примирением «государственности и народности», реформой сверху. Отчетливо вырисовываются черты либерально-буржуазной ограниченности этой концепции. Революционные демократы противопоставили ей свое понимание исторического пути России, в центре которого стояла идея крестьянской революции, идея борьбы масс за свержение всех старых властей¹⁵⁵.

Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождавшегося украинского буржуазно-помещичьего национализма.

Корни политической программы Костомарова, так или иначе определившей направление его научной деятельности, следует искать в условиях социально-экономического развития и классовой борьбы на Украине во второй половине XIX в.

Не только к проблемам истории Украины, но и к проблемам русской истории Костомаров подходил в конечном счете как представитель украинского националистически настроенного буржуазного либерализма.

То обстоятельство, что украинское дворянство, и в еще большей мере украинская буржуазия были в тот период до известной степени оппозиционны русскому самодержавию (оппозиционность эта была весьма умеренной и трусливой), определило оттенок критического отношения к неограниченно самодержавной центральной власти, который присущ основным историческим работам Костомарова в более сильной степени, чем работам других современных и социально однородных русских буржуазно-либеральных историков.

IV

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Один из крупнейших представителей русской буржуазной историографии второй половины XIX в. Василий Осипович Ключевский (1841—1911) прошел сложный творческий путь.

Выходец из среды сельского духовенства, Ключевский получил начальное образование в пензенских церковно-приходском и уездном училищах, а затем в Пензенской духовной семина-

¹⁵⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

рии. Не окончив семинарии, он отказался от духовной карьеры и несмотря на сопротивление своего начальства, архиеерея Варлаама, отправился в Москву, где в 1861 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. По окончании в 1865 г. университетского курса со степенью кандидата Ключевский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. В 1872 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Древнерусские жития святых как исторический источник», а в 1882 г. — докторскую диссертацию «Боярская дума древней Руси». С 1871 г. Ключевский стал преподавать в Московской духовной академии, а в 1879 г. сменил С. М. Соловьева на кафедре русской истории в Московском университете. Преподавательскую деятельность Ключевский в разное время вел также в Александровском военном училище (с 1867 г.), на Высших женских курсах, основанных В. И. Герье (с 1872 г.), в училище живописи, ваяния и зодчества (с 1900 г.).

Формирование политического мировоззрения Ключевского шло в направлении буржуазно-помещичьего либерализма. Еще в годы обучения в Московском университете Ключевский, хотя и питал некоторый интерес к отдельным элементам широко распространенной тогда демократической идеологии, пришел к мысли о неприемлемости для себя революционного пути и остался в стороне от студенческого движения. В дальнейшем политическим идеалом Ключевского становится «благоустроенное» и, как ему представлялось, надклассовое, а на самом деле буржуазное государство, в котором должны якобы найти гармоническое сочетание интересы отдельных индивидуумов и классов.

В своих лекциях и дневниковых записях Ключевский довольно резко критиковал самодержавие и его представителей, не выступая, однако, против основ буржуазно-помещичьего строя. В дневниках встречаются, например, заметки такого рода: «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц»; «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время»¹⁷⁶. Но отрицательно высказываясь о представителях русского самодержавия в прошлом, Ключевский в то же время рисовал образ идеальной, с его точки зрения, конституционной монархии и видел в ней наиболее совершенную форму политической власти, которая должна была обеспечить социальный мир и общественный прогресс без революционной ломки существующего классового строя. Тяготение к буржуазному конституцио-

¹⁷⁶ Неопубликованные дневники В. О. Ключевского. — Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФ), д. 32.

нализму — характерная черта мировоззрения Ключевского, как и вообще русских либералов его поколения.

В конце XIX — начале XX в., когда происходило перемещение центра мирового революционного движения в Россию, создавалась связь социал-демократии с массовым рабочим движением и развертывалась борьба за революционную марксистскую партию, в политическом мировоззрении Ключевского наметился сдвиг в сторону реакции, хотя в его дневниках по-прежнему встречаются резкие реплики по адресу самодержавия. В 1894 г. Ключевский на заседании Общества истории и древностей российских произнес речь «Памяти в бозе почившего императора Александра III», славословя последнего как проводника «международного мира и порядка», увеличившего «количество добра в нравственном обороте человечества»¹⁵⁷.

Это реакционное выступление Ключевского вызвало большое возбуждение среди студенчества. Студенты освистали Ключевского на лекции. В студенческой среде стали распространяться письма, в которых осуждалось поведение Ключевского, ставшего «приверженцем регресса и застоя», превратившего кафедру в «орудие пропаганды известных тенденций, ничего общего не имеющих со значением и призванием старейшего университета, всегда считавшегося рассадником объективного научного знания»¹⁵⁸.

Чем быстрее росло в России рабочее движение, тем больше проявлялись антиреволюционные настроения буржуазной профессуры. Вместе со своими коллегами и Ключевский выразил резко враждебное отношение к студенческому движению конца XIX — начала XX в. В его дневниках имеются выпады против марксизма.

1905 год явился важным этапом в политической биографии Ключевского. В июле 1905 г. он принял в качестве ученого эксперта участие в созванном правительством в Петергофе совещании по выработке проекта так называемой Булыгинской думы. В своих выступлениях Ключевский развивал в буржуазно-либеральном плане идею «общего блага» как принципа политической жизни и государственного устройства. Он указывал, что дума должна быть знакома с «настроением» страны, с ее потребностями, с «градусом психологической ее температуры». Через думу верховная власть увидит «душу народа» и тем самым будет создана «почва для законодательства»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — Чтения ОИДР), 1894, кн. IV, стр. 3—7.

¹⁵⁸ М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. — «Русская историческая литература в классвом освещении». Сб. статей под ред. М. Н. Покровского, т. 2, М., 1930, стр. 244.

¹⁵⁹ «Петергофские свещения о проекте государственной думы». М., 1917, стр. 92, 61; 62.

Булыгинская совещательная дума не была созвана, еще в проекте она была сметена революцией. Осенью 1905 г., в момент мощного подъема революционного движения по всей стране, в дневниках Ключевского явственно сказывался страх перед «водоротом» революционных событий, избавление от которых он видит «в конституционной свободе». В то же время Ключевский выступает критиком правительства и деятелей буржуазно-либеральных партий, неумению и беспомощности которых он приписывает активизацию революционной деятельности народных масс и провал защищавшейся им идеи «конституционного представительства».

Ключевский баллотировался в первую Государственную думу от партии кадетов (по кадетско-октябристскому списку в Сергиевом посаде), но на выборах его кандидатура не прошла.

И после революции 1905—1907 гг., до самой смерти Ключевский продолжал развивать идею буржуазного «правового» государства, в котором бесклассовая власть якобы осуществляет заботу о всенародных нуждах: «власть как средство для общего блага нравственно обязывает; власть вопреки общему благу — простой захват», — писал Ключевский^{159а}. Эта идея «благоустроенного» буржуазного государства принимала все более антинародную направленность, ибо в таком государстве Ключевский искал защиту от революционных выступлений масс.

Таким образом, Ключевский, пережив первую русскую революцию, не понял ее смысла и враждебно встретил выступление народных масс, поднявшихся на борьбу с бесправием, с социальной несправедливостью.

Формирование Ключевского как ученого происходило под воздействием различных факторов, и в частности под влиянием научных интересов и концепций ряда его предшественников. Представление о государстве как движущей силе исторического процесса заимствовано Ключевским у Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева. Но в своем понимании русского исторического процесса Ключевский несколько видоизменил позиции государственной школы. Восприняв у Соловьева (концепция которого в значительной мере определила общие взгляды Ключевского на русскую историю) мысль о колонизации как важном факторе исторического развития, Ключевский углубил эту идею и обратил большее внимание, чем его предшественники, на экономические процессы. В основу классового деления общества он клал такие моменты, как различные разновидности капитала, вносимого каждым классом в экономику, и разнообразие прав и обязанностей, характеризующее классы в области

^{159а} Неопубликованные дневники В. О. Ключевского — ОРФ, д. 32

политической. При таком подходе к проблеме в концепции Ключевского исчезла почва для классового антагонизма. Речь шла не о классовой борьбе, а о мирном содружестве классов, об их кооперации, основанной на разделении труда.

Понятие «народ» Ключевский не насыщал социальным содержанием и не определял основное его большинство как трудовые народные массы; он вкладывал в это понятие лишь этническое и этическое содержание. Высшим выражением национального и морального единства народа служило в глазах Ключевского государство, в котором он видел бесклассовый и общенародный орган.

В ранних работах Ключевского — «Сказании иностранцев о Московском государстве» (1865) и дополнениях к переведенной с немецкого на русский язык книге Кирхмана «История общественного и частного быта. Чтения в школе и дома» (1867) — проявлялся его интерес к быту (в широком смысле, как совокупности политических и культурных явлений). Эти работы представляли серьезный научный интерес, хотя в них и отсутствовала в качестве самостоятельной проблемы область социальных явлений, вопросы экономики сводились преимущественно к обмену, а описание поглощало часто научный текст, не оставляя места для социального анализа рассматриваемых фактов. На интерес Ключевского к вопросам истории быта оказал идейное воздействие и его университетский учитель Ф. И. Буслаев.

В пределах церковной тематики, которой с самого начала своей научной деятельности занимался Ключевский, первое место он отводил вопросу о роли монастырей (главным образом, в процессе колонизации Руси). В статьях «О церковных земельных имуществах в древней Руси» (1865)¹⁶⁰, «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (1867) и др. Ключевский рассматривал рост монастырского землевладения. Положительной стороной этих работ был интерес автора к проблемам экономического развития. Обработанный Ключевским материал воссоздавал картину того привилегированного положения, которое занимали духовные феодалы в системе социально-политических отношений средневековой Руси. В то же время статьи Ключевского проникнуты идеализацией древнерусских монастырей как хозяйственных и культурных центров.

¹⁶⁰ Неопубликованная рукопись.— ОРФ, д. 26. Интерес Ключевского к истории русской церкви вызывался отчасти влиянием духовной семинарии, в которой он учился, и духовной академии, в которой он долгое время преподавал

Вопрос о монастырской колонизации в Северо-Восточной Руси получил дальнейшую разработку в монографии Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871). Ключевский исследовал в разных архивах и рукописных собраниях около 160 житий, дошедших до нас примерно в 250 редакциях и в 5 тысячах списков¹⁶¹. Последовательная литературная история житий восстановлена Ключевским с большим искусством, житие исследовано как особого рода литературная форма. Но формально-источниковедческий анализ житий как литературных произведений заменяет очень часто в труде Ключевского их разбор как источников по социально-экономической истории.

Вопросы древнерусской церковной истории Ключевский связывал с вопросами истории общественной мысли и просвещения. Таковы его работы «О ереси жидовствующих» (1870)¹⁶² и «Псковские споры» (1870), посвященные религиозным движениям и богословской полемике в Новгороде и Пскове в XV—XVI вв., или «Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси» (1870) — разбор сочинения А. Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» и др. В этих статьях имеется ряд интересных наблюдений, в них, например, намечены, хотя еще очень слабо, проблемы анализа социального состава лиц, охваченных «ересь жидовствующих», и раскрытия ее политического содержания и значения. Но в целом автор не в силах был выявить те материальные интересы, социальные и политические побуждения, которые определяли идеологическую борьбу под религиозной оболочкой.

Наиболее крупное значение в научном творчестве Ключевского имела его монография «Боярская дума древней Руси» (1882). В этой монографии, явившейся его докторской диссертацией, Ключевский подвел итоги своим предшествующим исследованиям в области русской истории, дав целостную концепцию русского исторического процесса. Книга эта послужила в свою очередь исходным моментом дальнейшей работы Ключевского над курсом русской истории.

Боярская дума интересовала Ключевского потому, что она являлась верховным государственным органом, история которого была всесторонне и тесно связана с общественно-политическим развитием России X—XVIII вв. По словам Ключевского, боярская дума была «маховым колесом,

¹⁶¹ «Василий Осипович Ключевский. Биографический очерк, речи, произнесенные в торжественном заседании 12 ноября 1911 г., и материалы для его биографии». М., 1914, стр. 56.

¹⁶² Неопубликованная статья В. О. Ключевского.— ОРФ, д. 26.

приводившим в движение весь правительственный механизм»¹⁶³. Историю боярской думы Ключевский рассматривал в связи с процессом образования «общественных классов» в том буржуазно-либеральном понимании классовой структуры общества, о котором говорилось выше.

Считая главным фактором экономического развития Киевской Руси (X—XI вв.) город как центр внешней торговли, Ключевский утверждал, что в городах складывается «промышленный класс» («военно-торговая аристократия») ¹⁶⁴. Наряду с ним появляется «служилый класс» (княжеская дружина). Органами этих двух классов были вече и совет при князе (боярская дума) ¹⁶⁵. С XII в., по мнению Ключевского, центр исторического развития перемещается из Южной (Киевской) Руси в Русь Северо-Восточную (Владимиро-Суздальскую). Главную роль в экономике страны начинает играть сельское хозяйство. Поэтому «промышленный класс» исчезает. Князья становятся сельскими хозяевами, вотчинниками. Система политического управления в княжествах Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. воспроизводит административное устройство боярских вотчин. Княжеская боярская дума делается «советом главных дворцовых приказчиков» «по особо важным делам» при князе. При московском князе образуется «довольно плотный класс» — московское боярство ¹⁶⁶.

В XVI в., с образованием единого Русского государства с центром в Москве складывается, указывал Ключевский, правительственная аристократия. Боярская дума становится оплотом ее политических притязаний. В XVII в. происходит падение «правительственного класса». Дума перестает быть «участницей верховной власти, становясь только ее орудием» ¹⁶⁷. К XVIII в. боярская дума кончает свое существование.

В заключении к своей книге Ключевский приходил к выводу, что «в социально-политическом значении московской боярской думы отразился основной факт истории Московского государства» ¹⁶⁸. Это государство, писал Ключевский, было создано великорусской народностью. «Разделенная политически, угрожаемая гибелью с разных сторон», она «начала устроиться в обширный лагерь». Московское государство явилось «народным лагерем», боровшимся на три фронта (восточный, южный и западный). Военное по происхождению, оно и

¹⁶³ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5. Пб., 1919, стр. 1.

¹⁶⁴ Там же, стр. 32, 26.

¹⁶⁵ Там же, стр. 1.

¹⁶⁶ Там же, стр. 97, 116, 167, 169.

¹⁶⁷ Там же, стр. 203, 240, 289, 296, 301, 379, 384

¹⁶⁸ Там же стр. 520.

устроилось по-военному. «В основании его социального строя лежало деление общества на служилых и неслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения».

«Руководя народной обороной из своей кремлевской ставки», московский князь действовал как «главный военачальник». «Из сочетания власти такого военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков и вышел своеобразный политический авторитет московских государей...»¹⁶⁹ И боярская дума XV—XVI вв. была по преимуществу военным советом¹⁷⁰. Деятельность государя с боярами «оставалась деятельностью народного военачальника с военными товарищами»¹⁷¹ до тех пор, пока не началось разрушение «правительственного класса».

Монография Ключевского «Боярская дума древней Руси» — одно из наиболее ярких явлений в развитии буржуазной исторической науки третьей четверти XIX в. От концепций С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, в основу которых была положена борьба родового и государственного начал, построение Ключевского отличалось прежде всего стремлением представить исторический процесс как процесс развития общественных классов, взаимоотношения и роль которых менялись в связи с экономическим и политическим развитием страны. Но характер общественных классов и их отношения друг к другу Ключевский определял исходя из мысли об их более или менее дружном и гармоническом сотрудничестве в народном хозяйстве и политической жизни. Поэтому в его концепции отсутствовала классовая борьба как двигатель истории. Государство выступало у него не как орган классового господства, а как выразитель общенациональных интересов.

Отдельные звенья исторической концепции Ключевского (например, противопоставление хозяйства Киевской Руси, как основанного на внешней торговле, экономике Руси Северо-Восточной, в которой господствовало сельское хозяйство, а также попытка вывести отсюда различие общественно-политического строя) надолго определили неверное направление изучения древнерусской истории в буржуазной историографии.

С конца 70-х годов внимание Ключевского все более приковывала к себе история крестьянства в России. Появляются статьи Ключевского «Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения» (1879)¹⁷², «Право и факт в истории

¹⁶⁹ Там же, стр. 521, 522.

¹⁷⁰ Там же, стр. 522—523.

¹⁷¹ Там же, стр. 524.

¹⁷² Статья эта представляет собой отзыв о втором томе сочинения Ю. Ф. Самарина «Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 г.».

крестьянского вопроса» (1881)¹⁷³, «Происхождение крепостного права в России» (1885), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1885).

Развитие крепостного права в России автор рассматривал как процесс слияния крестьян и холопов в один разряд населения. Это сопровождалось, по мнению Ключевского, перенесением на крестьян норм холопского права и в то же время сближением холопов с крестьянами в сфере хозяйственной жизни, следствием чего явилось привлечение холопов к исполнению государственных повинностей.

До конца XV в. существовали два вида личной зависимости: полное холопство и закладничество (возникавшее в результате договора о займе и заключавшееся в условной службе должника у кредитора за проценты с занятой суммы с правом выкупа по воле должника). Из сочетания начал полного холопства с долговым закладничеством развилось холопство кабальное: «бессрочная вольная служба за рост с правом уплаты долга по уговору превратилась в обязательную службу за самый долг до смерти заимодавца по закону»¹⁷⁴. Начала «кабального права» были перенесены и на крестьян.

Важным моментом, сообщившим отношениям крестьян к земле и владельцам «крепостной характер», было перенесение на них условий, типичных для служилой кабалы. «Работа за рост» (за процент), «изделье» (барщина) «было давним условием крестьянской ссуды, но только с конца XVI в. ему стали придавать значение, какое имела кабальная служба за рост». Ко второй четверти XVII в. получило развитие и другое условие во взаимоотношениях крестьян и землевладельцев — «непрекращаемость обязательной работы и личной зависимости по воле крепостного»¹⁷⁵.

Законодательство о крестьянах Ключевский представлял себе как равнодействующую владельческого, крестьянского и казенного интересов: «первый состоял в упрочении личной крепости крестьян, второй — в поддержке их хозяйственной и податной состоятельности, третий — в прикреплении их к государственному тяглу вообще, а не к тому или другому тяглому участку»¹⁷⁶. Источником последующих крепостнических отношений был, по Ключевскому, «свободный договор» между

¹⁷³ Письмо редактору газеты «Русь» в связи с появившимися там замечаниями по поводу рецензии В. О. Ключевского на труды Ю. Ф. Самарина.

¹⁷⁴ В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. М., 1956—1959, т. VII, стр. 273.

¹⁷⁵ Там же, стр. 299.

¹⁷⁶ Там же, стр. 293.

крестьянином — арендатором земли и землевладельцем, приведший к задолженности первого. На основе подобных договоров крестьян с собственниками земли постепенно вырабатывались «два порядка отношений, входивших в юридический состав крепостного права на крестьян: власть землевладельца над личностью крестьянина и власть над его имуществом»¹⁷⁷. Правительство не создавало крепостного права на владельческих крестьян. Оно лишь устанавливало «границы» этого права в целях предупреждения «государственного вреда».

Сближение холопов с крестьянами началось, по мнению Ключевского, под влиянием нравственных понятий, привнесенных церковью, и продолжалось в сфере землевладения (часть холопов получала такое же «хозяйственное устройство», как и крестьяне). Наконец, холоп постепенно выходил из области частного права, становясь в непосредственные отношения к государству и делаясь налогоплательщиком.

В трудах Ключевского заслуживает внимания мысль о том, что завязь крепостного права следует искать в экономических отношениях, которые складывались между земельными собственниками и крестьянами, лишенными земли. Государство не являлось у него, следовательно, источником крепостничества. Законодательная норма возникла, по его мнению, напротив, под воздействием социально-экономических процессов, совершавшихся в реальной действительности. В этом отношении исследование Ключевского вносило серьезный корректив в «указную теорию» крестьянского закрепощения. В то же время в концепции Ключевского классовая сущность процесса крестьянского закрепощения затушевывалась формулой о добровольном контракте между владельцем земли и ее свободным арендатором. Происхождение барщины, являвшейся основой крепостничества, Ключевский неправильно объяснял долговыми обязательствами крестьян помещикам. Классовый смысл законодательства о крестьянах у него стирался, ибо, по Ключевскому, оно направлено было не на защиту интересов феодалов-крепостников, а пыталось якобы сочетать их с интересами не только казны, но и самих крестьян. Источником ряда перемен в государственно-правовых нормах Ключевский неправильно считал воздействие на них (через экономику) нравственных понятий, развитых церковью.

К проблеме крепостного права в России Ключевский вернулся еще раз, уже накануне смерти в 1911 г., в связи с празднованием русским буржуазно-либеральным обществом пятидесятилетнего юбилея реформы 1861 г. Недавно опубликованы наброски Ключевского для газетной статьи, посвящен-

¹⁷⁷ Там же, стр. 309.

ной отмене крепостного права, и развернутый, но не законченный очерк реформы 1861 г.¹⁷⁸ Ключевский много внимания уделял здесь характеристике (в либеральном плане) Александра II и других «деятелей» крестьянской реформы. Интересно указание автора на силу крестьянского движения как одну из предпосылок отмены крепостного права.

Из других работ по экономической истории, помимо трудов по истории крестьянского закрепощения в России, известное значение сохраняет до сих пор труд В. О. Ключевского «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему» (1884)¹⁷⁹. Автор поставил себе целью найти ключ к раскрытию реального содержания упоминаемых в источниках денежных единиц. Таким ключом служили Ключевскому хлебные цены, менявшиеся в связи с изменением стоимости рубля. На основе сопоставления хлебных цен XVI — первой половины XVIII в. с ценами конца XIX в. Ключевский вывел таблицу отношения «старого московского», а затем «всероссийского» рубля к кредитному рублю XIX в. Недостатками методологии и методики Ключевского были игнорирование им нумизматических данных (реальных монет XVI—XVIII вв., вес которых часто изменялся при сохранении их номинальной стоимости) и анализ рыночных цен вне связи с условиями производства.

К области социально-политической истории относится статья Ключевского «Состав представительства на земских соборах древней Руси» (1890)¹⁸⁰. Тема земских соборов поднималась в историографии конца XIX — начала XX в., с одной стороны, в связи с политическими настроениями русской либеральной буржуазии, стремившейся к сотрудничеству с монархией, мечтавшей путем конституции обеспечить себе место у кормила власти и не допустить революции. С другой стороны, к лозунгу созыва всенародного земского собора, понимаемого как учредительное собрание, было приковано и внимание революционно-демократических кругов еще в годы первой революционной ситуации. Исходя из обычного в русской историографии господствующих классов противопоставления России и Запада, из соображений о мнимой слабости и неразвитости политической борьбы в России, об устойчивости здесь самодержавия, об отсутствии конституционных традиций, Ключевский утверждал, что древнерусские земские соборы в корне отличались от западноевропейских представительных учреждений. Земский собор — это «не столько законодательный совет власти с народом, сколько административно-распорядитель-

¹⁷⁸ В. О. Ключевский. Соч., т. V, стр. 463—467.

¹⁷⁹ Там же, т. VII, стр. 170—236.

¹⁸⁰ Там же, т. VIII, стр. 5—112

ный уговор правительства со своими органами...»¹⁸¹. Автор проводил конкретный анализ состава земских соборов второй половины XVI в. (1566 и 1598 гг.) путем установления социальной принадлежности участников этих соборов.

Политической истории XVIII в. посвящены очерки Ключевского «Петр Великий среди своих сотрудников» (1901) и «Императрица Екатерина II» (1896). В первом очерке содержалась мысль, что в деятельности Петра I ярко проявились «народно-воспитательные свойства власти, едва заметно мерцавшие и часто совсем погасавшие в его предшественниках»¹⁸². Во втором очерке говорилось, что власть при Екатерине II, «оставаясь военно-политейским стражем внешней безопасности и внутреннего благочиния», «стала еще проповедницей свободы и просвещения»¹⁸³. Общая концепция вопроса приобрела, таким образом, апологетические по отношению к монархии черты.

Некоторые очерки Ключевского конца XIX — начала XX в. посвящены различным вопросам истории общественной мысли, культуры и просвещения в России. Таков его небольшой этюд «Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени» (1895). Основная идея этого очерка — это мысль о значении Московского университета в развитии русского общества (термин, употребляемый Ключевским расплывчато, то в смысле, равнозначном слову «народ», то как синоним «интеллигенции»).

Речь Ключевского «Евгений Онегин и его предки», прочитанная в 1887 г. в публичном заседании Общества любителей российской словесности в день памяти Пушкина, представляет собой этюд на историко-литературную и одновременно историческую тему. Ключевский исходил из предпосылки, что «Онегин не был печальною случайностью, нечаянной ошибкой: у него была своя генеалогия, свои предки»¹⁸⁴. Автор пытался воссоздать образы этих предков, считая самого Онегина за типическое явление. Однако при всей яркости красок и выпуклости рисунка галереи портретов предков Онегина сложная история русской общественной мысли в различных ее проявлениях в условиях роста крепостничества и зарождения антикрепостнической идеологии осталась не раскрытой Ключевским. Важнейшие ее проявления показаны в кривом зеркале, например, при установлении связи характера Онегина с восстанием декабристов.

Период наибольшего расцвета научной деятельности Ключевского падает на 70—80-е годы, когда появилась его

¹⁸¹ Там же, т. VIII, стр. 110.

¹⁸² Там же, стр. 317.

¹⁸³ Там же, т. V, стр. 370.

¹⁸⁴ Там же, т. VII, стр. 408.

монография о боярской думе древней Руси и были опубликованы его труды по истории крепостного права в России. С середины 90-х годов Ключевский уже не давал ничего принципиально нового в научном отношении. Напротив, с этого момента можно говорить об известном упадке его творчества. Этот упадок был фактом не только личной биографии Ключевского, но и показателем кризиса буржуазной историографии, проявившегося тогда, когда в России началось развитие марксистско-ленинской исторической науки.

В течение долгих лет своей работы в разных учебных заведениях, особенно в Московском университете, Ключевский создал ряд лекционных курсов. Одни из них обработаны были автором для печати и изданы типографским способом; другие получили распространение в литографированном виде (в студенческой записи, иногда просмотренной Ключевским, иногда оставленной без просмотра); наконец, некоторые курсы сохранились в собственноручных записях Ключевского (в виде конспектов или в той или иной мере законченных текстов).

Основная тематика лекций Ключевского может быть разбита на три группы: 1) методология истории; 2) общий курс русской истории; 3) курсы по специальным проблемам русской истории, источниковедению и историографии.

Философские и социологические взгляды Ключевского не были достаточно определены и четки и отличались эклектичностью. Заметное отражение в его мировоззрении нашли отдельные элементы модного в годы его молодости позитивизма, а впоследствии также и неокантианства. Наиболее развернуто философские и социологические взгляды Ключевского изложены в его «Курсе методологии истории» (1884—1885)¹⁸⁵. «Предметом исторического изучения» Ключевский считал «происхождение, развитие и свойства людских союзов», которые бывают двух родов: «первичные», или «естественные», и «вторичные», или «искусственные». «Первичные» союзы («первобытное бессемейное общество», семья, род, триба, племя) возникают, по Ключевскому, под воздействием инстинкта. «Вторичные» же (государство, церковь) строятся на основе сознательно поставленной цели. Ключевский выдвигал далее понятия «элементов» или «связей» общежития (язык, кровное родство, власть, труд, капитал, обмен и т. д.) и регулирующие эти «элементы» «исторические силы» (природа страны, физическая природа человека, личность, общество).

Некоторые из этих элементов, по Ключевскому, имеют деятельный характер: это — «потребность», «побуждения» или «интересы», «которые вызывают общение между людьми»

¹⁸⁵ Этот курс не опубликован.— ОРФ, д. 27

(пол, возраст, капитал и т. д.). Другие элементы «охранительного характера» представляют собой «нормы» или «отношения» («постоянные правила, установленные привычкой или принуждением»).

Поднимая вопрос об отношении «исторических сил» к «элементам общежития», Ключевский приходил к выводу, что последние «суть продукты или проявления деятельности сил». Таким образом, «элементы общежития» можно, по Ключевскому, разделить не только по характеру (активному или пассивному), но и по происхождению. Источником одних элементов (например, пола, возраста, инстинкта, обнаруживающегося в кровном родстве, и пр.) служит физическая природа человека, источником других (права, обмена, порядка) — общество и т. д.

Характерные черты исторического процесса в противоположность процессу физическому (развитию природы) Ключевский видел в «бесконечном видоизменении» явлений и в наличии не только причин и следствий, но и целей. Исторический процесс проявляется или как «местный» (развитие отдельных народов), или как «общий» (всемирно-исторический). «Общий» исторический процесс Ключевский сводил к трем моментам: 1) к «общению» (мирному) или «столкновению» (враждебному) союзов; 2) к «поглощению» или «слиянию» союзов; 3) к «исторической передаче». Действие «исторической передачи» выражается в «географическом перемещении» исторического процесса (смена культур Древнего Востока, античной и др.) и в «историческом движении». Ключевский предлагал различать понятия «историческое движение» и «исторический прогресс», так как «первое есть простое механическое понятие, не квалифицированное, второй термин представляет квалификацию движения, разумея движение к лучшему, последовательный успех общежития».

Ключевский различал два метода исторического изучения: субъективный и объективный. Руководствуясь субъективным методом, историк исходит из «современного состояния образованного человечества» и ставит перед собой задачу изучить его «происхождение и современное образование». Под этим углом зрения осуществляются подбор явлений, их оценка и установление между ними связи (три приема, характеризующие субъективный метод). При пользовании субъективным методом изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т. е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом становится точка зрения «изучающего».

К объективному методу историк прибегает в том случае, когда ставит своей задачей изучение исторического движения.

не останавливаясь на «современном состоянии образованного человечества» как «на чем-то твердом», исходя из той мысли, что «в исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение». Приемами, которыми пользуется, по Ключевскому, объективный метод, служат «наблюдение явлений», «сопоставление явлений» и «обобщение явлений». В результате применения объективного метода вырабатываются, согласно Ключевскому, «исторические схемы» и «исторические законы». Историческая схема, указывал Ключевский, отвечает на вопрос, в каком порядке сменяются явления. «Исторический закон» объясняет, почему эти явления сменяются именно в таком порядке. «Исторические законы» представляют собой «законы взаимодействия исторических сил». «Значит,— писал Ключевский,— исторические законы — не психологические, не физиологические, не физические или социологические; но они не чужды ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвертым по свойству явлений, которыми они управляют».

Оценивая философские и социологические взгляды Ключевского, следует сказать, что его представление об «элементах», «связях», «силах» как факторах общественного развития носило эклектический и механистический характер. Рассуждения о взаимодействии природы страны, физической природы человека и общества не раскрывали характера и закономерностей социально-экономического процесса. В идеалистическом плане историческое развитие как процесс целеполагающий противопоставлялся развитию природных явлений как процессу, представляющему собой причинно-следственный ряд. Ключевский приближался здесь к той искусственной и субъективистской классификации наук на «феноменологические» (имеющие дело с фактами, явлениями) и «номологические» (имеющие дело с общими понятиями, законами), которая получила затем под влиянием неокантианцев большую популярность в буржуазной историографии.

Утверждение Ключевского, будто существуют два равноправных метода изучения истории (субъективный и объективный), и выдвижение им субъективного метода на первое место исходило из идеалистической предпосылки, согласно которой историческая действительность как таковая и она же как результат познания ее историком-исследователем — явления совершенно различные. В ряде случаев, по Ключевскому, главное для историка — не действительный исторический процесс как объект изучения, а собственное его миропонимание и настроение как факторы, которые оказываются решающими для восприятия этого процесса. Отсюда — эклектичное и механистическое определение Ключевским понятия исторического

закона. Понятие классовой структуры общества чуждо Ключевскому: общество воспринимается им как явление, лишенное антагонистических противоречий.

Главным творческим достижением Ключевского был Курс истории России. Он работал над ним в течение ряда лет в качестве преподавателя духовной академии и Московского университета. Сохранились различные варианты этой работы, относящиеся к разному времени и представляющие собой черновые записи самого Ключевского и записи его слушателей¹⁸⁶. Хотя Ключевский трудился над курсом до конца жизни, основное его содержание и концепция сложились у него в 70—80-х годах, в период высшего подъема творчества ученого.

Курс открывается методологическим введением, в котором Ключевский повторил в более сжатом виде основные принципиальные соображения, изложенные им в лекциях по методологии истории и подвергшиеся значительной переработке, не изменившей, однако, их идейной сущности. Ключевский выдвигал два предмета исторического изучения: 1) историю культуры или цивилизации, рассматривающую, как происходит улучшение частной личной жизни отдельного человека и совершенствование общественных отношений между людьми; 2) изучение природы и действия исторических сил, строящих человеческие общества («историческая социология») ¹⁸⁷. «Местная история», по Ключевскому, может быть исследуема и с культурно-исторической и с социологической точек зрения, но именно последняя точка зрения должна быть ведущей.

¹⁸⁶ Для характеристики эволюции взглядов Ключевского имеют значение сохранившиеся курсы 1874—1875 гг. («История России в XVIII в.— время Петра I»); около 1876 г. («Образование Московского государства», XIV—XV вв.); 1879—1880 гг. («История России XVIII в.», начиная со смерти Петра I и кончая царствованием Екатерины II — первый университетский курс Ключевского); 1883 г. (лекции по русской истории до XIX в.— основные направления исторического процесса, изложенные в соответствии с теми наблюдениями, которые обобщены в отдельных разделах Курса по терминологии русской истории); 1898—1899 гг. (конспект лекций по русской истории до XIII в. включительно с уклоном к церковной истории).

В основу первого и второго Курса Ключевского легла литографированная запись его лекций 1884—1885 гг., дополненная и исправленная Ключевским. Типографским способом первый том Курса напечатан в 1904 г., том второй — в 1906 г., тома третий и четвертый — в 1911 г., том пятый вышел уже после Октябрьской революции. В советское время Курс Ключевского переиздавался в 1918—1923 гг. и в 1937 г. В настоящее время закончено издание «Сочинений» В. О. Ключевского в восьми томах, из которых первые пять томов посвящены его Курсу. Это свидетельствует о признании того, что труды В. О. Ключевского занимают видное место в развитии исторической науки.

¹⁸⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 15.

Далее Ключевский развивал свою идею о трех исторических силах, «строящих людское общежитие» («человеческая личность», «людское общество» и «природа страны»), и об «элементах общежития», которые он делил на физиологические (пол, возраст, кровное родство), экономические (труд, капитал, кредит), юридические и политические (власть, закон, право, обязанности), духовные (религия, наука, искусство, нравственное чувство)¹⁸⁸. Подчеркивая, что общежитие поддерживается общением между людьми и преемством, Ключевский останавливался на тех «исторических типах», которые образуют преемственно сменяющиеся союзы людей. Это: 1) семья, возникавшая «на физиологических основах»; 2) род — кровный союз, «в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть)»; 3) племя, «генетическая связь которого выражалась в единстве языка, в общих обычаях и преданиях»; 4) народ, для которого характерны не только этнографические, но и нравственные связи, «сознание духовного единства, воспитание общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и интересов»; 5) государство, представляющее собой народ, чувство национального единства которого «получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона». В государстве «народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»¹⁸⁹. Такова схема социально-исторического процесса, предложенная Ключевским. Но он подчеркивал, что основные элементы общежития в разное время и в разных странах приходят в разные сочетания. В этом, по мнению Ключевского, и заключается интерес изучения «местной истории».

Схема исторического процесса, развитая Ключевским, отличается эклектизмом, его «отождествление» государства с народом, якобы достигшим в государстве национального самосознания, типично для идеалистических представлений буржуазной историографии, видевшей в государстве общенародный орган.

Беря в качестве основного критерия периодизации истории России этапы колонизации русским народом Восточно-Европейской равнины, Ключевский выделял четыре периода русской истории, указывая для каждого из них два наиболее ха-

¹⁸⁸ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 21.

¹⁸⁹ Там же, стр. 22—23.

рактерных момента: политический — на первом месте и экономический — на втором.

Первый период охватывал, по Ключевскому, время с VIII по XII в., когда масса восточнославянского населения была сосредоточена в Поднепровье. Политически Русь была тогда раздроблена на ряд земель во главе с городами. В экономическом отношении для этого времени характерно развитие внешней торговли и промыслов (звероловства, бортничества).

Второй период русской истории Ключевский датировал временем с XIII до середины XV в., когда масса русского населения скопляется на Верхней Волге с ее притоками. Политически Русь делится в это время уже не на городские области, а на княжеские уделы. Господствующим фактором экономической жизни становится земледелие на основе крестьянского труда.

К третьему периоду Ключевский относил время с половины XV до второго десятилетия XVII в. Это период, когда складывается Великороссия, которая «вместе с населением расширяется за пределы Верхнего Поволжья». Но «расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и удельных бояр». Основой экономики остается сельское хозяйство, но вольность крестьянского труда начинает стесняться военным классом, «служилым сословием», землевладение которого растет.

В четвертый период своей истории (с начала XVII в. до половины XIX в.) русский народ распространяется по всей территории страны. К Великороссии присоединяются Малороссия и Новороссия. Образуется Российская империя. Правит государством уже не боярская аристократия, а дворянство. Земледельческий труд становится крепостным. К земледелию «присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская».

Кратко и выразительно Ключевский характеризовал Русь на четырех стадиях ее истории следующим образом: 1) Русь Днепровская, городская, торговая; 2) Русь Верхне-Волжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая; 3) Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая; 4) период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского¹⁹⁰.

Периодизация русского исторического процесса, разработанная Ключевским, эклектична, как и вся его историческая концепция. Она не раскрывает роли народных масс как актив-

¹⁹⁰ Там же, стр. 32—34.

ного творца истории, не показывает значения классовой борьбы как силы, двигающей общество вперед. И тем не менее эта концепция была новым словом в буржуазной науке по сравнению с построениями Чичерина и Соловьева. Несмотря на идеалистический подход Ключевского к историческим явлениям, для него уже характерно известное внимание к проблемам экономики.

Ключевский так же, как и его учитель Соловьев, исходил из представления о том, что история России, в силу особых географических условий и факторов внешнего порядка (набеги кочевников), существенно отличалась от истории стран Западной Европы. Одной из существенных особенностей русского исторического процесса Ключевский считал то, что в России, по его мнению, не было феодализма.

Во вводных разделах Курса Ключевский, придавая большое значение природным условиям в историческом развитии, дал географическую характеристику Европейской России и поставил вопрос о влиянии природы страны на историю ее народа. Ярко и образно он говорил о том, какое участие приняли «в строении жизни и понятий русского человека» лес, степь и река как «основные стихии русской природы»¹⁹¹. Но эта яркость и образность прикрывала в ряде случаев неверные социальные характеристики, например характеристику вскормленного степью казака как гуляки, «вора», который, по словам автора, «мастер все разорить, но не любит и не умеет ничего построить»¹⁹².

Начальным моментом русской истории Ключевский считал образование в VI в. на Карпатах у восточных славян военного союза под предводительством князя дулебов¹⁹³. Рассматривая процесс разложения родового строя («родового быта») у славян в связи не с происходившим у них классовобразованием, а с их расселением, Ключевский говорил о создании у них городов с «торгово-промышленными округами» (первой политической формы на Руси), затем варяжских княжеств (вторичной политической формы), наконец, Киевского княжества (как первой формы русского государства, объединившего все восточное славянство). Слово «Русь» у Ключевского сначала означало варяжское племя, затем стало названием Киевской земли, наконец, всей территории, подвластной русским князьям. Таким образом, Ключевский неверно изображал социально-экономические предпосылки создания государства на Руси, неправильно приписывал крупную роль в формировании государства деятельности пришлых варяжских дружин.

¹⁹¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 66.

¹⁹² Там же, стр. 68.

¹⁹³ Там же, стр. 110.

Рассматривая историю Киевской Руси X—XII вв., Ключевский считал вслед за Соловьевым, что в это время установился особый, так называемый «очередной порядок» владения князей. Характерных черт такого порядка было две: «верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду», а «отдельные князья временно владели теми или другими частями земли»¹⁹⁴. «Очередной порядок», согласно Ключевскому, привел к двойственным результатам: он разрушил «политическую цельность, государственное единство Русской земли» и в то же время содействовал «пробуждению в русском обществе чувства земского единства, зарождению русской народности»¹⁹⁵. Другими словами, характер междукняжеских отношений был в глазах Ключевского фактором, способствовавшим раздроблению государства, но сплочению народности.

В основе представления Ключевского о главных явлениях русской истории XIII—XV вв. лежала предпосылка о перемещении центра исторического развития из области Днепра в область Верхней Волги в связи с колонизацией, вызванной тремя условиями: юридическим и экономическим принижением низших классов; княжескими усобицами; половецкими нападениями¹⁹⁶. Характерный для этого периода переход к политической раздробленности неверно рассматривался Ключевским не как закономерное следствие развития общественного строя, а как результат отлива с юга на северо-восток русского населения, попадавшего в новые географические условия.

Последствия колонизации Северо-Восточной Руси, по Ключевскому, были двоякие: этнографические и политические¹⁹⁷. Первые состояли в том, что русская народность, образовавшаяся в Приднепровье, «разорвалась надвое»¹⁹⁸. Начали формироваться народности великорусская и малорусская (украинская). Лекция Ключевского, посвященная «образованию великорусского племени», — одна из наиболее запоминающихся по красочности и образности изложения. В ней высказано много интересных наблюдений о взаимоотношении русского и финского населения, о влиянии природы страны на хозяйственный быт ее жителей и т. д. Однако роль географического фактора неправомерно выступает здесь на первое место, а экономические отношения трактуются лишь как следствие природных условий. Вопрос о «психологии великоросса» рассматривается вне социальной проблематики. Великороссы выступают, в понимании Ключевского, как особый психологический тип.

¹⁹⁴ Там же, стр. 176.

¹⁹⁵ Там же, стр. 202.

¹⁹⁶ Там же, стр. 282.

¹⁹⁷ Там же, стр. 291.

¹⁹⁸ Там же.

Политический результат колонизации Ключевский видел в возникновении «удельного порядка», державшегося на двух основах: на дроблении государственной территории в соответствии с природными особенностями страны (наличие уединенных мелких речных округов); на представлении о князе как собственнике удела, его заселителе и строителе¹⁹⁹. Производственные основы общественно-политического строя в концепции Ключевского отсутствовали, первоочередное внимание автор обращал на географические условия и организующую деятельность князей.

Центральное место в Курсе Ключевского занимает история Московского государства XVI—XVII вв. Это государство Ключевский считал выражением «политического единства на народной основе»²⁰⁰. На первое место в качестве фактора развития Русского государства выдвигалась в это время внешняя опасность. Его социальная структура представлялась Ключевскому не классово-противоречивой, а основанной на совместной государственной работе сословий, выполнявших свои повинности во имя общего дела («каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, т. е. кормить тех, кто его обороняет»). Политика власти рисовалась как демократическая (т. е. общенародная) по своему направлению, хотя «демократические стремления» власти сочетались с «аристократическими привычками»²⁰¹. Эта формула Ключевского определяла, собственно говоря, основную концепцию буржуазной историографии (вплоть до Октябрьской революции) по вопросу о Русском централизованном государстве.

Образование централизованного государства, по мысли Ключевского, означало, что в представлении бояр «их прежняя власть, унаследованная от отцов, из одиночной, личной и местной превратилась в собирательную, сословную и всеземскую»²⁰². Великий же князь московский «не мог ужиться» с боярскими «притязаниями на раздел власти». Не раскрыв всех глубоких внутренних причин выступления боярской оппозиции против самодержавия, Ключевский рассматривал организацию опричнины не как реформу, направленную на укрепление централизованного государства, а как политически бессмысленный акт против отдельных лиц, бывший «плодом чересчур пугливого воображения царя», боявшегося крамолы²⁰³. Посвятив специальную лекцию характеристике личных качеств Ивана IV (уде-

¹⁹⁹ В. О. Ключевский. Соч., т. I стр. 349—350.

²⁰⁰ Там же, т. II, стр. 115.

²⁰¹ Там же, стр. 396—397.

²⁰² Там же, стр. 144, 158.

²⁰³ Там же, стр. 183.

лив при этом больше внимания его психологии, чем объективным фактам политической деятельности) Ключевский так закончил эту характеристику: «вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше коего эти враги сидели»²⁰⁴.

Ключевский приблизился к пониманию классового характера событий начала XVII в. Но их основной смысл он видел не в антифеодальной борьбе, а в «последовательном вхождении в Смуту» всех классов рабочего общества в порядке их расположения «на социальной лестнице чинов» (сверху вниз)²⁰⁵, понимая «класс» как группу населения, выполнявшую определенные государственные повинности. Отметив значение народных движений в истории России после «Смутного времени» («воцарение новой династии стало эрой народных мятежей», «царствование Алексея в особенности было „бунташным временем“, как его тогда называли») ²⁰⁶, Ключевский уделил их изображению всего полторы страницы, лишь перечислив их да заметив, что недовольство в народной массе «шевелоило нервы».

Русскую историю с XVII в. Ключевский называл «новой историей»²⁰⁷. Характерными для этого периода процессами он считал следующие: 1) «внешнее территориальное расширение государства идет в обратнопропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа»; 2) «политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратнопропорциональном отношении к экономической производительности их труда, т. е. этот труд становится тем менее свободен, чем более делается производителен»; 3) «демократизация управления» (Ключевский имел в виду смену боярства как правящей группы дворянством) сопровождалась «усилением социального неравенства и дробности»²⁰⁸. Эти три процесса Ключевский называл «антиномиями», т. е. «исключениями из правил исторической жизни», и источником их считал «неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа»²⁰⁹. Таким образом, в духе своей общей концепции Ключевский объяснял социальное развитие задачами внешней политики, в них в конечном итоге он искал и причины роста крепостнического гнета. Государство Ключевский считал поборником «социальной справедливости».

²⁰⁴ Там же, стр. 199.

²⁰⁵ Там же, т. III, стр. 29.

²⁰⁶ Там же, стр. 132, 239—240.

²⁰⁷ Там же, стр. 5.

²⁰⁸ Там же, стр. 8—9.

²⁰⁹ Там же, стр. 10, 12.

Много места в Курсе занимают время и реформы Петра I. Петровские преобразования Ключевский связывал с Северной войной. «Война, по его мнению, указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы»²¹⁰. Закономерности исторического развития, сделавшие реформу неизбежной, ее социально-экономические предпосылки не были им показаны, ее классовый смысл не был раскрыт должным образом. «Из реформы Петра Россия выходила не более, но и не менее крепостной, чем была до нее», — писал Ключевский²¹¹.

Лекции Ключевского по русской истории до 60-х годов XVIII в., составившие первые четыре тома его Курса, были обработаны для печати автором. Том пятый (1762—1855 гг.) издан был уже после смерти Ключевского.

Много внимания в этом томе Ключевский уделял вопросу усиления при Екатерине II крепостного гнета, который он называл «скрытым социальным недугом»²¹². Но не раскрывая классовых основ этого, Ключевский искал причину в нарушении соответствия («равновесия») между правами и обязанностями дворянства²¹³. Крестьянские движения в России XVIII в. Ключевский объяснял вслед за Чичериным тем, что шло «раскрепление» государственных сословий — дворянского, «торгово-промышленного», «точно таким же образом думало раскрепиться и крепостное крестьянское население»²¹⁴.

Последние разделы Курса Ключевского (конец XVIII и первая половина XIX в. — время Павла I, Александра I, Николая I) наименее обработаны. В идейном отношении они пронизаны, как и весь курс, духом буржуазно-помещичьего либерализма. Цель внутренней политики царизма заключалась, по определению Ключевского, в том, чтобы «постепенно сблизить разобщенные прежней русской историей классы русского общества, подготовить их к совместной деятельности». В области внешней политики Россия должна была «поднимать и призывать к политическому существованию народности православные или славянские»²¹⁵.

Движение декабристов Ключевский снижал до уровня политической случайности, ставшей возможной «только благодаря стечению неожиданных обстоятельств». Это движение было, по Ключевскому, лишь эпизодом из истории дворянства, «последним гвардейским дворцовым переворотом»²¹⁶.

²¹⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. IV, стр. 62.

²¹¹ Там же, стр. 105.

²¹² В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. М., 1937, стр. 164—165.

²¹³ Там же, стр. 172—173.

²¹⁴ Там же, стр. 211.

²¹⁵ Там же, стр. 241.

²¹⁶ Там же, стр. 333.

Работа Ключевского над Курсом русской истории составляла органическую часть его научного творчества. В нем нет элементов компилятивности. Примечательна постановка проблем методологических, источниковедческих и конкретно-исторических. Курс является произведением большого художественного мастерства, содержащим ряд отчеканенных в литературном отношении очерков, исторических портретов, характеристик.

Лекции Ключевского имели огромный успех и посещались не только студентами различных факультетов, но и многими посторонними слушателями. «Большая богословская аудитория» Московского университета была во время его лекций заполнена до отказа. Ключевский был большим мастером художественного слова.

Созданный в основном в 70—80-х годах XIX в. Курс Ключевского служит показателем предельного развития русской буржуазной исторической науки, тех возможностей, которыми она располагала. Большое политическое звучание имела та едкая критика отдельных представителей русского самодержавия, которая раздавалась в лекциях Ключевского с университетской кафедры и получала широкое распространение. В силу своей политической остроты она нашла лишь частичное отражение на страницах его Курса.

Однако критика самодержавия давалась Ключевским не во имя призыва к революционному перевороту, а во имя мирного преобразования политического режима в направлении «благоустроенного» буржуазного государства. В Курсе Ключевского отчетливо проявились методологическая порочность буржуазной историографии, ее бессилие в построении обобщающих концепций исторического процесса, ее оторванность от нужд и запросов народа.

Курс русской истории Ключевского обрывается на царствовании Николая I. Взгляды Ключевского на дальнейшую историю России нашли отражение в составленном им «Кратком пособии по русской истории», в седьмом издании которого, вышедшем в 1909 г., изложение доведено до 1908 г. включительно. Автор очень лаконично и сжато излагает здесь преимущественно официальный законодательный материал. Главным явлением русского исторического процесса в указанное время Ключевский считал отмирание сословных ограничений. Автор почти совершенно отрешался от событий революции 1905—1907 гг., а в той мере, в какой все же касался их, характеризовал эти события мимоходом, с враждебных революционному движению позиций. Заканчивалось «Краткое пособие» политическим лозунгом, представлявшим собой сredo контрреволюционной буржуазии: «в непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства... заключается залог бу-

дущего развития государства и усвоения правительством культурных начал конституционной монархии», — утверждал Ключевский ²¹⁷.

Из специальных исторических курсов Ключевского особенную известность получил курс «Истории сословий в России», прочитанный им в университете в 1886 г. Ключевский и здесь исходил из определения сословий как «классов», «на которые делится общество по правам и обязанностям» ²¹⁸. «Общим фактом европейской истории» является, по мнению автора, постепенное исчезновение сословных различий. В бессословном государстве также имеется политическое неравенство, но там «политическая группировка лиц» «поставлена в зависимость от их имущественного положения, т. е. предоставлена игре случая и борьбе индивидуальных сил» ²¹⁹. Подобная теория представляла собой апологию буржуазного общества как царства свободной конкуренции, где якобы нет антагонистических классов, а имеются лишь отдельные самоопределяющиеся личности, о благе которых заботится государственная власть. В России, считал Ключевский, путь утверждению бессословного государства открыли буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в.

Большое место в трудах Ключевского занимали вопросы историографии и источниковедения ²²⁰.

В. О. Ключевский — наиболее крупный представитель буржуазно-помещичьей исторической науки второй половины XIX — начала XX в. Но в его творчестве, особенно на последнем его этапе, уже отчетливо проявились и основные черты ее кризиса.

²¹⁷ В. О. Ключевский. Краткое пособие по русской истории, изд. 7. Владимир, 1909, стр. 201.

²¹⁸ В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 276.

²¹⁹ Там же, стр. 285, 288.

²²⁰ Об историографических работах Ключевского см. ниже главу X, раздел 1, об источниковедческих — раздел 2 той же главы.

Глава III

НАРОДНИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 70—90-х годов

I

НАРОДНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Идеологи народничества выразили крестьянский протест как против крепостничества, так и против развития капитализма в России¹. Прогрессивная сторона народничества — в той мере, в какой она выражала общедемократические антикрепостнические требования крестьянства, — неоднократно подчеркивалась Лениным². Вместе с тем Ленин показал и отсталые по сравнению с марксизмом черты народничества, необоснованность его притязаний на роль представителя социалистической идеологии. При всей искренности своего сочувствия угнетенному крестьянству объективно народники выдвигали не социалистическую программу, а программу буржуазной демократии, лишь внешней оболочкой которой была социалистическая фразеология³. В народнических теориях «уравнительности» и «трудового начала» Ленин видел «отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм»⁴ и противопоставлял ему научный пролетарский социализм.

Одной из определяющих черт народничества Ленин считает ложное представление народников о русском капитализме как об упадке, регрессе. С народнических позиций русский капитализм оценивался как явление в общественном смысле отрицательное, не имеющее ни будущего, ни исторических корней в прошлом. Признавая наличие капиталистических форм в пореформенной экономике, народники полагали, что капитализм в России возник «случайно», в результате ошибок правительственной политики, представлял собой шаг назад

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 322—323.

² См. там же, стр. 270, 481, 482; т. 4, стр. 226; т. 13, стр. 214. т. 16, стр. 102; т. 18, стр. 329, 490; т. 20, стр. 100.

³ См. там же, т. 20, стр. 100, 101.

⁴ Там же. т. 13, стр. 214; см. также т. 9, стр. 408—409.

в экономическом развитии страны и был обречен на неизбежный «автоматический» крах в будущем.

Другая черта воззрений народников — теория «самобытности» русского экономического строя, неразрывно связанная с идеализацией русского крестьянства и крестьянской общины. В народнических экономических теориях и в народнической историографии положение об «исконности» общинного уклада и об исторической миссии русской общины стало своего рода непререкаемой догмой.

Третьей основной чертой народничества были идеалистические воззрения на историю. Отрицая связь юридической и политической надстройки с материальными интересами определенных общественных классов⁵, проповедуя бесклассовость интеллигенции, народники полагали, что решающей, направляющей силой в истории являются отдельные выдающиеся личности.

Эти основные положения народнической теории, а вместе с ней и народнической историографии оставались в общем едиными. Революционное народничество 70-х годов и выродившееся либеральное народничество 80—90-х годов исходили в основном из одних и тех же общетеоретических установок. Это не исключает, однако, того, что с 70 до середины 90-х годов как народническая теория в целом, так и народническая историография прошли сложную эволюцию, в ходе которой на различных этапах выступали на передний план различные их черты.

Истоки народничества уходят к концу 40-х годов. Во взглядах великих представителей русской революционной демократии — Герцена, Чернышевского, Добролюбова были существенные народнические черты, что неоднократно отмечал Ленин. Неправильно было бы говорить о какой-то пропасти между представителями русского общественного движения 50 — начала 60-х годов и революционными деятелями последующего периода. Революционные народники 70-х годов, так же как и великие русские просветители 60-х годов, принадлежали к лагерю революционной демократии, противостоявшему лагерю реакционного крепостничества и либеральной буржуазии. Ленин характеризует этот период русского революционного движения как период соединения, единства демократии и социализма⁶, как период народнический в широком смысле слова. Демократическая крестьянская революционность в этот период была в России преобладающей формой революционности. Вера в возможность и близость крестьянской революции была стимулом героической борьбы деятелей 60-х годов и революционных народников 70-х годов против самодержавия⁷.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 481.

⁶ Там же, т. 1, стр. 253, 262.

⁷ Там же, стр. 164, 246, 259

Однако от широкого термина «народнический», иногда применяемого Лениным ко всему разночинскому революционно-демократическому периоду русского революционного движения (от 1861 до половины 90-х годов), надо отличать тот этап развития, который можно назвать собственно народническим (с конца 60-х годов), когда отчетливо проявляется и утверждается в народнической идеологии та система ошибочных взглядов, которая позже вызовет марксизм на острую и последовательную борьбу с народничеством.

Неудача первой революционной ситуации 1859—1861 гг., не перешедшей в революцию, наложила свою печать на народничество 70-х годов. Ярким свидетельством этого было возникновение в конце 60 — начале 70-х годов субъективной народнической социологии, зародившейся в условиях относительного спада общественного движения после неудачи первого революционного натиска. Эти исторические условия во многом определили и характер первых работ народнических социологов. С одной стороны, в них сильны прогрессивные революционные тенденции, сочувствие народным массам. С другой, здесь уже явно выступает, несмотря на всю их народолюбческую фразеологию, неверие в творческие и революционные возможности народа.

Программными документами ранней собственно народнической социологии и народнического понимания истории были «Исторические письма» П. Л. Лаврова (1870) и — в меньшей степени — статья Н. К. Михайловского «Что такое прогресс» (1869).

Философская основа народнической социологии и народнических представлений о задачах исторической науки была по существу идеалистической. Оба народнических теоретика выступили как сторонники и пропагандисты позитивизма⁸. В вопросе о границах и возможностях познания они были близки к кантианству и агностицизму⁹, отойдя от материалистических тенденций революционных демократов 60-х годов.

В противоположность повторяющимся явлениям природы, говорили народнические социологи, явления общественной жизни не имеют общих черт, индивидуальны, неповторимы. В силу этого к ним, по ошибочному утверждению народнических социологов, не применим объективный критерий естественных наук. Специфическая особенность народнической социологии состоит в провозглашении ею правомерности личной,

⁸ Н. К. Михайловский. Что такое прогресс. Пг., 1922, стр. 96—97. 114; его же. Суздальцы и суздальская критика.— Полн. собр. соч., изд. 4. т. IV, СПб., 1909, стр. 70—136; П. Л. Лавров. Задачи позитивизма и их решение. СПб., 1906, стр. 125.

⁹ П. Л. Лавров. Задачи позитивизма и их решение, стр. 29—31.

субъективной оценки общественных явлений с точки зрения «нравственного идеала» самого социолога. «Социология,— говорил Михайловский,— имеет дело не только с категориями истинного и ложного, а с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного»¹⁰.

Из этого вытекало отрицание народническими социологами объективной закономерности общественного развития. Строгая историческая закономерность в смене общественных форм подменялась ими свободным выбором такой общественной формы, которая казалась наиболее желательной для того или иного социолога. «Позитивизм,— говорил Лавров,— должен заключать субъективно нравственную оценку... На основании этой оценки неизбежна для позитивизма оценка общественных форм и указание основ лучшего общественного строя, желательнейшего течения событий истории»¹¹. Лавров, однако, еще склонялся к тому, что социология имеет дело с явлениями повторяющимися и, следовательно, раскрывает объективные законы. Отрицание объективной закономерности и провозглашение правомерности субъективной оценки было еще резче выражено в работах Михайловского, построившего в «Письмах о правде и неправде» свою теорию «двух правд»: «правды — истины» точных и естественных наук, устанавливающих объективные научные истины, и «правды — справедливости» наук общественных, которые, в его понимании, должны заниматься не установлением объективных законов, а лишь поисками справедливого¹². В сфере общественных наук, утверждал Михайловский, «кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности...». «Объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии... объективный метод... бессилён в социологии»¹³.

В конечном счете субъективно-оценочный метод уводил социологию от изучения реально существующего человеческого общества к умозрительному построению утопических «идеальных» общественных форм. Михайловский открыто признал это, заявив, что «социология должна начать с некоторой утопии»¹⁴.

¹⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1909, стр. 396, ср. стр. 406.

¹¹ П. Л. Лавров. Задачи позитивизма и их решение, стр. 50. (Разрядка наша.— *Ред.*).

¹² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 404—405; т. IV, стр. 382—464, 31—70.

¹³ Н. К. Михайловский. Что такое прогресс, стр. 25, 84, см. также стр. 196, 205, 95, 107, 153—154; Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1908, стр. 380; т. III, стр. 9, 395—396; 401—402.

¹⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 404.

Отрицание объективной закономерности привело к тому, что центральное место в народнической социологии заняла надуманная проблема конфликта идеала и действительности, нравственности и закона, свободы личности и исторической необходимости. Человек, утверждал Михайловский, не может подчиниться слепой исторической необходимости и противопоставляет ей свою свободную волю, свой идеал. Порочный метод субъективной социологии определил и ошибочное понимание ее представителями задач и характера исторической науки. Методология истории была одной из коренных проблем социологической системы П. Л. Лаврова, который отрывал историю, как науку о неповторяющихся явлениях, от социологии, как науки об явлениях повторяющихся. В своих «Исторических письмах» как и позже в статье «Противники истории» (1906) Лавров подчеркнул субъективный характер истории и по существу свел на нет ее научное значение¹⁵. Вместе с тем Лавров делал попытки как-то обосновать научный характер исторического познания¹⁶. Подобный эклектизм и непоследовательность были для него типичны.

Еще более убогими и неверными были представления о научном характере истории у Михайловского, доказывавшего принципиальную невозможность объективной оценки той или иной исторической эпохи или исторической личности.

Важнейшее место в народнической социологии занимала теория «критически мыслящей личности», «героев», ведущих за собой толпу. Одним из первых формулировал эту теорию Лавров в «Исторических письмах». Движущей силой исторического развития в представлении Лаврова была «критически мыслящая личность»: «как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен», — писал Лавров¹⁷.

Хотя сам Лавров субъективно стоял на той точке зрения, что народ — основная движущая сила революции, теория Лаврова по существу чужда представлению о творческой роли народных масс в истории. Именно на этой теоретической основе была построена народническая догма о руководящей роли интеллигенции, «интеллигентного меньшинства», в общественном развитии. Лавров фактически противопоставлял «избранные личности» темным массам — «пасынкам цивилизации», по его терминологии (сам он всей душой сочувствовал последним и желал их

¹⁵ П. Л. Лавров (П. Миртов). Исторические письма СПб., 1906, стр. 361—362; его же. Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации. СПб., 1906, стр. 45, 50, 61—62, 65, 71—72, 83, 87—94.

¹⁶ П. Л. Лавров. Формула прогресса, стр. 57, 79—83, 120, 141—142.

¹⁷ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 95, см. также стр. 138.

просвещения), делил человечество на народы «исторические», т. е. «создавшие интеллигенцию», и «неисторические».

Теория «героев и толпы» Михайловского, хронологически относящаяся уже к более позднему этапу народнической социологии, была дальнейшим развитием слабых ее сторон. Михайловский противопоставлял личность и общество в более открытой и резкой форме, чем Лавров¹⁸. История человечества в освещении Михайловского — «борьба за индивидуальность» между человеком и обществом¹⁹. В ряде статей («Герои и толпа», 1882; «Патологическая магия», 1887; «Еще о героях», 1891; «Еще о толпе», 1893) Михайловский развил свою теорию «социального гипнотизма»: толпа (т. е. общество) способна лишь на механическое подражание героям, которые в силу особого «психологического механизма» могут увлечь ее и на преступление, и на подвиг, внушить ей любой образ действия.

Представление о прогрессе в народнической социологии было неразрывно связано с теорией преобладающего значения личности. Степень прогрессивности тех или иных общественных форм расценивалась субъективными социологами в зависимости от того, соответствовали ли они интересам личности. Отсюда вытекало, во-первых, субъективно-идеалистическое определение прогресса: «прогресс... есть процесс развития в человечестве сознания и воплощения истины и справедливости», «понимание прогресса неизбежно субъективно», — говорил Лавров²⁰. Во-вторых, прогресс отрицался по существу: весь ход истории человечества Михайловский, например, рассматривал как процесс, ведущий ко все большему ущемлению прав и интересов личности, к обеднению и разложению ее, к утрате первоначально присущих ей цельности и полноты. Развитие науки, рост общественного разделения труда расценивались Михайловским в этой связи отрицательно. В итоге все историческое развитие провозглашалось ошибочным, не соответствующим интересам личности (статьи «Что такое прогресс» и «Борьба за индивидуальность»). «Формула прогресса» Михайловского, по остроумному замечанию Плеханова, «говорит не о том, как шла история, а о том, как она должна была бы идти, чтобы заслужить одобрение г. Михайловского»²¹.

От философского материализма Чернышевского и Добролюбова народники уже в конце 60-х годов скатились к позитивиз-

¹⁸ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 451, 460.

¹⁹ Там же, т. I, СПб., 1906, стр. 438—610.

²⁰ П. Л. Лавров. Формула прогресса Н. К. Михайловского, стр. 41, 43, 141.

²¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 563.

му, кантианству, агностицизму²²; от признания объективной закономерности общественного развития — к ее отрицанию и к провозглашению субъективного метода в социологии как метода единственно правомерного. История, которую Герцен, Чернышевский и Добролюбов понимали как науку, в глазах народников не имела научного характера. Понятие прогрессивного развития человечества, имевшее огромное значение для просветителей, четко сформулированное ими, народниками было затемнено; по существу они отрицали прогресс, считая его губительным для «личности». Стержнем социологических и исторических взглядов просветителей 60-х годов было отстаивание ими идеи творческой роли народных масс как движущей силы истории. В этом отношении народники сделали особенно серьезный шаг назад, перейдя к реакционной теории «критически мыслящей личности», «героев и толпы». Михайловский, указывает Ленин, в философии «сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные „позитивисты“ (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами»²³.

Но все же собственно народническая социология на первом этапе своего развития, в конце 60 — начале 70-х годов, сохраняла антикрепостнический характер.

«Исторические письма» Лаврова при всей ошибочности и несостоятельности их основных теоретических установок были в 70-х годах настольной книгой передовой молодежи, которая приняла работу Лаврова как решительное отрицание общественного строя, основанного на насилии и неравенстве, как призыв к защите угнетенного народа. Идея служения народу, долга интеллигенции перед народом нашла самый широкий и сочувственный отклик в передовых русских кругах, воспринимавших «Исторические письма» именно с этой их стороны. Сам Лавров был активным участником революционного движения 70-х годов.

К марксизму Лавров относился весьма сочувственно и считал себя последователем К. Маркса, хотя в действительности эклектически сочетал некоторые неправильно понятые им положения марксизма с враждебными последнему воззрениями (позитивизмом, анархизмом).

Работам Михайловского конца 60 — начала 80-х годов также были присущи демократическая тенденция, сочувствие

²² Характеристику этих направлений см. в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 100—101.

угнетенным крестьянским массам²⁴. Он представлял собой энергичного противника реакции, в начале 80-х годов у него существовали тесные связи с народолюбцами; статьи его печатались в нелегальной «Народной Воле». Михайловский ярко и красочно показал отрицательные стороны капитализма. Его работы 60—70-х годов были направлены против реакционной буржуазной теории «социального дарвинизма», пытавшейся оправдать капиталистическую эксплуатацию законом естественного отбора, выживания наиболее приспособленных, против буржуазного социолога-позитивиста Спенсера, создателя открыто антинародной «органической» теории общественного развития. В начале 70-х годов Михайловский субъективно еще не был врагом марксизма, каким он стал впоследствии. В статьях «По поводу русского издания книги Карла Маркса» (1872), «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского» (1877) он пытался защитить Маркса от его реакционных критиков. Сущности революционного учения К. Маркса Михайловский при этом не понимал и считал, что в России теория Маркса не применима. Уже тогда в работах Михайловского проявлялась либеральная примиренческая сторона.

На первом своем этапе народническая теория сохраняла прогрессивные, передовые черты, утраченные ею в ее дальнейшем либеральном перерождении.

Основные черты народнической теории в целом определили подход виднейших теоретиков народничества, в том числе и историков, к изучению явлений общественной жизни. Народническая историография ставила себе конечной целью дать историческое обоснование социально-политической программы народничества.

Центральное место в народнической исторической схеме, как и в народнической теории в целом, занимала проблема русского капитализма, проблема некапиталистического, «особого» пути развития России, разрабатывавшаяся преимущественно либеральными народниками. Стремясь обосновать представление о русском капитализме как об упадке, регрессе, доказать его «обреченность», они уделили много внимания истории экономики России в пореформенный период. Эта проблема получила освещение в работах видных народников 80—90-х годов В. П. Воронцова (псевдоним — В. В.), Н. Даниельсона (псевдоним — Николай — он), С. Южакова и ряда других. Другой особенно важной для народнической историографии проблемой была история русского крестьянства и русской общины. Наибольшее внимание уделяли этим вопросам А. Я. Ефименко, П. А. Соколовский, тот же В. П. Воронцов, В. Е. Постников, Н. А. Карышев и др.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 99—100.

Представления о крестьянстве как об основной революционной силе обусловили особый интерес историков-народников к прошлому русского крестьянства. Они стремились изучить его историю на поднятом ими богатейшем материале. Основная научная заслуга в этом деле принадлежит В. И. Семевскому — крупнейшему из историков народнического направления.

Народническая историография уделяла большое внимание также истории русского общественного движения и общественной мысли. Особенно плодотворно разрабатывал этот вопрос В. И. Семевский. Историей общественного движения и общественной мысли Украины много занималась А. Я. Ефименко.

Прогрессивная сторона народничества — его боевой, крестьянский демократизм — нашла свое выражение в исторических взглядах революционных народников. Тема народной революции, противоречия народа и государства была у них основной. Представители революционного народничества не были в большинстве своем историками-профессионалами и научный вклад их в русскую историографию нельзя считать значительным.

II

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Народничеству 70-х годов при всем многообразии его различных течений и направлений, при всей пестроте взглядов его отдельных представителей был в общем присущ ряд общих идейно-теоретических воззрений. Три отмеченные Лениным черты народничества — отрицание прогрессивности русского капитализма, теория самобытности и особой роли общины, отрицание связи самодержавного государства с интересами определенных общественных классов и теория бесклассовости интеллигенции — свойственны в той или иной степени большей части народников 70-х годов. Воззрения бакунистов, лавристов, землевольцев относительно характера, целей и движущих сил русской революции как революции социалистической, крестьянской, народной были общими.

Существенные разногласия, разделявшие основные направления народничества 70-х годов — бакунистов и последователей П. Л. Лаврова, имели в основном программно-тактический характер. Споры шли о степени готовности народа к революции, о методах подхода к народу (бакунисты считали народ созревшим для немедленного бунта, лавристы указывали на необходимость более или менее длительного периода пропаганды), а не об основных теоретических вопросах, в которых они были

в основном солидарны (Лавров пытался эклектически примирить марксизм и бакунизм).

Большее значение имели принципиальные разногласия в вопросе об отношении к государству и политической борьбе. Бакунинской теории отрицания государства и «политического воздержания» не разделяли члены русской секции Первого Интернационала, сторонники П. Н. Ткачева, выдвинувшего теорию захвата политической власти группой революционеров, позднее — народовольцы, отчасти воспринявшие взгляды Ткачева. Однако ни русская секция, ни Ткачев не оказали серьезного влияния на взгляды народников 70-х годов, в большинстве своем придерживавшихся антигосударственных и аполитических воззрений М. А. Бакунина. Лишь в самом конце этапа революционного народничества с образованием «Народной Воли» (1879) пришел конец ранее преобладавшему влиянию анархистских бакунинских воззрений на государство и политическую борьбу.

В своем отношении к политической борьбе отрицавшие ее необходимость народники сделали шаг назад от Чернышевского.

Относительное единство теоретических взглядов народничества 70-х годов сказалось на исторических взглядах революционных народников.

Несмотря на программные и тактические расхождения различных течений народничества 70-х годов, исторические взгляды революционных народников 70-х годов были во многом общими. Общим был и круг их исторических интересов, совокупность выдвигавшихся ими проблем русской и всеобщей истории; с общих позиций они подходили и к решению этих проблем. Это позволяет дать суммарную характеристику исторической концепции революционных народников 70-х годов.

Значительную роль в складывании исторической концепции революционного народничества сыграл в 70-х годах бакунизм. Отрицание государственной власти независимо от ее формы; теория «искоренения всякой государственности» в грядущей революции; отказ от политической борьбы и проповедь «политического воздержания»; представление о мелкобуржуазных элементах города и деревни и о люмпен-пролетариате, «разбойничестве», как об основной силе революции и о самой революции как о готовом вот-вот вспыхнуть полуразбойничьем бунте; изображение будущего социалистического строя как «свободной федерации вольных рабочих и земледельческих артелей (ассоциаций)» — все эти основные, враждебные марксизму, реакционные черты мелкобуржуазной бакунинской теории в той или иной форме отразились на народническом понимании истории.

Однако в условиях русской действительности 70-х годов бакунинская теория некоторыми своими сторонами была направлена против самодержавия и пережитков крепостничества. Ряд

положений бакунизма в том преломлении, которое они получили у русских народников 70-х годов, имел революционное антикрепостническое звучание.

П. Л. Лавров был, может быть, единственным среди народников, кто серьезно, по-профессиональному интересовался историей и теорией исторического процесса и оставил значительное количество исторических работ и высказываний по историческим проблемам. Однако специфические черты лавризма — отстаивание необходимости длительного периода предварительной подготовки к революции и на расширении пропаганды — не отразились заметным образом на его исторических взглядах. Они имели общенароднический характер с известным оттенком бакунизма.

То же можно сказать и о П. Н. Ткачеве, который разделял общенароднические взгляды в области истории ²⁵.

Историческая концепция революционного народничества 70-х годов была двойственной. В ней была еще сильна творческая, революционная тенденция, идущая от эпохи революционного просветительства 50—60-х годов. Но в ней вместе с тем резко и в качественно другой форме, чем у Герцена и Чернышевского, сказались отсталые, утопические черты народнической теории, развитые затем либеральными народниками.

Признание принципиального единства (но не тождества) закономерности исторического развития России и Европы было отличительной чертой воззрений Чернышевского и Добролюбова. Народники 70-х годов не порвали еще окончательно, как это сделали либеральные народники, с этой точкой зрения. Единую закономерность развития России и Запада признавал и Бакунин. Лавров считал общинное землевладение общей чертой многих народов, «общинное начало» — причиной блестящего развития европейского средневекового города ²⁶. На той же точке зрения стоял Н. И. Утин. Против теории исключительности и своеобразия русской общины выступил Ткачев ²⁷. Он указывал на известную общность законов и направления экономического развития капиталистического Запада и пореформенной России ²⁸.

Однако это признание оставалось декларативным. Переходя к конкретно-историческому анализу основных направлений развития России и Запада, народники фактически разрывали это лишь формально провозглашенное ими единство. Основные

²⁵ Об исторических взглядах П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева см. ниже.

²⁶ П. Л. Лавров. Собр. соч., Пг., 1918. IV серия, вып. IX, стр. 47, 98 и вып. VII, стр. 107—108.

²⁷ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. IV. М., 1932, стр. 325—326.

²⁸ Там же, т. III, М., 1933, стр. 69—70.

моменты исторического процесса (социальные отношения в период феодализма, природа государственной власти, происхождение сословий, корни и перспективы капитализма, историческая роль общины, характер предстоящей революции) имели в концепции народников для России и для Запада совершенно различное содержание.

Отступив в вопросе о единой закономерности от теоретических позиций своих предшественников, народники 70-х годов все же в большой мере сохранили другую плодотворную идею, выдвинутую революционно-демократическим направлением 60-х годов — идею революции как исторической закономерности. Представление о неотвратимости, исторической неизбежности революционных преобразований было в общем присуще различным течениям народничества. Об этом прямо говорили как авторы «Программы революционных действий» (1869)²⁹, так и столь отличная от них группа «Народного дела». О неизбежности революции в истории, о том, что «каков бы ни был вред или польза революции, фактически история приводит к ним с неизбежным фатализмом», писал Лавров в статье «Вперед! Наша программа» (1873)³⁰. Землевольты подчеркивали, что революции подготавливает история³¹. Чернопередельцы провозгласили, что революция — «явление естественное, историческое и необходимое», что классовые противоречия «могут быть разрешены не иначе, как революционным путем»³².

От великих просветителей 60-х годов революционное народничество унаследовало и идею народного характера революции, идею решающей роли масс в революционных преобразованиях общественного строя. О «всенародном восстании замученного русского народа» о «народной мужицкой революции» говорила бакунинско-нечаевская «Народная расправа»³³ (1869). Лавров подчеркивал, что революция должна быть совершена «не только для народа, но и посредством народа»³⁴. На той же точке зрения стояла группа «Народного дела», преобразовавшаяся затем в русскую секцию Первого Интернационала. На уверенности в том, что народ готов сам совершить революцию и что для этого достаточно лишь небольшого внешнего толчка, было основано хождение в народ революционной молодежи в 70-х го-

²⁹ «Историко-революционная хрестоматия», т. I, М., 1923, стр. 82.

³⁰ П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II, М., 1934, стр. 35.

³¹ «Земля и Воля» 1878, № 1.— Сб. «Революционная журналистика семидесятых годов». Ростов-на-Дону, стр. 72 (далее ссылки на «Землю и Волю» даются по этому изданию).

³² «Черный передел», 1878, № 1, М.—Пг., 1923, стр. 139.

³³ «Историко-революционная хрестоматия», т. I, стр. 85.

³⁴ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 31.

дах. «Революция — дело народных масс... Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений», — гласила программная статья второй «Земли и Воли» в 1878 г.³⁵

Революционное народничество 70-х годов не смогло, однако, удержаться на той теоретической высоте, на которую подняли идею роли народных масс в революционных преобразованиях великие русские просветители 60-х годов. Методологически ткачевская теория захвата власти «революционным меньшинством» была крупным шагом назад от теории народной революции. Признание необходимости политической борьбы и овладения государственной властью было вкладом «Народной Воли» в развитие русского революционного движения. Однако народовольцы, как отмечали и Ленин³⁶ и Плеханов³⁷, во многом восприняли взгляды Ткачева о захвате власти кучкой революционеров в результате заговора. Под влиянием неудачи «хождения в народ» вера во всенародное выступление против царизма была утрачена также и ими, что они и сами в ряде случаев с глубокой болью признавали³⁸.

Революционная тенденция исторических взглядов народников 70-х годов ярко проявлялась и в проблематике работ их историков. Особый интерес питали они к народным движениям XIV—XVIII вв. в Европе, к проблеме крестьянской революции, взятой в историческом аспекте. Жакерия, движение гуситов, крестьянская война в Германии, крестьянские восстания в России под руководством Разина и Пугачева были постоянными темами народнической литературы конца 60 — начала 80-х годов.

Другой чрезвычайно интересовавшей народников 70-х годов темой была история буржуазных революций XVI—XIX вв. в Европе и в Америке, в особенности революций конца XVIII в., 1830 и 1848 гг. во Франции. История революционных движений интересовала народников 70-х годов прежде всего как историческое свидетельство революционных возможностей крестьянства (русского крестьянства в частности). Затем — и в этом была специфическая черта народнической постановки проблемы революционных движений XVI—XIX вв. — народники 70-х годов стремились решить на историческом материале основной для них вопрос — какой характер должна получить будущая рус-

³⁵ «Земля и Воля», 1878, № 1, стр. 72.

³⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 477.

³⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. II. М., 1925, стр. 40—41, 102, 145—148, 153—156, 302; т. IX, М., б. т., стр. 20.

³⁸ Передовая «Народной Воли», 1879, № 1. — Сб. «Литература партии «Народная Воля», М., 1930, стр. 4 (далее ссылки на «Народную Волю» даются по этому изданию).

ская революция. Народники противопоставляли два исторических типа революции, преобладавшие, по их мнению, в европейской и американской истории XVI—XIX вв.: революцию социальную и революцию политическую. Под «политической революцией» они понимали буржуазную революцию, завершающуюся установлением политического господства буржуазии, под «социальной» — революцию крестьянскую, приводящую к коренной ломке общественных отношений и установлению начал равенства и справедливости. В своих исторических построениях они доказывали, что России всем ходом ее истории уготован путь революции социальной, в отличие от Запада, пошедшего путем «политической» революции. Отрицательная оценка исторического типа западной буржуазной революции была тесно связана с народническим отрицанием политической борьбы.

Классическим образцом «социальной» революции народники считали крестьянскую войну в Германии, крестьянские восстания во главе с Разиным и Пугачевым в России. Тип «политической» революции они видели в реформации XVI в. и во французской революции конца XVIII в. Этому вопросу посвящено много исторических работ представителей революционного народничества. О крестьянской войне и реформации в Германии написал ряд статей Ткачев («Немецкие идеалисты и филистеры», 1867; рецензия на «Историю крестьянской войны в Германии» Циммермана, 1868; рецензия на книгу Т. Гризингера «Иезуиты», 1868³⁹). Усиленно занимался политической историей Франции XVIII—XIX вв. близкий в то время к народничеству Н. Утин⁴⁰. Лавров в статье «1773—1873. В память столетия пугачевщины» дал характеристику американской войны за независимость как типа буржуазной политической революции и восстания под руководством Пугачева как типа социальной крестьянской революции, противопоставляя их друг другу⁴¹; очень много внимания этой теме он уделил и в другой своей работе — «Из истории социальных учений»⁴².

Очень часто ставила на историческом материале проблему противоположности крестьянской и буржуазной революции и народническая публицистика. Вслед за статьями Бакунина, Лаврова, Ткачева, Утина на эту же тему позднее писали и чернопередельцы⁴³.

Отличительной чертой социальной (т. е. крестьянской) революции народники считали ее последовательно революцион-

³⁹ П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I. М., 1932.

⁴⁰ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М. 1957, стр. 79—81, 115.

⁴¹ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 123—140.

⁴² Там же, стр. 151—152, 160—168, 177—180.

⁴³ «Черный передел», 1880, № 1, стр. 124—126.

ный (в их представлении) характер. Глубокое непонимание классовой и исторической ограниченности крестьянской революции сочеталось у народников 70-х годов с непониманием того, что победа крестьянской революции невозможна, если ее не возглавляют пролетариат или буржуазия. Народники подчеркивали, что неудача крестьянских восстаний — всего лишь результат той или иной исторической случайности. Ткачев считал возможной победу крестьянских масс в Германии в XVI в.⁴⁴, Лавров — победу Пугачева⁴⁵. Типична для народников и идеализация крестьянских движений, отрицание присущих крестьянству монархических иллюзий⁴⁶.

Историческим антиподом крестьянской («социальной») революции народники 70-х годов считали революцию буржуазную («политическую»). На первый план народники выдвигают классовую ограниченность, своекорыстие буржуазии, стремящейся лишь к завоеванию политического господства и поворачивающейся против народа, как только она достигает своей цели.

«Государственный» характер «политической» революции, то обстоятельство, что буржуазия облакает свое господство в форму централизованного государства, народники считали явлением реакционным и противопоставляли ему «безгосударственность», анархическую идеологию революции «социальной» (при этом они не в полной мере учитывали то обстоятельство, что буржуазное государство может представлять собой и федерацию, примером чего служили США). Положение о классовой исторической ограниченности «политической» (т. е. буржуазной) революции было характерно для большей части народников 70-х годов (Утин, Бакунин, Ткачев, Лавров, чернопеределцы)⁴⁷.

Народники считали крестьянство не только движущей силой антифеодальной революции, но и единственной революционной силой в XVI—XVIII вв. Революционную роль буржуазии они решительно отрицали. С большим революционным темпераментом, гневно и презрительно писали они о предательстве интересов крестьянских масс немецким бюргерством в XVI в.⁴⁸, французской и итальянской буржуазией

⁴⁴ П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I, стр. 236—240, 251—252, 260.

⁴⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 136.

⁴⁶ Там же, стр. 135.

⁴⁷ М. Бакунин. Избр. соч., т. II, изд. 2. Пб.—М., 1922, стр. 84—85; П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I, стр. 260, 149, 246—248; П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 81, 126, 129—132, 135—136, 139, 160, 162, 167, 169, 171; т. III. М., 1934, стр. 350—351; «Черный передел», 1880, № 1, стр. 124—126; см. об этом Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 80—81.

⁴⁸ М. Бакунин. Избр. соч., т. II, стр. 84—85, 114—116; П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I, стр. 243—245, 249, 251—252.

в XIV—XV вв.⁴⁹, буржуазией эпохи французской революции конца XVIII в. Из этого революционные народники делали правильный конкретный программно-политический вывод о губительности для дела русской революции союза с либеральной буржуазией, о необходимости размежевания с либерализмом.

Концепция русской истории, принятая народничеством 70-х годов, отражала как их общую революционную позицию, так и идеализм их в области истории. Народники 70-х годов представляли себе русский исторический процесс как борьбу двух противоположных принципов: государственно-самодержавного и народной свободы.

Сильной стороной революционно-народнического понимания русской истории было непримиримо враждебное отношение к дворянско-буржуазным теориям о самодержавном государстве как творческой, благодетельной силе. Резко отрицательная оценка исторической роли самодержавия была выражена во многих произведениях Бакунина. Лавров в очень яркой агитационной статье «Счеты русского народа»⁵⁰ показал антинародную эксплуататорскую сущность самодержавия («вампира русского народа», по его выражению)⁵¹. Землеvolьцы, народovolьцы, группа «Черного передела» разделяли эти взгляды.

Сильной стороной воззрений народников 70-х годов была и страстная борьба их против славянофильской и либерально-буржуазной теории «исконной» преданности и покорности русского народа самодержавию⁵².

Народники подчеркивали, что на всех этапах своей истории русский народ вел упорную борьбу против своих угнетателей.

Этот революционный подход к русской истории помог народникам 70-х годов понять демократический характер народных движений XVII—XVIII вв.⁵³, хотя, как уже сказано, они идеализировали крестьянскую революционность. В народнической среде был широко распространен своего рода культ Разина и Пугачева. В противоположность даже относительно оппозиционным буржуазным историкам (например, Костомарову), народники сумели увидеть черты народного протеста и в событиях «Смутного времени», и в борьбе украинского народа против польской шляхты в XVII в.

⁴⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 151—152.

⁵⁰ Там же, т. II, стр. 42—66.

⁵¹ Там же, т. III, стр. 288.

⁵² Лавров посвятил этому особую статью «Ученые фантазии либеральных оптимистов», направленную против издателя либерального «Вестника Европы» Стасюлевича (1875) (Избр. соч..., т. IV, М., 1935, стр. 179—183).

⁵³ М. А. Бакунин. Речи и воззвания. СПб., 1906, стр. 238—239; его же. Избр. соч., т. I. Пб.—М., 1922, стр. 85; т. III, Пб.—М., 1920, стр. 106—107; П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. III, стр. 161; т. IV, стр. 173—183.

Народничество 70-х годов сохраняло связь с 60-ми годами и в своем отношении к реформе. Некоторые народники (например, Ткачев, часть народовольцев) отчетливо представляли себе экономические ее предпосылки⁵⁴. Лавров иногда очень решительно противопоставлял «реформе сверху» социальную революцию⁵⁵ как единственный возможный путь крупных общественных преобразований, хотя одновременно говорил, что подобные преобразования возможны лишь при наличии «критически мыслящих личностей»⁵⁶. Народники 70-х годов видели крепостнические черты реформы, разорительные последствия ее для русского крестьянства. Об этом писали Ткачев, Лавров⁵⁷, народовольцы⁵⁸. Подход народников 70-х годов к реформе существенно отличен от типично либеральной трактовки ее позднейшим выродившимся народничеством. Они понимали реакционную сущность либерально-буржуазного прославления реформы и противопоставляли этому свою резко демократическую критику ее⁵⁹.

Народнические концепции отрицательной исторической роли русского самодержавия, антагонизма русского народа и царизма, крепостнических черт реформы были заострены против либеральной историографии. Лавров в статье «Ученые фантазии либеральных оптимистов»⁶⁰ («оптимизм» на своеобразном жаргоне народничества означал либерализм) выступил против либеральных исторических построений А. Ф. Гильфердинга и М. М. Стасюлевича. Однако научная несостоятельность теоретической основы народничества привела к тому, что в конечном счете и вопрос о природе и исторической роли русского самодержавия, и проблему исторической роли антагонизма русского народа и царизма народники решали идеалистически. Представление о государстве в эксплуататорском обществе как форме классового господства было в общем чуждо народникам. Лавров стоял в основном на точке зрения договорно-принудительного происхождения государства⁶¹. С ним перекликались народовольцы, полагавшие, что государство — «выражение всякого общенародного интереса, общенародной

⁵⁴ П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I, стр. 276; т. V. М., 1935, стр. 208—297.

⁵⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 192—194.

⁵⁶ Там же, стр. 54.

⁵⁷ Там же, стр. 57—65; т. III, стр. 286—287.

⁵⁸ «Листок «Народной Воли»», № 3, стр. 4.

⁵⁹ «Вперед», 1877, т. V, стр. 83—84; «Листок «Народной Воли»», 1880, № 3, стр. 4 и статья «Плоды реформы. Очерки успехов экономической эксплуатации России за последние годы». — «Вперед», 1877, т. V, стр. 39, 73—77, 83—86.

⁶⁰ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. IV, стр. 171—183.

⁶¹ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 234, 236.

власти»⁶², что «русская государственная власть... не опиралась ни на какое сословие, не представляла его...»⁶³. Известно мнение Ткачева о бесклассовом характере русского самодержавного государства, в отличие от государства на Западе⁶⁴. Антинаучные политически вредные для рабочего движения взгляды Ткачева были разоблачены Энгельсом⁶⁵.

Представление о бесклассовости русского государства сочеталось у народников 70-х годов с представлением о государстве как об основной, направляющей и решающей силе в создании русского общественно-политического строя. Народники почти всегда самым энергичным образом подчеркивали, что в России, в отличие якобы от Западной Европы, где имел место обратный процесс, само государство, и только оно одно, создало классы и сословия. Об этом говорили Бакунин, Ткачев, народовольцы, группа «Черного передела»⁶⁶.

Народники 70-х годов решительно отрицали историческую прогрессивность создания централизованного государства. Как и у революционных демократов 50—60-х годов, это было продиктовано в первую очередь страстной ненавистью к самодержавию, а вместе с тем и интересами революционной агитации. Однако метафизический подход к сложным историческим явлениям привел к тому, что как взгляды их на проблему централизованного государства, так и оценка ими ряда событий XVI—XVIII вв. имели антиисторический характер. Лавров резко отрицательно оценивал создание централизованного государства, присоединение Новгорода, деятельность Петра I⁶⁷, Бакунин — присоединение Украины к России⁶⁸. В. Н. Фигнер считала, что государственная власть разрушила прогрессивный федеративный строй древней Руси⁶⁹. Михайловский в статье «Иван Грозный в русской литературе» решительно отрицал прогрессивную роль «централизованной монархической власти» и наличие феодальной оппозиции в этот период («бояре были, но боярского принципа при Грозном не было»)⁷⁰.

⁶² «Народная Воля», 1881, № 6, стр. 5.

⁶³ «Народная Воля», 1882, № 8—9, стр. 6.

⁶⁴ П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. III, стр. 69, 91—92, 220.

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 231—264.

⁶⁶ М. Бакунин. Избр. соч., т. III, стр. 80; П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. III, стр. 92; т. IV, стр. 341, 344; «Народная Воля», 1881, № 5, стр. 4; В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I. М., 1933, стр. 141; «Черный передел», 1880, № 1, стр. 130, 1881, № 4, стр. 295—296.

⁶⁷ П. Л. Лавров. Избр. соч..., т. II, стр. 160; т. III, стр. 160, 361; т. IV, стр. 176—178; его же. Исторические письма, стр. 261—281.

⁶⁸ М. Бакунин. Избр. соч., т. I, стр. 82; т. III, стр. 109.

⁶⁹ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 141.

⁷⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., изд. 2, т. VI. СПб., 1909, стр. 213.

Подчеркивая антагонизм народных масс и русского царизма, питая живой интерес к революционному прошлому русского народа, народники неправильно понимали характер классовой борьбы в России на всем протяжении ее истории. По их мнению, крестьянские движения в России во всех их многообразных формах были обращены не против феодально-крепостнической системы, не против дворян как класса эксплуататоров, а лишь против самодержавного государства, против принципа государственности. «У нас и народ бунтовал не против каких-нибудь феодалов, а против бояр, воевод, дворян, т. е. против служилых людей, против представителей государства», — наивно писал Л. Тихомиров⁷¹. В основе этой точки зрения народников лежала их ошибочная теория бесклассовости русского самодержавия и чисто государственного происхождения сословий в России.

Таким образом, концепция русской истории, принятая революционным народничеством, была крайне противоречивой. Хотя во многом их представления были выше уровня официальной дворянско-буржуазной исторической науки, в ряде вопросов они оказались в зависимости именно от последней и скатились на методологические позиции государственников. Теория бесклассовости самодержавия и закрепощения и раскрепощения сословий — основное положение историко-юридической школы и почерпнутая у Костомарова концепция борьбы монархического единодержавия с федеративно-вечевым началом как основного содержания русской истории — вошли органической частью в историческую теорию революционного народничества, хотя направленность они здесь получили совсем иную — революционную и антимонархическую. Своей зависимостью от либерально-буржуазной историографии историческая концепция революционного народничества резко отличается от самостоятельной в научном отношении концепции революционной демократии 60-х годов.

И все же революционные народники сохранили еще связь с исторической концепцией революционно-демократического направления 60-х годов. Подход революционных народников к русской истории, их понимание русского исторического процесса были направлены непосредственно против монархических и буржуазно-либеральных исторических теорий. Представление о народных массах как об активной революционной силе; преобладающий интерес к истории революций и народных восстаний; понимание классовой ограниченности буржуазной революции и противопоставление ей революции крестьянской; раскрытие отрицательной роли самодержавия в русской истории и

⁷¹ «Народная Воля», 1881, № 6, стр. 7.

революционного характера исторического прошлого русского народа — все эти существенные моменты исторической теории народничества 70-х годов были связаны с его общей революционной общественной позицией. Идея революции была стержнем и общетеоретических и исторических построений народничества 70-х годов.

Исторические интересы народников 70-х годов не имели профессионального научного характера. Исключение составляют В. В. Берви-Флеровский, П. Л. Лавров, М. Венюков. Лавров усиленно занимался и вопросами методологии истории («Исторические письма», 1870; «Задачи понимания истории», 1898, под псевдонимом Арнольди) и разработкой ряда конкретно-исторических проблем. Научное наследство Лаврова неравноценно: наряду с самостоятельными и содержательными работами, он оставил и такие, в которых лишь пересказываются в общей форме труды некоторых западных историков. Круг исторических занятий Лаврова был очень широк. Наибольшее научное значение имеют работы по истории русского и западного революционного движения. «Парижская коммуна 18 марта 1871 г.» по праву может считаться лучшим его произведением и вместе с тем самым серьезным русским исследованием тех лет на указанную тему. Написанная под сильным влиянием труда К. Маркса «Гражданская война во Франции», работа Лаврова и по настоящее время сохраняет известное значение. Лавров понимал историческое международное значение Коммуны, указывая, что она оказала большое влияние на развитие русского революционного движения 70-х годов⁷².

Широко известно и другое произведение Лаврова — «Народники-пропагандисты. 1873—1878», дающее большой материал по истории русского народничества. Проблему исторических судеб крестьянского движения в России ставит его статья «1773—1873. В память столетия пугачевщины». Статьи «Из истории социальных учений», «А. И. Герцен», «Социалистическое движение в России» освещают историю русской общественной мысли. Много работал Лавров над историей идей («Опыт истории мысли», 1875; большая работа «Важнейшие моменты в истории мысли», напечатанная в 1903 г. под псевдонимом А. Доленга; статья «Подготовка новой европейской мысли»), трактуя ее с позиций народнической субъективной социологии.

Интересна историографическая работа Лаврова «История Франции под пером новых русских исследователей» (1879), посвященная книге Н. И. Кареева. Лавров правильно показывает в этой статье, что особая острота крестьянского вопроса в пореформенной России обусловила интерес русских исследовате-

⁷² См. Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958, стр. 333.

лей к истории французского крестьянства, которая изучалась в России 70-х годов шире и на более высоком научно-теоретическом уровне, чем во Франции.

Лавров касался также истории первобытного общества (статьи «Цивилизация и дикие племена», «До человека», «Первобытная форма человеческих отношений») и средних веков (статьи «Средневековый Рим и папство в эпоху Феодоры и Мароции», «Эпоха появления новых народов в Европе»). Однако самостоятельного научного значения его работы по этим вопросам не имеют. Исключение составляет его статья «История городского и сельского устройства в Западной Европе», дающая на основе работ Маурера, Мэна и Брентано по истории общины самостоятельную разработку этого вопроса в народническом духе.

М. Венюков в вышедшей за границей интересной работе «Исторические очерки России» (1878—1880)⁷³ подошел к своей теме как историк-профессионал, хотя и не имел возможности, за недостатком материалов, дать углубленный ее анализ. Попытавшись во вступлении поставить вопрос о предмете и границах исторической науки и придя в результате к неутешительному выводу, что пока «она не может считаться наукообразною», Венюков в конце концов определяет историю как «движущую статистику» и строит свою работу по плану «статистических сочинений»⁷⁴. После подробного очерка николаевской реакции и того тупика, в который она завела страну, Венюков дает общую характеристику царствования Александра II, которое он делит на два периода: период либеральных реформ с 1855 по 1866 г. и период реакции, начавшийся покушением Каракозова⁷⁵. Детально рассмотрев деятельность правительства Александра II в области внешней политики, присоединения новых территорий, колониальной политики, Венюков в итоге дает ей резко отрицательную оценку: царизм не в силах справиться со стоящими перед ним задачами, его международная и колониальная политика идет вразрез с национальными интересами страны.

В последующих двух томах М. Венюков рассматривает состояние военных сил и финансов России и особенно подробно останавливается на положении народного образования, науки, печати и литературы под гнетом самодержавия.

Особый интерес представляет четвертый том работы Венюкова, в котором вскрываются крепостнические черты

⁷³ М. Венюков. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора, 1855—1878, т. I—II—Лейпциг, 1878—1879, т. III—IV—Прага, 1879—1880.

⁷⁴ Там же, т. I, стр. 10, 22.

⁷⁵ Там же, стр. 93.

реформы. Книга Венюкова — страстное разоблачение реакционной политики царизма.

Особо надо остановиться на исторических работах одного из виднейших представителей общественной мысли 70-х годов В. В. Берви (псевдоним — Н. Флеровский). Флеровский был по преимуществу социологом и экономистом, однако основные его работы «Положение рабочего класса в России» и особенно «Азбука социальных наук» написаны на основе большого исторического материала. Среди народников 70-х годов Флеровский занимал особое место: разделяя многие существенные народнические взгляды, он не стоял подобно им на точке зрения необходимости революции и отдавал предпочтение нереволлюционному пути развития. Несмотря на это, основные его работы пронизаны страстной ненавистью к помещичье-крепостническим порядкам пореформенной России и объективно приводят читателя к революционным выводам.

Наиболее известное и значительное произведение Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869) заслужило высокую оценку К. Маркса⁷⁶ и в свое время пользовалось огромной популярностью в передовых общественных кругах. Богатейший экономический материал и широкие личные наблюдения позволили Флеровскому показать пауперизацию трудящихся масс деревни и города в пореформенной России (под «рабочим классом» Флеровский понимал не пролетариат, а всех работников физического труда), подметить процессы капиталистического расслоения деревни (значения которых он полностью не понимал) и нарисовать правдивую картину действительного положения угнетенных народных масс.

Флеровский пытается вскрыть основные причины экономической отсталости России⁷⁷, которые видит в господстве помещичьего землевладения⁷⁸ и непомерных, непосильных для народа налогах и податях. Выход Флеровский искал не в революции, а в создании «товариществ» капиталистов и рабочих⁷⁹, в развитии общинного землевладения⁸⁰ и полной отмене податей⁸¹. В своей трактовке роли общины как основы пере-

⁷⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 239, 286—287, 292; т. XIII, ч. I, стр. 353—354.

⁷⁷ Для характеристики экономических взглядов Флеровского нами использована книга Г. Подорова «Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского». М., 1952; его же. В. В. Берви-Флеровский и его книга «Положение рабочего класса России». — В кн. «История русской экономической мысли», т. II, ч. I, М., 1959.

⁷⁸ Н. Флеровский (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России. М., 1938, стр. 200—232 и особенно стр. 202, 206—207.

⁷⁹ Там же, стр. 145, 303.

⁸⁰ Там же, стр. 82, 85—87.

⁸¹ Там же, стр. 63—64.

хода к социализму и решению вопроса о возможности развития капитализма в России Флеровский стоял на тех же позициях, что и большинство народников, и был убежденным защитником мелкого производства.

В другом своем крупном, но менее известном произведении «Азбука социальных наук» (первые две части ее вышли в 1871 г., последующие — в 1894 г.). Флеровский выступил с очень запутанной и чрезвычайно противоречивой идеалистической концепцией всемирной истории. Ему было не чуждо представление о народе как творце истории, но вместе с тем он выдвигал на первый план интеллигенцию⁸². Идеалистические взгляды в вопросах о движущей силе общественного развития (он видел ее в усилении солидарности и в росте науки и просвещения), о происхождении и характере государства, о значении классовой борьбы сочетались у Флеровского с отдельными глубокими наблюдениями (особенно интересны данный им анализ капиталистических порядков США⁸³, взгляды его на значение борьбы за политическую свободу⁸⁴). В основе концепции всемирной истории Флеровского лежало идеалистическое представление о постепенном развитии человечества от «инстинктивных цивилизаций» (т. е. цивилизаций, стихийно возникших) к «сознательным цивилизациям» (т. е. к цивилизациям, построенным на основе осознанного людьми научного принципа)⁸⁵. Флеровский подчеркивает, что современное человечество сознательно выработало лишь политические организации, создание же «сознательной социальной организации» — дело будущего⁸⁶. Решающую роль в этом процессе будет, по его мнению, играть община, получившая особенное значение в России⁸⁷.

Идеалистический характер исторических взглядов Флеровского находит яркое выражение в его принципах периодизации новой истории Европы, которую он делит на «эпоху религиозного энтузиазма» (XV—XVI вв.), «эпоху научного и политического энтузиазма» (XVIII — первая треть XIX в.); «эпоху социального энтузиазма» (вторая треть XIX в.) и, наконец, период преобладания национального вопроса (последняя треть XIX в.)⁸⁸. XIX в., с точки зрения Флеровского,

⁸² Н. Ф л е р о в с к и й. Азбука социальных наук, ч. III. XIX век современной западноевропейской цивилизации. Лондон, 1894, стр. 3, 43, 163.

⁸³ Там же, стр. 74—82, 175, 177—180, 183, 184, 188.

⁸⁴ Там же, стр. 83—84.

⁸⁵ Там же, ч. II. СПб., 1871, стр. 9—11, 93—99; ч. III, стр. 104—106

⁸⁶ Там же, ч. III, стр. 105—106, 171—173.

⁸⁷ Там же, стр. 163, 171—174.

⁸⁸ Там же, стр. 82—94, 217, 224.

не справился со стоявшими перед ним задачами распространения «федеративной демократии» и разрешения социального вопроса, причину чего Флеровский видит в «религии, иерархическом духовенстве и государях»⁸⁹.

Субъективно революционные народники 70-х годов не были враждебны марксизму, с большим уважением отзывались о К. Марксе и нередко пытались использовать в своих работах отдельные положения марксизма, преимущественно экономическую его теорию. Но революционная роль марксизма в науке не была понята народниками 70-х годов, считавшими вполне возможным «совмещение» марксизма со взглядами Прудона, Бакунина, Лассаля. В понимании явлений общественной жизни они оставались идеалистами и метафизиками. Даже в лучшей своей работе о Парижской Коммуне Лавров не преодолел народнического отождествления пролетариата со всеми трудящимися.

Ткачев делал попытки найти экономические предпосылки общественных явлений — реформации и крестьянской войны в Германии, реформы 60-х годов в России⁹⁰, но не пошел далее элементов экономического материализма. Ткачев много писал об экономическом законе развития различных общественных форм, но совершенно не понял его характера, о чем свидетельствует его теория «исторического скачка» и «исторической случайности». Теория «бесклассовости» русского самодержавия и государственного происхождения классов и сословий в России говорит о том, в какой степени он был чужд марксизму.

Маркс и Энгельс высоко ценили революционную борьбу и героизм народников 70-х годов, но беспощадно боролись против вредных и опасных для международного рабочего движения взглядов Бакунина, Ткачева, против эклектизма Лаврова.

При всех глубоких идейных пороках и научной слабости историческая концепция народничества 70-х годов с ее центральной идеей крестьянской революции и коренной враждебности народных масс и самодержавия служила делу революционной пропаганды. Однако эти глубокие идейные пороки и научная несамостоятельность не дали народникам возможности понять подлинные закономерности русского исторического процесса.

⁸⁹ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 224—225, 230.

⁹⁰ П. Н. Ткачев. Избр. соч..., т. I, стр. 133, 138, 260—261; т. V, стр. 208—297.

По мере развития капиталистических отношений в России прогрессировало как идейное, так и общественно-политическое вырождение народничества. Относительно быстрое развитие русской пореформенной экономики привело к ускорению процесса формирования пролетариата и усиленному расслоению крестьянства. С этим было связано появление новых, усложненных форм классовой борьбы. Гегемоном в русском революционном движении становился рабочий класс; шел процесс разделения демократии и социализма. В этих условиях народничество постепенно теряло черты боевой крестьянской революционности, вырождалось в «пошлый мещанский либерализм», в «самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма», по характеристике В. И. Ленина⁹¹.

Если ранние народники искренне не понимали существа и значения тех капиталистических противоречий, которые они наблюдали на ранней их стадии, то либеральные народники сознательно затушевывали расслоение крестьянства. С этим было связано политическое падение народничества. Отношение либеральных народников к царизму было трусливо примиренческим⁹². Позднее народничество утратило и свою былую враждебность к либералам. «...Народничество расплывалось в либерализме», — пишет Ленин о либеральном народничестве 90-х годов⁹³.

Либеральное перерождение народничества затронуло и его историографию. Следует подчеркнуть, что основные черты народнической идеологии в 70-х и 80—90-х годах были едины: представление о русском капитализме как об упадке и регрессе, теория самобытности русского общественного строя, отрицание связи юридической и политической надстройки с материальными интересами определенных общественных классов были основными чертами народничества на всех его этапах. Теория «общинного начала» как исконной и основной силы русской истории, отрицание наличия в древней Руси феодальных отношений и государственного принуждения, теория бесклассовости самодержавия и государственного происхождения сословий были присущи и народничеству 70-х годов и позднему либеральному народничеству⁹⁴. Однако в их историче-

⁹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 164, 274, см. также стр. 246, 257, 264, 365.

⁹² См. там же, стр. 242.

⁹³ В. И. Ленин. Соч. т. 7, стр. 87.

⁹⁴ Например, В. В[оронцов]. Очерки общинного землевладения. — «Отечественные записки», 1882, январь, стр. 221—224; его же. Наши направления. СПб., 1893. стр. 81.

ской проблематике было известное различие. Как уже сказано, внимание революционных народников было направлено в 70-х годах на проблемы революции и народных восстаний, борьбы самодержавия и народа. Проблемы же русской общины и русского капитализма, хотя и играли огромную роль в системе взглядов народников 70-х годов, ставились ими несколько иначе, чем в 80—90-х годах. Для народничества 70-х годов община представляла интерес главным образом в связи с нетерпеливо ожидавшейся ими революцией — лишь при победе революции община могла стать исходным пунктом социалистического переустройства общества. Для либерального народничества, отказавшегося от надежды на революцию, община была важна в другом смысле — как основа мирного, неревolutionонного, некапиталистического развития.

Проблема русского капитализма еще не имела для народничества 70-х годов того определяющего значения, какое она получила в системе взглядов либеральных народников. Для народников 70-х годов основным был вопрос не столько о капитализме, сколько о крестьянской революции. В этом отношении народничество 70-х годов еще сохраняло связь с революционными демократами 60-х годов, для которых проблема капитализма была также второстепенной по сравнению с проблемой крестьянской революции в России. Но в 80—90-х годах проблема революции почти исчезла в народнической историографии, проблемы же «особого пути» и мирного некапиталистического развития стали в ней преобладающими.

Народники-экономисты (Воронцов, Даниельсон, Южаков, Карышев и другие) разрабатывали тему «особого», некапиталистического пути России в разрезе изучения русской пореформенной экономики.

Народники-историки ставили ту же тему «особого пути» в разрезе истории русской общины.

Основной их целью, поставленной в значительной степени сознательно, было историческое обоснование положения о некапиталистическом пути исторического развития России.

Отсюда вытекают основные черты народнической истории общины. Для нее была характерна идеализация общины как особой общественной формы, не знающей эксплуатации и принуждения. Существенную роль в народнической историографии играло, далее, представление о древности русской общины, об исконности, извечности ее. С этим были связаны, наконец, народнические положения об «органическом» происхождении общины, созданной, выработанной самим народом, противопоставленные теории юридической школы о государственном происхождении общины (Чичерин).

Наиболее важные народнические работы по истории общины принадлежат видным историкам-профессионалам П. А. Соколовскому (1842—1906) и А. Я. Ефименко (1848—1919).

Произведения Соколовского «Очерк истории сельской общины на севере России» (1877) и «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом» (1878) доказывают исконность, древность земельной общины. Лейтмотив книги Соколовского — дифирамб «благодетельности» общинного начала. В пореформенной общине Соколовский видит гарантию сохранения «экономического равновесия» в деревне, защиты крестьянства от наступления капитала⁹⁵. Он полемически заостряет свою историческую схему против построений государственной школы и в частности против Чичерина. Непосредственная цель его — показать, что собранный государственной школой (Чичерин) материал, который доказывал отсутствие переделов и свободу распоряжения крестьянина земельными участками в XV—XVI вв., не противоречит народнической теории об исконности общины.

В указанных работах Соколовский развил теорию происхождения позднейшей общины из древнейшей общины-волости. Община-волость Соколовского — союз нескольких погостов, сел, деревень, между которыми существует поземельная связь. Пахотная земля находится в частном пользовании, пастбища и угодья — в нераздельном пользовании указанного поземельного союза-волости. Тут нет экономического неравенства и принуждения, отсутствуют земельные переделы и существует полная свобода распоряжения землей (делаж, продажа, заклад и т. д.)⁹⁶ с тем, однако, что участок остается во владении общины. Органом этой древней общины был сход; господствовал принцип равного права на землю; распределение налогов, выбор должностных лиц, покупка и захват незанятых земель — все это происходило на основе равного права членов общины⁹⁷.

Подобная община-волость, по гипотезе Соколовского, «в самый ранний период истории русского народа» господствовала повсеместно. В центре страны она исчезла задолго

⁹⁵ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877, стр. 181—183.

⁹⁶ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины..., стр. 64—66, 81, 87; е го же. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878, стр. 127.

⁹⁷ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины..., стр. 136—137.

до XVI в., в прежнем своем виде уцелела в XV—XVI вв. лишь на севере⁹⁸. Причина гибели общины-волости — победа помещного и вотчинного землевладения, насаждавшегося государством⁹⁹. Соколовский энергично подчеркивает при этом, что решающую роль в разложении этой исконной общины играли именно внешние факторы, а не внутренний, органический процесс¹⁰⁰. Древнейшую общину-волость сменила, по концепции Соколовского, деревенская община, характеризующаяся господством принудительных отношений и уравнительными переделами¹⁰¹. Община-волость Соколовского близка к германской марке в концепции Маурера. Теория Соколовского имела известные прогрессивные черты, но его представления об эволюции формы общины под одним лишь влиянием государственного вмешательства были односторонними.

Крупной представительницей народнической историографии общины была А. Я. Ефименко¹⁰². С ее именем связана народническая по своему характеру теория трудового начала в обычном праве, враждебно встреченная реакционным правоведением. В историю русской исторической науки она вошла преимущественно как создательница теории долевого происхождения общины (близкой к воззрениям Ф. И. Леонтовича). Отличительная особенность исследовательницы — своеобразно критическое отношение к теории извечности, исконности общины. «...Уже пора если не сдать в архив, то по крайней мере подвергнуть тщательному историко-критическому анализу догмат об исконности и первобытности существующей формы поземельной общины», — пишет Ефименко. «...Наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладения... она есть продукт относительно позднего времени: с одной стороны — заключительное звено длинного исторического процесса, с другой — плод внешнего воздействия»¹⁰³. Таков основной ее вывод.

Концепция Ефименко раскрыта в ряде статей, вошедших в сборник «Исследования народной жизни» и «Южная Русь», в

⁹⁸ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины..., стр. 66, 71—72, 78—79; его же. Экономический быт..., стр. 133, 127.

⁹⁹ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины..., стр. 72, 78—80, 119—120, 137.

¹⁰⁰ П. А. Соколовский. Экономический быт..., стр. 52; его же. Очерк истории сельской общины..., стр. 9—10.

¹⁰¹ П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины..., стр. 80—82.

¹⁰² О работах А. Я. Ефименко по истории Украины см. главу «Историография Украины».

¹⁰³ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. 1. М., 1884, стр. 373, XV, 364.

особенности в работах «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (1884)¹⁰⁴, «Дворищное землевладение в Южной Руси» (1892), «Архаические формы землевладения у германцев и славян» (1896)¹⁰⁵.

Предмет первой из них — история общины в Двинской земле в XVI—XVIII вв. «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» полемически заострено против разобранной выше теории общины-волости П. А. Соколовского. Не отрицая существования у русских в древнейшие времена («во времена оны») крупной поземельной единицы типа общины-волости и германской марки, Ефименко решительно отвергает возможность существования ее на русском Севере в период разложения родового строя.

Первичной формой поземельного строя старой северной России, по концепции Ефименко, была деревня — «...маленькие самостоятельные поземельные клеточки, состоящие из двора или нескольких (дворов.— *Ред.*) и притянутой трудовым захватом земли и разных угодий»¹⁰⁶. Поземельное устройство этой клетки-деревни не было ни общинным, ни подворно участковым: господствовавшей в этот период формой была нераздельная собственность «большой» родовой семьи — «печища» по местной северной терминологии. По мере разложения семьи-печища дробилось и ее земельное владение. При этом, однако, земля оставалась в общем владении, каждый же участник дележа получал в нем свою часть не в виде отдельного участка, а в виде доли во всех сменах полевой земли и во всех угодьях общего владения (долевое землевладение).

Создавшуюся в процессе разложения большой семьи-печища и превращения родственного союза в союз соседский поземельную организацию старой северной деревни Ефименко называет «долевой организацией», «долевым» владением. В процессе дальнейшего разложения эта «долевая деревня» в зависимости от конкретных исторических условий могла превратиться и в подворно-участковое владение и в общину¹⁰⁷. Таким образом, по концепции Ефименко, община развилась из разложившейся долевой деревни. Условием превращения долевой деревни в общину было лишение крестьянина права собственности на землю в результате вмешательства государства. В случае же устойчивости крестьянской

¹⁰⁴ Там же, стр. 183—382.

¹⁰⁵ А. Ефименко. Южная Русь, т. I, СПб., 1905, стр. 370—422.

¹⁰⁶ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, стр. 207—210.

¹⁰⁷ Там же, стр. 224—226, 230, 375—376; е е же. Южная Русь, т. I, стр. 421.

собственности на землю из долевой деревни развивалось участково-подворное владение.

Сознавая известную близость построенной ею концепции к теории государственного происхождения общины Чичерина, Ефименко пытается предотвратить подобные аналогии указанием на то, что в ее понимании возникновение общины из долевой деревни произошло не по указу государства, а было следствием органического развития северной двинской деревни в XVI—XVIII вв.¹⁰⁸ Но в статье «Дворищное землевладение в Южной Руси» Ефименко в противоречие со своими собственными первоначальными установками признает в конечном счете, что действительное развитие северной деревни шло в направлении к подворно-участковому владению и что переход к общине совершился на Севере в результате прямого вмешательства государства в связи с переходом к подушной подати.

«...Не могло ли бы все это сложиться иначе? Не могла ли бы деревня сама собой перейти в общину? Гипотетически тут нет ничего невозможного... Но мы не встречались с документальными свидетельствами о таких фактах», — меланхолически констатирует она¹⁰⁹.

В статье «Дворищное землевладение в Южной Руси» Ефименко дала анализ происхождения украинской общины, придя к выводам, аналогичным тем, которые она сделала на основе местного двинского материала.

Семейно-долевая теория Ефименко — попытка преодолеть антиисторизм народнических представлений о неизменности форм общины и поставить вопрос об общине, как о результате исторического развития. Однако Ефименко, оторвав эволюцию общины от той социально-экономической обстановки, в которой она происходила, не сумела преодолеть влияния государственной школы, против которой она выступала.

Работы Ефименко внесли определенный вклад в науку — на материалах русского Севера она показала возникновение сельской общины из разросшейся семейной общины.

Либерально-народническая теория происхождения и сущности общины нашла наиболее типичное свое выражение в работах В. Воронцова¹¹⁰. Статьи его по истории общины лишены серьезного научного значения: Воронцов стремится

¹⁰⁸ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. 1. стр. 226, 374—376.

¹⁰⁹ А. Ефименко. Южная Русь, т. I, стр. 374—375.

¹¹⁰ В. В[оронцов]. Очерки общинного землевладения в России.— «Отечественные записки», 1882, январь, стр. 211—250; март, стр. 83—111. его же. Учения о происхождении земельной общины в России.— «Вестник Европы», 1910, апрель, стр. 246—278.

любой ценой доказать правильность народнической теории «общинного начала»¹¹¹.

Много занимался историей русской общины А. А. Кауфман, либерал по политическим и общетеоретическим взглядам, в данном вопросе во многом сходящийся с либеральными народниками. Крупные работы Кауфмана «Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям. 1886—1892» (1897) и «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (1908) построены на материалах «живой истории» (противопоставляемой им документальным источникам) современной ему сибирской крестьянской общины, в процессе изучения которой он пришел к выводу об «органическом» происхождении общины и о второстепенной роли правительственного законодательства в ее возникновении (хотя Кауфман и не отрицал роли законодательства). Крестьянское землевладение, по мнению Кауфмана, прошло длительную эволюцию от индивидуального захвата (захватного права) к общине, которая является, таким образом, по его концепции, явлением сравнительно поздним¹¹².

В вопросе об общине обнаруживал известное сходство с либеральными народниками и князь А. И. Васильчиков¹¹³, хотя вообще целью своих построений он ставил защиту дворянства от экспроприации его земельной собственности и всячески доказывал, что русская община — гарантия от коммунизма и по духу своему прямо противоположна и враждебна ненавистным ему коммунистическим принципам¹¹⁴. В своей двухтомной работе «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (1876) князь Васильчиков отстаивает точку зрения «исконности» и органического происхождения русской общины и говорит о специфически русском ее характере,

¹¹¹ В написанных частично по архивным материалам статьях «Начало переделов земли на севере России», «Простая община удельных крестьян», «Межселенное уравнивание земель», напечатанных первоначально в журнале «Русская мысль», 1897, 1899 гг. и объединенных затем в книге «К истории общины в России» (1902) Воронцов полемизирует с теорией государственного происхождения общины и пытается доказать, что уравнительные переделы были введены в ряде губерний в конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. в результате энергичной борьбы малоземельных крестьян. (В. В[оронцов]. К истории общины в России (материалы по истории общинного землевладения). М., 1902).

¹¹² А. А. Кауфман. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897, стр. 60—61, 66—68; его же. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908, стр. 415, 430, 435, 439—440, 454—455.

¹¹³ См. об А. И. Васильчикове раздел в «Истории русской экономической мысли», т. II, ч. 1, стр. 72—88.

¹¹⁴ А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I—II, СПб., 1876, т. I, стр. XXVIII—XXIX, XLII—XLIV, XLVIII—L; т. II, стр. 731.

об отличии ее от общинных форм в Западной Европе ¹¹⁵. В более поздней своей работе «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881) князь Васильчиков в духе либеральных народников призывает государство путем широкого кредита защитить общину от разлагающего ее развития капитализма и предотвратить пролетаризацию деревни, но вместе с тем берет крупное дворянское землевладение под защиту от обвинений в разложении крестьянского хозяйства ¹¹⁶. О близости некоторых положений Васильчикова к либеральному народничеству можно говорить лишь весьма условно; в основном он выражал точку зрения крупного дворянства и идейно был близок к славянофилам.

Работы Соколовского и Ефименко имели серьезное научное значение и внесли вклад в изучение русской общины. Это в особенности можно сказать о семейно-долевой теории А. Я. Ефименко. Ряд конкретно-исторических наблюдений и выводов Соколовского и Ефименко и по сей день сохраняют свою роль. Реакционным построениям государственной школы о позднем искусственном (фискальном) происхождении общины народники противопоставили представление о наличии в Древней Руси близкой к германской марке общины-волости (Соколовский); об эволюции семейной общины к общине сельской (Ефименко). Однако в целом народническая теория общины была несостоятельной. Все свое внимание народники сосредоточили на изучении формы крестьянского землевладения, на общине как определенном юридическом институте. Глубинные, базисные явления, лежавшие в основе развития русской деревни (включая и земельную общину) казались им второстепенными по сравнению с эволюцией форм общины. Народники, указывая Ленин, «за деревьями не видят леса, за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства» ¹¹⁷. Это замечание Ленина, имеющее в виду народническую теорию в целом, распространяется и на народническую историографию. Важнейшие процессы экономического развития русской деревни оказались вне поля зрения историков общины. Усилия их были сосредоточены на изучении таких, не играющих, по словам Ленина, коренной роли юридических институтов, как формы крестьянского землевладения ¹¹⁸.

¹¹⁵ А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I, стр. XXVIII—XXIX, XXXI, XLII—XLIII; 316—320, 336—338, 344—347; т. II, стр. 702—706.

¹¹⁶ А. Васильчиков. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881, стр. 7—8, 59—64, 74—75, 115; 138—141, 144—148.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 323; см. также стр. 258.

¹¹⁸ См. там же, т. I, стр. 345.

Другая сторона народнической историографии общины — антиисторизм и утопизм ее. Идеализируя древнюю общину, отрицая наличие классовой эксплуатации и государственного принуждения в период ее преобладания, народники — и в этом состоит одна из важнейших черт их концепции русского исторического процесса — отрицали наличие феодальных отношений в России в XI—XV вв. Народническая легенда о принадлежности средств производства и продукта труда непосредственному производителю как об «исконном начале» русской истории была антиисторична.

«Служебная» роль народнического отрицания феодализма состояла в обосновании положения о некапиталистическом пути развития России.

Народники создали много работ по экономической истории пореформенной России и в наиболее значительных из них («Судьбы капитализма в России» В. Воронцова, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Н. Даниельсона и ряд других) одни из первых в русской исторической литературе дали фактическое описание некоторых сторон процесса капиталистического развития.

Поставив вопрос о природе и перспективах капиталистического развития России, народники, однако, дали такое решение его, которое «оказалось никуда не годным»¹¹⁹. Это в равной степени относится и к революционному, и к либеральному народничеству, хотя последнее уделило этому вопросу наибольшее внимание. При этом реакционность народнического решения проблемы русского капитализма проявилась в 80—90-х годах еще явственнее, чем в 70-х.

Проблема русского капитализма методологически была поставлена народниками как проблема свободного выбора «русской интеллигенции» того или иного пути исторического развития. Работы либеральных народников наполнены призывами к правительству и «обществу» прекратить «насаждение» капитализма, остановить «ломку нашей веками сложившейся формы производства», «придерживаться тех основ нашей хозяйственной жизни, которые оставило нам наше историческое прошлое»¹²⁰. Здесь налицо типичное для народнической социологии противопоставление «идеала» и исторического закона, типично идеалистическое толкование отношения базиса и надстройки.

¹¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 483.

¹²⁰ Николай — он [Н. Даниельсон]. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб, 1893, стр. 283, 345, 281; см. также Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. — «Русское богатство», 1894, № 1, стр. 100, 118—123; С. Южаков. Вопросы экономического развития в России. «Русское богатство», 1893, № 11, стр. 227.

Резче, чем в 70-х годах был поставлен и вопрос об «особом» пути развития России. Противопоставление исторических судеб России и капиталистических стран Запада играло у либеральных народников большую роль и стало основой их теоретических построений. На Западе, говорили народники, капитализм был исторически сложившимся прогрессивным явлением. В России же капитализм случаен, искусственно насаждается сверху в результате ошибочной экономической политики правительства¹²¹. Русский капитализм, в понимании народников, был шагом назад, регрессом от «коренных начал» русской истории.

Утверждения о беспочвенности русского капитализма основой своей имели неспособность народников дать анализ тех исторических условий, в которых складывался русский капитализм. Идеализируя мелкое производство — «народное производство», по их терминологии, народники затушевывали происхождение капитализма из простого товарного хозяйства.

Оборотной стороной теории «случайности» капитализма в России были утверждения народников об его бесперспективности, исторической обреченности. Теоретической основой этих утверждений была антинаучная теория общественного воспроизводства и вытекающее из нее «учение» экономистов-народников о якобы неизбежном «автоматическом» крахе русского капитализма. Внутренний рынок для русского капитализма сокращается вследствие разорения производителей, утверждали народники-экономисты, завоевание же внешнего рынка для русского капитала невозможно, так как Россия не в состоянии выдерживать ожесточенной конкуренции более сильных капиталистических стран на мировом рынке¹²². В. И. Ленин с замечательной силой и глубиной вскрыл несостоятельность этих народнических построений, указав, что «„внутренний рынок“ для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих»¹²³.

¹²¹ Николай — он [Н. Даниельсон]. Очерки..., особенно стр. 32—33, 281—285, 325; В. В[оронцов]. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 24—25.

¹²² В. В[оронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 14—15, 20, 63, 73; Николай — он. Очерки..., стр. 205—206, 213, 178; С. Южаков. Вопросы экономического развития в России.— «Русское богатство», 1893, № 11, стр. 226—227, № 12, стр. 205—207.

¹²³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47; см также А. И. Пашков. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960, стр. 200—201, 303—316.

Процессы развития капитализма в сельском хозяйстве и в промышленности пореформенной России получили у народников неверную, антинаучную характеристику.

Н. А. Карышев в работе «Крестьянские внеадельные аренды» (1892), показывая развитие капиталистической земельной аренды, обращался с призывом к государству прекратить «насаждение капитализма» в сельском хозяйстве¹²⁴. В. Е. Постников, автор книги «Южнорусское крестьянское хозяйство» (1891), высоко оцененной Лениным, собрав материалы, объективно свидетельствующие о капиталистическом расхождении деревни и разложении крестьянского хозяйства Новороссии, закончил опять-таки призывами к государству, к созданию «земледельческо-ремесленных общин»¹²⁵.

Отрицание связи расхоения крестьянства с развитием товарного сельского хозяйства имело непосредственной целью доказать, что русское кулачество — «наносное», «случайное явление»¹²⁶. В этом еще раз сказалась неспособность народничества установить историческую связь капитализма с простым товарным хозяйством.

Особое место среди народников занимал А. Н. Энгельгардт¹²⁷, автор знаменитых «Писем из деревни»¹²⁸. Ленин указывал, что Энгельгардт стоит между просветителями 60-х годов и народниками¹²⁹. Сочувствие крестьянским массам, ненависть к остаткам крепостничества и правительственной регламентации, острая критика помещичьего землевладения и реформы сближала его с просветителями¹³⁰. Энгельгардту была чужда слашавая идеализация общины, он ясно видел мелкобуржуазную тенденцию крестьянского хозяйства, но при этом сохранял народническую веру в возможность особого пути развития для России, в возможность нереволуционной ликвидации помещичьего землевладения и создания крупного артельного хозяйства.

Фальшивыми красками нарисовали народники картину развития капитализма в промышленности. В. И. Ленин до конца разоблачил созданную ими легенду об антагонизме

¹²⁴ Н. Карышев. Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт, 1892 стр. 395—398.

¹²⁵ В. Е. Постников. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891, стр. 66, 142, 162, 294—295, 311, 313, 317, 321, 341—344, 368—369; см также А. И. Пашков. Указ. соч. стр. 128—133, 142—145.

¹²⁶ В. В[оронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 144.

¹²⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 179.

¹²⁸ А. Н. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. М., 1956.

¹²⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 474—480.

¹³⁰ «История русской экономической мысли», т. II, ч. I, стр. 343.

между пресловутым «народным производством», т. е. мелкими крестьянскими промыслами, и крупной промышленностью¹³¹. Народническим домыслам о «справедливости» и «благотворности» основанного на артельном начале «народного производства», об его исконности и «искусственности» крупной промышленности В. И. Ленин противопоставил строго научный анализ «последовательных форм и разнообразных проявлений капитализма в промышленности»¹³². Он показал, что народники обходили вопрос о формах промышленности в России, отрицали, что мелкие крестьянские промыслы представляют собой начальные шаги развития капитализма¹³³.

Для народников было характерно смешение мануфактурной стадии развития капитализма и стадии крупной машинной индустрии и вместе с тем предельно упрощенное отождествление капитализма с машинной индустрией, вульгаризаторское представление о капитализме, как о «фабрично-заводской» промышленности¹³⁴. Это привело их к фальшивому изображению основных моментов экономического развития пореформенной России, которое они рисовали как борьбу «капитализма» и «народного производства». Народнические экономисты создали легенду об «упадке», «регрессе» русского капитализма. В. Воронцов выступил с «теорией» декапитализации крестьянской промышленности, пытаясь доказать, что налицо якобы процесс распада крупных «кустарных» заведений на мелкие¹³⁵. Этому вымышленному подъему «народного производства» Воронцов и Даниельсон противопоставляли «падение» капиталистической промышленности, оперируя данными о будто бы происходящем замедлении темпа развития и абсолютном уменьшении числа рабочих, занятых в крупных предприятиях¹³⁶.

В. И. Ленин вскрыл извращение народниками-экономистами статистических материалов, лежавших в основе народнических представлений о закономерностях пореформенного экономического развития и разоблачил антинаучный характер их «теории»¹³⁷.

Определив сущность народничества как протест против крепостничества и буржуазности с точки зрения мелкого производителя, В. И. Ленин подчеркнул «мечтательность этого протеста, его отворачивание от фактов»¹³⁸.

¹³¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 291, 311.

¹³² Там же, стр. 519.

¹³³ См. там же, стр. 291—292.

¹³⁴ См. там же, стр. 395.

¹³⁵ В. Воронцов. Судьбы капитализма в России, стр. 116—124.

¹³⁶ Там же, стр. 270; Николай — о н. Очерки..., стр. 175, 185.

¹³⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 452—453, 511—512.

¹³⁸ Там же, т. 1, 323.

Народники-экономисты не пошли в своей критике капитализма дальше рассуждений о том, что капиталистическое производство расширяется за счет сокращения народного потребления и декларации о «ненормальности» капитализма¹³⁹. В. И. Ленин показал в своем анализе теории Сисмонди реакционную сущность общеевропейского мелкобуржуазного романтизма, русской разновидностью которого было экономическое учение народничества¹⁴⁰.

В народнических работах дана антинаучная, искаженная характеристика русских общественно-экономических отношений. Отрицая наличие феодальных отношений в России, разрывая связь капитализма с простым товарным хозяйством, утверждая, что после реформы наметился «упадок» капитализма, народники подменяли историческую реальность мифом об «исконности» и о близкой победе «народного строя».

Именно эту сторону народнической исторической теории подчеркивал Ленин, указывая на фальшивую идеализацию народниками докапиталистических порядков¹⁴¹, на искажение ими «русской истории в угоду мещанской утопии»¹⁴².

IV

В. И. СЕМЕВСКИЙ

Василий Иванович Семевский (1848—1916) является одним из немногих историков-народников, работы которого и по сей день сохранили в значительной мере свое научное значение.

Общественно-политические взгляды Семевского складывались во второй половине шестидесятых — первой половине 70-х годов. Выходец из разорившейся дворянской семьи, Семевский с ранних лет жил в обычных для интеллигента-разночинца условиях материальной нужды и ожесточенной борьбы за существование.

Прослушав в 1866—1868 гг. курс в Медико-хирургической академии, Семевский в 1868 г. перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, после окончания которого в 1872 г. был оставлен при кафедре русской истории. После десяти лет напряженной работы в архивах Москвы и Петербурга Семевский в 1881 г. выпустил в свет первый том своего капитального исследования «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». За эту работу,

¹³⁹ См. Николай — о н. Очерки..., стр. 40, 241, 316, 322; В. Воронцов]. Судьбы капитализма в России, стр. 271.

¹⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2 стр. 228.

¹⁴¹ См. там же, т. 3, стр. 331, 527.

¹⁴² Там же, т. 1, стр. 405; см. также стр. 430.

после острого столкновения с реакционной петербургской профессурой, отказавшейся принять ее к защите, в 1882 г. более либеральным Московским университетом Семевскому была присуждена степень магистра русской истории. Семевский рассматривал свою работу над историей крестьян в царствование Екатерины II как введение в задуманное им капитальное исследование по истории движения Пугачева, которое ему так и не удалось написать.

В 70-х годах завершилось в общих чертах формирование общественно-политической идеологии и исторических взглядов Семевского, складывавшихся в первую очередь под влиянием «Исторических писем» Лаврова и социологической публицистики Михайловского. Первые работы Семевского по истории русского крестьянства — своего рода программные документы народничества в области историографии. В дальнейшей своей деятельности Семевский был связан с народническими кругами и занимал относительно оппозиционное положение. От марксизма Семевский был далек. Политическая его эволюция завершилась вступлением в 1906 г. в партию народных социалистов.

Преподавательская деятельность Семевского, бывшего в 1882—1886 гг. приват-доцентом Петербургского университета, была навсегда оборвана приказом реакционного министра просвещения Делянова, испуганного антимонархическим духом лекций Семевского¹⁴³. После этого интересы Семевского сосредоточились в основном на исследовательской работе.

Продолжая свои исследования по истории русского крестьянства, Семевский в 1888 г. опубликовал два тома фундаментального труда «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», защищенного в 1889 г. в Московском университете в качестве докторской диссертации.

В 1891 г. Семевский предпринял поездку в Сибирь, плодом которой была вышедшая в 1898 г. двухтомная монография «Рабочие на сибирских золотых промыслах».

Многолетняя деятельность Семевского по изучению истории русского крестьянства увенчалась выходом в свет в 1901 г. второго тома «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» и вторым изданием в 1903 г. первого дополненного и переработанного тома этой же монографии (отдельные части этих работ в 80—90-х годах печатались в русских журналах). Семевский опубликовал в эти годы и в последующий период также ряд статей по истории русского крестьянства, не вошедших в его большие монографии.

¹⁴³ См. С. И. Волков. В. И. Семевский, — «История СССР», 1959, № 5, стр. 116—117.

Дальнейшая научная деятельность Семевского характеризуется растущим интересом к вопросам истории общественной мысли и общественных движений в России. В 1909 г. вышла большая работа Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» — одно из первых исследований по истории декабристской идеологии. В 1911 г. в органе либерального народничества «Русском богатстве» была напечатана статья Семевского по истории Кирилло-Мефодиевского общества. Ряд статей Семевского по истории петрашевцев уже после его смерти был объединен после соответствующей переработки в монографии «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы» (1922). Семевский был зачинателем изучения петрашевцев.

При всей широте научных интересов и научных достижений Семевского в русскую историческую науку он вошел в первую очередь как историк русского крестьянства.

В 1881 г. в журнале «Русская мысль»¹⁴⁴ была опубликована статья Семевского, впоследствии в несколько переработанном виде вошедшая во «Введение» к первому тому монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Самое название статьи — «Не пора ли написать историю крестьян в России?» — свидетельство, что автор ее придает своей теме особое принципиальное значение.

Семевский стоял, таким образом, в одном ряду с другими народническими историками (Соколовский, Ефименко), которые также изучали историю крестьянства как основного трудящегося класса.

Семевский приложил немало усилий для того, чтобы решить поставленную перед собой задачу и добился на этом пути значительных научных успехов.

Семевский указывает в первую очередь на тесную связь исторической науки с ростом «общественного самосознания». Вместе с тем он считает, что в период «важных социальных изменений» преобладающее значение должно получить изучение «прошлого экономического быта народа».

«...Не пора ли обратить серьезное внимание на историю народа, а не одного двора или дипломатии? — ставит вопрос Семевский, — ...История крестьянского сословия вообще, а у нас в особенности, должна стоять на первом месте не только вследствие его многочисленности, но и по тому значению, какое оно имеет для государства». Изучение истории крестьянства — нравственная обязанность русской интеллигенции, которая «обязана потрудиться на пользу крестьян и в жизни,

¹⁴⁴ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России? — «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 215—265.

и в науке». «История русских крестьян есть долг нашей науки народу»¹⁴⁵.

Семевский указывает вместе с тем и на другую сторону вопроса: изучение истории крестьянства в прошлом должно помочь улучшению его положения в настоящем, так как «настоящее правильно понимается только при ярком свете истории»¹⁴⁶.

Предшествующие историки либо не доводили изучение фактического положения русского крестьянства до второй половины XVIII в. (И. Д. Беляев), либо ограничивались изучением правительственного законодательства (Победоносцев), либо давали очерки истории тех или иных разрядов крестьянства, или, наконец, только локальные очерки. Работа Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» при всех присущих ей чертах либерально-народнической ограниченности была первой обобщающей сводкой богатейшего собранного автором материала по истории правительственного законодательства, крестьянских повинностей, юридического положения крестьян различных разрядов. Впервые в ней была нарисована в широких масштабах проникнутая искренним неподдельным сочувствием к крестьянским массам картина угнетения и бесправия крестьянства, произвола и насилия помещиков. Впервые также были даны обобщающие материалы, характеризующие огромный размах крестьянских волнений в 60 — начале 70-х годов XVIII в., и подчеркнута связь правительственного законодательства с крестьянскими волнениями, вынужденный его характер.

«Крестьянский вопрос» Семевского ценен огромным материалом, в значительной своей части извлеченным автором из архивов. Во втором томе этой монографии Семевский осветил деятельность многочисленных секретных комитетов по крестьянскому вопросу, созданных в царствование Николая I.

Архивные источники, до этого совершенно не затронутые исследователями, были использованы Семевским в высшей степени широко и многообразно. Почти целиком на архивных материалах (при одновременном привлечении опубликованной литературы и документов) написана монография о положении крестьян во второй половине XVIII в.; использованы материалы московского архива министерства юстиции (дела Сената); архив князя А. М. Голицына (донесения приказчи-

¹⁴⁵ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России? — «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 241, 265, 223.

¹⁴⁶ Речь Семевского на диспуте при защите магистерской диссертации в 1882 г. в Московском университете. — «Русская старина», 1882, май, стр. 577.

ков, прихода-расходные книги), хранившийся в московском архиве министерства иностранных дел; богатейшие «Экономические примечания» (Межевой отдел); петербургский сенатский архив; указы крестьян депутатам Уложенной комиссии 1767 г. (архив II отделения); архивы горного департамента министерства государственных имуществ и департамента мануфактур и торговли; архивы Вольного экономического общества¹⁴⁷. Для освещения того или иного вопроса истории русского крестьянства Семевскому пришлось идти путем детального подбора мозаичного материала по различным многообразным источникам. Так, для расчета крестьянских повинностей в 60—90-х годах XVIII в. Семевский использовал путевые записки Палласа, Георги, Рычкова, показания крестьян по материалам тайной экспедиции, вотчинные дела Голицыных, Куракиных, Шереметевых, архив Вольного экономического общества и т. д.¹⁴⁸

Данные Семевского о численности крепостных крестьян и о процентном отношении крепостных ко всему крестьянству, о территориальном распространении крепостного права, размерах крестьянских повинностей, соотношении барщины и оброка, преобладании барщинной и оброчной системы в различных районах России, о динамике барщины и оброка в 60—90-х годах прочно вошли в оборот исторической науки; ими и доньше продолжают пользоваться советские исследователи. Сохраняют свое значение и сводки правительственного законодательства и анализы юридического положения крестьян и проектов решения вопроса о крепостном праве.

Эти значительные сами по себе научные достижения Семевского как собирателя и систематизатора богатого фактического материала по истории русского крестьянства не соответствуют, однако, его обобщающим выводам: обе основные работы Семевского по истории крестьянства отмечены чертами народнической философской и политической идеологии: для его работ характерен субъективно-социологический метод.

Семевский последовательно излагает материал в плане доказательств благодетельности, исторической оправданности своего «субъективного идеала» — общинного устройства русской деревни. Соответственно этому — в полном согласии с нормами субъективной социологии — Семевский в первую

¹⁴⁷ В. И. Семевский. Не пора ли написать историю крестьян в России? — «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 259—264. Его же. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. XXXV—XXXVII.

¹⁴⁸ См. А. Кизеветтер. В. И. Семевский в его ученых трудах. — «Голос минувшего», 1917, № 1, стр. 206—207.

очередь стремится дать в народническом духе оценку исторического явления. С несколько наивной откровенностью Семевский делит изучаемые им взгляды, проекты и мероприятия по крестьянскому вопросу на «симпатичные» и «несимпатичные», в зависимости от того, способствуют или же препятствуют они общинному устройству. Этому основному принципу подчинена даже такая, на первый взгляд чисто описательная работа, как «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». В «Крестьянском вопросе» эта субъективистская установка проходит красной нитью через все изложение.

Конкретные социально-экономические противоречия периода разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, обусловившие острую классовую борьбу вокруг вопроса о крепостном праве, по существу остаются вне поля зрения Семевского. Самая постановка вопроса об исторических корнях различных проектов решения «крестьянского вопроса» до такой степени чужда Семевскому, что это отмечали даже такие представители русской буржуазной историографии периода ее кризиса, как А. А. Корнилов и А. А. Кизеветтер¹⁴⁹. Очень интересный критический разбор «Крестьянского вопроса» дал В. О. Ключевский, подчеркнувший, что Семевский не вскрывает связи крестьянского вопроса с развитием крепостного хозяйства, не показывает его сущности как сплетения политических, юридических и экономических проблем. По меткому определению Ключевского, «его (Семевского.— *Ред.*) книга вышла не столько историей крестьянского вопроса, сколько хронологическим перечнем мнений и проектов по крестьянскому вопросу»¹⁵⁰. Исследовательские интересы автора ставят на первый план «саморазвитие» абстрактной идеи крестьянского освобождения. На исторической сцене разыгрывается не борьба различных классов, социальных группировок по крестьянскому вопросу, а столкновение сторонников «симпатичной» идеи освобождения крестьянства с землей и с сохранением общинного устройства и сторонников «несимпатичной» идеи безземельного освобождения и разрушения общины.

Общественный прогресс Семевский ищет в первую очередь в укреплении идеи освобождения с землей и общинного устройства. Так, «прогрессивное значение второй четверти XIX века в истории крестьянского вопроса» Семевский видит в устранении идеи безземельного освобождения крестьянства¹⁵¹. Под

¹⁴⁹ А. Корнилов. Значение трудов В. И. Семевского в русской историографии.— «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1917, ч. 67, Новая серия, февраль, стр. 45—81; А. Кизеветтер. В. И. Семевский в его ученых трудах, стр. 212.

¹⁵⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. 7. М., 1959, стр. 426.

¹⁵¹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. XLIV.

этим же углом зрения дается характеристика ряда политических и общественных деятелей. Киселев, Канкрин, Самарин, Хомяков, Аксаков, декабрист Якушкин, Герцен в равной степени получают положительную оценку, как сторонники общины и противники безземельного освобождения¹⁵². В этой же связи Семевский не останавливается перед идеализацией взглядов крайних крепостников-реакционеров («консерваторов», по его терминологии), которые «были полезны тем, что в своих возражениях указывали на слабые стороны освободительных проектов, на пагубность для крестьян безземельного освобождения, а также на вредные стороны личного землевладения и разрушения общины». Подобный «истинный консерватизм», подчеркивал Семевский, «в некоторых случаях приносит значительную пользу, предохраняя народный быт от необдуманных и поспешных реформ»¹⁵³.

Чисто народнический характер имело и нередко проявляющееся у Семевского противопоставление политической и социальной борьбы. Борьбу против самодержавия Семевский открывал от борьбы за ликвидацию крепостного права, а иногда прямо противопоставлял ей. Так, говоря о росте конституционных настроений среди дворянства после убийства Павла, Семевский подчеркивает: «...для правильного развития крестьянского вопроса в этом направлении умов была та вредная сторона, что таким образом мысль лучших людей в самых влиятельных сферах направилась на обсуждение политических реформ в то время, когда Россия настоятельно нуждалась в социальных преобразованиях»¹⁵⁴. Ту же оценку получил и Сперанский: «...предпочтение, отдаваемое им политическим реформам, было, однако, вредно в том отношении, что ...он до известной степени отвлекал внимание государя от самого насущного вопроса русской жизни»¹⁵⁵.

Семевскому было присуще представление о надклассовом характере государства. Екатерина II выступает у него чуть ли не как зачинательница борьбы за освобождение крестьянства. «Нельзя не считать ее большою заслугою, что она громко поставила вопрос о необходимости улучшения быта помещичьих крестьян» и «тем навсегда вписала свое имя в историю крестьянского вопроса в России»¹⁵⁶.

Работа Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» при всем огромном богатстве изложенного в ней конкретно-исторического материала не является

¹⁵² Там же, стр. XXVIII—XXXIX; т. II, стр. 41, 45, 71, 386—428, 614.

¹⁵³ Там же, т. I, стр. IX, 112.

¹⁵⁴ Там же, стр. XX. (Разрядка наша.— Ред.).

¹⁵⁵ Там же, стр. 341.

¹⁵⁶ Там же, стр. XIV, 228.

историй русского крестьянства как основного трудящегося класса феодального общества.

Семевский не понял процессов развития крестьянского хозяйства в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы и складывания капиталистического уклада, вернее, не замечал их. Процессы постепенной товаризации крестьянского хозяйства, расслоения крепостной деревни, усиления крепостнической эксплуатации и непосредственно связанной с этим интенсификации помещичьего хозяйства проходят мимо его внимания и не получают отражения в его монографии.

Мимоходом отмечая существование крепостных крестьян-предпринимателей, имевших собственных крепостных и владевших значительными капиталами, Семевский рассматривает это лишь в плане правовой необеспеченности собственности крепостных крестьян, зависевшей от любого каприза помещика¹⁵⁷. Столь же беден и данный им анализ соотношения барщинной и оброчной системы эксплуатации. Семевский ограничивается лишь подчеркиванием более льготного положения оброчных крестьян, делая при этом упор на большую прочность общинного устройства в оброчных вотчинах¹⁵⁸.

В целом данное Семевским статическое описание¹⁵⁹ положения крестьянства при Екатерине II подчинено типично народнической, ограниченной по внутреннему своему содержанию целевой установке: решить, плохо или хорошо, легко или тяжело жилось крестьянам в это время. Критерием Семевского при ответе на этот вопрос служит величина крестьянского земельного надела и прочность общинного устройства. Под этим углом зрения Семевский дает и оценку реформы 1861 г. Сокращения размеров крестьянских наделов после реформы, пишет Семевский, «заставляют серьезно задуматься над вопросом, не уменьшилось ли после уничтожения крепостного права экономическое благосостояние бывших крепостных крестьян»¹⁶⁰. Логическим завершением этого антиисторического подхода к вопросу о последствиях уничтожения крепостного права было утверждение Семевского, что «лучше крепостное право, ограни-

¹⁵⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2, СПб., 1903, стр. XXII, 325—326.

¹⁵⁸ Там же, стр. XIX—XX.

¹⁵⁹ Статический, описательный характер «Крестьян...» Семевского отметил даже А. Корнилов (см. А. К о р н и л о в. Указ. соч., ЖМНП, 1917, февраль, стр. 62—63).

¹⁶⁰ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 255.

ченное строгими постановлениями закона, чем обезземеление крестьян»¹⁶¹.

Семевский нередко остается в плену формально-юридического подхода к вопросу, в чем нельзя не видеть влияния государственной школы. Семевский делит крестьян на три основных категории: крепостных, казенных и переходную группу. К переходной группе Семевский относит крестьян дворцового ведомства и посессионных, отграничивая их от группы крепостных крестьян на основе ряда второстепенных, по существу, чисто юридических признаков. Церковные крестьяне, подчеркивает Семевский, были не крепостными, а прикрепленными к земле, посессионные строго отличались от помещичьих или крепостных¹⁶². На узость и ограниченность подобной классификации указывал еще В. О. Ключевский — официальный оппонент Семевского на его магистерском диспуте в 1882 г.¹⁶³. В своей трактовке вопроса о происхождении крепостного права Семевский также находится под влиянием государственной школы. Реакционная теория закрепощения и раскрепощения сословий находит у него полное признание. «...До тех пор, пока были закрепощены все сословия, пока все они несли государственное тягло, закрепление крестьян за помещиками не казалось особенной аномалией...». «Дворянство... заботилось всего более о том, чтобы добиться... собственного освобождения от закрепощения за государством» — говорит он¹⁶⁴.

Многочисленные исследования Семевского по истории общественного движения и общественной мысли в России выходят за хронологические рамки данной главы. Даем им лишь краткую характеристику для полноты общего освещения данного направления. Эти работы Семевского основаны на обширном привлечении документальных материалов, главным образом архивных. Им проведена значительная работа по изучению движения декабристов. До революции 1905 г. богатейшие материалы следственного дела декабристов были лишь едва затронуты реакционными монархическими историками (Корф, Богданович, Шильдер, Дубровин) — единственными, кто имел к ним известный доступ. После революции 1905 г. началась разработка архивных материалов, за которую сразу же с большим подъемом принялся Семевский. Вышедшая в 1909 г.

¹⁶¹ В. Н. Семевский. Крестьянский вопрос в России..., т. I, стр. 113.

¹⁶² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, стр. XXIX—XXX; его же. Не пора ли написать историю крестьян в России? — «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 256—257; его же. Крестьянский вопрос в России..., т. I, стр. I—II.

¹⁶³ «Русская старина», 1882, май, стр. 581.

¹⁶⁴ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России..., т. I, стр. 10, IV.

его большая монография «Политические и общественные идеи декабристов» отличается богатством привлеченных материалов и тщательностью их обработки. Автор не ограничился изучением следственного дела декабристов, но использовал также и материалы Военно-ученого архива, департамента полиции, Третьего отделения, Министерства внутренних дел, рукописный фонд Публичной библиотеки и библиотеки Академии наук. В работе Семевского тщательно подобраны высказывания декабристов по ряду важнейших социально-политических проблем 20-х годов XIX в. Он поставил себе целью показать отношение декабристов к самодержавию и крепостному праву и — соответственно — осветить их социально-политическую программу¹⁶⁵.

Семевский сделал также попытку, хотя и нерешительную, неудавшуюся ему, найти исторические корни декабристского движения. Однако в этой работе Семевского в большей степени, чем в исследованиях по истории крестьянства, выступают черты либерализма. Неудачны попытки историка найти преемственную связь декабризма с политическими и идеологическими движениями XVIII — начала XIX в. Декабристы в изображении Семевского такие же противники самодержавия, как и их предшественники в XVIII в. и в начале XIX, только более энергичные. Не удалось Семевскому и показать связь общественно-политических взглядов декабристов с их исторической средой, с русскими социально-экономическими условиями. Правда, Семевский в особой главе подробно описывает отрицательные явления русской жизни, вызывавшие негодование и протест декабристов, но того, что русская действительность ставила определенные, конкретные задачи, разрешить которые пытались декабристы, Семевский не раскрывает. Декабристы у Семевского не более, как прекраснодушные представители «интеллигентной молодежи».

В представлении Семевского, декабристская идеология является по существу результатом ряда других чисто идеологических влияний, при чем особое внимание историка уделяется влияниям иностранных авторов и зарубежных законодательных памятников.

Работы Семевского об общественном движении последующего времени были для своей эпохи немаловажны как ценные сводки малоизвестного широкому читателю фактического материала. Привлечение довольно широкого круга архивных документов, нередко впервые пущенных в научный оборот именно Семевским, имеет особое научное значение. Однако выводы Се-

¹⁶⁵ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 639, 601.

мевского по этим вопросам слабы в научном отношении и несут на себе яркую печать позднего либерального народничества в эпоху кризиса буржуазной исторической науки. Подобно большинству либерально-буржуазных историков, Семевский рисует Радищева как либерала, всем обязанного западным влияниям (Руссо, Мабли, Рейналю) и стоявшего лишь за постепенное освобождение крестьян с предоставлением им земельного надела¹⁶⁶. Выдвигая на первый план слабые стороны мировоззрения Герцена, Семевский дает его искаженный образ. Герцен представлен как либерал, сторонник реформ сверху, его программу по крестьянскому вопросу мог бы разделить и Кавелин.

Искажение идейно-теоретической концепции великих революционных просветителей либеральными народниками, выдававшими себя за правоверных хранителей «наследства», — характерный признак как буржуазной эволюции народничества, так и общего кризиса буржуазной исторической науки, определившегося на рубеже XIX—XX вв.¹⁶⁷

При всех свойственных работам Семевского по истории общественных движений чертах либеральной ограниченности, они все же превосходят соответствующие работы либерально-буржуазных ученых (А. Н. Пыпин, М. Довнар-Запольский и другие), не говоря уже о работах историков-монархистов, и по своим крупным научным достоинствам и по более углубленной постановке вопроса о социально-политической программе и историческом значении передовых общественных направлений (движения декабристов, Кирилло-Мефодиевского общества, общества петрашевцев). Проблематика работ Семевского, посвященных истории трудящихся масс и революционных движений, свидетельствует о том, что общественные симпатии историка принадлежали прогрессивным силам тогдашней России. Семевский поддерживал связи с передовой молодежью и оппозиционными кругами.

* * *

Общий идейный и политический крах народничества в 80-х годах повлек за собой окончательное вырождение народнической социологии. Субъективная социология становится непосредственно, открыто враждебной марксизму. К. Маркс явился первым разоблачителем несостоятельности народнической идеологии, подвергнув критике общие установки и специально

¹⁶⁶ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России..., т. I, стр. XIII, 220—221.

¹⁶⁷ Кризису буржуазной исторической науки будет посвящена специальная глава в III томе настоящего издания.

остановившись на выяснении идейных ошибок таких представителей народничества, как М. Бакунин, Ткачев, Лавров и ряд других. Сильный удар по идеологии народников был нанесен в 80-х годах Г. В. Плехановым. В начале 90-х годов народническая социология пытается, однако, отвоевать утраченные позиции и открывает «поход» против марксизма. Михайловский¹⁶⁸, Воронцов¹⁶⁹, С. Южаков, И. Каблиц (Юзов)¹⁷⁰ и другие в различных «социологических» очерках тщатся «опровергнуть» марксизм.

Ленин в своих гениальных работах 90-х годов до конца разоблачил реакционные стороны мелкобуржуазной народнической идеологии и завершил идейный разгром народничества.

¹⁶⁸ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь.— «Русское богатство». 1894, кн. 2, стр. 148—168.

¹⁶⁹ В. Воронцов. Наши направления. СПб., 1893.

¹⁷⁰ И. Каблиц (И. Юзов). Основы народничества, т. I—II. СПб., 1888—1893.

Глава IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ. НАЧАЛО ПРИМЕНЕНИЯ МАРКСИЗМА К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ИСТОРИИ

I

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Возникновение марксизма явилось коренным переломом в развитии исторического познания. Марксизм поставил историческую науку на действительно научные основы и вооружил ее чрезвычайно плодотворным методом исследования общественной жизни.

Вклад, сделанный Марксом и Энгельсом в историографию России (как и любой другой страны, историю которой они изучали), должен быть оценен в первую очередь со стороны ее вооружения принципиально новым, революционным мировоззрением, новым методом познания исторической истины. Маркс «прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России»¹, — указывал В. И. Ленин, разъясняя содержание письма Маркса в редакцию «Отечественных записок» в 1877 г. Применение теории марксизма к России заключается в том, писал он, чтобы «**пользуясь** выработанными приемами **материалистического** метода и **теоретической** политической экономии, **исследовать** русские производственные отношения и их эволюцию»².

Сформулированные Марксом и Энгельсом основные положения в области методологии исторической науки были ими самими применены при изучении России. Содержащийся в работах Маркса и Энгельса комплекс суждений по самым различным проблемам и отдельным вопросам русского исторического процесса представляет собой замечательный вклад основоположников марксизма в научную историю России.

Стремление толковать русскую историю как процесс закономерный, занимающий определенное место в общей истории

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 248.

² Там же, стр. 248—249.

народов, как процесс развития материального производства, взгляд на народные массы как на подлинных творцов своей исторической жизни, отношение к классовой борьбе как к решающей движущей силе исторического развития — все эти принципиальные моменты, положенные Марксом и Энгельсом в основу их подхода к объяснению истории России, явились великим переломом в последующем развитии историографии нашей страны, в переходе ее на позиции исторического материализма.

Для советских историков особое значение имеет изучение обширного литературного наследия основоположников марксизма, посвященного России³.

Основоположники марксизма уделяли России исключительно много внимания на протяжении всей своей общественно-политической и научной деятельности. Это нашло свое естественное выражение в том факте, что работы о нашей стране занимают весьма большое место в их литературном наследстве. Целиком или в значительной своей части России были посвящены специальные выступления, сотни статей, большое количество писем и других документов. Среди оставшихся после кончины Маркса рукописей имеется большое количество записей, составляющих при опубликовании не менее ста печатных листов только по экономике и общественно-политическому развитию России после 1861 г.

Самые различные стороны и вопросы русской жизни: развитие промышленности, сельского хозяйства и транспорта, состояние финансов и военного дела, наука и искусство, внешняя и внутренняя политика правительства, революционно-демократическое и оппозиционное движение, деятельность революционеров и либералов, народников и первых марксистов — все это изучалось и находило то или иное отражение в произведениях, выступлениях и письмах, а также в подготовительных рукописных материалах Маркса и Энгельса.

Глубокая заинтересованность Маркса и Энгельса в выяснении истинного положения дел в России определялась той исключительно важной ролью, которую страна играла в мировых событиях, в развитии и росте международного революционного движения. Помимо политических интересов, изучение России удовлетворяло и весьма существенные научные

³ Высказывания Маркса и Энгельса о России постоянно привлекали внимание наших историков и пропагандистов и довольно часто служили основой для их печатных выступлений. Много внимания и времени было уделено изучению и пропаганде взглядов Маркса и Энгельса на Россию Е. М. Ярославским, который в последние годы своей жизни намечал подготовку специальной обширной работы на тему «Маркс и Энгельс о России».

запросы основоположников марксизма. Экономическое развитие России, переживавшей переходную эпоху от феодального способа производства к капитализму, давало обильный материал для самой основательной проверки марксова учения об общественно-экономических формациях.

Анализ русской экономики, в особенности русского сельскохозяйственного производства, занимал значительное место в подготовительных работах к «Капиталу». Исследуя проблемы наемного труда в капиталистической промышленности, Маркс и Энгельс избрали в качестве конкретно-исторического объекта исследования Англию. Для анализа же сельскохозяйственного производства и аграрных отношений в качестве типичного объекта Маркс счел нужным взять Россию. При этом выводы, которые предстояло сделать на основе изучения аграрного строя России, так же как и выводы, полученные на основе анализа английской экономики, должны были послужить обогащению теории марксизма в целом.

Отмена крепостного права в той форме, в которой она совершилась, и те последствия, которые явились результатом реформы 1861 г., по убеждению Маркса и Энгельса, накопили элементы огромной взрывчатой силы. «Предстоит страшная социальная революция»⁴, — писал Маркс в письме к Энгельсу в феврале 1870 г. «Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия»⁵, — делал вывод Энгельс в 1875 г.

Непременным условием анализа исторического развития взглядов Маркса и Энгельса на Россию, на ее роль и место в международных отношениях, в международном революционном движении является возможно более полный охват документального материала, использование, наряду с напечатанными произведениями и перепиской, также и рукописного наследия Маркса и Энгельса, долгое время остававшегося неопубликованным. Бернштейн, а также его преемники и сторонники из II Интернационала долгие годы держали под спудом рукописи Маркса⁶.

Отношение Маркса и Энгельса к России, ее социально-экономическому и политическому развитию, оценка ими ее роли в общеисторическом процессе развития народов

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, изд. 1, стр. 292.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 403.

⁶ О важности последних говорит содержание XI, XII, XIII томов «Архива Маркса и Энгельса», включающих значительную часть рукописей Маркса, относящихся к социально-экономическому развитию России после 1861 г. Эти рукописи представляют в распоряжение исследователей важнейший материал первоисточников для правильного, глубокого и всестороннего изучения отношения Маркса к России, его взглядов на ее социально-экономическое развитие в указанное время.

изменялись соответственно изменениям объективного ее состояния, которое они с непрестанно возрастающей интенсивностью изучали, подвергая исследованию все более существенные проблемы, используя все расширяющийся круг исторических источников.

Почти пятидесятилетний период, в течение которого основоположники научного социализма наблюдали и изучали развитие нашей страны, высказывали свои суждения о ней, распадается на два этапа. Первый этап — от 40-х до начала 60-х годов XIX в. (до падения крепостного права.): Второй — от этого рубежа до смерти Энгельса в 1895 г.

С 40-х до середины 50-х годов Маркс и Энгельс уделяют внимание преимущественно внешней политике царизма, русской дипломатии, состоянию вооруженных сил и военному потенциалу России. Но и в этот период их интересует все существенное из исторического прошлого и современного им внутреннего состояния страны. Однако тогда они еще не располагали серьезными, удовлетворявшими их источниками и материалами о России. В это время специалистом по русским вопросам являлся скорее Энгельс, чем Маркс. Так, в 1853 г. в письме к своему другу и соратнику Маркс замечает: «Ты больше знаешь о России, чем я...»⁷

В 40-е годы у Маркса и Энгельса, не приступивших еще к основательному ознакомлению с положением России, все же складывалось, по доступным им в ту пору источникам, главным образом по прессе и отчасти по работам о России преимущественно нерусских авторов, общее представление о ней. Страна с отсталым социально-экономическим строем, реакционным политическим режимом, сильная военная держава, принимавшая самое активное участие в общеевропейской политике, угнетавшая многочисленные народы,— таково было это общее представление основателей научного социализма о России. На этой основе у них сложился вывод о том, что царская Россия представляет собой страну, которая по причине еще не достаточно выявившихся глубоких внутренних противоречий является главным оплотом всех феодально-монархических сил Европы.

Начавшаяся в 1848 г. в ряде европейских стран революция усилила внимание вождей пролетариата к России.

Революционный поток остановился у порога огромной империи. Европейские монархи в единении с контрреволюционной буржуазией Англии и Франции провозгласили русского царя Николая I главой всего реакционного лагеря. От него этот лагерь ждал и требовал немедленного военного вмеша-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 517.

тельства в целях удушения европейской революции. Главными партнерами и союзниками в борьбе с европейской революцией были две державы, не поколебленные в 1848 г. революционным ураганом,— Россия и Англия.

Классовая природа царизма, олицетворявшего реакционную власть помещиков-крепостников, страх царя и помещиков перед революцией, который должен был усиливаться по мере ее приближения к границам России, наконец, международные обязательства и связи царизма,— все это убеждало Маркса и Энгельса в неизбежности нападения царизма на революционную Европу. Отсюда их лозунг — «выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России»⁸.

В революционной войне против русского царизма, а также против других реакционных держав, которые помогали Николаю I играть роль европейского жандарма, Маркс и Энгельс видели не только средство оборонить начавшуюся германскую и общеевропейскую революцию, обеспечить ей благоприятную внешнеполитическую обстановку, но и условие ее дальнейшего развития. Такая война, считали они, неизбежно должна вызвать новый революционный подъем в Германии и других охваченных революцией странах, подобно тому, как это было во Франции в конце XVIII в., во время победоносной борьбы против коалиции монархических государств Европы.

В ходе такой революционной войны пролетариат, как рассчитывали великие пролетарские вожди, должен был освободиться от буржуазного влияния, стать самостоятельной силой, создать свою партию, успешно решить задачи сначала демократической, а затем и социалистической революции. Отношение Маркса и Энгельса к антифеодальным демократическим революциям, к национально-освободительным движениям, их призыв к революционной войне — все это составляло единый революционно-политический комплекс, входило в качестве составных частей в выработанную ими стратегию и тактику революции.

Победу пролетариата они, как известно, считали возможной только в общеевропейском масштабе, одновременно в главных европейских странах. Отсюда необходимость борьбы против всех твердынь феодализма и абсолютизма, призыв к революционной войне против «трех великих контрреволюционных держав» — Англии, Пруссии и России.

Таково было политическое содержание провозглашенного и обоснованного Марксом и Энгельсом понятия революцион-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 317.

ной войны во время событий 1848—1849 гг. Эта война оценивалась ими как революционная миссия революционно-демократической Германии⁹, как средство поставить под угрозу все европейское равновесие, как важнейшая мера для обеспечения успешного развития общеевропейской революции, несущей демократию, а затем и социализм. Конкретный план развязывания революционной войны состоял в том, чтобы всячески способствовать восстановлению хотя бы части Польши, вызвать общепольское восстание и в ответ на нападение царизма двинуть против него и поддерживавших его сил объединенные силы революции и национально-освободительного движения.

Намеченному основоположниками марксизма революционно-демократическому плану не суждено было осуществиться. Ставшая у власти германская буржуазия оказала, как писал Энгельс, «огромную и неопределимую услугу российскому самодержцу»¹⁰; она самым жестоким образом подавила начавшееся польское национально-освободительное движение. С другой стороны, русский царь, занятый своими внутренними, весьма осложнившимися делами, как известно, вначале не проявил большой активности.

Маркс и Энгельс указывали, что причинами пассивной и выжидательной тактики русского царизма в отношении революции явились, с одной стороны, внутренние затруднения — свирепствовавшая холера, крестьянские восстания в ряде губерний, накаленная атмосфера в Польше — и, с другой, контрреволюционная политика буржуазных правителей в самой Германии. «Разве сам Николай мог бы, — писали они, — лучше вести свои дела, скорее осуществлять свои намерения, чем это делалось до сих пор в Берлине — Потсдаме, в Инсбруке, Вене и Праге, во Франкфурте и Ганновере... При таких условиях русской дипломатии не требовалось вторжения войск в Германию. Она с полным правом может довольствоваться „пассивной и выжидательной системой“...»¹¹.

Царская монархия, всячески охраняя реакцию в России, делала немало для поддержки реакции в Европе. В 1849 г. сумев удушить с помощью карательных мер революционное движение внутри страны, царизм пошел на прямое военное подавление революционного движения в Венгрии. Венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей объясняли, писал В. И. Ленин, почему вожди пролетариата Маркс и Энгельс, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали ра-

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. XXV, стр. 371.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 54.

¹¹ Там же, т. 5, стр. 315.

бочьям на царизм как на главный оплот реакции во всем мире¹².

В период утвердившейся после подавления революции 1848—1849 гг. политической реакции Маркс и Энгельс, продолжая борьбу, отстаивают свою позицию пролетарских революционеров по всем актуальным вопросам тогдашней исторической обстановки. Они анализируют основные черты экономического развития стран Европы в 50-е годы, характеризуют все акты и проявления реакции, суть внутренней политики господствующих классов, вскрывают подоплеку международных конфликтов и борьбы интересов так называемых великих держав.

В связи с последним много внимания уделяется ими изучению дипломатии, в особенности тайной дипломатии России, Англии и Франции,— это область занятий преимущественно Маркса. Немало времени тратят они на ознакомление с военным делом, с вооруженными силами европейских стран — отрасль знаний, более близкая Энгельсу.

Хотя революция и потерпела поражение, но, как были в то время глубоко убеждены Маркс и Энгельс, это поражение носило временный характер. «Теперь,— писал Энгельс в 1853 г.,— революция кажется подавленной, но она живет, и ее бояться, как никогда раньше»¹³. И в 50-е годы Маркс и Энгельс видят средство способствовать разворачиванию европейской революции пролетариата, а также национально-освободительного движения угнетенных народов в революционной, народной войне против общеевропейских оплотов реакции.

Маркс и Энгельс призывают пролетариат вести революционную войну в первую очередь против царской России. Они подчеркивали, что поражение революции царизм использовал в целях упрочения и расширения своих внешнеполитических позиций.

Среди статей Маркса и Энгельса 50-х годов, касающихся России, имеется много статей о Крымской войне, об англо-русских, русско-французских, русско-австрийских, русско-прусских отношениях, по истории русской дипломатии, о восточном вопросе, о панславизме. Работа Маркса о Пальмерстоне, посвященная разоблачению реакционной политики тогдашнего английского премьер-министра, главного организатора Крымской войны, содержит также большой материал о внешней политике России.

Главным содержанием названных выступлений является раскрытие реакционного курса внешней политики России

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 425.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 386.

в отношении европейского революционно-демократического и национально-освободительного движения, изболечение колониаторских действий царизма в присоединенных к империи областях. Вместе с тем Маркс и Энгельс отмечали объективно прогрессивную роль России по отношению к Востоку. «Господство России,— писал Энгельс,— играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии»¹⁴. Маркс и Энгельс обращали внимание читателей своих статей также на тот факт, что славянские народы Европейской Турции питали издавна сложившиеся чувства большого расположения к русским, имели с ними много точек соприкосновения, средств духовного общения. В полной тяжелых испытаний и героизма борьбе славянские народы, угнетавшиеся Турцией, видели в России,— писал Энгельс,— «свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»¹⁵. В выступлениях по вопросу о панславизме Маркс и Энгельс определяли исторические источники оформления этого течения, сущность и использование его царизмом. Не Россия, являвшаяся сильным европейским государством, писали они, изобрела панславистскую идею; она родилась в среде раздробленных и разьединенных, стремившихся к воссоединению друг с другом или с основными телами своих национальностей славянских народов, находившихся в пределах австрийской «тюрьмы народов».

Маркс и Энгельс совершенно правильно связывали свой анализ панславизма, с одной стороны, с внутренним развитием угнетенных славянских народов и, с другой стороны, со всей международной обстановкой и той ролью, которую играла в международных отношениях царская Россия. Стремление угнетенных славянских народов к консолидации и объединению с помощью русских, в союзе с крупным и сильным славянским государством, сталкивалось на деле с политическим режимом, который использовал эту тягу угнетенных славянских народностей к союзу с русским народом в своих корыстных, антидемократических, реакционных целях. Отсюда стремление вождей пролетариата дезавуировать царизм, старавшийся под флагом помощи угнетенным славянским народам осуществлять и усиливать свою политику захватов и порабощения народов в пределах собственной империи.

В 50-х годах Маркс и Энгельс изучают работы о славянстве, знакомятся с культурой и литературными памятниками славянских народов. В 1856 г. они прочитывают «Слово о полку Игореве», имея в своем распоряжении русский текст, французский и немецкий переводы. «Смысл поэмы,— писал Маркс,— призыв русских князей к единению как раз перед

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32

нашествием монголов... Вся песнь,— отмечал он далее,— носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно»¹⁶.

В произведениях, письмах, в специальных военно-теоретических работах Маркса и Энгельса периода 50-х годов историки находят много чрезвычайно ценных мыслей, сведений, фактических данных об экономической, политической и военной сторонах, характере, подготовке, ходе, результатах и историографии Крымской войны, явившейся кульминационным пунктом развития международных противоречий на Ближнем Востоке. Маркс и Энгельс в своих выступлениях вскрывали истинные стремления и интересы, разоблачали махинации и интриги всех «великих держав». Первое место в их анализе занимают англо-русские отношения. Пролетарские вожди зорко следили за каждым ходом английской плутократии, за каждым шагом царского правительства и бонапартистской клики.

Своими страстными разоблачениями реакционных дел и интриг господствующих классов, своими бичующими и уничтожающими характеристиками руководящих деятелей ведущих держав Маркс и Энгельс стремились вызвать ненависть к столпам реакции у европейских народов, возбудить их решимость «сокрушить деспотов», вновь подняться на революционную борьбу.

С точки зрения интересов развития революции решали Маркс и Энгельс и вопрос об исходе войны России против Турции и поддерживавших ее держав. Если царская Россия победит Турцию, рассуждали они, ее силы увеличатся и она окажется сильнее всей остальной Европы, вместе взятой. «Такой оборот событий,— писал Энгельс в марте 1853 г.— был бы неопишуемым несчастьем для дела революции»¹⁷.

Маркс и Энгельс прямо заявляли, что, помимо пяти «великих держав», в Европе существует еще одна, «шестая держава», «держава эта — Революция»¹⁸. Они были исполнены убеждения, что живут в эпоху, имеющую необычайно революционный характер, когда в течение года могло произойти «больше изменений и революций, чем раньше происходило их на протяжении целого столетия»¹⁹.

Определяя тактику рабочего класса в начале войны, Маркс и Энгельс исходили из того, что европейская война может стать прелюдией общеевропейской революции, которая сметет силы абсолютизма и феодализма, без чего не могло быть и речи об успешном развитии пролетарской борьбы за социализм.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 15.

¹⁸ Там же, т. 10, стр. 6.

¹⁹ Там же, т. 9, стр. 33.

В. И. Ленин, разъясняя смысл этой тактики подлинно пролетарских вождей, указывал, что она предписывалась объективными историческими условиями эпохи 1789—1871 гг., когда стояла задача окончательного устранения абсолютизма и крепостничества²⁰. Призывы Маркса и Энгельса к войне против царской России означали, подчеркивал Ленин, не что иное, как призывы к свержению абсолютизма, феодализма и чужденационального гнета.

Маркс публично выступал против попыток некоторых кругов буржуазной демократии представлять войну, которую вели существовавшие антинародные правительства Англии и Франции против России, как войну «между свободой и деспотизмом». Он подчеркивал, что эти правительства ведут войну во имя сохранения венских трактатов, т. е. как раз тех трактатов, которые уничтожают свободу и независимость наций. Маркс и Энгельс заявляли, что именно «биржевые дельцы и спекулирующая на мире буржуазия, представленные в правительстве олигархией, выдают Европу России». Чтобы дать отпор притязаниям царя, Маркс и Энгельс призывали «прежде всего свергнуть бесславное господство этих низких, раболепных и бесчестных почитателей *veau d'or* (золотого тельца)»²¹.

Что касается внутренних дел России, то уже в этот период Маркс и Энгельс допускали возможность революции в России. Наступление революционной армии против царизма должно было ускорить ее начало. В одном из писем Вейдемейеру Энгельс писал о том, что вполне возможна «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны»²².

В своих статьях о России Энгельс, анализирувавший главным образом военную сторону Крымской кампании, стремился указать массам в первую очередь на слабые, уязвимые пункты вооруженных сил царизма, доказать, что царизм с его армией не является непобедимой силой. С другой стороны, он дает высокую оценку многим качествам русских солдат, считая их одними из самых храбрых в Европе²³. Русская пехота, писал Энгельс, «отличается исключительной стойкостью»²⁴, способностью мужественно продолжать борьбу в самых тяжелых условиях, будучи окруженной. «...Всегда считалось,— писал он,— что легче русских перестрелять, чем заставить их отступить. Сэр Джордж Каткерт, который наблюдал их в 1813 и 1814 гг. в роли союзников, а в 1854 г. в Крыму — в роли противников,

²⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 272.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 327.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 67.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 480.

²⁴ Там же, стр. 482.

с уважением свидетельствует, что они «никогда не поддаются панике»²⁵.

В богатой обобщениями статье «Крымская кампания» Энгельс высказывает следующее заключение о военных качествах русских. «Во всех битвах нынешнего столетия, от Аустерлица и Эйлау до Силистрии, русские показали себя отличными солдатами. Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти поражения, может быть, накладывали пятно на репутацию полководцев, но отнюдь не на честь армии»²⁶. В этой же статье Энгельс говорит, что русская пехота стала терять свою добрую славу вследствие отсталого (по сравнению с западноевропейским) способа ведения войны, который определялся варварской отсталостью страны. Если Нарва была «первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях»²⁷, то в период Крымской войны проигранные русскими сражения являли собой симптомы упадка истощенной страны.

В статьях по военным вопросам, написанным в связи с Крымской кампанией и несколько позже в связи с началом гражданской войны в США, Маркс и Энгельс упоминают об участии русского народа в отражении нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. как о явлении исключительного порядка, увековеченном в истории. В цитированной выше статье «Крымская кампания» Энгельс писал о том, что участь, постигшая «армию Наполеона во время его московского похода», не раз являлась «пугающим напоминанием»²⁸ для войск союзников. Анализируя ход войны в США, Энгельс указывал, что непременным условием успеха в прогрессивной освободительной войне является партизанское движение, ссылаясь при этом на действия русских организаторов партизанской борьбы.

Главную причину поражения русской армии в Крымской войне Маркс и Энгельс видели в тогдашнем социальном и государственном строе России, стоявшем на пути ее прогрессивного развития, всячески тормозившем и усовершенствования в русской армии. Поражение царизма в войне 1853—1856 гг. отмечали Маркс и Энгельс, ускорило наступление нового этапа в общественно-экономическом развитии России.

Революционная война, о которой писали Маркс и Энгельс, не состоялась. Но Маркс и Энгельс не падали духом, не прекращали своей пропаганды до самого конца войны. В 1856 г. Маркс пишет, а затем и публикует Введение к задуманной им большой (в 20 печатных листов, как сообщал он) работе под

²⁵ Там же, стр. 480.

²⁶ Там же, т. 10, стр. 565.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 569.

названием «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века». Документ этот отражает взгляды Маркса и Энгельса в период, когда их страстная борьба против реакционной политики английской правящей верхушки и против русского царизма достигла своего апогея. Основная политическая линия, которой руководствовались в своих выступлениях вожди пролетариата в это время, оставалась той же, что и в период революции 1848—1849 гг.: забота о благоприятных условиях для развития революции, выступление против ее главных врагов. В своих выступлениях они клеймили старое двойное англо-русское рабство, под гнетом которого томилась Европа. Капиталистическая Англия давила народы преимущественно своей экономической мощью, Россия — реакционнейшей системой политического гнета. Общность интересов капиталистической Англии и помещичье-крепостной России зиждилась как на экономической (растущий экспорт английских товаров на русский рынок), так и на политической основе (общее обоим режимам стремление к подавлению революционного и национально-освободительного движения).

Введение к работе о дипломатической истории XVIII в. было напечатано по частям в лондонской газете «Фри пресс» (с августа 1856 г. по апрель 1857 г.). Самой работы Маркс не написал, да и Введение носит на себе печать незавершенности, оно обрывается на цитате из документа. Пять глав Введения изобилуют документальным материалом (главы 1, 2 и 4, не считая нескольких авторских абзацев, представляют собой извлечения из дипломатических донесений, перепечатку памфлетов и некоторых других документов).

Читатель, обращающийся к этой незавершенной работе Маркса, не должен отвлекаться от ее формы, подчеркнутой в самом названии. Это не всестороннее историческое исследование, а памфлет, произведение обличительного жанра, со всеми присущими такого рода произведениям особенностями. Принятая Марксом форма давала ему право выбора определенных фактов, право усиливать одни моменты и совсем не касаться других или оставлять их в тени.

Работа Маркса с ее полемически обостренной трактовкой основных ведущих идей преследовала цель изоляции царизма, дезавуирования английской правящей верхушки, возбуждения протеста в массах против политики сговора господствующих классов двух «великих держав». Основным содержанием работы, ее главной темой, является оценка развития англо-русских отношений в XVIII в., показ возраставшей роли России в области международной политики, а также попытка выявить исторические истоки политики английских государственных деятелей 50-х годов XVIII столетия.

Касаясь в пятой главе своей работы некоторых вопросов «общей истории русской политики», Маркс характеризует эту часть Введения как «предварительные замечания». Историк находит здесь интересные высказывания относительно древнего русского государства и отдельных периодов феодализма на Руси, яркую характеристику сущности татаро-монгольского ига и его тяжелейших последствий для русского народа. Глава содержит развернутые характеристики Ивана Калиты и Ивана III, а также оценки деятельности и политики Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II и других деятелей русского феодального государства. Особенно сильную и яркую характеристику получают в этой части работы специфические приемы дипломатии феодального общества.

Касаясь происхождения русского государства, Маркс в «Разоблачениях» исходит в основном из посылок норманистской школы немецких и русских историков России. Объяснением этого факта (как и некоторых других суждений Маркса в этой работе) служит консервативная направленность использованных автором русских работ и в особенности враждебная тенденциозность иностранных компилятивных сочинений о России, а также сравнительно узкие границы исторического знания первой половины XIX в., когда еще не были изучены важнейшие исторические источники и не привлекались в достаточной мере данные ряда исторических дисциплин. Нельзя забывать, что от рассматриваемой работы Маркса нас отделяют сто лет. Между тем именно данные таких наук, как археология, этнография, сравнительная филология, полученные в более позднее время, обусловили полное крушение антинаучной норманистской теории, дали научные ответы на многие вопросы русской истории.

Внутреннее развитие России по-настоящему становится объектом исследования Маркса лишь с конца 60-х годов. Ознакомившись с этим развитием самым основательным образом, он дал блестящий пример применения материалистического объяснения истории к русскому историческому процессу. Одновременно он вносит много исправлений и уточнений в свои прежние суждения о России периода 50-х годов, в частности в суждения, высказанные в «Разоблачениях относительно дипломатической истории XVIII века». Достаточно сравнить содержание пятой главы этой работы с изложением соответствующих вопросов русской истории в «Хронологических выписках»²⁹, чтобы убедиться в необходимости восприятия «Разоблачений», учитывая не только существовавшую

²⁹ См. об этой работе ниже, стр. 255—256.

в момент их написания политическую атмосферу, но и имея в перспективе последующий этап изучения Марксом России.

Именно этого вполне намеренно не хотят делать современные реакционно настроенные буржуазные и правосоциалистические историки и публицисты, с необыкновенным рвением набрасывающиеся на «Разоблачения». Всячески искажая действительный смысл выступления Маркса в 1856 г. и стремясь очернить современную внешнюю политику Советского Союза, они толкуют о «русофобии» Маркса.

Россказни о том, что автор «Капитала» будто бы враждебно относился к русским, к России вообще, еще Г. В. Плеханов зачислял в разряд «злых нелепостей», распространявшихся в угоду господствующим классам и кликам. Маркс и Энгельс ненавидели, имея все основания ненавидеть, русский царизм. Они боролись против него всеми средствами, бывшими в их распоряжении. Вместе с тем они, будучи подлинными учеными и трезвыми политиками, предупреждали, что «ненависть и понимание — две совершенно различные вещи», как писал Маркс Лассалю в 1860 г., отмежевываясь от известного русофоба Уркарта.

Высоко оценивая успехи дипломатии русского самодержавия, заявляя, что она «опаснее русского генералитета», Маркс подчеркивал, что тайна ее успехов за границей заключалась в отсутствии массового движения внутри страны. «С возникновением движения внутри самой страны,— писал он Энгельсу в 1879 г.,— это волшебство рассеялось»³⁰. Последней победой русской дипломатии Маркс называл Парижский договор 1856 г. Начавшееся массовое революционное движение в стране подрывает всю систему русской внешней политики, подчеркивал Энгельс накануне отмены крепостного права в своей работе «Савойя, Ницца и Рейн» (1860). Вместе с Россией, которая существовала от Петра Великого до Николая, заявлял он, рухнет также и внешняя политика России, а европейское рабочее движение получает себе союзника в русском крепостном.

Исход Крымской (Восточной) войны, несмотря на серьезное внешнеполитическое поражение царизма, не мог удовлетворить вождей международного пролетариата, поскольку ни политический строй, ни социальный уклад в Европе не были поколеблены. Длительная война царизма с Турцией и главными государствами Западной Европы показала гнилость крепостной России, ускорила кризис ее социально-экономического и политического строя. Это было отмечено Марксом, писавшим в 1858 г., что «паршивая война» все же ускорила поворот событий внутри России, способствовала развитию внутреннего

³⁰ К Маркс и Ф Энгельс Соч., т. XXIV, стр. 516

движения в стране,— как оппозиционно-либерального, так и демократически-крестьянского.

После поражения царской России в Крымской войне Марксу и Энгельсу стало ясно, что Россия не является уже прежней грозной силой, и они с еще большим, чем прежде, вниманием следят за процессами ее внутреннего развития. Они придают исключительное значение начавшемуся в России движению за уничтожение крепостного права, считают вопрос об освобождении русских крестьян основной общественной проблемой эпохи. Шаги, предпринятые Александром II в 1857 и 1858 гг., Маркс расценивал как попытку правящей верхушки несколько обновить форму господства помещичьего класса. Маркс разоблачал жалкий характер подготовлявшейся самодержавием перемены и подчеркивал, в противовес либеральной западноевропейской прессе, замалчивавшей классовую подоплеку событий, что главная борьба в России шла не между крепостниками и либералами, а между помещиками и крестьянами, желавшими получить всю свою землю.

В октябре 1858 и затем в январе 1859 г. Маркс выступает в «Нью-Йорк Трибюн» с двумя обстоятельными статьями на эту основную тему. В первой статье, помещенной в газете в качестве передовой, Маркс писал, что вопрос о крепостном праве принимает в России «серьезный оборот», указывал на сопротивление дворянства (старая история!), на восстания крестьян. Всю статью пронизывает мысль о возможности революционных событий, которые могут стать «поворотным пунктом в истории России».

В большой статье «Об освобождении крестьян» Маркс говорит о «великом социальном вопросе в России», снова и с еще большим убеждением пишет о предстоящем «массовом восстании среди сельского населения».

В течение 1859 и 1860 гг. Маркс много раз возвращается к проблеме освобождения русского крестьянства, старается привлечь внимание революционной общественности Европы к России, в которой борьба внутренних социальных сил привела к революционной ситуации.

В работе «Господин Фогт» (1860) Маркс, остановившись на истории вопроса об освобождении крестьян в России, указывает, что при Александре II вопрос «очень сильно продвинулся вперед», и что это произошло в силу экономического развития, «над которым даже царь не властен»³¹. Революционное движение русских крестьян Маркс в 1860 г. причислял к самым великим событиям в мире.

³¹ Там же, т. XII, ч. I, стр. 361.

Внутреннее положение в России в конце 50 — начале 60-х годов Маркс и Энгельс расценивали как предреволюционное, писали об этом времени, как об «эпохе революционного возбуждения». С явным удовлетворением отмечал Маркс в связи с этим фальшивый характер сведений и утверждений о внутреннем состоянии страны, содержащихся в западноевропейской литературе, посвященной России, в частности в сочинениях Гакстгаузена. Развитие событий в России давало Марксу основание писать, что «почтенный советник Гакстгаузен дал окопачить себя чиновникам и выдрессированным чиновниками крестьянам»³².

В 60-е годы Маркс и Энгельс не раз высказывают свою неудовлетворенность имевшимися в их распоряжении источниками и литературой о России, в особенности о ее экономическом развитии. Поэтому все чаще их внимание привлекают публикации А. И. Герцена, листы «Колокола». Известным препятствием к использованию выпускавшихся Герценом изданий служило то, что Маркс тогда еще не знал русского языка. Во время польского восстания Энгельс старается найти время, чтобы вновь освежить свои познания в русском языке, считая необходимым читать «Колокол».

А. И. Герцен, поселившийся в 1852 г. в Лондоне и начавший там свою замечательную революционно-публицистическую деятельность, не мог не привлечь внимания Маркса и Энгельса. Человек огромной эрудиции, редкого творческого интеллекта, великий мастер революционного слова, Герцен одним из первых ознакомил значительные круги западноевропейской интеллигенции с историей, жизнью и культурой русского народа, нанеся удар по мифу о России как стране дикости и варварства.

Маркс и Энгельс на первых порах не смогли сосредоточить своего внимания на этих богатейших положительных сторонах духовного облика и практической деятельности Герцена. В 50-х годах Маркс и Энгельс не имели возможности получить цельного представления о Герцене-мыслителе и Герцене-революционере. Они не знали его «Писем об изучении природы», раскрывающих мирозерцание Герцена-материалиста, вплотную подошедшего к диалектическому материализму. Они не представляли себе в тот период и его действительной роли в русском общественном движении, не могли поэтому всесторонне судить о значении его практической революционной деятельности.

В силу этих причин не были всесторонне и правильно оценены Марксом и Энгельсом революционный патриотизм Герцена, его горячая проповедь сплочения славянских народов. Они отнесли Герцена к «псевдосоциалистической панславистской

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 362.

партии». Имевшиеся в выступлениях Герцена в 50-е годы неточные и неудачные формулировки относительно исторической роли славян и некоторые предлагавшиеся им средства их сплочения могли дать повод к зачислению Герцена в число «псевдосоциалистических панславистов», или, как выражался Энгельс позднее, в число деятелей с «несколько славянофильскими» тенденциями. Тем более, что Герцен долгое время поддерживал Бакунина, одного из главных лидеров так называемого «демократического панславизма». Против этого направления Маркс и Энгельс выступали еще в период революции 1848—1849 гг. В своих выступлениях против панславизма Маркс и Энгельс резко осуждали также и его разновидность — «мнимодемократическую и социалистическую форму панславизма».

Основоположники марксизма не могли иначе, как строго критически, отнестись к аграрному и артельному «социализму» Герцена, вытекавшему из его веры в «одну Россию и ее социальные зачатки» и взгляда на русских крестьян как истинных носителей социализма. Энгельс уже в начале 50-х годов (не позже 1853 г.) ознакомился с исторической работой А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (напечатанной на немецком языке в 1851 г.). В «Прибавлении» к этому произведению, а также в статье «Россия» (письмо к Гервегу) уже была изложена герценовская концепция «русского социализма».

Обращение к русской социально-экономической литературе в 70-х годах убедило Маркса и Энгельса в том, что идеи Герцена легли в основу идеологии целого общественного направления, стали символом веры русского народничества. Выполнив большую исследовательскую работу по изучению России, они противопоставили народническому мировоззрению свое мировоззрение и свою точку зрения на характер эволюции русского социально-экономического строя, на будущее России.

В том же 1869 г., когда великий русский революционный демократ писал свое политическое завещание — письма «К старому товарищу», Маркс приступил «с пылом и жаром» (*auf Mord und Brand*), как сообщала его жена, к изучению русского языка по мемуарам Герцена «Тюрьма и ссылка». «Итак, Герцен умер,— пишет Маркс Энгельсу 22 января 1870 г.,— как раз тогда, когда я кончил его „Тюрьму и ссылку“». С середины 1870 г. Маркс уже свободно читал в оригинале русские книги и рукописи.

Овладение языком страны, являвшейся объектом изучения, Маркс считал совершенно необходимым условием глубокого суждения об ее историческом развитии. Только овладев русским языком, Маркс, по его словам, мог судить «со знанием дела» об экономическом развитии России.

Непосредственным поводом, побудившим Маркса взяться за изучение России, русских социально-экономических отношений, явилась работа Флеровского «Положение рабочего класса в России». Маркс горячо приветствовал появление этой книги, считая ее самой значительной из всех работ на эту тему, опубликованных после книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». «Это — первое произведение, — писал он, — в котором сообщается правда об экономическом положении России»³³. Хотя книга и страдала недостатками с точки зрения чисто теоретической, она, заявлял Маркс, вместе с трудами Чернышевского делала «действительную честь России»³⁴.

Маркс был чрезвычайно заинтересован в скорейшем ознакомлении с превосходными, как он подчеркивал, экономическими работами Н. Г. Чернышевского, вождя и идеолога русской революционной демократии 50—60-х годов. На Маркса и Энгельса личность Чернышевского произвела огромное впечатление именно тем, что в нем, как ни в ком другом из их современников, гармонично сочетались революционный мыслитель и революционный деятель крупнейшего масштаба.

Познакомившись с его жизнью и работами, Маркс «почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому», — сообщал Г. А. Лопатин, который первым из русских основательно ознакомил Маркса с Чернышевским, с его трудами и революционной деятельностью. Сам Лопатин близко сошелся с Марксом, Энгельсом и их окружением. Многими чертами своей яркой индивидуальности он импонировал Марксу и пользовался его дружбой. От Лопатина Маркс узнает, что Боркгейм, знакомивший его раньше с русскими изданиями, имеет весьма сомнительные познания в русском языке. В скором времени Маркс доверяет Лопатину работу по переводу на русский язык первого тома «Капитала».

Маркс не раз говорил Лопатину, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли, ... что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем». Маркс тяжело переживал трагическую судьбу Чернышевского, ставшего жертвой дикого, реакционного царизма. «Политическая смерть Чернышевского, — говорил он Лопатину, — есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы...»³⁵.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 286—287.

³⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 39.

³⁵ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 204—205

Маркс знал, что в самой России имя Н. Г. Чернышевского широко известно и пользуется горячей любовью и уважением.

Начало знакомства Маркса с сочинениями Н. Г. Чернышевского относится к первой половине 70-х годов. В письме к Даниельсону от 19 января 1873 г. Маркс сообщал, что ему известна уже «значительная часть» сочинений Чернышевского. Маркс внимательнейшим образом изучал его экономические работы. Когда Маркс писал в предисловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала», что Чернышевский мастерски осветил банкротство буржуазной политической экономии, то он имел в виду прежде всего знаменитые комментарии Чернышевского к Миллю. В числе первых работ Чернышевского им были изучены «Дополнения и примечания» к курсу «Основания политической экономии» Джона Стюарта Милля (изданы в Женеве в 1869 г.) и «Очерки из политической экономии (по Миллю)» (женевское издание 1870 г.).

Внимание Маркса привлекают также работы Н. Г. Чернышевского, посвященные русским социально-экономическим отношениям. В библиотеке Маркса имелись собранные вместе (переплетенные в один том) статьи по крестьянскому вопросу из «Современника» и «Отечественных записок», в том числе статьи Н. Г. Чернышевского: «Труден ли выкуп земли», «Материалы для решения крестьянского вопроса», «Библиография журнальных статей по крестьянскому вопросу». На этих статьях, а также на «Статьях об общинном владении землею» (изданы в Женеве в 1872 г.) имеются пометки Маркса³⁶.

С исключительным вниманием проанализировал Маркс не оконченные Чернышевским «Письма без адреса». Это замечательное произведение, в котором дана необыкновенно глубокая и развернутая критика сущности реформы 1861 г., Маркс прочитал еще до его опубликования и сам содействовал его напечатанию в Швейцарии. Ознакомление с записями Маркса, сделанными им на основе изучения «Писем без адреса», показывает, что он остановил свое внимание как раз на тех положениях этой работы Чернышевского, которые затем были так высоко оценены В. И. Лениным. Маркс так же, как после него Ленин, особенно часто возвращался к оценке Чернышевским реформы 1861 г.

К «Письмам без адреса» Маркс обращался дважды, самым тщательным образом изучил их содержание. Имеются две рукописи Маркса, которые явились результатом этого изучения: рукопись 1872—1873 гг. объемом в один печатный лист и рукопись более позднего времени (относящаяся к 1881 г.). В первой

³⁶ Эти книги были преподнесены Центральным Комитетом СЕПГ в дар Центральному Комитету КПСС в ноябре 1954 г. и хранятся в настоящее время в Центральном партийном архиве (ЦПА) ИМЛ при ЦК КПСС.

рукописи содержатся извлечения, сделанные Марксом непосредственно из рукописной копии (сверенной с оригиналом и присланной Даниельсоном) «Писем без адреса». Вторая рукопись самим Марксом была озаглавлена: «К вопросу об отмене крепостного права в России». В этой рукописи Маркс выписывает все те места из «Писем без адреса», которые показывают глубокое понимание Чернышевским современной ему русской действительности, антагонистичности русских общественных классов, узости и убожества правительственной реформы, неизбежности народной революции в России.

Когда у Маркса образовалось целое собрание книг и источников по социально-экономическому развитию России и когда он уже проделал большую работу по изучению этого развития, он еще больше утвердился в своем первоначально сложившемся убеждении, что работы Чернышевского являются лучшим из всего, что дала русская общественная мысль переломной эпохи 60-х годов. В своих «Заметках о реформе 1861 года» — работе, обобщающей, подводящей итоги изучению вопроса, Маркс по ряду существенных моментов исходит из анализа и данных Чернышевского.

Сознавая, что Чернышевский первым в русской социально-экономической литературе серьезно ставил вопрос о перспективах развития России после отмены крепостного права, Маркс, а позже и Энгельс, старались изучить его мысли относительно путей социалистического развития России. Марксом были основательно проштудированы такие работы Чернышевского, как «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Статьи об общинном владении землей», не менее внимательно был прочитан его разбор книги Гакстгаузена о «сельских учреждениях» России.

В работах Н. Г. Чернышевского об общине Маркса привлекали революционно-демократическая точка зрения, полемика с противниками общинного землевладения, внимание к конкретной социально-экономической действительности, учет возможности развития капитализма, понимание того, что на известной стадии развития общественная собственность снова должна стать господствующей формой производства.

Вместе с тем Маркс учитывал, конечно, что Чернышевский имел дело с дореформенной общиной, внутренние противоречия которой не выявились с достаточной определенностью, поскольку она не вышла еще из условий преимущественно натурального и простого товарного хозяйства.

Изучение сочинений Н. Г. Чернышевского дало Марксу достаточный материал для того, чтобы судить как о сильных, так и о слабых сторонах его миросозерцания и идейного творчества. Маркс высоко оценил в Чернышевском-экономисте его кри-

тику буржуазной политической экономии и некоторых сторон капиталистического способа производства. Одновременно он отмечал, что Чернышевский, не имея необходимых данных, почерпнутых из действительности, не мог понять, что переход к социализму предполагает наличие предпосылок, возникающих при капитализме, не понимал исторической роли пролетариата. Революционный демократизм Чернышевского, а также его страстная вера в социалистическое переустройство общества, в наступление светлого будущего для России и определили ту высокую оценку, которую дали основоположники марксизма Чернышевскому — мыслителю и революционеру.

Из русских революционных демократов Маркс и Энгельс знали, кроме Герцена и Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова. В ноябре 1871 г. Маркс, горячо благодаря Даниельсона за присылку произведений Добролюбова, писал, что он уже познакомился с его сочинениями.

Сравнение Добролюбова как писателя с Лессингом и Дидро делалось Марксом на основе внимательного ознакомления с его творчеством³⁷. Считая Чернышевского и Добролюбова руководящими представителями исторической и критической школы в русской литературе, Энгельс, выражая мнение, которое разделял и Маркс, заявлял, что эта школа «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»³⁸.

Энгельс подчеркивал, что в Чернышевском и Добролюбовах они с Марксом видели не просто просветителей-демократов, а социалистических Лессингов. Они видели в них не только глубоких исследователей и талантливых литераторов, но и вождей революционного лагеря, а также воспитателей и руководителей нового поколения русских революционных социалистов.

С новым поколением русских революционеров, считавших своими идейными руководителями Чернышевского и Добролюбова, Маркс и Энгельс получили возможность познакомиться в значительной мере благодаря своей деятельности в Интернационале. Члены Русской секции Международного товарищества рабочих, в частности такие ее деятели, как Н. И. Утин, Е. Л. Дмитриева, принимали активное участие не только

³⁷ В архиве ИМЛ хранятся подлинные экземпляры сочинений Н. А. Добролюбова (т. I—III, СПб., 1862) с пометками Маркса на статьях «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгой», «Театральные воспоминания С. А. Аксакова».

³⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 277.

в русском, но и в европейском революционном движении, работали в Интернационале, находясь в личном контакте с Марксом.

Общение с членами Русской секции дало Марксу и Энгельсу возможность получать информацию относительно революционного движения в России, уточнить свои представления по ряду конкретных вопросов ее социального и политического развития. Маркс получал почти все номера органа русской секции «Народное дело» (сохранились его пометки на статье «Крестьянская реформа и общинное землевладение» в № 2 за 1870 г.). Большие письма Утина, в особенности его рукописный отчет V конгрессу Интернационала в связи с нечаевским процессом и разоблачением Бакунина, дают конкретное представление об объеме и характере сведений, полученных Марксом в этот период о положении дел в России. Здесь давалась яркая, в основном совпадавшая с оценками Чернышевского характеристика реформы 1861 г., раскрывалась позиция и борьба его с либералами, рассказывалось о «радикальной партии» и подпольной печати, о студенческом движении, о расстрелах крестьян и преследованиях революционеров³⁹.

Благодаря Лопатину, Лаврову, Утину, Дмитриевой Маркс и Энгельс в период Интернационала были хорошо осведомлены о русском революционном движении, начиная с деятельности петрашевцев до событий 1872 г., когда прекратила существование Русская секция и когда на Гаагском конгрессе Интернационала при активной поддержке Русской секции был нанесен решающий удар бакунистам. Используя помощь членов Русской секции и стремясь в свою очередь оказать на них свое идейное воздействие, Маркс и Энгельс не могли не видеть, что в теоретическом отношении это были деятели, которых они не могли считать сознательными сторонниками научного социализма. Эклектические, преимущественно народнические, их воззрения служили не один раз поводом для критических выступлений и замечаний Маркса и Энгельса.

Острота борьбы Маркса и Энгельса против бакунистов объяснялась тем, что Бакунин и бакунисты стремились разрушить созданную великими усилиями международную пролетарскую партию, стремились оттащить движение назад, посеять смуту в области теории.

Разгадав коварные приемы борьбы и убедившись в реакционной сущности целей Бакунина, Маркс и Энгельс употребили все усилия, чтобы мобилизовать на борьбу с бакунизмом здоровые силы Международного товарищества рабочих. В «Конфиденциальном сообщении» (1870), в брошюре «Мнимые рас-

³⁹ Рукопись Н. Утина, датированная 2 сентября 1872 г., содержит 147 машинописных страниц в расшифровке, хранится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС

колы в Интернационале» (1872), в «Докладе об Альянсе» Гаагскому конгрессу и в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873), а также в ряде писем Маркс и Энгельс дали развернутую характеристику бакунизма, его социальных корней, его «теорий» и его интриг в международном рабочем движении.

В ряде работ Маркс и Энгельс писали о роли Бакунина в русском революционном движении, его выступлениях против последовательных революционеров, подчеркивали всю опасность его проповеди воздержания от политической борьбы для успешного развития революционного движения в России. Эволюцию взглядов Бакунина в конце 60-х годов в сторону решительного поворота к анархизму Маркс и Энгельс поставили в связь с так называемым «делом Нечаева», показывая, к чему на практике приводили теоретические догмы Бакунина, какой урон наносили они революционному делу в России.

Особенно усилился, как уже было отмечено, интерес Маркса к России, к ее историческому развитию и социально-экономической действительности в связи с намеченным им новым этапом работы над «Капиталом», когда он решил привлечь русские данные для обоснования теории земельной ренты. Маркс придавал очень большое значение исследованию аграрного строя России, изучению русских источников о развитии сельского хозяйства. Начав в 1868 г. усиленно изучать источники и литературу о земельной ренте, великий ученый, никогда не решавший вопросов теории без предварительного ознакомления с возможно большим количеством конкретного материала, приступает к тщательному исследованию русских, а также американских данных. В основе исследования у Маркса, сообщил Г. А. Лопатин, близко наблюдавший его научную работу, лежало изучение предварительно накопленного фактического материала, — дедукции предшествовала у него индукция, абстракции — анализ реальных отношений.

Исследовательская работа Маркса над русскими материалами о земельных отношениях вскоре переросла в изучение всей совокупности социально-экономических отношений и политического положения России, изучение, непрерывно длившееся более десяти лет, — все последние годы жизни великого пролетарского мыслителя и вождя.

Русская литературно-документальная база исследовательской работы Маркса весьма значительна по своему объему. Она образовалась благодаря широким общественным, литературным и дружеским связям с русскими людьми, помогавшими Марксу собрать в своей библиотеке довольно обширный фонд оригинальных источников по истории России. В бумагах Маркса сохранилась составленная им опись русских изданий

(115 номеров) под заглавием «Русское на моей книжной полке» (*Russisches in my bookshelf*)⁴⁰. Этот перечень далеко не исчерпывает известных Марксу русских источников, но и он с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что Маркс располагал необходимыми материалами для изучения всех сколько-нибудь существенных вопросов общественно-экономического развития России, был всесторонне ориентирован в современной ему русской социально-экономической литературе. В этом отношении никто из европейских ученых не мог сравниться с Марксом. Это отмечал Лафарг, подчеркивал Плеханов.

Источники, по которым Маркс изучал экономическое и социально-политическое развитие России в XIX в., многочисленны и разнообразны. Маркс и Энгельс имели возможность, как уже указано, ознакомиться с произведениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина и других революционных демократов. Они могли читать «Современник» Чернышевского и «Отечественные записки», находившиеся в руках Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Им были знакомы революционные издания почти всех заграничных групп, а также некоторые издания, выходившие из подпольных типографий в России. Маркс был обладателем весьма ценных рукописей, первых публикаций архивных документов, миновавших царскую цензуру, различного рода записок, статей и книг русских либерально настроенных авторов. Он располагал также официальными материалами, публикация которых была рассчитана на самый узкий круг высшего чиновничества, законодательными актами, ведомостями и циркулярами, различными статистическими изданиями. В его библиотеке имелись различные общеполитические издания и исторические журналы, газеты, монографии и исследования, публицистические произведения и мемуарная литература русских авторов.

Большое место среди источников, использованных Марксом, занимала русская статистика — правительственная и земская. Благодаря исключительной помощи Даниельсона Маркс получил возможность изучить многотомное издание «Трудов податной комиссии», а также «Свод отзывов губернских присутствий... по проекту преобразования подушной системы сборов», выпущенные в ограниченном количестве и «не предназначавшиеся для публики». Содержавшиеся в «Трудах» сведения о сельском хозяйстве России в 60—70-е годы больше, чем другие источники тех лет, отражали истинное положение дел. Марксу был прислан также «Военно-статистический сборник» (вы-

⁴⁰ Список входит в памятную книжку Маркса, хранящуюся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

пуск IV), содержащий общий свод статистических и иных сведений о России,—издание, которым неоднократно пользовался и В. И. Ленин для характеристики первого пореформенного десятилетия. Марксом была получена вскоре после выхода в свет и изучена «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России» (Петербургское издание 1880 г.), подготовленная под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Присылались Марксу многотомные статистические издания различных губернских земских управ, статистических бюро и Центрального статистического комитета, издания Вольного экономического и Русского географического обществ, выпуски статистического отдела Министерства путей сообщения. Рядом с этими изданиями на книжной полке Маркса стояли работы Чаславского, Чубинского, Кауфмана, Трирогова, обобщающие труды по статистике Янсона, широко использовавшиеся позднее В. И. Лениным.

Материалы, характеризовавшие основные проблемы, основные линии пореформенного развития России, Маркс изучал со всей присущей ему основательностью и проникновением в самую суть проблемы. Обычно он не довольствовался чтением нужной книги и пометками в тексте и на полях, а вел еще записи, представлявшие собой сжатое критическое изложение источника, перемежающееся собственными обобщениями и замечаниями.

В 70-е годы и Ф. Энгельс вновь обращается к русскому языку, к русским источникам и литературе. Летом 1874 г. в связи со своими статьями об эмигрантской литературе, написанными для газеты «Volksstaat», Энгельс знакомится с рядом выступлений П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева, с работой Скалдина, с первым выпуском «Сборника материалов об артелях в России», изданным в Петербурге в 1873 г., и с другими изданиями, присланными к этому времени Марксу.

Результатом этого обращения к русским источникам явилась работа «О социальных отношениях в России». Поводом для выступления Энгельса послужила брошюра одного из идеологов народничества Петра Ткачева «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу» (цюрихское издание 1874 г.).

В своей работе Энгельс обстоятельно критикует мелкобуржуазные утопические взгляды русских народников. Он дает развернутую характеристику классово-экономической сущности русского абсолютизма и его политики, исходя из глубокого анализа социально-экономических отношений страны. Что касается общины и возлагавшихся на нее народниками надежд, то Энгельс писал, что общинная собственность в России «давно уже переживает время своего расцвета и по всей видимости идет к своему

разложению»⁴¹. Анализируя социально-экономические условия, сложившиеся в России после 1861 г., Энгельс констатирует, что и Россия вступила в стадию капиталистического развития, о чем свидетельствовали рост крупной промышленности, разрушительно действовавшей на устои натурального хозяйства, строительство железных дорог, внедрявших капитализм в самые отдаленные от центра и отсталые районы, образование буржуазии и пролетариата, дифференциация крестьянства.

В своем выступлении Энгельс разбивал «сверххребчатые представления о ходе революции», высказывавшиеся Ткачевым. Энгельс писал, что Россия, несомненно, находится накануне буржуазно-демократического переворота, который никому не удастся направить в спокойное конституционное русло, так как положение основной массы русского народа — крестьян — таково, что они быстро выведут начавшуюся революцию «за пределы первого конституционного фазиса»⁴². Русская революция, указывал Энгельс, поможет успеху пролетарской революции на Западе, а победивший пролетариат Западной Европы в свою очередь окажет всяческую помощь русскому народу в деле приобщения к социализму.

Маркс, наивнимательнейшим образом прочитав брошюру Ткачева⁴³ и отметив в ней главные места, подлежащие критике, советовал Энгельсу не щадить своего противника, поскольку развивавшиеся им взгляды наносили ущерб успешному развитию русского революционного движения.

О содержании и объеме проделанной Марксом в 70-е годы большой работы по изучению России убедительно свидетельствуют записи, сделанные им при чтении «Трудов податной комиссии». Эти записи, составленные на основе изучения десяти томов «Трудов податной комиссии», при опубликовании составят свыше 40 авторских листов⁴⁴. Они представляют собой образцы творческого усвоения фактического материала, демонстрируют энергию критической мысли Маркса. Он постоянно проявляет критическое отношение к источнику, тем более уместное, что он имел дело с официальным, т. е. неизбежно прикрашивавшим настоящее положение, материалом. Маркс полемизирует с выводами составителей, высказывает свои соображения, приводит свои аргументы и доказательства. Тетради заполнены десятками таблиц, составленных частью самим Марксом, частью перестроенных и переработанных им — о земельных наделах, аренде земли и ценах на зем-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 47.

⁴² Там же, стр. 50.

⁴³ Сохранился экземпляр книги с пометками Маркса.

⁴⁴ В XIII томе «Архива Маркса и Энгельса» опубликована пока половина всех записей.

лю, доходности хозяйств, урожайности, отходничестве, промыслах.

Маркс многократно фиксирует в своих записях тот факт, что реформа 1861 г. обеспечила и закрепила преобладание помещичьего землевладения над землевладением крестьян. Разбирая статистический и иной материал, характеризовавший крестьянское надельное землевладение, Маркс подчеркивает совершенную недостаточность наделов у подавляющего большинства крестьян, обремененность их всякого рода платежами, указывает на принудительный характер надельного землевладения. Земельный надел, пишет он, выступает часто как **«простой предлог для эксплуатации со стороны государства, — как предлог для взимания налогов»**⁴⁵.

Установленные Положением 19 февраля 1861 г. выкупные платежи Маркс называет «ловкой операцией», «хорошим гешефтом», как для помещиков, так и для правительства. Помещики, пишет он, **«спекулировали на освобождении крепостных: с помощью правительства принудили крестьян выкупить у них, посредством правительственной ссуды, свою землю значительно выше ее действительной стоимости»**⁴⁶.

В своих записях Маркс отводит много места сведениям о налоговом обложении крестьян, о росте податного бремени после 1861 г., о жестокости, с которой взыскивались (большей частью Маркс употребляет слово «выколачивались») подати, об отсутствии какого-либо соответствия между налогами и доходностью крестьянского хозяйства, о все возрастающей задолженности и разорении крестьян. **«Что же удивительного в том, что они отказываются от наделов!»**, — восклицает Маркс⁴⁷.

Работая над «Трудами податной комиссии», Маркс выделяет данные, показывающие бесправное положение трудящихся масс крестьянства и после 1861 г., его новое закабаление помещиками и нарождавшейся деревенской буржуазией. Приводя фактический материал об эксплуатации крестьян помещиками, купцами, ростовщиками, кулаками, Маркс указывает в своих рукописях, что мелкие производители России надрывались над работой еще сильнее, чем наемные рабочие, урезали свои потребности в еще большей мере, чем рабочие. **«. . . Крестьянин, возделывающий собственную землю, — пишет Маркс, — не получает даже обычной заработной платы работника»**⁴⁸. В связи с этим Маркс ведет резкую полемику со

⁴⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. XIII, стр. 107.

⁴⁶ Там же, стр. 32.

⁴⁷ Там же, стр. 116.

⁴⁸ Там же, стр. 102.

сторонниками теории устойчивости мелкого хозяйства и мелкой собственности.

С поразительной детальностью Маркс фиксирует проявления средневековых пережитков в землевладении, показывавших всю актуальность и необходимость ликвидации помещичьего землевладения как главного препятствия на пути прогрессивного развития страны. Вместе с тем Маркс отбирает материал, свидетельствующий о капиталистическом характере порядков, складывавшихся после 1861 г., исследует новый строй земельных отношений, растущие внутри самого крестьянства противоречия.

Среди обширных извлечений из «Трудов податной комиссии» в рукописях Маркса имеется ряд рассуждений и выводов, касающихся как существа, так и различных форм земельной ренты, обусловленных спецификой аграрного строя России. Внимание Маркса было привлечено к различным формам докапиталистической ренты, а также к ренте капиталистической, в особенности к дифференциальной. Замечательно, что во многих случаях Маркс делает те же выводы, к которым приходил в своих исследованиях русского капитализма В. И. Ленин. Приведем пример почти полного совпадения обобщений Маркса и Ленина по вопросу о характере аренды. Анализируя данные о доходности земли в Тульской губернии, Маркс останавливает свое внимание на том, что землевладелец мог получать различную ренту с одних и тех же земель в зависимости от того, какими участками — крупными или мелкими — сдавалась земля в аренду. Рента более низкая при сдаче крупными участками и более высокая при сдаче мелкими — **«явление, повторяющееся повсеместно»**, пишет Маркс и добавляет: **«В одном случае арендатор арендует, чтобы нажить деньгу, в другом — из-за нужды»**⁴⁹. У Ленина в «Развитии капитализма в России» читаем: «перебивание аренды крестьянской буржуазией наглядно доказывает, что «крестьянская аренда» носит промышленный характер (покупка земли для продажи продукта). Говоря это, мы вовсе однако не отрицаем факта аренды из нужды»⁵⁰. Далее Ленин формулирует вывод о том, что «в крестьянском хозяйстве аренда имеет противоположное значение, будучи для одних выгодным расширением хозяйства, для других — сделкой под влиянием нужды»⁵¹.

Изучая «Труды податной комиссии», Маркс отмечает, что в податной системе находили отражение все наиболее существенные черты тогдашнего русского государства: господство и привилегии помещиков, порабощение и бесправие крестьян,

⁴⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. XIII, стр. 281.

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 108—109.

⁵¹ Там же, стр. 166.

паразитическая жизнь одних и нищенское существование других, союз помещика и чиновника для угнетения и ограбления «мужика». Маркс переписывает в свою тетрадь сведения об окладах лиц, состоявших на царской службе («только людей, имеющих чин»). *«Так как вещь эта, — поясняет он, — вещь-ма любопытная, то воспроизвожу здесь полностью это свиство»*⁵².

«Труды податной комиссии» Маркс причислял к «вещам, абсолютно необходимым» для «Капитала» (для главы о земельной собственности и аграрных отношениях вообще). По прочтении помещенного в «The Quarterly Review» (апрель 1881 г.) обзора о русском земельном законодательстве и о крестьянской земельной собственности Маркс сделал следующую пометку: «...недостает самого главного — изданий податной комиссии»⁵³.

При ознакомлении с основными чертами реформ 60—70-х годов и пореформенного развития России Маркс, одновременно с изучением различных документальных материалов, широко использовал исследовательские и публицистические работы и выступления русских авторов самых различных общественно-политических направлений.

Из выступлений Кавелина, Кошелева, Самарина и других либеральных писателей Маркс извлекал материал, характеризовавший главным образом общее политическое положение в России в первые два десятилетия после отмены крепостного права. Сопоставление взглядов Н. Г. Чернышевского с выступлениями либерально-дворянских публицистов давало Марксу совершенно определенное представление о двух противоположных течениях в русском общественно-политическом движении — революционно-демократическом и либерально-реформистском.

Маркса мало занимают политические прожекты Кошелевых и Кавелиных, крохоборческая программа предлагаемых ими преобразований, — в этих людях он видит выразителей тенденций буржуазного развития внутри господствующего класса. В свои записи Маркс вносит все, что свидетельствовало о капиталистических началах ведения как помещичьего, так и крестьянского хозяйства: сведения о помещице-предпринимательстве, об имущественной дифференциации среди крестьянства после реформы, о его классовом расчленении, применении наемного труда, о переселенчестве, о всех конкретных формах развития буржуазных отношений в деревне.

Большой фактический материал был взят Марксом из работы Скалдина «В захолустье и в столице». Скалдин (Ф. П. Еленев) систематически и подробно, на большом конкретном

⁵² «Архив Маркса и Энгельса», т. XIII, стр. 304.

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, ед. хр. 4053.

материале рассмотрел жизнь деревни, показав, как отмечал Ленин, «бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости»⁵⁴. Записи Маркса показывают, что его внимание было привлечено именно этой стороной работы Скалдина. Вместе с тем Маркс заносил в свою тетрадь все существенные факты из этой работы, показывающие товарно-капиталистический характер развития пореформенного сельского хозяйства: данные о скупке купцами и кулаками помещичьих земель, о сдаче их за высокую плату в аренду крестьянам, о спекуляции государственными землями и пр.

Работая над книгой либерального статистика и экономиста Янсона («Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах»), давшего наиболее полный для 70-х годов систематический свод наличных статистических данных о русском землевладении, Маркс также отмечает факты подобного рода.

Данные и наблюдения, почерпнутые Марксом из различных русских источников, из выступлений представителей революционно-демократического, либерально-реформистского и народнического общественно-политических направлений позволяют Марксу сделать выводы относительно сущности реформ 60—70-х годов, относительно направления развития пореформенной экономики России. Во втором томе «Капитала» (в главе о кругообороте денежного капитала) Маркс, отмечая жалобы русских землевладельцев на «недостаток денежного капитала» и в особенности на недостаток свободных рабочих сил, «которые можно было купить во всякое время», констатирует, что они, русские землевладельцы, все же «вследствие так называемого освобождения крестьян ведут теперь свое сельское хозяйство наемными рабочими вместо крепостных подневольных работников...»⁵⁵.

Это, как и многие другие высказывания Маркса, свидетельствует о том, что он отчетливо представлял буржуазное содержание реформы 1861 г. и пореформенное социально-экономическое развитие России. В известном письме редактору «Отечественных записок», составленном в ноябре 1877 г., Маркс писал о проявляющейся тенденции России «стать капиталистической нацией», о том, что за время после 1861 г. она «немало потрудились в этом направлении...»⁵⁶. В этом письме, явившемся ответом на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского», Маркс прежде всего подчеркнул

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 463.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVIII, стр. 33.

⁵⁶ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 222.

необходимость (для ответа на вопрос, минует ли Россия путь капиталистического развития) всестороннего изучения и анализа русских данных об экономическом развитии страны. Сам Маркс изучением этих данных занимался со всей присущей ему основательностью и энергией. Маркс решительно возражал против превращения разработанной им теории в «универсальную отмычку» для определения судеб развития той или иной страны. Необходимо было, разъяснял он, не перенесение общей схемы развития Западной Европы на Россию, а конкретное изучение русских данных, анализ внутренних и внешних условий ее исторического развития.

В 1877 г. Марксу и Энгельсу казалось близким свержение царизма. Революция в России должна была лишить европейскую реакцию ее сильнейшей опоры и тем самым создать для пролетариата Запада несравненно более благоприятные условия для победы над буржуазией. «Внутренние и внешние условия, в которых находится Россия,— писал Энгельс в 1877 г.,— чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы»⁵⁷. Этим объясняется, указывал впоследствии Энгельс, почему Маркс в своем письме «советует русским не особенно торопиться броситься в водоворот капитализма»⁵⁸. Маркс, а также и Энгельс рассчитывали при этом на некапиталистический путь развития для России, возможность которого открывалась благодаря победе пролетарской революции, в Западной Европе, а также русской народной революции, которые должны были дополнить одна другую.

Письмо Маркса (опубликованное лишь в 1886 г.) подверглось, как известно, неправильной передаче и ложным истолкованиям. Это было время, когда борьба марксистов с эпигонами народников 70-х годов особенно усилилась и последние пытались использовать письмо Маркса для «подкрепления» своих позиций, толкуя его содержание в удобном себе смысле. Между тем вывод из письма Маркса «не мог не быть ясным,— писал В. И. Ленин,— для каждого, кто читал „Коммунистический манифест“, „Нищету философии“ и „Капитал“...»⁵⁹.

Народники, настаивая на возможности некапиталистического развития для России, думали, заявлял Энгельс, «прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй»⁶⁰ — без развития крупной промышленности и без пролетариата. Маркс и Энгельс ставили вопрос о возможности

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 407.

⁵⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 294.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 249.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 258.

некапиталистического пути развития для России на совершенно иные основы. Демократическая революция в России, свергающая царизм, и революция западноевропейского пролетариата, обеспечивающая необходимые условия, в особенности материальные средства, для преобразования всей экономической системы мелкого производства в России,— таковы были эти основы, выдвигавшиеся вождями международного пролетариата, когда они писали о возможных перспективах социалистического развития нашей страны.

Прослеживая становление буржуазных общественно-экономических отношений в России, Маркс и Энгельс отмечали все, что характеризовало далеко еще не отжившие крепостнические отношения: помещичье землевладение, пережитки барщинной системы, опутывавшие мелкого производителя, кабальные формы землевладения, обуславливавшие сохранение докапиталистических форм ренты в виде разнообразных отработков и пр. Обилие, разнообразие, силу и живучесть крепостнических пережитков, различных полукрепостнических институтов Маркс и Энгельс видели в засилье помещичьего землевладения и в том, что дело освобождения крестьян от крепостной зависимости целиком находилось в руках помещиков и царского правительства.

В своих записях Маркс приводит множество примеров того, какими средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми ухищрениями была опутана становившаяся капиталистической в своей основе эксплуатация мелкого производителя в России. Особенно большой материал этого рода содержится в его записях, сопровождавших чтение работ Скалдина, Янсона, Энгельгардта.

Маркс, как показывают оставленные им рукописи, отнесся с исключительным вниманием к фактическим сведениям о положении русских крестьян после «освобождения». В свои тетради он занес десятки совершенно конкретных описаний положения крестьян по уездам. При этом Маркс проверял расчеты Янсона и других авторов, производил свои группировки цифр, делал дополнительные вычисления, определяя бюджеты русских крестьян после 1861 г.

Ф. Энгельс (которого Маркс посвящал во время ежедневных бесед в содержание изучаемых им русских материалов), переведивший с русского на немецкий особенно важные документы, делавший многочисленные выписки из работ о России, отзывался о реформе 1861 г. как об акте царского вероломства, антинародном акте.

Ознакомление с рукописными материалами Маркса и Энгельса о России показывает, что они не ограничились сбором сведений, показывающих фактическое положение многомилли-

онных масс крестьянства,— из рукописей явствует, что они стремились получить представление о социально-экономической структуре пореформенной деревни в целом. Маркс и Энгельс анализировали конкретные формы как крепостнических, так и развивавшихся капиталистических отношений, отмечая различные формы проявления общественных противоречий и антагонизмов. Особенно богатый материал дают рукописи Маркса, посвященные изучению русской сельской общины.

Материалы Маркса о русской крестьянской общине и общинном землевладении показывают, что он прекрасно видел, как самодержавие и помещики использовали общину в своих классовых целях, связывая крестьян по рукам и ногам и круговой порукой, и бесчисленными препятствиями выходу из общины. Из изучаемых источников Маркс вносит в свои записные тетради сведения и факты, показывавшие, что, несмотря на это, внутри самой общины совершался тот же самый процесс капиталистического развития, который шел и вне ее, что община отнюдь не была препятствием для развития капитализма, как о том толковали народники.

Читая брошюру ярого защитника общинного землевладения помещика Кошелева и внимательно анализируя материал статьи П. П. Семенова из сборника об общине, изданного Вольным экономическим обществом, Маркс вводит в свои конспекты все факты, свидетельствовавшие об имущественной и классовой дифференциации крестьян-общинников, о росте деревенской буржуазии.

Самым внимательным образом ознакомившись с приводимыми П. П. Семеновым данными об имущественной дифференциации крестьян в описываемых им общинах, Маркс делает сам подсчет дворов «недостаточных», «бедных» и «неимущих» (по номенклатуре Семенова), вычисляет, что они составляли 40% общего количества дворов и восклицает: *«Хорош результат общинного владения землей!»*⁶¹.

В своем письме из Женевы от 16 февраля 1881 г. В. И. Засулич, сообщая Марксу о той роли, которую играл «Капитал» в спорах русских социалистов об аграрном вопросе в России, от имени своих товарищей — «русских революционных социалистов» — просила Маркса изложить его воззрения на возможные судьбы сельской общины.

К моменту получения этого письма (а также письма из Петербурга от исполнительного комитета «Народной воли» с аналогичной просьбой) Маркс уже затратил много труда на изучение социально-экономических отношений в России

⁶¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 128

и в частности внутреннего строя русской сельской общины. В связи с названными обращениями он проделал большую дополнительную работу по обобщению изученных перед тем источников. Особенно обстоятельно развиты Марксом проблемы некапиталистического пути развития и коллективного ведения сельскохозяйственного производства. Перед умственным взором Маркса вставала освобожденная от гнета Россия, многомиллионное крестьянство которой обрабатывало свои необозримые земельные пространства при помощи коллективного труда, на основе использования всех достижений науки и самой передовой техники.

Маркс и Энгельс заявляли, что русская община сама по себе не может явиться исходным пунктом социалистического производства. Основоположники научного социализма полагали, что инициатива предполагаемого преобразования русской общины может исходить только от пролетариата,— в силу тогдашнего отсталого развития России — от пролетариата Западной Европы, победу которого Маркс и Энгельс считали близкой.

Как публичные заявления Маркса, так и его рукописные материалы о русской общине со всей очевидностью показывают, что он никогда не разделял народнических представлений, как о том писал в свое время Бернштейн, а затем и М. Н. Покровский, утверждавший, что под давлением народников «Маркс на минуту поколебался» и согласился с ними в оценке русской крестьянской общины и ее будущего⁶².

Для решения вопроса, может ли община послужить делу социалистического переустройства общества, Маркс считал необходимым прежде всего изучение ее действительного состояния, ее места и роли в социально-экономической эволюции русского хозяйственного организма. Н. Г. Чернышевский становился на этот путь. А. И. Герцена Маркс и Энгельс упрекали за то, что он «открыл» русскую общину не в России, а в книге Гакстаузена, т. е. принял ее за готовую, абстрактно-мыслимую форму, в отрыве от конкретных исторических условий ее бытия и развития. Народники намеренно закрывали глаза на действительное состояние общины, отрицали ее разложение.

Вопрос об общине ставился Марксом и Энгельсом в зависимости от времени, места и обстоятельств в прямую связь с тем, как быстро будет совершаться в России развитие капитализма. Когда это развитие пошло в ускоренном темпе, Энгельс в одном из писем Даниельсону в 1892 г. писал: «Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту

⁶² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 201.

о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией»⁶³.

Хотя круг вопросов, изучавшихся Марксом в 70 — начале 80-х годов, касался преимущественно аграрных отношений, он одновременно внимательно знакомился и с другими важнейшими сторонами русской экономической жизни — с развитием промышленности, железных дорог, торговли. В своих рукописях Маркс, а также Энгельс фиксируют свое внимание на вопросах железнодорожного строительства в России, считая, что для страны с такими громадными расстояниями развитие железнодорожного транспорта должно иметь исключительно важные последствия, поскольку постройка железных дорог открывала для всех, прежде порой совершенно изолированно существовавших местностей путь к рынкам сбыта производимых продуктов.

Энгельс, как и Маркс, считал, что развитие крупной капиталистической промышленности в России сильно продвинулось вперед с 1861 г. «С 1861 г., — писал он, — в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа»⁶⁴.

В подписанном 21 января 1882 г. обоими авторами предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс говорили о «развивающейся капиталистической горячке», о быстро развивающемся капитализме в России, о связанном с ним массовом формировании промышленного пролетариата — могильщика буржуазии. Внимательно следя за всеми симптомами назревавшей демократической революции, Маркс и Энгельс возлагали большие надежды также и на движение быстро складывавшегося русского пролетариата.

В период борьбы марксистов с народниками одним из главных предметов «спора» была, как указывалось выше, оценка реформы 1861 г.; народники усматривали в ней залог некапиталистического развития России. Политический смысл коренного положения народнических воззрений о самобытности русского социально-экономического строя означал, что к русским экономическим и политическим отношениям будто бы неприменимы основные положения марксизма об общественно-экономических формациях, их смене, об общественных классах и классовой борьбе. При этом, в силу того, что марксизм уже стал «бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений», русские народники были вынужде-

⁶³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 154.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 447.

ны прикрываться именем Маркса, «„по Марксу“ пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»⁶⁵.

Изучая в 1881 г. работу одного из теоретиков русских народников Н. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», Маркс не мог не заметить, что автор ее был чужд пониманию теории, изложенной в «Капитале». В своей записи Маркс оставляет без всякого внимания выводы Даниельсона, его lamentации против «зол капитализма» — железных дорог, кредита и пр. и берет из его работы только некоторые статистические данные. При этом Маркс подчеркивает, что **«таблицы Даниельсона охватывают лишь 8 лет (1871—1878)»**⁶⁶. Анализируя рост торгового земледелия и беря общие статистические данные о производстве хлеба в Европейской России, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» также указывал, что «значительные колебания урожаев делают совершенно непригодными данные за отдельные периоды или за отдельные годы». «Уже по одной этой причине,— писал он,— совершенно неправилен прием г. Н.— она, делающего самые смелые выводы из данных за 8 лет одного десятилетия (1871—1878)!»⁶⁷.

В 1882 г. Маркс, основательно изучив основные источники и литературу о реформе 1861 г. и пореформенном социально-экономическом развитии России, приступил к предварительной систематизации и обобщению собранных материалов. Плодом начатой работы явились его «Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России».

«Заметки о реформе» показывают, что Маркс прекрасно уяснил себе сущность реформы 1861 г. как столкновения определенных экономических форм и определенных общественных классов. Маркс писал: **«Освобождение сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать личностью крестьянина, продавать его и пр. Это личное рабство уничтожено. Помещики потеряли власть над личностью крестьянина... Прежде, во времена крепостного права, помещики были заинтересованы в том, чтобы поддержать крестьянина, как необходимую рабочую силу; это отпало. Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика»**⁶⁸. «Заметки» Маркса со всей очевидностью свидетельствуют о том, что и сама реформа и ее результаты воспринимались им как начало новой, буржуазной России.

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 85.

⁶⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 119.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 213.

⁶⁸ «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 14.

Изучая в последние годы своей жизни социально-экономическое развитие России, Маркс не упускал случая пополнить свои представления и по общей истории страны, в особенности по ранним, менее известным ему периодам. В процессе изучения русской истории он высказывает много глубоких суждений и замечаний, которые существенным образом дополняют наше представление о Марксе как историке нашей страны.

В конце 70 — начале 80-х годов Маркс принимает решение составить для себя критический обзор политической истории европейских государств начиная с I в. нашей эры и осуществляет это намерение. В свои записи, озаглавленные Энгельсом как «Хронологические выписки», он вносит значительный материал по русской истории в виде хронологии и сжатой характеристики событий. При составлении этого раздела Маркс, помимо восемнадцатитомной «Всемирной истории» Шлоссера, использует преимущественно «Историю государства Российского» Карамзина (русское издание 1833—1835 гг.), а также работу Сегюра «История России и Петра Великого» (английское издание 1829 г.).

По сравнению с использованными историческими сочинениями записи Маркса имеют большую самостоятельную научную ценность, обусловленную критическим отношением к этим сочинениям, определенным выделением и отбором фактического материала и яркой авторской оценкой его значения. В сферу внимания и оценок Маркса вошли многочисленные события периода Киевской Руси, периода феодальной раздробленности Руси, совпадающего с народной борьбой против немецких, датских, шведских и татаро-монгольских завоевателей, а также период объединения русских земель вокруг Москвы в единое централизованное государство (включая события 1611—1613 гг.).

В отличие от пятой главы «Разоблачений относительно дипломатической истории XVIII в.», где речь идет о событиях русской истории этих же времен, в «Хронологических выписках», относящихся к России, значительное место занимает социально-экономический момент, отсутствуют какие-либо обобщения относительно норманского характера древнего русского государства и о так называемой «монголизации» его, несмотря на наличие такого рода утверждений в используемых Марксом сочинениях. Напротив, автор приводит в большом количестве сведения о том, что, несмотря на свирепый гнет со стороны завоевателей, сохраняется самобытный уклад жизни и культуры земледельческого населения Руси. Маркс подчеркивает активное сопротивление, постоянные оборонительные и наступательные действия против внешних врагов со стороны русского и других народов, связанных с ним общей исторической судьбой.

Маркс выделяет в своих записях такие события, как победа на Чудском озере, положившая предел захватническому и грабительскому продвижению немецких правителей на восток. В 1242 г., пишет Маркс, «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lutrascii) были окончательно отброшены от русской границы»⁶⁹. Относительно другой победы русского народа — победы на Куликовом поле — Маркс заносит в свои тетради целый ряд сведений, предшествовавших событию, а под датой 8 сентября 1380 г. записывает: «Битва на широком Куликовом поле. Полная победа Дмитрия; на той и на другой стороне вместе пало, как говорят 200 000 человек. Мамай бежал...»⁷⁰. Отмечая далее вторжение татар под предводительством крымского хана и хана казанского в 1541 г., Маркс замечает, что оно «пробудило патриотизм; им пришлось удрать»⁷¹.

Очень внимательно Маркс фиксирует и многие другие факты освободительной борьбы русского народа. Он отмечает восстание под руководством Болотникова, пишет о действиях «русских народных масс», о возглавивших народные движения Минине и Пожарском.

«Хронологические выписки» Маркса служат для каждого историка глубоко поучительным примером действительно научного подхода к изучению истории. Историческое развитие Маркс исследует как совокупность определенным образом связанных между собой конкретных событий, как результат деятельности людей, занимающих определенное место в общем процессе создания материальных и духовных ценностей, активно участвующих в происходящей социальной борьбе. Тщательно изучая факты, Маркс тем самым все время стоит на почве действительной истории. Изучать и учитывать всю громадную и разнообразную массу фактов и стремиться при этом правильно определить их объективное место, удельный вес и значение в общей цепи событий, в целостном историческом процессе — таков тот общий и главный вывод, который убедительно подтверждается анализом содержания «Хронологических выписок».

С историческим развитием России после событий 1611—1613 гг. Маркс ознакомился в связи с основательным изучением восстания крестьян и казаков 1667—1671 гг. по монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Составленный им конспект этой работы показывает, что в особенности внимание

⁶⁹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 344.

⁷⁰ Там же, т. VIII, стр. 151.

⁷¹ Там же, стр. 163.

Маркса привлекли социальные условия жизни народа в середине XVII в., породившие крупнейшие антифеодальные движения. Глубокий интерес Маркса к изучению положения широких народных масс при ознакомлении с историей страны нашел свое выражение в том факте, что им были самым внимательным образом прочитаны почти все вышедшие к началу 80-х годов крупные и сколько-нибудь существенные работы по истории русского крестьянства (исследования Беляева, Семевского, Соколовского, Скребицкого и др.).

Разбирая после смерти Маркса его личный архив, Энгельс был поражен объемом обнаруженных им «русских материалов» — большого количества толстых, исписанных мелким почерком тетрадей и отдельных рукописей — хотя он, понимает, был в курсе той научной работы, которую вел Маркс по изучению русских источников. Марксовым материалам о России Энгельс придавал очень большое значение, и его весьма заботила эта часть рукописного наследства Маркса. Он собирался опубликовать рукописи в отдельном издании, но не успел сделать этого, всецело поглощенный подготовкой издания II и III томов «Капитала».

В своих письмах к русским общественным деятелям Энгельс заявлял, что Марксом было предпринято «углубленное изучение России» и выражал сожаление, что возраст и чрезмерная загруженность работой лишают его самой возможности приняться за такое же изучение страны. Тем не менее он продолжал с самым живым интересом следить как за политическими событиями в России, так и за освещением ее социально-экономической истории. Он по-прежнему получает из России различные статистические издания о развитии сельскохозяйственного и промышленного производства, ценные монографические исследования и публицистические произведения, в которых ставились некоторые «проклятые» социальные вопросы, как выражался Даниельсон, отправляя Энгельсу книги Салтыкова-Щедрина.

Сведения о России Энгельс получает и из заботливо им поддерживавшейся большой переписки с русскими корреспондентами, в особенности с представителями нового поколения русских революционеров, пришедших на смену народническим деятелям, — с В. И. Засулич и Г. В. Плехановым. Письма Ф. Энгельса Лаврову, Даниельсону, членам группы «Освобождение труда» содержат ценнейшие высказывания относительно различных теоретических проблем, а также чрезвычайно глубокие и верные суждения о русской действительности 80—90-х годов.

Наблюдая бурное развитие промышленного производства в России в 80-е и особенно 90-е годы, Энгельс определял это развитие как «промышленную революцию». «Последние

30 лет,— писал он 8 февраля 1886 г. в письме Даниельсону в ответ на присланные им заметки об экономическом положении России,— показали во всем мире, за какой короткий срок могут привиться и твердо укрепиться огромные производительные силы современной промышленности даже в странах, которые до сих пор были чисто аграрными»⁷². При этом Энгельс отмечал, что и в этих странах развитие промышленного производства сопровождалось теми же основными явлениями, что и в других, ранее вступивших на путь капиталистического развития, странах.

Обращая внимание русских общественных деятелей на необходимость научного анализа совершавшихся в стране социально-экономических процессов, Энгельс в особенности подчеркивал неотложную необходимость подвергнуть такому анализу основной для России аграрный вопрос. Энгельс заявлял, что считает чрезвычайно желательным, чтобы этим занялся не Даниельсон, а успешно выступавший против народнической доктрины Г. В. Плеханов, «и притом,— добавлял Энгельс в беседе с А. Воденом,— именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях»⁷³. Последние высказывания Энгельса о России (его письма Плеханову, Засулич и др.) полны уверенности в близости русской революции и в том, что русскому народу «законно и правомерно» будет принадлежать «инициатива *нового* социального переустройства»⁷⁴.

* * *

Вооружив русскую историческую науку методом исторического материализма, основоположники марксизма внесли значительный вклад также и в дело накопления знаний о развитии русского общества — о развитии производительных сил и производственных отношений России, классовой борьбе и выдающихся народных движениях в стране, о крупнейших явлениях духовной жизни русского народа. Маркс и Энгельс изучали работы целого ряда русских историков, экономистов, общественных деятелей, выражали свое отношение к ним, к их заключениям по самым различным вопросам русской истории — экономики, политического строя, идейного развития. Представляет интерес уже самый выбор книг и источников по русской истории, сделанный Марксом и Энгельсом, свободно ориентировавшихся во всем их многообразии, безошибочно оценивавшими их содержание и значение.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 534.

⁷³ См. «Летописи марксизма». М.—Л., 1927, т. IV, стр. 90.

⁷⁴ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 208.

Чтобы события никогда не заставляли их врасплох, Маркс и Энгельс считали долгом пролетарских революционеров пристально следить за «текущей историей», неустанно изучая факты действительности, анализируя глубинные экономические и общественные процессы. Будучи знакомы с прошлым России, Маркс и Энгельс особенно много времени уделяли изучению ее новейшей истории, доводя свое исследование до последних событий, до текущего дня, научно анализируя современную им русскую действительность. Историческими являются поэтому и те работы Маркса и Энгельса, которые они посвятили России своего времени.

Собранный и изученный Марксом обширный и яркий конкретный материал о социально-экономическом развитии России в первые два десятилетия после реформы 1861 г. давал ему возможность сделать ряд чрезвычайно важных выводов относительно перехода от одной общественно-экономической формации к другой, о первоначальном накоплении капитала и его конкретных формах в России, об условиях существования многомиллионного крестьянства, составлявшего основную массу русского народа. Самостоятельно выполненный анализ русской социально-экономической действительности дал возможность Марксу постигнуть основу предстоявшей в России революции, ее подлинно народный характер, потенциальную мощь и международное значение.

II

НАЧАЛО МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИИ

В лице Н. Г. Чернышевского революционно-демократическое направление в русской историографии обнаруживало уже известные материалистические тенденции в подходе к истории. Но в трактовке коренных проблем исторического процесса, особенно в толковании движущих сил исторического развития оно оставалось в основном на позициях идеализма. После Чернышевского демократическое направление в русской исторической науке, сделав в 70—80-х годах некоторый шаг вперед в конкретном изучении как русской, так и всеобщей истории, серьезно отступило от шестидесятников в сторону так называемой «субъективной социологии» и позитивизма.

Как отмечалось, начало подлинно научного материалистического объяснения русского исторического процесса положили К. Маркс и Ф. Энгельс. Интерес учителей пролетариата к России, ее экономическому и политическому положению, освободительному движению, ее культуре и историческому прошлому

определялся той ролью, которую Россия играла и призвана была впредь играть в судьбах мирового освободительного движения.

Анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом процессов экономического развития и политического положения России, их оценки важнейших событий русской истории, их критика идеализма в понимании русского исторического процесса оказали серьезное влияние на развитие марксистской историографии о России. В процессе перехода русской передовой мысли от идеализма к материалистическому пониманию истории марксизм в целом как мировоззрение, как учение о законах развития человеческого общества сыграл решающую роль.

Среди передовой русской интеллигенции еще задолго до появления первых марксистов возник большой интерес к научной и политической деятельности основоположников научного социализма. Отдельные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса стали проникать в Россию в 40—60-х годах.

Г. В. Плеханов еще в 90-х годах указал на знакомство Белинского с «Немецко-французским ежегодником»⁷⁵ — органом, издававшимся Марксом и А. Руге в Париже в 1844 г. Плеханов отмечал положительное отношение Белинского к этим статьям, подчеркнув, что мысль последнего работала в том же направлении, что и мысль Маркса и Энгельса⁷⁶. Наряд фактов проникновения в 40—70-х годах марксистской литературы в Россию указал и В. В. Воровский. Советскими исследователями последних лет много сделано по конкретному изучению истории проникновения марксистской литературы в России в 40—70-х годах прошлого столетия⁷⁷, т. е. еще задолго до появления первых марксистских групп.

Революционная ситуация в России конца 50-х — начала 60-х годов, общеевропейский подъем рабочего и демокра-

⁷⁵ Он предусматривался как периодический, но вышла только одна двойная книжка. Здесь были напечатаны работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу», Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии» и письма А. Руге.

⁷⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. X. М.—Пг., 6, г. стр. 240.

⁷⁷ Из специальных исследований, посвященных этому вопросу, отметим: А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов и марксизм. М., 1956; его же. «Капитал» Маркса в России. 1938. Статьи на эту тему опубликованы проф. В. Н. Шульгиным: «К вопросу о проникновении марксизма в России в 40—60-х годах XIX века». — «Историк-марксист», 1939, № 5—6; стр. 168—174; «Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма». — «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 61—69; «Маркс и Энгельс и русская общественная мысль 70—80-х гг.». — «Исторический журнал», 1944, № 1; «Энгельс в русской легальной печати в 40—70-х гг.» — «Исторический журнал», 1940, № 8, стр. 25—32; «Отклики на смерть К. Маркса в легальной печати России 80-х го-

тического движения обострили интерес русской передовой интеллигенции к западноевропейской демократической и социалистической литературе. Это выразилось и в интересе к знаменитой работе Ф. Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии». В статье Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (1861), напечатанной в «Современнике», было изложено основное содержание этой книги. Выступая с горячей защитой Ф. Энгельса от нападок реакционного немецкого экономиста Бруно Гильдебранда, Шелгунов назвал Ф. Энгельса «одним из лучших, благороднейших немцев», а его книгу — «лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего класса»⁷⁸. Однако влияние этого труда в русской революционной среде в условиях разработки русскими социалистами-утопистами их собственной теории «крестьянского социализма» было своеобразным, противоречивым. Яркое и правдивое изображение положения рабочего класса в Англии явилось для русских революционеров примером беззаветной защиты интересов народа, подтверждением их собственных взглядов на необходимость борьбы за социализм. Однако русские социалисты были не в силах в условиях отсталой царской России 60-х годов подняться до понимания исторической роли пролетариата и пытались почерпнуть в книге Ф. Энгельса доводы в защиту своей теории об «особом» историческом пути развития России, о возможности благодаря русской сельской общине миновать капитализм с его «язвой пролетариата».

Таково было отношение и к другим произведениям Маркса и Энгельса со стороны представителей русской демократической мысли 40—70-х годов. В 1869 г. М. А. Бакуниным был переведен на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом он допустил грубое извращение текста в угоду анархистским взглядам. Бакунинский перевод «Манифеста» не получил сколько-нибудь широкого распространения, в редких случаях он встречается в нелегальных народнических и рабочих кружках 70-х годов.

Иную роль сыграл русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», осуществленный Г. В. Плехановым в 1882 г. Попытку ознакомить русских революционеров с программными документами I Интернационала предприняли члены его Русской секции. Об этом свидетельствует распространение в России отпечатанной в Женеве книги «Международное

дов.» — «Исторический журнал», 1943, № 3—4, стр. 58—61; «Анти-Дюринг» в России 70-х гг., — Сб. «Звенья», VIII, М., 1950; и др.

⁷⁸ «Современник», 1861, т. 39, стр. 137.

товарищество рабочих», содержащей общие основные положения Товарищества, программу и устав первой Русской секции⁷⁹.

В 1871 г. Русская секция выпустила отдельным изданием «Учредительный манифест Первого Интернационала» под названием «Первый манифест Международного товарищества рабочих», а также опубликовала в своем журнале «Народное дело» ряд других написанных Марксом документов Интернационала⁸⁰.

Русский перевод работы Маркса «Гражданская война во Франции» появился в 1871 г., т. е. в том же году, когда она впервые была опубликована.

Совокупность исторических условий, как указал Ленин, выдвинула в первую очередь «применение экономического учения Маркса к нашей действительности»⁸¹. Это обстоятельство объясняет исключительный интерес в России к «Капиталу» еще до появления в нашей стране первых марксистских групп. Русские читатели стали знакомиться с «Капиталом» в немецком оригинале вскоре после его выхода в свет (1867). Отдельные экземпляры тотчас по выходе книги Маркс послал своим русским знакомым: А. А. Серно-Соловьевичу, М. М. Ковалевскому, Н. Ф. Даниельсону. Глубокий интерес в России к «Капиталу» был отмечен самим Марксом. В письме к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. он писал: «Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала»... В 1843—1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847)⁸² и то, что издал Дункер (1859)⁸³, нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский»⁸⁴.

Первый том «Капитала» в русском переводе вышел в Петербурге в апреле 1872 г.

«Капитал» Маркса послужил могучим толчком к развитию русской передовой мысли, к дальнейшим усиленным поискам правильной революционной теории. «Выработка новой методологической и политико-экономической теории,— писал Ленин,— означала такой гигантский прогресс общественной нау-

⁷⁹ ЦГИАМ, ф. 3, отд. 3, эксп. 1871 г. № 965. Часть документа опубликована в сборнике документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 601.

⁸⁰ Л. А. Левин Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1948, стр. 711.

⁸¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 54.

⁸² Имеется в виду «Нищета философии».

⁸³ Имеется в виду «К критике политической экономии».

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534.

ки, такой колоссальный шаг вперед социализма что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»⁸⁵.

Серьезная заслуга в пропаганде первого тома «Капитала» в России принадлежит крупному русскому экономисту 70 — начала 80-х годов Николаю Ивановичу Зиберу (1844—1888). В. В. Воровский характеризует его как «первого русского последователя исторического материализма»⁸⁶.

Зибер не овладел марксизмом как теорией освободительного движения рабочего класса, не понимал исторической роли пролетариата, учения Маркса о классовой борьбе и революционного характера перехода от капитализма к социализму. Тем не менее его роль в популяризации экономического учения Маркса и его попытки применения экономических идей «Капитала» к изучению волновавших передовую русскую мысль общественно-экономических явлений России, а также других стран весьма велика.

Основные труды Н. И. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), его статьи в журналах 70—80-х годов («Знание», «Слово», «Отечественные записки», «Юридический вестник», «Вольное слово» и др.) оказывали в те годы большое влияние на передовую молодежь в ее последующем повороте к марксизму. В своих работах «Очерки первобытной экономической культуры», «К истории русской общины»,⁸⁷ «Капитализм в России»⁸⁸ и других, основанных на фундаментальном изучении истории крестьянской общины в России и других странах, Зибер доказывал историческую закономерность разложения общины и возникновения мелкой крестьянской собственности. Он показывал преимущества крупного производства, неизбежность его победы над мелким не только в промышленности, но и в земледелии. Зибер признавал неизбежность гибели капитализма и замены его социализмом, хотя и не усвоил учения Маркса об условиях и путях этой замены. В своих работах он критиковал воззрения народников на судьбы капитализма в России и подрывал их основной тезис об особом, самобытном пути ее развития.

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 249.

⁸⁶ В. В. Воровский. Соч., т. I, М., 1933, стр. 177, 178

⁸⁷ «Слово», 1879, август, стр. 196—209.

⁸⁸ «Вольное слово», Женева, 1882, № 41.

Маркс дал высокую оценку работе Зибер в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала».

К заслугам Н. Зибер следует отнести его попытку популяризации не только экономического учения основоположников научного социализма, но и их философских и исторических взглядов. Тотчас же вслед за выходом в свет в 1878 г. произведения Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», в котором «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук»⁸⁹ и которое сыграло исключительную роль в утверждении материалистического понимания истории, Зибер рекомендовал его русскому читателю в статьях «Диалектика в ее применении к науке»⁹⁰ и в статье, опубликованной в редактируемом М. М. Ковалевским журнале «Критическое обозрение»⁹¹. Он считал убедительным доказательство Ф. Энгельса, что вся совокупность политических, юридических и прочих отношений и учреждений основывается на экономическом фундаменте. Он указывал на эту книгу как на пример цельного изложения философских и социально-экономических понятий, образец освещения диалектического метода. Но вместе с тем Зибер уклоняется от революционных выводов, которые вытекают как из «Капитала» Маркса, так и «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, из применения диалектического метода к явлениям общественной жизни, к анализу противоречий капитализма. Тем не менее эти статьи Зибер в конце 70-х годов отражали нарастание глубокого интереса в России не только к экономической, но и философской и исторической теории основоположников научного социализма.

Проникновение в Россию в 40—70-х годах произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и знакомство с ними передовой русской интеллигенции имели весьма важные последствия для развития русской общественной мысли на пути к марксизму. Но путь этот был весьма сложным. Нельзя не видеть принципиального различия между восприятием отдельных произведений Маркса и Энгельса в России 40—70-х годов, распространением идей марксизма в России в 80-х годах и его утверждением в русском рабочем движении в 90-х годах.

Попытка характеризовать весь период 40—90-х годов как некий единый идейный поток⁹², как «ранний период истории марксизма в России», как «первый период истории марксизма

⁸⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 11.

⁹⁰ Н. Зибер. Диалектика в ее применении к науке.— «Слово», 1879, ноябрь, стр. 117—169.

⁹¹ «Критическое обозрение», 1879, август. Об откликах в России на этот классический труд Ф. Энгельса см. В. Н. Шульгин. Анти-Дюринг в России в 70-х гг.— Сб. «Звенья», VIII.

⁹² В. В. Воронский К истории марксизма в России. М., 1923, стр. 3.

в России»⁹³, не дает о нем точного представления. Такая постановка вопроса не определяет значения того глубокого перелома, каким явилось возникновение первой русской марксистской организации и других групп марксистского направления в России.

Русская народническая интеллигенция, иной раз проявлявшая интерес к марксизму, была не в силах понять его в условиях отсталости русской жизни и по причине своей приверженности к ошибочному, утопическому «русскому социализму». Теория научного социализма стала распространяться в России лишь тогда, когда созрели объективные условия для этого. Рост капиталистических отношений в городе и деревне, разложение крестьянства и крестьянской общины, формирование промышленного пролетариата и вступление его на путь революционной стачечной борьбы — таковы важнейшие факты русской действительности, которые определили поворот русской передовой мысли к марксизму.

Основоположники научного социализма высоко ценили теоретические искания предшественников русской социал-демократии, тот большой вклад, который они внесли в науку, культуру и освободительное движение. Ф. Энгельс, подводя итоги развития передовой домарксистской мысли в России, писал в 1884 г.: «Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁹⁴.

Но и теоретическое наследство революционных демократов требовало коренной критической переработки. Эта переработка имела по своей сущности глубоко революционный характер.

Марксизм в России появился не как простой результат механического заимствования, не как следствие распространения марксистских брошюр. Он был выстрадан героическими самостоятельными усилиями в области теории и революционной практики, которые в связи с ходом социально-экономического

⁹³ Э. Н. Бурджалов. Столетие «Манифеста Коммунистической партии». — «Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Академии общественных наук», М., 1948, стр. 87.

⁹⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 277.

развития страны привели к выводу о несостоятельности старого идеалистического взгляда на ход исторического развития.

Русские марксисты вышли на историческую арену, когда материалистическое понимание истории было уже не только открыто, но и разработано Марксом и Энгельсом. Это имело решающее значение в более быстром и успешном преодолении русскими деятелями исторической ограниченности своих предшественников. Только с появлением первых последователей учения Маркса и Энгельса в России зарождается подлинно научное марксистское направление в русской исторической науке. Начальный период русской марксистской историографии совпадает с ранним периодом распространения марксистской теории в России и падает на заключительный этап всего разночинного периода освободительного движения России. Это время от появления первых марксистских групп в России до середины 90-х годов, до появления первых произведений В. И. Ленина (1883—1894).

Крупнейшим представителем общественной науки в России после Н. Г. Чернышевского и до В. И. Ленина был Г. В. Плеханов, организатор первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда», выдающийся теоретик, пропагандист марксизма. Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 г. в селе Гудаловке, Липецкого уезда, Тамбовской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. Его мать М. Ф. Плеханова, племянница великого русского критика В. Г. Белинского, воспитывала сына в духе передовых идей своего времени. Еще в гимназии (1868—1873) Плеханов проникся революционно-демократическими идеями русской литературы. Его юношеские годы проходили под сильным влиянием Белинского и Некрасова. Летом 1873 г. он прибыл в Петербург, поступил в Константиновское юнкерское училище, но вскоре перевелся в Горный институт. Здесь, в кругах революционного студенчества, Плеханов вскоре выдвинулся как крупный оратор и виднейший литератор революционного народничества второй половины 70-х годов.

Идейно-политические взгляды Плеханова в этот период формировались под воздействием великих русских революционеров-демократов Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Самое сильное влияние оказал на него Чернышевский. «Мое собственное умственное развитие,— пишет он,— совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни»⁹⁵. Известное влияние вместе с тем оказали на него идеологи ре-

⁹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI. М., б. г., стр. 382.

волюционного народничества 70-х годов, в частности П. Л. Лавров и М. А. Бакунин. На исторических и общественно-политических взглядах Плеханова-народника сильнее сказалось влияние Бакунина, чем Лаврова. Он принял не только бунтарскую тактику, но и историческую концепцию Бакунина, представлявшую собой смесь идеализма и экономического материализма. Фальсифицированное Бакуниным положение исторического материализма об определяющем значении в историческом развитии экономического фактора дало Плеханову, по его признанию, толчок к изучению подлинных взглядов Маркса на ход развития человеческого общества⁹⁶. Плеханову уже тогда были известны имена Маркса и Энгельса. Он был знаком с некоторыми их произведениями, в частности с «Капиталом» К. Маркса. Но он продолжал еще оставаться народником.

Исторические взгляды Плеханова формировались в неразрывной связи с его общественно-политической и теоретической деятельностью. В народнический период они составляли часть его народнического мировоззрения и отразились в его публицистических произведениях того времени. Это было время второй революционной ситуации в России, когда в обстановке общедемократического подъема становилась очевидным неспособность народнической интеллигенции слиться с народом. Вместе с тем становились все более явными признаки разложения сельской общины. В экономической и исторической литературе и публицистике все чаще ставился вопрос о судьбе сельской общины в России. Важное значение имели в связи с этим труды известного русского статистика В. И. Орлова «Крестьянское хозяйство» и «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879), а также работы М. М. Ковалевского, посвященные истории развития и разложения общинного землевладения в отдельных странах. Впоследствии Плеханов признал, что именно эти работы впервые и очень сильно поколебали его веру в народническое учение об исторической миссии крестьянской общины. Но в этот период он оспаривал их выводы и сделал в ряде статей попытку теоретически обосновать народничество. В статьях «Каменская станица» (1878), «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879), «Поземельная община и ее вероятное будущее» (1880) и других Плеханов излагает свой взгляд на закономерности исторического развития и в частности

⁹⁶ Г. В. Плеханов. Предисловие к первому тому первого издания Собрания сочинений.— Соч., т. I, М.—Пг., 1923, стр. 19—20; О социальной демократии в России.— Соч., т. IX, М., 6. г., стр. 5—29; Предисловие к русскому изданию книги А. Тука.— Соч. т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 91, 92; Первые шаги социал-демократического движения в России.— Там же, стр. 176.

на ход русской истории. Всю внутреннюю отечественную историю он трактует в типично народническом духе. «Вся русская история,— писал он в статье «Каменская станица»,— представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины в личности. Борьба эта тянется красною нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и в настоящее время»⁹⁷.

В статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» Плеханов апеллирует к Марксу по вопросу об объективных факторах исторического развития и предпосылках социализма. «Маркс указывает нам,— пишет Плеханов,— как сама жизнь намечает необходимые реформы общественной кооперации страны, как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений... Он показывает нам, когда, в каких формах и в каких пределах социалистическая пропаганда может считаться производительною тратою сил. «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития,— говорит он,— оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить мучения родов»⁹⁸. «Нам,— писал далее Плеханов,— понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма»⁹⁹. Но в России, утверждал Плеханов, экономическое развитие шло и идет другим путем. Здесь крестьянская община сохранилась, несмотря на тяжелые испытания. Поэтому, заключает он, «мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станциею на пути его прогресса»¹⁰⁰. Плеханов признает, что экономические отношения в обществе являются «основанием всех остальных ...не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов»¹⁰¹. Но отсюда он выводит не признание краха народнической теории, а необходимость ее защиты. Он полагает, что историческая теория Маркса должна дать народни-

⁹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 29.

⁹⁸ Там же, стр. 57—58.

⁹⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, стр. 114

кам ключ к пониманию задач, которые необходимо решить в их практической деятельности, а задачи эти сводятся к осуществлению программы «Земли и Воли».

На первый взгляд кажется парадоксальным, что в своих выступлениях в защиту народничества Плеханов ссылался на... Маркса. Некоторые историки даже ошибочно истолковывали это обстоятельство как «марксистское» понимание Плехановым того времени законов общественного развития¹⁰².

В. И. Ленин впоследствии писал: «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и „по Марксу“ пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹⁰³. Однако важно отметить наличие у Плеханова еще в народнический период своей исторической концепции, отличной от преобладавшей тогда в народнической литературе субъективно-социологической системы взглядов. «Экономические отношения в обществе признаются нами,— писал Плеханов в статье «Черный передел»,— основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов...»¹⁰⁴. Было бы ошибочно утверждать, что такое признание является «несомненным марксизмом» — Плеханов в это время оставался народником. Но также неправильно игнорировать тот факт, что по своим взглядам на ход исторического развития Плеханов уже в народнический период во многом был ближе к Марксу, чем другие деятели революционного

¹⁰² На ошибочность трактовки Невзоровым (Ю. М. Стекловым) (см. «Борцы за социализм») статей Г. В. Плеханова в № 3 и 4 «Земли и Воли» и передовой в № 2 «Черного передела» как почти марксистских, указал сам Плеханов еще в 1903 г.; тем не менее многие историки вопреки заявлению Плеханова и народническому характеру самих статей продолжали считать их марксистскими или почти марксистскими.

М. Н. Покровский считал статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» «первой марксистской статьей Плеханова», написанной на основе наблюдения им рабочего движения Петербурга (см. «Очерки по истории русского революционного движения в России в XIX и XX вв.» М., 1927, стр. 82—83). О. В. Аптекман в своих воспоминаниях о Плеханове пишет, что «в статьях, напечатанных в № 3 и 4 «Земли и Воли», Плеханов подводит под свое программное построение основы марксизма — исторический материализм (см. О. В. Аптекман. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., 1924, стр. 25).

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 85.

¹⁰⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 114.

народнического движения 70-х годов. Апелляция его к историческому материализму в целях подкрепления народнического социализма была симптоматичным моментом в развитии русской революционно-демократической исторической мысли на пути к марксизму.

В эмиграции Плеханов серьезно занялся изучением марксизма. Огромное значение в этом отношении имела его работа над переводом программного документа научного коммунизма — «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. «Лично о себе могу сказать,— писал Плеханов,— что чтение „Коммунистического манифеста“ составляет эпоху в моей жизни»¹⁰⁵. Появление в свет в 1882 г. русского перевода «Манифеста» имело большое значение в появлении русской марксистской мысли. «В этом произведении,— подчеркивал В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹⁰⁶. Предисловие к «Манифесту», написанное Плехановым, показывает, что уже в 1882 г. он перешел в основном на позицию марксизма. В предисловии признается широкая популярность в России начала 80-х годов основоположников научного социализма. «Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такую громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах „Манифеста Коммунистической партии“ значит повторять всем известную истину»¹⁰⁷,— начинает Плеханов свое предисловие. Плеханов уже понял, что «вместе с другими сочинениями его авторов „Манифест“ открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всяких утопий научного обоснования социализма»¹⁰⁸.

Разрыв Плеханова с народнической исторической концепцией ярко выражен в его статье «Афанасий Прокофьевич Шапов», опубликованной в 1883 г. в «Вестнике Народной Воли»¹⁰⁹. Это первая попытка критики народнической историографии в свете марксизма. Плеханов остановился здесь на ряде проблем, нашедших свое отражение в работах Шапова и требовавших раз-

¹⁰⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1. М., 1940, стр. 17.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 32.

¹⁰⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 23.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ «Вестник Народной Воли», 1883, № 1. Статья является рецензией на работу Н. Я. Аристова о А. П. Шапове.

бора в связи с задачей критики народничества. «Мы уверены, — писал Плеханов, — что пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества. Между этими элементами взгляды Шапова на взаимные отношения народа и государства, на раскол и общину занимают... очень видное место»¹¹⁰.

Говоря о назревшей необходимости критики устоев народничества, Плеханов основное внимание уделяет разбору принципа федерализма, который исторически обосновал Шапов и отстаивали землевольцы, а затем и чернопередельцы. Плеханов указывал, что Шапов «забывал, что, при разделении общества на классы, федеративный строй может быть, по крайней мере, таким же удобным орудием эксплуатации большинства меньшинством, как и централистический»¹¹¹. Указывая далее, что «сам Шапов никогда не требовал, разумеется, полного уничтожения государства, как средства освобождения народных масс», что «этот вывод был сделан из его воззрений лишь нашими бакунистами»¹¹², Плеханов отмечает положительную роль централизации экономической и политической жизни в борьбе трудящихся за их политическое и социальное освобождение; в вопросе о роли русского государства Шапов, а вслед за ним и вся народническая историография, сделал шаг назад от Чернышевского. Между А. П. Шаповым и Н. Г. Чернышевским, подчеркивает Плеханов, «яблоком раздора был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время»¹¹³.

Плеханов пришел к марксизму, подготовленный всем предшествующим развитием русской материалистической философии, революционно-демократическими и социалистическими идеями великих русских мыслителей и революционеров 40—60-х годов.

Создание в 1883 г. первой русской марксистской группы «Освобождение труда» имело огромное значение в пропаганде идей марксизма. Кроме «Манифеста» был переведен и опубликован ряд других произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1883 г. вышла в свет в русском переводе работа К. Маркса «Наемный труд и капитал» — одно из наиболее распространенных произведений марксистской литературы. Особенно важным было появление в 1884 г. в русском переводе произведения Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»; в 1885 г. группой была издана работа Маркса

¹¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. II М., б г., стр. 20

¹¹¹ Там же, стр. 18.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, стр. 17

«Речь о свободе торговли». Издание «Нищеты философии» К. Маркса сыграло большую роль в борьбе с мелкобуржуазными народническими взглядами. Опубликована была там же Плехановым работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» на русском языке; Плеханов включил в это издание «Тезисы Маркса о Фейербахе» и отрывок «Карл Маркс о французском материализме». Дополняет этот ряд статья Ф. Энгельса «Социальные отношения в России» (1894).

Переводы трудов Маркса и Энгельса на русский язык и их распространение сыграли большую роль в утверждении марксистских взглядов на законы развития общества. Но неизмеримо более сложной была задача систематической критики господствовавших в то время в демократическом движении народнических взглядов и разработка в свете марксистской теории важнейших проблем русской действительности и русской общественной науки, в частности русской истории. Эти задачи в 80 — начале 90-х годов решались главным образом литературными произведениями Г. В. Плеханова.

«Литературные произведения этой группы, — писал Ленин, — печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи»¹¹⁴. Этими произведениями и было положено начало русской марксистской историографии.

Уже в работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов вскрыл реакционный характер народнической субъективно-идеалистической социологии. Наряду с критикой народничества всех толков — бакунистов, лавристов, сторонников Ткачева, народовольцев и чернопередельцев, он кратко изложил основы учения Маркса и Энгельса о законах развития общества. Он разбил господствовавшую в русской исторической науке идеалистическую концепцию исторического развития, согласно которой в основе развития общества лежат не условия его материальной жизни, а идеи, якобы творящие и движущие исторический процесс.

В книге «Социализм и политическая борьба» (1883) для Плеханова уже бесспорен универсальный характер марксизма. «Общие философско-исторические взгляды Маркса, — пишет он, — имеют равно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, — замечает далее Плеханов, —

¹¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 225.

что ни автор „Капитала“, ни его знаменитый друг и сотрудник, не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений»¹¹⁵.

Признавая заслуги прошлого революционного движения России, Плеханов требует отказа от старых утопических народнических теорий. «Они уже не живут, не развиваются,— утверждает он,— но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию...»¹¹⁶. Только марксизм, провозглашает автор, может вывести русское революционное движение на верный путь. «Вот почему мы,— объясняет он,— и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции... эту „программу“ научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственную революционную программу»¹¹⁷. Более развернутую критику народничества Плеханов дал в книге «Наши разногласия» (1885).

Автор «Наших разногласий» обосновывал свои идеи путем анализа самых главных проблем экономического развития России, вокруг которых и велась острая идеологическая борьба с народниками. Среди них центральное место занимал все тот же, еще не решенный вопрос о судьбах русской общины, неразрывно связанный с вопросом о судьбах капитализма в России. Господствовавшая в это время идеалистическая теория «самобытности» русского исторического процесса, истоки которой уходят к 40-м годам XIX в., в 80-х стала величайшим тормозом дальнейшего развития русской передовой общественной науки, в частности исторической. Эта теория отрицала единство закономерностей исторического процесса, существование в России феодализма и развитие в ней капитализма. Это было выражением страха перед перспективой появления в России пролетариата и пролетарского революционного движения.

Плеханов подверг уничтожающей критике теорию «самобытности» русского исторического процесса. Несостоятельность этой теории, по мнению автора, коренится в игнорировании народниками экономических законов общественного развития, в «злоупотреблении субъективным методом в социологии». Плеханов вскрывает реакционный характер утверждений народников, будто «счастье» России в ее экономической отсталости.

¹¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. I. Пг., 1920, стр. 120.

¹¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. II. М., б. г., стр. 105.

¹¹⁷ Там же, стр. 104.

Долгое сохранение общины в России Плеханов связывает с господством в стране в течение веков натурального хозяйства. Развитие товарного производства, расширение внутреннего рынка и связь его с внешним подорвали общину. На основе большого статистического материала Плеханов показывает процесс превращения в России товарного производства в капиталистическое. На многочисленных примерах русской действительности и истории других народов он иллюстрирует единство закономерности исторического процесса. Россия идет по тому же пути, по которому шли и другие страны в своем историческом развитии — от феодализма к капитализму; в России неизбежно утверждение капиталистического способа производства, а следовательно, появление пролетариата, самого революционного класса капиталистического общества. Революционное движение пролетариата — решающее условие революционного преобразования России.

Большой заслугой Плеханова является и то, что он доказал несостоятельность господствовавшей до него теории о бесклассовости русского общества. В этом, как и в других вопросах, народники сделали шаг назад по сравнению с Чернышевским, считавшим, что без анализа классово-сословной структуры общества и классовой борьбы немыслимо создать учение об обществе. Напомним, что, по мнению Бакунина, Ткачева и их последователей, помещики и буржуазия в России появились не в результате экономического развития общества, а искусственно создавались царским самодержавием. Русские помещики и буржуазия, утверждали народники, не имеют корней в народной жизни и в России самостоятельной роли не играют. Царское самодержавие «висит в воздухе», оно не располагает естественной опорой в лице помещиков и буржуазии, ибо последние не являются классами.

Глубоко ошибочный характер этой теории изобличили впервые Маркс и Энгельс, когда критиковали Бакунина и Ткачева. Но народники продолжали твердить, что в России никогда не было никаких сословных сил, кроме единой и нераздельной народной деревенской массы, что «и дворянство, и духовенство, и недавно проглянувший из гнили чахлый росток буржуазии — все это было исключительно создаваемо правительством по его усмотрению и по его же усмотрению продолжало существовать»¹¹⁸. Либеральный народник В. Воронцов утверждал, будто в России нет капиталистического способа производства и нет никаких классов¹¹⁹.

¹¹⁸ «Народная Воля», 1885, № 11—12, стр. 9.

¹¹⁹ В. Воронцов. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 5—6.

Плеханов вскрыл источник этих ошибок.

Но анализ классов и классовой борьбы в России, данный Плехановым, страдал серьезным недочетом: в нем недооценивались остатки крепостничества в стране. Плеханов не замечал, что наряду с нарождением нового классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом не только продолжал действовать, но и значительно обострялся в новых условиях, в результате борьбы пролетариата, старый классовый антагонизм между крестьянством и помещиками. Сильной стороной Плеханова была, таким образом, критика народнической теории «самобытности», слабой же стороной — недооценка конкретных особенностей развития капитализма в России и связанного с ними своеобразия в соотношении классовых сил. Эти особенности впервые были вскрыты В. И. Лениным.

Особенно важную роль в теоретическом обосновании и распространении марксистского мировоззрения в России сыграла знаменитая философская работа Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная легально в Петербурге в декабре 1894 г. Книга эта, одно из самых замечательных произведений в русской и международной марксистской литературе, — первая после К. Маркса и Ф. Энгельса попытка систематического марксистского анализа и критики домарксовой философии, социологии и историографии. Исключительно ярко и талантливо, но вместе с тем просто здесь изложены важнейшие положения марксизма о законах общественного развития, о движущих силах исторического процесса и дана блестящая защита марксизма от всяких сознательных и бессознательных извращений. На этой книге, писал Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов»¹²⁰.

Первые главы этой работы посвящены анализу домарксовой философии, социологии и историографии. Основная их цель состоит в доказательстве преемственности учения Маркса по отношению ко всей предшествовавшей истории западноевропейской передовой науки и культуры, с одной стороны, и классовой ограниченности домарксовой социологии и историографии, — с другой. Работа Плеханова доказывала, что только с Маркса и Энгельса начинается подлинная наука об обществе.

Труд Плеханова — блестящий образец популярного систематического разбора и марксистской критики исторических взглядов французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Гельвеция и французских историков времен реставрации О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье. Отмечая, что эти историки сделали шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в понимании закономерности исторического развития, Плеханов вместе

¹²⁰ В. И. Ленин Соч., т. 16, стр. 243 (примечание).

с тем показывал их ограниченность, их неспособность выйти за пределы идеализма в понимании истории.

Значительное место в книге посвящено анализу общественных теорий социалистов-утопистов: Сен-Симона, Фурье, Оуэна, идеалистические взгляды которых на историю примыкают к взглядам французских материалистов XVIII в.

Отдавая должное тем представителям домарксовской историографии, которые пытались в той или иной степени объяснить ход исторического процесса влиянием материальных потребностей и борьбой классов, Плеханов тем не менее отмечал, что в их представлениях содержались лишь отдельные, порой гениальные, догадки, но что в целом они были ограничены идеалистическим пониманием истории и не могли выйти за пределы изображения только некоторых сторон исторического процесса или простого накопления фактов.

Он объясняет связь утопических взглядов на общественную науку с буржуазной наукой. «Утопический дилетантизм вынужден делать,— пишет Плеханов,— теоретические уступки всякому более или менее ученому защитнику буржуазного порядка... Утопист не опровергает ученых защитников буржуазии; он лишь делает к их теориям „примечания“ и „поправки“. Подобное же, совершенно утопическое, отношение к общественной науке бросается внимательному читателю в глаза на каждой странице сочинений „субъективных социологов“»¹²¹.

Вслед за разделом, посвященным утопическим социалистам, Плеханов обращается к историческим взглядам представителей немецкой идеалистической философии (Кант, Гегель), которые подвергает жестокой критике.

Обладая самыми широкими познаниями в области истории и мировой культуры, опираясь на прекрасное знание трудов основоположников научного коммунизма, Плеханов дал исключительно яркое по форме, глубокое по содержанию систематическое изложение важнейших положений учения Маркса о законах общественного развития, о движущих силах исторического процесса. Он подчеркнул всемирно-историческую заслугу основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, открывших законы исторического развития, основанные на материалистическом понимании истории. «Собственно говоря,— писал Плеханов,— до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника...»¹²².

Только Маркс и Энгельс создали подлинную науку об обществе, об истории, только они сумели «применить материа-

¹²¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 545.

¹²² Там же, стр. 636.

лизм к объяснению исторического движения человечества, и потому с Маркса начинается новая эпоха в развитии общественной науки»¹²³.

Плеханов последовательно разбивает клевету народников на диалектику Маркса, на исторический материализм. Он подвергает уничтожающей критике взгляды «Ахилла субъективной школы» — Н. Михайловского, а также Кареева, Воронцова и Даниельсона.

Опираясь на гениальную формулировку сущности исторического материализма, данную Марксом в его знаменитом «Предисловии к критике политической экономии» (1859). Плеханов развивает основное положение марксизма о первенствующей роли материальной жизни общества в его историческом развитии и показывает, что условия материальной жизни составляют основу общества, источник его духовной жизни. Выясняя роль отдельных элементов производительных сил, он особенно обстоятельно исследует роль человека как важнейшего фактора их развития и особо останавливается на вопросе о соотношении базиса и надстройки.

Полемизируя с Михайловским, Плеханов пишет: «По новой теории историческое движение человечества определяется развитием производительных сил, ведущих к изменениям экономических отношений. Поэтому дело всякого исторического исследования приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономии покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов»¹²⁴.

Продолжая традиции великих русских революционных демократов, в частности Чернышевского, Плеханов борется против всяких реакционных расистских теорий. В рецензии на книгу Л. И. Мечникова «Цивилизация и великое историческое значение рек» (1889), Плеханов критикует географическое направление в социологии с его противопоставлением Востока Западу. Вместе с тем он резко осуждает связанные с этим направлением расистские теории.

Плеханов решительно отменяет попытку Михайловского, Кареева и других противников исторического материализма приписать марксизму отрицательное отношение к роли идей в развитии общества. Высмеивая «субъективных социологов», Плеханов доказывает, что только марксизм дает правильное

¹²³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI. М., б. г., стр. 311.

¹²⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 678—679

решение вопроса о роли идей в общественном развитии и придает громадное значение роли передовых идей в поступательном движении истории.

В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в особенности в работе «О материалистическом понимании истории» (1897), Плеханов основное внимание уделяет вопросам идеологии, взаимозависимости идеологии и экономики, различным формам идеологии в их связи и взаимодействии.

Разбирая и критикуя многочисленные попытки извращения исторического материализма, Плеханов разбивает вульгарную «теорию факторов».

Направляя главный огонь своей уничтожающей критики против исторического идеализма, Плеханов вместе с тем боролся и против упрощенчества и вульгаризации материалистического понимания истории. Он энергично возражал против смешения исторического материализма с вульгарной теорией экономического материализма, которую народники пытались приписать марксизму, в особенности русским марксистам, и показывал, что между марксистами и людьми, которых не без основания можно назвать экономическими материалистами, лежит целая пропасть.

Плеханов с большой силой подчеркнул великое значение теории марксизма в освободительной борьбе пролетариата. Он раскрыл теорию Маркса и Энгельса как учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата¹²⁵. Ярko и убедительно, на многих примерах истории разных стран и народов Плеханов иллюстрировал несостоятельность, беспочвенность идеалистического понимания истории, противопоставляя ему достоверность и точность марксистской исторической науки.

С большой силой в книге подчеркнут революционный характер марксизма, великое значение теории марксизма в освободительной борьбе пролетариата. Борясь с реакционной теорией «героев» и «толпы», Плеханов дал блестящую разработку вопроса о роли народных масс и личности в истории. Считая, что народнические взгляды о «критически мыслящих» «героях» однотипны со способом исторических исследований монахов средневековья, Плеханов писал: «Но этот способ является недостойным современных историков. То, что нам нужно в настоящее время, это история страны, *история народа, история граждан...* Таким образом, народ, вся нация долж-

¹²⁵ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 69.

на быть героем истории»¹²⁶. Плеханов показал, что решающей силой и основной действующей массой буржуазных революций Запада был народ. «Кто разрушил Бастилию? Кто сражался на баррикадах в июле 1830 и в феврале 1848 г.? Чье оружие поразило абсолютизм в Берлине? Кто сверг Меттерниха в Вене? Народ, народ, народ, т. е. бедный трудящийся класс, т. е. преимущественно рабочие... Никакими софизмами,— писал он далее,— нельзя вычеркнуть из истории тот факт, что решающая роль в борьбе западноевропейских стран за свое политическое освобождение принадлежала *народу и только народу*»¹²⁷.

Отсюда Плеханов приходит к выводу, что и в России самодержавие, а затем и капиталистический строй падут только тогда, когда против них восстанут могучие силы народа.

Плеханов отверг утверждение народников, будто марксисты отрицают историческую роль выдающихся личностей. Он доказал, что именно марксизм впервые дал правильное решение этого вопроса, указав на выдающуюся роль великих личностей в истории, и на то, что эта роль определена ходом законов исторического развития. «Великий человек является,— писал он,— именно начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества... он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила»¹²⁸.

Книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» вскоре по выходе в свет была изъята царским правительством, как крайне «вредное» произведение.

Плехановым был написан и ряд других замечательных произведений, посвященных защите и развитию философии марксизма. Кроме таких широко известных работ, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов в 90-х годах опубликовал статьи «Несколько слов в защиту экономического материализма» (Открытое письмо к В. А. Гольцеву, 1896), «Нечто об истории» (1897),

¹²⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII. М., б. г., стр. 11.

¹²⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. III. М.—Пг., 1923, стр. 402.

¹²⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, стр. 333.

«К вопросу о роли личности в истории» (1898) и другие, в которых развивал и пропагандировал учение Маркса о законах общественного развития.

Все лучшее, написанное Плехановым по вопросам теории в истории марксизма, по вопросам философии, политической экономии и истории, относится к периоду 1883—1903 гг., т. е. до его перехода на сторону меньшевиков. «Его личные заслуги громадны в прошлом,—писал В. И. Ленин о Плеханове.— За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»¹²⁹.

Главная заслуга Г. В. Плеханова перед исторической наукой состоит в том, что он положил начало пропаганды идей исторического материализма и применения их к изучению современной ему русской действительности и русского исторического прошлого.

В этот начальный, зародышевый период русской марксистской историографии главная задача состояла в пропаганде и развитии основ марксистской социологии и историографии. Утверждение исторического материализма в России проходило в ожесточенной идейной борьбе со старым идеалистическим народническим мировоззрением, с народнической концепцией исторического процесса вообще, русского исторического процесса в особенности.

В ходе этой борьбы наряду с вопросом о судьбах капитализма в России выдвигались проблемы истории развития русской общественной мысли и освободительного движения, вопросы истории культуры родной страны. Своими первыми произведениями — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» — Плеханов начал разработку марксистской истории русской общественной мысли и революционного движения. Задача систематической критики народничества, естественно, обусловила особое внимание его к вопросам истории разночинского периода освободительного движения. Он писал о Герцене, Чернышевском, Бакуanine, Ткачеве, русском бланкизме (в «Наших разногласиях»), об Александре Михайлове.

Уже в книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов касается ряда вопросов истории революционного народнического движения, в частности идейных истоков народничества, истории отдельных народнических фракций. 70 — начала 80-х годов — бакунистов, лавристов, ткачевцев, истории отдельных народнических организаций: «Земля и Воля», «Народная Воля» «Черный передел». Большое место здесь уделено

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 333.

истории идейной эволюции народничества от землевольчества к народовольчеству и развития народовольческого направления. Вопросам истории русской революционной мысли и революционного движения уделено много места в его работе «Наши разногласия». В связи с анализом идейных истоков народничества здесь дан специальный обзор истории развития взглядов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, с одной стороны, М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева, — с другой, по вопросу о судьбах капитализма в России и задачах русского революционного движения.

К истории народничества Плеханов многократно возвращается в других своих работах 80 — начала 90-х годов («Как добиваться конституции», «Политические задачи русских социалистов», «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов», «Русский рабочий в революционном движении»).

Первая попытка систематического изложения истории революционного народничества 70-х годов и начала поворота русской революционной молодежи к марксизму была сделана Г. В. Плехановым в 1893 г. по просьбе группы польских социалистов в связи с изданием ими на польском языке книги А. Туна «История революционных движений в России». Плеханов противопоставлял либерально-буржуазному освещению революционного движения в работе Туна марксистское его понимание. Более полным изложением истории развития русской революционной мысли и революционного движения 70—80-х годов в связи с возникновением первых марксистских организаций в России следует считать «Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России», написанное Плехановым в 1903 г.¹³⁰ Плеханов выступает здесь не только с критикой неправильных положений Туна, но и разбирает ошибочные взгляды историка «Земли и Воли» народовольца Е. А. Серебрякова. Вместе с тем он дает также весьма сжатое, но систематическое изложение истории революционного народнического движения 70-х годов и начала русской социал-демократии 80—90-х годов.

Однако в оценке народничества Плеханов допускал и ошибки. Ограничившись сопоставлением теории научного социализма с реакционными и утопическими взглядами народников, он не сумел вскрыть социальную сущность русского народничества, его реальное историческое содержание как идеологии крестьянства, мелких производителей. Это помешало

¹³⁰ А. Тун. История революционных движений в России. Перевод В. Засулич, Д. Кольцова и др. с предисловием Г. В. Плеханова. Женева, 1903 (см. также Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV).

Плеханову понять своеобразие буржуазной демократии в России и разоблачить народничество до конца. Полный и всесторонний разгром народничества был осуществлен В. И. Лениным.

Основные мысли Плеханова о зарождении русской социал-демократии были развиты им позднее в ряде статей¹³¹.

В докладах русских марксистов международным социалистическим конгрессам мы также находим освещение важнейших моментов зарождения и развития русской социал-демократии в 80—90-е годы¹³².

Среди работ Г. В. Плеханова по истории русской революционной мысли особое место занимают четыре статьи о Чернышевском, написанные им в 1890—1892 гг. и опубликованные в изданном группой «Освобождение труда» сборнике «Социал-демократ» (1890—1892). Позже эти статьи вошли в его книгу о Чернышевском, изданную в 1894 г. на немецком языке. Эти статьи явились в то время большим достижением русской литературы и были положительно оценены Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. В. И. Ленин писал, что Плеханов в своей книге о Чернышевском оценил заслуги Чернышевского и «выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»¹³³. Правда, оценка Плехановым великого революционного демократа страдала известной односторонностью, вытекавшей из непонимания им социальных корней и социального характера народничества в целом. Тем не менее работа Плеханова над идейным наследством Чернышевского имела большое значение, так как противостояла либерально-буржуазной и народнической историографии, извращавшей и принижавшей роль величайшего из революционных демократов 40—60-х годов. Плеханов подчеркивал исключительную роль Чернышевского в развитии общественных наук в России, его роль в подготовке условий для распространения в нашей стране теории научного социализма. Анализируя взгляды Чернышевского, Плеханов приходил к выводу, что в «политической экономии, в истории, даже в этике и литературной критике Чернышевский все-таки высказал множество таких важных мыслей, которые и до сих пор еще не усвоены во всем их объеме и не разработаны, как следует, русской литературой»¹³⁴. Плеханов

¹³¹ «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли», «Предисловие к первому тому первого издания Собрания сочинений», «Первые шаги социал-демократического движения в России», «К тридцатилетию группы «Освобождение труда».

¹³² Г. В. Плеханов. Соч., т. IX. М., б. г., стр. 341—367; его же. Доклад о русском социал-демократическом движении международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г. Женева, 1901.

¹³³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 249.

¹³⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. V. М., б. г., стр. 73.

утверждал, что «ни русские социалисты (т. е. народники.— *Ред.*) в огромнейшем числе своих фракций и направлений, ни легальная русская критика и публицистика не сделали ни шагу, буквально ни шагу вперед с тех пор, как прекратилась литературная деятельность Чернышевского»¹³⁵. Неоднократно отмечая идейную близость Чернышевского и великих основоположников научного коммунизма, Плеханов писал, что, учитывая условия русской действительности, в которых жил Чернышевский, «удивляешься не тому, что Чернышевский отстал от Маркса и Энгельса, а тому, что он так мало отстал от них»¹³⁶.

Много внимания уделил Плеханов анализу исторических взглядов Н. Г. Чернышевского. Он показал, что являясь материалистом там, где речь шла об отношении человека к природе, «субъекта к объекту», Чернышевский, подобно Фейербаху, не поднялся до исторического материализма и остался в основном идеалистом в понимании истории. Плеханов замечал, что материализм Чернышевского гораздо более отразился в его «антропологических», чем в его исторических воззрениях¹³⁷. Вместе с тем он выяснил особенности исторических взглядов Чернышевского, его вклад в историческую науку. На многих примерах он показывает, что Чернышевский в ряде вопросов близко подходит к историческому материализму.

Плеханов не только первый указал на историческую роль пролетариата России, но и положил начало истории русского рабочего движения. Еще в 70-х годах, в народнический период деятельности, им был написан ряд статей о стачках рабочих Петербурга. В 80-х — начале 90-х годов Плехановым был написан ряд статей о рабочем движении России. Это — «Забастовка в России» (о Морозовской стачке, 1886), предисловие к речи П. А. Алексеева (1889), предисловие к книге «Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих» (1891). Его работа «Русский рабочий в революционном движении» хотя и носит отчасти мемуарный характер, в то же время является одной из первых работ по истории русского рабочего класса.

Характеристика Г. В. Плехановым первых русских рабочих революционеров, особенно С. Халтурина, его освещение истории возникновения и деятельности «Северного Союза русских рабочих», состояния революционной пропаганды среди рабочих в столице и других городах России сохраняют и сейчас большое значение для изучения первых шагов революционного рабочего движения в России.

¹³⁵ Там же, стр. 73.

¹³⁶ Там же, т. VI, М., б. г., стр. 341.

¹³⁷ Там же, т. V, М., б. г., стр. 39.

Значителен вклад Плеханова в разработку проблем всеобщей, особенно западноевропейской, истории. Еще в народнический период Плеханов касается ряда вопросов экономической и политической истории, истории общественной мысли и революционного движения Западной Европы в связи с обоснованием им народнической теории об «особом» историческом пути развития России. Его интерес к западноевропейской истории усилился в связи с переходом от народничества к марксизму. Еще в 1881 г. в статье «Новое направление в области политической экономии»¹³⁸ Плеханов вскрывает социально-экономическую почву появления немецкой «исторической школы» и доказывает ее бесплодность и теоретическую несостоятельность.

В «Наших разногласиях» Плеханов в борьбе с народническими взглядами на развитие капитализма обращается к истории возникновения и развития капиталистического способа производства в Западной Европе. Он отмечает объективность экономических законов возникновения капитализма, длительность процесса его становления, различие условий генезиса капитализма в разных странах; характеризует причины разложения общественной собственности, процесс проникновения капитализма в сельское хозяйство. Тем самым Плеханов вскрывал ошибочность противопоставления хода экономического развития в России и на Западе.

Как первый пропагандист великих идей Маркса в России Г. В. Плеханов главное внимание в этот период уделяет вопросам истории возникновения марксизма и его сущности. В этой связи большое место в трудах Плеханова занимает история философии, а также развитие экономической мысли конца XVIII—первой половины XIX в.

Но особый интерес Плеханов в течение почти всей своей жизни проявлял к вопросам исторической подготовки и рождения марксизма.

Среди специальных работ Плеханова, посвященных истории передовой мысли и общественно-политического движения Германии, отметим опубликованную им в 1891 г. статью «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», высоко оцененную Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Книга Плеханова «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность» (1887) — первая работа о Лассале в международной социал-демократической литературе. Плеханов не мог, конечно, вскрыть до конца все слабости Лассаля, он писал свою работу еще до издания полного собрания сочинений Лассаля, в ту пору, когда не были известны многие материалы, в частности о его связях

¹³⁸ «Огчественные записки», 1881, ноябрь, стр. 113—162.

с Бисмарком. Тем не менее следует отметить, что еще тогда Плеханов признал, что Лассаль «иногда готов был идти рядом с прусским правительством». Тему о Лассале Плеханов рассматривал не в чисто биографическом плане. Его краткий, но насыщенный фактами очерк общественно-политического движения Германии первой половины XIX в., предпосланный собственно биографии Лассаля, а также освещение истории политической борьбы Германии в 50—60-х годах XIX в. обнаруживают глубокие исторические знания.

В 1890 г. в изданном группой «Освобождение труда» сборнике «Социал-демократ» появилась статья Плеханова «Столетие великой революции», в которой он касается многих проблем истории Великой французской революции, ее исторического места и социального значения. Главное место в этой работе занимает вопрос о борьбе между Горой и Жирондой. Плеханов вскрывает затушеванное буржуазными историками различие интересов и политической программы жирондистов и монтаньяров, доказывает закономерность и неизбежность диктатуры якобинцев. «Нужно помнить, что низший, самый революционный слой населения, в особенности парижского населения, не сочувствовал и не мог сочувствовать Жиронде. У него, очевидно, были другие понятия о «народе» и его интересах, чем у жирондистов...» Показывая неизбежность в силу этого падения Жиронды и торжества Горы, Плеханов писал: «Итак, по внешним причинам необходима была диктатура, а именно диктатура монтаньяров. Но ведь когда речь заходит о диктатуре, то смешно и говорить о республике «свободной, законной и милостивой». Революционная диктатура поневоле была так же строга и немилостива, как строги и немилостивы были вызвавшие ее к жизни внешние враги республики. Вспомните манифест герцога Брауншвейгского. Подумайте, чем грозила реакционная Европа революционной Франции»¹³⁹. Дальнейшее изложение посвящено анализу внутренних причин, вызвавших необходимость диктатуры монтаньяров, ее революционной природы и ее значения как орудия подавления врагов революции внутри и вне республики.

Плеханов оправдывает насильственные меры подавления врагов республики и призывает рабочих извлечь уроки из истории французской революции, из истории борьбы Горы с Жирондой.

Значительное место в работах Плеханова, в той или иной мере касающихся истории французской общественной мысли, посвящено истории социализма. Французским социалистам-

¹³⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. IV. М.—Пг., 1923, стр. 61

утопистам, в частности их историческим взглядам, уделяется большое внимание в его произведениях «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Анархизм и социализм».

* * *

В распространении материалистического взгляда на историю принимали участие и другие члены группы «Освобождение труда».

Известные заслуги в этом отношении принадлежат В. И. Засулич. Сохранившиеся многочисленные рукописи В. И. Засулич за 1880—1890 гг., ее опубликованные работы и переписка с Ф. Энгельсом, Г. В. Плехановым и другими свидетельствуют о большой напряженной работе этой первой русской женщины-марксистки, овладевшей теорией научного коммунизма. В. И. Засулич принадлежит заслуга перевода на русский язык ряда важнейших произведений основоположников научного социализма. В пропаганде материалистического взгляда на историю среди русской интеллигенции, освещении истории научного социализма немаловажен ее перевод работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». 2 марта 1884 г. Засулич писала Энгельсу, что его книга в России «будет читаться тысячами и произведет большое впечатление на умы»¹⁴⁰. Энгельс нашел перевод Засулич «превосходным»¹⁴¹. Блуждания русской революционной мысли происходили по словам Засулич из-за отсутствия научной теории. «Нам не доставало... руководящей нити в лабиринте исторически сложившихся условий нашей родины, и не могли нам дать такой нити ни бакунизм, ни все остальные, ходившие среди нас сбивчивые отрывки социалистических теорий». «Эта брошюра,— писала Засулич о работе Ф. Энгельса,— представляет собой чрезвычайно блестящее изложение истории и сущности научного социализма, сделанное самой компетентной рукой и притом исключительно необходимое в настоящий критический момент нашего революционного движения»¹⁴².

В борьбе с идеалистическими народническими теориями важное значение имел перевод В. И. Засулич произведения К. Маркса «Нищета философии». В письме к Ф. Энгельсу от 2 марта 1884 г. она писала, что публикация на русском языке

¹⁴⁰ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 304.

¹⁴¹ Там же, стр. 307.

¹⁴² Ф. Энгельс. Развитие научного социализма. Перевод и предисловие В. И. Засулич с приложением из «Анти-Дюринга». Женева, 1884. стр. I, II, III.

этой работы, в которой Маркс вскрыл полную несостоятельность мелкобуржуазной критики капитализма Пруденом, крайне необходима для борьбы с народничеством. В ответ Ф. Энгельс писал: «Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе»¹⁴³. В. И. Засулич перевела также труд Ф. Энгельса «Социальные отношения в России», в котором Энгельсом дана критика народнических теорий.

Заслуживает внимание работа Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих», изданная группой «Освобождение труда» в 1889 г. Она, видимо, была задумана, как монография на названную тему; написана и издана только первая ее часть, излагающая историю Общества от его основания до Брюссельского конгресса включительно. «Очерк...» — одна из первых попыток русских марксистов познакомить русскую революционную молодежь, и особенно передовых рабочих, с историей западноевропейского рабочего движения и борьбой Маркса и Энгельса против анархизма. Следует отметить, что русские марксисты первые проявили инициативу изучения и популяризации этой борьбы, которая составляла одну из самых поучительных страниц истории марксизма и международного рабочего движения.

Для написания этой работы В. И. Засулич располагала лишь печатными источниками, т. е. главным образом опубликованными в периодической печати отчетами о работе конгрессов I Интернационала и официальными документами Интернационала. С материалами же архива Генерального совета, его перепиской с местными федерациями и секциями Засулич ознакомиться не могла. Тем не менее эта работа, освещавшая историю возникновения I Интернационала, борьбу идей на его конгрессах, его организаторскую деятельность по поддержке и развитию стачечного движения, его рост и развитие, несомненно, представляла интерес для русского передового читателя 80-х годов. Данная Засулич характеристика различных политических течений, из которых образовался I Интернационал, объясняла читателю развернувшуюся в нем внутреннюю борьбу.

Значительное место в работе Засулич занимает изложение написанных К. Марксом программных документов I Интернационала, его устава и учредительного манифеста. Автор обстоятельно анализирует решения конгрессов I Интернационала — Женевского (1866), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868), а также освещает деятельность Интернационала между конгрессами. При этом большое внимание уделено

¹⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 360.

роли К. Маркса — основателя и вождя I Интернационала, его постоянной непрерывной борьбе с чуждыми пролетариату идейными течениями.

Ряд статей В. И. Засулич на политические и литературные темы опубликован в «Социал-демократе». Ее работа «Революционеры из буржуазной среды» (в кн. I) посвящена истории движения буржуазной интеллигенции в странах Западной Европы и России и перспективам русской интеллигенции в связи с ростом рабочего движения. В кн. 3 и 4 «Социал-демократа» были помещены ее «Литературные заметки» и «Наши современные литературные противоречия». В своих литературно-критических статьях В. И. Засулич полемизировала с публицистами-народниками, в том числе с Н. К. Михайловским по вопросу о роли русской интеллигенции в общественной жизни страны. Засулич посвятила также статью известному в то время роману Степняка «Андрей Кожухов», пять последних глав которого были напечатаны в кн. 2 «Социал-демократа»¹⁴⁴.

Литературно-критические статьи Плеханова и В. И. Засулич явились первой попыткой создания материалистической эстетики. Они преследовали все ту же заветную цель — вырвать русскую революционную молодежь из плена народнических иллюзий.

В истории зарождения русской марксистской мысли и в частности марксистской историографии почетное место принадлежит Н. Е. Федосееву. «Н. Е. Федосеев, — писал о нем В. И. Ленин, — был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению ... для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»¹⁴⁵.

Еще в Казани Н. Е. Федосеев — организатор первого казанского кружка марксистского направления — проявил глубокий интерес к истории. Его научная работа протекала в исключительно тяжелых условиях — почти постоянно в царских тюрьмах и ссылке. Он трагически погиб двадцати девяти лет, не успев завершить свои исследования: большая часть его литературного наследства погибла. Но то немногое, что дошло до

¹⁴⁴ Последующие статьи на литературно-критические темы (разбор повести Слепцова «Трудное время», романа Боборыкина «По-другому», а также оценка роли Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева в истории русской общественной мысли) были написаны ею во второй половине 90-х годов (В. И. Засулич. Соч., т. I — II. СПб., 1907).

¹⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414, 415.

нас, дает основание считать его одним из выдающихся русских марксистов 80—90-х годов, положивших начало марксизму и марксистской историографии в России.

Федосеевым были написаны два фундаментальных произведения — «О сельской общине» и «О причинах падения крепостного права в России»; рукописи обеих работ погибли. Лишь отрывок из исследования причин падения крепостного права был опубликован в 1897 г. в газете «Самарский вестник» под названием «Историческая справка»¹⁴⁶.

Среди сохранившихся писем Н. Е. Федосеева для выяснения его исторических взглядов особенно важны три письма к Н. К. Михайловскому и переписка Федосеева с П. П. Масловым. Письма к Н. К. Михайловскому, относящиеся к 1893—1895 гг., были вызваны яростными нападками редактора «Русского богатства» на учение Маркса и на его последователей в России. Эти письма следует поставить в ряд с лучшими произведениями революционной марксистской литературы. В идейной схватке с крупнейшим представителем русской субъективно-социологической школы Федосеев обосновывает и развивает теорию исторического материализма. Федосеев оспаривает утверждение Михайловского, что «Капитал» — чисто экономическое произведение, в котором отсутствует историческая теория. Федосеев доказывает, что «Капитал» Маркса открыл новый этап в разработке теории исторического материализма и говорит о большом историческом материале, в нем использованном. «Дальнейшее развитие этой теории,— пишет он,— с самого начала обоснованной фактами современной действительности и известными фактами ближайшего и отдаленнейшего прошлого европейского Запада, подчинялось исключительно настоятельнейшим запросам живой жизни. Главным стимулом как возникновения ее, так и дальнейшего развития было желание точнее формулировать принципы начавшегося революционного движения пролетариата»¹⁴⁷.

Федосеев вскрывает несостоятельность субъективно-социологической концепции Михайловского и противопоставляет ему исторический материализм как единственно верную, научную теорию о законах общественного развития. Он показывает, что объективный процесс экономического развития России опрокидывает все построения народников. Глубокое усвоение учения Маркса, понимание теории исторического материализма и умелое применение ее к анализу общественных отношений и исторического прошлого России Федосеев считал главной задачей передовой русской интеллигенции. Замеча-

¹⁴⁶ Н. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 274—295.

¹⁴⁷ Там же, стр. 137.

тельна мысль Федосеева о том, что учение Маркса получит всестороннее развитие и полное обогащение в освободительном движении России и всего Востока. «Высшее логическое развитие,— писал он,— теория экономического материализма¹⁴⁸ получит только тогда, когда будет проверена на исторических фактах славянского Востока»¹⁴⁹.

Обосновывая необходимость применения марксизма к русской действительности и русской истории, Федосеев особое внимание уделяет вопросам истории пореформенной России, проблеме развития капитализма в России.

Решительно отвергнув утверждения Н. К. Михайловского об упадке интереса к теории, указывая на большой идейный подъем среди марксистской интеллигенции, Федосеев писал в 1894 г.: «Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретическая работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву; только тогда явится возможность выработки научно определенной единой программы практической деятельности»¹⁵⁰.

Федосеев считал особенно важным для первых русских марксистов изучение истории падения крепостного права и пореформенного периода русской истории. Выяснение причин отмены крепостного права имело огромное теоретическое и практическое значение для русских марксистов. Между тем Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» не уделяли должного внимания этому вопросу. По мере обострения борьбы между марксизмом и народничеством этот вопрос становился одним из главных в идейной борьбе. Только В. И. Ленин и Н. Е. Федосеев уже в начале 90-х годов серьезно занялись историей «крестьянской реформы».

В. И. Ленин проявил большой интерес к работе Н. Е. Федосеева «О причинах падения крепостного права в России», читал ее и оказал ему ценную помощь своими советами. В письме от 23 декабря 1893 г. к П. П. Маслову В. И. Ленин по поводу своих замечаний на книгу Н. Е. Федосеева писал: «Замечания мои на работы о реформе исходили из того основного положения, что эта реформа — продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что

¹⁴⁸ В русской литературе того времени часто употреблялся термин «экономический материализм» вместо «исторический материализм». На неправильность первого термина в применении к исторической теории Маркса указал В. И. Ленин.

¹⁴⁹ Н. Федосеев. Статьи и письма, стр. 138.

¹⁵⁰ Там же, стр. 102—103.

разрушены были те путы, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя»¹⁵¹.

Федосеев считает важным разоблачить помещиков в лице видных деятелей крестьянской реформы. «Нет,— пишет он Н. К. Михайловскому,— мы необходимо должны предать на суд пролетариев и крестьян всех этих «симпатичных» радетелей крестьянства, Ростовцевых, Милютиных, Черкасских, Самариных, наряду с Паниными и Гагаринными и теми, что были тогда наверху»¹⁵².

Его статья «Историческая справка» целиком посвящена критике либерально-буржуазного, а также либерально-народнического взгляда на причины падения крепостного права и на последствия «крестьянской» реформы. «Итак,— суммирует Федосеев позицию либералов накануне реформы,— в области непосредственно экономических отношений не было места ни для легкомысленных увлечений, ни для беспредметного энтузиазма. Здесь во всех проектах, на всех требованиях лежит ясная печать узких и безжалостных классовых интересов, как бы ни старались замаскировать их в идеальную справедливость»¹⁵³. Переходя к вопросу об отношении либералов к другим реформам 60-х годов (реформе местного управления, судебной реформе, цензурной реформе) Федосеев хотя и полагает, что здесь «энтузиазм известной части дворянства переходил в энтузиазм всего общества»¹⁵⁴, однако показывает, что требование реформ диктовалось классовыми интересами помещиков, вступавших в «вольнонаемные отношения» с крестьянством.

Глубокий интерес Федосеева к истории крепостного крестьянства и падения крепостного права отражен в его письме к историку В. И. Семевскому, относящемся, вероятно, к концу 1894 — началу 1895 г. Из этого письма мы узнаем, что работа Федосеева была основана на изучении первоисточников; им упомянуты «Материалы редакционных комиссий» и «Извлечения из описаний помещичьих имений», и по настоящее время занимающие важное место в документальных материалах реформы 1861 г.

Таковы были первые шаги марксистской историографии в России накануне того нового этапа в развитии русской и мировой исторической науки, который связан с именем В. И. Ленина.

¹⁵¹ Ленинский сборник, XXXIII, стр. 16.

¹⁵² Н. Федосеев. Статьи и письма, стр. 119.

¹⁵³ Там же, стр. 285.

¹⁵⁴ Там же, стр. 286.

Глава V

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В РОССИИ

I

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Интерес к истории Древнего Востока, как в Западной Европе, так и в России возникает прежде всего в связи с Египтом. Еще в XVIII в. европейские страны начали энергично вовлекать Египет в сферу своих торговых оборотов, расширялись и усиливались экономические связи с Египтом. Одновременно с этим объектом настойчивого исследования ученых стали египетские древности; появился ряд работ, авторы которых пытались расшифровать иероглифическое письмо.

Гениальное открытие Ж.-Ф. Шампольона привлекло к себе всеобщее внимание. Как и в других странах, в России появились противники и сторонники великого французского ученого. К первым относится И. А. Гулянов, дипломат по профессии, обесславивший себя выступлениями против Ж.-Ф. Шампольона; его возражения не только не были научно обоснованы, но и сопровождались грубыми выпадами против основателя египтологии. Энергично, но также совершенно безуспешно против Шампольона выступал и русский востоковед Г. Ю. Клапрот. Русский арабист О. И. Сенковский (псевдоним Барон Брамбеус) также принял открытие Шампольона враждебно и в своей фантастической повести «Ученое путешествие на Медвежий остров» язвительно, но совершенно необоснованно издевался над французским ученым¹. Правда, впоследствии он оценил научные заслуги Шампольона² и способствовал развитию интереса к древнему Египту и вообще Древнему Востоку³.

¹ Барон Брамбеус Фантастические путешествия. СПб., 1833, стр. 79—264.

² О. И. Сенковский Египетские древности в С. Петербурге «Северная Пчела», 1825, № 9.

³ Он опубликовал в 1845 г. повесть «Микерия. Нильская лилия» из жизни древнего Египта; он же был автором статьи о работах Раулинсона

Побывав в Египте и Нубии, Сенковский вывез оттуда демоктический папирус, который он издал и подарил Краковскому университету⁴.

Очень интересовался Шампольоном и его открытием А. Н. Оленин — директор Петербургской публичной библиотеки, член Российской Академии наук и президент художественной Академии, человек высокой образованности и культуры, состоявший с Шампольоном в переписке⁵. Большой интерес к Шампольону проявили и русские дипломаты в Риме — посол при Ватикане А. Я. Италинский, Г. И. Гагарин и секретарь посольства С. О. Коссаковский, всячески поддерживавшие французского ученого.

Через три месяца после выхода из печати капитального труда Ж.-Ф. Шампольона «Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens...» (1827) в Петербурге появилась книга неизвестного русского автора под заглавием: «О египетских письменах». В этой книге на 107 страницах было изложено в краткой и общедоступной форме содержание труда основателя египтологии. Книга принадлежала перу известного декабриста Г. С. Батенькова⁶.

В. Г. Белинский выступал в защиту Ж.-Ф. Шампольона, когда последний подвергся издевательским нападкам со стороны О. И. Сенковского⁷.

10 января 1827 г. Шампольон был избран (в один день с Гете и историком Нибуrom) почетным членом Петербургской Академии наук⁸. Во Франции подобная честь была ему оказана лишь в 1830 г., когда его избрали членом Академии надписей.

Именно в этот период участились путешествия русских по Египту. В частности, следует упомянуть путешествия писателя

над клинописными текстами Ирана эпохи Ахеменидов и статьи о раскопках Лейярда и Фландэна в Двуречье. О. Сенковский и П. Савельев постоянно осведомляли русскую публику на страницах журналов «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Отечественные записки» и «Сын отечества» об успехах изучения Древнего Востока за границей

⁴ «Exemplum papiri Aegypticae dono dedit Socius eius Iosephus Senkowski. Krakow, 1827.

⁵ А. В. Мачинский. Переписка Ж.-Ф. Шампольона с А. Н. Олениным. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 4, апрель, стр. 72—89; И. С. Кацнельсон. Неизданное письмо Франсуа Шампольона. «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1947, № 2, стр. 179—182.

⁶ И. С. Кацнельсон. Неизвестная книга декабриста Г. С. Батенькова. Сб. «Декабристы». М., 1955, изд. Гос. библ. им. В. И. Ленина, стр. 323—336.

⁷ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1. СПб., 1900, стр. 311.

⁸ И. Г. Лившиц. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном. В книге: Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. М., 1950, стр. 231.

А. Н. Муравьева, по инициативе которого были приобретены так называемые «петербургские сфинксы», стоящие на набережной Невы в Ленинграде, и архитектора Д. Е. Ефимова, известного в качестве знатока древних стилей. Последний составил много чертежей и рисунков по египетской архитектуре и издал в Риме специальную работу⁹. В 1834—1835 гг. по Египту и Нубии путешествовал известный государственный деятель и писатель, член Петербургской Академии наук А. С. Норов; содержательное описание этих двух стран дано им в двухтомном труде¹⁰. Интересное путешествие предпринял одесский врач А. Рафалович, который не только опубликовал книгу о своей поездке¹¹, но и привез в Россию коллекцию египетских древностей, хранящихся в настоящее время в Одесском музее. Нельзя обойти молчанием и известного церковного деятеля Порфирия Успенского, неоднократно путешествовавшего по Палестине и Египту и также привезшего египетские древности, составляющие в настоящее время египетское собрание музея в Киеве.

Приблизительно в это же время стала формироваться коллекция египетских и других восточных древностей петербургского Эрмитажа.

Однако все это, свидетельствуя о живом интересе русских ученых и передовой русской общественности к древнему Египту, не было еще началом систематического исследования истории и культуры этой древней страны, не являлось египтологией в настоящем смысле этого слова. Только с 80-х годов XIX в. начинает развиваться в России подлинно научное изучение Древнего Востока в целом и Египта в частности. При этом следует иметь в виду специфические особенности науки о Древнем Востоке, ее отдельных дисциплин (египтологии, ассириологии и др.), в отличие от науки о древней Греции и Риме. Эти особенности заключаются, во-первых, в том, что письменные источники народов Древнего Востока написаны на мертвых языках, а изучение письменности началось лишь в XIX в., и если в центре внимания ученых при чтении текстов до сих пор еще находятся важнейшие проблемы палеографии, грамматики, синтаксиса и лексики этих языков, то во второй половине XIX в. разработка этих вопросов была насущной необходимостью, оттеснившей на задний план другие проблемы. Поэтому исследование особенностей письма и языка древневосточных народов играло доминирующую роль в изучении Древнего Востока.

⁹ D. E f i m o v. Brevi cenni sull' architettura egiziana. Roma, 1833.

¹⁰ А. С. Н о р о в. Путешествие по Египту и Нубии, в 1833—1835 гг., служащее введением к путешествию по Св. Земле, ч. 1—2, СПб., 1853.

¹¹ А. Р а ф а л о в и ч. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.

Во-вторых, от Древнего Востока сохранилось гораздо меньше источников общеисторического содержания, чем от народов античности. До уровня таких явлений, как исторические труды Геродота, Фукидида, Тита Ливия, Тацита и других, древневосточные культуры не поднялись. Установление преемственности исторических фактов возможно лишь на основании сравнительно немногочисленных фрагментов летописей и огромного количества надписей царей, вельмож, жрецов и тому подобных лиц, повествующих о своих деяниях. Но для точной и исчерпывающей интерпретации необходимы кропотливые и трудоемкие филологические изыскания. В-третьих, источники по истории Древнего Востока — это главным образом источники культурно-исторические, в том числе масса памятников религиозной письменности. Поэтому изучение Древнего Востока в гораздо большей степени развивалось в филологическом и археологическом плане, чем в чисто историческом.

Во второй половине XIX в. перед всеми исследователями Древнего Востока стояла основная задача собирания памятников, их публикации, перевода и интерпретации.

Русская наука о Древнем Востоке сразу же стала на этот верный путь и в ряде ценных работ в этой области внесла значительный вклад в сокровищницу мировой науки.

Первым по времени египтологом в России был О. Э. Лемм, хранитель Азиатского Музея Академии наук. Окончив курс Александровского лицея, он изучал египтологию у Г. Эберса и Р. Лепсиуса и первый открыл курс египтологии в России (в 1887 г. в Петербургском университете). В области египтологии Лемм зарекомендовал себя первым изданием египетского текста, содержащего ритуал службы богу Аммону¹², исследованием этого текста¹³ и составлением хрестоматии для изучения египетского языка¹⁴ для студентов Петербургского университета. Лемм известен в науке изданиями, переводами и комментариями коптских текстов, особенно работой¹⁵ «Alexanderroman bei den Kopten». В этом труде Лемм воспроизвел коптский текст в оригинале, дал его перевод и комментарии, сделав доступным для науки одно из немногочисленных произведений коптской нерелигиозной литературы. Помимо этого труда, перу Лемма принадлежит ряд публикаций и перевод коптских текстов, вполне отвечавших требованиям науки того времени. Его публикации и исследования до сих пор не потеряли своего значения.

¹² O. L e m m. Das Ritualbuch des Ammondienstes. Leipzig, 1822.

¹³ O. L e m m. Studien zum Ritualbuch des Ammondienstes. Leipzig, 1882

¹⁴ O. L e m m. Aegyptische Lesestücke. Leipzig, 1883.

¹⁵ O. L e m m. Alexanderroman bei den Kopten. СПб., 1903.

Одним из пионеров египтологии в России был выдающийся русский ученый Владимир Семенович Голенищев (1856—1947). Он окончил факультет восточных языков Петербургского университета под руководством В. Р. Розена и Д. А. Хвольсона, получил солидные знания в области семитологии и арабистики. Египтологическим образованием он обязан самому себе. По словам Тураева, «в лице его мы находим редкое сочетание счастливого собирателя и первоклассного специалиста»¹⁶. Во время своих многократных поездок по странам Востока, особенно в долину Нила, Голенищев собрал первоклассную коллекцию египетских и других древностей (свыше 6 тыс. предметов). В долине Нила он побывал в редко посещаемых и труднодоступных местах — в Уади-Хаммамат, Беренике и т. д. Голенищев посетил Египет с научными целями свыше шестидесяти раз. В результате этих путешествий, а также благодаря знанию арабского языка Голенищев стал исключительным знатоком древнего и современного Египта и бесчисленных памятников страны. В 1909 г. его коллекция, собранная в течение десятилетий, была приобретена русским правительством, а с 1912 г. стала доступна для изучения в Московском музее им. А. С. Пушкина. В состав этой коллекции входят вещественные и письменные памятники древнего Египта, Вавилона, Ассирии, хеттов, персов и т. д. Особенно ценна египетская коллекция, содержащая памятники от неолита до времени ислама включительно, некоторые из которых известны всему миру и имеют первостепенное научное значение.

Собранная им превосходная коллекция восточных древностей — далеко не единственный его вклад в науку. Голенищев был первоклассным знатоком древне-египетского языка. Он не только прекрасно переводил и комментировал труднейшие египетские тексты, но и обобщал свои наблюдения в специальных работах по египетскому языку. Лестную оценку его научной деятельности дал Гардинер в 1914 г.: «Никто из ныне живущих египтологов не сделал большего вклада в наши скудные познания о древнеегипетской литературе, чем В. Голенищев из Эрмитажа в С.-Петербурге»¹⁷.

Голенищев открыл папирус со сказкой о потерпевшем кораблекрушении (папирус № 1115 Эрмитажа), папирус с повествованием Ун-Амуна (Музей им. А. С. Пушкина), издал в иератическом подлиннике и в иероглифической транскрипции папирусы № 1116 А и № 1116 В из собрания Эрмитажа, имеющие первостепенное культурно-историческое значение, и сделал

¹⁶ Б. А. Тураев. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. «Труды комиссии по истории знаний», № 3. Л., 1927, стр. 10—11.

¹⁷ H. Gardiner. New literary works from ancient Egypt. „The Journal of Egyptian Archeology”, vol. I, p. I, 1914, p. 20.

их достоянием ученых всего мира. Вместе с Б. А. Тураевым Голенищев издавал и исследовал памятники Музея им. А. С. Пушкина. Будучи первоклассным палеографом, Голенищев опубликовал том иератических папирусов Каирского музея (в серии томов каталога этого музея), а также издал, перевел и прокомментировал множество важных и ценных египетских текстов. Голенищева отлично знали и высоко ценили в Египте, где он, кстати, основал кафедру египтологии при Каирском университете.

Первоклассный египтолог с мировой известностью, Голенищев был весьма компетентным специалистом в смежных дисциплинах. Он является основоположником русской ассириологии. Впервые опубликовав в России ассирийские памятники, Голенищев, в частности, ввел в научный обиход староассирийские, так называемые «каппадокийские», клинописные тексты. В ассириологии проявились и филологические интересы Голенищева: его перу принадлежит единственный на русском языке «Опыт графического расположения ассирийского словаря» (СПб., 1888)¹⁸.

В 1881—1882 гг. по Египту путешествовал известный историк искусства А. В. Прахов, вывезший оттуда коллекцию египетских памятников, хранящихся в Музее им. А. С. Пушкина, и получивший докторскую степень за работу о древнеегипетской архитектуре: «Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта». Это первый на русском языке обобщающий труд по египетской архитектуре. Основной его вывод о том, что формы древнеегипетского зодчества в камне происходят от деревянных форм древнейших прототипов и что прообразом египетских архитектурных форм был жилой дом, считает правильным большинство историков египетского искусства и в наше время.

Известных успехов достигло русское востоковедение и в области ассириологии, семитологии и иранистики.

Михаил Васильевич Никольский (1848—1917)¹⁹, крупнейший ассириолог России, занимался педагогической работой в Московском университете и Московской Духовной Академии. Его заслуги весьма значительны: он опубликовал и исследовал большое количество документов хозяйственной отчетности древнего Двуречья²⁰. Никольскому принадлежит честь очень

¹⁸ О В. С. Голенищеве как о ассириологе см. И. М. Дьяконов. Изучение клинописи в СССР за 30 лет. ВДИ, 1947, № 3, стр. 42.

¹⁹ О нем см. Б. А. Тураев. Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского. М., 1915.

²⁰ М. В. Никольский. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, ч. 1. «Древности восточные», т. 3, вып. II. СПб.

важного открытия в истории клинописи — он первый доказал, что клинопись произошла от письма, имевшего первоначально иероглифический характер.

Никольский первый в России серьезно занялся урартийскими клинописными текстами. В 1893 г. вместе с профессором А. Ивановским он отправился в экспедицию, организованную Московским Археологическим обществом, в Армению с целью собирания там клинообразных текстов. Результаты ее Никольский опубликовал в большом труде, содержащем полное собрание всех известных в то время клинообразных надписей, найденных в Закавказье, с переводом и комментариями²¹.

Изучением урартийских клинообразных текстов Закавказья после смерти Никольского занимался акад. Н. Я. Марр: объектом его исследований стали надписи, привезенные из Закавказья командированным туда в 1912 г. И. А. Орбели. Во время первой мировой войны, когда русские войска заняли турецкую Армению, туда была направлена археологическая экспедиция, возглавляемая Н. Я. Марром и И. А. Орбели, обнаружившая ряд новых надписей.

В области семитологии русская наука была представлена трудами Д. А. Хвольсона, А. Я. Гаркави, М. А. Соловейчика, А. Е. Крымского и акад. П. К. Коковцева. Д. А. Хвольсон, занимавший с 1854 г. кафедру древнееврейского языка Петербургского университета, исследовал историю ветхозаветного текста и написал ряд исследований в этой области. А. Я. Гаркави, занимавшийся различными периодами истории и литературы евреев, является автором около 400 печатных работ. Перу М. А. Соловейчика принадлежит ряд трудов, в том числе «Исследование о надписи Меша»²², где приведена полная библиография вопроса. А. Е. Крымский является автором «Старинной истории южной Аравии от древневавилонских времен до подчинения Мохаммеду»²³; он же перевел на русский язык, доработал и дополнил труд известного немецкого семитолога Нельдтке «Семитские языки и народы»²⁴.

1908; ч. II. Там же, т. 5. М., 1915. Это монументальное издание до сих пор сохраняет свое значение для науки. Здесь в основном опубликованы документы из богатейшей частной коллекции Н. П. Лихачева.

²¹ М. В. Никольский. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского Археологического Общества, вып. V. Клинообразные надписи Закавказья.

²² М. А. Соловейчик. Исследование о надписи Меша. ЖМНП, 1900, октябрь, ноябрь.

²³ А. Е. Крымский. Старинная история южной Аравии от древневавилонских времен до подчинения Мохаммеду. «Древности Востока», IV, 1913.

²⁴ Нельдтке. Семитские языки и народы. Перевод А. Е. Крымского «Труды по Востоковедению Лазаревского Института иностранных языков». М., 1912—1914.

Крупное место в русской семитологии занял П. К. Коковцев, ученик Д. А. Хвольсона, знаток древнееврейского языка и литературы; из его работ следует упомянуть: «Древнеарамейские надписи из Нираба» (1899); «Новые арамейские надписи из Пальмиры» (1903), «Nouveaux Fragments Syro-palestiniens de la Bibliothèque Imp. Publique de Saint-Petersbourg» (1906); «К пальмирской археологии и эпиграфике» (1906) и др. Ценность всем этим трудам придает то, что публикации сопровождаются образцовым филологическим исследованием текстов.

Когда в 1913 г. в Киеве в суде слушалось знаменитое черносотенное «дело Бейлиса», обвинявшегося в ритуальном убийстве мальчика Андрея Ющинского, акад. П. К. Коковцев выступил экспертом защиты: опираясь на свою исключительную эрудицию в области древнееврейских текстов, он полностью отверг абсурдное и гнусное обвинение в ритуальном убийстве, выдвинутое против Бейлиса, показав, что в действительности у евреев никогда ничего подобного не было и что легенда о ритуальных убийствах является вымыслом черносотенцев.

Наряду с названными учеными по разным проблемам семитской филологии, археологии и гебраистики писали Абамалек-Лазарев, Л. Кацнельсон, И. А. Перферкович, А. А. Пясецкий и др.

Переходя к иранистике, отметим имена акад. К. Г. Залемана, автора «Истории древнеперсидской литературы» во «Всеобщей истории литературы», под редакцией Корша и выдающегося санскритолога проф. К. А. Коссовича: последний написал исследование о четырех статьях Зендавесты с переводом и комментарием, исследовал ряд других отрывков Зендавесты и, наконец, опубликовал роскошное издание персидских клинообразных текстов.

Таким образом, изучение истории древнего Востока русскими учеными во второй половине XIX в. внесло весьма значительный вклад в историческую науку.

II

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Во второй половине XIX в. буржуазная античная историография в России имела значительные достижения. Преподавание древней истории в университетах из года в год расширялось. Кроме общих лекционных курсов и практических занятий, вводились такие дисциплины, как греческая и римская эпиграфика, специальные курсы по различным разделам греко-римской истории, все больше привлекался документальный материал. Многие труды античных писателей впервые вышли

на русском языке. Значительно шире велись археологические раскопки в районах Северного Причерноморья, связанных в прошлом с греко-римской культурой. Создавались новые музеи, а существовавшие ранее пополнялись новыми историческими источниками: надписями, папирусами и другими материалами, а также памятниками материальной культуры. Расширение источниковедческой базы дало историкам античности новые возможности вести плодотворные исследования и совершенствовать методы исторического исследования.

Русские буржуазно-дворянские историки античности второй половины XIX в. состояли преимущественно из людей консервативных взглядов, были проводниками классицизма в народном образовании; они занимали зачастую высокие академические посты или были крупными чиновниками в министерстве народного просвещения. Они обычно выступали представителями официальной государственности и в своей педагогической, научной, общественной и административной деятельности отстаивали реакционную политику самодержавного правительства. В вопросах историко-теоретических и философских представители этого направления, как правило, стремились показать гармонию интересов общества и государства. Не чуждые интереса к социально-экономической истории и социальным движениям, они выступали сторонниками государства как носителя социальной дисциплины. Характерной чертой этого направления был уход в частные исследования, в изучение источников и отрицательное отношение к научным обобщениям (в особенности школа Ф. Ф. Соколова).

Научные интересы историков либеральной школы, взгляды которых далеко не во всем совпадали с официальным направлением и которые иногда вызывали недовольство царской администрации, сосредоточивались главным образом на противопоставлении общества и государства.

Но для обоих направлений в той или иной мере был характерен интерес к истории общины и аграрных отношений в греко-римском мире. В этом нельзя не видеть влияния русских социально-экономических и политических условий, выдвинувших эти проблемы на первый план.

§ 1. Изучение истории древней Греции

Большое место древняя история Греции занимала в деятельности ученых Петербургского университета. Изучением истории Греции начал свою научную деятельность Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899), один из самых крупных исследователей в области византиноведения в мировой

исторической литературе²⁵. Степень магистра он получил за работу «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка» (1869). Бесспорной заслугой автора является то, что он обратился к исследованию мало изученной не только в русской, но и во всей западной литературе области социальных движений в Греции эпохи эллинизма. Это стояло в связи с общим интересом русских историков к социальным вопросам в период «великих реформ». Своей книгой Васильевский стремился подчеркнуть значение реформ сверху. Как известно, интерес к социальным проблемам был характерен для Васильевского в течение всей его жизни. Магистерская диссертация Васильевского, построенная на документальном материале, значительно продвигала вперед изучение Греции эпохи Агиса и Клеомена. Слабыми сторонами книги являются попытки Васильевского объяснить аграрные реформы в Греции влиянием политических и философских учений, а также стремление автора видеть в аграрных движениях Греции аналогию с аграрными движениями не только в Риме, но и в эпоху капитализма.

В Петербургском университете курсы древней истории читались большей частью профессорами кафедры классической филологии. Одним из выдающихся исследователей античности был ученик М. С. Куторги Федор Федорович Соколов (1841—1909), являвшийся также крупным педагогом. Он впервые ввел в учебные планы греческую эпиграфику и подготовил из числа своих учеников большую группу эпиграфистов. На его научные взгляды известное влияние оказало распространявшееся тогда в Западной Европе и России неокантианство. Он исходил из того, что «историческое знание есть более или менее отдаленное приближение к истине»²⁶, которая, однако, остается за пределами человеческого познания, ибо «...точного значения исторических фактов невозможно иметь, а наше знание, как бы оно ни было точно, будет только некоторым приближением к тому, что действительно произошло»²⁷. Поэтому основной задачей историка является изложение фактов, которые взяты «в связи со всеми предшествующими и последующими событиями»²⁸. Описание индивидуальных исторических фактов в возможно больших количествах является девизом Соколова. Эта мысль им предельно ясно выражена в актовой речи 1886 г.: «Всякое

²⁵ Общую характеристику деятельности В. Г. Васильевского см. в разделе «Византиноведение».

²⁶ Ф. Ф. Соколов. Третье столетие до Р. Хр. ЖМНП, 1886, июль, стр. 3.

²⁷ Ф. Ф. Соколов. История древней Греции, 1880—1881 учебного года, гектографированный курс лекций, изд. Д. Сперанского, стр. 5.

²⁸ Там же.

сокращение исторических фактов в изложении вредит ясности и верности образа; исторические факты не могут быть сокращены, сведены в какие бы то ни было общие положения без ущерба для исторической верности»²⁹. Такое понимание задачи исторической науки привело исследователя к прямому отрицанию научных обобщений.

Из числа его научных работ и учебных пособий следует прежде всего отметить объемистый (свыше тысячи страниц) гектографированный курс лекций по истории древней Греции³⁰. Изложение начинается с эпохи Гомера и завершается первой половиной IV в. до н. э.— битвой при Мантинее. Лекционный курс Соколова выходит далеко за пределы обычного учебного курса, читаемого в университетской аудитории. Это большое монографическое исследование с многочисленными выписками из трудов различных древнегреческих авторов, которые сопоставляются, анализируются и по которым автор сообщает мнение западноевропейских историков, нередко высказывая и свое собственное суждение. Богатство собранного и систематизированного материала превращает труд Соколова в добротное справочное издание.

В своем курсе Соколов рассматривает греков как первых представителей европейских народов, которые еще в раннем периоде своей истории выработали понятие свободы. Но свободой пользовались не все: «до признания равенства всех жителей древняя жизнь не дошла»³¹, потому что помехой общему равенству было существовавшее у древних греков рабство, «противное природе человека» и находившееся, по мнению Соколова, в неразрешимом противоречии с афинской демократией.

В освещении ранней греческой истории Соколов выступает против крайних гиперкритиков, отрицающих возможность изучения древнейшего периода истории Греции из-за якобы полного отсутствия достоверных источников. Соколов начинает свой курс не с V в., как это делали многие современные ему историки за рубежом, а с гомеровской Греции, тщательно, с большой осторожностью анализируя источники, главным образом литературные.

Разбирая обстоятельно «гомеровский вопрос», Соколов выступает против воззрений Вольфа, утверждавшего, что гомеровские произведения созданы народом. Соколов присоединяется к точке зрения унитариев. «Мы должны признать,—

²⁹ Ф. Ф. Соколов. Третье столетие до Р. Хр., стр. 3.

³⁰ Ф. Ф. Соколов. История древней Греции. В основу книги были положены записки Соколова по курсу 1878—1879 учебного года с внесенными изменениями и дополнениями в соответствии с программами 1880—1881 учебного года.

³¹ Там же, стр. 4.

пишет он,— что обе поэмы созданы одним автором на одном языке»³². В его доказательствах имеется много интересных мыслей и догадок, не потерявших научной ценности и в наши дни.

В оценке отдельных сторон гомеровского общества он также проявляет чрезвычайную осторожность. Так, он не соглашается со Шлиманом, который считал, что нашел гомеровскую Трои, отрицает самый факт Троянской войны, отрицает достоверность многих героев гомеровских поэм и т. д.

В 1865 г. Соколов защитил магистерскую диссертацию «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии». Под древнейшем периодом истории Сицилии Соколов понимал эпоху до прихода к власти тирана Клеандра в Геле (до 505 года до н. э.). Автор провел огромную источниковедческую работу, пересмотрел всю современную ему литературу по интересующему его вопросу, сделал много ценных наблюдений по выяснению фактов древнейшей истории Сицилии.

Истории Греции крайне слабо изученного III в. до н. э. посвящены его большие статьи — «Третье столетие до Р. Хр.» (1886), «В области древней истории» (1897—1907), основанные на эпиграфическом материале. Исследованиями по истории Греции автор продолжал традиции своего учителя М. С. Куторги.

Ф. Ф. Соколов явился основоположником целой школы исследователей античного мира (В. В. Латышев, Н. И. Новосадский, А. В. Никитский, В. К. Ернштед, С. А. Жебелев и др.). Сильной стороной этой школы была тщательность в исследовании источника, привлечение данных вспомогательных и смежных дисциплин, в частности эпиграфики и археологии; ее слабую сторону составляло «фактопоклонничество», отсутствие постановки общих вопросов.

Наиболее крупным исследователем из учеников Ф. Ф. Соколова был Василий Васильевич Латышев (1855—1921). Окончив Петербургский историко-филологический институт, Латышев работал преподавателем в Виленской гимназии, а затем был послан в научную командировку в Грецию для изучения эпиграфических памятников (1880—1882). Вернувшись из командировки, он преподавал в историко-филологическом институте, одновременно будучи приват-доцентом Петербургского университета.

Будучи преподавателем гимназии в Вильно, Латышев приступил к изданию пособия «Очерк греческих древностей»³³

³² Ф. Ф. Соколов. История древней Греции, стр. 22.

³³ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. I—II. Вильно, 1880—1889.

для гимназистов старших классов и начинающих филологов.

В предисловии, написанном с буржуазно-либеральных позиций, Латышев выступает против голого классицизма в изучении произведений древних авторов исключительно ради грамматических целей и энергично отстаивает прогрессивные принципы организации школьного образования³⁴.

Основной научной заслугой Латышева было собирание и изучение античных надписей. Эта работа развернулась еще в период заграничной командировки, когда он с исключительной энергией разыскивал надписи во многих районах Греции и на островах. Результаты его исследований нашли отражение во многих статьях на русском и иностранных языках, а также в магистерской диссертации «О некоторых эолических и дорических календарях»³⁵.

Собирание и обработка греческих памятников материальной культуры, проведенные в предшествующие годы, расширили круг документальных источников для более основательного изучения районов Причерноморья, чему Латышев посвятил много лет напряженного труда.

Внимание Латышева в первую очередь было привлечено к истории крупнейших причерноморских греческих колоний: Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства. В 1887 г. им была защищена докторская диссертация, в которой освещалась политическая история Ольвии, содержалась характеристика ее государственного строя, прослеживались ее связи с местными народами³⁶.

Затем последовали работы, излагающие историю Херсонеса и Боспора. «Гражданская присяга в Понтике херсонисцев» (1892), обработанная и опубликованная Латышевым, открывала новую страницу в изучении истории этой колонии: он определил границы государства в конце IV и начале III в., а также высказал ряд ценных суждений о религии херсонисцев. В его «Кратком очерке истории Боспорского царства»³⁷ (1892) освещаются вопросы топографии и политическая история Боспора. Большое число статей Латышева посвящено также эпиграфике и этнографии Причерноморья.

Русское археологическое общество поручило Латышеву со-

³⁴ В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. I, стр. 3—5.

³⁵ В. В. Латышев. О некоторых эолических и дорических календарях. СПб., 1883.

³⁶ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887.

³⁷ В. В. Латышев. Краткий очерк истории Боспорского царства. «Известия таврической учебной архивной комиссии», № 17. Симферополь, 1892.

брать и издать греко-латинские надписи юга России³⁸. В результате огромной работы им были изданы два тома, содержащие 245 надписей³⁹. В 1901 г. был издан дополнительный IV том, включавший надписи, открытые после опубликования первого и второго томов⁴⁰. Для своего времени изданные надписи по методам обработки считались образцовыми, и автор завоевал широкую известность в России и за границей. Этот труд и до настоящего времени сохраняет значение первоклассного сборника надписей.

Перед русскими историками античности в последнем десятилетии XIX в. стояла задача продолжения ранее начатых работ по собиранию известий о скифах из трудов античных писателей. Организацию всей этой работы возглавил В. В. Латышев. Для претворения в жизнь задуманного плана были приглашены соответствующие специалисты филологии — классики, которые помогали подбирать, переводить и комментировать материалы. От научного качества и точности истолкования собранных материалов зависел в значительной мере успех решения сложнейшей проблемы о скифах.

«Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (*Scythica et Caucasia*)» были изданы в двух томах, которые состояли из нескольких частей. Первый том «Известий», включающий в себя греческих авторов, был издан в 1893 г., второй том, состоящий из сообщений латинских писателей, был издан в 1904 г. В эти тома вошли свидетельства авторов до VI в. н. э. включительно. Для изучения древнейшей истории южных районов России данный труд представлял исключительную ценность, несмотря на имеющиеся в нем недостатки. Вся дальнейшая разработка истории скифов, всей дославянской и раннеславянской культуры стала опираться теперь на свод Латышева. В мировой историографии преобладающее влияние русской исторической науки в разработке античной истории Северного Причерноморья стало бесспорным.

Одним из старших учеников Соколова был Александр Васильевич Никитский (1859—1921) — крупный специалист в области греческих надписей, особенно дельфийских, этолий-

³⁸ Для выполнения этого поручения Латышев обработал надписи, хранящиеся в центральных коллекциях; посещая музеи причерноморских городов, он тщательно изучил имевшийся в них эпиграфический материал, значительную часть которого перевел на русский язык.

³⁹ «*Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*», т. I. Надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса, Неаполиса и Ай-Тодора. СПб., 1885; т. II. Надписи Боспорского царства. СПб., 1890. Об этом издании см. также в главе «Археология».

⁴⁰ Второе издание вышло в Петербурге в 1916 г.; в I том был включен материал IV тома и сделаны дополнения. Керамические и прочие надписи предполагалось поместить в III томе, но они не были изданы.

ских и западнолокридских. В 1895 г. он защитил магистерскую диссертацию «Дельфийские эпиграфические этюды». Никитский использовал дельфийские надписи для решения некоторых сложных проблем истории древнегреческого права и международных отношений античности. Многие попытки А. В. Никитского восстановить утраченный текст греческих надписей представляют большой интерес.

В числе учеников Соколова был и Николай Иванович Новосадский (1859—1941). В 1883 г. он окончил Петербургский историко-филологический институт по отделению классической филологии; во время научной командировки в Грецию (1884—1886) изучал эпиграфические документы и религиозные древности; в 1887 г. защитил магистерскую диссертацию «Элевсинские мистерии». В 1891 г. в Варшаве им была опубликована книга «Культе Кавиров в древней Греции», где широко использовались новые документальные материалы. Впоследствии Новосадский создал курс «Греческая эпиграфика», долгие годы бывший основным руководством в этой области⁴¹.

Таковы наиболее значительные представители того направления, которое не выходило за рамки официальных политических и научных взглядов тогдашней России. Но рядом с ними выступали и ученые-либералы, взгляды которых не во всем совпадали с официальными.

Колоритной фигурой в античной историографии является Федор Герасимович Мищенко (1848—1906), начавший свою деятельность в Киевском университете. Первые научные работы Мищенко были посвящены исследованию аттической трагедии. В 1872 г. вышла в свет «Фиванская трилогия Софокла», затем Мищенко защитил магистерскую диссертацию «Отношение трагедии Софокла к современной поэту действительной жизни в Афинах» (1874); в 1881 г. он защитил докторскую диссертацию «Опыт по истории рационализма в древней Греции. Рационализм Фукидида в истории Пелопонесской войны» (ч. I).

В 1884 г. Мищенко за резкие, неугодные правительству публицистические статьи был лишен кафедры в Киеве и смог вернуться к педагогической работе (в качестве профессора Казанского университета) только в 1889 г. Во время своей вынужденной отставки Мищенко занимался переводами греческих историков на русский язык, чем способствовал знакомству русских читателей с культурным наследием древних греков. Он сделал переводы «Географии» Страбона (17 книг, 1879), «Истории» Геродота (два тома, 1885—1886), «Истории» Фукидида (два тома 1887—1888), «Всеобщей истории» Полибия (три тома, 1890—1899) и др. Каждый перевод был снабжен

⁴¹ Н. И. Новосадский. Греческая эпиграфика. М., 1909.

необходимыми примечаниями и вступительными статьями, а перевод Фукидида — большим послесловием. Очерк об Этолийском и Ахейском союзах был приложен к переводу Полибия. Кроме переводов, у Мищенко имеется большое число филологических и исторических работ, представляющих большую историческую ценность⁴². В этих работах Мищенко решительно выступал против гиперкритики, распространенной в западной историографии по отношению к известиям греческих авторов (как это делал Модестов по отношению к свидетельствам римских писателей).

Заслугой Мищенко явилось его стремление показать роль народных масс в политической жизни государства и в создании богатой греческой культуры. Это ему удавалось делать благодаря тщательному изучению общественно-политической жизни греческой общины. Мищенко в этом отношении является характерным представителем русских либеральных историков, проявлявших особый интерес к общине, что было, несомненно, навеяно судьбами русской крестьянской общины.

В большой работе «Федеративная Эллада и Полибий» (1890) Мищенко показал, как внутренняя жизнь общины-государства была подчинена борьбе с внешними силами за сохранение независимого существования. По мнению Мищенко, оформившиеся федерации этолий и ахей явились результатом проявления общего стремления к самозащите от внешних врагов общин Эллады. В настойчивом подчеркивании федерального начала нельзя не видеть влияния идей украинского буржуазного национализма, к которому одно время примыкал Мищенко, состоявший членом киевской «Громады». Мищенко считал, что именно греческая община обеспечила пышный расцвет эллинской культуры, обогатившей своими достижениями цивилизацию всех последующих эпох. В общине он прежде всего видел начало народовластия. Говоря об Афинах, Мищенко доказывал, что широкое участие равноправного народа в государственной жизни обеспечило жизненность афинской демократии, которая стояла неизмеримо выше любого аристократического правления. Он доказывал, что деспотическая власть, отстраняющая народные массы от активного участия в решении общественных и государственных задач, не обеспечила бы такого военно-политического превосходства греков над соседними народами. В ре-

⁴² Ф. Г. Мищенко. Историко-литературное значение комедии Аристофана «Облака». Киев, 1872; его же. Греция под римским владычеством, 1877; его же. Торговые сношения афинской республики с Боспором, 1877; его же. О причинах политического упадка древней Греции, 1879; его же. Доисторическая Греция, 1878; его же. Легенды о царских скифах у Геродота, 1886; его же. Не в меру строгий суд над Геродотом. 1886; его же. Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения, 1893 и другие.

цензии на «Историю греческой литературы» В. Ф. Корша Мищенко ставит развитие греческой культуры в прямую связь с ролью народа: «Если художественная деятельность проявилась у древних греков с небывалою и в другой стране и в другой исторический период силою..., то это являлось следствием того политического строя, при котором на исторической арене деятельную роль играл народ, а не одно отборное меньшинство»⁴³.

Это положение, однако, сочетается у Мищенко с идеалистическим тезисом о том, что степень участия народа в политической жизни определяется умственной одаренностью этого народа. Именно поэтому, как он считает, греки оказались народом «историческим», сыгравшим большую роль в мировой истории. В частности, «в труде Геродота отразились ярко и в изобилии те свойства эллинского ума и характера, благодаря которым древняя Эллада сделалась на многие века наставницей человечества как в области искусства и науки, так и в сфере общественных и политических отношений»⁴⁴. При этом под народными массами он понимает только низы свободного населения, игнорируя рабов. Признавая рабство в городских общинах, Мищенко усматривает в нем не причину классово-борьбы между рабами и рабовладельцами, а повод к внутренней борьбе между самими свободными.

Проблемы истории афинской демократии разбирались и в других трудах русских ученых. Профессор Киевского университета П. И. Аландский⁴⁵ в лекциях по истории Греции, которые он читал в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. (изданы после его смерти в 1885 г. и в настоящее время совершенно устарели), характеризовал афинскую демократию как «наиболее совершенную форму общинного быта древних греков, представляющую собой наиболее полное выражение того идеала общежития, который сложился в уме эллинов».

Наиболее выдающимися общими трудами по истории Греции в классическую эпоху были работы профессора Харьковского университета Владислава Петровича Бузескула (1858—1931)⁴⁶. В течение всей своей жизни большое внимание Бузескул уделял изучению истории афинской демократии. Уже в 1889 г. в своем первом большом труде — магистерской диссертации, посвященной Периклу⁴⁷, — Бузескул, характеризуя раз-

⁴³ Ф. Г. Мищенко. Новейшие курсы истории греческой литературы Корша. «Университетские известия». Киев, 1883, апрель, стр. 96.

⁴⁴ Ф. Г. Мищенко. Геродот, место его в истории древнеэллиноской образованности. М., 1885, стр. III.

⁴⁵ П. И. Аландский. История Греции. Киев, 1885.

⁴⁶ Характеристика взглядов В. А. Бузескула принадлежит Н. А. Машкину.

⁴⁷ В. П. Бузескул. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889.

личные стороны истории Афин V в. до н. э. и подробно останавливаясь на роли Перикла, подчеркивал, что «перемены в афинском государственном строе вызывались самою силою вещей, являлись результатом не прихоти или честолюбия отдельных лиц, а известного исторического процесса»⁴⁸. В своем капитальном труде, не утратившем своего значения до нашего времени, В. П. Бузескул решительно возражает против отрицательной оценки деятельности Перикла и афинской демократии, характерной для некоторых зарубежных буржуазных историков того времени. Специальный экскурс был, например, посвящен критическому разбору реакционных взглядов венгерского ученого Дьюлы Шварца, который называл «предрассудком» преклонение перед афинской демократией — «деспотической» и «подкупной», «подавлявшей индивидуальность» и «препятствовавшей развитию личности»⁴⁹.

В противовес взглядам Д. Шварца, являвшимся определенным симптомом поворота буржуазной историографии в сторону реакции, В. П. Бузескул подчеркивает прогрессивный характер афинской демократии, отмечает роль афинских политических порядков в развитии греческой культуры. Он критикует и реакционные построения немецкого ученого Макса Дункера⁵⁰, воинствующего противника демократии и ярого сторонника политики «железа и крови», который изображал Афины как сильное государство, сумевшее путем побед подчинить своему влиянию другие города-государства. Характеристики политических деятелей у Дункера были крайне субъективными. Так, преклоняясь перед Бисмарком, он нарисовал апологетический образ Фемистокла — «основателя могущества Аттики, прозорливейшего и энергичнейшего из всех эллинов»; Перикла же он фактически считает бездарным политическим деятелем, а его реформы объявляет вредными для могущества Афин⁵¹. В. П. Бузескул, наоборот, отстаивает справедливость оценок Перикла и афинского строя, которые были даны еще Фукидидом. Перикл, по Бузескулу, «был достойным завершителем дела Солона, Клисфена и Фемистокла»⁵².

⁴⁸ Там же, стр. 80.

⁴⁹ J. Schwarz. Die Demokratie, Bd. I. Leipzig, 1884.

⁵⁰ M. Dünker. Geschichte des Alterthums. Neue Folge, Bd. I—II. Leipzig, 1884—1886.

⁵¹ Тогда же близкие к этому взгляды на роль Перикла были высказаны немецкими буржуазными учеными Ю. Белохом (J. Beloch. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884), Пфлуг-Гартунгом (Pflugk-Harttung. Perikles als Feldherr. Stuttgart. (1884) и русским реакционным историком греческой философии А. Н. Гиляровым (А. Гиляров. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. М., 1888.

⁵² В. П. Бузескул. Перикл, стр. 399.

Через четыре года после опубликования «Афинской политики» Аристотеля, вызвавшего обширную литературу, В. П. Бузескул издал докторскую диссертацию, посвященную этому знаменитому памятнику⁵³. Он тщательно разобрал источник, выделив то новое, что дает «Афинская политика» для истории Афин. Труд Бузескула, подводящий итог разработки вопроса об «Афинской политике» Аристотеля к середине 90-х годов, занимает видное место в историографии.

Неоднократно возвращаясь к проблемам истории афинской демократии, В. П. Бузескул явно идеализировал Перикла и афинский политический строй: он считал афинскую демократию воплощением принципов свободы и равенства, не подчеркивая рабовладельческого характера греческого хозяйства, не раскрывая классовой сущности афинской демократии как демократии рабовладельческой.

§ 2. Изучение истории Рима⁵⁴

12 (24 января) 1861 г., в «Татьянин день», традиционный праздник Московского университета, профессор римской словесности и древностей Павел Михайлович Леонтьев (1822—1874) произнес речь «О судьбе земледельческих классов в древнем Риме»⁵⁵. Политические взгляды П. М. Леонтьева, друга и единомышленника М. Н. Каткова, эволюционировали от умеренного либерализма к откровенному монархизму и шовинизму. В дальнейшем Леонтьев стал одним из идеологов крайнего реакционного течения «нового славянофильства». Он являлся ближайшим сотрудником М. Н. Каткова по изданию газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» — рупоров реакции, выступал ревностным сторонником классического образования, видя в изучении древних авторов спасение от «язвы материализма». Он ясно видел связь истории с жизнью. «Скромный и трезвый университетский праздник,— говорил он,— обяывает очередного университетского оратора искать в области своей науки такой темы, которая находится в ближайшей связи с текущими задачами общественной жиз-

⁵³ В. П. Бузескул. Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895.

⁵⁴ В основу настоящего раздела положены рукописи Н. А. Машкина «Изучение древнего Рима в России и СССР», «Изучение античности в России» и материалы из других его рукописных и печатных работ. Раздел подготовлен к печати, отредактирован и частично дополнен М. Н. Машкиным.

⁵⁵ П. М. Леонтьев. О судьбе земледельческих классов в древнем Риме. «Русский вестник», 1861, т. 31, № 1.

ни»⁵⁶. «Реформа крестьянского быта... составляет ныне предмет разнообразных забот, затрагивающих сердце и душу каждого русского. Университетская наука не может оставаться чуждою этим заботам»⁵⁷. Леонтьев кратко рассказал об аграрном строе ранних римских поселений, о борьбе за земельные законы в эпоху ранней Республики, разорении крестьянства, положении сельского хозяйства в конце Республики и начале Империи; особое внимание он обратил на колонат. Это был первый русский очерк истории развития колоната, не лишенный самостоятельных наблюдений. Леонтьев отдал должное господствовавшей тогда теории Савиньи, но внес в нее значительные поправки. Допуская, что известную роль могло сыграть поселение «варваров» на римской территории, он выступил против того, чтобы усматривать в колонате германский институт, перенесенный на римскую почву вместе с германскими поселениями. Одними из первых таких поселений были поселения не германцев, а лигуров, размещенных в количестве 40 тыс. человек на государственных землях в Самниуме в 572 г. от основания Рима⁵⁸. Злоупотребляя аналогиями из русской истории, Леонтьев безоговорочно называл колонов крепостными, а владельцев земли, на которой колоны сидели,— помещиками.

Работа Леонтьева была первой в ряду самостоятельных русских трудов по аграрной истории Рима, обогативших историческую науку новыми наблюдениями и обобщениями.

Кафедру всеобщей истории в Московском университете в течение долгого времени занимал Владимир Иванович Герье (1837—1919)⁵⁹, в начале своей деятельности умеренный либерал, перешедший постепенно на позиции реакции.

Диссертации Герье посвящены были проблемам новой истории, но в своей преподавательской деятельности он уделял много внимания и истории древнего Рима. По его «Лекциям по римской истории», оставшимся в литографированном виде, училось не одно поколение русских студентов.

Общие положения «Лекций» мало оригинальны. Однако заслуживают внимания вводные главы, излагающие историю изучения раннего Рима. По стройности композиции и ясности выводов, по своим критическим замечаниям часть эта может быть поставлена на один уровень с соответствующими

⁵⁶ Там же, стр. 11.

⁵⁷ Там же, стр. 12.

⁵⁸ Там же, стр. 88.

⁵⁹ Характеристику взглядов В. И. Герье см. в разделе «Изучение истории нового времени».

иностранными обзорами, а в некоторых отношениях она даже превосходит их⁶⁰.

Особенно удавалось В. И. Герье освещение вопросов историографии. Основная часть его статьи «Август и установление Римской империи»⁶¹ посвящена изложению взглядов историков на установление принципата, кончая обзором «Римского государственного права» Т. Моммзена. Признав значение теории Моммзена, Герье приводит ряд серьезных возражений, отмечает противоречивость в его суждениях о том, что принципы римского государственного строя на протяжении веков оставались неизменными. В отличие от Моммзена, который ограничивался формально-юридическим определением основ императорской власти, Герье пытался установить исторические условия возникновения принципата. Не принял Герье и тезиса Моммзена о «диархии», считая власть Августа монархической. Противоречие между положением Августа как единодержавного правителя и официальным восстановлением республиканской формы Герье предлагал разрешить по аналогии с преторской фикцией, известной по римскому гражданскому праву. Фикцией, по Герье, было и восстановление республики.

Этому объяснению нельзя отказать в остроумии. Но ведь преторская фикция была ограничена определенными отношениями гражданского права. Нет данных, что фикция применялась в публично-правовых отношениях, и поэтому теория Герье не может быть принята.

В отличие от морализирующих оценок историков XVIII и первой половины XIX в., Герье, давая идеалистическую оценку деятельности Августа, считал «возможным посредством изучения личности Августа ознакомиться с силами, которые слагали историю Рима, так как в личности основателя империи отражаются, как в микрокосме, творческая способность римского народа с его идеалами и стремлениями, а также умственная и нравственная среда того общества и того века, которым принадлежал Август»⁶².

Значение В. И. Герье для изучения древней истории в России заключалось, однако, не столько в его трудах, сколько прежде всего в педагогической деятельности. Большую роль сыграли его семинарские занятия, в которых на основании тщательного изучения источников, которое было введено Герье

⁶⁰ См., например, С. Bursian. Geschichte der klassischen Philologie in Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart, Bd. I—II. München und Leipzig, 1883; A. Gudeman. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie. Leipzig und Berlin, 1909; W. Kroll. Geschichte der klassischen Philologie. Berlin und Leipzig, 1919, etc.

⁶¹ В. И. Герье. Август и установление Римской империи. «Вестник Европы», 1877, кн. 6, 7, 8.

⁶² В. И. Герье. Указ. соч., кн. 8, стр. 554.

как неотъемлемая часть университетского преподавания, студенты усваивали методы самостоятельного исторического исследования. Из школы В. И. Герье вышли буржуазные историки, работы которых приобрели впоследствии большую известность не только в России, но и за границей.

Одновременно с В. И. Герье преподавание в Московском университете вел один из его старших учеников — П. Г. Виноградов⁶³.

Истории Рима Виноградов касается в курсах по истории Римской империи и в своих работах по раннему средневековью, продолжая тем самым традицию московской школы всеобщей истории, идущую от Т. Н. Грановского.

Магистерская диссертация П. Г. Виноградова⁶⁴ посвящена тому же периоду, что и диссертация П. Н. Кудрявцева⁶⁵. Но если последний в основном обращался к внешнеполитической и культурной истории, то П. Г. Виноградов выдвинул на передний план социальные и экономические процессы в истории Римской империи. В центре внимания автора стоит вопрос о романском и германском началах в истории феодальных отношений — тот самый вопрос, который ставился еще Т. Н. Грановским во введении к курсу по истории средних веков. Виноградов привлекает ряд новых материалов, на которых основывает свои выводы.

Особенно важны его наблюдения, связанные с исследованием экономических процессов, приведших к распространению колоната, а также его положения относительно развития эфитевзиса в римском праве эпохи поздней империи. Виноградов указал на наличие прецедентов эфитевзиса в ранние периоды, проследил историю развития эфитевзиса и подчеркнул его роль в экономической жизни Италии в V и VI вв.

⁶³ Уделяя основное внимание истории средневековья, П. Г. Виноградов вел занятия и по древней истории. (См. М. А. Алпатов. Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х годов по античной истории. ВДИ, 1957, № 4). В лекциях по истории Греции (П. Г. Виноградов. История Греции. Лекции 1900—1901 гг. М., 1901) на передний план была выдвинута социально-юридическая форма развития. П. Г. Виноградову принадлежит статья об «Афинской политике» Аристотеля («Русская мысль», 1892, ноябрь), в которой он приводит ряд важных наблюдений над содержанием этого трактата, который как раз незадолго перед этим был найден. Истории Греции посвящены и некоторые другие его труды (П. Г. Виноградов. Аристотель о восстановлении права. «Гермес», 1909, № 6—7; P. Vinogradov. Outlines of Historical Jurisprudence, vol. II. The Jurisprudence of the Greek City. Oxford, 1923 и др.). Подробную характеристику взглядов Виноградова см. в разделе «Изучение истории средних веков».

⁶⁴ П. Г. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

⁶⁵ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим: М., 1850.

В трудах западноевропейских исследователей колонат изучался обычно как юридический институт или же как частное явление экономической истории. Виноградов трактовал колонат прежде всего как важнейшее социальное явление и пытался установить его связь с позднейшим процессом феодализации, подчеркивая, «что образование колоната должно было существенно подготовить процесс средневековой феодализации»⁶⁶. Этому же вопросу Виноградов коснулся в статье «Аграрный кризис Римской империи»⁶⁷ и в работе о средневековом поместье⁶⁸.

Оценивая последние успехи в изучении колонатных отношений, достигнутые благодаря найденным новым документам по истории раннего колоната, Виноградов обращает внимание на такие стороны социальной жизни Римской империи, которые не освещались другими исследователями. Он указывает на то, что нельзя всю историю колоната сводить к насильственному закреплению. В каком-то отношении колонат был выгоден и для крестьянства. Колонат, несомненно, способствовал развитию и улучшению сельскохозяйственной культуры империи в условиях того «великого кризиса, который угрожал как политическому существованию империи, так и ее экономическому базису — сельскохозяйственной культуре»⁶⁹.

Исследователи сравнительно мало обращали внимания на такой весьма распространенный тип эпиграфических документов по истории колоната, как жалобы колонов, обращенные к императору. Виноградов отметил чрезвычайно важную черту, ускользнувшую от других исследователей: «колонаты действуют и приносят жалобы целыми общинами; есть даже случаи, когда такая сельская община вступает в определенные соглашения с соседним городом, чтобы вести свое дело при императорском дворе»⁷⁰. Отсюда делается вывод, что «развитие колоната далеко не сопровождалось полным отрешением от прав со стороны свободных крестьян в пользу собственника». Виноградов склонен допустить «соединение отдельных арендных держаний в сельских обществах с определенными правовыми и хозяйственными обычаями»⁷¹. Римский колонат рассматривается в

⁶⁶ П. Г. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, стр. 73.

⁶⁷ П. Г. Виноградов. Аграрный кризис Римской империи. «Научное слово», 1904, № 7. Статья представляет собой часть работы на английском языке «The Growth of Manor». London, 1905.

⁶⁸ P. Vinogradov. Villainage in England. Oxford, 1892; П. Г. Виноградов. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.

⁶⁹ П. Г. Виноградов. Средневековое поместье в Англии, стр. 96.

⁷⁰ П. Г. Виноградов. Аграрный кризис Римской империи, стр. 68.

⁷¹ Там же, стр. 69.

общей связи с историей поместья не только в древности, но и в средние века.

Одновременно Виноградов ставит очень важный вопрос о сущности романизации. Он утверждает, что процесс этот был различен в разных провинциях. Общим было то, что «римляне... никогда не пытались вводить свои идеи и учреждения путем непосредственной и внезапной централизации. Прочно обеспечив за собой власть и возможность финансовой эксплуатации, они довольствовались тем, что бросали на новую почву семена городской культуры и сельскохозяйственного прогресса, предоставляя этим семенам развиваться и приносить плод по мере того, как сказывались выгоды цивилизации и укреплялся престиж римлян как завоевателей мира. Романизация становилась, таким образом, скорее органическим процессом, чем механическим приемом для осуществления административных целей»⁷².

В работах П. Г. Виноградова, как и в трудах других русских буржуазных ученых, посвященных вопросу о сущности колоната, не было четкого анализа социальных отношений эпохи, не устанавливалось связи между развитием колоната и общим социальным положением империи, не уделялось внимания связи римского колоната с развитием и упадком рабовладения, не изучалась история борьбы колонов с собственниками земель.

Вопросы культурной истории античности изучались другим учеником В. И. Герье — М. С. Корелиным. Главные работы его относятся к истории гуманизма, но ему принадлежит популярная книга, дающая характеристику культурного кризиса Римской империи с позиций крайнего идеализма⁷³.

Таким образом, начиная с сороковых годов XIX в., в трудах историков Московского университета вопросы римской истории играли немаловажную роль. Особенное внимание уделялось истории Римской империи, где были сформулированы и решены многие важнейшие проблемы. Ясность и широта в постановке вопросов является одной из важнейших черт работ этих историков.

История Рима разрабатывалась и в других университетах. Оригинальным исследователем был М. П. Драгоманов (1841—1895), историк и этнограф, видный публицист, один из идеологов украинского буржуазного либерализма и национализма, сторонник буржуазного федерализма и «эволюционного» социализма без революции⁷⁴.

⁷² Там же, стр. 61.

⁷³ М. С. Корелин. Падение античного мирозерцания. СПб., 1895.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 29; т. 34, стр. 64.

Уроженец Украины, с 1863 г. член буржуазной киевской «Громады» и сотрудник или издатель различных украинских буржуазно-либеральных периодических органов, М. П. Драгоманов расценивал пренебрежение к русской культуре, наблюдавшееся среди части украинских буржуазных националистов, как реакционное. После окончания Киевского университета он в 1864 г. защитил диссертацию «Император Тиберий», в которой ставил своей целью реабилитировать Тиберия, указывая на пристрастность свидетельств Тацита.

В 1869 г. была издана магистерская диссертация Драгоманова, посвященная историографическим проблемам⁷⁵. Автор стремился объяснить отрицательное отношение историков к Римской империи, которое, по его мнению, мало оригинально. Историки следуют древним авторам, у которых сложились определенные взгляды на Римскую империю, зависевшие от их политических и этических воззрений. Древние историки не знали идеи прогресса и консервативно-морализирующая точка зрения мешала им правильно оценить социально-политические движения в государстве; они идеализировали прошлое, равно как и быт «варварских» народов. Драгоманов считает, что «ни один из приговоров, ни одно из исторических мнений древних и в том числе римских писателей не должны быть приняты без самой строгой проверки»⁷⁶. Драгоманов анализирует те условия, которые мешали историкам нового времени правильно оценить значение империи, и пытается объяснить причины, приводившие историков к отрицательной характеристике Римской империи, начиная с принцепата Августа.

Драгоманов приходит к выводу, что отрицательная оценка Римской империи во многих случаях была обусловлена мировоззрением историков, так как «историческая наука по самому своему свойству не может не отражать на себе борьбы интересов национальных, религиозных и политических. Историческая форма сочинений поэтому издавна выбиралась как один из приемов пропаганды известных идей и полемики против других. Из истории древности трудно выбрать момент более удобный для тенденциозной обработки, чем Римская эпоха, а особенно время Римской империи»⁷⁷. Драгоманов указывает на антипатии к Римской империи различных представителей католического лагеря, начиная от Августина и кончая Шатобрианом и Ламене, отмечает конфессиональную тенденциозность католической историографии. Сторонники либе-

⁷⁵ М. П. Драгоманов. Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит, ч. I. Киев, 1869.

⁷⁶ Там же, стр. 91.

⁷⁷ Там же, стр. 33.

ральных течений идеализировали древнюю республику и некритически следовали отрицательным отзывам римских историков в оценке империи. Это характерно как для Маккиавели и Монтескье, так и для некоторых либеральных историков нового времени. Неправильно, с националистических позиций, по мнению Драгоманова, трактовались вопросы римской истории немецкими философами и историками, также относившимися с антипатией к империи (Гердер, Гегель, Лоран, Шерр).

Однако Драгоманов отметил и положительные оценки империи, имевшие место еще в римскую эпоху. Некоторые римские писатели-провинциалы указывали, что империя создала различным народам общее для всех отечество. Положительную оценку империи встретим мы у ранних христианских апологетов, это же характерно и для антиклерикальных мыслителей времен Возрождения. Из новых историков следует назвать прежде всего Вольтера и Гиббона.

Историографический анализ составляет главное достоинство книги: до Драгоманова не было ни одной работы, в которой различные оценки Римской империи были бы связаны с общественными и политическими течениями. Однако Драгоманов оставляет без критики взгляды историков, указывавших на положительную роль империи (лишь несколько критических замечаний делает он по адресу бонапартистских историков); он не отмечает и тех мотивов, которые обусловили апологетическую оценку империи со стороны тех или иных историков, упуская, например, из виду, что идеализация римской истории у французских буржуазных историков периода Второй империи была обусловлена политическими мотивами. В трудах О. Тьерри и Ч. Мериваля Драгоманов усматривает начало положительного отношения к империи; он излагает их точки зрения, не давая, однако, критического анализа. Свои взгляды на империю, которые менее значительны и оригинальны, чем критический анализ, Драгоманов выражает в многочисленных отступлениях и резюмирует их в конце книги: основные заслуги Римской империи — во внутреннем юридическом и нравственном объединении древнего цивилизованного мира и распространении цивилизации на Западе. Отмечая «несовершенства» конституции Римской империи, Драгоманов пишет «об историческом значении Римской империи как государственного союза народов, обладавших известной цивилизацией»⁷⁸.

В 1875 г. по политическим причинам Драгоманов был уволен Министерством Народного просвещения из университета, а в 1876 г. был вынужден эмигрировать. В последние годы

⁷⁸ М. П. Драгоманов. Указ. соч., стр. 409

жизни (1889—1895) он был профессором всеобщей истории Высшей школы в Софии. В эмиграции Драгоманов уделял основное внимание пропаганде своих политических взглядов, а также изучению вопросов этнографии и фольклора.

Иначе относился к Римской империи В. И. Модестов. Василий Иванович Модестов (1839—1907) — филолог, историк и публицист — еще в студенческие годы познакомился с идеями русских революционных демократов — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова⁷⁹, однако и тогда, и в последующий период оставался на позициях буржуазного либерализма. Он окончил Петербургский университет, где был учеником Н. М. Благовещенского, преподавал в Одессе, Казани, Киеве и Петербурге. Интересы его лежали вначале в области истории римской литературы. В магистерской диссертации о Таците⁸⁰ Модестов стремился оправдать римского историка — последнего, по словам Ф. Энгельса, представителя староримского «патрицианского образа мыслей»⁸¹ — от упреков в политической тенденциозности, какие раздавались в современной Модестову историографии. Взгляд Тацита на Римскую империю, оказавший сильное влияние на историографию XVIII и первой половины XIX в., был полностью воспринят и Модестовым. Новые оценки труда Тацита, высказанные Амедеем Тьерри и некоторыми другими историками, по мнению Модестова, не выдерживают научной критики⁸².

Вслед за Тацитом Модестов идеализирует республику в Риме. С падением республики и переходом к монархии в Риме исчезают старинные добродетели, вымирают и истинные представители римского духа. Политический строй, созданный Августом, у императоров династии Юлиев-Клавдиев превращается в тиранию, произвол, беззаконие. «Ужасен деспотизм одного, ужасен деспотизм олигархии, еще ужаснее деспотизм военный. А он-то и был господствующим режимом империи»⁸³. Модестов повторяет мысли Тацита о роли римской армии как «тайне» императорской власти. Как и Тацит, Модестов положительно оценивает деятельность императоров династии Антонинов, сумевших соединить свободу и принципат. Модестову принадлежит полный перевод сочинений Тацита, выполненный им с большой тщательностью⁸⁴.

⁷⁹ В. И. Модестов. В. Г. Васильевский. ЖМНП, 1902, январь, стр. 139.

⁸⁰ В. И. Модестов. Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование. СПб., 1864.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 606.

⁸² В. И. Модестов. Тацит и его сочинения, стр. III.

⁸³ Там же, стр. 188.

⁸⁴ Сочинения Корнелия Тацита. Перевод В. И. Модестова, т. I—II. СПб., 1886—1887.

Докторская диссертация Модестова⁸⁵ связана с изучением вопросов раннеримской истории. Выступая против скептического направления в истории, распространенного в западноевропейской буржуазной историографии, Модестов, доказывая, что латинская письменность восходит к отдаленной, еще доримской эпохе. В 1873 г. Модестов издал общий курс «Лекций по истории римской литературы»⁸⁶.

В своей общественной деятельности Модестов выступал противником охранительного курса и с этих позиций критиковал насаждение реакционного «классицизма» в народном образовании, положение в университетах и т. д. Это не могло не отразиться на его служебном положении.

В 1879—1889 гг. Модестов из-за преследования властей не мог преподавать и занимался публицистической и литературной деятельностью. В ряде статей, написанных в эти годы, он выступает в качестве убежденного сторонника идеалистического направления в науке. Только в 1889 г. он был избран на кафедру в Новороссийском университете в Одессе, где и состоял профессором до выхода в отставку в 1894 г. В последние годы жизни Модестов увлекался изучением истории ранней Италии⁸⁷.

Во второй половине XIX в. в России появились самостоятельные исследования по многим из тех вопросов, какие волновали западноевропейских историков.

Со времен Нибура не терял актуальности вопрос о начале Рима и первых этапах его развития. В 80-х годах невозможно было ограничиться изложением мнения одного какого-нибудь исследователя, как это можно было сделать в 40-х и 50-х годах. Одной из удачных попыток систематизации выводов различных исследователей и их критической оценки является работа Павла Ивановича Аландского⁸⁸.

Истории раннего Рима посвятил докторскую диссертацию Ю. А. Кулаковский (1855—1920)⁸⁹. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, Кулаковский во время заграничной командировки работал у Моммзена⁹⁰, под руководством которого основательно изучил

⁸⁵ В. И. Модестов. Римская письменность в период царей. Казань, 1868.

⁸⁶ В. И. Модестов. Лекции по истории римской литературы. Киев, 1873.

⁸⁷ Об этом см т. III «Очерков истории исторической науки в СССР».

⁸⁸ П. И. Аландский. Древнейший период истории Рима и его изучение. Киев, 1882.

⁸⁹ Ю. А. Кулаковский. К вопросу о начале Рима. Киев, 1888.

⁹⁰ Т. Моммзену Ю. Кулаковский впоследствии посвятил некролог «Памяти Моммзена». ЖМНП, 1904, январь.

латинскую эпиграфику⁹¹. Работа Кулаковского, посвященная начальному периоду римской истории, делится на четыре части: 1) Царская история и синойкизм Рима; 2) Город на Палатине; 3) Аборигены и сабины; 4) Этруски в Риме. Автор не ограничился критикой литературных данных, а обратился к изучению археологических памятников. «В своем искании истины,— пишет он,— я старался поставить критику литературного предания в уровень с теми данными, какими располагает современное археологическое исследование почвы Рима и Италии»⁹². «С редким для того времени мужеством,— писал впоследствии И. В. Нетушил,— Кулаковский высказывается против некоторых взглядов Моммзена, в том числе против отрицательного отношения к этрусскому владычеству»⁹³. Отношение к археологическим памятникам как к важнейшим источникам древнейшей истории Рима также противоречило точке зрения Моммзена, игнорировавшего данные раскопок. Следует учесть, что Ю. А. Кулаковский критиковал взгляды Моммзена в тот период, когда его авторитет был очень высок и редко кто оспаривал отдельные его положения, даже если они были недостаточно обоснованными.

Первые работы Кулаковского, которые подвели его к исследованию о начале Рима, основаны на обстоятельном изучении эпиграфического материала и касаются главным образом истории империи. Назовем его диссертацию *pro venia legendi* «Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи» (Киев, 1881), где делаются важные, хотя и не совсем оригинальные выводы о расселении ветеранов и образовании наследственного военного сословия. Его магистерская диссертация о древнеримских коллегиях посвящена жизни корпораций, игравших важную роль в социальной и экономической жизни Рима⁹⁴. Автор ограничивает свое исследование городом Римом и касается главным образом республиканской эпохи и времен ранней империи. Кулаковский стремился разрешить «весьма спорный и трудный вопрос о том, в какой степени ремесленные общества, существовавшие у римлян, могут быть сближены с теми, которые под именем цехов получили такое широкое развитие в городских общинах средневековой Европы»⁹⁵. Основное положение пер-

⁹¹ Ю. Кулаковскому принадлежит также ряд работ по истории армии в Риме: «Армия в римском государстве» («Университетские Известия». Киев, 1881, № 10, стр. 373—379). «Армия в Римской империи» (там же, 1884, № 8, стр. 112—135).

⁹² Ю. А. Кулаковский. К вопросу о начале Рима, (от автора).

⁹³ И. В. Нетушил. Краткое обозрение разработки Римской истории. Харьков, 1916, стр. 12.

⁹⁴ Ю. А. Кулаковский. Коллегии в древнем Риме. Киев, 1882.

⁹⁵ Там же, стр. 1.

вой части его труда о том, что «коллегия как форма жизни общественной есть не что иное, как видоизменение тех союзов, которые составляли обитатели римской державы»⁹⁶, вызвало вполне обоснованное сомнение авторитетного его рецензента И. В. Помяловского⁹⁷; однако исследование содержит ряд оригинальных выводов по частным вопросам, которые, несомненно, заслуживают внимания, например, оценка Кулаковским реформ Александра Севера.

В последующих работах по истории Рима Кулаковский нередко находится под влиянием реакционных модернизаторских точек зрения западноевропейской историографии. Усиливаются и реакционные политические взгляды Кулаковского, которые находят отражение в его общественной деятельности в Киеве. В последние годы жизни Ю. А. Кулаковский занимался, главным образом археологией Южной России и изучением истории Византии.

История борьбы Рима за мировое могущество, эпоха социальных реформ и гражданских войн II и I вв. до н. э. изучалась в России во второй половине XIX в. меньше, чем другие вопросы римской истории. Но проблемы Римской империи продолжали интересовать русских исследователей.

Ряд ученых избирает предметом своего изучения экономические вопросы истории античности и, в частности, истории Римской империи. Особое внимание уделяется римской аграрной истории, что, несомненно, связано с ролью аграрного вопроса и крестьянских движений в России. Начиная с 1895 г., печатаются в Журнале Министерства народного просвещения, а в 1899 г. выходят отдельной книгой «Очерки по истории римского землевладения» Ивана Михайловича Гревса (1860—1941)⁹⁸, ученика Васильевского по Петербургскому университету, где сам Гревс в течение многих лет был профессором всеобщей истории⁹⁹. Автор применяет оригинальный метод исследования. Он ставит своей целью рассмотреть основные явления римской аграрной истории в отдельных «хозяйственно-психологических» этюдах. В этих очерках он стремится показать эволюцию римского землевладения в императорскую эпоху и разобрать различные типы поместий. В первом очерке разбирается хозяйство Горация. Детальный анализ его произведений позволяет Гревсу составить представление не только о размерах и хозяйственных распорядках имения Горация. «Образ

⁹⁶ Там же, стр. 6.

⁹⁷ ЖМНП, 1883, август, стр. 251—278.

⁹⁸ И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи), т. I. СПб., 1899.

⁹⁹ Характеристику взглядов И. М. Гревса см. также в разделе «Изучение истории средних веков».

поместья Горация» послужил для него «твердую исходную точкою для сравнения с другими землевладельческими организациями»¹⁰⁰ и позволил охарактеризовать его как образец среднего поместья эпохи Августа. Автор указывает, что во времена принципата мелкое и среднее землевладение играло большую роль, чем в предшествующую эпоху, но вместе с тем вновь возрождалось крупное землевладение, впоследствии восторжествовавшее.

Второй очерк посвящен хозяйству Помпония Аттика — одного из крупнейших землевладельцев конца республики, биография которого дает немало интересных черт для истории мобилизации земельной собственности в Риме накануне империи. Говоря о сельскохозяйственном труде, Гревс обратил внимание на то, что колонны играют заметную роль уже во времена Августа. Конец «Очерков» посвящен историческому развитию римского ойкоса «домашнего» хозяйства, которое господствовало до конца II в. до н. э., а «затем в связи с усиленным прогрессом экономического взаимодействия между хозяйственными единицами и группами» (I в. до н. э.— II в. н. э.) оно было временно подавлено; начиная же с III в. н. э. наблюдается новое его возрождение и торжество. Книга дает богатый материал, содержит ряд интересных замечаний и выводов по истории аграрных отношений времен Августа и остается одной из наиболее оригинальных по своему построению работ по римской истории. Гревс находился под влиянием Фюстель де Куланжа и К. Бюхера. У первого он заимствовал как методическую работу над источниками, так и его «широкую концепцию» о «непрерывности исторического развития», что являлось отражением реакционных взглядов Фюстель де Куланжа, относившего отрицательно ко всякой революции. У Бюхера он взял порочную в методологическом отношении ойкосную теорию хозяйства, которую он защищал, правда, с известными оговорками. Вызывает сомнение и вывод Гревса о безраздельном господстве крупного землевладения. Неверным является «психологизм» в трактовке хозяйственных явлений. С этих позиций Гревс пытается в своей книге «критиковать» марксизм.

Таким образом, во второй половине XIX в. русская буржуазная наука при всей ограниченности, присущей основным ее направлениям, сделала большие успехи в изучении истории античности. Русские ученые дали многочисленные самостоятельные, основанные на первоисточниках исследования по общим и частным вопросам истории античности. Особенно надо подчеркнуть значение для мировой историографии исследований русских ученых по истории Северного Причерноморья.

¹⁰⁰ И. М. Гревс. Указ. соч., стр. 131.

Глава VI

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Русская медиевистика второй половины XIX в. продолжала в известной мере традиции предшествующего периода. В русской либеральной медиевистике этих лет еще сохраняются представители гегельянства — историки старшего поколения, воспитавшегося на идеях первой половины века. К ним принадлежал М. М. Стасюлевич, рассматривавший исторический процесс как сменяющийся «ряд систем общественного разума» и сохранивший интерес к борьбе сословий, порождаемой общественными противоречиями, В. А. Бильбасов с его интересом к судьбе исторической личности и Н. А. Осокин, сочетавший изучение борьбы сословий и экономической истории. Стасюлевич и Осокин находились под сильным влиянием буржуазной теории классовой борьбы, творцами которой были О. Тьерри и Гизо.

Своеобразное место среди историков старшего поколения занял В. И. Герье, выступивший как медиевист несколько позже. Будучи на деле учеником не столько Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева, сколько С. М. Соловьева, он отвергал позитивизм и под конец жизни заявил о своих симпатиях к неогегельянству; но из всего гегельянства он усвоил лишь идеализм, не приняв диалектики. Этот идеализм, выступавший в наиболее откровенной форме, был воспринят учеником Герье М. С. Корелиным, рассматривавшим исторический процесс как историю освобождения личности в политическом и религиозном отношениях.

Однако не эти поздние почитатели гегельянства определяли в эти годы лицо русской буржуазной медиевистики: большинство медиевистов интересующей нас поры, в том числе и большинство учеников Герье, были сторонниками позитивизма, модного тогда в зарубежной историографии. Это было время, когда «профессора третировали Гегеля, как „мертвую собаку“, и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами

по поводу диалектики»¹. Своей метафизикой позитивизм стремился опровергнуть закономерность общественных противоречий и порождаемых ими революционных изменений в обществе. Исторический процесс в изображении позитивистов утрачивал свой скачкообразный характер, вместо революционных изменений выступала «эволюция». Это было несомненным шагом назад по сравнению с гегельянством. Классовая борьба, на которую обращали внимание гегельянцы, у позитивистов стала выглядеть своего рода аномалией, которая якобы нарушала историческую закономерность и мешала правильной «эволюции».

В научном отношении русская либеральная медиевистика этого периода, при всех своих пороках, сделала крупный шаг вперед по сравнению с медиевистикой первой половины XIX в., что выразилось прежде всего в огромном интересе русских медиевистов к социально-экономическим проблемам. Либеральная историография видела в этом заслугу позитивизма, сбрасывая со счетов влияние распространявшегося тогда в России марксизма, воспринимаемого буржуазной историографией как «экономический материализм». Между тем, именно этому влиянию русская либеральная наука была обязана своими наивысшими успехами в разработке социально-экономических вопросов. В отличие от западной буржуазной науки, где после Парижской Коммуны марксизм подвергался травле, в русской либеральной науке наметилась более сложная тенденция: при всей враждебности буржуазной идеологии к марксизму, русский либерализм пытался использовать марксизм для своих целей. Речь шла о приспособлении марксистских идей для пропаганды неизбежности русского капитализма, для борьбы с пережитками крепостничества. Именно на этой почве происходило, по определению В. И. Ленина, «отражение марксизма в буржуазной литературе». Течение легального марксизма было порождено именно этой тенденцией русской либеральной мысли. Стремление использовать марксизм прямым образом коснулось и медиевистики.

Влияние марксизма наиболее ярко обнаружилось в разработке русскими медиевистами крупнейшей из социально-экономических проблем средневековья — проблемы крестьянской общины. Важность этой проблемы была обусловлена всей обстановкой в тогдашней России. В истории общины на Западе русские историки видели тот путь, который России еще предстояло пройти. Интерес русской историографии к истории и судьбам общины объективно совпадал с крупным значением

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 19.

этого вопроса в исторической науке. Исследовать научно историю общины значило исследовать вопрос о коллективных формах собственности в раннюю пору человеческой истории, исследовать историю народных масс. Наибольшую роль в изучении этого вопроса сыграл М. М. Ковалевский. Его взгляды на общину сформировались под непосредственным влиянием К. Маркса. Как писал сам Ковалевский, он оставил свои занятия политической и правовой историей именно потому, что Маркс «более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права»². Таким образом, самое обращение Ковалевского к этой теме произошло под воздействием Маркса. Ковалевский показал историческую роль общины как универсальной формы в развитии не только европейских народов, но и народов Азии и Африки, а также развивал положение, что коллективные формы собственности в глубокой древности были связаны с коллективными формами семьи. Выводы, к которым пришел Ковалевский, чрезвычайно высоко были оценены Энгельсом³. Все русские медиевисты исходили из наличия общины в средние века и в той или иной степени касались этого вопроса. В частности, Виноградову принадлежат большие заслуги в разработке истории общины в Англии. Разработка русскими учеными вопроса об общине сыграла большую прогрессивную роль в мировой медиевистике. Их исследования нанесли сокрушительный удар антиобщинному направлению, представителями которого были во Франции Фюстель де Куланж, в Англии Сибом, в Германии «страсбургская школа».

Интерес русских медиевистов к социально-экономическим вопросам не ограничивался, как известно, лишь историей общины, а под влиянием марксизма распространялся на более широкий круг вопросов. «Очень вероятно,— вспоминал Ковалевский,— что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету»⁴. Несмотря на то, что Ковалевский, как и все его коллеги, был далек от подлинного понимания марксизма и первооснову экономического развития видел в росте народонаселения, он много сде-

² М. Ковалевский. Встречи с Марксом. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 315.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 118.

⁴ М. Ковалевский. Встречи с Марксом. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 314.

лал для изучения экономической истории Западной Европы в средние века. Подводя итоги его научной деятельности. А. Н. Савин считал, что Ковалевский «немало содействовал укреплению убеждения в причинной зависимости правовых перемен от перемен в условиях производства» и что он стремился «установить тесную зависимость экономических и социальных учений от хозяйственной обстановки, в которой они возникали»⁵. Виноградов стремился обратить внимание «на те материальные основания общественной жизни, от которых так много зависит и в образовании политических учреждений, и в раздоре политических партий, и даже в самом развитии политических идей. Эти материальные, хозяйственные основания тесно связаны и вполне обуславливают распределение классов в обществе и отношения между этими классами»⁶.

Русская буржуазная медиэвистика этого времени, рассматривая вопрос об отношениях между классами, внесла известный вклад в исследование положения народных масс и их борьбы за свое освобождение, несмотря на то, что буржуазные ученые весьма склонны были проповедывать «социальный мир» в истории; крестьянский вопрос в русской медиэвистике выступает зачастую не только как вопрос аграрный, но и как вопрос крестьянской борьбы. Во втором томе «Экономического роста Европы» Ковалевский поставил вопрос о крестьянских восстаниях как одну из коренных проблем западного средневековья; он указывал, что союзником восставшего крестьянства обычно выступали городские низы. Виноградов, рассматривавший отношения господствующих и угнетенных классов как отношения равноправных договаривающихся сторон, в то же время подчеркивал решающую роль французского народа в истории своей страны: «масса французского народа была недовольна своим социальным положением, потому, что она бедствовала и вследствие этого двигалась вперед к лучшему устройству своего благосостояния, к разрешению социальных проблем и в то же время толкала средние и высшие классы, которые требовали политического переустройства»⁷. Виноградов ставил Французскую революцию конца XVIII в. выше всех предшествующих революций потому, что под влиянием народных масс она стала революцией социальной⁸. Петрушевский в ранний период своей научной деятельности написал «Восстание Уота

⁵ А. Савин М. М. Ковалевский как историк. «Исторические известия». М., 1916, № 1, стр. 177.

⁶ П. Г. Виноградов Лекции по истории Франции XVIII века (литограф курс 1886—1887 гг.), стр. 50.

⁷ Там же, стр. 14.

⁸ Там же, стр. 79.

Тайлера» — наиболее значительный труд по истории крупнейшего восстания английского средневековья, не потерявший и теперь своего значения. Таковы главнейшие достижения русской буржуазной медиевистики в ее лучшую пору.

Влияние марксизма обусловило еще одну черту русской либеральной медиевистики — наличие некоторых элементов материализма. Однако это приводило к разительному эклектизму. Вот почему в научных построениях русских историков средневековья мы обнаруживаем резкое противоречие между отдельными частями исторической картины, которую они создают. Особенно это характерно для Ковалевского и Виноградова, создававших широкие исторические полотна. Здесь мы встречаем и своеобразную апелляцию к экономике, выступающей как определяющий фактор исторического процесса, и попытку построить исторический процесс, исходя из определяющей роли государства, при явном преувеличении влияния юридических форм, и не менее характерную попытку видеть в истории «равноправие» экономического, социального и культурного факторов. Четко различая классы в историческом процессе, указывая на влияние господствующих классов и борьбу народных масс, эти историки в то же время выводили возникновение государства из внешних причин, рассматривали его как надклассовую организацию и трактовали господствующие и угнетенные классы как «равноправные» договаривающиеся стороны. Заявляя о «материальном фундаменте» идеологии, они сплошь и рядом рассматривали ее как самодовлеющий фактор и выводили существенные стороны исторического процесса непосредственно из развития идеологии. Все эти несоответствия объясняются эклектичностью научного мировоззрения историков-позитивистов.

Следует указать еще на одну характерную черту русской медиевистики этого периода. Ее достижения были обусловлены и тем обстоятельством, что специалисты по всеобщей истории, в том числе и медиевисты, были знакомы с широким кругом источников. Как известно, Грановский и его ученики опирались на сравнительно узкую документальную базу, русские же медиевисты второй половины XIX в. неутомимо трудившиеся в архивах западных стран, в особенности в архивах Англии и Франции, пустили в научный оборот массу нового документального материала. В частности, работы Ковалевского по сей день не потеряли научного значения для экономической истории европейского феодализма, в том числе для истории средневекового крестьянства. Без работ Виноградова, Савина и Петрушевского невозможно изучать историю крестьянства Англии, а без работ Корелина — историю гуманизма. Это стало общепризнанным; русская медиевистика заняла значительное место в мировой буржуазной медиевистике.

В политическом аспекте в русской медиевистике этого периода продолжало господствовать либеральное направление. К нему принадлежали как поклонники позднего гегельянства, так и подавляющее большинство позитивистов. Но либерализм Стасюлевича, Осокина, Гревса, Ковалевского, Виноградова, Савина, Фортинского и других в значительной мере отличался от либерализма русских медиевистов первой половины XIX в., наиболее ярким представителем которого был Грановский. Либеральные взгляды Грановского, еще связанные с просветительскими идеями, были направлены против крепостничества и абсолютизма; критическое изучение западного средневековья и критика зарубежных феодально-абсолютистских порядков были завуалированной критикой николаевского режима. Буржуазно-помещичий либерализм второй половины XIX в. видел свою главную задачу в соглашении с самодержавием. Некоторые из медиевистов-либералов уже в эту пору ревностно служили самодержавию. Типичными фигурами в этом отношении были Ф. Я. Фортинский — ректор Киевского университета, один из душителей студенческого движения — и его откровенно правый коллега по университету Н. М. Бубнов.

В то же время перед русской буржуазией первых пореформенных десятилетий еще не стояла непосредственная угроза революции пролетариата, ибо борьба рабочего класса в России тогда еще только начиналась. Сильные пережитки крепостничества мешали развитию русского капитализма, а феодальный характер русского абсолютизма был далек от идеала буржуазной монархии, обставленной представительными учреждениями. Русский либерализм, при всей его антиреволюционности, еще не был тогда той контрреволюционной силой, какой он стал после революции 1905 г. Это послужило причиной того, что в целом русская буржуазно-дворянская историческая наука этого периода еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей и переживала известный подъем. Русская медиевистика именно в этот период находилась в зените своего развития и внесла крупный вклад в разработку проблем западного средневековья.

I

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ, В. А. БИЛЬБАСОВ, Н. А. ОСОКИН

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — профессор Петербургского университета, ученик М. С. Куторги — принадлежал к медиевистам старшего поколения. Влияние учителя сильно сказалось на его научном творчестве, в особенности на философских взглядах, изложенных в книге «Опыт историче-

ского обзора главных систем философии истории» (1866). Как и Куторга, Стасюлевич оставался на почве гегельянства. Его книга представляла одну из первых попыток изложения главных систем философии истории от Вико до Гегеля не только в русской, но и во всей мировой историографии. Но, как выразился Кареев, книга Стасюлевича «с самого начала была обречена на то, чтобы довольно скоро устареть»⁹. Уже с конца 60-х годов в русской буржуазной историографии получили широкое распространение позитивистские идеи Конта, Спенсера и Бокля; в этих условиях книга Стасюлевича, как и само гегельянство, оказалась пройденной ступенью и была скоро забыта позитивистской историографией.

Влияние Куторги определило тематику обеих диссертаций Стасюлевича: магистерской — «Афинская гегемония» (1849) — и докторской — «Ликург Афинский» (1851), а также ряда более мелких исследований. Но больше всего Стасюлевич известен как историк средневековья. Начало его деятельности как медиевиста ознаменовалось его участием в известной московской дискуссии вокруг диссертации Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий». В противовес диссертанту, видевшему в исторической науке оружие в борьбе за общественный прогресс, Стасюлевич выступил в 1850 г. в погодинском «Москвитяине» в роли приверженца «чистой» науки. В завязавшейся дискуссии он оказался единомышленником М. П. Погодина, полемизируя с И. К. Бабстом, а также П. М. Леонтьевым, который, выступая против Стасюлевича, отмежевывался в то же время и от Грановского. Н. Г. Чернышевский чрезвычайно резко отзывался о позиции Стасюлевича в этой дискуссии¹⁰.

В университете Стасюлевич читал общий курс истории средних веков, некоторые специальные курсы (в частности не отличавшийся оригинальностью курс «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV»), а также лекции по историографии и источниковедению средних веков. Курс западного средневековья является попыткой представить историю средних веков с точки зрения гегельянской борьбы идей; главным явлением этой эпохи Стасюлевич считал борьбу германо-славянского мира — носителя христианства — с миром арабо-турецким — носителем мусульманства. С этим сочеталось мелочное изложение фактической истории царей и полководцев.

⁹ Н. Кареев. Книга М. М. Стасюлевича о философии истории. «Вестник Европы», 1911, март, стр. 398.

¹⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 367—368. Подробнее об этой полемике см. И. Н. Бороздин. К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40-50-х годов XIX века. «Средние века», вып. VI. М., 1955, стр. 345—356.

Чтение Стасюлевичем лекций по источниковедению, как отмечал Д. И. Писарев, сводилось главным образом к пересказу источников¹¹, а лекции по историографии не отличались оригинальностью: например, его «блестящая» лекция о Маколее оказалась простым пересказом соответствующей главы из книги Тэна «Исторические и критические опыты»¹².

Иное значение имела хрестоматия Стасюлевича «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых», т. I—III, 1863—1866 (т. III незавершен). Здесь автор развивал традицию, начало которой было положено вышедшими незадолго перед тем учебниками В. Я. Шульгина, в частности его учебником средних веков (1858). Шульгин ввел новый элемент — библиографию трудов русских и зарубежных историков. Стасюлевич пошел дальше — он стал давать отрывки из источников и из сочинений современных авторов. Все это сопровождалось краткими комментариями, главным образом биографическими. Книга давала политическую историю, и это во многом определяло выбор материала: Стасюлевич, например, совершенно обошел такие источники, как грамоты, содержащие обычно материал по социально-экономической истории. Хрестоматия Стасюлевича пользовалась популярностью, прививая учащимся сознательное отношение к историческому материалу в то время, когда в гимназиях господствовала зубрежка догматических сведений из учебника.

В 1861 г. Стасюлевич в связи со студенческими волнениями был уволен из университета и посвятил себя общественной деятельности в области народного образования. Широким кругам интеллигенции Стасюлевич был больше всего известен как основатель журнала, принявшего название «Вестник Европы» в честь одноименного журнала Н. М. Карамзина. От старого, дворянского, новый «Вестник Европы» отличался своим либерально-буржуазным направлением и противопоставлял себя «Современнику». Редактором-издателем этого журнала Стасюлевич был с 1865 по 1909 г., когда издателем журнала стал М. М. Ковалевский.

Единомышленником Стасюлевича был Василий Алексеевич Бильбасов (1838—1904) — воспитанник и доцент (с 1866) Петербургского университета, затем профессор в Киеве. Свои либеральные убеждения Бильбасов отстаивал довольно решительно; в частности, он сохранял известный скептицизм к «идеальным» устремлениям церкви и высказывался за ограничение ее влияния. Характерна в этом отношении его реакция на выступление Ф. И. Буслаева, требовавшего воспитания мо-

¹¹ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, М., 1955, стр. 145.

¹² Там же, стр. 146.

лодежи на «народных святынях» — различных религиозных древностях¹³. В противовес этому Бильбасов выдвигал задачу воспитания «здорового русского смысла» на крупных событиях истории народа, в особенности на тяжелых исторических уроках, из которых он выделял татарское иго и крепостное право¹⁴. Он призывал к критическому освоению западной культуры. «Всегда чуткие к хорошим сторонам западной жизни, мы без негодования изучаем и ее темные, гнилые складки..., но изучаем мы их не для подражания, скорее, в предостережение»¹⁵.

Лекции Бильбасова строились под сильным влиянием гегелевской схемы. Пытаясь применить ее лишь в политической и идеологической сферах, он вообще занимался только этими сторонами исторического процесса. Наиболее значительное место среди общественных противоречий у Бильбасова занимают противоречия между деспотизмом, с одной стороны, и свободой народа — с другой (явление, чрезвычайно характерное для исторических концепций русских либералов).

В центре изображения тех или иных событий Бильбасов ставит деятельность известной исторической личности; все его многочисленные работы обычно представляют собою красочные биографии исторических деятелей, изложенные подчас с большим драматизмом. Своих героев он изображал на широком историческом фоне, их деятельность служила средством для изображения эпохи.

В то же время работы Бильбасова были произведениями эрудита, основанными на солидной источниковедческой и историографической базе; обычно поводом для появления его работ служил выход в свет на Западе новых исторических документов. Магистерская диссертация Бильбасова «Крестовый поход императора Фридриха II из дома Гогенштауфенских герцогов» (1863), основанная на французской коллекции документов «*Historia diplomatica Friderici Secundi*», изданных Гийярд-Бреголем (1859), исследовала историю крестового похода 1228 г.¹⁶ Докторская диссертация «Поповский король

¹³ Ф. Буслаев. Из Праги. «Современная Летопись», 1864, № 6, стр. 3—7.

¹⁴ В. А. Бильбасов. Исторические монографии, т. 1. СПб, 1901, стр. 42.

¹⁵ Там же.

¹⁶ С темой о Фридрихе II Гогенштауфене была связана рецензия Бильбасова «*Petrus de Vineis*» (1865) на работу того же Гийярд-Бреголя «Жизнь и переписка Петра Винеяского», посвященную знаменитому канцлеру Фридриха II, а также статьи «Культура при императоре Фридрихе II» (1865), «Император Фридрих II — папа светской церкви» (1866) и «*Kaiser Friderich*

Генрих IV Распе, ландграф Турингии из Дома Лудовика Бородатого» (1867) была посвящена личности антикороля, выдвинутого папой в противовес Фридриху II. В этих работах Бильбасов воссоздал сложную борьбу между Фридрихом II Гогенштауфеном и папским престолом, показав, что, прикрываясь благовидными предложениями и благочестивыми декларациями, обе стороны боролись за власть и наживу.

Ряд работ Бильбасова посвящен деятелям славянского мира на Западе: «Чех Ян Гус из Гусинца» (1869), двухтомный труд «Кирилл и Мефодий» (1868—1871), а также статья «Легендарный образ Кирилла и Мефодия» (1885)¹⁷. Кроме того, Бильбасову принадлежат многие статьи по отдельным вопросам и рецензии на зарубежные книги¹⁸. Некоторые из них — такие, как «Документальные источники хроники Матвея Парижского» (1867) и «Монахиня Росвита, писательница X века» (1872), — носят источниковедческий характер; первая устанавливает, автором каких частей хроники является сам Матвей Парижский, вторая исследует подлинность произведений Росвиты. Другие написаны в обычной манере Бильбасова — отдельная личность изображается на фоне главных событий эпохи. В рецензии «Иоанна Безумная» (1869) история 49-летнего заточения «коронованной мученицы деспотизма» превращается в широкое историческое повествование об эпохе Карла V. В статье «Аббат Полиньяк и польское бескорольевье» (1869) фигура Полиньяка — французского посла при польском дворе — явилась лишь предлогом для изображения надвигавшейся национальной катастрофы Польши, главной причиной которой была феодальная анархия среди польских панов.

Деятельность Бильбасова как медиевиста была непродолжительной. В 1871 г. он уходит из Киевского университета и становится фактическим руководителем петербургской газеты «Голос», издаваемой Краевским. Его интересы концентрируются на истории России; им была задумана 12-томная «История Екатерины Второй», выполненная лишь частично.

Выдающимся деятелем среди русских медиевистов-гегельянцев был Николай Алексеевич Осокин (1839—1895) — профессор Казанского университета. Его курс истории средних веков, который он читал на протяжении трех десятилетий (вышел

gich II und heilige Elisabeth» (1867), вышедшая в Германии. С темой о папском престоле, с которым вел борьбу Фридрих II, связана статья «Паписса Иоанна» (1871).

¹⁷ Об этих трудах Бильбасова см. в очерке о славяноведении — стр. 490—491, 500—501 настоящей книги.

¹⁸ Все они помещены в пятом томе «Исторических монографий» Бильбасова.

в свет в 1888—1889 гг.), получил резко отрицательную оценку таких крупных историков, как В. Г. Васильевский и И. В. Лучицкий¹⁹. Действительно, в курсе Осокина из-за небрежности автора было допущено много ошибок: неточности и путаница в фактах, подчас даже откровенные нелепости, накопившиеся в течение многолетнего литографирования лекций студентами. Автор предстал перед судом читателя как человек потрясающего невежества, незнакомый даже с элементарными правилами грамматики, неосведомленный во многих вопросах новейшей литературы. Однако все же следует отказаться от традиции видеть в курсе Осокина одни несурезицы. В действительности дело обстоит сложнее. В начале своей деятельности в Казанском университете молодой Осокин издал несколько ценных работ по истории Италии, первое место среди которых занимает статья «Заметки по экономической истории Италии» (1864), направленная против тезиса официальной школы о благотворности социального мира. Осокин опровергает этот тезис на примере Италии XIV—XV в., подчеркивает превосходство буржуазии над дворянством, показывает, что свое благосостояние и политическую свободу буржуазия добыла борьбой²⁰.

Среди других работ Осокина по истории Италии²¹ наиболее важной была небольшая книга «Савонарола и Флоренция»

¹⁹ В. Г. Васильевский. История средних веков Н. А. Осокина, ЖМНП, 1889, август, стр. 386, 387; И. В. Лучицкий. История средних веков. Университетские чтения проф. Н. А. Осокина. «Киевские университетские известия», т. XI, 1889. См. также Два университетских курса по всеобщей истории. «Русская мысль», 1888, кн. XII, стр. 49.

Эта оценка целиком сохранилась и в советское время. В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. I, Л., 1929, стр. 120; О. Л. Вайнштейн. Историография средних веков», М.—Л., 1940, стр. 303—304.

Положительную оценку курса дал Д. И. Иловайский («Русский Вестник», 1888, декабрь — речь идет о I томе курса). Благоприятную оценку курса Осокина мы находим также в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

²⁰ Н. А. Осокин. Заметки по экономической истории Италии. «Ученые записки Казанского университета по отд. историко-филологических и политико-юридических наук 1864», вып. I, Казань, 1866, стр. 33—68.

²¹ К «Заметкам по экономической истории Италии» непосредственно примыкает исторический очерк «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II», написанный по источникам и опубликованный почти одновременно с «Заметками». («Ученые записки Казанского университета, 1864», вып. II, Казань, 1866, стр. 499—640). Несколько позже Осокин вновь вернулся к итальянской тематике в книге «Неаполитанские государства в XIV веке». Казань, 1873, написанной также по источникам. С точки зрения освещения истории Анжуйской династии в Италии книга «Неаполитанские государи в XIV в.» служила прямым продолжением книги «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II».

(1864), характеризующая подход автора к оценке социально-политической борьбы. Тут был подвергнут пересмотру большой круг зарубежной литературы о Савонароле; в противовес многим историкам, видевшим в Савонароле только религиозного реформатора или преувеличивавшим его роль, Осокин полагал, что на Савонаролу «надо смотреть, как на политического борца, как на представителя известных государственных тенденций, и религиозный элемент в его деятельности можно смело и совершенно основательно отставить на последний план»²². Автор рассматривает деятельность Савонаролы в связи с политической историей Флоренции и приходит к выводу, что религиозные мотивы у Савонаролы «прикрывали собою политические стремления высокого чистого демократизма»²³. Это был взгляд передовой буржуазной науки. Однако в своих оценках Осокин доходит до явной модернизации, считая, что Савонарола «стремится положить идеи новейшего социализма основанием общественной жизни»²⁴.

Главное место в исследовательской деятельности Осокина занимает его двухтомная работа «История альбигойцев и их времени». Первый ее том — «История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III» (1869) — явился его магистерской диссертацией, второй том — «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (1872) — докторской. В этом труде борьбу католицизма и ересей Осокин зачастую рассматривает как чистую борьбу идей и загромождает изложение массой подробностей. Он склонен считать, что в этой борьбе папство выступало носителем цивилизации, а на события в католическом мире он смотрит иногда глазами явного сторонника православия. Тем не менее этот труд Осокина явился значительным вкладом в изучение истории Южной Франции первой полови-

Осокин постоянно следил за русской литературой по истории Италии, о чем свидетельствует его рецензия на книгу И. Н. Смирнова «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV века» («Ученые записки Казанского университета», 1881, № 2, стр. 1—11), где Осокин, между прочим, возражает против утверждения автора о том, что церковь была хранительницей городской свободы. Работая в итальянских архивах, он издал неизвестный до него документ — одну из рукописей известного историка Тридентского собора Паоло Сарпи. (Н. Осокин. К биографии Паоло Сарпи. Неизданный документ из Венецианского государственного архива. Казань, 1880).

²² Н. А. Осокин. Савонарола и Флоренция. «Ученые записки Казанского университета», 1863, 1 отд., стр. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 12. Отдавая дань своим ранним литературным увлечениям — первой его печатной работой был рассказ «Ключница» («Сын Отечества», 1859, № 35). Осокин избрал несколько необычную форму изложения для своей книги. Она состоит из отдельных очерков, где рассуждения историка перемежаются с диалогами и живописными сценами.

ны XIII в., тем более, что до того времени проблема альбигойцев в русской историографии не разрабатывалась вовсе. Осокин мобилизовал огромный архивный материал, хранящийся в Национальной библиотеке в Париже, в особенности протоколы инквизиционных трибуналов Южной Франции, воссоздав достаточно подробно фактическую картину развития альбигойского движения и его разгрома.

Труд Осокина представляет интерес и по своей методологии. «Вопросов истории церковной нельзя отрешать от политических и социальных»²⁵, — так формулировал Осокин свой принцип исследования. В его труде сделана попытка показать альбигойцев и борьбу с ними не только с точки зрения церковной и идеологической, но и раскрыть те общественные силы, которые за ней скрывались. Осокин приходит к выводу, что почвой, на которой выросла ересь, послужило прежде всего торгово-промышленное развитие юга Франции²⁶. Альбигойское движение, выражавшее борьбу южных городов за политическую и религиозную самостоятельность, сталкивалось не только с католицизмом, но и с централизаторской политикой французских королей. К числу особенно ярких страниц книги принадлежат те, где автор разоблачает инквизицию с помощью ее же собственных документов²⁷.

Курсы Осокина строились под сильным влиянием гегельянских канонов. «Идея, — писал Осокин, — есть дух событий — внутреннее связующее их направление. Факты есть отражение идей. Исследование, группировка по категориям, определение этих категорий идей составляют предмет университетского курса»²⁸. Развитие идей, а следовательно, по мнению Осокина, и ход исторического процесса, совершается путем борьбы противоположностей²⁹.

Ход истории представляется Осокину как процесс раскрытия определенного исторического закона³⁰. В этом свете он рассматривает и роль личности в истории: личность — орудие тех или иных идей и законов. Но тезис о приоритете идей Осокин дополняет тезисом о значении экономических условий:

²⁵ Н. А. Осокин. История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III. Казань, 1869, стр. III.

²⁶ Там же, стр. III, 57, 58.

²⁷ Н. А. Осокин. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872.

²⁸ Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории. Казань (без даты), стр. 4 (литография).

²⁹ Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века. «Ученые записки Казанского университета. 1868», т. IV, Казань, 1870, стр. 677—678.

³⁰ Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории, стр. 8.

«Одни идеи, как бы они ни влияли на современников, не создадут сами по себе событий. Есть обстоятельства, которые способствуют осуществлению этих идей. Это так называемые экономические условия, без влияния которых не может развиваться история»³¹. Однако рассуждения Осокина об экономических условиях в конечном счете были подчинены его тезису о приоритете идей³². Курс средних веков строится у Осокина также под заметным влиянием идей О. Тьерри и Гизо. Теория французских историков, служившая в 20-е годы XIX в. обоснованием борьбы с дворянской реставрацией во Франции, оказывала запоздалое влияние в России второй половины XIX столетия.

Раннее средневековье, по концепции Осокина,— это неравная борьба между победителями — германцами, составившими господствующий класс, и побежденными — галло-римлянами, превратившимися в трудящееся, тягловое сословие. «Историческая жизнь», по выражению Осокина, принадлежала «только высшим классам, потомкам победителей. Многолюдная же масса побежденных — римлян и галлов — не жила исторической жизнью»³³. Феодализм Осокин рисует не только как политическую систему, но и как строй, опиравшийся на земельную собственность феодалов. Наиболее мощной силой, выступившей против феодализма, были города. Историю средневековых коммун Осокин рисует в полном соответствии с идеями О. Тьерри. Подчеркивая революционный характер борьбы коммун, действовавших в союзе с королевской властью против феодалов, он решительно выступает против революционных движений, возникавших помимо короля, против короля и бюргерства. Борьба городов приводит в конечном счете к ликвидации феодализма. Английская буржуазная революция XVII в. наряду с Вестфальским миром выступает в концепции Осокина как событие, подводившее итоги средневековья и открывавшее эпоху нового времени.

Вместе со вторым томом курса истории средних веков был издан и курс Осокина по средневековой историографии. Этот курс имеет значение лишь как библиографический справочник. Автор не сделал никакой попытки разобраться в идеологических течениях в средневековой историографии. Периодизация, которую Осокин намечает в развитии средневековой исторической мысли, является совершенно произвольной. Первым периодом он считает время до 800 г.— столетия падения

³¹ Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории, стр. 164.

³² Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века, стр. 696.

³³ Н. А. Осокин. История средних веков с приложением очерка средневековой историографии, т. I. Казань, 1888, стр. 5.

римского влияния; вторым — время от 800 г. до гуманизма, периода «национальной» историографии; третьим — «ложноклассическая» (гуманистическая) историография.

II

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ, И. М. ГРЕВС, Ф. Я. ФОРТИНСКИЙ

Начало серьезной разработки медиевистики в Петербургском университете связано с именем Василия Григорьевича Васильевского (1838—1899). Этот историк был ровесником Бильбасова и Осокина; его учителями были люди старой школы — Срезневский, Стасюлевич и отчасти Куторга, но Васильевский пошел иным путем. Он известен как один из крупнейших византистов не только в русской, но и в мировой историографии, чрезвычайно много сделавший для разработки социально-экономической истории Византии, в частности для истории ее крестьянства и крестьянской общины³⁴. Его деятельность как медиевиста обычно остается в тени, тогда как она безусловно заслуживает быть отмеченной. Историю средних веков Васильевский стал преподавать с 1870 г., разделив преподавание всеобщей истории с В. В. Бауэром, и читал этот курс в течение четверти века. Общий курс средневековья, прочитанный в 1882—1883 гг. и сохранившийся в литографированной записи студентов, говорит о том, что преподавание Васильевского стояло на уровне передовой буржуазной науки того времени. Наряду с идеями, обычными для русской буржуазно-дворянской историографии (трактовка феодализма как чисто политического явления, монархизм, переоценка мировторческой роли церкви и т. д.) курс отличается некоторыми существенными особенностями по сравнению с теми, которые читались раньше в Петербургском университете. Мы уже не встретим здесь классовой борьбы в интерпретации О. Тьерри—Гизо или повышенного интереса к политической или культурной истории, характерного для представителей старой школы. Зато обнаруживается особое внимание к социально-экономической стороне исторического процесса; в разложении Римской империи Васильевский ищет социальных предпосылок средневековья; пришедших на римскую почву варваров он рассматривает как носителей родовых и общинных начал, а в социальном строе средневековья видит синтез римских и германских социальных институтов.

Курс построен на привлечении большого круга источников и содержит специальные источниковедческие лекции. Кроме того, в курс включен обстоятельный историографический

³⁴ О Васильевском как византистике см. стр. 509, 513—515, 521—525.

обзор известной тогда литературы; Васильевский выступает против крайних выводов как германистов, так и романистов, критикуя в частности, реакционные идеи Фюстель де Куланжа. Разбираясь в исторических идеях того или иного автора, Васильевский обращается к анализу его политических взглядов. «Взгляд и стремление современности всегда имели влияние на суждение о прошедшем»³⁵ — таков один из главных критериев Васильевского в историографическом анализе. Курс Васильевского был свидетельством того, что в преподавании средневековья в Петербургском университете наступил новый этап.

Преемником Васильевского по кафедре был один из его ближайших учеников Иван Михайлович Гревс (1860—1941)³⁶, либерал по своим политическим взглядам. В числе фрондирующих профессоров во время студенческой забастовки 1899 г. он вместе с Н. И. Кареевым, М. И. Туган-Барановским и другими был уволен тогдашним министром просвещения Боголеповым и восстановлен только в 1902 г. Гревс — участник борьбы за университетскую автономию. Будучи профессором, он явился одним из создателей исторических семинариев в Петербургском университете, разработал метод исторических экскурсий как один из способов подготовки историков и успешно реализовал его.

Как ученый Гревс — крупный эрудит, знаток источников и историографии, опытный исследователь. В университетские годы Гревс целиком следовал за своим учителем; он перенял интерес Васильевского к социальным проблемам, причем этот интерес был усугублен, как это признает сам Гревс³⁷, влиянием идей Маркса. Вслед за Васильевским Гревс придавал большое значение исследованию падения Римской империи для выяснения генезиса средневековья — это было одной из главных тем его магистерских экзаменов. Как и его учитель, он занимал критическую позицию по отношению к националистическим увлечениям романистов и германистов, о чем свидетельствует первая печатная работа Гревса, тогда еще молодого магистранта, «Новое исследование о колонате»³⁸, разбиравшая «Римский колонат» Фюстель де Куланжа. Признавая научные достоинств

³⁵ «История средних веков». Отдел четвертый. История франкского государства. Лекции проф. В. Г. Васильевского 1882—1883 Составл. студентами Михаилом Ершовым и Петром Извольским. СПб., (без даты), стр. 4.

³⁶ Е. Ч. Скржинская. Иван Михайлович Гревс (биографический очерк). Приложение к кн.: И. М. Гревс. Тацит. М.—Л., 1946, стр. 223—248

³⁷ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Сб. «Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук», Л., 1948, стр. 34.

³⁸ И. М. Гревс. Новое исследование о колонате. ЖМНП, 1886, ноябрь, отд. II, стр. 118—165, декабрь, отд. II, стр. 307—354.

ва статьи французского историка, Гревс выступил с резкой критикой реакционных романистических идей автора, составлявших основу его главного труда «История общественного строя древней Франции». Основная идея Фюстель де Куланжа — идея «крайнего романизма, полного отрицания влияния германского элемента на образование общественного строя Франции и решительной апологии всего, связанного с традициями Римской империи,— односторонняя и фальшива. Она противоречит твердо установленным фактам и не может быть принята»³⁹, — решительно заявлял Гревс.

Еще более резок он был в оценке приемов исследования, которыми пользовался Фюстель де Куланж. Эти приемы грешат «неточностями, искажениями и натяжками. Это уже не ошибки... Тут уже виден недостаток добросовестности, который в ученом, отыскивающем истину и оповещающем ее, особенно неуместен, все равно, как бы его ни объясняли — желанием ввести в заблуждение или простым ослеплением партийными или национальными предрассудками... Такая небезупречность, колеблющая доверие к выводам Фюстель де Куланжа, постоянно бросается в глаза при чтении его сочинений»⁴⁰.

Но Гревс весьма недолго оставался на этих позициях. От решительной критики Фюстель де Куланжа он вскоре перешел к прямому преклонению перед ним. Немалую роль в этом повороте сыграла научная командировка Гревса в Париж⁴¹ в год смерти Фюстеля де Куланжа (1889), когда в Сорбонне больше всего говорили о «великом историке» и превозносили его значение. Переход Гревса на новые позиции явился одним из симптомов общего усиления реакционных идей в русской буржуазной историографии в результате реакции 80-х годов. Не случайно главным, что привлекло теперь Гревса в концепции Фюстеля, была борьба с идеей общественных переворотов.

В 1890 г. Гревс стал читать в университете курс «История государства и общества в период падения Римской империи», а в 1895 принял от Васильевского чтение общего курса истории средневековья. О методологической направленности преподавания Гревса дает отчетливое представление его магистерская диссертация «Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи)». Гревс следует традициям социально-экономического изучения истории, однако свою задачу решает в духе Фюстель де Куланжа. Все, против чего Гревс недавно так решительно выступал, теперь приобрело для него неотразимость непреложных

³⁹ Там же, ЖМНП, 1886, ноябрь, стр. 120.

⁴⁰ Там же, стр. 121.

⁴¹ И. М. Гревс. Очерки из истории Римского землевладения, т. I. СПб., 1899, стр. XVI.

истин: если идея крайнего романизма прежде противоречила твердо уставленным фактам, то теперь именно эта идея приобрела в глазах Гревса «победоносную убедительность», ибо выросла у Фюстеля в «широкую концепцию о непрерывности исторического развития»⁴² и «доказывала», что история развивается без революционных скачков. Если приемы исследования Фюстель де Куланжа ранее были для Гревса «недостатком добросовестности», то теперь они стали предметом подражания.

Исходя из правила Фюстель де Куланжа, что научное обобщение должно основываться на «микроскопическом исследовании», Гревс придал своей книге характер «индивидуальных этюдов» об отдельных поместьях — Горация и Помпония Аттика. Свежий, оригинальный материал источников Гревс подчинил своей предвзятой идее — доказать неизбежность крупного римского поместья и его могучее влияние на социальный строй средневековья. При этом он пытался идею непрерывности перехода от древнего мира к средним векам совместить с идеей разложения Римской империи и находил выход в теории Бюхера, объявив экономику поздней империи «ойкосным» хозяйством: «Новая Европа получила в наследие от древней империи в качестве единственной вполне живой социальной организации крепко сплоченную и могущественную, автономную и самодовлеющую, замкнуто живущую барскую латифундию. Это была варваризация, принявшая „ойкосные“ формы»⁴³.

Признавая научно несостоятельные теории Фюстель де Куланжа и Бюхера за высшую истину, Гревс решительно ополчился против марксизма, понимаемого им как «экономический материализм». Признавая за Марксом выдающуюся роль в сфере политической экономии, Гревс категорически отказывается признать какое-либо значение его «ложной историологической идеи» в глазах «истинных историков». Отстаивая теорию множественности равноправных «факторов», Гревс пытается доказать, что нельзя придавать особого значения экономике и тем самым создавать «привилегированный, особенно ярко освещенный пункт»; даже стройность марксистской теории кажется Гревсу доказательством ее «несостоятельности».

Свою магистерскую диссертацию Гревс рассматривал как часть большой работы о римском землевладении. Второй ее том — докторская диссертация, посвященная императорскому землевладению, — был уже подготовлен. Но в это время в Гер-

⁴² И. М. Гревс. Очерки из истории Римского землевладения, т. I, стр. 23.

⁴³ Там же, стр. 616.

мании историк Отто Гиршфельд выступил со статьей по той же проблеме; несмотря на то, что Гревс располагал более богатым материалом, он отказался от работы над своей книгой, поскольку его приоритет был утерян. Эта неудача явилась тяжелым ударом для Гревса и наложила отпечаток на всю его дальнейшую деятельность: он теряет интерес к истории происхождения феодализма⁴⁴, его внимание все более концентрируется главным образом на истории средневековой культуры.

С либеральных позиций выступал другой воспитанник того же Петербургского университета — Федор Яковлевич Фортинский (1846—1902). Наибольшее влияние в университете на молодого Фортинского оказал славист И. И. Срезневский, во многом определивший направление научных интересов своего ученика: в исследованиях Фортинского большое место заняли взаимоотношения германского и славянского мира. В 1872 г. он защитил магистерскую диссертацию «Титмар Мерзебургский и его хроника», где выступил как взыскательный источниковед, проделав большую работу по исследованию текста хроники Титмара. За основу он взял Дрезденскую рукопись этого документа, изученную им в подлиннике и оцененную им как важный исторический источник, дававший, в частности, существенные сведения о славянах. Книга Фортинского вошла в число лучших исследований хроники Титмара не только в русской, но и в зарубежной науке.

С 1872 г. Фортинский — доцент кафедры всеобщей истории Киевского университета — коллега И. В. Лучицкого по этой кафедре. Посланный за границу (1874—1875), он учился в семинаре Г. Вайца в Геттингене и в парижской Школе хартий⁴⁵. Находясь в заграничной командировке, он присылал в киевские «Университетские известия» рецензии на некоторые зарубежные сочинения, в которых решительно отстаивал в то время прогрессивные традиции русской исторической науки. В частности, когда вышел первый том нашумевшего труда Фюстель де Куланжа «Происхождение общественного строя древней Франции» (1875), Фортинский откликнулся на него весьма критической рецензией. В противовес романизму Фюстеля он, опираясь на источники, доказывал значение общинно-родовых

⁴⁴ В 1905 г. Гревс опубликовал третий «индивидуальный этюд», служивший дополнением к I тому «Очерков из истории римского землевладения» и касавшийся данных Петрония по аграрной истории I века империи; к этой теме Гревс вернулся уже в советское время.

⁴⁵ Ф. Фортинский. Из Геттингена. ЖМНП, 1875, октябрь, стр. 78—90; его же. Научно-историческая деятельность Георга Вайца. «Университетские известия». Киев, 1879, № 3, стр. 65—78; № 4, стр. 79—112; его же. Исторические занятия в Ecole des chartes и в Ecole des hautes études в Париже. ЖМНП, 1876, январь, стр. 1—17.

отношений древних германцев. Вместе с тем он подчеркивал роль внутреннего кризиса самой Римской империи ⁴⁶.

Самым крупным трудом Фортинского была его докторская диссертация «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г.» (1877). К этому времени создался огромный разрыв между многочисленными публикациями источников по истории Ганзы и монографическим использованием этого материала. Фортинский поставил своей задачей исследовать историю пяти городов, возникших на земле, некогда заселенной славянами и затем колонизованной немцами,— Любека, Ростока, Висмара, Штральзунда и Грейсфельда, а также выяснить их роль в истории Ганзы. Захват вендской территории немцами Фортинский объясняет корыстными интересами немецких князей. «Объяснять вековые войны славян с немцами только взаимною религиозностью и племенной враждою едва ли возможно» ⁴⁷,— таков тезис, из которого исходит автор. Силой, которая давала решительный отпор пришельцам, Фортинский считает славянские народные массы; славянские князья скоро находили общий язык с немецкими феодалами, ибо «не нужно забывать, что стремления князей и народа не всегда совпадали между собою» ⁴⁸. Феодалы и церковь, выступавшие во имя Христа, в действительности преследовали интересы наживы; в частности, исходя из этих интересов, они приглашали колонистов. Что касается самих колонистов, то рассказы об их привольной жизни были легендой, творимой феодалами и церковью. Колонисты попадали здесь в феодальную зависимость, несли барщину; у славян барщина берет начало именно с прихода феодальных колонизаторов.

Книга рассказывает об истории общественного устройства вендских городов, слагавшегося в тяжелой борьбе с сеньорами. Автор не упускает из виду и внутренней борьбы в городах, называя революцией всякое выступление против городского совета. История экономического развития этих городов, их торговли, подробная история их участия в знаменитом торговом союзе средневековья (в частности, Любек, как известно, играл в Ганзе исключительную роль) — все это дается в тесной связи с внутренней историей городов и международными отношениями того времени. Книга построена на большом документальном материале; она явилась для своего времени большим вкладом в изучение истории ганзейских городов и средневековой торговли.

⁴⁶ См. рецензию Ф. Фортинского. «Университетские известия», Киев, 1875, № 5, ч. II, стр. 131.

⁴⁷ Ф. Я. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877, стр. 10.

⁴⁸ Там же, стр. 47.

В течение долгих лет Фортинский читал лекционные курсы по истории средних веков; кроме общего курса средневековья, он читал историю Англии, Франции, Италии, историю крестовых походов, папства, историю городов. После увольнения Драгоманова (1875) на Фортинского легло чтение Римской истории, а также истории древнего Востока. Эти курсы в известной мере напоминают курс Васильевского, читавшийся в это время. Фортинский останавливается на социально-экономической истории, дает систематический обзор источников и отчасти историографии; курсы отличаются обилием систематизированного фактического материала. Однако политическая история обычно излагается в отрыве от социально-экономического развития, ведется по династиям и правлениям крупных королей.

После выхода в свет докторской диссертации Фортинский уже не создал ни одной книги. За эти годы он написал много рецензий, свидетельствующих о том, что он внимательно следил за литературой, выходящей за рубежом⁴⁹. Эти рецензии показывают Фортинского как крупного историковеда; что же касается политических позиций автора, то эти работы убедительно свидетельствуют о весьма умеренном характере его либерализма. Показательна в этом отношении его рецензия на книгу французского историка А. Vabean «Le village sous l'ancien régime», где он старается доказать, что развитие деревни и благополучие крестьянства «в материальном и нравственном отношении» лучше всего может быть обеспечено при монархии. Симптоматична была и его публичная лекция, прочитанная в 1881 г., — «Положение городских ремесленников в Германии в средние века». Фортинский рисует картину того, как средневековые цехи стали разлагаться и как основная масса ремесленников превратилась в эксплуатируемых капиталистами рабочих, но весь этот экскурс в прошлое направлен против социалистов на Западе, «пытающихся уничтожить господство капитала над трудом... переделать по-своему весь настоящий общественный строй

⁴⁹ Все они помещены в киевских «Университетских известиях»; Julius Ficker. *Beiträge zur Urkundenlehre* (1877, № 1, стр. 11—28); Новые открытия в области истории ордена Темплиеров (1878, № 2, ч. II, стр. 16—30; № 4, ч. II, стр. 83—93); *Monumenta Germaniae Historica* (1880, № 3, стр. 29—45); Научная разработка истории первого крестового похода (1882, № 4, ч. II, стр. 83—99); Подготовка к изданию грамот Оттона Великого (1883, № 7, ч. II, стр. 233—258); Опыты систематической обработки исторической критики (1884, № 8) и др. По заказу Академии наук Фортинский написал два больших отзыва (вышедших отдельными изданиями в Петербурге) на книги русских авторов. Первый из них (1878) содержал разбор книги С. Гедеонова «Варяги и Русь». Второй (1894) посвящен был книге Н. М. Бубнова «Сборник писем Герберта как исторический источник».

и усматривающих в средневековых цехах исторический пример союза тружеников против хозяев»⁵⁰.

Девяностые годы, бесплодные в научном отношении для Фортинского, не позволяют судить, как развивались в это время его научные взгляды. Однако его политические воззрения и общественная деятельность являются красноречивым свидетельством верноподданнического служения либерала Фортинского российскому самодержавию. Вскоре после возвращения из-за границы он становится секретарем историко-филологического факультета, а в 1887 г.— его деканом, сменив на этом посту В. С. Иконникова. Последние двенадцать лет жизни (1890—1902) он был ректором Киевского университета. На рубеже XIX и XX вв. в России, как известно, поднялась волна студенческих выступлений; Киевский университет был одним из крупных центров движения. Фортинский, как ректор университета, со всем усердием его подавлял. Именно в ректорство Фортинского в январе 1901 г. были отданы в солдаты 183 студента Киевского университета. На этот факт вопиющего произвола указывал В. И. Ленин в «Искре»⁵¹. В дальнейшем подобная отдача в солдаты стала в Киевском университете обычным явлением. Начальник жандармского управления генерал Новицкий, попечитель учебного округа В. В. Вельяминов-Зернов и ректор Фортинский стали наиболее ненавистными фигурами для киевского студенчества, в университете распространялся портрет Фортинского, где ректор был изображен в форме жандарма в рамке из нагаек.

III

М. С. КОРЕЛИН, М. М. КОВАЛЕВСКИЙ, П. Г. ВИНОГРАДОВ.
ПЕРВЫЕ РАБОТЫ Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО

Наиболее крупную роль в истории русской либеральной медиэвистики сыграл Московский университет, с которым была связана деятельность целой плеяды крупных ученых, некоторые из которых, например М. С. Корелин и П. Г. Виноградов, были учениками В. И. Герье. Сам Герье в изучаемый период занимался преимущественно новой историей. Правда, некоторое время он читал курс истории средних веков, но, поглощенный проблемами французской революции, он передал чтение этого курса Виноградову.

Исследовательская работа Герье в области средневековья нашла свое отражение в этот период лишь в одном небольшом

⁵⁰ Ф. Фортинский. Положение городских ремесленников в Германии в средние века. «Университетские известия». Киев, 1881, № 2, ч. II, стр. 53—72.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 388—393.

историческом очерке «Виллигиз, архиепископ Майнцский»⁵². Деятельность майнцкого архиепископа интересует Герье в связи с той большой государственной ролью, которую церковь играла в Германии XII в. «Единственный организованный элемент, на который могли опираться немецкие короли, представляла церковь»⁵³. Архиепископ Майнца — наместник пап в Германии, глава немецкого духовенства и канцлер королевства — был весьма заинтересован в государственном единстве Германии. Именно эти обстоятельства и сделали в глазах Герье тему о Виллигизе, игравшем крупную политическую роль при императорах Оттонах, достойной специального исследования. Тезис об определяющей роли церкви в истории средних веков стал основой концепции Герье, которую он развивал в дальнейшем, обратившись к изучению средневековья. По своим методологическим взглядам Герье был крайний идеалист; он решительно возражал даже против стремления позитивистов использовать в интересах идеализма выводы естественных наук, считая это «позитивистским оскудением» русской науки.

Из всех учеников Герье его концепцию откровенного идеализма усвоил Михаил Сергеевич Корелин (1855—1899) — профессор Московского университета. Он был также учеником известного шекспиролога Н. И. Стороженко, лекции которого по истории всеобщей литературы, построенные на широком культурно-историческом фоне, привлекали внимание и студентов-филологов, и студентов-историков. На тему, предложенную Н. И. Стороженко, была написана первая серьезная научно-исследовательская работа студента Корелина, удостоенная золотой медали. В печати появилась лишь часть этого исследования под заглавием «Западная легенда о докторе Фаусте»⁵⁴. Интерес к литературе и театру Корелин сохранил до конца жизни.

В 1892 г. Корелин защитил диссертацию «Ранний итальянский гуманизм и его историография»; автору, добивавшемуся степени магистра, сразу была присуждена степень доктора всеобщей истории. В том же году М. С. Корелин получил звание экстраординарного профессора Московского университета, где и сосредоточилась его основная деятельность. Жизненный путь Корелина был краток, но проделанная им научная работа весьма значительна.

⁵² Поводом для его написания была передача известным собирателем древних рукописей А. И. Хлудовым Румянцевскому музею латинской рукописи XII в. «*Officium et miracula sancti Willigisi*». Сочинение Герье являлось вступительной статьей к этой рукописи.

⁵³ В. Герье. Виллигиз, архиепископ Майнцский. М., 1869, стр. 2—3.

⁵⁴ М. С. Корелин. Западная легенда о докторе Фаусте. «Вестник Европы», 1882, ноябрь-декабрь, стр. 263—294.

Знаток всеобщей истории, ученый широкого диапазона, Корелин свою научно-исследовательскую работу сосредоточил главным образом на изучении эпохи Возрождения в Италии. Еще на студенческой скамье он интересовался творческой деятельностью итальянских и немецких гуманистов. Первый прочитанный им курс по всеобщей истории на Высших женских курсах (1880—1881) был посвящен истории XVI—XVII вв.; здесь значительное место было отведено итальянскому и немецкому гуманизму. Интерес к Ренессансу обусловил и выбор темы для диссертационной работы.

Сначала Корелин задумал написать исследование об одном из виднейших представителей итальянского гуманизма XV в. Лоренцо Валла, но по мере ознакомления с источниками и литературой по эпохе итальянского Возрождения тема изменилась. Русский ученый был не удовлетворен состоянием историографии, посвященной Ренессансу, и самими методами изучения жизни и творчества итальянских гуманистов. Корелин обратил особое внимание на совершенно недостаточное изучение источников: многие сочинения видных итальянских гуманистов остались неисследованными и неизданными. Самый вопрос о сущности итальянского Ренессанса и его исторической эволюции не удовлетворял Корелина. Если одни ученые всю сущность гуманизма сводили лишь к возрождению классической древности (наиболее видным представителем этого направления был Фойгт), то другие (например Буркгардт) в расцвете художественной культуры Ренессанса в Италии, видели прежде всего свободное развитие личности. Культура Возрождения, по мнению Буркгардта, — культура индивидуалистическая. Выдвинув это положение, Буркгардт, однако, не обосновал его в историческом аспекте, проявив недостаточное знание первоисточников.

Проблемами эпохи Возрождения занимались и русские ученые. Зачинатели отечественной медиевистики Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев проявляли интерес к этому знаменательному периоду. Особенное внимание Ренессансу и гуманизму уделял П. Н. Кудрявцев в своих работах и лекционных курсах. Первыми русскими исследователями эпохи Возрождения были непосредственные ученики П. Н. Кудрявцева в Московском университете. Если В. И. Герье ограничился большими вводными разделами о гуманизме в лекционных курсах по истории реформации XVI в. и главой о Макиавелли в своей «Философии истории», то два других слушателя Кудрявцева — известные историки всеобщей литературы Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовский — выступили с выдающимися общепризнанными исследованиями по эпохе Возрождения. Профессор Московского университета Николай Ильич Стороженко (1836—

1906) специально занимался эпохой Возрождения в Англии; ему принадлежат пользующиеся большой известностью труды, посвященные Шекспиру и его времени⁵⁵. Н. И. Стороженко принадлежат также труды, посвященные Ренессансу в Италии, Франции и Испании. В Московском университете Н. И. Стороженко читал курсы и проводил семинарии по эпохе Возрождения. Представитель культурно-исторической школы в литературоведении, Н. И. Стороженко обращал большое внимание на исторический фон литературной эволюции, на условия эпохи и среды. М. М. Ковалевский не без основания называл Н. И. Стороженко историком культуры.

Крупнейшим специалистом по эпохе Возрождения в Италии был профессор Петербургского университета академик Александр Николаевич Веселовский (1838—1906). Ученый широкого диапазона, большой эрудит, применявший сравнительно-исторический метод изучения литературных явлений, А. Н. Веселовский опубликовал ряд исследований по итальянскому Ренессансу⁵⁶. Особый интерес для историка представляет работа «Вилла Альберти», в которой автор на основании изучения открытых им новых чрезвычайно интересных литературных памятников дает характеристику культурных запросов и настроений итальянского общества на рубеже XIV—XV вв.; здесь впервые в русской научной литературе говорится о восстании чомпи во Флоренции. В последующих работах А. Н. Веселовского преобладает более идеалистическая трактовка литературно-культурных сюжетов, социальный фон определенно тускнеет.

Таковы были русские специалисты по эпохе Возрождения, к которым примкнул М. С. Корелин, продолжая ренессансную традицию исторической школы Московского университета. В своей диссертации Корелин пускает в научный оборот ряд неизданных произведений итальянских гуманистов, изученных им в различных заграничных библиотеках. Так, им впервые обследованы любопытные произведения Джиованни да Равенна, профессора в Падуе, в том числе его «Драматология о предположительном образе жизни», «История Рагузы» и др.; часть этих трудов Корелин опубликовал в приложении к диссертации

⁵⁵ Н. И. Стороженко. Предшественники Шекспира. Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елизаветы, т. 1. Лилли и Марло. СПб., 1872; его же. Роберт Грин. Его жизнь и произведения. М., 1878 (перев. на англ. язык) и др. Последняя небольшая обобщающая работа «Шекспир и литература эпохи Возрождения» опубликована в журнале «Научное слово», 1904, кн. IV.

⁵⁶ А. Н. Веселовский. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV стол. М., 1870; его же. Боккаччо, его среда и сверстники, т. 2, 1893—1894 и др.

ции. Автор говорит о 270 гуманистах и их соратниках; наряду с видными деятелями обращено внимание и на «рядовых гуманистической армии». Корелин вносит также много нового и в изучение таких видных деятелей и писателей, как Леонардо Бруни, Колуччо Салютати, Манетти и др. Пользуясь излюбленным биографическим методом, Корелин группирует изучаемых авторов по определившимся культурным центрам Италии.

На обильном материале источников Корелин показал индивидуалистический характер гуманистического мировоззрения, его стремление утвердить высокое достоинство человека; он показал также, что интерес гуманистов к классической древности противоречил всей средневековой идеологии. Резюмируя свои изыскания, Корелин говорит: «Итак, сущность гуманистического движения заключается в критическом отношении к средневековым формам культуры во имя новых индивидуальных потребностей и в стремлении выработать основанное на них новое мирозерцание, т. е. новую этику, педагогику, политику и науку, причем авторитетная классическая древность служила только оружием для борьбы со старой культурой и опорой при выработке нового мирозерцания»⁵⁷.

Вклад Корелина в изучение гуманизма значителен: во-первых, он проделал огромную источниковедческую и историографическую работу, которую не предпринимал ни один из его предшественников; благодаря этому идеи гуманистов получили обоснование на большом документальном материале; во-вторых, основываясь на этом материале, Корелин доказал, что гуманизм представлял собою целое движение, в котором участвовали сотни «рядовых гуманистической армии», а не сводится только к отдельным, хотя и знаменитым, гуманистам.

Но в то же время книга Корелина — произведение крайнего идеалиста. Гуманизм он представляет самодовлеющим идеологическим течением, независимым от общественных условий, в которых он возник. Правда, Корелин признает, что в Италии того времени происходил социальный переворот, что господствовавшие прежде общественные классы с их сословными привилегиями сходили со сцены и в итальянских республиках шло «социальное брожение», но для автора это является лишь побочным обстоятельством, не имеющим никакого значения по существу, ибо, по его мысли, *«сословное брожение только создавало среду и атмосферу, благоприятную для гуманистического движения, а не было его причиной»*. Борьба гуманистов

⁵⁷ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография М., 1892, стр 1076

против аристократии происходила во имя индивидуальных свойств личности, а не интересов какого-либо общественного класса, а кроме того, политический демократизм совершенно чужд ранним представителям движения... Гуманисты не были органом какого-либо общественного класса, а их идеи о человеческой природе, об этике, о науке не обуславливались социальными переменами, происходившими в современном им обществе»⁵⁸.

М. С. Корелин игнорирует социальные основы Ренессанса; психология отдельных личностей и развитие идей им выдвигаются на первый план. Н. И. Кареев, причисляя М. А. Корелина к историкам-психологам, замечает: «Родоначальниками этого психологического интереса к истории были гуманисты, и Михаил Сергеевич в этом отношении был натурою, им несомненно родственною»⁵⁹.

Вслед за исследованием о раннем итальянском гуманизме Корелин опубликовал ряд работ, посвященных эпохе Возрождения в Италии. В особой статье он охарактеризовал политические взгляды и мировоззрение Петрарки, в небольшой этюда останавливался на активной деятельности первой женщины-гуманистки Изотты Ногарола, на создании новой гуманистической школы в Мантуе, на взглядах Л. Батиста Альберти на науку и искусство. Большой интерес вызвал доклад Корелина на IX археологическом съезде в Вильне на тему: «Первые шаги классической археологии», где автор охарактеризовал деятельность Поджио, Чириако из Анконы и Пьетро Дечембрио в области изучения памятников древности. Из обширного исследования о Лоренцо Валла, над которым работал в последние годы Корелин, опубликована статья «Этический трактат Лоренцо Валла „Об удовольствиях и об истинном благе“»⁶⁰ и посмертно напечатаны два этюда «Папство в эпоху гуманизма»⁶¹ и «Папский секретарь и гуманист Поджио Брачиолини»⁶². Корелиным также был написан ряд статей по истории гуманизма для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Некоторые из названных статей были включены в неоднократно издававшийся сборник «Очерки итальянского Возрождения».

⁵⁸ Там же, стр. 1085—1086.

⁵⁹ Н. Кареев. М. С. Корелин как историк гуманизма (отд. оттиск). М., 1900, стр. 12.

⁶⁰ М. С. Корелин. Этический трактат Лоренцо Валла «Об удовольствиях и об истинном благе». «Вопросы философии и психологии», 1895, т. XXIX, стр. 391—444; т. XXX, стр. 519—557.

⁶¹ М. С. Корелин. Папство в эпоху гуманизма. «Русская мысль», 1899, кн. X, стр. 70—104.

⁶² М. С. Корелин. Папский секретарь и гуманист Поджио Брачиолини. «Русская мысль», 1899, кн. XI, стр. 133—153; кн. XII, стр. 105—132.

Настойчиво проводя свои идеалистические взгляды, Корелин отмечал аристократический характер гуманистического движения: «...несмотря на блестящий успех, гуманистическое движение не успело приобрести прочной почвы в Италии вследствие недостатков, заключавшихся отчасти в миросозерцании гуманистов, отчасти в их общественном положении. Совершив переворот в воззрениях образованного общества, гуманизм не был в состоянии проникнуть в массу, не сохранил для интеллигенции связей с народом, заключающихся в религии и патриотизме, и остался без твердых корней на поверхности итальянского общества»⁶³.

Кроме исследований по Ренессансу, Корелин опубликовал ряд научных и научно-популярных работ по другим вопросам всеобщей истории. Некоторые из этих трудов возникли на основе лекционных курсов. Так, например, пользовавшаяся в свое время большой популярностью и выдержавшая несколько изданий книга «Падение античного миросозерцания (Культурный кризис в Римской империи)» воспроизводит цикл публичных лекций. Автор прослеживает на широком культурно-историческом фоне перипетии борьбы язычества с христианством; он подчеркивает, что его задачей является «показать бессилие языческой реформы и выяснить причины победы новой религии, поскольку они заключались в психологических условиях эпохи». Характерна для Корелина оговорка, что «социальные, политические и экономические причины торжества христианства останутся вне нашей цели». Также из курса публичных лекций возникла книга «Важнейшие моменты в истории средневекового папства».

И в университете, и на Высших женских курсах Корелин читал различные курсы по древней, средневековой и новой истории. В Московском университете им прочитаны курсы по истории Древнего Востока, Римской империи и папства в средние века, по истории XIX века; им прочитан был также курс по истории искусства. Некоторые из этих лекционных курсов выходили в литографированных студенческих изданиях.

Как ученый Корелин не замыкался в стенах своего кабинета, он принимал непосредственное участие в культурно-просветительной работе, в популяризации научных знаний. Участвуя в работе Комитета грамотности, Корелин выступил с программной статьей «Что можно дать для народного чтения из всемирной истории?» Он полагал, что «популяризация в самом широком смысле слова обуславливает общественное значение нау-

⁶³ М. С. Корелин. Очерки итальянского Возрождения. М., 1910, стр. 22.

ки, и содействие ей в той или другой форме, по мере сил и возможности, составляет нравственный долг и общественное служение ученого»⁶⁴. Корелиным опубликовано пять книжек иллюстрированных чтений по культурной истории для учащихся и широких кругов читателей.

С Московским университетом был связан лучший период деятельности крупнейшего русского буржуазного медиевиста Максима Максимовича Ковалевского (1851—1916)⁶⁵. Формально Ковалевский был юристом, но считал себя историком. «Догматическая юриспруденция никогда не пользовалась моими симпатиями... Меня несравненно более привлекали к себе экономика и обществоведение»⁶⁶, — писал он о себе. Ковалевский представлял собой тот тип историка, который в буржуазной историографии этого периода получил наибольшее распространение, ибо, как подчеркивал Ковалевский, «все становятся в наши дни экономистами и социологами»⁶⁷.

На юридический факультет в Харькове молодого Ковалевского привлекло имя Д. И. Каченовского, сыгравшего затем большую роль в формировании идеологии Ковалевского⁶⁸. В истории России его больше всего привлекала история

⁶⁴ М. С. Корелин. Что можно дать для народного чтения из всемирной истории. «Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета». М., 1897, стр. 40.

⁶⁵ О М. М. Ковалевском см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 40, 41, 43, 109, 113, 118; т. XXVII, стр. 28, 62; К. А. Тимирязев. Памяти друга. Соч., т. 8, 1939, стр. 323—340; Е. А. Косминский. Изучение истории западного средневековья. «Вестник АН СССР», 1945, № 10—11, стр. 43—60; его же. Аграрная история Англии и русская историческая школа. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1945, № 3, стр. 140—141; Н. Г. Грацианский. М. М. Ковалевский как историк средневековья. «Вестник Европы», 1916, июнь, стр. 143—155; А. Н. Савин. М. М. Ковалевский как историк. «Исторические известия», 1916, № 1, стр. 170—183; его же. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии. ЖМНП, 1901, июнь, отд. II, стр. 318—344; Н. Кареев. М. М. Ковалевский в своих исторических работах. «Право», 1916, № 13, стр. 790—797; П. Ф. Лаптин. Проблемы общины в трудах М. М. Ковалевского. «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 110—120. Г. Г. Мошковиц. М. М. Ковалевский как историк средневекового города (диссертация), 1954. В этой работе использован обширный архивный материал о М. М. Ковалевском, в частности его рукописная автобиография «Моя жизнь», хранящаяся в архиве АН СССР.

⁶⁶ М. Ковалевский. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. «Вестник Европы», 1910, май, стр. 193.

⁶⁷ М. Ковалевский. Экономический строй России. СПб., 1899, стр. 4.

⁶⁸ М. М. Ковалевский. Д. И. Каченовский. Характеристика Д. И. Каченовского в связи с личными о нем воспоминаниями. Харьков (без даты); его же. Мое научное и литературное скитальчество. «Русская мысль», 1895, кн. I, стр. 61—80.

капитализма⁶⁹, история реформ и представительных учреждений⁷⁰. Естественна поэтому его высокая оценка деятельности Петра I. Идеалом общественного строя будущей России он вместе с Каченовским считал английские порядки. Даже наиболее «левое» (правда, весьма кратковременное) увлечение студента Ковалевского прудонизмом было обусловлено либеральной идеей «взаимности». Областью специализации в юридических науках Ковалевский избрал государственное право европейских стран, дававшее ему возможность изучать политические порядки и историю буржуазных конституций в Европе. За кандидатскую (выпускную) работу «О конституционных опытах Австрии и чешской национальной оппозиции» Ковалевский был оставлен при кафедре государственного права, и в 1872 г. уехал за границу для подготовки магистерской диссертации.

Ковалевского интересовала история западной буржуазной демократии; задача, которую он себе поставил, состояла в изучении местного самоуправления, в особенности местных законодательных и административных гарантий, служивших противовесом государственному централизму. За четырехлетнее пребывание за границей Ковалевский собрал документальный материал, объем которого вышел далеко за пределы его не только магистерской, но и докторской диссертации.

Однако значение этой первой поездки за границу состоит не только в этом. Поездка за границу сыграла решающую роль в выработке его исторического мировоззрения. Ковалевский становится позитивистом. «Курс положительной философии» О. Конта Ковалевский читал еще студентом⁷¹, теперь же окончательно завершается формирование системы его позитивистских взглядов. Большую роль в этом отношении сыграли русские социологи Г. Н. Вырубов и Е. В. Де-Роберти проповедовавшие позитивизм во Франции. В Лондоне Ковалевский становится членом клуба «Атеней», во главе которого стоял Г. Спенсер, и знакомится с самим Спенсером. С этой поры Ковалевский уже никогда не покидал почвы позитивистской методологии. Как признавался сам Ковалевский⁷², главное, что привлекало его в Спенсере, была идея медленного, эволюционного развития истории; эту «реальную» точку зрения Ковалевский явно предпочел революционной теории Маркса.

⁶⁹ М. М. Ковалевский. Экономический строй России. СПб., 1899.

⁷⁰ М. М. Ковалевский. Очерки по истории политических учреждений России. СПб. (без даты).

⁷¹ М. М. Ковалевский. Соперничество немецкого, французского и английского влияний на русскую интеллигенцию в середине прошлого столетия. «Вестник Европы», 1916, январь, стр. 217.

⁷² М. М. Ковалевский. Две жизни. «Вестник Европы», 1909, № 5—6.

Но гораздо более знаменательным было другое обстоятельство. В свои позитивистские взгляды Ковалевский вносит в это время существенные поправки и делает это под прямым влиянием К. Маркса. Познакомившись с Марксом в 1874 г., русский ученый сохранил затем благодарную память о Марксе «как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности»⁷³. Влияние Маркса во многом определило взгляд Ковалевского на экономическое развитие как основу исторического процесса. Правда, он, как известно, причину самого экономического развития сводил к росту народонаселения, тем не менее монистический принцип главенствующей роли экономики в истории общества сыграл чрезвычайно плодотворную роль в исследованиях Ковалевского и определил направление его научных интересов.

Влияние Маркса сказалось в том, что интерес Ковалевского к проблемам крестьянской общины получил особое направление, оказавшись связанным с проблемами коллективных форм собственности на первобытных стадиях человеческой истории. Наряду с Мак-Леннаном и Морганом Ковалевский убедительно аргументировал наличие матриархальной стадии в истории рода; разойдясь в этом отношении с Г. С. Мэном, которого он в известной мере считал своим учителем. Опираясь на материал, собранный на Кавказе и Балканах одесским профессором Богишичем, а затем и на материал, собранный им самим, Ковалевский значительно продвинул вперед исследование вопроса о большой патриархальной семье как форме перехода от матриархальной семьи к моногамии. В этом отношении Ковалевский занимает особое место в русской буржуазной историографии. Как известно, проблемы рода в связи с происхождением крестьянской общины не раз привлекали внимание русских историков, но разрешались эти проблемы, как правило, с неверных позиций. Из специалистов по всеобщей истории свои взгляды на родовой строй наиболее полно и четко сформулировали М. С. Куторга и П. Г. Виноградов, рассматривавшие происхождение рода как соединение моногамных семей. Ковалевский же связывал коллективные формы собственности с коллективными формами семьи.

Энгельс писал: «После того как Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной большой семьи как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, вопрос уже стоит не так,

⁷³ М. М. Ковалевский. Встречи с Марксом. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 316.

как ставили его Маурер и Вайц, общая или частная собственность на землю: теперь вопрос стоит о форме общей собственности на землю»⁷⁴. Именно за подобную постановку вопроса и за то исключительное внимание, которое уделял Ковалевский разработке проблем крестьянской общины, Маркс назвал его одним из своих друзей по науке⁷⁵. Влияние Маркса и Энгельса нельзя не видеть и в том, что, в отличие от многих русских либеральных историков поздней поры, Ковалевский до конца дней видел в лице Н. Г. Чернышевского «самого выдающегося из русских мыслителей конца 50-х и начала 60-х годов»⁷⁶.

В 1876 г. Ковалевский вернулся в Россию. Начался десятилетний период его работы в Московском университете (1877—1887). Ковалевский стал здесь одним из популярнейших профессоров, лекции которого неизменно собирали огромную аудиторию⁷⁷; по своей популярности они напоминали лекции Грановского. Деятельность молодого Ковалевского была связана с кафедрой государственного права европейских государств, где он читал курсы сравнительного законодательства иностранных держав, истории американских учреждений, истории сословий на Западе и в России и др. Во всех этих курсах отчетливо выступает стремление лектора показать либеральный характер западноевропейских порядков, добиться того, чтобы слушатель реальнее представил себе контраст с русским абсолютистским строем, показать на примере истории западных конституций, что «эволюция» общества неизбежно ведет к созданию парламентарного строя. Эту же цель преследовали и его семинарии по истории русского и западноевропейского права, по истории местного самоуправления и т. д. В частности, под его редакцией студенты перевели на русский язык книгу Фримана и Стебса «Опыты по истории английской конституции» (1880).

На материале, собранном за границей, Ковалевский в свой московский период написал ряд книг. Уже в 1876 г. вышли его «Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV», посвященные Д. И. Каченовскому. Смысл создания такой книги автор видел в том, что «современная теория „правового государства“ с полным ос-

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 118.

⁷⁵ См. там же, т. XXVII, стр. 62.

⁷⁶ М. Ковалевский. Соперничество немецкого, французского и английского влияний на русскую интеллигенцию в середине прошлого столетия. «Вестник Европы», 1916, январь, стр. 214.

⁷⁷ Б. А. Шетинин. М. М. Ковалевский и Московский университет 80-х годов. «Исторический вестник», 1916, май, стр. 483—490.

нованием считает лучшей гарантией личной свободы и неприкосновенности частной собственности существование так называемой административной юстиции»⁷⁸. Книга имела целью обосновать права земств, введенных перед этим в России. Но работа над этой книгой дальше первого тома не пошла, и на причину этого указал сам Ковалевский. Книга начала создаваться еще в бытность автора за границей и была известна Марксу. «Маркс знакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свои суждения. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и, в частности, о юрисдикции налогов в ней, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом»⁷⁹.

Ковалевского, почитателя английских порядков, в значительно большей степени интересует история Англии. В этот период выходит целый комплекс его работ, посвященных английской истории. К 1876 г. относится «Полиция рабочих в Англии в XIV в. и мировые судьи как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими» (вышла в Лондоне). Через год вышла его магистерская диссертация «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I» (издана в Праге). В 1880 г. — докторская диссертация «Общественный строй Англии в конце средних веков». С этим циклом связаны и более мелкие работы «Иностранные влияния на политическую мысль Англии в XII и XIII столетиях»⁸⁰, «Английская конституция и ее историк»⁸¹, а также вышедшая несколько позже статья «Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии»⁸².

Самый характер этих работ — убедительный показатель, в каком направлении развивались научные интересы Ковалевского. Если не удовлетворившая его книга о юрисдикции налогов во Франции имела политико-юридический аспект, то работы об Англии ставят политическую и культурную историю Англии в связь с экономическим и социальным развитием.

⁷⁸ М. М. Ковалевский. Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV, т. I, вып. I. М., 1876, стр. V.

⁷⁹ М. М. Ковалевский. Встречи с Марксом. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 315.

⁸⁰ М. М. Ковалевский. Иностранные влияния на политическую мысль в Англии в XII и XIII столетиях. «Юридический вестник», 1879, январь, стр. 71—90; февраль, стр. 198—216; июль, стр. 103—119.

⁸¹ М. М. Ковалевский. Английская конституция и ее историк. М., 1880.

⁸² М. М. Ковалевский. Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии. «Юридический вестник», 1886, июнь-июль, стр. 259—284.

Если книга о Франции еще носит следы влияния Каченовского, то английский цикл создавался под теми влияниями, которые испытывал Ковалевский во время своего заграничного путешествия и где Марксу принадлежало значительное место. Уже в магистерской диссертации автор ставил своей целью «проследить влияние, оказываемое экономическим прогрессом и обусловливаемым им развитием сословий и классов на организацию общественных и государственных учреждений»⁸³, хотя эта цель была здесь реализована лишь в незначительной мере. Гораздо большее внимание уделяет Ковалевский социально-экономическому развитию в докторской диссертации. Все содержание книги состоит в решении следующих проблем, сформулированных самим автором: распределение недвижимой собственности, система поземельных держаний, распределение движимой собственности, сословия и, наконец, сословия и классы. Политическая история не привлекает в этой книге внимания Ковалевского.

Исходным моментом всей концепции английской средневековой истории является для автора положение о том, что земельная собственность является «одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического; от сосредоточения ее в руках того или другого сословия зависело и зависит распадение общества на влиятельные и невлиятельные классы»⁸⁴; являясь собственником не менее половины всех земель в стране, «английское дворянство держит в экономической зависимости от себя все и каждый из классов английского общества, рыцарей графств и горожан, свободных и крепостных владельцев»⁸⁵, а это является «необходимым условием власти». И естественно, что «сосредоточение недвижимой собственности в руках духовенства, высшей и низшей аристократии необходимо предполагает собою обезземеление простого народа. И действительно, нигде это обезземеление не достигло таких размеров, как в Англии»⁸⁶.

В работе «Полиция рабочих в Англии в XIV веке...» Ковалевский проследил, как появлялось в Англии обезземеленное крестьянство еще в средние века. Но это была лишь предыстория массовой пауперизации английских крестьян. Трагедия крестьянства Англии началась с усиления огораживания крестьянских земель. Это происходит не только в XVI в. — такой взгляд считался традиционным в науке, — но огораживания

⁸³ М. Ковалевский. История полицейской администрации... в английских графствах. Прага, 1877, предисловие.

⁸⁴ М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880, стр. 1.

⁸⁵ Там же, стр. 239.

⁸⁶ Там же, стр. 32—33.

приобретают большие размеры уже к концу XV в. Этот процесс явился сильнейшим фактором в развитии капитализма в Англии. Ковалевский указывал на насильственный характер развития капитализма. «Обезземеленье большинства народа и развитие беспримерного в новой истории городского пролетариата — вот последние звенья в этой непрерывной цепи экономически-социальных явлений, открываемых эмансипацией крестьян без земли, уничтожением общинных угодий, развитием системы крупных аренд, заканчиваемых же драконовым законодательством против бродяг и возведением тюрем для нищих, ради приличия называемых „рабочими домами“!»⁸⁷ Огромное значение в развитии английского капитализма имела также секуляризация церковных земель⁸⁸, на что указывал Ковалевский и в других работах. Свой взгляд на значение XV века как на начало аграрного переворота в Англии Ковалевский, в частности, отстаивал в работе «Английская конституция и ее историк, обвиняя английского историка Стебса в том, что он не понимает роли экономических явлений XV в., когда создается с одной стороны, «алчное землевладение» крупных собственников, а с другой — безземельное крестьянство.

При анализе этих процессов Ковалевский останавливается на борьбе крестьянства против угнетения. Оценивая восстание Уота Тайлера, он считает, что это был социальный протест не только крестьян, но и городских низов; он сочувственно говорит об этом восстании и упрекает Стебса за то, что тот по сути дела обошел молчанием это восстание. В то же время Ковалевский старается подчеркнуть всю «бесполезность» этого восстания, считая лучшим исходом мирное решение социальных конфликтов. Говоря в книге «Полиция рабочих в Англии в XIV веке и мировые судьи как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими» о разорении крестьянства и отдавая себе полный отчет в насильственном характере этого социального бедствия для английской деревни, Ковалевский прежде всего ставит своей задачей показать, что существовали средства и для мирного исхода борьбы, и это он старался подчеркнуть в самом заглавии своей книги.

Внимательно следит Ковалевский за развитием местного самоуправления в Англии. Создание местных органов противовеса «централизации и бюрократизму» Ковалевский считает

⁸⁷ Там же, стр. 134.

⁸⁸ М. М. К о в а л е в с к и й. Секуляризация монастырской собственности в Англии и ее ближайшие последствия. «Русская мысль», 1888, кн. I, стр. 112—126; кн. II, стр. 98—131.

делом буржуазии⁸⁹, но на примере Англии он показывает особый вариант, когда организатором местной жизни выступило дворянство. Он далеко не склонен приукрашивать господство английского дворянства; как сказал Виноградов, «Ковалевский стоял слишком близко к Марксу, чтобы не заметить своекорыстные элементы в преобладании помещичьего класса»⁹⁰, но он всячески старался подчеркнуть тот факт, что английское дворянство, не в пример континентальному, не представляло замкнутого сословия и было блюстителем либеральных традиций своего околотка, оберегая его от тяжелой руки абсолютизма. Английский образец в глазах Ковалевского имел то преимущество, что он совмещал монархию с земским самоуправлением — идеал, к которому стремился сам Ковалевский и который он ставил в пример России, ибо принципы английского общественного строя, по убеждению Ковалевского, «с одинаковым удобством могут быть привиты любой общественной среде, любым выработанным историей нравам и привычкам, применение которых не требует... предварительного переворота в самом строе общества»⁹¹.

Своими ранними работами Ковалевский вошел в русскую историографию как первый исследователь в ряду выдающихся русских историков, занимавшихся разработкой английской истории (Ковалевский, Виноградов, Петрушевский, Савин). Работы Ковалевского сыграли для русских либералов немалую роль в освоении политического опыта английской истории. Английский цикл Ковалевского был заметным явлением и в английской исторической науке. Что касается разработки экономической и социальной истории позднего английского средневековья, то здесь Ковалевский в Англии предшественников не имел. Почти одновременно с ним выступил лишь историк-экономист Джемс Роджерс. Несколько раньше книг Ковалевского стала выходить «История земледелия и цен в Англии» Роджерса, а его «История положения труда и заработной платы в Англии» вышла уже после диссертации Ковалевского (в 1884 г.).

Кроме того, Ковалевский ввел в научный оборот массу как изданных, так и архивных документов. Еще в Лондоне, собирая материал для своих монографий, он издал «Собрание неизданных актов и документов» (1876), куда вошли целиком или частично наиболее интересные королевские грамоты, про-

⁸⁹ М. М. Ковалевский. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие. «Вестник Европы», 1885, № 2, стр. 793—820.

⁹⁰ П. Г. Виноградов. Памяти М. М. Ковалевского. Сб. «М. М. Ковалевский, ученый, государственный и общественный деятель и гражданин». Пг., 1917, стр. 65.

⁹¹ М. М. Ковалевский. Английская конституция и ее история, стр. 15.

токолы вотчинных судов, различных документальный материал королевской администрации и др. В своих работах Ковалевский широко использовал источники, рисующие отношения собственности, в частности ренталии — описи поместных доходов. Несмотря на то, что Ковалевского часто упрекали в неряшливом отношении к источникам и в поспешных обобщениях (в частности, много претензий ему впоследствии предъявлял молодой Савин)⁹², работы Ковалевского, основанные на документальном материале, были значительным явлением в русской и английской историографии.

Второй комплекс проблем, над которым усиленно работал Ковалевский в Москве, связан с крестьянской общиной⁹³.

Одной из первых печатных работ молодого Ковалевского, вышедших в 1876 г. еще в Лондоне, был «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт», возникший на основе источников, добытых автором путем анкетных опросов швейцарских общин и кантональной администрации. Характерно, что первым вопросом, с которого начал Ковалевский свою работу над историей общины, был вопрос о разложении общинных порядков. Именно вопрос о судьбе общины, как известно, играл решающую роль в споре либералов с народниками. Этот же вопрос был центральным и в споре между народниками и марксистами.

Исходной точкой в понимании генезиса соседской общины служила разработка Ковалевским истории родовой общины. В университете он читал курсы, посвященные истории семьи и собственности; не один раз вместе с В. Ф. Миллером и И. И. Иванюковым — коллегами по университету —

⁹² Савин. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии. ЖМНП, 1901, июнь, стр. 322—326.

⁹³ В эти годы вышли его сочинения: «Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения», М. 1879; «Ответ проф. Б. Н. Чичерину». «Критическое обозрение», 1879, № 4, стр. 33—37; «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа». «Русская мысль», 1883, кн. XII, стр. 137—154; «В Горских обществах Кабарды» («Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 540—588; «Общинное землевладение в Малороссии в XVIII веке». «Юридический Вестник», 1885, январь, стр. 36—69; «Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», т. I—II. М., 1886; «Современный обычай и древний закон», т. 1—2, М., 1886; «О русских и других православных рабах в Испании». «Юридический Вестник», 1886, февраль, стр. 238—254; «Древнегерманская марка (ответ Фюстель де Куланжу)». «Юридический Вестник», 1886, апрель, стр. 675—699; «Происхождение частного землевладения у аллеманов». «Юридический Вестник», 1887, январь, стр. 3—20; февраль, стр. 239—263 и др. Вышедшие несколько позже: «Родовое устройство Дагестана». «Юридический Вестник». 1888, декабрь, стр. 513—551; «Сельская община в Закавказье». «Юридический Вестник», 1889, июнь, стр. 341—352 и «Закон и обычай на Кавказе», т. I—II. М. 1890 были созданы в московский период. Кроме того, Ковалевский в это время написал много рецензий.

Ковалевский отправлялся летом на Кавказ, где он собирал богатый материал об общинно-родовых отношениях. Кроме того, Ковалевский провел двухлетнюю научную командировку в Италии и Испании.

Ковалевский уже опирался на значительную традицию русской медиевистики в изучении общины в Западной Европе. Начало этой традиции было положено Т. Н. Грановским статьей «О родовом быте древних германцев» (1855). Из наличия общинных отношений у германцев исходят П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, М. С. Куторга и М. М. Стасюлевич. Однако ни для одного из русских предшественников Ковалевского вопрос об общине не был предметом специального исследования. Русские исследователи западной средневековой общины — П. Г. Виноградов⁹⁴ и И. В. Лучицкий⁹⁵ — выступили по этим проблемам несколькими годами позже Ковалевского. Таким образом, как и в изучении средневековой Англии, Ковалевский был зачинателем в деле исследования крестьянской общины в странах Европы. Русская медиевистика 70-80-х годов в решении этой задачи шла по крутой восходящей линии.

Свой взгляд на общину Ковалевский отстаивал в настойчивой полемике; этой полемикой — явной или скрытой — проникнуты все его работы об общине, но особенно ярко она выступает на страницах его журнала «Критическое обозрение». Этот журнал был создан Ковалевским (вместе с Н. И. Стороженко и В. Ф. Миллером) как орган исторической критики, и это позволило ставить в нем актуальные вопросы современности. Журнал вел борьбу с народниками, которые, как говорил Ковалевский, «не могут допустить, чтобы внутри общины способно было развиваться... сельское третье сословие, защищающее индивидуальную собственность»⁹⁶. С другой стороны, он боролся с государственной школой, отрицавшей естественно-историческое происхождение общины и считавшей общину результатом творящей воли государства. Об этом наиболее полно свидетельствует статья Ковалевского «Ответ проф. Чичерину»⁹⁷.

Иная тенденция намечалась в это время в западной исторической науке. И на Западе, как известно, общинная традиция пережила период своего прогрессивного развития, начало

⁹⁴ П. Г. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880; его же. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

⁹⁵ И. В. Лучицкий. Посемельная община в Пиренеях. «Отечественные Записки», 1883, № 9, стр. 57—78; № 10, стр. 467—506.

⁹⁶ М. Ковалевский. Экономический строй России, стр. 4.

⁹⁷ М. М. Ковалевский. Ответ проф. Б. Н. Чичерину. «Критическое Обозрение», 1879, № 4, стр. 33—37.

которому было положено работами Маурера, оказавшими огромное влияние на последующую науку⁹⁸. Его соотечественник и последователь Эрвин Нассе занялся исследованием истории английской общины⁹⁹. Зом, Лампрехт и др. развивали общинную концепцию в применении к Германии, Глассон, Виолле, Жюбанвилль многое сделали для истории французской земельной общины, Валтасар Богишич стал разрабатывать вопрос о задруге у южных славян¹⁰⁰.

Но зарубежная буржуазная общинная теория знала и более высокий этап в своем развитии. От разработки истории общины в отдельных странах историки перешли к исследованию общины как универсальной формы, присущей всем народам на определенной ступени их исторического развития. Генри Сомнер Мэн доказал наличие сходных процессов в истории индийской и западноевропейской общины, хотя исходной точкой развития общинности ошибочно считал патриархальный род. Отстаивание неизбежности разложения общины у Мэна, представителя английской колониальной администрации, было связано с оправданием колониализма, разрушавшего традиции угнетенных народов. Лавеле, опираясь на предшествующие исследования, признавал всеобщность общинной формы; в то же время он ратовал за сохранение общины в условиях капитализма как противовеса общинному земледельца. Наконец, вершины буржуазная мысль в области исследования древней коллективной собственности достигла в трудах Л. Г. Моргана. Своими выдающимися исследованиями первобытных форм семьи он обосновал коллективный характер первобытной собственности и тем самым создал прочное основание для изучения последующей формы — средневековой земельной общины. Не случайно основоположники марксизма опирались в своей разработке истоков семьи, собственности и государства на материал Моргана.

⁹⁸ Маркс и Энгельс, как известно, высоко ценили Маурера, указывая в то же время на крупные пороки его методологии. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 178—179; т. XXIV, стр. 33, 599.

⁹⁹ Об Э. Нассе см. М. Ковалевский. О средневековом общинном землевладении. Е. Нассе. «Критическое обозрение», 1879, № 2, стр. 30—32; П. Г. Виноградов. Исследования по социальной истории Англии, стр. 24; А. Савин. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии. ЖМНП, 1901, июнь, стр. 318—320.

¹⁰⁰ О. В. Богишич см. Н. А. Попов. Сборник нынешних юридических обычаев у южных славян. (Zbornik sadašnjih pravnih obiĉaja u Južnih Slavena), составленный В. Богишичем. ЖМНП, 1875, март, отд. II, стр. 153—168; см. также Н. Гезехус. V. Bogišić. Zbornik sadašnjih pravnih obiĉaja u Južnih Slavena. («Сборник нынешних правовых обычаев у южных славян»). «Знание», 1875, № 1—3, стр. 21—31. А. П. Несколько слов по поводу южнославянского вопроса. «Вестник Европы», 1876, октябрь, стр. 876—898.

Но к началу научной деятельности Ковалевского в западной историографии наблюдалась реакция против общинной теории. Страх перед Парижской Коммуной был причиной поворота многих западных историков в сторону реакции, которая остро и отчетливо проявилась в вопросе о признании коллективных форм собственности в прошлом, что рассматривалось, как доказательство возможности коллективной собственности в будущем. Это говорило об усилении борьбы буржуазной идеологии с марксизмом.

В западной науке налицо была резко выраженная антиобщинная тенденция. К тому же следует еще учесть, что общинная теория на Западе базировалась на фактах из истории почти исключительно германо-романского мира, делая только первые шаги (например в трудах Мэна) за пределы этой черты, и располагала поэтому весьма ограниченным кругом источников.

Ковалевский выступил с решительными возражениями антиобщинникам. На годы пребывания в Московском университете падает его выступление против Фюстель де Куланжа. Следует подчеркнуть, что реакционные идеи Фюстель де Куланжа встретили тогда в России единодушный отпор. За десять с лишним лет до Ковалевского против Фюстеля выступал Ф. Я. Фортинский¹⁰¹. Одновременно с Ковалевским Фюстеля критиковал и И. М. Гревс¹⁰². Вслед за Ковалевским выступил П. И. Беляев¹⁰³. К 1889 г. относится реферат П. Г. Виноградова против Фюстеля¹⁰⁴. Ковалевский, опираясь в своих возражениях Фюстелю на более широкий круг источников из истории ряда стран, чем его противник, пришел к выводу, что «там, где ныне мы имеем частную собственность, еще недавно не было иного владения, кроме общинного»¹⁰⁵, и только когда сформировалось крупное землевладение, его жертвой стала «плохо защищенная крестьянская собственность... При широком господстве самоуправления крестьяне не могли найти защиты себе ни в правительстве, ни в судах»¹⁰⁶.

¹⁰¹ Ф. Я. Фортинский. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges*. «Университетские известия». Киев, 1875, № 5, ч. II, стр. 111—135.

¹⁰² И. М. Гревс. Новое исследование о колонате. ЖМНП, 1886, ноябрь-декабрь.

¹⁰³ П. И. Беляев. Фюстель де Куланж о древнегерманском землевладении. «Юридический Вестник», 1887, август, стр. 599—617.

¹⁰⁴ П. Г. Виноградов. Фюстель де Куланж. (Итоги и приемы его ученой работы). «Русская мысль», 1890, кн. I, стр. 83—103.

¹⁰⁵ М. М. Ковалевский. Древнегерманская марка (ответ Фюстелю де Куланжу). «Юридический Вестник», 1886, апрель, стр. 685.

¹⁰⁶ Там же, стр. 687—688.

Значение Ковалевского в разработке проблем общины состоит также в том, что он раздвинул границы изучения этих проблем до небывалых до тех пор пределов. К традиционному материалу, относящемуся к истории Англии, Германии и Франции, он прибавил материал по истории Испании и Италии, Скандинавии и Исландии, Швейцарии и Балкан, Мексики и Перу, Алжира и Индии, всего славянского мира и Кавказа. Историко-сравнительный метод, который он настойчиво пропагандировал и который требовал проверки научных положений на материале многих стран, сыграл в руках Ковалевского большую плодотворную роль. Это было своего рода контрнаступление на противников общинной теории.

Молодой Ковалевский был деятельным участником либерального движения в Москве. Он был связан с некоторыми писателями, а с И. С. Тургеневым состоял в тесной дружбе. Довольно скоро он стал одним из лидеров московской либеральной интеллигенции. Ковалевский входил в группу либеральной профессуры, которую К. А. Тимирязев называл «молодой профессорской партией» и в которую входило немало видных представителей различных кафедр: Тимирязев, Столетов, Склифасовский, Остроумов, Ключевский, Стороженко, Чупров, Янжул, Муромцев. Эта либеральная деятельность Ковалевского, связанная с общественным подъемом 70-х годов, стала казаться властям опасной в условиях реакции 80-х годов. Положение Ковалевского осложнялось тем, что он по своему служебному положению был обязан преподавать весьма «неудобный» предмет — западноевропейские конституции. Поэтому начались всевозможные притеснения кафедры государственного права европейских держав. Предмет Ковалевского был исключен из цикла обязательных к сдаче предметов. Впоследствии кафедра государственного права европейских держав была ликвидирована.

Но перевод в разряд факультативных дисциплин курсов Ковалевского только усилил популярность их лектора. Студенты демонстративно повалили на лекции Ковалевского, и судьба «подозрительного либерала» была решена. Между министром просвещения Деляновым, московским генерал-губернатором князем Долгоруковым и попечителем московского учебного округа Капнистом началась оживленная переписка. Фигура Ковалевского была превращена в жупел «опаснейшего» либерализма. Попытка Капниста тянуть дело вызвала красноречивую тираду Делянова «Нелишним считаю присокупить, что если Вы имеете в виду заместить эту кафедру посредственностью, то, по моему, лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на

умы молодежи растлевающе»¹⁰⁷. В 1887 г. Ковалевский был уволен «без объяснения причин». Значение этого факта оценил сам Ковалевский. «Это было только одно сплошное недоразумение... Я привык думать, что моя кафедра (государственного права европейских держав) была учреждена по мысли Александра II для того, чтобы подготовить россиян к конституции, и я добросовестно исполнял принятые на себя обязательства. А какой-то арлекин... выгнал меня за это из университета», — так передает К. А. Тимирязев слова Ковалевского¹⁰⁸.

Возмущенный этим произволом Ковалевский уезжает за границу, где ему суждено было провести 18 лет «научного и литературного скитальчества», хотя он вовсе не был гонимым эмигрантом и имел полную возможность приезжать на родину; в России же выходили и его многочисленные научные работы этого времени. Заграничный период (1887—1905) ознаменован напряженной работой Ковалевского. Он выступал как лектор в Швеции, Англии, Франции, Бельгии, Италии, Соединенных Штатах. Он был деятельным пропагандистом достижений русской науки среди западной интеллигенции, знакомил ее с историей России. Результатом этой лекторской деятельности был ряд его новых книг — «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1895), «Развитие народного хозяйства в Западной Европе» (1899), «Экономический строй России» (1899) и др. Ковалевский играл видную роль среди зарубежных социологов-позитивистов, будучи сотрудником парижского журнала «Revue internationale de sociologie», членом Общества социологии в Париже, членом Международного института социологии (позднее его председателем).

Но, живя за границей, Ковалевский оставался русским ученым. Наряду с Н. И. Кареевым и И. В. Лучицким он в 90-х годах занялся исследованием аграрного вопроса накануне Французской буржуазной революции конца XVIII в., посвятив этому ряд работ; в завязавшейся дискуссии с Лучицким, он стоял на более правильной позиции, считая, что опутанная платежами и повинностями, земля французского крестьянина накануне революции не являлась его собственностью¹⁰⁹. Ковалевский был инициатором создания Русской высшей шко-

¹⁰⁷ Сб. «М. М. Ковалевский, ученый, государственный деятель и гражданин», стр. 28.

¹⁰⁸ К. А. Тимирязев. Памяти друга. Собр. соч., т. VIII, стр. 335—336.

¹⁰⁹ М. М. Ковалевский. Крестьянское хозяйство во Франции столет назад. «Русское богатство», 1893, № 2, стр. 193—237; № 3, стр. 143—174; № 4, стр. 105—151; его же. Вопрос о размерах крестьянской собственности до революции... «Русская мысль», 1896, кн. VIII, стр. 126—141; см. его же. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. М., 1912.

лы общественных наук в Париже, где основную массу слушателей составило студенчество, изгнанное из русских университетов. Для преподавания здесь были привлечены Кареев, Виноградов, Лучицкий, Чупров, Гамбаров и др. Некоторое участие в деятельности школы принимали Струве, Туган-Барановский, Милюков. Наряду с журналом «Освобождение» Парижская школа была рассадником либеральных идей среди русской интеллигенции. Политические настроения в этой школе отражали настроения в самой России кануна революции 1905 года. Демократическая часть студенчества Парижской школы выражала резкий протест против либеральной политической программы, которую отстаивал Ковалевский и его сотрудники, в частности, против их тезиса о необходимости сохранения русской монархии. В школе шли острые политические дискуссии. Здесь в 1903 г. В. И. Лениным был прочитан цикл лекций «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России», направленный прежде всего против эсеров и сыгравший немаловажную роль в создании ленинской работы «К деревенской бедноте»¹¹⁰.

Заграничный период Ковалевского — период создания его крупнейших трудов, Ковалевский считал своей особой задачей написать синтетические труды, в которых были бы обобщены все его исследования и которые давали бы общую картину западноевропейской истории¹¹¹. Такими сочинениями и являлись «Происхождение современной демократии»¹¹² и «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства»¹¹³. Несмотря на то, что «Экономический рост

¹¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 325—392. О лекциях В. И. Ленина в Парижской школе см. И. Окулич, Ильич — лектор Высшей школы в Париже. «Коммунист», Нижний Новгород, 1924, № 1, стр. 135—137; М. Ингбер. Лекции Владимира Ильича в Парижской «Высшей русской школе общественных наук» (1902 г.). «Пролетарская революция». М., 1924, № 3, стр. 142—147; П. М. Стулов. В. И. Ленин и Русская высшая школа общественных наук в Париже. «Вестник АН СССР», 1934, № 1, стр. 15—30; А. Плотников. Воспоминания о лекциях Ленина в Русской высшей школе в Париже. Там же, стр. 30—34; П. Пермский. Ленин в Парижской школе общественных наук в 1903 году. «Исторический журнал», 1937, № 1, стр. 48—57; Л. Шаповалова. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем. «Комсомольская правда», 22. IV. 1927.

¹¹¹ М. М. Ковалевский. Мое научное и литературное скитальчество. «Русская мысль», 1895, № 1, стр. 79.

¹¹² М. М. Ковалевский. Происхождение современной демократии. т. I—IV. М., 1895—1897.

¹¹³ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I—III. М., 1898—1903; изложение доведено до XIV в. В немецком издании изложение доведено до XVIII в. В сокращенном виде изложение всего труда на русском языке дано в лекциях Ковалевского в Брюссельском университете «Развитие народного хозяйства в Западной Европе». СПб., 1899.

Европы...» по времени создавался после «Происхождения современной демократии», эта книга по словам самого Ковалевского, являлась обоснованием труда о происхождении демократии; методологически она предшествует ему.

«Экономический рост Европы...» посвящен экономической истории западноевропейского феодализма; труд этот основан на большом документальном материале, накопленном Ковалевским к этому времени. Однако для многовекового исторического периода от падения Римской империи до первых буржуазных революций источниковедческая база оказалась недостаточной и не смогла обеспечить исследовательского характера всех частей труда. Все это порождало неудовлетворенность у исследователей отдельных периодов и вызывало много упреков. Тем не менее, несмотря на ряд существенных погрешностей, это обширное историческое полотно, созданное Ковалевским, во многом давало верное изображение исторической действительности и поражало своими масштабами.

Научная позиция Ковалевского опиралась на прочный исходный рубеж в анализе западноевропейского феодализма; она выгодно отличалась от односторонности германистов и романистов. В полном соответствии с традициями русской науки Ковалевский утверждал, что «европейская гражданственность создана, как известно, взаимодействием германского и романского элементов»¹¹⁴. Ковалевский определяет вклад германских и римских начал в формирование феодализма. Хозяйственные, социально-политические и правовые традиции общинности, известные улучшения в положении народных масс по сравнению с их положением в рабовладельческом обществе — таков вклад германцев; поместье, монархическая власть, христианская церковь — таковы главные римские традиции, влиявшие на складывание феодального строя. Преобладание общинной свободы в первые века феодализма сменяется засильем помещика и закрепощением крестьянства в последующий период; в этом хозяйственном процессе исчезают романские и германские элементы.

С этим была связана и другая генеральная идея Ковалевского — определяющий характер экономического развития по отношению к другим сторонам исторического процесса. Как подчеркивал потом Савин, у Ковалевского «история хозяйственного быта получает решительное преобладание над историей юридических норм»¹¹⁵. Однако это положение Ко-

¹¹⁴ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы..., т. I, стр. V.

¹¹⁵ А. Савин. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии. ЖМНП, 1901, июнь, стр. 324.

валевский проводит со всей непоследовательностью позитивиста; в анализе экономического развития он исходит не из роста производительных сил, не из роста разделения труда, а считает, что основой исторического развития является «большая или меньшая густота населения, от которой зависит прежде всего выбор форм производства, а затем зависят размер и порядки фактического владения землей и самый характер общественных отношений»¹¹⁶. Отправляясь от этой предпосылки, Ковалевский объясняет ускорение или замедление экономического развития, ход и исход того или иного исторического явления.

Большое место в «Экономическом росте Европы...» занял крестьянский вопрос. Он рассматривался Ковалевским не только как история сельской общины, но и как история борьбы угнетенного крестьянства за свою социальную и политическую свободу. Почти весь II том «Экономического роста Европы...» посвящен вопросу крестьянской «эмансипации». Много глав Ковалевский специально посвятил восстаниям крестьян. Решающие причины крестьянских восстаний он ищет в социально-экономическом строе; в частности, он не придавал большого значения так называемой «Черной смерти» как причине восстания Уота Тайлера, (как это сделал впоследствии Петрушевский). Крупные крестьянские восстания, охватившие западную Европу (особенно в XIV в.), Ковалевский рассматривает не только как восстания земледельцев, но и городских низов, которые зачастую присоединялись к восставшим.

Однако, при всем сочувствии борьбе крестьянства со стороны Ковалевского, бросаются в глаза две особенности его отношения к крестьянским восстаниям. Во-первых, исход этих восстаний он оценивает лишь по их непосредственным результатам. Только те восстания двигали историю вперед, которые достигали осуществления своих задач и прежде всего отмены крепостного права. С этой точки зрения такие крупнейшие восстания крестьян, как Жакерия и восстание Уота Тайлера, оказываются «бесплодными»¹¹⁷. Во-вторых, Ковалевский пытается изобразить восставших крестьян борцами не столько за свои, чисто крестьянские интересы, сколько за интересы общедемократические, понимаемые с точки зрения либерала. Не

¹¹⁶ М. Ковалевский. Экономический рост Европы..., т. I, стр. VIII. См. также его же. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, стр. 2.

¹¹⁷ Подробнее о восстании Уота Тайлера см. М. Ковалевский. Английская пугачевщина. «Русская мысль», 1895, кн. V, стр. 1—30; его же. Новое сочинение о восстании Уота Тайлера в Англии. «Русская мысль», 1897, кн. 5, стр. 46—69.

борьба за землю, не борьба с помещиком была главной задачей крестьянства. «Перед ним восставала картина гражданского равенства — равенства перед законом, налогом и судом, равенства, непримиримого с изъятиями, привилегиями и монополиями какого бы то ни было рода»¹¹⁸. Эти общедемократические требования и выражают, в глазах Ковалевского, суть крестьянских движений.

Наконец, одним из наиболее важных вопросов средневековья, на котором останавливается Ковалевский, был вопрос о разложении феодализма; основное место здесь заняла проблема средневекового города. Своими работами «Общественный строй Англии в конце средних веков», но в особенности «Экономический рост Европы...» и «Развитие народного хозяйства в Западной Европе» Ковалевский сделал в русской исторической науке значительный шаг вперед в разработке проблемы истории города в Западной Европе. Имевшаяся к тому времени русская литература по этому вопросу¹¹⁹ касалась этого вопроса лишь частично, пользовалась источниками из вторых рук и отличалась описательным характером. Работы Ковалевского, основываясь главным образом на английском и итальянском материале, давали в то же время общую картину истории средневекового города на Западе; при этом в значительной своей массе документальный материал был добыт самим автором. В методологическом отношении эти работы стояли значительно выше предшествовавших русских работ.

На Западе, как известно, к этому времени существовала огромная литература о городах¹²⁰. Ковалевский не примкнул ни к одной из существовавших тогда теорий города, поскольку они исходили не из развития самой экономики, а возводили в абсолют какие-нибудь формальные моменты, зачастую весьма несущественные; он стремился использовать те данные этих теорий, которые по его мнению, этого заслуживали. В отличие от западных историков, Ковалевский широко привлекал русский экономический материал к разработке не

¹¹⁸ М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. II, стр. 526.

¹¹⁹ См. И. И. Дитятин. Очерк истории цехов в Западной Европе Ярославль (без даты); Н. А. С к а б а л а н о в и ч. Западноевропейские гильдии и западнорусские братства. «Христианские чтения», 1875, IX—X, М. Н. Кулишер. Цехи у нас и в Европе. «Русская мысль», 1887, кн. XI, стр. 32—72; кн. XII, стр. 74—88.

¹²⁰ Уже в первой половине XIX в. не было недостатка в разнообразных теориях, однако для того времени была популярна романистическая теория происхождения средневековых городов и их общественного строя (О. Тьерри, Гизо, Савиньи). Для второй половины века характерна борьба самых различных теорий в буржуазной историографии — вотчинной (Ниг), общинной (Маурер, Белов), рыночной (Зом, Ритшель), гильдейской (Гирке, Нитч), бурговой (Кейтген).

только вопроса об общине, но и вопроса о городе. Для Ковалевского — и в этом была его сильная сторона — не имел решающего значения вопрос о том, из какого типа поселения — общины, вотчины, бурга или рынка — возник город, романского или германского он происхождения и т. д. Решающим для него был вопрос о том, что город — категория экономическая, центр торговли и промышленности. Экономические связи города не ограничиваются местным рынком, а могут достигать весьма отдаленных мест. Отсюда — полемика Ковалевского с Бюхером, который относил средневековый город к стадии замкнутого хозяйства.

В противовес западным теориям (и в особенности своему всегдашнему противнику Бюхеру), проповедывавшим гармонию интересов между цеховой массой и мастерами, Ковалевский доказывает наличие социальных противоречий между ними, а также между цехами и городской аристократией, как и между всем городом и феодалами. Эти противоречия усиливались в связи с упадком цехового производства.

Однако методологии Ковалевского были свойственны существенные дефекты. В основу своих построений он положил тезис о том, что «изменения в сфере производства явились следствием расширения обмена, что в свою очередь было прямым и естественным результатом роста населения»¹²¹. Ковалевский начинает свой анализ с изучения развития обмена. При этом он сближает явления обмена во всех формациях как явления однотипные. Историко-сравнительный метод, которым обычно пользовался Ковалевский, в данном случае служил лишь средством к стиранию граней между формациями. Исходя из этого, он пытается доказать, что история народного хозяйства на протяжении всей человеческой истории «представляет две главные эпохи: 1) эпоху хозяйства, рассчитанного на удовлетворение местного спроса и на непосредственное потребление; 2) эпоху менового хозяйства. Каждая из этих эпох подразделяется на периоды, различающиеся между собою степенью распространения обмена соответственно увеличению плотности населения»¹²².

Капитализм, согласно Ковалевскому, рождается из обмена, а поэтому средневековый город даже самой ранней поры Ковалевский считает явлением не феодальным, а уже капиталистическим. Исходя из этого, он рассматривает отношения

¹²¹ М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, стр. 128; см. его же. Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства в кн.: «Русская высшая школа общественных наук в Париже». СПб., 1905, стр. 244—273.

¹²² М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, стр. 23.

между мастерами и цеховой массой как отношения предпринимателей и рабочих, говорит о предпринимательской прибыли в цехе ¹²³. К эпохе цехов Ковалевский относит и рождение «рабочего вопроса». Между восстаниями ремесленников и предпролетариата средневековья и восстаниями рабочих эпохи капитализма Ковалевский не видит принципиальной разницы.

Так решает Ковалевский проблему средневекового города в плане экономическом. Но он касается и политического аспекта этой проблемы — завоевание городами своего места в государстве. Ковалевский показывает, что это было весьма сложное переплетение борьбы города, феодалов, королевской власти, борьбы в самом городе; при этом борющиеся силы зачастую выступали в самом причудливом сочетании. Однако лучшим вариантом политической истории города Ковалевский считает такой, когда борьба не носит острого характера. С этой точки зрения он отдавал явное предпочтение истории английского города; Ковалевский старался подчеркнуть, что наличие сильной королевской власти сдерживало произвол феодалов по отношению к городам, втягивало феодалов в торговлю, мирило их с городами. На этой почве вырастали городские вольности, развивалась муниципальная жизнь; это было время, когда расцветал политический идеал самого Ковалевского — союз монарха, дворянства и городов. Но начиная с XV в., английские города постигает общая участь: усиливается власть городских верхов, вступивших в союз с абсолютизмом; с другой стороны, города наводняются бездомным людом, выброшенным из деревни; все это приводит к обострению борьбы в английском городе. Ковалевский считает, что массовое обнищание крестьянства было чрезвычайно опасным для Англии. Не будь у нее обширных колоний, куда шел отлив избыточного населения, пишет Ковалевский, «социальный вопрос, волнующий современную Англию, открылся бы в ней, по всей вероятности, двумя веками ранее» ¹²⁴. Таковы генеральные идеи крупного труда «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», который вместе с работой «Происхождение современной демократии» ¹²⁵ составляет вершину научного творчества Ковалевского.

Крупную роль в истории русской медиэвистики сыграл другой профессор Московского университета — Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), хотя ему не был свойственен

¹²³ М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, стр. 52; см. об этом «Экономический рост Европы...», т. III, стр. 127, 134, 142.

¹²⁴ М. Ковалевский. Экономический рост Европы..., т. II, стр. 781.

¹²⁵ Эта книга касается главным образом проблем новой истории и поэтому выходит за рамки настоящей статьи.

того диапазон исследователя, который всегда отличал Ковалевского. Начавший преподавательскую деятельность в Московском университете в 1877 г., Виноградов свыше четверти века являлся там одним из ведущих профессоров как в области всеобщей истории, так и в области истории права.

Он читал лекционные курсы по всем разделам всеобщей истории¹²⁶, в том числе и курс истории средних веков, который в некоторые годы развертывался как история социально-экономических институтов — общины, крепостничества, рабства, свободного крестьянства, поместного строя и т. д.; но обычно он читал общие курсы средних веков, где большое внимание уделялось политической истории.

Главным вопросом политического развития в средние века он считал вопрос об отношениях между королевской централизацией и «обществом». От этих отношений «зависит вопрос, сложатся ли в результате средневекового процесса известные основы конституционного строя или нет, образуется ли в противоположность централизации государства... сила общественного контроля, которая обеспечила бы самостоятельность общества и давала бы ему исходное законное средство влияния на государство... — вопрос, конечно, капитальный и вопрос, который разрешается именно историей XIV и XV вв.»¹²⁷

Виноградов рисует перед слушателями два варианта средневекового развития: вариант французский, который привел к революции, и английский — установление парламентского строя без революции. Во Франции революция оказалась неизбежной потому, что средние века завершились полной победой абсолютизма, а абсолютизм победил прежде всего потому, что французские сословия оказались разобщенными и не смогли ему противостоять. В отличие от Франции, где каждое сословие хлопотало за себя, в Англии, по мнению Виноградова, сословия действовали дружно во имя общих интересов; в Англии «сословия, каждое в отдельности, были слабее французских, но именно вследствие того, что каждое сословие чувствовало, что оно не особенно сильно, устанавливается круговое поручительство, сознается необходимость всем сообща действовать против короля и вследствие этой необходимости совокупно представить требования, они являются бескорыстными... в широком смысле этого слова»¹²⁸.

¹²⁶ М. А. Алпатов. Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х годов по античной истории. «Вестник древней истории», 1957, № 4, стр. 127—141; его же. П. Г. Виноградов как историк французской буржуазной революции конца XVIII в. «Французский Ежегодник», М., 1959, стр. 560—574.

¹²⁷ П. Г. Виноградов. История средних веков. Курс лекций, читанных в весеннем семестре 1886/1887 г. М., 1889. (литография), стр. 240.

¹²⁸ Там же, стр. 282.

Созданием парламента Виноградов заканчивает свой рассказ об истории средневековой Англии.

Несмотря на то, что между средневековым парламентским строем и парламентаризмом нового времени лежит английская буржуазная революция XVII в., Виноградов даже не упоминает о ней. Он исходит из положения, что «феодальный строй по самому существу своему мог мало-помалу расширяться в строй конституционный»¹²⁹, с этой точки зрения английская революция не могла, по мнению лектора, нарушить общего развития английского государственного строя. Признать большое значение английской буржуазной революции для Виноградова означало бы опровергнуть свой же собственный тезис об английском варианте истории государственного строя как пути мирного, конституционного развития. Иначе говоря, весь курс средневековья подчинен главной задаче — показать, что английская парламентская система, поклонником которой, как известно, был Виноградов, явилась результатом сотрудничества классов, что и должно было составить одно из главных ее достоинств. Вместе с тем по силе влияния на мировую историю Виноградов всегда ставил французскую буржуазную революцию конца XVIII в. выше английской.

Но прежде всего Виноградов выдвинулся как исследователь¹³⁰. Первым его крупным трудом была магистерская диссертация «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии» (1880). Выбор этой темы, по словам автора, объясняется малой изученностью итальянского материала по раннему средневековью в сравнении с традиционной темой о раннем феодализме у франков. До Виноградова ранней истории средневековой Италии в той или иной степени касалось немало западных историков, особенно немецких, обычно интересовавшихся германским завоеванием Римской империи. Среди немецких ученых были такие крупные исследователи, как Савиньи, Маурер, Вайц, Рот, Зом и др., из французских Гизо, Фюстель де Куланж, из английских Мэн. Еще больший интерес эта тема вызывала у итальянских историков¹³¹. Но

¹²⁹ Лекции по истории Франции XVIII века, читанные проф. Виноградовым в 1886/1887 г., литограф. курс (без года и места изд.), стр. 50.

¹³⁰ См. Е. А. Косминский. Роль русских историков в разработке истории Англии. «Исторический журнал», 1941, № 10—11; стр. 93—94; его же. Аграрная история Англии и русская историческая школа. «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1945, № 3, стр. 141—144; Д. М. Петрушевский. П. Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930; Ф. И. Успенский. П. Г. Виноградов (некролог). «Известия АН СССР», 1926, октябрь, стр. 1405—1414; Г. В. Шевцова. Из истории русской медиевистики. П. Г. Виноградов, 1951 (кандидатская диссертация, рукопись).

¹³¹ П. Виноградов. Новые ученые работы о феодализме в Италии. ЖМНП, 1878, ноябрь, стр. 17—29.

на всей научной литературе лежала печать борьбы романистов и германистов; однобокий подход и тех и других мешал научной разработке исторического материала. Кроме того, общей слабостью исследований об этом периоде итальянской истории был слишком ограниченный круг изученных источников.

Что касается русских работ, то они были весьма немногочисленны. Известная книга П. Кудрявцева «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом» (1850) была посвящена политической истории. Историей Италии интересовался С. В. Ешевский, но главным образом в плане изучения гибели Римской империи¹³². Имелась работа Г. Вызинского «Западная Европа в дофеодальную эпоху» (1859)¹³³, касавшаяся Италии лишь частично и явно устаревшая по материалу. Известна была также книга А. Смирнова «Падение остготского государства в Италии» (1857), представлявшая собой главным образом пересказ данных Прокопия Кесарийского об остготском завоевании Италии. Все эти работы никак не могли удовлетворить Виноградова — они касались почти исключительно политической истории и строились на узкой источниковедческой базе.

Виноградов проделал большую работу по изучению итальянских источников, работал во многих архивах и библиотеках Италии¹³⁴. Результатом этих исследований явилась книга «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии»¹³⁵. Истоки феодализма Виноградов ищет в разложении античной экономики, а центральной проблемой в истории этого разложения с полным основанием считает проблему колоната. В разработке этого вопроса Виноградов занял крупное место в мировой историографии: его книга сыграла прогрессивную роль в медиевистике, поскольку была направлена против односторонних взглядов романистов и германистов, хотя сам Виноградов считал, что их противоположные выводы объясняются лишь разницей в методах исследования. Еще бóльшую роль в разработке проблемы колоната книга Виноградова сыграла в русской историографии, где автор

¹³² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 465—471.

¹³³ Г. В. Вызинский. Западная Европа в дофеодальную эпоху. «Русский Вестник», 1859, январь, кн. 2, стр. 197—254; февраль, кн. 2, стр. 555—618; апрель, кн. 1, стр. 349—406.

¹³⁴ П. Виноградов. Исторические розыскания в итальянских архивах и библиотеках. ЖМНП, 1879, февраль, стр. 151—159.

¹³⁵ Н. Кареев. Павел Виноградов. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. «Юридический Вестник», 1881, май, стр. 158—160. В. Гольцев. Новая книга: «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии», г. Виноградова. «Русская мысль», 1881, кн. III, стр. 1—3.

вообще не имел предшественников, если не считать устаревшей работы П. Леонтьева «Судьба земледельческих классов в Риме» (1861).

Возражая тем, кто утверждал, что колонат являлся простым актом насилия, Виноградов доказывал, что колонат был следствием хозяйственных процессов. Зародыши колонатных отношений Виноградов относит еще к I в. н. э. В IV в. они, по его мнению, развились в крепостнические. Опровергая мнение тех, кто считал, что колонат вырос из задолженности земледельца, Виноградов находил, что колонат был порожден целой системой хозяйственных отношений, в которой особое место заняла аренда земли. Не соглашаясь с теми, кто доказывал, что источником колоната было рабство, Виноградов настаивал на том, что формирование колоната было связано со свободным населением. В противовес тем, кто рассматривал колонат как явление, присущее лишь отдельным территориям, Виноградов показал, что колонат был распространен по всей империи.

Виноградов искал начала феодализма не только в экономике, но и в политическом строе. Землевладелец, выполнявший во времена империи политические функции, начинал выступать не только как хозяин земли, но и как государь над сидящими на его земле людьми. Отсюда начинал вырастать будущий средневековый сеньор. Но с этой верной мыслью у Виноградова были связаны ошибочные положения, вытекавшие из непризнания классовой борьбы как закономерного явления, из трактовки государства как надклассовой силы. Виноградов исходил из того, что отношения землевладельца и колона — отношения договорные, от которых выгадывают обе стороны; права обеих сторон в одинаковой мере защищаются государством.

Эти взгляды Виноградова на колонат не оставались неизменными. В своем курсе Римской империи (1884—1885) Виноградов уже выдвинул ту мысль, что колонат формировался из двух начал — не только из начала крестьянского, но из отношений рабства. При этом Виноградов настаивал на том, что к III в. с рабством по существу было покончено и что переход к феодализму был совершен уже в III в. Если признание рабства как источника колоната было шагом вперед, то признание III века как момента перехода к феодальному строю было несомненным шагом назад. Эта точка зрения приближала Виноградова к романистам.

Таково решение Виноградовым вопроса об отправном пункте формирования феодализма в Италии¹³⁶. Это формирова-

¹³⁶ Постановка вопроса о колонате Виноградовым способствовала появлению ряда работ на эту тему в русской буржуазной историографии.

ние проходило в ходе германского завоевания. Виноградов считает, что первые завоеватели — остготы Теодориха, осевшие на почве Италии, — не внесли каких-либо существенных перемен в римский общественный строй и сами оказались под воздействием римских порядков. Эту романизацию Виноградов доводит до явного преувеличения. Он считает, что у остготов не только разложился без остатка родовой строй, но не сохранилось и территориальной марки; поэтому при них феодализм в Италии развивался только из одного римского корня. Другой его источник — германский — возникает только с появлением новых завоевателей — лангобардов. В этом синтезе преобладали элементы германские, но в формировании класса зависимого крестьянства большую роль сыграли те отношения зависимости, которые возникли в Римской империи на основе колоната. Анализируя формы феодальной собственности, Виноградов, в противоположность распространенному в западной историографии взгляду, доказал, что бенефиций сложился в Италии вполне самостоятельно, а не был занесен сюда франками.

Политическим оформлением этого общественного строя было лангобардское государство, принесенное извне (взамен государства римского) и все больше приобретающее феодальные черты. К X в. лангобардский феодализм складывается окончательно.

Несмотря на ряд недостатков, книга Виноградова о лангобардской Италии явилась крупным вкладом в разработку проблем раннего итальянского средневековья. В ней всесторонне был поставлен вопрос о феодализме не только как явлении политическом, но и явлении социально-экономическом; новый материал, привлеченный Виноградовым, впервые дал возможность конкретно представить положение народных масс в период складывания нового общественного строя — феодализма.

Целую эпоху в изучении социальной истории раннего средневековья в Англии составила докторская диссертация Вино-

Почти одновременно с Виноградовым вопросы о колонате затрагивал Н. Кареев в «Очерке истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года» (Варшава, 1881), несколько позже ими занимался Ковалевский в книге «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. I. М., 1898), затем последовали работы М. Ростовцева: «Происхождение колоната». «Филологическое обозрение», т. XIX, кн. 2. М., 1900, стр. 105—109; «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats», Leipzig, 1910; «Римский колонат». «Современный мир», 1911, № 1, стр. 260—280 и № 2, стр. 143—159; работа М. Белоруссова «Колонат (очерк возникновения римского крепостного права)». «Варшавские университетские известия», 1902, кн. IX; 1903, кн. I, III, IV); работа Г. Пригородовского «Развитие колонатных отношений в Римской Африке». М., 1909.

градова «Исследования по социальной истории Англии в средние века». В русской историографии предшественником Виноградова в разработке социально-экономической истории английского средневековья был Ковалевский; но его опубликованная к тому времени работа¹³⁷ касалась позднего английского средневековья, в то время как Виноградов обращался к более ранним периодам. Наиболее крупным специальным трудом в Англии по проблемам, непосредственно интересовавшим Виноградова, было исследование «The English village community» (1883) Сибом, с которым Виноградов решительно разошелся во взглядах. Будучи единомышленником Фюстель де Куланжа, Сибом пытался доказать извечность частной собственности и власти имущих классов, доказать, что история движется от рабства к свободе. Поэтому Сибом «не обнаружил» сельской общины в английском средневековье.

1883—1884 годы Виноградов провел в Англии, собирая источники для своей докторской диссертации. По признанию английских историков, он открывал англичанам их собственную историю¹³⁸. Результатом работы над обширным архивным материалом явилась работа Виноградова «Исследования по социальной истории Англии в средние века» (вышла отдельным изданием в 1887 г.) С ней была связана другая книга Виноградова «Villainage in England»¹³⁹, вышедшая значительно позже в Англии (1892) и являвшаяся дальнейшей разработкой материала двух первых глав докторской диссертации.

Концепция английского средневековья, изложенная Виноградовым в этих книгах, была направлена прежде всего против попытки романистов отрицать существование родового строя и общинных порядков в ранней истории английского народа. Романизм в решении этих проблем сталкивался с традициями русской историографии; не случайно поэтому Виноградов, выступая против Сибом, почти одновременно критиковал и Фюстель де Куланжа¹⁴⁰.

В противовес им, Виноградов доказал, что английская история, как и история других народов, открывалась не господством поместья, а господством родовых отношений и сменяв-

¹³⁷ М. М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.

¹³⁸ Поводом послужило то обстоятельство, что Виноградов открыл большое число исторических документов, неизвестных до этого английской науке. В частности, он открыл «Записную книгу» (Notebook) — сборник, содержащий около двух тысяч судебных протоколов, служивших материалом для трактата «О законах и обычаях Англии», знаменитого английского юриста XIII в. Генри Брактона.

¹³⁹ Д. М. Петрушевский. Новое исследование о происхождении феодального строя. СПб., 1892.

¹⁴⁰ П. Г. Виноградов. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы. «Русская мысль», 1890, кн. 1, стр. 83—103.

ших их отношений общинных. Община, вокруг которой концентрировались споры с романистами, не является порождением неких племенных особенностей германцев, как думали многие немецкие историки-германисты; она не является и результатом организующей роли помещика, как утверждали некоторые романисты, или фискальной политики власти. Виноградов убедительно показал, что община была нормальной ступенью в ранней истории английского народа, предшествующей появлению поместья-манора. И если Италия раннего средневековья была примером страны, где феодализм был синтезом романских и германских начал, при сильном романском влиянии, то в Англии феодализм вырос из разложения дофеодалных порядков без существенного романского влияния.

Характер хозяйства при феодализме Виноградов с полным основанием считал натуральным; впоследствии это был один из главных вопросов полемики Виноградова с Допшем¹⁴¹. Виноградов интересовался также проблемой разложения манориальной системы, зарождения капиталистических отношений. С этим был связан один из крупных вопросов аграрной истории Англии — вопрос о коммутации в сельском хозяйстве. Свои взгляды Виноградов высказал в полемике с американским историком Пэйджем¹⁴². Последний полагал, что перевод феодалных повинностей в деньги берет начало в Англии лишь в конце XIV в. в связи с кризисом, вызванным «Черной смертью». Возражая Пэйджу, Виноградов правильно указывал, что «Черная смерть» не могла явиться решающей причиной коммутации, она лишь обострила сложившуюся к этому времени экономическую обстановку.

Но вместе с тем Виноградов отдал дань и своим излюбленным идеям: склонный выводить государственную власть из внешних факторов, он явно переоценивал военно-политическую сторону формирования феодализма. Рассматривая отношения сеньора и общинников, он полагал, что они определяются не столько экономическими причинами, сколько стремлением феодала связать свою военно-политическую власть с землевладением. Поэтому главной границей между феодалом и крестьянином, по Виноградову, является не экономическое господство первого над вторым, а право носить оружие. Между феодалом и крестьянином устанавливается своего рода разделение труда — феодал защищает крестьянина, а тот обязан кормить своего защитника и покровителя.

¹⁴¹ См. «English Historical Review», т. XXIX, 1914, стр. 133—141, а также «Экономические теории средневековья» в кн.: «История экономической мысли», под ред. Железнова и Мануйлова, т. I, вып. III, М., 1916. В отличие от Петрушевского, Виноградов занимал антидопшианскую позицию.

¹⁴² См. рецензию Виноградова на книгу T. W. Page. The End of Villainage in England. New York, 1900, «English Historical Review», 1900, October.

Признавая наличие известных противоречий и борьбы между крестьянами и помещиками, Виноградов не придавал им существенного значения. Исследуя рост крупной собственности и зависимости от нее крестьянина, Виноградов в то же время отказывался видеть здесь отношения эксплуатации. Отношения крестьянина и феодала Виноградов считал договорными, причем изображал дело таким образом, что от этого договора выгадывал больше крестьянин, чем феодал. В связи с этим община выступала у Виноградова как орган примирения помещиков и крестьян. Все решения принимаются здесь коллективно, с учетом интересов якобы обеих сторон; все регулируется обычаями, значение которого Виноградов чрезвычайно преувеличивал. В этих условиях помещик, согласно Виноградову, выступал как «номинальный собственник», обязанный подчиняться решениям общины, связанной своего рода «общинной конституцией». Рассматривая общину как однородную массу, Виноградов проходил мимо классового расслоения среди общинников.

Подобный же взгляд Виноградов выражает и по отношению ко всему государству. Основу феодализма он видит не в сфере экономических отношений, а в раздроблении государственной власти между феодалами, соединившими в своих руках и власть, и землевладение. Поэтому главной чертой феодального государства Виноградов считает наличие феодальной лестницы — системы соподчинения феодалов, основанной на договорных началах. Непременным признаком феодального государства, по Виноградову, является также «разделение труда», соподчинение между сословиями: крестьянство кормит себя и всех, феодалы обязаны защищать себя и всех, или, как выражался Виноградов, «профессиональный солдат, естественно, становится лордом профессионального рабочего». Поэтому государство у Виноградова неизбежно выступает как орган классового примирения; община, сотня, графство, с его точки зрения, — органы самоуправления, призванные соблюдать всеобщие интересы.

Виноградов внимательно следил за современной ему отечественной историографией всеобщей истории, откликаясь на работы Ковалевского, Виппера, Савина, Петрушевского и др.¹⁴³ Наряду с этим он знакомил английскую интеллиген-

¹⁴³ См. рецензии П. Г. Виноградова: «Влияние рек на происхождение цивилизации» (рец. на книгу Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки»). «Северный Вестник». СПб., 1892, № 6, отд. I, стр. 33—44, «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке» (рец. на книгу Е. Трубецкого «Миросозерцание блаженного Августина»). «Русская мысль», 1893, кн. VII, стр. 51—58; «Кальвин и Женева» (рец. на книгу Р. Виппера «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвиниз-

дию с историей русской общественной мысли: в 1891 г. он прочитал в Оксфорде курс о славянофилах; с этим курсом связана и его лекция о И. В. Киреевском¹⁴⁴, прочитанная в Москве.

Вопросам историографии Виноградов уделял большое внимание. Обычно своему лекционному курсу по истории средних веков он предпосылал историографическое введение; во всех других его курсах повсюду разбросаны историографические замечания. Еще в 1878 г. вышла его статья «Новые ученые работы по феодализму в Италии»¹⁴⁵. В 1883—1884 гг. появились его «Очерки западноевропейской историографии»¹⁴⁶. Известны его статьи об отдельных историках — Ранке¹⁴⁷, Фюстель де Куланже¹⁴⁸, Грановском¹⁴⁹. Общим вопросам историографии посвящена его статья «Задачи всеобщей истории»¹⁵⁰. Объяснение характера исторической науки в тот или иной период Виноградов ищет в двух сферах. Всегда подчеркивая связь исторических идей с современностью, он находит его, во-первых, в области «практической политики». Политические симпатии историка — вот та первопричина, которая объясняет происхождение его исторической концепции; поэтому О. Тьерри и Гизо, например, принадлежали к тому направлению в историографии, которое «поддерживало июльскую систему»¹⁵¹, господство образованного среднего класса и в истории искало

ма»). «Русская мысль», 1894, кн. IX, стр. 134—141; «Франция перед революцией (рец. на книгу М. Ковалевского «Происхождение современной демократии»). «Русская мысль», 1895, кн. XI, стр. 83—93; см. также рецензии на книги: Д. Петрушевского («Восстание Уота Тайлера», ЖМНП, 1902, апрель, стр. 440—449), А. Савина («Английская деревня в эпоху Тюдоров». ЖМНП, 1904, сентябрь, стр. 222—232 и «Английская секуляризация». ЖМНП, 1907, декабрь, стр. 429—432).

¹⁴⁴ П. Г. Виноградов. И. В. Киреевский и начало московского славянофильства. «Вопросы философии и психологии», кн. 11, М., 1892, стр. 98—126.

¹⁴⁵ П. Г. Виноградов. Новые ученые работы о феодализме в Италии. ЖМНП, 1878, ноябрь, стр. 17—29.

¹⁴⁶ П. Г. Виноградов. Очерки западноевропейской историографии (далее — Очерки историографии). ЖМНП, 1883, август, стр. 390—408; сентябрь, стр. 160—182; октябрь, стр. 371—385; ноябрь, стр. 176—198; декабрь, стр. 425—498; 1884, январь, стр. 237—250; февраль, стр. 433—443; июнь, стр. 310—331; июль, стр. 172—185; август, стр. 414—428; ноябрь, стр. 183—193.

¹⁴⁷ П. Г. Виноградов. Ранке и его школа. «Русская мысль», 1888, кн. IV, стр. 213—224.

¹⁴⁸ П. Г. Виноградов. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы. «Русская мысль», 1890, кн. 1, стр. 83—103.

¹⁴⁹ П. Г. Виноградов. Т. Н. Грановский. «Русская мысль», 1893, кн. 4, стр. 44—66.

¹⁵⁰ П. Г. Виноградов. Задачи всеобщей истории. «Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира». Киев, 1895, стр. 308—311.

¹⁵¹ Речь идет об июльской монархии 1830—1848 гг. во Франции.

оправдания этого господства»¹⁵²; работы же Токвиля, которого Виноградов особенно ценил, «принадлежат к числу тех книг, которые всего нагляднее показывают, какая непосредственная связь существует между историческим пониманием... и политическим мышлением, как последнее, собственно, не может жить без истории»¹⁵³. Вторая причина, с которой необходимо считаться при анализе развития исторической науки,— это общий уровень, достигнутый этой наукой в данное время. Интерес к определенным проблемам, весь арсенал научных приемов и характер выводов — все это находится в зависимости от уровня современной историко-научной мысли. В этой связи Виноградов считает, что интерес историков второй половины XIX в. к социальным проблемам был обусловлен наличием позитивизма, который казался Виноградову высшим достижением философской мысли; «стремлением приблизить по возможности историческую науку к наукам естественным — по характеру приемов, к политической экономии и науке права — по точности выводов» объясняется в этот период, по мнению Виноградова, «самый выбор вопросов и способ их разъяснения»¹⁵⁴.

Оценивая роль отдельных школ в историографии, Виноградов становится на типичную буржуазно-объективистскую точку зрения: для него все течения в исторической науке — и прогрессивные, и даже самые реакционные — в одинаковой мере заслуживают положительной оценки, потому что каждое из них что-нибудь да вносило в науку, являлось равноправным участником общей борьбы за научную истину. Из этих посильных вкладов и составляется, по мнению Виноградова, единый поток науки.

Но это вовсе не означало, что Виноградов рассматривал себя как бесстрастного хранителя сделанных в науку «вкладов». Наоборот, там, где дело шло о защите его собственных научных взглядов, он выступал со всей решительностью и даже резкостью. Из-за дымовой завесы традиционных, ничего не значивших комплиментов на противника велась беспощадная атака. Оценивая III том «Всемирной истории» Л. Ранке, Виноградов считал, что манера Ранке давать чисто внешнее изображение исторического процесса знаменует собою лишь вчерашний день исторической науки¹⁵⁵. Книга Германа Шиллера «История римской империи» заслужила еще более суровую

¹⁵² П. Г. Виноградов. История XIX века (лит. курс), стр. 284.

¹⁵³ Там же, стр. 288.

¹⁵⁴ П. Г. Виноградов. История средних веков. Курс лекций..., стр. 33.

¹⁵⁵ П. Г. Виноградов. Очерки историографии. ЖМНП, 1884, январь, стр. 246.

оценку: «Напрасно стали бы мы искать в новой книге глубоких мыслей... Каждая страница свидетельствует о прилежании и об ограниченности автора»¹⁵⁶.

Но решительнее всего Виноградов ополчается против Сибоба, своего главного противника. Он подчеркивает, что вся теория Сибоба построена на прямом насилии над документами, ибо Сибоб решил во что бы то ни стало вытянуть нужные ответы у источников; если «Сибобу нужны колонны и не нужны свободные германцы,— пусть же будут колонны вместо свободных германцев»¹⁵⁷. Виноградову, по его словам, остается только «ужаснуться перед заключениями смелого английского исследователя»¹⁵⁸.

Критикуя реакционные теории, Виноградов столь же решительно защищал и свою ограниченную либеральную теорию, оценивая с этой точки зрения всю историографию. Защищая существование общины, Виноградов имел совершенно прерватные представления о предшествующей эпохе — родовом строе. Он поддерживал патриархальную теорию Генри Сомнера Мэна, полагая, что древнейшей формой общественных отношений является патриархальный род, сформировавшийся из объединения моногамных семей. В своей книге «Древнее право и обычай» Мэн полемизирует против Моргана и Мак Леннана, показавших, что родовая организация была связана с коллективными формами брака, а патриархальному роду предшествовал род материнский. Вынужденный фактами признать материнский род, Мэн рассматривал его как частный случай родового устройства. Виноградов выступил с рецензией на книгу «Древнее право и обычай», где поддержал Мэна в критике Моргана, Мак Леннана и Бахофена¹⁵⁹.

Виноградов создал в Московском университете школу русских исследователей — медиевистов. Центром подготовки своих учеников он сделал известные в свое время учебные семинары, ставшие серьезной школой исследовательской работы в области социально-экономической истории западного средневековья. Из этих семинаров вышли А. Н. Савин, Д. Н. Егоров и многие другие русские медиевисты.

Виноградов был крупным деятелем в области просвещения. Он возглавлял многочисленные общественные просветительские организации, но наибольшую известность на этом поприще он приобрел как автор учебника по всеобщей истории для

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же, 1883, ноябрь, стр. 195.

¹⁵⁸ Там же, стр. 194.

¹⁵⁹ П. Г. Виноградов. Учение сэра Генри Мэна. «Научное слово», 1904, кн. 8.

гимназий и редактор «Книги для чтения по истории средних веков», созданной по его инициативе.

Борьба с засильем «классицизма» в программах гимназий, с формализмом и зубрежкой в преподавании давно велась передовой русской интеллигенцией. Она особенно усилилась в связи с реакционной «реформой» Д. А. Толстого. Образцом учебников этой поры были учебники русской и всеобщей истории Д. И. Иловайского, построенные на запоминании голых фактов и воспитывавшие в верноподданническом духе. Необходимость новых порядков в гимназиях была настолько велика, что само Министерство просвещения начало работу по составлению новых программ и учебников. Этой работой занялась возглавляемая Виноградовым историческая комиссия учебного отдела Общества по распространению технических знаний, а сам Виноградов приступил к составлению учебника по всеобщей истории, одновременно в течение трех лет преподавая историю в 5-й Московской гимназии. В 1893—1895 гг. все три книжки учебника вышли в свет¹⁶⁰.

Учебник Виноградова стоял, несомненно, выше старых учебников. Вместо нагромождения мелких фактов, дат и имен, вместо анекдотической занимательности учебник знакомил с крупными явлениями, дававшими представление об общем течении исторического процесса и изложенными в причинной связи¹⁶¹. Но на учебнике лежит печать буржуазной методологии Виноградова, усугубленной казенным характером книжки. В разделе о Древнем Востоке отсутствует история Индии и Китая (Грановский, как известно, включал историю этих стран в свой учебник). История человечества изображается прежде всего как история надклассового государства, а в качестве ее наивысшего достижения выступает парламентаризм. Как всегда, игнорируется классовая борьба: восстание Спартака и Жакерия обойдены полным молчанием. Английская буржуазная революция не названа революцией и выглядит лишь эпизодом из истории борьбы между королем и парламентом; Парижская Коммуна изображена как «ужасный эпилог» франко-прусской войны и аттестуется как «разрыв с Францией». Только французская буржуазная революция конца XVIII в., изложенная с либеральных позиций Виноградова, заняла в учебнике подобающее ей место.

¹⁶⁰ Виноградов интересовался постановкой народного образования и за рубежом. В частности, будучи в 1895 г. в Норвегии, он изучал там школьное дело (см. П. Г. Виноградов. Школа на скандинавском севере и борьба за нее. «Вестник Европы», 1902, март, стр. 95—129).

¹⁶¹ См. рецензии на учебник Виноградова: «Вестник Европы», № 9 за 1893 г., библиографический листок. «Русская мысль», 1893, кн. IV, стр. 193—195; «Русское Богатство», 1894, кн. VI, стр. 79—80; «Исторический Вестник», кн. LVII, 1894, стр. 533; «Русские Ведомости», № 138 за 1894 г.

Учебник выдержал свыше десяти изданий, но не стал крупным событием в педагогической жизни. Вышедшие вслед за ним учебники Н. И. Кареева и Р. Ю. Виппера были построены, за некоторыми исключениями, примерно на тех же основах.

Иная судьба была у «Книги для чтения по истории средних веков» (под редакцией Виноградова), которую Виноградов рассматривал как необходимое дополнение к учебнику. Авторский коллектив был составлен Виноградовым из сотрудников по исторической комиссии, профессоров университета. В. И. Герье, Р. Ю. Виппера, М. К. Любавского, И. М. Гревса, М. Н. Покровского и др. «Книга для чтения» (4 тома) была опубликована в 1896—1899 гг.¹⁶² Она явилась примером удачного подбора иллюстративного исторического материала и в ряде случаев образцом популярного изложения для учащихся.

Как общественный деятель, Виноградов активно участвовал в делах университета. В конце 1899 г. он вместе с К. А. Тимирязевым, И. М. Сеченовым, Н. Д. Зелинским, А. И. Чупровым и другими подписал докладную записку министру просвещения Боголепову с протестом против «Временных правил». Но развернувшееся затем студенческое движение против этих правил Виноградову как либералу было весьма не по душе; в 1901 г. он в числе других профессоров обратился от имени совета университета к студентам с призывом к установлению «порядка», а вскоре вошел в комиссию совета по вопросу «о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни». Не уставая призывать студенчество к прекращению борьбы, Виноградов в то же время пытался защитить университет от нападок реакционной прессы. Ответом на них была его статья «Учебное дело в наших университетах»¹⁶³, где он настаивал на пересмотре университетского устава. Виноградов выступил инициатором созыва конференции профессоров и студентов для выражения протеста против нападков реакции. В связи с волнениями в Московском университете сюда приехал новый министр просвещения Ванновский, с которым у Виноградова произошло столкновение, приведшее к отставке профессора. В конце 1902 г. Виноградов уехал в Англию, где начался новый этап в его научной деятельности.

Сложный путь, отразивший общую эволюцию русской буржуазно-либеральной историографии, прошел Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1869—1942), ученик И. В. Луцицкого. Не-

¹⁶² См. рецензию на I том «Книги для чтения по истории средних веков». «Русская школа». СПб, 1897, № 3, стр. 188—192.

¹⁶³ П. Г. Виноградов Учебное дело в наших университетах М., 1901 (отд. оттиск).

которое время он преподавал в Киеве, затем в Варшавском университете, но большая часть его научной жизни была связана с Московским университетом. Для начала научной деятельности Петрушевского был характерен интерес к методологическим проблемам¹⁶⁴. В своих статьях, посвященных методологии, он подчеркивал, что распространенность идеалистических концепций не дает возможности успешно решать задачи, стоящие перед исторической наукой. Оставаясь чуждым марксизму и вступая в отдельных случаях в полемику с ним, Петрушевский до 1905 г. признавал, тем не менее, плодотворность марксистских идей для исторической науки. Характерно в этом отношении его введение к книге «Очерки из истории средневекового общества и государства» (1904). Здесь Петрушевский останавливается на характеристике заслуг марксизма в развитии общественной науки; в частности, крупнейшим завоеванием, открывающим новые горизонты в развитии науки, Петрушевский считает марксистское учение о происхождении общественных идей¹⁶⁵. Петрушевский подчеркивает, что исторический материализм впервые поставил изучение идей на подлинно научную почву: только исследовав материальные условия жизни общества, можно приступить к выяснению роли и характера идей. Интересно в этой связи указание Петрушевского на сложность изучения идейной стороны общественной жизни, на закономерную неудачу всех попыток этого изучения без глубокого проникновения в материальные условия жизни общества. «История общественных идей и настроений,— пишет он,— есть та научная область, которая требует особенно тщательной исторической (социологической) подготовки и, в частности, глубокого знания и понимания материальной стороны общественного процесса, без которого... попытка проникнуть в тонкий и заманчивой мир идей должна будет потерпеть полное научное фиаско»¹⁶⁶.

Петрушевский не ограничивался простой декларацией о необходимости выводить общественные идеи из материальной жизни общества, но и пытался проводить этот принцип в своем

¹⁶⁴ Д. Петрушевский. Новое исследование о происхождении феодального строя. ЖМНП, 1892, декабрь, стр. 307—376; его же. О задачах всеобщей истории как науки. «Образование», 1898, № 2, стр. 1—10; его же. Тенденции современной исторической науки. «Образование», 1899, № 5—6, стр. 73—104. К этой серии статей относится и методологическое введение к «Очеркам из истории средневекового общества и государства», впервые опубликованное в журнале «Научное слово» (1904, кн. 3). В дальнейшем цитируется по первому изданию «Очерков из истории средневекового общества и государства» (М., 1907), куда оно вошло без изменений.

¹⁶⁵ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907, стр. 12.

¹⁶⁶ Там же, стр. 13.

исследовании конкретного исторического материала. Так, рассматривая в своей работе «Восстание Уота Тайлера» движение лоллардов и его роль в восстании, Петрушевский пытается анализировать его в связи с социально-экономическими условиями английской действительности второй половины XIV в. Он указывает, что идеи лоллардов выражали жизненные, материальные интересы различных общественных групп, и именно этим обстоятельством объясняет успехи лоллардизма¹⁶⁷. Точно так же и в программах восставших крестьян Петрушевский видит отражение материальной действительности, хозяйственных и социальных условий крестьянской жизни¹⁶⁸.

Петрушевский, однако, не понял всей глубины марксистского учения об общественных идеях и их взаимоотношении с материальной жизнью общества, т. е. не поднялся над буржуазными представлениями о марксизме как теории, якобы отрицающей всякую роль идей в общественном развитии. По его мнению, исторический материализм низводит идеи «... к роли простых показателей того, что совершается в нижнем, так сказать, этаже общественного здания...»¹⁶⁹. Вместе с тем он утверждает, что исторической науке необходимо подняться «выше материализма и идеализма».

Стремление подняться выше «материалистической крайности» создавало благоприятную почву для эклектизма Петрушевского и восприятия им реакционных идей современной ему буржуазной социологии и историографии. Так, вслед за Эд. Мейером он выступает последовательным сторонником теории исторического круговорота, призывает «окончательно расстаться с идеей единого и единственного процесса, какой будто бы представляет собою история обществ древнего и нового мира, и окончательно утвердиться в мысли, что здесь мы имеем дело не с единым и единственным процессом, а с целым множеством аналогичных процессов»¹⁷⁰. Один и тот же общественный строй, по мнению Петрушевского, может существовать в самые различные эпохи. Так, например, он признает существование капитализма в древнем мире, при этом подчеркивает отсутствие каких бы то ни было качественных различий между капитализмом в древнем мире и в новое время¹⁷¹.

Методологические взгляды Петрушевского оказали определяющее влияние на развитие его исторических взглядов и на

¹⁶⁷ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, ч. 2. М., 1901, стр. 348—350.

¹⁶⁸ Там же, ч. 1, СПб., 1897, стр. 382.

¹⁶⁹ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства, стр. 13.

¹⁷⁰ Там же, стр. 35.

¹⁷¹ Там же, стр. 33.

изучение конкретно-исторического материала. Вслед за Ковалевским Петрушевский обратил внимание на проблему крестьянских восстаний в средние века. В 90-х годах в центре исследовательской работы Петрушевского встали проблемы, связанные с изучением восстания 1381 г.— крупнейшего восстания английского средневекового крестьянства против феодального гнета. В 1897 г. Петрушевский успешно защитил диссертацию на степень магистра, представив к защите первую часть «Восстания Уота Тайлера», опубликованную в 1896—1897 гг.¹⁷² В 1901 г. Петрушевский защитил докторскую диссертацию — опубликованную в том же году вторую часть «Восстания Уота Тайлера». Самый факт, что молодой ученый поставил в центр своих научных интересов классовую борьбу крестьян, является достаточно показательным для его прогрессивных взглядов в тот период.

Книга Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» заслуженно считается лучшей его работой, занимающей особое место в буржуазной историографии данного вопроса. Существенное отличие Петрушевского от предшествовавших буржуазных исследователей восстания проявляется прежде всего в самой постановке проблемы. Если для предшественников Петрушевского восстание 1381 г. является событием, не имеющим большого значения для дальнейшей социально-экономической истории Англии¹⁷³, то Петрушевский видит в нем фокус, в котором сосредоточиваются важнейшие вопросы истории средневековой Англии, «крайне знаменательный момент в хозяйственной и социальной эволюции феодальной Англии, вскрывающий перед нами самые основные течения этой эволюции и тем облегчающий ее изучение»¹⁷⁴. В этом отношении Петрушевский пошел дальше Ковалевского, который относился к восстанию Уота Тайлера сочувственно, но считал его исторически бесплодным.

Изучая восстание 1381 г., Петрушевский провел большую, кропотливую работу по изучению источников, относящихся к этому периоду. Его заслуга не только в том, что он, как никто другой, привлек к исследованию широкий круг самых разнообразных источников, но прежде всего в том, что он первый занялся критической проверкой источников, посвятив этому специальную главу своего труда. Критический анализ хроник

¹⁷² Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. ЖМНП, 1896, октябрь, стр. 325—401; ноябрь, стр. 1—81, декабрь, стр. 214—300; 1897, январь, стр. 95—169, март, стр. 1—65. Отдельным изданием первая часть «Восстания Уота Тайлера» вышла в Петербурге в 1897 г.

¹⁷³ См., например, книги таких западных буржуазных исследователей, как Т. Роджерс («История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век», пер. с англ., СПб., 1899) и У. Дж. Эшли («Экономическая история Англии в связи с экономической теорией», пер. с англ., М., 1897).

¹⁷⁴ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, ч. 2, стр. VII.

Петрушевский начинает с попыток выяснения классового лица их авторов. Он настойчиво подчеркивает, что классовое положение того или иного летописца полностью определяет его отношение к восстанию¹⁷⁵. Чрезвычайно большое значение имеет тщательная критическая проверка Петрушевским «Исповеди» Строу, которая, как известно, является важнейшим источником для выяснения целей наиболее радикального крыла восставших. Ему удалось убедительно доказать подлинность этого важного документа¹⁷⁶. Работа Петрушевского по изучению источников восстания 1381 г. не потеряла своего значения и сейчас.

Петрушевский сумел воссоздать яркую картину восстания. Наряду с тщательным исследованием движения эссекских и кентских крестьян, их пребывания в Лондоне (как кульминационного пункта восстания) Петрушевский использует даже беглые указания источников для воссоздания хода восстания во всей стране. Детальное изучение всех относящихся к восстанию материалов позволяет Петрушевскому прийти к важному выводу о чрезвычайно широком распространении движения. «По-видимому,— указывает он,— в той или в другой форме взрыв в центре отразился во всех без исключения графствах Англии...»¹⁷⁷.

Через всю книгу проходит мысль автора о справедливости целей, выдвинутых крестьянами. Петрушевский подчеркивает бескорыстие восставших¹⁷⁸, отвергает домыслы Фруассара о том, что оставшиеся в Лондоне после ухода эссекских ополчений крестьяне были заняты мыслью о грабежах¹⁷⁹, осуждает кровавую расправу с восставшими крестьянами¹⁸⁰. Как никто другой из буржуазных исследователей восстания, Петрушевский подчеркивает его прогрессивный характер, заключавшийся прежде всего в его антикрепостнической направленности¹⁸¹. В то же время Петрушевский подчеркивает и слабые стороны восстания — его стихийный характер, локальность крестьянских выступлений. В разрозненности восставших, в отсутствии единства действий не связанных между собой крестьянских отрядов Петрушевский видит основную причину поражения восстания 1381 г.¹⁸²

¹⁷⁵ См. разбор Петрушевским свидетельств Фруассара, Гауэра и других источников восстания во второй главе первой части «Восстания Уота Тайлера».

¹⁷⁶ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, ч. 1, стр. 105.

¹⁷⁷ Там же, стр. 290.

¹⁷⁸ Там же, стр. 186, 261.

¹⁷⁹ Там же, стр. 207—208.

¹⁸⁰ Там же, стр. 296.

¹⁸¹ Там же, ч. 2, стр. 353.

¹⁸² Там же, ч. 1, стр. 345—346.

Восстание английских крестьян в 1381 г. Петрушевский использует как отправной момент для тщательного анализа социально-экономических отношений в английском средневековом обществе. Именно в этих отношениях он и ищет причины восстания. Он пишет: «Вполне реальной и научной будет та постановка вопроса, которая станет искать объяснение восстания в политических, социальных и хозяйственных условиях тогдашней Англии, вызывавших в народе недовольство своим положением»¹⁸³. Во второй части «Восстания Уота Тайлера» Петрушевский предпринимает исследование политических и главным образом социально-экономических условий средневекового английского общества. Это исследование приводит к выводу, что восстание 1381 г. является порождением разлагающегося феодализма, результатом противоречия между новыми хозяйственными условиями и старыми политическими формами.

Большое значение имеет указание Петрушевского на то, что развитие товарно-денежных отношений, проникновение их в недра старой манориальной системы влекло за собой обострение классовой борьбы. Классовая борьба, противоположность экономических интересов общественных классов в условиях развития товарного хозяйства признаются нормальными и закономерными явлениями. Более того, речь идет даже о том, что непрекращавшаяся борьба хозяйственных интересов является основной чертой нового хозяйственного строя¹⁸⁴. Это значило, что и восстание 1381 г. Петрушевский рассматривает как явление закономерное, порожденное обострением классовой борьбы в английском обществе второй половины XIV в.

Тем не менее общая концепция Петрушевского о восстании 1381 г. и его связи с развитием социально-экономических отношений в средневековой Англии не выходят за рамки буржуазной историографии. Петрушевский отказывался видеть в феодализме определенный способ производства с присущими ему специфическими производственными отношениями. Он пытается последовательно разграничить феодализм политический (состояние политической раздробленности) и феодализм социальный, понимая под последним сословную организацию общества, вызванную к жизни господством натурального хозяйства¹⁸⁵.

Петрушевский настойчиво подчеркивал, что феодализм возник из государственных потребностей, а феодальные отношения с самого момента их возникновения были призваны удовлетворять эти потребности. Феодальная эксплуатация крестьянства

¹⁸³ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, ч. I, стр. 375.

¹⁸⁴ Там же, ч. 2, стр. 281.

¹⁸⁵ Там же, стр. 17—18.

является, по его мнению, необходимой формой сотрудничества сословий, каждое из которых несет особую государственную повинность: феодалы защищают государство, которое требует от них ратной службы, а крестьяне создают необходимые для несения этой службы материальные средства. Отсюда и вытекает право феодала на власть над крестьянами, право на их труд или на ту или иную часть этого труда¹⁸⁶. Подобная теория, как известно, имела широкое хождение в русской либеральной науке, в частности, ее придерживался Виноградов.

На этих положениях и строится Петрушевским методика конкретного исследования социально-экономических отношений в средневековой Англии, в частности его анализ манориальной системы. Вслед за Виноградовым он рассматривает ее как своеобразный аграрно-политический союз между двумя автономными организациями — крестьянской общиной и поместьем лорда, союз, основанный на взаимовыгодных началах. Классовый мир и классовое сотрудничество, совпадение интересов лорда манора и вилланов он возводит в главную черту манориального строя¹⁸⁷.

Исходные теоретические положения об общем характере социально-экономического строя средних веков определили собой всю трактовку Петрушевским социально-экономического развития Англии накануне восстания 1381 г. и постановку вопроса о причинах восстания.

В изображении Петрушевского в средневековой деревне по существу не было почвы для классовой борьбы. Столкновения между лордом и крестьянами, по Петрушевскому, начинаются только с момента перехода барского двора от натурально-хозяйственной организации производства к товарно-денежному хозяйству¹⁸⁸. В результате развития товарно-денежных отношений происходит коренная перестройка барского хозяйства, которое стало основываться теперь не на труде зависимых вилланов, а на вольнонаемном труде. Складывается рабочий класс¹⁸⁹. Итак, к середине XIV в. Англия, согласно концепции Петрушевского, переживала период глубокого разложения феодализма. На смену старым, феодальным, пришли новые экономические отношения, характерные для капиталистического общества, основанные на эксплуатации наемного труда.

¹⁸⁶ Там же, стр. 17. В понимании Петрушевским сущности социального феодализма нетрудно увидеть зародыш его позднейших воззрений на феодализм как систему государственных соподчиненных сословий. В «Очерках из истории средневекового общества и государства» он прямо говорит о государственном разделении труда между сословиями, характерном для феодализма («Очерки...», стр. 320).

¹⁸⁷ Там же, стр. 100.

¹⁸⁸ Там же, стр. 148.

¹⁸⁹ Там же, стр. 143—144, 252.

Однако эти отношения отличались неустойчивостью, были подвержены разрушительному действию стихийных катастроф (под которыми Петрушевский понимал частые в средние века стихийные бедствия, эпидемии и т. п.)¹⁹⁰. Такой стихийной катастрофой и была эпидемия чумы, разразившаяся в Англии в 1348 г. и получившая название «Черная смерть». Непосредственным ее результатом явилась острая нехватка рабочих рук. Государство и землевладельцы пытались преодолеть этот кризис с помощью рабочего законодательства, а также путем усиления феодальных повинностей (например, возвращение к барщине там, где ее уже не было). На этой почве и происходит обострение классово-борьбы, которое и привело к восстанию 1381 г.

Таким образом, в результате неправильного определения характера социально-экономических отношений середины XIV в. Петрушевский, в отличие от Ковалевского, расценивает «Черную смерть» как решающую причину восстания 1381 г. Для него как рабочее законодательство, так и «феодалская реакция», которые предопределили собой неизбежность восстания, были бы невозможны без хозяйственной катастрофы, вызванной «Черной смертью». Другими словами, Петрушевский подводит к выводу, что основные причины восстания заложены в факте чисто внешнего порядка, а не во внутренних закономерностях социально-экономического развития Англии.

В научной деятельности Петрушевского в эти годы важное место занимает изучение генезиса феодализма в Западной Европе. Этой проблеме посвящены «Очерки из истории средневекового общества и государств»¹⁹¹ и в значительной части «Очерки из истории английского государства и общества в средние века»¹⁹². Заслуживает внимания предпринятая Петрушевским в «Очерках» попытка показать развитие средневекового общества как результат взаимодействия римского и германского элементов, его стремление изобразить конкретный ход процесса феодализации в Западной Европе в различных исторических условиях. В этом изображении немало ценных наблюдений, не потерявших своего значения и в настоящее время. В работах Петрушевского убедительно доказано, что феодальному периоду в истории германцев предшествовал период доклассового общества. Автор показывает, как первобыт-

¹⁹⁰ Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, ч. 2, стр. 247.

¹⁹¹ Впервые «Очерки из истории средневекового общества и государств» опубликованы в журнале «Научное слово» в № 3, 5, 7, 9 за 1904 г. и № 2, 4, 8-9, 10 за 1905 г. Отдельным изданием (без изменений сравнительно с журнальным текстом). «Очерки» вышли в 1907 г.

¹⁹² Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века, ч. 1. СПб., 1903.

ное политическое и социально-экономическое равенство исчезает, уступая место новым отношениям. Приводится целый ряд разнообразных факторов, подрывавших это первобытное равенство. Петрушевский уделяет большое внимание характеристике свободной общины и ее роли в складывании феодального общества. Изображение Петрушевским конкретного хода генезиса феодализма в Западной Европе наглядно свидетельствует о том, что основную массу крепостного крестьянства составили не потомки рабов и других несвободных слоев населения, а огромное большинство некогда свободных общинников, потерявших свою землю и свободу в процессе феодализации. Однако в целом решить проблему генезиса феодализма Петрушевский не смог. Феодализацию западноевропейского общества он рассматривает как процесс, вызванный прежде всего политическими факторами. Он настойчиво подчеркивает «мирный», эволюционный характер перехода от античности к средневековью, как и всего генезиса феодализма в целом. Характеризуя развитый феодализм, Петрушевский считал феодальную вотчину таким хозяйственным организмом, в котором могли мирно сочетаться интересы крестьян и феодала.

Несколько своеобразное место в научном наследии Петрушевского этого периода занимают его статьи «Великая хартия вольностей» и «Борьба за политическое освобождение в английском обществе во второй половине XIII в.»¹⁹³, посвященные почти исключительно политической истории. Их выход в свет в значительной мере был обусловлен нарастанием революции 1905 года и отвечал настроениям русской либеральной буржуазии в это время.

* * *

Такова научная деятельность главных представителей русской буржуазной медиевистики ее лучшей поры. Характерной чертой всей русской буржуазной науки о средних веках в этот период является безраздельное господство либеральных идей¹⁹⁴.

¹⁹³ Обе статьи опубликованы в либерально-народническом журнале «Русское богатство», первая в № 11 за 1903 г., вторая в № 8 и 9 за 1905 г. Характерно, что первая из них на протяжении 1904—1906 гг. четырежды переиздавалась отдельным изданием в Ростове-на-Дону в либеральном издательстве «Донская речь».

¹⁹⁴ Единственным представителем откровенно правых политических взглядов среди медиевистов этих лет был Николай Михайлович Бубнов (1858—1943) — профессор Киевского университета. Для его научной деятельности характерен уход от социально-экономических проблем, отказ от широких научных обобщений, скрупулезное исследование мелких вопросов.

Таким образом, русская медиевистика второй половины XIX и начала XX в. как в методологическом, так и в политическом отношении отразила все своеобразие того периода. При господстве позитивистской методологии в ней еще сохраняется (особенно в начале периода) влияние гегельянских идей, зачастую претерпевавших существенные изменения в новой обстановке. Русская медиевистика этого времени отличается крупными достижениями, русская историческая наука стала в эти годы играть крупную роль в мировой историографии. Эти достижения были бы невозможны без того живительного влияния марксизма, которое испытала в эту эпоху буржуазная историческая наука в России.

Примером такой работы является диссертация Бубнова «Сборник писем Герберта как исторический источник» (1888—1890). Первоначально автор ставил своей задачей на основании писем Герберта (папы Сильвестра II, X в.) воссоздать эпоху, в которую жил этот знаменитый церковный деятель, но чем больше Бубнов работал над этой темой, тем «менее симпатичной» казалась ему такая задача, и он обратился к исследованию самих писем. Изучая рукописный материал, Бубнов объехал свыше десятка книгохранилищ Западной Европы, и после нескольких лет труда вышла в свет его трехтомная диссертация, за которую автор сразу получил степень доктора, минуя степень магистра (случай далеко не частый в академической практике; кроме Бубнова, из всеобщих историков такой чести были удостоены М. С. Корелин и Р. Ю. Виппер), а Академия наук впоследствии удостоила эту работу Макарьевской премии. Однако все рецензенты этого труда справедливо упрекали Бубнова за крохоборческий подход к проблеме. Ф. Я. Фортинский писал, что огромный труд автора, его ученость, при которой у читателя «просто рябит в глазах от этой эрудиции», потрачены на выяснение мелких деталей, не имеющих существенного значения для науки («Разбор сочинения Н. М. Бубнова под заглавием «Сборник писем Герберта, как исторический источник» СПб., 1894, стр. 44—52). Бузескул, выражал сожаление, что затраченный труд не соответствовал незначительным результатам, говоря, что «в результате огромного труда получилась лишь погодная хроника, а не историческая монография „Герберт и его время“, которую первоначально намеревался написать автор» (В. В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. 2, 1931, стр. 95—96).

Глава VII

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ

I

НАЧАЛО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ ИСТОРИИ В РОССИИ (М. Н. ПЕТРОВ, В. В. БАУЕР). ПОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (В. И. ГЕРЬЕ, И. В. ЛУЧИЦКИЙ)

Изучение истории нового времени в России значительно развилось во второй половине XIX в. Именно в эти годы зародилась «русская школа», которая сложилась из разнообразных исторических течений и приобрела впоследствии европейскую известность. Русские историки — специалисты по новой истории не только исследовали заново многие изучавшиеся до них документальные комплексы, но подняли и неизвестные ранее архивные материалы и выдвинули на основе исследования первоисточников ряд новых проблем. Исследование экономических и социальных вопросов, поставленных перед сознанием историка историческим развитием России, оказалось плодотворным и в применении к истории Запада. Особенно значительны были заслуги русских ученых в области постановки и разработки истории крестьянского вопроса, а также вопроса о развитии промышленности и рабочего класса в период французской революции XVIII столетия.

Первым историком нового времени в России из рядов университетской профессуры следует считать не столько В. И. Герье, как это принято обычно, сколько Михаила Назарьевича Петрова (1826—1887). Его нередко незаслуженно забывают, а немногочисленные упоминания о нем в советской литературе сопровождаются диаметрально противоположными оценками¹.

Сын государственного крестьянина-мордвина, дослужившегося в армии до обер-офицерского звания, Петров происхо-

¹ Ср. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Изд. 2. М., 1955, стр. 58, 60, 61; О. Л. Вайштейн. Историография средних веков. М.-Л., 1940, стр. 13, 151.

дил из разночинной, демократической среды. В 1848 г. он окончил Харьковский университет, в 1850 г. защитил магистерскую диссертацию «О характере государственной деятельности Людовика XI», близкую по своей проблематике к опубликованной годом ранее докторской диссертации Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий». С 1851 г. Петров преподавал в течение 35 лет всеобщую историю в том же Харьковском университете².

Подобно большинству наших всеобщих историков середины XIX в., Петров полагал, что при тогдашней организации русских университетов «преподавание в них всеобщей истории должно состоять преимущественно в общих ее курсах, а не в специальных». Но основные научные интересы Петрова были уже связаны с тематикой нового времени, начальным рубежом которой принято было тогда считать конец XV — начало XVI в.

Плодом пребывания Петрова в заграничной командировке (1858—1860) был его содержательный «Отчет о занятиях» «в чужих краях», опубликованный в 1861 г. и имеющий самостоятельное научное значение³, и его вышедшая вслед за ним «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции», которую он защитил в 1865 г. в Москве в качестве докторской диссертации. Работа эта — важный этап изучения в России истории западноевропейской исторической науки и критического освоения накопившихся к тому времени крупных достижений «трех исторических литератур, имеющих всемирное значение»⁴. Книга Петрова представляет собой и своеобразную попытку систематического освещения основных тенденций развития не только исторической, но и неразрывно связанной с нею общественной мысли Германии, Англии, Франции. Петров исходил из того, что «дух, творящий историю и объясняющий ею созданные явления — один и тот же»⁵. В этом смысле данная работа является первым в нашей академической литературе очерком новейшей истории западноевропейской общественной мысли своего времени.

Хотя Петров и предпочитал, по его словам, опираться на мнения, которые «пользуются в науке наибольшим уважением»⁶, но именно его «собственные соображения» представ-

² В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. 1. Л., 1929, стр. 121.

³ «Отчет о занятиях адъюнкта имп. Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858-го по июль 1860-го года». Харьков, 1861.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ М. Петров. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861, стр. 1.

⁶ Там же, стр. VI.

ляют наибольший интерес. В его общее построение, выдержанное в целом в официальных, академических, либерально-консервативных тонах, они вносят значительно более свежие, более прогрессивные оттенки, заметно отличающиеся от резко усилившихся на Западе после 1848 г. реакционных тенденций исторической мысли господствующих классов. Характерно, например, отношение Петрова к книге графа А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856), встретившей восторженный прием в политических и научных кругах западноевропейской буржуазии. Перечисляя «заслуги токвилева труда» и называя самого Токвиля человеком, умевшим «возвести историю на степень почти точной науки», Петров в то же время упрекал его в том, что он «впал в односторонность» и что «мастерской его фрагмент» не дает «точного представления о целом ходе французской общественной жизни». «Из глаз автора, погруженного в исследование мелких физиологических явлений революции, исчезает ее общий смысл,— писал Петров,— и книга его оставляет в читателе впечатление, как будто революция не сделала для Франции ничего другого, как только усилила ее центральную власть; между тем как сам же Токвиль везде доказывает, что главное зло старого порядка состояло именно в чрезмерном развитии этой власти»⁷. В противовес Токвилю Петров таким образом подчеркивал историческое значение французской революции — в той мере, в какой это было возможно в тогдашних цензурных условиях.

Книга Петрова, как и облик ее автора,— далеко не простое явление. Многого он в ней, несомненно, недоговаривал, кое-что писал, вероятно, потому, что это было подсказано ему внешними обстоятельствами, тем более, что будущая его диссертация издана была еще до введения университетского устава 1863 г. и вступления в жизнь закона о печати 1865 г. Характерно, что в своем кратком «Отчете» Петров дважды касался того отдела «историко-экономической литературы, который имеет предметом исследование судеб низших сословий во Франции, и который в последнее время произвел несколько весьма замечательных ученых явлений»⁸, а в своей большой книге не упоминал об этом ни разу.

Особого внимания заслуживает в данной связи этюд самого Петрова о «судьбах низших сословий» — «Томас Мюнцер.

⁷ Там же, стр. 280, ср. также стр. 277 и сл.

⁸ «Отчет... М. Н. Петрова...», стр. 74, см. также стр. 9. В качестве примера Петров указывал здесь на книги Дониоля по истории крестьянства (Doniol. Histoire des classes rurales en France, 1857) и особенно Левассера по истории рабочего класса (Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France, vols I—II, 1859), перечисляя, кроме того, имена Дареста де ля Шаванна, Лемери и Бонмера.

Великая крестьянская война» в сборнике «Очерки из всеобщей истории», где собраны живо и талантливо написанные в разное время и по разным поводам его научно-популярные статьи. Сборник этот выпущен был впервые в 1868 г. и в дальнейшем трижды (в 1882, 1896 и 1904 гг.) переиздавался под несколько измененным заглавием («Из всемирной истории очерки»).

«Нас когда-то учили, что крестьянская война была плодом ложнопонятого учения Лютера об евангельской свободе и равенстве. Этому теперь никто не верит... Массы никогда не поднимаются из-за одних идей, и книги, какие бы они ни были, редко производят революции. Только тяжкая материальная нужда, голод, мор, невыносимые притеснения, словом,—экономические условия и причины в состоянии вызвать народный мятеж. Так случилось и здесь»,— писал во введении к своему этюду Петров, формулируя его основную мысль не только в духе, но и в манере передовой русской исторической публицистики своего времени⁹.

«Народ,—развивал эту мысль Петров применительно к реформации,—очень хорошо и очень верно понял, что если люди равны пред богом, то тем более они должны быть равны пред лицом человеческого закона. Сам Лютер тоже отлично понимал все это. Но из страха революции, могшей ниспровергнуть общественный порядок, стал впоследствии сам с собою в противоречие, доказывая необходимость и законность рабства. Но софизмами можно обмануть только софистов, а не здравый, натуральный народный смысл. Трудно было простого человека уверить, что бог осудил его неволю, когда каждый день говорили ему в церквах о неисчерпаемой благодати создателя, любящего всех равно как детей своих. Нашлись люди, которые растолковали ему это до очевидности. Долго затаенное чувство обиды и мщения, столь естественное в грубой натуре, наконец прорвалось и вышло наружу. Народ... потребовал себе правды по закону божественному и, когда ему отказали в ней, пошел брать ее силою»¹⁰.

С этих прямо и недвусмысленно сформулированных позиций и подходил Петров к Великой крестьянской войне и роли в ней Мюнцера. Он вносил при этом отдельные существенные коррективы в понимание того и другого Циммерманом, которого называл в своем «Отчете» в числе «лучших из нынешних представителей» морально-прагматической школы Шлос-

⁹ М. Н. Петров. Из всемирной истории очерки. Изд. 2. Харьков, 1882, стр. 333.

¹⁰ Там же.

сера¹¹. Петров видел заслугу Циммермана прежде всего в том, что он первый понял крестьянскую войну как опыт европейской революции, «бывшей сигналом всех последующих социальных переворотов», как «явление совершенно родственное революциям английской и особенно французской». Будучи «первым опытом еще слишком незрелого общества» и не добившись поэтому успеха, «немецкое демократическо-революционное движение» (выражение Петрова) имело общую с ними цель «в ниспровержении средневековых порядков и учреждений» и руководствовалось во многом одними и теми же идеями. В этом смысле «и передовые люди германского движения были, так сказать, предтечами героев и вождей революций во Франции и Англии»¹².

Петров резко противопоставлял две тенденции реформационного движения: с одной стороны, Лютера, восставшего во имя свободы религиозной мысли против векового авторитета римской церкви и католического предания; с другой, — «смелых новаторов» с их попытками выйти из пределов чисто богословской контраверсы и коснуться вопросов социальных и политических. «Проповедь их нашла живое и понятное сочувствие, потому что ближе стояла к насущным интересам народа, — подчеркивал Петров. — Августинское учение о благодати и оправдании верой, около которого вращалась вся ученая протестантская полемика эпохи, для простого человека было далеко и мало доступно, но вопрос — нести ли ему барщину и платить ли произвольные подати, был для него делом первой важности, ибо касался самых существенных условий его жизни. Народ жадно прислушивался к таким речам... На религиозной почве начиналось социальное брожение. Реформа готова была перейти в революцию». С необычной для либерального профессора логикой Петров прослеживал, как под влиянием этого в идеях Лютера «обнаружился вдруг поворот к старине», как «с этого времени он поставил себе задачей держаться, по возможности, консервативного направления и спасти из разрушавшегося католицизма все, что могло быть еще спасено». Его не смущало, что этим «впадал он в явное противоречие с самим собой». Лютер не останавливался перед тем, чтобы в борьбе с представителями «радикальных ветвей возбужденного им движения» преследовать их «не только литературным путем, но и посредством полиции». «Потеряв опору в народе, глава реформы примкнул к князьям и дворянству», — подобным итогом заканчивал Петров свой анализ эволюции Лютера, приобретающий в России 60-х годов остро публицистический смысл и вольно

¹¹ «Отчет... М. Н. Петрова...», стр. 4. В своей «Национальной историографии» Петров о Циммермане умалчивал.

¹² М. Н. Петров. Из всемирной истории очерки, стр. 334.

или невольно разивший деятелей русской реформы типа К. Д. Кавелина. Под несомненным влиянием пережитого им русского исторического опыта Петров, таким образом, прочувствовал, понял и показал «непримиримую вражду между двумя течениями эпохи: одним, стремившимся к умеренным преобразованиям церковных учреждений в пределах существующего общественного порядка, и другим, увлекавшим массы к радикальным переменам в церкви, государстве и целой жизни»¹³.

Понял и ярко, самобытно выразил Петров и то, что именно «на почве этого антагонизма воспитался и действовал Мюнцер». В этом отношении подход Петрова к Мюнцеру был несравненно глубже подхода Циммермана, тезис которого о специфически юношеской незрелости идей Мюнцера и подобной же несбыточности его мечтаний Петров решительно отвергал. «Дело шло, ни более ни менее, как о коренном преобразовании всех условий тогдашней жизни,— подчеркивал Петров, характеризуя социально-политическую программу Мюнцера.— Надо было уничтожить церковь как старую, так и новую, разрушить вековой порядок империи, вырвать власть у нескольких сот владетельных домов Германии, изменить устройство городов во всей стране, отнять у сословий и корпораций их бесчисленные привилегии, преобразовать нравы общества, внушить ему новые понятия и чувства». Начать же Мюнцер думал с «тиранов» — светских и духовных князей, в которых видел, по словам Петрова, «главное зло, главный источник неправды и, следовательно, капитальное препятствие к водворению царства божия на земле»¹⁴.

Смелая и глубокая по своему замыслу, яркая по форме статья Петрова не до конца выдержана, однако, на высоком уровне своих исходных положений. Когда дело доходит до рассказа о непосредственно революционных событиях, изложение как бы надламывается, обнаруживая всю непоследовательность демократизма автора, всю его неспособность понять и принять неумолимую логику классовой борьбы на стадии ее наивысшего подъема. Вопреки своему общему подходу к Томасу Мюнцеру, вопреки отмечаемой им широкой популярности и влияния на массы этого «самого оригинального и даровитого из вождей немецкой революции XVI в.»¹⁵, Петров утверждает здесь, что «характер революционного движения 20-х годов далеко не соответствовал стремлениям крайних реформаторов», что «огромное большинство народа хотело преобразований умеренных и возможных»¹⁶. Более того: он не только допуска-

¹³ М. Н. Петров. Из всемирной истории очерки, стр. 335—336

¹⁴ Там же, стр. 336, 339.

¹⁵ Там же, стр. 359 (ср. также стр. 348).

¹⁶ Там же, стр. 349—350.

ет, вопреки собственным сомнениям, общей своей характеристике Мюнцера и всей совокупности данных, участие Мюнцера в составлении «двенадцати статей» с их «поразительными умеренностью и благоразумием», но и заявляет, что «это делает честь его (Мюнцера.— *Ред.*) политическому такту»¹⁷. Впадая в явные и прямые противоречия, Петров, с одной стороны, утверждает, что «только крайние партии, увлеченные то религиозным фанатизмом, то мщением и жадной грабежа, вдалились в неистовства и тем вызвали усиленную реакцию со стороны князей и высших сословий». А с другой стороны, несколько ниже, он признает, что лишь тогда «страстное негодование овладело... душой» крупнейшего представителя этих крайних партий Мюнцера, «когда он увидел, что вместо уступок, согласных с божественным законом, князья коварствуют с народом, затягивают время обманчивыми переговорами, вооружаются и уступают лишь силе»¹⁸. И хотя Петров понимает, что «власть, располагающая силой, может уступить только силе»¹⁹, он всячески муссирует первый же акт революционного насилия крестьян, пресловутый вейнсбергский эпизод, и не приводит ни одного конкретного факта дикого разгула массового контрреволюционного террора князей.

Во всем виноват народ, Мюнцер «горько в нем ошибся», он его «слишком идеализировал», «никто не властен сделать свободным того, у кого в душе рабские чувства и помыслы», — таков заключительный рефрен статьи Петрова «Томас Мюнцер»²⁰. И какую бы скидку ни делали мы на цензурные и прочие внешние условия, сколько бы ни учитывали того, что Петров и в конце 60-х годов не мог говорить полным голосом о революции, несомненным остается одно: великолепно начатая статья его о «самом замечательном» из тех вождей немецкого народа, которые некогда «повели его в бой против старых угнетателей — князей, дворянства и иерархии»²¹, превратилась в итоге в доказательство того, что идти в этот бой не следовало. Отвергая революционный путь, Петров остается и здесь, таким образом, проповедником мирного, постепенного пути развития.

Путь, который избрал Петров, который он отстаивает в конечном счете и в своем этюде о Томасе Мюнцере, это — не путь консерватора, как утверждал О. Л. Вайнштейн, но и не путь демократа, как думает М. М. Смирин. Это — путь либерала, хотя и либерала с несомненными, но непоследовательными демократическими тенденциями, с яркими, но неустойчивыми демократическими настроениями, с характерными для всякого

¹⁷ Там же, стр. 346, 347.

¹⁸ Там же, стр. 347.

¹⁹ Там же, стр. 344.

²⁰ Там же, стр. 355, 359.

²¹ Там же, стр. 333.

либерала шатаниями. В 70-х годах Петров заметно поправел. Это отразилось, в частности, в его юбилейной речи «Петр Великий» (в связи с исполнившимся в 1872 г. двухсотлетием со дня рождения последнего), свидетельствующей о большом в данном случае влиянии на Петрова не только С. М. Соловьева, но и Н. Г. Устрялова. Здесь, между прочим, встречается формула: «...сильному развитию самодержавия Россия преимущественно обязана своим нынешним величием и могуществом»²².

Эволюция Петрова вправо сказалась и на его «Лекциях по всемирной истории», которые составлялись, по-видимому, в начале 70-х годов, но были обработаны для печати уже после его смерти²³. Это первое в нашей литературе университетское руководство подобного рода по всемирной истории обладало рядом несомненных достоинств, дважды переиздавалось и удостоено было «большой премии имени Петра Великого». Наибольший интерес представляли в свое время подготовленные к печати В. П. Бузескулом III и IV тома «Лекций» — «История новых веков» Петрова, где изложение было доведено до Конвента. На последние разделы курса, посвященные французской революции, легла, однако, печать характерной для него в этот период уже не только антиреволюционной, но и антидемократической тенденции. Не случайно поэтому правый по своим взглядам П. Н. Ардашев взял на себя впоследствии обработку «Лекций» Петрова по новой истории для 3-го их издания и написал к ним «Дополнение», составившее две части V тома²⁴.

* * *

В Петербургском университете начало планомерного и регулярного преподавания и изучения истории нового времени, как его понимали буржуазные историки, связано было с именем Василия Васильевича Бауера (1833—1884) и последовало вскоре после того, как в Харьковском университете к этому приступил Петров.

Будучи сам воспитанником Петербургского университета, Бауер прошел хорошую историческую школу у одного из первых наших крупных всеобщих историков М. С. Куторги, который оказал на него, как и на других своих учеников, несомненное идейное влияние. В 1858 г. Бауер защитил магистерскую диссертацию об «Афинской игемонии» (т. е. гегемонии), а в

²² М. Н. Петров. Из всемирной истории очерки, стр. 433.

²³ М. Н. Петров. Лекции по всемирной истории, т. I—IV. Харьков, 1889—1890.

²⁴ П. Н. Ардашев. Дополнение к лекциям по всемирной истории проф. М. Н. Петрова, т. V, ч. I—II. СПб., 1910.

1863 г.— докторскую диссертацию «Эпоха древней тирании в Греции». Этому предшествовала его двухгодичная заграничная командировка в 1860—1862 гг. Основную часть времени Бауер провел в Германии, но посетил также Лондон, Оксфорд, Париж. Из немецких историков он с особым сочувствием вспоминал впоследствии Гейсера, ученика Шлоссера, тогда как Ранке не удовлетворял его «почти исключительно фактической стороной» своих лекций, а «последователи Ранке» — своим односторонним, доведенным до крайности увлечением официальными архивными документами²⁵.

Хотя обе диссертации Бауера были посвящены древней истории, со времени пребывания за рубежом его интересы стали склоняться в сторону новой истории. Это в конечном счете связано было, как и у других его сверстников, не столько с полученными за границей впечатлениями, сколько с развернувшейся в России в 50—60-х годах борьбой за тот или иной путь дальнейшего ее развития, что придавало новой истории особую актуальность. «Главная заслуга Василия Васильевича как профессора состоит именно в том, что он впервые поставил этот отдел исторического преподавания на прочную основу; хотя и прежде новая история читалась в Петербургском университете, но только изредка, как бы урывками и случайно. Василий Васильевич выработал серьезный и систематический курс новой истории и затем не переставал держать свое преподавание на уровне современного научного движения в этой области», — писал о Бауере коллега его по университету, крупнейший наш византист В. Г. Васильевский²⁶.

«Лекции по новой истории» Бауера, над которыми он работал еще с 60-х годов, но в основном, по-видимому, в 70-х годах, были изданы в 1886—1888 гг., незадолго до «Лекций по всемирной истории» Петрова, также посмертно, по запискам и конспектам лектора. Наряду с примыкающими к ним сравнительно немногочисленными и небольшими по объему печатными работами Бауера²⁷ «Лекции» эти представляют значительный интерес как пример относительно раннего общего подхода нашей академической историографии к новой истории в тогдашнем понимании этого термина.

²⁵ См. гр. А. А. Мусин-Пушкин. Воспоминания о проф. В. В. Бауере одного из его учеников.— В кн. «Лекции по новой истории проф. В. В. Бауера», читанные в С.-Петербургском университете, т. I—II, СПб., 1886—1888, т. I, стр. 16; В. В. Бауер. История германо-романского мира в XV и XVI столетиях.— Там же, стр. 46.

²⁶ В. Г. Васильевский. В. В. Бауер.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 7.

²⁷ Они помещены в двухтомнике его «Лекций». Главная из них — большая исследовательская монография «Так называемая „Реформация имп. Фридриха III“. Политический памфлет XV столетия» (т. I, стр. 251—339).

Во «Вступлении» к своему основному и любимому курсу — «История германо-романского мира в XV и XVI столетиях» — Бауер настойчиво подчеркивал идею закономерности исторического развития и свое стремление заниматься «не одними фактами», но «вникнуть в значение этих фактов, ...уяснить себе законы, по которым развивалось общество». Так именно подходил Бауер и к новой истории. Он считал, что мы можем изучать историю Западной Европы гораздо беспристрастней и с более широкой точки зрения, чем французы, немцы, англичане, для которых «история эта есть история родная», где «каждая мелочь для них важна и интересна». Для нас же история Запада «имеет цену более с философской стороны, для выводов общих законов развития человечества, т. е. общих исторических законов». Становясь на подобную точку зрения, Бауер выступал тем самым против «весьма распространенного, не совсем верного взгляда на новую историю»²⁸ — противопоставления стран Западной Европы России, которая развивается якобы по другим законам и не имеет ничего общего со «всеми этими революциями да реформациями», «чуждыми русской жизни», как выразился однажды упомянутый уже нами В. Г. Васильевский²⁹.

Другой особенностью исторической методологии Бауера было унаследованное им от Кутурги понимание диалектического характера исторического развития, в процессе которого «новое начало борется с породившим его старым, пока оно не одерживает верх». «Таков уже неизбежный исторический закон,— повторял Бауер в другой связи,— что новое начало, как бы оно ни было слабо, все-таки рано или поздно должно восторжествовать над отживающим старым началом»³⁰. Стоя на почве диалектики, Бауер признавал в принципе революционный характер перехода не только от древности к средним векам, но и от средних веков к новому времени. В этом заключалась одна из сильных сторон его методологической позиции, хотя он и вносил в это важное положение весьма характерные оговорки. «...Перевороты,— подчеркивал он,— происходят не внезапно, какого бы свойства они ни были,— физические или духовные. Природа, говорит старая пословица, не делает скачков»³¹.

²⁸ В. В. Бауер. История германо-романского мира...— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 26—27.

²⁹ Слова эти приводит А. М. Ону в предисловии к своей книге «Выборы 1789 года во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны», ч. I, СПб., 1908, стр. IV; ср. В. Г. Васильевский. В. В. Бауер.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 8.

³⁰ В. В. Бауер. История германо-романского мира...— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 28, 151—152.

³¹ Там же, стр. 34.

Самой яркой и характерной для своего времени частью научного наследства Бауера была его концепция немецкой реформации и Великой крестьянской войны. Наиболее полное выражение она нашла в уже упоминавшемся курсе по истории германо-романского мира «реформационной эпохи» — XV—XVI столетий. В построении Бауером этого курса «главным центром тяготения» была Германия, на которой он здесь преимущественно и останавливался, группируя другие государства вокруг нее ³².

Свой подход к проблемам реформации Бауер противопоставлял господствовавшим в этой области направлениям западноевропейской и прежде всего немецкой историографии, хотя и признавал крупные ее достижения. Заслугой главным образом немецких историков последних десятилетий Бауер считал «верное и научное освещение всей истории XVI века и правильную постановку вопросов, подлежащих еще исследованию». Но в то же время он упрекал даже «первостепенных», по его выражению, немецких ученых в том, что они «не удержались от патриотического увлечения и видят в реформации... проявление истинного германского, национального характера и превосходства германской расы над славянской и романской, как бы преднамеренно забывая, что еще задолго до Лютера раздавались голоса Гуса, Иеронима Пражского, Савонаролы, Якова Лефевра... и др.» ³³.

Сам Бауер и в своем курсе и в своей посмертно изданной монографии «Так называемая „Реформация имп. Фридриха III“» исходил из того, что со второй половины XV столетия весь германо-романский мир переживал «...период кризиса, в котором постепенно разлагалось все средневековое мировоззрение с его верованиями, учреждениями, понятиями и медленно развивались новые стремления, новые идеи, искавшие себе соответствующие формы в практической жизни». В связи с этим Бауер считал, что «религиозное брожение умов и раскол в западной церкви в XVI столетии не были явлениями случайными, вызванными злоупотреблениями со стороны иерархии, но что это было время кризиса в развитии западноевропейского общества, время революции, протеста здравого смысла и свободной мысли против вековой гнетущей опеки духовного авторитета, естественное, логическое последствие предыдущего развития». И если при этом «столкновение старого, отживающего мировоззрения с новым, нарождавшимся ранее и сильнее всего произошло в Германии и произвело там революцию, пересоз-

³² Там же, стр. 35.

³³ В. В. Бауер. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 256, 257; ср. его же. История германо-романского мира... — Там же, стр. 165.

давшую всю Западную Европу, то причина этого явления таится не в превосходстве германского национального характера над романским, а единственно в том обстоятельстве, что в Германии, вследствие разных исторических условий, плод созрел ранее, чем в других государствах»³⁴. Переходя к самой этой революции, Бауер подчеркивал, что «перевороты происходят не внезапно и не случайно», что «они являются результатами причин, коих зародыши таятся в предшествующих веках, в предшествующем развитии». «Когда несостоятельность существующего порядка вещей достигает высших размеров, тогда переворот становится неминуемым и естественным, как естественно падение с дерева вполне созревшего плода», — указывал Бауер, ясно выражая идею закономерности и неизбежности революции³⁵.

Бауер критиковал представителей католической исторической традиции, начиная с монахов — современников реформации и вплоть до «историков реформации ультрамонтанского оттенка» второй половины XIX в. типа Янсена. Ведь если уже первые сводили все дело к тому, что Эразм Роттердамский «снес яйцо, которое Лютер высидел», то и последние продолжали выставлять те же две личности «главнейшими виновниками не только религиозного движения, но и всех народных волнений XVI столетия в Германии, угрожавших поколебать существовавший политический и социальный строй империи». Возражая им, Бауер справедливо указывал, что «развитие человеческого общества идет своими непреложными путями, законы которых пытается определить человеческий ум», что «отдельная личность бессильна изменить естественный ход развития». А потому вся «вина» или «заслуга» Эразма и Лютера состояла лишь в том, что «они обладали энергиею, волею, умом настолько, что уяснили себе смутно сознаваемые идеалы современников, умели дать им полное выражение, отыскать путь к их осуществлению»³⁶.

Бауер критиковал также протестантских писателей, у которых вплоть до 1830-х годов повествование о событиях первой половины XVI столетия получало, по его словам, характер по преимуществу богословский. «Писатели этого богословского направления упустили совершенно из виду, что массу народа трудно было бы возбудить на ожесточенное сопротивление из-за одних отвлеченных догматов о свободе воли, о греховности

³⁴ В. В. Бауер. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 256, 257; ср. его же. История германо-романского мира... — Там же, стр. 165, ср. стр. 158.

³⁵ В. В. Бауер. История германо-романского мира... — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 163.

³⁶ В. В. Бауер. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 253, 254, 255.

человеческой природы, о божественной благодати, что тысячи необразованного народа не покидали бы своих жилищ, не оставляли бы семью свою на произвол судьбы, не променивали бы заступ на оружие с единственною целью способствовать торжеству того или другого отвлеченного положения, для них вполне непонятного,— писал Бауер, выражая ту же верную и глубокую для своего времени мысль, которую мы встречали уже у Петрова.— Не вдаваясь даже в глубокое изучение современных источников, можно было бы по одному здравому смыслу вывести заключение, что тут действовали иные мотивы и побудительные причины более положительного свойства и что под оболочкою догматического скрывались интересы политического и социального характера»³⁷.

Политической и особенно социальной оппозиции Бауер отводил, наряду с церковной и научной оппозицией, значительное место уже в первой, вступительной, части своего курса, характеризуя причины разложения средневекового феодального общества. В основе нарастания наиболее глубокой социальной оппозиции лежал, по его мнению, происходивший в рассматриваемое им время «социальный переворот на Западе», под которым он понимал — и это знаменательно — «изменение во взаимных отношениях сословий между собою и изменение в самом положении и значении сословий». Переходя к разбору этого «социального переворота», Бауер подчеркивал, что в нем «как в фокусе» сосредоточились к концу XV столетия все разобранные им ранее оппозиции — церковная, научная, политическая. А потому «от ясного его понимания зависит и самое понимание эпохи реформации»³⁸.

Таков проникнутый диалектическим духом и в то же время весьма реалистический общий подход Бауера к реформации как к революции, в основе которой лежал, по его убеждению, «социальный переворот». Переворот этот сопровождался, в изображении Бауера, глубокими сдвигами в сословной структуре общества и острой сословной борьбой.

Наиболее прогрессивной чертой концепции немецкой реформации Бауера, понимания им сословных (а фактически и классовых) противоречий «реформационной эпохи» было его резко отрицательное отношение к феодализму и феодальной эксплуатации. Феодализм Бауер связывал с господствовавшей при нем формой собственности. Он подчеркивал, что «феодальный строй» пришел на смену «аллодиальному» в результате выделения из рядов свободных и равноправных некогда германских

³⁷ В. В. Бауер. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 255; его же. История германороманского мира... — Там же, стр. 164.

³⁸ В. В. Бауер. История германороманского мира... — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 121.

«аллодиальных собственников»³⁹ землевладельческой военной и служилой аристократии и находившегося у нее в подчинении «многочисленного класса земледельцев». Степень этого подчинения Бауер ставил в зависимость «от степени закрепощения» и обезземеления отдельных категорий крестьян. «Между этими двумя крайностями: полноправием, с одной стороны, и полным бесправием — с другой, крайностями, угрожавшими обратить Европу в две касты, из которых одна, представлявшая непроизводительную часть населения, питалась бы на счет другой части — производительной, выдвигался мало-помалу новый элемент, которому суждено было обновить Западную Европу, переродить ее на новых началах», — констатировал Бауер⁴⁰.

В освещении Бауером «социального переворота», который, по его мнению, вызвал к жизни реформацию, нашел свое яркое проявление буржуазный характер его концепции немецкой реформации. Бауер утверждал, что уже «к XV столетию рядом с феодальной иерархией выдвигается новая единица, организованная на новых началах и принципах, несовместимая с феодальным строем, приводящая его к полному разложению». Этим «новым элементом» он считал «города, городское сословие, так называемое среднее или третье сословие»⁴¹. К этому Бауер и сводил в основном тот «социальный переворот», те «изменения во взаимных отношениях сословий», которые обусловили в его глазах реформацию. Как бы интересна сама по себе ни была для своего времени попытка Бауера вскрыть социальные — сословные и классовые — предпосылки реформационного движения, решение им этой задачи носило на себе печать его буржуазной ограниченности. Закрывая глаза на внутренние классовые противоречия средневековой городской общины и отбрасывая фактически ее феодальные черты и элементы⁴², Бауер противопоставлял город как некое нерасчлененное единство феодализму в качестве его прямой противоположности, его полного отрицания⁴³. Главной, а фактически и единственной движущей силой предшествовавшего, по его мнению, реформации «социального переворота» Бауер признавал горожан, в которых видел не только отдаленных предков, но и прямой прототип западноевропейской либеральной бур-

³⁹ Не столько единичный, индивидуальный, «аллодиальный», сколько общинный, коллективный характер собственности как исходный пункт всего последующего развития Бауер при этом игнорировал, хотя и был, разумеется, знаком с трудами Маурера и других сторонников общинной теории.

⁴⁰ В. В. Бауер. История германо-романского мира... — В кн. «Лекции». В. В. Бауера», т. I, стр. 121—127.

⁴¹ Там же, стр. 121—127.

⁴² Там же, стр. 128, 131.

⁴³ Там же, стр. 130—133.

жуазии XIX в. Вслед за западноевропейскими и прежде всего французскими буржуазными историками-либералами, Бауер, таким образом, крайне модернизировал и столь же неумеренно идеализировал процесс развития средневековых городов, городского патрициата и бюргерства, приписывая городам и только им все прогрессивное и положительное, что дала изучавшаяся им эпоха.

Из антифеодальной по своему духу, но буржуазно ограниченной концепции немецкой реформации Бауера вытекало его пронизанное двойственностью отношение к народу, к трудящимся. В той мере, в какой «низшее сословие» подвергалось феодальной эксплуатации, страдало от нее и стремилось от нее избавиться, Бауер испытывал к нему несомненное сочувствие и живой интерес. Так, говоря о реформации в общей форме, Бауер подчеркивал, что она вышла не только за свои богословские рамки, но и за сравнительно узкие пределы того «социального переворота», который он склонен был ограничивать аристократией и городами, сопровождавшаяся мощным социальным движением низов, главным образом крестьянства, и приобрела в силу этого размах и черты не только народной реформации, но и народной революции. Народное движение «реформационной эпохи» Бауер связывал, с одной стороны, с предшествующей традицией крестьянских «возмущений» и «восстаний», начиная с первых этапов закрепощения свободных ранее земледельцев, а с другой стороны, с далекой перспективой его последующего развития и нарастания вплоть до «1789 г., когда все феодальные особенности были уничтожены»⁴⁴. Бауер указывал не только на феодальную эксплуатацию крестьян помещиками, церковью, городами как на причину народных волнений. Он обращал внимание также уже и на зарождавшуюся капиталистическую эксплуатацию, которую видел в том, что «господство капитала образовало дороговизну и отсюда вытекавшее неравенство состояний и положило начало возникновению пролетариата»⁴⁵. Справедливо придавая большое значение «брожению, господствовавшему с половины XV века в Германии», Бауер стремился в своем исследовании об апокрифической «Реформации императора Фридриха III» нащупать то, что считал «народной оппозицией», чем данная работа главным образом и интересна. Более того: Бауер подчеркивал здесь, что оппозиция эта «высказывалась... против современного строя не только одним путем насмешек и сатиры», но «проявлялась и в более положительной форме в проповедях и политических сочинениях, пропагандировавших необходимость насильственного переворота, необходимость порвать

⁴⁴ Там же, т. I, стр. 133.

⁴⁵ Там же.

со старым, исторически сложившимся, строем и создать новый на более рациональных началах»⁴⁶. Все это составляло сильную сторону подхода Бауера к истории реформации и вносило в него своеобразную демократическую струю — весьма, впрочем, не последовательную.

Отношение Бауера к народу в корне менялось с того момента, как народные массы вступали на путь восстания, выходили из-под руководства «умеренных элементов», начинали вести борьбу самостоятельно, и притом не только против феодальной, но и против только еще возникавшей капиталистической эксплуатации, следуя за теми, кого Бауер называл «политическими мечтателями», и проявляя при этом тенденции, которые он квалифицировал как «коммунистические» и «социалистические»⁴⁷. Из вдумчивого историка, сочувствовавшего народу, чутко прислушивавшегося к его голосу, к его чаяниям, Бауер превращался здесь в дюжинного защитника «установленного порядка» даже в том далеком прошлом, которое он изучал. Тут он выступал уже в роли присяжного идеолога господствующих классов — не только буржуазии, но и дворянства, объяснял, оправдывал и фактически одобрял карательные действия тех, кто подавлял народное движение, не говоря уже о тех, кто, предавая народ, обрекал его на кровавую расправу⁴⁸.

Настойчивым стремлением Бауера доказать историческую неизбежность и необходимость буржуазных реформ и его резко выраженным в то же время отвращением к подлинно народной революции объясняется и самая слабая черта бауеровской концепции немецкой реформации — своеобразный монархический, точнее — «имперский» аспект рассмотрения реформационного движения. Задачу назревшего уже к XVI в. преобразования общественных отношений призвана была решить в Германии «реформационной эпохи» императорская власть — убеждал Бауер своих слушателей и читателей. Опираясь на сочувствие «среднего сословия», включая сюда в данном случае и «мелкое дворянство», император должен был, утверждал Бауер, исходя из аналогий с французскими королями, сломить самостоятельность князей и установить свою неограниченную, абсолютную, самодержавную власть над всей объединенной таким путем Германией.

⁴⁶ В. В. Бауер. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 259, 260—263. Ср. его же. История германо-романского мира... — Там же, стр. 136—137.

⁴⁷ В. В. Бауер. История германо-романского мира... — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 134—136, 196—199; его же. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III». — Там же, стр. 259, 337—338.

⁴⁸ В. В. Бауер. История германо-романского мира... — Там же, стр. 135—137, 193—199.

В реальной исторической действительности начертанная Бауером для Германии программа оказалась не по плечу Карлу V. Это служило, в глазах Бауера, достаточным объяснением крайне ограниченных достижений немецкой реформации в церковной, религиозной, идеологической области и ее полной безрезультатности в политическом и социальном отношениях⁴⁹.

Концепция немецкой реформации Бауера носила на себе глубокий отпечаток характерных особенностей русского либерализма его времени. Политическая позиция Бауера была во многом близка к политической позиции русских либералов первого поколения, корифеев государственной исторической школы, этой возникшей еще в дореформенный период крупнейшей исторической школы русского либерализма. Вместе с тем между Бауером и государственной исторической школой были и существенные различия. Это важно подчеркнуть в связи с тем, что у нас нередко весь русский либерализм 60-х и частично даже 70-х годов сводят в области истории к позиции историков государственной школы, представителей русского помещичье-буржуазного либерализма. Бауер выражал уже в русской либеральной историографии чисто буржуазную ее тенденцию, что делало его более восприимчивым к той критике феодально-крепостнических устоев средневекового западноевропейского и дореформенного, а отчасти и пореформенного русского общественного строя, которая шла из революционно-демократического, а впоследствии народнического лагеря. Другое из этих различий вытекало в основном из предыдущего. Бауеру, как мы видели, не свойственно было унаследованное государственной исторической школой у дворянской историографии противопоставление Запада и России. История вообще и история Запада в частности интересовала его главным образом как материал «для выводов общих законов развития человечества», т. е. общих для Запада и России исторических законов. Признание Бауером, вопреки подавляющему большинству русских историков из рядов господствующих классов, к которым примыкали в этом отношении также и народники, подобной единой в принципиальном отношении закономерности развития человечества было серьезным преимуществом методологического подхода Бауера к истории.

На концепции немецкой реформации Бауера отразилась, разумеется, отнюдь не только современная ему русская действительность и русская историческая наука. Сильно влияло на

⁴⁹ В. В. Бауер. История германо-романского мира...— В кн. «Лекции . В. В. Бауера», т. I, стр. 132, 133, 165, 186, 188—191, 193, 194, 197—201, его же. Так называемая «Реформация имп. Фридриха III».— Там же, стр. 259, 332, 337—338.

него также и многое из тогдашней западноевропейской общественно-политической и философской литературы, особенно западноевропейской историографии, и прежде всего два в корне различных по своему смыслу и значению события современной Бауеру западноевропейской действительности: бисмарковский путь объединения Германии сверху⁵⁰ и Парижская Коммуна 1871 г.⁵¹ В глазах русских либералов, являвшихся объективно (а нередко и вполне сознательно!) идеологами «прусского» пути развития капитализма в России, Бисмарк дал пример того, как, минуя революцию, были разрешены задачи назревших в Германии второй половины XIX в. и необходимых буржуазии преобразований, что, не будь Бисмарка привело бы, с их точки зрения, к революции. В противовес этому исторический опыт Коммуны трактовался ими как устрашающий пример той «анархии», той «нравственной оргии», которая якобы неизбежна, когда народные массы выходят из-под эгиды и контроля «умеренных элементов», той «социальной революции», которую либералы остро ненавидели за вдохновлявшие ее «социалистические и коммунистические идеи».

Помимо общего курса, обязательного для всех студентов историко-филологического факультета, по истории германороманского мира в XV—XVI столетиях, Бауер читал в Петербургском университете также и курсы для специалистов-историков по более поздним периодам истории нового времени в ее общепринятом тогда понимании: курс по истории второй половины XVII столетия и курс по истории XVIII столетия до французской революции. Оба эти курса опубликованы были лишь в 1888 г. во II томе его «Лекций». Что касается также уже читавшегося Бауером курса по «революционной эпохе», которую относили тогда к новейшему времени, то, к сожалению, издатель его «Лекций» гр. А. А. Мусин-Пушкин не решился, по-видимому (счел «излишним»), печатать его в реакционные 80-е годы. Он мотивировал это малоубедительной ссылкой на то, что «есть на русском языке перевод капитального сочинения по истории французской революции Häusser'a, учителя Василья Васильевича Бауера»⁵², хотя аналогичное положение не помешало ему опубликовать курс Бауера по «реформационной эпохе»⁵³.

⁵⁰ В. В. Бауер. Век Людовика XIV (вторая половина XVII столетия).— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 37, 41; его же. История Западной Европы в XVIII столетии.— Там же, стр. 329, 358, 359.

⁵¹ В. В. Бауер. Век Людовика XIV.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 40.

⁵² Гр. А. Мусин-Пушкин. От издателя.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. I, стр. 2, ср. т. II, стр. 1.

⁵³ Лекции Гейсера по истории французской революции были изданы на русском языке в 1870 г. под редакцией А. С. Трачевского, а его лекция по истории реформации — в 1882 г. под редакцией В. М. Михайловского.

Курс, посвященный XVII в., охватывал, по Бауеру, четвертый период новой истории, который наступил, согласно принятой им периодизации, вслед за «реформационной эпохой» с ее «подготовительным» периодом, периодом собственно реформации и периодом католической реакции. Вместе с тем период этот служил, в глазах Бауера, переходом к XVIII столетию, «веку энциклопедистов, веку нового просвещения, веку революции, как его различно называют»⁵⁴. Поэтому уже и в данном курсе по второй половине XVII столетия Бауер стремился охарактеризовать также и задачу, выпавшую на долю XVIII в. На этой основе он пытался выяснить в следующем своем курсе по истории Западной Европы XVIII столетия, насколько задача эта была тогда выполнена и «насколько был неизбежен великий кризис, имевший последствием великую французскую революцию»⁵⁵.

Небольшой курс по второй половине XVII столетия Бауер называл «Веком Людовика XIV»⁵⁶, определяя все рассматриваемое им здесь время как «период монархического абсолютизма»⁵⁷.

Основной интерес этого курса заключался в его заостренности против абсолютизма, чреватого, по мнению Бауера, революцией. В курсе получили отчетливое выражение конституционалистские тенденции автора, отличавшие его от русских историков — либералов государственной школы, сторонников «просвещенного абсолютизма».

Характеристика Бауером предшествовавшего французской революции периода получила свое развитие и конкретизацию в его курсе «История Западной Европы в XVIII столетии (дореволюционная эпоха)»⁵⁸.

Наибольший интерес представляет изложение Бауером причин крупнейших событий английской революции середины XVII столетия, его подход к этой революции в плане «сословной борьбы», «сословной драмы»; признание им политической необходимости казни короля, хотя и с последующей, подсказанной, по-видимому, тогдашними русскими условиями оговоркой; оценка Кромвеля, его роли и эволюции его взглядов⁵⁹. Такова же постановка и освещение Бауером проблемы невозможности «мирного переворота» во Франции⁶⁰, неизбежности

⁵⁴ В. В. Бауер. Век Людовика XIV.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 40, 52—57.

⁵⁵ Там же, стр. 53.

⁵⁶ Там же, стр. 1—59.

⁵⁷ Там же, стр. 5, 52, 56 и др.

⁵⁸ В. В. Бауер. История Западной Европы в XVIII столетии (дореволюционная эпоха).— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 61—438.

⁵⁹ Там же, стр. 128—159 и, в частности, стр. 129, 143, 145, 148—150, 154—158.

⁶⁰ Там же, стр. 410.

«ужасного», «рокового кризиса» как «прямого следствия ложной системы Людовика XIV»⁶¹; довольно реалистический в целом и в общем сочувственный — при всех ограничениях и оговорках — разбор Бауером основных «принципов», направлений и этапов развития французской просветительной литературы⁶²; частичный учет им «двойственного», противоречивого характера «просвещенного абсолютизма»⁶³; констатация исторической обреченности реформаторских попыток Тюрго, падение которого служило, в глазах Бауера, доказательством того, что во Франции «мирным путем этот гордиев узел не мог быть распутан»⁶⁴; признание Бауером «общечеловеческого» характера и значения французской революции и провозглашенных ею «великих принципов», но лишь первого акта «этой революции 1789—1791», при резко отрицательном отношении к «событиям террора 1793 года», а также, впрочем, и к «страшному военному деспотизму наполеоновского режима»⁶⁵; явная симпатия Бауера к «отпадению североамериканских колоний от их метрополии — Англии и провозглашению их независимости», к «героям освобождения американских колоний — Вашингтону и Франклину»⁶⁶.

Уже и на относительно смелом для своего времени подходе Бауера к перечисленным выше проблемам английской революции середины XVII в., французской революции конца XVIII в. и американской войны за независимость сильно сказывалась вместе с тем и присущая Бауеру вообще либеральная ограниченность. Но еще более сильным и характерным ее проявлением была идеализация Бауером не только так называемой славной революции 1688 г. в Англии, главного ее «героя» — Вильгельма Оранского — и последовавшего за ней развития английского конституционализма⁶⁷, но и политики Пруссии, начиная с XVII в., и особенно Фридриха II («Великого»)⁶⁸. Политика эта изображалась Бауером в духе немецких национал-либералов как политика «национального объединения» Германии⁶⁹ и «постепенного приготовления германского народа к самостоятельной политической жизни, к политической зрелости, к пред-

⁶¹ В. В. Бауер. История Западной Европы в XVIII столетии.— В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 218—226, 238, 250, 251, 306, 393, 407—408.

⁶² Там же, стр. 226—307.

⁶³ Там же, стр. 310—311, 314—315, 316, 318, 320, 321, 369, 379.

⁶⁴ Там же, стр. 425—427.

⁶⁵ Там же, стр. 437—438. Напомним, что французскую революцию Бауер здесь не рассматривал и касался ее лишь в самой общей форме.

⁶⁶ Там же, стр. 384—396.

⁶⁷ Там же, стр. 160—295, 398—497.

⁶⁸ Там же, стр. 94—103, 307—324, 329—330, 341—344, 357—362, 365—366.

⁶⁹ Там же, стр. 323—330, 357—360, 365—366.

ставительной форме правления»⁷⁰. Неумеренно превозносимое Бауером «юное прусское государство» резко противопоставлялось им Австрии как «государству старому, связанному с прошлыми традициями, старыми, отжившими формами»⁷¹. Приоткрывая завесу над тем, чем навеяна была вся его концепция, Бауер подчеркивал, что «начало этого антагонизма относится к 1740 г., прекратился же он только на полях Садова и Кёниггреца в 1866 году»⁷².

Подобный же исторический процесс «возвышения одной державы и ослабления другой» Бауер прослеживал и на примере взаимоотношений России и Швеции в связи с их «борьбой из-за преобладания на Балтийском море» и спорным с половины XVI столетия между Россией, Швецией, Данней и Польшей «лифляндским вопросом»⁷³. «Событий из истории России» Бауер не включал в программу своего курса и касался их, как он неоднократно подчеркивал, лишь в той мере, в какой они «переплетаются с событиями западноевропейской истории»⁷⁴. Швеции Бауер отводил, напротив, значительное место как в своем курсе по реформационной эпохе, так и в рассматриваемом здесь курсе по XVIII в.⁷⁵, заостряя всю свою трактовку внутренней ее истории против аристократической олигархии.

Интерес Бауера к Швеции и скандинавским странам вообще в связи с международными противоречиями на Балтике унаследовал единственный из его учеников, оставивший заметный след в науке, — Георгий Васильевич Форстен (1857—1910), автор капитальных в своей области трудов — вышедшей в год смерти Бауера магистерской диссертации «Борьба за господство на Балтийском море в XV и XVI ст.» (1884) и опубликованной в 1893—1894 гг. двухтомной докторской диссертации «Балтийский вопрос в XVI и XVII ст. (1544—1648)».

Наибольшего внимания в наследии Бауера заслуживает самостоятельней и разносторонней всего разработанная им концепция «реформационной эпохи», которую Бауер стремился

⁷⁰ Там же, стр. 98—99, ср. стр. 309, 315, 316, 319, 320, 321.

⁷¹ Там же, стр. 94—95, 328—329; см. также стр. 86—95, 323—330, 335—336, 341, 344—346, 359—360, 362—369.

⁷² Там же, стр. 329.

⁷³ Там же, стр. 103—104.

⁷⁴ Там же, стр. 114; ср. также стр. 103, 308. В Александровском лицее, где Бауер также состоял профессором, он читал, впрочем, курсы и по истории России. С русской историей связана и его исследовательская статья «Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий». — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 483—529.

⁷⁵ В. В. Бауер. История Западной Европы в XVIII столетии. — В кн. «Лекции... В. В. Бауера», т. II, стр. 103, 120, 379—384. Укажем, что крупным пробелом курса было почти полное игнорирование Бауером истории Польши.

связать не столько со средней, сколько уже с новой историей и ее проблематикой.

Историографический интерес концепции немецкой реформации и всей «реформационной эпохи» Бауера заключается преимущественно не в ее исследовательских элементах, а в том, что она носила широкий, обобщающий характер. Отдельные звенья построения Бауера взяты были во многих случаях как у его немецких, так и французских (это важно подчеркнуть!) предшественников. Тем не менее, обобщение Бауером всего накопленного до него и внимательно изученного, систематизированного и продуманного им материала не только стояло, по выражению В. Г. Васильевского, «на уровне современного научного движения в этой области», но и свидетельствовало о самостоятельности и оригинальности Бауера в подходе к основным проблемам реформации и прежде всего к связанной с нею социально-политической борьбе.

Бауер обязан был многими достоинствами своей концепции демократической традиции русской общественной и исторической мысли с ее прямой, страстной, острой революционной критикой феодальных устоев дореформенной России и крепостнических пережитков пореформенной России, с ее глубоким интересом и горячим сочувствием к жизни и борьбе широких народных масс. И хотя весь политический смысл научной и преподавательской деятельности Бауера заключался в борьбе против этой демократической и революционной тенденции разрешения стоявших перед Россией задач ее дальнейших буржуазных преобразований, Бауер заимствовал у нее многое, что составляет как раз самое ценное в его курсе по истории германо-романского мира в XV—XVI столетиях и в его монографии о так называемой «Реформации императора Фридриха III». Однако он включал это в свою концепцию, разумеется, лишь в урезанном виде, подчиненном его общей антиреволюционной либерально-буржуазной схеме, ибо к концу жизни Бауера на арену борьбы вступал уже русский пролетариат, будущий могильщик русской буржуазии.

Работы тех наших всеобщих историков, которые стали с 60-х годов переносить центр тяжести своей преподавательской и научной деятельности в область новой истории в ее общепринятом тогда понимании, носили еще в основном не столько специальный, исследовательский, монографический, сколько обобщающий характер, как мы видели это на примере научного наследия Петрова и Бауера. С одной стороны, это были первые в русских университетах самостоятельные систематические курсы новой истории, которые начали создаваться именно тогда и носили на себе печать того времени, хотя изданы были значительно позднее. С другой стороны, это были тесно связанные с университетскими курсами, в основном небольшие по

объему научно-популярные и историографические, а частично уже и исследовательские этюды. В принципиальном, проблемном, критическом плане работы эти отличались, при всей своей либеральной ограниченности, рядом отмеченных нами выше серьезных достоинств и прежде всего тем, что ход исторического развития более или менее сознательно и последовательно трактовался в них как прогрессивный, закономерный, диалектически, скачкообразно развивающийся процесс. Авторы этих курсов и этюдов уделяли преимущественное внимание переходному периоду от средних веков к новому времени и подчеркивали революционный характер тех сдвигов в сознании и мышлении горожан и крестьян, которые нашли, по их мнению, наиболее яркое выражение в антифеодальных тенденциях реформационного движения в Европе, и особенно в Великой крестьянской войне в Германии. Постановка соответствующих проблем и начавшаяся разработка относящейся сюда тематики чисто буржуазным течением зародившейся в 60-х годах либеральной академической русской историографии нового времени представляют поэтому наибольший интерес на раннем этапе ее развития. Французской революции, которая с 70-х годов начинает постепенно превращаться в центральную, стержневую тему русских новых историков, первые из них касались лишь робко, с оглядкой на долго и упорно тяготевший над нею цензурный запрет и с учетом того, что, говоря о революции с университетской кафедры, нельзя было не осуждать ее.

* * *

Вслед за опубликованием в 1861 г. в Харькове сводного историографического труда Петрова, этой первой нашей академической работы по новой истории, и почти одновременно с началом преподавательской деятельности Бауера в Петербургском университете стали появляться, прежде всего в Москве, уже и большие специальные исследовательские монографии, посвященные новому времени. Характерной их чертой было то, что они имели обычно более или менее непосредственное отношение к внешней политике России и написаны были по материалам наших архивов.

Раньше других русских всеобщих историков к исследовательской монографической разработке нового времени приступил Владимир Иванович Герье (1837—1919). На этом основании его называли «первым пионером и вместе с тем основателем русской научной школы в области новой истории»⁷⁶.

⁷⁶ В. А. Бутенко. Наука новой истории в России.— «Анналы», 1922 № 2, стр. 130; В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. I. Л., 1929, стр. 137.

Однако в такой своей исключительной и категорической форме подобное утверждение является преувеличением, как мы частично имели уже возможность убедиться выше.

Герье застал еще в Московском университете Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева, считал себя учеником и преемником того и другого и относился к их памяти и традициям с исключительным пиететом⁷⁷. Характерно при этом, что в своей оценке Грановского Герье особенно подчеркивал его отрицательное отношение наряду со славянофильством «к другому направлению, появившемуся в 40-х годах и облакавшемуся тогда еще в форму строгого, научного материализма»⁷⁸. Несмотря на весь культ, которым Герье окружал память своих учителей — всеобщих историков, не следует переоценивать реального влияния на него Грановского и Кудрявцева, сохранявших до конца своих дней, особенно в лице первого из них, «просветительские» черты раннего этапа своей деятельности.

По существу глубже и сильнее сказалось влияние на Герье С. М. Соловьева, одного из главных представителей уже полностью сформировавшегося к 60-м годам господствующего помещичье-буржуазного течения русского либерализма. Оно завершило к тому времени свое размежевание с революционно-демократическим направлением общественно-политической и исторической мысли и создало на этой основе государственную историческую школу в русской историографии. В отличие от Бауера, Герье тяготел именно к этому течению и пытался в своей научной работе распространить принципы этой школы на всеобщую историю. Герье относился к Соловьеву с тем же пиететом, что и к Грановскому⁷⁹, и посвятил ему вскоре после его смерти две статьи⁸⁰. В статьях о Соловьеве Герье солидаризировался с основами его мировоззрения, политических взглядов и исторической методологии его подхода ко всеобщей истории и концепции русской истории.

Влияние Соловьева на Герье сказалось прежде всего на его ранних работах. «Для меня не подлежало сомнению, что темы обеих диссертаций Герье были внушены ему Соловьевым», — писал впоследствии ученик Герье Н. И. Кареев, по свидетель-

⁷⁷ В. И. Герье. Т. Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича. — «Вестник Европы», 1869, кн. 5, стр. 424—440; его же. П. Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах. — «Вестник Европы», 1887, кн. 9, стр. 146—198; Н. И. Кареев. Памяти двух историков. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 156—157.

⁷⁸ В. И. Герье. Т. Н. Грановский... — «Вестник Европы», 1869, кн. 5, стр. 436.

⁷⁹ Н. И. Кареев. Памяти двух историков. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 156, 157.

⁸⁰ В. И. Герье. Сергей Михайлович Соловьев. — «Исторический Вестник», 1880, т. I, стр. 74—111; W. Guerrier. Der russische Historiker S. Solowjef. — «Historische Zeitschrift», München und Leipzig, 1881, Bd. 45.

ству которого Соловьев «нередко высказывался в смысле желательности, чтобы русские „всеобщие историки“ брали себе темы для диссертаций, так или иначе соприкасающиеся с русской историей»⁸¹. Полностью соответствовала этому магистерская диссертация Герье «Борьба за польский престол в 1733 году», которую он опубликовал в 1862 г., за год до польского восстания и до появления работ историков России С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского по истории русско-польских взаимоотношений и падения Польши⁸². Книга эта интересна главным образом тем, что она была первой большой исследовательской монографией русского всеобщего историка по новому времени.

Обосновывая в предисловии к своей книге избранную им тему, Герье исходил из того, что «со времен Петра Великого Россия вступила в число великих держав и начинает играть более видную роль в судьбе человечества». Подробное и всестороннее изучение этой роли он справедливо считал одинаково важным для русской и всеобщей истории. Влияние России на Европу Герье ограничивал, однако, не только применительно к XVIII столетию, но и вплоть до своего времени областью внешней политики — дипломатическими сношениями, союзами, войнами. Одному из эпизодов «важной и богатой последствиями роли, которую Россия играет в европейских делах с тех пор, как развернулись ее силы», Герье и посвятил свою историческую диссертацию, составленную по архивским источникам». Эпизодом этим был острый международный конфликт, который возник в 1733 г. в связи с вмешательством России и других держав в выборы польского короля после смерти Августа II, завершился общеевропейской войной и оказался своего рода прелюдией последовавшего в 1772 г. раздела Польши. В отличие от подавляющего большинства других работ Герье, так или иначе связанных с историей идей, магистерская диссертация его посвящена была международным отношениям и опиралась на чисто дипломатическую документацию.

Документальная база первого исследования Герье и вместе с тем первой в литературе монографии на данную тему была еще в общем довольно скромной. Она сводилась в основном к фондам тогдашнего так называемого московского архива министерства иностранных дел и к отдельным польским рукописям Публичной библиотеки в Петербурге. Но

⁸¹ Н. И. Кареев. Памяти двух историков.— «Анналы», 1922 № 1, стр. 156—157.

⁸² С. М. Соловьев. История падения Польши. М., 1863; Н. И. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870; Д. И. Иловайский. Гродненский сейм 1733 года. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870, См. о них стр. 501—503.

Герье первым из русских всеобщих историков нового времени вовлек в научный оборот свежий материал, и притом из наших архивов, напечатал его в приложении к своей монографии и наглядно продемонстрировал тем самым его значение для изучения не только отечественной, но и зарубежной истории.

Содержащая, помимо изложения хода переговоров, немало любопытных черт, характеризующих дипломатические нравы и быт рассматриваемого в ней времени, книга Герье в идейном отношении особого интереса не представляла. Касаясь России, Герье, вслед за Соловьевым, постоянно подчеркивал (не столько, правда, в этой, сколько в других своих работах) роль правительства, государства в качестве основной движущей силы ее развития, особенно с Петра I⁸³. Объясняя, в противовес этому, недостатками общественного строя Польши тот факт, что она «не была в состоянии поддержать свою самостоятельность и подпала под опеку европейских дипломатов», Герье сводил эти недостатки к «отсутствию сильной правительственной власти», к «разделению всего народа на два слоя» и к «необузданному стремлению шляхтичей к демократическому равенству»⁸⁴. Наряду с подобным весьма своеобразным антидемократическим выпадом Герье в предисловии к его книге, в заключении к ней звучал еще относительно прогрессивный, либеральный мотив. Касаясь здесь разразившейся в конце XVIII в. «разрушительной бури времен», которая низвергла «тысячелетние царства», «вековые учреждения», «освященные временем предрассудки», Герье констатировал, что «буря была страшна только для дряхлого и обветшалого; все здоровое, все, что носило в себе задатки жизни, было пощажено и призвано к новому развитию», «ибо формы бытия изменчивы и преходящи, но нерушима и вечна самая жизнь»⁸⁵. Впрочем, торжественное признание исторической прогрессивности последовавших в конце XVIII в. бурных перемен распространялось автором как на результаты французской революции, так в равной мере и на исход непосредственно интересовавшего его здесь процесса утраты Польшей независимости под ударами реакционных феодально-абсолютистских монархий Европы⁸⁶.

⁸³ «Россия с XVII века находится в таком быстром движении, правительство влекло народ так сильно...», — утверждал, например, Герье в своей статье о Грановском («Вестник Европы», 1869, кн. 5, стр. 436). Вместе с Соловьевым, Кавелиным, Чичериным и другими представителями государственной исторической школы в русской историографии Герье считал, что и вообще «главным выражением исторической жизни народа служит государство» («Очерк развития исторической науки». М., 1865, стр. 24).

⁸⁴ В. И. Герье. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862, стр. IV.

⁸⁵ Там же, стр. 470, 471.

⁸⁶ Об освещении истории Польши в книге Герье см. стр. 501, ср. также Н. И. Кареев. Памяти двух историков. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 157.

После защиты магистерской диссертации Герье был избран в 1865 г. доцентом Московского университета на основании нового, относительно либерального университетского устава 1863 г. Тогда же, в 1865 г., Герье напечатал в качестве введения к своему первому университетскому курсу небольшой «Очерк развития исторической науки». «Очерк» этот содержит обзор ряда религиозно-исторических, историко-философских, социологических и исторических построений и заканчивается критикой «Истории цивилизации в Англии» Бокля.

Обзор этот интересен главным образом как одно из характерных отражений общих тенденций развития русской либеральной историографии в непосредственно последовавший за реформой 1861 г. период.

Вслед за Петровым Герье в своем «Очерке» исходил из того, что «каждой эпохе в жизни человечества свойственен особый взгляд на историю»⁸⁷. Он подчеркивал, что «всякое историческое сочинение должно рассматривать в связи с той средой, из которой оно вышло, объяснять причины, вызвавшие его, указывать потребности, которым оно удовлетворяло, и то хорошее или дурное влияние, которое оно имело с своей стороны»⁸⁸. В той мере, в какой Герье соблюдал этот принцип и в дальнейшем своем изложении, характеристики, наблюдения и замечания его представляют несомненный интерес. Придерживался он его, однако, непоследовательно. В своем общем построении Герье отступал от требований историзма и при отборе привлекаемого им материала, и особенно при отсеивании того, что оставалось им за пределами рассмотрения, и при установлении пропорций между освещаемыми им концепциями, и при оценке ряда историографических явлений и процессов. Обзор обнаруживал явную тенденциозность Герье, жертвовавшего своим же собственным научным принципом, когда это подсказывали ему его политические симпатии и антипатии. Так, античной историографии с ее реалистическим, а порою и стихийно-материалистическим духом Герье касался лишь мельком, хотя в дальнейшем ему приходилось возвращаться к ней неоднократно⁸⁹. Герье начисто отрицал какое-либо положительное значение в развитии, расширении и углублении исторических представлений и понимания истории за XVII веком, веком завершившейся к началу его Нидерландской революции, разразившейся в середине его Английской революции и связанного с этим высокого подъема теоретической, политической, социологической и исторической мысли. Упомянув Гроция, Мильтона, Спинозу, Локка и других мыслителей этого времени, Герье

⁸⁷ В. И. Герье. Очерк развития исторической науки, стр. 6.

⁸⁸ Там же, стр. 7.

⁸⁹ Там же, стр. 8, ср. также стр. 10, 21, 28, 29, 91 и др.

ограничился обвинением всех их, за исключением лишь Пуффендорфа, в антиисторизме⁹⁰. Из деятелей французского просвещения Герье уделил внимание одному Монтескье⁹¹, не считая беглого упоминания Вольтера⁹² и поверхностной, огульной критики «чрезвычайно плоских эмпирических понятий» XVIII в.⁹³ Никому из французских историков XIX столетия, впервые применивших в широком масштабе классовый подход к конкретному истолкованию исторического процесса, включая Гизо и Тьерри, высоко почитавшихся Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым и С. М. Соловьевым, не отведено в сборе Герье ни строчки.

Начиная со страниц, посвященных последним десятилетиям XVIII в.— периоду французской революции, и вплоть до критики позитивизма в заключительном разделе «Очерка» речь у Герье шла уже только об историко-философских построениях немецких мыслителей-идеалистов — Гердера, Канта, Шеллинга, Гегеля — и о сугубо идеалистических исторических взглядах немецких историков. Говоря о Гегеле, Герье придавал особое значение пронизывающему его философию истории идеализму и уже в 60-х годах уделял лишь минимальное внимание его диалектическому подходу к истории⁹⁴. Касаясь исторической школы права, Герье не упускал случая подчеркнуть, что «корифеи этой школы — Гуго, Савиньи, Эйхгорн — составляют столько же гордость исторической науки, сколько и юридической»⁹⁵. Вместе с тем он проходил мимо того основного для оценки этой школы факта, что ее теории и конструкции были немецким порождением общеевропейской реакции на французскую революцию — подобно историческим построениям романтиков-ретроградов. А ведь эти построения сам же Герье связывал с «политической реакцией, последовавшей за французскую революцией и войнами за освобождение»⁹⁶. Равным образом Герье умалчивал, что на той же реакционной почве возникла и немецкая «историко-критическая школа», вошедшая в историографию под именем «школы Ранке» и представлявшая собой, в глазах Герье, последнее слово исторической науки⁹⁷. Школа эта была, вопреки Герье, отнюдь не только реакцией против вторжения в историю философии, которая в Германии на определенном этапе развития играла роль своего рода «немецкой теории французской революции», по отзыву

⁹⁰ В. И. Герье. Очерк развития исторической науки, стр. 27.

⁹¹ Там же, стр. 28—34.

⁹² Там же, стр. 23.

⁹³ Там же, стр. 86 и сл.

⁹⁴ Там же, стр. 60—71, 77—79.

⁹⁵ Там же, стр. 24.

⁹⁶ Там же, стр. 75.

⁹⁷ Там же, стр. 84—85.

Маркса о теории Канта⁹⁸, а затем стала, в лице философии Шеллинга, одним из основных орудий идейной борьбы против французской революции и ее традиций. Наряду с философией Шеллинга, реакционным романтизмом и исторической школой права и «историко-критическая школа» не только зародилась, но и развивалась в дальнейшем в основной своей части как одно из проявлений реакции против революции XVIII в. во Франции и последовавших за нею революций и революционных движений в Европе XIX столетия, что Герье полностью игнорировал.

В непосредственной связи со своим упоминанием исторической школы права Герье упрекал юридический факультет Московского университета за то, что он «исключил из числа своих предметов преподавание всеобщей и русской истории». Это, по мнению Герье, чревато было распространением «незрелых фантастических теорий», как он называл здесь революционно-демократические идеи, противопоставляя им реакционные заветы Гуго, Савиньи, Эйхгорна⁹⁹.

Наметившаяся уже к 1865 г., но частично еще замаскированная реакционная струя исторического мировоззрения отличала Герье от Т. Н. Грановского, М. С. Куторги, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, М. Н. Петрова и В. В. Бауера.

Еще явственней выступает отход Герье от своих предшественников в заключительном разделе «Очерка развития исторической науки», посвященном критике входившего тогда в моду позитивизма и его попыткам «возвести историю на степень положительной науки»¹⁰⁰. Останавливаясь преимущественно на контовской иерархии наук, Герье уже здесь подчеркивал то, что было основной тенденцией всего заключительного раздела его «Очерка». «Очень вероятно,— писал он,— что на высшей степени иерархии, в истории человечества, мы никогда не будем в состоянии изучать так называемые исторические законы иначе, как в конкретных явлениях истории, и особенно, если будем рассматривать человечество в его историческом развитии как одно целое». Вывод Герье сводился к тому, что «...Конт не разрешил задачи превращения истории в положительную науку, а только поставил ее». «Первою и до сих пор единственною систематическою попыткой обратить историю в положительную науку» Герье считал труд Бокля «История цивилизации в Англии», на котором и сосредоточивал весь огонь своей критики¹⁰¹.

В полемике с Боклем, который пытался по-своему превратить историю в «положительную науку» и найти в ней опреде-

⁹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 88.

⁹⁹ В. И. Герье. Очерк развития исторической науки, стр. 23—24

¹⁰⁰ Там же, стр. 92.

¹⁰¹ Там же, стр. 92, 93, 94.

ленные закономерности естественно-научного порядка, Герье прав был лишь в той мере, в какой сознавал несостоятельность свойственного Боклю примитивного натурализма в применении к истории, его стремления объяснить общественные явления непосредственно законами природы, его убеждения в том, что «ход всеобщей истории может быть понят только с помощью естественных наук»¹⁰². Но борясь против того, в чем он видел близкие к материализму тенденции Бокля, с одной стороны, его естественнонаучный детерминизм, с другой стороны, ополчаясь в связи с этим на «кокетничаье с естественными науками» своих современников и имея, несомненно, в виду прежде всего своих соотечественников из демократического лагеря¹⁰³, — Герье одним из первых наших либерально-буржуазных историков вставал на путь воинствующего исторического идеализма, принципиального противопоставления истории «более точным наукам»¹⁰⁴ и фактического отрицания научного характера истории вообще¹⁰⁵.

На словах Герье все еще признавал, что и в «духовном мире» — этой основной, по его убеждению, сфере истории — господствует «ненарушимая законность и общее единство», что, следовательно, «и история должна быть наукой». По существу же история оставалась в его глазах наукой только в «аналитической» своей части, только с источниковедческой стороны. Что же касается «синтетической» части работы историка, то «с этой своей стороны история никогда не может сделаться точною наукой, она всегда будет допускать субъективное творчество и будет приближаться к искусству», — утверждал Герье, добавляя: «Здесь остается только одно: довести субъективность до полного и всецелого развития»¹⁰⁶.

И в этом решающем пункте Герье порывал уже, таким образом, с прогрессивной научной традицией своих непосредственных предшественников, начиная с Т. Н. Грановского и кончая С. М. Соловьевым, в глазах которых история была наукой во всем своем объеме, в полном смысле этого слова. На общем фоне восторжествовавшей над революционной ситуацией правительственной и общественной реакции в «Очерке раз-

¹⁰² В. И. Герье. Очерк развития исторической науки, стр. 94; ср. также стр. 104, 107—108.

¹⁰³ Там же, стр. 104.

¹⁰⁴ Там же, стр. 112.

¹⁰⁵ В 1878 г. это отмечено было на страницах «Отечественных записок» не кем иным, как Н. К. Михайловским, в одном из его «Писем к ученым людям». «Вы так яростно нападали на идею исторической законосообразности, — помните, в «Очерке развития исторической науки»? — сравнивали ее с Атилой — бичом божьим и еще с какими-то ужасами», — писал здесь Михайловский, обращаясь к Герье и правильно, в данном случае, подчеркивая основную реакционную тенденцию этого его произведения (Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1909, стб. 615).

¹⁰⁶ В. И. Герье. Очерк развития исторической науки, стр. 113.

вития исторической науки» уже явственно наметилась реакционная струя философского, политического и исторического мировоззрения Герье, которая в дальнейшем неуклонно нарастала.

Следующий этап систематического усиления у Герье этой реакционной струи, уходящей своими истоками в русскую обстановку, связан был с двумя его длительными заграничными командировками в Германию, Францию, Италию в 1865—1870 гг. Особенно большую роль сыграло в этом отношении продолжительное пребывание Герье в Германии, где революционная ситуация в годы конституционного конфликта равным образом закончилась торжеством реакции и где к тому времени уже победил в основном прусско-юнкерский путь объединения страны сверху.

Плодом первой трехгодичной научной командировки Герье за границу была вышедшая в 1868 г. докторская диссертация «Лейбниц и его век». Это второе большое исследование Герье было в основном посвящено истории идейного развития, что в соответствии с общей политической и методологической эволюцией автора вправо стало уже к тому времени излюбленной его областью. В этой работе Герье ставил своей задачей показать роль Лейбница «в великом перевороте, совершавшемся с XV века до XVII и отделяющем новое время от средних веков»¹⁰⁷. Преимущественное внимание, уделяемое здесь Герье проблемам переходного периода от средних веков к новому времени, сближало данный его труд с кругом основных научных интересов Петрова и Бауера. При этом, однако, Герье, в резком отличии от Петрова и Бауера, с особой симпатией подчеркивал в своих выводах, что «Лейбниц, содействуя торжеству новых начал, не относился враждебно к прошедшему»¹⁰⁸.

Стремясь описать жизнь и деятельность Лейбница «в связи с его веком и современным ему обществом», Герье характеризовал с излишним количеством деталей внутреннюю обстановку Германии и международные отношения конца XVII — начала XVIII в.

Отличительной чертой данного труда Герье была систематически проводимая автором пропаганда медленного и постепенного прогресса под эгидой «просвещенных» монархов. В плане идейно-политическом книга Герье «Лейбниц и его век» представляет известный интерес главным образом в качестве показательной во многом внешней параллели и законченной антитезы по существу работе Н. Г. Чернышевского «Лессинг, его время, жизнь и деятельность», опубликованной еще в 1857 г. в «Современнике» и пронизанной противоположным Герье революционно-демократическим духом.

¹⁰⁷ В. И. Герье. Лейбниц и его век. СПб., 1868, стр. 1.

¹⁰⁸ Там же, стр. 590.

Хотя Герье и получил широкую возможность собирать материалы для докторской диссертации за границей, она построена была, в отличие от его магистерской диссертации, главным образом не на архивной документации, а на печатных источниках и в первую очередь на собрании сочинений Лейбница, которое выходило под редакцией Герауэра, биографа Лейбница и видного знатока его научного наследства.

В 1871 г., после новой заграничной командировки, Герье выпустил своеобразное дополнение к книге «Лейбниц и его век» в качестве второго, значительно меньшего по объему тома этого произведения, носившего вместе с тем самостоятельный заголовок «Отношение Лейбница к России и Петру Великому». Труд этот уже целиком основывался на неизданных материалах Ганноверской библиотеки, которые опубликованы были Герье в выпущенном им в 1871 г. «Сборнике писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому». Эта небольшая монография Герье вместе с тесно связанной с нею публикацией была первой русской работой по истории нового времени, написанной на основе заграничных архивных фондов. В то же время это была первая русская работа по новой истории, которая была переведена на иностранный (немецкий) язык¹⁰⁹.

В своей оценке личности Петра I и в трактовке петровских преобразований Герье вплотную примыкал в этой работе к Соловьеву. Петр уже здесь выступал у него самым ранним и крупным представителем того «просвещенного абсолютизма», который играл большую роль в дальнейших исторических построениях Герье и противопоставлялся им революции.

В 1869 г., через год после выхода в свет второй монографии Герье, другой воспитанник Московского университета, Александр Семенович Трачевский (1838—1906), ученик С. В. Ешевского, издавший в 1870 г. под своей редакцией его «Сочинения», опубликовал магистерскую диссертацию «Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов (1572—1573 гг.)». Работа эта, подобно первой монографии Герье, написана была по материалам русских архивов и также рассматривала один из ярких эпизодов истории Польши, тесно связанный с историей международных отношений и внешней политикой России. Исследование Трачевского интересно также и в том отношении, что оно посвящено «великой — по выражению автора, — реформационной эпохе в Польше» и примыкало, таким образом, к работам других наших ученых по истории

¹⁰⁹ см. W. Guerrier. Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. St.-Petersburg und Leipzig, 1873.

реформации. Вместе с тем это была первая по времени монография из целой серии работ русских ученых — П. Н. Жуковича, Н. Н. Любовича¹¹⁰, Н. И. Кареева — по истории реформации и католической реакции в Польше¹¹¹.

* * *

С 70-х годов наряду с Харьковом, Петербургом и Москвой одним из основных центров изучения и преподавания новой истории в России становится Киев. Основанный правительством в 1834 г., после подавления польского восстания 1830—1831 гг., для содействия руссификаторской политики царизма киевский университет, называвшийся официально Университетом святого Владимира, неоднократно подвергался в дальнейшем репрессиям, которые не давали ему окрепнуть.

С конца 40-х и до начала 60-х годов здесь преподавал популярный в свое время профессор Виталий Яковлевич Шульгин (1822—1879), автор неоднократно переиздававшихся учебников всеобщей истории для средних учебных заведений¹¹², которые использовались также в качестве краткого университетского руководства по общему курсу. С особенным увлечением Шульгин, по свидетельству одного из его слушателей, занимался новой историей и даже читал уже публичные лекции по французской революции, что было тогда целым событием. Значительное внимание уделялось им исторической библиографии и историографии.

С уходом Шульгина¹¹³ преподавание как всеобщей, так и русской истории в киевском университете свелось к лекциям бездарного профессора А. И. Ставровского (1809—1882), который, по рассказам слушателей, доказывал при посещении одной из его лекций министром, что республики в Риме не существовало и что выдумали ее революционеры. Ни о каком

¹¹⁰ П. Н. Жукович. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. СПб., 1882; Н. Н. Любович. История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии. Варшава, 1883; его же. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890. См. о них стр. 503—504.

¹¹¹ Н. И. Кареев. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.

¹¹² В. Я. Шульгин. Курс истории древнего мира. СПб., 1856. Изд. 6, 1885; его же. Курс истории средних веков. СПб., 1858. Изд. 8, 1881; его же. Курс истории новых времен. СПб., 1862. Изд. 7, 1898.

¹¹³ В начале 60-х годов Шульгин оставил профессию. В 1864 г. он приступил к изданию газеты «Киевлянин». К этому времени Шульгин, подобно М. Н. Каткову, повернул от либерализма к национализму и шовинизму, и газета его стала чем-то вроде киевского издания «Московских ведомостей».

научном руководстве студентами не могло быть и речи при таких условиях.

Именно в этот период прозябания историко-филологического факультета киевского университета здесь в 1862—1866 гг. учился Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918), которому суждено было стать одним из наиболее крупных русских буржуазных историков нового времени. Особенно сильное влияние оказал на него в студенческие годы Конт, позитивистско-эволюционистские теории которого начали вытеснять тогда навеянные в свое время Гегелем идеи диалектического развития общества, активно разрабатывавшиеся русской исторической мыслью предшествующих десятилетий.

Мировоззрение Лучицкого сформировалось в 60-х годах, но в основном уже после того, как демократический подъем сменился реакцией. Это наложило, по-видимому, свою печать и на Лучицкого. Господствующим его настроением в ранние годы было «резко отрицательное отношение ко всякой нетерпимости, к притязаниям на господство над совестью». В такой абстрактной и отвлеченной форме подобное либеральное в основе своей настроение могло выражать одновременно как протест против господствовавших в России порядков, так и попытку отмежеваться от тех, кто вел против этих порядков суровую, непреклонную, непримиримую борьбу.

В 1866 г. Лучицкий окончил университет, а в 1868 г. сдал магистерский экзамен. В 1868—1869 гг. в киевских «Университетских известиях» печаталась работа Лучицкого «Адам Фергюсен и его историческая теория», которая отражала либерально-позитивистские черты исторической методологии Лучицкого на первом этапе его научной деятельности¹¹⁴. С либерально-позитивистских позиций подходил Лучицкий в этот период и к предпринятой им после окончания университета большой исследовательской работе по истории реформационного движения и религиозных войн во Франции XVI в. Уже в 1870 г. Лучицкий выпустил свою приват-доцентскую диссертацию — «Гугенотская аристократия и буржуазия на юге Франции после Варфоломеевской ночи», своего рода краткое введение к его капитальным трудам по истории религиозных войн, которое имело, однако, и самостоятельное научное значение.

Общий подход Лучицкого к своей теме на раннем этапе ее разработки нашел тогда же, в 1870 г. наиболее широкое отражение в его пробной лекции «Мишель Лопиталь и его деятель-

¹¹⁴ И. В. Лучицкий. Адам Фергюсен и его историческая теория.— «Университетские известия», Киев, 1868, № 9, отд. II, стр. 1—27; № 11, стр. 1—47; № 12, стр. 1—22; 1869, № 1, стр. 1—16.

ность по отношению к французским религиозным партиям 16 века»¹¹⁵.

Данная Лучицким в этой работе оценка феодализма, «среднего сословия» и монархии¹¹⁶ более или менее совпадала с оценкой их Петровым и Бауером. Общим с ними был и подход Лучицкого к реформации в том отношении, что и он, подобно им, преодолел конфессиональную точку зрения на религиозные движения XVI в., все еще тяготевшую даже во второй половине XIX столетия над многими западноевропейскими историками реформации — католиками и протестантами. Вместе с другими русскими прогрессивными историками своего времени, хотя и менее последовательно, чем они, Лучицкий стремился вскрыть реальный социально-политический смысл религиозной борьбы изучавшегося им периода, реальные социальные и политические мотивы вовлеченных в нее сословий и классов.

Понимание Лучицким реформации отличалось, однако, и существенными особенностями. В общую постановку проблемы реформации Лучицкий вносил субъективно-оценочный критерий своего знакомого уже нам отрицательного отношения ко всякой нетерпимости. Этот критерий он искусственно навязывал периоду резкого обострения классовой борьбы во всех ее формах и видах, порождавшего, естественно, крайнюю нетерпимость. Подчиняя подобному критерию подход к реформационному движению в целом, Лучицкий лишал себя тем самым возможности оценить по достоинству то новое, что при всей своей сложности и противоречивости несла с собой реформация, под идейным знаменем которой разворачивались Великая крестьянская война в Германии, революции в Нидерландах и в Англии. В центре внимания Лучицкого оказывалось внешнее, формальное сходство между католицизмом и реформацией, та же, что и у католиков, нетерпимость деятелей реформации к чужим мнениям, запрещение отступать от раз принятой формулы. На первый план выдвигались слабые стороны реформации, ее историческая и классовая ограниченность, — все то, что связывало ее со старым миром и что использовали в ней реакционные элементы там и тогда, где и когда они брали верх над революционными и прогрессивными тенденциями реформационного движения¹¹⁷. Опираясь на свой субъективный критерий, на свое отрицательное отношение к нетерпимости, Лучицкий давал весьма одностороннюю, чисто негативную оценку всей

¹¹⁵ И. В. Лучицкий. Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям 16 века». — «Университетские известия», Киев, 1870, № 10, стр. 1—28 (отдельный отгиск: «Две пробные лекции, читанные И. Лучицким»).

¹¹⁶ См. И. В. Лучицкий. Мишель Лопиталь..., стр. 5—11.

¹¹⁷ См. там же, стр. 2—3.

реформации, а отнюдь не только французского, гугенотского ее варианта.

В отличие от Петрова и Бауера, Лучицкий отвергал с позиций позитивизма диалектический характер развития, что накладывало глубокий отпечаток на его подход к проблеме реформации. Действительно, реальному ходу вещей, революционной диалектике истории реформационного движения Лучицкий пытался противопоставить либерально-эволюционистскую утопию другого — мирного и спокойного — пути развития. Он стремился при этом доказать, что таким именно был, если и не по форме, то по существу, путь исторического развития Франции вплоть до революции конца XVIII в. Такова основная тенденция лекции Лучицкого о Лопитале, которому он собирался посвятить «особый труд»¹¹⁸.

В изображении Лучицкого связанное с Лопиталем «движение» под знаком религиозной терпимости «выходило из кабинета мыслителя и мирным, спокойным путем, едва заметно проникало в жизнь». Интерес Лучицкого к Лопиталю объяснялся тем, что он видел в нем «истого сына среднего сословия» и вместе с тем «полнейшее выражение этого нового движения», которое нашло в нем «наиболее ревностного защитника своих прав»¹¹⁹. Лучицкий не допускал «никакого сомнения» в том, что «истинное движение вперед» связано было не столько с напряженнейшей борьбой всех классов общества вокруг поднятых реформацией вопросов, сколько с тем направлением, представителем которого он считал канцлера французской монархии Лопиталю, главу абсолютистской бюрократии¹²⁰. Он утверждал, что это «движение» «гораздо сильнее влияло на развитие западноевропейской цивилизации, чем какое-либо другое из тех движений, которыми так богат XVI век». «Его представители впервые и самым решительным образом развили требование свободы мысли и исследования», — заявлял Лучицкий, проецируя в прошлое свои либеральные идеалы и изображая их носителями проводников политики феодальной в своих основах королевской власти¹²¹.

Историческую действительность Франции не только XVI, но и XVII и частично даже XVIII вв. с ее напряженнейшими антагонизмами и конфликтами, с ее шаг за шагом подготавливавшей

¹¹⁸ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871, стр. 113 (примеч. 1), стр. 141 (примеч. 3).

¹¹⁹ И. В. Лучицкий. Мишель Лопиталь..., стр. 2, 4, 10.

¹²⁰ Специально характеристике «этого направления», противопоставляемого Лучицким реформации, посвящен его «Очерк развития скептической мысли во Франции в XVI и XVII вв.», помещенный в позитивистском органе «Знание» в 1873 г. № 1, стр. 61—99; № 3, стр. 91—129; № 8, стр. 123—147; № 11, стр. 24—58.

¹²¹ И. В. Лучицкий. Мишель Лопиталь..., стр. 2, см. также стр. 10, 13—15.

ся и на исходе XVIII столетия разразившейся революцией Лучицкий стремился подчинить плавному и спокойному развитию идеи веротерпимости и свободы мысли. Он настаивал на том, что одним фактом провозглашения этих принципов устранялась дилемма, которая стояла тогда перед другими европейскими государствами. «Европа выигрывала, так сказать, страну, свободную в своей умственной жизни от влияния средневековых понятий». За Францией же обеспечивалась «возможность правильного прогресса, подготовившего почву для той широкой умственной деятельности, блестящим результатом которой была литература 18 века». Доктрины эти определили, — подчеркивал Лучицкий, — «характер деятельности последующих реформаторов», к числу которых он относил как Ришелье, всемерно укреплявшего абсолютную монархию, так и «деятелей 18 века», содействовавших своей критикой ее революционному крушению. Пытаясь установить прямую линию мирной эволюции от Лопиталья до просветителей, Лучицкий заключал лекцию указанием на то, что «недаром имя Лопиталья пользовалось высоким уважением в среде французских мыслителей 18 века, недаром о нем так много писали и говорили они»¹²².

Таков общий подход Лучицкого к истории реформационного движения в Европе, с одной стороны, к истории Франции связанного с реформацией периода, с другой стороны, на раннем этапе изучения им истории религиозных войн во Франции XVI столетия.

Первое крупное исследование по истории религиозных войн — «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» — Лучицкий опубликовал через пять лет после окончания университета, в 1871 г., и тогда же защитил его в качестве магистерской диссертации. Сочинение это должно было составить по замыслу автора, оставшемуся в полном своем объеме неосуществленным, начало большого трехтомного труда под общим заглавием «История феодальной реакции во Франции в XVI—XVII веках».

В соответствии со своим пониманием феодализма как прежде всего феодальной раздробленности Лучицкий ставил здесь перед собой задачу возможно полнее проанализировать отдельные фазы борьбы «старых средневековых элементов» в лице феодальной аристократии, городских общин и даже целых провинций с их «стремлением к местной независимости, к самоуправлению» против «централизации», против «поглощения властью короля местной и личной независимости». «Старой оппозиции», оппозиции «старых средневековых элементов» Лучицкий давал уже в предисловии резко отрицательную

¹²² Там же, стр. 4, 1—2, 28.

оценку — опять-таки в полном соответствии со своим отрицательным отношением к феодализму. Он называл ее «вечно брюзжащей, вечно недовольной, вечно готовой начать ссору». Он говорил об ее «узком эгоистическом интересе», указывал на «стеснительные формы» отстаиваемой ею «местной и личной независимости...», часто ложившиеся тяжелым бременем на народ»¹²³.

В том же предисловии к магистерской диссертации Лучицкий давал краткий, схематичный набросок основных линий своей общей концепции той «феодальной реакции», которая лежала, по его убеждению, в основе религиозных войн XVI века во Франции. «Борьба началась между центральной властью и кальвинистскою знатью, к которой присоединилась почти вся туземная, не пришедшая католическая знать и которая искала поддержки в городских общинах юга и западного побережья, где дух независимости был развит с большею силою, чем в каком-либо другом месте, и где живо чувствовались тяготы усиливающейся централизации», — утверждал Лучицкий. Эта первая фаза борьбы окончилась торжеством возникшей в процессе ее «аристократической лиги»¹²⁴.

Последствия этой борьбы — связанное с нею разорение, страшные тяготы, лежавшие на народе, ненависть, которую питали буржуазия и народ к знати, религиозный фанатизм — «вызвали сильную реакцию в народе». Этой реакцией «воспользовались монахи, получавшие жалованье от испанского правительства, и пришедшая знать в лице Гизов и их родичей». В противовес «аристократической лиге» они воздали новую — «католическую лигу», к которой примкнул и король. Сближение короля с «католической лигой» было, однако, недолговечным. «Крайние революционные доктрины, проповедуемые лигерами, их демократизм в средневековом духе заставили его искать союза в другом месте, и он нашел его в той аристократической лиге, которая вела с ним борьбу, но которой грозила страшная опасность в случае торжества католической лиги и которая ввиду этого протягивала своему вчерашнему врагу руку». Результатом этого союза между королем и «аристократической лигой» было, по Лучицкому, «торжество королевской власти в лице Генриха IV» и падение ее наиболее опасного соперника — «католической лиги»¹²⁵.

Что касается «аристократической лиги», то она «увидела себя вновь в том старом положении, которое вызвало ее прежде к борьбе с центральной властью». Борьба возобновилась, но, в глазах Лучицкого, это было уже лишь эпилогом «феодаль-

¹²³ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 1.

¹²⁴ Там же, стр. II.

¹²⁵ Там же.

ной реакции». Ришелье уже не трудно было подавить оппозицию знати, а одновременно — и тех «общин», которые «вели заодно с знатью борьбу, но которые вечно ссорились, вечно не доверяли знати, опасаясь насилий со стороны надменных и тщеславных ее представителей»¹²⁶.

Луцицкий указывал, что в его книге рассматривается лишь первая фаза той «борьбы, которую вела главным образом аристократия против усиливающейся централизации». Вместе с тем Луцицкий подчеркивал, что при изложении этой борьбы он «старался обратить особенное внимание» на «отношения между буржуазией и знатью», придавая им значение «существенного факта всей борьбы, факта, оказывающего всегда громадное влияние на исход борьбы»¹²⁷.

Основное положение своей магистерской диссертации, согласно которому «первая фаза борьбы была главным образом борьбою аристократии против королевской власти», борьбою «в интересах знати», Луцицкий противопоставлял «господствующему в науке мнению, что эта борьба носила на себе демократический характер»¹²⁸. Критика Луцицкого была направлена главным образом против той концепции французского реформационного движения, наиболее крупным и ярким представителем которой был Мишле. Вслед за другими французскими прогрессивными историками, начиная с Вольтера и других просветителей и включая историков-либералов первой половины XIX в., Мишле подходил к реформационному движению уже не с конфессиональной точки зрения, хотя еще и преимущественно в плане борьбы идей. Стремясь обнаружить во французском прошлом истоки республиканской, демократической, революционной традиции, он изображал в своей «Истории Франции» религиозные войны XVI в. своего рода религиозной революцией, а гугенотов — протестантами в широком смысле слова, борцами и мучениками за свободу, республику, демократию, «предшественниками деятелей 89 года». Луцицкий констатировал, что «с легкой руки» Мишле, который «впервые и наиболее сильно содействовал укоренению подобных взглядов», и другие историки (Мартен, Поленц) стали находить демократический характер в кальвинистском движении»¹²⁹.

Если Мишле закрывал глаза на конкретные, специфические особенности вторичного, производного момента французской реформации — этапа религиозных войн, когда руководство движением захватила в значительной мере гугенотская аристократия, то Луцицкий сделал именно этот этап стержнем своего

¹²⁶ Там же, стр. II, III.

¹²⁷ Там же, стр. III.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, стр. 324, 312 (прим. 1).

подхода к реформационному движению во Франции. Но он недоучитывал ни того значения, какое имели демократические и буржуазные тенденции на исходном этапе французской реформации, когда движение это носило еще в основном прогрессивный, антифеодальный характер, ни той роли, какую тенденции эти продолжали играть и в дальнейшем Лучицкий опровергал идеализацию гугенотского движения в целом, в которую впадали Мишле и его «школа». Но заодно он отвергал и то рациональное зерно демократического подхода к истории французской реформации, которое отличало Мишле от его предшественников не только из реакционного католического лагеря, но и из числа историков-либералов. Заостряя все свое построение истории Франции периода религиозных войн против Мишле, Лучицкий возвращался во многом на позиции Тьерри, Минье, Лабитта с их большим, чем у Мишле, историческим реализмом, но ярко выраженной либеральной ограниченностью.

Подобно французским историкам-либералам первой половины XIX столетия Лучицкий подходил к религиозным войнам в разрезе сословной, а отчасти и классовой борьбы. И именно этому он обязан был тем наиболее ценным, что внесено им в конкретную разработку истории Франции XVI в. Вместе с тем Лучицкий, как и все либералы, видел в монархии самодовлеющую силу. И если классовый подход даже в его буржуазном понимании был наиболее прогрессивной стороной освещения Лучицким религиозных войн, то его отступление от этого подхода в трактовке государства составляло самое уязвимое звено всего его построения. «Централизационные тенденции» французской монархии настолько заслоняли в глазах Лучицкого все остальные ее функции и проявления, что само понятие «централизации» превращалось у него в синоним королевской власти.

Лучицкий признавал, что по своему происхождению власть короля была «властью одного феодального главы». Но рассматривая все ее последующее развитие сквозь призму централизации, он считал феодальную аристократию — основного носителя феодальной раздробленности — самой могущественной «противогосударственной силой», главным из элементов, враждебных монархии, выступавшей под знаменем централизации¹³⁰. В своем подходе к государству Лучицкий не только отрывал монархию от ее феодальной базы, но и прямо противопоставлял ее «средневековому порядку вещей» — феодализму. Соответственно этому он ошибочно отождествлял борьбу королевской власти во главе стоявших за нею феодальных сил за централизованную форму господства феодалов с борьбой против

¹³⁰ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 25, 29, 31, 34, 35, 36 и др.

феодализма. Отсюда вытекал и его столь же неправильный взгляд на аристократическую оппозицию подобной централизации и на ее попытки отстаивать в борьбе с королями не феодализм вообще, охрана устоев которого составляла основную функцию монархии, а лишь изжившую себя к XVI в. феодальную раздробленность как на «феодальную реакцию» в самом широком значении этого термина¹³¹.

Сложнее было отношение Лучицкого к городам, к «среднему сословию», к буржуазии, позиция которой в годы религиозных войн ставилась им в зависимость от хода борьбы между монархией и аристократией и изображалась как двойственная и противоречивая. Лучицкий утверждал, что «нигде монархический дух не пустил таких глубоких корней, как в среде среднего сословия, горожан». Своим, хотя и ограниченным, покровительством общинам короли добились, по мнению Лучицкого, образования внутри городов партии, которая поддерживала их в начатой ими борьбе за подчинение городских общин своей власти. Но, с другой стороны, меры, нарушавшие привилегии и права городов и вызывавшие в среде городского населения все большее и большее неудовольствие, привели к формированию и укреплению здесь также и партии, враждебной королевской власти. В своей монографии Лучицкий пытался нащупать связь между политическим размежеванием горожан и уже относительно далеко зашедшей в их рядах социальной дифференциацией¹³².

В понимании взаимоотношений между буржуазией и народными массами и в оценке роли народа и народных движений в ходе реформации и религиозных войн во Франции у Лучицкого были серьезные колебания. Мало того: взгляды его на весь комплекс относящихся сюда вопросов претерпели значительную эволюцию на протяжении тех 10 лет, когда он работал над двумя своими диссертациями — магистерской и докторской. Либеральная ограниченность подхода Лучицкого к классовому членению французского общества и к классовой борьбе того времени проявлялась сильнее на раннем этапе занятий XVI в. Многие сближало его и в этом отношении с традициями французской либеральной историографии первой половины XIX в. с характерным для нее противопоставлением единого «третьего сословия» — буржуазии и народа — «привилегированным». Но еще явственнее сказывалось здесь влияние на него Конта, равным образом противопоставлявшего «военно-феодальному» элементу «индустриальный» и также включавшего в него как буржуазию, так и непосредственных производителей. В дальнейшем, во второй половине 70-х годов, в своей

¹³¹ Там же, стр. 29, 30, 31, 33 и многие другие.

¹³² Там же, стр. 36—39, 140, 144.

докторской диссертации, в обстановке нараставшего в России нового демократического подъема, под несомненным воздействием народнических настроений Лучицкий не только уделял уже большее внимание народным массам, но придавал им и более самостоятельное значение.

Говоря об основных элементах французского общества, об основных действовавших в нем силах ко времени кризиса второй половины XVI в., Лучицкий сосредоточивал свое внимание на королевской власти, феодальной аристократии и городах, на сложных и противоречивых, с его точки зрения, взаимоотношениях между ними, на постепенно разгоравшейся, по его убеждению, борьбе между монархией, с одной стороны, оппозицией знати и буржуазии, с другой. Социального протеста народных масс он касался в данной связи лишь в одном, довольно специфическом плане. Лучицкий готов был признать, что издавна существовавшие во Франции «шайки», которые при Франциске I «стали увеличиваться, сделались смелы и решительны», пополнялись прежде всего за счет «страшного разорения крестьян от налогов, барщины и самых разнообразных поборов со стороны сеньора, от голода и неурожая, — разорения, опустошавшего целые провинции». Но наряду с подобным источником их пополнения — этой своеобразной формой социального протеста трудящихся — Лучицкий называл и мотивы диаметрально противоположного классового характера — «любовь и привычку к грабегам со стороны дворянства». Все эти разнородные по своему социальному смыслу явления Лучицкий сводил к одному общему знаменателю. Тем самым он вольно или невольно затушевывал те пусть зародышевые, но симптоматичные элементы активной борьбы угнетенных против угнетателей, которые содержались в стихийном бунтарстве «бродяг» и «разбойников»¹³³.

Подводя итоги политической эволюции Франции в предшествовавший Варфоломеевской ночи период, Лучицкий придавал особое значение тому, что королевской власти пришлось иметь дело «с недовольною знатью, подкрепляемую разбойничьими шайками, с раздраженными горожанами, с неудовольствием значительной массы населения» на том этапе своего развития, когда силы ее «значительно ослабели, когда благоприятное время для устранения взрыва уже прошло».

Французскую монархию середины XVI столетия Лучицкий подвергал острой критике. Но при этом он не касался ни классовых основ королевской власти, ни классового существа ее политики. Он осуждал лишь «поведение» и «меры» Франциска I и особенно его преемников — Генриха II, Франциска II,

¹³³ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 29, 42—44

Карла IX, их «деспотические замашки», их личные слабости и ошибки, допускавшие ими злоупотребления, разврат, которому предавались они сами и который господствовал при их дворе, «безумную растрату» ими государственных средств, расхищение казны их фаворитами и фаворитками. Критика Лучицкого ограничивалась тем, что он считал патологическими отклонениями в политике королевской власти, доказательством полной неспособности последних представителей династии Валуа выполнять задачи, которые вытекали, по его убеждению, из исторических традиций французской монархии и соответствовали прогрессивным тенденциям ее развития¹³⁴.

Согласно концепции Лучицкого, именно эти моменты случайного, субъективного порядка — физическое и интеллектуальное вырождение преемников Франциска I, их политическая несостоятельность, моральная развращенность и деспотические наклонности — усилили и укрепили оппозицию, привели к разрыву между народом и властью и придали религиозным войнам их размах и ожесточение, чего якобы в противном случае можно было бы избежать. Особенно роковой представлялась Лучицкому в накаленной уже и без того атмосфере роль Екатерины Медичи¹³⁵.

Общие причины, которые «создали реформацию и продолжили ей путь как в Германии и Франции, так и в других странах», Лучицкий, исходя из своей позитивистской методологии, сводил прежде всего к мотивам идеологического и этического порядка — к «движению идей, вызванному „возрождением“», к «недовольству Римом и его политикой», к «резкой противоположности между нравственными идеалами лучших людей и тем состоянием, в каком находилось духовенство»¹³⁶.

Во Франции же, в частности, Лучицкий относил к числу «сильнейших стимулов для возбуждения неудовольствия в среде народа» также и «материальное положение духовенства». О настроении народа по отношению к духовенству свидетельствовало, по интересному наблюдению Лучицкого, то обстоятельство, что «грабегам подвергались преимущественно церкви и монастыри»¹³⁷. Лучицкий специально останавливался на том, что во многих французских провинциях «еще в конце 15 и в начале 16 столетия стали появляться личности, проповедовавшие открыто самые страшные еретические мнения», что «такие случаи повторялись все чаще и чаще», что в церквях совершались «святотатства, не имевшие в виду поживы». Все

¹³⁴ Там же, стр. 44—53.

¹³⁵ Там же, стр. 16—20.

¹³⁶ Там же, стр. 53.

¹³⁷ Там же, стр. 53—55; см. также аналогичные замечания Лучицкого на стр. 43.

это он квалифицировал как «движения, вышедшие из среды „темной массы“», нащупывая тем самым народные истоки реформации¹³⁸.

Роли антифеодальных тенденций крестьянства, как и городского плебейства, на стадии зарождения реформационных настроений и идей Лучицкий не отрицал, но склонен был все же недоучитывать их значения даже применительно к тому времени, не говоря уже о дальнейших этапах развития французского реформационного движения. Несмотря на попытки Лучицкого выйти в этом отношении за узкие пределы идеалистической ограниченности позитивистско-контингентной методологии, его первоначально еще сильно связывало вытекавшее из нее одностороннее представление о сознании, о мысли как основном факторе прогресса, свойственное этой системе преувеличение консервативных и реакционных наклонностей «темной массы» и характерная для нее недооценка роли народа, трудящихся как главной в конечном счете движущей силы исторического развития¹³⁹.

В этом смысле подход Лучицкого к вопросу о возникновении реформационного движения сильно уступал в принципиальном отношении подходу не только Петрова, но и Бауера.

Лучицкий упорно настаивал, что на раннем этапе «то было движение исключительно религиозное, имевшее в виду произвести нравственную реформу и в церкви, и в ее членах», что тогда еще оно «не было связано с какими-либо политическими или социальными интересами»¹⁴⁰. Тезис этот он клал в основу всего своего построения, всего своего подхода к начальному периоду французского реформационного движения.

Понимание Лучицким кальвинизма заключало в себе отдельные интересные и правильные мысли и наблюдения. В целом, однако, оно было односторонним. Лучицкий склонен был упускать из виду прогрессивные и революционные элементы сложного и внутренне противоречивого, при всей внешней стройности, мировоззрения Кальвина, его социально-политической программы. В результате Кальвин превращался у Лучицкого из провозвестника требований самой смелой, самой революционной части буржуазии своего времени в духовного оруженосца феодальной знати, которая предприняла во Франции попытку, оставшуюся эпизодической, приспособить учение Кальвина к своим реакционным целям. В этом заключалось наиболее слабое, наиболее уязвимое звено подхода Лучицкого к Кальвину и кальвинизму, ибо и в Женеве, и в Голландии, и в Шот-

¹³⁸ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 60, 61.

¹³⁹ См., в частности, там же, стр. 128.

¹⁴⁰ Там же, стр. 64.

ландии, и в Англии, а частично даже и во Франции, именно кальвинистская реформация служила в XVI—XVII вв. знаменем антифеодальных освободительных движений и буржуазных революций¹⁴¹.

Присоединение дворянства к новому учению Лучицкий рассматривал как «важнейшую поддержку», какую оно могло получить во Франции. «Покровительство знати, тот факт, что знать сама в лице первостепенных своих членов открыто проповедовала принадлежность свою к ереси, гарантировали успех ее во Франции», — утверждал Лучицкий¹⁴². При этом он упускал в данном случае из виду, что именно присоединение феодального дворянства к реформационному движению изменяло исходное направление последнего, извращало его первоначально прогрессивное содержание, вносило в него реакционную струю, компрометировало гугенотов в глазах демократических элементов и обрекало в конечном счете все движение на поражение. Это показал фактически в своих исследованиях не кто иной, как Лучицкий.

Лучицкий подчеркивал, что присоединением знати не окончилось еще возрастание числа членов кальвинистской церкви, что «дух оппозиции» продолжал проникать все сильнее, вслед за городами западного побережья, и в среду городов юга, в которых кальвинизм приобрел «новых, энергических защитников»¹⁴³.

Наряду с дворянством и городами «простой народ составлял в то время третий и самый многочисленный элемент в партии, образовавшийся... еще в первый период реформационного движения во Франции и успевший с течением времени утвердиться во многих из французских городов», — писал Лучицкий¹⁴⁴.

Со свойственным ему чувством конкретного, которое не всегда укладывалось в его общую схему, Лучицкий останавливался на зарождении противоположных в классовом отношении тенденций в рядах кальвинистских пасторов во Франции. Подчеркивая ярко выраженные антифеодальные черты деятельности демократического крыла проповедников-кальвинистов, Лучицкий ссылаясь на мемуары полковника, правителя Гиени, гонителя протестантов Монлюка¹⁴⁵. Намечавшаяся здесь у Лучицкого в высшей степени плодотворная идея о борьбе антагонистических тенденций во французском кальвинизме, наиболее последовательным выражением которых было,

¹⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 380.

¹⁴² И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 101.

¹⁴³ Там же, стр. 102—103.

¹⁴⁴ Там же, стр. 105.

¹⁴⁵ Там же, стр. 103—105.

с одной стороны, демократическое течение, а с другой стороны, течение феодально-аристократическое, не получила, к сожалению, своего полного и всестороннего развития в его исследованиях.

Характерной чертой подхода Лучицкого к кальвинистскому движению оставалось в целом то, что он считал пасторов не выразителями тех или иных классовых тенденций, а самостоятельным, и притом «важнейшим и заправляющим элементом в среде партии» наряду с дворянством, «горожанами» и «простонародьем»¹⁴⁶.

Переходя уже непосредственно к открытому столкновению между католиками и гугенотами, Лучицкий подчеркивал: «...чем сильнее разгоралась война, тем яснее выступали на сцену чисто политические вопросы, ... тем все больше и больше привлекала она недовольных в ряды гугенотской партии». К числу этих «недовольных» Лучицкий относил преимущественно феодальные элементы, которым «мало было дела до того, одержит или не одержит верх кальвинизм как религия, будут или не будут ограждены личности пасторов»¹⁴⁷.

«Упадок религиозной ревности» и «ослабление власти и влияния пасторов», что объективно означало уже усиление феодальной струи в гугенотском движении за счет его буржуазных элементов, имели, с точки зрения Лучицкого, «чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития партии»: это обуславливало «переход власти в иные руки» и влекло за собой «изменение в характере и цели войн, начатых кальвинистской партией». «Это перемещение совершилось не вдруг, и в первое время трудно было решить, кто станет во главе движения — города или дворяне, трудно, следовательно, было определить, какой характер примет борьба: обратится ли она в аристократическую реакцию или же интересы городов станут на первом плане», — подчеркивал Лучицкий¹⁴⁸.

Гораздо менее конкретно касался Лучицкий положения народа, тех процессов, которые происходили в его среде, той роли, которую он играл в условиях резко обострившейся с началом религиозных войн классовой борьбы. Свой скудный в этом отношении материал он и здесь подчинял характерному для его раннего этапа подходу к народным массам и народным движениям — подходу, от которого он частично (робко и непоследовательно) отступал при освещении истоков реформационного движения во Франции. Обобщая свои очень немногочисленные и довольно поверхностные наблюдения в этой области, Лучицкий сводил их к тому, что «война, начатая гугенотами,

¹⁴⁶ И. В. Лучицкий. Феодальная аристократия..., стр. 106.

¹⁴⁷ Там же, стр. 130, 132.

¹⁴⁸ Там же, стр. 132—133.

...продолжала быть крайне разорительной для страны», что она «усиливала дурное положение дел», что «число лиц, привлекаемых к войне, вербуемых в армии, возрастало в пропорции, крайне обременительной для населения». Касаясь непосредственно активных действий масс, Лучицкий ограничивался и здесь указаниями на то, что «бедность призывала под знамена громадное число авантюристов, которых привлекала к армиям надежда поживиться на счет врага», что «отсутствие дисциплины и общего вождя образовывало из новобранцев шайки, рыскавшие по стране под предводительством или дворянина или просто крестьянина»¹⁴⁹.

На основании анализа развития гугенотского движения в предшествовавший Варфоломеевской ночи период Лучицкий приходил к общему выводу, что «материал для борьбы был готов, политические тенденции начали мало-помалу обнаруживаться». В этих условиях «не доставало,— по убеждению Лучицкого,— лишь повода, чтобы общее неудовольствие, соединенное со стремлением восстановить старый порядок, высказалось вполне откровенно, ясно формулировало свои требования, не доставало лишь такого события, которое определило бы своим действием, какой из двух элементов, знать или города, возьмет перевес». Краеугольным камнем всего построения Лучицкого был тезис, что «такой повод дала сама власть, произведя знаменитую резню 24 августа». Это событие и обусловило, полагал он, преобладающую роль в гугенотском движении знати, а не городов¹⁵⁰.

Период работы Лучицкого над его магистерской диссертацией был периодом наибольшего увлечения его контовским позитивизмом. Это наложило сильный отпечаток и на подход Лучицкого к проблеме реформационных движений и религиозных войн во Франции. Вслед за Контом Лучицкий считал, что «действия людей в значительной степени определяются образом их мыслей в известную эпоху»¹⁵¹. По выражению Е. В. Тарле, он был «весьма увлечен именно представлением о силе идей, умственных и нравственных течений, об их чуть ли не руководящей роли в истории человечества»¹⁵². С этим связана была и недооценка Лучицким в то время народа, который оставался, в его глазах, «темной массой», и особенно народных движений, которым отводилась в его тогдашней концепции подчиненная, производная роль.

¹⁴⁹ Там же, стр. 134

¹⁵⁰ Там же, стр. 136.

¹⁵¹ И. В. Лучицкий. Адам Фергюсон и его историческая теория.— «Университетские известия», Киев, 1869, № 1, стр. 15.

¹⁵² Е. В. Тарле. И. В. Лучицкий.— «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 53.

Однако и тогда уже Лучицкого как историка выручало, частично, во всяком случае, свойственное ему чувство конкретного, его, по меткому определению того же Е. В. Тарле, «прирожденный реализм», который помог ему «не упустить из вида той социально-политической почвы, на которой разыгрались религиозные войны XVI века»¹⁵³. Уже и на раннем этапе научной деятельности Лучицкий зарекомендовал себя неутомимым исследователем нового, не использованного до него архивного материала. С течением времени эта особенность становилась все более характерной чертой его облика как ученого. Вовлекавшиеся им в научный оборот ценные источники, отражавшие историческую действительность в ее живой, конкретной сложности и противоречивости, с самого же начала заставляли его преодолевать в той или иной степени узкие и искусственные рамки позитивистско-континентальной социологической схемы.

Уже при работе над книгой «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» Лучицкий использовал наряду с большим количеством печатных источников французские рукописные документы из богатой коллекции Публичной библиотеки в Петербурге. Часть этих документов (преимущественно административная и частная переписка) была опубликована им в приложении к его книге, в Бюллетенях Общества для изучения истории французского протестантизма и отдельным изданием¹⁵⁴.

Материал для вышедшей в 1877 г. докторской диссертации «Католическая лига и кальвинисты во Франции» Лучицкий собирал во французских, а отчасти немецких и итальянских библиотеках и архивах во время своей трехгодичной командировки за границу в 1871—1874 гг. и двух последующих поездок туда в 1875 и 1876 гг. Почти одновременно с Герье, но в гораздо более широких масштабах, Лучицкий одним из первых наших историков нового времени приступил, таким образом, к разработке иностранных архивных фондов. Не удовлетворившись тем, что он обнаружил в Национальном архиве и в рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже, Лучицкий сосредоточил основное свое внимание на архивах провинциальных городов — Гренобля, Лиона, Нима, Монпелье, Тулузы, Монтобана, которые являлись в свое время центрами гугенот-

¹⁵³ Е. В. Тарле. И. В. Лучицкий.— «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 53.

¹⁵⁴ «Documents inédits sur l'histoire de Languedoc et de la Rochelle après St. Barthélemy (1572—1574)». Paris, 1873. Письма кардинала д'Арманьяка и Маргариты Наваррской из того же собрания Публичной библиотеки Лучицкий напечатал в 1879 г. совместно с Тамизе в журнале «Revue historique».

ского движения. Именно здесь ему удалось собрать наиболее важные данные для второго своего большого исследования, и в том числе протоколы политических съездов и собраний кальвинистов — документы, о которых до него почти не знали даже французские исследователи. И эти источники были частично опубликованы Лучицким в приложении к его книге, в Бюллетенях Общества для изучения истории французского протестантизма и в виде особого сборника ¹⁵⁵.

Первое трехгодичное пребывание Лучицкого за границей, главным образом во Франции, и связанные с ним впечатления и встречи сильно повлияли и на его общее не только научное, но и политическое развитие.

В Париже Лучицкий познакомился с позитивистскими лидерами, издателями журнала «Philosophie positive» Э. Литтре и Г. Н. Вырубовым, сблизился с директором Школы Хартий Кисшера, с редактором «Revue historique» и одним из руководителей «École pratique des hautes études» Габриэлем Моно, встретился с Луи Бланом, Альбером, Гамбетта, Клемансо ¹⁵⁶.

Впервые Лучицкий приехал в Париж в 1872 г., когда, по словам Тарле, «еще далеко не улеглись страсти, возбужденные военным разгромом Франции и кровавым усмирением коммунаров». По возвращении в 1874 г. в Киев, Лучицкий, в противоположность Герье, не только «с пылом защищал французов и с бешенством нападал на немцев», но и «с такой же пылкостью оправдывал действия Парижской Коммуны» — вспоминала впоследствии его жена М. В. Лучицкая ¹⁵⁷.

В Париже Лучицкий по просьбе русской учащейся молодежи прочел даже целый своеобразный курс новейшей истории Франции «на тех самых местах, где происходили исторические события». При этом «с особенным интересом слушалось изложение истории трагических дней недавней Коммуны», которую «сам лектор изучал по рассказам свидетелей шаг за шагом, час за часом» ¹⁵⁸.

Пробуждение у Лучицкого интереса к «вопросам чисто политическим» и наметившийся у него к этому времени несомненный сдвиг влево связан был, по-видимому, с тем, что в Париже он общался с находившимися там П. Л. Лавровым и Глебом Успенским ¹⁵⁹. Вероятно, именно под их влиянием усилились демократические элементы общественно-политических

¹⁵⁵ «Documents inédits pour servir à l'histoire de la Réforme et de la Ligue», Kiew — Paris, 1875.

¹⁵⁶ Е. В. Тарле. И. В. Лучицкий.— «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 50—52.

¹⁵⁷ М. В. Лучицкая. Воспоминания (рукопись), стр. 2.

¹⁵⁸ Е. В. Тарле. И. В. Лучицкий.— «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 51.

¹⁵⁹ Там же, стр. 51—52.

взглядов Лучицкого и зародилась народническая струя его мировоззрения, остававшегося, однако, в целом мировоззрением либерала. Это отразилось и на исторических взглядах Лучицкого, в том числе и на его подходе к религиозным войнам, общая концепция которых сложилась у него еще в первый период работы над этой темой, до его заграничной командировки.

Показательно в этом отношении одно из примечаний Лучицкого в его докторской диссертации, опубликованной, как указывалось выше, в 1877 г., когда уже начался демократический подъем в России, завершившийся второй революционной ситуацией 1879—1880 гг. Переходя к рассмотрению вспыхнувших в ходе религиозных войн, в конце 70-х годов XVI столетия, крестьянских восстаний и движений городского населения, Лучицкий подчеркивал: «Полное и подробное исследование народных движений в эту важнейшую эпоху истории Франции XVI века возможно лишь при изысканиях, которые будут произведены в различных архивах, не только департаментских, но и коммунальных и муниципальных, что, очевидно, превышает силы одного человека»¹⁶⁰.

Здесь нет уже той принципиальной недооценки народных движений, которая была характерной особенностью общей постановки Лучицким проблемы религиозных войн на первом этапе его занятий ими. Уделяя теперь большее внимание движениям народных масс и говоря о них в ином тоне, Лучицкий с полным основанием подчеркивал сложность разработки их истории ввиду того, что лишь весьма незначительная часть местных архивных фондов была в то время описана¹⁶¹.

Несомненный сдвиг в отношении Лучицкого к народу оказал свое влияние на последующую разработку им его исходного замысла.

Основной темой его докторской диссертации была уже не феодальная реакция, а зарождение демократического движения во Франции во второй половине XVI в. Главное внимание Лучицкий обращал теперь «на изменения в развитии индустриального элемента, среднего сословия», ставя эти изменения в свою очередь в связь «с теми отношениями, которые установились между демократическим движением и католическим возрождением 16 в.»¹⁶².

На основе своего анализа взаимоотношений между «четырьмя важнейшими элементами» тогдашнего французского обще-

¹⁶⁰ И. В. Лучицкий. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877, стр. 489, примеч. 2.

¹⁶¹ Ср. отзыв К. К. Арсеньева. «История Флоренции» Ф. Перрана и «Католическая лига и кальвинисты во Франции» г. Лучицкого.— «Вестник Европы», 1877, кн. 11, стр. 200.

¹⁶² И. В. Лучицкий. Католическая лига..., стр. II.

ства, к которым он причислял правительство, дворянскую католическую лигу, гугенотскую знать и среднее сословие, Лучицкий приходил к заключению, что в ходе религиозных войн после длительной и упорной борьбы в 1577 г. установилось «полное их равновесие». Он видел в этом «результат относительной слабости каждого из действующих элементов и пассивной политики, которой придерживалось большинство городов и вообще среднее сословие»¹⁶³.

Силы католической лиги и гугенотов «взаимно нейтрализовались», — по оценке Лучицкого. Прочный союз со средним сословием, который был, с его точки зрения, «столь необходим для них», Лучицкий считал «немыслимым в силу самого хода французской жизни, вследствие характера ее развития и исторических условий, поставивших дворянство и буржуазию в самые враждебные отношения друг к другу». Временный союз «мог быть заключен, но лишь при условии преобладания буржуазного элемента, и притом с крайними затруднениями».

При сложившемся во Франции к концу 70-х годов положении, согласно Лучицкому, лишь правительство, в котором он продолжал по-прежнему видеть самодовлеющую, хотя и подорванную в своем могуществе силу, и «массы народа», которые все еще склонен был отождествлять со средним сословием, с буржуазией, в состоянии были определить дальнейший ход дел и повлиять на «возможное нарушение равновесия»¹⁶⁴.

Состояние Франции после заключения в 1577 г. мира между правительством и гугенотами Лучицкий характеризовал как «состояние полной анархии». Возлагая на правительство ответственность за то, что оно «само до некоторой степени ускорило проявление и господство анархии», Лучицкий подводил итоги предшествующему изложению. Место это настолько характерно для концепции его докторской диссертации, что мы не можем не привести его. «Когда значительная часть населения стала просить, а другая — требовать... созвания генеральных штатов, когда лозунгом всех сделался крик: реформы, испуганное правительство показало вид, что оно согласно удовлетворить всем требованиям. Генеральные штаты были созваны, и вся нация пришла в сильное движение, повсюду деятельно работала она над составлением своих cahiers (наказов.— *Ред.*). Она рассчитывала, что настало, наконец, время, когда давнишние желания ее будут исполнены, ее требования удовлетворены. Правда, требования были разнообразны: одна часть населения стремилась к искоренению ереси, другая требовала в почтительных выражениях уничтожения злоупотреб-

¹⁶³ Там же, стр. 447.

¹⁶⁴ В. И. Лучицкий. Католическая лига..., стр. 448—450.

лений. Король удовлетворил желаниям первой: издал указ о единстве религии, стал во главе священной лиги. Желания второй, состоявшей главным образом из представителей среднего сословия, казалось, найдут осуществление. Король обещал выполнить требования, назначить комиссию для разработки *sahiers* и применения требований в действительности. Обе стороны были обмануты: гугеноты не только не были истреблены, а напротив, получили подтверждение своих прав, среднее сословие увидело, что старая система управления продолжает свое действие, что у правительства и в мыслях нет обратиться в закон требования, предъявленные штатами. Напротив, все действия правительства клонились к тому, чтобы ухудшить прежнее положение вещей»¹⁶⁵.

До этого времени среднее сословие придерживалось, по данным Лучицкого, «выжидательной политики, буржуазия выказывала лишь пассивное сопротивление, крестьянское население, за малыми исключениями, не пробовало сбросить с себя тяжелый гнет, лежавший на нем и созданный анархией и действиями правительства». Терпение их было теперь исчерпано.

Это, по мнению Лучицкого, и привело к тому, что «после 1577 года, и особенно с 1578, восстают крестьяне, восстают города и целые провинции, восстают и представители народа, собравшиеся на провинциальные штаты Бургундии, Бретани, Нормандии, Оверни». Среднее сословие сразу и самым решительным образом изменило свою прежнюю политику и вступило «на арену деятельной оппозиции»¹⁶⁶.

Таковы были, в понимании их Лучицким, общие предпосылки и непосредственные причины того, уже упоминавшегося нами выше широкого размаха народных движений, описанию и характеристике которых посвящена в основной своей части заключительная глава его докторской диссертации «Провинциальные штаты и оппозиция низших классов населения». Глава эта, как и другие разделы, не только докторской, но частично и магистерской диссертации Лучицкого, в которых он касался социального протеста народных масс, содержала большой, ценный, неизвестный ранее материал.

В освещении Лучицким народных движений оставалось вместе с тем слабое звено и в его докторской диссертации. Источником всех многочисленных и разнообразных проявлений народного недовольства Лучицкий изображал неисполнение требований среднего сословия на генеральных штатах 1576—1577 гг. Между тем большинство описанных им народных движений направлено было не столько против правительства,

¹⁶⁵ И. В. Лучицкий. Католическая лига..., стр. 486—488.

¹⁶⁶ Там же, стр. 489.

сколько против дворянства. Они порождены были такими сторонами тогдашнего общественного строя, которые остались бы неприкосновенными даже при удовлетворении всех требований генеральных штатов. Крестьяне не были представлены здесь, и их интересы находили лишь слабое отражение в программе среднего сословия. В еще меньшей степени связаны были с неисполнением этой программы плебейские движения в городах, направленные против верхов городского населения, которым принадлежала главная роль в оппозиционной деятельности среднего сословия¹⁶⁷.

В целом, таким образом, несомненно, что Лучицкий проявлял уже теперь значительно больше внимания и сочувствия к народным массам. Но все еще следуя частично за Контом, он обнаруживал и в докторской диссертации прежнюю свою тенденцию к отождествлению интересов феодально-зависимого крестьянства и городского плебейства с интересами чуждых и даже антагонистических им классов, широко оперировал понятием единого «среднего сословия», называя его «индустриальным элементом»¹⁶⁸ и считая «представителем индустриальных интересов вообще»¹⁶⁹. Соответственно этому Лучицкий склонен был и на этом этапе своего развития подчинять, как мы только что видели, крестьянские восстания в деревнях и плебейские выступления в городах оппозиционному движению привилегированных верхов среднего сословия, в состав которых включал не только «бюргерскую», но и патрицианскую часть городского населения.

Дальнейшее развитие исторических взглядов Лучицкого шло в общем в направлении постепенного преодоления также и этого, как и ряда других элементов контовской схемы социальной эволюции,— схемы, сильно ограничивавшей первоначально научный горизонт Лучицкого.

II

РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в. (В. И. ГЕРЬЕ, Н. И. ҚАРЕЕВ)

Всякому, приступающему к изучению истории русской исторической науки в связи с историей русской общественной мысли, не может не броситься в глаза факт глубокого несоответствия между двумя рядами явлений. В России XIX в., и особенно

¹⁶⁷ На это справедливо указывал сразу же после опубликования книги Лучицкого К. К. Арсеньев в своей кригической статье «„История Флоренции“ Ф. Перрана и „Католическая лига и кальвинисты во Франции“ г. Лучицкого». — «Вестник Европы», 1877, № 11, стр. 200.

¹⁶⁸ И. В. Лучицкий. Католическая лига..., стр. II.

¹⁶⁹ Там же, стр. 450.

начиная со средних его десятилетий, налицо живой, напряженный интерес к Великой французской революции в связи с последующими французскими революциями, а главное, в связи с перспективами собственного дальнейшего развития по тому или другому пути — по пути революции или реформы. Историческая мысль интенсивно работает в этом направлении. Четко определены и резко противостоят друг другу различные варианты подхода к первой французской революции, самой крупной из революций прошлого, с позиций основных общественных классов сначала дореформенной, а потом и пореформенной России. В борьбе между ними революция эта получает свое общее, но в отдельных случаях глубокое освещение, истолкование, оценку. Революционный опыт Франции, учитываемый и понимаемый так или иначе, положительно или отрицательно, играет исключительно важную роль в обобщающих построениях русских публицистов, историков, мыслителей революционно-демократического, либерально-реформистского и официального, охранительного направлений, включая все представленные в них течения и оттенки. А между тем до конца 70-х годов в нашей литературе нет ни одной крупной конкретно-исторической работы, посвященной французской буржуазной революции конца XVIII в. Единственным объяснением этого глубокого несоответствия является почти безусловный запрет, который наложен был царской цензурой на темы, связанные с революцией¹⁷⁰.

Еще задолго до 70-х годов в России была уже налицо своеобразная и яркая традиция общей постановки проблемы этой революции, общего подхода к ней и ее оценке, традиция, образовавшаяся в процессе развития русской общественной мысли.

Основным вопросом русской действительности того времени был крестьянский вопрос, накладывавший свой решающий от-

¹⁷⁰ Показательно в этом отношении свидетельство профессора физики Московского университета, известного в свое время реакционного публициста Н. А. Любимова, близкого к М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву. «Помнишь, лет тридцать тому назад, в наши студенческие годы, в начале пятидесятых годов, под каким великим запретом в печати и на кафедрах было у нас слово „революция“. На сочинениях, авторы которых более или менее сочувственно относятся к событию, красовался ярлык: „запрещено безусловно“. Их не давали даже профессорам, разве потихоньку. На простых повествованиях о происшествиях запрещенной эпохи, мемуарах, сборниках, документах значилось „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентам и посторонним читателям», — писал в 1880 г., в обстановке второго демократического подъема, Любимов под псевдонимом Варфоломея Кочнева на страницах катковского «Русского вестника» в своих выдержанных в откровенно контрреволюционном духе «беседах» о первой французской революции под очень характерным для того времени заглавием «Против течения». В 1893 г. Любимов периздал у А. С. Суворина свое «беседы» в переработанном в отдельную книгу виде под названием «Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787—1790)».

печаток на все развитие русской общественной мысли, а тем самым и на ее подход к проблеме французской революции,

Из исторического опыта классовой борьбы вообще, французской революции в частности, революционные демократы делали тот одновременно и исторический и политический вывод, что крестьянский вопрос и весь связанный с ним комплекс социальных и политических противоречий был так или иначе разрешен в XVIII в. во Франции, а следовательно, может и должен быть разрешен и в России лишь самим народом, на путях революции снизу. И грядущая русская революция, которая представлялась им в их прогнозах «социальной революцией», должна сделать не только то, что сделала французская революция, оставшаяся в их глазах «политической революцией», но и то, чего она не доделала.

Этот смелый и последовательный вывод революционно-демократической общественно-исторической мысли самым решительным образом отвергали не только охранители, но и либералы, и в первую очередь наиболее крупные и влиятельные из них — корифеи государственной исторической школы К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин. И здесь проходил основной водораздел между революционно-демократическим и либерально-монархическим направлениями. В своих общих исторических построениях либеральные противники революционных демократов исходили, разумеется, так же как и они, из русской обстановки. На западноевропейские революции, и особенно на Великую французскую революцию, и они, подобно революционным демократам, смотрели сквозь призму исторического опыта русских крестьянских войн и восстаний, но, в противоположность революционным демократам, не в качестве «защитников притесняемых», а в качестве «защитников притеснений», — по выражению Н. Г. Чернышевского. И поэтому у них это обычно проявлялось не в явной и прямой, а в скрытой, замаскированной, апологетически-софистической форме. Лишь изредка упоминая революцию прямо, представители государственной исторической школы никогда не упускали ее из виду и постоянно исходили из ее уроков в своей общей постановке основного в их время крестьянского вопроса в связи с другими коренными вопросами русской жизни и русской истории.

Либералы всячески ограничивали идею исторической закономерности, а тем более неизбежности революции снизу, народной революции. Наиболее правые из них, типа Чичерина, склонны были уже и тогда отрицать ее вовсе — заодно с представителями открытой реакции, которые всеми силами стремились низвести разразившуюся во Франции в XVIII в. революцию, вместе со всеми другими революциями в истории человечества, до уровня «слепой случайности».

Сложнее было отношение к проблеме французской революции у Кавелина и Соловьева. Скрытым стержнем соловьевского построения «Истории России с древнейших времен», направленного своим острием в тех, кто «вооружаются вообще против преобразований, идущих сверху»¹⁷¹, было стремление Соловьева, признававшего в принципе идею исторической закономерности, опровергнуть вместе с тем революционно-демократическое ее понимание как единой закономерности развития Запада и России. Соловьев пытался во что бы ни стало доказать, что в противоположность Франции, естественным и закономерным ходом своего развития обреченной на революционный путь, неизбежным, необходимым и столь же закономерным следствием тысячелетней истории России являются якобы «преобразования, идущие сверху», — по образу и подобию возглавленной Петром I «революции»¹⁷².

Таковы были два противоположных по сути дела подхода к самой острой и жгучей для России середины XIX в. исторической и политической проблеме — к вопросу об учете и оценке исторического опыта и уроков крупнейшей из западноевропейских буржуазных революций в свете вплотную вставшей тогда перед русским народом главной социально-политической задачи: ликвидации крепостного права со всеми его остатками и порождениями и буржуазного преобразования страны.

Русские революционные демократы, начиная с В. Г. Белинского, последовательно и неуклонно отстаивали принцип исторической закономерности и неизбежности народной революции, распространяя его на прошлое и на будущее, на Запад и на Россию. В общей форме даже русские либералы поколения Соловьева вынуждены были, при всех своих ярко выраженных антиреволюционных тенденциях, признавать, скрепя сердце, но лишь как исключение из общего правила, историческую закономерность революции. Либералы делали это, однако, не последовательно и формально. Подходя к пережитым человечеством революционным переворотам как к совершившемуся факту и соглашаясь внешне с идеей исторической закономерности этого, они склонны были в то же время отрицать неизбежность таких переворотов, не говоря уже о необходимости, трактовали их как «болезненное» отклонение от нормы, которое можно было якобы предотвратить. Самую закономерность революции они ограничивали по мере возможности прошлым. Они стремились во что бы то ни стало исключить из сферы действия этой закономерности Россию. Они шли ради этого на смешение понятий «революция» в собственном смысле слова и «революция

¹⁷¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 3. Изд-во «Общественная польза», стб. 1056.

¹⁷² См., в частности, там же, стб. 1053—1056.

сверху», подменяли одно другим. Не отвергая до поры до времени в принципе, в частности применительно к французской революции XVIII столетия, идеи исторической закономерности революции, либералы вносили в нее столько ограничений и оговорок, что практически у них от этой идеи мало что оставалось. Даже открытые реакционеры приобретали в полемике с ними то преимущество, что были, по крайней мере, по-своему последовательны и не боялись называть вещи их именами¹⁷³.

Искусственно противопоставляя французскому пути «революций снизу» свойственный якобы России путь «революций сверху», первые русские либералы разрабатывали конкретно в плане этого противопоставления в сущности лишь вторую часть своей антитезы — историю России — и то почти исключительно в плане политической истории. Французской же революции XVIII столетия и других западноевропейских революций они касались только в самой общей, самой неопределенной форме.

В решающей в то время области это давало своеобразное преимущество революционным демократам. Они во главе с Чернышевским умели проводить даже и через препоны и рогатки цензуры «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹⁷⁴. Трудно переоценить роль, которую играли при этом исторические традиции великой при всей своей буржуазной ограниченности французской революции XVIII в., — традиции, приобретавшие под их пером новый смысл и значение в свете собственного исторического опыта русского народа. Предписанное правительством воздержание официальных, казенных историков и историков-либералов от конкретного освещения революционных тем, противопоставленное смелой и глубокой общей постановке этих вопросов революционными демократами, лишь еще более способствовало вызывавшемуся всеми условиями русской действительности широкому распространению в передовых кругах того, что реакционеры называли «культом революции», а либералы — «догматической верой в революцию».

¹⁷³ Так, в противовес Соловьеву, Любимов подчеркивал, что «революция в точном смысле слова обозначает насильственное перемещение власти», что проводимая Соловьевым между преобразованиями Петра I и французской революцией «параллель, очевидно, искусственная», что «нет событий более разнородных, чем эти две „революции“». Подметив крайнюю уязвимость аргументации Соловьева в пользу исторической неизбежности произведенной якобы Петром I «революции сверху», Любимов делал за Соловьева естественно вытекавший из его оценки петровских преобразований вывод, что, не явись Петр, «взвзавший движение в свои руки», нам грозило бы нечто вроде французской революции (Любимов. Крушение монархии во Франции, стр. 564—565). А ведь такой вывод опрокидывал все соловьевское построение о predeterminedном якобы России вообще пути «революций сверху».

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

Либералы, а в конце концов и правительство, не могли не учесть этого. Университетский устав 1863 г. и закон о печати 1865 г., вошедший в силу уже после насильственного подавления правительством при поддержке либералов демократического подъема предшествующих лет, несколько облегчили академические и цензурные стеснения.

Тогда именно, в 1865 г., начал чтение лекций в Московском университете В. И. Герье. В качестве лектора, инициатора семинарских занятий в университете и автора этюдов и книг по истории и историографии революции Герье, став в 1870 г. профессором, первым из русских либералов приступил к самостоятельной разработке истории Великой французской революции.

Герье не только решился ввести революционную тематику в практику университетского преподавания, но и превратил французский XVIII век — «эпоху Просвещения», «старого порядка» и самой революции — в свою основную научную специальность. Тем самым он переходил уже к конкретизации того исходного звена пресловутого противопоставления Франции с ее «политическими революциями» России с ее проводимыми сверху преобразованиями, которое осталось неразработанной фактически частью у его предшественников, русских либералов старшего поколения. В духе их схемы Герье и ставил связанные с французской революцией проблемы. Схема эта получила наиболее яркое и законченное выражение у Соловьева и лежала в основе его «Истории России с древнейших времен», которую Герье считал «национальной историей», «национальным произведением в истинном, высоком смысле этого слова».

В восполнении этого лишь намеченного звена и выражалась органическая связь между Герье и Соловьевым, его учителем и вдохновителем.

Продолжая традицию Соловьева и распространяя ее на конкретную историю Франции предреволюционного и революционного периодов, Герье делал это, однако, на более низком, чем у Соловьева, идейно-теоретическом уровне. Только после крушения надежд, которые Соловьев возлагал на реформу, у него слышались к концу жизни — и то лишь в интимных высказываниях — нотки разочарования в тех принципах исторической закономерности в их либеральном толковании, из которых Соловьев исходил в своей научной работе.

С того, чем кончал Соловьев, Герье начинал свои занятия французской революцией. Еще задолго до этого — и не в частных признаниях «для детей моих, а, если можно, и для других» — подобно Соловьеву, а в книге, предназначенной для широких кругов и прежде всего для его слушателей Герье заявлял уже во всеуслышание, что история — не точная наука, никогда не будет ею, что она относится к области субъективного и поэто-

му поиски объективной закономерности в истории беспредметны. Это не значит, что Герье с самого же начала строго и последовательно придерживался этого разрушительного для истории как науки подхода к ней. В более ранний период его деятельности это было еще не совсем так. Слишком сильны были противодействовавшие этому фактору и в сознании самого Герье, над которым сохраняла еще свою власть традиция его учителей, главным образом — Соловьева, и особенно в окружавшей его русской общественной атмосфере со столь характерной для нас идеей революции как неотъемлемого, закономерного звена исторического прогресса. Тем не менее, тенденция эта проявлялась у Герье уже в начальный период его работы над связанными с революцией темами, а в дальнейшем все более усиливалась.

В этом смысле несомненно, что Герье разрабатывал в конкретном плане связанные с французской революцией вопросы на более низком идейно-теоретическом уровне, чем та общая постановка проблемы революции в истории Франции, какую она получала в концепции Соловьева. В то время как Соловьев подходил к французской революции, исходя из признания ее исторической закономерности, Герье, рано обнаруживший склонность оспаривать историческую закономерность вообще, относил это в постепенно возрастающей степени именно к революции.

Этим, однако, не ограничивалось отличие подхода Герье к истории от соловьевского подхода. Свое противопоставление русского прошлого французскому Соловьев давал в политическом разрезе, и в том же аспекте (преимущественно в разрезе истории политических учреждений и прежде всего государства) он изучал и историю России. Интерес Герье к истории революции также сосредоточен был главным образом на политической ее стороне. Но основное внимание он уделял при этом не столько уничтоженным и созданным революцией политическим учреждениям, сколько политическим идеям, руководившим деятелями кануна революции и революционного времени. Проблемы идейного развития Герье ставил при этом так, что к нему едва ли не в наибольшей степени из всех видных русских историков XIX в. относится сказанное В. И. Лениным об одном из двух главных недостатков прежних исторических теорий, устраненных открытием материалистического понимания истории. Ленин, как известно, подчеркивал, что теории эти «в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства...»¹⁷⁵. Этот «недостаток

¹⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

прежних исторических теорий» выражен был у Герье в его крайней форме в несомненной связи с тем, что у него он носил уже сознательный, полемически заостренный характер. Подход Герье к французской революции формировался на фоне общего развития его исторической концепции не только после открытия материалистического понимания истории великими творцами научного социализма, но уже и после того, как началось более или менее широкое проникновение идей марксизма в Россию и распространение на нашей родине отдельных произведений Маркса и Энгельса. Выступая против материализма в истории и демонстративно противопоставляя ему ярко, подчеркнуто выраженный исторический идеализм, Герье фактически вступал уже и тогда в борьбу против марксизма.

Косвенным подтверждением наличия у Герье этой тенденции, начиная с относительно раннего периода его профессорской деятельности, служит рассказанный Кареевым эпизод, относящийся, правда, к несколько более позднему времени. В 1878/79 г. Кареев впервые в России читал по инициативе и по приглашению Герье курс лекций по истории XIX в. в Московском университете. Герье выбрал для посещения ту из его лекций — и это знаменательно, — которая посвящена была «началу социализма». «Владимир Иванович остался лекцией недоволен, особенно, сколько помню, упоминанием о „научном социализме“, сменившем социализм утопический», — заключал Кареев свой рассказ об этих в высшей степени характерных для того времени фактах¹⁷⁶.

Одним из отличий Герье от Соловьева и был тот нарочитый интерес к истории идей, тот сугубо идеалистический подход к историческим явлениям, который приобретал в тогдашних русских условиях новый оттенок особого, свойственного Герье метода борьбы против наиболее передовых идей своего времени, против распространения материалистических тенденций в истории, против марксизма. Герье уже видел себя вынужденным делать это, а Соловьев в свое время — нет. И в этом заключалось глубокое различие между первым этапом в развитии русского либерализма, когда разрабатывалась концепция Соловьева, и следующим за ним этапом, когда приступил к занятиям французской революцией Герье. В связи с этим Герье унаследовал лишь в значительно ослабленном, гораздо более бледном виде тот полнокровный исторический реализм, который органически присущ был Соловьеву как ученому при всей односторонности его чисто политического уклона, при всей его классовой ограниченности. По мере того как прогрессировала реакционность

¹⁷⁶ Н. И. Кареев. Памяти двух историков. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 162.

Герье и расширялась пропасть между ним и передовыми силами русского и западноевропейского общества, отрывался от почвы его все более крайний, все более ретроградный исторический идеализм.

Приступив к конкретному изучению и систематическому преподаванию истории французской революции, Герье, при всем своем тяготении к немецкому национал-либерализму и к господствовавшей в Германии исторической школе, опирался первоначально из своих непосредственных иностранных предшественников не столько на Зибеля, сколько на Токвиля.

«Герье научил нас понимать и ценить „Старый порядок и революцию“ Токвиля. Он очень высоко ставил это замечательное произведение, влияние которого сказалось на первой печатной работе его о французской революции. Спокойный „токвилевский“ дух характеризует эту интересную статью»,— писал впоследствии Кареев, вспоминая свои семинарские занятия под руководством Герье в начале 70-х годов.¹⁷⁷ Этот «спокойный „токвилевский“ дух» представлял собой полную противоположность тону и манере Зибеля, восставшего против классического девиза «исторической объективности» своего учителя Ранке и провозгласившего с самого же начала своей научной и политической деятельности что историю надо изучать не беспристрастно — «sine ira et studio» («без гнева и страсти». — *Ред.*), а напротив, пристрастно — «cum ira et studio» («с гневом и страстью». — *Ред.*). Но даже Герье — и не только в начале, но и к концу своей деятельности, в 1911 г.,— вынужден был признавать, повторяя свои более ранние высказывания о Токвиле, что сквозь «строго научную» якобы почву у Токвиля «пробивается элегическое сожаление о погибшем строе, заключавшем в себе среди феодальных развалин зародыши свободных учреждений»¹⁷⁸. «Бессмертной заслугой Токвиля» Герье считал «приведение к ясному сознанию» «потребности изучать французскую революцию с исторической точки зрения», «объяснить это событие генетически». «Он (Токвиль. — *Ред.*) доказывал, что французская революция представляет собой не столько разрыв с историческим прошедшим Франции, сколько последовательное завершение и дальнейшее его развитие в данном искони направлении»,— со всей настойчивостью подчеркивал Герье. Здесь же он добавлял, что «это положение, которое в настоящее время можно принять трюизмом, имело в свое время значение великого научного открытия»¹⁷⁹. Таков исходный пункт увлечения

¹⁷⁷ Там же, 1922, № 1, стр. 159.

¹⁷⁸ В. И. Герье. Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911, стр. 8.

¹⁷⁹ Там же, стр. 7, 14.

Герье Токвилем. Данная Герье формулировка этого исходного пункта ясно показывает, что он выдвигал на первый план ту сторону подхода Токвиля к истории, которая заключалась в распространении идеи исторического развития в ее эволюционистском, консервативном понимании даже на революцию.

Первая печатная работа Герье по французской буржуазной революции XVIII в.— «Республика или монархия установится во Франции?», написанная еще в 1873 г., была опубликована им лишь в 1877 г.¹⁸⁰ Почти тридцатью годами позднее, в 1904 г., Герье перепечатал ее вновь под измененным заглавием «Историческая роль монархии во Франции» в сборнике своих вышедших в разное время статей «Идея народовластия и французская революция 1789 года».

В основе данной статьи Герье — еще чисто соловьевский подход к революции. Это — попытка уже более или менее конкретного ответа на затронутый Соловьевым в общей форме вопрос, как и почему в XVIII в. во Франции, в отличие от России, «слабое правительство не устояло — и произошли известные печальные,— с точки зрения Соловьева,— явления, которые,— как он подчеркивал,— до сих пор отзываются в стране». Рассматривая, вслед за Соловьевым, революцию как естественное, неизбежное следствие французского прошлого, всего предшествовавшего хода французской истории, Герье давал здесь краткий, в соответствующих тонах выдержанный очерк политического развития Франции, завершившегося революцией. Герье упрекал французскую монархию в том, что она оказалась бессильной выполнить свою историческую задачу и довести до конца начатое ею дело политического объединения страны, «остановилась в своей исторической жизни», как бы «устала» в своей борьбе с феодализмом в области государственной жизни и превратилась не в «просветительный деспотизм», а в «вялое послабление привилегированным»¹⁸¹.

Герье отмечал, что «старая Франция достигла в конце XVIII века того момента, когда под феодальным покровом незаметно созрел совершенно новый организм». Этот новый организм он сравнивал, используя классический образ Шиллера, «с колоколом, который уже совершенно отлит, но которого еще не видно из-за глиняной формы». Ночью 4 августа 1789 г. форма эта была разбита. Феодальный покров, отделявший новую Францию от старой, сорван был Национальным собранием. Объединение французского государства и французской нации

¹⁸⁰ В. И. Герье. Республика или монархия установится во Франции?— «Сборник государственных знаний», под ред. В. П. Безобразова, т. III. СПб., 1877.

¹⁸¹ Там же, стр. 166.

было тем самым завершено, но уже не во имя королевской власти, а во имя верховной власти народа, во имя народовластия, т. е. республиканского принципа. В этом смысле Герье видел в революции разрыв между принципом королевской власти и дальнейшим развитием государства, разрыв, который он в начальный период своих занятий революцией не считал нужным ни смягчать, ни обставлять оговорками, а скорее даже, наоборот, подчеркивал, как подчеркивал его Соловьев, противопоставляя Францию России. Разрыв этот был обусловлен, с точки зрения Герье, тем, что короли отказались руководить Францией на пути политического прогресса, на пути окончательного объединения страны. В результате принцип народовластия принял во Франции враждебный монархии оттенок, стал боевым оружием литературы и публицистики в борьбе с монархией, что и привело ее к крушению. Из своего исторического анализа Герье делал тот злободневный в начале 70-х годов политический вывод, что «ходом своей истории Франция предназначена быть республикой» и что «самый характер и судьба французской монархии в XIX веке свидетельствует о торжестве, которое удержала республиканская идея провозглашением принципа народовластия».

Такова схема подхода Герье к французской буржуазной революции конца XVIII столетия в первой из посвященных ей статей, оставшейся в принципиальном отношении лучшей его работой на эту тему. В зародыше здесь содержались уже основные элементы других, более поздних работ Герье по французской революции, выходявших на протяжении почти 40 лет. Но те же по существу элементы выступали у Герье в дальнейшем в иных сочетаниях и пропорциях, со все более реакционным акцентом, который придавал им автор по мере того, как обострялась классовая борьба в стране и усиливались в связи с этим откровенно ретроградные тенденции общего, политического и исторического мировоззрения Герье.

Характерный этап дальнейшей эволюции взглядов Герье на французскую революцию связан был с реакцией, последовавшей за революционной ситуацией 1879—1880 гг. К этому времени относится актовая речь, произнесенная Герье в 1884 г. в Московском университете и тогда же переработанная им в небольшую монографию «Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г.»¹⁸².

С реакционных позиций ярого защитника «монархического принципа», лишь слегка модернизированного в стиле немецких национал-либералов приданной ему «идеей нации», Герье

¹⁸² В 1904 г. работа эта также была включена автором в его сборник «Идея народовластия и французская революция 1789 года». В 1884 г. сокращенное ее изложение помещено было в «Историческом вестнике» А. С. Суворина, т. XV, февраль.

подходил здесь к революции. Этот принцип служил ему основным критерием при оценке революционных процессов, событий, деятелей, идей. Он диктовал ему ту, а не иную постановку главных, как казалось Герье, проблем истории революции. «Почему это так произошло», «почему идея нации получила у них (французов.— *Ред.*) такое одностороннее выражение в политической жизни», «почему идея нации и привела Францию к известным из истории результатам», т. е. к революции, к крушению монархии,— этот вопрос в различных его аспектах стал отныне для Герье «одним из серьезнейших политических вопросов, важных не только по своему значению, для отвлеченной науки, но и для политической жизни»¹⁸³.

Герье был того мнения, наложившего отпечаток еще на первую его статью о революции, что для французов это — «вопрос прошлого» и что «поучительная» его сторона не могла не казаться многим из них «уроком», который «является слишком поздно». И потому в политическом отношении вопрос этот представлял, с его точки зрения, интерес не столько для народа, к истории которого относится, сколько для других народов, которые могли оказаться в настоящем или будущем перед перспективой революции и падения монархии. А таким народом был прежде всего русский народ, чего Герье не говорил прямо, но к чему подводил читателя¹⁸⁴.

Ответа на вопрос, почему «идея нации» привела Францию к революции, Герье искал, жонглируя терминами «нация» и «народ», прежде всего «в том, каким образом общество понимало идею о народе»¹⁸⁵. Это и послужило основным сюжетом разросшейся в книгу актовой речи Герье. При сопоставлении данной работы Герье с первой его статьей о революции не может не броситься в глаза, что острее ее обращено в другую сторону. Центр тяжести первой статьи Герье лежал в политической области, как это характерно было для Соловьева и всей государственной исторической школы в период ее расцвета. Содержание статьи сводилось главным образом к демонстрации обнаружившегося к концу XVIII в. бессилия старой французской монархии произвести назревшие преобразования, что и обрекло ее на неизбежное падение. Основная же тема «Речи» относится уже не столько к политической истории, сколько к истории идей. Главная задача этой работы — осуждение вредных, в глазах Герье, идей, под знаменем которых совершилась революция. Характеристика же политического строя дореволюционной Франции, естественным следствием которого была революция, отодвинута

¹⁸³ В. И. Герье. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. М., 1884, стр. 4.

¹⁸⁴ Там же, стр. 4; ср. также стр. 139—143 (особенно стр. 141—142)

¹⁸⁵ Там же, стр. 4.

на второй план. В первом случае острее критики в целом еще направлено было преимущественно против «старого порядка». И в этой мере, в какой это было так, в критике этой оставалась, при всей ее непоследовательности и ярко выраженной антиреволюционности, известная доля прогрессивности, очень, впрочем, скромная. Во втором случае критика уже совершенно определенно обращена была своим острием непосредственно против передовых для своего времени идей французского «просвещения», а по существу — против революционных и демократических идей вообще и даже против ряда положений более, чем «умеренного», либерального конституционализма. Ретроградность такой критики в тогдашних русских условиях очевидна.

Данная здесь Герье резко отрицательная оценка идейного наследия Монтескье¹⁸⁶, одного из самых «умеренных» корифеев либерально-реформистской струи французского «просвещения» XVIII столетия,— наглядное доказательство того, что к 80-м годам Герье не только окончательно порвал с последними еще свойственными ему когда-то остатками русского «просветительства», но одновременно отрекался и от всех сколько-нибудь прогрессивных тенденций либерального конституционализма. Все, что еще оставалось у Герье от либерализма, верней — либеральной фразеологии, ограничивалось уже лишь чисто внешним, формальным признанием «свободы» в самом неопределенном, расплывчатом смысле слова,— «свободы», которая противопоставлялась им уже не феодализму со всеми его остатками, не абсолютизму и его русской разновидности,— самодержавию, а демократии и социализму.

С этих позиций Герье и расценивал то, что называл «политическим радикализмом», понимая под ним демократические и революционные идеи вообще. Герье вынужден был признать, что французский радикализм, вышедший, подобно либерализму, из «рационалистической философии», представлял собой «более последовательное применение рационализма к политической жизни», чему и обязан был своим успехом¹⁸⁷. Стремясь вместе с тем любой ценой скомпрометировать в лице радикализма демократические и революционные идеи, Герье заявлял, что он, радикализм,— «не что иное, как низкий полет политического мышления», что к нему ведет лишь «первое поверхностное знакомство с политической теорией при недостаточном умственном развитии». Он утверждал, что это вообще — «только переходная ступень развития, случайное состояние внутренней жизни, обусловленное степенью образования, но состояние, которое может упрочиться, если образование не идет дальше», а «при политической неразвитости целого общества... легко может принять

¹⁸⁶ Там же, стр. 5—13.

¹⁸⁷ Там же, стр. 13.

эпидемический характер». «С таким характером является он перед нами во французском обществе XVIII века», — заключал отсюда Герье, приоткрывая завесу над основной мыслью и главной политической тенденцией своего этюда ¹⁸⁸.

Герье считал, что «французский радикализм почерпал свою программу и свои формулы преимущественно из „Общественного договора“ Руссо» и сосредоточил поэтому основной огонь своей критики на нем как основоположнике демократической идеи, идеи народовластия ¹⁸⁹. Близкого массам, подхваченного ими общего демократического смысла учения Руссо, объективно революционного острия этого учения не мог простить его творцу скатившейся уже тогда в стан реакции Герье, как не могла простить этого Руссо, влиятельнейшему представителю революционно-демократической тенденции французского «просвещения» вся европейская аристократическая и буржуазная реакция последовавшего за французской революцией времени, несмотря на всю свойственную Руссо ограниченность, на всю его непоследовательность...

Таковы были, в глазах Герье, «главные политические теории, повлиявшие на представление французского общества о нации». Перед лицом этих отрицавших прошлое теорий тогдашняя историография оказалась, по утверждению Герье, «совершенно бессильной». Она не давала «зрелого и научного» понимания жизни и не «только не могла сберечь общество от ложных теорий, но сама подпала под их господство и сделалась орудием их распространения», — сетовал задним числом Герье ¹⁹⁰.

Герье солидаризировался с «одним из лучших, — по его признанию, — историков Франции и знатоков ее историографии» Тьерри, возлагавшим «долю ответственности» за несостоятельность своих предшественников, французских историков XVIII в., «на само правительство». «Особенно вредно повлияли в этом отношении неоднократные запрещения писать о тех вопросах, разъяснение которых было особенно необходимо для развития общества, — в назидание и поучение властям предержавшим заявлял Герье. — Запрещения этого рода не достигали своей ближайшей цели, не предохраняли общество от книг, исполненных фанатической ненависти против существующего строя... Но в то же время присвоение администрации полнотой монополии говорить и судить об интересах и нуждах общества лишало ее способности практически понимать эти интересы, а писателей — возможности вносить опыт жизни в объяснение прошедшего...».

¹⁸⁸ В. И. Герье. Понятия о власти и о народе..., стр. 13—14.

¹⁸⁹ Там же, стр. 14—18.

¹⁹⁰ Там же, стр. 20.

Сводя «занятия историческими и политическими наукам» к двум направлениям, Герье в каждом из них видел доказательство «бесплодности официальной опеки над наукой». Герье подчеркивал, что «полная зависимость научных учреждений и самих ученых от бюрократического благоустройства и случайного патроната» придавали этим занятиям «совершенно археологический, лишенный всякого практического интереса характер»¹⁹¹. Эта «узкая односторонность научных исследований в области истории» и «отсутствие политического смысла у ее представителей» порождали в свою очередь то, что «историография сделалась открытым попранием для самых смелых и, по-видимому, несбыточных политических теорий», — утверждал Герье, — «...для бредней и памфлетов», — по другому, еще более раздраженному его отзыву. Примером такой историографии Герье избрал «Наблюдения над историей Франции» Мабли¹⁹².

Во всем этом весьма показательном историографическом рассуждении нельзя не видеть скрытой полемики Герье против передовых исторических идей его времени, исполненных еще более гнучей, еще более «фанатической», чем во Франции XVIII в., ненависти к «существующему строю». И полемика эта направлена была, по-видимому, уже не только против глубоко проникших в русскую историческую мысль революционно-демократических тенденций, теоретический уровень которых у народников значительно снизился к этому времени по сравнению с великими русскими революционными демократами, но, отчасти, по крайней мере, уже и против марксизма. Во всем этом нельзя не видеть, с другой стороны, косвенного указания на то, как сам Герье понимал свои занятия французской революцией XVIII столетия. В России XIX в. это был один из тех вопросов исторического прошлого, о которых, подобно тому, как это было в дореволюционной Франции, также долгое время запрещено было правительством писать. Вместе с тем это был коренной вопрос, «разъяснение» которого в соответствии с видами и интересами господствующих классов было в глазах Герье «особенно необходимо» для развития современного ему русского общества в желательном для него — Герье — направлении. Начало этому и положил Герье, отдавая себе, таким образом, полный отчет в политическом значении того, что он делал, — как это совершенно очевидно из той весьма прозрачной аналогии между Францией XVIII и Россией XIX столетия, на которую Герье ясно и недвусмысленно намекал здесь.

В конкретной части работы Герье рассматривал со своей точки зрения данные избирательных наказов 1789 г., которые

¹⁹¹ Там же, стр. 21—23.

¹⁹² Там же, стр. 22—23, 24.

лишь начали вовлекаться тогда в научный оборот и еще не были подвергнуты до него специально источниковедческому анализу. В предпринятой им попытке подобного анализа — основной научный интерес этой работы, первого в историографии французской революции опыта источниковедческого исследования наказов и вместе с тем первого русского труда на эту тему, за которым последовал целый ряд других. Герье ставил здесь важные в источниковедческом отношении вопросы: насколько можно считать наказания подлинным выражением воли нации и основных составлявших ее сословий; кто писал эти наказания, кто формулировал в них, в частности, волю сельских избирателей; каковы были проявлявшиеся при этом «посторонние влияния» — сельских священников, нотариусов, стряпчих, адвокатов; каков был процесс выработки первичных наказов и их последующего обобщения и переработки. Герье претендовал на то, что дал научно-обоснованные, подкрепленные статистическими подсчетами ответы на поставленные им вопросы и нарисовал объективную картину политических настроений различных слоев французского народа накануне созыва Генеральных штатов. И хотя проявленная Герье инициатива в деле разработки наказов и отдельные его наблюдения представляли несомненный интерес, выводы его из конкретного анализа наказов были в целом столь же тенденциозны и реакционны, как и его общее введение к этому анализу.

Антидемократические и уже открыто реакционные к тому времени тенденции Герье нашли свое яркое выражение в основном его выводе, который сводился к утверждению о «политической незрелости» той среды, где вырабатывались наказания, того «более интеллигентного класса», представители которого составляли проекты этих наказов, о «неопределенности», «смутности», «туманности», «шаткости», «сбивчивости», «противоречивости» их политических идей, об их «легкомысленной игре принципами и фразами». «Политическая незрелость» французского общества к моменту начавшейся революции, к чему Герье стремился свести все, что было демократического и революционного в идеологии «просвещения», обуславливалась, согласно Герье, «давним и полным отчуждением» этого общества «от всякого практического дела, от всякой серьезной ответственности, от всякого служения общему интересу и благу», «рознью между привилегированными слоями и массой населения» и, наконец, социальной природой власти, — тем, что «французская монархия до конца старого порядка сохраняла феодальный характер...»¹⁹³.

С конца 60 — начала 70-х годов Герье занял ключевую позицию в развитии нашей академической историографии всеоб-

¹⁹³ В. И. Герье. Понятия о власти и о народе..., стр. 140—141.

щей и, в частности, новой истории. Это связано было с тем, что Герье был профессором старейшего и лучшего из тогдашних университетов России, непосредственным преемником по кафедре Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского. Он являлся своего рода идейным посредником и соединительным звеном между первыми нашими историками-либералами старшего поколения, специалистами в области русской истории во главе с С. М. Соловьевым, и всеобщими историками-либералами новой формации, молодого пореформенного поколения. Он выступал главным инициатором самостоятельного, конкретного изучения у нас истории французской революции и специальных занятий ею в высшей школе. Он действовал в качестве одного из пионеров относительно широкого и систематического внедрения в систему нашего университетского преподавания практических, семинарских методов работы со студентами.

Естественно, что в этих условиях у Герье было немало учеников из числа его слушателей и участников его семинарских занятий, особенно в первый период его профессорской деятельности, пока его не отодвинули на второй план преподаватели более молодого поколения русских всеобщих историков-либералов, носители новых тенденций развития либеральной историографии на исходе XIX — в начале XX вв.: И. В. Лучицкий — в Киеве, Н. И. Кареев — в Петербурге, П. Г. Виноградов, М. С. Корелин, Р. Ю. Виппер — в Москве. Кроме Лучицкого, который был лишь восьмью годами моложе Герье, все эти крупные русские либеральные историки были его ученикам.

При всех своих ярких индивидуальных, возрастных, идеологических и политических отличиях ученики Герье испытывали на себе в той или иной форме идейное и научное воздействие учителя. Это накладывало свой отпечаток на дальнейшую разработку ими русской либеральной историографии в условиях переходной к империализму и империалистической стадии развития России¹⁹⁴.

* * *

Наиболее характерен в этом отношении путь старшего из учеников Герье — Николая Ивановича Кареева (1850—1931), избравшего, вслед за учителем, своей основной научной специальностью французскую революцию XVIII столетия.

Кареев происходил из небогатой дворянской семьи. К гимназическим годам относится первое знакомство Кареева с произведениями Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова

¹⁹⁴ Н. И. Кареев. Памяти двух историков.— «Анналы», 1922. № 1. стр. 160—161.

и особенно Д. И. Писарева, ставшего в дальнейшем подлинным властителем его дум. В весьма еще неопределенном, но в общем радикальном настроении, с легким налетом «юношеского революционного романтизма» окончил Кареев в 1869 г. гимназию и поступил в университет. К этому времени он был уже постоянным читателем «Отечественных записок», которые оказали, по собственной оценке будущего историка-либерала, большое влияние на его общественное мировоззрение.

Элементы демократического подхода к современности, социологии и истории, которые были не чужды Карееву в юности, оказались в дальнейшем подчиненными общей системе его антиреволюционных и антидемократических в целом взглядов либерала. Тем не менее, именно им обязан этот видный русский буржуазный историк конца XIX — начала XX в. всем тем наиболее ценным, что было в его работах.

Это относится прежде всего и главным образом к самой ранней и лучшей из книг Кареева — к его магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879 г.). Значение книги Кареева в истории русской общественной мысли и русской исторической науки определяется прежде всего тем, что это была первая в России большая оригинальная работа по Великой французской революции и вместе с тем труд, закладывавший конкретно-исторический фундамент научного изучения еще очень слабо освещенного тогда крестьянского вопроса в этой революции.

Сам Кареев указывал впоследствии на то, что «крестьянский вопрос в семидесятых годах в сознании русского общества был центральным социальным вопросом» и что «этим обстоятельством» и был обусловлен выбор им его темы¹⁹⁵. Исходным пунктом занятий Кареева французским крестьянством в период революции послужил его семинарский доклад об известном «Путешествии во Францию» Артура Юнга, написанный под руководством Герье. Влияние Герье наложило свой отпечаток даже и на магистерскую диссертацию Кареева, законченную в тот период, когда расхождения с бывшим его учителем оказались особенно велики и когда, по выражению Кареева, между ними «пробежала самая большая черная кошка»¹⁹⁶. Это сказалось в том, что постановка Кареевым проблемы крестьянства во французской революции, проблемы, подсказанной ему демократическими и революционными тенденциями русской жизни, осталась все же в конечном счете в русле русской либеральной традиции общего подхода к этой революции, той антидемократической и антире-

¹⁹⁵ Н. И. Кареев. Памяти двух историков.— «Анналы», 1922, № 1, стр. 167.

¹⁹⁶ Там же. стр. 163.

волюционной в основе своей традиции, к конкретной разработке которой приступил в России Герье. Нашедшая здесь свое выражение двойственность и противоречивость книги Кареева вытекала из двойственности и противоречивости его исходной политической и научной эволюции и занятой им уже к концу 70-х годов позиции типичного либерала, но либерала новой формации, существенно отличавшегося от либералов старшего поколения, к которым примыкал и Герье.

К 1877—1878 гг., когда Кареев работал в Париже над книгой, у него уже не осталось, по его признанию, ни того, что он называл впоследствии «догматической верой в революцию», «ни боевого настроения, а то, что было романтически-революционного в раннем мечтательстве, уступило место политическому скептицизму». Пишу для такого «скептицизма», который В. И. Ленин квалифицировал как форму «перехода от демократии к либерализму»¹⁹⁷, Кареев нашел, по его утверждению, «и в нечаевском процессе, и в том, что в наших газетах писалось о Парижской Коммуне, и в более близком знакомстве с якобинизмом». Нельзя не отметить, что показание это относится к тому времени, когда Кареев регулярно общался в Париже с П. Л. Лавровым, которым очень интересовался, но лишь как автором многих нравившихся ему работ, начиная с «Исторических писем». В Лаврове Кареев видел прежде всего человека «созданного для мирной ученой работы и для преподаательства», принужденного «идти по той дороге, на которую вступил, только после того, как у него была отнята возможность чисто легальной работы», и рекомендовавшего ему, Карееву, «ради сохранения себя для науки быть мудрым, как змий»¹⁹⁸.

Ко времени окончания своей диссертации Кареев сошелся в «ученом мире» тесней всего с тогдашней академической молодежью, центром которой сделался в конце 70-х годов его сверстник М. М. Ковалевский, также еще лишь начинавший тогда научную и политическую деятельность. «Мои новые знакомые, составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты, что соответствовало моему новому научному интересу к социальной истории, развившемуся на тему о французском крестьянстве,— сообщает в своих неопубликованных воспоминаниях Кареев.— Политическое их направление, более либеральное, чем у старой профессуры,— конституционализм, дополненный социальным реформаторством,— более соответствовало и моему общественному настроению и моим политическим идеям, не бывшим, впрочем, особенно отчетливыми»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

¹⁹⁸ Неопубликованные воспоминания Кареева. (Рукописный отдел Библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина).

¹⁹⁹ Там же.

Этот «конституционализм» молодых либералов конца 70-х годов, «дополненный социальным реформаторством», представлял собой новую фазу в развитии русского либерализма, старшие представители которого, либералы типа К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. И. Герье, были фактически сторонниками ранней либеральной утопии «просвещенного абсолютизма», весьма сдержанно относились к «представительным учреждениям» и открыто выступали против того, что изображали «безумными проявлениями социализма». «Конституционализм» нового поколения русских либералов пришел на смену разбитым жизнью политическим иллюзиям их наиболее видных и влиятельных предшественников. Он являлся такой же либеральной утопией «детей», как и «просвещенный абсолютизм» «отцов», и служил косвенным, но неоспоримым свидетельством дальнейшего роста и усиления демократического и революционного движения в России, толкавшего в 70-х годах либеральную молодежь влево. О том же свидетельствовало и «социальное реформаторство» молодых русских либералов 70-х годов, которому свойственно было первоначально известное своеобразие по сравнению с современным ему западноевропейским «катедер-социализмом». В отличие от западноевропейских стран, Россия не прошла еще тогда через буржуазную революцию, не устранила еще со своего пути тормозивших ее развитие пережитков крепостничества, далеко еще не разрешила стоявших перед ней задач буржуазного преобразования. Соответственно этому русский либерализм в целом и в частности его левое крыло, выступавшее под флагом «социального реформаторства», не докатились еще при всей своей ярко выраженной с 60-х годов антиреволюционности до прямой контрреволюционности наиболее влиятельного течения тогдашнего зарубежного либерализма,— либерализма заканчивавшейся на Западе в 70-х годах эпохи буржуазных революций. В этих условиях «социальное реформаторство» молодых русских либералов носило еще частично прогрессивный, антикрепостнический характер.

С теми особенностями русских либералов 70-х годов, которыми они отличались до поры до времени от большинства современных им западноевропейских либералов, связано было и их отношение к Марксу и марксизму, которое заметно отличалось первоначально от открыто враждебного отношения к основоположникам научного коммунизма тогдашних представителей западноевропейского либерализма, завершавшего уже в основном цикл своего реакционного перерождения. С особенностями этими связаны были и те оценки, которые давали К. Маркс и Ф. Энгельс отдельным работам и выступлениям интересующей нас здесь и тогда еще относительно прогрессивной части русских либералов. С этим связан и тот относящийся

ственно к диссертации Кареева факт, что наряду со ссылкой без упоминания автора на «Очерки из политической экономии (по Миллю)» Н. Г. Чернышевского, имя которого запрещено было называть в печати, и на его статью по поводу книги Муравьева «Тюрго. Его ученая и административная деятельность»²⁰⁰, Кареев поместил в предпосланном тексту «библиографическом указателе» русский перевод «Капитала» Карла Маркса и неоднократно на него ссылался²⁰¹. «Сочинение г. Кареева превосходно (excellent)», — писал в своем отзыве на его книгу К. Маркс²⁰². «... Лучшая работа о крестьянах — Кареева — написана по-русски», — констатировал десятью годами позднее и Энгельс в своем известном письме Каутскому от 20 февраля 1889 г.²⁰³

Значительно более конкретная, чем у либералов старшего поколения, критика Кареевым социальных основ феодализма, вытекавшая из особенностей русского «социального реформаторства», из еще преобладавших в нем первоначально, в 70-х годах, антикрепостнических, прогрессивных черт, привела к тому, что в диссертации своего бывшего ученика Герье «усмотрел несимпатичный ему дух»²⁰⁴.

Защита диссертации Кареева — первой в России диссертации, посвященной революции и рассматривавшей эту революцию в ее самом остром в русских условиях аспекте — в аспекте крестьянского вопроса, состоялась весной 1879 г., в разгар нового демократического натиска. Общая политическая атмосфера страны, вступавшей в свою вторую революционную ситуацию, и ее слабый, но симптоматичный отголосок — напряженная обстановка диспута по диссертации — привели к резкому ухудшению отношений между Герье и Кареевым, фактически к разрыву, оказавшемуся, впрочем, недолговечным. Уже ко времени защиты Кареевым в 1884 г. докторской диссертации отношения его с Герье были восстановлены. И отнюдь, конечно, не случайно. Как только демократический подъем сменился открытой реакцией, быстро и резко возросшая либеральная ограниченность Кареева, присущая ему и раньше антиреволюционность, сближавшая его с Герье, решительно возобладали над разделявшими их демократическими элементами эклектического с самого же начала политического и научного мировоззрения Кареева.

Эклектическим мировоззрением Кареева, нашедшим свое

²⁰⁰ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879, стр. 5 и примеч. 21 к стр. 297.

²⁰¹ Там же, стр. XV, примеч. 13 к стр. 162, примеч. 21 в стр. 103, примеч. 30 к стр. 166, примеч. 3 к стр. 232.

²⁰² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 232.

²⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 407.

²⁰⁴ Н. И. Кареев. Памяти двух историков.— «Анналы», 1922, № 1, стр. 163.

выражение уже в его магистерской диссертации, объясняются ее, с одной стороны, сильные, а с другой — слабые стороны.

Сильной стороной книги Кареева было прежде всего то, что она была направлена фактически против такого столпа французской либеральной историографии второй половины XIX в., как Токвиль, и его реакционного подхода к крестьянскому вопросу в период революции.

В соответствии со своим общим стремлением снизить, елико возможно, значение революции в истории Франции Токвиль выступил еще в 1836 г. в одном из либеральных английских журналов с априорным и явно тенденциозным тезисом, будто уже до революции французские крестьяне были в своей массе земельными собственниками²⁰⁵. Тот же тезис Токвиль повторил двадцатью годами позднее и в своем главном труде «Старый порядок и революция», предназначенном уже для французской публики. Положив его вторично в основу развенчания революции, он и на этот раз довольствовался догматическим по сути дела провозглашением своей тенденциозной точки зрения. В 1836 г. Токвиль предпочитал еще развивать подобные мысли не во Франции, а за ее пределами. К 1856 г. положение изменилось настолько, что аристократический в основе своей подход Токвиля к революции вообще и ее основному вопросу — крестьянскому — пришелся уже как нельзя более по вкусу пережившей 1848 год французской контрреволюционной либеральной буржуазии. Без конкретной его разработки, в более упрощенной и сильно вульгаризованной форме тезис Токвиля о мелкой крестьянской поземельной собственности как типичном явлении дореволюционной французской деревни, о крестьянине, который уже якобы при «старом порядке» «совершенно освободился от управления своего господина»²⁰⁶, принят был на вооружение не только дворянской, но и буржуазной историографией. Тезис этот, с помощью которого Токвиль искусно затушевывал, а его менее искусные последователи грубо замазывали лежавшие в основе революции глубокие классовые противоречия между феодально зависимыми крестьянами и их феодальными сеньорами, стал во второй половине XIX в. одной из господствующих догм сначала французской, а затем и западноевропейской буржуазной историографии нового времени вообще.

Против этой распространившейся во Франции после 1848 г. догмы, наиболее видным пропагандистом которой был Токвиль,

²⁰⁵ «London and Westminster Review». На французском языке незаконченная статья эта под названием «Etat social et politique de la France avant et après 1789» была впервые опубликована в посмертном собрании сочинений Токвиля (Tocqueville. Oeuvres complètes, t. VIII, 1865).

²⁰⁶ Токвиль. Старый порядок и революция. Перевод под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1896, стр. 46.

на пороге второй революционной ситуации и выступил в России Кареев. Характерно, что это произошло через 20 лет после того, как в России же на начальном этапе первой революционной ситуации Чернышевский уже вскрыл реакционную, апологетическую суть подобного рода догмы на очень резко выраженном и потому особенно убедительном примере Дареста²⁰⁷.

«Я предпринял эту работу особенно ввиду утверждения некоторых писателей, будто бы феодальный порядок перед 1789 находился в упадке, будто бы установленные им повинности были более номинальные, чем действительно, будто бы, наконец, уничтожение феодального режима могло совершиться само собою, так сказать, незаметно,— писал Кареев, заключая свое рассмотрение феодальных отношений в XVIII в.— Это положительно неверно... В те годы, о которых идет главным образом речь в моем исследовании, я не заметил признаков, предвещавших скорое исчезновение феодальных отношений. Напротив даже: и в 70-х и в 80-х годах прошлого столетия, как и в предшествующие десятилетия, сеньоры не только не выпускали из рук старых феодальных прав, но еще устанавливали новые»²⁰⁸. Этот основной вывод первой главы монографии Кареева, главы о «Сеньорах и крестьянах», а фактически — и всей книги, прямо и резко противостоит исходному положению Токвиля, гласившему: «Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собою»²⁰⁹.

В основе рассмотрения Кареевым аграрных отношений Франции в том их виде, как они сложились в XVIII в., лежала верная и глубокая мысль, что складывались они в ожесточенной борьбе крепостного крестьянства средних веков против своих феодальных сеньоров и что без понимания основных моментов этой борьбы «невозможно понимание сущности отношений французского крестьянства в XVIII в. к потомкам тех, которые были некогда его полными господами»²¹⁰.

Историки французского крестьянства Кареев обвинял в том, что, рассматривая процесс освобождения крепостных, они в основном ограничивались лишь юридической историей, главный вопрос которой — «как освобождалась и получала гражданские права личность, находившаяся прежде в крепостной зависимости». Вся суть дела заключалась для них «в постепенном

²⁰⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 664—666.

²⁰⁸ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 85.

²⁰⁹ Токвиль. Старый порядок и революция, стр. 37.

²¹⁰ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 14; ср. также стр. 94—97.

переходе от бесправности к правоспособности», в чем Кареев видел результат их «юридического направления», не вдаваясь в более глубокое объяснение подобной, отнюдь, конечно, не случайной односторонности. Другой стороной того же процесса, главным для нее вопросом — «что случилось с землей освобожденного человека» — историки, «к сожалению», по справедливому упреку Кареева, почти совсем пренебрегли, и для аграрно-экономической истории Франции труды их были в его глазах «совершенно недостаточны»²¹¹. «Историки, которые изображали состояние французских крестьян перед падением старого порядка, обыкновенно обращали все свое внимание на два явления: крестьянин в XVIII веке уже не серв, а свободный человек,— это светлая сторона картины; крестьянин задавлен тяжестью государственных и иных повинностей,— это мрачная сторона»,— констатировал Кареев в заключении к своей книге, говоря уже не об историках французского крестьянства вообще, а об историках французского крестьянства XVIII в. и имея в виду прежде всего и главным образом все того же Токвиля и его единомышленников и последователей²¹².

Токвилевской точке зрения Кареев противопоставлял свою. Кареев подчеркивал, что если крестьяне в своей массе и были «свободны от юридической власти сеньоров» (т. е. крепостного права), то между ними и сеньорами «продолжали существовать разнообразные отношения экономические по земле, которой владели или пользовались крестьяне». Кареев указывал далее, что «кроме государства, долго смотревшего на народ только как на податную массу, крестьянам приходилось иметь дело еще с разными общественными классами, на которые делилась тогдашняя Франция». «Главной своей задачей я и поставил рассмотрение этих аграрных и социальных отношений, определяющих положение крестьян как земледельческого сословия. Такова моя точка зрения»,— заявлял Кареев. С этой точки зрения Кареев и рассматривал историю крестьянского вопроса накануне и в период революции, видя «всю суть» его «в отношениях аграрно-социальных» и делая отсюда тот вывод, что «как постановка его, так и способ решения обуславливались, с одной стороны, принципами, лежавшими в основе тогдашнего поземельного устройства, а с другой,— потребностями, интересами и стремлениями отдельных общественных классов»²¹³.

Основным «принципом» старого поземельного устройства до-революционной Франции Кареев считал «несвободу земли,

²¹¹ Н. И. Кареев Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 15.

²¹² Там же, стр. 479—480.

²¹³ Там же, стр. 480.

выраженную в юридическом правиле *nulle terre sans seigneur*» (нет земли без сеньора.— *Ред.*)²¹⁴. Сущность истории французского крестьянства заключалась, по Карееву, в том, что рядом с уничтожением крепостничества и ослаблением государственной власти сеньоров происходило «закрепление сеньориальных прав на землю»²¹⁵. И если, с одной стороны, «крепостничество» в форме «серважа» стало уже в глазах Кареева большим или меньшим «анахронизмом, исключением из общего правила»²¹⁶, то, с другой стороны, «исключением» была, по его мнению, и свободная или так называемая «аллодиальная» собственность. «Общим правилом было существование несвободной собственности, а в некоторых областях аллод не признавался даже тогда, когда бы владелец его имел документы, доказывающие аллодиальность его земли». В этом смысле в положении «нет земли без сеньора» и «видели как бы общее право Франции»²¹⁷.

Господствовавшую в дореволюционной Франции феодальную форму крестьянского землепользования Кареев называл «собственностью», хотя и «несвободной» и «неполной». Но в целом он учитывал отличный от буржуазной собственности, специфически феодальный характер земельной собственности изучавшегося им времени в значительно большей степени, чем Токвиль и пошедшая по его стопам подавляющая часть буржуазных историков. В понимании «несвободной» или «неполной собственности» французского крестьянина XVIII в. Кареев ближе других буржуазных ученых своего времени подходил к тому, что составляет, по гениальному указанию К. Маркса, «самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»²¹⁸. Подчеркивая зависимый характер подобной «собственности» и ее обремененность повинностями, Кареев фактически доказывал, что реально собственностью была не она, а тяготевшая над владением крестьянина, над его наделом сеньориально-феодальная собственность, представлявшая собой ту, говоря словами Маркса, специфическую экономическую форму, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывался из непосредственных производителей в феодально-абсолютистской Франции.

В противовес крайнему юридическому формализму большинства буржуазных историков крестьянства Кареев уделял основное внимание не правовому ярлыку, а действительному экономическому содержанию взаимоотношений между крестьянством и помещиками. При этом он делал упор на том, что «в сущности

²¹⁴ Там же, стр. 180.

²¹⁵ Там же, стр. 26.

²¹⁶ Там же, стр. 17.

²¹⁷ Там же, стр. 30—31.

²¹⁸ К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 804.

не только цензива и вечная аренда представляли одно и то же», но «обе не отличались еще по существу» от тех «рабских видов землевладения», под которыми Кареев подразумевал в данном случае «остатки серважа». «Сущность дела одна,— повторял Кареев,— потому что наследственный владелец земли обязан платить ренту сеньору и более или менее ограничен в своем праве собственности»²¹⁹. Соответственно этому Кареев и изображал феодально-крепостнические узы, опутывавшие французскую деревню XVIII в.

Этим дело, однако, не ограничивалось, ибо, помимо феодальной эксплуатации со стороны сеньора, французский крестьянин подвергался в XVIII в. эксплуатации и со стороны буржуазии города и деревни. Кареев был по существу первым историком, показавшим конкретные формы двойного гнета, тяготевшего над широкими массами сельского населения Франции. Этому посвящена вторая глава книги Кареева «Буржуазия и крестьянство». Основное ее достоинство — опровержение легенды, будто «третье сословие» представляло собой «однородную массу, имевшую один интерес, не знавшую среди себя радикального разделения». Кареев доказывал — вопреки одной из основных догм французской либеральной историографии, — что «третье сословие» «не было однородной массой во все время существования этого термина, оно не было ею в сознании большинства французов XVIII века, оно и не могло быть ею благодаря кореным разделениям в нем самом»²²⁰. Эту плодотворную мысль особо отмечал Ф. Энгельс в назидание Каутскому в отзыве на книгу Кареева²²¹.

Первое различие в рядах «третьего сословия» обуславливалось, по Карееву, «более привилегированным положением города сравнительно с деревней, вследствие чего между горожанами и поселянами существовало глубокое неравенство». Второе различие Кареев видел в том, что «и в городе, и в деревне существовал своего рода привилегированный класс — буржуазия», «главная сила» которой «была в капитале». Не пользуясь всеми привилегиями духовенства и дворянства, буржуазия владела тем не менее «значительной,— по его мнению,— частью земельной собственности, приходившейся на долю третьего сословия, имела чрез покупку в своих руках многие феодальные права и достигала иногда разных изъятий от налогов»²²². Кареев оста-

²¹⁹ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 35.

²²⁰ Там же, стр. 91, 92; ср. стр. 94, 185, 327 и сл.

²²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 409—410; ср. там же, стр. 80 (Маркс — Энгельсу, 27.VII 1854 г.).

²²² Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 185.

навливался, в частности, на широко распространенной в дореволюционной Франции системе взятия на откуп феодальных прав буржуазией. Это, с редкой для либерального историка смелостью мысли подчеркивал он, «конечно, связывало буржуа с сеньором и делало интересы их солидарными»²²³. Характеризуя в другой связи таких откупщиков феодальных прав из рядов буржуазии, Кареев добавлял, что появление их «было настоящим бичом для деревень» и что «их справедливо сравнивали с хищными зверями»²²⁴.

Не меньшее значение имел для своего времени вывод Кареева, что «встречаемое у всех почти историков представление о французском крестьянстве как об однородной массе ошибочно». На самом деле, согласно Карееву, уже до революции «крестьянское население не представляло однородной массы» и делилось, по крайней мере, на два, «хотя и не резко разграниченные между собой», класса, «интересы которых по многим вопросам могли расходиться»²²⁵. Это были, с одной стороны, «крестьяне-собственники и крестьяне, имевшие только усадьбную оседлость, самостоятельные хозяева на своих или снятых землях» (так называемые *laboueurs* — «пахари»), а с другой стороны, «батраки, жившие поденной работой или нанимавшиеся в услужение» (так называемые *tapouvriers*)²²⁶. В результате «все более и более резко разделения крестьян на два класса» один из них «становился рядом с сельской буржуазией, другой сливался с нищими»²²⁷.

В этой связи Кареев рассматривал проблему — «все ли крестьяне имели земельную собственность», хотя бы в том смысле слова, в каком он считал возможным говорить о «неполной» и «несвободной собственности» применительно к дореволюционному периоду. Вступая уже в прямую полемику с Токвилем, он настаивал на необходимости «сильно ограничить» господствовавшее со времен Токвиля «убеждение» в широком распространении уже при «старом порядке» мелкой поземельной «собственности». «Убеждение» это Кареев расценивал как «результат если не путаницы понятий, то некоторого недоразумения»²²⁸. Общий вывод Кареева шел вразрез с утверждением Токвиля, будто освобождение крестьян от крепостной зависимости сопровождалось приобретением собственности.

Кареев сознательно противопоставлял Токвилю свой подход к вопросу, явно подсказанный ему пореформенным развитием

²²³ Там же, стр. 102.

²²⁴ Там же, стр. 122.

²²⁵ Там же, стр. 105, 481.

²²⁶ Там же, стр. 104, 186.

²²⁷ Там же, стр. 143.

²²⁸ Там же, стр. 105—109.

русской деревни и, несомненно, Марксом. Точка зрения Кареева сводилась к тому, что «освобождение серва было прекращением не только господской власти над ним, но и прежних его самого отношений к земле». А потому «освобождение из уз крепостничества стало сопровождаться откреплением крестьян от земли и закреплением ее за немногими». И соответственно там, «где раньше и быстрее произошло исчезновение крепостных отношений, там быстрее и полнее совершилась экспроприация массы». Такова была история крестьянства в Англии. В том же направлении, хотя и медленней, развивалась, по мнению Кареева, и Франция. И здесь в местностях с неизжитыми остатками крепостного права сохранились и «более тесные отношения между землей и пахарем» и «не утратило своего значения понятие о наделе». Напротив, в так называемых «странах свободы» («les franchises»), «а из них-то главным образом и состояла Франция перед 1789 г., связь пахаря с землей и понятие о наделе уже потеряли прежнюю силу». Во Франции «процесс обезземеления продолжался и в XVIII веке до самой революции», и революции «пришлось, с одной стороны, освободить последних сервов, а с другой, положить конец обезземелению массы». «Если бы,— говорили вскоре после 1789 г.,— революция замедлила полувеком, вся поземельная собственность сосредоточилась бы в немногих руках»,— такой представлялась Карееву общая тенденция аграрного развития Франции до 1789 г., отразившаяся в этом, данном современниками определении. «Таким образом,— обобщал все это Кареев,— история, которая с формально-юридической точки зрения является прогрессом свободы и приобретения крестьянами собственности, с точки зрения социально-экономической получает несколько иной смысл»²²⁹

Подобное понимание Кареевым аграрного развития Франции дореволюционной эпохи и занятая им полемическая позиция по отношению к французской буржуазной историографии второй половины XIX в. очень знаменательны. В условиях России конца 70-х годов с ее тормозившими развитие страны остатками и пережитками крепостничества и лишь начавшими выступать в обнаженном виде противоречиями между пролетариатом и буржуазией либеральные историки нового типа, типа Кареева, были еще в состоянии значительно шире и глубже своих западноевропейских коллег освещать процесс «так называемого первоначального накопления», классический анализ которого был уже к тому времени дан К. Марксом.

«Исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их осво-

²²⁹ Н. И. Кареев Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 114—117.

бождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков», — писал К. Маркс в знаменитой 24-й главе I тома «Капитала». С неотразимой силой и убедительностью Маркс показал здесь, что еще гораздо важнее другая сторона этого процесса, которую обходили буржуазные историки, — тот факт, что «освобождаемые лишь тогда становились продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»²³⁰.

В отличие от западноевропейских буржуазных историков, которых имел в виду К. Маркс, Кареев, изучая французское крестьянство XVIII в., не ограничивался одной лишь казовой стороной мучительного для масс процесса первоначального накопления, процесса перехода от феодальных, крепостнических производственных отношений к производственным отношениям буржуазным, капиталистическим, перехода, получившего свое завершение в революции. Кареев, по-видимому, тщательно изучавший соответствующие разделы первого тома «Капитала», уделял основное внимание экспроприации непосредственных производителей в тех ее своеобразных формах, в каких она протекала во Франции второй половины XVIII в. В основе такого подхода к этой проблеме у Кареева лежали, с одной стороны, сильные антикрепостнические настроения, еще не вполне изжитые им тогда элементы «просветительства» раннего этапа его развития, еще не окончательно порванная им связь с демократической исторической традицией русского народа. В этом слышались, с другой стороны, и те мимолетные, неустойчивые и непоследовательные антибуржуазные нотки, которые свойственны были в той или иной мере большинству либеральных историков из дворянской, помещицкой среды.

Кареев подчеркивал, что обезземеление крестьянства, экспроприация массы совершалась как во имя «старого принципа — несвободы земли, выраженной в юридическом правиле *nulle terre sans seigneur*», так и во имя «нового принципа» — «неравномерности ее распределения между трудящейся массой», неравномерности, «возведенной в экономический догмат». Представителей первого принципа, носителей консервативных начал аграрного устройства Кареев видел не только в короне, церкви и дворянстве, но и в той части буржуазии, которая стремилась «занять место сеньоров посредством покупки их земель или стать между ними и крестьянами, снимая огулом земли первых, чтобы переуступить их по частям последним». В том значении, какое Кареев придавал этому, вопреки прочно установившейся

²³⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720.

во французской историографии либерально-буржуазной традиции, заключалась одна из важных черт его научного новаторства. Представительницей второго принципа Кареев считал нарождавшуюся сельскую буржуазию, стремившуюся поставить на место мелкого хозяйства крестьян «более крупную фермерскую обработку земли посредством наемных рабочих»²³¹.

«Те же два класса, феодальный и буржуазный, идут рука об руку в деле устранения тех ресурсов, которые доставляли массе общинные земли и общинные сервитуты», — писал Кареев, набрасывая картину «полного почти разложения общинного быта» во французской деревне конца XVIII в.²³² Разложение это Кареев объяснял не только расхищением («сполиацией») общинных угодий сеньорами, но и тем, что «интересы сельского рабочего населения, которые во времена крепостного состояния были приблизительно одни и те же у всех, теперь начинают разделяться», что «собственники и фермеры тянут в одну сторону, батраки и половники — в другую». «Иногда дело доходило до открытой вражды, до жестокой войны между частью граждан неимущих против тех, у которых кое-что есть», — отмечал Кареев, ссылаясь уже на документы революционного времени²³³.

Все это, вместе взятое, и, в частности, отличавшийся своим трезвым реализмом, чуждый специфически народнических предрассудков и утопизма подход Кареева к общине, дает основание отнести его на рассматриваемом нами здесь этапе развития к представителям того буржуазного либерализма, более или менее последовательного и чистого от народничества, который еще представлял собой, по указанию В. И. Ленина, не раритет, а очень широкую струю 60-х и 70-х годов²³⁴.

Характеризуя положение французского крестьянства в XVIII в. в целом (этому посвящена четвертая глава книги Кареева «Состояние крестьян перед революцией»), автор утвер-

²³¹ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 480—481. Термин «кулаки» встречается в книге Кареева лишь раз — применительно к деревенским скупщикам хлеба, «составлявшим несчастье народа» и бывшим «предметом ненависти во время беспорядков из-за дороговизны хлеба» (стр. 202—203).

²³² Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 147, 481.

²³³ Там же, стр. 73, 124—125, 130—131.

²³⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 9. По словам самого же Кареева, Лучицкий «под влиянием своего особого интереса к общинному землевладению» (навеянного, несомненно, народничеством) упрекал впоследствии его, Кареева (совершенно, впрочем, незаслуженно), в том, будто он «недостаточно внимательно отнесся к общинным порядкам во французской деревне XVIII века» (Н. И. Кареев. Памяти двух историков. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 167). Следует, впрочем, оговориться, что в других случаях у Кареева встречаются народнические по сути дела высказывания о судьбах общины.

ждал, что крестьянам «на правах собственности, и то несвободной», принадлежала только незначительная часть территории. Поэтому «большинству крестьян приходится работать на чужой земле в качестве половников, фермеров, поденщиков, на земле, уже обремененной разными рентами, при условиях, столь невыгодных, что многие крестьяне уходят в города, переполненные и без того нищими, а земли, прежде пахавшиеся, приходят в запустение»,— констатировал Кареев ²³⁵.

«Типическим отношением французского крестьянства к почве было половничество»,— со всей категоричностью подчеркивал Кареев, выделяя это курсивом и объясняя преобладание половничества над фермерством «недостатком в капиталах, прилагавшихся к земледелию, краткосрочностью законной аренды, необеспеченностью улучшений, фискальным гнетом, феодальными поборами и пр. и пр.» ²³⁶. На примере половничества, состояние которого оценивалось им как «плачевное», Кареев наглядно демонстрировал тяжесть двойного (и даже тройного!) гнета, лежавшего на плечах крестьянина. «Под словом половничество мы разумеем отношение, при котором продукт делится пополам между собственником земли и арендатором,— читаем мы у Кареева.— Во Франции такое половничество представляло из себя только исключение, так как в большинстве случаев земля имела, по крайней мере, двух собственников. Продукт... делился между землевладельцем и половником только после вычета из него лежащих на земле рент». Налоги платил опять-таки половник из своей части, хотя это и не было общим правилом. Наконец, «целая половина» этой категории земледельческого населения «была в долгу у своих хозяев, ибо занимала хлеб до новой жатвы» ²³⁷.

Не лучше были, по мнению Кареева, и условия, при которых приходилось обрабатывать землю крестьянину-«собственнику», как при всех своих оговорках называл цензитария Кареев. Гнет налогов, ложившихся в особенности на «ротюрную» (непривилегированную) «собственность», и разные феодальные повинности ставили такого «поселянина-собственника в положение половника по количеству продукта, выпадавшего на его долю» ²³⁸.

²³⁵ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 482; ср. стр. 188—189.

²³⁶ Этот вывод Кареева полностью совпадал с наблюдениями Чернышевского, что «в тогдашней Франции... почти все пространство земли обрабатывалось по системе половничества, изредка по системе фермерства» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 298; см. там же, стр. 295. Ср. также т. IV, стр. 426).

²³⁷ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 190—192.

²³⁸ Там же, стр. 192—193.

С точки зрения Кареева, и «мелкое фермерство также не могло представить исключения из общего правила» и «ничем почти не отличалось от других видов пользования землей»²³⁹.

Сводя свои наблюдения воедино, Кареев приходил к заключению, что «земледельцу при всех этих налогах и поборах оставалось из получаемого им продукта очень мало». «Ему нужно произвести столько хлеба,— пояснял это Кареев,— чтобы его хватило на уплату ренты за землю, увеличенной тем, что между ним и землевладельцем стоит крупный арендатор, или тем, что сам землевладелец платит какую-нибудь феодальную повинность, или же тем и другим вместе; не говоря о десятине, отдаваемой духовенству, ему нужно еще уплатить всю массу государственных налогов...»²⁴⁰. При подобных условиях «понятно, в какой бедности находилось большинство крестьян». Наряду с «великим множеством крестьян», уже вынужденных жить поденным трудом, система налогов, феодальных прав, условий аренды приводила к тому, что и на долю мелкого «собственника», фермера, половника едва ли выпадало, по примерному подсчету Кареева, «что-нибудь больше обыкновенной рабочей платы». Доходы семьи бывали часто гораздо меньше того, что должны были стоить одежда и пища. «И в таком положении находилось большинство нации»,— элегической нотой заканчивал Кареев свое рассмотрение известий о «крайней бедности крестьян»²⁴¹. Результатом был «страшный упадок земледелия» и «частое повторение голодных годов», что в свою очередь являлось, справедливо настаивал Кареев, «следствием именно плохого состояния земледелия, а никак не чего-либо другого»²⁴². Кареев подчеркивал, что все это приводило к «вырождению народа», засвидетельствованному данными того времени о «слабости, худобе и малорослости крестьян», о том, что «смертность между детьми была страшная», что средняя продолжительность жизни была очень коротка²⁴³.

В изображении Кареева, проникнутом несомненным сочувствием к народу, бедствия масс довершались тем, что голод и угрозу голода широко использовали «люди скорой наживы» — скупщики хлеба, с которыми «крестьянину поневоле приходилось делиться частью своего дохода». Скупая хлеб по дешевым ценам, деревенские кулаки «заставляли думать, что его нет, дабы поднять цену», даже тогда, когда хлеба было достаточно. «Что в отдельных местностях делали мелкие assa-rageurs (скуп-

²³⁹ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции. стр. 193.

²⁴⁰ Там же, стр. 194, 482.

²⁴¹ Там же, стр. 184, 204, 209, 211.

²⁴² Там же, стр. 196, 200. «Главная причина, заставлявшая пустовать многие земли, заключалась в тяжести налогов» (там же, стр. 198).

²⁴³ Там же, стр. 206.

щики.— *Ред.*), то в целых провинциях совершали крупные спекулянты», — констатировал Кареев. В этой связи он касался, в частности, нашумевшего случая с пресловутым «договором о голоде», сопровождавшимся тем, что непосредственное окружение Людовика XV использовало в интересах спекуляции не только деньги короля, «но и королевское право позволять и запрещать свободную торговлю хлебом»²⁴⁴.

«Когда такому громадному числу не хватало, что есть, оно, не имея возможности эмигрировать, должно было нищенствовать», — писал Кареев, переходя к изложению яркого цифрового материала о «страшном нищенстве, вынужденном бедностью, которая распространена в деревнях». Он отмечал, что и в городах было не лучше и что «число нищих было самое большое в тех провинциях, которые считались наиболее плодородными»²⁴⁵. Это был второй из тех основных моментов, на которые Ф. Энгельс обращал внимание Каутского, сделав в своем письме к нему большую выписку о «нищих» из книги Кареева²⁴⁶.

«Этот недостаток собственности, этот гнет налогов, эта дороговизна хлеба, эта, наконец, безработица, о которых можно собрать великое множество свидетельств, грозили Франции сильными потрясениями», — с необычной для историка господствующих классов прямотой указывал Кареев, касаясь политических последствий массового обнищания французского народа в XVIII в.²⁴⁷

Не ограничиваясь сказанным, Кареев выставлял тезис, шедший вразрез с традиционным изображением процесса развития французской революции конца XVIII в. Согласно общепринятой схеме дворянских и буржуазных историков, революция началась в верхах общества и лишь постепенно, опускаясь со ступеньки на ступеньку, превращалась из «революции привилегированных» в «революцию буржуазии», а из «революции буржуазии» — в «революцию народа». Наперекор подобному подходу к революции, господствующему до сих пор в буржуазной историографии, Кареев в конце 70-х годов фактически доказывал, что в действительности революционный процесс был гораздо сложнее и что исходившие от народа «потрясения, которых так боялись, начались раньше того времени, когда там, наверху, в обществе произошли волнения иного рода». Подхватив зародившуюся в революционно-демократических кругах

²⁴⁴ Там же, стр. 202—204.

²⁴⁵ Там же, стр. 211, 212.

²⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 409—411.

²⁴⁷ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 213.

идею о том, что взрыв народного гнева, подобный разразившемуся в 1789 г. во Франции, подготавливается веками, Кареев подчеркивал, что рядом с «мирным протестом против ненормального положения вещей в деревне» — эмиграцией в города — на протяжении всего феодального средневековья «происходили протесты иного рода, в форме беспорядков, бунтов, грабежей», — как он выражался на непреодоленном им жаргоне либерала. «Интересно было бы проследить историю этих народных протестов во Франции, так как в них сказывалась история самого народа», — заявлял Кареев ²⁴⁸.

Тот факт, что Кареев повторял и по-своему развивал на материале французской истории эту навеянную русской жизнью, историей русского народа, вековой борьбой русского крестьянства замечательную мысль великих русских революционных демократов, наглядно и убедительно показывает, на какой крен влево в теоретической области были еще в 70-х годах способны наиболее впечатлительные в общественном отношении молодые представители левого крыла тогдашнего русского либерализма в обстановке демократического подъема, в условиях зачаточных форм рабочего движения.

Подходя с таких необычных для буржуазной историографии позиций к истории французского народа, начиная со средних веков, Кареев касался в общей форме последовательных этапов, пройденных в своем развитии народными движениями во Франции и завершившихся в конце XVIII в. революцией. Начало этих движений Кареев относил к X в., объясняя их в основном на первом этапе развития, «особенно же в XIV веке, когда происходила знаменитая Жакерия», «сеньориальными притеснениями». Наступление нового этапа Кареев связывал с тем, что по мере падения власти феодальных сеньоров и усиленного роста налогов, «изменялся и характер бунтов». В этом аспекте царствование «короля-солнца», блестящий «век Людовика XIV» официальной французской академической историографии выступает у Кареева как «эпоха целого ряда беспорядков, вызванных возрастанием налогов». XVIII век является со своей особенной причиной — голодом», — заключал Кареев свой краткий, но интересный обзор. «Положительно не будет преувеличением сказать, — добавлял он, — что чуть не на каждый год прошлого века приходится по одному такому бунту, а иногда, пожалуй, и более, не считая мелких случаев грабежа хлебных окладов, обозов и т. п.: так часты известия о troubles à cause des grains (хлебных беспорядках. — *Ред.*), как тогда выражались» ²⁴⁹.

²⁴⁸ Н. И. Кареев Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 213—215.

²⁴⁹ Там же, стр. 215—217.

На одном из известных примеров подобных восстаний, на «наиболее рельефном» из них, на примере «мучной войны», вспыхнувшей во время министерства Тюрго, Кареев наглядно и убедительно показал всю неудовлетворительность ходячих представлений о причинах народных движений, всю неосведомленность историков в этом отношении. Кареев справедливо упрекал современников «мучной войны» и ее историков в том, что они сводили все к «внешнему подстрекательству», к «заговору», к «агитаторству». В противовес этому Кареев справедливо находил, что «мучная война» «получает очень естественное объяснение», будучи поставлена в контекст «со множеством других подобных беспорядков, которые не обращали на себя такого внимания как по сравнительной незначительности размеров, так и потому, что не были связаны с „вопросами дня“, волновавшими образованное общество», как это было с «мучной войной», совпавшей со «знаменитым спором Тюрго и Неккера и сторонников обоих о свободе хлебной торговли». «Если бы не было действительной причины, народ не пошел бы за агитаторами», — таким простым и, казалось бы, естественным соображением заключал Кареев свой экскурс, посвященный «мучной войне»²⁵⁰.

Сопоставьте с этим замечанием Кареева и его подходом к народным движениям вообще сочувственную в целом позицию, занятую в годы первой революционной ситуации либералом предшествующего поколения Чичериним по отношению к Даресту с его тезисом о «мимолетности» и «неосновательности» крестьянских восстаний в старой, феодальной Франции²⁵¹. Это позволяет увидеть воочию, как глубоко под напором демократического движения, под ударами революционно-демократической критики, под воздействием уже довольно широко проникавших в Россию идей марксизма пришлось отступить ко времени второй революционной ситуации той части русских либералов нового пополнения, которая дорожила своими связями с передовыми кругами, с демократической общественностью России, боялась утратить их окончательно и продолжала упорную борьбу за влияние на все более разночинскую по своему составу, все более революционно настроенную молодежь.

Таков — независимо от субъективных мотивов и иллюзий автора — общественно-исторический смысл наиболее сильных сторон первой книги Кареева.

Достоинства исследования Кареева закрепили за русской наукой бесспорный приоритет в конкретном изучении крестьянского вопроса в период французской буржуазной революции конца XVIII в. Кареев был не только первым, кто взялся в Рос-

²⁵⁰ Там же, стр. 215—216.

²⁵¹ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 666.

сии за глубокое, самостоятельное изучение крупнейшей из буржуазных революций Запада, в России, которая была уже в конце 70-х годов ближе к революции, чем какая-либо другая европейская страна. Кареев не только впервые в исторической литературе приступил к серьезному изучению аграрного, крестьянского вопроса в Великой французской революции. Занявшись французской революцией XVIII столетия и специально крестьянским вопросом в этой революции, Кареев выступил, как мы видели, против в корне извращавшего историческую действительность, тормозившего развитие науки утверждения Токвиля, будто типичной фигурой дореволюционной французской деревни был уже крестьянин-собственник. Этим в первую очередь и определяется тот вклад, который сделал Кареев в конце 70-х годов XIX в. в русскую и мировую историческую науку.

Сильным сторонам подхода Кареева к крестьянскому вопросу в период французской буржуазной революции конца XVIII столетия противостояли, однако, уже и в то время слабые стороны общей постановки им проблемы самой революции, связанные с его либеральной ограниченностью, с его антиреволюционными настроениями либерала.

Данный Кареевым острый анализ классовых противоречий дореволюционной Франции и, в частности, французской деревни, вплотную подводил его к выводу, что разразившаяся здесь в XVIII в. народная революция была исторически неизбежна, что при подобных условиях революция неизбежна вообще. Этого вывода Кареев, однако, не делал, стремясь вслед за другими русскими либералами, вслед за своим учителем Герье всячески ограничить идею исторической закономерности и неизбежности революции, что по-прежнему противопоставало в его лице либеральную историческую традицию революционно-демократической, у которой Кареев так много позаимствовал. Исходя из того, будто 4 августа 1789 г. имело для Франции такое же значение, как 19 февраля 1861 г. для России, Кареев все еще склонен был, подобно Соловьеву и его ученикам, противопоставлять «реформе», совершенной во Франции снизу, реформу, произведенную в России сверху, революционному французскому пути — неревolutionный русский путь²⁵².

Наиболее явственно эта либеральная ограниченность Кареева, выступавшая на фоне двойственности и противоречивости его политического и научного мировоззрения, проявилась в третьей главе его книги — «Государственная власть и крестьяне». С одной стороны, Кареев очень реалистически подходил к тому, что «выросшая из феодальных отношений королевская

²⁵² С. М. Глаголева-Данини. Крестьяне и аграрный вопрос в эпоху великой революции. — «Анналы», 1922, № 1, стр. 68; Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 5, 478.

власть Бурбонов продолжала носить на себе следы своего происхождения», что, «благодаря феодальному характеру королевской власти, государство не освободило окончательно массы от феодальной зависимости и оставило за дворянами и духовенством тягостные для народа привилегии», что «отношение государства к массе народа было таково, что хуже быть не могло»²⁵³. С другой стороны, Кареев подчеркивал, что «смотреть на королевскую власть как на гарантию злоупотреблений, как на орудие в руках привилегированных слишком односторонне», что «это значило бы патологические симптомы принять за нормальное отправление организма», что «виноваты» во всем «не солидарность правительства с привилегированными и не употребление им произвольных мер, а то, как понимались требования государства». «Понимались же они просто», — расшифровывал это Кареев, ссылаясь на политическое завещание Ришелье, согласно которому «народ должен быть содержим в покорности», а «подати служат к тому, чтобы ему было не слишком хорошо, чтобы он не перешел границы своих обязанностей...»²⁵⁴. Не будь такого упрощенного понимания требований государства, не будь таких «патологических симптомов» «отправления» государственного организма, революция, это «болезненное» якобы напряжение, как говорил Соловьев, «болезненное» якобы отклонение от «нормы», не была бы неизбежна, — таков типично либеральный вывод Кареева, который непосредственно вытекал из всего его искусственного построения и направлен был против того, что Кареев называл «догматической верой в революцию». Становясь на подобную точку зрения, Кареев подчинял всю свою острую критику социальных основ феодализма, навеянную русской революционно-демократической социально-политической и исторической традицией и отличавшую его в то время от большинства его либеральных предшественников, традиционной политической и исторической схеме тех же русских либералов старшего поколения, корифеев государственной исторической школы, схеме Кавелина, Соловьева, Чичерина, Герье.

«Патологические симптомы», отправления государственного организма, благодаря которым революция только и стала, с его точки зрения, неизбежной, Кареев видел в том, что едва только «короли сломали политическую силу феодалов..., как королевская власть как бы остановилась в своей борьбе с феодализмом», оставив его «нетронутым» в социальном

²⁵³ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 157, 484.

²⁵⁴ Там же, стр. 159.

отношении²⁵⁵. Утверждая это, Кареев лишь повторял то, что писал его учитель Герье в своей напечатанной в 1877 г. первой статье о революции «Республика или монархия установится во Франции?». Ведь и Герье упрекал здесь французскую монархию в том, что она оказалась бессильной выполнить свою историческую задачу и довести до конца начатое ею дело политического объединения страны, «остановилась в своей исторической жизни», как бы «устала» в своей борьбе с феодализмом в области государственной жизни и превратилась не в «просветительный деспотизм», а в «вялое послабление привилегированным».

Шел по стопам учителя Кареев и тогда, когда на основе пятой главы диссертации («Постановка крестьянского вопроса») приходил к неожиданному выводу из своего анализа острых классовых противоречий во Франции накануне революции, будто дело было лишь в том, что «теоретически вопрос не был подготовлен, когда пришлось приступить к его практическому решению»²⁵⁶. И это было по существу лишь вариацией тезиса Герье о политической «незрелости» и «неразвитости» французского общества в конце XVIII в. как одной из главных причин, помешавших ему предотвратить революцию. Тезис этот Герье положил позднее, в 1884 г., в основу своей работы «Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г.», но, несомненно, внушал его уже и в 70-х годах своим ученикам²⁵⁷.

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что Кареев, отходивший в ряде отношений от господствовавшей до него либеральной исторической традиции и уделявший, в частности, гораздо большее внимание социальным отношениям и классовым противоречиям, попадал в конце концов в старую либеральную колею в подходе к вопросу о неизбежности революции, в отрицании этой неизбежности. Признавая в силу исповедуемого им «конституционализма» и «социального реформаторства», необходимость «коренных» не только политических, но и социальных «преобразований» во Франции XVIII в., Кареев обвинял французскую монархию и привилегированные классы (включая и буржуазию) в том, что они ограничились паллиативами, нерешительными и робкими попытками провести

²⁵⁵ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 151, 152.

²⁵⁶ Там же, стр. 488.

²⁵⁷ Кареев сам впоследствии признавал, что в т. III своей «Истории Западной Европы в новое время» воспользовался главными выводами из этой работы Герье «как совпадающими.... с исторической действительностью» (Н. И. Кареев. Изучение французской революции вне Франции. Л., 1925, стр. 156).

реформу сверху, сделав тем самым неизбежной «реформу, совершенную снизу», — революцию ²⁵⁸.

Таковы слабые стороны книги Кареева.

В 70-х годах, в обстановке демократического подъема, сильные стороны исторического подхода Кареева еще явно преобладали над его слабыми сторонами. Начиная с годов реакции, с «плохих (80-х) годов», — по выражению В. И. Ленина ²⁵⁹, соотношение это стало быстро изменяться в обратную сторону.

²⁵⁸ Н. И. Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, стр. 476.

²⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 8.

Глава VIII

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ. ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

I

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

Самой многочисленной в русском славяноведении 50—70-х годов XIX в. была реакционная школа, примыкавшая к фило-софско-политической доктрине славянофильства и панславизма и представленная такими учеными, как А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский и ряд других. Этому направлению были свойственны реакционные политические взгляды и идеализм. Его представители являлись монархистами и поддерживали агрессивную балканскую политику царизма, а если и критиковали ее, то только в целях активизации деятельности правительства в желательном им панславистском направлении. В области социологии они или переносили догматические понятия славянофильской доктрины на исторический материал изучавшейся ими страны или шли по пути эклектического позитивизма.

Представители реакционной школы подчеркивали самобытность славян и всячески противопоставляли особенности их истории развитию народов Запада. Самобытность они видели или в общественных формах, которые считали специфическими для славян (община), или в отсталости, которая была связана с неблагоприятными условиями развития той или иной славянской группы. В то же время они принижали самостоятельное культурное развитие славян, переоценивая влияние Византии на южное славянство. Чуждые признанию равенства славянских надоров и языков, они, отправляясь от неодинакового развития различных славянских языков, делали вывод о неизбежности языково-культурного подчинения менее развитых славянских народов более развитым. А так как русский язык — язык Пушкина и Гоголя — был, как они полагали, наиболее развитым, они пропагандировали мысль о «неизбежности» принятия остальными славянами русского языка — сначала как языка межславянских сношений, а затем (для ряда славянских народов) и как литературного языка.

Они занимались преимущественно историей южных славян, отчасти чехов. Их внимание привлекала к себе преимущественно политическая история, деятельность выдающихся монархов. Они не ограничивались историей средних веков. Их внимание привлекала, например, история Сербии XIX в. в силу той активной роли, какую пытались придать ей в 60-е годы XIX в. вдохновляемое великосербскими планами правительство Михаила Обреновича, а также в связи с надеждами, возлагавшимися на Сербию в панславистских кругах. В 60—70-х годах, в связи с обострением национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецкого ига (а еще более к концу 80-х годов, под влиянием событий Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и последующего за нею освобождения Болгарии русскими войсками), усилился интерес к истории Болгарии.

Реакционность школы особенно ярко проявилась в 50—60-х годах — в условиях развития в России революционно-демократического направления и борьбы Чернышевского со славянофильством.

Одним из видных представителей реакционной школы был Александр Федорович Гильфердинг (1831—1872), со студенческих лет связанный со славянофильским кружком А. С. Хомякова, И. С. Аксакова братьев Киреевских и др. Бывший студентом в годы, когда в Московском университете вели преподавание С. М. Соловьев и Т. Н. Грановский, Гильфердинг научился у них серьезному отношению к науке, осторожности и точности в научной работе. Эти качества проявились в его исследованиях по славянской истории (в той мере, в какой этому не мешала славянофильская догма).

Первой его работой была «История балтийских славян», печатавшаяся в 1854—1855 гг. в «Москвитянине», а затем вышедшая отдельной книгой¹. Хотя автор исходит из обычного для славянофилов противопоставления славянского и германского миров (славянского мира демократии и германского мира, где «коренилась аристократическая стихия»), хотя он, как и другие славянофильские историки, отрицал наличие феодальных отношений у славян, данная работа представляет большой интерес, так как автор стремился разобраться в неясном и мало исследованном вопросе об общественном строе прибалтийских славян. Он выяснял формы владения землей, рассматривал вопрос о наличии и характере знати, ее месте и роли у разных славянских племен. Его интересовала торговля, города, наличие рабства; он старался понять семейный строй славян. В этой книге содержится немало интересных страниц о борьбе славян с германцами, ее фактический материал заслуживает

¹ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян. М., 1855.

внимания и сейчас. Но в общих суждениях и выводах автор всецело стоял на почве славянофильства и оказался не в силах понять существо изученных им явлений.

Вопрос о прибалтийских славянах и позже интересовал Гильфердинга, который в 1861 г. опубликовал работу «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века»².

Другой областью научных интересов Гильфердинга была история южных славян. Он начал ее изучение в годы, когда литература по средневековой истории южных славян была еще крайне бедна. Его исследование³ основано на самостоятельном изучении источников, некоторые из которых только вводились в научный оборот («*Responsa rarrae Nicolai*», «Именник болгарских ханов» и др.). Так же как в работе по истории прибалтийских славян, Гильфердинг стремился выяснить черты общественного строя славян. В понимании устройства южнославянской жупы и раннефеодального государства он стоит на позиции признания федерации жуц, игнорируя вопрос о развитии феодальных отношений. Гильфердинг коснулся в этой работе и вопроса о происхождении древних болгар; протоболгарский язык Гильфердинг признал родственным с мадьярским и с языками уральской ветви финно-угорской языковой группы. Работа давала очерк политической и церковно-культурной истории южных славян. Изложение истории Болгарии доводилось до падения Первого царства, история сербов оканчивалась X веком, история хорватского народа затрагивалась лишь попутно.

Проведя три года на дипломатической службе в качестве русского консула в Боснии (Сараево), Гильфердинг сумел лично ознакомиться с некоторыми частями Балканского полуострова. Результатом его наблюдений явилась книга о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии, где автор дал очерк древностей изученных им областей, описание их исторических и архитектурных памятников, а также очерк современного состояния этих частей Османской империи, тогда мало известных⁴. Ему удалось охарактеризовать национально-религиозный состав населения и его положение, коснуться быта крестьянского и городского населения; он отметил наличие крестьянской общины как момента, со славянофильской точки зрения отличающего строй жизни славян от народов Запада. По своему конкретному материалу книга представляла большой интерес. Она получила

² А. Ф. Гильфердинг. Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века. М., 1861.

³ А. Ф. Гильфердинг. Письма об истории сербов и болгар — «Московские ведомости», 1854—1855; дополнения — см. «Русская беседа», 1859.

⁴ А. Ф. Гильфердинг. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.

одобрение рецензента журнала «Современник», признавшего ее «единственной и хорошей русской книгой о турецком славянстве»⁵.

Широта научных интересов Гильфердинга проявилась в том, что он не замыкался в кругу вопросов истории одной какой-либо славянской группы. В связи с празднованием в 1862 г. тысячелетия русского государства, он опубликовал «Очерк истории Чехии», в котором старался ответить на вопрос, почему русское государство оказалось столь прочным, в то время как государства у западных славянских народов оказались менее стойкими. Причину этого он видел в том, что в конце XV в. Чехия превратилась в нечто похожее на аристократическую республику с номинальной властью короля. Аристократия стремилась подчинить себе горожан, но это привело лишь к обострению борьбы. Владычество аристократии привело к «политическому неразумению» — выбору Фердинанда королем, и Чехия вошла в состав владений Габсбургов. Это повлекло за собой усиление католицизма. Но когда национальная партия аристократии начала борьбу против Вены, она не получила поддержки народа, который стал восставать спустя несколько лет после того, как аристократия проиграла свое дело. Битва у Белой горы окончательно решила вопрос, и Чехия вполне подчинилась Габсбургам. Так применял Гильфердинг к чешской истории обычную концепцию славянофильства о «народных началах», аристократии как отступлении от общих начал, о православии как народной славянской стихии.

Другим крупнейшим представителем славянофильской историографии был ученик И. И. Срезневского Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), в 1859 г. получивший ученую степень магистра за диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», в 1865 г. ставший доцентом, затем профессором Петербургского университета, а с 1900 г. академиком. Магистерская диссертация Ламанского была выдержана в духе славянофильского панславизма. Отправляясь от положения индоевропейской теории в языковедении о переселении славян в Европу из Азии, Ламанский искал славянские предания об их древней прародине и стремился выяснить, не осталась ли какая-либо часть славян в Азии. Опираясь на темное место в житии Климента Величского, он делал плохо обоснованный вывод, что балканские славяне в X—XII вв. сохраняли смутные предания о том, что славянские поселения в Малой Азии старше VII в. Наличие с этого же столетия славянских поселений доказывалось автором на основе источников с хронологическими перескоками. Он старался показать затем наличие

⁵ «Современник», 1860, № 3, стр. 121.

славянских элементов в Малой Азии вплоть до XIX в. и определить пути и способы их проникновения туда. Возвращаясь к вопросу о наиболее ранних поселениях славян, Ламанский пришел к выводу о невозможности установить время первых поселений и предполагал, что в Малую Азию переместилась часть славян, оставшаяся в Азии после ухода основной массы славян в Европу.

Присутствие древних славян в Африке Ламанский доказывает ссылкой на Шафарика, который признавал наличие славянской стихии в вандалах, и замечает: «Имя вандалов (у Плиния виндилов) отличается от имени вендов (венедов) не корнем, а только окончанием»⁶. Вольным истолкованием имен, произвольными гипотезами, которые автор позже принимал как доказанные, Ламанский утверждал наличие славян даже в Испании. «Если в пользу добровольного перехода славян в Испанию в IX—XI вв. и нельзя нам пока привести какого-нибудь подлинного и прямого известия, то зато и нет никакой возможности не только представить какую-нибудь мысль или данную, которая могла бы хотя сколько-нибудь подорвать доверие к предлагаемой гипотезе»⁷.

Характер работы, лишенной строгого научного метода, обусловил то, что произведение подверглось острой и справедливой критике, отмечавшей недопустимые для научной работы приемы автора. «В его критическом методе обыкновенные доказательства занимают очень мало места, тем больше, что обыкновенно он находит их мало для подкрепления своих мнений: он заменил их совершенно отвлеченными рассуждениями, отдаленными аналогиями, таинственным сродством и множеством диалектики», — писал А. Н. Пыпин в «Современнике»⁸. Справедливо обрушиваясь на метод Ламанского, критика обращала внимание и на вторую сторону книги — ее славянофильскую тенденцию: «Книга его повторяет у нас те первые увлечения панславизма, которые уже пройдены самими благоумными панславистами»⁹.

Гораздо интереснее и важнее вторая крупная работа Ламанского — его докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»¹⁰. Уже в магистерской работе автор ставил вопросы об изучении греко-славянского мира, о взаимоотношениях Византии и славян, роли славян-

⁶ В. Л а м а н с к и й. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, стр. 204—205.

⁷ Там же, стр. 307—308.

⁸ «Современник», 1860, № 4, стр. 311.

⁹ Там же, стр. 322.

¹⁰ В. Л а м а н с к и й. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871

ства в западноевропейской образованности, об особой важности изучения греческого мира — вопросы, которыми он сам занимался позже и на рассмотрение которых направлял внимание своих учеников. В своем новом труде Ламанский, отправляясь от учения ранних славянофилов и панславистского сочинения Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где говорилось о противоположности западного и славянского миров, излагал взгляды буржуазной немецкой и французской публицистической и исторической литературы на прошлое и настоящее славян. Несмотря на реакционность исходных позиций, эта работа представляла интересный подбор данных из иностранной литературы и являлась разоблачительным произведением, показывавшим враждебную славянам фальсификацию славянской истории невежественными или недобросовестными авторами.

Помимо этих основных крупных работ¹¹, Ламанский написал много статей, подготовил публикации, которые нередко отличались большой остротой анализа источников, оригинальностью мысли, но обычно содержали те или иные моменты славянофильско-панславистской концепции. Элемент воинствующей пропаганды панславизма был свойствен многим научным работам Ламанского, который создал самую крупную и многочисленную школу в области славяноведения. Значительная часть русских славяноведов второй половины XIX — начала XX в. была его учениками. Но, хотя главой школы был вождь реакционного панславизма, школа Ламанского шла за своим учителем далеко не во всем. Среди его учеников появились люди, не разделявшие славянофильских воззрений, стоявшие на позициях буржуазного либерализма.

Одним из важнейших вопросов средневековой истории славянства был вопрос о происхождении славянской письменности и деятельности первых славянских просветителей Константина (Кирилла) и Мефодия. Критическая разработка так называемого кирилло-мефодиевского вопроса, поставленная на научную почву чешским ученым Добровским, шла в направлении отрицания или игнорирования славянских житийных данных до тех пор, пока профессор Московской духовной академии А. В. Горский не нашел и не опубликовал древние списки обих

¹¹ В 1884 г. Ламанским опубликована книга «*Secrets d'État de Venise. Documents extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle*». SPb., 1884. Она представляет собою публикацию документов венецианских архивов с небольшими заметками автора. Вступительная статья касается больше восточного вопроса, чем непосредственно истории отношений славян и Венеции. Документы говорят о славянских эмигрантах, бежавших от турецких насилий, и дипломатических сношениях в связи с этим между Турцией и Венецией, о системе политических убийств, осуществлявшихся венецианским правительством, и др.

славянских (так называемых Паннонских) житий братьев просветителей¹². Он установил, что жития были написаны вскоре после смерти Мефодия в Паннонии, составлены одновременно и, возможно, одним автором. Выводы эти были приняты русской, а затем западной наукой.

Публикация Горского произвела целый переворот в кирилло-мефодиевском вопросе, и в 60—80-х годах он стал одним из основных в славяноведческой науке. Одним из первых коснулся его О. М. Бодянский¹³, который добросовестно отобрал источники и неплохо изложил мнения своих предшественников. Наиболее слабой в его труде была самостоятельная разработка вопроса: автор признал создателями славянской письменности братьев-просветителей, а временем составления азбуки 862 год.

Гораздо шире ставил вопрос славянофил П. Лавровский¹⁴. Он отверг домогательство пап на исконное главенство в церкви и показал, что начало таких претензий восходит к отделению Италии от Византии. Он признавал, что для Бориса (болгарского) «дела религиозно-церковные служили... лишь внешним прикрытием совершенно иных, чисто политических соображений», равно как и для Ростислава (моравского)¹⁵. Он также высказал предположение о возможности проповеди братьев в Болгарии, по пути в Моравию.

Хотя автора больше всего интересовала область межцерковной борьбы, свободное владение источниками и критическое отношение к ним делало эту работу заметным явлением в русской литературе.

С иных позиций подходил к кирилло-мефодиевскому вопросу В. А. Бильбасов¹⁶. Несмотря на то, что ему в известной мере были в то время близки славянофильские идеи, Бильбасов интересовали не конфессиональные вопросы. Он даже бросил упрек таким авторам, как Лавровский и опровергавшийся последним католик Гинцель, в том, что они писали свои работы с предвзятой целью доказать принадлежность братьев-просветителей к православной или католической церкви.

Первый том работы состоит из источниковедческого введения, очерка «Римские папы и славянские первоучители» и пуб-

¹² «Москвитянин», 1843, № 6, стр. 405—434. «О св. Кирилле и Мефодии».

¹³ О. М. Бодянский. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

¹⁴ П. Лавровский. Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом. Харьков, 1863.

¹⁵ Там же, стр. 102.

¹⁶ В. А. Бильбасов. Кирилл и Мефодий по документальным источникам, т. 1—2, 1868—1871.

ликации ряда западных документов, относящихся к данному вопросу. Очерки взаимоотношений Рима и братьев-просветителей, в отличие от конфессиональной трактовки книги Лавровского, даны с точки зрения международных отношений того времени. Второй том состоит из трех частей. В первой дается источниковедческий разбор разных житийных текстов, в третьей части публикуются тексты. Среднюю часть занимает исследование «Легендарный образ Кирилла и Мефодия».

Труд Бильбасова представляет собой опыт сводной биографии Кирилла и Мефодия на основе ранее разобранных автором легенд. Очистить их от элементов чудесного и фантастического, уточнить, объяснить и изложить факты жизни братьев-просветителей — вот задача, которую решал Бильбасов. Он считал невозможным использовать одновременно документальные источники и легенды, пытаясь строить два параллельных исследования, однако оказался вынужденным использовать источники перекрестно. В деле источниковедческой разработки кирилло-мефодиевского вопроса Бильбасов сыграл значительную роль.

Последующие исследователи кирилло-мефодиевской проблемы, в основном продолжая эту источниковедческую линию исследования, иногда (как А. Воронов)¹⁷ приходили к неожиданным выводам. Названный ученый признал Паннонские жития принадлежащими одному автору, но полагал, что они появились первоначально в греческой редакции в Болгарии не ранее второй четверти X в. Такое решение о возникновении Паннонских житий было сразу же встречено ученой критикой отрицательно и не нашло поддержки.

Другие авторы пытались на основе предыдущих источниковедческих работ построить биографию братьев-просветителей. Такова книга И. Малышевского¹⁸, лишенная самостоятельного источниковедческого анализа, но следующая традиции, выработанной русскими учеными, и кладущая в основу работы Паннонские жития. В книге ясно видна конфессиональная точка зрения автора, и в отношении использования источников в ней делается шаг назад по сравнению с более ранними критическими работами.

Разработка истории южных славян затрагивала широкий круг вопросов. В начале рассматриваемого периода история Болгарии привлекала сравнительно малое число исследователей. К ним принадлежал, например, С. Н. Палаузов, написавший работу, посвященную времени царя Симеона¹⁹, где

¹⁷ А. Воронов. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.

¹⁸ И. Малышевский. Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские. Киев, 1886.

¹⁹ С. Н. Палаузов. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852.

давался очерк политической истории этого времени и делалась попытка характеризовать историю литературы на основе анализа ее памятников, известных в то время. Палаузов не ставил каких-либо общих, принципиальных вопросов, а дал лишь сводку фактического материала.

В отличие от Палаузова, его современник А. Д. Чертков поднял важный общий вопрос о происхождении славян. Пытаясь опереться на солидный материал греческих и латинских источников, Чертков в решении проблемы исходил из предвзятой и неверной точки зрения: он отождествлял фракийцев Балканского полуострова со славянами на основании произвольных сопоставлений и толкований, подобных тем, какие раньше давал Венелин²⁰. Высказанный Чертковым²¹ взгляд на тождественность славян и фракийцев не встретил сочувствия ни в современной ему науке, ни позже.

Значительное оживление в изучении истории Болгарии начинается с 60-х годов, когда подъем национально-освободительного движения и греко-болгарская церковная борьба вызвали усиление интереса к современной жизни и истории болгарского народа, особенно после того, как А. Н. Поповым был обнаружен так называемый «Именник болгарских ханов»²² — документ, написанный на двух языках: славянском и каком-то неизвестном. Он вызвал спор относительно принадлежности древних болгар к угро-финской или тюркской группе народов, что нашло отражение в последующей литературе. М. С. Дринов в работе, напечатанной на болгарском языке, признал древних болгар финским народом²³, тогда как М. И. Соколов примкнул к взгляду Куника, считавшего болгар народом тюркского происхождения. Соколов написал работу, посвященную древней истории болгар, в которой соединял два исследования: одно посвящено образованию болгарской народности («национальности»), другое — вопросу о принятии христианства болгарями²⁴.

В первой части своей книги Соколов рассматривал взгляды ученых о времени появления славян на Балканском полуострове и оспаривал мнение Дринова о раннем (во II—III вв.) проникновении славян на полуостров. Сам Соколов относил это событие к концу V — началу VI в. Изложив историю славянских

²⁰ См. I том настоящего издания, стр. 497.

²¹ А. Д. Чертков. О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь. М., 1851.

²² А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакци, вып. 1, М., 1866.

²³ М. С. Дринов. Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 47. О Дринове см. ниже, стр. 505—507.

²⁴ М. Соколов. Из древней истории болгар. СПб., 1879.

вторжений на Балканы, Соколов показывает, что к середине VII в. славяне расселились по всему полуострову, разрушив местный строй жизни и повлияв на прежнее население. Соколов усматривал существенные социальные изменения в результате славянской колонизации — уничтожение колоната и появление общинного землевладения. Заслугой Соколова было понимание сложности общественного строя славян, в среде которых он видел не только общинников, но тех, кто жил на чужой земле и платил за пользование ею десятину. Соколов указал также на наличие разных форм землевладения у славян — и общинного, и частного.

Правильные соображения высказаны им и по вопросу об этнических отношениях на Балканском полуострове. Славяне столкнулись с романизованным фракийским населением, перемешанным с разными варварскими элементами. Наличие этого населения и встреча с ним славян нашли отражение в болгарском языке (в отдельных заимствованных словах и особенностях грамматического строя). Но влияние местного населения на славян было слабым.

Во втором исследовании Соколов разбирает вопрос о крещении Бориса. Необходимость в новой вере, по мнению Соколова, определялась отношениями славян с Византией, которая признавала только христианские государства. Принятие новой веры диктовалось и тем, что при расширении территории Болгария вобрала в себя земли на западе и юго-западе, где было сильно влияние Византии и христианского государства франков.

Соколов не касается вопроса о внутренних причинах принятия новой религии. Такая постановка темы неразрывно связана с проблемой феодализации, а феодализма Соколов, как ученик Ламанского, не признавал.

Вопрос о крестьянской реформе, так повлиявший на пробуждение интереса многих русских ученых к аграрным отношениям и положению крестьян, в славяноведении освещался сравнительно слабо. Все же отдельные авторы отдали некоторую дань и аграрной теме. К ним принадлежит, например, А. А. Майков, ученик Бодянского, начавший свою научную работу большим исследованием по истории сербского языка. Майков занимался не только филологическими, но и историческими вопросами. В 1860 г. он напечатал специальную статью, в которой исследовал разные формы землевладения²⁵. В другой, более короткой заметке Майков на основании опубликованной грамоты 1458 г. боснийского короля Стефана Томашевича внес

²⁵ А. А. Майков. О земельной собственности в древней Сербии. «Чтения ОИДР», 1860, кн. 1, отд. I, стр. 1—30.

исправление в предыдущую свою статью, впервые дав правильное определение пронии как поместья²⁶. В этом направлении работали также некоторые византилисты, в частности Ф. И. Успенский.

В конце 60-х — начале 70-х годов в науке выступила целая группа видных славянофилов и представителей панславистской школы: В. Макушев (1837—1883), Н. А. Попов (1833—1891), Ф. И. Леонтович (1833—1911) и Ф. Ф. Зигель (1845—1920).

Первый из них занимался историей Далмации, Болгарии, Албании. В 1867 г. он опубликовал «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника»²⁷ — работу, которая была создана на основе материала, собранного в период его пребывания в Дубровнике (Рагузе) в качестве русского консула (1862—1865). В ней дан источниковедческий обзор различного рода документов по истории Дубровника, некоторые из которых впервые стали достоянием науки.

Потребности университетского преподавания (Макушев был профессором Варшавского университета) и оживление болгарского национально-освободительного движения в начале 70-х годов привлекли внимание Макушева к разработке некоторых вопросов истории Болгарии. Он занимался историей Второго Болгарского царства, восточным вопросом в XVI—XVII вв. Самой значительной из его работ по истории Болгарии является статья «Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV—XVI вв.»²⁸, где Макушев ставил важный вопрос о результатах турецкого завоевания Болгарии. Отвечая на него, автор исходил из признания неизбежности падения Болгарии, которую захватили бы венгры, если бы она не попала под власть турок. Захват Болгарии венграми привел бы к распространению в ней католичества. Будучи славянофилом, Макушев связывал славянскую народность с православием, поэтому, говоря о возможной победе католичества в Болгарии, он предполагал в результате этого потерю «народности». Ошибочный взгляд Макушева, сложившийся под влиянием славянофильских идей и одностороннего подбора источников, оказал огромное влияние на всю последующую историческую литературу. Взгляд на «улучшение» положения христианского населения под турецким игом был принят чешским историком К. Иречком и затем некритически повторялся многими буржуазными историками

²⁶ А. А. Майков. Что такое прония в древней Сербии? «Чтения ОИДР», 1868, кн. 1, отд. V, стр. 227—232.

²⁷ В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. — «Записки Академии наук». СПб., 1867, т. 11, приложение № 5.

²⁸ В. Макушев. Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках. ЖМНП, 1872, ч. CLXIII, стр. 286—329.

Важным фактом в истории славяноведения было появление в 60—70-х годах исследований по истории Сербии XIX в., принадлежавших профессору Московского университета Нилу Александровичу Попову. Впервые в историографии Попов предпринял исследование внешней и внутренней истории Сербии 1806—1856 гг., основанное на обширном материале, только вводившемся в науку. В последующие годы он продвинул свои розыскания еще дальше, охватив в ряде своих работ период времени с 1858 по 1867 г. Такого широкого охвата истории Сербии XIX в. наука в это время не знала. Попов по своим взглядам примыкал к позитивистам. Он нередко сводил причины разногласий к мелким личным мотивам²⁹, хотя в других случаях приближался к пониманию социальной основы столкновений³⁰ (так, говоря о событиях Свято-Андреевской скупщины, он указывал на наличие четырех партий, отражавших интересы определенных общественных кругов)³¹. Но в области изучения событий в Сербии, в исследовании русско-сербских отношений Попов достиг такой широты охвата различных явлений, что рецензенты русских журналов (В. В. Богичич, А. С. Будилевич) и сербские переводчики его основной работы признали ее подлинной историей Сербии.

Приоритет в изучении истории сербского права, в частности исследование сербского юридического памятника — Законника Стефана Душана, — принадлежал Ф. Ф. Зигелю. Он впервые в России опубликовал важнейшую рукопись этого документа. В 1872 г., когда Зигель опубликовал свое исследование, еще не существовало специальной работы о Законнике. Зигель подошел к нему как юрист, хотя и сделал ряд интересных наблюдений над редакциями и списками памятника. Но к сербским отношениям XIV в. Зигель подходил со славянофильских позиций. Это проявилось в его рассуждениях о семье и роде, которые стоят близко к мыслям, высказывавшимся К. С. Аксаковым. Не менее ярко это проявилось в трактовке им вопроса о землевладении. Лишь в одном случае (и крайне неопределенно) упоминает Зигель о феодализме³².

Историко-юридическое исследование памятников южнославянского права было представлено также работами Ф. И. Леонтовича — доцента (с 1863), а затем профессора (с 1868) Киевского университета, позже (1892) перешедшего в Варшавский университет. Применяя выводы славянофилов для изучения славянского права, он создал теорию о древней славянской верви как семейно-общинном институте. Этот же взгляд нашел

²⁹ Н. Попов. Россия и Сербия. М., 1869, ч. II, стр. 29.

³⁰ Там же, ч. I, стр. 283.

³¹ Н. Попов. Сербия после Парижского мира. М., 1871, стр. 81—87.

³² Ф. Зигель. Законник Стефана Душана. СПб., 1872, стр. 202.

выражение в его капитальной работе о хорвато-далматинском праве. Леонтович исследовал Винодольский закон, статут Загреба, Полицкий статут. Он отмечал сходство отдельных черт хорватского права с «Русской Правдой». Исходя из славянофильской концепции ранней истории славян, Леонтович изображал Винодол в качестве общины, князь которой не столько государь, сколько старейшина³³. В его книге отчетливо видна тенденция преувеличить значение веча и умалить роль князя, имеющая целью подчеркнуть демократизм устройства Полицкой общины.

В Полицком статуте автор видел «почти первобытные формы общинной жизни старых славян»³⁴. Самую Полицкую общину он считает союзом сельских общин одной жупы, которая не имела города, так как в силу географических условий (защищенность горами) не нуждалась в укрепленном центре.

Указывая на наличие разных групп населения, Леонтович стремится сгладить различия между ними. «Их нельзя называть сословиями в теперешнем смысле, — пишет он, — это не более, как фактические классы, без особенно резких различий между собой»³⁵.

Ученик Ламанского и Васильевского, профессор Киевского университета Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854—1919) был крайне реакционной фигурой. Он разрабатывал преимущественно историю Сербии XIV в. Его первые работы были посвящены сербско-византийским отношениям и являлись попыткой одновременного и параллельного изучения обеих стран. Позднее в наиболее полной форме осуществил ее Флоринский в книге «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века»³⁶, где автор совместил два исследования: одно — по политической истории Византии, другое — истории Сербии. В первом из них он исходил из мысли о преувеличении слабости Византии западными историками. Не отрицая того, что Византия XIII—XIV вв. сильно отличается от Византии VI в., отмечая утрату ею владений, недостаток средств для борьбы с противниками, он находит возможным выделить период возрождения империи, предшествующий ее окончательному падению. В борьбе с сербами и латинянами Византия пошла на сближение с турками, видя в них меньшее зло. Но это лишь способствовало ускорению развязки — завоеванию Балканского полуострова османами. Следуя славянофильской традиции, Флоринский счи-

³³ Ф. Леонтович. Древнее хорвато-далматское законодательств. Одесса, 1868, стр. 20.

³⁴ Там же, стр. 67.

³⁵ Там же, стр. 75.

³⁶ Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века. СПб., 1882.

гает, что народы Балканского полуострова выиграли от этого, так как турецкий «разлив» через пять веков совсем высох и не смог лишить жизни затопленные им элементы. Латинский же «в своем течении грозил уничтожить все жизненные национальные и религиозные особенности народностей, составлявших население большей части империи и других государств Балканского полуострова»³⁷.

Вторая половина этой работы посвящена Сербии времен Стефана Душана. Здесь также все внимание приковано к политической истории. Признавая наличие феодализма в Сербии (это выгодно отличает Флоринского от Ламанского и других историков славянофильской школы), Флоринский не пытается заглянуть в область социально-экономических отношений, чтобы понять внутреннее положение Сербии.

Богатое фактическим материалом, широко использующее византийские источники, исследование ставило вопросы о существе взаимоотношений западных стран с Сербией и Византией и решало их в плане обычного для славянофилов противопоставления западного и восточного миров.

Вторая крупная работа Флоринского была посвящена законодательной деятельности Стефана Душана³⁸ и являлась продолжением предыдущей книги. Если в первой работе Флоринский занимался внешнеполитической историей Сербии, то теперь он обратился к внутренней истории того же периода, прежде всего к вопросам истории сербского права и сербского законодательства. Но, приступая к этой работе, Флоринский констатировал отсутствие критически изданных и обработанных источников; ему пришлось проделать большую работу источниковедческого характера. Несколько лет поисков в архивах и хранилищах рукописей — как в России, так и за ее пределами (в Болгарии, Сербии, славянских землях Австро-Венгрии) — позволили открыть новые материалы, а также пересмотреть старые. В результате был сделан новый вывод для славяноведческой науки — признание Законника и грамот лишь частью сербского законодательства времени Душана. Флоринский впервые установил органическую связь Законника с юридическими памятниками византийского происхождения — Сокращенной Синтагмой Матвея Властаря и Законом царя Юстиниана. На изучении их он и сосредоточил свое внимание.

Он доказал, что Синтагма является основой того кодекса, который сложился в Сербии при Душане, а Законник — дополнением к Синтагме; «оба памятника, взятые вместе, представ-

³⁷ Там же, стр. 137.

³⁸ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888.

ляют нечто довольно цельное, стройное и гармоничное»³⁹. Частью единого кодекса считал Флоринский и Закон царя Юстиниана, и номоканон Иоанна Постника, которые в рукописях сопутствуют Законнику и Синтагме. Полезное исследование Флоринского не вышло за чисто источниковедческие пределы, но выводы его о связи Законника с Синтагмой и Законом царя Юстиниана удержались в науке.

Развитием взглядов В. И. Ламанского явилось исследование К. Я. Грота «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века»⁴⁰.

До работы Грота в науке существовало два мнения о последствиях вторжения мадьяр в Центральную Европу. Одного придерживались глава чешской буржуазной историографии Ф. Палацкий и русский славист Гильфердинг, другого — Ламанский и славянофил Елагин. Первые считали, что венгерское вторжение имело для славян роковые последствия. Если бы не приход венгров, говорил Палацкий, из зерна, каким являлось великоморавское государство Ростислава и Святополка, сложилась бы великая славянская держава, подобная франкской империи. Она образовалась бы под влиянием Византии, и весь ход и характер развития Центральной и Восточной Европы был бы иным. Странники второго взгляда отмечали, что венгерское нашествие, хотя и вбило «инородческий клин в славянское тело», в то же время создало оплот славянам против немцев.

Мысль о том, что мадьярское вторжение нанесло гораздо более существенный удар немцам, чем славянам, а для вторых стало оплотом против немцев, и явилась основной идеей книги Грота. Другим результатом венгерского завоевания, по мнению Грота, было перемещение политического и культурного центра западного славянства в Чехию, которая крепнет с этого времени⁴¹.

В другой работе («Из истории Угрии и славянства в XII веке») Грот изучал период завоевательного натиска Византии на Венгрию и отпора ему. Этой борьбой сумел воспользоваться в своих целях латино-германский Запад, укрепивши свои позиции в Венгрии.

В конце 80-х годов стали появляться первые сочинения, посвященные истории Болгарии конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. — периоду ее освобождения. Первой по времени была книга П. А. Матвеева, который прожил около двух лет в Болга-

³⁹ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, стр. 442—443.

⁴⁰ К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.

⁴¹ Там же, стр. 421.

рии в качестве советника дирекции правосудия и имел возможность собрать значительный фактический материал. Его книга посвящена преимущественно политической истории Болгарии после Берлинского конгресса. Автор не разобрался в должной мере в социально-экономической жизни страны и полагал, что история болгарского народа не знает классового деления. Книга написана Матвеевым со славянофильских позиций, разоблачает австро-германскую агентуру в Болгарии и прежде всего князя Александра Батенберга. Она начинается с очерка деятельности русского гражданского управления и обрывается событиями 1884 г. Для характеристики реакционных позиций автора важно его положительное отношение к деятельности князя Черкасского, которую резко критиковала даже либеральная русская печать, а также согласие с мнениями И. С. Аксакова и других панславистов. Матвеев отрицательно относится к Тырновской конституции, создавшей, по его мнению, крайне демократическое Народное собрание. Но, в отличие от реакционных газет Аксакова и Каткова, приветствовавших отмену конституции в 1881 г., Матвеев считал это ошибочным шагом, «злом сугубым», поскольку переворот давал неограниченную власть Батенбергу⁴². Однако он правильно видит причины отмены конституции в коварной политике Австрии и в интригах болгарских консерваторов. В силу знакомства с положением в стране Матвеев стоял значительно выше И. С. Аксакова в понимании ряда вопросов, в частности, в оценке австрофильской политики князя Александра и использования им русской поддержки в своих целях.

Как указано выше, славянофильско-панславистская школа в славяноведении занималась западными славянами меньше, чем южными. Но в истории западного славянства был один вопрос, который привлекал к себе внимание славистов, в том числе русских,— вопрос о гуситском движении. Самое раннее изложение взглядов по этому вопросу было дано в написанной еще в 1848 г., но напечатанной частично в 1856 г. (а полностью в 1859 г.) работе Е. П. Новикова «Гус и Лютер»⁴³ и в рецензии В. Елагина на «Историю Чехии» Палацкого⁴⁴. Новиков позже не возвращался к научной работе, которую он променял на карьеру дипломата; его единственное научное сочинение, тем не менее, является интересным образцом славянофильской историографии.

⁴² П. А. Матвеев. Болгария после Берлинского конгресса. СПб., 1887, стр. 131.

⁴³ Е. П. Новиков. Гус и Лютер. М., 1859.

⁴⁴ В. Елагин. Об истории Чехии Франца Палацкого.— «Чтения ОИДР», 1848, № 7, отд. IV, стр. 1—44.

Сравнивая Гуса и Лютера, Новиков подчеркивает различие между славянским и немецким национальными характерами, соперничество немецкого и славянского миров, проявившееся в личностях обоих деятелей. Высшие классы чехов были заражены германизмом, и Гус обрушился против германизации Чехии, выступил поборником славы и чести родного народа, стремясь к единению и цельности своего государства. Так Новиков сопоставлял отвлеченно взятые (в славянофильском плане) славянские и западные «начала», не будучи в силах ни понять реальную обстановку в Чехии конца XIV — начала XV в., ни подняться над славянофильскими идеями. Новиков утверждал наличие «сильного развития православия в догуситской истории Чехии»⁴⁵ и самое гуситское движение рассматривал как борьбу за воскрешение в Чехии православной традиции.

С Новиковым солидарен Гильфердинг, подчеркивавший стремление гуситов к связям с православным Востоком и утверждавший, что «Гус, по смыслу своего учения, не был протестант; он был православный»⁴⁶. Вслед за ним В. А. Бильбасов в предисловии к изданному им переводу брошюры Лютера о Гусе проводил мысль о сохранении православия в Чехии во всяком случае до XII в., о наличии некоторых православных обрядов и позже этого времени; в начале XV в., по его мнению, «православие является в Чехии в обширных размерах»⁴⁷. Этот ряд положений Бильбасов дополнял уже приводившимся Гильфердингом указанием на то, что после отлучения чехов от церкви (на Флорентийском соборе) они обратились в Константинополь, но захват последнего турками помешал им соединиться с восточной церковью.

Последним, хотя и более умеренным, выразителем этих идей был А. С. Клеванов. Признавая существование в догуситской Чехии остатков греко-восточных преданий и их влияние на возникновение и существо гусизма, он не настаивал, однако, на сознательном стремлении гуситов к православию⁴⁸. Это была последняя попытка отстоять старую точку зрения (хотя бы с некоторыми поправками). В том же году, когда появилась книга Клеванова, была напечатана статья Васильева, наносившая удар славянофильским взглядам. Васильев показал, что утверждение о сохранении чехами православных традиций ничем не доказано. С учетом новых данных Васильева вопрос рассматривался последующими авторами, в частности, учеником Ламанского И. С. Пальмовым, который отверг тезис о православии

⁴⁵ Е. Новиков. Гус и Лютер стр. 246.

⁴⁶ А. Гильфердинг. Собр. сочинений, т. I, СПб., 1868, стр. 365.

⁴⁷ В. А. Бильбасов. Чех Ян Гус из Гусинца. СПб., 1869, стр. XVII.

⁴⁸ А. С. Клеванов. Очерк истории чешского вероисповедного движения, ч. I—II, М., 1876.

чехов и Гуса. Но, занимаясь гусизмом, Пальмов остался в кругу исключительно религиозных вопросов. Он считал причинами гуситского движения не православные традиции, а неудовлетворенность тогдашним католицизмом и недовольство немецким засильем в Чехии⁴⁹. Славянофильская концепция гусизма под напором фактов оказалась разбитой.

Вопросами славяноведения параллельно с учеными славянофильского лагеря занимались историки либерально-буржуазного направления. Они не признавали теоретических основ славянофильства, взгляда на особые судьбы и исторические задачи славян, но не были и принципиальными противниками славянофилов ни в политическом отношении (они тоже поддерживали самодержавие), ни в философском (они также были идеалистами). Буржуазная социология позитивизма со свойственным ей отказом от монизма, с признанием множественности «факторов», действующих в историческом процессе, была основой их исторических представлений.

Для этой группы характерен интерес к истории Польши, в меньшей мере к истории сербов и болгар. Центральным вопросом польской истории для этой группы был вопрос о разделе Польши и причинах ее упадка.

В 1862 г. специалист по новой истории В. Герье опубликовал магистерскую диссертацию «Борьба за польский престол в 1733 году». Хотя это исследование было посвящено дипломатической истории, автор касался также вопроса о социально-политическом строе шляхетской Речи Посполитой. Он отмечал расхождение польского народа на шляхту и «прочих жителей, которые стояли не много выше рабов». Города в Польше развивались медленно, горожане оставались чуждыми польскому земледельческому населению. Шляхта представляла собой обособленную касту. Причина государственной слабости и падения Польши, по мнению Герье, заключалась в порабощении народа, в кастовости шляхты и панства и слабости центральной власти.

Представитель государственной школы в русской исторической науке, С. М. Соловьев в книге «История падения Польши» исходит из неизбежности борьбы русского и польского государств: еще в начале XVII в. история, по мнению Соловьева, «поставила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие». С конца XVII в., когда Россия поворачивает на Запад и граница ее расширяется в этом направлении, этот вопрос приобрел еще большее значение. Ко второй половине XVIII в. положение было таково, что надо было волею-неволею свести старые счеты

⁴⁹ И. Пальмов Вопрос о чаше в гуситском движении, СПб., 1881, стр. 536

К такому исходу вели: 1) русское национальное движение, шедшее под религиозным знаменем; 2) завоевательные стремления Пруссии; 3) преобразовательные движения, господствовавшие в Европе в XVIII в. Говоря об этих последних, Соловьев отмечает преобразовательную деятельность Петра I, а во второй половине века деятельность Екатерины II, Иосифа II (в Австрии) и Фридриха II (в Пруссии), революцию во Франции. Польша не могла остаться спокойной среди этих преобразовательных движений; преобразования были ей особенно необходимы в силу одностороннего развития шляхты; ее независимость уже была чисто номинальной, стремление некоторых поляков к преобразованиям были естественны. «Но что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые, и попытка преобразования только ускорила падение Польши»⁵⁰. Чтобы объяснить свою мысль, Соловьев дает характеристику государственного строя Польши. Вооруженное шляхетское сословие было единственной силой, правившей польским государством. Падение Польши в этих условиях Соловьев считает неизбежным; реформы не могли ее спасти.

Книга Соловьева появилась в 1863 г. Его мрачная оценка судеб Польши была связана с политической позицией тогдашнего либерализма. Признание Польши мертвым организмом было отрицательным ответом российского либерализма на вопрос о возможности ее государственного бытия и на поставленный восстанием 1863 г. вопрос об ее освобождении.

Еще решительнее высказался Н. И. Костомаров. Он видел причины падения Польши не в пороках ее политического строя, не в угнетении крестьян. «Корень падения Польши — в той деморализации шляхетского сословия, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошие учреждения и увеличивала власть дурных; ...корень падения Польши — в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни»⁵¹. Таким образом, Костомаров в конечном счете сводил причины прекращения государственного существования Польши к психологическим особенностям польского народа, к особенностям народного характера. Отсюда он выводил и особенности политического строя — свободу беспорядка, неравенство сословий и поработение одних другими. «Вся польская история имеет то свойственное ей отличие, что в ней от начала до конца господствует какой-то дух саморазрушения»⁵². Касаясь поработения в Польше крестьян, Костомаров счи-

⁵⁰ С. М. Соловьев. Собр. соч., изд. «Общ. польза», стр. 7

⁵¹ Н. И. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой. Изд. 2-е. СПб., 1870, стр. 26.

⁵² Там же, стр. 47.

тал, что само по себе это порабощение не вело страну к гибели. Важнее была деморализация, явившаяся результатом рабства.

Костомаров снимает с России обвинение в том, что она мешала реформам, и указывает случаи, когда русское вмешательство способствовало упорядочению внутренних отношений. В утверждениях, касающихся русской политики, Костомаров, подобно Соловьеву, откликнулся на острые темы современности и так же, как тот, стал в лагерь противников польского освободительного движения.

В своих рассуждениях о национальном польском характере как причине гибели государства Костомаров перекликался с реакционным русским историком Иловайским, который в своей книге «Гродненский сейм» на первое место в ряду обстоятельств, определивших гибель Польши, ставил ту же «причину».

Тот же вопрос нашел освещение в трудах одного из столпов русского либерализма — Н. И. Кареева. В 1888 г. он опубликовал две книги — «„Падение Польши” в исторической литературе» и «Исторический очерк польского сейма». В них, не привлекая нового материала, он подвел итоги изучения вопроса как в русской, так в польской и западной историографии.

Признавая справедливость основного положения, сформулированного в литературе, о внутренних причинах гибели польского государства, Кареев видит существо вопроса в бессилии законодательной власти и расстройстве исполнительной. Сейм не получил преобладания над сеймиками. «Польша и пала потому, что в решительную пору, когда ей нужно было прежде всего являться единым государством с сильным правительством, дабы отстаивать свою независимость, она едва лишь приступила к реформе своего сейма и к созданию у себя настоящего правительства»⁵³. Социальные причины отодвигаются Кареевым на задний план. Касаясь вопроса о разделах, Кареев считает, что отторжение от Польши западных и восточных провинций при любых условиях было исторически неизбежно. Кареев признает бесспорным, что инициатива раздела принадлежала Пруссии. в то время как Россия стремилась к господству над неразделенным польским государством.

Переоценка политической стороны вопроса и недооценка социальной свидетельствуют о том, что Кареев не поднялся выше предшественников и не сумел воспользоваться тем богатым материалом по социально-экономической истории Польши, который был уже собран в это время.

Внимание русских ученых привлекал также вопрос о реформации и католической церкви в Польше. Ему посвятил работу

⁵³ Н. И. Кареев. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888, стр. 379. Эта же мысль была раскрыта Кареевым в другой работе (Н. И. Кареев. Исторический очерк польского сейма. М., 1888).

П. Жукович, который интересовался этим вопросом в плане церковной истории и рассматривал реформационное движение в связи с деятельностью кардинала Гозия⁵⁴.

Н. Любович интересовался социальным строем Польши XVI в. и взаимоотношениями шляхты и духовенства⁵⁵ в период реформации и католической реакции. Он подчеркивал, что реформационное движение явилось оружием в борьбе шляхты против духовенства. Слабость и шляхетский характер протестантского движения в Польше обеспечили победу католической реакции. Отмечая особенности точки зрения Любовича, Кареев упрекал его в том, что он в религиозном движении видел отражение социально-экономических интересов.

Историки либерального лагеря интересовались и историей гусизма, в частности, ему посвятил специальную книгу В. К. Надлер, позднее перешедший на реакционные позиции. Будучи специалистом по всеобщей истории, он сумел поставить вопрос достаточно широко, стремился выяснить общие причины оппозиции против католичества и папизма в Европе (а не только местные, чешские)⁵⁶, признал односторонность высказанных в литературе мнений о причинах национально-религиозного движения в Чехии XV в.; ни Палацкий, ни Новиков, ни Гильфердинг не охватили, по мнению Надлера, всех сторон вопроса. Надлер чужд был идеям и крайностям славянофилов, хотя и высоко ценил работу Новикова. Заслугой Надлера было то, что он, показав общеевропейскую основу оппозиции католицизму, сумел понять самостоятельность чешского развития. Он правильно определил степень влияния Виклефа, признав его одним из второстепенных моментов в развитии гусизма. Надлер учел значение деятельности предшественников Гуса — Матвея из Янова, Милича и др. Его книга является широким (по охвату вопросов) очерком эпохи, и, хотя она в значительной своей части основывалась только на литературе, автор сумел воздержаться от проявления каких-либо конфессиональных симпатий.

Одним из немногих исследователей Хорватии среди русских либеральных ученых был казанский профессор И. Н. Смирнов. В 1881 г. он напечатал очерк, посвященный далматинским городским общинам X—XI вв., где старался определить влияние римских учреждений на городское устройство. Смирнов показал растущее значение славянского населения, наличие которого

⁵⁴ П. Жукович. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. СПб., 1882.

⁵⁵ Н. Любович. История реформации в Польше. Кальвинисты и антиринитари. Варшава, 1883; его же. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше, 1890.

⁵⁶ В. К. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV в. Харьков, 1864.

чувствуется во всей жизни общины. X—XI века представляли пору завершения процесса разложения старого строя. Далмация из провинции превратилась в конгломерат независимых общин. Но следы старого устройства еще кое в чем напоминали о себе (зависимость Сплита и Раба от Зары). Они сохранились и в городском устройстве. В отличие от историков-славянофилов, Смирнов сравнивал далматинские общины с итальянскими и находил общие черты при наличии существенных специфических особенностей в общественном строе.

В 1880—1884 г. Смирнов опубликовал исследование об отношении Венеции к городским общинам Далмации с XII до середины XVI в. Он попытался здесь выступить как историк-социолог, изучающий «процесс народной жизни и развития», однако его социологические выводы чаще всего лишены были научного значения⁵⁷.

Бессильным оказался автор и в анализе экономических отношений Далмации, к которым он подходил, оперируя категориями буржуазного общества, приняв их за вечные понятия.

Видным представителем русской науки и в то же время основателем болгарской исторической школы был Марин Степанович Дрянов (1848—1906 гг.) — болгарин, получивший образование в России, ученик М. О. Бодянского. Дрянов как бы символизировал собой живую связь русской и болгарской науки. Один из основателей и председатель болгарского литературного общества «Книжно дружество» в Браиле (Румыния), активный участник его журнала «Периодическо Списание», автор ряда публицистических статей в болгарских буржуазных журналах и газетах («Время», «Македония», «Народность» и др.), первый руководитель народного просвещения в освобожденной русскими войсками Болгарии, Дрянов в течение долгого времени (с 1873 по 1906 г.) был профессором Харьковского университета. Его взгляды формировались, когда болгарский народ боролся за освобождение от турок, когда началось национальное возрождение в Болгарии. Своими публицистическими сочинениями и деятельностью в литературном обществе Дрянов способствовал культурному возрождению родного народа.

⁵⁷ Примером могут служить рассуждения Смирнова о причинах подчинения далматинского побережья Венеции. Оказывается, эти причины состояли в том, что «внешняя политика Угро-Хорватии, Боснии и Сербии определялась случайными интересами правителей, стоящих в их главе, по своим результатам зависела от случайных личных качеств правителей (понимания государственных интересов, современного отношения окружающих государств, энергии и таланта), от случайных приятных или неприятных отношений между сюзеренами и вассалами, случайного совпадения или несовпадения личных интересов этих последних с интересами целого государства» (И. Н. Смирнов. Отношение Венеции к городским общинам Далмации, вып. II, Казань, 1884, стр. 119).

Выходец из зажиточных кругов он примыкал к деятелям болгарского либерально-буржуазного крыла. Это отразилось и в его выступлениях по церковному вопросу, который занимал значительное место в публицистике Дринова.

Начало его деятельности как ученого приходится на конец 60-х годов. В 1872 г. вышла одна из наиболее важных его работ — «Заселение Балканского полуострова славянами»⁵⁸. В ней он разбирал вопрос о времени появления славян на полуострове и на основе анализа топонимики, до того широко в этих целях не использовавшейся, приходил к выводу о раннем соприкосновении славян с римским миром. Он считал возможным появление славян на полуострове в III и даже в конце II в., но массовое передвижение их туда относил к VI—VII вв.

Впрочем, приемы использования лингвистических данных Дриновым вызвали упреки современников, а его тезис о проникновении славян на Балканский полуостров во II—III вв. поддержки не получил.

Спустя несколько лет Дринов опубликовал вторую крупную работу — «Южные славяне и Византия в X веке»⁵⁹. В ней он впервые ввел в оборот некоторые греческие источники, до того остававшиеся вне поля зрения историков. Помимо изложения политической истории, Дринов уделил значительное место рассмотрению богомилства. Он показал, как совершалось обогащение монастырей, в руках которых сосредоточилось большое количество земель и зависимого крестьянского населения; любовь к роскоши, испорченность духовенства, по его мнению, способствовали распространению ереси. Еретики восставали против общественно-политического строя Болгарии. Буржуазная ограниченность Дринова не позволяла ему понять богомилство как социальное движение, но он значительно приблизился к этому взгляду и вовсе не считал это важнейшее в истории средневековой Болгарии народное движение чисто религиозным, стремясь понять его связь с условиями социально-политической жизни. Эта прогрессивная черта исторических воззрений Дринова, несомненно, ставит его выше Гильфердинга.

Другой важной стороной этой его работы было стремление рассмотреть внутреннее государственное устройство Болгарии. И в этом вопросе Дринов прокладывал новый путь. Его предшественники ограничивались простым выяснением основных фактов политической истории, Дринов же пытался разобраться в титулатуре болгарских бояр, упоминаемой Константином

⁵⁸ М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами «Чтения ОИДР», 1872, кн. 4, отд. I, стр. 1—176. Перепечатано: М. Дринов. Сочинения. т. I. София, 1909.

⁵⁹ М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X веке.— «Чтения ОИДР», 1875, кн. 3, отд. III, стр. 1—152. Перепечатано: М. Дринов. Сочинения. т. I.

Багрянородным, дал определение трем категориям великих, внутренних и внешних бояр, нарисовав тем самым очерк внутреннего управления страной и связав его с политической борьбой времени царя Петра.

Некоторыми историческими вопросами интересовались либеральные славяноведы-филологи. Заслуживает упоминания книга известного историка славянской литературы и русской общественной мысли А. Н. Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878)⁶⁰, для которой характерна та двойственность, которая была свойственна либерализму в этом остром вопросе. Правильно понимая клеветнический характер обвинений со стороны немецких, венгерских, английских и прочих политических деятелей в панславизме, показывая, что термином «панславизм» обозначают и национальное движение отдельных славянских народов, и их стремление к объединению, и планы русских славянофильских идеологов объединения славян вокруг монархической России, сам Пыпин не сумел установить точное значение термина. Он его употребляет одинаково при характеристике как реакционных, так и прогрессивных славянских идей. Выступая против славянофильства, его теоретических основ и политических выводов, Пыпин признает необходимость панславизма для политического союза славян с Россией и для культурного сближения. Однако он оговаривает, что предпосылкой для этого должны явиться внутренние реформы в России. Вопрос о сближении со славянами рассматривается не столько как вопрос государственный, а как вопрос общественной инициативы; участие России в славянских делах признается неизбежным⁶¹.

Значительный вклад в разработку истории славян внесли русские византилисты, особенно В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский⁶².

Васильевский, в частности, показал значение Закона Судного Людям и Земледельческого закона как источников по ранней истории славян на Балканском полуострове и сделал ряд важных замечаний о взаимосвязях редакций этих юридических памятников⁶³. Он также нарисовал картину печенежских набегов на болгарские земли, находившиеся в XI в. под властью

⁶⁰ А. Н. Пыпин. Панславизм в прошлом и настоящем.— «Вестник Европы», 1878, № 9, стр. 312—353; № 10, стр. 726—766; № 11, стр. 313—345, № 12, стр. 771—805 (отдельное изд.— СПб., 1913).

⁶¹ А. Н. Пыпин. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913, стр. 188.

⁶² Подробно их работы охарактеризованы в отделе, посвященном византиноведению.

⁶³ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, март, отд. II, стр. 160—232; апрель, отд. II, стр. 386—438; 1880, июль, отд. II, стр. 98—170; август, отд. II, стр. 355—440.

Византии⁶⁴. И в других своих работах он касался отдельных вопросов истории южных славян.

Успенский написал исследование, посвященное образованию Второго Болгарского царства, в котором сделал попытку охарактеризовать положение Болгарии под византийским господством и борьбу болгарского народа за освобождение, выяснил участие русских в борьбе болгар. Недостатком работы было отрицание роли богомилов в национальной борьбе. Успенский привлек к исследованию материал, ранее не находившийся в научном обороте, его труд получил положительную оценку специалистов (Васильевского, Дринова) и занял прочное место в исторической литературе.

Вопросов истории южных славян Успенский касался и в других своих работах. Вслед за Васильевским он изучал влияние славянской колонизации Балканского полуострова на социально-экономическое развитие Византийской империи и показал существование славянской общины в X—XIV вв.

II

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

То оживление в области изучения истории Византии, которое началось еще в предреформенные десятилетия⁶⁵, продолжалось и в последующие годы, а с начала 70-х годов XIX в. русское буржуазно-дворянское византиноведение вступило в период своего расцвета, продолжавшегося до конца XIX в. Наиболее выдающимися специалистами по истории Византии в этот период были В. Г. Васильевский (1838—1899) и Ф. И. Успенский (1845—1928), а в области византийского искусства — Н. П. Кондаков (1844—1925). Серьезное значение имели также работы Н. А. Скабалановича, Т. Д. Флоринского, В. Р. Розена, Ф. А. Терновского, А. С. Павлова, П. В. Безобразова, Д. В. Айналова, А. И. Кирпичникова, В. Э. Регеля, И. Е. Троицкого, Д. Ф. Беляева, С. Г. Дестуниса и ряда других историков.

Идеалисты по своему общему мировоззрению, все эти ученые в области методологии примыкали к позитивизму. Ф. И. Успенский, например, полагал, что в развитии Византии решающую роль играли такие принципы, как «борьба экономическая и сословная, интересы провинций и центра, состязание между греко-римскими понятиями и учреждениями и варварскими» и что «основной закон развития человеческого общества» состоит

⁶⁴ В. Г. Васильевский. Византия и Печенеги. ЖМНЦ, 1872, ноябрь — декабрь

⁶⁵ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 495.

в том, что «выделяются периоды с преобладающим влиянием того или другого принципа»⁶⁶. У других историков и «принципы», и их комбинации могли быть несколько иными, но какая-либо научная система и классификация этих «факторов» отсутствовала и у них. Решающим критерием для отбора и оценки исторических явлений становились при этом — и совершенно независимо от субъективных желаний историка — его политические взгляды.

Политические симпатии русских византистов, которые все без исключения примыкали к консервативному лагерю русской дворянско-буржуазной интеллигенции, во многом определили идейную направленность их работ.

У всех византистов совершенно отчетливо выступает на первый план апология монархизма, который с их точки зрения является одним из основных животворных «принципов» общественного развития. Все лучшее, что было в Византии, якобы создано императорской властью. По мнению Васильевского, устойчивость Византии, ее сила, ее превосходство над Западом объясняются прежде всего тем, что «вооруженные старыми государственными преданиями, византийские императоры гораздо яснее и строже (чем на Западе.— *Ред.*) понимали свои обязанности в отношении ко всем подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всем благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть ее первейший долг»⁶⁷. «Император,— вторит Васильевскому Скабаланович,— был представитель закона, общее благо всех подданных, задача которого — благотворить всем»⁶⁸. Расценивая монархию таким образом, большинство русских византистов было глубоко убеждено не только в необходимости единения царя с народом, но и в полной возможности «единения народа с царем», придерживаясь принятых тогда формул правительственной пропаганды. Отсюда — резкое осуждение революционных выступлений. Так, движение зилотов — «анархия», «страшная революция», характерными признаками которой являются «грабежи, убийства, истязания»⁶⁹, народное движение изображается страшной смутой, «роковой по своим последствиям для империи»⁷⁰. Осуждению подвергались даже дворцовые

⁶⁶ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, январь, отд. II, стр. 31.

⁶⁷ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, март, отд. II, стр. 168.

⁶⁸ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 362. То же у Ф. И. Успенского и др.

⁶⁹ Т. Д. Флоринский. Андроник Младший и Иоанн Кантакузин. ЖМНП, 1879, август, отд. II, стр. 226, 229.

⁷⁰ См., например, Ф. И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник Комнины. ЖМНП, 1881, март, отд. II, стр. 62.

перевороты, узурпация власти, ибо благодетельной может быть только законная монархия; узурпатор же, даже самый талантливый, неизбежно вредит государству⁷¹.

Исключительно важную роль византинисты придавали православию, как одному из основных нравственных «принципов» развития, и церкви, как весьма важному политическому фактору. С особой силой подчеркивалась необходимость теснейшего союза государства и церкви, и всякое его нарушение с той или другой стороны неизменно встречало осуждение.

Неудивительно поэтому, что византиноведение пользовалось поддержкой царского правительства. В свою очередь византинисты старались идеологически оправдывать внешнеполитическую линию царизма в «восточном вопросе»⁷². Византиноведение получило довольно широкий доступ в университеты и духовные академии. Византинистам были предоставлены страницы «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1890 по 1899 г. его редактором был В. Г. Васильевский). С 1894 г. начал выходить при Академии наук ежегодник «Византийский Временник» (до 1899 г. тоже под редакцией Васильевского). В 1895 г. в Константинополе был организован Русский археологический институт (одним из инициаторов создания которого и бессменным директором был Ф. И. Успенский), тоже регулярно издававший свои «Известия».

Но при всем своем вполне официозном характере русское буржуазно-дворянское византиноведение последней трети XIX в. обладало некоторыми особенностями, отчетливо выделявшими его на общем фоне современного ему зарубежного византиноведения. К их числу относится в первую очередь исключительное внимание к вопросам внутренней истории и Византии, главным образом к социально-правовой стороне византийского аграрного строя и роли крестьянской общины в социальной эволюции Византийской империи.

Причины такой направленности научных интересов русских византинистов коренились, как и у других историков того времени, в особенностях социально-экономического развития и общественного движения России во второй половине XIX в. Основным вопросом, стоявшим тогда в центре всей русской общественной жизни, был вопрос о борьбе двух путей капиталистического развития России. Речь шла о том, удастся ли гос-

⁷¹ Такова, например, основная идея цитированной выше работы Флоринского (см. Т. Д. Флоринский. Андроник Младший и Иоанн Кантакузин. ЖМНП, 1879, июль, отд. II, стр. 87—243; август, отд. II, стр. 219—251; сентябрь, отд. II, стр. 1—48).

⁷² См., например, Ф. И. Успенский. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887; его же. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888 и др.

подстывающим классам отстоять «помещичий» («прусский») путь или же народные массы расчистят дорогу для развития «крестьянского», фермерского капитализма. При таких условиях в идеологической борьбе 60—80-х годов, в частности, и в области истории, вопросы, связанные с положением крестьянства, формами его землевладения, его взаимоотношения с государственной властью на разных этапах развития и т. п. приобрели весьма злободневное значение. Основные работы русских византистов по аграрной истории Византии созданы именно в конце 70-х — начале 80-х годов, т. е. как раз тогда, когда в России вновь нарастала революционная ситуация. Огромное влияние на расширение социальной тематики русской историографии второй половины XIX в. оказали работы революционных демократов и прежде всего Н. Г. Чернышевского. Проникнутые глубокой верой в активную творческую роль народных масс в историческом процессе, эти работы не только по-новому осветили ряд исторических периодов, но и поставили много новых вопросов именно в области социальной истории. Борясь с революционным влиянием этих работ, их противники — а все византилисты принадлежали к числу последних — неизбежно должны были так или иначе затрагивать указанные проблемы.

Другая особенность русского византиноведения того периода заключалась в том, что русские исследователи, как правило не довольствовались простым фактоописанием, характерным для западного буржуазного византиноведения, а стремились к обобщению явлений византийской истории, к выявлению закономерности ее развития. Это стремление со всей определенностью было выражено уже в одной из наиболее ранних византиноведческих статей этого периода — в напечатанных в 1871 г. «Очерках политической и домашней жизни греков в средние века» Г. Киприанова. Разбирая работу немецкого историка Краузе «Die Byzantiner des Mittelalters in ihrem Staats-Hof- und Privatleben...», Киприанов писал: «Нельзя не пожалеть только, что в этом сочинении, при обилии интереснейших фактов из жизни византийского общества, недостает того, что называется философией истории»⁷³. Об этом же говорил Ф. И. Успенский, упрекая виднейшего западноевропейского специалиста по истории византийского права Цахариз фон Лингенталю в том, что в его «византийских занятиях не установлено соответствия между наличным материалом и попытками к построению систем»⁷⁴. В пределах позитивизма именно

⁷³ Г. Киприанов. Очерки политической и домашней жизни греков в средние века. «Заря», 1871, июнь, стр. 312.

⁷⁴ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, январь, отд. II, стр. 84.

русские византилисты в наибольшей степени сохраняли «вкус к теории».

Почти все работы русских византистов второй половины XIX в. в той или иной степени были направлены против распространенного тогда в западноевропейской историографии отрицания теснейшей связи истории Византии с историей европейского средневековья. Обычно с особым усердием подчеркивали связи Византии с Востоком, крайне гипертрофировали «азиатские влияния» на ее общественный и политический строй и культуру. Русские византисты ввели Византию в семью европейских средневековых государств. Не ограничиваясь общей формулировкой этой концепции⁷⁵, русские византисты на основе богато документированных исследований конкретно показывали значение Византийской империи в общем ходе средневековой истории. Эта концепция дала им возможность гораздо более последовательно, чем это можно было сделать на основе «европоцентризма», использовать сравнительно-исторический метод для исследования и внутренней истории Византии.

Следует, наконец, отметить еще один момент общесторических взглядов русских византистов, тоже отличавший их от современного им западноевропейского византиноведения. В то время как западноевропейская буржуазная историография, напуганная июньскими событиями 1848 г. и особенно Парижской Коммуной, стремительно деградировала к плоскому эволюционизму, начисто отрицавшему какие бы то ни было «повороты и перевороты» в общественной жизни, перед русскими буржуазно-дворянскими историками, в том числе и византистами, стояла иная задача — исторически обосновать значение «великих реформ» 60—70-х годов, показать, что насущно необходимые «повороты» вполне успешно могут осуществляться самой монархией. Поэтому, решительно отвергая какие бы то ни было революционные выступления народа, русские византисты всемерно превозносили социальные реформы византийских императоров. При всей антиреволюционности эта направленность позволила им (правда, непоследовательно и односторонне) подойти к таким сторонам византийской истории, которые обычно оставались в тени⁷⁶.

Отмеченные особенности русского буржуазно-дворянского византиноведения второй половины XIX в. позволили ему по-

⁷⁵ См., например, Ф. И. Успенский. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории.— «Записки Новороссийского университета». Одесса, 1875, т. 16, ч. II, стр. 1—20.

⁷⁶ См., например, В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. ЖМНП, 1878, октябрь, отд. II, стр. 258—309; ноябрь, отд. II, стр. 95—129; его же. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, март, отд. II, стр. 160—232; апрель, отд. II, стр. 386—438; 1880, июль, отд. II, стр. 98—170; август, отд. II, стр. 355—440.

новому для своего времени осветить ряд важнейших вопросов византийской истории — и в первую очередь социально-экономических.

Начало изучению социально-экономической истории Византии было положено В. Г. Васильевским в конце 70-х годов. В 1878 г. вышло в свет его исследование «Законодательство иконоборцев»⁷⁷, где анализировалась крестьянская община в Византии на основании данных законодательных памятников — Эклоги и Земледельческого закона. В 1879 г. появилась примыкающая к этой работе статья «О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона»⁷⁸. С этими исследованиями теснейшим образом связана большая работа В. Г. Васильевского «Материалы для внутренней истории Византийского государства», также опубликованная в виде ряда статей в журнале Министерства народного просвещения⁷⁹. На основании анализа обширного круга разнообразных источников, как византийских, так и славянских, В. Г. Васильевский приходит к весьма важным выводам, проливающим новый свет на аграрную историю Византии. Сопоставляя ее земельные отношения с западноевропейскими и русскими, исследователь по-новому раскрыл значение таких византийских институтов, как прония, харистикий и др. «Новые историки, — писал он, — очень охотно говорят о феодализме в Византийском государстве в век Комнинов и Ангелов и большею частью ограничиваются внешними, несущественными, а часто и ложными признаками подобия в учреждениях и явлениях; но от них ускользает именно наиболее напоминающая первоначальные феодальные учреждения система проний»⁸⁰. Васильевский, по существу, доказал феодальный характер аграрного строя Византии. И хотя он сам, считая, как и другие буржуазные ученые, основным признаком феодализма не определенную систему производственных отношений, а всего лишь определенную форму политических связей — децентрализацию государственной власти, — не признавал византийское государство феодальным⁸¹, объективно его заслуги в постановке проблемы феодализации Византии совершенно бесспорны.

⁷⁷ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. ЖМНП, 1878, октябрь, отд. II, стр. 258—309; ноябрь, отд. II, стр. 95—129.

⁷⁸ В. Г. Васильевский. О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона. ЖМНП, 1879, январь, отд. II, стр. 161—173.

⁷⁹ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, март, отд. II, стр. 160—232, апрель, отд. II, стр. 386—438; 1880, июль, отд. II, стр. 98—170, август, отд. II, стр. 355—440.

⁸⁰ Там же, 1879, апрель, отд. II, стр. 415.

⁸¹ Он считал, что в Византии монархическая власть ограничила владетелей экономически и поэтому они не могли перенести свои притязания на

Большое внимание в своих трудах по социально-экономической истории Византии Васильевский уделяет вопросу о наличии там в VIII—IX вв. свободной крестьянской общины, неопровержимо доказывая ее существование на основании тщательного анализа Земледельческого закона, Эклоги и других памятников. Он научно обосновал данными первоисточников правильный вывод о непосредственной связи распространения в Византии VIII—IX вв. свободной крестьянской общины с колонизацией территории Балканского полуострова славянами в VII в.⁸² К сожалению, это очень важное наблюдение Васильевский не использовал в плане изучения предпосылок и особенностей становления византийского феодализма.

Одно из центральных мест в работах Васильевского по социально-экономической истории Византии занимает исследование аграрного законодательства императоров Македонской династии. Тщательно анализируя новеллы (законы) императоров X — начала XI в. — Романа Лакапина, Константина Порфирородного, Романа II, Никифора Фоки и Василия II, — автор прослеживает процесс поглощения мелкой крестьянской собственности крупным землевладением и изучает отражение этого процесса в законодательных памятниках эпохи. Васильевский приходит к выводу о почти полном поглощении крестьянской собственности крупным землевладением к середине XI в. Однако ошибочные общие методологические взгляды Васильевского особенно ярко сказались в непонимании им классовой сущности Византийского государства и его политики по отношению к крестьянству. Игнорируя классовый характер государственной власти, рисуя ее некоей «надклассовой» силой, Васильевский идеализирует аграрное законодательство императоров Македонской династии, направленное, по его мнению, на защиту «меньшей братии», мелкого крестьянского землевладения. Исследователь не видит того, что некоторые попытки со стороны центрального правительства X в. ограничить рост крупного феодального землевладения отражают, с одной стороны, столкновения внутри отдельных групп господствующего класса, а с другой — вызваны сопротивлением закрепощению со стороны самого крестьянства и являются одной из временных уступок народным массам, вырванных борьбой трудящихся.

В условиях нарастания новой революционной ситуации в России эта апология якобы «народного» характера монархиче-

политическую почву (см. там же, 1879, март, отд. II, стр. 172), и там же оформилась феодальная иерархия — основной будто бы признак феодализма.

⁸² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, март, отд. II, стр. 160

ской власти приобретала особо актуальный реакционный политический смысл.

Вслед за Васильевским к исследованию социально-экономической истории Византии приступил Ф. И. Успенский. В 1883—1885 гг. им были опубликованы четыре работы по этим вопросам: «К истории крестьянского землевладения в Византии»⁸³, «Значение византийской и южнославянской прони»⁸⁴, «Материалы для истории землевладения в XIV в.»⁸⁵ и «Следы писцовых книг в Византии»⁸⁶. Тогда же им было подготовлено к VI Археологическому съезду исследование «Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства»⁸⁷. Аграрной историей Византии Успенский занимался и в 90-х годах⁸⁸.

Хотя основная политическая идея, определившая общую направленность всех этих работ, по существу та же, что и у Васильевского (крестьянство, в первую очередь общинное,— якобы вернейшая опора монархии), огромное количество нового материала и ряд весьма интересных наблюдений и выводов автора выдвинули его работы на одно из первых мест в буржуазной византиноведческой литературе.

Сосредоточив свое внимание главным образом на XII—XIV вв., Ф. И. Успенский показал, что, вопреки мнению Васильевского, свободное крестьянство не исчезло в Византии ни в XI, ни в XII, ни в последующих веках, хотя и испытывало все более и более сильные удары со стороны крупного землевладения.

⁸³ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, январь, отд. II, стр. 30—87; февраль, отд. II, стр. 301—360.

⁸⁴ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской прони. «Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности». СПб., 1883, стр. 1—32.

⁸⁵ Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в.— «Записки Новороссийского университета». Одесса, 1883, т. 38, ч. II, стр. 1—56.

⁸⁶ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, 1884, январь, отд. II, стр. 1—43; февраль, отд. II, стр. 289—335; 1885, июль, отд. II, стр. 1—52.

⁸⁷ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. «Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.)», т. II. Одесса, 1888, стр. 272—339; в сокращенной редакции см. Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии. ЖМНП, 1888, октябрь, отд. II, стр. 229—259.

⁸⁸ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю богородицы милостивой. «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. I. Одесса, 1896, стр. 1—34; его же. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). Там же, т. V, Одесса, 1900, стр. 1—48; его же. Военное устройство Византийской империи. Там же, т. VI, вып. 1, София, 1900, стр. 154—208.

В соответствии с общей своей тенденцией Успенский полагал, что решающую роль в этом сыграли те «гарантии и обеспечение», которым крестьянство было обязано «надклассовой» власти императоров.

Много труда затратил Ф. И. Успенский на выяснение юридического содержания весьма запутанной терминологии византийских памятников, характеризующих формы землевладения в Византии. В отношении многих терминов его наблюдения не потеряли своего значения вплоть до настоящего времени, хотя необходимо помнить, что он ограничивался исследованием лишь их юридического выражения. Особо ценными являются те работы Ф. И. Успенского, в которых он разъясняет технику измерения земли в Византии, показывает содержание и приемы составления византийских писцовых книг, практику византийских землемеров и тому подобные вопросы, приближающие нас к пониманию особенностей повседневной жизни византийской деревни.

Вопросами аграрной истории Византии занимались в конце XIX в. и некоторые другие ученые: Н. А. Скабаланович⁸⁹, П. В. Безобразов⁹⁰ и др.

Классовая ограниченность Васильевского, Успенского и прочих буржуазных ученых с особой силой проявилась в том, что они рассматривали аграрную историю Византии в отрыве от классовой борьбы народных масс. В их трудах по социально-экономической истории Византии нет даже упоминания о таком крупном народном восстании IX в., как восстание Фомы Славянина (821—823 гг.), об антифеодальном движении павликиан, о крестьянских восстаниях X—XI вв. Но все же их труды ставили новые и весьма существенные проблемы внутреннего социально-экономического развития.

В отличие от аграрной истории, история византийского города долгое время мало привлекала внимание русских византинистов, как, впрочем, и византинистов других стран. Но в 90-х годах — не без влияния мощного подъема рабочего движения в России конца XIX в. — начали появляться работы, посвященные социально-экономическим отношениям в византийских городах. В 1894 г. была опубликована статья Ф. И. Успенского «Партии цирка и димы в Константинополе»⁹¹, по-новому поставившая вопрос о так называемых цирковых партиях. В про-

⁸⁹ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке, СПб., 1884.

⁹⁰ П. В. Безобразов. Патмоская писцовая книга. «Византийский временник», VII, 1900, стр. 68—106; его же. Перевод, примечания и приложения к «Истории Византии» Герцберга. М., 1896.

⁹¹ Ф. И. Успенский. Партии цирка и димы в Константинополе. «Византийский временник», I, 1894, стр. 1—16.

тивовес другим византинистам, которые, начиная с Гиббона, отрицали связь партий цирка с политическими движениями, Ф. И. Успенский показал, что цирковые партии не были только спортивными организациями, что они имели гражданские и военные функции. Но, к сожалению, ни сам Успенский, ни кто-либо другой из буржуазных историков не сумели вскрыть классовой природы этих партий, для них они было просто «организациями народа».

Интересные наблюдения над внутренней жизнью византийского города были сделаны Успенским и в статье «Константинопольский эпарх»⁹², где автор основное внимание уделил определению функций одного из высших чиновников византийской администрации — эпарха Константинополя, в ведении которого находилось управление столицей и контроль над ремеслом и торговлей в Константинополе. Детально изучая функции городского эпарха, его взаимоотношения с центральной властью и населением города, Ф. И. Успенский не анализирует, однако, внутренней социально-экономической структуры византийского города, не исследует организации и социального состава торгово-ремесленных корпораций, находившихся в ведении городского эпарха.

Не могли, конечно, остаться вне поля зрения русских византистов и вопросы государственного устройства Византийской империи. Хотя ограниченность методологии и здесь обусловила пристрастие историков к формально-юридическим конструкциям, в некоторых случаях они под давлением собранного материала становились на более правильный путь объяснения изменений в византийском государственном аппарате, связывая их с социально-экономическими условиями. Наиболее ярко это проявилось в работах Ф. И. Успенского о происхождении и значении так называемого фемного строя, который автор связывал со славянской колонизацией империи⁹³. При всех своих недостатках его работы сыграли положительную роль в изучении этой весьма важной проблемы.

В связи с той ролью, какую играла в Византии христианская церковь, для научной истории Византийской империи известное значение может иметь и материал о правовом положении византийской церкви и о ее взаимоотношениях с государством, собранный в многочисленных церковно-исторических работах, в частности в работах Е. Е. Голубинского, И. Е. Троиц-

⁹² Ф. И. Успенский: Константинопольский эпарх. «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. IV, вып. 2, София, 1899, стр. 79—104.

⁹³ Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. VI, вып. 1, София, 1900, стр. 154—208.

кого, А. П. Лебедева, Ф. А. Терновского, И. И. Соколова и В. В. Болотова. Необходимо помнить, что официальное положение авторов (в большинстве преподавателей духовных академий) и их конфессиональные взгляды наложили свой отчетливый отпечаток не только на общую трактовку роли византийской церкви, но и на самый подбор материала.

Много внимания уделяли русские византилисты этого периода изучению культуры Византийской империи. Кроме В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, над этими вопросами работали Н. П. Кондаков, Н. А. Скабаланович, А. И. Кирпичников, Т. Д. Флоринский, П. В. Безобразов, Д. В. Айналов, Е. К. Редин и др. Хотя именно в этой области наиболее сильно проявились как общий идеализм историков, так и влияние конфессиональных интересов православной церкви, русское византиноведение и здесь отличалось некоторыми особенностями, поднимавшими его над современным ему византиноведением Запада. Многочисленные работы русских историков этого периода на очень широком материале византийской историографии, агиографии, философской и художественной литературы покончили навсегда с легендой о неподвижности, застойности византийской культуры. Русские историки показали, что даже авторы, принадлежавшие к византийскому духовенству, «не чуждались интересов, волновавших светское общество, стояли на высоте современного им движения философской мысли»⁹⁴. Правда, «движение философской мысли» и Васильевский, и Успенский, и все другие византилисты второй половины XIX в. рассматривали в силу своей классовой ограниченности сугубо идеалистически, исключительно в плане «филиации» идей.

Как сильные, так и слабые стороны исследований русских византистов в области истории византийской культуры наиболее ярко проявились в самой крупной работе, посвященной этим вопросам, — в «Очерках по истории византийской образованности» Ф. И. Успенского⁹⁵.

Используя значительное количество самых разнообразных источников, Ф. И. Успенский в этом исследовании не ограничился только тем, что дал ряд выразительных картин богословской и философской борьбы в Византии в IX, XI—XII и XIV вв. Под его пером эти картины становятся отражением этапов развития византийской богословской и философской мысли, причем в ряде случаев автор проводит сопоставление с развитием

⁹⁴ Ф. И. Успенский. Византийская литература и язык. — «Новый энциклопедический словарь», под ред. Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 472.

⁹⁵ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.

философии в Западной Европе. Поэтому указанная работа по существу представляет собою первую в мировой литературе попытку дать целостную концепцию развития византийской философии с IX по XIV в. Конечно, концепция эта насквозь идеалистична. Успенский даже и не пытался вскрыть действительные причины движения византийской философии, ее место и значение в общественной жизни империи. Для него все дело сводилось к борьбе «аристотелизма» с «платонизмом» как двух чуть ли не извечно существующих и во всяком случае внутренне неизменных типов человеческого мирозерцания. Но в рамках буржуазного византиноведения самая попытка создать концепцию развития была прогрессивна. Именно благодаря такой направленности своей работы Успенский сумел увидеть в религиозно-богословских спорах, кипевших в Византии, их философское содержание. Тем самым при всей своей ограниченности исследование Успенского будило мысль, ставило новые вопросы, значительно расширяло круг источников, подлежащих изучению. А на Западе в это время даже лучшие работы буржуазных византинистов или носили преимущественно описательный характер (например, работы Шлюмберже, Диля и др.), или же представляли собой справочные книги вроде «Истории византийской литературы» К. Крумбахера, первое издание которой вышло почти одновременно с «Очерками» Успенского в 1891 г.

Большое значение для своего времени имела также книга П. В. Безобразова «Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл»⁹⁶. На основании изучения обширного и крайне разнообразного литературного наследия Михаила Пселла П. В. Безобразов нарисовал в своей книге яркую картину развития византийской образованности в XI в., подчеркнув, что византийская культура, в частности, философские труды Пселла оказали серьезное влияние на развитие западноевропейской философской мысли того времени. В книге П. В. Безобразова Михаил Пселл предстает перед нами как талантливый ученый, философ, ритор, грамматик, но в то же время и как беспринципный политик и льстивый царедворец.

Выдающееся место в буржуазном византиноведении заняли и работы русских византинистов в области истории византийского изобразительного искусства. Особенно ценными явились исследования Н. П. Кондакова, в частности, его «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876) и «Византийские эмали» (1892), работа В. В. Стасова о византийском и славянском орнаменте (1886),

⁹⁶ П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890.

Е. К. Редина — «Мозаики равеннских церквей» (1896)⁹⁷ и Д. В. Айналова — «Эллинистические основы византийского искусства» (1900), открывшие науке новые возможности для изучения византийского художественного творчества и наметившие новые пути оценки его истоков.

Интерес к вопросам внутренней истории весьма благотворно отразился и на изучении византийского права. Подавляющее большинство западноевропейских ученых интересовалось византийскими законодательными памятниками лишь постольку, поскольку они давали материал для восстановления и объяснения римского права⁹⁸. Напротив, лучшие представители русской науки свою главную задачу видели в изучении тех изменений римского права, которые совершались под влиянием права и правовых воззрений различных народов, вошедших в состав Византийской империи. Эта точка зрения открывала науке новые перспективы. Одним из ярких подтверждений этого являются работы Васильевского по исследованию Земледельческого закона и Эклоги, блестящие результаты которых были отмечены выше и которые вместе с работами других русских византинистов внесли весьма существенные поправки к исследованиям Цахариз фон Лингенталя — виднейшего в то время западноевропейского авторитета в данной области⁹⁹. Ценные наблюдения и открытия в истории византийского права были сделаны и исследователями, занимавшимися изучением соотношения византийского права с древнерусским (в первую очередь А. С. Павлов)¹⁰⁰ и южнославянским (например, Т. Д. Флоринский)¹⁰¹.

Как уже упоминалось, наряду с исследованиями по внутренней истории Византии русские ученые этого периода немало

⁹⁷ Е. К. Редина. Мозаики равеннских церквей. «Записки Русского археологического общества», т. IX, вып. 3 и 4, СПб., 1897, стр. 41—264.

⁹⁸ Обстоятельную сводку итогов работы западноевропейских ученых (главным образом Мортреля, Геймбаха и Цахариз фон Лингенталя) см. Д. Азаревич. История византийского права, ч. I—II. Ярославль, 1876—1877.

⁹⁹ Кроме упомянутых выше работ В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и Н. Скабалановича, следует отметить исследование Вл. Сокольского «О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права». «Византийский временник», I, 1894, стр. 17—54.

¹⁰⁰ А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869; его же. Номоканон при большом Требнике М., 1897; его же. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные СПб., 1885. Разработка некоторых вопросов византийского права велась русскими учеными в связи с исследованием договоров Византии с Киевской Русью, сохранных русскими летописями. См. статьи Соколовского («Университетские известия», № 4, Киев, 1870), Сергеевича (ЖМНП, 1882, январь), Мейчика («Периодический вестник», 1875, № 1, и 2-3) и А. Дмитриу («Византийский временник», 1895, II)

¹⁰¹ «Памятники законодательной деятельности Душана». Киев, 1888

труда и сил затратили и на изучение связей Византии с различными народами и государствами Европы и Передней Азии.

Выдающееся значение — и не только для византиноведения, но и для всеобщей истории — имели работы В. Г. Васильевского «Византия и печенеги»¹⁰² и «Из истории Византии XII в.»¹⁰³. В первой из них Васильевский с большим исследовательским мастерством совершенно по-новому осветил роль печенегов в истории Византии. Ему удалось установить связи, существовавшие между печенегами и сельджуками, и известную согласованность их борьбы против Византии. Васильевский показал, что именно трудность этой борьбы и заставила византийское правительство обратиться за помощью к Западу. Тем самым иначе, чем предшествующие ученые, объяснил Васильевский и самое начало крестовых походов. Во второй работе — «Из истории Византии XII в.» — Васильевский на основании разнообразных источников — западных, русских и византийских — подробно разбирает два важных эпизода европейской истории: 1) образование союза двух империй — византийской и германской — в середине XII в. и 2) распадение этого союза после южноитальянской войны 1156—1157 гг. По справедливому замечанию Ф. И. Успенского, значение этого исследования заключалось не только в том, что «автор успел внести совершенно новые данные в изложение событий II крестового похода», но и в том, что он «вскрыл весьма интересные факты — связь истории русского севера и угро-славянского юга с событиями всемирной истории»¹⁰⁴.

Еще более значительными были результаты работы В. Г. Васильевского в области изучения русско-византийских отношений. В ряде исследований, объединенных в три цикла («Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI—XII вв.»¹⁰⁵, «Русско-византийские отрывки»¹⁰⁶ и «Русско-

¹⁰² В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, ноябрь — декабрь, стр. 116—165; 242—332.

¹⁰³ В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII веке. «Славянский сборник», т. II, отд. 1. СПб., 1876, стр. 210—290; т. III, отд. 1, СПб., 1877, стр. 372—400.

¹⁰⁴ Ф. И. Успенский. Академик Василий Григорьевич Васильевский. ЖМНП, 1899, октябрь, стр. 299. Существенные поправки к истории Второго крестового похода, как она излагалась в исследованиях немецких ученых, сделаны Васильевским и в обстоятельном комментарии к неизданному надгробному слову Василия Охридского на смерть Ирины, супруги императора Мануила Комнина (см. «Византийский временник», I, 1894, стр. 55—132).

¹⁰⁵ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. ЖМНП, 1874, ноябрь, стр. 105—144.

¹⁰⁶ В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. ЖМНП, 1875, ноябрь, стр. 270—315; 1876, март, стр. 117—187; 1877, июнь, стр. 283—329; 1878, январь, стр. 86—154, март, стр. 128—181.

византийские исследования»¹⁰⁷, он талантливо использовал массу зачастую совершенно нового материала и пришел к выводам, весьма важным как для истории Византии, так и для первых столетий истории России.

Васильевский нанес серьезный удар норманистам, доказав на основе анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, что народ, называвшийся Русью, напал на Амастриду и Сурож уже в первой половине IX в. В исследовании о варяго-русской дружине в Константинополе Васильевский привел ряд фактов, неоспоримо свидетельствовавших, что шеститысячный отряд, посланный Владимиром на помощь Василию II против Варды Фоки, в своем большинстве состоял не из скандинавских норманнов, а из славян, жителей Киевского государства. Васильевский показал, что этот отряд — «русская пехотная гвардия», по его определению, — неоднократно впоследствии пополнявшийся, играл крупную роль в истории Византии XI в. Этими работами Васильевский показал, следовательно, что уже в первые века своей истории русский народ играл гораздо более значительную роль в международной жизни того времени, чем это было принято думать раньше. Об этом же косвенно, но весьма убедительно, говорило и уже упоминавшееся выше в другой связи исследование Васильевского «Византия и печенеги». Оно, показав действительную силу тюркских народов (печенегов, половцев), с которыми в течение нескольких столетий приходилось бороться и нашим предкам, дало возможность более правильно оценить и силу, и международное значение Киевского государства. Оно дало, по выражению академика Грекова, «масштаб» для этой оценки. Оказалось, «что преодоление печенежской и половецкой силы, грозившей Руси, было делом очень трудным, и оно было возможно только для очень мощного государства»¹⁰⁸, каким и была тогда, как это неопровержимо доказали советские историки, Киевская Русь. Естественно, что это заставило исследователей русских древностей по-иному отнестись и к другим фактам древней истории нашего великого народа. Не случайно поэтому именно эти «русско-византийские» статьи Васильевского подвергаются теперь наиболее ожесточенной, но и наиболее необоснованной критике со стороны некоторых современных реакционных византистов.

Кроме В. Г. Васильевского, изучением международных связей Византии занимался (тоже главным образом в плане ви-

¹⁰⁷ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 9. СПб., 1893, отд. II, стр. I—CCV.

¹⁰⁸ Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 342.

зантыйско-славянских и византийско-русских отношений) ряд других византинистов (Ф. И. Успенский, Х. М. Лопарев, Ф. А. Терновский и др.), славистов (В. И. Ламанский, В. В. Макушев, Т. Д. Флоринский, М. С. Дринов), ориенталистов (В. Р. Розен), историков древней Руси (Д. И. Иловайский, Н. П. Ламбин) и русской церкви (Е. Е. Голубинский, Ф. А. Терновский, Т. В. Барсов, Н. Ф. Канаберов и др.). Из их трудов наиболее интересными являлись те, которые относились к истории взаимоотношений Византии с южными славянами. Многие из этих работ¹⁰⁹, осветив совершенно неисследованные и намеренно игнорируемые западноевропейской историографией страницы истории Юго-Восточной Европы, в свое время имели серьезное научное значение. Без собранного в них фактического материала и теперь еще невозможно писать историю южнославянских народов.

Но, выступая против «европоцентризма», русские буржуазно-дворянские византилисты во многом сами оставались на почве того же самого одностороннего и внутренне обедненного понимания характера взаимоотношений между народами, которое было типично и для их западноевропейских коллег. И для них все дело сводилось к выяснению «влияний» и «заимствований». По существу они только расширяли круг «исторически активных», как тогда говорили, народов и государств, вводя в него Византию. Особенно ясно это сказывалось в их попытках определить «историческую миссию» «византинизма» — совершенно искусственного и насквозь идеалистического понятия — как какого-то организующего начала исторического развития на юго-востоке Европы¹¹⁰. На деле эти попытки приводили лишь к переоценке влияния Византии в экономической, политической и культурной жизни славянских народов. Но добросовестно собранный учеными конкретный материал очень часто явно не укладывался в рамки этой предвзятой схемы, и именно поэтому многие работы русских византинистов конца XIX в. не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Неумоимо и плодотворно трудились русские византилисты и в области разыскания и публикации новых памятников и источников по истории Византии. Весьма ценные материалы были

¹⁰⁹ См., например, Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879; Т. Д. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1882, М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.

¹¹⁰ Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888; его же. Деятельность патриарха Фотия в связи с исторической миссией византинизма, «Помощь самообразованию», № 3, Саратов, 1891; его же. История Византийской империи, т. I, ч. 1, СПб (б. д.), гл. 1.

обнаружены Васильевским¹¹¹, Троицким¹¹², Павловым и другими в русских книгохранилищах, богатства которых в этом отношении далеко не исчерпаны и до настоящего времени. Много новых материалов было найдено и в западноевропейских архивах¹¹³.

Но естественно, что наибольшее количество публикаций было сделано по материалам монастырей и церковных организаций, расположенных на территориях, некогда входивших в состав Византийской империи¹¹⁴. Выдающаяся в этом отношении роль принадлежала руководимому Ф. И. Успенским Русскому археологическому институту в Константинополе. Работа его сотрудников обогатила науку рядом первоклассных памятников¹¹⁵. Начали издаваться и надписи, найденные на территории бывших византийских владений в Северном и Восточном Причерноморье¹¹⁶.

Но, пожалуй, еще большая заслуга русских византистов в области источниковедения заключается в исключительно интенсивном, если можно так выразиться, использовании уже известных источников. Тонкая наблюдательность, находчивость, критическое чутье дали возможность Васильевскому, Успенскому и их соратникам подмечать в источниках то, что другие оставляли без внимания. В связи с этим русским византистам не только удалось блестяще разрешить ряд весьма сложных и запутанных источниковедческих вопросов¹¹⁷, но и

¹¹¹ В. Г. Васильевский. О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина... ЖМНП, 1879, январь стр. 161—173; его же *Cesaumeni Strategicon* и др.

¹¹² Например, «Автобиография императора Михаила Палеолога». «Христианское чтение», № 2, 1885.

¹¹³ Особенно интересны публикации В. В. Макушева, Ф. И. Успенского, Регеля.

¹¹⁴ См. публикации Порфирия Успенского, в частности «Беседы Фотия» в «Истории Афона» («Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона». Киев, 1873); Т. Флоринского — «Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Ссвастьянова» СПб., 1880; П. В. Безобразова — «Материалы для истории Византийской империи» — ЖМНП, 1889, март, стр. 72—92; Пападопуло-Керамевса — «*Ἀναλέκτα ἱεροζολυμιτικῆς σταχυολογίας*», т. I—V. Ἐν πετροπόλε, 1891—1898 и «Сборник источников по истории Трапезундской империи» («Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», № 44, 1897) и др.

¹¹⁵ См. «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. I—16. Одесса, 1896 — София, 1912.

¹¹⁶ В. В. Латышев в Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

¹¹⁷ См., например, работы В. Г. Васильевского о Симеоне Метафрасте (ЖМНП, 1880, декабрь; «Византийский временник», II, 1895, стр. 78—151, ЖМНП, 1897, июнь, отд. II, стр. 332—404).

значительно расширить круг подлежащих использованию византийских памятников. Так, именно русские византилисты показали значение монастырских актов для исследования социально-экономических отношений в Византии. Русским византистам принадлежит приоритет и в области использования агиографической литературы в качестве исторического источника. Особо следует отметить, что именно они впервые начали широко привлекать к изучению византийской истории славянские, в частности древнерусские, памятники. При этом самая методика обработки источников была безукоризненной. «Этот комментарий,— писал, например, Ф. И. Успенский об исследовании Васильевского о житии Георгия Амастридского,— следовало бы рекомендовать в качестве учебного руководства в историко-филологические семинарии университетов»¹¹⁸. То же самое можно сказать и о многих работах самого Успенского и ряда других исследователей.

¹¹⁸ Ф. Успенский. Академик Василий Григорьевич Васильевский (обзор главнейших трудов его по изучению Византии). ЖМНП, 1899, октябрь, стр. 306.

Глава IX

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВОСТОКА

I

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Интерес к изучению Востока во второй половине XIX в. значительно усилился в связи с ростом колониальной политики европейских держав, а также агрессивной внешней и внутренней политикой царизма, включением в состав России новых территорий Средней Азии, втягиванием населения Кавказа и других окраин в русло общероссийского экономического развития. Правительство выдвигало перед востоковедами определенные задачи, поощряло и поддерживало таких ученых и такие научные организации, которые обслуживали военные и административно-колониальные потребности царизма, оправдывали политику господствующих классов. Некоторые наиболее видные представители востоковедов являлись по должности или по призванию проводниками русификаторской политики на окраинах государства.

Наиболее характерным для русского научного востоковедения 60—90-х годов XIX в. было «академическое» направление. Ведущей фигурой русского буржуазно-дворянского востоковедения второй половины XIX в. являлся В. В. Григорьев (1816—1881), занявший в 1863 г. созданную в Петербургском университете кафедру истории Востока. Преданный самодержавию ученый, Григорьев развивал концепции колониалистского характера, восхваляя политику самодержавия и русификации в работах, связанных с изучением истории народов Средней Азии и Казахстана. В то же время в его трудах собран большой фактический материал¹. Он проявил несомненный интерес к соци-

¹ Наиболее значительные работы В. В. Григорьева: «О древних походах русов на Восток». ЖМНП, 1835, январь, отд. II, стр. 229—287; «История монголов. От древнейших времен до Тамерлана (перевод с персидского)». СПб., 1834, «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости», б. м., 1861.

альным проблемам, что было тогда новостью для русских историков Востока.

Григорьев перевел труд немецкого ученого К. Риттера «Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан»². Примечания и дополнения, сделанные В. В. Григорьевым, превратились в самостоятельное исследование, содержащее историографический раздел, характеристику Кабулистана и Кафиристана в физико-географическом, этнографическом, статистическом, историческом и археологическом отношениях, а также описание первой англо-афганской войны (1838—1842 гг.). Этот труд был серьезным для своего времени научным исследованием Афганистана, и, хотя в некоторых отношениях он сейчас уже устарел, но как свод источников он и поныне сохраняет свое значение.

В трудах по истории Востока Григорьев идеализировал отживающие экономические формы, цепляясь за остатки старины, не понимая и не видя положительного значения развивающихся на окраинах России новых капиталистических отношений. Апологет колониальной политики царизма, Григорьев в бытность свою управляющим областью оренбургских киргизов и председателем Оренбургской пограничной комиссии (1852—1863) усиленно насаждал среди феодальной верхушки казахов идеи великодержавности.

Григорьев был известен как организатор сил русского востоковедения. С его именем связан собравшийся и проведенный под его председательством III Международный конгресс ориенталистов в Петербурге (1876 г.), продемонстрировавший научные достижения русского востоковедения³.

Одновременно с Григорьевым трудился талантливый историк Востока В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). Работая в Оренбурге и изучив там архивные фонды, он написал труд «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана»⁴. Спустя несколько лет появилось второе его произведение — «Историческое известие о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-хана»⁵. В течение 1863—1887 гг. Вельяминов-

² К. Риттер. Землеведение Азии География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан. Перевел В. В. Григорьев. СПб., 1867.

³ К этому конгрессу Григорьев издал сборник своих статей под общим названием «Россия и Азия». СПб., 1876.

⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765), т. 1—2. Уфа, 1853—1855.

⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-хана. СПб., 1856

Зернов написал и опубликовал свой четырехтомный труд: «Исследование о касимовских царях и царевичах»⁶, в котором дан материал, относящийся к истории ханства Касимовского (до конца XVIII в.), а также большие экскурсы в историю золотоордынских, крымских, казанских и астраханских татар. До сих пор это исследование является наиболее полным собранием извлеченных из восточных источников материалов по истории татарских ханств. Вельяминов-Зернов был одним из немногих русских историков Востока, состоявших постоянным сотрудником Академии наук; в 1861 г. он был избран действительным членом Академии⁷.

Вельяминов-Зернов выступал сторонником создания русской оригинальной школы историков Востока и критически подходил к выводам европейского востоковедения.

Много внимания русские востоковеды второй половины XIX в. уделили вопросам изучения ислама, мусульманского сектанства и мюридизма на Кавказе, создав ряд интересных научных исследований. Видное место среди них занимают работы Г. С. Саблукова (1804—1880), начавшего свою деятельность преподавателем восточных языков Саратовской духовной семинарии, где он был учителем Н. Г. Чернышевского, сохранившего о нем добрую память. Переведенный в Казанскую духовную академию, Саблуков посвятил себя изучению мусульманства и после выхода в отставку в 1862 г. продолжал занятия по исламоведению. В 1878 г. он выпустил перевод корана с арабского подлинника на русский язык. Позднейшее издание этого труда («Коран. Перевод с арабского языка») ⁸ появилось в 1907 г. и до сих пор остается лучшим пособием для изучения ислама. Другой труд Саблукова — «Сведения о коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения»⁹, подробно исследует историю возникновения корана, его содержание и отношение к нему мусульман. Его миссионерский подход к изучению ислама значительно снижает научный уровень исследования вопроса. Еще в большей степени это можно сказать про работы Саблукова, помещенные в миссионерском сборнике, в которых он выступает апологетом христианства.

⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч 1—4. СПб., 1863—1887.

⁷ В. В. Вельяминов-Зернов является первым русским ученым-востоковедом, избранным в академики. До него академики-востоковеды избирались из числа только иностранных ученых, работавших в Российской Академии наук.

⁸ «Коран». Перевод с арабского языка Г. С. Саблукова. Казань, 1907.

⁹ Г. С. Саблуков. Сведения о коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения. Казань, 1884

Большое место в русском востоковедении XIX в. занимало изучение Индии. Выдающимся русским индологом, оставившим после себя талантливых учеников, был И. П. Минаев (1840—1890) — профессор Петербургского университета, занимавший кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков. В области лингвистики главный труд Минаева — «Очерки фонетики и морфологии языка пали»¹⁰, на котором сохранились древние памятники южного буддизма. Минаев — первый русский ученый, совершивший ряд научных поездок в Индию для изучения ее современного положения и истории, а также для ознакомления с индийскими языками и религиозной идеологией буддизма. На эту тему им написан специальный труд — «Буддизм. Исследования и материалы»¹¹. Минаев опубликовал ряд санскритских и палийских текстов.

В результате поездок в Индию в 1874—1885 гг. Минаев создал ряд ценных историко-географических трудов¹², в которых исследовал прошлую и современную историю Индии и отдельных княжеств, уделив серьезное внимание истории религии и колониальной деятельности англичан. В трудах Минаева приведен богатый фактический материал, относящийся, в частности, к различным формам землевладения и землепользования в период господства англичан. Большую научную ценность имеет работа Минаева под названием «Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина»¹³. В сущности, это не только пространный научный комментарий к знаменитому сочинению, но и выдающееся исследование по истории средневековой Индии, основанное на использовании громадной литературы и трудов об Индии географов конца XV в.

Книга Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»¹⁴ излагает в сжатом виде географические, этнографические и лингвистические данные о странах в верховьях Окса (Аму-Дарьи) и является ценной и оригинальной работой, посвященной описанию Центральной Азии.

¹⁰ И. П. Минаев. Очерк фонетики и морфологии языка пали, СПб., 1872.

¹¹ И. П. Минаев. Буддизм. Исследования и материалы. «Записки историко-филологического ф-та С.-Петербургского университета», ч. XVI, СПб., 1887.

¹² И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии; из путевых заметок русского, ч. 1—2. СПб., 1878; его же. Землевладение и землепользование в современной Индии, 1883; его же. Англичане в Бирме. «Вестник Европы», 1887, ноябрь, стр. 153—191; его же. Россия и англо-индийские интересы, 1882 и др.

¹³ И. П. Минаев. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. СПб., 1881.

¹⁴ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.

Научное значение трудов Минаева, в том числе и его дневников путешествий в Индию и в Бирму в 1880 и 1885—1886 гг., изданных в Москве в 1955 г.¹⁵, состоит в том, что автор собрал значительные данные о положении народных масс, отметил наличие социальных контрастов в Индии, уделил большое внимание экономическим проблемам. Минаев указал на развитие капитализма в Индии, рост числа фабрик и формирование пролетариата, равно как и местной буржуазии и многочисленной интеллигенции. Однако автор не сумел понять последствия развития в Индии капитализма и роль английского колониального режима, хотя и дал довольно правдивую общую картину современного ему индийского общества и проявил сочувствие пораженным народам Индии и Бирмы.

Несмотря на раннюю смерть, Минаев успел создать русскую научную школу по изучению Индии; его труды явились крупнейшим вкладом в изучение ее истории, языков и религии.

Русские востоковеды много сделали для изучения истории и литературы Турции. Среди ученых-тюркологов первое место принадлежит В. Д. Смирнову (1846—1922). В магистерской диссертации он с исключительным мастерством не только перевел на русский язык один из замечательных памятников, характеризующих разложение турецкой военно-ленной системы, но и показал, что представляла собой феодальная Турция XVII в.¹⁶ Пространные научные комментарии являются самостоятельным исследованием феодальной системы турецкого государства, вступившего в период упадка.

Значительны и монографии В. Д. Смирнова по истории Крыма, написанные на основе изучения турецких и крымских источников¹⁷. Автор убедительно охарактеризовал внутреннее положение Крымского ханства и разоблачил захватническую, грабительскую политику, веками осуществлявшуюся крымскими ханами против России, Украины, Польши, Северного Кавказа и других стран. Смирнову принадлежит ряд больших работ по истории Турции, напечатанных в крупных русских журналах за 80—90-е годы XIX в. Его труд «Очерк истории турецкой литературы»¹⁸ и до сих пор используется в учебных целях.

Русским ученым-востоковедом того времени, который не только выполнял большую научную и организаторскую работу,

¹⁵ И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и в Бирму. 1880 и 1885—1886. М., 1955.

¹⁶ В. Д. Смирнов. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

¹⁷ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. СПб., 1887; его же. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

¹⁸ В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы. СПб., 1891.

но и решительно боролся с колонизаторским и миссионерским отношением к изучению Востока, являлся виднейший арабист академик В. Р. Розен (1849—1908). Крупнейший специалист по арабскому языку и литературе, он большое внимание уделял изучению и публикации источников, относящихся к России и Восточной Европе. Необходимо отметить его исследование, посвященное арабскому географу ал-Бекри, под названием «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах»¹⁹. Другое его исследование, сохранившее свое значение до наших дней, посвящено арабскому путешественнику Ибн-Фадлану — «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» (1904). Одновременно Розен много сделал для изучения арабо-византийских отношений, издав извлечение из летописи Яхьи Антиохийского под названием «Император Василий Болгаробойца»²⁰.

Розен отдал много сил и труда делу организации русского востоковедения. Он критически разбирал труды русских арабистов и исламоведов, борясь против вульгаризации, привносимой в науку христианскими миссионерами, и в то же время всемерно поощряя и поддерживая научные начинания молодых ученых не только в центре, но и на местах. Не встретив поддержки со стороны так называемого «академического» востоковедения, представленного филологом академиком В. А. Дорном (1805—1881), преемником академика Х. Д. Френа (1782—1851), Розен вынужден был сосредоточить свою работу на факультете восточных языков Петербургского университета, где был деканом (1893—1902), и возглавил Восточное отделение Русского Археологического общества, превратив его в научный центр русского востоковедения, имевшего с 1886 г. свой печатный орган «Записки» — первый научный востоковедный журнал в России²¹. В то же время Розен считается родоначальником нового направления в изучении восточных литератур; он был ярким поборником восточной филологии как самостоятельной науки.

Если академик В. Р. Розен по праву может называться основателем русской школы арабистики, то другой выдающийся ученый — академик В. В. Радлов (1837—1918) признается родоначальником русской тюркологии, замечательным знатоком и исследователем тюркских языков и наречий. Радлов работал по различным тюркским языкам; в результате он создал серию томов: «Образцы народной литературы тюркских племен»

¹⁹ В. Р. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. «Записки Академии наук», т. 32, кн. 2, СПб., 1878, приложение № 2.

²⁰ См. «Император Василий Болгаробойца», изд. В. Р. Розен. «Записки Академии наук», т. 44, СПб., 1883, приложение № 1.

²¹ О В. Р. Розене см. сборник «Памяти академика В. Р. Розена». М.—Л., 1947.

(1866—1868); «Уйгурский словарь»; «Фонетика северных турецких языков» (1882); двухтомник «Aus Sibirien» (1884 и 2-е издание — 1893). Изучив замечательную находку Н. М. Ядринцева на Орхоне в 1889 г. (памятник с китайскими и турецкими руническими надписями VII в.), Радлов в 1892 г. опубликовал предварительный отчет своей экспедиции и ряд работ по этим надписям²². Одновременно с расшифровкой надписей, произведенной датским ученым В. Томсоном (1893), и используя работу датского турколога, Радлов дал полный перевод надписей (1894). По его инициативе был образован Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, много сделавший для изучения Синьцзяна и уйгурской литературы по буддизму и ма-нихейству.

В. В. Радлов принадлежал к тому поколению русских буржуазных востоковедов, которые умели соединять широту научного кругозора с глубокими специальными знаниями предмета и восточных языков, что давало им возможность с большим успехом заниматься исследовательской работой в самых различных направлениях избранной специальности.

Одновременно с академиками Розеном и Радловым большую и весьма плодотворную научно-исследовательскую работу в области востоковедения проводил М. М. Ковалевский (1851—1916), главной научной заслугой которого является разработка истории крестьянской общины вообще и особенно у кавказских и восточных народов²³. Занявшись изучением разложения общины, Ковалевский остановился и на вопросе о роли колониальной политики в судьбах народов Востока; эта тематика, вероятно, была подсказана Ковалевскому К. Марксом (о встречах с последним он писал в своей статье «Две жизни») ²⁴. В фундаментальном труде «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» ²⁵ автор, изучая общинное землевладение и английскую поземельную собственность в Индии, устанавливает влияние этой последней на распад общинного землевладения у индусов. Одновременно исследуются виды землевладения в Алжире во время завоевания его французами и распад там общины под влиянием земельной политики французских властей. По собранному в нем богатому материалу исследование это представляет большой научный инте-

²² В. В. Радлов. Предварительный отчет. «Сборник трудов Орхонской экспедиции». СПб., 1892, стр. 1—12; «Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Академии наук В. В. Радловым». СПб., 1892.

²³ Подробнее о М. М. Ковалевском см. стр. 351—370.

²⁴ М. М. Ковалевский. Две жизни. «Вестник Европы», 1909, июнь, стр. 495—522; июль, стр. 5—23.

²⁵ М. М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

рес. В другом труде — «Закон и обычай на Кавказе»²⁶ — Ковалевский исследовал семейную общину у многих кавказских народов, а также у афганцев, индийцев, курдов и др. Автор впервые раскрыл коллективизм и родственное начало семейной общины, допустив при этом известное преувеличение степени живучести пережитков общины и роли религиозного фактора в позднейших экономических и общественных отношениях. Ковалевскому принадлежит установление трех, последовательно сменявшихся форм общины: родовая, семейная, сельская (куда он включает и марку, в то время как Маркс и Энгельс отличают марку от сельской общины). Наконец, Ковалевскому принадлежит заслуга изучения причин и самого процесса разложения общины в условиях феодализма в странах Запада и Востока. Правильно подойдя к определению природы феодального общества и насильственных его функций, Ковалевский сбился, однако, на путь идеализации общины и выступил сторонником сохранения русской общины в условиях капитализма.

Работы М. Ковалевского оказали большое влияние на изучение Востока и особенно Кавказа и нашли своих последователей. К их числу следует прежде всего отнести С. А. Егiazарова, выступившего с трудом «Материалы по истории учреждений в Закавказье» (ч. I. «Сельская община», ч. II. «Городские цехи»)²⁷. В этом сочинении большое место занимает изучение условий существования части Закавказья (Азербайджана) в составе Ирана и господствовавших там правовых норм в отношении земледелия и ремесла.

II

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

40—60-е годы XIX в. явились переломным этапом в политике капиталистических держав на Дальнем Востоке. Китай и Япония были превращены в зависимые страны. США и Франция настойчиво добивались открытия доступа в Корею; в юго-восточной Азии укреплялись и расширялись колонии Англии; начала создавать свою колониальную империю на Дальнем Востоке Франция; шел раздел Океании между Англией, Францией и США.

В эту борьбу на Дальнем Востоке вступила и Россия. Усиление экспансии Англии и США в северной части Тихого океана создавало реальную угрозу русским владениям в этом рай-

²⁶ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I—II. М., 1890.

²⁷ С. А. Егiazаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I—II, Казань, 1889—1891.

оне. Под угрозой полного паралича — в связи с развитием морской торговли — находилась русско-китайская сухопутная торговля, центром которой была Кяхта²⁸. Кризис этой торговли, строившейся на феодально-крепостнической базе народного хозяйства России и Китая, и связанная с этим необходимостью изыскания новых, более передовых ее форм, а также борьба с Англией и США за русские владения на Тихом океане — все эти обстоятельства усиливали интерес русской общественной мысли, в том числе и русского востоковедения, к Дальнему Востоку. Обострившаяся к середине века классовая борьба в России и углубившееся размежевание в науке между прогрессивными и реакционными тенденциями нашли отражение и в русской востоковедческой науке.

В 1854 г. в результате длительной борьбы ученых-востоковедов с правительственной рутинной работой был издан указ о создании восточного факультета при Петербургском университете, который с этого времени наряду с Азиатским музеем являлся главным центром русского научного востоковедения вплоть до Великой Октябрьской революции²⁹.

Факультет был открыт летом 1855 г.; из дальневосточных языков сначала преподавались только китайский, монгольский и маньчжурский; в программу факультета входило также изучение истории Востока. Однако факультет не считал возможным создать отдельную кафедру истории Востока, считая, что «исследование Востока представляет еще фактов слишком мало для того, чтобы они могли наполнить собою целую отдельную науку»³⁰. На факультете читались история монголов с Чингисхана до современности (А. В. Попов), маньчжурская история (В. П. Васильев) и вся история Китая (В. П. Васильев). Фа-

²⁸ В 50-х годах публикуется ряд историко-экономических работ, посвященных русско-китайской торговле, основанных на солидном документальном материале: А. К. Корсаков. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань, 1857 (445 стр.); Г. Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России, т. 1—2. СПб., 1850 [в работе большое внимание уделено истории русско-китайской торговли (мехами, сукном, чаем и т. д.)].

²⁹ Борьба за создание специального востоковедческого научного и учебного центра была начата учеными еще в первой половине XVIII в. [проект академика Кэра о создании Восточной Академии, поддержанный М. В. Ломоносовым. — См. «Материалы для истории факультета восточных языков», т. 1—2, СПб., 1905—1906 (далее — «Материалы»)]. До 1854 г. изучение восточных языков было сосредоточено в Казанском университете, где, однако, не было специального восточного факультета, а восточные языки изучались на восточном разряде философского факультета. Самостоятельный восточный факультет был впервые организован в Петербурге. В Казанском университете преподавание восточных языков было прекращено, хотя, по оценке современников, оно стояло там на очень высоком уровне (см. «Материалы», т. 1, стр. 3, 7)

³⁰ Там же, т. 1, стр. 387.

культет собрал крупнейшие силы русского востоковедения. По новому университетскому уставу 1863 г. была создана отдельная кафедра истории Востока; изучение истории стран Дальнего Востока входило в один из трех отделов, на которые была разделена эта дисциплина.

Восточный факультет был единственным в Европе, где преподавались маньчжурский и монгольский языки. Стремление факультета расширить круг преподавания дальневосточных языков включением японского, корейского и тибетского наталкивались на бюрократизм и равнодушие царского правительства. Вопрос о преподавании японского языка ставился факультетом особенно настойчиво с 1870 г. и поддерживался из правительственных учреждений лишь Азиатским департаментом; преподавание его, однако, велось нерегулярно и вплоть до 1896 г. не было предусмотрено штатами; кафедра японского языка так и не была создана, хотя имелись знатоки японского языка (Костылев и др.). Регулярное преподавание корейского и тибетского языков не было поставлено, хотя потребность в специалистах, особенно по корейскому языку, была велика.

Несмотря на все препятствия, чинимые царским правительством успешному развитию изучения Востока, факультет восточных языков стал высшим и самым полным «по своей программе учреждением этого рода в целом мире»³¹.

В 1899 г. во Владивостоке был создан Восточный институт, где велась подготовка дипломатических, военных и других чиновников и изучались с чисто практическими целями дальневосточные языки — китайский, маньчжурский, монгольский, японский и корейский. Наряду с языками преподавались также география, экономика и история стран Дальнего Востока. В институте были сосредоточены крупные силы русских востоковедов: китаеведы А. В. Рудаков, И. П. Шмидт, японоведы Е. Г. Спальвин, В. М. Мендрик, Д. М. Позднеев, монголоеды А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, кореевед Г. В. Подставин, историк и географ стран зарубежного Дальнего Востока Н. К. Кюнер и др. Библиотека владивостокского института, по заявлению его директора А. М. Позднеева, в 1903 г. уступала лишь Азиатскому музею и превосходила даже библиотеку восточного факультета Петербургского университета. Институт регулярно издавал «Известия Восточного института», в которых печатались как учебные пособия, так и научные работы по языку, истории, географии (например, работа А. Рудакова «Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке»³²).

³¹ Там же, т. 2, стр. 269.

³² А. Рудаков. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901.

Во второй половине XIX и начале XX столетия крупную роль в изучении зарубежных стран Дальнего Востока сыграло Русское географическое общество (основано в 1845 г.) и открытые им отделения: Восточно-Сибирское в Иркутске (1851 г.), Троицкосавско-Кяхтинское и отделение в Приморье (Владивосток, Хабаровск). Хотя главной задачей Общества было изучение России и сопредельных стран Востока в географическом, экономическом и этнографическом отношении, тем не менее крупнейшие научные силы Общества, проводя многочисленные экспедиции в Синьцзян, Тибет, Монголию, Маньчжурию (экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова, Роборовского, Грум-Гржимайло, Семенова-Тян-Шаньского, Козлова и др.) одновременно собирали ценнейшие сведения исторического и историко-географического характера³³.

Велика также заслуга ученых Российского географического общества в проведении археологических раскопок в Монголии, Синьцзяне и других районах Китая. Так, Н. М. Ядринцев (1842—1894), прогрессивный общественный деятель Сибири, во время научной экспедиции в Монголию открыл так называемые орхонские памятники VIII в. с надписями на двух языках — китайском и тюркском³⁴.

Научные экспедиции П. К. Козлова (1863—1935), ученика и сподвижника Н. М. Пржевальского, открывшего в 1908 г. развалины тангутского города Хара-Хото (одного из культурных центров древней Азии, уничтоженного монголами), и его археологические раскопки в этом районе, давшие возможность ознакомиться с письменностью на языке тангутов (си-ся), сделали имя П. К. Козлова известным во всем мире³⁵.

Наконец, с Географическим обществом была связана деятельность великого русского путешественника и борца за права угнетенных колониальных народов Н. Н. Миклухо-Маклая (1846—1888). Этнографические, лингвистические и другие исследования, производившиеся Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее, в Индонезии, Микронезии, Британской Малайе, его наблюдения над бытом, социальным устройством народов этих стран, многие из которых еще не посещались европейцами, до сего времени являются неоценимым документальным материаль-

³³ П. П. Семенов. История полувековой деятельности имп. Русского географического общества 1845—1895. СПб., 1896.

³⁴ Н. М. Ядринцев. Предварительный отчет поездки из Эрдени-Цзу в Кяхту. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. I. СПб., 1892, стр. 27—40; его же. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. Там же, стр. 51—113; его же. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 году. Там же, вып. V, СПб., 1901, стр. 1—54.

³⁵ П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.—Пг., 1923.

лом для всех ученых, в первую очередь для историков, изучающих эти районы Юго-Восточной Азии и Океании. Миклухо-Маклай по праву может считаться пионером в деле изучения этих стран в России, а для Новой Гвинеи — и во всем мире.

Труды Миклухо-Маклая печатались в изданиях Географического общества³⁶. Там же публиковались важнейшие историко-географические и исторические памятники по зарубежному Дальнему Востоку³⁷.

Значительную роль в развитии русской исторической науки о зарубежном Дальнем Востоке сыграло Русское Археологическое общество (основано в 1846 г.), особенно с того времени, когда там было создано отделение восточной археологии (1851) и стали выходить «Труды Восточного отделения императорского Археологического общества» (первый том вышел в 1855 г.). В этих «Трудах» (а с 1886 г. и в «Записках Восточного отделения императорского Русского археологического общества», выходявших одновременно с «Трудами») печатались переводные и самостоятельные исторические работы русских востоковедов (А. М. Позднеев, В. П. Васильев, Н. И. Веселовский и др.)³⁸ по древности и средневековью стран Востока.

С Археологическим обществом был связан видный ориенталист России середины XIX в. монголовед Дорджи Банзаров (1822—1855). Бурят по национальности, он окончил Казанский университет и стал членом-корреспондентом Археологического общества. Банзаров был специалистом по истории религии, и ему принадлежит заслуга в деле расшифровки древних монгольских надписей³⁹.

В развитии русского монголоведения немаловажную роль сыграл бурят Г. Гомбоев, переводчик монгольской летописи

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I—II. М.—Л., 1940—1941; его же. Собрание сочинений, т. I—II. М.—Л., 1950; см. также Д. Н. Анучин. О людях русской науки и культуры. М., 1950, стр. 17—64.

³⁷ И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранц. текста «Записки Русского географического общества (далее РГО) по отделе этнографии», т. XXVI (1902); Н. Сп а ф а р и й. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая... Там же, т. X, в. I. СПб., 1882; П а л л а д и й. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. «Записки РГО по общей географии», т. XXII, № 1, СПб., 1892; его же. Комментарий к путешествию Марко Поло. Там же, т. XXXVIII, 1902 и многие другие работы того же автора.

³⁸ «История имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846—1896». Составил Н. И. Веселовский. СПб., 1900 (см. особенно стр. 291—304).

³⁹ «Труды Восточного отделения имп. Археологического общества», т. 1—2. СПб., 1855—1856; П. С. С а в е л ь е в. Из писем Дорджи Банзарова. Там же, т. 3. СПб., 1858, стр. 182—202; см. также Дорджи Б а н з а р о в Собрание сочинений. М., 1955.

«Алтан-Тобчи», преподаватель Петербургского университета, автор и переводчик многих работ⁴⁰.

Русские путешественники, занимавшиеся во время своих экспедиций изучением истории и археологическими раскопками, положили начало всестороннему научному изучению Синьцзяна (Великанов и др.)⁴¹, Монголии, Тибета, Маньчжурии.

О возросшем значении русского востоковедения свидетельствовал созыв в Петербурге III Международного съезда ориенталистов в 1876 г.⁴²

Середина XIX в. была периодом расцвета научной деятельности Пекинской миссии. Во главе миссии в эти годы стоял Петр Иванович Кафаров (1817—1878) — в монашестве Палладий — один из выдающихся русских синологов, автор (совместно с П. С. Поповым) капитального китайско-русского словаря (1888), до сего времени являющегося важным пособием для изучения китайского языка.

Пекинской миссией были выпущены четыре тома «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине»⁴³. В этих трудах собраны переводные и самостоятельные (главным образом исторические) работы русских синологов, работавших в миссии в течение многих лет.

Некоторые из напечатанных в «Трудах миссии» работ имели большое значение для развития исторической науки о Востоке. В этой связи прежде всего должны быть отмечены труды И. И. Захарова (1814—1885), в дальнейшем профессора Петербургского университета, автора маньчжуро-русского словаря, лучшего и наиболее полного словаря по этому языку в Европе⁴⁴. В «Трудах миссии» Захаров опубликовал два исследования: «Историческое обозрение народонаселения Китая» (т. I) и «Поземельная собственность в Китае» (т. II). Обе ра-

⁴⁰ Перевод Алтан-Тобчи см. «Труды Восточного отделения имп. Археологического общества», ч. 6, СПб., 1858.

⁴¹ К. А. Усманов. К вопросу о роли русской исторической науки в изучении Синьцзяна (XIX в.) «Труды Московского института востоковедения», вып. 6, 1951, стр. 175—188.

⁴² «Труды третьего Международного съезда ориенталистов в Петербурге, 1876 г.», т. 1—2. СПб., 1879—1880. Съезду были представлены доклады: Н. И. Веселовского («Сведения об официальном преподавании восточных языков в России»); К. А. Скачкова («Исторический обзор военной организации в Китае с древних времен...»); А. М. Позднеева («Ургинские хутухты: исторический очерк их прошлого и современного быта»); П. С. Попова («Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века») и др.

⁴³ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I—IV. СПб., 1852—1866 (далее — «Труды миссии»).

⁴⁴ «Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при имп. С.-Петербургском университете... Иваном Захаровым». СПб., 1875.

боты, особенно вторая, посвященная исследованию аграрных отношений, представляют крупный шаг вперед в исторической науке о Дальнем Востоке. Китаеведы Запада (в своем большинстве лингвисты-филологи) занимались тогда главным образом изучением истории религии и литературы, меньше историей, причем, как правило, историей царствующих династий. Историей развития экономических и социальных отношений в Китае, как и в значительной мере в других странах Востока, на Западе тогда почти не интересовались. Работа Захарова по истории земельных отношений, посвященная кардинальному вопросу всей истории Китая, в этом отношении составила эпоху в историографии Китая и многие годы служила в России и за границей важнейшим пособием по истории аграрного вопроса в Китае⁴⁵.

В «Трудах миссии» напечатаны были также переводные с подробными комментариями и самостоятельные исторические работы Палладия (весь IV том трудов): перевод «Юань-чаоби-ши» («Сокровенное сказание о поколении Монгол», составленное в Монголии в 1240 г.), описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня (XIII в.) и исследование о магометанах в Китае.

Члену Пекинской миссии Евлампий принадлежит перевод работы «Записки китайца об Аннаме», представляющей интересное описание путешествия по Аннам. При тогдашней скудности в Европе литературы по этой стране труд Евлампия имел большую ценность⁴⁶.

Значительный интерес представляет ряд работ, посвященных крестьянскому восстанию под руководством Ли Цзы-чэна, падению Минов и завоеванию Китая маньчжурами (XVII в.)⁴⁷. Статья М. Храповицкого, посвященная падению Минской династии, привлекла внимание Н. Г. Чернышевского⁴⁸, который отметил ее как «первую и важнейшую по содержанию». Статьи

⁴⁵ В работе «Историческое обозрение народонаселения Китая» Захаров подвергает критике положения французского сиолога Био о народонаселении Китая, отмечая недостаточное знание автором китайского языка. Работа И. И. Захарова о народонаселении переведена в 1858 г. на немецкий язык, а с немецкого на английский. Работа о поземельной собственности вызвала многочисленные отклики в иностранных журналах (см., например, H. Cordier. *Bibliotheca Sinica*. Paris, 1904, vol. I.)

⁴⁶ Евлампий. Записки китайца об Аннаме. «Восточный сборник», т. I, СПб., 1877, стр. 67—145.

⁴⁷ В. Горский. Начало и первые дела Маньчжурского дома. «Труды миссии», т. I, стр. 1—187; его же. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу. Там же, стр. 189—244; М. Храповицкий. События при падении Минской династии. Там же, т. III. Пекин, 1910, стр. 1—58.

⁴⁸ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. IV, стр. 523—527.

М. Храповицкого и В. Горского важны тем, что в них уделялось большое внимание народному движению, завоеванию Китая маньчжурами, рассматривались события в истории Китая, имевшие актуальное значение в середине XIX в., когда китайский народ (тайпины) вел борьбу против господства маньчжур. В этих статьях нет характерного для западноевропейских авторов пренебрежения к китайцам как к народу «низшей расы», или принижения китайской культуры как культуры «отсталого» народа. Так же, как у Бичурина, на первое место выдвигается построение истории Китая на основе китайских памятников.

Надо отметить, однако, что некоторые работы членов Пекинской миссии отмечены серьезными недостатками с точки зрения требований исторической науки того времени. Они были не на высоте в источниковедческом отношении, не всегда даже упоминали исторический источник, положенный в основу изложения, не отделяли авторские соображения от мнений китайского подлинника, не давали критики источника, обзор литературы и т. д.⁴⁹ Обычно авторы не останавливались на оценке мировоззрения составителя источника, его классовой принадлежности и т. п. Тем не менее составители «Трудов миссии» вслед за Бичуриным⁵⁰ все же поднимали и разрабатывали исторические вопросы, имевшие актуальное значение для понимания современности и особенностей исторического процесса в Китае; некоторые из них (Захаров и др.) пошли даже дальше Бичурина и начали разработку вопросов экономической истории, народного движения и т. д.

В статье В. Горского «Начало и первые дела Маньчжурского дома» дается чрезвычайно интересный материал о маньчжурских походах в Корею, о взаимоотношениях Кореи с Китаем в XVII в., об отказе корейцев помочь маньчжурам в их походах на Китай. Поскольку история Кореи в тот период была весьма отсталым участком русской и мировой историографии по Дальнему Востоку, эти данные статьи В. Горского представляют весьма большой интерес.

Во второй половине XIX в. научным центром русской ориенталистики стал восточный факультет Петербургского университета. Наиболее выдающимся его представителем в области изучения стран Дальнего Востока был профессор, а затем

⁴⁹ В. Горский. Начало и первые дела Маньчжурского дома; М. Храповицкий. События при падении Минской династии и др. Надо отметить, что другая статья В. Горского «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин...» дает, в отличие от первой, серьезный обзор европейской и китайской литературы по этому вопросу.

⁵⁰ О нем см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 519—522.

академик В. П. Васильев (1818—1900), крупнейший русский китаевед, знаток многих восточных языков (китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского, санскрита), переводчик огромного количества научных трудов и автор учебных пособий по языку, грамматике (словари, хрестоматии), географии, истории, истории литературы, истории религии и т. д.⁵¹ Наряду с научной деятельностью В. П. Васильев отдал много сил педагогической работе, являясь одним из организаторов восточного факультета Петербургского университета (до этого с 1851 г. он преподавал в Казанском университете); он занимал кафедру китайско-маньчжурской словесности и длительное время был деканом факультета. В 1866 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1886 г. — академиком. Труды его переводились на иностранные языки и пользовались заслуженной славой; по разносторонности и глубине знаний языков, китайской литературы, истории религии (особенно буддизма) он не имел себе равных в Европе⁵².

Мировоззрение В. П. Васильева было противоречивым⁵³. Так, являясь продолжателем традиций прогрессивной русской синологии, рассматривавшей Китай как могущественное государство, равноправное во всех отношениях с Россией, В. П. Васильев поддавался влиянию колониалистов, когда разбирал результаты поражения, нанесенного Китаю Англией и Францией. Васильев первый из русских сиологов поставил вопрос о причинах исторического отставания Китая, хотя свел их к действиям Манчжурской династии⁵⁴.

Изучению идеологии китайской древности, конфуцианству, буддизму, даосизму посвящена значительная часть научных исследований Васильева, его переводов и исторических ра-

⁵¹ Из исторических работ В. П. Васильева отметим следующие: «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века». СПб., 1857; «Сведения о маньчжурах во время династий Юань и Мин». СПб., 1863; «Буддизм, его догматы, история и литература», ч. 1—3; СПб., 1857—1869; «Очерки истории китайской литературы». СПб., 1890.

⁵² В. П. Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 1, стр. IV. См. также «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2. М., 1956 — статья «Русский китаевед академик Василий Петрович Васильев (1818—1900)», стр. 258, 259. Подробнее о Васильеве см. С. А. Венгеров в Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, отд. II. СПб., 1895, стр. 148—157.

⁵³ «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, стр. 247—264. В большой и обстоятельной статье о В. П. Васильеве авторы выступают против обвинений его в реакционности, но признают противоречивость его научных взглядов (стр. 261) и приводят некоторые его далеко не прогрессивные высказывания. Авторам удалось показать, что в неопубликованных работах В. П. Васильева содержатся более передовые оценки и высказывания, чем в некоторых из опубликованных.

⁵⁴ См. «Открытие Китая» и другие статьи академика В. П. Васильева. СПб., 1900 (посмертное издание).

бот⁵⁵. Автор обнаруживал исключительную эрудицию в китайской литературе самого разностороннего содержания⁵⁶, проявил незаурядные способности как критик первоисточников и в целом ряде вопросов подверг серьезному обоснованному пересмотру установившиеся в литературе взгляды на китайскую древность. Однако в конечных своих выводах Васильев проявлял не только чрезмерный скептицизм, но даже высокомерное отношение к китайской древней культуре, что шло вразрез с традицией русской передовой синологии.

Будучи идеалистом, Васильев не вскрывал социальных корней, не понимал социальной сущности древней китайской религии и философии, не мог объяснить, почему «классическая дребедень» (пользуясь его выражением) оказалась столь живучей в средние века и новое время. В отличие от Бичурина Васильев не признавал значения китайских исторических памятников, насмеялся над теми, кто называл Сыма-цзяна китайским Геродотом⁵⁷.

Ученый крупного масштаба, на протяжении полустолетия глава русской синологии, В. П. Васильев хотя и не создал своей школы, тем не менее не мог не оказать влияния на дальнейшее направление русской синологии.

Его ученик С. М. Георгиевский (1851—1893) занимался главным образом вопросами древней истории и одновременно философией Китая в прошлом и настоящем. В своей магистерской диссертации «Первый период китайской истории» (до императора Цинь Ши Хуан-ди) автор оспаривал взгляды Васильева, доказывая глубокую древность истории Китая. Его докторская диссертация⁵⁸ показывала, что иероглифическая письменность дает богатый материал для изучения истории древнего Китая. Георгиевский в своих больших работах, посвященных истории и современности Китая⁵⁹, подвергает иссле-

⁵⁵ Его переводы «Лунь-Юя», и «Ши-цзина» (единственные на русском языке) см. «Китайская хрестоматия», ч. II. Лунь-Юй, ч. III. Ши-цин и часть Шу-цин'а. СПб., 1868. См. также «Материалы по истории китайской литературы». СПб., б. г. (литографированное издание); «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.

⁵⁶ См., например, обзор этой литературы в «Материалах по истории китайской литературы».

⁵⁷ См., например, В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы; его же. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Минь.

⁵⁸ С. М. Георгиевский. Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888.

⁵⁹ С. М. Георгиевский. Принципы жизни Китая. СПб., 1888; его же. Важность изучения Китая. СПб., 1890. В этой работе автор справедливо возмущается, что во всеобщей истории (Вебера, Шлоссера и др.) Китаю уделяется ничтожное место, и опровергает установившуюся на Западе точку зрения о вечном застое в Китае.

дованию конфуцианство, но приходит к выводам, прямо противоположным выводам Васильева, пытаясь доказать положительную роль конфуцианства и отрицая какую бы то ни было отсталость Китая.

Заслуга Васильева и Георгиевского заключалась, в частности, в том, что они обратили серьезное внимание на изучение идеологии Китая. В то время как Бичурин, Захаров, Палладий и другие в центре изучения ставили географию, экономическую и политическую историю Китая, западные ориенталисты не видели необходимости изучать его историю, исходя из теории «застойности» Китая. Исключение составляли лишь некоторые передовые западные синологи (Био, Жюльен, Шавани и др.). Васильев и Георгиевский обогатили русскую синологию, однако, подобно западным ориенталистам, они трактовали идеологию в отрыве от социально-экономической и политической истории Китая, что в значительной степени уменьшало ценность их выводов.

Ученики В. П. Васильева, занимавшиеся на восточном факультете, продолжали традиции русской синологии, заложенные Бичуриным и продолженные Васильевым в его трудах по географии и истории Китая. Капитальный труд по истории народов Юго-Западного Китая опубликовал А. О. Ивановский⁶⁰. Важный вклад в русское китаеведение был сделан другим учеником Васильева — П. С. Поповым⁶¹. Наконец, монголовед А. М. Позднеев написал в результате своих путешествий в Монголии работу «Монголия и монголы» (в виде дневника путешествий 1892—1893 гг.) с большим количеством ценнейших исторических данных⁶².

Помимо специалистов-ученых, профессоров и преподавателей высших учебных заведений, Китай и Монголию изучали многие русские дипломатические представители, русские военные. Некоторые из них оставили ценные труды об этих странах.

⁶⁰ А. О. Ивановский. Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая, т. 1, ч. 1—2. СПб., 1887; его же. Материалы по истории инородцев Юго-Западного Китая в период династии Юань, Мин и Дайцин. СПб., 1889; его же. Посольство Спафария (маньчжурский текст и русский перевод). «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1887, т. II, в. 1, стр. 81—124 и ряд других работ.

⁶¹ П. С. Попов, помимо завершения китайско-русского словаря Палладия и других лингвистических работ, опубликовал ряд статей о политическом положении в Китае в последние годы XIX в. и о государственном устройстве Китая. См. П. Е. Скачков. Библиография Китая. М., 1932 (исчерпывающая свodka всех монографий и периодики по Китаю).

⁶² А. М. Позднеев. Монголия и монголы, т. I—II. СПб., 1896—1898. Из переводов монгольских исторических памятников А. М. Позднеева отметим его докторскую диссертацию «Монгольская летопись «Эрденийн-эрхэ», подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.» СПб., 1883.

К. А. Скачков, изучивший в совершенстве язык в Китае, где пробыл 13 лет (он был консулом в Чугучако и Тяньцзине), опубликовал ряд работ по различным вопросам географии, истории Китая, торговли Китая с Россией и т. п.⁶³

Ценные описания Китая и Японии были составлены по личным наблюдениям М. И. Венюковым (1832—1901) — военным, членом русского Географического общества, сотрудничавшим в «Колоколе» Герцена и эмигрировавшим в 1877 г. за границу. Работы Венюкова, так же как и Скачкова, написанные очевидцами бурных событий в Китае и Японии в 60-х годах прошлого века, имеют значение исторического источника⁶⁴.

Следует также отметить содержательные работы, посвященные внешним сношениям России и Китая: Д. Мертваго — «Очерки морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г.» (1884); Ф. Ф. Мартенс — «Россия и Китай. Историко-политические исследования» (1881); К. Скальковский — «Русская торговля в Тихом океане. Экономические исследования русской торговли и мореходства в приморской области Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии» (1883).

Японоведение и корееведение в России во второй половине XIX в. отстало от синологии в виду слабых торговых и дипломатических сношений между Россией, Японией и Кореей. Договорные отношения с Японией были установлены лишь с 1855 г., а русские дипломатические представители в Японии появились лишь с 1873 г.⁶⁵; с Кореей общая граница была установлена лишь в 1860 г. Тогда же на русскую территорию устремилось значительное количество корейских эмигрантов, искавших в России освобождения от тяжелой феодальной эксплуата-

⁶³ К. А. Скачков. Исторический обзор военной организации Китая с древнейших времен (доклад на Международном конгрессе ориенталиста в Петербурге); его же. О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии. «Известия РГО», т. I, отд. 2, 1865, стр. 207—226; его же. О географических познаниях китайцев. Там же, т. II, отд. 2, 1866, стр. 105—120. Ряд работ К. А. Скачкова, в том числе о Тайпинах, не был опубликован (очевидно, по цензурным условиям) и находится в Рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. О К. Скачкове см. статью «Русский исследователь Китая». «Дружба», 28.IV 1956.

⁶⁴ М. И. Венюков. Обзорение японского архипелага в современном его состоянии, в. 1-2. СПб., 1871; его же. Очерки современного Китая. СПб., 1874 и ряд других работ о военных силах Китая и Японии, о международных вопросах, о границах России на Востоке и т. д. Венюков и Скачков полемизировали друг с другом в печати (см. К. А. Скачков. Очерки Китая. М., 1875).

⁶⁵ Русское консульство в Хакодате было основано в 1858 г., однако оно было занято лишь вопросами торговли. В интервенции держав в Японии в 60-х годах XIX в. Россия не участвовала.

нии на своей родине⁶⁶. Дипломатические отношения с Кореей были установлены лишь в 1884 г.

Изучение японского и корейского языков в Петербургском университете задержалось в силу косности и бюрократизма правительственного аппарата, несмотря на настойчивые представления восточного факультета. Японский язык стал нерегулярно изучаться с 70-х годов (преподавание велось японцами), корейский — лишь в 1897 г. Самостоятельные кафедры этих языков до Октябрьской революции так и не были созданы в Петербурге; лишь во Владивостоке с 1899 г. было поставлено преподавание этих языков. Тем не менее русские ученые за короткий срок дали ряд серьезных произведений, которые являются либо переводами ценных источников по истории Японии и Кореи, либо самостоятельными историческими или историко-географическими работами. Так же, как в области синологии, русская наука заняла самостоятельное место в изучении Японии и особенно Кореи. Еще в 1867 г., во время путешествия по Уссурийскому краю, Н. М. Пржевальский первым из европейцев проник внутрь Северной Кореи и дал яркое описание одного из корейских пограничных городов (Кычен-Пу).

В 1874 г. чиновником при Приморском губернаторе М. Пуцилло был издан русско-корейский словарь — первый словарь, дававший перевод корейских слов на один из европейских языков⁶⁷. Важным источником по истории Кореи XVIII—XIX вв. явилось переведенное на русский язык русским консулом в Японии Дмитриевским сочинение Кигоро Отано, в котором приведено Уложение законов Кореи 1765 г. Закон о земле этого Уложения дает возможность в известной мере воссоздать социальный строй Кореи в XVIII—XIX вв.⁶⁸

Интересные исторические данные приведены М. А. Поджио в работе «Очерки Кореи»⁶⁹. Прожив несколько лет в Китае и Японии, автор собрал большой географический и исторический материал о Корее на основании китайской и японской литературы и по данным лиц, побывавших в этой стране.

В течение 1885—1904 гг. Корею посещали многие русские ученые, купцы, чиновники, офицеры, составившие ценные описания физической географии, экономики, социального строя

⁶⁶ Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869. М., 1947.

⁶⁷ «Опыт русско-корейского словаря». Составил М. Пуцилло. СПб., 1874

⁶⁸ Кигоро Отано. Записки переводчика, составленные переводчиком на острове Цусима. Пер. Дмитриевского, «Известия РГО», т. VIII, 1884; перевод снабжен комментариями Дмитриевского, основанными на работах китайцев о Корее.

⁶⁹ М. А. Поджио. Очерки Кореи. СПб., 1892.

Кореи (особенно Северной). В этих описаниях встречается немало данных и по истории страны ⁷⁰.

Главное значение этих работ заключается в том, что они служат важными историческими источниками для изучения экономического и политического состояния Кореи на рубеже XIX—XX вв. Их авторы уделяют большое внимание бедственному положению крестьянства, жесточайшей эксплуатации его корейскими феодалами, описанию крестьянского движения (движение тонхаков), грабительской политике японцев в Корее ⁷¹.

Все эти вопросы крайне слабо освещались в тогдашней иностранной литературе о Корее (западноевропейской, американской и японской). Зарубежные авторы (Хельберт, Бишон, Лонгфорд, Морз, Фостер и др.) интересовались главным образом борьбой при королевском дворе различных янбаньских (дворянских) клик; вместе с тем, отражая империалистические цели правящих классов США и Англии, потворствовавших японской агрессии в Корее, они приукрашивали японскую политику в Корее. О позиции японских авторов в этой связи говорить, конечно, не приходится.

Особое место среди описаний русских путешественников занимают дневники известного русского писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, посетившего Корею в 1898 г. ⁷² Гариним был собран большой фольклорный материал (до 100 сказок, из них сохранилось 64), до того не известный ни в России, ни в Западной Европе и представлявший большую ценность для изучения истории и культуры Кореи ⁷³. Главное значение дневников Гарина в том, что в них особенно ярко показаны растущие чувства симпатии и дружбы корейцев к русскому народу, что отмечалось и другими путешественниками, посещавшими Корею.

Русская литература о Японии во второй половине XIX в. была более обширна, чем о Корее. Однако подавляющую часть работ писали не специалисты-востоковеды и даже не всегда

⁷⁰ П. М. Делоткевич. Дневник на пути пешком из Сеула в Посьет через Сев. Корею. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXVIII. СПб., 1889, стр. 128—167; Вебель. Поездка в Корею легом 1889 г. Там же, вып. XLI. СПб., 1889, стр. 143—232; Альфтан. Поездка в Корею... в декабре 1895 г. и в январе 1896 г. Там же, вып. LXIX. СПб., 1896, стр. 8—96.

⁷¹ Подробную оценку этих работ см.: Г. Д. Тягай. Труды русских исследователей как источник по новой истории Кореи. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 1. М., 1953, стр. 122—147.

⁷² Н. Г. Гарин. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб., 1904; см. также сокращенное издание: «Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии, Ляодунскому полуострову)». М., 1949

⁷³ В. Т. Зайчиков. Корея, стр. 72. До Гарина на европейских языках были известны девять корейских сказок (на русском и английском языках).

люди, побывавшие в Японии. Русских путешественников в Японии было, естественно, меньше, чем в Корее.

Из работ, имевших большое научное значение, следует отметить прежде всего «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова⁷⁴, который проделал с вице-адмиралом Путятиным, заключившим в 1855 г. первый русско-японский договор, путь от Кронштадта до Нагасаки, записывая свои впечатления о многих странах Востока, в портах которых останавливалась «Паллада» (Сингапур, Гонконг и т. д.). Однако наиболее интересны записи Гончарова о Японии, где фрегат пробыл долгое время и где велись с японскими официальными представителями длительные переговоры, участником которых бывал и сам писатель.

Из самостоятельных исторических и историко-географических работ заслуживают упоминания книги А. Пеликана и Н. Бартошевского⁷⁵, в которых, в частности, содержатся интересные данные о колонизаторской деятельности в Японии капиталистических держав⁷⁶.

В 1888 г. вышла первая основанная целиком на японских источниках работа по истории Японии с древнейших времен до революции 1868 г., написанная В. Костылевым⁷⁷; в то время в Европе таких трудов было крайне мало. Костылев, однако, дал историю императоров и сегунов, а не народа; он не сумел также отделить в первых японских письменных памятниках (составленных, как известно, лишь в VIII в. н. э.) легенды, имевшие целью утвердить божественное происхождение императорской династии, от действительных событий. Тем не менее к некоторым данным этих памятников (например, о периоде введения китайской письменности в Японии) он отнесся критически; датируя события более поздними сроками, чем указано в памятниках.

⁷⁴ И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада», т. 1—2. СПб., 1858; его же. Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 годов. СПб., 1855.

⁷⁵ А. Пеликан. Прогрессирующая Япония. СПб., 1895; Н. Бартошевский. Япония (очерки из записок путешественника вокруг света). СПб., 1898.

⁷⁶ З. Н. Матвеев и А. Д. Попов. Библиография Японии. «Труды Государственного Дальневосточного университета», т. I, кн. II. Владивосток, 1923.

⁷⁷ В. Костылев. Очерк истории Японии. СПб., 1888; автором издан также японо-русский словарь и другие работы.

Глава X

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА.

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

I

ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые опыты создания в России специальных историографических трудов относятся к 20—40-м годам XIX в., когда были изданы работы А. Зиновьева¹, А. Федотова² и А. Старчевского³.

Для них было характерно понимание русской истории с официально-монархических позиций и соответственно узкое представление о задачах изучения «критической русской истории». Составители названных трудов сводили свои задачи к сообщению самых общих сведений об авторах исторических сочинений и об известных в их время источниках русской истории.

Очерк Зиновьева отличается особой неполнотой. В труде профессора Ярославского Демидовского лицея Федотова был рассмотрен более широкий круг явлений русской историографии: уделено внимание юридическим памятникам, мимо которых прошел Зиновьев, высказан ряд замечаний в адрес Шлецера и даже Карамзина, высокую оценку получил Эверс, произведено сравнение некоторых явлений русской историографии с аналогичными явлениями западноевропейской исторической науки. Автор сделал попытку оценить и современное ему состояние исторической науки в России.

Обе книги Старчевского по своему содержанию шире работ Зиновьева и Федотова, но в теоретическом отношении ниже труда последнего. В работе «Очерки литературы русской истории до Карамзина» развитие исторической науки подменяется

¹ А. Зиновьев. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827.

² А. Федотов. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839.

³ А. Старчевский. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845; его же. Николай Михайлович Карамзин, СПб., 1849.

краткими справками о биографиях деятелей, занимавшихся изучением русской истории, перечнем их главнейших сочинений и, как правило, восхвалением историков. В книге неумеренно преувеличиваются заслуги духовенства в изучении русской истории до XVIII в. и немецких историков после осуществления пегровских преобразований. В целом эта книга является скорее тенденциозно составленным справочником, нежели научным трудом. В духе безудержного восхваления написана и книга о Н. М. Карамзине, в которой автор выступает как представитель официальной дворянской историографии середины XIX в. с ее явно выраженным охранительным назначением.

Наряду с этими первыми опытами следует отметить докторскую диссертацию Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории», в которой содержится обширный историографический очерк, в значительной мере посвященный критической оценке «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Не отвергая в целом концепции дворянского историографа, Устрялов, тем не менее, выражает неудовлетворенность отсутствием связи между явлениями, освещаемыми в «Истории» Карамзина, и тем, что в этом труде «не показано развитие жизни общественной, успехов законодательства, промышленности»⁴. Настаивая на необходимости «прагматической истории», Устрялов полагал, что в исторических трудах следует показывать переходы «гражданского общества из одного состояния в другое»⁵. В этом выразилось своеобразное восприятие дворянским историком некоторых принципов буржуазной историографии.

В еще большей мере эти принципы отразились в статье Н. Надеждина (1804—1856) «Об исторических трудах в России» (1837)⁶. Написанная ранее работ Федотова и Старчевского, она отличается некоторыми особенностями, свидетельствующими о влиянии на ее автора принципов буржуазной историографии.

Не будучи историком-специалистом, Надеждин в своей статье не ставил задачи систематического описания развития исторических знаний в России. Но, рассматривая отдельные периоды и явления этого процесса, он высказал ряд содержательных замечаний и новых мыслей о задачах исторической науки и изучении истории России. Историческая наука, не ограничиваясь передачей фактов прошлого, должна стремиться, полагал Надеждин, «проникнуть в их настоящий смысл... и открыть внутреннюю, непрерывную, связь событий»⁷. История не может

⁴ Н. Устрялов. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 84.

⁶ Н. Надеждин. Об исторических трудах в России.— «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, отд. III, стр. 93—136.

⁷ Там же, стр. 95.

замыкаться в пределах политических событий, она должна раскрывать судьбы народа. Поэтому Надеждин высказал критические замечания по поводу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и одобрил замысел «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Он высоко оценивал достижения новейшей западноевропейской историографии, в частности, труды Ф. Гизо и О. Тьерри, считая благотворным воздействие их идей на русскую историческую науку. В критике источников Надеждин исходил из принципов Нибура, но решительно отвергал крайности «скептической школы», возглавленной в России М. Т. Каченовским. Развитие исторических знаний в России ставилось Надеждиным в зависимость от изменения исторических обстоятельств. Но статья Надеждина при всех ее достоинствах была лишена развернутой научной аргументации. Рассматривая затронутые им вопросы и высказывая свои соображения, Надеждин не позаботился об их доказательстве, убедительном научном обосновании.

Содержание названных работ свидетельствует о том, что отдельные проблемы историографии уже выдвигались в русской исторической литературе первой половины XIX в. и журналистике того времени. Тем самым уже тогда готовились условия для выделения историографии в особую научную дисциплину. Но завершение этого процесса правомерно связывать с научной деятельностью крупнейшего буржуазного историка С. М. Соловьева, который выступил в 50-х годах прошлого века с серией работ, посвященных русской историографии.

Работа над обобщающим трудом по истории России настоятельно ставила перед Соловьевым задачу определить свое отношение к предшествующим русским историкам, создавшим подобные труды или обогатившим историческую науку исследованиями по отдельным важным вопросам истории России. Так возникли работы Соловьева, раскрывавшие его историографические связи и составлявшие в своей совокупности обзор основных явлений русской историографии, начиная с XVIII в. и кончая его временем⁸. Ценность этого обзора заключается не

⁸ С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII в.— «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. II, ч. I. М., 1855, отд. III, стр. 3—82; его же. Герард Фридрих Миллер.— «Современник», 1854, кн. 10, стр. 115—150; его же. Николай Михайлович Карамзин и его «История государства Российского».— «Отечественные записки» 1853—1856 годов; его же. Август Людвиг Шлецер.— «Русский вестник», 1856, т. II, стр. 489—533; его же. Шлецер и антиисторическое направление.— «Русский вестник», 1857, т. VIII, стр. 341—480; его же. Каченовский Михаил Трофимович.— «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского ун-та», ч. I, М., 1855, стр. 383—403. Все эти работы, за исключением статей, посвященных Г. Ф. Миллеру и М. Т. Каченовскому, перепечатаны в Собрании сочинений С. М. Соловьева (изд-во «Общественная польза», стб. 1317—1616).

только в его значительной полноте, но и в существенных научных достоинствах, прежде всего в умелом отборе наиболее важных явлений русской историографии XVIII — первой половины XIX в., раскрывающих последовательный рост и обогащение исторической науки в России, ее источниковедческой основы и теоретических принципов. При этом многие из названных явлений впервые оказались предметом историографического анализа, другие же получили более глубокую и верную оценку сравнительно с предшествующей литературой. Так, уже в первой историографической статье Соловьева «Писатели русской истории XVIII века» была разносторонне оценена деятельность А. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, В. М. Тредьяковского, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Ф. А. Эмина, И. П. Елагина, митрополита Платона. В этой работе Соловьев выяснил вопрос об авторстве «Ядра российской истории», доказав, что написано оно было А. Манкиевым, а не князем Хилковым, как ошибочно полагали историки со времен Миллера. Соловьев более правильно, чем его предшественники, оценил научные заслуги В. Н. Татищева и впервые подробно осветил содержание его «Истории Российской с самых древнейших времен». Он отметил научные заслуги М. М. Щербатова и значение его обобщающего труда для русской историографии, указав, что во многом справедливая критика этого труда И. Н. Болтиным содержала в себе некоторую односторонность и отдельные преувеличения. Самого И. Н. Болтина Соловьев справедливо считал наиболее талантливым русским историком XVIII в. и выдающимся критиком. Вместе с тем он подверг острой и обоснованной критике взгляды В. М. Тредьяковского, Ф. А. Эмина, И. П. Елагина.

Обширная статья о Н. М. Карамзине была органическим продолжением предшествующей работы Соловьева и посвящалась в основном подробному изложению содержания «Истории государства Российского» (по томам и главам), с указанием на то новое, что вносилось Карамзиным в русскую историческую науку того времени. Такого обстоятельного разбора обобщающего труда Карамзина в исторической литературе до Соловьева не было.

Статьи о Г. Ф. Миллере и А. Л. Шлецере содержали оценку деятельности виднейших немецких историков, работавших в России. В этих статьях автор пытался определить вклад немецких историков в русскую историческую науку, полагая, что без этого последняя не может быть изучена с необходимой полнотой.

Наконец, статьи «М. Т. Каченовский» и «Шлецер и антиисторическое направление» содержали характеристику состояния русской исторической науки уже во второй четверти XIX в. и

ее современных вопросов. Соловьев одним из первых дал верную оценку взглядов М. Т. Каченовского и представителей «скептической школы» в русской историографии, обстоятельно указав на слабые стороны скептического направления, которые были преодолены прежде всего самим Соловьевым. Вместе с тем Соловьев в ряде случаев отметил и рациональные стороны воззрений «скептиков», в некоторых вопросах способствовавших дальнейшим успехам русской исторической науки. Славянофилов Соловьев рассматривал как представителей «антиисторического направления». Его критические замечания в их адрес также были в своей основе справедливыми и служили опровержению взглядов славянофилов на русский исторический процесс.

Таким образом, именно Соловьевым были заложены основы русской историографии как самостоятельной научной дисциплины. Полнота охвата важнейших историографических явлений сочеталась в его работах с их содержательной и во многом правильной оценкой. Как выдающийся историк, исследователь русского прошлого, Соловьев был практически заинтересован в тщательной проверке и документальном изучении фактов, обобщений и выводов предшествующих историков, чтобы определить для себя, на какие из них он может опереться и какие должен отвергнуть.

Но если буржуазные тенденции исторических воззрений Соловьева объясняли его превосходство над дворянскими историками в анализе историографических явлений, то они же определяли и меру ограниченности Соловьева как историка исторической науки в России. Отсюда проистекают коренные недостатки его историографических работ, многие из которых становятся типичными для всей последующей буржуазной историографической литературы в России. Так, Соловьев не случайно начал освещение русской историографии с XVIII в. Он по существу игнорировал изучение истории русского летописания в историографическом плане, полагая, что научные принципы изучения русской истории получили свое первоначальное выражение лишь в исторических трудах XVIII в. Этот недостаток становится традиционным для буржуазной историографической литературы. Соловьев довольно подробно осветил научную деятельность В. Н. Татищева и работу М. В. Ломоносова на поприще исторической науки, но все же основоположниками ее в России, теоретически разработавшими научные приемы изучения источников и положившими начало научному истолкованию ряда важных проблем русской истории, он считал Байера и в особенности Шлецера. Считая М. В. Ломоносова основоположником «риторического направления», Соловьев фактически принижал подлинную роль великого ученого-патриота

в развитии русской исторической науки. Переоценка Соловьевым немецких историков и ложные заключения о М. В. Ломоносове стали типичными для последующей буржуазной историографической литературы.

В тех случаях, когда Соловьев пытался показать теоретические достижения русских историков, например, И. Н. Болтина, он в сущности ограничивался хотя и верными, но крайне общими определениями. Так, он заявлял, что «книга Болтина (имеются в виду «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка». — *Ред.*) есть первый труд по русской истории, в котором проведена одна основная мысль, в которой есть один общий взгляд на целый ход истории»⁹. Соловьев утверждал также, что у Болтина мы впервые «видим попытку смотреть на историю, как на науку народного самопознания, старание сделать из истории прямое приложение к жизни, отыскать живую связь между прошедшим и настоящим, задать вопрос об отношениях старого к новому»¹⁰. Соловьев не дал правильной оценки стремлению Болтина установить черты принципиального сходства между историческим развитием России и западноевропейских государств, а в связи с этим не оценил и глубоких суждений Болтина о феодализме в нашей стране, поскольку он, как и подавляющее большинство историков господствующих классов, отрицал наличие феодализма в России.

Соловьев справедливо отметил ряд недостатков труда Карамзина. Так, он считал, что Карамзин понимал задачи исторической науки в духе историков XVIII в., осуждал неуместное морализирование при объяснении исторических событий, предпочтение «живописности» изложения критическому изучению явлений прошлого, подчеркнул непонимание Карамзиным объективных закономерностей русской истории, моменты субъективистского ее объяснения, неправильную трактовку ряда важных вопросов истории России — деятельности Ивана Грозного, преобразований Петра I. Однако Соловьев не поднялся до критики реакционных политических взглядов официального историографа, отразившихся в его концепции русской истории. Напротив, в тех случаях, когда Соловьев вынужден был отмечать консерватизм Карамзина, он пытался оправдать идеолога реакционных кругов дворянства ссылками на условия его времени и воспитания. Такое отношение Соловьева к Карамзину отразило характерную особенность русского помещичье-буржуазного либерализма. Различия во взглядах реакционных и либеральных историков, споры и разногласия между ними не

⁹ С. М. Соловьев. Собр. соч. Изд-во «Общественная польза», стб. 1373.

¹⁰ Там же, стб. 1373—1374.

исключали принципиальной общности их воззрений и объясняемого ею сходства в разрешении ряда коренных проблем истории России, прежде всего в понимании решающей роли государства, как основной движущей силы в истории, что приводило к сходным выводам при рассмотрении многих конкретных событий и явлений русской истории. Все это исключало возможность острой и принципиальной критики реакционной дворянской историографии со стороны либеральных историков.

Утверждению в исторической науке выводов Соловьева по вопросам русской историографии немало содействовал его современник К. Д. Кавелин. У Кавелина имеются эпизодические суждения по вопросам русской историографии; некоторые из них предвосхищали выводы Соловьева и тем самым готовили им почву, другие же в известной мере дополняли его работы в этой области.

Еще в своей статье «Исторические труды М. П. Погодина» (1847 г.) Кавелин справедливо отметил некоторые рациональные стороны воззрений М. Т. Каченовского, когда писал, что этот историк «восстал против ... преувеличений (Карамзина.— *Ред.*) и старался привести русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возратить или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события»¹¹. Кавелин справедливо увидел в Каченовском предшественника либеральной историографии в России, заявляя, что в своем споре с Погодиным он «вполне прав, гораздо правее г. Погодина» и «найдет себе защитников и продолжателей»¹². В дальнейшем Соловьев в значительной мере повторил эту оценку Кавелина в своей статье, посвященной М. Т. Каченовскому.

Кавелин предвосхитил Соловьева и в характере критики воззрений Карамзина, также ограничиваясь опровержением частных моментов, но не поднимаясь до критической оценки реакционного политического существа исторической концепции официального историографа.

Многие критические замечания, посвященные взглядам славянофилов на историю России, были высказаны Кавелиным также ранее Соловьева и повторялись последним. В статье «Ответ Москвитянину» (1847)¹³ Кавелин отстаивал принципы буржуазной историографии в трактовке древней русской истории.

¹¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I. СПб., 1897, стб. 100.

¹² Там же, стб. 101—102.

¹³ См. там же стб. 67—96. В этой статье Кавелин опровергает представления славянофилов о самобытном характере древнерусской истории, якобы воплощавшей начала общинности, защищает свои взгляды на родовые отношения в древней России, на значение варяжского завоевания, свои

Наконец, отдельные статьи Кавелина как бы дополняют историографические работы Соловьева. Так, исторические взгляды М. П. Погодина получили у Кавелина более обстоятельную характеристику¹⁴.

Кавелин также выступил деятельным популяризатором теоретических принципов буржуазной историографии, которые ему представлялись последним словом, итогом русской исторической науки. Он создавал научный авторитет Соловьеву как молодому ученому, в трудах которого эти принципы получали наиболее полное и доказательное воплощение, он комментировал его новые труды в специальных рецензиях¹⁵, защищал Соловьева от нападок славянофилов.

По ряду важных вопросов истории русской исторической науки в 50—60-х годах прошлого века высказались и революционеры-демократы. Представляя самое передовое направление в русской историографии того времени, они развивали наиболее прогрессивные идеи и в рассматриваемой области, хотя и не придали своим суждениям систематизированной и законченной формы.

Подход идеологов демократического движения к оценке историографических явлений серьезно отличался от подхода либеральных и тем более реакционных историков. Революционеры-демократы не ограничивались характеристикой взглядов отдельных русских историков и установлением их места в русской историографии, хотя и в этом отношении их оценки представляют значительный интерес¹⁶. Основное внимание демократические деятели уделяли, как и их революционные предшественники — декабристы, определению политического существа и социального содержания воззрений русских историков XVIII—XIX вв., что затушевывалось в работах Соловьева и Кавелина. В результате идеологи революционной демократии сумели раскрыть некоторые существенные особенности как дворянской, так и буржуазной историографии, что являлось их важной заслугой и наиболее ценным в разработке ими вопросов истории исторической науки в России.

В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов единодушно подчеркивали, что дворянские

оценки деятельности Ивана Грозного и преобразований Петра, впервые сформулированные Кавелиным в статье «Взгляды на юридический быт древней России», которая подвергалась нападкам со стороны славянофилов.

¹⁴ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стб. 95—252.

¹⁵ К. Д. Кавелин написал рецензии на магистерскую и докторскую диссертации С. М. Соловьева («Об отношении Новгорода к великим князьям» и «Историю отношений между русскими князьями Рюрикова дома»), а также на I том «Истории России с древнейших времен» (см. Соч., т. I, стб. 253—508).

¹⁶ См. об этом в первой главе настоящего издания.

историки не только ограничивались узкими пределами политической истории, но и последнюю сводили к восхвалению деятельности самодержцев, игнорируя историю народа и защищая отжившие общественные отношения. Именно в этом усматривал Белинский смысл идеализации Карамзиным истории допетровской Руси, в том, что тот «вместо истории допетровской России... пишет ее панегирик. Все в ней кажется ему безусловно великим, прекрасным, мудрым и образцовым»¹⁷. Еще более определенно существо концепции Карамзина, а вместе с ней и всей дворянской историографии раскрывал Добролюбов, говоря в своей обширной исторической работе «Первые годы царствования Петра Великого»: «...у самого Карамзина мы находим, что вся история народа пожертвована строгому и последовательному проведению одной идеи — об образовании и развитии государства российского. Самое развитие этого государства вообще не представляется вытекающим из условий народной жизни, а является каким-то, чуть не административным, делом нескольких лиц. Народная жизнь исчезает среди подвигов государственных, войн, междоусобий, личных интересов князей...»¹⁸.

В этих оценках отсутствует примирительное отношение к дворянской историографии, свойственное либеральным историкам, и содержится острая критика реакционного политического и социального смысла исторической концепции Карамзина, разделявшейся всеми дворянскими историками.

Вся система исторических взглядов революционных демократов была направлена непосредственно против реакционных идей официального направления с присущим ему культом монархов, откровенно выраженными «охранительными» тенденциями, противопоставлением революционного пути развития Западной Европы «мирному» развитию России («единение» царя с народом), холопским восхвалением деятельности самодержавия и в прошлом, и в настоящем.

В ряде статей Чернышевский, Добролюбов и Огарев выступили против пропаганды М. П. Погодиным¹⁹ норманской теории, против отрицания исторической роли народа и сведения реформ первой четверти XVIII в. к деятельности одного лишь Петра I в «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (1858—1864)²⁰, против клеветнического освещения движения декабристов в «Восшествии на престол императора Ни-

¹⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 509.

¹⁸ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., г. III, стр. 121.

¹⁹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. V, стр. 360—363.
Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 298.

²⁰ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. III, стр. 114—212.

колая I» М. А. Корфа²¹, против апологии либеральной реформы в его же работе «Жизнь графа Сперанского»²².

Тонкую и сатирически острую пародию на типичное для официального направления изображение истории русского государства дал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города».

Значительно более резкой, чем у либеральных историков, и политически заостренной была также критика революционерами-демократами ложных исторических построений славянофилов — противопоставления ими исторического развития России и Западной Европы, восхваления допетровской старины и осуждения преобразований Петра I.

Новой особенностью историографических представлений революционеров-демократов являлась оценка ими некоторых отличительных черт тогдашней либеральной историографии. Последняя оформилась ко времени деятельности Чернышевского и Добролюбова, начала становиться в конце 50-х — начале 60-х годов одним из ведущих направлений русской исторической науки и постепенно оттесняла представителей официальной историографии и славянофилов. Это обстоятельство не было случайным, оно отразило изменения в социально-политической жизни страны. «В эпоху „60-х годов“, — указывал Ленин, — сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были ступеваться со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д. и т. д.»²³.

Либеральная историография, представленная С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным и другими представителями государственной школы, отличалась рядом особенностей от официально-монархической и славянофильской историографии.

Чернышевский отмечал, что либеральные историки, занимавшиеся изучением русской истории, во многих отношениях пошли дальше дворянских. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал о новой исторической школе, «главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин»²⁴.

Либеральные историки более разносторонне и глубоко понимали исторический процесс, признавая его закономерным. Они

²¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 203—270.

²² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 794—827.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 266.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 181.

выдвинули и со своих позиций осветили новые важные проблемы истории России²⁵, раздвинули хронологические рамки ее изучения, обратились к новым источникам, усовершенствовали приемы их изучения. Эти достижения либеральной историографии революционные демократы отмечали в своих произведениях, учитывали их и критически использовали при создании собственных исторических работ.

Однако Чернышевский и Добролюбов, как и другие демократические деятели, в либеральной историографии видели силу, враждебную революционно-демократическому направлению в русской исторической науке.

Такой вывод не только вытекал из учета демократическими деятелями тех изменений, которые произошли в расстановке сил в политической борьбе 50—60-х годов, когда либералы стали важной опорой самодержавия и помещиков, но и находился в связи с верной оценкой ими состояния исторической науки в России в рассматриваемый период. Революционные демократы справедливо полагали, что реакционные принципы дворянской историографии — официально-монархической и славянофильской, а также примитивный характер приемов изучения прошлого ее представителями, стали настолько очевидным и в 50—60-х годах, что исключали возможность широкого распространения и общественного воздействия этих принципов. Напротив, либеральная помещичье-буржуазная историография, сохранив

²⁵ Некоторые передовые исторические идеи буржуазно-либеральные историки заимствовали у революционеров-демократов. Так, идея исторической закономерности, представление о прогрессивном смысле деятельности Грозного, мысли об исторической подготовленности реформ Петра I, прогрессивном характере этих реформ и ряд других были впервые выражены в работах В. Г. Белинского и от него заимствованы К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым. Об этой зависимости лучших сторон воззрений либеральных историков от влияния Белинского в общей форме заявлял Н. Г. Чернышевский, когда писал в «Очерках гоголевского периода в русской литературе»: «...суждения Белинского до сих пор сохраняют всю свою цену, и верность их вообще такова, что люди, восстававшие против него, почти всегда правы были только в том, что заимствовали у него же самого» (Полн. собр. соч., т. III, стр. 225). Значительно более определенно это отметил позднее историк К. Н. Бестужев-Рюмин. По его мнению, историческая школа, к которой он относит Кавелина и Соловьева, выросла из Белинского. «Нетрудно указать многие положения этой школы, — писал Бестужев-Рюмин, — которые были не чем иным, как дальнейшим развитием мыслей, высказанных великим критиком иногда вколых, мимоходом, иногда в смысле предположения, вероятности и т. п. Сюда относятся прежде всего понятия Белинского о роли Московского государства, о Грозном, Петре и т. д.» («Отечественные записки», 1860, кн. 8, стр. 78). Однако это справедливое заключение Бестужева-Рюмина нуждается в существенном коррективе. Буржуазные историки не разделяли революционно-демократических выводов, вытекавших из передовых исторических воззрений Белинского, оставаясь либералами и реформистами, в чем выявилась классовая сущность их убеждений.

многие из этих принципов, прикрывала свою подлинную сущность фразами о научной «объективности», об «историческом прогрессе» и вследствие этого вводила в заблуждение читателей.

С особой силой выступал Чернышевский против Б. Н. Чичерина, как виднейшего идеолога либерализма и крупнейшего представителя государственной школы в русской историографии, дававшего историческое обоснование интересов помещиков и буржуазии в период подготовки и осуществления крестьянской реформы²⁶. Чернышевский и Добролюбов указывали на крайнюю переоценку либеральными историками роли государства и игнорирование ими роли народных масс в истории России, разоблачали классовую сущность их «объективизма» в науке. Чернышевский подчеркивал, что либеральные историки в своих исследованиях ограничивались тем, что объясняли «смысл событий и развитие нашей государственной жизни»²⁷. Чернышевский отмечал также переоценку Соловьевым географического фактора в истории, а также значения колонизации в истории России и роли князей в этом процессе²⁸.

Много внимания критике взглядов Соловьева как наиболее видного либерального историка в России середины XIX в. уделили также Елисеев и Шелгунов в связи с выходом отдельных томов его «Истории России с древнейших времен». Г. З. Елисеев опубликовал под псевдонимом «Грыцько» рецензию на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева²⁹, которая является своеобразным продолжением и развитием рецензии Чернышевского на IV том. В 1864 г. с отзывом о XIII томе «Истории» Соловьева выступил Шелгунов в статье «Ученая односторонность»³⁰, в которой подверг критике переоценку Соловьевым роли географического фактора в общественном развитии и сведение им истории России к истории самодержавного государства.

Вслед за Белинским и Герценом, Чернышевский и Добролюбов видели основную творческую силу истории в народных массах. В этом смысле их исторические взгляды, как и взгляды всех представителей революционно-демократического направления в русской историографии, принципиально отличались от взглядов дворянских и буржуазных историков. Чернышевский

²⁶ Особенно показательна в этом отношении статья Чернышевского «Г. Чичерин как публицист» (см. Полн. собр. соч., т. V, стр. 644—669).

²⁷ Там же, т. III, стр. 181.

²⁸ См. рецензию Чернышевского на IV том «Истории России» Соловьева (Полн. собр. соч., т. II, стр. 399—405).

²⁹ См. Грыцько. Исторические очерки.— «Современник», 1860, кн. II, стр. 61—84.

³⁰ См. Н. В. Шелгунов. Ученая односторонность.— «Русское слово», 1864. апрель. отд. II, стр. 1—36.

и Добролюбов иногда отождествляли понятие «народ» с понятием «нация». Но под «народными массами», они подразумевали совокупность трудящихся, угнетенных, противостоящих своим угнетателям.

Сознавая противоположность демократических и буржуазно-либеральных принципов истолкования истории, революционные демократы впервые отметили общность коренных установок буржуазной и дворянской историографии. Если дворянские историки сводили историю России к деятельности венценосцев и других носителей власти, то и в центре внимания буржуазных историков продолжала оставаться «история государственной жизни». Как те, так и другие не раскрывали истории народа, осуждали всякий протест угнетенных как проявление «анархических» стремлений. Эти глубокие наблюдения служили основой для справедливого вывода о сближении воззрений крупнейшего буржуазного историка Соловьева с воззрениями Карамзина — виднейшего дворянского историка. Г. З. Елисеев в своей рецензии на «Историю России» Соловьева справедливо замечал: «Как Карамзин идеализировал всю нашу древнюю жизнь, так г. Соловьев идеализирует московскую власть... Внутренняя жизнь народа для него исчезает совершенно при блестящей картине действий централизации...»³¹.

Таким образом, революционеры-демократы занимали в середине прошлого века наиболее передовые позиции в понимании истории русской исторической науки и в оценке ее современного состояния.

В 60—70-х годах XIX в. почти не издавались работы, специально посвященные вопросам русской историографии. Известные книги Н. А. Попова о В. Н. Татищеве и М. П. Погодина о Н. М. Карамзине не имели специального значения историографических исследований и содержали лишь отдельные элементы, относящиеся к истории исторической науки в России.

Магистерская диссертация Н. А. Попова «В. Н. Татищев и его время» (1861) представляет собой обширную биографию этого выдающегося государственного деятеля и ученого. Н. А. Попов не отличался цельностью воззрений, сочетая либерально-буржуазные западнические взгляды со славянофильскими симпатиями. Его книга о Татищеве основана на обильном архивном материале, часть которого была впервые опубликована в приложениях к ней. Эти материалы, характеризовавшие также и занятия В. Н. Татищева изучением русской истории, были тщательно обработаны автором, чем и определялась основная ценность книги Н. А. Попова. Однако в теоретическом от-

³¹ Грыцько. Исторические очерки.— «Современник», 1860, кн. 11, стр. 68—69.

ношении эта книга довольно слаба. Исторические взгляды В. Н. Татищева не оказались здесь предметом самостоятельного исследования и были затронуты лишь в связи с характеристикой его литературного наследства. Общие выводы Н. А. Попова о характере исторических взглядов Татищева не были оригинальными. «В своей истории Татищев является,— писал Н. А. Попов,— ... защитником того исторического развития, к которому Россия пришла во времена Петра»³². Этот вывод повторил в сущности аналогичные заключения С. М. Соловьева, который, однако, более обстоятельно раскрыл содержание исторических взглядов В. Н. Татищева.

Двухтомная работа М. П. Погодина «Николай Михайлович Карамзин» (1866) являлась не научным исследованием, а скорее сборником материалов с авторскими комментариями. Содержание труда Карамзина «История государства Российского» и его научное и общественное значение — таков круг вопросов, рассмотренных М. П. Погодиным. Его работа проникнута казенно-монархической идеологией и сдобрена слащавым «юбилейным» восхвалением Карамзина³³ как защитника самодержавия и официального историографа. Книга, написанная одним из столпов теории «официальной народности» и изданная в период усиления реакции в России после неудачи первого демократического натиска, имела совершенно определенное политическое назначение: укрепить пошатнувшийся авторитет самодержавной власти — по Карамзину, основной движущей силы истории России — и тем самым содействовать консервации монархических настроений.

Погодин называет «Историю» Карамзина «исполинским трудом», «египетской пирамидой»³⁴. Подводя итоги своей характеристике этого труда, Погодин рассматривает исторические взгляды Карамзина с трех сторон — с точки зрения оценки Карамзина как критика исторических источников, оценки его искусства изложения и, наконец, научного, теоретического содержания воззрений Карамзина, отраженных в его «Истории».

По мнению Погодина, Карамзин как критик источников «останется для всех навсегда благонадежным руководителем». В этой области «он все предчувствовал, все указал, обо всем догадывался»³⁵. Неумеренный восторг Погодина достигает предела, когда он оценивает искусство изложения Карамзина, заявляя, что его «История» — «великолепнейший литературный памятник, какой существовал где-либо»³⁶.

³² Нил Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 484.

³³ В 1866 г. отмечалось столетие со дня рождения Карамзина.

³⁴ М. Погодин. Н. М. Карамзин, т. II. М., 1866, стр. 185.

³⁵ Там же, стр. 186, 187.

³⁶ Там же, стр. 188.

Погодин вынужден был признать некоторые недостатки теоретического содержания «Истории» Карамзина, оправдывая их, однако, тем, что Карамзин не закончил своего труда, «не успел замкнуть своего высокого свода, не успел произнести своего заветного слова»³⁷. Если бы он это сделал и завершил законченный труд общим обзором истории России, то в нем «должно было представиться органическое развитие истории, вот где должна была выразиться система»³⁸. В этих словах заключен прозрачный намек на «Историю России» Соловьева, издававшуюся отдельными томами в годы написания и издания работы Погодина. Последний не отказал себе в удовольствии подчеркнуть превосходство Карамзина над Соловьевым и над всей буржуазной историографией, к которой относился отрицательно. С особой силой подчеркнул Погодин «нравственное значение» «Истории» Карамзина, ценя ее за то, что она воспитывала верноподданнические чувства и способствовала утверждению монархических настроений.

Погодин рьяно защищал «Историю» Карамзина от всех ее критиков, начиная с «гвардейской молодежи, подготавливавшейся к 14 декабря»³⁹, в частности, Никиты Муравьева. В этой запоздалой полемике с декабристами со всей отчетливостью выразилась реакционно-охранительная сущность убеждений Погодина.

Оценка Погодиным Карамзина как историка была типичной для историографических представлений реакционных историков пореформенного периода. Лишенные какого-либо научного содержания, эти представления, однако, усиленно внедрялись официальными сферами, пропагандировались единомышленниками Погодина и потому оказывались тормозом для распространения передовых исторических идей.

В подлинном смысле историографической работой была изданная в начале 70-х годов небольшая книга профессора киевского университета В. С. Иконникова (1841—1923) «Скептическая школа в русской историографии и ее противники»⁴⁰. В этой работе реализовались буржуазные принципы в оценке историографических явлений. Иконников подробно освещал исторические взгляды М. Т. Каченовского на основе анализа его основных произведений. Он отметил эволюцию воззрений Каченовского, однако односторонне связал ее со сменой влияния на этого историка Шлецера влиянием Нибура. Каченовского привлекали в воззрениях Нибура «естественность, чуждая идеализации, и дух

³⁷ М. Погодин. Н. М. Карамзин, т. II, стр. 193.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 198.

⁴⁰ В. С. Иконников. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871.

критики. С этой точки зрения критика Шлецера должна была показаться ему уже низшею, а многое, принимаемое им, невероятным»⁴¹. Такие установки помешали Иконникову должным образом показать, как было подготовлено возникновение «скептической школы» предшествующим развитием русской историографии.

В книге Иконникова дается также краткая характеристика работ учеников Каченовского — представителей «скептической школы» — Сергея Строева, Н. В. Станкевича, Стрекалова и других. Наибольшее внимание среди них уделено Н. С. Арцыбашеву.

В итоге Иконников приходит к выводу, что «скептическая школа» в целом сыграла положительную роль в русской историографии, поскольку ее представители настаивали на критическом отношении к источникам и фактам, ими сообщаемым, указывали на необходимость сравнительного изучения явлений русской и всеобщей истории, исходили из признания закономерного характера общественного развития и этим обеспечили возможность дальнейшего успешного развития русской исторической науки⁴². Иконников справедливо видит в «скептиках» предшественников последующих либеральных историков — С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Но в своем стремлении подчеркнуть рациональное содержание воззрений Каченовского и его последователей он допускает преувеличения, не желая видеть отрицательных сторон «скептической школы» — нигилистической оценки ценнейших древних исторических памятников и признания Киевской Руси «баснословным периодом» русской истории.

Отдельная глава книги Иконникова посвящена Н. А. Полевому, в труде которого «История русского народа» получили, по мнению автора, воплощение принципы «высшей критики», обоснованные ранее Каченовским, и дается обстоятельное изложение первых томов этого труда. Однако ограниченность Иконникова как буржуазного историка выразилась в том, что он не отметил научной ценности признания Полевым феодализма в России.

К противникам «скептической школы» Иконниковым отнесен только М. П. Погодин. Тем самым автор искусственно ограничил круг многочисленных противников «скептиков», не назвав среди них даже П. Буткова, выступившего со специальным трудом «Оборона летописи русской Нестеровой от навета скептиков» (1840). В результате в книге не показывается размах борьбы со «скептиками» и ее напряженность, не раскрывается ее смысл как борьбы между дворянской и оформляющейся

⁴¹ Там же, стр. 27.

⁴² Там же, стр. 56.

буржуазной историографией, не отмечается и ограниченный характер критики Каченовским дворянских историков, прежде всего Карамзина, поскольку Каченовский ограничивался областью источниковедения, не отвергая концепции дворянского историографа.

Историком, разделявшим типично буржуазные историографические представления, во второй половине XIX в. являлся В. О. Ключевский⁴³. Его историографические взгляды нашли отражение в специальных курсах на эти темы, в очерках, статьях, речах, некрологах, посвященных отдельным деятелям исторической науки, в черновых записях. Из специальных курсов Ключевского по истории исторической науки сохранилась рукопись 90-х годов XIX в., озаглавленная «Обзор историографии с царствования Ивана Грозного»⁴⁴. Здесь автор ставил вопрос о «переходе русского бытописания от летописи к историографии», который можно наблюдать, изучая переписку Ивана Грозного с Курбским, исторические повести XVII в. (Авраамия Палицына, кн. И. А. Хворостинина и др.). Переход этот ознаменовался, по мнению Ключевского, «двумя важными успехами исторического мышления»: 1) появился «новый взгляд на государство, как на церковно-национальный союз», имеющий свои задачи «независимо от лиц или династий»; 2) «исторический процесс введен был в реальные условия человеческой жизни и утратил в новом сознании характер непрерывного чудотворения, какой он имел в старом летописном мышлении».

Сравнительный анализ памятников летописания и исторических повестей проводился Ключевским не с точки зрения раскрытия классовой сущности идеологии их составителей, а в плане выявления формальных приемов компановки и обработки исторического материала. Но и в этом ограниченном разрезе наблюдения Ключевского представляют определенный интерес.

Начало превращения исторического знания в историческую науку Ключевский относил ко времени Петра I, находя отражение этого процесса в трудах В. Н. Татищева.

В сравнительно подробном изложении сохранились относящиеся к 90-м годам XIX в. лекции Ключевского по историографии XVIII в. (начиная с 40-х годов)⁴⁵. Ключевский отмечал два направления в историографии 40—50-х годов XVIII в.: «одного держались академики-немцы, другого — русские писатели. Первые собирали исторические документы и ... предпринимали

⁴³ Текст об историографических работах В. О. Ключевского принадлежит Л. В. Черепнину.

⁴⁴ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФ), д. 28.

⁴⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII. М., 1959, стр. 396—452.

ряд специальных критических исследований, не заботясь о большой публике. Писатели русские старались работать на глазах большой публики и старались представить в возможно популярном изложении весь ход русской истории»⁴⁶. Первое направление представлено было трудами Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера. Среди русских историков Ключевский особенно отмечал М. В. Ломоносова, подчеркивая патриотическую направленность его работ.

В царствование Екатерины определились, по мнению Ключевского, три направления в исследовании русской истории. Во-первых, это — «люборуссы» (например, Плавильщиков), ставившие своей задачей историческое изучение русского национального характера, «врожденных» (т. е. исторически сложившихся) «свойств русского народа»⁴⁷. Другое направление, отмечаемое Ключевским, «стародумы» (например, княгиня Дашкова), высказывало скептическое отношение к деятельности Петра I, сожалело об утрате Россией «национальной самостоятельности» и идеализировало «дореформенную старину». Представительницей третьего направления («сравнительно-апологетического») была, по Ключевскому, сама Екатерина II, приходившая на основе сопоставления русской истории с западноевропейской к выводу, что «у нас не все было хорошо, но вовсе не хуже, чем у других народов»⁴⁸. Эти три направления выросли, по мысли Ключевского, на основе двух идей, принесенных с Запада: идеи «закономерности исторического процесса» и идеи «необходимости и возможности перестройки человеческого общества на началах разума»⁴⁹.

Историками двух противоположных типов были, по мнению Ключевского, М. М. Щербатов и И. Н. Болтин⁵⁰. Первый — «историк-стародум», второй — «историк-философ». «Один весь живет в старине, другой разбирает ее, ищет в ней общечеловеческих мотивов. У Щербатова идиллическая картина древнерусской старины поставлена в стороне от изображения современной порчи нравов, подобно волшебному фонарю; Болтин хочет осветить русскую старину светом разума и знания»⁵¹.

Ведущим принципом при рассмотрении произведений исторической мысли был для Ключевского вопрос о проявлявшемся в них «национальном самолюбии» и о степени воздействия

⁴⁶ Там же, стр. 411.

⁴⁷ Там же, стр. 412.

⁴⁸ Там же, стр. 414.

⁴⁹ Там же, стр. 415—416.

⁵⁰ И. Н. Болтину посвящены два очерка Ключевского (см. Соч., т. VIII, стр. 133—163, 164—176).

⁵¹ Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 131, № п. 12, ед. хр. 1.

на их авторов западноевропейских теорий; классовый момент при оценке тех же произведений отсутствовал.

Весьма скептически оценивал Ключевский работы А. Л. Шлецера, который, по его мнению, оставался в узких рамках формально-текстологической критики: Шлецер «имел дело не с историей, а с историческим памятником. Взор его никогда не проникал до фактов; ему нужны были факты только для объяснения памятника»⁵².

Подводя итоги развитию исторической мысли в России до начала XIX в., Ключевский намечал два важных рубежа в этом процессе, связывая их с появлением: 1) «записок русских людей, современников Смуты, по окончании ее пытавшихся отдать себе отчет в ее происхождении и значении»⁵³; 2) «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Выделение этих двух граней сделано Ключевским довольно верно, хотя ему, конечно, оставались не вполне ясными и их далеко не одинаковое значение в историческом процессе и иной характер общественных явлений, эти грани определивших.

Дополнением и конкретизацией курсов Ключевского по русской историографии служат его специальные этюды на историографические темы. От 90-х годов XIX в. до нас дошло несколько отрывков Ключевского, посвященных творчеству Н. М. Карамзина. Ключевский упрекал последнего в драматизации исторических явлений, в том, что в его «Истории» нет исторической правды, что выведенные им исторические образы и обрисованные ситуации надуманны, трафаретны, лишены отличительных черт, указывающих на время и место действия. Вторым упреком, который делал Карамзину Ключевский, заключался в том, что в его «Истории» выступают отдельные лица, но за ними не видно общества, из которого они вышли, исторической среды, которая их породила. Третью черту Карамзина как историка составляет, по мнению Ключевского, стремление к морализированию, к наделению действующих исторических лиц вымышленными добродетелями и пороками, к психологическим оценкам их поведения и поступков. В конце концов Ключевский приходил к выводу, что Карамзин не был историком, а представлял собой писателя, выступавшего с поучением, подкрепляемым историческим материалом, взятым из источников или навязанным источником.

Очень интересна и остроумна характеристика Ключевским «скептической школы»: «Ее сущность: настоящее слишком плохо, чтобы допустить возможность столько хорошего в прошедшем, значит, все хорошее в прошедшем подделано плохим на-

⁵² В. О. Ключевский. Соч. т. VIII, стр. 451—452.

⁵³ ОРФ, д. 28.

стоящим...»⁵⁴. Здесь Ключевский метко схватил критическое отношение «скептической школы» к современной ей русской действительности, а вместе с тем и дефекты источниковедческих приемов, используемых ее представителями.

Из передовых представителей исторической науки Ключевский высоко ценил Т. Н. Грановского. В статье «Памяти Т. Н. Грановского» (1905)⁵⁵ Ключевский подчеркивал общественное значение лекций последнего. В то же время в идейном отношении он связывал с Грановским К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, подходя к нему как к одному из предтеч русского либерализма.

Из реакционных представителей дворянской историографии первой половины XIX в. Ключевский резко отзывался о трудах М. П. Погодина. Но это была критика не идейных позиций, а багажа его фактических знаний и подготовленности к научной работе. Ключевский ядовито заметил, что разносторонность Погодина сочеталась с никчемностью, суетливостью, мелочностью, он не сумел «дисциплинировать чутье научным методом», его научные положения догматичны⁵⁶.

Ключевский любил Н. И. Костомарова, но не за идеи, а за художественность исторических портретов, не столько воссоздающих действительность, сколь ее импровизирующих, но тем не менее доставляющих удовлетворение своей живостью и образностью и представляющих собой произведение искусства. В такой оценке сказались, по-видимому, присущее самому Ключевскому художественное дарование и любовь к образности и яркости исторических характеристик.

Среди историков XIX в. наибольшее внимание Ключевского привлекала фигура его учителя С. М. Соловьева. Но высказывания Ключевского о Соловьеве противоречивы. Это объясняется не только одновременностью отдельных отзывов, но и тем, что статьи, предназначенные Ключевским для публикации в официальной печати (некрологи, воспоминания и т. д.), не всегда совпадают с оценкой научного значения Соловьева в записях, не предназначенных для опубликования. В этих записях нет того пиетета к учителю, которым проникнуты официальные высказывания Ключевского, и наружу, напротив, выступает критическое к нему отношение, очевидно, внутренне присущее Ключевскому. В опубликованных статьях, посвященных научному творчеству Соловьева⁵⁷, Ключевский отмечал, что труды его проникнуты идеей закономерности исторического процесса,

⁵⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 465.

⁵⁵ Там же, т. VIII, стр. 390—395.

⁵⁶ ОРФ, д. 26.

⁵⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 126—144; т. VIII, стр. 253—262, 351—367.

что мыслитель превалировал в нем над повествователем, что его историческая концепция была построена на историко-философской основе. В то же время сохранилась неопубликованная заметка Ключевского о Соловьеве, где Ключевский высказывался в том смысле, что в трудах Соловьева идея закономерности нашла одностороннее применение — в плане обобщения лишь материала политической истории — и упрекал Соловьева в недостаточном критическом отношении к прежней историографии и к источникам⁵⁸.

Уже в конце своей жизни Ключевский возвратился к Соловьеву в небольшой заметке о Гизо, в которой дал очень высокую оценку последнему как историку⁵⁹. Сравнивая Соловьева с Гизо, Ключевский отмечал, что у Соловьева «не было этого тонкого анатомического осязания, а только склонность к обобщению: он не умел дощупываться до остова жизни, а только схватывал ее физиономию». У Соловьева, по мнению Ключевского «схема процесса не снималась с явлений, а набрасывалась на них, как крышка на сливки».

Историографические заметки Ключевского очень ярки и свидетельствуют в целом о том, что он внимательно изучал предшествующую ему дворянско-буржуазную русскую историографию и составил целостное представление о ее развитии.

Важнейшие явления русской историографии XVIII—XIX вв. получили оценку и в работах К. Н. Бестужева-Рюмина.

Откликаясь на труды современных историков, Бестужев-Рюмин должен был раскрывать связь современной исторической науки с ее предшествующими этапами. У него имелись и отдельные работы, специально посвященные историкам прошлого. Таковы, например, работы о В. Н. Татищеве, А. Л. Шлецере, Н. М. Карамзине. Ряд работ собран в известном сборнике Бестужева-Рюмина «Биографии и характеристики» (1882)⁶⁰, некоторые из его статей по вопросам русской историографии опубликованы вне названного сборника.

Бестужев-Рюмин в числе немногих профессоров читал специальные обширные курсы русской историографии, утверждая ее значение в качестве самостоятельной исторической дисциплины в университетском преподавании⁶¹.

⁵⁸ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 464—465.

⁵⁹ ОРФ, д. 26; см. также Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 131, № 12.

⁶⁰ В этот сборник вошли работы Бестужева-Рюмина, посвященные В. Н. Татищеву, А. Л. Шлецеру, Н. М. Карамзину, М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, С. В. Ешевскому, А. Ф. Гильфердингу.

⁶¹ Сохранился литографированный курс лекций Бестужева-Рюмина по русской историографии, прочитанный им на Высших женских курсах в 1881/82 г. Этот курс завершается характеристикой воззрений Н. И. Костомарова и Д. И. Иловайского.

Исторические взгляды Бестужева-Рюмина были не только сложны и противоречивы, сочетая в себе элементы дворянской и буржуазной историографии⁶², но вместе с тем претерпели определенную эволюцию, которая нашла свое отражение и в его историографических работах⁶³.

Характеристику развития русской исторической науки Бестужев-Рюмин по установившейся традиции начинает с В. Н. Татищева. Обширным очерком, посвященным этому выдающемуся русскому историку, открывается книга Бестужева-Рюмина «Биографии и характеристики». Однако этот очерк после исследований Нила Попова и С. М. Соловьева не представлял существенной новизны. Юбилейная речь Бестужева-Рюмина, посвященная Н. М. Карамзину и вошедшая в «Биографии и характеристики» в качестве отдельного очерка, также не являлась оригинальной. Однако этот очерк очень важен для характеристики взглядов самого автора.

Первоначально умеренный либерал со склонностью к славянофильству, Бестужев-Рюмин в условиях политической реакции 60-х годов сильно поправел; в дни карамзинского юбилея, которому правящими кругами намеренно придавалось охранительное назначение, речь Бестужева-Рюмина оказалась настоящим панегириком в честь официального историографа⁶⁴. Бестужев-Рюмин назвал в этой речи Карамзина одним «из самых гениальных людей Русской земли»⁶⁵, а «Историю государства Российского» — «единственной историей в полном смысле слова, какую только имеет Русская земля», причем каждая новая попытка создать подобный труд была бы, по его мнению, «только новым доказательством недостижимого величия „Истории государства Российского“»⁶⁶. Бестужев-Рюмин одобрительно отозвался о центральной идее исторической концепции Карамзина — возвеличении самодержавной власти, полагая, что она дала «цельность, единство» труду Карамзина. История государства составила «главный предмет этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключ ко всей русской истории»⁶⁷. Мысль Карамзина, заявлял Бестужев-Рюмин,

⁶² Общая оценка Бестужева-Рюмина как историка дана в гл. II настоящего тома «Очерков истории исторической науки в СССР».

⁶³ Краткая оценка Бестужева-Рюмина как историографа дана в книге Е. Шмурло («Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина». Юрьев, 1899, гл. VII, стр. 94—118).

⁶⁴ Общее поправление либералов в период реакции 60-х годов отразилось и в юбилейной речи С. М. Соловьева, посвященной памяти Н. М. Карамзина (см. С. М. Соловьев. Исторические поминки по историке. — «Московские ведомости», 1866, № 254).

⁶⁵ К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1882, стр. 230.

⁶⁶ Там же, стр. 206.

⁶⁷ Там же, стр. 223.

«обращена была преимущественно к государственной стороне истории» и это «подкрепило в нем сознание необходимости для народа вождей и, следственно, необходимости для России самодержавной власти. В этом случае он сошелся с мнением народа»⁶⁸. Приведенные суждения мало отличали Бестужева-Рюмина от Погодина.

Понятна поэтому одобрительная в целом оценка Бестужевым-Рюминым исторических взглядов М. П. Погодина в очерке, ему посвященном. Здесь содержится краткая характеристика развития воззрений Погодина, в которой Бестужев-Рюмин счел возможным весьма снисходительно оценить многие устарелые в его время работы Погодина⁶⁹. В духе юбилейного восхваления оценивается Погодин и как писатель и даже сравнивается в этом отношении с Карамзиным. Однако Бестужева-Рюмина Погодин привлекал не столько как ученый и писатель, сколько как убежденный сторонник монархической власти и последовательный противник демократических идей.

Как историограф, Бестужев-Рюмин уделял основное внимание характеристике научного творчества виднейших представителей современной ему либеральной историографии — К. Д. Кавелину и С. М. Соловьеву⁷⁰. Он указывал, что Соловьев осветил общий ход русской истории, заново поставил и начал решать многие ее важные вопросы, «ввел в область русской истории явления, которые прежде в нее не входили, и тем бросил неожиданный свет на то, что все знали»⁷¹. Бестужев-Рюмин не сомневался в том, что теоретические принципы Соловьева и Кавелина в целом превосходили упрощенные представления Карамзина и Погодина, но подвергал критике с позиций славянофилов родовую теорию, разделявшуюся буржуазными историками: родовые отношения, по его мнению, господствовали лишь в доисторические времена, но никак не в период Киевской Руси. С тех же позиций Бестужев-Рюмин упрекал Кавелина и Соловьева в том, что они придают крайне преувеличенное значение в русской истории государственному

⁶⁸ К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 225.

⁶⁹ Там же, стр. 253.

⁷⁰ Значительное внимание уделено Бестужевым-Рюминым освещению воззрений Кавелина и Соловьева еще в его ранней статье «Современное состояние русской истории, как науки» («Московское обозрение», 1859, № 1). Оценке Кавелина как историка Бестужев-Рюмин вскоре посвятил большую статью «Сочинения К. Кавелина» («Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 74—97, № 6, стр. 28—60, № 8, стр. 59—89). Почти все тома «Истории России» С. М. Соловьева получили оценку в специальных рецензиях Бестужева-Рюмина, печатавшихся в различных периодических изданиях по мере выхода очередных томов труда Соловьева, с 1860 по 1877 г. (см библиографию этих статей в названной книге Е. Шмурло).

⁷¹ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» г. Соловьева, т. VIII.—«Отечественные записки», 1858, № 8, стр. 54

началу. Увлеченный своими славянофильскими симпатиями, Бестужев-Рюмин иногда даже допускал крайности в критической оценке труда Соловьева, ставя его ниже «Истории государства Российского» Карамзина. Однако позже, под давлением общественного признания «Истории России» Соловьева, Бестужев-Рюмин вынужден был примкнуть к общей положительной его оценке⁷².

Наиболее обширным обобщающим трудом по русской историографии в рассматриваемый нами период явилась работа М. О. Кояловича (1828—1891) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», выросшая из лекционного курса, который читался автором в Петербургской духовной академии. Развитие исторических знаний прослеживается тут с древнейших времен до 80-х годов прошлого века. Коялович был реакционным, националистически настроенным деятелем, разделявшим убеждения позднейших славянофилов, их теоретические представления в области истории, о чем с полной откровенностью писал в предисловии к своей книге. При этом он попытался дать своеобразное «философско-историческое» обоснование своему, как он выражался, «русскому субъективизму». Исходя из субъективно-идеалистических представлений, согласно которым «в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших, голых фактов»⁷³, Коялович видел свою задачу в том, чтобы разобраться «в разного рода субъективизмах по изучению русской истории»⁷⁴. В результате он пришел к выводу, что субъективизмом, который «больше... и лучше других освещает действительные и существенные ее стороны» является «русский субъективизм» славянофилов⁷⁵. Этот «субъективизм» и стал руководящим для Кояловича. Это поставило в центр внимания автора исторические взгляды представителей официально монархической историографии и в особенности славянофилов, вызвав его критическое и в сущности отрицательное отношение даже к либеральной историографии. К историческим теориям, в которых нашли отражение демократические идеи. Коялович относился с неприкрытой враждебностью.

⁷² К. Н. Бестужев-Рюмин. XXV-летие «Истории России» С. М. Соловьева (1851—1876).— «Русская старина», 1876, № 3, стр. 679—686; отзывы Бестужева-Рюмина о 23—26 томах «Истории России» С. М. Соловьева см. в «Сборнике государственных знаний», т. I—IV. СПб., 1874—1877.

⁷³ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. VI.

⁷⁴ Там же, стр. VII.

⁷⁵ Там же стр. IX.

Коялович уделил внимание в своей книге русскому летописанию и другим историческим памятникам, которые предшествовали повествовательным произведениям, прослеживая в них проявление крепнущего национального самосознания, сводившегося автором к утверждению идей самодержавия и православия.

Касаясь «первых опытов прагматического изложения событий», Коялович высоко оценивает «Синописис» Иннокентия Гизеля, называя его «чисто русской, патриотической книгой»⁷⁶, одобряет разностороннюю научную деятельность В. Н. Татищева, считая его «отцом русской истории»⁷⁷. Высоко оценивает Коялович М. В. Ломоносова, как представителя русской национальной историографии и убежденного противника немецких историков, тенденции которых он «обличал до конца дней своих»⁷⁸. Из немецких историков Коялович признавал лишь Миллера.

Восторженный отзыв получила у него «История» Карамзина, которая «далеко оставила за собою все, что до тех пор писано было по этой части, и надолго сделала даже невозможным появление нового, лучшего труда»⁷⁹, Коялович решительно осудил всех критиков Карамзина, в частности, представителей «скептической школы», в воззрениях которых он увидел отрицание «патриотизма и достоинства древней русской исторической жизни»⁸⁰, что явилось результатом влияния на них воззрений Шлецера. В «Истории русского народа» Н. А. Полевого Коялович усмотрел лишь доказательство того, что «она лучше всего показывает, какое чудовищное искажение всего нашего прошедшего строя можно произвести, примеривая к нему западноевропейский строй, хотя бы то по самым научным западноевропейским книгам»⁸¹. Воззрения М. П. Погодина, противника «скептиков» и Полевого, вызывают полное его одобрение. Но Коялович выражал свою солидарность с историческими взглядами своих идейных предшественников — славянофилов 40—50-х годов, вполне одобряя идеализацию славянофилами допетровской старины и столь же одобрительно расценивая другие элементы славянофильской исторической концепции, которая в действительности мешала утверждению научных представлений о русской истории. Вместе с тем Коялович решительно осуждал исторические построения таких либеральных историков, как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, в которых усматри-

⁷⁶ М. О. К о я л о в и ч. История русского самосознания..., стр. 96.

⁷⁷ Там же, стр. 101.

⁷⁸ Там же, стр. 114.

⁷⁹ Там же, стр. 172.

⁸⁰ Там же, стр. 196.

⁸¹ Там же, стр. 204.

вал измену национальным принципам в изучении истории России. Однако для Соловьева он делал в известном смысле исключение, полагая, что его воззрения «напомнят нам Карамзина раскрытием великой силы государственности в России»⁸². Но вслед за этим Коялович отметил те особенности воззрений Соловьева, которые им осуждались: признание «обязательной силы западноевропейской культуры»⁸³, влияние на него немецких ученых и т. д. Однако, осветив развитие исторических взглядов Соловьева, Коялович приходил к утешительному для себя заключению: «С. М. Соловьев, как и другие наши русские историки, чем дальше, тем больше входил в область чисто русских воззрений и очищал себя от иноземных взглядов»⁸⁴.

Враждебное отношение вызывала у Кояловича «реалистическая» (так называл он ее) концепция А. П. Щапова. Он не мог разделить взглядов Щапова на роль народных масс в истории России. Особенное его возмущение вызывала мысль Щапова в его позднейших произведениях о вредном влиянии религии на общественное развитие, в то время как сам Коялович считал «христианское религиозное образование» источником «отвлеченных понятий, высших, даже в научном смысле, начал жизни»⁸⁵. В воззрениях Щапова он почувствовал отражение не только демократических идей, но и ненавистного ему материализма. Столь же решительно отвергал Коялович федералистическую теорию Н. И. Костомарова, в которой он также усматривал отражение демократических идей, но в другом сравнительно со Щаповым смысле. Он порицал стремление Костомарова «везде в русской истории» приподнимать «государственный, объединительный слой, на который (Костомаров.— *Ред.*) естественно смотрит неблагосклонно», изучая «явления народной жизни, им придавленные»⁸⁶.

Славянофильские настроения К. Н. Бестужева-Рюмина, напротив, привлекали симпатии Кояловича. Одобрил он и объективистские установки этого историка, который, «собирая в одно труды по русской истории», якобы «занимает по отношению к ним совершенно спокойное и беспристрастное положение»⁸⁷.

Книга Кояловича вызвала многочисленные отклики и оживленное обсуждение⁸⁸. Подавляющее большинство рецензентов

⁸² Там же, стр. 303.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 388.

⁸⁵ Там же, стр. 419.

⁸⁶ Там же, стр. 463.

⁸⁷ Там же, стр. 473.

⁸⁸ Следует выделить как наиболее содержательные рецензии Н. И. Костомарова («Вестник Европы», 1885, № 4, стр. 867—878), К. Н. Бестужева-Рюмина (ЖМНП, 1885, январь, стр. 95—140), В. С. Иконникова («Русская старина», 1885, № 3, стр. 753—756), Д. Корсакова («Исторический

в той или иной мере отнеслось к ней отрицательно, так как она отражала реакционные взгляды автора и имела существенные недостатки в научном отношении (неполнота освещения развития исторических знаний, одностороннее понимание рассматриваемых явлений и явно тенденциозные обобщения и выводы).

Итак, с середины XIX в. русская историография обособляется в специальную историческую дисциплину. Заслуга в этом отношении принадлежит С. М. Соловьеву. Вопросам историографии уделяется внимание в университетских курсах, в отдельных университетах читаются специальные курсы по русской историографии. Этим вопросам посвящается все возрастающая специальная литература, в которой совершенствуется разработка историографических проблем, расширяется круг охватываемых изучением явлений, в трактовке которых, однако, наблюдаются серьезные различия у представителей отдельных направлений. Все направления в русской историографии выявили свое отношение к истории русской исторической науки: историки-охранители М. П. Погодин, М. О. Коялович, славянофильски настроенный либерал К. Н. Бестужев-Рюмин, либеральные историки государственной школы С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, типичный буржуазный либерал В. О. Ключевский, революционеры-демократы. При всех расхождениях у дворянских и буржуазных историков имеются общие черты. Одной из важнейших было сознательное ограничение тематики своих работ рамками академической историографии, намеренное игнорирование передовой, революционной исторической мысли. В тех же случаях, когда они встречались с отражением демократических идей в работах историков-специалистов, они выражали к ним отрицательное отношение, в чем сказывалась классовая сущность взглядов дворянских и буржуазных историков. Опасение народной революции создавало основу для сближения между теми и другими, особенно в периоды реакции. Такое сближение преследовало цель общего противодействия распространению демократических идей в русской историографии.

Однако эти идеи с течением времени все более проникали в историческую науку. Революционные демократы начали в известном смысле готовить почву для последующего утверждения в русской исторической науке марксистских идей, для научного понимания русского исторического процесса.

вестник», 1885, т. XIX, стр. 684—707). Наиболее резкой была рецензия Д. Корсакова, уклончивой — Бестужева-Рюмина. Коялович счел нужным ответить Корсакову и Бестужеву-Рюмину (см. приложения ко второму изданию «Истории русского самосознания», СПб., 1893). Однако ответы оказались малоубедительными.

Источниковедение второй половины XIX — начала XX в. развивалось в тесной связи с исторической наукой и ходом публикации источников; оно представляло собой крупный шаг вперед по сравнению с источниковедением феодально-дворянского периода. Расширялась документальная база исторических исследований, совершенствовался метод изучения источников. Были введены в научный оборот группы документов хозяйственно-административного содержания, ранее совсем или почти совсем не подвергавшиеся анализу (частно-правовые акты, делопроизводственная переписка, писцовые, переписные книги и т. д.). Буржуазная историография придавала большое значение разысканиям в области организации хозяйства, торговли и финансов. Заменяв примитивный прагматизм поисками более общих факторов развития человеческого общества, лежавших, по мнению буржуазных авторов, в сфере хозяйства, права, политики и идеологии, источниковеды столкнулись с необходимостью доказывать типичность того или иного явления — для этого потребовалось привлечение больших комплексов однотипных материалов и их научная обработка. В исторических трудах стали находить применение методы буржуазной статистики, правоведения и литературоведения. Усилилось критическое отношение к источникам для изучения внутренней и внешней политики.

Однако источниковедение и на новом этапе развития несло на себе печать методологической ограниченности исторического идеализма — оно характеризовалось отрывом содержания источника от социально-экономических процессов, обусловивших его появление, и преувеличением роли формы источника, приданием ей часто самодовлеющего значения.

Наиболее солидная историография сложилась вокруг летописей, Русской Правды и прочих законодательных источников, писцовых книг, актов, а также житий святых, церковно-учительских и полемических источников, вышедших из церковных кругов, памятников официальной идеологии, записок иностранцев.

* * *

С середины XIX в. до начала XX в. исследование летописей прошло два главных этапа своего развития. Первый (примерно 50-е годы) ознаменован рассмотрением летописей с историко-литературной точки зрения; второй (60—90-е годы) характеризуется поисками политических причин происхождения летописей.

Первый этап представлен трудами И. И. Срезневского⁸⁹ и М. И. Сухомлинова (1828—1901)⁹⁰, занимавшихся исследованием Повести временных лет. Создатель летописи выступал у них в виде социально и политически абстрактного лица. Сухомлинов подчеркивал крайнюю беспристрастность князей, якобы приказывавших вносить в летопись «все, что случалось при них, доброе и недоброе, с совершенною истиною и без всяких украшений»⁹¹. В древней летописи «интересы высшие, духовные являются на первом плане»,— утверждал он⁹². Стремление к истине отмечал и Срезневский в качестве главного мотива действий составителя летописи при отборе сказаний⁹³. Вместе с тем в указанных работах проводилась мысль об органической связи летописного дела с внутренней жизнью Руси и возникновении летописей независимо от Византии или какого-либо другого государства, причем до крещения Руси, примерно в начале X в. Отмечались и некоторые общие закономерности развития русского и западноевропейского, в том числе западнославянского летописания, например, переход от простых «летописных заметок» к сложным летописям. Конкретные приемы, которыми пользовались в своих исследованиях Срезневский и Сухомлинов, были формальны; изучение текста Повести временных лет велось путем простого выделения из нее «вставок учености», заимствованных из других источников. Игнорирование факта политического редактирования Повести происходило у Срезневского и Сухомлинова из общей идеалистической концепции возникновения летописей. Но разложение Повести на включенные в нее литературные памятники и их анализ, содержащийся в монографии Сухомлинова, имели в середине XIX в. большое научное значение⁹⁴.

Следующий этап в изучении летописей составили труды Н. И. Костомарова⁹⁵, К. Н. Бестужева-Рюмина⁹⁶ и И. А. Тихо-

⁸⁹ И. И. Срезневский. Памятники X-го века до Владимира Святого.— «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», СПб., 1854, т. III, стр. 49—66; его же. Чтение о древних русских летописях.— «Записки Академии наук», т. II, СПб., 1862, приложение № 4.

⁹⁰ М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи, как памятнике литературном. СПб., 1856.

⁹¹ М. И. Сухомлинов. О древней летописи..., стр. 3.

⁹² Там же, стр. 4.

⁹³ И. И. Срезневский. Чтение..., стр. 3.

⁹⁴ О Сухомлинове см. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 50.

⁹⁵ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории. СПб., 1862, стр. 20—100.

⁹⁶ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868; о Бестужеве-Рюмине см. М. Н. Тихомиров. Источниковедение, т. I, стр. 50.

мирова⁹⁷. Разные по своим политическим взглядам и общесоциальным концепциям, эти исследователи оказались во многом близкими друг к другу в области изучения летописей. Они не только значительно расширили круг исследуемых летописей⁹⁸, но им удалось преодолеть ограниченность взглядов Срезневского и Сухомлинова на происхождение летописей. Костомаров считал, что летописи «писались не для удовлетворения простого любопытства», а составлялись доверенными лицами князей и использовались последними в политических целях⁹⁹. Бестужев-Рюмин отмечал наличие у летописцев определенных политических тенденций¹⁰⁰. И. А. Тихомиров в статье о так называемой тверской летописи подчеркивал политическую направленность летописи, выразившуюся в ее приверженности роду тверских князей¹⁰¹.

Уточняя гипотезу о существовании русского летописания до Повести временных лет (т. е. до начала XII в.), Бестужев-Рюмин обратил внимание на древние летописные известия, которые не вошли в Повесть, но сохранились в составе других источников и считались в литературе либо пропущенными переписчиками, либо сочиненными позднейшими летописцами. Бестужев-Рюмин рассматривал их как остатки летописных материалов, которые возникли еще в период, предшествовавший составлению Повести¹⁰². Указанные авторы несколько усовершенствовали приемы исследования летописей¹⁰³ в рамках метода, разработанного Срезневским и Сухомлиновым, но

⁹⁷ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверскою летописью.— ЖМНП, 1876, декабрь, стр. 262—308; его же. Обзорение состава московских летописных сводов.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 10, СПб., 1895, стр. 1—84; см. также ЖМНП, 1895, август, стр. 416—451.

⁹⁸ Костомаров, помимо Повести временных лет, рассматривал местные летописи, ввел в научный оборот некоторые неопубликованные источники, например вятский летописец и др. Бестужев-Рюмин занимался анализом Повести и южнорусских летописей («южнорусского свода», «галицко-волынской летописи») с привлечением материалов польской летописи Длугоша. В это же время большую работу по собиранию, классификации и критическому обзору хронографов произвел А. Попов (см. его Обзор хронографов русской редакции. М., 1866 и приложение к Обзору — «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», М., 1869). До книги Попова в литературе имелись лишь отрывочные сведения о хронографах. Попов ввел в научный оборот более 150 списков хронографов. И. А. Тихомиров взялся за изучение сравнительно поздних летописей, — так называемой тверской летописи и московских сводов.

⁹⁹ Н. И. Костомаров. Лекции..., стр. 21—22; ср. стр. 99.

¹⁰⁰ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей..., стр. 93.

¹⁰¹ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверскою летописью.— ЖМНП, 1876, декабрь, стр. 304; ср. стр. 266.

¹⁰² К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей..., стр. 60.

¹⁰³ Особенного внимания заслуживает попытка Бестужева-Рюмина разделить известия на «достоверные» и «недостоверные» (там же, стр. 61—69).

не выяснили конкретных политических мотивов создания летописных сводов и роли той редакционной обработки, которой подвергались материалы в процессе составления свода. Своды казались им всего лишь «списками» или «сборниками» летописей¹⁰⁴. Правда, Костомаров пытался бегло проследить историю складывания отдельных летописей, указывая, например, когда составление летописи переходило из одних рук в другие и как в связи с этим менялась политическая ориентация летописного изложения. Однако дальше случайных наблюдений он не пошел¹⁰⁵. Костомаров, Бестужев-Рюмин и Тихомиров продвинули вперед теорию происхождения летописей, но не сумели внести коренных изменений в метод изучения летописания.

В 70-х годах XIX в. в источниковедении летописей выявилось стремление к так называемым «сводным текстам». Л. И. Лейбович опубликовал сводный текст Повести временных лет, в котором текст Повести по Лаврентьевскому списку искусственно разбавлялся известиями из других списков и прочих летописных памятников¹⁰⁶.

Попытка использовать летописи для восхваления правительственных реформ 60-х годов была предпринята Н. Н. Янишем¹⁰⁷. В его книге мнимый «либерализм» Романовых, противопоставляется «тирании» Ивана III и Ивана IV, занимавшихся «истреблением» и «перелицеванием» летописей Новгорода Великого; тут интересна острая постановка вопроса о позднейших переделках уже сложившихся летописей.

¹⁰⁴ Н. И. Костомаров. Лекции..., стр. 100. Бестужев-Рюмин считал Повесть временных лет «архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы» (К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей..., стр. 59).

¹⁰⁵ Н. И. Костомаров. Лекции..., стр. 44, 45, 67, 69, 74, 84, 96 и др. Концепция Бестужева-Рюмина, а заодно и Срезневского критиковалась с клерикальных позиций А. Рассудовым, считавшим, что летописание возникло как один из «подвигов, угодных богу». Автор не мог допустить поэтому мысли о появлении летописей до принятия христианства и датировал первые летописи временем не ранее второй половины XI в. С христианством связывал происхождение летописей и М. А. Оболенский. Первые летописные записки возникли, по его мнению, в период посещения Царьграда Ольгой с целью принятия христианства и венчания титулом «дщери» императора; вел эти записки, по предположению Оболенского, болгарский пресвитер Григорий. Вообще же Оболенский утверждал, что русское летописание началось с перевода византийского хронографа (см. А. Рассудов. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях.— «Московские университетские известия», 1868, № 9, стр. 759, 761; князь М. Оболенский. Несколько слов о первоначальной русской летописи. М., 1870, стр. 70—75, 87 и др.; А. Маркевич. О летописях. Из лекций по русской историографии, вып. I. Одесса, 1883, стр. 45).

¹⁰⁶ «Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем», вып. I. Повесть временных лет. СПб., 1876.

¹⁰⁷ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874.

Метод исследования летописей путем механического разложения их на составные части был одной из причин серьезного кризиса, который наступил в летописном источниковедении в 80-х годах XIX в. Политическая реакция этих лет оказала влияние на углубление кризиса. Специальная литература о летописях не обогатилась в 80-х годах какими-нибудь крупными исследованиями. Не представляет научного интереса компилятивная, полезная лишь в качестве библиографо-историографического пособия книга А. И. Маркевича¹⁰⁸. Общей реакционностью концепции отличается монография Иосифа Сенигова, посвященная новгородским летописям¹⁰⁹.

Довольно значительное место отводилось в буржуазном источниковедении анализу законодательных памятников, главным образом Русской Правды.

В историографии Русской Правды в середине XIX — начале XX в. различается несколько этапов. Первый, который можно назвать описательно-источниковедческим, представлен выдающейся монографией Н. В. Калачова (1819—1885), введшего в научный оборот огромный архивный материал¹¹⁰. Калачов внимательно разобрал 50 списков Русской Правды, разделив их на четыре редакции («фамилии»). Серьезной его заслугой является характеристика состава сборников, сохранивших текст Русской Правды. Однако, ограничившись описанием списков, Калачов произвел самую их классификацию по редакциям с формальных позиций. Давая в своей книге ценную публикацию текстов Правды, Калачов разделил текст Правды на юридические рубрики, не считаясь с действительным расположением статей в источниках¹¹¹. В этом делении проявилось характерное для сторонников юридической школы стремление к созданию сводного текста.

Буржуазные реформы 60—70-х годов способствовали бурному развитию юридической мысли. Описательно-источниковедческие приемы Калачова уже не удовлетворяли последующих исследователей. Наступил период чисто юридического изучения Русской Правды. На этом поприще потрудились Н. И. Ланге (1821—1894)¹¹² и Н. Л. Дювернуа (1836—1906)¹¹³.

¹⁰⁸ А. И. Маркевич. О летописях. Из лекций по русской историографии, вып. I—II. Одесса, 1883—1885.

¹⁰⁹ И. Сенигов. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887.

¹¹⁰ Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846.

¹¹¹ Подробнее об этом см. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 13—15.

¹¹² Н. Ланге. Исследование об уголовном праве Русской Правды.— «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. 1, 3, СПб., 1859; кн. 5, СПб., 1860; кн. 6, СПб., 1861 (Приложения).

¹¹³ Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, гл. II и III.

Юридический метод слабо способствовал выяснению происхождения Русской Правды, однако он обогатил науку весьма плодотворным анализом правовых норм Правды. Ланге отвергал мнение ученых, выведивших Русскую Правду из византийских и скандинавских источников. Большое значение имели его наблюдения над статьями Русской Правды, отражающими частную собственность на землю, положение холопов, различных должностных лиц и т. д. Но Ланге не сумел выяснить социальные задачи, стоявшие перед составителями Правды, ее происхождение и развитие.

Если Калачов настаивал на «частном» происхождении Правды, а Ланге доказывал ее государственное происхождение, то Н. Дювернуа сделал оригинальную попытку примирить эти точки зрения, предположив, что дошедшие до нас сборники могут быть сборниками «частного» происхождения, имея своим источником княжеские уставы¹¹⁴. Находясь, однако, под сильным влиянием немецких буржуазных правоведов и, в частности, Иеринга, Дювернуа усилил идеалистическую трактовку юридического содержания Правды. Не видя классовой сущности этого памятника, он утверждал, что «вся гарантия правосудия (по Русской Правде.— *Ред.*) заключается в личном достоинстве судьи»¹¹⁵. Отрицая важность точной датировки Русской Правды на основании сомнительного тезиса о медленности развития «юридической жизни»¹¹⁶, Дювернуа обнаружил полное непонимание конкретно-исторического подхода к памятникам права.

В 80-х годах XIX в. историография Русской Правды, так же как и некоторые другие отрасли буржуазного источниковедения, переживала состояние застоя. Ничего принципиально нового не внесли в трактовку Правды работы П. Н. Мрочка-Дроздовского¹¹⁷, который не пытался дать ответ даже на традиционный вопрос о частном или официальном происхождении Правды.

¹¹⁴ О Дювернуа подробнее см. М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 17—18.

¹¹⁵ Н. Дювернуа. Источники..., стр. 158.

¹¹⁶ Там же, стр. 52.

¹¹⁷ В своем первом исследовании (о деньгах Русской Правды) Мрочек-Дроздовский вернулся к концепции И. Д. Беляева, отвергавшего возможность распространения кожаных денег на Руси (П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды.— «Ученые записки Московского ун-та, отдел юридический», вып. 2, М., 1881, стр. 52). Затем он издал текст Правды, сопроводив его обширным словарем (П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде.— «Ученые записки Московского ун-та, отдел юридический», вып. 4, М., 1885). Третий выпуск исследования о Правде автор посвятил объяснению ее терминов (П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде.— Чтения ОИДР, 1886, кн. 1). Подробнее о Мрочке-Дроздовском см. М. Н. Тихомиров. Исследование о русской правде, стр. 19—20.

В 90-х годах возникло критически-источниковедческое направление в области исследования Правды. Оно вернулось к источниковедческим вопросам, поставленным еще в работе Калачова, но уже не ограничилось только классификацией и описанием списков. Большую роль в источниковедении Русской Правды сыграли в это время В. И. Сергеевич и В. О. Ключевский.

Первоначально Сергеевич считал возможным разделить все списки Русской Правды на три «фамилии» (редакции)¹¹⁸, однако затем пришел к выводу о существовании четырех редакций¹¹⁹. В результате изучения многочисленных списков Сергеевич оказался в состоянии внести вклад в проблему происхождения Правды: по его мнению, Краткая редакция Русской Правды является простым соединением двух различных памятников — Правды Ярослава и Правды Ярославичей¹²⁰. Сергеевич поддерживал мысль о частном происхождении Правды. Оставаясь на позициях юридической школы, он не связывал появление Правды с задачами, стоявшими перед господствующим классом, и поэтому отрицал практическое значение Русской Правды в Древней Руси¹²¹. Этим по существу еще больше, чем в книге Дювернуа, углублялась идеалистическая трактовка памятника.

Источниковедческие наблюдения Сергеевича в какой-то мере перекликались с выводами В. О. Ключевского, признававшего Русскую Правду сборником разновременных частичных сводов и отдельных статей¹²². Впервые после Калачова Ключевский поставил вопрос о литературном окружении Правды, хотя и не произвел детального изучения сборников, в составе которых сохранилась Русская Правда¹²³. Впрочем, он гиперболизировал значение этого окружения, считая Русскую Правду документом церковного происхождения лишь на основании того, что ее текст дошел до нас главным образом в составе церковных памятников (Мерила Праведного и др.). Подобно Сергеевичу, Ключевский видел источники Русской Правды в обычном праве, княжеском законодательстве и некоторых византийских кодексах.

¹¹⁸ В. Сергеевич Русская Правда и ее списки — ЖМНП, 1899, январь, стр. 7.

¹¹⁹ «Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского». Изд. В. Сергеевич. СПб., 1904.

¹²⁰ Подробнее об этом см. М. Н Тихомиров. Исследование о русской правде, стр. 21—22.

¹²¹ В. Сергеевич Русская Правда и ее списки.— ЖМНП, 1899, январь, стр. 40—41.

¹²² В. О. Ключевский. Соч., т. I, лекции XIII—XIV.

¹²³ М. Н Тихомиров. Исследование о русской правде, стр. 23—24.

В 80-х — начале 90-х годов XIX в. появились крупные монографии, посвященные памятникам переводного (главным образом церковного) права.

В 80-х годах А. С. Павлов изучал так называемые «книги законные», которые представляли собой сборники переводов византийских кодексов церковно-канонического и светского права (Номоканон, Прохирон, Эклога), входившие в состав Кормчих книг. Павлов не ставил перед собой задачи исследования русской переработки этих источников, хотя и отмечал, что они имели на Руси практическое значение¹²⁴. Н. С. Суворов пытался доказать наличие западнокатолического влияния в Кормчих книгах и некоторых других переводных законах, а также в церковных уставах Владимира и Ярослава¹²⁵. Вопреки Суворову, Павлов отстаивал мысль о византийском влиянии в названных памятниках¹²⁶. Ближе к истине был, конечно, Павлов, но весь этот спор носил схоластический характер, так как авторы занимались формальными текстологическими сравнениями, оставляя в тени вопросы конкретного использования переводных кодексов господствующим классом Русского государства.

В этом разделе источниковедения получили сильное распространение формально-текстологические сравнения, резко выразились отрыв анализа источника от породившей его обстановки и гиперболизация роли иностранных влияний.

Монографической разработке не подвергались ни Судебники 1497 и 1550 гг., ни Соборное Уложение 1649 г., хотя их нередко касались в общих курсах истории, в отдельных книгах и статьях. Использование этих материалов носило главным образом иллюстративный характер.

Буржуазное развитие России породило в источниковедении второй половины XIX в. пристальный интерес к административно-хозяйственной документации средних веков. Среди источников этого рода на первом месте оказались писцовые книги. Уже накануне крестьянской реформы писцовые книги привлекали большое внимание историков наличием в них сведений о правах земельной собственности, являвшихся в это время самым животрепещущим вопросом. В 1847 г. К. А. Неволин отмечал, что

¹²⁴ А. С. Павлов. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные.— «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» (далее «Сборник ОРЯС»), т. 38, № 3, СПб., 1886, стр. 19.

¹²⁵ Н. С. Суворов. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; его же. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль. 1893.

¹²⁶ А. С. Павлов. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892.

писцовые книги «представляют богатейший запас сведений по части государственного и народного хозяйства прежнего времени»¹²⁷. В монографии Неволлина о новгородских погостах и пятинах материал новгородских писцовых книг широко использован для географической характеристики древней Новгородской области¹²⁸. Накануне реформы материалы писцовых книг служили славянофилам подспорьем в их полемике против наиболее консервативных сторонников крепостного права¹²⁹.

В пореформенный период раньше других к писцовым книгам обратились представители демократической мелкобуржуазной историографии, идеализировавшие крестьянскую общину и уделявшие ей основное внимание в своих исследованиях.

В значительной мере по писцовым книгам изучал судьбы крестьянства А. П. Шапов в 60-х годах XIX в.¹³⁰, считая их самым ценным источником по истории сельской Руси¹³¹. Мелкобуржуазная народническая историография 70—80-х годов представлена в области разработки писцовых книг трудами П. А. Соколовского и А. Я. Ефименко (1848—1919). Соколовский первый на практике показал богатство содержания писцовых книг, проследив возникновение и рост сел, деревень, починков, подробно обрисовав хозяйство крестьянина (размеры пашни, виды сельскохозяйственного труда, повинности, бюджет и т. п.)¹³². Впрочем, Соколовский пользовался весьма примитивными приемами анализа писцовых книг. Случайные данные он возводил на высоту общего явления, целый ряд его вычислений ошибочен¹³³. Более осторожным обращением с писцовыми книгами отличается монография Ефименко, в которой этому источнику также придается исключительное значение¹³⁴.

Метод выборочного анализа писцовых книг нашел применение в либерально-буржуазном источниковедении 70—90-х годов XIX в. Показательны в этом отношении исследования А. И. Никитского (1842—1886), высоко оценивавшего писцо-

¹²⁷ К. А. Неволлин. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1859, стр. 433.

¹²⁸ К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853.

¹²⁹ К. С. Аксаков. По поводу Белевской вивлиофики, изданной Н. Е. Елагиним.— «Русская беседа», 1858, кн. III.

¹³⁰ А. П. Шапов. Соч., т. 2, СПб., 1906, стр. 182—364.

¹³¹ Г. Кочин. Писцовые книги в буржуазной историографии.— «Проблемы источниковедения», сб. 2, М.—Л., 1936, стр. 153.

¹³² П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877; его же. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878.

¹³³ Г. Кочин. Писцовые книги..., стр. 154—155.

¹³⁴ А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. М., 1884

вые книги в качестве исторического источника¹³⁵. Он посвятил много времени тщательному изучению новгородских писцовых книг; ему удалось избежать грубых ошибок Соколовского, но и для Никитского писцовые книги — лишь свод отдельных наблюдений. Неправоммерно типизируя единичные факты, почерпнутые из писцовых книг, Никитский создал легенду о широкой прогрессивно-преобразовательной деятельности в новгородской земле московских помещиков, якобы способствовавших развитию крестьянского хозяйства¹³⁶.

Уже с конца 80-х годов буржуазным источниковедам стало ясно, что для усиления доказательности их теоретических построений им необходимы более научные приемы анализа писцовых книг. Взоры историков обращаются к буржуазной статистике как самой надежной в их представлении технико-методологической базе исследования писцовых и переписных книг. Первый опыт обработки массовых наблюдений над писцовыми книгами, который принадлежал Н. Д. Чечулину, положившему писцовые книги в основу своего изучения городов XVI в., был неудачным¹³⁷. Лучше справился с подобной задачей А. С. Лаппо-Данилевский в монографии об организации прямого обложения в России XVII в.¹³⁸. Его заслугой является отказ от примитивного метода случайных наблюдений и применение метода «средних величин и числовых отношений»¹³⁹. Однако на практике этот метод привел Лаппо-Данилевского не к установлению типичных явлений в развитии различных групп феодального и крестьянского хозяйства, а к затушевыванию «статистическим средним» социальной дифференциации и классовых противоречий в сфере землевладения и финансов¹⁴⁰. Это дало возможность Лаппо-Данилевскому возвеличить Русское самодержавное государство XVII в. — эпохи, когда, по мнению автора, отмечалось наиболее резкое развитие национальных особенностей

¹³⁵ А. Никитский. Заметки об издании новгородских писцовых книг. — ЖМНП, 1880, декабрь, стр. 268.

¹³⁶ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода (посмертное издание). — Чтения ОИДР, 1893, кн. I, раздел IV, стр. 1—228 (отдельное изд. — СПб., 1893).

¹³⁷ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. — «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского ун-та», т. 22, СПб., 1889.

¹³⁸ А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

¹³⁹ См., например, отзыв А. Лаппо-Данилевского об указанном сочинении Никитского («Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв»). СПб., 1895, стр. 56).

¹⁴⁰ Подробнее см. Л. В. Черепнин. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 30—51.

русского государственного строя ¹⁴¹. Признавая писцовые книги одним из важнейших источников, Лаппо-Данилевский все же выдвигал ряд доводов против достоверности их массового материала ¹⁴². Таким образом, оценка писцовых книг, данная Лаппо-Данилевским, весьма противоречива.

По пути, намеченному Лаппо-Данилевским, пошли многие буржуазные источниковеды: И. Н. Миклашевский ¹⁴³, Е. Н. Щепкина ¹⁴⁴, И. Лаппо ¹⁴⁵, позже — Ю. В. Готье ¹⁴⁶ и др. Подсчет показаний писцовых книг становится распространенной формой замены подлинного анализа производственных отношений абстрактными статистическими выкладками о типах поселений, категориях населения, его численности и движении, характере землевладения, обложении зависимого населения.

Важной чертой буржуазного источниковедения второй половины XIX — начала XX в. был его повышенный интерес к материалам по истории религиозной и общественно-политической мысли. При этом особое значение придавалось переводным памятникам древнерусской литературы, среди которых на передний план выдвигались творения отцов церкви, сборники, извлечений из них, апокрифическая литература.

Первое направление в этой области источниковедения можно назвать литературоведческим; его представителями до реформы были Ф. И. Буслаев и А. Н. Пыпин, связывавшие переводы с потребностями русского общества, Н. С. Тихонравов (1832—1893), А. Н. Веселовский и И. Я. Порфирьев, резко преувеличивавшие влияние переводов. Тихонравов изучал палею, являвшуюся смесью канонического библейского текста с апокрифическими произведениями, причем палею, как памятник литературный, он раскладывал на отдельные составлявшие ее повести, сказания, жития ¹⁴⁷. Веселовский рассматривал переводные сказания в плане сравнительного литературоведения, обращая главное внимание на перенесение древневосточных сюжетов в средневековую литературу ¹⁴⁸. Порфирьев, изучав-

¹⁴¹ А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения.... Предисловие.

¹⁴² Там же, стр. 205—214.

¹⁴³ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894.

¹⁴⁴ Е. Н. Щепкина. Тульский уезд в XVII веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам.—Чтения ОИДР, 1892, кн. 4, отд. 1.

¹⁴⁵ И. И. Лаппо. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения.—Чтения ОИДР, 1894, кн. 4, отд. 1.

¹⁴⁶ Ю. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1906.

¹⁴⁷ Н. С. Тихонравов. Отреченные книги древней России.—Соч., т. I, М., 1898, стр. 127—225 (написано в 60-х годах XIX в.). О Тихонравове см. Н. К. Гудзий. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956.

¹⁴⁸ А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, СПб., 1872.

ший апокрифические сказания, интересовался в основном литературными источниками апокрифов ¹⁴⁹.

К литературоведческому направлению тесно примыкало филологическое. В. Малинин, представлявший это течение, изучал язык рукописи XII в., содержащей «Златоструй», т. е. сборник «слов» одного из самых популярных в России отцов вселенской церкви, Иоанна Златоуста ¹⁵⁰.

Наконец, третье направление характеризуется элементами конкретно-исторического подхода к древнерусским переводам памятников византийской письменности. В монографии Н. Петрова имеется попытка найти известную зависимость распространения переводной религиозной литературы от изменений в условиях внутренней жизни Русского государства ¹⁵¹. В 80-х годах в рассматриваемой отрасли источниковедения в центре внимания оказывается переводная патриотическая литература (творения отцов церкви). Работа А. С. Архангельского, посвященная этим памятникам ¹⁵², хотя и вводила в научный оборот новые архивные материалы, но давала преимущественно формальный обзор источников. Автор проводил мысль о механическом перенесении переводов на русскую почву, из его утверждений следовало, что не русские условия породили интерес к творениям отцов церкви, а, наоборот, переводы этих сочинений сами порождали особое «духовно-созерцательное» (видимо, нестяжательское) направление в русской литературе ¹⁵³.

В 90-х годах XIX — начале XX в. в рассматриваемой области господствующим стало новое литературоведческое направление, представленное трудами В. М. Истрина ¹⁵⁴ (1865—1937), А. И. Соболевского ¹⁵⁵ (1856—1929), М. Н. Сперанского (1863—1938) ¹⁵⁶. Положительной чертой этого направления было расширение круга исследуемых памятников за счет переводных сочинений светского характера. Истрин изучал перевод сказания об Александре Македонском («Александрию») в составе русских хронографов. Внимание Соболевского привлекли

¹⁴⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки.— «Сборник ОРЯС, т. 17, № 1, СПб., 1877.

¹⁵⁰ В. Малинин. Исследование Златоструя по рукописи XII века. Киев, 1878.

¹⁵¹ Н. Петров. О происхождении и составе славяно-русского печатного пролога (иноземные источники). Киев, 1875, стр. 191—192, 215—220.

¹⁵² А. С. Архангельский. К изучению древнерусской литературы. СПб., 1888.

¹⁵³ Там же, стр. 137.

¹⁵⁴ В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.

¹⁵⁵ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.

¹⁵⁶ М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904.

не только религиозные произведения, но и переводы западноевропейской средневековой литературы по географии, сельскому хозяйству, военному делу, коннозаводству и т. п. Сперанский рассматривал так называемые «Пчелы», появившиеся на Руси, по его мнению, уже в XII—XIII вв. и содержащие пословицы-изречения из Священного писания и из творений отцов церкви, а также флорилегии, заключающие в себе высказывания античных авторов и их позднейших подражателей. В методологическом отношении указанные исследования отличаются углублением критики источников, постановкой ряда конкретных источниковедческих вопросов, почти не разрабатывавшихся ранее. Так, Истрин занимался сравнением четырех редакций «Александрии». Сперанский много сделал в области датировки изученных им памятников. Достоинством этих работ является наличие серьезных общеисторических выводов, полученных на основании тщательного анализа источников¹⁵⁷.

Наряду с новым направлением в начале XX в. имели место и рецидивы старого литературоведческого течения 80-х годов: на его традициях строилась, например, методология работы В. А. Яковлева об «Измарагде» — сборнике, содержащем переводы из Иоанна Златоуста¹⁵⁸.

Общая черта, свойственная разным направлениям этой области источниковедения (за исключением работ 50-х годов), состояла в признании за переводными памятниками огромного, чуть ли не определяющего влияния на психологию средневекового русского человека. Во всяком случае, мнение, что переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная¹⁵⁹, разделялось почти всеми. Изучение переводной литературы давало буржуазным ученым широкую возможность подменить анализ социальных противоречий в русском обществе абстрактным разбором религиозно-нравственных идей.

Во второй половине XIX — начале XX в. буржуазное источниковедение занималось также изучением русской агиографической литературы (житий русских святых). В этой области составила эпоху монография В. О. Ключевского о житиях святых как историческом источнике (1871)¹⁶⁰. Богатство фактических данных, почерпнутых в значительной своей части из архивов, и тонкость источниковедческого анализа сделали эту книгу

¹⁵⁷ В. Истрин. *Александрия...*, стр. 240; А. И. Соболевский. *Переводная литература...*, стр. 38; М. Н. Сперанский. *Переводные сборники...*, стр. 344, 399, 568, 570 и др.

¹⁵⁸ В. А. Яковлев. *К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда»*. Одесса, 1903.

¹⁵⁹ А. И. Соболевский. *Переводная литература...*, стр. V.

¹⁶⁰ В. Ключевский. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871.

знаменитой в исторической литературе. Первоначальной целью Ключевского было изучение монастырской колонизации Руси по житийным материалам, однако в них он не нашел ответа на интересовавшие его вопросы и весь свой талант источниковеда направил на исследование происхождения и сравнение различных редакций житий XIII—XVII вв. Ключевский правильно подчеркивал «нравственно-назидательные» цели житийной литературы¹⁶¹ и отвергал мысль С. П. Шевырева и И. С. Некрасова о существовании первоначальной народной редакции житий¹⁶², однако он не видел в житиях средства подчинения народного сознания идеологии господствующего класса феодалов. Ключевский внимательно проследил развитие литературных форм жития¹⁶³, но отрицал возможность изучения эволюции идейного содержания житий вследствие стереотипности последних¹⁶⁴. Из книги Ключевского вытекало, что развивалась форма житий, а их идейное содержание оставалось неизменным. В этом проявилась характерная для буржуазного источниковедения фетишизация формы источника. Доказывая трафаретность содержания житий, Ключевский приходил к ошибочному выводу о бесполезности дальнейшего исследования агиографической литературы как исторического источника.

К скептическому направлению, основанному Ключевским, примкнул И. Яхонтов, который подверг анализу 16 неопубликованных поморских житий XV — начала XVIII в.¹⁶⁵ Во второй половине XIX в. в источниковедении русской агиографии схема Ключевского была по существу господствующей.

Помимо житий, большим вниманием буржуазных источниковедов пользовались церковно-монастырские трактаты учительского и полемического содержания, особенно сочинения, отражающие борьбу иосифлян и нестяжателей, памятники официальной идеологии и другие литературные произведения. Начавшееся в 60—70-х годах развитие данной отрасли источниковедения было связано с общим оживлением буржуазной общественно-политической мысли.

В период революционной ситуации приковали к себе взоры историков такие еретики, как Матвей Башкин и Феодосий Ко-

¹⁶¹ В. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 366, 403, 406, 409, 431. Отступлением от этой идеи Ключевского на позиции представителей старой школы была концепция В. А. Яковлева, считавшего причиной составления житий простое желание сохранять память о святых (см. В. Яковлев. Древнерусские киевские религиозные сказания. Варшава, 1875).

¹⁶² В. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 373—381.

¹⁶³ Там же, стр. 362—373, 394—396.

¹⁶⁴ Там же, стр. 402—403.

¹⁶⁵ И. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881.

сой¹⁶⁶. Во второй половине 60—70-х годов в центре внимания оказались сочинения Максима Грека¹⁶⁷, Иосифа Волоцкого¹⁶⁸, митрополита Даниила¹⁶⁹, Нила Сорского¹⁷⁰, полемические трактаты против «латинян»¹⁷¹. Исследования этого периода, посвященные данной группе источников, характеризуются умеренно-либеральной оценкой их идейного содержания. Книга В. С. Иконникова о Максиме Греке своим полемическим острием была направлена против славянофилов. Иконников считал, что славянофильство есть повторение «при менее извинительных условиях» проповеди полной отрешенности России от всего западного, ведшейся «под видом „спасения душ“» Максимом Греком, авторами Домостроя и Стоглава¹⁷². И. П. Хрущов, посвятивший свою книгу Иосифу Волоцкому, интересовался прежде всего борьбой Иосифа с «еретиками». А. Попов в сочинениях «против латинян» не видел почти ничего «самобытно-русского» и считал их составленными «исключительно по византийским источникам»¹⁷³.

В источниковедение русских литературных памятников течение 60—70-х годов внесло много нового. Большое значение имели обзоры источников (например, сделанный И. П. Хрущовым обзор сочинений Иосифа Санина). Кроме того, правилен был свойственный данным исследователям метод рассмотрения источников в хронологической последовательности их появления, так как он способствовал изучению взглядов русских «обличителей» XVI в. в развитии. В связи с этим важную роль приобретали попытки установления точной хронологии памятников. Отличительной чертой указанных работ являлись опыты определения источников источника, которые обычно сводились к указанию византийских и других иностранных памятников. Источниковедческий анализ, однако, часто заменялся пересказом источника.

¹⁶⁶ См., например, работу И. Емельянова, объяснявшего происхождение ереси Косого и Башкина «чуждым влиянием» (И. Емельянов. О происхождении учения Башкина и Косого на Руси.— «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1862, т. I, январь, стр. 265—309; его же. Учение Феодосия Косого.— «Труды Киевской духовной академии», 1862, т. II, май, стр. 176—215).

¹⁶⁷ В. Иконников. Максим Грек, вып. 1—2. Киев, 1865—1866.

¹⁶⁸ И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868.

¹⁶⁹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

¹⁷⁰ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси, ч. I. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882.

¹⁷¹ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875.

¹⁷² В. Иконников. Максим Грек. вып. 1, стр. 196.

¹⁷³ А. Попов. Историко-литературный обзор..., стр. IV.

Своего рода итогом в области исследования церковной полемике XVI в. была монография Жмакина о сочинениях митрополита Даниила. Жмакин выступал апологетом яркого преследователя нестяжателей и еретиков — митрополита Даниила, который в либеральной историографии конца 60-х годов XIX в. еще не вызывал сочувствия¹⁷⁴. Несмотря на модернизаторские тенденции, книга Жмакина представляет собой ценное источниковедческое исследование, отличаясь от более ранних трудов в этой области чрезвычайно широким привлечением архивных материалов и углублением источниковедческого анализа.

Духом упадка 80-х годов, уничтожением всякой свободы исторической мысли веет от последней из работ рассматриваемого цикла — монографии А. С. Архангельского (1854—1926), вышедшей в 1882 г. Автор глубоко симпатизировал нестяжателям и идеализировал их, однако всем идеям Нила Сорского он придавал лишь религиозно-просветительное значение, совершенно не показывая их политической и социальной сущности. Зато в книге много внимания уделено «литературным источникам» идей Нила — творениям отцов церкви, откуда он якобы и заимствовал свою концепцию¹⁷⁵.

С 80-х годов источниковедение литературных памятников начало развиваться в ином направлении: исследователей стали привлекать источники, более широко отражавшие исторические судьбы России в «смутные» периоды ее истории — во время княжеских неурядиц и половецких набегов XII в.¹⁷⁶, опричнины и Ливонской войны¹⁷⁷, наконец, крестьянской войны и польско-шведской интервенции¹⁷⁸. Правда, далеко не во всех сочинениях, посвященных данной группе источников, имелась политическая заостренность. Так, Е. В. Барсов, поставивший перед собой задачу изучить «Слово о полку Игореве» в качестве художественного памятника Киевской Руси, в своем большом исследовании лишь вскользь затронул вопрос об исторической роли «Слова» и его значении как источника по истории Русского государства, хотя и подчеркнул важность этого вопроса¹⁷⁹. В общих курсах и статьях «Слово» рассматривалось также в первую очередь с литературной и часто с филологической точек

¹⁷⁴ См., например. И. Хрущов. Исследование..., стр. 254.

¹⁷⁵ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 139—184.

¹⁷⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887.

¹⁷⁷ А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского, как исторический материал. Казань, 1889.

¹⁷⁸ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник, изд. 1. СПб., 1888, изд. 2. СПб., 1913 (цитируется по второму изданию).

¹⁷⁹ Е. В. Барсов. Указ. соч., т. I, стр. 273—298.

зрения¹⁸⁰. Однако уже книга С. Ф. Платонова о русских повестях и сказаниях, рисующих события «смуты» начала XVII в., живо перекликалась с проблемами современности. Общая оценка этих произведений Платоновым показательна для верноподданнической историографии 80-х годов. Платонов всячески пытался умалить значение внутренней борьбы в Русском государстве и перенести центр всех противоречий в плоскость внешнеполитическую. В произведениях XVII в. он подчеркивал лишь тенденцию видеть в «смуте» «борьбу православия с иноверием и русской народности с ее вековыми врагами»¹⁸¹. Тем не менее, с точки зрения методологии источниковедения, монография Платонова представляет интерес: тут впервые в русском буржуазном источниковедении прямо высказана мысль о «партийности» авторов повестей и сказаний. Платонов указывал на необходимость принимать во внимание «личность автора с его индивидуальными и партийными интересами»¹⁸², нигде, однако, не трактуя «партийные интересы» как интересы классовые. Изучаемые источники Платонов делил на три группы: возникшие в период «смуты»; возникшие вскоре после «смуты»; второстепенные и позднейшие. Он правильно заметил, что «авторы ранних произведений о смутной эпохе, появившихся еще до окончания смут, всего чаще стоят на точке зрения публицистической...»¹⁸³, «они более обсуждают факты, чем описывают их»¹⁸⁴. Однако отсюда он делал ошибочный вывод, считая позднейшие источники более ценными и объективными по сравнению с источниками, созданными в самый разгар событий¹⁸⁵. В качестве критерия ценности памятников Платонов избрал их форму: «...большее значение имеют именно те немногие произведения, которые отступали от общего литературного шаблона и не шли далее простой, бесхитростной передачи событий»¹⁸⁶. Подобно Ключевскому, Платонов проводил мысль о господстве формы над содержанием источника¹⁸⁷.

В либерально-буржуазном духе написана книга А. Н. Ясинского об «Истории» князя А. М. Курбского. Изображая последнего подлинным патриотом¹⁸⁸, Ясинский в какой-то мере

¹⁸⁰ Список работ, касающихся в той или иной связи «Слова», см. В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940.

¹⁸¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести..., стр. 443

¹⁸² Там же, стр. 434; ср. стр. 440.

¹⁸³ Там же, стр. 455.

¹⁸⁴ Там же, стр. 456.

¹⁸⁵ Там же; ср. оценку повести Катырева-Ростовского: «эпическая объективность отношения и к друзьям и к врагам...» (стр. 438).

¹⁸⁶ Там же, стр. 456.

¹⁸⁷ Там же, стр. 436.

¹⁸⁸ А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского..., стр. 95—96.

перекликался с Герценом,— в условиях реакции царского самодержавия 80-х годов подобная трактовка имела определенный политический смысл. Ясинским был поставлен ряд интересных источниковедческих вопросов: об источниках сочинений Курбского, о проверке достоверности «Истории» по другим источникам и т. п. Впрочем, Ясинский совершенно не интересовался различными редакциями изучаемого им памятника и исследовал его метафизически. Автор отрицал возможность намеренного искажения истории Курбским.

В начале 90-х годов наметились новые сдвиги в источниковедении литературных памятников. Рост революционного, особенно рабочего движения и распространение марксизма в России в обстановке политической реакции 80-х — начала 90-х годов пробудили особый интерес к источникам, где наиболее резко отразилась борьба между охранительным течением и еретиками, а также официальная идеология русского самодержавия. С церковно-охранительных позиций написана книга Ф. Калугина о сочинениях Зиновия Отенского, этого, по словам автора, «достойного поборника интересов церкви»¹⁸⁹. Разбирая идеи Зиновия и русского вольнодумца XVI в. Феодосия Косого, с которым полемизировал Зиновий и взгляды которого известны только в изложении Зиновия, Калугин осуждал Косого за измышления «его собственного невежества и вольномыслия»¹⁹⁰. Основную часть своей работы Калугин построил в источниковедческом плане, последовательно рассмотрев произведения Зиновия. Автор пользовался уже разработанными в русском источниковедении приемами изучения литературных памятников (обзор рукописей, выяснение литературных источников и т. п.).

В отличие от клерикально-охранительного течения, некоторые представители либеральной историографии чрезмерно преуменьшали значение церковно-политических сочинений, сводя их содержание к пересказу тезисов отцов церкви и священного писания. Н. М. Никольский, например, написавший монографию о литературных трудах митрополита Климента Смолятича, не признавал Климента как писателя ни оригинальным, ни самобытным¹⁹¹ и не замечал никакой политической тенденции в его произведениях, посвященных якобы лишь «вопросам из области библейской экзегетики»¹⁹² (толкования текстов).

В 90-х годах пристальное внимание было обращено на памятники официальной идеологии. Их исследовали как историки

¹⁸⁹ Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 263.

¹⁹⁰ Там же, стр. 43.

¹⁹¹ Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 87.

¹⁹² Там же, стр. 224.

либерально-буржуазного направления (И. Н. Жданов и др.), так и явные поборники царского самодержавия. Однако разбор источников, где обсуждался вопрос о пределах царской власти, начался в это время по инициативе либеральной историографии (М. А. Дьяконова¹⁹³, И. Н. Жданова¹⁹⁴). Работы монархических авторов явились реакцией на это новое течение.

«Поучение» Владимира Мономаха подверглось изучению в книге С. Протопопова, совершенно не раскрывшего политической роли «Поучения». Протопопов чрезмерно идеализировал Мономаха, в котором будто бы видели лучшего человека своего времени, заслужившего «искреннюю любовь народа»¹⁹⁵.

Памятнику официальной идеологии Русского централизованного государства — так называемому «Сказанию о князех владимирских» — посвятил свое сочинение И. Н. Жданов (1846—1901). Он правильно определил общие хронологические рамки сказания (конец XV в.—1522 г.)¹⁹⁶, связал его с политическим положением Московского княжества при Иване III и Василии III¹⁹⁷, отрицал определяющее значение польского и византийского влияний для формирования русской официальной идеологии¹⁹⁸.

Во второй половине XIX в. буржуазное источниковедение занялось изучением записок иностранцев о России как исторического источника. Монография В. О. Ключевского, посвященная запискам иностранцев XV—XVII вв.¹⁹⁹, вводила в научный оборот большой и в значительной мере непереуведенный в то время материал. Ключевский рассмотрел в тематическом порядке разные вопросы, освещаемые записками, однако не выяснил причин и обстановки возникновения изученных им источников. В дальнейшем схема анализа этого вида источников, намеченная Ключевским, почти не изменилась. В сходном

¹⁹³ М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889.

¹⁹⁴ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех владимирских». СПб., 1891.

¹⁹⁵ С. Протопопов. Значение Поучения Владимира Мономаха.— В кн.: «Летопись Нестора со включением Поучения Владимира Мономаха». СПб., 1893, стр. 179.

¹⁹⁶ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне..., стр. 84.

¹⁹⁷ Там же, стр. 100.

¹⁹⁸ Там же, стр. 87, 100—102. Впрочем, теоретические установки автора достаточно прегиворечивы. С одной стороны, он указывал, что литература давала выражение назревшим жизненным проблемам (стр. 98), с другой стороны, мысль о московском царстве была, по его мнению, выработана еще задолго до создания централизованного государства болгарями и сербами — митрополитом Киприаном, Пахомием Логофетом (стр. 88—94), оставалось лишь «найти для этой мысли определенную формулу и исторические оправдания» (стр. 94), представившиеся после падения Византии (стр. 94—95), т. е. идея, согласно Жданову, возникла раньше своих объективных предпосылок.

¹⁹⁹ В. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.

плане, с уклоном в географию, изучал Е. Замысловский записки Герберштейна²⁰⁰. обстоятельному анализу подверглось в книге С. М. Середонина сочинение Джильса Флетчера о России конца XVI в.²⁰¹. Автор попытался выяснить место известий Флетчера среди других английских источников XVI в., касающихся России, и разобрать сведения Флетчера, относящиеся к разным сторонам русской жизни. Не выдерживает критики общая оценка автором сочинения Флетчера, главный недостаток которого Середонин видел в его направленности против системы русского самодержавия. Вышедшая в 1915 г. монография Б. Г. Курца, посвященная сочинению Кильбургера (XVII в.)²⁰², написана в традиционном плане обзора сведений по предметам, изложенным в источнике. Автор не установил политических задач, стоявших перед Кильбургером, и считал сочинение последнего «научным трактатом, имевшим своею целью познание России главным образом в торговом и промышленном отношении»²⁰³.

Обзор основных исследований источников по истории религиозной и общественно-политической мысли показывает, что, несмотря на серьезную разработку фактического содержания этих материалов, их изучение в буржуазном источниковедении проводилось в целом с идеалистических позиций, игнорировалась классовая сущность названных источников и связь их с ходом социально-экономического развития России.

Развитие источниковедения во второй половине XIX — начале XX в. обусловило появление общих курсов, посвященных этой дисциплине. Наиболее ранним из них является недавно опубликованный курс В. О. Ключевского, сложившийся в конце 80-х — начале 90-х годов (Курсы 1888 и 1894 гг.) под общим названием «Источники русской истории»²⁰⁴. В понимании Ключевского «исторические источники — это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ»²⁰⁵. Определение Ключевского было односторонним, ибо в нем совершенно обходился вопрос о происхождении источников, создававшихся людьми

²⁰⁰ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

²⁰¹ С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth», как исторический источник. — «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского ун-та», ч. 27, СПб., 1891.

²⁰² Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915; см. также его более раннюю работу: Б. Курц. Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII века. — ЖМНП, 1912, март, стр. 72—105.

²⁰³ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера..., стр. 73.

²⁰⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 474—480, 5—87.

²⁰⁵ Там же, стр. 475.

в целях сохранения, укрепления или изменения существовавших между ними реальных отношений.

Ключевский подчеркнул необходимость критики источников. Критику, направленную к восстановлению подлинного текста, Ключевский называл филологической (низшей), критику по существу авторских мыслей — фактической (высшей). Конкретизируя задачи филологической критики, автор определил их как: 1) правильное чтение древних рукописей, 2) изучение языка древних памятников, т. е. древней терминологии. Гораздо меньше ясности у Ключевского в трактовке фактической критики. С очищением факта от «ненужного» при посредстве вспомогательных дисциплин для Ключевского кончалось действие исторической критики. Ключевский не понимал, что так называемая фактическая критика должна исходить прежде всего из анализа классовой сущности памятников, из выяснения его политической направленности. Насколько чужда была Ключевскому подобная интерпретация исторической критики, свидетельствует его характеристика хотя бы летописей или житий святых. Он видел «взгляд... один и тот же у всех летописцев», так же, как и у всех агиографов.

* * *
*

Таким образом, буржуазное источниковедение XIX — начала XX в. ввело в научный оборот большое количество разнообразных источников по истории России, главным образом до XVIII в. и пыталось методически обобщить опыт их исследования.

Внесенный буржуазными источниковедами вклад в дело формальной критики источников расчистил почву для дальнейшего изучения документального наследства древней Руси, но формальная критика сама по себе способствовала затемнению классовой сущности источников. Внутренняя критика в буржуазном источниковедении не могла подняться выше установления политических тенденций, отраженных в источнике, так как в ее основе лежал отказ от анализа социально-экономических условий, которые определили его содержание.

III

АРХИВНОЕ ДЕЛО.

ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

По мере того как происходил рост русского исторического знания, предъявлявший новые требования на документальные материалы, усиливался интерес к архивам, их истории, их устройству и способам наилучшего использования их богатств.

Описания некоторых архивов, изданные в 40-х и 50-х годах, оказались недостаточными. «Спрос на архивный материал,— говорит И. Л. Маяковский,— как на новый исторический источник, побуждал наиболее сведущих архивных работников детально изучить находившиеся в архивах материалы, их происхождение, организационную связь между ними, связь с материалами других актохранилищ, в результате чего у них накапливались данные для построения истории сначала, по крайней мере, отдельных архивов... Так,— продолжает он,— благодаря зарождению русской исторической науки складывались предпосылки для превращения архивного дела в одну из вспомогательных исторических дисциплин и тем самым для разработки его истории»²⁰⁶.

Реформы 60-х годов оказали воздействие на развитие архивного дела. Проводником новых веяний в этой области явился Н. В. Калачов. После его выступлений на первом и втором Археологических съездах и в печати был создан в Петербурге Археологический институт. Началось преподавание «науки об архивах», стали читаться лекции по архивоведению, появился периодический орган — «Сборник Археологического института», сменившийся в 1885 г. «Вестником археологии и истории». Н. В. Калачов привлек общественное внимание к состоянию архивного дела на местах, ибо оно внушало большие опасения: архивные материалы уничтожались и расхищались, помещения архивов были сыры, темны, документы гибли от многочисленных вредителей, с которыми не велось никакой борьбы. Н. В. Калачов выступил с проектом архивной реформы, которая имела целью предотвратить гибель архивных материалов и превратить архивы в организованные хранилища, в которых все было бы учтено, описано, где документы были бы гарантированы от гибели.

Однако ни проект реформы, ни выдвинутый позже проф. Д. Я. Самоквасовым проект централизации архивного дела в России²⁰⁷ не дали никаких результатов, и архивное дело оставалось неупорядоченным вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции²⁰⁸.

Ясно осознанная в это время необходимость в рациональной организации архивов привела к появлению в печати очерков по истории отдельных архивохранилищ в новом органе — «Сборнике Археологического института», в «Описании дел ар-

²⁰⁶ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. 1. М., 1941, стр. 26.

²⁰⁷ О проектах Калачова и Самоквасова см. И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. 1, гл. 14 и 15, стр. 266—299.

²⁰⁸ Там же, стр. 338.

хива морского министерства», именно в предисловии к нему также был дан очерк истории этого архива. Особенно много сделал для разработки истории отдельных архивов и описания их документов Московский архив министерства юстиции, который опубликовал много ценного документального материала из своих фондов. В 1869 г. вышла первая книга «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции»²⁰⁹. В 1890 г. была выпущена «Памятная книжка Московского архива министерства юстиции», в которой был помещен обзор архивных документов по отделам и группам и «обозрение» хранящихся в нем документов²¹⁰.

В 1872—1878 гг. была издана «Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век», составленная П. Барановым²¹¹.

В 80—90-х годах семь сборников монографий и материалов издал Московский архив министерства иностранных дел (издания Комиссии печатания государственных грамот и договоров)²¹². В седьмом выпуске этого сборника был опубликован вновь открытый «Судебник царя Федора Ивановича». Это был уже третий судебник, которым стала располагать историческая наука в дополнение к ранее уже известным Судебникам 1497 и 1556 гг.

Наряду с описаниями архивных собраний производились также описания рукописей, хранящихся в библиотеках и государственных и частных собраниях. Однако по широте исторического и лингвистического комментария описания рукописей, составленные во второй половине XIX — начале XX в., уступали более ранним работам А. Х. Востокова и Горского-Невоструева. Во многих случаях библиографы, например, особенно плодовитый из них архимандрит Леонид, нередко ограничивались при описании рукописей краткими и часто поверхностными палеографическими указаниями, давая перечисление статей в сборниках или просто название рукописи. Крупнейшей работой архимандрита Леонида было «Описание рукописей гр. А. С. Уварова»²¹³. Подробным каталогом такого же типа является

²⁰⁹ «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции», кн. 1—21. СПб., 1869, М., 1921.

²¹⁰ «Памятная книжка Московского архива министерства юстиции», М., 1890.

²¹¹ «Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век», т. I—III. СПб., 1872—1878.

²¹² «Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел», вып. 1—7. М., 1880—1900.

²¹³ Архимандрит Леонид. Систематическое описание славянорусских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 1—4. М., 1893—1894.

«Описание рукописей библиотеки Свято-Троицкой лавры»²¹⁴ в трех книгах.

Впрочем, описания рукописных собраний составлялись очень неравномерно. Большое и ценное собрание рукописей Ундольского в Румянцевском музее (ныне Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве) подробно описано только по линии содержащихся там церковных рукописей и крайне бегло — литературных и исторических источников. Ценнейшее собрание патриаршей библиотеки (теперь находящееся в Историческом музее) также описано только частично. Из частных собраний наиболее полным явилось описание рукописей Хлудова²¹⁵.

Новые поступления в рукописные собрания Румянцевского музея, Публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук в Петербурге описывались в отчетах этих учреждений.

Описания рукописей обычно составлялись лингвистами и историками литературы, обращавшими недостаточное внимание на рукописи гражданского характера, сведения о которых давались неточно и суммарно. Единственным описанием сборников, включавших статьи гражданского характера, явилась книга А. Ф. Бычкова²¹⁶.

Между тем в пореформенное время под влиянием новых запросов со стороны буржуазной историографии все более расширялись поиски исторических источников и их публикация. Возникали новые учреждения, ставившие своей задачей издание исторических источников.

Одно из ведущих мест в этой многообразной работе по-прежнему принадлежало Археографической комиссии, которая существовала в виде особого учреждения. Археографическая комиссия продолжила издание тех серий источников, которые стали выходить еще в 30-х и 40-х годах. С 1862 по 1918 г. было напечатано пятнадцать томов Полного собрания русских летописей. В IX—XIII томах была опубликована по многим спискам обширная Никоновская летопись, в остальные тома вошли различные летописные своды²¹⁷.

²¹⁴ «Описание рукописей библиотеки Свято-Троицкой лавры», кн. 1—3 М., 1878—1879.

²¹⁵ А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

²¹⁶ А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. СПб., 1882.

²¹⁷ ПСРЛ, т. 14, пол. 1. СПб., 1910 (Новый летописец); т. 15. СПб., 1863 (Тверская летопись); т. 16. СПб., 1889 (Летопись Авраамки); т. 17. СПб., 1907 (Западнорусские летописи); т. 18. СПб., 1913 (Симеоновская летопись); т. 19. СПб., 1903 (Казанский летописец); т. 20. СПб., 1910 (Львовская летопись); т. 21, ч. 1—2. СПб., 1908—1913 (Степенная книга); т. 22, ч. 1—2. СПб., 1911—Пр., 1914 (Хронограф); т. 23. СПб., 1910 (Ермолинская летопись).

Кроме того, переиздавались также летописи, вышедшие до 60-х годов.

В полное собрание не вошли сибирские летописи, изданные отдельно. В 1880 г. вышла «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», напечатанная фотолитографически с приложением текста, набранного обыкновенным типографским шрифтом²¹⁸.

Значительное внимание Археографическая комиссия уделяла публикации произведений церковного происхождения под названием «Памятники славяно-русской письменности». В первых четырнадцати выпусках были напечатаны «Великие Минеи-Четии»²¹⁹, собранные митрополитом Макарием и представляющие собой собрание нравоучительных чтений по месяцам. В этом издании были целиком опубликованы обширные церковные сборники и переводные с греческого жития святых, которые представляли лишь историко-церковный интерес. Издание «Великих Миней», начатое с тома, посвященного месяцу сентябрю (церковный год в древней России начинался с 1 сентября), не было завершено.

С 60-х годов XIX в. в плане Археографической комиссии появились обширные публикации по истории Украины и Белоруссии. Это издание стояло в тесной связи с политическими осложнениями в западных губерниях России и польским восстанием 1863 года и имело своей целью пропаганду великодержавной идеологии. Начиная с 1863 г. (III том вышел еще в 1861 г.) и вплоть до 1892 г. вышло 14 томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»²²⁰. Ряд публикаций этого издания имел большую научную ценность; тут были напечатаны важнейшие документы по истории сношений Московского государства с Украиной в XVII в., в частности, по истории присоединения Украины к России.

Дополнением к «Актам», но выясняющим другие стороны взаимоотношений России и Польши, были «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше»²²¹ и «Дневник Люблинского сейма 1569 года»²²².

Как и в более ранний период своего существования, Археографическая комиссия мало внимания уделяла публикации материалов по экономике России и ее отдельных областей.

²¹⁸ «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)». СПб., 1880.

²¹⁹ «Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием». — «Памятники славяно-русской письменности», вып. I—XIV. СПб., 1868 — М., 1914.

²²⁰ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. I—XV. СПб., 1863—1892.

²²¹ «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше». СПб., 1865.

²²² «Дневник Люблинского сейма 1569 года». СПб., 1869.

Продолжением ранее начатых изданий был выход в свет II—VI томов «Новгородских писцовых книг»²²³, пять томов «Дополнений к актам историческим» (тома VIII—XII)²²⁴ с указателем к первым десяти томам этих «Дополнений», двух томов «Актов, относящихся до юридического быта древней России»²²⁵ с указателем к ним.

Большое значение для развития русской историографии во второй половине XIX в. имели новые серии документов, изданных Археографической комиссией. На первом месте среди этих изданий надо поставить «Русскую историческую библиотеку»²²⁶. Первый том ее, посвященный «Памятникам, относящимся к смутному времени», вышел в 1872 г.

Археографическая комиссия выпустила также несколько изданий по истории Сибири (небольшое количество материалов по истории Сибири было напечатано в «Актах исторических» и в «Дополнениях» к ним). «Памятники Сибирской истории XVIII века»²²⁷ содержат около 250 различных актов. В 1882 г. вышла важная для сибирской истории «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.»²²⁸. В ней были фотолитографически изданы чертежи сибирских городов и областей. Позже были опубликованы «Кунгурские акты XVII века»²²⁹.

Из изданий Археографической комиссии по отдельным темам надо назвать «Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках», «Дело о патриархе Никоне»²³⁰.

Особого типа издание представляла «Летопись занятий Археографической комиссии», которая стала выходить в 1862 г.²³¹. В ней печатались исследования, материалы, описания рукописей и актов, принадлежавших Археографической комиссии, протоколы ее заседаний; в «Летописях занятий» помещены ценные

²²³ «Новгородские писцовые книги», т. II—VI. СПб., 1862—1910.

²²⁴ «Дополнения к актам историческим», т. VIII—XII, СПб., 1862—1872.

²²⁵ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II—III. СПб., 1864—1884.

²²⁶ «Русская историческая библиотека» (РИБ), т. 1—35. СПб., 1872—Пг., 1917.

²²⁷ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. I—II. СПб., 1882—1885.

²²⁸ «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.». СПб., 1882.

²²⁹ «Кунгурские акты XVII века (1668—1699 гг.)». СПб., 1888.

²³⁰ «Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках», т. I—IV. Изд-во «Общественная польза», 1884—1893; «Дело о патриархе Никоне». СПб., 1897. Об отдельно изданных памятниках из серийных изданий Археографической комиссии см. «Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 год», изд. 6. Пг., 1918, стр. 96—97.

²³¹ «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 1—29. СПб., 1862—Пг., 1917.

«Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России»²³².

Таким образом, Археографическая комиссия во второй половине XIX в. пустила в научный оборот большое количество новых исторических источников. Однако деятельность Комиссии носила явно односторонний и замкнутый характер: Комиссия избегала издавать документы по народным движениям, неохотно печатала материалы XVIII в., которые казались ей чрезмерно «новыми». Поэтому документы, отражавшие социально-экономический строй и классовую борьбу в России, историю народов и их борьбы с царизмом, историю народных движений, почти не нашли себе места в изданиях Археографической комиссии.

Понимая, какое значение имеют публикации исторических источников в формировании общественного мнения, царское правительство старалось, как и раньше, поставить печатание исторического документального материала в возможно большую зависимость от своих планов и направления внутренней и внешней политики правительства. Поэтому в шестидесятых годах были созданы Виленская комиссия для разбора древних актов (1864), и Кавказская археографическая комиссия. Первая, как и образованная ранее Киевская комиссия, должна была усилить своими публикациями борьбу против польского и католического влияния в Западном крае, вторая — укрепить «русское владычество» на Кавказе. Подбор публикаций в изданиях Виленской и Кавказской комиссий был очень тенденциозен: так, в 12 огромных томах «Актов Кавказской археографической комиссии»²³³ имеется крайне мало материалов о внутреннем быте народов Кавказа, почти ничего нет о революционном движении, о классовой борьбе, но зато очень много документов о военных действиях и о деятельности царской администрации. Характерно, что весь материал, опубликованный в «Актах», сгруппирован по годам управления Кавказом тем или иным главнокомандующим или наместником.

Дополнением к «Актам Кавказской археографической комиссии» были такие официозные издания, как «Сборник сведений о кавказских горцах»²³⁴ и «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»²³⁵. В них было напечатано

²³² «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России». СПб., 1890.

²³³ «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею», т. I—XII. Тифлис, 1866—1904.

²³⁴ «Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемых при Кавказском горском управлении», вып. 1—10. Тифлис, 1868—1881.

²³⁵ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 1—46. Тифлис, 1881—1929.

много материалов повествовательного характера, этнографических очерков, описаний путешествий и т. п. Несмотря на внешне показную «объективность», все они должны были в конечном счете оправдывать колониальную политику царского правительства на Кавказе. Той же цели служили статьи и публикации в газете «Кавказ», основанной в 1846 г. и существовавшей в качестве официоза наместничества на Кавказе.

Значительную роль в публикации документов во второй половине XIX и в начале XX в. сыграли различные правительственные учреждения, руководствовавшиеся различными практическими, а также политическими соображениями.

Начатое еще в 30-х годах XIX в. издание Второго полного собрания законов Российской империи (ПСЗ) продолжалось во второй половине столетия и было доведено до 1 марта 1881 г. После этого стало выходить Третье полное собрание законов, доведенное до кануна первой мировой войны и не получившее завершения. «Свод законов», напечатанный в 1832 г., потом неоднократно переиздавался с дополнениями, взятыми из текущего законодательства.

По вопросам внешней политики самым крупным было многотомное издание под редакцией проф. Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами»²³⁶ (начиная с 1648 г.). Вышли тома, посвященные договорам с Англией (кончая 1895 г.), с Австрией (по 1878 г.), с Германией (по 1888 г.) и с Францией (по 1906 г.). Это издание было хорошо выполнено в археографическом отношении и сопровождается обширными и ценными комментариями²³⁷. Дополнением к нему является сборник, составленный Т. Юзефовичем: «Договоры России с Востоком»²³⁸ (Договоры с Турцией, Персией, Китаем и Японией), но его археографическое оформление неудовлетворительно, комментарии отсутствуют.

Многочисленны издания по истории войн XIX в.: история Отечественной войны 1812 г. освещена в 21-м томе «Переписки русских правительственных лиц и учреждений»²³⁹, а также в томе «Бумаги, отбитые у противника» (Материалы Военно-ученого архива Главного штаба)²⁴⁰. Ряд изданий был посвящен

²³⁶ «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». сост. Ф. Мартенс, т. I—V. СПб., 1874—1880.

²³⁷ Здесь и дальше не указываются документы, напечатанные в «Сборниках РИО» (см. о них ниже).

²³⁸ Т. Юзефович. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.

²³⁹ «Отечественная война 1812 г., отд. I». Переписка русских правительственных лиц и учреждений, т. 1—21. 1900—1914.

²⁴⁰ «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», изд. А. Ф. Бычков, т. 1. СПб., 1871.

Крымской войне. Укажем пять выпусков «Материалов для истории Крымской войны и обороны Севастополя под редакцией Н. Ф. Дубровина»²⁴¹ и три тома «Сборника рукописей, представленных ... цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами»²⁴² и др.

Реформам 60—70-х годов были посвящены разнообразные многотомные издания. Особенно подробно отражалась реформа 1861 г. в изданиях «Материалов редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости»²⁴³, в нескольких томах «Приложений к трудам редакционных комиссий», в издании «Журналов Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», «Журналов и меморий общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу» и др.

Большим количеством томов были изданы документы по земской и судебной реформам, по цензурной реформе 1865 г., по реформам в области народного образования и пр.

Отдельные ведомства и правительственные комитеты и комиссии издали многотомные документальные сборники по экономике России, например, шесть выпусков «Материалов для статистики России, собираемых по ведомству Министерства государственных имуществ»²⁴⁴, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба»²⁴⁵ и пр.

Отчеты о деятельности Государственного совета и отдельных министерств за время царствования Александра III были опубликованы в конце XIX и начале XX в. С материалами архива Государственного совета за более раннее время знакомило издание: «Архив Государственного совета»²⁴⁶.

Значительный вклад в дело публикации исторических источников внесла Академия наук. Ею изданы в конце XIX в. «Доклады и приговоры, составленные в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого»²⁴⁷. Из периодических

²⁴¹ «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», ред. Н. Дубровин, вып. 1—5. СПб., 1871.

²⁴² См. «Сборник рукописей, представленных его имп. вел. государю наследнику цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами», т. I—III. СПб., 1872—1873.

²⁴³ «Материалы редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», т. I—XXIII. СПб., 1859—1860.

²⁴⁴ «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ», вып. I—VI. СПб., 1858—1871.

²⁴⁵ «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», гл. 1—33. СПб., 1860—1868.

²⁴⁶ «Архив Государственного совета», т. 1—4. СПб., 1869—1897.

²⁴⁷ «Доклады и приговоры, составленные в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», т. I—VI. СПб., 1880—1901.

изданий Академии надо отметить «Сборник отделения русско-го языка и словесности», в котором печатались многочисленные повести, «хождения», поэтические памятники XI—XVIII вв., а также статьи, посвященные анализу памятников историко-литературного порядка²⁴⁸.

Во второй половине XIX — начале XX в. усилилась деятельность научных исторических обществ, печатавших серии сборников или выпускавших периодические издания по истории России. Крупнейшие из этих обществ существовали в обеих столицах — Петербурге и Москве, а также в больших университетских городах — Киеве, Одессе, Казани. Деятельность их находилась под постоянным наблюдением правительства, выдававшего таким обществам небольшие денежные субсидии.

В целях содействия «видам» правительства и оказания соответствующего влияния на общественное мнение было образовано в 1866 г. по почину и при поддержке правительственных верхов Русское историческое общество (РИО), вскоре получившее наименование Императорского (1873)²⁴⁹.

Основателями общества явились главным образом представители высшей аристократии и бюрократии. Историческую науку среди них представляли профессор К. Н. Бестужев-Рюмин и академик А. Ф. Бычков, а также военный историк генерал-лейтенант М. И. Богданович. Все это обеспечивало вполне «благонадежное» с точки зрения правительства направление деятельности общества с первых же его шагов. Учредительное собрание происходило в зале совета Министерства иностранных дел. Комитет министров утвердил устав и подчинил общество ведению Министерства народного просвещения. Первое годовое собрание происходило в Аничковом дворце, в покоях вице-канцлера князя А. М. Горчакова. Председателем общества был избран князь П. Вяземский²⁵⁰, имевший весьма отдаленное отношение к истории, но родственник Н. М. Карамзина, а почетным председателем стал наследник престола, великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III. Он пожертвовал обществу 1500 руб., а императрица и великий князь Владимир Александрович — по 1000 рублей²⁵¹. До получения обществом правительственной субсидии (таковая в размере 6000 руб. в год была назначена

²⁴⁸ Подробнее см. «Каталог изданий имп. Академии наук», ч. I. СПб., 1912.

²⁴⁹ «Императорское Русское историческое общество. 1866—1916». Пг., 1916, стр. 8, 15.

²⁵⁰ С 1879 по 1909 г. председателем был Половцов, а в 1910 г. в соответствии с новым уставом (1910 г.) председателем сделался вел. князь Николай Михайлович. Последним почетным председателем был Николай II.

²⁵¹ «Императорское русское историческое общество», стр. 13.

в 1874 г.) расходы по печатанию первого тома «Сборника» общества взял на себя А. А. Половцов, субсидировавший общество и в дальнейшем.

Основным содержанием издательской деятельности общества явилась публикация новых исторических источников. Оно занялось главным образом документами XVIII в., а в 1910 г. решило печатать документы XVIII и XIX вв. до вступления на престол Александра II. При этом, разумеется, обходились такие темы, как революционное движение, крестьянские выступления, история общественной мысли и т. п. Основное содержание всех 147 томов «Сборников Русского исторического общества» — это деятельность различных правительственных органов и представителей правительственной власти в области внешней и внутренней политики. Вопросам внешней политики отведена чуть не половина всех выпущенных томов (дипломатическая переписка Екатерины II — 9 томов, иностранная дипломатическая переписка по делам России — 47 томов и пр.). Из правительственных учреждений XVIII в. особенно подробно освещалась деятельность Верховного тайного совета (8 томов), кабинета министров императрицы Анны (14 томов), Уложенной Комиссии (1767) было отведено 14 томов; при этом в первую очередь печатались указы дворянства, затем — городов и, в последнюю очередь, крестьянские указы, которые до 1917 г. так и не были опубликованы полностью.

Большое значение имела публикация в четырех томах ведомостей и табелей государственных доходов и расходов за 1762—1773 и 1781—1796 гг., окладных книг за 1769, 1773, 1776—1777 гг., а также различных финансовых документов времени Екатерины II и Александра I. Но эта серия не была закончена. Наибольшее количество томов посвящено времени Екатерины II, гораздо меньше — Петру I, небольшое количество томов — времени Николая I, три тома — актам 1812 г.

В 90-х годах по инициативе Половцова общество предприняло новое большое издание под названием «Русский биографический словарь». Был составлен указатель, в который вошло свыше 40 тысяч имен (в окончательном виде, после внесенных дополнений, он насчитывал около 60 тысяч имен)²⁵². Первый том Словаря на букву «А» вышел в 1896 г. В дальнейшем вышли тома на последние буквы алфавита, а тома на средние буквы алфавита так и не появились; на некоторые буквы тома были начаты, но не закончены²⁵³. В издание вошли биографии многочисленных гражданских, военных

²⁵² «Азбучный указатель имен русских деятелей для русского биографического словаря». — «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 60, СПб., 1887 и т. 62, СПб., 1888.

²⁵³ Всего до 1916 г. вышло 22 тома.

и духовных деятелей России (нередко второстепенного и третьестепенного значения), некоторых писателей и ученых; но напрасно мы стали бы искать в нем биографии революционных деятелей, представителей передовой общественной мысли. Каждая биография сопровождалась библиографической справкой.

Некоторое количество исторических материалов и источниковедческих статей печаталось также в официозном «Журнале Министерства народного просвещения», где помещались главным образом статьи общего характера по истории, литературе и пр.

Интенсивную издательскую деятельность развивало Московское общество истории и древностей российских. Начав в 1846 г. издание «Чтений в Обществе истории и древностей российских», оно превратило их в дальнейшем в периодически выходявшие сборники, по четыре книги в год²⁵⁴. В «Чтениях» помещались монографии и публикации источников. Тематика «Чтений», по сравнению с изданиями первой половины XIX в., постепенно расширялась, в них стали печататься монографии и материалы по истории XIX в. кончая русско-турецкой войной (1877—1878 гг.), появились материалы о Пугачеве, Новикове, Радищеве, по крестьянскому вопросу, по истории «восточного вопроса», значительное место было отведено актовому материалу. Печатались также описания отдельных рукописей или собраний рукописей, материалы по вспомогательным историческим дисциплинам.

Наряду с Московским обществом продолжало действовать Одесское общество истории и древностей с более широким кругом действительных членов, сотрудников и корреспондентов. Тем не менее и его председателями были различные титулованные и сановные лица; в течение 17 лет пост председателя занимал архиепископ Дмитрий. С января 1840 г. общество стало получать правительственную субсидию, а с 1872 г. стало называться Императорским²⁵⁵. В издававшихся обществом «Записках» печатались главным образом статьи, заметки и материалы по археологии и этнографии юга России и Крыма, в частности, о монастырях, церквях, о надписях, курганах, об истории отдельных городов. За 1863—1912 гг. вышли V—XXX тома «Записок»²⁵⁶. В числе материалов тут были напечатаны акты 1787—1791 гг. из дел Кубанского войскового

²⁵⁴ В 1916 г. вышла 256-я книга.

²⁵⁵ Б. В. «Имп. Одесское общество истории и древностей (1839—1914)». — ЖМНП, 1914, декабрь, отд. Современная летопись, стр. 47—61.

²⁵⁶ М. Г. По п р у ж е н к о. Указатель статей, помещенных в I—XXX томах «Записок имп. Одесского общества истории и древностей». Одесса, 1914.

архива, несколько «описаний» Крыма и Черного моря, материалы по истории прикрепления крестьян в южной России, материалы по истории Запорожья (в семи томах), списки со статейных списков послов, отправлявшихся в Крым, и пр.

В 1873 г. по инициативе профессоров Киевского университета возникло «Историческое общество летописца Нестора в Киеве»²⁵⁷. Как и другие исторические общества, оно было малочисленным по своему составу: в 1873 г. число членов равнялось 13, а в 1889 г.— 91 чел. Лишенное средств, оно долгое время влачило очень скромное существование. Только с 1889 г. общество стало получать пособие в размере 800 руб. в год, и это дало ему возможность развернуть относительно широкую деятельность, которая состояла «в собирании сведений о некоторых местных архивах и библиотеках; в сообщении материалов, извлеченных из них, в исследовании местных древностей»²⁵⁸. Как показывает само название общества, оно все внимание уделяло древнейшему периоду истории России.

Происходивший в 1877 г. в Казани археологический съезд подал мысль об учреждении при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. Оно было открыто в марте 1878 г. Его задача заключалась в изучении прошедшего и настоящего русского и «кинородческого» населения на территории бывших Булгарско-Хазарского царства и Казанского и Астраханского ханств с прилегающими к ним местностями. Общество должно было выявлять материалы, хранящиеся в местных государственных и частных собраниях, производить исследования, устраивать ученые экспедиции, выставки и пр.²⁵⁹ В «Известиях» общества печатались статьи и материалы главным образом по археологии края. Обширных работ и материалов по истории на страницах «Известий» опубликовано не было, но это издание все-таки принесло большую пользу исследователям Поволжья.

В конце XIX в. возникло еще несколько исторических обществ в общем того же направления, как и одесское. Замкнутый характер имела деятельность Общества любителей древней письменности (учреждено в 1877 г.). Оно взяло на себя издание славяно-русских рукописей, замечательных в научно-художественном или бытовом отношении, придерживаясь правила печатать их без исправлений²⁶⁰. Им было

²⁵⁷ Л. И. Нестроев. Историческое общество летописца Нестора в Киеве (1873—1890 гг.).— «Историческое обозрение», т. 2, отд. II. СПб., 1891, стр. 114—132.

²⁵⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, стр. 304—305.

²⁵⁹ Там же, стр. 305.

²⁶⁰ И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 31.

напечатано несколько десятков изданий, причем многие из них публиковались фотолитографическим и фотомеханическим способом. Издания Общества любителей древней письменности отличаются большой пестротой и отсутствием единых правил публикации. Наиболее ценными были издания некоторых памятников славяно-русской письменности с миниатюрами.

Особняком стояла деятельность Русского географического общества. В одном из его сборников было напечатано крупное исследование К. А. Неволлина о писцовых книгах²⁶¹, снабженное подробным описанием новгородских писцовых книг. На средства того же общества под редакцией Н. В. Калачова были напечатаны в двух книгах «Писцовые книги XVI в.»²⁶². Таким образом, сделался доступным для исследователя важнейший источник по экономической истории Русского государства XVI—XVII вв.

Стремление правительства взять в свои руки руководство публикацией новых исторических источников и отвлечь внимание общества от злободневных вопросов современности, направив его в сторону изучения далекого прошлого, выявилось и в факте учреждения Русского исторического общества и в деятельности Археологической комиссии, комиссии в Вильне и в Тифлисе. Оно нашло продолжение в учреждении в 1884 г. губернских ученых архивных комиссий. Инициатива их учреждения исходила от Н. В. Калачова, настаивавшего на принятии мер для упорядочения архивного дела на местах. Правительство решило использовать эту инициативу и придало архивным комиссиям строго официальный характер. Создание комиссий было поручено министру внутренних дел, их поставили в непосредственную связь с Археологическим институтом в Петербурге и формально подчинили Академии наук. По положению о комиссиях непременным попечителем их был местный губернатор, состав их определялся соглашением директора Археологического института и губернатора. В архивных комиссиях работали представители верхов местной администрации и любители местной старины. И если в некоторых губернских архивных комиссиях велась научная работа и производилось упорядочение архивных фондов, то это было делом рук именно этой последней части членов. Там, где таких любителей не было, комиссии бездействовали в отношении изучения местной истории и ничего не издавали. Поскольку

²⁶¹ К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке.— «Записки имп. Русского географического общества», кн. VIII. СПб., 1853.

²⁶² Н. В. Калачов. Писцовые книги XVI века, отд. I—II. СПб., 1872—1877.

губернские ученые архивные комиссии были подчинены Петербургскому археологическому институту, деятельность их направлялась в сторону археологии, которая рассматривалась как наиболее «аполитичная» историческая дисциплина. Поэтому многие архивные комиссии занимались преимущественно вопросами местной археологии, к тому же обычно трактовавшимися узко и поверхностно.

По Положению на губернские ученые архивные комиссии возлагались две задачи. Во-первых, при них должны были находиться исторические архивы, поэтому комиссии должны были разбирать дела и документы, предназначенные к уничтожению в губернских и уездных архивах разных ведомств и выделять из них в «исторический архив» такие, которые по своему значению и интересу в научном отношении подлежали «вечному хранению». Во-вторых, губернские комиссии должны были составлять описи и указатели к таким делам и документам.

Первыми были открыты в 1884 г. комиссии в Тверской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерниях²⁶³.

Отсутствие средств и людей привело многие комиссии к полной бездеятельности. Восемь комиссий вообще никаких «Трудов» за все время своего существования не опубликовали, другие опубликовали очень мало: Воронежская комиссия издала пять выпусков «Трудов», Иркутская, открытая с большим запозданием по сравнению с другими комиссиями, в 1911 г. выпустила только один том своих «Трудов» (1913). Впрочем, были комиссии, развившие энергичную деятельность: таковы Владимирская, выпустившая 17 книг «Трудов», Вятская (до 40 выпусков), Нижегородская (18 томов во многих выпусках), Оренбургская (35 выпусков), Рязанская (27 томов во многих выпусках), Саратовская (33 выпуска), Таврическая (57 выпусков), Тамбовская (58 выпусков).

В «Трудах» архивных комиссий было напечатано много ценного материала: писцовые, переписные и дозорные книги, наказы в Комиссию 1767 г. («Труды» Вятской комиссии), памятники крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в. («Труды» Нижегородской комиссии), материалы о горных заводах и Пугачевском восстании («Труды» Пермской комиссии), материалы о положении крепостных крестьян («Труды» Рязанской комиссии) и пр. Кроме того, некоторые комиссии выпустили ряд отдельных изданий: «Топографическое описание Владимирской губернии, составленное

²⁶³ К 1917 г. комиссии были в 39 губерниях. См. О. И. Шведова. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий.—«Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 377—433.

в 1784 г.» (Владимирская комиссия, 1906); «Архив сельца Зиновьева (акты и письма)» (Костромская комиссия, 1913); работу Повалишина «Рязанские помещики и их крепостные...» (Рязанская комиссия, 1903) и др.

Однако принцип отбора материалов, применявшийся в изданиях комиссий, далеко не всегда удовлетворял научным требованиям. Много внимания уделялось церковному материалу и крупным сановникам церкви; публиковались их жизнеописания и проповеди, материалы по канонизации святых; издавались труды по генеалогии местного дворянства, особенно из числа оказавших денежную поддержку комиссии; обнародовались данные о посещениях губернии членами царской семьи и т. п. Трудовым массам, рабочим, крестьянству, угнетенным народам уделялось мало внимания. Даже выход в свет книги Повалишина «Рязанские помещики и их крепостные...» вызвал недовольство властей²⁶⁴.

Исторические архивы, деятельность которых губернские ученые архивные комиссии должны были поднять на более высокий уровень, находились в жалком состоянии²⁶⁵. Д. Я. Самоквасов считал, что закон 1884 г. об учреждении губернских ученых архивных комиссий, в которых господствовали безначалие и бесконтрольность, имел своим последствием «повальное разрушение наших исторически слагавшихся архивных фондов в тех губерниях, где были открыты архивные комиссии». Когда императорское Историческое общество в 1914 г. поставило вопрос об упорядочении дела хранения архивных материалов в губернских ученых архивных комиссиях и его особая комиссия завязала с ними сношения и провела обследование анкетным путем, было установлено, что «из 2500 архивов, в которых было произведено обследование, только 900 находятся в сносных условиях, 500 хранятся в помещениях, совершенно неудовлетворительных, и во многих архивах наблюдается бесследная пропажа целых архивных фондов»²⁶⁶.

Большую роль в публикации исторических материалов и в их распространении среди широких слоев интеллигенции во второй половине XIX и начале XX в. сыграли некоторые исторические журналы, издаваемые на частные средства, в кото-

²⁶⁴ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, стр. 287—288.

²⁶⁵ Д. Я. Самоквасов. Архивное дело в России, кн. I. М., 1902, стр. 21—33, кн. II, стр. 68—69, 167—179; В. С. Иконников. Губернские ученые архивные комиссии. 1884—1890. Киев, 1892.

²⁶⁶ С. Назин. Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских ученых архивных комиссий).— «Архивное дело», 1936, № 2 (39), стр. 26.

рых печатались по преимуществу документы частного происхождения. Первым по времени возникновения был «Русский архив». Он начал издаваться с 1863 г. при так называемой Чертковской библиотеке в Москве. Его редактором-издателем был в течение нескольких десятков лет П. И. Бартнев, собиратель исторических документов, человек, близкий к славянофильским кругам. В последние годы существования «Русского архива» редактором-издателем был его сын. Это был журнал, в котором печатались разнообразные, главным образом фактические материалы по вопросам политической истории и, в частности, внешней политики России, преимущественно по XVIII и первой половине XIX в.: воспоминания, дневники, письма, записки и пр. Статьи и монографии обобщающего характера появлялись редко. Публиковались ценные по своему фактическому содержанию материалы (записки датского посланника при Петре I Юста Юля, записки и письма декабристов и пр.). Немало места отводилось материалам о жизни и деятельности русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Жуковского и др. В то же время печаталось много мелочей, деловых бумаг, исторических анекдотов. В археографическом отношении публикации «Русского архива» стояли на невысоком уровне: текст документов произвольно сокращался, изменялся без соответствующих примечаний и обоснований, местонахождение документа и его палеографические свойства обычно не указывались.

Значительное место в «Русском архиве» занимали библиографические работы: указатель главных статей «Русского вестника» за 1856—1862 гг., полные указатели к «Русской беседе» и «Московским сборникам» за 1846—1860 гг., к «Библиографическим запискам» за 1858—1861 гг., к изданиям Московского общества истории и древностей за 1815—1865 гг. и пр.

В последние годы существования журнала его содержание стало беднее. На новые веяния и запросы читателей начала XIX в. «Русский архив» не откликнулся совсем. Число подписчиков «Русского архива» никогда не превышало 1000—1300, а в первые годы издания журнала колебалось в пределах 300—600 подписчиков. Это был журнал специального и узкого круга людей, всячески избегавший постановки каких-либо острых проблем.

Кроме «Русского архива», П. И. Бартнев выпустил четыре сборника материалов под названием «Восемнадцатый век» и два тома под названием «Девятнадцатый век».

С 1870 г. в Петербурге стало выходить ежемесячное издание, основанное М. И. Семевским, — «Русская старина». В ней преимущественно печатались материалы, поступавшие в редакцию из частных рук, посвященные двум последним

столетиям в истории России — XVIII и XIX. В отличие от «Русского архива» в «Русской старине» печатались оригинальные исследования по истории России указанного времени. Многие записки были составлены по настоянию редакции журнала (записки Т. П. Пассек о русском обществе 1810—1862 гг., записки артиста П. А. Каратыгина), другие составлялись редакцией по различным материалам, записям, устным рассказам и посылались на просмотр лицам, от имени которых они потом печатались. Таковы были записки художника И. К. Айвазовского, композитора А. Г. Рубинштейна и пр. Умение всюду отыскивать интересные материалы дало возможность М. И. Семеvскому сделать содержание журнала разнообразным и более живым, чем в «Русском архиве». В противоположность последнему «Русская старина» много внимания уделяла вопросам общественного движения и общественного быта. Число подписчиков уже во второй год издания дошло до 3500, а в последующие годы поднялось до 5—6 тыс. После М. И. Семеvского редакторами «Русской старины» были такие официозные историки, как Н. К. Шильдер и Н. Ф. Дубровин. Из числа записок, напечатанных в этом журнале, должны быть отмечены записки А. Т. Болотова, рисующие быт русского дворянства в XVIII в., Добрынина о быте русского духовенства, дневник В. К. Кюхельбекера (неполный текст), записки декабристов М. А. Бестужева, А. П. Беляева, Д. И. Завалишина, М. И. Муравьева-Апостола, воспоминания П. А. Анненковой, записки и дневник профессора А. В. Никитенко, записки М. И. Глинки, материалы о Герцене, о польских восстаниях, по истории внешней политики России, по истории войн.

С 1880 г. в Петербурге начал издаваться ежемесячный историко-литературный журнал «Исторический вестник». Его редактором был С. Н. Шубинский, а издателем А. С. Суворин. Уже одно это обстоятельство показывает, что журнал имел консервативно-охранительный характер. Целью его было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе». В «Историческом вестнике» очень большое место отводилось исторической беллетристике, причем авторами выступали плодовитые и стоявшие на невысоком научном уровне писатели, вроде графа Е. А. Салиаса, В. П. Буренина, Г. П. Данилевского, Д. Л. Мордовцева и др., дававшие «занимательное» чтение для невзыскательных читателей. По политической и церковной истории России печатались статьи И. Е. Забелина, Д. И. Иловайского, И. И. Дубасова, С. Н. Шубинского и др. В отделе воспоминаний помещались записки второстепенных общественных и литературных деятелей. Отдел хроники — некрологи, новости и прочее — заполнялся мело-

чами, не представлявшими общего интереса. Либерально-прогрессивные ученые и литераторы держались в стороне от «Исторического вестника». Журнал нашел читателей в буржуазной и чиновничьей среде и пользовался в ней популярностью. Для исторической науки он дал очень немного.

С 1882 г. в Киеве начала выходить «Киевская старина», посвященная специально изданию статей и материалов по истории, литературе и этнографии Украины и Белоруссии. Журнал привлек видных украинских историков (Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновича, Д. И. Багалея, А. М. Лазаревского, В. С. Иконникова, А. Я. Ефименко и др.), но тяжелые материальные условия, с одной стороны, преследования цензуры, подозревавшей редакцию в стремлении к проповеди сепаратизма,— с другой, привели журнал в плачевное состояние. Он вынужден был публиковать главным образом материалы по древней истории Украины, по археологии, очень мало освещая историю Украины позднейшего времени. Тем не менее в «Киевской старине» были напечатаны представляющие интерес материалы о народных движениях на Украине и их вождях, воспоминания и дневники местных общественных деятелей и пр.

В течение шести лет (с 1875 по 1881 г.) выходил в Петербурге ежемесячный иллюстрированный исторический журнал «Древняя и новая Россия», под редакцией С. Н. Шубинского (по сентябрь 1879 г., с 1880 г. он стал редактором «Исторического вестника») и В. И. Грацианского (с октября 1879 по 1881 г.). В журнале принимали участие такие буржуазные ученые, как К. Н. Бестужев-Рюмин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Н. Я. Аристов, Е. Е. Замысловский, О. Ф. Миллер и др. В «Древней и новой России» печатались статьи по различным вопросам русской истории, в том числе и биографического характера, а также различного рода архивные материалы о русско-турецких войнах 1828—1829 гг. и 1877—1878 гг., о крестьянских волнениях в Рязанской губ. в 1847—1858 гг. и др.

Большое количество разнообразных материалов было опубликовано в ведомственных или специальных журналах второй половины XIX в. Не будучи историческими, они печатали исторические документы, отражавшие текущую деятельность ведомств и важные для истории промышленности, торговли, сельского хозяйства и пр. Такими журналами были: «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал мануфактур и торговли», «Горный журнал», «Труды Вольного экономического общества» и др. Для истории Кавказа важны названные выше издания: «Сборник сведений о кавказских горцах» (выходил с 1868 г.), «Кавказский сборник» (с 1876 г.), «Сборник

материалов для описания местностей и племен Кавказа» (выходил с 1881 г.).

Во второй половине XIX в. во многих губерниях стали издаваться «памятные книги», «календари» на каждый год, сборники материалов местных статистических комитетов и пр. После создания земских учреждений возникла земская статистика, и многие земства выпускали ценные сборники статистических материалов. Положительную оценку материалам земской статистики дал В. И. Ленин, широко использовавший их в своем исследовании «Развитие капитализма в России». В общероссийском масштабе статистические сведения публиковал Центральный статистический комитет.

Очень большое количество воспоминаний, дневников, писем было опубликовано во второй половине XIX и в начале XX в. отдельными издательствами и частными лицами — крупными дворянами-землевладельцами и купцами²⁶⁷. Ряд крупных представителей русской аристократии предпринял издание документов своих фамильных архивов; таковы были: «Архив кн. Воронцова» в 40 томах, «Архив кн. Ф. А. Куракина» в 10 томах, «Архив братьев Тургеневых» в 7 выпусках, «Остафьевский архив» (кн. Вяземских и гр. Шереметевых) и пр.

Среди многочисленной мемуарной литературы, вышедшей во второй половине XIX и начале XX в., надо выделить мемуары купцов и крестьян, почти не издававшиеся раньше в их числе Найденова²⁶⁸, Крестовникова²⁶⁹, Пурлевского²⁷⁰ и др.²⁷¹

IV

АРХЕОЛОГИЯ

Для развития археологии как особой отрасли исторического знания во второй половине XIX в. создались более благоприятные условия, после того как были устранены препятствия, искусственно созданные правительством Николая I.

²⁶⁷ Перечень их, далеко не исчерпывающий и доведенный до 1911 г., дан С. Р. Минцловым в «Обзоре записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России...», вып. I—V. Новгород, 1911—1912.

²⁶⁸ Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, ч. I—II. М., 1903—1905.

²⁶⁹ Н. Крестовников. Семейная хроника Крестовниковых, кн. 1—3. М., 1903—1904.

²⁷⁰ Пурлевский. Воспоминания крепостного.— «Русский вестник», 1877, № 7, 9.

²⁷¹ О мемуарах купцов см. Б. Б. Кафенгауз. Купеческие мемуары. «Московский край в его прошлом».— «Труды О-ва изучения Московской губ.», вып. 1. М., 1928, стр. 105—128.

Археологические исследования в 60—70-х годах были гораздо плодотворнее, чем в предыдущую эпоху.

В 1859 г. было создано правительственное учреждение — Археологическая комиссия, в задачи которой входило руководство археологическими исследованиями на всей территории государства и сбор всех обнаруженных древностей. Комиссия располагала большими средствами для раскопок и тратила их преимущественно на античную археологию. Первым председателем ее был граф С. Г. Строганов, но действительным руководителем с самого начала являлся Иван Егорович Забелин, блестящий археолог-самоучка.

В 1864 г. по инициативе графа А. С. Уварова (1828—1884) было основано Московское археологическое общество. Вокруг него сплотились многие дилетанты-археологи, помещики, священники, купцы, чиновники и учителя; некоторые из них принесли науке немалую пользу своими наблюдениями и открытиями. Московское общество созывало Всероссийские археологические съезды, содействовавшие широкому обсуждению научных вопросов и зарождению археологического краеведения. Всего с 1869 по 1911 г. состоялось 15 съездов. В 1879 г. был заложен, а в 1883 г. открыт Исторический музей в Москве.

Большое значение для изучения античной археологии на юге России имела деятельность И. Е. Забелина (1820—1908)²⁷². Посвятив свои научные труды преимущественно изучению Московской Руси, этот выдающийся археолог в 1859—1874 гг., являясь фактическим руководителем Археологической комиссии, отдал свои силы эллино-скифской археологии и достиг в этом деле небывалых успехов.

Используя свидетельство Геродота, утверждавшего, что скифы погребают своих царей, сооружая курганы «в Геррах, до которых судоходен Борисфен», т. е. немного ниже днепровских порогов (где действительно возвышаются многочисленные курганы), Забелин предпринял большие раскопки. Три года (1859, 1860 и 1861) он вскрывал один за другим большие курганы, которые оказались разграбленными еще в древности (что вообще характерно для скифских царских могил). Другой на его месте после стольких неудач прекратил бы раскопки, но не таков был Забелин, и в конце концов его упорство было вознаграждено: он сделал ряд замечательных открытий.

И. Е. Забелину пришлось заново создавать методику раскопок больших земляных насыпей, которая была у нас, как и в Западной Европе, довольно примитивна: курганы раскапы-

²⁷² А. В. Арциховский. Забелин — археолог. — «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 5—11.

вались по-кладоискательски — шахтами или узкими траншеями, выяснить структуру большого кургана никто не мог. Забелин не только научился передвигать в порядке огромные массы земли, что само по себе связано с серьезными техническими трудностями, он отличался вместе с тем исключительным для своего времени умением читать земные слои. Его чертежи курганных профилей и поныне поражают точностью и выразительностью. Печальная необходимость проследивать грабительские ходы содействовала созданию особой археологической методики; наблюдения над изменениями оттенков земли дали возможность Забелину отличить такие ходы от более ценных для археолога коридоров гробницы. На стенках одного из таких коридоров в кургане Толстая Могила ему удалось проследить следы орудия, которым копали землю скифы, и даже установить его формы. Такой вывод был тогда для археологии совершенно новым, да и теперь археологи очень редко находят подобные следы. Подобные тонкие наблюдения вообще типичны для Забелина. Он отличался исключительной четкостью в работе, позволившей ему, например в Чертомлыке, отделять в нижних слоях насыпи землю, выброшенную из могильной ямы, или определить там же, на дне гробницы, легкие следы камыша и красок — голубой и пурпурной в погребении царя, синей, зеленой и желтой в погребении царицы. Конечно, теперь, через 100 лет, методика И. Е. Забелина несколько устарела, и современным археологам легко упрекнуть его в том, что он вскрывал курганы не целиком, а траншеями. Но верхушка снималась Забелиным целиком, самые траншеи были по тому времени неслыханно широки, по их гладко выровненным стенам и по контрольным столбам определялись слои профилей. Надо отметить, что такие большие курганы и доныне, к сожалению, никем и нигде не раскапывались целиком. Для своего времени раскопчные приемы Забелина являлись, несомненно, самыми передовыми.

Во всеоружии своей методики Забелин подошел в геродотовских «Геррах» к раскопкам огромного кургана Чертомлык близ Никополя на правом берегу Днепра. Эти раскопки, продолжавшиеся два года (1862 и 1863), открыли самое богатое из скифских царских погребений (к счастью, неразграбленное). Тщательные археологические наблюдения в могилах царя, царицы, рабов и коней позволили во всех подробностях изучить скифский быт. Многие подробности погребального обряда — от золотых чаш до камышовых подстилок — точно соответствовали рассказу Геродота. В отличие от большинства археологов того времени, Забелин интересовался деревом и железом не меньше, чем золотом. По количеству и качеству художественных золотых изделий Чертомлык и поныне стоит на

первом месте среди курганов мира. Наиболее знаменитой находкой является серебряный амфоровидный сосуд с фигурами скифов, укрощающих лошадей. Шедеврами эллинского рельефа являются в Чертомлыке также золотой футляр от лука с изображением Ахилла, скрывающегося среди девушек, золотые ножны меча с изображением битвы греков с амазонками и многое другое. Благодаря Чертомлыку и некоторым другим курганам греческое ювелирное искусство известно теперь по находкам в скифских погребениях лучше, чем по находкам в самой Греции и других странах.

От скифских древностей Забелин перешел к собственно греческим и раскопал в 1864 г. лучший и богатейший из эллинских курганов — Большую Близницу на Таманском полуострове. Открытое там погребение в склепе принадлежало жрице Деметры, судя по золотому венцу в виде корзины и многочисленным золотым украшениям, изображающим празднество в честь этой богини; особенно хороши золотые фигурки танцовщиц. Рядом оказался второй склеп, правда, разграбленный, но в нем замечательно написана красками на потолке огромная голова Деметры.

В 1865—1868 гг. Забелин раскапывал скифские курганы на Нижнем Днепре, а в 1869—1872 гг. — греческие курганы на Таманском полуострове. Почти все эти курганы оказались разграбленными.

Итогом многолетних раскопок Забелина было монументальное издание «Древности Геродотовой Скифии»²⁷³.

Ежегодные находки античных надписей (обычно греческих, иногда латинских) в древних городах Северного Причерноморья давали много нового для изучения истории этих городов. Особо надо отметить найденную в 1878 г. в Херсонесе мраморную плиту с текстом постановления о назначении почестей Диофанту, полководцу известного царя Митридата. Эта длинная надпись содержит много новых для науки фактов из истории города и истории митридатовских войн вообще. Ее научно издал и прокомментировал одесский профессор классической филологии В. Н. Юргевич, автор многих работ по античной археологии нашего Юга²⁷⁴.

Виднейшим представителем русской античной эпиграфики был В. В. Латышев (1855—1921). Эпиграфическую подготовку он получил, проработав в молодости три года в Греции и открыв там ряд надписей. Вернувшись в 1882 г. на родину, он

²⁷³ «Древности Геродотовой Скифии», вып. 1—2. СПб., 1866—1872.

²⁷⁴ В. Н. Юргевич Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту...— «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 12. Одесса, 1881, стр. 1—45.

взял на себя трудную и ответственную задачу составления полного свода греческих и латинских надписей Северного Причерноморья²⁵⁷. Задача эта была им выполнена блестяще: он работал не по копиям и изданиям, как другие авторы подобных сводов, а по подлинникам, специально объездив многие музеи, уточнив и дополнив в ряде случаев чтение надписей. Он мастерски заполнял пробелы в надписях, большинство его конъектур общепризнано. Датировки по формам букв и содержанию он давал убедительно и остроумно. Надписи распределены им по географическим группам, разделенным на отделы: официальные акты, посвящения, надписи на базах статуй и зданиях, надгробия и прочие надписи. Всюду даны точные сведения о находках, промеры, текст, транскрипция, комментарии и для больших текстов русский перевод.

В 1888 г. начались серьезные научные раскопки в Херсонесе, которыми довольно тщательно руководил в течение двадцати лет археолог К. К. Косцюшко-Валюжинич. Он выяснил взаимоотношения античных и византийских слоев, вскрыл ряд жилых зданий, исследовал оборонительные сооружения, где ясно прослеживаются греческий, римский и византийский ярусы. В. В. Латышев издавал и комментировал находимые надписи, среди которых была присяга херсонесцев. Эта надпись IV или III в. до н. э. на мраморной плите найдена при раскопках в два приема: в 1890 г. нашли нижнюю часть, а в 1891 г. — верхнюю, и они прекрасно сошлись по линии излома. Длинный текст присяги, приносившейся всеми гражданами, подробно характеризует демократическое устройство и быт греческого полиса. В 1891 г. найдена в трех обломках мраморная плита II в. н. э., воспроизводящая три греческих и три латинских документа, которые представляют собой переписку между городом и римскими властями по поводу налога на проституцию; эта находка позволила подробно выяснить административное положение города в Римской империи.

Во второй половине XIX в. скифские и родственные им сарматские курганы нашего Юга раскапывались многими лицами; богатые погребения по-прежнему почти сплошь оказывались разграбленными. Активизация раскопок в конце XIX — начале XX в. была связана с деятельностью петербургского профессора восточной истории Н. И. Веселовского (1848—1918). Будучи по основной специальности тюркологом, он работал и в области восточной археологии, но главное внимание уделил курганам Причерноморья. Его раскопки производились преимущественно на Кубани. Н. И. Веселовский собирал материалы по истории

²⁵⁷ В. В. Латышев. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, т. 1. СПб., 1885; т. 2, СПб., 1890.

соседей Боспорского царства — северных, западных и особенно восточных. В 1887 г. он начал раскопки на Дону и северном берегу Азовского моря. С 1894 по 1917 г. он ежегодно копал кубанские курганы. В результате были собраны единственные в своем роде коллекции, позволяющие изучить в этом районе все эпохи с III тысячелетия до н. э. до XV в. н. э.; мало того, для каждой из этих эпох добыты, так сказать, классические образцы культуры и выяснены все смены культурных течений. Правда, копал Веселовский слишком быстро, уступая в тщательности работы многим своим современникам и даже некоторым предшественникам. Но все же материал всюду четко распределялся по погребальным комплексам, для каждой эпохи своеобразие ее погребальных обрядов фиксировалось чертежами. Однако печатные отчеты Веселовского небрежны и слишком кратки, хотя все эти разнообразные древности он не только добывал, но и исследовал. Эпохи кубанских курганов он установил правильно: медный век, бронзовый век, архаическая греческая эпоха, классическая, эллинистическая, римская и — после большого перерыва — тюркская эпоха (о первобытности и средневековье см. ниже). Обильно представлена греческая архаика. В курганах найдено было множество изделий художественной промышленности эллинских городов Ионии, интересно сочетавшихся с восточными изделиями ассиро-вавилонского стиля и произведениями местного степного искусства, для которого характерны изображения животных, как бы застывших в стремительном движении. Курганы классической и эллинистической эпох здесь сравнительно редки, но они тоже дали важные находки, например, для классического времени — бронзовый панцирь с ликом Горгоны и панафинеюскую амфору. Римское время оставило здесь много курганов, которые дали типичный римский провинциальный инвентарь и принадлежали если и не римским колонистам (как думал Н. И. Веселовский), то сильно романизованным сарматам²⁷⁶. Местные изделия позволили установить этапы развития того инкрустационного ювелирного искусства, которое распространялось в наших степях около начала н. э.

В конце своей жизни, не прекращая работы на Кубани, Веселовский вернулся в область между Азовским морем и Днепром. Здесь удивительный успех сопутствовал ему в геродотовских «Геррах», на грандиозном кургане Солоха. Расположен этот курган недалеко от Чертомлыка, на противоположном, левом берегу Днепра. Как обычно, центральное погребение, вскрытое в Солохе, не уцелело от грабителей, но, продолжая работы,

²⁷⁶ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе — «Труды XII Археологического съезда», т. 1. М., 1905, стр. 341—373.

Веселовский вскрыл в 1913 г. боковое погребение (тоже царское), никем не потревоженное. Найденные многие прекрасные вещи ставят этот курган в один ряд с Куль-Обой и Чертомлыком. Особенно знаменит золотой гребень с изображением конной битвы, считающийся едва ли не лучшим произведением античного ювелирного искусства вообще.

Северное Причерноморье благодаря работам русских археологов стало к началу XX в. одной из наиболее изученных областей античного мира. Вместе с тем социально-экономические отношения рабовладельческого общества не интересовали археологов. Основной их задачей по старой общеевропейской традиции считалось изучение античных художественных древностей; не существовало грани между археологией и историей искусства. Историей техники и хозяйства археологи не занимались. Своеобразие рабовладельческого способа производства не было выяснено.

* * *

В 60-х годах главным организатором среднерусских курганных раскопок был московский профессор зоологии и антропологии А. П. Богданов²⁷⁷. Цель раскопок была у него не археологическая, а антропологическая. Впрочем, Богданов отнесся с вниманием и к древним вещам, хотя и не занимался ими специально; они им вкратце описаны и хорошо сохранены. Антропологические выводы заставили Богданова усомниться в принадлежности среднерусских курганов народу мере, и это было первое сомнение, высказанное по поводу теории, которая тогда считалась доказанной. За работу о подмосковных курганах он получил степень доктора зоологии.

В 1879 г. в верховьях Волги на озере Стерж была найдена надпись 1133 г. на камне новгородского посадника Ивана Павловича о рытье реки. Наравне с Тмутараканским камнем это важнейшая из древних русских надписей. Нашел ее и сохранил для науки тверской краевед-археолог А. К. Жизневский; он же ее издал и удачно прокомментировал²⁷⁸. Эта надпись известна под названием «Стерженский крест».

К концу XIX в. наука располагала находками уже многих городских кладов того типа, который впервые стал известен по

²⁷⁷ А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии.— «Известия Общества любителей естествознания», т. 4. М., 1867.

²⁷⁸ А. К. Жизневский. Замечательное приобретение Тверского музея.— «Древности Московского археологического общества», т. VIII М., 1880, стр. 179—183.

Старо-Рязанскому кладу. Первое место по этим находкам занимает Киев, второе — Владимир, третье — Чернигов. Встало на очередь научное изучение составляющих такие клады художественных изделий из золота и серебра, покрытых эмалью, сканью, чернью и зернью. Оно было неотделимо от изучения византийской художественной промышленности, с которой эти изделия прямо или косвенно связаны. Поэтому понятно, что за эту задачу взялся ученый, считавшийся во всем мире создателем истории византийского искусства, — академик Н. П. Кондаков (1844—1925).

Одной из основных тем, над которыми работал Н. П. Кондаков, были перегородчатые эмали Византии. Он первый проследил все этапы развития этого искусства, выяснил его стилистические особенности и подробно разобрался в технике очень сложных работ по золоту и эмали, которые выполнялись для получения многоцветных изображений²⁷⁹.

Многие из найденных в русских кладах эмалей оказались русскими изделиями, в чем, помимо стилистических особенностей, убеждают русские надписи, русские сюжеты и т. д. К этому выводу Кондаков вынужден был прийти лишь под давлением материала, притом очень неохотно; он всегда переоценивал византийские влияния и недооценивал русскую культуру. Но было доказано, что высокое искусство перегородчатых эмалей процветало на Руси, причем эмали были гораздо сложнее и совершеннее, чем выемчатые эмали тогдашней Западной Европы. Кондаков выяснил в той же работе технику и художественные формы скани, черни и зерни, определил значение разных ювелирных изделий в одежде и т. д. Поклонник Византии, мало интересовавшийся Русью и отрицавший самые очевидные влияния мусульманского Востока, Н. П. Кондаков оторвал изучение ювелирного искусства от других разделов археологии и тем более от истории.

В последней трети XIX в. чрезвычайно оживились раскопки русских курганов. Московский профессор истории русского права Д. Я. Самоквасов больше занимался археологией, чем своей основной специальностью. Начал он не с курганов, а с городищ. Доказав пробными раскопками, что городища были не культовыми местами, а жилыми, он впал в крайность, объявив остатками городов многие древние крепости, которые современная наука признает родовыми убежищами, первобытными поселками, феодальными усадьбами или сторожевыми постами. Многие из обследованных Самоквасовым городищ действительно были некогда городами, но он слишком широко толковал

²⁷⁹ Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892; его же. Русские клады, т. 1. СПб., 1896.

это понятие, что связано с его идеалистической методологией и недооценкой ремесленно-торгового характера городской экономики ²⁸⁰.

Гораздо важнее курганные раскопки Самоквасова. Они велись преимущественно в Черниговской земле и южнее. Интересуясь главным образом Русью, Д. Я. Самоквасов стремился, тем не менее, изучить все эпохи, от которых до нас дошли курганные погребения. Он первый установил последовательный порядок этих эпох ²⁸¹. Им раскопан ряд курганов — первобытных, скифо-сарматских и татарских, но важнейшие его работы посвящены славянским курганам.

Наиболее известны раскопанные Самоквасовым погребения воинов-дружинников вокруг города Чернигова ²⁸²; грандиозный курган Черная Могила раскопан им в самом Чернигове в 1873 г. Там обнаружено трупосожжение русского князя языческой эпохи и убитых при его погребении рабов. Большинство вещей сгорело, но уцелели шлемы, мечи, сабля и многое другое. Наиболее важны два турьих рога в серебряной оправе; на одном из них изображены охотничьи сцены. Вопреки ожиданиям господствовавших тогда в науке норманистов, вещей скандинавского характера в Черной Могиле найдено не было.

В 1872—1891 гг. врач Л. К. Ивановский (1845—1892) производил большие раскопки курганов в Петербургской губернии, на территории древней Водской пятины Великого Новгорода. Всего он раскопал 5877 курганов. К счастью, несмотря на колоссальный объем работ, Л. К. Ивановский работал для того времени тщательно и, что самое главное, распределил добытые вещи в строгом порядке погребений. Тем самым эти вещи, которые он сам не успел издать и исследовать, легли впоследствии в основу хронологии русских курганных древностей. Это стало возможным лишь потому, что Л. К. Ивановскому первому удалось соединить грандиозность раскопок с их методичностью. Было найдено много оружия, еще больше женских украшений; в изобилии были представлены ромбоцитковые височные кольца, которые оказались характерными для новгородцев.

Московский гимназический учитель истории В. И. Сизов (1840—1904) поздно начал свою научную деятельность, став одним из организаторов и ученым секретарем Исторического музея в Москве. Это был один из талантливейших русских археологов, своими научными выводами во многом опередивший

²⁸⁰ Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873.

²⁸¹ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892; его же. Могилы Русской земли. М., 1908

²⁸² Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916.

современников. Он раскапывал курганы разных эпох и в разных областях, от Кубани до Курляндии, но наибольшее значение имеют славянские курганы в Гнездове под Смоленском. Там расположено до 2 тысяч курганов, являющихся типичными погребениями русских воинов-дружинников X в. Все они при погребении сожжены по языческому обряду. В. И. Сизов установил, что вместе с богатыми покойниками сжигались также убитые рабы и что сожжение совершалось иногда в ладье, как это наблюдал у руссов в том же X в. араб Ибн-Фадлан. В Гнездове собран ряд прекрасных мечей.

В 1885 г. В. И. Сизов раскопал грандиозный центральный курган, по-видимому, принадлежавший князю, где оказалось погребение с богатым оружием и арабо-иранской художественной посудой. Ни в этом кургане, ни в большинстве богатых гнездовских погребений, ни вообще в большей части тамошних курганов инвентарь, вопреки ожиданиям норманистов, не носил скандинавского характера. Это бросалось в глаза тем более, что некоторые (очень немногие) гнездовские курганы, наоборот, явно принадлежали норманнам-варягам и были очень близки к курганам Скандинавии. Для сравнения В. И. Сизов хорошо изучил скандинавские древности в Швеции. Основные этнические, хронологические, технологические, типологические и иные определения, сделанные им²⁸³, доньше остаются в силе.

С московскими вятичскими курганами связан типологический очерк В. И. Сизова о семилопастных височных кольцах²⁸⁴. Для этих семилопастных колец построен образцовый типологический эволюционный ряд, что было тогда новым явлением в мировой науке (очерк Сизова появился ранее известной книги шведского археолога Монтелиуса о подобных рядах). Намеченная Сизовым эволюция была подтверждена позднейшими подмосковными раскопками, открывшими ряд переходных типов, еще неизвестных во времена Сизова.

Помимо курганов, В. И. Сизов много занимался городищами. Он первый приступил к научным раскопкам городищ, получивших свое название от одного из них (в Дьякове, под Москвой), обследованного сначала Ходаковским, затем Самоквасовым и Филимоновым. В. И. Сизов посвятил этому городищу специальное исследование²⁸⁵. Он заметил, в частности, что слой на городище делится на два яруса — с сетчатой и гладкой

²⁸³ В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска.— «Материалы по археологии России», № 28, СПб., 1902.

²⁸⁴ В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа.— «Археологические известия и заметки». М., 1895, № 6, стр. 177—188.

²⁸⁵ В. И. Сизов. Дьяково-городище близ Москвы.— «Труды IX Археологического съезда», т. II. М., 1897, стр. 256—267.

керамикой. Это наблюдение долго оставалось не оцененным позднейшими археологами, изучавшими городища Дьякова типа, и только лет через 40 на этом признаке была основана современная хронология этих многочисленных городищ.

Особые возможности для бытовой археологии В. И. Сизов установил в своей работе о миниатюрах Кенигсбергской летописи. До этого миниатюры древнерусских рукописей изучались лишь с художественной и сюжетной стороны. Сизов не только доказал, что они являются важным историко-бытовым источником, но наметил и основной метод их археологической критики, который должен заключаться в сравнении нарисованных вещей с реальными археологическими экземплярами. Работая над русской Кенигсбергской летописью XV в., он произвел ряд таких сравнений с музейными древностями²⁸⁶.

В статье об одном художественном железном топорике В. И. Сизов дал блестящий пример того, как много научных выводов можно сделать на основании одного музейного предмета. Владимиро-суздальский топорик с золотыми и серебряными инкрустированными изображениями птиц, буквы А, дракона, меча и т. д. позволил ему сделать ряд типологических и историко-бытовых выводов, выяснить западные связи владимиросуздальского искусства и в то же время отметить его своеобразие²⁸⁷. В. И. Сизов был лучшим в России знатоком западноевропейских средневековых древностей. Его выступления против норманизма особенно интересны и важны потому, что он в других случаях часто переоценивал западные влияния.

Археологическое изучение древней Руси показало, какие ценные материалы могут дать раскопки средневековых древностей. Археологические научные выводы по древней Руси носили до революции преимущественно этно-географический характер, в связи с чем раскапывались почти исключительно курганы, а кроме того, велось изучение надписей и прикладного искусства. Социально-экономические отношения феодального общества не интересовали дореволюционных археологов. Историей техники и хозяйства они не занимались. Дореволюционные ученые не умели использовать археологические материалы для изучения социально-экономической истории. Недооценка ими вещественных источников была следствием идеалистической методологии.

²⁸⁶ В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи.— «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. X, кн. 1, СПб., 1905, стр. 1—50.

²⁸⁷ В. И. Сизов. Древний железный топорик из коллекций Исторического музея.— «Археологические известия и заметки» М., 1897, № 5—6, стр. 145—162.

В последнюю четверть XIX в. в России начинает развиваться археология первобытного общества.

Довольно долго единственным примером наших первобытных древностей в русских и иностранных археологических сочинениях служило Ананьино. Но ученые настойчиво стремились найти вещи подревнее, найти палеолит.

Его искали многие: то было время победоносного распространения дарвинизма и усиленного интереса к проблеме происхождения человека; французские палеолитические стоянки пользовались уже тогда всеобщим признанием. Сначала эти поиски были у нас тщетны. Причина заключалась в том, что поиски (по французскому образцу) сосредоточивались в пещерах, а пещер на русской равнине мало, и геологический возраст их слишком поздний. И во Франции не для всех эпох палеолита характерны пещерные жилища; еще менее характерны они для верхнего палеолита Восточной Европы, кроме ее окраин, и Сибири.

В 1871 г. первая палеолитическая стоянка в России была обнаружена в Иркутске при постройке военного госпиталя. В 1873 г. была открыта вторая (первая в Восточной Европе) палеолитическая стоянка в Гонцах близ Лубен (на Полтавщине). Обследовавший ее киевский профессор геологии К. М. Феофилактос установил, что жилой слой, содержащий палеолитические орудия и кости мамонта, не был смещен и находился в коренном залегании на речном берегу.

В этот же период первобытными древностями стал заниматься граф А. С. Уваров, усиленно собиравший при содействии своих многочисленных корреспондентов каменные орудия. Третью у нас палеолитическую стоянку он открыл в 1877 г. в своем имении Карачарове близ Мурома, в овраге на берегу Оки. До недавнего времени это был самый северный в мире палеолит. Каменные орудия найдены там вместе с костями мамонта и шерстистого носорога. Геологические условия выяснены не были, материал раздробился по многим частным собраниям, поэтому стоянка долго подвергалась сомнению, и только через 50 лет изучение карачаровских орудий подтвердило их подлинный палеолитический возраст.

В те же годы А. С. Уваров и связанные с ним муромские любители археологии открыли ряд неолитических стоянок, которыми так богаты дюны Оки. К неолиту был отнесен тогда и столь известный впоследствии могильник в Фатьянове (близ Ярославля), открытый в 1873 г. при земляных работах и раскопанный в 1875 г. А. С. Уваровым. Материалы по палеолиту и особенно неолиту к концу 70-х годов стали накапливаться

быстро, так что А. С. Уваров смог издать в 1881 г. довольно объемистую их сводку описательного характера²⁸⁸. Однако первобытные древности изучались им так же дилетантски и поверхностно, как античные и русские. Орудия из раскопанных им стоянок он раздаривал знакомым, раздробляя материалы,— в этом проявлялись худшие черты дворянского коллекционерства.

Центральной фигурой раннего периода русской первобытной археологии был И. С. Поляков (1847—1887), прирожденный экспедиционный работник. Забайкальский казак, в ранней молодости он участвовал в восточносибирских географических экспедициях князя П. А. Кропоткина (впоследствии революционера) и втянулся постепенно в научную работу. При поддержке заинтересовавшегося им Кропоткина он подготовился в университет и окончил его, но и после этого жизнь проводил в экспедициях, объехав всю Россию — европейскую и азиатскую — и сделав множество зоологических, географических и археологических открытий. Из последних главное — стоянка в Костенках на Дону (близ Воронежа), доньне лучшая из палеолитических стоянок СССР.

Еще Петр Великий в 1701 г. обратил внимание на обильные находки в этом месте костей мамонта. Спустя более полувека (в 1769 г.) там были произведены палеонтологические раскопки, но на каменные орудия тогдашние ученые не обращали внимания. В 1879 г. Костенки посетил И. С. Поляков, предположивший, что кости мамонта снесены на это место человеком. Догадка подтвердилась — он открыл стоянку (это было четвертое в нашей стране открытие палеолитической стоянки)²⁸⁹. Найти ее было не так просто: раскопки сначала давали кости без кремней; наконец, нашлись и кремневые орудия, притом в изобилии, и остатки костров. И. С. Поляков одним из первых в Европе разработал методику открытия палеолитических стоянок по ископаемой фауне. Костенки сразу обратили на себя всеобщее внимание обилием и разнообразием резцов, скребков, копий и т. д., но наиболее ценные находки были сделаны здесь уже в советское время (эта группа стоянок раскапывается и доньне).

Больше всего открытий И. С. Поляков сделал по неолиту, обследуя стоянки этой эпохи на Оке, Верхней Волге и особенно вокруг Онежского озера. Работал он и на Фатьяновском могильнике, а каменные орудия собирал на огромном пространстве до Сахалина включительно.

Наиболее важные для этого времени работы по неолиту осуществил в 1878—1887 гг. петербургский профессор геологии

²⁸⁸ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. М., 1881.

²⁸⁹ И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию... — «Записки Академии наук», т. 37, кн. 1, СПб., 1880. Приложение, стр. 1—81.

А. А. Иностранцев (1843—1919) на южном берегу Ладожского озера. Материал добывался не столько из раскопок, сколько из случайных находок при рытье каналов, но Иностранцев сумел произвести довольно подробные археологические и геологические наблюдения. К счастью, там сохранились остатки флоры, позволившие изучить неолитический климат; уцелел даже челнок, выдолбленный из дуба. Материалы были опубликованы в особом издании²⁹⁰, где статьи о флоре, фауне и остатках человека написаны авторитетными ботаниками, зоологами и антропологами. Иностранцев правильно полемизировал против господствовавшей тогда схемы: палеолит — эпоха оббитых орудий, неолит — эпоха полированных. Он указал, что во многих неолитических стоянках орудия только оббитые, что теперь общепризнано. На Ладого он отметил даже такой парадоксальный для того времени случай, когда полированные орудия залегали в более древнем геологическом слое, чем оббитые. Вообще, Ладожская стоянка дала превосходные коллекции полированных топоров и относится к позднему неолиту.

Первым крупным исследователем палеолита Сибири был красноярский учитель гимназии И. Т. Савенков, с 1884 г. много лет систематически изучавший стоянку Афонтова Гора на Енисее (близ Красноярска). Там вместе с костями мамонта было найдено множество орудий палеолитических форм, но довольно своеобразных сибирских типов. Доклад И. Т. Савенкова об этих находках был в центре внимания XI Международного конгресса доисторической археологии и антропологии, собравшегося в 1892 г. в Москве.

В конце XIX в. большое влияние на всех русских археологов оказал выдающийся ученый — географ, антрополог, этнограф и археолог — академик Д. Н. Анучин (1843—1923). В исследовании о луке и стрелах он с одинаковым мастерством использовал этнографические сведения о луке у народов Азии, Африки и Америки, древневосточные античные изображения лучников, письменные исторические источники и фольклор. Он классифицировал археологические находки каменных, бронзовых и железных стрел и проследил типы их по областям и по эпохам — от неолита до средневековья включительно. Единого центра происхождения у лука, как доказал Анучин, не было: лук появлялся самостоятельно в разных странах. На этом важном примере устанавливалось единообразие культурного развития вопреки господствовавшей в то время в науке теории заимствований.

²⁹⁰ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб, 1882.

Анучин, проработав множество отчетов о раскопках, выяснил, как сани, ладья и конь стали принадлежностями похоронного обряда. Погребения в санях прослежены по русским летописным известиям и миниатюрам; на Руси этот обычай, как установлено автором, существовал с XI по XVII в.; отмечен он у удмуртов, коми и марийцев и даже в Западной Европе (в Альпах) и т. д. Выяснена история саней, возникавших из волокуши, распространенной повсеместно до Африки включительно; доказано, что сани предшествовали колесной повозке. Таким образом, наличие их в погребальном обряде объясняется консервативностью этого обряда. Обычай погребения в ладье связывается с представлениями о плавании покойника в потусторонних морях и реках. Исследование Анучина о погребальных обрядах приводит, таким образом, к тем же выводам о единообразии культурного развития, что и исследование о луке ²⁹¹.

Для изучения медного и бронзового веков наших южных степей первостепенное значение имеют архаические курганы с окрашенными и скорченными костяками. На них наталкивались уже в XIX в. многие исследователи, изучавшие более поздние погребения, в том числе Забелин и Самоквасов. Сравнительно много их открыл Н. И. Веселовский в Крыму, на Нижнем Днепре и Кубани. В 1897 г. в городе Майкопе он раскопал грандиозный курган медного века, где в деревянном склепе был погребен какой-то родовой вождь с двумя женами. При нем оказались золотые фигуры животных и сосуды, много медного оружия и т. д. Наиболее интересны серебряные сосуды с изображениями животных и своеобразной географической картой северных предгорий Кавказа. Позднейшие раскопки древностей Месопотамии дали ряд близких аналогий майкопским находкам. Майкопский курган надо относить к III тысячелетию до н. э. Уже в это время первобытные племена нашей страны испытывали, оказывается, прямое воздействие передовых цивилизаций.

Русская археология, даже дореволюционная, в отличие от западноевропейской и американской, всегда была свободна от расистских тенденций. Тем не менее и в Россию проник миграционизм, этот спутник расизма. Археологи объясняли все коренные изменения в материальной культуре сменой племен, миграцией, а все частные — влияниями, заимствованиями. Подлинная причина изменений — социальное развитие — оставалась при этом вне поля зрения исследователей. Конечно, переселения и заимствования нельзя отрицать. Но они не были ни

²⁹¹ Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах.— «Труды V Археологического съезда». М., 1887, стр. 337—411; его же. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда.— «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XIV. М., 1890, стр. 81—226.

движущей силой исторического процесса, ни основным его содержанием, к тому же они и происходили гораздо реже, чем полагают буржуазные археологи.

* * *

После включения в состав Российской империи стран Средней Азии перед русской археологией встали во второй половине XIX в. новые задачи. Сложность и грандиозность необходимых раскопок долго пугали ученых. Западноевропейские археологи также не проявляли должного внимания к мусульманской средневековой цивилизации на всем ее протяжении — от Испании до Индии; ее бытовые древности изучались плохо, и только в XX в. кое-где начались раскопки городов. В Западной Европе и в России одинаково сильно сказывалось пагубное разделение наук: востоковеды — обычно не археологи, а археологи — не востоковеды. Обе эти специальности совмещал, как уже говорилось, Н. И. Веселовский. Он и начал свою археологическую деятельность в Средней Азии, производя там разведки в 1885 г. Центром его работ было большое городище Афрасиаб (близ Самарканда), называемое по имени одного из героев древнеиранского эпоса. Веселовский впервые установил, что в Средней Азии существовало в древности искусство, находившееся под греческим влиянием. В Афрасиабе под верхним мусульманским слоем оказался нижний слой с глиняными скульптурами эллинистического и иранского облика. Многие из них принадлежат, как это установил Веселовский, глиняным гробам — костехранилищам, связанным с зороастрийскими погребальными обрядами. Городище существовало долго. Верхние слои изобиловали предметами мусульманского орнаментального искусства, и Н. И. Веселовский доказал, что запустел Афрасиаб в XIII в. в результате монгольского разорения.

Средняя Азия изобилует холмами-тепе, некоторые из которых по внешнему виду похожи на курганы. Н. И. Веселовский доказал, что эти холмы не погребального происхождения, а образовались из культурного слоя, т. е. из многовековых органических и строительных остатков. В них обыкновенно могут быть прослежены и укрепления.

По литературным данным первый узбекский завоеватель Шейбани погиб в бою, и труп его был обезглавлен персами. Н. И. Веселовский проверил это по материалам вскрытия склепа, скелет Шейбани действительно оказался без черепа.

Центр тяжести своих работ Н. И. Веселовский вскоре перенес, как уже говорилось, на Кубань. В Среднюю Азию он приезжал преимущественно для руководства работами по снятию многоцветных изразцовых узоров, украшающих мечети, училища

и гробницы Самарканда и занимающих очень важное место в истории мусульманского искусства; Веселовский издал в цветных таблицах орнаменту мавзолея Тимура ²⁹².

На Кубани Н. И. Веселовский, будучи занят преимущественно античностью, не прекращал работу и по восточному средневековью. Там им раскопаны (преимущественно под станицей Белореченской) богатые черкесские курганы XIV—XV вв., по которым подробнее всего может быть изучена материальная культура золотоордынского времени. Мужские погребения изобилуют саблями, много золотой и серебряной иранской посуды.

Наконец, с именем Н. И. Веселовского связано в археологии решение длительного спора о каменных бабах. Спор шел о дате этих высоких статуй, которые стояли на многих наших степных курганах. По письменно-историческим, этнографическим и археологическим данным удалось доказать, что каменные бабы принадлежат тюркским кочевникам, преимущественно половцам ²⁹³.

Интерес привлекли развалины Мерва, бывшего некоторое время едва ли не крупнейшим научным и литературным центром мира. В 1890 г. в Мерв направилась археологическая экспедиция под руководством петербургского профессора персидской словесности В. А. Жуковского. Результаты ее работ изданы в большой книге ²⁹⁴. Автор дает прежде всего полный исторический очерк города по арабским, персидским и турецким источникам, затем следует обстоятельный топографический очерк на основе археологических разведок. Сопоставляя разведочные данные с литературными, В. А. Жуковский пришел к важным выводам о трех мервских городищах. Старшее из них, Гяур-Кала, восходящее к античному времени, потеряло свое значение при сельджуках, второе, Султан-Кала, было при них центром и разрушено монголами, третье, Байрам-Али-Хан-Кала, датируется XV—XVIII вв. Внутреннюю топографию города всех эпох удалось изучить благодаря обильным на поверхности следам дворцов, домов и садов. Найдены интересные надписи, комментировать которые В. А. Жуковскому удалось с помощью средневековой иранской исторической беллетристики. Он предпринял небольшие раскопки на Гяур-Кале и обнаружил там толстый домусульманский слой с глиняными древнеиранскими статуэтками. Работа эта доказала, как много могут дать в сред-

²⁹² Н. И. Веселовский. Мечети Самарканда, вып. 1. Гур-Эмир. СПб., 1905.

²⁹³ Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах», или «Балбалах». — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 408—444.

²⁹⁴ В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. — «Материалы по археологии России», № 16. СПб., 1894.

неазиатских условиях даже разведочные экспедиции, если они правильно поставлены.

Известный языковед академик Н. Я. Марр (1864—1934) в начале своей деятельности много лет занимался археологическими раскопками средневековой армянской столицы Ани, начатыми в 1892 г. Эти грандиозные раскопки — яркое свидетельство свойственного ему пренебрежения к историческим источникам вообще, а археологическим в особенности. Публикации анийских материалов в этом отношении весьма показательны²⁹⁵. Не изучены и не изданы многочисленные найденные при раскопках вещи. Орудия труда, оружие, украшения, посуда не удостоивались внимания Н. Я. Марра. Он начал анийские раскопки в 1892 г. и тогда же прислал в Археологическую комиссию такое сообщение: «Результат вполне удовлетворительный в том смысле, в каком можно ожидать всегда результатов от раскопок в Ани: вещественных находок никаких, но зато богатый материал для истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи»²⁹⁶. В этих словах заключалась целая программа деятельности, к сожалению, неукоснительно с тех пор выполнявшаяся. Вещественных находок, как во всех городах, конечно, было много, но Марр их выбрасывал. В своих отчетах он говорит лишь об открытых при раскопках зданиях. Столь же показательно полное невнимание к стратиграфии. Слои многослойного городища им не изучены, и хронологические соотношения зданий остались поэтому невыясненными. Тем самым и описания этих зданий становятся научно бесцельными.

Особую тему восточной археологии составляет так называемое сасанидское серебро. Своеобразна география находок этой ювелирной иранской посуды с художественными изображениями сасанидских царей на охоте, чудовищ, животных и т. д. Три сосуда найдены в самом Иране, два — в Индии, один — во Франции, один — в Японии и свыше двухсот — в России, притом почти все они найдены на северо-востоке, между рекой Вяткой и Уральским хребтом. Проникали сюда эти предметы, вероятно, в обмен на меха, но все-таки непонятно, почему их нет или почти нет в других странах. Преимущественно по этим блюдам известно сасанидское искусство, изучение которого необходимо для правильного понимания искусства и ремесла многих стран. Исследовал эти находки историк византийского искусства академик Я. И. Смирнов (1869—1918), который установил их хронологические группы и проследил рецидивы сасанидского

²⁹⁵ Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.—М., 1934.

²⁹⁶ В. А. Миханкова. Н. Я. Марр. М.—Л., 1948, стр. 46.

стиля в мусульманское время. Портреты царей на блюдах он определил по их монетным изображениям. Главным его трудом было исчерпывающее издание найденных в России произведений восточной торевтики; туда вошли художественные сосуды всех эпох — от шумерской и вавилонской до арабской и турецкой, — но основной материал в этом издании — сасанидский. Атлас Смирнова²⁹⁷ состоит из 130 больших таблиц, на которых помещена 331 прекрасная фототипия. Для специалистов по древнему и средневековому художественному ремеслу всех стран эта книга незаменима.

Раскопки средневековых восточных древностей начались в нашей стране раньше, чем за рубежом. Но археологические работы в этой области у нас (до революции) и за рубежом (доныне) сводились обычно к простым описаниям материалов, притом разрозненных и друг с другом не связанных. Антинаучные представления об извечной застойности и неизменности восточной цивилизации мешали научной работе; преодоление этих представлений было невозможно для буржуазной науки.

V

ЭТНОГРАФИЯ

Этнографическая наука в период капитализма прошла сложный путь развития. Борьба научных течений на основе обострявшейся классовой борьбы проявилась в этнографических работах уже в годы реформы и развивалась далее в пореформенный период.

В те годы, когда в буржуазно-либеральной этнографии получила почти полное господство мифологическая школа, корифеи русской революционной демократии Чернышевский и Добролюбов изложили свои взгляды на задачи и принципы этнографической науки. Н. Г. Чернышевский высоко ставил познавательное значение этнографии. Особенно подробно изложил он свои мысли по этому поводу в большой рецензии на третий том «Магазина земледения и путешествия» Фролова (1855), помещенной в «Современнике». Определяя место этнографии в системе человеческого знания, Чернышевский указывает на то, что «наука о человеке», т. е. область гуманитарного знания, всегда останется «важнейшей, коренною наукою», и отводит именно этнографии первое место в группе гуманитарных дисциплин. Этнография вместе с «исторической филологией», но яснее и прямее, чем последняя, помогает нам, по мнению Чернышевского, понять «первоначальную сущность» всех окружающих

²⁹⁷ Я И Смирнов Восточное серебро СПб, 1909

нас общественных учреждений, дает наглядный материал, показывающий на примере развития отдельных народов все стадии развития цивилизации, ее отдельных «учреждений». «Каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена», — писал Чернышевский. Потому «этнография дает нам все те исторические сведения, в которых мы нуждаемся». Народы находятся, по его мнению, на неодинаковых «степенях» культурного развития отнюдь не по причине каких-либо расовых различий, которые оказывают на культурное развитие «ничтожное» влияние, а в силу чисто исторических условий. «Степень развития и внешние условия жизни, с нею соединенные, почти безусловно властвуют над характером общества, его обычаями, понятиями и учреждениями»²⁹⁸. Именно поэтому у самых разных народов, стоящих на одинаковом уровне развития, оказываются налицо сходные нравы и учреждения. Таким образом, уже в этой своей ранней работе Чернышевский вполне отчетливо проводил антирасистскую точку зрения.

С большим интересом следил Чернышевский за деятельностью Русского географического общества — главного центра этнографических исследований — и в целом находил ее полезной. Вместе с тем в журнале «Современник» появлялись рецензии и статьи (частью уже после ареста и ссылки самого Чернышевского), в которых указывалось на узость и ограниченность задач, которые ставило перед собой Географическое общество²⁹⁹.

Из поздних работ Чернышевского имеют близкое отношение к этнографии его «Приложения» к переводу «Истории» Вебера. Отдельные его статьи посвящены «расам», «классификации людей по языку», «различиям между людьми по национальному характеру». Эти статьи имеют большое принципиальное значение для этнографа и по сей день не устарели. В них Чернышевский в своей обычной образной и остроумной манере опровергает обывательские мнения и предрассудки в вопросах этнографии: ходячее мнение о неравенстве рас, которое он совершенно правильно связывает с классовыми интересами плантаторов-рабовладельцев, теорию Вильгельма Гумбольдта о неравноценности языков; вульгарное представление о влиянии

²⁹⁸ Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. I, 1906, стр. 225. Ср. Г. Виноградов. Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. — «Советская этнография», 1940, № 3, стр. 35—55.

²⁹⁹ Этнографические очерки Кадниковского уезда: «Современник», 1864, № 10, стр. 499—522; «Как понимать этнографию?» Там же, 1865, № 2 стр. 173—184 и др.

климата на изменение национального характера и пр. В противовес этим ненаучным представлениям Чернышевский везде неуклонно проводит строго историческую идею единства человечества и исторического процесса, понимания всех национальных особенностей, как результата действия исторических условий.

Большое влияние на этнографическую науку оказали идеи Н. А. Добролюбова, который интересовался преимущественно народным творчеством. Яснее всего выражены взгляды Добролюбова по этому предмету в замечательной рецензии на сборник русских сказок Афанасьева (1858). Добролюбов приветствует появление этого сборника, отмечает его богатство и полноту, но в то же время резко и принципиально излагает свою точку зрения, выступая и против барского пренебрежения к народному творчеству, и против романтического преклонения перед ним. Нельзя, говорит Добролюбов, каждую народную сказку «возводить в идеал изящества и глубины мысли»: незачем восхищаться курными избами и лохмотьями, но нужно иметь ясное понятие «об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе»; обо всем этом необходимо знать для того, чтобы помочь народу «усовершенствовать» условия своей жизни³⁰⁰.

Исходя из этого, Добролюбов отмечал неполноту и неудовлетворительность даже таких добросовестных записей фольклора, как сборники Афанасьева, ибо они, по его мнению, оторваны от жизни народа, в них сказывается «совершенное отсутствие жизненного начала»: «Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полочку рядом с пыльными фолиантами или классифицировать несколько отрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном в связи с окружающей его действительностью»³⁰¹.

Таковы были теоретические установки вождей русских революционных демократов в середине XIX в. по коренным вопросам этнографии. Они воплощались в жизнь в практической научной работе этнографов и фольклористов-собираателей, таких, например, как П. Н. Рыбников, сосланный в Олонецкую губернию и сделавший там большое количество ценнейших записей былинного эпоса (1861).

Наиболее передовыми собирателями были И. Г. Прыжов (1827—1885) и И. А. Худяков (1842—1876); их научно-литературная деятельность протекала почти одновременно — в 1860—

³⁰⁰ Н. Добролюбов. Народные русские сказки, изд. А. Афанасьевым. Полн. собр. соч., т. I, стр. 431.

³⁰¹ Там же, стр. 432—433. См. также В. Е. Гусев. Добролюбов и проблемы фольклористики. — «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 181—193.

1863 г. Выходец из народных низов, почти самоучка, всю жизнь не выходявший из горькой нужды, Прыжов никогда не прекращал научно-собирательской деятельности по изучению народного быта. В отличие от реакционных романтиков-славянофилов и им подобных, он нисколько не преклонялся перед патриархальной стариной, видел изнанку жизни народа, вечно придавленного нуждой и пришибленного царско-помещичьим гнетом. Очень показательна тематика печатных работ Прыжова: «Нищие на святой Руси», «Корчма», «Русские кликуши», «26 московских юродивых, пророков, дур и дураков», «История кабаков в России в связи с историей русского народа» и т. п.³⁰² Но если такие темы, хотя и с большим трудом, все же проходили через царскую цензуру, то другие работы Прыжова вообще не могли выйти в свет; «Поп и монах как первые враги культуры человека», «История крепостного права, преимущественно по свидетельству народа» и т. п. Научная деятельность Прыжова была прервана арестом за участие в кружке Нечаева и ссылкой в Сибирь; однако и там он продолжал заниматься изучением народного быта³⁰³.

И. А. Худяков не только публиковал собранный им материал по народному творчеству, например, «Великорусские сказки» (1860), «Великорусские загадки» (1861), но и печатал популярные книжки для народа, проникнутые демократическим и просветительским духом. Вскоре он принял прямое участие в революционном движении (кружок Ишутина), был сослан в Верхоянск, где, несмотря на невероятно тяжелые условия, не прекращал своей деятельности по собиранию фольклора³⁰⁴.

Важным этапом в развитии этнографической науки была Всероссийская этнографическая выставка 1867 г.³⁰⁵ Созданная силами русской прогрессивной общественности по почину Московского общества естествознания, антропологии и этнографии, она как бы подвела итоги предшествовавшего развития отечественной этнографии и дала направление на будущее.

В пореформенной России увеличилось количество газет и журналов, где печаталось множество корреспонденций и статей, отражавших местные нужды и потребности, связанные с развитием промышленности, земских учреждений, с судьбой помещичьего и крестьянского землевладения, переживавшего острый кризис. Среди этих корреспонденций и статей очень

³⁰² И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934.

³⁰³ Л. Н. Пушкарев. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным.— «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 183—187.

³⁰⁴ Л. Н. Пушкарев. Из истории революционно-демократической этнографии.— И. А. Худяков.— «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 183—200.

³⁰⁵ «Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года». М., 1867.

много таких, которые содержат ценнейший этнографический материал о положении местного крестьянского и другого населения, его экономике, быте, мировоззрении и т. п. Хотя цели авторов подобных статей были скорее публицистическими, нежели чисто научными,— это не мешает использовать данный материал как этнографический источник. Ярким примером являются известные «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта³⁰⁶. Этот мелкий помещик Смоленской губернии, народник по убеждениям и химик по образованию, дает в своих письмах, печатавшихся в 70—80-х годах в «Отечественных записках», подробнейшее и правдивое описание хозяйства и быта крестьян своей местности. Это описание изучал К. Маркс, его широко использовал В. И. Ленин (в «Развитии капитализма в России» и других работах). К сожалению, в этнографической литературе «Письма» Энгельгардта еще не получили достаточной оценки.

С «Письмами» Энгельгардта схожи статьи А. П. Шапова, которые имеют, однако, более научный характер. Шапов подробно описывал быт местного русского и «иностранческого» населения, общинные порядки землепользования, нравы, национальные взаимоотношения и пр.³⁰⁷

Супруги Ефименко, Петр Саввич и Александра Яковлевна, жившие на Севере, в Архангельской губернии, собрали и опубликовали богатый материал по быту местного русского населения. А. Я. Ефименко особенно интересовалась своеобразными формами общинного землепользования и связанного с ним семейного быта и обычного права. Она открыла характерный местный тип большой семьи — «печище» — и особую разновидность обширной организации — «долевое» землевладение («Очерки народного быта»)³⁰⁸.

В описываемое время стали создаваться научные общества, занимавшиеся этнографией. Уже с 1850-х годов возникают местные отделы Русского географического общества: в 1850 г. Кавказский (Тифлис), в 1851 г. Сибирский (Иркутск), разделившийся в 1877 г. на Восточносибирский (Иркутск) и Западносибирский (Омск), в 1851 г. Северо-Западный (Вильно), в 1868 г. Оренбургский, в 1873 г. Юго-Западный (Киев), позже стали появляться также «подотделы» — Приамурский, Троицко-Савско-Кяхтинский, Алтайский и др. Эти местные отделы и подотделы вовлекали в краеведческо-этнографическую работу все более широкие круги русского образованного общества. Правительство в какой-то мере поддерживало их деятельность, но в то же время относилось к ней подозрительно, а то и

³⁰⁶ А. Н. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1937.

³⁰⁷ А. П. Шапов. Собрание сочинений. Дополнительный том Иркутск, 1937.

³⁰⁸ См. главу III.

просто «пресекало» ее, особенно там, где у местных этнографов научные интересы сочетались с общественно-политическими. Так, например, Юго-Западный отдел Русского географического общества был закрыт «временно» (на самом деле окончательно) уже через три года после его основания. Закрыт был и Северо-Западный отдел.

В 1863 г. при Московском университете, усилиями прогрессивных ученых, преодолевших сопротивление властей, было организовано «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии». Объединение этнографии с естественными науками в рамках одного общества очень характерно для того времени. Во главе общества стояли вначале геолог Щуровский, а позже антропологи А. П. Богданов и Д. Н. Анучин. На другой научной основе (исторической) при Казанском университете возникло Общество археологии, истории и этнографии (1878).

Все научные общества имели свои издания, некоторые из них стали выпускать журналы. Местные отделы Географического общества печатали свои «Известия» и «Записки», Географическое общество издавало в Петербурге «Известия», а с 1867 г. серию капитальных трудов под общим заголовком «Записки Русского географического общества по отделению этнографии» (а также по отделению статистики, общей географии и пр., где тоже встречался ценный этнографический материал). С 1890 г. Отделение этнографии стало издавать этнографический журнал «Живая старина» (под редакцией филолога-слависта Ламанского). Годом раньше начал выходить другой весьма серьезный этнографический журнал — «Этнографическое обозрение», издававшееся Этнографическим отделом Московского общества. Казанское общество археологии, истории и этнографии систематически издавало свои «Известия».

На окраинах страны усиливалось значение стационарного метода этнографических наблюдений. Для Сибири это было связано с той крупной ролью, которую сыграли в развитии этнографической науки политические ссылки. С конца 70-х годов политическая ссылка в Сибирь принимает широкие размеры: стремясь подавить растущее революционное движение, правительство начало в массовом порядке ссылать в Сибирь — и по суду, и без суда. Уже известный нам Худяков, в самых тяжелых условиях верхоянской ссылки, записал много ценных якутских и русских преданий, открыл, в частности, наличие былин среди русских старожилов. Очень много сделал для этнографического и археологического изучения Сибири ссыланный народник Д. А. Клеменц. Отбыв ссылку (в районе Минусинска), он сумел организовать в 1894—1896 гг. целую экспедицию силами главным образом политических ссыльных в Якутии.

В этой экспедиции (ее называли «Сибиряковской» — по имени богатого золотопромышленника Сибирякова, давшего на нее деньги) принимали участие ссыльные Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь, В. М. Ионов, И. И. Майнов, Феликс Кон, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и др. Членами экспедиции были собраны разнообразные сведения по экономике, обычному праву, языку, фольклору якутов и русских Якутской области. Лишь небольшая часть этих богатых материалов могла быть опубликована в условиях того времени; многое вышло в свет лишь в советский период³⁰⁹.

Из других политических ссыльных, находившихся тоже в Якутии, но работавших в одиночку, надо назвать Сергея Ковалика, исследовавшего верхоянских якутов, и Вацлава Серошевского — автора капитальной монографии «Якуты» (1896).

Особенно интересны этнографические материалы, собранные политическими ссыльными, которые жили на Крайнем Севере (среди малых народов Севера) и позже стали выдающимися специалистами-этнографами. В. Г. Богораз (1865—1936) в годы своей ссылки в Колымском крае изучил быт, язык и фольклор русского населения Колымы³¹⁰, а затем занялся изучением чукчей. Его товарищ по ссылке В. И. Иохельсон исследовал юкагиров и коряков. Оба продолжали исследования и после отбытия ссылки, приняв участие в большой русско-американской этнографической («Джезуповской») экспедиции по изучению этнокультурных связей народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки³¹¹. Богораз известен, кстати, не только своими этнографическими трудами, но и как писатель-беллетрист (псевдоним — Тан). Позже он был одним из пионеров советской этнографии.

Не менее велики заслуги Л. Я. Штернберга (1861—1927), бывшего народовольца. В ссылке на Нижнем Амуре он прожил восемь лет, постоянно общаясь с местными гиляками. Поразительные открытия Штернберга (он обнаружил остатки группового брака, своеобразные формы родового быта, медвежий культ) оставили заметный след в этнографической науке; на них обратил внимание Энгельс («Вновь открытый случай группового брака», статья в «Neue Zeit», 1892). Подобно Богоразу,

³⁰⁹ Например: Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929.

³¹⁰ В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.

³¹¹ W. Bogoras. The Chukchee. Jesup North Pacific Expedition, vol. VII. Leiden — New York, 1904—1909, pp. 1—3; W. Jochelson. The Koryak. Ibid., vol. VI, 1905—1908, pp. 1—2; его же. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Ibid., vol. IX, 1920—1924, pp. 1—3.

Штернберг стал впоследствии одним из основоположников советской этнографии ³¹².

Если в Сибири этнографическая полевая работа в последние десятилетия XIX в. проходила при преобладающем участии политических ссыльных, то на других окраинах России, на Кавказе, в Средней Азии, господствовала полуофициальная, почти «казенная» этнография. Основная масса материалов собиралась людьми, принадлежащими к гражданской или военной администрации. По Средней Азии можно указать географо-этнографические работы полковника Бларамберга ³¹³, генерал-лейтенанта Макшеева ³¹⁴, полковника Венюкова ³¹⁵, «дипломатического чиновника» Галкина ³¹⁶, полковника Каульбарса ³¹⁷, сьрдарьинского губернатора Гродекова ³¹⁸, генерала Куропаткина ³¹⁹. В более поздние годы военных авторов в этнографической литературе по Средней Азии вытесняют местные гражданские служащие, отчасти журналисты: Арандаренко ³²⁰, Остроумов ³²¹, Ломакин ³²², Лыкошин ³²³, Наливкин ³²⁴. Книги этих авторов написаны с определенной, более или менее «великодержавной» точки зрения.

На Кавказе в годы войны и после нее значительное большинство авторов этнографических описаний составляли офицеры и чиновники. С. Броневский, Н. П. Колюбакин, К. Ф. Сталь, М. И. Венюков писали о народах Северо-Западного Кавказа; В. И. Голенищев-Кутузов, О. И. Константинов, П. К. Услар и др. — о народах Дагестана. Эта официальная этнографиче-

³¹² «Памяти Л. Я. Штернберга». Сб. статей. Л., 1930.

³¹³ И. Ф. Б л а р а м б е р г. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря...— «Записки имп. Русского географического общества» (далее «Записки РГО»). СПб., 1850, кн. IV, стр. 49—120.

³¹⁴ А. М а к ш е е в. Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1886.

³¹⁵ М. В е н ю к о в. Очерки Заилийского края и Причуйской страны.— «Записки РГО». СПб., 1861, кн. IV. Исследования и материалы, стр. 79—130.

³¹⁶ М. Н. Г а л к и н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

³¹⁷ А. В. К а у л ь б а р с. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1837 г. «Записки РГО по общей географии». СПб., 1881, т. 9.

³¹⁸ Н. И. Г р о д е к о в. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. I. СПб., 1883; е г о ж е. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.

³¹⁹ А. К у р о п а т к и н. Туркмения и туркмены. СПб., 1879.

³²⁰ Г. А. А р а н д а р е н к о. Досуги в Туркестане. 1874—1889. СПб., 1889.

³²¹ Н. П. О с т р о у м о в. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1890.

³²² А. Л о м а к и н. Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897.

³²³ Н. С. Л ы к о ш и н. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, вып. I. Пг., 1916.

³²⁴ В. П. Н а л и в к и н. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

ская литература о народах Кавказа завершается капитальной и как бы полуофициальной сводкой — трудом генерала Н. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» (первый том его «Истории войны и владычества русских на Кавказе», 1871). После окончания войны довольно обильные материалы и статьи о народах Кавказа стали печататься в официальных изданиях: «Сборнике сведений о кавказских горцах» (1868—1881) и сменившем его многотомном «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1881 г.— 46 томов). Интересны специальные публикации материалов по обычному праву народов Кавказа — вопрос весьма острый для царской администрации, которая только что вступила в управление этими едва замиренными народами. Этому вопросу посвящена, например, капитальная монография Ф. И. Леонтовича «Адаты Кавказских горцев» (т. 1—2, 1882—1883)³²⁵.

Таким образом, внутри страны в последние десятилетия XIX в. стационарный метод этнографических исследований возобладал над экспедиционным. Но зато как раз в эти годы в зарубежные мало исследованные страны, по преимуществу пограничные с Россией, а иногда и в более отдаленные, направляются большие экспедиции. В этом косвенно отразились активизация внешней политики России и обострение ее борьбы с другими европейскими государствами, прежде всего с Англией, за влияние на сопредельные с Россией страны. Эти экспедиции приносили большой новый этнографический материал, хотя путешественники и не ставили специально этнографических целей.

Важнейшим объектом таких экспедиций была Центральная Азия, еще почти не затронутая влиянием капитализма и европейской культуры. Сюда с 70-х годов снаряжались специальные научные экспедиции, главным образом Русским географическим обществом. Наиболее известный исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский (1839—1888) совершил в 1870—1884 гг. четыре крупные экспедиции — в Монголию, Синьцзян и Тибет, принесшие колоссальные результаты в отношении географических и естественно-научных открытий в этих малоизвестных дотоле странах. Этнография в экспедициях Пржевальского занимала второстепенное место, однако он привез очень важные сведения о народах тех стран, в которых побывал: халха-монголах и южномонгольских племенах, тибетцах и «тангутях», обитателях бассейна р. Тарима и Лоб-Нора. После смерти Пржевальского (1888) исследования продолжали его отважные сотоварищи: Певцов, Роборовский, Козлов и др.

³²⁵ См. М. О. Косвен. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— «Кавказский этнографический сборник», I—II, Труды Института этнографии АН СССР», т. 26, 46, М., 1955, 1958.

Менее крупными по масштабу, но гораздо более богатыми по этнографическим результатам были путешествия известного сибирского этнографа-фольклориста Г. Н. Потанина, который два раза обследовал Северо-Западную и Центральную Монголию (1876—1880), затем Северо-Западный Китай, Ордос и Ганьсу (1884—1886) и, наконец, юго-западную и западную окраину Китая (1892—1893). Результаты первых двух путешествий изложены в его четырехтомном труде «Очерки Северо-Западной Монголии» (1881—1883), а третьего — в не менее насыщенной материалом книге «Тангутско-тибетская окраина Китая» (1893). В 1876 и 1882 гг. по Монголии путешествовал крупный русский ориенталист А. М. Позднеев. Его труды — «Очерки быта буддистских монастырей и буддистского духовенства в Монголии» (1887) и «Монголия и монголы», тт. 1—2 (1896—1898) чрезвычайно богаты историко-этнографическим материалом, сведениями об организации ламаистской церкви, о верованиях монгольского населения и др.

Страны, расположенные далеко от России, тоже не оставались в стороне от научных интересов русских исследователей, путешествия которых приносили и оттуда ценный этнографический материал. Очень богаты, например, этнографические и фольклорные материалы по Индии, собранные крупным русским индологом И. П. Минаевым в его трех больших поездках (1874—1875, 1880 и 1885—1886)³²⁶. Огромное значение для исследования внутренней Африки имели многолетние путешествия неутомимого открывателя неведомых стран В. В. Юнкера (1875—1886). Для этнографии особую ценность имеют его материалы, касающиеся сложных этнических взаимоотношений в совершенно неисследованной прежде области между верхним Нилом, бассейном Конго и бассейном озера Чад³²⁷. Много ценного материала о малоизвестных в то время странах Южной Америки содержат путевые заметки русского путешественника и дипломатического служащего А. С. Ионина, объехавшего многие области Бразилии, Уругвая, Аргентины, Чили, Перу и Парагвая³²⁸.

На первом месте по научному значению стоят, бесспорно, многолетние путешествия и труды выдающегося русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая (1846—1888). Натуралист по образованию, он, однако, посвятил всю свою жизнь изучению наро-

³²⁶ И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии, ч. 1—2, СПб., 1878; его же. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне. СПб., 1876; его же. Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887; см. также И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886 гг. М., 1955.

³²⁷ В. В. Юнкер. Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886). М., 1949.

³²⁸ А. С. Ионин. По Южной Америке, т. 1—4, СПб., 1892—1902.

дов Океании и Юго-Восточной Азии. Миклухо-Маклай преследовал при этом не только чисто научные цели, но и гуманные общественные цели: помочь всеми возможными мерами слабым и отсталым народам колониальных стран, подвергавшихся бесстыдному грабежу и притеснениям со стороны европейско-американских торговцев, плантаторов и колониальных служащих. Научные путешествия Миклухо-Маклая охватывали главным образом острова Тихого и Индийского океанов. В общей сложности около трех лет он прожил на «берегу Маклая» — северо-восточном побережье Новой Гвинеи (1871—1872, 1876—1877, 1883), побывал на западной оконечности острова (1874), на южном побережье (1880, 1881), посетил ряд островов Меланезии и Микронезии (1876—1879, 1880), проник в малодоступные джунгли внутренней части Малайского полуострова (1874, 1875), долго жил и в Австралии. Этнографические и антропологические результаты путешествий Миклухо-Маклая получили широкую известность в мировой литературе³²⁹.

Во второй половине XIX в. заметно оживилась разработка теоретических установок для развития этнографической науки. Проводником позитивизма в этнографии 70-х годов стала эволюционистская школа. В Англии главными ее представителями были Тэйлор, Мак-Леннан, Леббок, Спенсер, в Германии — Герланд, Липперт, Шуц, Вейле, в Америке — Морган. В русской этнографии видными сторонниками эволюционистского направления были М. И. Кулишер³³⁰, С. С. Шашков³³¹, И. Н. Смирнов³³², Д. А. Коропчевский³³³, позже семья Харузиных, Л. Я. Штернберг и др.

Господство буржуазного эволюционизма в русской и зарубежной этнографии характеризовалось некоторым перемещением центра научных интересов. В предшествующие десятилетия преобладающее внимание исследователей народного быта обращалось к фольклору. На почве изучения народной поэзии выросла и «мифологическая» школа³³⁴. Теперь же основное

³²⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений, т. I—V. М.—Л., 1950—1954.

³³⁰ М. И. Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры СПб., 1877.

³³¹ С. С. Шашков. Исторические этюды, т. 1—2. СПб., 1872; его же История русской женщины, 2-е изд. СПб., 1879 и др.

³³² И. Н. Смирнов. Пермь. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891; его же. Очерк культурной истории южных славян. Казань, 1900 и др.

³³³ Д. А. Коропчевский. Рассказы про дикого человека. М., 1887; его же. Прежде и теперь. СПб., 1901; его же. Первые уроки этнографии. М., 1903 и др.

³³⁴ О «мифологической» школе см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I.

внимание стало уделяться общественной жизни народа, обычно-му праву, семье, общине. Это объяснялось, впрочем, не столько распространением эволюционных взглядов, сколько прямыми потребностями практической жизни: ломкой старых крепостнических порядков в деревне, введением нового сельского управления, новых судов, земских учреждений. Все это повышало интерес к юридическим понятиям, к обычному и семейному праву крестьян. В этой области надо отметить ценные исследования Н. В. Калачова (об артелях, юридических обычаях и др.) и обширную библиографию обычного права Е. И. Якушкина («Обычное право», вып. 1—4, 1875—1909). Конечно, и другие стороны народного быта не оставались вне поля зрения исследователей: народное изобразительное искусство (Ровинский, Стасов³³⁵), народная музыка (Мельгунов³³⁶, Сокальский³³⁷), верования (Сумцов, Кулишер, С. В. Максимов).

В годы господства эволюционизма начиналась научная деятельность одного из корифеев русской дореволюционной этнографии, который, однако, далеко перерос рамки эволюционистской школы,— Дмитрия Николаевича Анучина. Это был ученый необычайно широкого кругозора, умевший сочетать прекрасную эрудицию в нескольких областях знания. Зоолог по основной специальности, Анучин был выдающимся антропологом, географом, отлично знал археологический и этнографический материал. Он был первым, кто занял кафедру антропологии в Московском университете (1880), где «анучинская» школа с тех пор неизбежно утвердилась и традиция ее держится поныне. Анучин читал там и курс «этнологии». Тесная связь этнографии с антропологией до сих пор опирается главным образом на изыскания Анучина. Анучин создал прекрасный музей, где антропологические, археологические и этнографические коллекции органически дополняют друг друга (ныне Государственный музей антропологии при Московском университете).

В своих научных работах Анучин обнаруживал порой замечательное мастерство пользования различными видами источников. Заслуживают особого упоминания его монографии «Лук и стрелы, археолого-этнографический очерк» (1887) и «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890)³³⁸. В обеих работах этнографический и археологический материал умело сочетается с данными письменных

³³⁵ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881. В. Стасов. Русский народный орнамент, вып. 1. Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872.

³³⁶ Ю. Н. Мельгунов. Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные, вып. 1—2. М., 1879; СПб, 1885.

³³⁷ П. П. Сокальский. Русская народная музыка... в ее строении мелодическом и ритмическом. Харьков, 1888.

³³⁸ См. в разделе «Археология», стр. 627—628.

источников. Один из образцов мастерского этнографического анализа находим мы в работе Анучина «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака», где он исследовал чрезвычайно интересный, но трудный для понимания памятник древней письменности «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране» (1890).

Как и все прогрессивные ученые, Анучин стремился сделать науку достоянием возможно более широких общественных кругов. Он был прекрасным популяризатором. Очень интересны его научно-популярные этнографические очерки об айнах, японцах, румынах. В своей программной статье о задачах этнографической науки, напечатанной в № 1 журнала «Этнографическое обозрение» (1889), Анучин указывает, что очередная цель этнографии — не бесконечное накопление сырого материала, новых и новых фактов, а составление капитальных монографий об отдельных народах со всесторонним привлечением всех видов источников. Он подчеркивает при этом большое значение этнографии — не только чисто научное, но и общеобразовательное, воспитательное, общественное; этнография, говорил Анучин, сближает нас с нашим народом, знакомит с его бытом, его нуждами³³⁹.

Анучин воспитал не одно поколение ученых-антропологов, археологов, географов, этнографов. Огромное влияние на русскую и отчасти зарубежную науку он оказывал и своими научными трудами, и преподавательской работой, и своим руководящим участием в научных организациях. Он был бессменным президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1890 г. до самой смерти (1923), основателем и редактором журнала «Землеведение» (с 1894 г.), а также «Русского антропологического журнала» (с 1900 г.).

В последние десятилетия XIX в. русская этнография начала испытывать влияние марксизма. Основоположники марксизма, как известно, живо интересовались русской жизнью, изучали русский язык, многие из их работ посвящены русским темам, в их числе есть и такие, которые тесно соприкасаются с этнографией. Известен, например, интерес К. Маркса к русской крестьянской общине. Он глубоко изучал относящиеся к ней источники. В своем знаменитом письме к Вере Засулич (1881) К. Маркс впервые дал верное историческое толкование русской сельской общины, связал ее с аналогичными формами общинной организации в Индии, у древних германцев и пр. и определил место сельской общины в историческом процессе

³³⁹ Д. Н. Анучин. О задачах русской этнографии — «Этнографическое обозрение», кн. I. М., 1889, стр. 1—35. См. также В. В. Богданов. Дмитрий Николаевич Анучин — антрополог и географ (1843—1923). М., 1941.

как переходной формы от доклассовой к классовой формации общества. Эти и другие высказывания основоположников марксизма по вопросам русской жизни не могли не оказать влияния на русскую этнографическую литературу.

Одним из первых ученых, воспринявших некоторые идеи К. Маркса в России, был Н. И. Зибер, экономист, не чуждый широких этнографических интересов. В своей книге «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) он едва ли не впервые в мировой литературе совершенно по-новому поставил вопрос о ранних формах экономических отношений: с большой убедительностью показал преобладание коллективистских первобытно-общинных форм хозяйства на ранних стадиях человеческой истории, проявив, правда, некоторую неразборчивость в распределении материала по историческим эпохам. Книга Зибера, не раз переизданная, сохраняет и сейчас большое научное значение. Если марксистская наука со времени Зибера ушла неизмеримо далеко вперед, то для буржуазной этнографии работа Зибера поныне может считаться недосыгаемым образцом: ведь там и теперь еще пользуются популярностью такие теории развития человеческого хозяйства, как противоречащая исторической действительности, но однако широко распространенная концепция Карла Бюхера, согласно которой вся древнейшая история человечества, вплоть до античного времени, есть эпоха «индивидуального разыскивания пищи».

Влияние марксизма испытал и другой, гораздо более известный русский ученый,—Максим Максимович Ковалевский (1851—1916). Одной из интересовавших его проблем была сельская община; ей посвящено несколько ранних работ Ковалевского: «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт», «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»³⁴⁰ и др. Основоположники марксизма высоко расценивали эти работы русского ученого, ставя его рядом с Маурером, впервые открывшим сельскую общину как историческую форму.

Другой круг проблем, занимавших Ковалевского, был связан с родовым строем и формами его распада. Богатый материал в этой области был собран им лично среди народов Кавказа (80-е годы), в обычном праве которых сохранились следы всех стадий и форм разложения первобытно-общинного строя. Обычному праву осетин посвящена большая работа Ковалевского «Современный обычай и древний закон» (1886), обычному праву других народов Кавказа — «Закон и обычай на Кавказе» (1890). Впоследствии Ковалевский не раз излагал

³⁴⁰ М. Ковалевский. Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт. Лондон, 1876; его же. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. ч. I. М., 1879.

в более общей форме вопросы разложения родового строя: например, в книгах «Родовой быт» (1906), «Социология» (1910). Одним из важнейших результатов его исследований в этой области было установление крупной исторической роли патриархально-семейной общины как формы разложения рода. Учению М. М. Ковалевского о большой семье или патриархально-семейной общине придавал, как известно, большое значение Энгельс (см. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Труды Ковалевского оказали заметное влияние не только на русскую, но и на зарубежную этнографическую науку. Почти все крупные его работы появлялись вскоре в переводах на английском, французском, немецком, итальянском и испанском языках, находя широкий отклик в разных странах. Работы Ковалевского, хотя он и не был марксистом, а оставался буржуазным социологом, и доселе сохранили известное значение.

Рост интереса к этнографии и большие ее достижения к концу XIX столетия отразились в попытке подвести итоги развития этой науки в России, сделанной не этнографом, а историком литературы А. Н. Пыпиным (1833—1904). Это свидетельствует о том, что интерес к этнографии существовал не в одних только узких кругах специалистов. Пыпин подошел к своей задаче скорее с историко-литературных позиций. Его четырехтомная «История русской этнографии» (1890—1892), вначале печатавшаяся отдельными статьями в «Вестнике Европы», представляет собой не столько историю этой науки в собственном смысле слова, сколько очерк развития идеи народности в русской литературе, притом очерк несколько однобокий: например, революционно-демократическое направление почти не было освещено в книге Пыпина, в ней ничего не говорится о музейно-собирательской деятельности, об изучении материальной культуры и пр.

Несколько особняком стояла в этнографии область изучения народного творчества. В фольклористике эволюционизм никогда не был господствующим. «Мифологическая» школа почти непосредственно сменилась новым, так называемым «историческим» направлением. Это направление — «историческим» его можно называть лишь условно — было близко к «теории заимствований», связанной в Западной Европе с именем Бенфея. Ученые этой школы обращали главное внимание на миграции фольклорных сюжетов и мотивов, старались установить пути и направления «заимствований», искали древнейшие исходные формы сказок, легенд, преданий (в древней Индии, Иране), придавали большое значение христианским апокрифам, духовным стихам и пр., как способам передачи фольклорных мотивов из страны в страну. Сторонниками этого

направления были в России сначала В. В. Стасов³⁴¹, а позже Александр Николаевич Веселовский³⁴², старавшийся отыскать следы восточных, в частности индийских, сюжетов в русском и западноевропейском фольклоре, В. Ф. Миллер, особенно увлекавшийся «заимствованиями», Г. Н. Потанин, искавший всюду «монгольские влияния». Некоторые из работ ученых этого направления представляют все же большой научный интерес, например, богатая содержанием книга Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1890), где открываются малоизвестные дотоле исторические связи культуры народов Европы с Востоком. Но в большинстве случаев эти авторы стояли на ложных методологических позициях. Они игнорировали национальную специфику фольклора каждого отдельного народа, склонны были отрицать творческую роль трудящихся масс, проповедуя во многих случаях теорию «аристократического» происхождения фольклорных произведений. Некоторые из ученых «исторической» школы прямо становились на позиции антинаучного космополитизма. Один из названных выше ученых, примыкавших к данной школе, — В. Ф. Миллер — уже в середине 90-х годов отошел от нее и занялся более глубоким, чисто историческим изучением русского эпоса. В целом «теория заимствований» открывала дорогу реакционным и антинародным по своей сущности концепциям. Она отражала начавшийся и в России и на Западе крен некоторой части ученых в сторону реакции.

VI

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ. КРАЕВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Историческую географию в капиталистический период нашей истории, как и до реформы 1861 г., разрабатывали главным образом историки. Работа шла в нескольких направлениях, которые были следствием общих путей развития нашей пореформенной историографии. Продолжалась работа по определению местонахождения упоминаемых в исторических источниках географических объектов и по изучению расселения племен и народностей на пространстве Восточной Европы в историческом прошлом.

³⁴¹ В. В. Стасов. Происхождение русских былин. — «Вестник Европы». СПб., 1868, т. I, стр. 160—221 и 637—708; т. II, стр. 226—276 и 651—698; т. III, стр. 590—664; т. IV, стр. 292—345.

³⁴² А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872 и позднейшие работы.

Наиболее выдающимися исследованиями в этой области были труды Н. П. Барсова, опубликовавшего в 1865 г. «Географический словарь русской земли (IX—XIV ст.)»³⁴³, в котором указано местонахождение географических пунктов IX—XIV вв., упоминаемых преимущественно в летописях, а отчасти и в источниках актового характера.

Капитальной работой Н. П. Барсова в данной области являются «Очерки русской исторической географии. География начальной летописи»³⁴⁴ (вышли первым изданием в 1873 г., переизданы в исправленном и дополненном виде в 1885 г.). Барсов, исследуя географические данные летописи, показывает расселение восточнославянских племен и их соседей в Восточной Европе, формирование земель-княжений, определяет местонахождение населенных пунктов. Кроме летописи, Барсов иногда пользуется и данными топонимики.

Ряд ученых продолжал начатое еще в дореформенное время К. А. Невוליным изучение внутренних административных границ России. М. К. Любавский в труде «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута»³⁴⁵ посвятил целый отдел своей книги политической географии Литовско-Русского государства в XV—XVI вв. Ю. В. Готье, в качестве приложения к своему исследованию «Замосковский край в XVII веке», дал перечень станов и волостей, входивших в состав замосковских уездов; указанное приложение носит самостоятельное заглавие: «Материалы по исторической географии Московской Руси»³⁴⁶. В другом своем исследовании, вышедшем в 1913 г. («История областного управления в России от Петра I до Екатерины II») ³⁴⁷. Готье отвел специальную главу областному делению России в 1727—1775 гг.

Истории политических границ периода феодальной раздробленности посвящено также источниковедческое исследование историка права Н. Н. Дебольского — «Духовные и договорные

³⁴³ Н. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России, т. I. Географический словарь русской земли (IX—XIV ст.). Вильна, 1865.

³⁴⁴ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи, Варшава, 1873.

³⁴⁵ М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

³⁴⁶ Ю. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1906. Приложение. Материалы по исторической географии Московской Руси. Замосковские уезды и входившие в состав их станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII столетия, стр. 549—602.

³⁴⁷ Ю. Готье. История областного управления в России от Петра до Екатерины II, т. I. М., 1913.

грамоты московских князей как историко-географический источник»³⁴⁸.

Русские буржуазные историки пореформенной эпохи уделяли значительное внимание истории колонизации, игнорируя, однако, классовые моменты этого процесса. При изучении истории колонизации и процесса заселения изучаемой местности подвергался исследованию и вопрос о ее территориальных границах (например, в исследованиях Д. И. Багаля, И. Н. Миклашевского, П. Н. Буцинского и др.)³⁴⁹.

В некоторых общих работах по социально-экономической истории, например, в труде В. И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II», имелись данные по вопросам социальной географии прошлого (распределение барщинных и оброчных крестьян во второй половине XVIII в. и другие данные).

Изучением изменений природных условий в исторический период историки интересовались, но научной разработкой этой проблемы больше занимались географы. Вопросы о бывшей границе леса и степи, обмелении рек, высыхании степи Юга Европейской России и Средней Азии вызывали много споров в научной литературе. По этим вопросам писали такие выдающиеся ученые, как В. В. Докучаев и др.³⁵⁰ Отчасти этими проблемами занимались и историки, решавшие их на основе своих источников и своих методов исследования.

В последней четверти XIX в. были сделаны попытки комплексной реконструкции географии нашего прошлого за определенный период времени. Так, Е. Е. Замысловский в 1884 г. опубликовал книгу «Герберштейн и его историко-географические известия о России»³⁵¹, в которой поставил себе двойную задачу: дать на основании данных Герберштейна и отчасти других иностранных путешественников (с привлечением и русских источников) сводный очерк географии России в первой

³⁴⁸ В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, т. I—II. СПб., 1901—1902.

³⁴⁹ Д. И. Багаля. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; П. А. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878; Г. И. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

³⁵⁰ В. В. Докучаев. Методы исследования вопроса, были ли леса в южной части степи России.— «Труды Вольного экономического общества», 1889, т. I, стр. 138; Г. И. Танфильев. Пределы лесов на юге России СПб., 1894.

³⁵¹ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

половине XVI столетия, а также написать «историю географических сведений о Восточной Европе».

С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории смуты в Московском государстве»³⁵² предположил основному исследованию вводный очерк состояния Московского государства накануне описываемых событий. Первая глава этого очерка — «Области Московского государства» — построена в историко-географическом плане и представляет собой сводку данных предшествующей литературы и отчасти опубликованных источников о состоянии в конце XVI в. каждой из исторических областей, которые составили Русское государство.

В целом развитие русской исторической географии в рассматриваемое время характеризуется эскизностью и незавершенностью сводных обобщающих работ, далеко не охвативших всего накопленного материала, слабым вниманием к исторической географии хозяйства не только в сводных обзорах, но и в специальных исследованиях и, наконец, недостаточным развитием исторической картографии. Исторического атласа, основанного на глубокой проработке материала, русская буржуазная наука не создала; имелись лишь учебные исторические атласы, начавшие появляться еще до реформы 1861 г. Лучшим из них был атлас Е. Е. Замысловского (первое издание — 1865 г.). Карты в этих атласах посвящены в основном истории политических границ и войн, что вполне соответствовало структуре учебников истории того времени.

В буржуазной историографии историческая география обычно рассматривалась как вспомогательная дисциплина. Многие работы имели узкофактический или даже справочный характер (например, «Географический словарь русской земли» Н. П. Барсова или «Материалы по исторической географии Московской Руси» Ю. В. Готье). Поэтому борьба направлений в русской историографии отражалась в этой отрасли исторической науки очень слабо. В методологическом отношении буржуазная историческая география в капиталистической России стояла целиком на идеалистических позициях, классовый анализ изучаемых явлений отсутствовал.

Перелом в области исторической географии совершен марксистской исторической наукой. Начало его положено знаменитым трудом В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899), занимающим особое место в научной литературе по исторической географии³⁵³.

³⁵² С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. LII. СПб., 1899.

³⁵³ Этот вопрос будет рассмотрен в следующем томе «Очерков истории исторической науки в СССР». Подробнее об этой стороне труда В. И. Ле-

Изучение истории русских географических открытий продолжалось и в пореформенную эпоху, когда в эту работу в большей мере, чем прежде, включились историки. Продолжали ее и географы. Изучались, как и раньше, открытия русских землепроходцев и мореходов XVII в. в Сибири и русских мореплавателей в Ледовитом и северной части Тихого океана в XVIII столетии, а также кругосветные плавания русских моряков в первой половине XIX в.

Архивист Н. Н. Оглоблин, автор известного «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа», написал два небольших исследования — «Семен Дежнев» и «Восточносибирские полярные мореходы»³⁵⁴, а также опубликовал «Две „скаска“ Вл. Атласова об открытии Камчатки»³⁵⁵. Историей освоения Сибири и открытия новых земель и путей в Северном Ледовитом и Тихом океанах занималось немало историков. Ю. В. Арсеньев издал записки Спафария о путешествии в Китай в 1675 году³⁵⁶. П. Н. Буцинский и Б. М. Житков³⁵⁷ изучали морской путь в Сибирь. Этому же вопросу касался один из крупнейших русских географов второй половины XIX и начала XX в., Д. Н. Анучин³⁵⁸, а также В. Вахтин и В. Андреев³⁵⁹.

нина см. в статьях В. К. Ясунского: «Историко-географические моменты в работах В. И. Ленина». — «Исторические записки». М., 1948, т. 27, стр. 3—17; «Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина.» — «Вопросы географии», сб. 31, 1953, стр. 7—30. К статьям приложены карты развития капитализма в сельском хозяйстве, развития капиталистической промышленности России и передвижения населения по территории Европейской России к концу XIX в., составленные по труду В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

³⁵⁴ Н. Н. Оглоблин. Семен Дежнев (1638—1677 гг.). ЖМНП, 1890, декабрь, стр. 249—306; его же. Восточносибирские полярные мореходы XVII века. ЖМНП, 1903, май, стр. 38—62.

³⁵⁵ Н. Н. Оглоблин. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. «Чтения ОИДР», 1891, кн. 3, отд. I, стр. 1—18; Новые данные о Владимире Атласове. Там же, 1888, кн. 1.

³⁵⁶ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. «Записки РГО по отделу этнографии» т. X, вып. 1, 1882.

³⁵⁷ П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и мангазейский уезд (1601—1645 гг.). — «Записки Харьковского университета». 1893, кн. 1, стр. 33—98; Б. М. Житков. Полуостров Ямал. — «Записки РГО по общей географии», т. XLIX, 1913 (историко-географическая заметка).

³⁵⁸ Д. Н. Анучин. Город Мангазея и Мангазейская земля. «Землеведение», 1903, кн. IV. М., 1904, стр. 35—46; его же. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. 14. М., 1890, стр. 227—313.

³⁵⁹ В. Вахтин. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890; [В. Андреев]. Документы о плавании капитан-командора Беринга к берегам Америки в 1741 году. Чикаго, 1893.

Историю экспедиций на Камчатку рассматривал в своих статьях гидрограф А. Сгибнев³⁶⁰. Деятельный участник географического общества экономист-академик В. П. Безобразов написал историю жизни и деятельности известного русского мореплавателя Ф. П. Литке³⁶¹.

С конца XIX в. началось историческое изучение русских открытий в Центральной Азии. Первые работы в этой области, естественно, были посвящены деятельности Н. М. Пржевальского. Военный историк Н. Ф. Дубровин выпустил в 1890 г. книгу «Н. М. Пржевальский. Биографический очерк»³⁶². В том же году сборник «Памяти Н. М. Пржевальского»³⁶³ был издан Географическим обществом.

* * *

Изучение истории отдельных местностей России — Сибири, Урала, Севера Европейской России, Поволжья и др. — значительно продвинулись вперед в капиталистический период нашей истории как в количественном, так и в качественном отношении. Возникновение архивных комиссий, которые занимались не только архивной, но и научно-издательской деятельностью, несколько содействовало в организационном отношении местной историографии. В то же время оно иногда неблагоприятно отражалось на научном уровне местной историографии в силу преобладания во многих архивных комиссиях реакционных элементов.

В краевой историографии отразились основные направления русской исторической науки капиталистической эпохи. Консервативно-дворянское направление тут было выражено несколько сильнее, чем в общей историографии, вследствие того, что в этих работах нередко участвовали представители местной администрации и зависимые от нее лица. Ряд работ принадлежал авторам буржуазно-либерального направления; народники также принимали участие в краевой историографии (А. Я. Ефименко и др.).

В ряде мест (отчасти в связи с деятельностью архивных комиссий) разработка краевой истории велась в сравнительно значительных масштабах местными силами: публиковались монографии, издавались источники, производились раскопки.

³⁶⁰ А. Сгибнев. Большой камчатский наряд (экспедиция Ельчина) — «Морской сборник», 1868, № 12, стр. 131—139; его же. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке — «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 65—142.

³⁶¹ В. П. Безобразов. Граф Федор Петрович Литке. — «Записки Академии наук», т. 57, 1888, приложение № 2.

³⁶² Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890

³⁶³ «Памяти Николая Михайловича Пржевальского». СПб., 1890.

К числу таких местностей можно отнести Урал; посвященные ему работы Н. К. Чупина, Д. Д. Смышляева, В. Н. Шишонко и А. А. Дмитриева получили широкую известность. Исследования по истории горнозаводской промышленности печатались и за пределами края. К работам такого рода можно отнести книгу В. Д. Белова «Исторический очерк уральских горных заводов»³⁶⁴ и статьи В. Рожкова по истории уральской промышленности в «Горном журнале».

В центральных губерниях особенно заметным центром изучения краевой истории сделалась Рязань, где успешно работала губернская архивная комиссия. В Рязани были изданы монографии по истории местного крестьянства³⁶⁵, написанные с либеральных позиций, публиковались рязанские писцовые книги. Археологи А. В. Селиванов и А. И. Черепнин и др. произвели ценные раскопки³⁶⁶.

Ряд интересных исторических работ вышел из-под пера краеведов Владимирской губернии, из которых прежде всего следует назвать К. Н. Тихонравова³⁶⁷. Можно отметить также книги и статьи ивановских краеведов, изучавших историю родного города; среди них заслуживает внимания Я. П. Гарелин. Будучи одним из крупнейших предпринимателей Иванова, он выпустил в начале 80-х годов книгу «Город Иваново-Вознесенск»³⁶⁸, в которой собрал интересный материал по истории ивановской хлопчатобумажной промышленности. Классовые позиции автора в этой работе выражены очень четко: так, рассказывая о введении в Иванове машин, он с удовлетворением отмечает, что это позволило фабрикантам гораздо меньше, чем прежде, считаться с требованиями квалифицированных рабочих. Но собранный и изученный Гарелиным ценный материал используется историками и в наше время.

В двух поволжских центрах — Нижнем Новгороде и Саратове — более, чем в других городах края, разрабатывалась

³⁶⁴ В. Белов. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896.

³⁶⁵ Н. Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань, 1898; А. Д. П о в а л и ш и н. Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903.

³⁶⁶ О рязанских историках см. «Библиографический словарь писателей, ученых и художников — уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Составлен И. В. Добролюбовым и дополнен С. Д. Яхонтовым». Рязань, 1910.

³⁶⁷ «Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. Собрал и дополнил А. В. Смирнов». Вып. I—V. Владимир, 1896—1917; о К. Н. Тихонравове см. вып. III, Владимир, 1898, стр. 154—279.

³⁶⁸ Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск или бывшие село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии), ч. I—II. Шуя, 1884—1885.

местная история. Особое значение приобрела деятельность в Нижнем Новгороде местного статистика и историка А. С. Гациского, основателя и пожизненного председателя Нижегородской архивной комиссии, а также секретаря местного статистического комитета³⁶⁹. Под его редакцией вышло десять томов «Нижегородского сборника», посвященного всестороннему изучению края, в том числе и его истории. В своих трудах А. С. Гациский изучал различные стороны социальной, политической и культурной истории Нижегородского края³⁷⁰.

В Саратове получили известность работы Д. Л. Мордовцева, Ф. Ф. Чекина, Н. Ф. Хованского, А. А. Гераклитова, А. Н. Минха и др. На Дону и Кубани изучалась история местного казачества и отчасти крестьянства. Были изданы собрания источников по истории донского казачества³⁷¹ и по истории кубанских казаков³⁷².

В «Кубанских сборниках» и в «Сборниках областного Войска Донского статистического комитета», а также в «Трудах» этого комитета печатались наряду со статьями по экономике и этнографии и статьи исторического содержания. Наиболее значительная монография — «Черноморцы» П. П. Короленко³⁷³, являвшегося представителем официальной монархической идеологии.

В Крыму сравнительно энергично работала Таврическая архивная комиссия. Археологию, а отчасти и историю Крыма, изучали, кроме того, археологи и историки, проживавшие вне Крыма; так, археологические раскопки в Крыму 1876—1885 гг. вело Одесское общество истории и древностей, а с 1888 г. — Русское археологическое общество.

В Сибири в пореформенную эпоху выходили исследования по истории местных городов или территорий, а иногда и по истории Сибири в целом, но не образовалось единого центра изучения прошлого этого края. Наибольшее число работ такого характера издано в Иркутске. Открытие в Томске в 1888 г. уни-

³⁶⁹ А. С. Гациский. Нижегородский летописец. Новгород, 1886; его же. Нижегородский театр (1798—1867). Н. Новгород, 1867; его же. Люди нижегородского Поволжья. Н. Новгород, 1887; его же. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Н.-Новгороду и по нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1877 и др.

³⁷⁰ О А. С. Гациском см. «Сборник в память Александра Серафимовича Гациского». Н. Новгород, 1897. О других историках нижегородцах см. «Люди нижегородского Поволжья», вып. I. Краткий словарь писателей нижегородцев, под ред. В. Е. Четихина (Ч. Ветринского). Н. Новгород, 1915.

³⁷¹ «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным», т. I—III. Новочеркасск, 1891—1894.

³⁷² И. И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории кубанского казачьего войска, т. I—III. СПб., 1896, 1898.

³⁷³ П. Короленко. Черноморцы. СПб., 1874.

верситета не выдвинуло его в этом отношении, так как там отсутствовал историко-филологический факультет. Некоторые историки-сибиряки публиковали свои работы в столицах.

Историей Сибири занимались и историки Европейской России, изучавшие главным образом XVII век. Наиболее значительны исследования московского архивиста Н. Н. Оглобина, опубликовавшего в 1895—1901 гг. четырехтомное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа»³⁷⁴. Этим «обозрением» впервые пущено в научный оборот громадное собрание документов по истории Сибири из архива Министерства юстиции (ныне хранится в ЦГАДА), Н. Н. Оглобин сам не успел использовать выявленный и систематизированный им материал, он опубликовал лишь несколько статей о сибирских землепроходцах и мореходах, которые были названы выше³⁷⁵.

Серьезный вклад в историю колонизации Сибири сделал харьковский историк П. Н. Бучинский выступивший в 1889 г. с книгой «Заселение Сибири и быт первых ее насельников» и несколькими статьями по истории края. И. В. Щеглов выпустил в Иркутске в 1883 г. «Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири». Известные представители сибирского буржуазного областничества С. С. Шашков и Н. М. Ядринцев занимались изучением истории Сибири. В обширной монографии последнего «Сибирь как колония»³⁷⁶ вопросы истории края занимают видное место. Касался истории Сибири и А. П. Шапов — уроженец Сибири, проведший в сибирской ссылке последние 12 лет своей жизни³⁷⁷.

Своеобразные черты истории Поморья привлекали внимание многих исследователей, изучавших главным образом историю крестьянского землевладения, а также местного самоуправления в этом районе в XVII столетии. Из местных исследователей нужно отметить А. Я. Ефименко, написавшую работу «Крестьянское землевладение на крайнем Севере» (1884). На основе богатого материала источников как опубликованных, так и неопубликованных, собранных ею в семейных архивах северных крестьян, А. Я. Ефименко убедительно показала подворный

³⁷⁴ Н. Н. Оглобин. Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592—1768), ч. 1—4. М., 1895—1901.

³⁷⁵ Интересно отметить, что «Обозрение» Н. Н. Оглобина послужило основным материалом для двух монографий по истории Сибири, написанных американскими историками Фишером и Ланцевым и вышедших в 1943 г. Об этих работах см. в статье В. К. Яцунского «Изучение истории СССР в Калифорнийском университете в США». — «Вопросы истории», 1915, № 5—6, стр. 186—200.

³⁷⁶ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1832—1882 гг. Иркутск, 1883; Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882.

³⁷⁷ О А. П. Шапове см. в гл. I и XII.

характер крестьянского землевладения в Поморье XVII в. и формирование там поземельной общины только в конце XVIII — начале XIX в.³⁷⁸ Основные работы по истории Поморья принадлежали историкам Москвы и Петербурга — В. О. Ключевскому, П. И. Иванову, А. А. Спицыну и др.

Особенности исторического развития Новгорода и Пскова изучались Н. И. Костомаровым, А. И. Никитским и др.

История столиц, причем в большей степени Москвы, чем Петербурга, — объект пристального внимания историков. Надо отметить труды по истории Москвы И. Е. Забелина, опубликовавшего два тома «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы»³⁷⁹. «История Москвы», написанная Забелиным, осталась неоконченной, вышел только первый том, посвященный истории Кремля³⁸⁰.

Из сочинений по истории Петербурга наиболее значительна книга П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга»³⁸¹.

³⁷⁸ О А. Я. Ефименко см. в гл. III и XII.

³⁷⁹ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы..., ч. 1—2, М., 1884—1891.

³⁸⁰ И. Е. Забелин. История города Москвы. М., 1902. Рукопись второго тома хранится в архиве Государственного исторического музея. Автор не успел подготовить ее к печати. И. Е. Забелин посвятил истории Москвы также ряд статей.

³⁸¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782. СПб., 1885.

Глава XI

ИЗУЧЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

I

ПАЛЕОГРАФИЯ

Во второй половине XIX в. значительное развитие получили вспомогательные исторические дисциплины: палеография, дипломатика, хронология, метрология, генеалогия, сфрагистика, геральдика, нумизматика.

Особенно большое внимание буржуазные исследователи уделяли палеографии, предметом которой являются начертание букв и другие особенности письма и оформления рукописей, материалы и орудия письма. Для второй половины XIX в. характерно появление ряда учебных курсов по палеографии.

В 60—70-х годах XIX в., составивших первый этап развития палеографии в рассматриваемый отрезок времени, палеография была в основном описательной дисциплиной. Виднейший палеограф этого периода И. И. Срезневский читал свой курс по палеографии в Петербургском университете в 1865—1888 гг. В его курсе давался историко-палеографический обзор памятников русской письменности X—XIV вв. Конкретно-исторический показ развития русской письменности, начертаний букв является важным достоинством этой работы Срезневского¹. Конечно, автор еще не мог представить палеографию в виде вполне откristаллизовавшейся вспомогательной дисциплины. В его исследовании, помимо рукописей, рассматриваются также другие памятники, имеющие надписи (иконы, монеты и т. п.). Касааясь главным образом правописания букв, Срезневский не затрагивал такие темы, как орнамент, орудия письма и др. В 70-х годах было издано пособие по скорописи XVII в., появились сборники, посвященные истории русского орнамента².

¹ И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885.

² Об этом см. Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 47—52.

Широкое увлечение палеографией началось в 80-х годах³ и было попыткой преодолеть кризис старого источниковедения путем разработки вспомогательных исторических дисциплин. К этому времени относится опубликование упомянутого курса Срезневского и литографическое издание лекций Н. С. Тихонравова⁴, читавшего свой курс в Московском университете в 1887—1888 гг. Лекции Тихонравова посвящались трем основным темам: историографии западноевропейской и русской палеографии, системам древнего письма в Греции и славянских странах, в том числе на Руси, и материалу для письма. Из важнейших теоретических вопросов Тихонрахов касался проблемы происхождения кириллицы и глаголицы. В хронологическом отношении курс Тихонравова был полнее курса Срезневского, охватывая период до XVI в. включительно. Но в нем, так же как и у Срезневского, ничего не говорилось об орнаменте, орудиях и средствах письма; некоторые вопросы освещались очень бегло (например, о водяных знаках и др.).

Развитие палеографии в 90-х годах связано с подъемом в этот период формального источниковедения и дипломатики. Большую роль в истории палеографии сыграли лекции А. И. Соболевского, читавшиеся им в 90-х годах XIX — начале XX в. в Петербургском археологическом институте⁵. В курсе Соболевского говорилось о формах и видах рукописей, материале для письма, орудиях письма, начертаниях букв (устав, полуустав, скоропись). Автор уделил внимание филологическому обзору истории русской письменности в связи с историей письменности югославянской (болгарской и сербской), распространению образованности на Руси, переводам иностранных сочинений в древней Руси, криптографии (тайнописи). Книга Соболевского, как и некоторые другие пособия по палеографии, не была целиком очищена от сведений, относящихся к смежным вспомогательным историческим дисциплинам, например, к хронологии.

В Варшавском университете лекции по палеографии читал Е. Ф. Карский, опубликовавший свой курс впервые в 1897 г.⁶ В его книге излагались наблюдения над рукописями, написан-

³ См. фотолитографические издания в 80-х годах древнейших памятников русской письменности: «Остромирово евангелие 1056—1057 гг.», изд. И. К. Савинковым. СПб., 1883; изд. 2—1889; «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.», СПб., 1880.

⁴ Н. С. Тихонрахов. Русская палеография. М., 1889.

⁵ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Лекции. СПб., 1893 (литография); см. также А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, курс первый. СПб., 1901; курс второй — СПб., 1902.

⁶ Е. Ф. Карский. Из лекций по славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1897; его же. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901.

ными только кириллицей. Помимо разбора особенностей начертания букв, надстрочных знаков и тайнописи, Карский посвятил специальные разделы материалу для письма, принадлежностям письма, формату и переплету рукописей, писцам книг, истории первопечатных книг и орнаменту. Карский справедливо подчеркивал, что «у нас одним заимствованием от византийцев, болгар и сербов нельзя объяснить всех орнаментальных форм: немало выпадает и на долю собственного вымысла»⁷. Карский, подобно Тихонравову и Соболевскому, касался в основном периода до XVII в.

К самому концу 90-х годов относится опубликование трехтомного труда Н. П. Лихачева (1862—1935) о водяных знаках⁸. Вторая и третья книги этого труда (описание и изображение водяных знаков) до сих пор служат чрезвычайно ценным справочным пособием.

II

ДИПЛОМАТИКА

Дипломатика, являющаяся частью источниковедения, которая изучает акты, быстро развивалась в связи с ростом капитализма и сопровождавшим его оживлением юридической мысли.

Большим вниманием в русской буржуазной дипломатике пользовались древнейшие внешнеполитические акты — договоры Руси с Византией. Изучались главным образом договоры 911, 945 гг. и так называемый договор 907 г. В 50-х годах XIX в. Н. А. Лавровский исследовал договоры с филологической точки зрения⁹. В 70-х годах начался период тщательного юридического анализа договоров. Основателями этого направления были В. В. Сокольский¹⁰ и В. И. Сергеевич¹¹. Последнему принадлежит выдающаяся роль в разработке проблемы публичного и международного частного права в договорах с греками. Автор считал, что договорные нормы «частного права» предназначались для регулирования конфликтов между русскими и греками только на греческой территории. Из этого интересного предположения Сергеевич сделал неоправданный вывод о бесспорном господстве греческого права в договорах. Отсюда у него

⁷ Е. Ф. Карский. Из лекций по славянской кирилловской палеографии, стр. 62.

⁸ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899; его же. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

⁹ Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

¹⁰ [В. В.] Сокольский. О договорах русских с греками.— «Университетские известия». Киев, 1870, апрель, отд. II, стр. 1—29.

¹¹ В. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X века.— ЖМНП, 1882, январь, стр. 82—115.

попытка отрицать значение договоров как источников по истории русского права¹². Кроме юридического анализа, в конце XIX — начале XX в. были и попытки рассмотреть договоры с точки зрения формы, порядка их заключения и языка¹³.

Помимо договоров с греками, в дореволюционной историографии подвергались изучению ярлыки татарских ханов русским митрополитам.

Основной период их исследования охватил 40-е — начало 60-х годов XIX в., когда самым актуальным вопросом дня была проблема крепостного права. Ханские ярлыки, являясь яркими документами, отражающими систему феодальных прав и привилегий, не могли не привлечь в это время внимания историков.

Крупный русский ориенталист В. В. Григорьев (1818—1881) доказал достоверность ярлыков¹⁴. Затем началось усиленное использование этих актов в историко-юридических сочинениях¹⁵. А. А. Бобровников связал вопрос о ярлыках с вопросом о так называемых монгольских подписях на русских актах, которые, по его мнению, были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичьими дьяками¹⁶.

Среди других публично-правовых актов в буржуазной дипломатике изучались и договорные грамоты великих и удельных князей.

Ранний этап в их исследовании составляет работа Б. Н. Чичерина¹⁷, писавшего в годы подготовки крестьянской реформы, когда в связи с осмыслением возможных новых отношений между помещиками и крестьянами его чрезвычайно интересовали договорные отношения «частного права», историю которых он пытался проследить по этим источникам. При разборе договорных грамот Чичерин справедливо подверг критике устаревшую родовую теорию, однако он неосновательно рассматривал договоры как акты, связывавшие между собой не государ-

¹² В. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X века.— ЖМНП, 1882, январь, стр. 93, 95, 114.

¹³ А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками.— «Византийский временник», т. II, отд. 1, СПб., 1895.

¹⁴ В. В. Григорьев. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству. М., 1842; см. также в сб. «Россия и Азия», СПб., 1876, стр. 170—258.

¹⁵ И. Беляев. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках.— «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. I, отд. I. М., 1850, стр. 97—110; И. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева.— «Труды восточного отделения Археологического общества», ч. VIII, СПб., 1864, стр. 387—494.

¹⁶ А. А. Бобровников. О монгольских подписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову).— «Известия Археологического общества», т. III, СПб., 1861, стр. 24.

¹⁷ Б. Чичерин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.— «Опыты по истории русского права», М., 1858, стр. 232—375.

ственные объединения, а «независимые друг от друга нравственные лица»¹⁸.

В 80-х годах оригинальные пути в дипломатике договорных грамот прокладывали не историки-юристы, а представители других направлений, прежде всего А. А. Шахмато (1864—1920), исследовавший новгородские договорные грамоты с филологической точки зрения¹⁹.

В 90-х годах XIX в. в буржуазной историографии стали все шире распространяться методы более конкретного изучения памятников права. Статья Н. Н. Дебольского о княжеских договорных грамотах со времен Семена Гордого²⁰ написана уже с позиций не чисто юридических, но юридически-политических. Конкретно-исторически объяснял автор появление в договорах ряда статей. Происхождение некоторых договоров он в известной мере обуславливал конкретной политической борьбой. На основании сравнительного изучения духовных и договорных грамот до 1504 г. включительно и писцовых книг конца XVI в. Дебольский установил географическое положение городов, сел, волостей и станов, упомянутых в духовных и договорных грамотах²¹.

Значительный интерес проявляла русская историческая наука к одной из самых многочисленных групп публично-правовых актов — жалованным грамотам. Период интенсивного изучения их совпадает со временем подготовки и проведения крестьянской реформы в России. Использование жалованных грамот славянофилом К. Аксаковым имело такой же политический характер и такую же политическую заостренность, как и его разбор писцовых книг. Жалованные грамоты он привлекал для того, чтобы показать существование в «старые добрые времена» «свободных» отношений между землевладельцами и крестьянами. Феодал, по его мнению, никогда не был собственником земли, а являлся просто административным лицом, делегированным центральной властью²².

В конце 50-х — в 60-х годах появились в печати две работы, впервые дававшие систематическое описание юридических норм зафиксированных в жалованных грамотах. Одна при-

¹⁸ Там же, стр. 299; ср. стр. 329, 334, 336.

¹⁹ А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886.

²⁰ Н. Н. Дебольский. Древнерусские междукняжеские отношения по договорам.— «Историческое обозрение», т. IV, СПб., 1892, стр. 34—70.

²¹ Н. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, вып. I—II. СПб., 1901—1902.

²² К. Аксаков. Соч., т. 1. М., 1861, стр. 415—494, особенно стр. 415—421.

надлежала перу В. А. Милютин, изучавшего грамоты XIV—XVII вв.²³, другая — А. Н. Горбунову, проанализировавшему около 200 жалованных грамот XIII—XV вв.²⁴ В смысле методики источниковедческого исследования монографии Милютин и Горбунова сходны между собой. В них имеется свод юридических норм, но свод этот представлен в виде чего-то застывшего. Устанавливая «средние» нормы иммунитета XIV—XVII вв. или XIII—XV вв., авторы не могли показать развитие жалованных грамот.

Последующие работы 60-х годов (Н. Дювернуа²⁵ и М. Горчакова²⁶) уже не представляли собой систематических обзоров правового содержания жалованных грамот. Исследователи привлекали эти источники главным образом для изучения отдельных исторических вопросов и для иллюстраций. В трактовке происхождения жалованных грамот Горбунов, Дювернуа и Горчаков исходили из общих посылок. Все они видели причину выдачи грамот в личной воле или милости князей и царей. Горбунов объяснял ее наиболее примитивно — примером греков и татар. Тоньше других решал проблему происхождения жалованных грамот В. А. Милютин (1826—1855), учитывавший, хотя и не вполне последовательно, корпоративную обособленность средневековых форм жизни, существовавшую независимо от верховной власти, но этот тезис он не распространял на духовные учреждения.

Мнение о жалованных грамотах как актах, выданных исключительно по «милости» созвучно, утвердилось в конце 50-х — в 60-х годах XIX в. не без влияния общего настроения буржуазной историографии, переоценивавшей реформаторские возможности и всемогущество верховной власти.

В 80-х годах в связи с усилением «экономического» направления в русской историографии происхождение жалованных грамот стали объяснять челобитьями заинтересованных лиц²⁷. Эта теория, отрицая случайность выдачи грамот, была тем не

²³ В. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. — «Чтения ОИДР», 1859, кн. IV; 1860, кн. III; 1861, кн. I—II; см. также отдельное издание — М., 1862.

²⁴ А. Н. Горбунов. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII—XIV и XV веках. — «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. I, СПб., 1860; продолжение см. в кн. V, СПб., 1863 и кн. VI, М., 1869.

²⁵ Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 261—265, 350 и др.

²⁶ М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871.

²⁷ Н. Ланге. Древние русские смесные или вобщие суды. М., 1882, стр. 21 и др.; В. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, стр. 597—598.

менее тоже глубоко идеалистической, так как она игнорировала классовую сущность иммунитетных грамот и политические мотивы их пожалования.

Новую эпоху в изучении грамот составили труды Н. П. Павлова-Сильванского (1869—1908) на рубеже XIX и XX вв.²⁸ Вслед за К. А. Невוליным (1851) и В. А. Милютиным, Павлов-Сильванский считал, что жалованные грамоты оформляли в основном уже сложившиеся политические отношения. Русские жалованные грамоты XV в. Павлов-Сильванский сравнивал с западными иммунитетными дипломами периода раннего средневековья (VII—IX вв.). Этим ему в значительной мере удалось подтвердить мысль об однотипности содержания русских и западных иммунитетов. Однако и Павлов-Сильванский не смог выйти за рамки абстрактно-юридического изучения жалованных грамот, он не связывал их выдачу с определенными политическими мероприятиями княжеских правительств. Происхождение жалованных грамот духовным корпорациям он объяснял, как и все, милостью князей.

Старую точку зрения (80-х годов) на происхождение жалованных грамот отстаивал В. И. Сергеевич²⁹.

Кроме жалованных грамот, буржуазная дипломатика занималась актами, оформлявшими ход древнерусских судебных процессов (правые грамоты, судные списки и др.). Начало их изучения совпало по времени с резким обострением антифеодальной борьбы крестьянства за землю в 40—50-х годах XIX в., перекликавшейся с тем, что описывалось в судебных актах XV—XVII вв. Этот первый период историографии судебных актов характеризуется главным образом описанием и классификацией опубликованных источников (работы А. Федотова-Чеховского³⁰ и И. Д. Беляева³¹).

Интерес к судебным актам, заглохший было после реформы, возродился в конце 90-х годов XIX в. П. И. Беляев подчеркнул ограниченность судебных актов как исторического источника.

²⁸ Н. Павлов-Сильванский. Иммунитеты удельной Руси в сравнении с западными.— ЖМНП, 1900, декабрь, стр. 318—365; его же. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 281 и сл.

²⁹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. III, СПб., 1903, стр. 291, 292, 297; ср. его же. Русские юридические древности, т. I. СПб., 1890, стр. 228—233.

³⁰ А. Федотов-Чеховский. Речь о форме и содержании правых грамот, читанная в торжественном собрании университета св. Владимира 10 октября 1848 года. Киев, 1849.

³¹ И. Беляев. Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные в Московском государстве.— «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. II, первая половина, отд. III, М., 1855, стр. 115—128.

отражающего лишь тяжбы с привилегированными землевладельцами³².

Наряду с изучением жалованных грамот и судебных актов шла разработка разного рода уставных грамот. Они были одним из популярнейших источников в либеральной историографии, которую чрезвычайно подкупало наличие в них «земского начала».

Губные грамоты, как и судебные акты, впервые обратили на себя особенное внимание в период подъема классовой борьбы крестьянства в 40—50-х годах XIX в., накануне отмены крепостного права. Исследование их в это время производилось в плане составления сводных текстов (книги В. Ерлыкова³³ и Ф. Высоцкого³⁴). Идея сводного текста, широко проникшая в разные разделы источниковедения, в дипломатике уставных грамот получила наиболее яркое выражение и развитие.

В конце 60-х — в 70-е годы наступил второй этап изучения уставных грамот. На этот раз подверглись анализу наместничьи уставные грамоты. Буржуазно-либеральная историография видела в уставных грамотах попытку сгладить опасную противоположность интересов «между элементами управляемым и управляющим»³⁵, т. е. классовые противоречия (Н. Дювернуа и А. Градовский в 1869—1870 гг., Н. Загоскин в 1875 г.). Не случайно уставные грамоты были подняты на щит либеральной историографией именно в 60—70-х годах, когда реформы земского и городского самоуправления рекламировались как средство улучшения жизни всего народа. Загоскин посвятил специальное исследование Двинской и Белозерской уставным грамотам, а также уставным грамотам, которые были получены в XVI в. отдельными группами государственных крестьян, рыболовов, бобровников и т. п.³⁶ В уставных грамотах автор находил прежде всего «значение земское», придававшее им характер «святыни». Работа состояла из двух частей. В первой давалось описание каждой грамоты с указанием политических мотивов выдачи Двинской и Белозерской грамот. Во второй части Загоскин выводил «сводный текст» уставных грамот, где постановления всех грамот были систематизированы по разделам. Такая схема помогала четче представить себе характер юридических норм, за-

³² П. И. Беляев. Специальное назначение судей и судебная грамота в древнем русском процессе (сравнительный очерк). — «Сборник правведения и общественных знаний», т. VIII, М., 1898, стр. 1—16.

³³ В. Ерлыков. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1846.

³⁴ Ф. Высоцкий. Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860.

³⁵ Н. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. I. Казань, 1875, стр. 54.

³⁶ Н. Загоскин. Уставные грамоты., вып. I—II, Казань, 1875—1876.

ключенных в грамотах, однако в ней вполне конкретные и разновременные акты заменялись голой абстракцией, фикцией никогда не существовавшего документа. В 1889 г. книгу о литовских уставных грамотах выпустил М. Н. Ясинский, составивший также их «сводный текст»³⁷.

В середине 90- годов XIX в., в связи с возрождением проблемы буржуазного самоуправления после реакционных контрреформ Александра III, в либерально-буржуазной историографии вновь появляются исследования, посвященные уставным грамотам. С. А. Шумаков избрал темой своей монографии губные и земские грамоты³⁸, сам факт возникновения которых он рассматривал как результат восстановления в XVI в. древнерусских народных начал. Автор много сделал в части классификации и юридического анализа правовых норм, содержащихся в губных и земских грамотах, однако он игнорировал классовые цели их составления. Подобно Загоскину, Шумаков идеализировал уставные грамоты, видя в них основу для улучшения народной жизни. Под влиянием духа времени автор критиковал земские учреждения с чисто буржуазной точки зрения, порицая их «невсесловность». Как и Загоскин, Шумаков дал «сводный текст» изученных им материалов.

Опыт сравнительного исследования губных, земских, судебных и жалованных грамот произвел П. И. Беляев³⁹.

Частным актам буржуазное источниковедение второй половины XIX в. посвятило меньше работ, чем публичным.

Буржуазных ученых интересовали частные акты, отражавшие товарно-денежные отношения, в том числе заклад имущества, и наследственное право, — купчие, закладные, духовные. Эти грамоты очень живо перекликались с актовой документацией XIX в. Их изучение позволяло буржуазным источниковедам и юристам проводить единую линию от древнейших товарно-денежных и наследственных отношений до современных, игнорируя основные специфические особенности феодальной и буржуазной формаций. Такая многочисленная группа древнерусских частных актов, как данные грамоты, специальному источниковедческому анализу почти совершенно не подвергалась.

Периодом подъема в области дипломатики частных актов были 50-е годы XIX в., в основном их вторая половина, прошедшая под знаком подготовки крестьянской реформы. В работах середины 50-х годов рассматривались акты, отражающие куплю-

³⁷ М. Ясинский. Уставные грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

³⁸ С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895; е го ж е. Новые губные и земские грамоты.— ЖМНП, 1909, октябрь, стр. 329—416.

³⁹ П. И. Беляев. Источники древнерусских законодательных памятников.— «Журнал Министерства юстиции», 1899, ноябрь и декабрь.

продажу и заклад имущества (главным образом земли)⁴⁰. В конце 50-х годов предметом изучения, наряду с актами отчуждения и приобретения имущества⁴¹, стали акты крестьянской и холопской зависимости⁴². Это показывает резкое возрастание интереса к крестьянскому вопросу в буржуазной дипломатике накануне реформы.

Некоторые исследователи-юристы использовали акты в чисто иллюстративных целях. Так, в работах Д. Мейера (1819—1856) и П. Полежаева, написанных по законодательным и указным источникам, содержатся лишь случайные ссылки на акты (закладные грамоты у Мейера, духовные у Полежаева). Метод систематического разбора частных актов не получил в этот период заметного распространения. Исключение составляет статья К. Киндякова о купчих с середины XIV в. до 1631 г., основанная на изучении автором опубликованных источников. В статье имелся ряд полезных наблюдений над развитием формы купчих. Однако развитие их содержания не получило освещения у Киндякова.

В монографии И. Е. Энгельмана «О приобретении права собственности на землю» описывался порядок оформления разного рода земельных грамот.

Помеически-иллюстративно использовались частные акты Н. В. Калачовым в предисловии к его публикации порядных. Издавая четыре неопубликованных порядных конца XVII в. и 1700 г., Калачов стремился доказать, что и в старину, во-первых, были примеры поступлений в крестьяне и дворовые на срок, а не навечно, как принято думать, и во-вторых, что в России существовал наем в крестьянские работы, кроме отдельных лиц и семейств, также артелей. По замечанию Калачова, «эти акты заслуживают особенного внимания... при предстоящих переменах в отношении помещиков к крестьянам и дворовым»⁴³.

С несколько иных позиций была написана в это же время статья И. Д. Беляева, в которой анализировались источники,

⁴⁰ К. Киндяков. Опыт ученой разработки купчих грамот, помещенных в Актах юридических.— «Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером», Казань, 1855, стр. 409—449; Д. Мейер. Древнее русское право залога.— «Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером», Казань, 1855, стр. 219—278.

⁴¹ П. Полежаев. О завещаниях.— «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», СПб., 1859, кн. I, стр. 21—104; И. Энгельман. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., 1859.

⁴² Н. Калачов. Договоры вольных людей XVII и начала XVIII века о поступлении в крестьяне и дворовые на срочное время.— «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», СПб., 1859, кн. I, стр. 83—84; И. Беляев. Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние.— «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», кн. II, СПб., 1859, стр. 72—112.

⁴³ Н. Калачов. Договоры вольных людей..., стр. 83—84.

фиксирующие крепостную зависимость. Из актовых материалов Беляев разобрал порядные, кабальные, жилые записи, поступные и данные на людей. Статья Беляева очень ценна своей четкой классификацией крепостных актов. Указывая на наличие трех главных категорий «полусвободных» людей в древней Руси, Беляев к каждой из них относил определенную группу актов. Основные положения статьи Беляева шли вразрез с попыткой Калачова доказать распространенность актов вольного найма во второй половине XVII в. Впрочем, оба автора сходились на том, что когда-то такие акты существовали.

Если курс Ключевского 1888—1894 гг. подводил известный итог развитию общего источниковедения в 50—70-х годах XIX в., то статья Д. М. Мейчика 1883 г.⁴⁴ представляла аналогичную попытку в области дипломатики, причем автор не оперировал самим термином «дипломатика». К 80-м годам закончился период наиболее интенсивного развития юридической школы в источниковедении и дипломатике, вот почему именно в это время были сделаны попытки обобщения опыта старого источниковедения 50—70-х годов.

В статье Мейчика давалась характеристика основных разновидностей грамот XIV—XV вв. Наибольшее внимание автор уделил купчим и жалованным грамотам. Тематика и хронологические рамки статьи Мейчика очень показательны для дипломатики 50—70-х годов, изучавшей главным образом земельные акты и слабо затрагивавшей акты крестьянской и холопской зависимости XVI—XVII вв. В теоретическом и методологическом отношении статья Мейчика также теснейшим образом связана с работами представителей юридической школы тех лет. Во главу угла автор ставил «роды и виды актов, т. е. юридическую форму»⁴⁵. Классификация грамот была произведена Мейчиком в плане деления их на исходящие от правительственной власти и исходящие от частных лиц.

Таким образом, развитие русской дипломатики во второй половине XIX в. охватило в основном изучение источников X—XVII вв. Актовые материалы XVIII—XIX вв. специально источниковедческому анализу не подвергались. Акты исследовались в соответствии с принципами юридической школы (большое распространение получил метод «сводных текстов»), хотя в 80—90-х годах в дипломатику стали шире проникать новые приемы анализа актов с использованием филологической критики, привлечением более значительного круга источников для сравнения с ним содержания актов и т. п.

⁴⁴ Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.

⁴⁵ Там же, стр. VI.

III ХРОНОЛОГИЯ

Во второй половине XIX в. было издано значительное количество исследований и пособий по древнерусской хронологии. Методы разработки хронологии обуславливались общей методикой буржуазного источниковедения в разные периоды его развития. Исследователи еще не ставили своей задачей изучение особенностей счета времени в разные эпохи русской истории, а лишь выясняли некоторые общие вопросы хронологии, прежде всего соотношение чисел и дней недели. Работы Д. М. Перевощикова⁴⁶ (1788—1880) и Н. И. Черухина⁴⁷ содержали описание способов определения дня недели для каждого числа того или иного года и пасхи. Конкретному, сравнительно узкому периоду была посвящена книга А. Энгельмана, сочетавшего анализ ливонской хронологии с источниковедческим разбором и датировкой памятников русско-ливонских отношений XIII—XIV вв.⁴⁸

Монография Д. И. Прозоровского (1820—1894)⁴⁹ была посвящена древнерусскому часовому счету. Прозоровский построил свою работу в плане помесячного выяснения часового счета — он приводил для каждого месяца свидетельства всех известных ему источников, в том числе и хронологически далеких друг от друга, что не вполне отвечало задаче выяснения исторического развития астрономических представлений в древней Руси. В книге Прозоровского ценны замечания, касающиеся отличий московского счета часов XV в. от московского же часового счета XVI—XVII вв., московского и новгородского счета и др. Автор привлек к исследованию многочисленные источники (месяцесловы, летописи, мемуары XVIII в., записки иностранцев и др.). В конце монографии приводились таблицы, позволяющие сравнить древние системы счета часов с часовым счетом второй половины XIX в.

Русская хронология во второй половине XIX в. добилась известных успехов введением в хронологические исследования данных большого количества источников. Недостатком ее было отсутствие обобщающих учебных курсов⁵⁰.

⁴⁶ Д. Перевощиков. Правила времячисления, принятого православною церковью. М., 1850.

⁴⁷ Н. И. Черухин. Календарь для хронологических справок.— «Русская старина», 1873, июль, стр. 118—122.

⁴⁸ А. Энгельман. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858.

⁴⁹ Д. Прозоровский. О старинном русском счислении часов.— «Труды второго археологического съезда в Санкт-Петербурге», вып. 2, СПб., 1881, отд. IV, стр. 105—194.

⁵⁰ Л. В. Черепанин. Русская хронология. М., 1944, стр. 92—94.

Нумизматическое собирательство и первые зачатки научного исследования монет в России появляются впервые еще на рубеже XVII—XVIII вв. В XVIII в. сложились первые русские нумизматические коллекции и началась разработка нумизматической систематики. Но только в XIX в. и особенно во второй его половине нумизматические памятники входят в круг исторических первоисточников и начинают более или менее планомерно привлекаться для изучения исторических проблем⁵¹.

Основные нумизматические богатства сосредоточиваются в Академии наук с ее монетным собранием, существующим со времен Петра I, в Эрмитаже, нумизматический кабинет которого возник в 1775 г. (в 1894 г. оба эти собрания слились на основе эрмитажной коллекции), в Российском Историческом музее, основанном в 1885 г. и объединившем монетные коллекции А. Д. Черткова и Московского университета, в Румянцевском музее. Значительные собрания монет складываются в Казани, Харькове, Киеве. Большую роль в пополнении нумизматических фондов сыграла деятельность Археологической комиссии, в которую стекались монетные клады со всех концов России и откуда они затем направлялись в музеи.

В то же время государственные собрания питались и частными коллекциями, многие из которых (например, собрания А. Д. Черткова, И. И. Толстого, А. С. Строганова, вел. князей Александра и Георгия Михайловичей и др.) имели существенную научную ценность.

Одним из наиболее важных для науки частных собраний была сложившаяся с конца XIX в. московская коллекция П. В. Зубова, которая по подбору русских и восточных монет в ряде разделов превосходила крупнейшие мировые собрания. Зубов придавал большое значение не только подбору типов и вариантов монет, но и массовости однотипных монет, необходимой для метрологического изучения памятников денежного обращения. Коллекция была завещана Зубовым Историческому музею и до сих пор составляет основу его фонда восточных монет.

Серьезнейшим недостатком собирательства XIX — начала XX в. было пренебрежение комплексами монет — кладами. В силу этого нумизматические сокровища кладов разрознились без достаточно точной фиксации, часть их монет вкладывалась

⁵¹ И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики.— «Нумизматический сборник», ч. 1. М., 1955, стр. 34—108.

в систематические собрания, а дублетный материал отправлялся на переплав⁵².

Большую роль в активизации работы русских нумизматов сыграли специальные организации и объединения исследователей. Еще в 1846 г. возникло Петербургское археологическо-нумизматическое общество, переименованное затем в Археологическое общество (в дальнейшем нумизматы были объединены в Нумизматическом отделении этого общества). В 1885 г. возник Московский кружок нумизматов, который в 1888 г. превратился в Московское нумизматическое общество, объединявшееся вокруг А. В. Орешникова (1855—1933).

Оба эти объединения добились наиболее значительных научных результатов в 90-х годах и начале XX в., когда были созданы специальные серии нумизматических трудов в виде «Записок Нумизматического отделения русского археологического общества»⁵³, «Трудов Московского нумизматического общества»⁵⁴ и «Нумизматических сборников»⁵⁵, издаваемых Московским нумизматическим обществом.

Деятельность обоих обществ по существу прекратилась с началом первой мировой войны. Нумизматические работы публиковались также в виде многочисленных монографий, а также в серийных археологических изданиях и в известиях губернских архивных комиссий.

Нумизматика во второй половине XIX в. впервые сделалась в России предметом преподавания. Первая нумизматическая кафедра была основана в 1878 г. в Петербургском Археологическом институте, где нумизматические курсы с 1886 г. читал

⁵² С самого конца XIX в., значительно позже, чем на Западе, в России развивается нумизматическая коммерция, основываются антикварные магазины по торговле монетами и медалями, организуются аукционы, большими тиражами издаются каталоги монет для собирателей. Появляются серийные и периодические издания низкого пошиба, вроде журнала «Старая монета», издаваемого антикварной фирмой Копылова. В организации аукционов принимают деятельное участие «Императорское общество поощрения художеств» и образованное в 1914 г. «Российское общество нумизматов». Эта деятельность ничего общего не имела с наукой и встретила отпор со стороны ведущих русских нумизматов. А. В. Орешников и С. И. Чижов. О нумизматических каталогах гг. Петрова и Любомудрова (Библиографическая заметка).— «Труды Московского нумизматического общества», т. III, вып. 2, М., 1905, стр. 376—381; А. В. Орешников. Российское общество нумизматов. (Библиографическая заметка).— «Нумизматический сборник», т. III, М., 1915, стр. 284—287.

⁵³ «Записки Нумизматического отделения русского археологического общества», т. I—II. СПб., 1906—1913.

⁵⁴ «Труды Московского нумизматического общества», т. I—III, М., 1898—1905.

⁵⁵ «Нумизматический сборник», т. I—III, 1911—1915.

А. К. Марков (1858—1920) ⁵⁶. В Московском Археологическом институте нумизматику читал В. К. Трутовский (1862—1932) ⁵⁷.

* * *

История монеты и денег на Руси разделяется на ряд периодов, отличающихся значительным своеобразием и требующих для их изучения вполне определенной специализации исследователей. Лишенная собственных ресурсов серебра Восточная Европа на протяжении длительного времени пользовалась в своем обращении иноземными монетами, римскими — в первых веках н. э., сасанидскими и куфическими — в IX—X вв., западноевропейскими — в XI в. Своеобразен период XII — первой половины XIV в., когда монета на Руси не обращалась, а ее функции выполнялись товаро-деньгами и слитками. На части русских территорий в XIV в. имели хождение монеты Золотой орды, чешские и литовские. Наконец, и история чеканки собственно русской монеты, обнимающая период протяжением в несколько столетий, объединяет в себе ряд различных этапов. История изучения русских денег своими успехами в большой степени обязана успехам смежных областей нумизматики — античной, восточной и западноевропейской, которые в свою очередь во многом обусловлены интересом исследователей к русским древностям.

Менее всего в приложении к проблемам истории русских денег в рассматриваемый период изучались монеты древнего Рима, значение которых как памятников истории Восточной Европы, а не только чисто античных памятников осознавалось лишь немногими исследователями. В конце XIX в. трудами В. Б. Антоновича (1834—1908), В. Е. Данилевича (1872—1936), Д. Я. Самоквасова (1843—1911) и др. впервые были составлены частичные сводки находок римских монет в Восточной Европе и поставлена проблема исследования этих монет ⁵⁸.

⁵⁶ А. К. Марков. Древняя нумизматика, ч. I—II. СПб., 1901—1903; его же. Русская нумизматика. СПб., 1905; изд. 2— Пг., 1915.

⁵⁷ В. К. Трутовский. Нумизматика, вып. 1. Введение в общую нумизматику. М., 1908; изд. 2, М., 1909.

⁵⁸ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. (Приложение к т. XV. «Древности»), М., 1895; его же. Археологическая карта Волынской губернии.— «Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899», т. I, М., 1901, стр. 1—133; В. Е. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие мионц-кабинету Университета св. Владимира, вып. I—II, Киев, 1892—1893; его же. Карта монетных кладов и находок единственных монет Харьковской губернии.— «Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г.», т. I, М., 1905, стр. 374—410; его же. Монетные клады Екатеринославской губ. Екатеринославль, 1905; Д. Я. Самоквасов. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов. [М., 1897], и другие работы.

И, напротив, высоко оценивалось значение для русской истории сасанидских и куфических монет. Еще трудами Х. Д. Френа (1782—1851) в первой половине XIX в. была составлена первая топография находок восточных монет VIII—XI вв. в Европе, а основной труд крупнейшего русского нумизмата-ориенталиста П. С. Савельева (1814—1859), опубликованный в 1847 г., носит характерное название «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории». Накопление сведений о находках восточных монет продолжалось на протяжении всего рассматриваемого периода, и они стали предметом специального издания, осуществленного А. К. Марковым в 1910 г.⁵⁹ О ряде восточных кладов были изданы работы В. В. Григорьева (1816—1881), А. И. Черепнина (1841—1905) и других исследователей⁶⁰.

Топография кладов западноевропейских монет X—XV вв. была составлена Б. В. Кёне (1817—1886) в 1852 г.⁶¹, однако в последующее время денарии почти не привлекали внимания русских исследователей.

Обширную литературу породили древнейшие монеты собственно русской чеканки, несущие на себе имена Владимира, Святополка и Ярослава-Георгия. Известные в первой половине XIX в. в уникальных экземплярах, эти монеты первоначально признавались медалями, печатями или же памятниками нумизматики южных славян, однако находка двух больших кладов таких монет в Нежине и Киеве способствовала правильному их истолкованию. Основной проблемой изучения древнейших русских монет в XIX — начале XX в. была проблема их хронологического определения. В 1853 г. первую систему их классификации, основанную в значительной степени на произвольном чтении надписей, предложил Я. Я. Волошинский⁶². С рядом работ об этих монетах выступил А. А. Куник (1814—1899)⁶³. В 1882 г. И. И. Толстым (1858—1916) был издан обширный свод древнейших русских монет, до сих пор остающийся единственным изданием такого рода⁶⁴. И. И. Толстой тщательно исследовал эти

⁵⁹ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

⁶⁰ В. В. Григорьев. Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 году. СПб., 1841; А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892 и ряд других работ.

⁶¹ Б. В. Кёне. Описание европейских монет X, XI и XII веков, найденных в России. СПб., 1852.

⁶² Я. Я. Волошинский. Описание древних русских монет, ... из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г., Киев, 1853.

⁶³ А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича, с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860 и другие работы.

⁶⁴ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

монеты и предложил датировать их временем Владимира I, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого. В 1888 г. с возражениями И. И. Толстому и собственной системой классификации выступил Н. П. Чернев (1858—1899)⁶⁵. В 1894 г. А. В. Орешниковым впервые были правильно истолкованы знаки, помещенные на монетах и оказавшиеся геральдическими княжескими знаками⁶⁶. В рассматриваемый период проблема датировки серебряников оставалась спорной, но сама острота дискуссии выдвинула целый ряд важнейших вопросов работы с кладами и монетами.

Древнерусские слитки изучались мало; их привлекали к своим исследованиям метрологи, но в недостаточной степени. Слиткам был посвящен ряд путаных статей К. В. Болсуновского. Единственная значительная работа о русских слитках была опубликована в 1901 г. А. И. Черепниным⁶⁷, пришедшим к выводу, что исследование «гривенной системы» древней Руси возможно только при условии полного изучения иноземных монет, сосуществовавших со слитками в начальный период их бытования. Небольшие статьи о слитках были написаны также А. В. Орешниковым и Н. И. Булычовым⁶⁸.

Совершенно не изучались во второй половине XIX в. в качестве памятников денежного обращения окраин Руси золотоордынские монеты и пражские гроши.

Исследование древнейшего периода истории русских денег значительно осложнялось дискуссионной проблемой древнерусских « меховых денег ». Несомненное существование на Руси длительного безмонетного периода вызывало к жизни ряд противоречивых представлений о способах и материале денежного обращения в этот период. Указания письменных источников об обращении в это время товаро-денег, в том числе пушнины, некоторыми исследователями (М. П. Заблоцкий, В. Н. Лешков, Н. И. Ланге и др.) признавались действительными и для более

⁶⁵ Н. П. Чернев. Заметки о древнейших русских монетах.— «Вестник археологии и истории», вып. VII. СПб., 1888, стр. 86—197; возражения Н. П. Черневу см. И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI веков.— «Записки русского археологического общества», т. VI, новая серия, вып. 3 и 4, СПб., 1893, стр. 310—368.

⁶⁶ А. В. Орешников. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах.— «Археологические известия и заметки», М., 1894, № 10, стр. 301—311.

⁶⁷ См. А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам.— «Труды Московского нумизматического общества», т. II, вып. 2, М., 1900, стр. 98—215.

⁶⁸ А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Российского Исторического музея.— «Труды Московского нумизматического общества», т. II, вып. II, М., 1900, стр. 216—222; Н. И. Булычов. Заметка о клейменных слитках.— «Известия Археологической комиссии», вып. 18, СПб., 1906, стр. 138—159.

раннего времени, вопреки показаниям многочисленных кладов иноземных монет, которые в силу этого представлялись сомнительными и не имеющими отношения к истории внутренней русской торговли. Другими же исследователями (П. С. Казанский, А. А. Куник, Д. И. Прозоровский, И. Е. Забелин, А. И. Черепнин и др.) подвергались сомнению показания письменных источников об обращении в XII—XIV вв. товаро-денег и предпринимались попытки заполнить безмонетный период ссылками на не дошедший материал или же расширением дат фактического монетного материала. Эта тенденция сказалась и в работах Н. П. Чернева, предлагавшего растянуть датировку древнейших монет на период до XIII в., и в работах ряда исследователей русских монет удельного периода. Показательны в этом отношении работы Д. П. Сонцова (1803—1875), опубликовавшего в виде образцов чеканки Ивана Калиты или Дмитрия Грозные Очи ряд фальшивых или произвольно датированных монет⁶⁹.

На протяжении всего XIX в. наблюдается засорение коллекций и изданий произведениями антикваров-фальшивомонетчиков, некритично используемыми исследователями. По существу, несмотря на значительное приращение коллекций русских монет XIV—XV вв., их издания оказываются иногда на более низком уровне, нежели первые систематические публикации, выпущенные А. Д. Чертковым и С. И. Шодуаром в 30—40-х годах XIX в. Однако во второй половине XIX в. публикуется и ряд прекрасных изданий, к числу которых следует отнести работу И. И. Толстого о монетах Великого Новгорода и Пскова, вышедшую в 1884—1886 гг.⁷⁰

* *
*

Для русских нумизматов-античников всегда был характерен преимущественный интерес к монетам античного Причерноморья. Период второй половины XIX в. является временем, когда материалы этого раздела нумизматики были приведены в относительный порядок. Первые труды в этой области относятся к началу XIX в., но первые попытки воссоздать по возможности полную картину монетной чеканки в Причерноморье появились в середине столетия. Наиболее значительным из таких изданий является двухтомное описание музея Кочубея, составленное

⁶⁹ Д. П. Сонцов. Деньги и пулы древней Руси, великокняжеские и удельные. М., 1860; прибавление. М., 1862; его же. Нумизматические исследования славянских монет, вып. I—II. М., 1865—1867; его же. Дополнения к нумизматическим исследованиям, I—II. М., 1872—1873.

⁷⁰ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика, вып. I. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884; вып. II. Монеты псковские, СПб., 1886.

Б. В. Кёне в 1857 г. и снабженное обширными исследованиями по нумизматике Причерноморья, часто лишенными должной системы и не свободными от противоречий⁷¹. Те же недостатки свойственны и исследованиям Г. И. Спасского (1783—1864)⁷².

В 1884 г. в Одессе был выпущен «Общий каталог» античных монет Причерноморья — результат многолетней кропотливой работы, осуществленной П. О. Бурачковым (1815—1894)⁷³. Труд Бурачкова наиболее ценен своим атласом, в котором сведены вместе все известные к тому времени факты древней нумизматики Причерноморья. В этом труде, наряду с обильным подлинным материалом, нередко изображены поддельные монеты или монеты, переданные неверно, однако он до сих пор остается единственным сводом монет черноморских городов и колоний.

Значительный шаг вперед был сделан А. В. Орешниковым, который так же, как в своих трудах по русской нумизматике⁷⁴, применил к античным монетам метод всестороннего изучения путем привлечения всех возможных письменных и археологических источников. Сочетая показания монет с данными эпиграфики, языкознания, политической истории и т. д., Орешников сделал множество открытий, которые по существу выходят далеко за пределы нумизматики⁷⁵. Им была разработана строго научная классификация черноморских монет по периплу Понта Эвксинского, произведена историческая классификация монет Херсонеса, намечены основы классификации античных монет Ольвии. Много нового открыл он во всех отделах нумизматики древнего Причерноморья и в области скифской нумизматики. После работ Орешникова исследование истории причерноморских городов стало невозможным без привлечения нумизматических памятников.

⁷¹ Б. Кёне. Описание музея кн. В. В. Кочубея., т. I—II. СПб., 1857.

⁷² Г. Спасский. Боспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846; его же. Археолого-нумизматический сборник. М., 1850.

⁷³ П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России, ч. I. Одесса, 1884.

⁷⁴ Они будут рассматриваться в III томе настоящих «Очерков».

⁷⁵ А. В. Орешников. Монеты Веспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России. М., 1887; его же. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М., 1891; его же. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.— «Нумизматический сборник», т. II, М., 1913, стр. 1—48; его же. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья.— «Нумизматический сборник», т. III, М., 1915, стр. 1—52 и целый ряд других работ.

Восточная нумизматика, основы которой были заложены Х. Д. Френом, сделала крупные успехи, благодаря которым Россия стала основным центром изучения восточных монет. В первой половине XIX в. протекала плодотворная деятельность самого Френа и его ученика П. С. Савельева, для которых в одинаковой степени характерна широта нумизматических интересов и многогранность выдвинутых ими проблем. Практически не существует ни одного раздела восточной нумизматики, в который Френом и Савельевым не был бы внесен значительный вклад.

Ко второй половине XIX в. относится деятельность ориенталистов-нумизматов Б. А. Дорна (1805—1881), В. В. Григорьева (1816—1881), В. Г. Тизенгаузена (1825—1902). Григорьев оставил сравнительно немного нумизматических работ, посвященных изданиям отдельных кладов, как куфических, так и золотоордынских⁷⁶. Работы Тизенгаузена отличаются большой фундаментальностью, особенно «О саманидских монетах» и «Монеты Восточного Халифата»⁷⁷. Обе работы представляют собой систематические своды куфических монет, до сих пор остающиеся незаменимыми руководствами по халифской и саманидской нумизматике.

Крупнейшим исследователем восточных монет в конце XIX—начале XX в. был хранитель Нумизматического отдела Эрмитажа А. К. Марков, работавший над проблемами топографии восточных монет, над аршакидскими, сасанидскими и куфическими монетами, которым посвящены специальные его исследования. Будучи крупнейшим нумизматом-практиком, Марков проделал колоссальную работу по определению, классификации и описанию эрмитажного собрания восточных монет, отразившуюся в опубликованном им «Инвентарном каталоге мусульманских монет Эрмитажа»⁷⁸. Классификационные идеи Маркова сами по себе являются результатом значительного научного труда и основой позднейших классификаций восточных монет.

Что касается джучидской нумизматики, то после выхода в свет обобщающего труда П. С. Савельева⁷⁹ и упомянутых работ В. В. Григорьева она разрабатывалась мало и представлена не-

⁷⁶ В. В. Григорьев. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая.— «Записки СПб. арх.-нум. о-ва», т. II, СПб., 1850; его же. Монеты джучидов, генуэзцев и гиреев...— «Записки Одесского общества истории и древностей». Одесса, 1844, стр. 301—314.

⁷⁷ В. Тизенгаузен. О саманидских монетах. СПб., 1853; его же. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

⁷⁸ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.

⁷⁹ П. С. Савельев. Монеты джучидов, джагатаидов, джеларидов и другие, обращавшиеся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша, СПб., 1858.

многими мелкими статьями В. К. Трутовского, Н. И. Веселовского, А. Ф. Лихачева и А. А. Кроткова. Джелаиридским монетам посвящено большое исследование А. К. Маркова⁸⁰.

Для всех исследователей восточной нумизматики характерен общий подход к монете как к памятнику в первую очередь политической истории, для некоторых разделов которой монеты оказались основным источником. Характерно полное пренебрежение вопросами метрологии и денежного обращения. Некоторое внимание этим вопросам уделял А. Ф. Лихачев (1832—1890), а специальные метрологические труды по монетам средневекового Крыма были написаны А. Л. Бертье-Делагардом⁸¹. Однако первым исследователем, правильно осознавшим необходимость полного и всестороннего изучения восточных монет, был Р. Р. Фасмер, начавший свою научную деятельность в годы, предшествовавшие Октябрьской революции.

* * *

Интерес к монетам Западной Европы всегда определялся в России тем значением, которое они имели в русском денежном обращении. Поэтому собственно нумизматического изучения западных монет в русских работах почти не было. В 1852 г. Б. В. Кёне была составлена топографическая сводка денариев X—XI вв., найденных в России. А. К. Марков посвятил отдельные работыкладам ранних западных монет. Позднейшие западные талеры XVI—XVIII вв. изучались Ф. Ф. Гейтцем, но исключительно с точки зрения их судеб в России, и С. В. Прохоровым.

В трудах Э. Гуттен-Чапского и В. А. Уляницкого нашла глубокую разработку польская нумизматика. Гуттен-Чапским был издан подробный четырехтомный каталог польских монет и медалей. К изучению древней литовской нумизматики обращался А. А. Киркор.

* * *

Медали наряду с монетами были объектом коллекционирования, которое в России приобрело научный характер в первой половине XIX в. Цели изучения медалей на протяжении всего XIX в. сводились к их классификации, в основу которой ложились или даты событий, увековеченных медалями, или же алфавитный порядок этих событий и лиц. Во второй половине XIX в. крупнейшим исследователем медалей был Ю. Б. Иверсен (1823—1900), издавший несколько сводов памятников, в кото-

⁸⁰ А. К. Марков. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897.

⁸¹ А. Л. Бертье-Делагард. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве. Симферополь, 1914.

рых изображения и описания медалей снабжены историческими и биографическими комментариями. Основными его трудами являются «Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц» и «Медали на деяния Петра Великого». Большое значение для изучения истории русского искусства имеет составленный им «Словарь медальеров»⁸².

Сводом несколько иного характера является опубликованное в 1908 г. В. П. Смирновым «Описание русских медалей»⁸³, издание которого было осуществлено Петербургским монетным двором. Оживляется интерес к русским медалям в 1912 г. в связи со столетней годовщиной Отечественной войны. В это время выходит в свет целый ряд изданий, главным образом дилетантских.

Наряду с русскими медалями в России публиковались и изучались также медали Польши и Финляндии (Э. Гуттен-Чапский, А. Левенстим).

Всем работам, посвященным русским медалям, свойствен неверный подход к ним, характеризующийся пониманием медали лишь как иллюстрации тех или иных событий. Самостоятельная ценность медалей, являющихся памятниками истории и произведениями искусства, не принималась в расчет. Поэтому в дореволюционное время и не сложилась как самостоятельная дисциплина история медальерного искусства. Медали, правда, использовались в качестве источников для исследования иконографии отдельных лиц, но и в этом случае в первую очередь изучалась их прикладная сторона.

V

МЕТРОЛОГИЯ

Русская метрология является одной из наименее изученных областей исторического знания. Наибольшее внимание в XIX и начале XX в. русские историки уделяли вопросу об истории веса, поставленному развитием нумизматики.

Исследованиям Д. И. Прозоровского и И. И. Кауфмана⁸⁴ присуще правильное представление об исторической взаимосвязи русских весовых систем, о преемственности весовых систем и единиц. Поэтому в своих исследованиях они отталкивались от позднейшего более достоверного материала, решая некоторые

⁸² Ю. Б. Иверсен. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, т. I—III. СПб., 1877—1896; его же. Медали на деяния имп. Петра Великого., СПб., 1872; его же. «Словарь медальеров», СПб., 1874.

⁸³ В. П. Смирнов. Описание русских медалей. СПб., 1908.

⁸⁴ Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII века. СПб., 1865; И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб., 1906; его же. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910.

проблемы метрологии древних периодов ретроспективно, но часто злоупотребляли этим приемом. Ни в той, ни в другой работе предмет не рассмотрен со всех точек зрения, не использованы большие группы источников нумизматических, археологических и письменных. Работа Д. И. Прозоровского давно уже утратила свою научную ценность, что же касается общей концепции происхождения и развития веса, предложенной И. И. Кауфманом, то и она нуждается в пересмотре.

В основе представлений дореволюционных исследователей весовой метрологии лежало убеждение в большой примитивности быта восточных славян вплоть до X—XI вв., когда они столкнулись с Востоком, Византией и норманнами. В соответствии с этим древнейшие русские единицы веса признавались заимствованными или у арабов, или у греков, или же у скандинавов. Вопрос об общеславянской гривне, существовавшей задолго до X в., игнорировался, так же как и вообще проблема раннего развития единиц и систем веса у славян. Не менее характерна другая ошибочная тенденция метрологов того времени — историки веса по существу отрицали пестроту областных мер в период феодальной раздробленности, вопреки показаниям монетного материала о значительном дроблении денежных систем в этот период. Отсюда проистекали многочисленные ошибки в конкретном объяснении тех или иных весовых терминов, затрудняющие практическое пользование этими метрологическими исследованиями.

В области изучения мер длины можно отметить раннюю работу П. Г. Буткова (1775—1857), опубликованную в 1844 г.⁸⁵ и работу Д. И. Прозоровского «О старинных русских мерах протяжения»⁸⁶ (1872 г.), но обе работы устарели. Истории мер жидкости посвящена единственная работа Прозоровского⁸⁷ (1854 г.), ценная главным образом своим фактическим материалом.

Значительный интерес представляет, к сожалению, незавершенная работа А. И. Никитского (1842—1886) «К вопросу о мерах в древней Руси»⁸⁸. На основании главным образом анализа писцовых книг Никитский исследовал меры объема и площади в Великом Новгороде, Пскове и Москве. Чисто метрологические

⁸⁵ П. Г. Бутков. Объяснение русских старинных мер, линейной и пугевой.— «Журнал Министерства внутренних дел», 1844, ч. 8, № 11, стр. 247—293.

⁸⁶ Д. И. Прозоровский. О старинных русских мерах протяжения. СПб., б. г.

⁸⁷ Д. И. Прозоровский. Древние русские меры жидкости.— ЖМНП, 1854, март.

⁸⁸ А. И. Никитский. К вопросу о мерах в древней Руси.— ЖМНП, 1894, март, стр. 373—420.

проблемы Никитский сочетал с вопросом о системе поземельного обложения, исследовав сошное письмо. В дальнейшем к анализу сошного письма обращались А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919)⁸⁹ и С. Б. Веселовский (1876—1952)⁹⁰.

Случайность и неравномерность изучения метрологических проблем сказалась и на единственном обобщающем труде по русской метрологии, написанном С. К. Кузнецовым (1854—1913) в связи с чтением им курса древнерусской метрологии в Московском Археологическом институте⁹¹. Эта работа является не критической компиляцией из тех немногочисленных статей по метрологии, которые были опубликованы к началу XX в.

V

СФРАГИСТИКА

Изучение русских печатей на всем протяжении XIX и первой половины XX в. оставалось на стадии собирания материала. В самом конце XIX в. крупнейший знаток русской сфрагистики Н. П. Лихачев говорил об этой дисциплине как о «ниве мало возделанной»⁹². Эту характеристику он повторил и в 1928 г.⁹³

Интерес к печатям у русских историков возник еще в конце XVIII в., а в начале XIX в. памятники сфрагистики нашли своего первого серьезного исследователя в лице Е. Болховитинова (1767—1837)⁹⁴. Однако первые систематические публикации русских печатей появились только в середине XIX в. Немалую роль в их подготовке сыграл обширный труд А. Б. Лакиера (1825—1870) «Русская геральдика», опубликованный в 1855 г.⁹⁵ В этом труде были не только сформулированы задачи русской сфрагистики, но на собранном к середине XIX в. материале была изложена в общих чертах история печатей на Руси и предпринята первая попытка их научной классификации.

⁸⁹ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

⁹⁰ С. Б. Веселовский. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посшного обложения Московского государства, т. 1—2, М., 1915—1916.

⁹¹ С. К. Кузнецов. Древнерусская метрология. Малмыж-на-Вятке, 1913.

⁹² Н. П. Лихачев. Хрисовулы тверских князей.— «Известия Русского генеалогического общества», вып. 1, СПб., 1900, стр. 160.

⁹³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.— «Труды музея палеографии», вып. 1, Л., 1928, стр. 1.

⁹⁴ Митрополит Евгений. Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича, и сына его Всеволода Мстиславича...— «Труды и записки ОИДР», М., 1827, ч. III, кн. II, стр. 3—64.

⁹⁵ А. Б. Лакиер. Русская геральдика, кн. I—II. СПб., 1855.

После выхода в свет работы А. Б. Лакиера печать стала рассматриваться как серьезный датирующий памятник и как важный исторический источник. Издание печатей сделалось неотъемлемой частью архивной работы. В 1858 г. П. И. Ивановым (1794—1864) был опубликован свод воскомастичных печатей XIV—XVIII вв., сохранившихся при грамотах Московского архива Министерства юстиции⁹⁶. В 1880 г. вышел в свет первый — и единственный — выпуск «Снимков древних печатей», хранящихся в Московском главном архиве МИД, подготовленный М. А. Оболенским (1805—1873)⁹⁷. Появились специальные публикации сибирских, украинских и польских печатей⁹⁸. Важным источником для изучения сфрагистики является изданный в 1903 г. Титулярник⁹⁹.

Если развитие сфрагистики во второй половине XIX в. может характеризоваться интересом к печатям XVI—XVII вв., то история печатей более раннего времени в этот период почти не привлекала внимания исследователей. Несколько мелких замечаний¹⁰⁰ и свод древнерусских свинцовых пломб, изданных в 1892 г. К. В. Болсуновским¹⁰¹ и до сих пор остающихся неисследованными, вполне наглядно отражают беспомощность первых попыток изучения этого материала. Такое позднее пробуждение интереса к памятникам древнейшего периода русской сфрагистики вполне понятно. В отличие от воскомастичных печатей, они в очень незначительном числе дошли до нас при древних актах, между тем как сотни таких печатей сохранились в земле; возможности простейшей их датировки при этом были утрачены.

⁹⁶ «Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, составленный директором архива П. Ивановым», М., 1858.

⁹⁷ «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских присутственных мест и частных лиц», вып. I. М., 1880.

⁹⁸ Н. А. Абрамов. Сибирские печати.— «Тобольские губернские ведомости», 1858, № 47; А. П. Барсуков. Правительственные печати в Малороссии от времени Стефана Батория до Екатерины II.— «Киевская старина», 1887, сентябрь, стр. 90—92; Д. И. Прозоровский. Собрание польских и других печатей, принадлежащее имп. Академии художеств. СПб., 1881.

⁹⁹ «Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.». СПб., 1903.

¹⁰⁰ Н. Авенариус. Несколько слов о дрогичинских пломбах.— «Записки русского археологического общества», т. VI, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1893, стр. 279—288; Д. И. Прозоровский. Псковская медаль 1425 года.— «Записки русского археологического общества», т. II, новая серия. СПб., 1887, стр. 123—126; Д. П. Сонцов. О древнерусских печатях до XVI ст.— «Древности», I. М., 1880 и др.

¹⁰¹ К. В. Болсуновский. Свинцовые пластинки (пломбы) с условными знаками церковных праздников. М., 1899.

ГЕНЕАЛОГИЯ И ГЕРАЛЬДИКА

В связи с привилегированным положением в исторической науке дворянско-охранительного направления особое внимание уделялось генеалогии и геральдике как вспомогательным историческим дисциплинам, обслуживавшим интересы дворянства.

Интерес дворянства к генеалогии, к прошлому своего рода, с падением роли дворянства в социально-экономической и политической жизни страны в конце XIX — начале XX в., не только не уменьшался, но усиливался.

Известные успехи были достигнуты в области древней генеалогии. Исследования в этой области были подготовлены Археологической комиссией по публикации указателей к летописным сводам, а также общеисторическими трудами. Княжеской генеалогии посвящены капитальные труды А. В. Экземплярского (1846—1900), Р. В. Зотова (1848—1893), Г. А. Власьева (1841—1911)¹⁰².

Однако основное внимание исследователей рассматриваемого периода привлекала прикладная генеалогия, тесно связанная с геральдикой. Работа по составлению дворянских родословных книг и родословий отдельных дворянских родов подвигалась быстрыми темпами силами представителей самих дворянских родов или по их поручению. Появляется целый ряд общих работ по родословию русского дворянства (П. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского и др.). Наибольшее значение имеет труд В. В. Руммеля и В. В. Голубцова «Родословный сборник русских дворянских фамилий»¹⁰³. Следует отметить деятельность А. А. Сиверса и Л. В. Савелова — последнему принадлежит ряд ценных указателей по генеалогической библиографии. Появляется также целый ряд изданий по генеалогии дворян по губерниям (тульское, рязанское и т. д.). Представители крупнейших дворянских фамилий затрачивали большие средства на издание своих родословий. Наиболее крупным было издание «Род Шереметевых» в 8 книгах¹⁰⁴, составленное А. Барсуковым. Еще ранее были изданы сочинения о роде князей Юсуповых, князей Барятинских, князей Голицыных и пр.¹⁰⁵

¹⁰² А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. I—II. СПб., 1889—1890; Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892; Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, 1. СПб., 1906.

¹⁰³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I—II. СПб., 1886—1887.

¹⁰⁴ «Род Шереметевых», кн. 1—8. СПб., 1881—1904.

¹⁰⁵ «О роде князей Юсуповых...», ч. 1—2. СПб., 1867; Е. Богданович. Род князей Барятинских. Исторический очерк. СПб., 1898; Н. Н. Голицын. Род князей Голицыных. СПб., 1892.

Все эти исследования наиболее ценны в той части, которая касается ранней истории дворянских родов.

Русские исследователи немалое внимание уделяли также генеалогии восточной и античной. Проблемы этих разделов генеалогии выдвигались развитием нумизматики, иногда они и решались почти исключительно на монетном материале. Так, при помощи монет были составлены генеалогические таблицы золотоордынских ханов и большого числа мусульманских династий. Значительный труд в этой области принадлежит В. В. Бартольд, осуществившему перевод и издание книги Лэн-Пуля «Мусульманские династии» и снабдившему этот труд ценнейшими комментариями на основе материалов русских монетных собраний. Большая работа по истории и генеалогии касимовских царевичей принадлежит В. В. Вельяминову-Зернову.

Русская геральдика развивалась на протяжении XIX в. главным образом по линии сбора сведений о гербах. Собранный материал медленно и постепенно публиковался, однако до сих пор в этой области сделано сравнительно мало. В самом конце XVIII в. началось издание «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи»¹⁰⁶, остановившееся в 1840 г. на десятом томе. Этим изданием было опубликовано около половины официально утвержденных дворянских гербов; остальной материал сохраняется в подготовленном виде.

В последующее время публиковались отдельные тематические своды гербов. В 1853 г. в Варшаве был издан «Гербовник дворянских родов Царства Польского»¹⁰⁷, включающий в себя официально утвержденные гербы; появились также гербовники Прибалтийского края и Финляндии.

Работа над тематическими сводами позволила привлечь к изданию и значительное число самобытных гербов, оставшихся неутвержденными. Этот труд требовал большой и кропотливой работы и в некоторых разделах был выполнен знатоком русской геральдики В. К. Лукомским (1882—1946); в 1910 г. он опубликовал «Гербовник Царства Польского»¹⁰⁸, в 1914 г. совместно с В. Л. Модзалевским — «Малороссийский гербовник»¹⁰⁹. Вместе с С. Н. Тройницким им были изданы также указатели к восьми томам «Общего гербовника»¹¹⁰, опубликован-

¹⁰⁶ «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», ч. 1—10, б. м., 1797—б. г.

¹⁰⁷ «Гербовник дворянских родов Царства Польского», ч. I—II. Варшава, 1853.

¹⁰⁸ В. Лукомский и С. Тройницкий. Гербы третьей части гербовника дворянских родов Царства Польского. СПб., 1910.

¹⁰⁹ В. К. Лукомский и В. Л. Модзалевский. Малороссийский гербовник. СПб., 1914.

¹¹⁰ В. Лукомский. Указатель к общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи. СПб., б. д.

ного только частично. С. Н. Тройницкий в 1915 г. выпустил свод лейб-компанских гербов. Ряд тематических работ по геральдической библиографии оставил Л. М. Савелов.

Истории государственного герба посвящено несколько мелких работ.

История русского флага изучалась отдельными исследователями (Д. Я. Самоквасов, Ю. В. Арсеньев, В. К. Трутовский), но капитальных работ по этой теме не появилось.

В рассматриваемый период русскими учеными было создано несколько обобщающих трудов по геральдике, к их числу относятся двухтомное исследование А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (1855)¹¹¹, позже появилась работа Ю. В. Арсеньева «Геральдика»¹¹², бывшая результатом подготовки им лекционного курса по геральдике в Московском Археологическом институте: издание В. К. Лукомского и Н. А. Типольта «Русская геральдика»¹¹³.

VIII

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Первые упоминания ранней русской, переводной и иностранной исторической литературы мы находим уже в памятниках отечественной библиографии XVII века¹¹⁴. Однако более глубокая библиографическая ее разработка началась лишь в XVIII столетии, когда ею занялись Адам Селлий, Андрей Богданов, Г. Л. Х. Бакмейстер, Н. Н. Бантыш-Каменский, Н. И. Новиков и епископ Дамаскин (Д. Семенов-Руднев).

Адам Селлий (1695—1745), русский монах из датчан, автор нескольких исторических работ и сотрудник Г. З. Байера, опубликовал в 1736 г. в Ревеле «*Schediasma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*», переизданную в русском переводе Е. Болховитиновым в 1813—1815 гг.¹¹⁵ Это первая в России попытка дать специальное историко-библиографическое исследование. Здесь преобладают сведения об иностранных писателях, «сочинениями

¹¹¹ А. Лакиер. Русская геральдика, кн. I—II. СПб., 1855.

¹¹² Ю. В. Арсеньев. Геральдика. М., 1908.

¹¹³ В. К. Лукомский и Н. А. Типольт. Русская геральдика. Пг., 1915.

¹¹⁴ «Оглавление книг, кто их сложил». Составил Сильвестр Медведев, издал В. Ундольский. М., 1846, XXX, 90 стр.; «Опись книгам в степенных монастырях находящимся, составленная в XVII веке» (1653).—«Чтения ОИДР», № 6, 1848, смесь, стр. I—IV, 1—44.

¹¹⁵ А. Селлий. Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю. М., 1815, 2, 68, I стр.

своими объясняющих гражданскую и церковную российскую историю», но представлены и отечественные историки.

Работы А. И. Богданова (1692—1766)¹¹⁶, Г. Л. Х. Бакмейстера (1730—1806)¹¹⁷, Н. Н. Бантыш-Каменского (1737—1814)¹¹⁸ и Дамаскина (1737—1795)¹¹⁹, хотя и были посвящены универсальной русской библиографии, но вместе с тем являются важнейшим историко-библиографическим источником. Все вместе они дают неплохой учет русской исторической литературы и источников XVIII столетия. К сожалению, библиографическое наследство Бантыш-Каменского и епископа Дамаскина опубликовано лишь частично.

В числе русских историков, занимавшихся библиографией в XVIII столетии, нельзя не упомянуть Н. И. Новикова, хотя его «Опыт исторического словаря о российских писателях» (СПб., 1767) имеет скорее биографическое, нежели библиографическое, значение.

В первой половине XIX столетия, вплоть до середины 40-х годов, как и в предшествующий период, в России еще не было лиц или учреждений, которые ставили бы перед собой задачу текущего учета и регистрации исторической литературы. Отсутствие такого учета заставляет обращаться к источникам универсальной библиографической регистрации текущей литературы. Но и эти последние не полностью восполняют образовавшийся пробел в повременной исторической библиографии,

¹¹⁶ «Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разныя переводы...» — В кн.: И. Н. Кобленц. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М., 1958, приложение III, стр. 153—168.

¹¹⁷ «Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland» («Русская библиотека для изучения современного состояния литературы в России»). Издавалась Г. Л. Х. Бакмейстером в сотрудничестве с Г. Ф. Миллером и другими.

¹¹⁸ С. Белокуров. По поводу материалов для русской библиографии, собранных Н. Н. Бантыш-Каменским. — «Книговедение», М., 1894, № 2, стр. 9—13 (оригинал рукописи хранится в Центральном государственном архиве древних актов — ЦГАДА) в Москве, ф. № 184 (так называемые «портфели» или «картоны» Бантыш-Каменского); менее полная библиография опубликована Бантыш-Каменским под заглавием «De notitia librorum rossicorum, systematice expositorum» («Описание российских книг, систематически расположенных») в качестве приложения к книге: J. F. Burgii. Elementa oratoria. М., 1776.

¹¹⁹ «Библиотека российская или сведение о всех книгах в России с начала типографий на свет вышедших. Труд епископа Дамаскина (Семенова-Руднева) (по 1713 год), издал В. М. Ундольский. С предисловием действ. чл. Сергея Белокурова. — «Чтения ОИДР», 1891, кн. I, стр. I—V, 1—40, 9—56. [Оригинал этой части работы с ее неопубликованным продолжением — с 1713 по 1785 год — хранится в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд Фундаментальной б-ки Московской духовной академии, № 114)].

так как за ряд лет (1801—1813) вообще не существует никакой текущей библиографии, ни специально исторической, ни общей или универсальной для всех наук.

С 1814 г. мы уже имеем непрерывную цепь универсальной библиографической регистрации книг, но не во всех ее источниках выделялись специальные разделы или рубрики для исторической литературы. В этом смысле 1814—1819, 1826—1827, 1830—1832 и 1836 гг. остаются для русской исторической науки незаполненными в библиографическом отношении. В источниках за остальные годы историческая литература выделена в особые разделы или рубрики универсальной библиографической регистрации. Детальное их описание содержится в капитальном труде М. В. Сокуровой¹²⁰.

Такое положение в текущей исторической библиографии первой половины XIX в. лишь отчасти компенсируется наличными трудами ретроспективного характера. В их числе на первом месте должны быть названы «Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях, собранных А. Д. Чертковым»¹²¹, и предпринятая В. И. Межовым в 90-х годах «Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам: за 1800—1854 вкл.» в шести томах. Это издание, плод тридцатипятилетнего труда автора, не было опубликовано целиком. Из шести томов увидели свет лишь три¹²² и ряд важнейших разделов библиографии русской исторической литературы, как-то: литература всеобщей истории, истории внутренней и внешней политики России, военная история, история науки, история права, историческая библиография и некоторые другие разделы истории России не дошли до читателя.

В середине 40-х годов XIX столетия в России возникает текущая библиография исторической литературы, которая с известными перебоями велась до конца века. Из числа ее источников заслуживают упоминания обзоры и указатели К. Д. Кавелина за 1846 г.¹²³, М. Н. Капустина за 1848, 1849 и

¹²⁰ М. В. Сокурова. Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708—1955. Аннотированный указатель, изд. 2. Л., 1956, 283 стр., 1 табл.

¹²¹ 2-е испр. и более чем вдвое умноженное изд., т. 1—3. М., 1863—1864.

¹²² В. И. Межов. Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам: за 1800—1854 вкл., т. I—III. СПб., 1892—1893.

¹²³ К. Д. Кавелин. Взгляд на русскую литературу по части русской истории за 1846 год.—Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 745—760. Первоначально опубликован в «Современнике», 1847, т. I, кн. 2.

1850 гг.¹²⁴, Г. Н. Геннади за 1853 г.¹²⁵ и «Русская историческая библиография» П. и Б. Ламбиных за 1855—1864 гг.¹²⁶ Полноценных текущих исторических библиографий для последней трети XIX столетия мы не имеем. Единственное исключение составляют обзоры исторической литературы В. С. Иконникова, которые велись им в «Русской старине», сначала единолично, а потом в сотрудничестве с другими лицами целых 48 лет (1870—1917)¹²⁷. Достоинство этих обзоров в их систематичности и большом хронологическом охвате литературы; их недостаток — сравнительно небольшое число обзорываемых изданий.

Наряду с обзорами в «Русской старине» печатались за некоторые годы и регистрационные списки книг исторического содержания (за 1870—1877, 1895—1896 (начало года)¹²⁸, 1909—1912, 1914—1915), достигавшие иногда большой полноты (например, за 1895 и 1896 годы). Из остальных исторических библиографий за вторую половину XIX столетия здесь необходимо упомянуть обзоры русской исторической литературы за 1865—1866 гг., печатавшиеся Н. И. Костомаровым в «Вестнике Европы»¹²⁹, «Обзоры» Иконникова в «Университетских известиях» киевского университета за 1874—1876 гг.¹³⁰, «Указатель книг по русской истории, географии и этнографии за 1875 год», помещенный в «Древней и новой России»¹³¹, «Список сочинений по истории и археологии, вышедших в 1886 году» в «Вестнике археологии и истории» за 1888 год¹³², «Обзоры литературы по русской истории» за 1888—1891 гг. А. И. Брауде и В. А. Мякотина в «Историческом обозрении»¹³³, списки статей исторического содержания в том же журнале за 1890—1891 гг.¹³⁴, «Литературу археологии, истории и этнографии Восточной России» за 1892—1893 гг. в «Известиях Общества археологии, истории и этно-

¹²⁴ М. Капустин. Указатель книг по русской истории, географии, статистике и русскому праву, вышедших в 1848 [1850 гг.] «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 1, М., 1850, прил. стр. 1—30; кн. 2, половина 2, М., 1854, прил. стр. 3—36; кн. 3, М., 1861, прил. стр. 1—42.

¹²⁵ Г. Н. Геннади. Список книг по русской истории, вышедших в 1853 году.— «Временник ОИДР», кн. 22, М., 1855, отд. IV, стр. 1—22.

¹²⁶ П. и Б. Ламбины. Русская историческая библиография. СПб., 1861—1884.

¹²⁷ «Русская старина», т. 1—172, СПб., 1870—Пр., 1917.

¹²⁸ «Русская старина», 18—20; СПб., 1877, т. 83—87; последующие списки относятся к XX в.

¹²⁹ «Вестник Европы», т. 1—3, СПб., 1866.

¹³⁰ «Университетские известия», Киев, 1875—1878.

¹³¹ «Древняя и новая Россия», т. 1—3, СПб., 1875.

¹³² «Вестник археологии и истории», вып. 7. СПб., 1888

¹³³ «Историческое обозрение», т. 2—3, 8. СПб., 1891, 1895.

¹³⁴ «Историческое обозрение», т. 3 и 5. СПб., 1891—1892.

графии при имп. Казанском университете»¹³⁵ и указатели исторических статей за 1894—1896 гг. в «Русском архиве»¹³⁶.

Развитие капитализма в 60-х годах XIX столетия вызвало мощный рост печати, сказавшийся и в русской библиографии. Крупнейшим библиографом эпохи был в эти годы Владимир Измайлович Межов (1830—1894 гг.). Типичный буржуазный либерал, он уверовал в миссию царя-освободителя, порвал со своей чиновничьей карьерой библиотекаря Публичной библиотеки, сделав это демонстративно в день «освобождения крестьян», и начал новую жизнь первого в России «свободного» библиографа-профессионала. Межов сумел плодотворно разрешить поставленную перед собой задачу: он придал своей деятельности большой размах, строгую целеустремленность и практическую направленность. Почти не было такого уголка буржуазных реформ 60-х годов, куда бы Межов не поспевал со своей библиографией, будь то реформа крестьянская, земельная, судебная или школьная. Всюду он оставался верен себе, обслуживая своими многочисленными трудами потребности молодого русского капитализма, начиная от «внутренних реформ» и борьбы с «врагами внешними» в процессе завоевания новых рынков сбыта и сырья в Средней Азии и кончая борьбой с «врагами внутренними», для чего им составлялась библиография «истории бунтов, возмущений, самозванцев, разбойников, тайных обществ и заговоров» (по собственной терминологии Межова).

Библиографическое наследство Межова в дореволюционной исторической библиографии России поистине огромно. Начиная с эпохи подготовки буржуазных реформ 60-х годов и до конца 80-х Межов наполнял своими трудами русскую историческую библиографию. Это ему удавалось в силу трезвой оценки «социального заказа» эпохи, огромной трудоспособности и новой, не кустарной, организации труда. Вместе с тем ему был присущ известный методический нигилизм, который побудил его откровенно признать в одной из своих работ, что «необходимо бывает обращать внимание более на количество, чем на качество».

На поприще исторической библиографии Межов явился непосредственным преемником и продолжателем братьев Ламбиных. Они печатали свои ежегодники очень медленно и завершили их в 1884 г. изданием ежегодника за 1864 г., т. е. почти с двадцатилетним опозданием. После опубликования в 1865 г.

¹³⁵ «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 11, вып. 1 и 3. Казань, 1893, т. 12, вып. 1. Казань, 1897.

¹³⁶ «Русский архив», М., 1894, № 2—5, 7—10, 12; 1895, № 1—3, № 2—12, 1896, № 2—5, 8.

третьего из ежегодников Ламбиных (за 1857 г.) Межов начал свое издание за шестилетие 1859—1864, которое и выпустил в свет в 1866 г.¹³⁷

Главное отличие его работы от труда Ламбиных состоит в ее сводном характере и более узкой программе за счет отказа от включения смежных наук и литературы, носящей «характер современности». Уступает указатель Межова ежегодникам Ламбиных также в точности описания и размещения материала. Вторая историческая библиография Межова была посвящена следующему двенадцатилетию — 1865—1876 гг. и завершена изданием в восьми томах лишь в 1890 г.¹³⁸

Межов явился составителем целой серии трудов по общей (универсальной) библиографии, в которых также содержатся разделы, посвященные исторической литературе. В общей сложности они на 14 лет расширяют учетный период историко-библиографических работ Межова, а именно: за 1856—1858 и 1877—1887 гг. В их числе наибольшее значение имеют третье, четвертое и пятое прибавления к систематической росписи И. И. Глазунова¹³⁹, в которых Межовым учтена историческая литература по 1887 год включительно.

Труды Межова были и остаются в настоящее время незаменимым, богатейшим по содержанию и, несмотря на все свои несомненные дефекты, ценным пособием в области библиографии¹⁴⁰.

За время с 1855 г. до конца века, т. е. из 46 лет, книги исторического содержания учтены специальной библиографией лишь за 24 года, в то время как 22 года, т. е. весь период с 1877 по 1900 г. включительно, кроме двух лет (1886 и 1895 гг.), лишены источников специальной исторической библиографии.

Немногим лучше обстоит дело со статьями, посвященными исторической тематике. Их обслуженность специальными историческими библиографиями сравнительно с книгами вырастает с 52% (для книг) до 61% (для статей), считая годы, по которым имеются соответствующие источники (29 лет) по отношению к общему количеству лет данного периода (т. е. 46). Но и здесь все же 17 лет из 46 остаются в библиографическом отношении незаполненными.

¹³⁷ В. И. Межов. Литература русской истории за 1859—1864 гг. вкл., т. 1. СПб., 1866, XVIII, 418 стр.

¹³⁸ В. И. Межов. Русская историческая библиография за 1865—1876 гг. вкл., т. 1—8. СПб., 1882—1890.

¹³⁹ В. И. Межов. Третье, [четвертое и пятое] прибавлени[я] к систематической росписи... И. И. Глазунова. СПб., 1870—1880.

¹⁴⁰ Наиболее полный обзор его трудов дан в кн.: З. Л. Фрадкина. В. И. Межов (1830—1894). М., 1949, 78 стр.

Таким образом, и для данного периода огромное значение приобретают исторические разделы универсальных библиографий, весьма богато представленных в эти годы. Не говоря о работах Межова, упоминавшихся выше, из числа текущих универсальных библиографий здесь следует назвать: три указателя в «Журнале Министерства народного просвещения» (последнее полугодие «Указателя вновь выходящих книг» за первую половину 1855 г., указатели Н. Верещагина за 1860 г. и В. Н. Казакова за 1869—1870 гг.), указатель Бартенева за 1855 г. в издании «Русской беседы», «Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 год» А. Черенина, указатели, печатавшиеся в журналах «Знание» и «Слово» за 1870—1878 гг., «Русская библиография» А. Голубева и Н. Собко за 1878 г., списки книг и статей в «Российской библиографии» Э. Гартье за 1880—1881 гг., библиография Н. М. Лисовского в «Библиографе» за 1884—1894 гг., указатели в «Русской мысли» за 1884—1886 гг., в «Книжном вестнике» за 1884—1907 гг., ежегодники «Книжного вестника» за 1891—1893 гг., «Указатель новых книг за 1892 год» в «Библиографических записках» П. П. Шибанова, «Списки вновь вышедших книг» в «Книговедении» за 1894—1896 гг. и «Систематическая роспись...» В. В. Сабанина и др. за 1899 год¹⁴¹. В результате использования исторических разделов текущих универсальных библиографий мы получаем почти непрерывную цепь источников для книг исторического содержания. Исключение составляют лишь 1879, 1882 и 1883 гг. В этом случае придется прибегнуть к универсальным библиографиям ретроспективного характера, т. е. к таким библиографиям, которые не в текущем порядке, а как бы задним числом учитывают литературу за ряд лет.

Для рассматриваемого нами периода (1855—1900 гг.) из ретроспективных универсальных библиографий с систематическим расположением материала налицо «Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине И. И. Глазунова», составленная П. А. Ефремовым за 1855—1867 гг., дополнения к ней за 1887 г. включительно и III—X прибавления к «Систематическому каталогу...» А. Ф. Базунова, составленные В. И. Межовым за 1871—1878 гг. (первое и второе прибавления печатались ежегодниками за 1869 и 1870 гг.). После использования перечисленных ретроспективных указателей не остается более незаполненных лет в библиографии книг исторической тематики данного периода.

¹⁴¹ Более подробные данные об этих работах находятся в упомянутом выше труде М. В. Сокуровой.

Но, к сожалению, ни один из этих источников не решает вопроса о пробелах в библиографии статей исторического содержания, которых все еще остается 12 из 46 лет. Поэтому большое значение приобретают ретроспективные указатели статей (универсального характера). Важнейшими из них являются библиографии В. Попова¹⁴² и Н. А. и В. Н. Ульяновых¹⁴³. Но в обоих этих указателях расписано сравнительно немного журналов и сборников. Слабое развитие журнальной библиографии в России вызвало к жизни особый вид библиографических источников, наиболее характерных для 70—90-х годов XIX столетия. Многие частные и общественные публичные библиотеки, особенно в провинции, стали включать в свои каталоги не только книги, но также и росписи статей из имевшихся у них журналов.

Лучшие памятники каталожной журнальной библиографии оставили: Библиотека Макалинской в Петербурге (учетный период 1834—1889 гг.)¹⁴⁴, Херсонская общественная библиотека (учетный период 1850—1910 гг.)¹⁴⁵, Библиотека Л. Т. Рубакиной в Петербурге (учетный период 1856—1895 гг.)¹⁴⁶, Симферопольская публичная библиотека (учетный период 1860—1895 гг.)¹⁴⁷, Библиотека братьев Таланцевых в Нижнем-Новгороде (учетный период 1860—1904 гг.)¹⁴⁸ и Библиотека Нижегородского общественного клуба (учетный период 1867—1914 гг.)¹⁴⁹.

Теперь многих из перечисленных библиотек более не существует. Но их каталоги сохранили значение незаменимых библиографических источников для разыскания журнальной исторической литературы.

¹⁴² В. Попов. Систематический указатель статей, помещенных в нижепоименованных периодических изданиях с 1830 по 1884 год. СПб., 1885, VI, 261 стр., 600 экз.

¹⁴³ Н. А. Ульянов и В. Н. Ульянова. Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематический), вып. 2. Десятилетие 1896—1905. М., 1913, 3, 215 стр.

¹⁴⁴ «Каталог книг, периодических изданий и журнальных статей, находящихся в библиотеке для чтения Макалинской». СПб., 1872—1890.

¹⁴⁵ «Систематический каталог (книг и журнальных статей) в Херсонской общественной библиотеке. 1872—1896». Херсон, 1898—1911.

¹⁴⁶ «Библиотека Л. Т. Рубакиной. Библиографический указатель книг и журнальных статей русского отделения», вып. 1. СПб., 1896, 190, II стр.

¹⁴⁷ «Систематический каталог статей, помещенных в русских периодических изданиях с 1860 по 1895 г. включительно». Симферополь, 1898, 471 стр., 300 экз.

¹⁴⁸ «Каталог журнальных статей бр. Таланцевых». Н.-Новгород, б. г., 400 стр.

¹⁴⁹ «Каталог библиотеки Нижегородского общедоступного клуба [ч. II]. История. Философия истории. Всеобщая и русская история. Биографии. Мемуары». Н.-Новгород, 1915, 52 стр.

Наряду с общей исторической библиографией в XIX в., особенно во второй его половине, получили значительное развитие библиографии по отдельным историческим темам, проблемам, событиям и т. д., а также краеведческая и персональная историческая библиография. Сведения о них содержатся в опубликованном Государственной публичной исторической библиотекой справочнике ¹⁵⁰.

¹⁵⁰ «Библиография русской библиографии по истории СССР. Аннотированный перечень библиографических указателей, изданных до 1917 года». М., 1957, 197 стр.

Глава XII

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ У НАРОДОВ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. *

I

ИСТОРИОГРАФИЯ УКРАИНЫ

В развитии украинской историографии пореформенного периода довольно отчетливо нашли отражение все основные черты социально-экономической и политической жизни эпохи, а также завершение формирования украинской нации на ее буржуазном этапе. 60-е годы на Украине ознаменовались размежеванием либерально-буржуазного и революционно-демократического лагерей. Борьба между ними составляет одну из характерных черт развития историографии этого периода.

Революционеры-демократы, работая над сплочением революционных сил против крепостничества и самодержавия, рассматривали угнетенные царизмом народы, в том числе украинский, как союзников русского народа в борьбе против самодержавия. Чернышевский и Добролюбов основательно знали как историческое прошлое, так и современное им положение на Украине, признавали самобытность украинского народа, его права на развитие своей культуры, языка и политической жизни. В области истории Украины революционеры-демократы считали необходимым разоблачать фальсификацию русских великодержавных помещичье-буржуазных и украинских националистических историков, рассматривая разрешение этой задачи как звено в борьбе против буржуазных либералов. Свои положения революционеры-демократы излагали как в общих исторических трудах, так и специальных работах¹.

* Историография Эстонии и Киргизии будет дана в III томе настоящего издания.

¹ Н. Г. Чернышевский: По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова. Полн. собр. соч., т. I, стр. 757—777; его же. Статистические описания Киевской губернии.— Там же, т. III, стр. 387—420; его же. «Богдан Хмельницкий» Костомарова.— Там же, т. IV, стр. 701—702; его же. Национальная бестактность.— Там же, т. VII, стр. 775—793; его же.

В рецензии на работу Н. И. Костомарова «О федеративном начале древней Руси» Н. Г. Чернышевский подчеркивал общность исторических судеб русского и украинского народа: «У народа были в разных местностях разные оттенки обычаев и говора, но все эти разные оттенки были ничтожны перед подавляющею их массою общего и в языке, и в быте, и в понятиях, и в преданиях»². Чернышевский указал в двух статьях-рецензиях на монографию Костомарова «Богдан Хмельницкий», что события 1648—1654 гг. извращены в буржуазной польской, украинской и русской историографии, в частности Костомаровым. Последний, вопреки фактам, представил их как борьбу демократического украинского начала против аристократического польского. «Казацкие войны,— подчеркивает Чернышевский,— не были в сущности борьбою одной национальности против другой... Они также не были в сущности религиозными войнами»³. Чернышевский раскрывает социальную основу событий, ибо борьба шла «из-за вопросов гражданского устройства», т. е. социально-экономических проблем: «...И полное торжество казаков, для самой Польши, было бы облегчением, потому что казаки хотели и в самой Польше искоренить те гражданские бедствия, против распространения которых на Украину вооружились»⁴. Одновременно Чернышевский решительно критикует великодержавную шовинистическую историографию по вопросу о присоединении Украины, указывая, что это событие не завершало «собираения земель», а было образцом бескорыстной помощи со стороны русского народа Украине.

В статьях «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость» Чернышевский останавливается на истории Западной Украины, разоблачает реакционную сущность как русских великодержавников в лице В. Ламанского, так и галицийских буржуазных историков, подчеркивает прислужничество последних перед Габсбургами и приходит к верному выводу о необходимости воссоединения Западной Украины с основной частью Украины.

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов высоко оценили исторические воззрения Т. Г. Шевченко — своего едино-

Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова.— Там же, стр. 296—299; его же. Народная бестолковость.— Там же, стр. 828—848; его же. Основа.— Там же, стр. 934—948; Н. А. Добролюбов. Исследование о торговле на украинских ярмарках» И. Аксакова. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 395—404; его же. «Кобзарь» Тараса Шевченка.— Там же, т. 2, стр. 562—568; его же. Черты для характеристики русского простонародья.— Там же, стр. 257—309; его же. Наука и свистопляска или как аукнется, так и откликнется.— Там же, т. 6, стр. 95—114.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 946.

³ Там же, т. IV, стр. 821.

⁴ Там же, стр. 822.

мысленника, революционного демократа. «Он,— писал Чернышевский,— окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она. В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальности или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками... Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу»⁵. В статьях, посвященных «Исследованию о торговле на украинских ярмарках» И. Аксакова и статистическому описанию Киевской губернии, Чернышевский и Добролюбов уделяют внимание характеристике современного им положения на Украине, развивая тезис, что крепостничество и самодержавие тормозят экономическое и политическое развитие украинского народа.

Общефилософские и исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова живо воспринимались на Украине и оказали благотворное влияние на развитие украинской историографии, ее революционно-демократического течения.

Яркой фигурой украинской историографии являлся революционер-демократ С. А. Подолинский (1850—1891). Находясь в эмиграции, он знакомится с европейским рабочим движением и марксизмом. Подолинский занимается главным образом вопросами экономической теории, но вместе с тем в работах «Паровая машина», «О земледелии», «Ремесла и фабрики на Украине», написанных в 1877—1880 гг., исследователь довольно обстоятельно изложил свою демократическую концепцию исторического развития.

В общих историографических положениях Подолинский исходит из того, что человеческое общество развивается по восходящей линии, от низшей ступени к высшей. Рабовладельческое общество, говорит он, было прогрессом в сравнении с первобытным обществом, феодализм — в сравнении с рабовладельчеством, а капитализм есть высшая ступень в сравнении с феодализмом. Характерной особенностью исторического изложения Подолинского является широкий общеисторический фон и значительные экскурсы в историю Европы и Азии, а также установление связи исторического процесса Украины с Россией. Характеристику первобытно-общинного строя на Украине Подолинский начинает с краткого рассмотрения археологических данных; подчеркивает, что на Украине была эпоха «каменного века с разделением на период

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 792.

1) тесаного и шлифованного камня, 2) век бронзы и 3) железный век»⁶. При анализе первобытного строя исследователь, в соответствии с основной темой своей работы, обращает внимание на генезис общественного разделения труда, подготовивший отделение ремесла от земледелия.

Подолинский довольно обстоятельно остановился на вопросах истории рабовладельческого общества⁷ и пришел к вполне справедливому выводу, что рабство на Украине не получило широкого распространения и не стало основой для самостоятельного способа производства.

На вопросы истории феодально-крепостнической эпохи на Украине Подолинский также обращает внимание. Свой анализ автор начинает с рассмотрения общинного строя у восточных славян, указывая, что постепенно этот строй начал изменяться: «вскоре и свободных мужиков стали называть смердами и начали собирать с них большие подати»⁸. Древнерусская держава, по верному определению Подолинского, была в своей основе феодальным обществом с развитой властью князей и их областных чиновников-тиунов. Галицкое княжество Романа и Даниила представляло «довольно крепкое государство, которое по своему устройству и хозяйственным отношениям уже было подобно феодальным королевствам Западной Европы»⁹. Князья расправляются с остатками народоправства (Новгород, Псков, Вятка). Со стороны народа были попытки сопротивляться растущей эксплуатации, о чем свидетельствуют городские восстания¹⁰.

Подолинский довольно подробно говорит о развитии ремесла и торговли на Украине в эту эпоху, резонно подчеркивая, что в меру укрепления крепостнических порядков почти все население превращалось в феодально зависимых и крепостных и только некоторые города добились так называемого Магдебургского права¹¹.

Положение основной массы населения того времени Подолинский определяет следующим образом: «Крепостной отличается от невольника только тем, что хозяин его не содержит, а оставляет в его собственности небольшой кусок земли, в большинстве случаев отобранной у него же или его отцов. С этого куска крепостной должен содержать себя, свою семью и к тому же несколько дней работать на своего господина».

⁶ С. А. Подолинський, Ремесла і хвабрики на Україні. Женева, 1880, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 35.

⁹ Там же, стр. 36.

¹⁰ Там же, стр. 35—36.

¹¹ Там же, стр. 38.

Аналогичное положение феодальной зависимости трудящихся существовало и в городах, ибо выгодами Магдебургского права «воспользовались купцы и цеховая верхушка»¹².

Исследователь специально останавливается на вопросах развития мануфактурного производства, характеризует типы мануфактур — крепостная посессионная, купеческая — и указывает на благотворное значение для хозяйственной жизни Украины экономических связей с Россией, в частности, с русской мануфактурой¹³.

Главное внимание в работах Подолинского уделяется анализу экономического развития Украины 60—70-х годов XIX в. В обстановке широко распространенных ошибочных народнических воззрений, трактовавших развитие капитализма в России как аномалию в историческом развитии, Подолинский исходил из того, что капитализм в России и в том числе на Украине является закономерной ступенью исторического прогресса. Он подчеркнул, что на Украине в 60—70-х годах капитализм прошел стадию простой кооперации, мануфактуры и вступил в стадию капиталистической фабрики¹⁴. В отношении сельского хозяйства и основных тенденций его развития на Украине в первые десятилетия пореформенной эпохи Подолинский решительно расходился с народниками, указывал на явления дифференциации и пролетаризации украинского села¹⁵ и неизбежность победы крупного сельскохозяйственного производства с применением машин над мелким крестьянским хозяйством¹⁶.

Подолинский рассматривает положение рабочего класса на Украине в 60—70-х годах. Кроме «Ремесла и фабрики на Украине», этому вопросу посвящена работа «Здоровье народа на Украине». Подолинский был знаком с трудом Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и при характеристике положения промышленных и сельских пролетариев Украины он, в какой-то степени следуя за великим мыслителем, излагает оригинальный и интересный фактический материал.

Своими исследованиями Подолинский сделал известный вклад в распространение материалистического понимания истории Украины.

Самым крупным представителем революционно-демократического направления был выдающийся украинский писатель и ученый, уроженец Западной Украины Иван Франко

¹² Там же, стр. 25, 39.

¹³ Там же, стр. 91—92.

¹⁴ Там же, стр. 109, 113.

¹⁵ С. Подолинський. Про хліборобство. Як де земля подімна і як би треба її держати. Женева, 1877, стр. VI, 42—43.

¹⁶ Там же, стр. 17.

(1856—1916). Формирование его политических и исторических воззрений происходило под влиянием революционно-демократической мысли Белинского, Чернышевского, Добролюбова, а также русской прогрессивной литературы в целом. «Русских писателей,— писал Франко,— великих светочей в духовном царстве мы знаем и любим... Мы любим в русской духовной сокровищнице те именно драгоценные золотые зерна и пристально отличаем их от мякины и сорняка»¹⁷. Франко не только испытал благотворное влияние передовой научной и политической мысли, но и в свою очередь сделал серьезный и оригинальный вклад в ее научную разработку.

Франко испытывал значительное влияние идей марксизма. Он сделал перевод на украинский язык 24-й главы I тома «Капитала» К. Маркса, первой и второй глав раздела «Социализм» работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Он внимательно следил за деятельностью группы «Освобождение труда», а потом и российского социал-демократического движения. Австрийские власти несколько раз арестовывали Франко и привлекали его к судебной ответственности по обвинению в пропаганде социализма. Царская жандармерия и цензура рассматривали Франко как социал-демократа и марксиста¹⁸. Но, как писал сам Франко, он «был социалистом по симпатии;» как крестьянин, он был далек от понимания, что такое научный социализм¹⁹. Революционный демократизм Франко отражал тяжелые думы угнетаемого крестьянства Украины, социалистические мечтания и проповедь радикальной аграрной реформы. Однако влияние идей марксизма для него не прошло бесследно и наложило глубокий отпечаток на его исторические воззрения.

Ивану Франко принадлежит свыше 100 печатных работ по истории — монографии, статьи, сообщения, рецензии²⁰. Его художественные и литературоведческие сочинения также содержат ценный исторический и историографический материал.

Свои занятия в области истории Франко начал с уяснения ряда принципиальных методологических вопросов историографии. В результате в начале 80-х годов XIX в. появилась такая значительная работа, как «Мысли о развитии в истории чело-

¹⁷ Ів. Франко. По російську літературу (Статті та висловлювання). Львів, 1947, стр. 60.

¹⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Мое листування з Іваном Франком. «Єднання братніх літератур». Київ, 1954, стр. 46.

¹⁹ Листування І. Франка і М. Драгоманова.— «Матеріяли для культурної й громадської історії Західної України», т. I, Київ, 1928, стр. 325.

²⁰ Сб. І. Я. Франко як історик.— «Наукові записки Інституту історії АН УРСР», т. 8, Київ, 1956.

вечества»²¹. Франко признавал закономерность исторического процесса, а главную задачу исторической науки видел в изучении объективных закономерностей, решительно возражая как риккертIANству, отрицающему закономерности в истории²², так и представителям «социального дарвинизма», пытавшимся опровергнуть материалистическое понимание истории путем перенесения на общество законов биологии²³.

Развитие человечества Франко представлял как ряд ступеней — от низших форм к высшим²⁴. Первобытный строй с общей собственностью и коллективным трудом уступает место следующей ступени: деспотическим государствам Древнего Востока²⁵, а затем античной Греции и Риму, где все покоилось на жестокой эксплуатации рабов: «Раб был просто вещью в руках собственника, который мог его безнаказанно продать, бить и даже убить»²⁶. Феодальная иерархия покоится на крепостной зависимости крестьян и ремесленников, которые «считаются неотъемлемой частью... лена, как бы живым инвентарем военного дружинника, рыцаря»²⁷. Общее развитие производительных сил, появление мануфактуры подготавливают переход к капиталистическому строю, переход, отмеченный «почти всюду кровавой полосой так называемых хлопских бунтов...», крестьянской войной в Германии, Фрондой во Франции, казацкими движениями в Речи Посполитой, движениями Степана Разина и Пугачева в России и многими другими. «Это поднималось втопанное крестьянство против своих господ, подавая знак, что его нищета переходит границы человеческого терпения»²⁸.

Буржуазный общественный строй, пришедший на смену средневековью, основывается на «свободной конкуренции», он обусловил разделение общества на класс капиталистов, собственников средств производства и трудящийся люд, экспропрированный от средств производства²⁹. Этот несправедливый строй должен уступить, по убеждению Франко, иному устройству, когда средства производства будут собственностью всего общества. А в статье «Чого хоче „Галицька робітницька громада“?» он ссылается в подтверждение этих своих мыслей

²¹ Ів. Франко. Думки о еволюції в історії людськості.— «Світ», Львів, 1881, № 3, 4, 6—12.

²² Там же, № 3, стр. 53—54.

²³ Там же, № 4, стр. 75.

²⁴ Там же, № 8—9, стр. 151.

²⁵ Там же, № 10, стр. 176.

²⁶ Ів. Франко. Твори в двадцяти томах. Київ, 1955—1956, т. XIX, стр. 232.

²⁷ Ів. Франко. Думки о еволюції...— «Світ», 1881, № 10, стр. 177.

²⁸ Ів. Франко. Літературно-критичні статті. Київ, 1950, стр. 65.

²⁹ Ів. Франко. Твори, т. XIX, стр. 233.

о неизбежности ликвидации капитализма на К. Маркса и Ф. Энгельса³⁰. Таким образом, Франко, будучи знаком с теорией научного социализма, вплотную подошел к пониманию сущности социально-экономических формаций³¹, однако полного понимания революции как закономерности при переходе от одной формации к другой у него не было.

Важной проблемой в исследованиях Франко являются вопросы украинской историографии³². Анализ развития исторической мысли на Украине он начинает с древнейших летописей и отмечает, что Повесть временных лет проникнута идеей общерусского единства и является литературно-историографическим общерусским памятником³³. Франко останавливается на летописях и историографических памятниках Украины XIV—XVIII вв. В отдельных случаях он допускает ошибки, но в общем его оценки и характеристики верны, в них неизменно подчеркивается классовая сущность различных историографических идей.

Большое внимание Франко уделяет разоблачению украинской буржуазно-националистической историографии в связи с кригикой П. Кулиша, работы которого разобраны в статье «Хуторна поезія». Франко подчеркивает, что Кулиш под видом общей критики «москалей» нападает на русский народ и всячески восхваляет «розумних царів», т. е. самодержавие в целом³⁴. Кратко синтезируя свою критику буржуазно-националистических историков, Франко в стихотворении «Седоглавному» так определил принципиальную разницу в подходе к истории Украины националистов и революционеров-демократов:

Ти любиш в ній князів,
Гетьманя, панування,—
Мене ж болить її
Відвічне страждання³⁵.

В работах Франко нашли освещение все важнейшие проблемы истории Украины с древнейших времен до середины XIX в. Значительное внимание он уделяет первобытно-общинному строю и родовой общине у восточных славян. Основная часть всех исторических трудов Франко посвящена истории

³⁰ Ив. Франко. Твори, т. XIX, стр. 50—62.

³¹ Там же, стр. 762.

³² Ив. Франко. Хуторна поезія П. А. Кулиша. Твори, т. XVII; его же. До біографії Осипа Бодяньського.— «Зоря», Львів, 1886, № 12; его же. Сочинение Иоанна Вишенского. Твори, т. XVI.

³³ Ив. Франко. Южнорусская литература.— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 81. СПб., 1904, стр. 303

³⁴ Ив. Франко. Літературно-критичні статті, стр. 104—106.

³⁵ Ив. Франко. Твори, т. XI, стр. 59.

Украины эпохи феодализма. Одна из его центральных идей — это мысль о том, что большинство народа, крестьянства изнывало под игом крепостничества³⁶. Борьба крестьянства против крепостничества составляла, по верному мнению Франко, существо всей истории этой эпохи. Франко уделяет значительное внимание борьбе украинского народа против польских магнатов и шляхты³⁷, подчеркивая ее классовую основу, и вместе с тем критикует реакционных польских историков, отрицавших национальные устремления украинского народа. Весьма высоко и положительно оценена Франко деятельность Богдана Хмельницкого³⁸. Интересна его мысль о том, что шляхетская Речь Посполитая, в отличие от России и Австрии, оказалась не в состоянии защищать народ и страну от агрессии турок и татар. Франко обстоятельно разработал вопросы истории западноукраинских земель под властью Австрии³⁹, привлек большой документальный материал, и это дало ему возможность показать, что главным вопросом исторического развития края был аграрный вопрос, составлявший содержание событий 1848 г. в Галиции.

По инициативе И. Франко и при его ближайшем участии выходили журналы «Світ» (1881—1882) и «Народ» (1890—1895), освещавшие общие вопросы истории и вопросы истории Украины преимущественно с позиций революционного демократизма.

Значительной фигурой в прогрессивной украинской историографии пореформенного периода был А. М. Лазаревский (1834—1907). Он не принадлежал к плеяде революционеро-демократов, но разделял некоторые исторические воззрения

³⁶ Там же, т. XIX, стр. 560.

³⁷ І. Франко. Дві унії. Твори, т. XIX, стр. 547—552; его же Иосиф Шумлянський — последний православный епископ львовский и его «Метрика». — Там же, стр. 510—546; его же. Иоанн Вишенский. — Там же, стр. 501—509; его же. Баламутний ювілей. — «Діло», Львів, 1883, № 99; его же. Хмельницина 1648—1649 рр. у сучасних віршах. Львів, 1898; его же. Хмельницький — непризнаний польский патриот. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1898, т. XXIII—XXIV; его же. Наш погляд на польське питання. — «Публіцистика», Київ, 1953; его же. Воскресінє чи погребінє — 36. «Проти Ватікану», Київ, 1953; его же. Католицький панславизм. — 36. «Проти Ватікану».

³⁸ Я. П. Товстуха. Иван Франко про визвольну війну українського народу під керівництвом Богдана Хмельницького, «300 років возз'єднання України з Росією». — «Науковий збірник», Львів, 1954, стр. 280—300.

³⁹ Ів. Франко. Дещо про Борислав. — «Світ», 1882, № 4—5; его же польське повстанє в Галичинє в 1846 року. — «Зоря», 1884, 1—11, 14—19; его же. Причинок до історії 1848 р. — «Зоря», 1885, № 15—16; его же. Опришок Семен Хотюк. — «Зоря», 1893, № 11; его же. Матеріали і уваги до історії Австро-Руського відродження, 1772—1848. — «Житє і слово», т. III, Львів, 1895; его же. Панщина та її скасування в 1848 р. в Галичині Твори, т. XIX, стр. 560—661.

Чернышевского, Добролюбова, Шевченко; по своим взглядам он относился к тому широкому кругу прогрессивных деятелей 60-х годов типа Скалдина, которых В. И. Ленин охарактеризовал как русских просветителей⁴⁰. Лазаревский написал свыше 400 исторических работ, главнейшие из них: «Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.)», «Очерки малороссийских фамилий», «Люди старой Малороссии», «Суды в старой Малороссии» и др⁴¹.

Основная проблема его исследований — это взаимоотношения крестьян и феодалов в лице казацкой старшины на Левобережной Украине — Гетманщине в период 1648—1783 гг. В противовес дворянской и буржуазной националистической историографии, интересовавшейся только деятельностью гетманов, Лазаревский исследует внутренние социальные отношения. Это было созвучно выступлениям революционеров-демократов против «мерзостей» крепостничества.

В результате очень тщательного и добросовестного исследования богатых данных архивов центральных учреждений бывшей Гетманщины, в частности «Румянцевской генеральной описи», Лазаревский пришел к выводу, что после освободительной войны 1648—1654 гг. и воссоединения с Россией польскому феодальному землевладению на Украине был нанесен удар, но место польских феодалов занимает украинская казацкая старшина; которая захватывает земли, угодья, подчиняет в личную зависимость и посполитых крестьян, и рядовых казаков. В таких условиях, идя навстречу интересам и просьбам казацкой старшины, царское правительство издало указы 10 декабря 1763 г. и 3 мая 1783 г., юридически оформлявшие фактическую зависимость крестьян от помещиков. Лазаревский подчеркнул, что процесс закрепощения крестьян начался непосредственно после освободительной войны.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472—492.

⁴¹ А. М. Лазаревский. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). Историко-юридический очерк по архивным источникам. — «Записки Черниговского губернского статистического комитета», кн. I. Чернигов, 1866, стр. 1—152 (второе издание вышло отдельной книгой. Киев, 1908); его же. Описание старой Малороссии, т. 1—3. Киев, 1888—1902; его же. Очерки малороссийских фамилий. — «Русский архив», 1875, т. I—III; 1876, т. III; 1880, т. I; его же. Люди старой Малороссии. — «Киевская старина», 1882, январь, март, август; 1884, январь; 1885, май; 1886, январь, июль; 1887, июнь — июль, август; 1888, ноябрь; его же. Из истории сел и селян Левобережной Малороссии. — «Киевская старина», 1891, январь, октябрь; его же. Исторические очерки Полтавской Лубенщины XVII и XVIII вв. — «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», Киев, 1896, кн. XI; его же. Прежние изыскатели малорусской старины. — «Киевская старина», 1894, декабрь; 1895, февраль; его же. Суды в старой Малороссии. — «Киевская старина», 1898, июль — август; его же. Замечание на исторические монографии Д. П. Миллера. Харьков, 1898.

Заслуга Лазаревского состояла в том, что он разоблачал лживый тезис украинской националистической историографии о внешнем привнесении крепостничества на Украину. После опубликования первых работ Лазаревского буржуазно-националистические историки обвинили его в том, что он будто не разобрался в роли казацкой старшины и не учел предыдущего историографического наследства. В ответ на критику Лазаревский опубликовал серию статей «Очерки малороссийских фамилий» и «Люди старой Малороссии». В этих работах он, во-первых, развивал мысль, что закрепощение крестьян было делом старшины, а во-вторых показывал эгоизм казацкой старшины. Это был огромной силы обвинительный акт не только по адресу казацкой старшины XVIII в., но и разоблачение концепции Костомарова, Кулиша, Антоновича и др. Объективно Лазаревский выступил против тезиса Костомарова — Антоновича о бесклассовости украинского народа.

Во взглядах Лазаревского сказывается ограниченность буржуазного просветителя. Он неправильно изображает положение Украины после освободительной войны, в результате которой произошла якобы полная ликвидация феодальных отношений. Процесс закрепощения крестьян казацкой старшиной он представляет как систему перманентных злоупотреблений. В некоторых своих работах Лазаревский вступает в противоречие с тезисом о том, что закрепощение крестьян было внутренним процессом, и говорит о внешнем привнесении крепостничества. Но в целом заслуга Лазаревского в разработке истории Украины бесспорна.

Проблемами социальной истории Левобережья XVIII столетия в духе положений Лазаревского занимался Д. П. Миллер. Ему принадлежит ряд специальных работ по истории крестьянства⁴². Добросовестный и вдумчивый анализ исторического материала привел Миллера к выводу о том, что класс украинских феодалов «зародился сам, без внешних воздействий, зародился, очевидно, потому, что в самом этом обществе были условия, вызвавшие его появление на свет»⁴³.

⁴² Д. П. Миллер. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в.— «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 8, Харьков, 1896, стр. 63—243; его же. Голштинские наборы в Малороссии.— «Киевская старина», 1892, сентябрь; его же. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство.— «Киевская старина», 1897, январь, февраль, март, апрель; его же Пикинерия.— «Киевская старина», 1899, декабрь.

⁴³ Д. П. Миллер. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство. — «Киевская старина», 1897, январь, стр. 3.

Народническое направление в украинской историографии представлено талантливым исследователем А. Я. Ефименко⁴⁴.

Много работ Ефименко посвятила общинному землевладению на Украине⁴⁵, пытаясь доказать спасительную роль общины, в которой она видела средство от развивающихся капиталистических отношений. Впрочем, отношение Ефименко к народническим концепциям об общине сложно и противоречиво. К. Маркс в своем конспекте работы Ефименко «Артели в Архангельской губернии» специально отмечает аргументы историка, опровергавшие народнические утверждения относительно общины⁴⁶. При конкретном исследовании вопроса добросовестность исследователя брала верх над субъективной предубежденностью. В работах «Из истории борьбы малорусского народа с поляками» (1879) (о гайдамацком движении XVIII в. на Правобережье), «Турбаевская катастрофа» (1891) (о крестьянском движении 90-х годов XVIII в. на Левобережье), «Очерки истории Правобережной Украины» (1895) Ефименко с явным сочувствием к крестьянам и в ярких формах описывает народные антикрепостнические выступления. В монографии «Малорусское дворянство и его судьба»⁴⁷ она повторяет мысль Лазаревского (хотя с меньшей четкостью), что украинское шляхетство превратилось в русское дворянство путем сделки с самодержавием и закрепощения основной массы посполитых, т. е. крестьян Левобережья. Ефименко считала, что это нанесло удар не только по интересам крестьянства, но также и по национальным интересам Украины в целом. Правительство Екатерины II, воспользовавшись любовью казачьей старшины «к земле», покончило с остатками автономии и превратило Украину в одну из провинций Российской империи⁴⁸.

К этим исследованиям Ефименко примыкают работы украинских историков народнического направления — И. Новицкого (1840—1900) и О. Левицкого (1849—1922). Новицкий развивал мысль, что главную роль в общественной и культурной жизни Правобережья XV—XVIII вв. играло крестьянство и все сколько-нибудь значительные народные движения всегда

⁴⁴ О А. Я. Ефименко см. гл. III.

⁴⁵ А. Ефименко принадлежат также специальные работы по истории общины, как «Дворянское землевладение в Южной Руси», «Архаические формы землевладения у германцев и славян», «Литовско-русские данники и их дани». — В кн. А. Ефименко. Южная Русь, т. I. СПб., 1905.

⁴⁶ См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4. М., 1929, стр. 405.

⁴⁷ А. Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба. — «Вестник Европы», 1891, август, стр. 515—569.

⁴⁸ О. Ефименко. Історія українського народу, вип. 2. Харків, 1922, стр. 84—85.

были крестьянскими в своей основе⁴⁹. Автор внимательно прослеживал процесс развития крепостничества на Правобережье Украины⁵⁰. Он собрал огромный материал по истории крестьянства Правобережья в плане исторической географии⁵¹. Левицкий также занимался исследованием истории крестьянства Правобережья⁵². Он полагал, что внимание исследователя должны привлекать не только бурные проявления народной жизни, но и «тусклые сумерки будничного прозябания» широких масс.

В работах Ефименко и некоторых других историков конца XIX в. отчетливо проявился и субъективизм народнической социологии. Исторические деятели Украины в ее представлении — натуры, «одаренные настолько требовательными общественными инстинктами, что их неудержимо тянет толкаться не только в закрытые двери, но даже в глухую стену»⁵³. Они герои-одиночки в чисто народническом вкусе. Что же касается народа, то в интерпретации Ефименко он представляется «масой пигмеев, которая испещряет страницы всякой истории»⁵⁴. Однако в целом исторические исследования Ефименко, Левицкого и Новицкого перекликались с традициями революционно-демократической историографии, содержали оригинальный материал по социальной истории Украины и представляют в силу этого значительную ценность. В. И. Ленин ссылается на исторические работы А. Ефименко, как на достоверный материал^{54а}.

Украинская буржуазия широко использовала историю как средство воздействия на народные массы и удобную форму для изложения своих требований при «домашних» тяжбах с царизмом и Габсбургами. Это находит выражение в проведении съездов историков, в издании журналов, активной деятельности учреждений, занимавшихся историей Украины: историко-филологических обществ при Харьковском и Новороссийском университетах и Нежинском институте; в Киеве при университете функционировало «Историческое общество Нестора-летописца»; существовали общества и комиссии историков в Одессе, Екатеринославе, Полтаве, Херсоне, Чернигове. Зна-

⁴⁹ И. Новицкий. Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV — XVIII веках. Киев, 1876, стр. 135—136.

⁵⁰ Там же, стр. 160.

⁵¹ И. Новицкий. Указатель имен географических (Материалы для исторической географии Южной и Западной России), т. 2. Киев, 1882.

⁵² О. Левицкий. Очерк внутренней истории Малороссии во второй половине XVII в.— «Университетские известия», Киев, 1874, № 3—7, 11; е го же. Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. в мелочах будничной жизни.— «Киевская старина», 1887, март и др.

⁵³ А. Ефименко. Южная Русь, т. II, СПб., 1905, стр. 99.

⁵⁴ Там же, стр. 275.

^{54а} В. И. Ленин. Соч. т. 10, стр. 302—303.

чительными центрами, занимавшимися вопросами истории Украины, были Юго-Западный отдел Русского географического общества в Киеве и Наукове товариство ім. Шевченка во Львове (с 1892 г.).

Печатными органами, освещавшими вопросы истории Украины во второй половине XIX в., короткое время (1861—1862) были журнал «Основа», издававшийся в Петербурге, и «Киевская старина», выходившая в Киеве в 1882—1906 гг. На направлении журнала сильно сказывались идеи буржуазных националистов, однако на страницах «Киевской старины» и в приложениях к журналу, особенно в годы редактирования его А. М. Лазаревским, был опубликован ряд важных мемуарных и документальных материалов и статей⁵⁵. С 1893 г. во Львове выходили «Записки Наукового товариства ім. Шевченка».

Украинская буржуазно-дворянская историография второй половины XIX в. проделала большую исследовательскую работу, пустила в научный оборот огромную массу нового документального материала, значительно продвинула вперед разработку многих важных исторических проблем, создала немало трудов, ценных собранными в них историческими фактами. Для методики исторических работ буржуазных историков того времени характерно внимание к документальному материалу и формальной технике его обработки. В пореформенный период продолжала свою деятельность киевская Временная комиссия для разбора древних актов. При активнейшем участии русских и украинских буржуазных историков — Антоновича, Владимирского-Буданова и др. — комиссия издала 34 тома «Архива Юго-Западной России», где были опубликованы богатейшие документальные материалы по истории Украины и главным образом Правобережья XV—XVIII вв.⁵⁶

В пореформенный период Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш продолжают заниматься историей Украины. Новой значительной фигурой был профессор Киевского университета Владимир Бонифатиевич Антонович (1834—1909). Политическим кредо этих историков в пореформенный период была прежде всего борьба с революционно-демократическим, а позже рабочим движением и марксизмом. В 1862 г. Костомаров в связи с разбором некоторых исторических вопросов писал Чернышевскому: «Наши дороги разные», а в своей «Автобиографии» злобно называл великого революционера-демократа «ярим апостолом

⁵⁵ Дневник Н. Ханенко (1884—1886), Дневные записки Якова Марковича (1891—1896), Дневник Ст. Освинцима (1882), Записки Божка-Балыки (1882), Записки барона Тотта (1883), Записки Острожско-Лодвицкого (1886) и т. п. Существует Систематический указатель журнала «Киевская старина» (1882—1906). Полтава, 1911.

⁵⁶ «Архив Юго-Западной России», т. 1—34. Киев, 1859—1914 (далее: Архив ЮЗР).

безбожия, материализма»⁵⁷. В том же году Антонович как один из авторов «Отзыва из Киева» выступил против революционно-демократического движения в России и на Украине. По отношению к самодержавию националистические историки всячески подчеркивали свою лояльность. Кулиш сделал перевод на украинский язык царского манифеста 1861 г. Костомаров в «Богдане Хмельницком» писал, что монархический строй все же имеет преимущества перед республиканским⁵⁸, а в своих публицистических статьях в начале 80-х годов на страницах «Вестника Европы» всячески доказывал лояльность буржуазно-националистического движения на Украине. Кулиш провозгласил тезис «малых дел», призывал к сотрудничеству с царизмом, Габсбургами и польскими помещиками Галиции. И. Франко, имея в виду это пресмыкательство украинских либералов, писал, что либерализм в политике держится только компромиссами, а украинский либерализм — один из худших его вариантов — преисполнен «боязни перед смелой мыслью и в каждом хотя еще живом слове видит революцию и руину поядка»⁵⁹.

Н. Костомаров в этот период находился в либеральном буржуазно-помещичьем лагере. В монографии «Руина» (1879—1880) народные массы изображены как сила, не способная к творческой деятельности. Эти же мысли высказаны Кулишем в «Истории воссоединения Руси» (1873—1877) и «Казак в отношении к обществу и государству». В других сочинениях Костомарова явственно звучат антирусские («Правда москвичам о Руси») и антипольские («Правда полякам о Руси») националистические мотивы.

Видный лидер украинского буржуазно-националистического движения пореформенного периода, возглавлявший «Старую громаду», Антонович был и лидером буржуазно-националистической историографии. Ему принадлежит свыше 300 работ по истории и археологии Украины⁶⁰, он редактировал семь

⁵⁷ «Литературное наследие», т. 2. М., 1928, стр. 403; Н. И. Костомаров. Автобиография. М., 1922, стр. 330.

⁵⁸ Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884, стр. 200—201.

⁵⁹ Ив. Франко. Публицистика. Київ, 1953, стр. 11.

⁶⁰ Главные работы В. Б. Антоновича: Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878; Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие (1362—1569).— «Киевская старина», 1882, январь; Паны Ходаки, воротилы городского самоуправления в Киеве в XVI—XVII ст.— «Киевская старина», 1882, февраль; Монографии по истории Западной и Юго-западной России. Киев, 1885. Ему также принадлежат биографии П. Конашевича Сагайдачного, Б. Хмельницкого, Ю. Хмельницкого, И. Виговского, П. Тетери, И. Брюховецкого, П. Дорошенко, М. Ханенко и др. См. сборник «Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах», Киев, 1885; Уманский сотник Иван Гонта (1766).— «Киевская старина», 1882, февраль; Археологические находки и

томов известной многотомной публикации «Архива Юго-Западной России»⁶¹.

В работах Антоновича излагались взгляды буржуазно-националистического движения. Он подчеркивал, что украинские буржуазные националисты являются противниками революционных методов борьбы при решении национального вопроса. М. Грушевский, писал: «...всякая встреча с „улицей“ вызывала в нем (Антоновиче.— *Ред.*) физическое отвращение; борьба, полемика, конфликт были ему органически чужды»⁶². Оппортунизм в национальном вопросе свойственен всему лагерю украинского буржуазно-националистического движения пореформенного периода. Об этом с возмущением писал М. П. Драгоманов, а революционер-демократ И. Франко гневно клеймил лидеров украинского националистического движения за то, что для них «волы и коровы», т. е. эгоистические интересы украинских помещиков и буржуазии, заменяют все актуальные вопросы национального движения украинского народа.

Антонович выдвигал антиисторическую концепцию о «вечной украинской нации», ее особенностью будто бы является «бесклассовость», которую он сформулировал в виде тезиса о так называемом «демократизме» украинского народа, противопоставляя его в первую очередь русскому народу. Антонович выдвинул положение, что украинский народ принадлежит к выдуманной им категории «безгосударственных наций», для которых главным содержанием исторического процесса являются «национальные стремления». Под этим углом зрения он рассматривал историю крестьян, казаков и мещан на Украине в период XIV—XVIII вв.⁶³ Наконец, для концепции Антонови-

раскопки в Киеве и Киевской губернии в течении 1876 года.— «Чтения в обществе Нестора-летописца», кн. 1, 1873—1877, Киев, 1879; Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893. Вместе с Драгомановым Антонович был редактором сборника «Исторические песни малорусского народа», т. 1—2. Киев, 1874—1875. Под редакцией Антоновича изданы: «Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей». Киев, 1874, «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси». Киев, 1888; «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. 1—2. Киев, 1890—1896.

⁶¹ Архив ЮЗР, ч. III, т. 1, 2, 3, 5; ч. IV, т. 1; ч. V, т. 1; ч. VI, т. 2.

⁶² М. Грушевський і Володимир Антонович, основі ідеї його творчості і діяльності.— «Записки Українського наукового товариства в Київі», кн. III, Київ, 1909, стр. 6.

⁶³ Этим вопросам посвящены вступительные статьи, а по существу монографические работы Антоновича к отредактированным им томам Архива ЮЗР: «Исследование о козачестве по актам с 1500 по 1648 год», «О происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России», «Последние времена казачества на правой стороне Днепра», «Исследование о городах в Юго-Западной России по актам 1432—1798 гг.», «Исследование о гайдамачестве по актам 1700—1768 гг.», «О мнимом крестьянском восстании в Юго-Западном крае 1789 г.».

ча характерны антипольские тенденции, отражавшие недовольство украинской буржуазии и помещиков польской буржуазией и помещиками. Руководствуясь этими постулатами Антоновича, целое поколение украинских буржуазных историков 60—90-х годов XIX в. занималось разработкой истории Украины в духе буржуазного национализма.

Одновременно с Антоновичем выступила большая группа украинских буржуазных историков, занимавшихся разработкой истории Украины. В конкретных исторических исследованиях многие из них излагали свои выводы, дополнявшие националистическую схему Антоновича.

Разработка археологического прошлого Украины В. Б. Антоновичем, М. Беляшевским, Ф. Волковым (Вовк)⁶⁴ была использована для искусственного противопоставления палеолитических стоянок на Украине аналогичным стоянкам в России. Для методики археологических работ буржуазных националистов характерным является фетишизация культурных остатков древнейших времен при игнорировании социальных процессов, происходивших в человеческом обществе. Историки школы Антоновича уделяли сравнительно много внимания истории Киевского государства, которое изображалось вопреки истине как историческое явление, принадлежавшее исключительно истории Украины. Они освещали и период феодальной раздробленности. В этом отношении показательны работы таких историков, как Н. П. Дашкевич⁶⁵, И. А. Линиченко⁶⁶, М. В. Довнар-Запольский⁶⁷ (ученик Антоновича и его пре-

⁶⁴ Н. Беляшевский был редактором «Археологической летописи Южной России», издаваемой в 1899—1901 гг. при «Киевской старине». Ф. К. Волкову принадлежат «Отличительные черты южнорусской народной орнаментики». — «Труды третьего археологического съезда...», т. 2, Киев, 1878, стр. 317—326; «Предісторичні знахідки на Крилівській улиці у Київі». — «Матеріяли до українсько-руської етнольоґії», Львів, 1899, т. I, стр. 1—32.

⁶⁵ Н. П. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, по русским и иностранным известиям. — «Университетские известия», Киев, 1873, № 6, 9, 10; его же. Болоховская земля и ее значение в русской истории. — «Труды третьего археологического съезда...», т. 2, стр. 69—139.

⁶⁶ И. Линиченко. Вече в Киевской области. — «Университетские известия», Киев, 1881, № 2; его же. Архивы в Галиции. — «Киевская старина», 1888, август; его же. Черты из истории сословий в Юго-Западной Галицкой (Руси) XIV—XV вв. — «Ученые записки Московского университета, отд. историко-филолог.», вып. 20, 1894.

⁶⁷ М. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII столетия. — «Университетские известия», Киев, 1890, № 11, 12; 1891, № 2; его же. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901; его же. Из истории литовско-польской борьбы за Вольнь. Киев, 1896; его же. Крестьянская реформа в Литовско-Русском государстве в половине XVI века. — ЖМНП, 1905, март, апрель; он же редактор «Актов Литовско-Русского государства», вып. 1 (1390—1529). М., 1899.

емника по кафедре) и Ф. Леонтовича⁶⁸, которые много занимались изучением литовско-украинских отношений. Повторяя положения Антоновича о Литовском княжестве, Довнар-Запольский пытался путем совершенно априорных построений доказывать, что вхождение украинских земель в состав Литовского княжества якобы закрепило Украину на «особом» историческом пути, отличном от пути русского народа. Истории казачьего движения и Запорожской Сечи посвящены работы Д. И. Эварницкого⁶⁹, статьи Л. Падалки⁷⁰, исследования А. А. Андриевского⁷¹, воспевавшие мнимый демократизм казачества.

История западноукраинских земель отражена в работах местных буржуазно-националистических историков: В. Ильницького, занимавшегося проблемами Галицко-Владимирского княжества; К. Заклинского — автора работы «Русские летописи и летописцы XVII в.» (1880), «Отношения императора Рудольфа II с казаками» (1880), «Летопись Хмельницкая» (1880). Наиболее значительным буржуазным историком Западной Украины был И. Шараневич, профессор Львовского университета⁷². Некоторую роль сыграл А. Барвинский главным образом как редактор «Руської історичної бібліотеки», выходившей в 80-х годах и популяризовавшей работы Антоновича, Костомарова и др. В статье «Национальная бестактность» Н. Г. Чернышевский метко подчеркнул, что и так назы-

⁶⁸ Ф. Леонтович. Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863; его же. Историческое исследование о правах литовско-русских евреев.— «Университетские известия», Киев, 1864, № 3 и 4; его же. Русская Правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права [Киев, 1865].

⁶⁹ Д. И. Эварницкий. История запорожских козаков, т. I—III. СПб., 1892—1897; его же. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888; его же. Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. СПб., 1889 и ряд статей в «Киевской старине».

⁷⁰ Падалка. Была ли на о. Томаковке Запорожская Сечь.— «Киевская старина», 1893, май; его же. К вопросу о существовании Запорожской Сечи в первые времена запорожского козачества.— «Киевская старина», 1894, май—июнь; его же. Над Великим лугом Днепровским.— «Киевская старина», 1897, май.

⁷¹ А. Андриевский. Материалы для истории Южнорусского края в XVIII стол. (1715—1774), извлеченные из старых дел Киевского губ. архива. Одесса, 1886; его же. Материалы для истории Запорожья. Одесса, 1893. В 1882—1886 гг. под редакцией Андриевского вышло 10 выпусков «Исторических материалов из Архива Киевского губернского правления».

⁷² И. Шараневич. Стародавний Львов. Львов, 1861; его же. Стародавний Галич.— «Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860», Львів, 1860, его же. История Галицко-Володимирской Руси. Львов, 1863; его же. Церковная унія на Руси и впливє ей на змену общественного положєнія мірского русского духовенства. Львів, 1897.

ваемые москвофильские и украинофильские оттенки во взглядах западноукраинских буржуазных деятелей и националистических историков в итоге сводятся к тезису о сотрудничестве с габсбургской монархией и польскими помещиками края. Из других западноукраинских буржуазных историков следует отметить В. Мильковича, профессора Черновицкого университета, закарпатских историков — И. Дулишкевича, автора компилятивной работы «Исторические черты угро-русских» (1874—1877), и Г. Жатковича, которому принадлежат статьи и небольшие исследования по истории Закарпатья⁷³, а также Т. Легоцкого⁷⁴.

Одним из видных представителей буржуазно-либеральной историографии был известный украинский общественный деятель, историк, профессор Киевского и Софийского университетов М. П. Драгоманов (1841—1895). Ему принадлежит ряд работ по истории Украины: «Историческая Польша и великорусская демократия», «Передне слово до „Громади“», «Чудацьки думки про українську національну справу», «Пропащий час» и др.

Характерной чертой исторического мировоззрения Драгоманова является непоследовательность и противоречивость: он выдвинул тезис о сотрудничестве прогрессивных сил русского и украинского народов в борьбе против самодержавия и в то же время пребывание Украины в составе России назвал «потерянным временем». Он критиковал нерешительность и оппортунизм русской и украинской либеральной буржуазии и вместе с тем нападал на общероссийское революционное движение и марксистское в особенности. В. И. Ленин отмечал положительные моменты в идеологии Драгоманова, например критику либерализма⁷⁵, но осудил и разоблачил его националистическую концепцию, назвав его националистическим мещанином⁷⁶.

Драгоманов живо интересовался ролью украинского национального вопроса в общероссийском общественном движении второй половины XIX в. и боролся против нигилистического отношения к этому вопросу со стороны прогрессивной общенности России и Украины. Для обоснования своей точки

⁷³ Вопросы истории Закарпатья также изложены в работе львовского историка Ф. Свистуна «Прикарпатская Русь под владением Австрии», ч. 1—2. Львов, 1895—1896.

⁷⁴ Работы Т. Легоцкого по истории г. Мукачево и Береговской жупы 1882 г. на немецком языке, другие на венгерском (см. Lehoszky. Th. Ilist. Statist. Beschreibung der ehemaligen Festung Munkacs. Ungwár, 1882; его же. Beregvárgye monográfia, kötet, I, II, III. Ungwár, 1881).

⁷⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 64.

⁷⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 29.

зрения Драгоманов привлёк значительный материал социально-экономической и политической истории, исторической географии, этнографии и фольклора ⁷⁷.

Драгоманов высказал свое суждение по всем сколько-нибудь значительным вопросам истории Украины XIV — первой половины XIX в., но, как и в общеполитических суждениях, его исторические положения исполнены противоречий и непоследовательности. Драгоманов считал, что центральным содержанием исторического процесса эпохи феодализма на Украине являлась борьба крестьянства против крепостнических порядков и вместе с тем ряд крестьянских движений, как, например, восстание 1768 г., считал реакционным и вообще скептически относился к крестьянству как политической силе ⁷⁸, в подтверждение такого своего вывода ссылаясь на Лассалья ⁷⁹. Он то настаивал на том, что украинский народ — нация мужиков, то вынужден был признать существование и «своей» казацкой старшины, и «своего панства и поповства», и наличие острой классовой борьбы. Драгоманов критиковал народничество за примитивный подход к вопросам социализма ⁸⁰, а сам провозглашал Запорожскую Сечь своеобразным «эмбрионом... социалистических федераций» ⁸¹; вся сложная борьба XVII в. на Украине, по его мнению, шла под знаком приближения к социалистическим идеям свободы и равенства ⁸². Историческая концепция Драгоманова критиковалась его современниками и слева (И. Франко) и справа (Антоновичем). Наследство Драгоманова использовалось в историографии и политике как демократами, так и либералами.

Представитель либеральной группы, профессор Киевского университета И. В. Луцицкий (1845—1918) занимался исследованием аграрных отношений на Левобережье и Западной Украине ⁸³. Он собрал большой документальный материал и значительно продвинул вперед изучение истории общинных отно-

⁷⁷ М. П. Драгоманов. Вибрані твори, т. I. Прага, 1937. Передне слово до «Громади».

⁷⁸ Там же, стр. 95—96, 181.

⁷⁹ Там же, стр. 169.

⁸⁰ Там же, стр. 175—176.

⁸¹ Там же, стр. 98.

⁸² Там же, стр. 180.

⁸³ И. Луцицкий. Общинное землевладение в Малороссии.— «Устой», СПб., 1882, № 7; его же. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII века.— «Отечественные записки», 1882, № 1); его же. Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII в.— «Земский обзор», 1883, № 6; его же. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии. СПб., 1889; его же. Крестьяне и крестьянская реформа в восточной Австрии.— «Киевская старина», 1901, март, май.

шений на Украине. В первых его работах чувствуется влияние народнических идей о роли общины⁸⁴.

Профессор Харьковского университета Д. И. Багалей, начавший свою деятельность в 80-х годах, издал обстоятельные исследования по истории Слободской и Степной Украины⁸⁵.

Российская буржуазно-дворянская историография в первые десятилетия пореформенной эпохи в лице К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского и представителя официального направления Д. И. Иловайского не внесла ничего нового в разработку истории Украины по сравнению с концепцией государственной школы. В 80—90-е годы выступили с оригинальными работами преимущественно на темы освободительной войны 1648—1654 гг. и второй половины XVII в. московские историки А. А. Востоков⁸⁶ и В. Эйнгорн⁸⁷.

Великодержавная буржуазная историография, занимавшаяся вопросами истории Украины, во второй половине XIX и начале XX в. представлена главным образом русскими историками, работавшими на Украине: воинственным великодержавником Г. Ф. Карповым, профессором Харьковского университета; буржуазным либералом М. Ф. Владимирским-Будановым; профессором Киевского университета; П. Голубовским, П. А. Ивановым, профессорами Киевской духовной академии и др.

⁸⁴ О Драгоманове как историке античного мира и о Лучицком как историке нового времени см. в соответствующих разделах настоящей книги.

⁸⁵ Д. Багалей. Генеральная опись Малороссии.— «Киевская старина», 1883, ноябрь; его же. Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст.— «Киевская старина», 1883, декабрь; его же. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства.— «Чтения ОИДР», 1886, кн. 2; его же. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры.— «Киевская старина», 1889, апрель, май, июнь, июль; его же. Заметка о рукописях Г. С. Сковороды.— «Киевская старина», 1894, сентябрь и др.

⁸⁶ А. Востоков. Козелецкая рада 1662 года.— «Киевская старина», 1887, февраль; его же. Нежичская рада 1663 г.— «Киевская старина», 1888, май; его же. Первые сношения Богдана Хмельницкого с Москвой.— «Киевская старина», 1887, август; его же. Суд и казнь Григория Самойловича.— «Киевская старина», 1889, январь; его же. Черняк Иван, Полтавский полковник.— «Киевская старина», 1889, октябрь; его же. Судьба Выговских и Ивана Нечая.— «Киевская старина», 1890, январь; его же. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 году.— «Киевская старина», 1890, май.

⁸⁷ В. Эйнгорн. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1890; его же. Иван Андреевич Шматковский, протопоп Глуховский и его сношения с московским правительством (1653—1673).— «Киевская старина», 1892, октябрь; его же. Киевский воевода П. В. Шереметев и нежинский магистрат (1666—1669 гг.).— «Киевская старина», 1891, ноябрь; его же. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу.— ЖМНП, 1897, ноябрь и др.

Вся история Украины, в представлении Карпова, сводится к тому, что эта бывшая провинция Польши сделалась провинцией России. Полемизируя с украинскими буржуазными националистическими историками (Костомаровым, Кулишем) и отстаивая свои великодержавно-шовинистические положения, Карпов поднял ряд важнейших документальных материалов по истории Украины⁸⁸. Такие же положения развиты и в работах П. Голубовского и П. Иванова в связи с разработкой ими проблем раннего феодализма⁸⁹.

Перу М. Ф. Владимирского-Буданова принадлежат обстоятельное введение к отдельным томам «Архива Юго-Западной России», а также статьи в «Чтениях»⁹⁰. Через все работы Владимирского-Буданова красной нитью проходит тезис, что как Правобережье, так и Украина в целом были лишь русской провинцией; он повторяет в этом вопросе Соловьева и Карпова. Вместе с тем Владимирский-Буданов считает возможным примирять великодержавно-шовинистические и буржуазно-националистические историографические концепции в вопросах о казаках, о колонизации Правобережной Украины. Позиция компромисса между великодержавной и националистической концепциями еще более ярко выражена в изданиях по истории Украины П. Н. Батюшкова⁹¹. Показательно в этом отношении

⁸⁸ Г. Карпов. Г. Костомаров как историк Малороссии. М., 1871; его же. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462—1508.— «Чтения ОИДР», 1866, кн. 3 и 4; его же. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией.— «Православное обозрение», М., 1871, август, сентябрь; его же. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россией.— ЖМНП, 1871, ноябрь, декабрь; его же. Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великою Россией.— «Летопись занятий Археографической комиссии», СПб., 1877, вып. 6; его же. В защиту Богдана Хмельницкого.— «Чтения ОИДР», 1889, кн. 1.

⁸⁹ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884; его же. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881; П. А. Иванов. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895.

⁹⁰ М. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве.— ЖМНП, 1868, август, сентябрь, ноябрь, декабрь; его же. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века. Архив ЮЗР, ч. VII, т. 1. 1886; его же. Население Юго-Западной России от половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.).— Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, 1890; его же. Кому принадлежит главная роль в деле заселения Украины в конце XVI и нач. XVII в.?— Архив ЮЗР, ч. VII, т. III, 1905; его же. Очерки из истории литовско-русского права, вып. I—II. Киев, 1889—1890 и др.

⁹¹ Издания П. Н. Батюшкова: Памятники русской старины в западных губерниях империи, вып. 1—7. СПб., 1868—1885; Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887. В этих сборниках участвовали как представители русской великодержавно-шовинистической, так и украинской буржуазно-националистической историографии.

и то, что некоторые из упомянутых выше историков, начав как представители официальной великодержавной и даже клерикальной историографии, в дальнейшем, особенно после событий 1905 г., не только ищут компромисса с украинскими буржуазными националистами, но даже переходят на идейные позиции последних. Такова эволюция, в частности, Н. И. Петрова и К. В. Харламповича⁹².

Известный компромисс между великодержавной и националистической историческими концепциями был в конечном счете одним из идеологических выражений политического сговора русских и украинских помещиков и буржуазии против народа в обстановке вызревания буржуазно-демократической революции.

II

ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛОРУССИИ

Во второй половине XIX в. историческая мысль в Белоруссии, как и во всей царской империи, развивалась под влиянием капиталистических отношений. В это время в связи с формированием белорусской буржуазной нации усилился интерес к народному творчеству. Народное творчество Белоруссии, отражало демократические стремления народных масс, направленные к борьбе с эксплуататорскими классами и с этих позиций освещало понимание народом его прошлых и настоящих исторических судеб. Собиратели народных песен во второй половине XIX и в начале XX столетия стояли по большей части еще на буржуазных позициях общности интересов всех классов, и это в значительной степени снижало ценность их работ.

К собирателям фольклора относились П. М. Шпилевский (1827—1861), много путешествовавший по Белоруссии, собиравший этнографические и фольклорные материалы и писавший о белорусском народном творчестве¹, И. И. Носович (1788—1877), уроженец г. Мстиславля, учитель по профессии, работавший в области лингвистики и фольклора², П. В. Шейн (1826—

⁹² Н. И. Петров. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884; его же. Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья, изд. П. Н. Бажюшков. СПб., 1887; его же. Киевская Академия во второй половине XVII века. Киев, 1895 и др.; К. Харлампович. Острожская православная школа.—«Киевская старина», 1897, май, июнь; его же. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898; его же. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. 1. Казань, 1914.

¹ См., например, П. М. Шпилевский. Белорусские пословицы, 1853; его же. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.—«Современник», 1853.

² И. И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб., 1870; его же. Сборник белорусских пословиц. «Сборник отделения русского языка и словесности», т. XII, № 2, СПб., 1874; его же. Белорусские песни, СПб., 1874.

1900), народный учитель, искренно и глубоко преданный собиранию народного творчества³, Н. Я. Никифоровский (1845—1910), также учитель начальной школы, проведший большую часть своей жизни в Витебской губернии⁴, Е. Р. Романов (1855—1921), учитель Гомельского городского училища, организатор археологических музеев в Витебске и Могилеве, собравший огромное количество этнографического материала, который ему до конца жизни не удалось подвергнуть окончательной обработке⁵.

Все эти собиратели белорусского народного творчества были энтузиастами, отдавшими этому делу всю свою жизнь. Они были близки народным массам, жили и работали в качестве учителей среди народа, привлекали к собиранию народных песен людей из народа и сельскую интеллигенцию. Собранными ими материалами до настоящего времени пользуются ученые фольклористы и этнографы. Почти все они были связаны с основанным в 1845 г. Русским географическим обществом, которое вело со второй половины XIX в. широкую работу по изучению белорусского народного творчества. Но при всей своей любви к этому виду творчества и при всем своем сочувствии народным массам они не сумели понять и оценить антикрепостнической социальной направленности произведений народа. Подбирая произведения народного творчества для включения их в составляемые ими сборники, они останавливались главным образом на песнях бытового, семейного, обрядного, праздничного и любовного содержания. Мотивы борьбы с угнетателями и ненависти к ним оставались в стороне или затушевывались. Белорусский народ представлялся в подобранных ими к изданию народных произведениях в виде покорного народа, всецело ушедшего в свою семейную и обрядово-бытовую жизнь.

Поэтому, несмотря на бесспорные заслуги указанных фольклористов, народная поэзия и вместе с ней и вся историческая жизнь белорусского народа приобретала в их работах одностороннее освещение. Иногда эта односторонность переходила

³ П. В. Шейн. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, СПб., 1874; е го ж е. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1—3. СПб., 1887—1902.

⁴ Н. Я. Никифоровский. Очерки Витебской Белоруссии.— «Этнографическое обозрение», кн. XII—XIV, XVII, XX, XXI, М., 1892—1897; е го ж е. Очерки протонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описании предметов обиходности, Витебск, 1895; е го ж е. Протонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах, Витебск, 1897.

⁵ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 1—9, Киев, 1885—1912. Сюда вошли самые разнообразные роды народного творчества — песни, загадки, сказки, заговоры, народные мелодии, записи из области народного быта, верований, праздника и т. л.

даже в реакционно-славянофильское понимание как народного творчества, так и белорусской истории вообще. Это довольно ярко проявилось у известного фольклориста П. А. Бессонова (1826—1898) ⁶. В «Объяснении к изданию» собранных им белорусских песен Бессонов развивал своеобразную славянофильскую философию истории. В песнях, им подобранных, не только игнорируется антикрепостническое содержание народной поэзии, но и дается идиллическая картина полного социального благополучия белорусского народа; крестьяне живут, согласно с этими песнями, «в доброй ласце, в доброй сгоде» с панами и благодарят своего «славного пана за яго хлебы за ситовыя, за яго словцы за пакорныя» ⁷. С этими представлениями о «сгоде» крестьян с их панами перекликались и представления о заботности белорусского народа, которые также иногда высказывались и в некоторых русских журналах 30—50-х годов («Пантеон», «Москвитянин» и др.) и в более позднее время. Так, реакционный писатель второй половины XIX в. Р. С. Попов в своей книге о белорусах дал клеветническое изображение исторических судеб белорусского народа: «тяжкие невзгоды», пишет он, которые претерпел белорусский народ в своем прошлом, «испортили его нрав, забили, принизили его», приучили «изгибаться, коленопреклоняться, лгать и подличать» ⁸.

Интерес к историческому прошлому Белоруссии проявлялся и в археологических исследованиях белорусских ученых.

Главным объектом исследования белорусских археологов во второй половине XIX и в начале XX в. являлась эпоха раннего феодализма. Статьи В. Б. Антоновича, В. З. Завитиевича, А. А. Спицына, Е. Р. Романова, А. П. Сапунова представляют собой попытки систематизации значительного материала археологических раскопок и поисков, проведенных на территории Белоруссии. Тем самым был сделан первый шаг в области археологического изучения Белоруссии.

Эти работы давали исторической науке интересный и важный материал для характеристики быта, материальной культуры и расселения древнерусских племен в раннефеодальный период. Однако наблюдения и выводы авторов строились с позиций глубоко ошибочных. Совершенно игнорировалось развитие производительных сил. Некоторые авторы (например, Е. Р. Романов) пытались использовать данные археологии для тенденциозных толкований в духе великодержавного шовинизма, другие же (А. К. Киркор, Е. Тышкевич) — в духе польского национализма.

⁶ П. А. Бессонов. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871.

⁷ Там же, стр. 7—8.

⁸ Р. С. Попов. Белоруссия и белорусы. М., 1879, стр. 22.

Главные работы дореволюционного периода, дающие археологический материал по истории Белоруссии, появляются в конце XIX — начале XX в. Из них надо особенно отметить труды В. Б. Антоновича⁹, В. З. Завитневича¹⁰, А. А. Спицына¹¹, в которых на основе курганных раскопок дается характеристика белорусских древностей и картина расселения древнерусских племен, а также работы Е. Р. Романова¹², А. П. Сапунова¹³ и др. В этих работах собран ряд сведений, характеризующих быт и материальную культуру поселений городского и сельского типа на территории Белоруссии, погребальные обряды восточнославянских племен и пр. Однако в них было много существенных недостатков, снижавших их научное значение. Они давали мало материала для широких обобщений, не помогали разрешению вопроса об этногенезе славян. В них игнорировались вопросы развития производительных сил, ремесла и сельского хозяйства на территории Белоруссии. Почти во всех указанных археологических работах мало изучались памятники, касавшиеся сходства в ремеслах, орудиях и произведениях искусства между различными группами славян Восточной Европы.

На историческую мысль в Белоруссии во второй половине XIX в. оказывали влияние идеи русских революционных демократов. Уже Добролюбов, защищая права всех угнетенных народов — в том числе и белорусского — на самостоятельное развитие, в яркой форме осуждал «мнение» о неспособности белорусов к сопротивлению угнетателям, об их аполитичности и забитости. Мы «не знаем, — писал Н. А. Добролюбов по поводу этого «мнения», — в какой степени ложно это мнение..., но поверить ему, разумеется, не можем. Целый край так вот взяли, да и забили, — как бы не так!... Во всяком случае, вопрос о характеристике белорусов должен скоро быть разъяснен трудами местных писателей. Посмотрим, что еще скажут сами белорусы»¹⁴. В этих словах Добролюбова, характерных для всей русской революционно-демократической мысли 60-х годов, выражено не только ясное понимание того, что белорусский народ спо-

⁹ В. Б. Антонович. Погребальный тип могил радимичей. — «Археологические известия и заметки», вып. 1; «Труды IX археологического съезда», т. II, М., 1897.

¹⁰ В. Завитневич. Формы погребального обряда в Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах Минской губернии. — «Труды IX археологического съезда в Вильне, 1893 г.», т. I, М., 1895.

¹¹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, № 8.

¹² Е. Романов. Старина доисторическая Северо-Западного края. Вильна, 1908.

¹³ А. П. Сапунов. Замечательные населенные места и местности Белоруссии. — «Россия», т. IX, 1905.

¹⁴ Н. А. Добролюбов. Избр. филос. соч., т. II, М., 1946, стр. 261.

собен к революционной борьбе, но и надежда, что эта борьба скоро начнется.

Ответ на эти слова Добролюбова последовал очень скоро — в виде революционного движения, поднятого белорусским крестьянством в период польского восстания 1863 г. Вождем этого революционно-демократического движения был К. Калиновский (1836—1864), издававший в 1863 г. революционную крестьянскую газету «Мужицкая правда», в которой он, между прочим, изложил и свои взгляды на исторические судьбы Белоруссии. Мироззрение К. Калиновского сложилось под влиянием вождей революционной демократии — А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Он был убежден, что самодержавно-крепостнический строй может быть опрокинут только путем народного, главным образом крестьянского, восстания и что успех этого восстания зависит от того, насколько оно будет направлено на защиту требований и интересов крестьян. Таким образом, в борьбе классов он видел главную пружину истории и этим отвергал распространенное тогда убеждение о единстве классовых интересов белорусских помещиков и крестьян в их борьбе против царского самодержавия. Вместе с тем он понимал историческое значение союза между народными массами, главным образом крестьянскими, всей тогдашней Российской империи, надеясь на поддержку русских крестьян. Калиновский осознал тесную связь исторических судеб русского и белорусского народов и видел в восстании 1863 г. в Белоруссии часть общероссийской революции. Но он не поднялся еще до материалистического понимания истории и видел в просвещении и науке основные и самостоятельные силы исторического развития. Он также переоценил силу крестьянских восстаний и их роль в историческом процессе. Но его исторические взгляды носили прогрессивный характер и соответствовали революционному характеру его деятельности как вождя крестьянского революционно-демократического движения в Белоруссии.

Таковыми же революционно-демократическими идеями были проникнуты исторические представления и других крупных писателей Белоруссии конца XIX и начала XX в.— Ф. К. Богушевича (1840—1900), «Тетки» (Элоизы Пашкевич) (1876—1916) и др. Конечно, у них нельзя искать какой-либо четко выраженной исторической концепции. Взгляды на прошлое, историческая оценка настоящего и ожидание будущего были только вкраплены в их произведения. В основном их творчество характеризуется ненавистью к феодально-крепостническому прошлому, к самодержавно-помещичьему настоящему и мечтами о лучшем будущем, которое придет тогда, когда народ поднимется на революционную борьбу. Связь с народными массами и революционно-демократические настроения были не одинаковы у

каждого из указанных писателей. Подобно К. Калиновскому, они переоценивали роль и значение крестьянского движения и отдавали дань идеализму (например, М. Богушевич). Но для своего времени все они сумели дать прогрессивную, проникнутую революционно-демократическими настроениями оценку исторического процесса и содействовали правильному взгляду на историческое развитие.

Важной особенностью развития исторической мысли Белоруссии второй половины XIX — начала XX в. является ее непосредственная связь с русской исторической мыслью. Она заняла во многом те же идейные позиции, которые складывались в отдельных течениях русской историографии. На ней в значительной степени отражалось влияние трудов русских буржуазных историков. В общих курсах русских буржуазных историков XIX и начала XX в., начиная с С. М. Соловьева, история Белоруссии или, как тогда говорили, Западного или Северо-Западного края рассматривалась главным образом в связи с необходимостью объяснить процесс собирания русских земель и укрепления Русского государства. Белоруссия интересовала авторов общих курсов истории России не сама по себе, а лишь как одна из составных частей укреплявшегося Русского государства. Поэтому о Белоруссии в курсах по истории России Соловьева¹⁵, Ключевского¹⁶, Бестужева-Рюмина¹⁷, Костомарова¹⁸ говорилось в главах, посвященных ими внешней политике, главным образом войнам между Россией и Польшей, или росту Русского государства. Это было результатом господствовавшего у большинства русских буржуазных историков великодержавного представления о том, что все народы, кроме русского, были только материалом, из которого создавалось здание Русского государства.

В некоторых других работах проявлялась полонофильская тенденция. К ним принадлежала работа О. В. Турчиновича¹⁹, автор которой считал, что история Белоруссии, начиная с XV в., сливается с историей Польши. Турчинович, впрочем, не отрицал самостоятельности истории Белоруссии до XV в.

¹⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, стр. 627, 807, 849, 930, 1092, 1103.

¹⁶ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III, лекция 45. Параграф «Западная Русь» прямо включен в более широкий раздел «Внешнее положение Московского государства после смуты».

¹⁷ К. Н. Бестужев-Рюмин. О том, как росло Московское княжество и сделалось русским царством. СПб., 1866. Самое название этой книги говорит, в каком аспекте рассматривал автор историю «Западно-Русского края».

¹⁸ Н. И. Костомаров. Начало единой державы в древней Руси. Собр. соч., кн. 5.

¹⁹ О. В. Турчинович. Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

Под влиянием формирования и развития белорусской буржуазной нации появился ряд работ, посвященных истории Белоруссии, истории Великого княжества Литовского, в которое входила Белоруссия, или отдельным ее вопросам. По своей социально-политической направленности их можно разделить на две группы: консервативно-монархическую и клерикальную и либерально-буржуазную.

В работах первой группы поддерживалась великодержавная точка зрения, хотя и признавались особенности белорусской истории. Но, несмотря на это, проводилась мысль о том, что царская империя имеет исторические права на Белоруссию. Эти права — в согласии с политическими взглядами консервативных историков — оправдывались фактом совместной борьбы белорусских феодалов и дворян, православной церкви и русской государственной власти с внешними врагами; только феодалы, православное духовенство и русские цари, по представлениям указанных историков, были главными силами, благодаря которым удалось отстоять Белоруссию от покушений Польши и католической церкви (а раньше — немцев и татар). Вхождение Белоруссии в состав царской России — это тоже заслуга якобы только белорусских феодалов (вроде князей Острожских), иерархов (вроде Мелетия Смотрицкого) и царей (раньше — великих князей). Роль белорусского народа, поднимавшего непрерывные восстания против польско-литовских панов, против католической церкви, а позднее и против царской власти, совершенно игнорировалась. Если о народных восстаниях эти историки иногда и говорили, то трактовали их как движения, направленные главным образом против католической церкви: руководящая роль в них приписывалась тем же служителям православной церкви, православным феодалам и шляхтичам; народ же якобы играл подчиненную роль и в качестве самостоятельной силы, имеющей свои собственные классовые интересы, не выступал.

Это устраняло для данной группы историков необходимость изучения истории белорусского народа. Изучались действия литовских, польских или русских властей, духовных особ и соборов, постановления шляхетских сеймов.

Клерикально-монархическая тенденция ярко выразилась в работах наиболее крупного из историков этой группы М. О. Кояловича (1828—1891). Им был написан ряд трудов, прямо относящихся к истории Белоруссии. Наиболее крупные из них: «Литовская церковная уния» (1859—1861), «Чтения о церковных западно-русских братствах...» (1862), «Лекции по истории Западной России» (1864), «История воссоединения западно-русских униатов старых времен» (1873) и др. По своим политическим взглядам Коялович примыкал к славянофилам и был

связан личной дружбой с И. С. Аксаковым. Заслугу сохранения религиозной и политической самобытности белорусского народа, несмотря на угнетение его поляками-католиками, он приписывал русским царям и русскому православному духовенству.

Тем не менее нельзя отрицать некоторых успехов Кояловича в изучении истории Белоруссии. Он сумел выделить белорусские элементы из истории тех государств, в состав которых Белоруссия входила в разное время. Все его работы написаны на основе глубокого изучения источников. Некоторые документы он впервые опубликовал и ввел в научный оборот. Так, по поручению Археографической комиссии он издал в 1865 г. «Документы, объясняющие историю Западнорусского края и его отношения к России и Польше». Особенно внимательно он занимался историей западнорусской церкви и западных братств и дал в этом отношении ряд трудов, ценных большим количеством собранных в них фактов.

Менее значительной в научном отношении являлась вышедшая в 1890 г. работа П. Н. Батюшкова «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края». Все историческое развитие Белоруссии Батюшков свел к истории православной церкви и политической деятельности князей. Его научные заслуги связаны с работой по публикации источников. Наиболее важными из этих изданий, осуществленных при участии Батюшкова, являются «Памятники русской старины в западных губерниях» (в виде альбомов рисунков древностей с пояснительным текстом. 1868—1885) и «Атлас народа населения Западнорусского края по исповеданиям» (1863).

Работа П. Д. Брянцева по истории Литовского государства с древнейших времен, как признает сам автор, не научный труд, «а популярная книга»²⁰. Клерикально-монархическая и великодержавная тенденция в ней выражена в особенно яркой и ничем не затушеванной форме. Главную заслугу литовско-русских князей Брянцев видел в том, что они строили в Литве и Белоруссии православные церкви и вообще защищали православие. В дальнейшем дело спасения белорусской и литовской национальностей от поглощения их поляками он приписывал по преимуществу благодетельным стремлениям русских царей. В конце книги он восхваляет Муравьева-вешателя за подавление польского восстания 1863 г.

В работах М. О. Кояловича и П. Н. Батюшкова отразилась и ложная теория «золотого века», которую позднее (уже после Великой Октябрьской социалистической революции) защищали и развивали белорусские буржуазные националисты. Теория «золотого века» заключалась в том, что сторонники ее объявили

²⁰ П. Д. Брянцев. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889.

одним из лучших периодов истории «западных областей Руси» (т. е. Белоруссии) период их вхождения в состав великого княжества Литовского. Игнорируя конкретно-историческую обстановку, они однобоко объясняли образование великого княжества Литовского как следствие только добровольного соглашения и союза феодалов западных земель Руси и литовских князей. Вхождение же «западных областей Руси» (т. е. Белоруссии) в состав Литовского княжества, по их утверждению, не сопровождалось насильственным захватом иноземцами, а осуществлялось в порядке преодоления феодальной раздробленности, и имело якобы большое прогрессивное значение.

Теория «золотого века» уподобляла рост территории, подвластной великим князьям литовским, процессу образования Русского централизованного государства. Между тем, захваты и подчинение литовскими князьями белорусских земель не имели ничего общего с централизацией власти в Московском государстве: литовским князьям не удалось на сколько-нибудь длительный период преодолеть феодальную раздробленность внутри княжества. Наоборот, эти завоевания мешали экономическому прогрессу белорусских земель и ослабляли белорусских князей в политическом отношении.

Поэтому захват белорусских земель литовскими князьями не был прогрессивным явлением в истории Белоруссии. Он только препятствовал воссоединению белорусских земель с единоплеменной Русью, в составе которой развитие этих земель было бы поставлено в более благоприятные условия.

Сторонники теории «золотого века» утверждали, что в период существования великого княжества Литовского крестьянские массы Белоруссии не испытывали феодального гнета, тогда как в действительности в течение XV—XVI вв. непрерывно и во все расширяющихся масштабах шел процесс разграбления феодалами крестьянских земель и усиления крепостничества, принявшего к концу XVI в. самые грубые и беспощадные формы.

Время от образования великого княжества Литовского до Люблинской унии 1569 г. объявлялось периодом расцвета белорусской государственности, периодом существования суверенного Белорусского государства, хотя факты убедительно свидетельствуют о полном отсутствии государственной самостоятельности, политическом бесправии белорусского народа и иноземном гнете, царившем на белорусских землях.

Основным недостатком трудов либеральных историков был историко-юридический подход к изучению истории белорусского народа: исследовались главным образом история учреждений и законов, а также правовое положение отдельных социальных групп. Изучение истории велось в направлении определения того, какие права и обязанности нес в прошлом тот или иной

класс или сословие. Движущие силы истории — рост производительных сил и классовая борьба, обострившаяся под влиянием этого роста, — совершенно игнорировались.

С этих формально-юридических позиций по истории Белоруссии написаны работы киевского профессора историка права М. Ф. Владимирского-Буданова²¹. Эволюция права у Владимирского-Буданова не связана с социально-экономическими отношениями, и крестьянское землевладение характеризуется на основе только юридических различий между отдельными группами крестьян. В 70—80-х годах XIX в. Владимирский-Буданов много работал над изданием архивных документов, относящихся к Западной Руси, и был главным редактором Киевской временной комиссии по разбору древних актов. Он внимательно изучал литовское право и показал его отношения к праву русскому.

Несколько работ обобщающего характера по истории великого княжества Литовского — в связи с историей Белоруссии — написано и киевским профессором М. В. Довнар-Запольским²². Хотя в работах Довнар-Запольского большое внимание уделяется вопросам хозяйства и истории крестьянства, однако изучение развития экономической жизни подчинено в них тому же государственно-юридическому аспекту, что и работы других указанных выше историков: рассматриваются отдельные категории народных доходов, определяются правовые признаки, отделявшие разные группы населения друг от друга, но история народа, трудовых масс остается в тени.

С ярко выраженных идеалистических и националистических позиций написана работа В. Б. Антоновича по истории великого княжества Литовского до половины XV столетия²³. В этой работе проводилась мысль о борьбе в великом княжестве Литовском двух культур: польско-католической и русско-православной, причем главное их различие он видел в национальных и религиозных признаках. Вследствие этого Антонович подменял классовую борьбу борьбой национально-религиозной и отстаивал мысль о бесклассовости исторического развития вообще, что было свойственно его украинской буржуазно-националистической концепции.

²¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права. — «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. III, IV, VII, Киев, 1889—1893; его же. Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в. — «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая», Киев, 1892; его же. Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства — «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. III, Киев, 1889.

²² М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891 и др.

²³ В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

Внимание историков привлекала история белорусского города. Работы в этой области в подавляющем большинстве представляли собой различные по объему статьи. Они публиковались в журналах «Вестник Юго-Западной и Западной России», «Вестник Западной России», в местных периодических изданиях, главным образом в губернских ведомостях и памятных книжках, издававшихся в каждой губернии²⁴. В этих статьях использован разнообразный фактический материал источников и данные краеведческого характера. В них отчетливо выступает также формально-юридическая позиция авторов и идеалистическое понимание истории. Естественно поэтому, что их научная ценность исчерпывается накоплением и систематизацией материала. Попытки периодизации, оценки сущности событий, встречающиеся в отдельных работах, не только далеки от исторической действительности, но нередко искажают ее. Попыткой обобщенного изложения истории белорусских городов является работа В. К. Стукалича²⁵. Автор пытается проанализировать значение Магдебургского права в истории белорусских городов, вскрыть влияние роста шляхетских привилегий на упадок городов. Решая вопросы развития городов Белоруссии с позиций идеализации вичевого строя и общины, Стукалич приходит к явно ошибочным выводам. Тем не менее его работа представляет известный интерес, являясь первой попыткой специального исследования развития городов Белоруссии.

К обобщающим исследованиям, посвященным отдельным вопросам белорусской истории, относится монография Ф. В. Тарановского о памятниках Магдебургского права западнорусских городов²⁶.

²⁴ Из очень большого числа статей и отдельных работ следует назвать: И. Крашевский. Исторические сведения о Брест-Литовске (1845); Вл. Сырокомля. Хроника города Минска (пер. с польского) (1857); А. Т. Радзишевский. Историческое описание города Гродно (1860); А. Сементовский. Витебск и уездные города Витебской губернии (1864); П. Дружиловский. Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII до начала XVI века (1867); И. Малышевский. Очерк истории Турова (1880); Д. Булгаковский. Исторический очерк Волковыска (1882); А. Грубницкий. Хроника белорусского города Могилева (1887); Е. Орловский. Очерк истории города Гродны, (1889); И. Д. Беляев. Рассказы из русской истории, т. IV. История Полотска или Северо-Западной Руси (1872); К. А. Плавский. Минск, его прошлое и настоящее от древнейших времен до Люблинской унии, ч. I. Строй жизни Полотска и Великогоро княжества Литовского. (1872).

²⁵ В. К. Стукалич. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск, 1893. А. П. Смородский. Летопись города Минска.— Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1891 год. Минск, 1890. В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев 1896; А. Л. Виноградов. Гомель. Его прошлое и настоящее (1142—1900). М., 1900.

²⁶ Ф. В. Тарановский. Обзор памятников Магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. Варшава, 1897.

Большое научное значение имеет обоснованное Тарановским доказательство того, что в текстах грамот на Магдебургское право, выдававшихся белорусским городам, были использованы лишь отдельные его нормы, тогда как местное право и вечевая традиция играли весьма серьезную роль. Однако в книге нет анализа социально-экономических причин этого весьма важного обстоятельства, поскольку автор не выходит за пределы формально-юридического анализа, но сам по себе вывод верен и весьма важен для правильного понимания всей проблемы Магдебургского права в городах Белоруссии.

Много работ, в том числе монографических исследований, было посвящено другим вопросам белорусской истории. Как специальные труды, они сохраняют, несмотря на свойственные им методологические недостатки, значение и для нашего времени, так как в них собрано и обработано много ценных фактических данных. Из этих специальных работ надо особенно выделить труды М. К. Любавского как историка, занимавшегося по преимуществу историей великого княжества Литовского и Белоруссии. М. К. Любавский написал несколько книг по специальным вопросам, прямо касавшихся истории Белоруссии. Из них надо особенно отметить «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (1892) и «Литовско-Русский сейм» (1901) — большую работу, в которой происхождение и развитие этого учреждения исследовалось в связи с национально-политической борьбой между польскими, литовскими и русскими панями и организацией шляхетства как сословия в Литовско-Русском государстве. По обилию собранных в этих книгах документальных данных и некоторым частичным обобщениям они не потеряли своего значения и для нашего времени. Некоторые взгляды М. К. Любавского, развитые им в этих работах, были ошибочными, например о том, что подчинение Литве русских земель было добровольным, не связанным с завоеванием. Феодализм Любавский понимал только как политическое явление и излагал его историю лишь в свете отношений феодалов разных рангов друг к другу; возникновение крепостного права в Литве и Белоруссии он рассматривал с позиций историко-юридической школы, видя в нем развитие правовых отношений, которым были подчинены смерды в Киевском государстве. Однако работы М. К. Любавского по сбору и анализу данных, почерпнутых из источников, многие из которых он впервые ввел в научный оборот, до сих пор сохраняют свою ценность.

В связи с вопросом о сеймах историков, принадлежавших к юридической школе, интересовало и литовское законодательство. Это вызвало появление ряда работ, посвященных изуче-

нию литовских статутах²⁷. В них обстоятельно исследованы источники и состав статутах и дано их юридическое толкование. В этом отношении они имеют ценность для историков, ибо представляют материал для изучения правового положения различных групп населения Литвы и Белоруссии.

Довольно много исторических работ посвящено культуре Белоруссии и государств, в состав которых она входила²⁸.

Хотя эти работы были написаны с идеалистических позиций, в них собран обширный материал, характеризующий самобытность белорусской культуры и борьбу белорусского народа против полонизаторской политики польских королей. Н. Н. Любoвич, например, собрал интересный материал, касающийся деятельности иезуитов, их противников и реформаторов, принадлежавших в конце XVI в. к различным направлениям церковного движения в Польше, Литве и Белоруссии. К. Б. Харлампович много сделал для выяснения роли церковных братств и организованных при них православных школ, защищавших права белорусского населения на образование и культуру. Особое значение имеют работы академика Е. Ф. Карского, в которых подробно исследованы вопросы формирования и развития белорусского языка и белорусской литературы.

Была проделана также большая работа по собиранию и изданию источников по истории Белоруссии. Основная масса публикуемых документов содержала данные по вопросам аграрных отношений, истории церкви, сословных учреждений и политических отношений в Белоруссии. При этом подавляющее большинство документов относится к XVI—XVIII вв. Менее освещены источниками и соответственно с этим менее изучались ранний период истории белорусских земель, т. е. период феодальной раздробленности, XIV—XV вв., а также XIX и начало XX в. Вследствие этого большинство изданных источни-

²⁷ И. Н. Данилович. Взгляды на литовское законодательство и литовские статуты.— «Юридические записки, издаваемые П. Г. Редкиным и К. К. Яневичем-Яневским», т. 1. СПб., 1841; Ф. И. Леонтович. Русская Правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права. [Киев, 1865]; Чарнецкий. История литовского статута.— «Университетские известия», Киев, 1867, № 1; С. А. Бершадский. Литовский статут и польская конституция, СПб., 1893; М. Н. Ясинский. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства, Киев, 1889.

²⁸ Н. Н. Любoвич. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI в. Варшава, 1888; его же. Начало католической реакции и улагод реформации в Польше, Варшава, 1890; П. Н. Жукoвич. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901; К. В. Харлампович. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898; П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. [СПб.,] 1888; А. С. Архангельский. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI и первой половины XVII века, М., 1888.

ков касается главным образом периода развитого феодализма. Периоды же раннего феодализма и разложения феодальных отношений и особенно периоды капитализма и империализма в изданных материалах представлены значительно слабее. Что касается содержания изданных источников, то в них менее всего представлены факты, связанные с классовой борьбой, с движениями народных масс и народными восстаниями.

Из документов, касающихся общей истории Белоруссии, следует особенно отметить «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» и «Акты, относящиеся к истории Западной России»²⁹. Оба издания осуществлены Археографической комиссией. В издании документов принимали участие и местные учреждения. Из местных изданий важное значение имеют «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией»³⁰, а также другое виленское издание, осуществленное Управлением Виленского учебного округа, — «Археографические сборники документов, относящихся к истории северо-западной Руси» (т. 1—14, 1867—1904 гг.), «Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской» (в 32 томах, издававшихся в 1871—1906 гг., г. Витебск). Много местного материала, особенно касающегося национально-религиозной борьбы в Литве и Белоруссии, заключено в многотомном издании «Архив Юго-Западной России» и в «Виленском сборнике»³¹.

В XIX в. издавались также многочисленные документы, которые касались отдельных сторон истории Белоруссии и тесно связанных с ней княжества Литовского и королевства Польского. Документы внешнеполитического содержания имеются в издании памятников дипломатических сношений Московского государства³².

При всем многообразии и большом количестве этих собраний источников по частным вопросам они, однако, далеко не достаточны для правильного освещения наиболее существен-

²⁹ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. 1—15. СПб., 1863—1892; «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 1—5. СПб., 1846—1853.

³⁰ «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией», т. 1—39. Вильна, 1865—1915.

³¹ См. также «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и Польше». СПб., 1865: «Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния», ч. I—II. СПб., 1863, собранные и изданные П. О. Бобровским; «Материалы для географии и статистики России. Минская губерния», ч. I—II. СПб., 1864; изд. И. Зеленского; «Опыт описания Могилевской губернии...», кн. I—III, 1882—1884, под ред. А. С. Дембовецкого; 5-томный сборник документов А. П. Сапунова. — «Витебская старина» 1883—1888 и ряд других.

³² «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I—V. СПб., 1882—1913.

ных сторон истории Белоруссии, особенно классовой борьбы и народных движений.

В работах по истории Белоруссии, написанных в этот период, был поднят и изучен большой фактический материал. В них было отмечено и освещено большое значение белорусской культуры и белорусской народности в истории великого княжества Литовского и отчасти в последующие периоды, когда образовалась Речь Посполитая, а также и после освобождения Белоруссии из-под власти Польши. В литературе этой поры преобладали историко-юридическая или великодержавная концепция, причем часто они соединялись в исторических представлениях одного и того же автора. Значительное влияние на многие из этих работ оказала также и теория «единого потока», согласно которой все классы белорусского народа будто вели совместную и чуждую всяких классовых противоречий борьбу против национального и религиозного угнетения народа.

III

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИТВЫ¹

В капиталистическую эпоху работа по изучению истории Литвы значительно расширилась, и интерес к истории литовского народа стал проявляться с еще большей силой и глубиной, хотя репрессии царского правительства, усилившиеся после крестьянского восстания 1863 г., особенно запрещение (1865—1904 гг.) литовской печати пользоваться латино-литовским шрифтом, тормозили развитие исторической мысли на территории Литвы.

В 1861 г. в Киеве началась публикация документов, собранных Археографической комиссией, под названием «Акты, относящиеся к истории Западной и Юго-Западной России». В Германии были отпечатаны в пяти томах акты по истории Пруссии и Литвы («*Scriptores Regum Prussicarum*») и другие документы, открывшие для исследователей истории Литвы новые источники.

Известным вкладом в изучение происхождения Литовского государства явилась докторская диссертация В. Б. Антоновича². Выводы автора опирались на исследование источников и являлись результатом их тщательной критической проверки. Исходя из фактического материала, Антонович утверждал, что все древнейшие известия о литовцах свидетельствуют о давнем занятии ими литовских земель. По мнению Антоновича, до

¹ Некоторые работы, имеющие отношение к Литве и Белоруссии, освещаются в разделе «Историография Белоруссии».

² В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

половины XIII в. литовцы жили небольшими волостями, управлявшимися независимыми вождями и не связанными друг с другом. Обстоятельством, ускорившим политическую организацию, была необходимость защиты от появившихся почти одновременно на противоположных окраинах литовской земли крестоносных немецких рыцарей, начавших агрессивные действия³.

Эта концепция носит идеалистический характер: автор совершенно обошел вопрос об экономических и социальных отношениях, при которых образовалось государство, и отнес процесс его формирования к слишком позднему времени. Антонович, как и его предшественники, рассматривал преимущественно междукняжеские отношения, не обращая внимания ни на экономику, ни на общественные отношения, ни на государственную организацию.

Историческая концепция Антоновича подверглась критике со стороны профессора всеобщей литературы Киевского университета Н. П. Дашкевича (1852—1908)⁴. Дашкевич остановился не только на разборе книги Антоновича в ее узких хронологических пределах — до смерти великого князя Альгидраса (Ольгерда) в 1377 г., но в двух своих статьях «Борьба культур и народностей в Литовско-Русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею» и «Люблинская уния и ее последствия» — рассмотрел внутренние отношения в Литве вплоть до соединения ее с Польшей на Люблинском сейме в 1569 г. Концепция Дашкевича оказала большое влияние на последующую польскую и отчасти литовскую историографию. Он расходится с Антоновичем в вопросе о времени образования Литовского государства, а также в понимании обстоятельств, при которых оно создавалось, по его мнению, еще до появления немецких орденов на берегах Балтийского моря. Он правильно подчеркнул, что все народы литовского происхождения не могли оставаться на одной и той же ступени общественного и культурного развития в период от IX до XIII столетий, находясь под культурным и политическим воздействием соседних народов. В борьбе с польскими и русскими князьями у литовцев выработался дружинный строй такого же типа, как и в древней Руси. Дружинная организация и явилась у литовцев первичной политической организацией. Объединение дружин для самозащиты или набегов привело к образованию Литовского государства, которое должно было существовать уже в XII в. Дашкевич отверг утверждение Антоновича о том, что у прусских

³ В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. 1. Киев, 1885, стр. 8—17.

⁴ Н. П. Дашкевич. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885.

племен будто бы было теократическое устройство, поскольку это не подтверждено фактическим материалом.

Значительная заслуга в разработке литовской истории принадлежит профессору Московского университета М. К. Любавскому (1860—1936)⁵. Он примыкал к правому крылу русской буржуазно-дворянской историографии, но, оставаясь на позициях исторического идеализма, использовал, однако, столь богатый фактический материал и поднял столько существенных вопросов, что его работы по истории Литвы доселе не потеряли значения. Любавский критически подходил к сохранившимся первоисточникам и первый широко использовал архивный материал Литовской метрики. Но он не осветил вопроса о литовском этногенезе, для решения которого в его время не было еще достаточных археологических данных, и рассмотрение истории литовского народа начал только с XII в., когда стало возможно говорить о нем на основании письменных источников. Образование Литовского государства Любавский относил к более отдаленному времени, считал его результатом развития внутренних экономических и социальных отношений и не связывал с появлением немецких агрессоров. Миндовг был, по его мнению, не создателем Литовского государства, а только одним из объединителей целого ряда более мелких государств.

В своем первом капитальном исследовании Любавский дал подробный очерк политической географии великого княжества Литовского.

Вторая его капитальная работа была посвящена исследованию развития прав и привилегий боярско-шляхетского класса, благодаря которым он стал господствовать не только экономически, но и политически сначала при содействии совета панов (рада панов), состоявшего из немногих крупнейших землевладельцев, а затем сейма, развившегося из совета, но постепенно отделившегося от него и ставшего самостоятельным политическим учреждением, диктовавшим свою волю всему государству.

Главным недостатком работ М. К. Любавского является то, что он показывал рост прав и привилегий боярско-шляхетского класса в отрыве от феодальной земельной собственности, бывшей основой его силы. Любавский не обходил молчанием экономического положения боярско-шляхетского класса, но изображал экономические и социальные отношения, не вскрывая их взаимосвязи.

⁵ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892; его же. Литовско-Русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900 и др.

Почти одновременно с работой М. К. Любавского «Литовско-Русский сейм» появилась монография на ту же тему профессора Харьковского университета Н. А. Максимейко, развернувшего критику взглядов Любавского и связавшего возникновение сейма не с внутренним развитием государства, а с его внешней политикой.

Исследование политического и общественного строя великого княжества Литовского после Люблинской унии 1569 г. было продолжено профессором И. И. Лаппо⁶. Предметом исследования Лаппо являлось одно лишь шляхетство, привилегии которого в эпоху Люблинской унии получили юридическую санкцию. Он не останавливался на положении эксплуатируемых классов, «людей простого стану», шляхетство им представлено как самодовлеющая общественная группа, совершенно оторванная от социальной базы. И. И. Лаппо высказал мнение, что, вопреки декларации Люблинского акта об образовании единого государства и единой «нации», после Люблинской унии продолжало существовать не единое, а федеративное Польско-Литовское государство.

Ф. И. Леонтович, И. П. Новицкий и М. Ф. Владимирский-Буданов останавливались на изучении Литовского государства преимущественно со стороны юридической.

Ф. И. Леонтович (1833—1911) в своих многочисленных трудах по крестьянскому вопросу в великом княжестве Литовском⁷ рассматривал крестьян не как производителей материальных благ, а обрисовал преимущественно правовое положение различных категорий сельского населения. Принадлежа к историко-юридической школе, Леонтович основной вопрос о происхождении крестьянского закрепощения или начале феодализма в Литве ставил в связь не с развитием экономики края, а с политическим строем. Появление феодальных отношений Леонтович ошибочно относил к XV в., когда в жизни великого княжества Литовского стали сказываться польские и немецкие влияния. Окончательное закрепощение крестьян Леонтович связывает с проведенной в XVI в. земельной или волочной реформой.

Очень близки к Ф. И. Леонтовичу по своим взглядам на крестьянское закрепощение были И. П. Новицкий (1844—1890)

⁶ И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901; его же. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

⁷ Из них наиболее важные: Ф. И. Леонтович. Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863; его же. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве.— ЖМНП, 1896, апрель, май и статьи в «Варшавских университетских известиях» за разные годы.

и М. Ф. Владимирский-Буданов (1838—1916); оба также принадлежали к историко-юридической школе и рассматривали вопрос с чисто юридической точки зрения. Новицкий⁸ и Владимирский-Буданов⁹ на основании разбора многочисленных актов, извлеченных из архивов, доказывали, что до издания Первого Литовского статута в отношении землевладения крестьяне были столь же правоспособны, как и остальные классы населения. Основным источником княжеских и боярских сеньорий, в которых с течением времени появились зависимые от феодалов и подчиненные им крестьяне, Владимирский-Буданов считал великокняжеские пожалования.

В самой Литве, в условиях жестоких репрессий царизма после подавления восстания 1863 г., при запрете литовской печати, при почти полном ополячении литовской шляхты и вышедшей из ее среды интеллигенции, научный интерес к истории Литвы начал проявляться только с появлением новой, буржуазной литовской интеллигенции, получившей образование в русских университетах. В силу этого на литовском языке появились только отдельные статьи литовских историков или небольшие издания по вопросам истории Литвы, большей частью в идеализированном виде повествующие о политических событиях исторического прошлого Литвы. Выделяются в этом отношении труды И. Басанавичюса (1857—1927), пытавшегося на основе археологического, этнографического, фольклорного и лингвистического материала решить некоторые вопросы этногенеза литовского народа.

IV

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛАТВИИ

Быстрое развитие капитализма в XIX веке оказало решающее влияние на всю экономическую и политическую жизнь Прибалтики и поставило на очередь вопрос о необходимости коренных политических преобразований в прибалтийских губерниях.

Прибалтика, в том числе Латвия, все более втягивалась в общую политическую, экономическую и культурную жизнь России. Быстро развивающиеся экономические связи делали неизбежной ликвидацию обособленности «остзейских провинций» и требовали более тесного сближения их с внутренними губерниями России. Капитализм подрывал феодальный строй

⁸ И. П. Новицкий. Очерк истории крестьянского сословия в Юго-Западной России в XV—XVIII веке. Киев, 1876.

⁹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки из истории литовско-русского права, ч. I. Поместья Литовского государства. Киев, 1889; его же. Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в. Киев, 1892.

Прибалтики, ломал сословно-кастовые феодальные перегородки прибалтийского дворянства и вызвал к жизни новый общественный слой — нарождающуюся латышскую буржуазию, которая неизбежно должна была занять враждебные позиции по отношению к господствовавшему в Прибалтике немецкому меньшинству — остзейскому дворянству и рижскому бюргерству. Латышская буржуазия могла отстаивать свои классовые интересы только в борьбе против немецкого дворянства и его особых привилегий в Прибалтике. И в этом вопросе латышская буржуазия нашла полную поддержку со стороны российской буржуазии и ее идеологов. В 1860-х годах русские и немецкие историки, а также латышские и эстонские общественные деятели и публицисты стали проявлять повышенный интерес к истории Прибалтики в целом и к отдельным ее проблемам, главным образом к аграрной истории.

Интерес русских ученых к истории и положению крестьянства в прибалтийских губерниях особенно усилился в связи с буржуазными реформами 60-х годов в России, с ростом крестьянских волнений в Прибалтике и требованием латышской и эстонской буржуазией реформ.

Отстаивая существующее положение в крае, а также свои «исконные права» на безраздельное хозяйничание в Прибалтике, местное немецкое привилегированное меньшинство, составлявшее только 5—8% всего населения, выдвинуло на передовую линию идеологической борьбы остзейских историков. Последние в своих трудах в качестве «веских» доводов ссылались на римское право завоевателей, на «заслуги» в прошлом и «культуртрегерскую» роль местных немцев по отношению к латышскому крестьянству. Но остзейским историкам становилось все труднее отстаивать интересы отживающего дворянского класса. Им приходилось бороться не только с русским общественным мнением, осуждавшим остзейскую автономию и местный аграрный строй, но и пришлось считаться с латышским крестьянством и нарождавшейся латышской сельской буржуазией, стремившейся расчистить себе дорогу путем слома существующих аграрных отношений.

В напряженной политической обстановке 60-х годов остзейский вопрос во всех его аспектах стал предметом ожесточенной политической борьбы как внутри страны, так и за ее пределами. Русские политические круги, наиболее ярко представленные славянофилами, считали, что пришло время покончить с остзейской обособленностью и привилегиями немецкого прибалтийского меньшинства, тяготевшего к Германии.

В московских и петербургских газетах и журналах появился ряд статей по истории Прибалтики, в том числе работы о борьбе держав за владычество на Балтийском море, об условиях

присоединения отдельных частей Прибалтики в XVIII в. к России, о возникновении и истории развития особых остзейских аграрных порядков и о бедственном положении латышского и эстонского крестьянства. С. М. Соловьев в своей обширной «Истории России» с присущей ему обстоятельностью последовательно изложил историю прибалтийских племен и агрессии Ливонского ордена на Востоке. Много внимания он уделил военной и дипломатической истории Ливонской и Северной войн¹.

Н. И. Костомаров в монографии «Ливонская война» описал фактическую историю гибели Ливонского ордена².

Особое место среди русских историков в историографии Латвии занимает Ю. Ф. Самарин (1819—1876), в свое время один из лучших знатоков истории Прибалтики³. Труды и исследования Самарина оказывали большое влияние на всех русских историков допеволюционного периода, знакомившихся с историей Прибалтики и ее народов. В отличие от ряда других дворянских и буржуазных историков, которые без критического анализа пользовались историческими источниками, опубликованными прибалтийско-немецкими историками, и слепо повторяли их концепции, Самарин самостоятельно изучил внутривнутриполитические и экономические проблемы истории Латвии и пришел к выводам, резко отличавшимся от выводов прибалтийско-немецких историков. Наряду с работами, посвященными истории аграрных отношений в Латвии, ему принадлежит одно из лучших и наиболее обстоятельных исследований по истории города Риги⁴, которое не утратило своего значения до наших дней. В этой работе он показал исторические корни экономического и административного господства рижской торговой олигархии, ее союз с остзейским дворянством. Самарин резко критиковал остзейские привилегии и яркими красками обрисовывал бесправное, почти рабское положение латышского крестьянства. Ратуя как типичный славянофил за интересы русского самодержавного государства, Самарин резко выступал против остзейской автономии.

Специально Балтийскому вопросу и истории взаимоотношений Швеции, Польши, Дании и России посвятил свои исследования русский буржуазный историк Г. В. Форстен (1857—1910), профессор всеобщей истории Петербургского университета. В его работах дается описание длительной политической

¹ С. М. Соловьев привел ряд ценных документов по истории Ливонии, часть подлинников которых теперь надо считать утраченными; вследствие этого «История России» для советских историков Латвийской ССР в ряде случаев приобретает ценность первоисточника.

² Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. III, СПб.,—М., 1880, стр. 45—181.

³ Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. 7—8. М., 1889—1890.

⁴ Ю. Ф. Самарин. Общественное устройство г. Риги. СПб., 1852.

борьбы России, Швеции, Польши и Дании за преобладание в Балтийском море и анализ противоречивых интересов этих государств в балтийском вопросе⁵. Форстен тщательно обследовал по изучаемым вопросам архивные фонды западноевропейских стран.

В начале XX в. отдельные этапы истории Прибалтики нашли отражение в работах М. В. Довнар-Запольского, А. С. Лаппо-Данилевского⁶, В. И. Семевского⁷, а также в трудах других русских историков. В 1891 г. обстоятельную работу о крестьянской реформе в Лифляндии опубликовал профессор И. В. Луцицкий⁸.

Русские революционные демократы не занимались специально историей Прибалтики. Однако в борьбе против «остзейского варианта» отмены крепостного права, за который ратовали остзейские и русские реакционные дворянские публицисты, русские революционные демократы немало сделали для разоблачения и резкой критики остзейского метода ликвидации крепостных отношений в Прибалтике, где крестьяне формально были «освобождены» еще в 1816—1819 гг., но без земли. Особенно резко против «остзейского варианта» выступал Н. Г. Чернышевский как в легальной прессе, так и в известной прокламации «Барским крестьянам». Призывая крестьян к активной борьбе за землю, Чернышевский указывал, что «освобождение» без земли доводит крестьян до нищеты и голода, и ссылаясь на горестную судьбу прибалтийских крестьян, формально «свободных», но лишенных земли. Он писал: «У нас, в русском царстве, есть такая поганая земля, где города Рига, да Ревель, да Митава стоят, а народ там тоже христианский, и вера у него тоже хорошая: да не по вере эта земля поганая, а по тому, как в ней народ живет: коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля; а коли дурно, то и поганая»⁹.

В других работах Н. Г. Чернышевский называл «страшные выкупы», установленные русскими помещиками, расчетами «на

⁵ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1647 гг.), т. 1—2. СПб., 1893—1894; его же. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884; его же. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, вып. 1—2. СПб., 1889—1893.

⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Биографические сведения о Генрихе Латыше по данным его собственной летописи — «Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства», СПб., 1888.

⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1—2. СПб., 1881—1901.

⁸ И. Луцицкий. Крестьяне и крестьянская реформа в Лифляндии.— «Северный вестник», 1891, № 7, 8, 9.

⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 520.

остзейский манер»¹⁰, а тяжелое положение формально «свободных» крестьян в Прибалтике не раз приводилось им как «живой пример» последствий освобождения крестьян без земли¹¹. Н. А. Огарев в «Колоколе» дал уничтожающую критику «освободительных» законов 1816—1819 гг. Хотя вся лживая дворянская литература 50—60-х годов утверждала, что при освобождении без земли выигрывают батраки, Огарев с глубокой прозорливостью доказывал, что безземельное освобождение ставит именно батраков в безвыходное положение и иллюстрировал свои мысли примерами из жизни крестьян и батраков в Прибалтийских губерниях после их формального освобождения от крепостной зависимости в начале XIX в.¹²

Реформы 60-х годов послужили стимулом для дальнейшего быстрого развития латышской сельской буржуазии, экономической позиции которой с каждым годом все более укреплялись.

В середине XIX столетия нарождавшаяся латышская буржуазия, набирая силы, начала добиваться для себя места под солнцем. Идеологами и борцами за ее интересы были представители молодой латышской интеллигенции — младолатыши.

Развитие капитализма, крестьянские волнения и реформы 60-х годов способствовали пробуждению и росту национального самосознания латышского народа, который до того в течение столетий был осужден на беспросветное существование и тяжелый труд под гнетом немецких помещиков. Это явилось почвой для развития национального движения, во главе которого шли младолатыши.

Младолатышское движение ставило своей задачей борьбу с господством немецких баронов и бюргеров, которые под покровительством царского правительства жестоко эксплуатировали латышский народ, сковывали его экономическое и культурное развитие. Фигура немецкого барона-помещика, векового угнетателя латышского крестьянина, в известной мере заслонила для младолатышей другого врага — царское самодержавие. Это явилось одной из причин того, что руководители младолатышского движения пошли на сближение со славянофилами. Экономической слабостью и зависимостью растущей латышской буржуазии от немецких баронов и бюргеров объясняются ограниченность и половинчатость программы ее идеологов и проводимая ими либерально-реформистская тактика (ожидание реформ сверху, отказ от революционных задач и призыва масс к активной борьбе, сохранение помещичьего землевладения с требованием продажи части дворянских земель

¹⁰ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, М., 1948, стр. 261.

¹¹ Там же, т. I, М., 1948, стр. 497.

¹² «Колокол», 1858, № 7.

их арендаторам, а также проведение незначительных судебных, школьных и других реформ при сохранении самодержавного строя и т. д.).

Младолатышское движение, буржуазное по существу, все же имело прогрессивный характер, так как в тех исторических условиях даже реформистское противодействие остаткам феодализма и привилегиям немецких баронов и бюргеров было важным фактором в общественной жизни Латвии. Идеологи младолатышского движения стремились разбудить национальное самосознание народа. Младолатыши много сделали для того, чтобы латышский народ имел свой литературный язык, свою культуру, школы, литературу. Они собирали и публиковали латышские народные песни, сказки, пословицы. Хотя среди младолатышей не было специалистов-историков, некоторые из них были знатоками аграрных отношений и истории края. В своих работах они показывали тяжелое положение крестьянства и доказывали, что существовавшие в Латвии аграрные отношения являются тормозом ее дальнейшего экономического, технического и культурного развития.

Виднейшим представителем младолатышей являлся Кришьян Валдемар (1825—1891). Его книга о положении крестьян в Прибалтике, вышедшая за границей¹³, вызвала бурю негодования в лагере остзейского дворянства. Валдемар писал: «Латыши и эстонцы на посмешище всем европейским народам являются пасынками на своей собственной родине. Латвия для дворян — рай и неисчерпаемый золотой клад, а латышский крестьянин не имеет ни прав, ни земли». Одновременно Валдемар выступал и в защиту прав латышского городского населения. В 1865 г. в Москве вышли отдельной брошюрой на русском языке его «Рижские письма», посвященные вопросам рижского городского самоуправления, от участия в котором латышская часть населения города была устранена. Стесненный цензурными условиями, Валдемар предупреждал читателя, что в своих «письмах» он будет молчать о настоящем и воздержится от прогноза будущего, но будет повествовать об истории рижского городского самоуправления, так как прошедшее является мерлом настоящего и открывает виды на будущее.

В 60-х годах вокруг Валдемара сгруппировался кружок младолатышей, ставший выразителем политических чаяний и идеологии нарождавшейся латышской сельской и городской буржуазии. В борьбе против феодальных пережитков в Латвии и против прибалтийских дворян и их защитников — остзейских историков, провозглашавших немецкую культуру высшей «цивилизацией» мира, младолатыши ориентировались на те

¹³ Chr. Woldemar. Baltische, namentlich livländische Bauernzustände. Leipzig, 1862.

слои русского общества которые требовали ликвидации остзейских привилегий и обособленности прибалтийских провинций. Так создан в прибалтийском вопросе единый фронт младолатышей со славянофилами против немецкого господства в Прибалтике, за более тесное сближение с Россией.

Преодолев ряд организационных трудностей, кружок К. Валдемара в 1862 г. вне Латвии — в Петербурге — стал издавать первую латышскую, независимую от немцев, светскую газету «Петербургскую газету» («*Peterburgas Avises*»), сыгравшую большую роль в культурном развитии латышского народа. Наряду со статьями по общеполитическим вопросам газета помещала статьи о сельском хозяйстве, дарвинизме, а также исторические очерки о прошлом латышского народа. В 1865 г. из-за цензурных гонений издание газеты было прекращено.

Активное участие в младолатышском движении принимал также Каспар Биезбардис (1806—1886) — автор петиции, поданной латышской интеллигенцией в 1856 г. Александру II. В этой петиции новая латышская интеллигенция определила свои политические позиции, заявляя, что «стремлением латышской интеллигенции является слияние в одну семью с великим русским народом». Биезбардис за свои газетные статьи и обличительные брошюры против баронократии¹⁴ был арестован царскими властями и отправлен в ссылку.

Специфику аграрных отношений в Курляндии и тяжелое положение курляндских крестьян и батраков осветил в своих работах младолатышский деятель Андрей Спагис (1820—1871). Его важнейшими произведениями были: «Положение свободного крестьянского сословия в Курляндии» и «Положение свободного крестьянского сословия в Курляндии по закону и в действительности в свете современной России»¹⁵. Спагис подвергся преследованиям баронов, вынужден был покинуть родину и искать себе работу в России.

Возможностей для издания своих работ в Латвии у младолатышей почти не было. Первоначально они печатали свои книги, брошюры и обличительные статьи в Германии, пользуясь тем, что некоторые круги германской буржуазии в конце 50-х годов относились критически к существовавшим в Прибалтике аграрным порядкам. Однако эта возможность скоро отпала, так как германская либеральная буржуазия, увлеченная национальной политикой Бисмарка, круто повернула вправо

¹⁴ Kaspar Biesbardis. Der Sprach- und Bildungskampf in den Baltischen Provinzen Russlands. Bautzen, 1865; Zustände und Eigenthümlichkeiten in den Baltischen Provinzen Russlands. Bautzen, 1865.

¹⁵ A. Spägis. Zur Emancipationsfrage des russischen Volkes. Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland. Leipzig, 1860; Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Russlands. Leipzig, 1863.

и изменила при этом свое отношение к младолатышскому движению. В то же время с расширением экономических и культурных связей Прибалтики с Россией крепились связи младолатышей с русскими политическими кругами. Для младолатышей русская общественность являлась естественным союзником в борьбе с привилегированным немецким меньшинством. В борьбе против остзейского дворянства, которую младолатыши вели в интересах нарождавшейся латышской сельской и городской буржуазии, они находили горячих сторонников в различных слоях русского общества. Вся столичная, особенно московская пресса, — газеты и журналы — широко открыла свои страницы для младолатышей. Тесные связи младолатыши установили с видным славянофилом Ю. Ф. Самариним.

В полемической борьбе с остзейскими историками младолатыши подвергли резкой критике их традиционную концепцию культуртрегерской роли немецких завоевателей. Разоблачая лживость этой версии, младолатыши доказывали, что немецкие рыцари принесли местным племенам отнюдь не культуру, а жесточайшее крепостное рабство. И в дальнейшем немецкие завоеватели были для латышского народа не цивилизаторами и носителями культуры, а мракобесами и душителями всего прогрессивного, передового.

Представителями трудового латышского безземельного крестьянства и батрачества были латышские революционные демократы П. Баллод, П. Миглиник, М. Вейде и др., поддерживавшие тесные связи с русскими революционными демократами.

Петр Баллод (1839—1918) занимал наиболее видное место среди латышских революционных демократов 60-х годов. Будучи студентом Петербургского университета, он входил в подпольную революционную организацию, создал нелегальную типографию, поддерживал тесные связи с Писаревым, Ткачевым. За революционную деятельность, в частности за печатание в нелегальной типографии прокламаций и памфлета Писарева «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», он в 1862 г. был арестован и судим вместе с Писаревым и др. Баллод был осужден на 15 лет каторги, которую отбывал в Сибири. Там он сблизился с Н. Г. Чернышевским, под сильным влиянием которого он всегда находился. Выйдя после каторги на поселение, Баллод написал и опубликовал воспоминания о Чернышевском.

О воздействии идей русских революционных демократов на младолатышей свидетельствует также сравнительно широкое распространение в Латвии журнала «Современник».

Влиянием идей революционных демократов определялась и творческая деятельность Андрея Пумпура, автора известной поэмы «Лачплесис», созданной на основе народных сказаний

о великой борьбе латышского народа с немецкими захватчиками.

Против младолатышей и особенно против русских историков, прежде всего против Самарина, в защиту остзейских порядков рьяно выступали прибалтийско-немецкие историки. Нависшая якобы над остзейским дворянством в связи с крестьянскими реформами в России опасность утраты земельной собственности и ликвидации остзейских привилегий вызвали в 60-х годах большую активность со стороны остзейских историков и публицистов, продолжавших в своих трудах попытку дать «историческое обоснование» правам прибалтийских дворян распоряжаться трудом латышских и эстонских крестьян, доказать «чисто немецкий» характер прибалтийских губерний и историческое право прибалтийских немцев на автономию. Большую активность остзейские историки проявили после выхода в свет «Окраин России» Самарина, который в 60-х годах вновь вплотную занялся остзейским вопросом. В изданных в Праге выпусках «Окраины России», в статье «Записки православного латыша» и в письме к Александру II от 23 декабря 1868 г. Самарин требовал ликвидации обособленности прибалтийских губерний и распространения на них общих законов Российского государства.

Почти все прибалтийско-немецкие историки, независимо от того, к какому лагерю сами они себя причисляли, обрушились на Самарина. Профессор К. Ширрен, известный своими публикациями источников по истории Ливонской войны и актов Лифляндских ландтагов, занимавший в то время кафедру русской истории в Дерптском (Юрьевском) университете, выступил с нашумевшим «Лифляндским ответом Самарину», в котором отстаивал немецкий характер прибалтийских губерний и защищал остзейские привилегии, грубо оскорбляя и понося русскую общественность и русский народ. Ширрен утверждал, что цивилизацию всему миру несут немцы, причем прибалтийские немцы будто бы являются передовым отрядом носителей культуры, выдвинутым на восток. Латыши же (составлявшие 93% населения Лифляндии), по заявлению Ширрена, испокон веков находились и впредь будут находиться под «опекой» своих германских господ.

К. Ширрен, как и другие остзейские историки, особенно в 60-х годах, стремился доказать, что латыши не являются нацией, а представляют собой лишь «крестьянское сословие», пользующееся как таковое всеми доступными для него благами, что остзейское дворянство всегда заботилось о благополучии «своих» крестьян и что оно первым в России якобы «добровольно» отказалось от крепостнических прав.

Полемика по остзейскому вопросу приняла широкие разме-

ры и очень острый характер. В ней участвовали, с одной стороны, почти все научные и литературные силы прибалтийских немцев, а с другой — младолатыши, Самарин и почти все столичные газеты, в том числе «Московские ведомости» Каткова, исходившего при этом из великодержавных соображений. По тем же мотивам М. П. Погодин в 1869 г. выступил с изданным отдельной брошюрой открытым письмом к Ширрену. Со своей стороны Валдемар в нескольких номерах журнала «Деятельность» опубликовал статью «Русские интересы в Балтийском побережье».

Стесненные в России цензурными рамками, прибалтийские немцы перенесли полемику в Германию, где, поощряемые влиятельными кругами пангерманистов, не стесняясь в выражениях, нападали на русскую общественность и правительство. Уничтожающая характеристика этой полемики дана К. Марксом в письме к Кугельману от 17 февраля 1870 г.: «Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою защитительную речь, с которой привилегированные сословия немецко-русских балтийских провинций апеллируют в настоящее время к немцам, чтобы возбудить их сочувствие. Эти каналы, отличавшиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплуатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что их привилегированное положение колеблется. Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян — вот что они называют *немецкой культурой*, во имя охраны которой должна подняться теперь вся Европа»¹⁶.

В результате этой обостренной борьбы за сохранение «немецкого форпоста на Востоке» и остзейской автономии многие публицисты и историки из прибалтийских немцев, в том числе К. Ширрен, В. фон Бокк, В. Ган и Ю. Эккардт, должны были эмигрировать в Германию. Впоследствии эмигрировал также профессор Теодор Шиман, ставший советником и придворным историком Вильгельма II. В Германии образовалась довольно большая группа остзейских эмигрантов — историков и публицистов, которые примкнули к крайним элементам пангерманизма. В работах, вышедших за границей, они призывали к неустанному движению немцев на Восток (Drang nach Osten!) и способствовали росту военных настроений.

Царское правительство под давлением общественного мнения вынуждено было заняться вопросом ликвидации административной обособленности остзейских провинций и распрост-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 41—42.

ранить на Прибалтику общие для всего государства законы и органы административного управления.

Возникла необходимость ознакомить новых администраторов хотя бы в общих чертах с прошлым края.

Е. В. Чешихин (1824—1888), основатель и редактор газеты «Рижский вестник», издававшейся в Риге на русском языке, предпринял издание важнейших источников по истории Ливонии в переводе на русский язык. В составленных им четырех объемистых «Сборниках материалов и статей по истории Прибалтийского края»¹⁷, наряду с переводами статей Рихтера, Бунге и др., даны первые русские переводы «Ливонской хроники» Генриха Латыша, хроники Руссова и других источников по истории Прибалтики.

В первом и третьем томах исторических сборников П. Бартенева «Осьмнадцатый век» Е. Чешихин опубликовал ряд ценнейших документов по истории Лифляндии XVIII в. Чешихин намеревался создать семитомную «Историю Ливонии», но успел написать только три тома¹⁸ — смерть прервала его работу. Основная мысль, которую проводит автор, та, что утверждение в Ливонии «божьих дворян» и «честных епископов» извратило естественный ход событий в стране, принесло смуту, войны и кровопролития, продолжавшиеся вплоть до ее присоединения к России. Однако, некритически пользуясь трудами прибалтийско-немецких историков и опубликованными ими источниками, Чешихин сам отчасти оказался в плену у той же прибалтийско-немецкой историографии.

Ограничивая остзейскую автономию в управлении краем, царизм не собирался урезывать привилегии остзейского дворянства. Его сословные ландтаги были сохранены, никто не намеревался покушаться на дворянскую собственность. Поэтому остзейское дворянство легко примирилось с царизмом, а реакционные остзейские историки занялись идеологическим оправданием этого примирения.

В 80-х годах явный пангерманизм был отброшен и заменен лояльностью по отношению к «российскому престолу», чтобы в новых условиях продолжать борьбу за неограниченное политическое и экономическое господство немецкого дворянства в Прибалтике. Эту линию в своих исторических работах проводил Г. фон Бруйнинг, который долгие годы являлся официальным должностным лицом — секретарем общества лифляндского дворянства, а потом хранителем дворянского архива.

¹⁷ «Сборники материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. 1—4. Рига, 1877—1883.

¹⁸ Е. В. Чешихин. История Ливонии с древнейших времен, т. 1—3. Рига, 1884—1887.

Бруйнингу принадлежала ведущая роль среди остзейских историков, его школа приспособила историческую науку к потребностям остзейского дворянства на данном историческом этапе. Под флагом лояльности «престолу самодержца России» школа Бруйнинга всеми своими публикациями источников и «научными» монографиями пыталась исторически обосновать остзейские ландтаги, привилегии рыцарства и его право собственности на землю. В этих целях вновь в ход был пущен весь арсенал избитых доводов остзейских историков. Почти все их работы конца XIX и начала XX в. вплоть до первой мировой войны проникнуты идеями монархизма и являются сплошной апологетикой прибалтийского дворянства, причем в них утверждалось, что в течение всего ливонского периода местное крестьянство находилось в лучших условиях, чем крепостные крестьяне соседних стран. Для этого Бруйнинг и его ученики сознательно искажали аграрную историю Ливонии и тенденциозно подбирали документы при публикации ими источников. Апологетам остзейского дворянства не нужна была историческая правда, их единственной целью было оправдание привилегий остзейских баронов и их прав на земельную собственность. Автор изданного в Германии исследования «Владелец имения и крестьянин в Лифляндии в XVII и XVIII веках» барон Астаф фон Транзее Розенек заявил, что он преисполнен желания защищать германскую остзейскую колонию теми же средствами, как ее в свое время защищали крестоносцы. В работах об аграрных отношениях в Лифляндии периода упадка феодализма и возникновения капитализма, а также ливонского периода Транзее Розенек целиком повторяет избитые концепции о дикости и варварстве коренного населения Прибалтики до завоевания, распространяя их и на соседние славянские племена и восхваляя мнимое культуртрегерство немцев.

Школа Бруйнинга пользовалась щедрой материальной поддержкой остзейского дворянства, что давало ей возможность издавать объемистые труды не только на немецком, но и на русском языке.

Далеко не так щедро помогала своим историкам латышская буржуазия. Ее классовые интересы все более приходили в противоречие с интересами широких слоев латышского трудового народа и толкали на сближение с немецким дворянством и рижской городской олигархией. Она превращалась в реакционную силу и верного слугу царизма. В 80—90-х годах ее историком был Я. Кродзинiek (Кригер) (1851—1924), окончивший исторический факультет Московского университета и оставшийся на государственной службе в Москве. В 1880-х годах он поместил в латышском журнале «Восток» («Austrums») ряд статей, из которых создан первый на латышском языке общий очерк

истории Латвии, вышедший потом отдельным изданием (в трех выпусках). Кродзинiek излагал историю латышского народа с позиций буржуазного национализма и в своих трудах основывался главным образом на работах прибалтийско-немецких историков и опубликованных ими источниках. Однако он опроверг их концепцию о первоначальной «дикости» латышских племен и «культуртрегерстве» немецких завоевателей. Кродзинiek обратил также внимание на то, что пресловутые «привилегии Сигизмунда II Августа», на которые остзейские историки всегда ссылались как на юридическую и историческую основу остзейских привилегий, на самом деле никогда не были подписаны польским королем.

V

ИСТОРИОГРАФИЯ МОЛДАВИИ¹

Политика национального гнета, проводимая в Молдавии царским правительством, привела к постепенному прекращению выпуска книг на молдавском языке. Со второй половины XIX в. исторические работы издавались в Бессарабии только на русском языке. После проведения там крестьянской реформы (1861—1875) работы по истории Молдавии, как и в предыдущий период, в основном принадлежали перу дворянских и буржуазных историков.

Апологетом колониальной политики царизма в Бессарабии был профессор Новороссийского университета А. Накко, по происхождению — молдавский боярин. Он написал несколько работ по истории края, в том числе двухтомный труд по истории Бессарабии². В нем излагаются главным образом внешнеполитические события. Наряду с явной реакционной тенденциозностью этот труд содержит множество ошибок.

¹ В результате русско-турецкой войны 1806—1812 гг. часть территории Молдавии, расположенная между реками Прут и Днестр, была освобождена от турецкого ига и вошла в состав России, получив название «Бессарабия» (до 1812 г. Бессарабией называлась только южная часть между речья, Прута и Днестра, примыкавшая к р. Дунай и Черному морю). С того времени исторические судьбы населения этой части Молдавии еще теснее связались с историей русского народа. В настоящем очерке будет рассматриваться прежде всего историография Бессарабии, т. е. той части Молдавии, которая после 1812 г. вошла в состав России.

Об истории исторической науки в Молдавии до середины XIX в. см. статью Я. С. Гросул и Н. А. Мохов. *Историография Молдавской ССР*. — «Ученые записки Кишиневского гос. ун-та», т. XXXIII (исторический). Кишинев, 1958, стр. 33—54.

² А. Накко. *История Бессарабии с древнейших времен*, т. 1—2. Одесса. 1875—1876

Некоторые труды по истории Молдавии были написаны в связи с национально-освободительным движением балканских народов в XIX в. В то время были изданы работы по истории, экономике и этнографии балканских народов, Молдавии и Валахии.

Под этим же влиянием написана была в 50-х годах книга С. Н. Палаузова «Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении». Автор со всей силой обрушивался на греков-фанариотов: «...ничто так не способствовало падению Валахии (это же он относит и к Молдавии — *Ред.*), как алчность константинопольских греков...»³. Даже предательское поведение молдавских бояр он объясняет вредоносным влиянием греков: «...деспотизм их свободно и безнаказанно тяготел над угнетенными народами и затушил последнюю искру патриотизма в гордом боярстве»⁴. С. Палаузов сочувственно относился к действиям русского правительства на Балканах. Главная идея его работы — это борьба за освобождение от турецкого ига. В России он видел силу, несущую балканским и другим народам освобождение от гнета Турции. Если на более ранних периодах истории он не останавливается подробно, то история освободительного движения XIX в. дана обстоятельно. В этой части книга не утратила своего научного значения до наших дней.

Тесные связи русской и молдавской церкви существовали еще в средние века; нередко русские церковные деятели переселялись в Молдавию, а молдавские — в Россию, — это сыграло некоторую роль в укреплении русско-молдавских связей. Русские церковники издали несколько книг по истории молдавской церкви, собрав в них материал и по политической истории страны⁵.

Реакционно-дворянское направление в молдавской историографии представлено П. Н. Батюшковым. Его историческое описание Бессарабии⁶ тенденциозно и проникнуто клерикальным духом. Автор скрывает факты классовой борьбы в бессарабской деревне, а бегство крестьян из помещичьих вотчин объясняет отсутствием «правильного надзора». Главной целью книги является иеологическое обоснование политики русификации.

³ С. Н. Палаузов. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 297.

⁴ Там же, стр. 165.

⁵ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской. М., 1871; Арсений, епископ Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской церкви. СПб., 1904 (см. рецензию на нее А. И. Яцимирского в «Византийском временнике», т. XIII, 1906, стр. 269—279).

⁶ П. Н. Батюшков. Бессарабия. Исторические описания. СПб., 1892.

Некоторое внимание истории Молдавии уделялось в общих работах по истории России; из них следует упомянуть труды буржуазных экономистов и историков — А. П. Заблоцкого-Десятовского, Ю. Янсона, И. И. Иванюкова, Г. А. Джаншиева⁷.

Ю. Янсон касается положения крестьян Молдавии и критикует крестьянскую реформу, указывая на ее половинчатый характер, препятствующий развитию капиталистических отношений. В числе средств улучшения быта крестьян он указывает в духе буржуазных экономистов на необходимость пересмотра повинностей, приведения отработочных платежей в соответствие со средствами крестьян, допущения свободы переселения, пересмотра выкупных платежей. Исследуя вопрос о хлебной торговле, производстве и продаже хлеба помещиками и крестьянами Бессарабии на внутреннем и внешнем рынках, он приводит много статистических данных, попутно характеризуя положение крестьян Молдавии накануне и в первые годы после реформы.

Автор многочисленных трудов по русскому праву, М. Ф. Шимановский (1845—1903) исследовал своеобразную категорию крестьян Молдавии — резешей. Его работы носят узкоюридический характер; разорение значительной массы крестьян-резешей он объясняет не развитием капиталистических отношений в резешской деревне, а «ошибками» законодательства, отходом от ранее сложившихся прав резешей. Работы Шимановского представляют некоторый интерес, так как содержат значительные и систематизированные данные о резешском праве⁸.

Большой материал по истории Молдавии содержится в «Трудах бессарабской архивной комиссии»⁹, «Записках Одесского общества истории и древностей»¹⁰ и в других научных изданиях.

Историки, близко стоявшие к народническому лагерю, например, В. И. Семевский, много внимания уделяли законода-

⁷ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1—4. СПб., 1882; Ю. Янсон. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870; И. Иванюков. Падение крепостного права в России. СПб., 1883; Г. А. Джаншиев. Из эпохи великих реформ. М., 1892.

⁸ М. Ф. Шимановский. О местных законах Бессарабии. Одесса, 1887—1888; его же. Указатель судебным решениям по вопросам местного Бессарабского гражданского права. Одесса, 1887; его же. О резешах и резешском владении. Одесса, 1898.

⁹ «Труды бессарабской архивной комиссии», т. I—III. Кишинев, 1900—1907.

¹⁰ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1—3. Одесса, 1844—1918.

тельству по крестьянскому вопросу и бедственному положению крестьян¹¹, но совершенно не ставили вопроса о разложении крепостнической системы, развитии капиталистических отношений, расслоении крепостной деревни. Их работы дали обширный фактический материал по истории Молдавии, который, вопреки теоретическим утверждениям народников, подтвердил развитие капиталистических отношений в молдавской деревне. К числу народнических работ по истории Молдавии относятся статьи Д. Д. Суручана¹². Будучи апологетом общинного землевладения, которое якобы единственно может создать условия «вечного обеспечения крестьян землей», Суручан считал необходимым пересмотр Положения 14 июня 1868 г. и изменение статей, предусматривающих наделение царан землей в подворное пользование. Под влиянием народнических идей также находился Н. Быховский¹³, отмечавший бедственное положение бессарабских крестьян, которое он считал следствием только острого малоземелья. Главных причин разорения основной массы крестьян Бессарабии автор не сумел вскрыть. На тех же позициях стоял и Б. Кричный¹⁴ и ряд других авторов.

Большой вклад в развитие молдавской национальной истории внес видный общественный и государственный деятель национального освобождения Молдавии и Валахии М. Когьльничану (1817—1897). В 1842—1845 гг. он издал три тома молдавских летописей, был издателем сборников «Румынский архив» и т. д. М. Когьльничану был идеологом молдавской буржуазии периода ее подъема; его работы по истории Молдавии сыграли в свое время положительную роль.

Румынскому историку и политическому деятелю революционеру-демократу Н. Балческу (1819—1852), издателю первого в Румынии исторического журнала «Magazin istoric pentru Dacia», впервые в румынской исторической литературе поставившему вопрос о роли народных масс в истории, принадлежит ряд работ по истории Дунайских княжеств¹⁵. Особый интерес представляет опубликованная им в 1846 г. статья Социальное поло-

¹¹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1—2. СПб., 1888.

¹² Д. Д. Суручан. По поводу двадцатилетия реформы 14 июня 1868 года в Бессарабии. «Новороссийский телеграф», 1888, № 4130, 4140; его же. К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии.— Там же, № 4009, 4016 и другие статьи.

¹³ Н. Быховский. Экономический кризис в Бессарабии.— «Русская мысль», 1897, № 11.

¹⁴ Б. Кричный. Из Кишинева (Бессарабская неурядица).— «Новое слово», 1896, кн. 3, декабрь.

¹⁵ Например, N. Bălcescu. Istoria Romanilor sub Mihai-Vodă-Viteazul, vols I—III București, 1953

жение земледельцев Дунайских княжеств в разные времена»¹⁶. Эта статья написана с позиций защиты интересов крепостных крестьян. Автор поднял голос протеста против крепостничества, требовал освобождения крестьян и наделения их землей. Балческу занимался также вопросами происхождения крепостничества. Вскоре после поражения революции 1848 г. Н. Балческу умер в изгнании.

Некоторые вопросы историографии Молдавии, например, вопрос о происхождении молдавского народа и государства и о русско-молдавских отношениях, стали во второй половине XIX в. предметом острой и многолетней дискуссии как в молдавской историографии, так и в среде румынских, венгерских и других историков. Особую остроту дискуссии придавало то, что ответ на данный вопрос становился аргументом во внешнеполитических конфликтах.

В 1871 г. Р. Ресслер выпустил книгу, в которой были сформулированы основные положения так называемой «миграционной» или «балканской» теории¹⁷. Он доказывал, что романское население с северных берегов Дуная в III—IV вв. ушло на юг и его место заняли другие народы, а в XII—XIII вв. произошло обратное переселение романских народов на северные берега Дуная, где они и основали Молдавию и Валахию. «Миграционная» теория оказалась выгодной венгерским шовинистам, которые использовали ее, в частности, для доказательства своих «исторических прав» на Трансильванию (предки венгров там появились в X в., а предки румын, по этой «теории», — только в XII в.). В 1876 г. против «миграционной» теории выступил Ю. Юнг¹⁸, обосновывавший «теорию непрерывности» или «карпатскую» теорию пребывания романского населения на территории к северу от Дуная. Он доказывал, что в III—IV вв., в период вторжения кочевников, часть романизированного населения укрылась в горных и лесистых местах и там проживала вплоть до XIII в., когда вновь спустилась в степные области. «Теория непрерывности» оказалась выгодной румынской буржуазной дипломатии, доказывавшей исторические права Румынии на Трансильванию и другие земли¹⁹.

Обширную литературу вызвала история русско-молдавских отношений и особенно вопрос об оценке значения присоединения части Молдавии (Бессарабии) в 1812 г. к России. Румын-

¹⁶ N. Bălcescu. Despre starea socială a muncitorilor plugări în Principatele române în deosebite timpuri.— В кн. N. Bălcescu. Scrieri istorice. Craiova, 1946.

¹⁷ R. Rössler. Romänische Studien. Leipzig, 1871.

¹⁸ J. Jung. Römer und Romanen in den Donau-ländern. Innsbruck, 1877

¹⁹ В последующий период на эту тему было написано очень много работ; краткий их обзор см. в кн. Ф. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 88—108.

ские историки стремились «исторически» обосновать притязания правящих классов своей страны на Бессарабию. Они старались аргументировать захватнические стремления румынских бояр и буржуазии тезисом о «романском происхождении» молдаван Бессарабии. Присоединением Бессарабии к России «от Молдавии была оторвана лучшая ее часть», — скорбит буржуазный румынский историк Уреке²⁰, не считаясь с тем, каковы были последствия присоединения к России для хозяйства и культуры народов Бессарабии. А. Ксенопол оценивал присоединение Бессарабии к России, как «похищение», расчленение территории и народа Молдавии²¹.

Субъективные стремления царизма на Балканах имели агрессивный характер, но объективные результаты внешней политики царской России приводили к ослаблению турецкого владычества, а следовательно, к освобождению балканских народов от турецкого гнета. Балканские народы, а также молдаване и валахи, действительно смотрели на Россию как на свою освободительницу.

При оценке факта присоединения Бессарабии к России буржуазный румынский историк-националист З. Арборе главный упор делал на колонизаторскую, русификаторскую политику царизма, стараясь провести мысль, что якобы только русское правительство закрепощало молдавских крестьян²². Утверждения Арборе тенденциозны. Крестьяне Бессарабии оказались в более благоприятном положении, чем крестьяне Запрутской Молдавии (оставшейся в составе Турции). Свидетельство этому — массовое бегство запрутских крестьян в Бессарабию, о чем пишут и некоторые румынские буржуазные историки²³.

Русские дворянско-буржуазные историки при рассмотрении вопроса о присоединении Бессарабии к России стремились исторически обосновать права царской России на данную территорию, имея в виду отнюдь не интересы местного населения, а стремление русских помещиков и купцов расширить базу феодальной эксплуатации крестьян, а также расширить и укрепить влияние царизма на Балканах.

Наиболее реакционная часть русских и молдавских дворянско-буржуазных историков, занимавшихся вопросами истории Бессарабии, яростно защищала колониальную политику царизма. К их числу, кроме П. Н. Батюшкова, относятся Ф. Ф. Вигель²⁴, А. Накко. Другая буржуазно-либеральная часть рус-

²⁰ V. A. Urechîă, *Istoria Romînilor*, v. IX, Bucureşti, 1896, p. 394.

²¹ A. Xenopol. *Istoria Romînilor din Dacia traiană*, v. IX, Jaşi, 1896, ed. 3, p. 296.

²² Z. C. Arbore. *Basarabia in secolul XIX*. Bucureşti, 1898, p. 130.

²³ Radu Rosetti. *Pentru ce s'au răsculat ţăranii*. Bucureşti, 1907, p. 605.

²⁴ Ф. Ф. Вигель. *Замечания на нынешнее состояние Бессарабии*, М., 1823.

ских и молдавских буржуазных молдавоведов, вроде А. Зашука, С. Н. Палаузова и др., хотя иногда и осуждала наиболее грубые формы колониальной политики царизма, в целом также стояла на позициях ее защиты. Эти авторы являлись сторонниками более гибких методов колониальной политики.

VI

ИСТОРИОГРАФИЯ ГРУЗИИ

Присоединение Грузии к России, несмотря на установившуюся систему национально-колониального гнета, во многом способствовало созданию необходимых условий для постепенного развития капиталистических отношений в стране. Во второй половине XIX в. шел процесс складывания грузинской нации, ускорилось формирование национальной буржуазии. Однако наряду с этим в Грузии в весьма значительной степени сохраняются феодальные пережитки; грузинское дворянство занимало сильные позиции в землевладении и управлении страной. Ограбленное и разоренное реформой крестьянство и городские низы сопротивлялись как только могли давившему их двойному, колониальному и социальному, гнету. Нараставшие классовые противоречия нашли отражение в грузинской общественной мысли 60—70-х годов.

Виднейшие деятели передового направления Георгий Церетели (1842—1900), Нико Николадзе (1843—1928), Илья Чавчавадзе (1837—1907), принадлежавшие к плеяде «Тергдалеули» («Испившие воды Терека»), получили высшее образование в России. В 60-х годах они выступали против реакционных сил грузинского общества, которые старались сохранить крепостнические отношения.

Передовая русская общественная мысль оказала сильное влияние на грузинских шестидесятников («Тергдалеули»), принимавших активное участие в русском студенческом движении 60-х годов. Грузинские общественные деятели и писатели отмечали благотворное влияние русской литературы на развитие грузинской литературы. И. Чавчавадзе писал: «Бесспорно, что русская литература оказала большое, руководящее влияние на путь нашего развития... русская школа, русская наука открыли нам двери к просвещению»¹.

В области историографии представители передовой исторической мысли противостояли феодально-клерикальному на-

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. I—X, Тифлис, 1925—1929, т. VIII, стр. 285.

правлению, идеализировавшему феодальное прошлое Грузии и канонизировавшему историческую схему «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии») — сборника, объединившего в XII—XIII вв. древнегрузинские летописи. Однако даже передовые грузинские мыслители того времени не могли правильно понять процесс исторического развития Грузии, не видели в грузинской истории классовой борьбы и в большинстве своем придерживались теории «единого потока».

Тергдалеульцы в основном были удовлетворены крестьянской реформой. Но некоторые из них, например, Н. Николадзе, видели ее ограниченность и критиковали ее в «Колоколе» Герцена^{1а}.

После крестьянской реформы в Грузии образовались различные общественные группы.

Крупнейший представитель «Пирвели даси» («Первая группа») И. Чавчавадзе считал возможным перерастание помещичьего хозяйства в капиталистическое и видел ведущую общественную силу в просвященном дворянстве, хотя и не отрицал значения «трудящегося народа»². И. Чавчавадзе сыграл большую роль в развитии передового национального освободительного движения в Грузии.

В 1866 г. под руководством Г. Церетели и Н. Николадзе образовалась «Меоре даси» («Вторая группа»). «Меоре даси» в основном стояла на позициях буржуазного демократизма, признавая прогрессивность капитализма, отрицая роль дворянства и выдвигая в качестве ведущей общественной силы «третье сословие». Член этой группы Г. Церетели отстаивал необходимость развития промышленности, кредита, кооперативных ассоциаций, которые должны были, по его мнению, предотвратить развитие пролетариата в Грузии.

Ближе всех к общественно-политическим и философским концепциям русских революционных демократов из членов «Меоре даси» стоял Н. Николадзе, сотрудничавший в тот период в «Искре», «Колоколе», «Современнике». В своем печатном органе — прогрессивной газете «Дроеба» («Время») — «Меоре даси» вела борьбу за развитие грузинской культуры, выступая против реакционной дворянской идеологии.

Передовые взгляды И. Чавчавадзе, Г. Церетели, Н. Николадзе, постановка ими целого ряда проблем и попытка освещения их по-новому во многом продвинули вперед дело научного

^{1а} Н. Николадзе. Освобождение крестьян в Грузии.— «Колокол», 1865, № 154.

² А. Киквидзе. История Грузии (XIX в.). Тбилиси, 1954, стр. 330 (на груз. яз.).

изучения истории Грузии³. И. Чавчавадзе связывал изучение истории с вопросами современности и будущего. На вопрос о задачах истории он отвечал: «Она является истолкованием того, кем мы были, кто мы есть и кем мы можем стать»⁴. Г. Церетели, занимавшийся археологией, первый приступил в 60-х годах XIX в. к чтению публичных лекций по грузинской истории. Систематически издавались его археологические работы и многочисленные статьи по истории Грузии. Н. Николадзе принадлежат ценные высказывания преимущественно по вопросам всемирной истории и теории исторической науки.

В пореформенный период усилилось собирание грузинских исторических памятников, их критическая обработка, изучение быта и нравов грузинского народа.

Грузинские историки и публицисты, например, И. Чавчавадзе, касались различных вопросов истории русско-грузинских отношений. Николадзе посвятил этой проблеме специальную работу «Борис Годунов и Грузия»⁵. В ней он проводит идею, уже высказанную им ранее в статье «Освобождение крестьян в Грузии», где он указывал на роль России в деле освобождения Грузии от засилия Ирана и Турции и на необходимость союза с Россией для исторического развития страны⁶.

Грузинские историки были хорошо знакомы с достижениями русской историографии, поддерживали тесную связь с научными учреждениями России и нередко публиковали свои труды на русском языке. Некоторые из них были лично связаны с видными представителями прогрессивной русской интеллигенции. Они получали образование в русских университетах, слушали лекции Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, М. С. Куторги, С. М. Соловьева и знакомились с исследованиями этих выдающихся русских историков.

Первым представителем грузинской буржуазной историографии является Дмитрий Бакрадзе (1826—1890), выходец из народа, сын бедного крестьянина, представитель грузинской разночинной интеллигенции, член «Меоре даси».

В статье «Историческое движение просвещения», напечатанной в 1866 г. в газете «Дроеба», Бакрадзе освещает основные

³ И. Джавахишвили. Илья Чавчавадзе и история Грузии. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); А. Иоселиани. Илья Чавчавадзе и вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.); А. Киквидзе. Грузинская историческая мысль XIX в.— «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 29, Тбилиси, 1951, стр. 1—19.

⁴ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. V, стр. 207.

⁵ Рукопись хранится в Тбилисской публичной библиотеке им. К. Маркса.

⁶ Н. Николадзе. Освобождение крестьян в Грузии.— «Колокол», 1865, № 154.

принципы буржуазной позитивистской историографии и дает положительную характеристику Бокля как историка. Заслугой Д. Бакрадзе, стоявшего на позициях буржуазно-либеральной социологии, было то, что он по-новому поставил ряд крупных вопросов истории своей родины. Он понимал необходимость изучения «внутренней исторической жизни» страны. В работе по истории Грузии (ранний вариант ее относится к 1870 г., более поздний — к 1889 г.), которая являлась первой попыткой создания учебника по истории Грузии, автор указывал, что его цель — осветить историю «внутренней жизни» грузинского народа, «основанную на древнегрузинской и иностранной литературе, на надписях церквей и икон, на документах»⁷. Но он не смог осуществить ее и сам был недоволен своим трудом, считая, что еще не произведена большая подготовительная работа по собиранию и обработке исторических источников. Вышла в свет лишь первая книга (из задуманных пяти), получившая отрицательную оценку Н. Николадзе.

К историческим процессам Бакрадзе подходил с идеалистических позиций. По его мнению, основой исторического развития Грузии была эволюция от первобытно-общинного строя к государственности⁸. В этом видно влияние русской государственной школы. Автор нигде не упоминает о феодализме, его «История Грузии» повествует лишь о политических событиях и только частично отходит от схемы «Картлис Цховреба». Зато оригинально написаны его замечательные специальные исследования источниковедческого и историко-археологического характера, а также теоретические статьи о предмете и характере исторической науки⁹. Значительна заслуга Д. Бакрадзе в деле научного изучения текстов «Картлис Цховреба», хотя надо отметить, что дальше внешней критики этих текстов он не шел. Его ошибочное мнение о том, что все части «Картлис Цховреба» написаны современниками, долгое время разделялось всеми грузинскими историками. Интересно были составлены изданные Д. Бакрадзе замечания к грузинским источникам. Под его редакцией издана «История Грузии царевича Вахушти» (1889) и «Сборник законов царя Вахтанга VI» (1887).

⁷ Д. Бакрадзе. Грузия. Тифлис, 1870, стр. 6 (на груз. яз.) Имеется неопубликованный русский вариант этого труда «Древний Кавказ». (Институт рукописей АН Грузинской ССР)

⁸ Д. Бакрадзе. История Грузии. т. I. Тифлис, 1889, стр. III (на груз. яз.).

⁹ Д. Бакрадзе. Об источниках грузинской истории.— «Кавказский календарь на 1858 год», Тифлис, 1858, стр. 405—416; его же. Исторические взгляды Грановского.— «Цискари», Тифлис, 1858, № 6. См. также М. Думбадзе. Дмитрий Бакрадзе. Батуми, 1951 (на груз. яз.)

Особенно надо отметить исследования Д. Бакрадзе, посвященные вопросам турецкого землевладения¹⁰, которыми он заложил основу научного изучения истории находящейся под турецким игом Самцхе-Саатабого. Многие работы Д. Бакрадзе и доселе не потеряли своей ценности.

Д. Бакрадзе был тесно связан с русскими историками, этнографами, археологами. Его труды, написанные на русском языке, давали русским историкам возможность следить за изучением истории и археологии Кавказа. Кроме этого, он часто выступал с докладами в Петербурге на заседаниях исторического и филологического отделения Академии наук. В 1879 г. Д. Бакрадзе был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. При активном участии Д. Бакрадзе в 1878 г. было создано Общество любителей археологии Кавказа. В 1873—1875 гг. в «Актах, собранных Кавказскою археографической комиссией» был напечатан капитальный труд Бакрадзе «Кавказ в древних памятниках христианства»¹¹. При активном участии Д. Бакрадзе было основано Общество по распространению грамотности среди грузин (1879). Под его руководством в 1888 г. был основан церковный исторический музей в Тифлисе.

Д. Бакрадзе является одним из зачинателей разработки в Грузии вспомогательных исторических дисциплин: палеографии, археологии, исторической географии. Он высказал оригинальные соображения о происхождении грузинского алфавита. Результаты его археологических экспедиций публиковались в виде пространных исследований, из которых следует особенно отметить «Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре»¹².

Живо интересовался историей Грузии И. Чавчавадзе (особенно в 80-х годах, в годы наступления реакции и обострения классовых антагонизмов). Чавчавадзе отстаивал националистические представления об «единстве», «неделимости» нации. Протестуя против нигилистического отношения грузинских народников к истории своего народа, Чавчавадзе создал ряд исторических работ (статьи «Народ (Нация) и история», «Армянские историки и вопиющие камни», «И это история!» и др.).

¹⁰ Д. Б а к р а д з е. О землевладении по турецким законам.— «Юридическое обозрение», 1884, № 150—151; его же. Краткий свод законов по земельному вопросу из дустура.— Там же, № 153, 156, 157; его же. Исторический очерк турецкой системы землевладения.— «Приложение к протоколу Кавказского юридического общества», 1889, № 9, стр. 1—33.

¹¹ Д. Б а к р а д з е. Кавказ в древних памятниках христианства.— «Записки общества любителей кавказской археологии», Тифлис, 1875, кн. I; «Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией», т. I—XII, Тифлис, 1866—1904, т. V, VI, ч. II.

¹² Д. Б а к р а д з е. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб., 1878.

И. Чавчавадзе считал, что в истории еще не показана роль народа: «Наша история... это история только войн и царей, народ нигде не фигурирует... главное — народ, а в нашей истории народа не видать». Он критически подходил к «Картлис Цховреба» и считал, что это не история народа, а история царей, народ как действующее лицо истории оставлен в тени. Деяния же царей показаны лишь в плане внешней политики¹³.

В статье «Клад древней истории и письменности Грузии» И. Чавчавадзе заострял внимание на необходимости изучения древнегрузинских рукописей и документов, призывал собирать исторические письменные памятники, фольклорные, этнографические и археологические материалы и основать исторический музей для хранения этих материалов и использования их¹⁴.

И. Чавчавадзе во многом развивает положения, высказанные в свое время Д. Бакрадзе. Вместе с тем по ряду важных вопросов истории Грузии им выдвинуты новые и оригинальные идеи. Впервые в грузинской историографии он поставил вопрос об экономическом строе древней Грузии. Говоря о причинах, в силу которых грузинский народ оказался в состоянии выдерживать бесконечные нападения внешних врагов, И. Чавчавадзе утверждал, что «ответ на это должен заключаться в нашем экономическом строе и структуре». Основу стойкости и выдержанности народа И. Чавчавадзе видел в общинном землевладении, причину упадка страны — в отчуждении и присвоении общинных земель.

Разложение общинной собственности на землю и развитие частной собственности И. Чавчавадзе датировал XV—XVI вв., когда, по его мнению, «земли были присвоены монастырями и крупными помещиками»¹⁵. Политическую раздробленность Грузии И. Чавчавадзе связывал с победой крепостничества. По этому поводу он писал: «Общественная собственность постепенно уступала место частной, и победа частного элемента всецело и безусловно со всей своей жестокостью выразилась в феодализме, который насадил крепостничество»¹⁶. Этот взгляд И. Чавчавадзе, несомненно, был ошибочным, так как феодализм в Грузии победил уже в VI в., а не в XV—XVI вв.

Будучи сторонником «национального единства», И. Чавчавадзе хотел примирения классовых противоречий, чтобы жизнь Грузии «стала похожа на единый поток объединенной силы»¹⁷.

¹³ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. V, стр. 201.

¹⁴ А. Иоселиани. Илья Чавчавадзе, стр. 7.

¹⁵ И. Чавчавадзе. Полн. собр., соч., т. V, стр. 202 (статья «Об экономическом строе древней Грузии»); ср. И. Джавахишвили, Илья Чавчавадзе и история Грузии, стр. 10.

¹⁶ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 161.

¹⁷ Там же, т. IV, стр. 81. А. Иоселиани. Илья Чавчавадзе..., стр. 298—299.

В истории он не видел борьбы классов и не мог правильно понять процесс исторического развития.

Заслуживают внимания взгляды И. Чавчавадзе на виднейших деятелей истории Грузии. Он по-новому охарактеризовал Давида Строителя, Георгия Саакадзе, Ираклия II, рассматривая их деятельность в связи с выдвинувшей их исторической средой, в то время как многие грузинские историки приписывали культурно-экономический и политический подъем Грузии в XII—XIII вв. личным качествам Давида Строителя или царицы Тамары.

В исторических исследованиях И. Чавчавадзе важное место занимают вопросы русско-грузинских взаимоотношений. Присоединение Грузии к России, по его мнению, обеспечило будущее Грузии: «Настало новое время, время спокойной жизни»¹⁸, — писал он. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России он видел также в развитии грузинской литературы, науки, культуры. Но Чавчавадзе обращал внимание и на другую сторону установления владычества русского царизма в Грузии, на реакционную колониальную политику самодержавия, которую он неустанно разоблачал. Для него, как и для других представителей грузинской прогрессивной интеллигенции, была нерушима связь с «молодой Россией», с «передовой Россией» (эти выражения часто встречаются в грузинской публицистике того времени).

И. Чавчавадзе и Д. Бакрадзе приняли активное участие в той дискуссии, которая велась вокруг «Картлис Цховреба» в связи с появившейся в 1883 г. статьей армянского историка Патканяна (Патканова) «О древней грузинской хронике»¹⁹. В этой статье была взята под сомнение древность «Картлис Цховреба», которую автор относил к XVIII в. Д. Бакрадзе и И. Чавчавадзе отстаивали древность памятника Бакрадзе в статье «Проф. Патканов и источники грузинской истории», показал, что утверждение Патканяна лишено основания. Это подтвердила и найденная им рукопись «Картлис Цховреба» списка царицы Марии (XVII в.). Чавчавадзе в статье «Армянские историки и вопиющие камни» дал пространный обзор истории Грузии с древнейших времен, показав самобытность и своеобразие грузинской культуры и убедительно опровергнув доводы Патканяна, в частности, по вопросу о времени создания «Картлис Цховреба». Вместе с тем представители грузинской дворянско-буржуазной историографии упорно защищали подлинность всех сведений, приводимых грузинскими источниками, и отрица-

¹⁸ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. II, стр. 39—40.

¹⁹ К. Патканов. О древней грузинской хронике.— ЖМНП, 1883, декабрь.

ли необходимость критического к ним подхода, что повлияло на дальнейшее развитие грузинской историографии.

Народническое движение в Грузии, возникшее в 1870-х годах, в основных чертах было сходно с русским. Некоторые грузинские народники, члены организации «Народной воли», в дальнейшем продолжали свою деятельность в Грузии уже в легальных условиях и на легальных позициях. Идеи «крестьянского социализма» и некапиталистического развития характерны и для грузинских народников. Большую роль в их программе играла задача национально-освободительной борьбы, что, естественно, привлекало их внимание к родной истории. К ней они подходили с точки зрения субъективного идеализма. Грузинские историки-народники отрицали культурную преемственность и наличие прогрессивных моментов в истории грузинского феодального государства.

Своего рода предшественником грузинской народнической историографии (хотя его и нельзя полностью отнести к народникам) можно считать историка З. Чичинадзе (1850—1931), самоучку, имеющего большие заслуги в деле издания и популяризации грузинских исторических источников и работ грузинских историков. Чичинадзе печатался в народнических журналах «Имеди» («Надежда») и «Шрома» («Труд»). Он тесно был связан с народниками и одним из первых приступил к изучению истории грузинских крестьян, ремесленников и купцов (статьи «Крестьяне — герои царя Ираклия», «Промышленность, торговля, ремесло в Грузии», «Самцхе-Саатабаго — исторические и этнографические сведения о народе и купцах», «Грузинские ремесленники и ремесло в Грузии» и др.). Гордясь своим крестьянским происхождением, горячо ненавидя дворянство, Чичинадзе резко отрицательно оценивал грузинских деятелей, писателей, историков за то, что они «ни разу не коснулись жизни представителей низших слоев населения»²⁰, что было все же несправедливо и вызвало обоснованную критику И. Чавчавадзе.

Другим представителем народничества в грузинской историографии был И. Джабадари. В 1889 г. журнал «Северный вестник» опубликовал его статью «Письма о Грузии», в которой резко проявился его субъективно-идеалистический взгляд на исторический процесс. Джабадари не видел в истории развития и прогресса, огульно отвергая все, что являлось результатом исторической жизни и культурного творчества грузинского народа. Джабадари отрицательно оценивал деятельность Давида Строителя и царицы Тамары, зато, как и все историки-народники, искал в истории Грузии «народного героя».

²⁰ З. Чичинадзе. Статья о грузинских писателях. Тифлис, 1888, стр. 6 (на груз. яз.).

Именно в грузинской народнической историографии впервые был поставлен вопрос об исторической роли Георгия Саакадзе, в дальнейшем постоянно привлекавший внимание различных направлений грузинской историографии. Отрицательной оценке Георгия Саакадзе феодальной историографией народники противопоставляли свое представление о нем как о народном герое. А. Пурцеладзе посвятил ему специальную большую монографию ²¹.

В соответствии со своими общественно-политическими взглядами грузинские народники — историки много внимания уделяли изучению общинного землевладения, в частности, грузинской провинции Кизики, где оно сохранилось. Как и русские народники, они идеализировали общину и в то же время опасались ее вырождения. З. Гулисашвили писал по этому поводу: «За последнее время все образованные экономисты в России до небес возводят общее владение землей с ее шести- и десятигодовым переделом. И у нас, у грузин, есть общее владение землей в Кахетии, в Кизики..., на которое, к нашему стыду, мы не обращаем внимания, хотя существует опасность, что оно скоро станет жертвой беспощадного времени» ²².

Народническое направление грузинской исторической мысли имело известные прогрессивные черты. Критический подход к истории феодального прошлого Грузии, выдвигание на первый план проблемы роли народа в истории имели положительное значение для развития грузинской исторической мысли. Однако упрощенно-нигилистический подход народнических историков к ряду проблем исторического прошлого Грузии вызывал резкие и справедливые возражения. С народниками полемизировал И. Чавчавадзе в статье «И это история!», выступивший против И. Джабадари. Полемика эта дала положительные результаты: в ходе ее были поставлены новые проблемы грузинской истории, не привлекавшие ранее внимания профессиональной историографии, скованной традиционной схемой «Картлис Цховреба».

В 1880-х и особенно в 1890-х годах в общественном движении Грузии произошли существенные сдвиги. Развитие грузинского пролетариата, рост рабочего и крестьянского движения привели к более четкому размежеванию классовых сил. Вместе с тем усиливаются националистические тенденции. Некоторые шестидесятники-тергдалеульцы, ранее стоявшие на позициях буржуазного демократизма, отходят вправо. Так, Н. Николадзе, отражая точку зрения буржуазного либерализма, в

²¹ А. Пурцеладзе. Георгий Саакадзе и его время. Тифлис, 1892, (второе изд.— 1911 г.).

²² «Иверия», Тифлис, 1882, № 11.

90-х годах выступил с апологией буржуазии, утверждая, что «нацию и страну везде и всегда выводила из нищеты и рабства, из невежества и неравенства лишь эта средняя „даси“ (группа.—*Ред.*) — буржуазия,— так было и будет»²³. Н. Николадзе требовал защиты и усиления национальной буржуазии. Интерес к истории народа у либерально-буржуазных историков падает. Преобладающее влияние в грузинской историографии в этот период получает буржуазный либерализм. Характерная его черта — националистическая направленность, преобладающий интерес к раннему периоду истории страны, культ грузинских исторических источников и некритическое отношение к их данным. После работ Д. Бакрадзе крупные исторические монографии почти не появлялись. Разрабатывались преимущественно вопросы источниковедения, публиковались источники.

В 1880—1900-х годах появились работы М. Джанашвили, Ф. Жордания, Е. Такайшвили, Д. Каричашвили и др., публиковавших источники грузинской истории: «Хроники» под редакцией Ф. Жордания в двух томах, «Древности грузинские или сборник грузинских актов» в трех томах под редакцией Е. Такайшвили, издания «Картлис Цховреба», палеографические альбомы, каталоги рукописей и др.²⁴ В то же время интенсивно переводились и издавались иностранные источники по истории Грузии (записки миссионеров и путешественников).

В «Истории Грузии» М. Джанашвили (1884) древний период истории изучен с учетом специальных работ Ленормана, Масперо и других востоковедов, хотя в то время слабое развитие в Грузии научного востоковедения весьма препятствовало изучению ее древнего периода. Более поздние эпохи описывались по «Картлис Цховреба». Группа грузинских историков (Д. Пурцеладзе, Н. Урбнели и др.) преимущественно занималась вопросами грузинского права. В 1864 г. была опубликована работа Д. Пурцеладзе «Краткое систематическое изложение уголовного законодательства Вахтанга VI, царя Грузии, с показанием достоинств и недостатков его». В 1881 г. им же были опубликованы «Грузинские церковные гуджары (грамоты)», «Грузинские дворянские грамоты», «Грузинские крестьянские грамоты». Особенно надо отметить «Право и закон в древней Грузии» Н. Урбнели (1882—1883), «Атабеги Бека и Агбуга и их законодательство» (1890), «Установление царя

²³ «Моамбе», Тифлис, 1894, № 8.

²⁴ Е. Такайшвили. Описание рукописей общества распространения грамотности среди грузинского населения, т. I—II (разные выпуски). Тифлис 1902—1912; Ф. Жордания. Описание рукописей Тифлисского церковного музея, кн. I—II, Тифлис, 1902—1903; М. Джанашвили. Описание рукописей церковного музея, кн. III. Тифлис, 1908.

Геorgia Блистательного» (1890). При изучении обычного права Урбнели опирался на этнографию. Его «Этнографические письма» написаны под влиянием трудов М. Ковалевского на уровне новейших для того времени достижений этнографии. Взглядам Н. Урбнели были присущи элементы буржуазного экономизма; основой общественно-политических явлений он считал экономику.

Наряду с либерально-буржуазным направлением в грузинской историографии второй половины XIX в. сохранялось и феодально-клерикальное, типичной чертой которого был преобладающий интерес к истории грузинской церкви. Представители этого направления Д. Джанашвили, Карбелашвили, епископ Кирион пользовались изданным в 1882 г. М. Сабининым большим сборником грузинских агиографических памятников для клерикальных целей, а не для исследования исторических проблем. Даже их характеристика грузинских царей (царицы Тамары, Луарсаба II, Давида Строителя и др.) за редкими исключениями более походят на жития святых, чем на жизнеописания политических деятелей. Социальные и экономические проблемы, поставленные Д. Бакрадзе и И. Чавчавадзе, почти совсем игнорировались историками-клерикалами. Их подход к источникам определялся задачами клерикально-феодальной идеологии. Представители дворянской историографии, так же как и либеральной, интересовались в основном историей древней Грузии, особенно XI—XII вв. (по их терминологии — «золотой век»), оставляли без внимания эпоху позднего средневековья (период упадка и политической раздробленности) и игнорировали новую историю Грузии.

Некоторыми вопросами новой истории Грузии (положение крестьян, аграрные отношения, крестьянская реформа и др.) интенсивно занимались представители русского кавказоведения.

Развитие русского кавказоведения начинается в первой половине XIX в. Дворянско-буржуазные кавказоведы (И. Шопен, И. Дубровин, М. Кучаев, М. Иваненко и др.) интенсивно изучали политические и юридические институты стран Восточного Закавказья. Не вскрывая характера общественных отношений, эти историки, однако, накопили огромный фактический материал для изучения аграрного вопроса. Отмечая наличие феодализма в Армении и Азербайджане, они не понимали, однако, его социальной сущности и отрицали факт прикрепления крестьян к земле в бывших ханствах Восточного Закавказья до рескрипта 6 декабря 1846 г. Из стран Закавказья существование крепостничества они признавали только в Грузии. Дворянско-буржуазные кавказоведы упрощали картину социального строя, так называемых «мусульманских провинций» (Азербайджан),

отрицая вообще существование там частной собственности на землю. В исследованиях некоторых из них ярко проявлялись царистские тенденции. Интерес этих ученых к истории социальных и политических институтов Закавказья определялся административными целями. Аграрную систему народов Закавказья особенно «мусульманских провинций», они изучали тенденциозно, стремясь обеспечить государственной казне и верным царизму феодалам (например, бекам в Азербайджане) как можно большее количество земли. С этих же позиций и были составлены проекты крестьянских реформ для «мусульманских провинций» Закавказья. Историки этого направления ставили своей целью оправдание колониальной политики царизма. Многие представители дореволюционного кавказоведения посвятили свои труды аграрному вопросу в Грузии и положению крестьян²⁵.

Вопросы истории Грузии разрабатывались в университетах и научных учреждениях России. Научное грузиноведение фактически создавалось в Петербургском университете в 40-х годах XIX в.; полное развитие оно получило там же на рубеже XIX—XX вв., когда русская ориенталистика заняла одно из ведущих мест в мировой ориенталистике.

Во второй половине XIX в. продолжателем научной деятельности профессора Д. Чубинашвили в Петербургском университете был филолог и историк А. Цагарели (1844—1929). Его исследования и публикации материалов по русско-грузинским отношениям до сегодняшнего дня сохранили свое научное значение²⁶. Большинство опубликованных им источников он выявил сам в хранилищах и архивах России²⁷.

Деятельность профессора А. Хаханашвили (1864—1912) — филолога, литературоведа, историка, этнографа — протекала в основном в московском Лазаревском институте. На русском

²⁵ Г. К а л а н т а р о в. Крепостное право в Грузии в начале настоящего столетия. Тифлис, 1887; С. Б а г а т у р о в. Личные и поземельные права в древней Грузии, вып. I. Тифлис, 1886. X. В е р м и ш е в. Земледелие у государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888; его же. Хизаны и хизанство. Тифлис 1884. Материалы о государственных крестьянах печатались в «Своде материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края».

²⁶ См. А. Ц а г а р е л и. Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. 1—3. СПб., 1886—1894; его же. Памятники грузинской старины в святой земле и на Синае.— «Православный палестинский сборник», т. IV, вып. 1, СПб., 1888; см. также «Грамоты и другие документы, относящиеся до Грузии», т. II, вып. 1. СПб., 1898.

²⁷ См. А. Ц а г а р е л и. Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII вв. СПб., 1891; Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб., 1890; Грузинские надписи, найденные в России.— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. 2, вып. 3, 1888, и др.

языке вышла его большая работа «Очерки по истории грузинской словесности»²⁸. Хаханашвили внимательно изучал вопросы истории грузинской культуры, источники и составные части ранних грузинских летописей, историческую географию, податные реестры, публиковал этнографические исследования и документы социальной истории. Он первый описал грузинские рукописи Британского музея и Парижской национальной библиотеки. Он также поставил проблему грузинского феодализма и попытался изучить крепостнические отношения в Грузии²⁹. Этому вопросу посвящены его статьи, помещенные в грузинской периодике³⁰. Однако Хаханашвили понимал под феодализмом систему политических институтов, а не определенную общественно-экономическую формацию, механически перенося терминологию и институты западноевропейского феодализма на грузинскую почву. Созданная им «История Грузии»³¹ стояла ниже его специальных исследований и в основном давала описание политических событий по грузинским летописям.

VII

ИСТОРИОГРАФИЯ АРМЕНИИ

Историография Армении развивалась во второй половине XIX в. в условиях острой общественной борьбы. В 60-х годах во главе передовых общественных сил страны стояли представители армянской революционной демократии — М. Налбандян, Г. Тер-Меликседекян, А. Свачян и другие деятели, связанные с русским революционно-демократическим движением. Передовой лагерь противостоял консервативно-клерикальному направлению и формирующемуся буржуазному либерализму. В 1870—1890-е годы, отмеченные ростом армянского буржуазного национализма, представители передовой армянской общественной мысли в борьбе с националистами отстаивали союз с великим русским народом и братскими народами Кавказа.

Виднейшим представителем армянской революционно-демократической историографии второй половины XIX в. был жи-

²⁸ См. А. Хаханов (Хаханашвили). Очерки по истории грузинской словесности, вып. I—IV. М., 1895—1906.

²⁹ Ал Хаханашвили. Крепостничество в Грузии до присоединения к России. Изд. I, Тифлис, 1890; изд. 2, Кутаиси, 1910 (на груз. яз.).

³⁰ Ал Хаханашвили. Чиновные люди грузинского царства.— «Момамбе», Тифлис, 1897, № 3, отд. II, его же. Иммуитет в Грузии — «Цнобис пурцели». Тифлис, 1901, № 1533, 1534; его же. Правила землевладения в грузинском царстве — «Квали», Тифлис, 1902, № 1.

³¹ Ал Хаханашвили. История Грузии, т. I. Тифлис, 1906 (на груз. яз.).

вший и работавший в России М. Налбандян (1829—1866), последователь и соратник Н. Г. Чернышевского, друг А. И. Герцена и Н. А. Огарева, предшественник армянских революционных социал-демократов. В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» писал, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом»¹. Эту характеристику философских взглядов Герцена можно отнести и к мировоззрению М. Налбандяна — революционного демократа и материалиста.

М. Налбандян выступал страстным борцом за интересы армянского трудового народа, за единение армянского революционного движения с русским, за революционный путь решения крестьянского вопроса. Историческая концепция М. Налбандяна нашла отражение в его произведениях: «Земледелие как верный путь» (1862), «Мхитар Себасти и мхитаристы» (1858), «Гегель и его время» (1863, опубликована в 1902), «Две строки» (1861), «Иезуиты» (1857), «Письмо Лазаря Парбского» (1868) и др.

Во взглядах М. Налбандяна на общественные отношения были отдельные элементы материализма. Он признавал огромное значение экономического фактора в жизни общества. В своем теоретическом произведении «Земледелие как верный путь», посвященном преимущественно экономическим вопросам, он писал: «Решение экономического вопроса является единственным средством для обеспечения жизни и существования человека...»²; для человека, как и для общества «экономический вопрос — есть вопрос жизни и смерти»³. Оставаясь в объяснении явлений общественной жизни в основном на идеалистических позициях, Налбандян, однако, отвергал метафизическое понимание исторического процесса. По его мнению, историческая наука должна раскрывать общий закон развития общества, который даст возможность объяснить отдельные исторические события. В произведении «Гегель и его время» М. Налбандян указывает, что «нельзя по-настоящему понять дух истории, пока ее частные явления не сведены к одному общему источнику, из которого они произошли»⁴. Система общественно-политических воззрений Налбандяна противостояла взглядам армянских консервативных идеологов. Такие его произведения, как «Мхитар Себасти и мхитаристы»⁵, «Письмо Лазаря Парбского»,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

² М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 402.

³ Там же, стр. 426.

⁴ Там же, стр. 456.

⁵ Мхитаристами называются последователи конгрегации католических церковников, основанной Мхитаром Себасти в 1701 г. С 1715 г. конгрегация находилась в Венеции (на острове св. Лазаря); в 1773 г. часть кон-

«Речь об армянской словесности», были направлены против армянских клерикальных историков.

Не отрицая вообще деятельности мхитаристов в деле изучения истории и литературы армян, М. Налбандян резко критиковал их за искажение истории Армении в целях религиозной пропаганды. Так, например, критикуя работу члена конгрегации М. Чамчана «История армян», М. Налбандян разоблачает его реакционные взгляды, согласно которым чужеземцы разоряют Армению по той причине, что она «прогневала бога». Налбандян указывает, что Чамчан игнорирует политические причины разорения, не дает критической оценки ни одному событию национальной жизни, пропагандирует покорность велениям римского папы.

В своих комментариях к «Письму Лазаря Парбского» М. Налбандян указывает, что научная история кончается там, где для объяснения исторических событий обращаются к помощи бога. Критикуя М. Чамчана, М. Налбандян писал, что он, как и многие другие историки клерикально-феодалного направления, излагает историю без исследования документов, и все это выдает за науку⁶. В своих комментариях Налбандян уточняет ряд фактов, касающихся истории армянского народа критикует ошибки М. Чамчана и М. Эмина при определении личности автора письма⁷, иначе говоря, занимается источниковедческой проблематикой.

М. Налбандян горячо любил свой народ, прекрасно знал его историю, стоял за единение с великим русским народом, боровшимся за уничтожение царизма и крепостничества, выступал за единение армянского революционного движения с общероссийским. В этом — одна из великих заслуг М. Налбандяна. Заглядывая в будущее, он писал, что «освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества»⁸.

В армянской буржуазной историографии второй половины XIX и начала XX в. можно различить три направления: бур-

грегации переехала в Вену. Мхитаристы и сейчас ведут работу в области арменистики как и издательскую деятельность. Являясь католическими церковниками, они стремятся распространить влияние Ватикана среди зарубежных армян.

⁶ М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. I—III. Ереван, 1940—1947, (на армянском языке), т. III, стр. 263, 284—285. Мнение М. Налбандяна М. Чамчане как об историке см. также в его работе «Речь об армянской словесности» (М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения, стр. 95—96).

⁷ Письмо и комментарии М. Налбандяна к нему см. М. Налбандян. Полн. собр. соч., т. III, стр. 231—290.

⁸ М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения, стр. 413.

жуазно-клерикальное, буржуазно-консервативное и буржуазно-либеральное.

Представителем клерикального направления являлся в то время Г. Алишан (1820—1901), венецианский мхитарист, поэт, арменист и географ, последователь западноевропейской школы востоковедения и филологии, автор ряда капитальных исследований по истории армянского народа и географии Армении.

Деятельность Алишана проходила в Италии, где и вышли в свет его работы. Его перу принадлежат труды: «Ширак» (1881), «Сисакан» (1893), «Сисуан» (1885), «Айрарат» (1890), «Айапатум» (1901). В трудах «Айрарат», «Сисакан» и «Ширак» Алишан подробно останавливается на истории и географии Восточной Армении, а в «Сисуан» — на истории Киликии (ныне в пределах Турции), где в XI—XIV вв. существовало Киликийское армянское царство. Для Алишана характерен клерикально-националистический подход к армянской истории и романтическая идеализация истории древней Армении, в которой, по его мнению, благодаря заботам царей и князей, не существовало классовой борьбы и царили мир и дружба.

Консервативное крыло армянской буржуазной историографии выдвинуло ряд видных историков, научная деятельность которых относится преимущественно к 70—90-м годам XIX в.

Одним из них был профессор М. Эмин (1815—1890), много порабатвавший над опубликованием представляющих большой научный интерес работ средневековых армянских историков⁹. Особо надо отметить его перевод на русский язык труда Мовсеца Хоренаци (Моисея Хоренского) «История Армении», выполненный мастерски и превосходящий все другие переводы этой работы. Перу М. Эмина принадлежат и некоторые самостоятельные исследования по истории армянского народа, опубликованные на русском языке¹⁰. Из арменистов М. Эмин первым занялся изучением и публикацией армянских апокрифов.

⁹ М. Эмин перевел с армянского языка на русский и опубликовал «Историю Армении Моисея Хоренского» (1858 и 1893); «Всеобщую историю Вардана Великого» (1861), «Всеобщую историю Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия» (1864); впервые опубликовал на армянском языке: «Письмо Лазаря Парбского к Вагану Мамиконяну» (1853), «Историю Сюникской провинции Степаноса Сюникского» (1861) и др.

¹⁰ М. Эмин. Династический список хайкидов в истории Армении Моисея Хоренского и хронологическая их таблица у о. Михаила Чамчана М., 1884; его же. М. Хоренский и древний эпос армянский. М., 1881; его же. Очерк религии и верований языческих армян. М., 1864; его же. Мидийцы в древней Армении, М., 1881; его же. Армавир. М., 1882; его же.

Блестящим арменистом и востоковедом был К. Патканян (Патканов) (1833—1889), плодотворно занимавшийся изучением истории, языка и литературы армянского народа и других народов Закавказья. Он перевел на русский язык многие ценные и неизвестные до тех пор труды армянских историков¹¹. К. Патканяну принадлежит ряд оригинальных работ на русском языке по истории и языку армянского народа и истории Передней Азии¹².

В 1885 г. К. Патканян был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Труды К. Патканяна и М. Эмина обратили внимание ученых на богатую и малоисследованную культуру армянского народа и других народов Закавказья.

Как историки К. Патканян и М. Эмин стояли на идеалистических позициях: они не видели классової борьбы, а исторический процесс объясняли действиями царей и других государственных деятелей. Падение царства Аршакидов К. Патканян объяснял тем, что армянские князья не поняли национальных и государственных интересов и тем самым помешали созданию сильной государственной власти в Армении.

Научно-педагогическая деятельность М. Эмина и К. Патканяна проходила в России.

В армянских школах досоветского периода учебником долгое время служила работа С. Паласяна (1837—1889) «История Армении от начала до наших дней» (1890). Как и боль-

О памятниках древности в Русской Армении и о походах руссов на Партав. М., 1880 и др.

¹¹ «История Агван Моисея Каганкатвацци» (1861); «История халифов Гевонда» (1862); «История монголов инока Магакии, XIII века» (1871); «История монголов по армянским источникам» (в двух выпусках, 1873 г.); «Себеос, епископ. История императора Иракла» (1862); «Дневник осады Испагани афганцами, введённый Петросом ди Саргис Гилянцем в 1722 и 1723 годах» (1870); «История дома Ацрунинских Томы Арцруни» (1887) и др.

¹² К. Патканов. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863; его же. Армянская география VII в., приписывавшаяся Моисею Хоренскому. СПб., 1877 (отмечена серебряной медалью Русского археологического общества); его же. Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1879; его же. О мнимом походе Таклат-Паласара к берегам Инда. СПб., 1879; его же. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. СПб., 1881; его же. О клинообразных надписях Ванской системы, открытых в пределах России. СПб., 1883; его же. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. СПб., 1873; его же. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских, Тифлис, 1879; его же. Исследование о составе армянского языка. СПб., 1864; его же. Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган — боша и карачи. СПб., 1887.

шинство армянских консервативных буржуазных историков, он игнорирует классовую борьбу даже в XIX в., не говоря уже о раннем периоде истории Армении. Ему присуще некритическое отношение к древнеармянскому эпосу, признание всех его данных непреложными историческими фактами. Основными вехами периодизации истории для него являются принятие армянами христианства, завоевание арабами Армении и т. п.

Несмотря на все это, книга Паласаняна сыграла в свое время некоторую положительную роль в популяризации истории армянского народа.

События, имевшие место в Армении в первой половине XIX в. (1800—1842 гг.), нашли отражение в труде А. Ерицяна (Ерицов) (1841—1902) «Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX в.»¹³. В нем содержится богатый материал о положении армян под гнетом Персии и Турции, о присоединении Восточной Армении к России. Но основное внимание Ерицяна уделяет взаимоотношениям отдельных армянских католикосов и других государственных деятелей и полководцев, которые и были, согласно его концепции, основной силой исторического процесса.

Перу А. Ерицяна принадлежит «История 75-летия существования армянской семинарии Нерсисяни» (1898), «Венецианские мхитаристы» (1883) и другие работы.

Историк М. Гарагашян (1818—1903) в своей работе «Критическая история Армении по новейшим историческим, лингвистическим и филологическим данным» (1895), состоящей из четырех частей, проявляет критическое отношение к клерикальной историографии. Он делит историю армян на два периода: «первоначальный» и «исторический». Последний начинается с царя Тиграна II и, по мнению автора, должен продолжаться до современной ему эпохи¹⁴. Подобная периодизация лишена научного значения. Гарагашян отрицает классы в древней Армении. Он объединяет население древней Армении под одним лишенным социального значения собирательным этническим термином «айк» (армяне). По мнению М. Гарагашяна, в древней Армении существовали только «славное дворянство» и почетное гражданство¹⁵. Труд М. Гарагашяна ценен, однако, тем, что содержит обильный фактический материал.

¹³ А. Ерицян. Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX в., ч. I—II. Тифлис, 1894—1895.

¹⁴ М. Гарагашян. Критическая история Армении по новейшим историческим, лингвистическим и филологическим данным, ч. I, Тифлис, 1895, стр. 1.

¹⁵ Там же, ч. II, стр. 10

К. Езяну (Эзову) (1835—1905) принадлежит первая крупная работа, освещающая армяно-русские отношения¹⁶. Труд этот является сборником архивных документов, извлеченных автором как из русских, так и заграничных архивов с большим предисловием-исследованием составителя. Сборник не потерял своей ценности и в настоящее время; исследователь найдет в нем много интересных документов, касающихся армяно-русских отношений при Петре I и деятельности известного представителя армянского освободительного движения Исраеля Ори. Езяну принадлежат также труды «Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством» (1901) и «Внутренний быт древней Армении» (1859). Научная деятельность К. Езяна проходила в России, работы его написаны на русском языке.

На относительно более либеральных позициях стояла другая группа крупных армянских буржуазных историков, научная деятельность которых развернулась главным образом уже в начале XX в.

Г. Халатьянцу (1858—1912) принадлежит ряд исследований по истории древней Армении: «Армянские Аршакиды в „Истории Армении“ Моисея Хоренского. Опыт критики источников» (1903); «Армянский эпос в „Истории Армении“ Моисея Хоренского. Опыт критики источников» (1896); «Очерк истории Армении в связи с общим ходом событий в Передней Азии» (1910).

Ему свойственно гиперкритическое отношение к первоисточникам, характерное для многих буржуазных исследователей. Так, он почти полностью отвергает значение столь ценного источника, как «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Научно-педагогическая деятельность Г. Халатьянца проходила в России.

С исследованиями, посвященными процессу разложения сельской общины в Закавказье и истории закавказских городских ремесленных цехов, выступил историк профессор Согомон (Соломон) Егиазарян (Егиазаров) (1848—1935). В первой части своего большого труда «Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община» (1889) Егиазарян на основе собранного им богатого и интересного материала подробно исследует экономику сельского хозяйства и состояние сельской общины в Закавказье и, в частности, в Армении. Его труд является одной из лучших работ дореволюционного периода, посвященных аграрным отношениям в

¹⁶ К. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

странах Закавказья. Хотя С. Егиазарян и отмечает процесс разложения общины, он не в состоянии дать научного анализа этого явления. Во второй части своего труда Егиазарян подробно останавливается на происхождении, организации и внутреннем управлении ремесленных цехов¹⁷. Их возникновение он объясняет, однако, не экономической необходимостью, а вмешательством со стороны государства, его желанием по соображениям чисто финансового и полицейского характера группировать людей по профессиям. Развивавшийся капитализм разрушал основы ремесленных цехов, и их окончательное исчезновение было уже предreshено. Но С. Егиазарян, не понимая законов экономического развития, выступал в защиту средневековых цехов-амкарств. Работа ценна, однако, обстоятельным освещением организационной структуры ремесленных цехов Закавказья, их юридических основ, внутрицеховых правил и обычаев, взаимоотношений между мастерами, подмастерьями и учениками. С. Егиазарян писал на русском языке; его научно-педагогическая деятельность проходила в России. После Октябрьской революции он эмигрировал.

Армянская либерально-буржуазная историография в известной степени отлична от относительно более раннего консервативно-буржуазного течения, хотя и сохраняет присущие всей буржуазной исторической науке черты классово-научной ограниченности. Круг научных интересов и историческая проблематика либерально-буржуазных историков (особенно С. Егиазаряна, Н. Адонца, Лео)¹⁸ намного шире историков консервативных. Последние почти целиком (исключение составляет К. Езян) сосредоточились на изучении истории церкви, древнеармянской государственной власти, деятельности царей, католикосов и полководцев. Либеральные же историки ставят проблемы социальных отношений, общественной мысли, истории армянского просвещения, развития сельской общины и городских цехов. Внимание историков, ранее почти исключительно занимавшихся древним периодом, начинает привлекать и новая история. Представление об абсолютной непогрешимости, полной достоверности древнеармянских источников, типичное для близкой к клерикальным кругам историографии, сменяется у представителей либерально-буржуазной историографии научной критикой этих источников. Вместе с тем и для либерально-буржуазной армянской историографии ха-

¹⁷ С. А. Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье. II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств, Казань, 1891.

¹⁸ Характеристика работ Н. Адонца и Лео будет дана в третьем томе «Очерков истории исторической науки в СССР».

рактерна националистическая направленность и связанное с ней отрицание роли классовой борьбы в армянской истории, ошибочная концепция «единства» армянского общества.

Армянская историография второй половины XIX — начала XX в. развивалась в постоянном плодотворном общении с русской исторической мыслью.

VIII

ИСТОРИОГРАФИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Историография Азербайджана второй половины XIX в. доныне еще мало изучена. Вопрос об основных периодах развития и характере отдельных ее направлений не может считаться полностью решенным. В условиях социально-экономической и культурной отсталости страны историческая мысль Азербайджана в этот период в общем развивалась слабо.

В 1870 г. в Азербайджане и Армении царизм был вынужден провести крестьянскую реформу. В Азербайджане реформа не коснулась большей части непосредственных сельских производителей, которые по-прежнему вплоть до победы социалистической революции находились в феодальной зависимости от государства. При подобной отсталости Азербайджана в целом исключение составлял только Баку, где под влиянием капиталистического развития России в последней четверти XIX в. бурно росла нефтяная промышленность. Именно Баку стал центром формирования основных кадров рабочего класса Азербайджана.

Формирование промышленного пролетариата во второй половине XIX в. было чрезвычайно важным явлением в истории азербайджанского народа. Как и в других колониальных районах России, в Азербайджане постепенно развертывалось массовое движение рабочего класса, во главе которого шел его боевой авангард — бакинский пролетариат.

Перемены в социально-экономической и политической жизни Азербайджана находили свое отражение в азербайджанской культуре. В условиях бурно развивающейся нефтяной промышленности важнейшим очагом новой культуры азербайджанского народа стал Баку, где в конце XIX в. возникли первые национально-культурные учреждения, концентрировались основные силы формировавшейся азербайджанской интеллигенции. Несмотря на многочисленные препятствия со стороны царских властей и местных реакционеров, новые веяния в области культуры, литературы, искусства и науки пробивали себе дорогу и в Азербайджане.

На развитие азербайджанской культуры огромное плодотворное воздействие оказывала передовая демократическая

мысль русского народа. Приобщение к русской культуре, связь с представителями прогрессивной мысли России нашло свое яркое отражение в творчестве лучших людей азербайджанского народа.

Наряду с демократической интеллигенцией формировалась бекско-буржуазная интеллигенция, большая часть которой была проводником колониальной политики самодержавия и носительницей националистической идеологии, идеализировала патриархально-феодальную отсталость Азербайджана, помогала царизму и капиталистам насаждать и разжигать межнациональную рознь.

Историческая мысль Азербайджана до известной степени отражала углубившееся размежевание общественных сил страны. Передовое ее направление представлял Мирза Фатали Ахундов (1812—1878)¹. Будучи оригинальным и разносторонним мыслителем, он внес неопределимый вклад в развитие передовой культуры азербайджанского народа². Выдающийся философ-материалист, основоположник азербайджанской драматургии, горячий поборник просвещения, Ахундов страстно и настойчиво боролся против деспотизма, религии ислама, за свободу и прогресс, за счастье и благоденствие народа. В неразрывной связи с беспощадной борьбой Ахундова против всего реакционного и отживающего следует рассматривать и ту острую критику, которой он подверг придворную восточную историографию. В 1862 г. Ахундов написал статью «Критические заметки»³, в которой анализирует работу иранского историка Риза Гули-хана «Розетгулсефай-Насирийе» («Чистый сад Насира»). Статья, построенная в форме диалога между Ахундовым и Риза Гули-ханом, носила резко критический характер и была направлена против всей придворной историографии, представителями которой являлись Риза Гули-хан, Мирза Мехти Астрабадский и др.⁴

Искажение фактов, домыслы о всякого рода религиозных чудесах, рифмоплетство, пустословие, цветистый вычурный язык — все эти типичные приемы восточной историографии были высмеяны и осуждены Ахундовым, который с горечью и возмущением писал, что историческая литература «состоит из от-

¹ Об исторических взглядах М. Ф. Ахундова см. А. А. Гусейнзаде. Исторические взгляды Ахундова.— Научный архив Института истории АН Азерб. ССР, инв. № 3595.

² А. Н. Гулиев. О некоторых недостатках в освещении истории философской мысли азербайджанского народа.— «Вопросы философии», 1956, № 6.

³ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения. Баку, 1953, стр. 203—212.

⁴ М. Ф. Ахундов. Əsərləri III cild. Вакъ, 1938, стр. 73—74.

вратительных легенд о мнимых чудесах двенадцати имамов, потомков пророка, и других лжесвятых мужей, или же из описания походов и завоеваний каких-нибудь тиранов, переполненных гиперболическими сравнениями, льстивыми похвалами и написанными страшно высокопарным слогом, доступным пониманию далеко не всякого читателя»⁵.

Критические замечания Ахундова позволяют нам понять, какое значение придавал он изучению истории, как понимал задачи современной ему исторической науки. Ахундов правильно считал, что изучение новейшей истории имеет большое воспитательное и познавательное значение и будет содействовать прогрессу. Он призывал изучать важнейшие события истории, политическую историю отдельных государств, считал, что историк должен правдиво излагать события и факты, анализировать и объяснять их. Образцом такого подхода к общественным явлениям может служить работа Ахундова «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ сего последнего»⁶. В этом сочинении он мастерски воссоздал картину жизни Ирана того времени, показывая различные стороны быта этой страны, особенности ее экономического, социального и культурного уклада. При этом он не ограничивался простой констатацией фактов, а пытался вскрыть причины, приведшие некогда могучее государство в состояние полного упадка. Эти причины он видел прежде всего в исламе и деспотизме, им порожденном.

Значительный интерес представляет статья Ахундова «Поражение турецкой армии под Багдадом в 1618 г.», опубликованная в 1853 г. в газете «Кавказ»⁷. Она была написана Ахундовым на основании критического использования сочинения крупнейшего представителя сефевидской придворной историографии Искандер-бека Мюнши «Тарих-и Алем-Арай-и Аббаси» («История мироукрасителя Аббаса») и других исторических сочинений. В работе освещается борьба за Багдад в 1618 г. между турецкими и иранскими войсками. В начале статьи Ахундов короткими, но яркими штрихами характеризует тяжелое положение Сефевидского государства при Мухаммеде Худабенде — отце шаха Аббаса I. Он подчеркивает, что своеволие крупных феодалов, разорявших страну бесконечными междоусобицами и распрями, довело ее до полного разорения. Именно этим воспользовалась султанская Турция, стремившаяся поживиться за счет своего соседа и захватить его земли. Против Сефевидов поднялись и узбекские феодалы. Шаху Аббасу I

⁵ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, стр. 66.

⁶ Там же, стр. 53—170.

⁷ М. Ф. Ахундов. Əsərləri, II cild. Вакъ, 1938, стр. 159—170.

(1587—1629) пришлось вступить в упорную борьбу с центробежными силами внутри государства, и, лишь после того как ему удалось сломить их, «узбеки были прогнаны из Хорасана, а турки — из завоеванных ими земель»⁸.

Как видно, Ахундов положительно оценивает значение сильной централизованной власти в противовес феодальной раздробленности, подрывавшей силы страны и сделавшей ее жертвой иноземных захватчиков. Нельзя не заметить в то же время определенную идеализацию Ахундовым в этой статье личности шаха Аббаса — этого жестокого деспота.

Большой интерес представляет повесть Ахундова «Обманутые звезды», сюжет которой взят из уже упомянутого нами произведения Искандера Мюнши. Это был острый политический памфлет, в котором едко высмеивался и сурово осуждался деспотический шахский режим в Иране. В «Обманутых звездах» Ахундов решительно порывает с характерной для иранской историографии идеализацией шаха Аббаса I. Он беспощадно срывает с шаха тогу справедливого правителя, в которую его усиленно наряжали историки. Аббас I предстает перед читателями как жестокий кровожадный деспот, проливший море человеческой крови.

М. Ф. Ахундов плодотворно работал в Комиссии по уточнению населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, поддерживал тесную связь с крупными русскими востоковедами.

Хотя Ахундов идеалистически объяснял явления общественной жизни, тем не менее его наследие имеет большое прогрессивное значение. Он поднял историческую мысль Азербайджана на новую ступень, обогатил ее имевшим более научный характер методом подхода к историческим явлениям.

Но все же в 60—80-х годах азербайджанская историография не имела еще прочной научной основы; методика исторического исследования была развита слабо, преобладали работы хроникального типа; сильным влиянием пользовалась феодально-религиозная идеология.

В 1850—1880-х годах выделилась группа местных феодальных историков-хронистов, давшая ряд работ по истории Азербайджана, близких по приемам и содержанию к историческим летописям, и стоявшая еще на сравнительно низком уровне исторического знания. К этой группе принадлежал Мир Мехти Гашим оглы Хазани⁹ (1811—1893), автор оставшейся в рукописи книги по истории Карабага — «Китаб-и тарих-и Гара-

⁸ М. Ф. Ахундов. Əsərləri, II cild, стр. 160.

⁹ О Хазани см. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в конце XVI—начале

баг»¹⁰ («Книга об истории Карабага»), при работе над которой он также пользовался трудами своих предшественников — Мирзы Джамала и Мирзы Адигезал-бека. Составленная по поручению должностного лица работа эта относится, видимо, к последней четверти XIX в.¹¹

Работа Хазани состоит из введения, 24 глав и заключения и посвящена в основном политической истории Карабага XVIII — начала XIX в. В ней даются тщательно составленное описание старого административно-хозяйственного деления Карабага, географический обзор Карабагского ханства, история Карабага в период правления трех последних его правителей. Автор сообщает о связях карабагцев с русскими, о событиях, связанных с присоединением Азербайджана к России, вступлении русских войск в Азербайджан, штурме Гянджи, о русско-иранской войне 1804—1813 гг. и договоре Ибрагим Халил хана с Россией (1805). В работе Хазани мы находим ценные сведения, позволяющие судить об отношении местного населения к происходившим политическим событиям, освещаемым несколько тенденциозно. Это чувствуется в рассказе о деятельности Надир-шаха, которого Хазани, идя по стопам иранских историографов, всячески восхваляет. Хазани был также популярным поэтом.

Одним из представителей местной феодальной историографии являлся Мирза Юсуф Карабаги (Нерсесов) (1798—1864)¹²; в начале русско-иранской войны 1804—1813 гг. он был насильственно увезен в Иран, где его обратили в мусульманство и отдали учиться, готовя к государственной службе; он в совершенстве овладел арабским, фарсидским и азербайджанским языками. После заключения Туркманчайского мирного договора (1828) ему удалось вернуться на родину и впоследствии устроиться на службу в канцелярии царского наместника на Кавказе.

Его объемистый труд на языке фарси по истории Карабага — «Тарих-е-сафи» («Улучшенная история») ¹³, составление которого он начал в 1854 г., представляет значительный интерес.

XIX в. Л., 1949, стр. 45; см. также Мухаммед-ага Мучтехид-заде. Риязул-ашигейн. Истамбул, 1828, стр. 214; Мир-Мохсун-ага «Навваб». «Тезкиреи Навваб». Баку, 1913, стр. 202.

¹⁰ Хранится в республиканском рукописном фонде АН Азерб. ССР, инв. № Б-2044/15098.

¹¹ Г. Иманов. Вопросы историографии Азербайджана, наши достижения и ближайшие задачи.— «Труды АЗФАН АН СССР», т. XXX, 1936, стр. 161.

¹² А. А. Сеидзаде. Мирза Юсуф Нерсесов (Шушинский).— «Известия АН Азерб. ССР», 1942, № 9, стр. 10—19.

¹³ Рукопись находится в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа при АН Груз. ССР, инв. № 195.

В нем мы находим много сведений по истории Карабагского ханства второй половины XVIII — начала XIX в. и русско-иранских отношений первой трети XIX в. Мирза Юсуф подробно излагает историю каждого карабагского меликства и подчинения их Панах-Али, ханом Карабагским (XVIII в.). При этом он приводит интересные сведения об экономике меликств. В работе имеются любопытные подробности героической обороны Шуши во время нашествия Ага-Мухаммед-шаха Каджара, сведения по истории взаимоотношений Карабагского ханства с Россией. Большое место отводит автор событиям русско-иранской войны 1826—1828 гг., широко освещает ход военных действий, помощь местного населения русской армии. Сведения Мирзы Юсуфа отличаются достоверностью, но автор находится в плену религиозной идеологии и с тенденциозных позиций освещает некоторые вопросы политической истории и исторической географии Азербайджана.

Рзакули-бек Мирза Джамал-оглы — автор работы «Карабагнамэ» («Книга о Карабаге») ¹⁴, составленной в 70-х годах XIX в. Она является по существу повторением сочинения отца автора, историка первой половины XIX в. Мирзы Джамала. Лишь в некоторых местах своей работы он уточняет и дополняет его данные. В рукописи Рзакули-бека имеются сведения об экономике Карабагского ханства и ханском хозяйстве.

Другим представителем местной исторической науки был Гасан Али-хан Гарадаги, уроженец города Шуши (1847—1929). Его отец — поручик русской армии — дал сыну отличное по тому времени образование. В 1886 г. Гарадаги окончил шушинскую русско-азербайджанскую школу, в которой впоследствии преподавал (1878—1888). Он свободно владел русским, арабским, фарсидским языками, занимался поэзией. Гарадаги вел в Шуше просветительную работу ¹⁵.

В 1880 г. Гарадаги написал работу по истории Карабагского ханства ¹⁶ второй половины XVIII — начала XIX в. («Карабагнамэ»). По словам автора, он составил свою работу на основе сочинений Мирзы Джамала и Мирзы Адигезал-бека — авторов подобных произведений, написанных в первой половине XIX в., а также Хазани. Но Гарадаги не просто пересказывал своих предшественников: в ряде случаев, он, критически сопоставляя их сведения и привлекая дополнительные материалы, высказывал свои собственные суждения, дополнял и уточнял данные использованных им сочинений.

¹⁴ Рукопись хранится в республиканском рукописном фонде АН Азерб. ССР, инв. № Б-470/5224.

¹⁵ В 1880 г. он написал учебник «Вэтэн-дили» («Родной язык») для начальной школы.

¹⁶ Рукопись хранится в республиканском рукописном фонде АН Азерб. ССР, инв. № 1949/11844.

Автором небольшой, но содержательной работы о Карабахе был Ахмед-бек Джаваншир (1828—1903)¹⁷, происходивший из карабагской ханской фамилии. Он окончил Петербургский кадетский корпус, был на военной службе, вышел в отставку в 1854 г. в чине штаб-ротмистра и вернулся в свое имение, где до конца жизни занимался сельским хозяйством. Будучи человеком образованным, Ахмед-бек знал и любил русскую литературу, особенно увлекался Пушкиным, Лермонтовым, Жуковским, многие стихи которых были им переведены на азербайджанский язык. Он составил четырехтомник «Полное собрание азербайджанских пословиц» с русскими аналогиями из сборника Даля. К сожалению, собрание Ахмед-бека не сохранилось. Из произведений Ахмед-бека наибольший интерес представляет для нас книга «О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г.», написанная на русском языке в 1883 г.¹⁸ Она освещает в основном политическую историю Карабахского ханства, уделяя главное внимание событиям, связанным с нашествием на Карабаг полчищ Ага Мухаммед-шаха. Автор сообщает о чудовищных злодеяниях иноземных захватчиков, которые «сжигали села, угоняли скот, уводили жителей в неволю, неистовствовали, насилюя женщин и детей...»¹⁹. В работе имеются интересные факты о самоотверженной борьбе карабагцев с полчищами Ага Мухаммед-шаха, действиях карабагских партизан в тылу противника, о героической обороне Шуши. Из сочинения Джаваншира видно, какие большие надежды возлагали карабагцы на русскую армию, которая шла в Азербайджан для изгнания орд Ага Мухаммед-шаха. Изложение носит повествовательный характер, хотя в ряде случаев делается попытка объяснить причины описываемых событий.

Произведение Ахмед-бека мало чем отличается от работ указанных выше историков-хронистов, так как сам автор отрицает, что основными его источниками являлись «Записки Мирзы Джамала, Мирзы Адигезала, Ахунда Мир-Мехти, а также рассказы очевидцев и предания разных родов и племен»²⁰. В конце автор упоминает и о книге Н. Дубровина «Закавказье от 1803 по 1806 г.»²¹. Использование произведе-

¹⁷ Сведения о биографии и произведениях Ахмед-бека приводятся по рукописи Э. Б. Шукюр-заде «Биография Ахмед-бека Джаваншира», хранящейся в научном архиве Института истории АН Азерб. ССР, инв. № 3633, стр. 9.

¹⁸ А х м е д - б е к Д ж а в а н ш и р. О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г. Шуша, 1901.

¹⁹ Там же, стр. 25.

²⁰ Там же, стр. 3.

²¹ Н. Д у б р о в и н. Закавказье от 1803 по 1806 г. (историческое исследование). СПб., 1866.

ний русских историков было новым явлением в азербайджанской историографии. На развитие мировоззрения Ахмед-бека некоторое влияние оказала передовая демократическая мысль русского народа.

История одного из крупных ханств Азербайджана — Талышского и города Ленкорани в конце XVIII — начале XIX в. — освещается в рукописи Мирзы Ахмеда Мирза Худавердиоглы²². Свою работу автор писал в течение многих лет и закончил в 1892 г., когда ему было 90 лет. Она носит мемуарный характер, в основу повествования положены устные рассказы отца и личные воспоминания самого автора, который был хорошо осведомлен о всех делах ханства. Мирза Ахмед довольно обстоятельно описывает условия жизни населения Талыша. Много места уделяет он правлению хана Мир Мустафы. В работе подробно излагается ход военных действий во время первой и второй русско-иранских войн в начале XIX в. С теплотой Мирза Ахмед отзывается о русской армии, с воодушевлением повествует о победоносном штурме крепости Ленкорань русскими войсками под командованием генерала Котляревского. Рукопись Мирзы Ахмеда — единственный труд, специально посвященный истории Талышского ханства.

Хотя работы азербайджанских историков второй половины XIX века составлялись все еще по типу местных хроник, носили, как правило, компилятивный характер, уделяли внимание преимущественно событиям политической истории и строили периодизацию по годам правления отдельных ханов, тем не менее на фоне крайне недостаточной разработки истории Азербайджана и слабого развития исторических знаний в те времена отдельные попытки в этом направлении представляли собой положительное явление, и работы эти и по сей день не потеряли своего значения, в качестве исторического источника.

Во второй половине XIX в. азербайджанская историческая наука развивалась медленно, и число местных историков было невелико. Однако отдельные вопросы истории Азербайджана и Востока вообще освещались в произведениях выдающихся представителей азербайджанской культуры XIX в., не являвшихся историками-профессионалами. Среди них важное место занимает талантливый поэт-сатирик Сеид Азим Ширвани. В 1882 г. он опубликовал в Тифлисе в журнале «Известия Кавказского общества истории и археологии» статью «Извлечение из сборника сведений о древностях и достопримечательных местностях Ширвана, составленного на персидском языке ширванским

²² Научный архив Института истории АН Азерб. ССР, инв. № 1614. Об этой рукописи см. также С. Рустамов. Об одной редкой рукописи по истории Ленкорани и Талыша. — «Доклады АН Азерб. ССР», 1956, № 3.

поэтом Сеид Азимом ибн Сеид Мухаммед». Статья представляет собой часть не дошедшей до нас одноименной работы²³. Перевод статьи был сделан побывавшим в Шемахе русским востоковедом В. Н. Безменовым, который содействовал ее публикации.

В статье использованы важные первоисточники восточного средневековья, памятники материальной культуры, фольклорные материалы и т. д. Составленная по принципу словаря, она дает описание 33 древних памятников и примечательных мест Ширвана. Здесь можно найти разнообразные сведения о древних населенных пунктах, о местах, связанных с тем или иным историческим событием, о ритуальных памятниках и местах и т. д. Авторские пояснения содержат важные сведения по истории и экономике Ширвана.

Заслуживают внимания работы видного просветителя и мыслителя Гасан-бека Меликова (Зардаби) (1842—1907). В 1861—1865 гг. он учился на физико-математическом факультете Московского университета. Для формирования его общественно-политических и естественно-научных взглядов большое значение имело пребывание в Москве, где он установил связи с видными русскими учеными и общественными деятелями, в том числе с историком С. М. Соловьевым и поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым и др. После окончания университета Зардаби некоторое время находился на государственной службе, а затем целиком отдался просветительной работе. За период с 1875 по 1907 г. он написал много статей по вопросам социально-экономического положения Азербайджана, опубликовав их в основном в газетах «Экинчи» («Пахарь»), «Каспий», в Трудах Кавказского имп. сельскохозяйственного общества» и др.

Зардаби затрагивал в своих статьях вопросы социально-экономического положения деревни, в частности, расслоения крестьянства, кочевого хозяйства, водопользования, проникновения в деревню торгово-ростовщического капитала, перспективы дальнейшего развития экономики Азербайджана. Он подверг разбору причины отсталости Азербайджана, изменения в экономике и быте крестьянства, вызванные проникновением торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство, и т. д.²⁴

В серии статей «„Благодетели“ деревни» Зардаби ярко рисует гнет скупщиков и ростовщиков, беспощадно обирающих

²³ Азиз Мир Ахмедов. Об одном научном произведении С. А. Ширвани. газ «Эдебият ве инджесенет», 15.XI 1958 (на азерб. языке).

²⁴ См. об этом З. Б. Геюшев. О некоторых неизвестных статьях Гасан-бека Меликова (Зардаби).— «Доклады АН Азерб. ССР», 1956, № 5, стр. 358—359.

грудящихся крестьян²⁵. В другой серии статей,— «Об отсталости Восточного Закавказья», он останавливается на тяжелом положении трудящихся деревни, на культурной отсталости страны²⁶. Зардаби, так же как Сеид Азим Ширвани и др., выступал наряду с М. Ф. Ахундовым против реакционного мюридизма и его проповедников. Хотя Зардаби внес немалый вклад в развитие исторической мысли в Азербайджане, тем не менее его общественно-политическим взглядам была свойственна историческая ограниченность, в понимании социальных явлений он оставался на идеалистических позициях.

Значительный вклад в развитие научной мысли в области истории, в распространение исторических знаний в Азербайджане внес выдающийся общественный деятель, крупный просветитель-демократ и талантливый писатель Н. Нариманов (1870—1925). В ряде его публицистических и литературно-художественных произведений отразились воззрения автора на исторический процесс. Он являлся крупным знатоком истории, жизни и быта народов Востока. Наиболее полно это проявилось в исторической трагедии «Надир-шах», где настолько верно охарактеризованы исторические условия Ирана, породившие лоскутную державу Надир-шаха (XVIII в.), что невозможно сомневаться в глубоком изучении автором памятников восточного средневековья, талантливо обобщенных в этом сочинении.

В трагедии «Надир-шах», так же как и в других своих произведениях, Нариманов выступает с горячей проповедью просвещения, которое он рассматривает как одно из важнейших средств изменения социальной действительности, улучшения жизни народных масс. Борьба против отсталости и темноты, против религиозного фанатизма и суеверий, за просвещение народа, за развитие свободной мысли пронизывает творчество Нариманова. Деятельность его была направлена на подготовку трудящихся азербайджанцев к восприятию революционных идей. «Темнота и отсталость мусульманских масс,— писал Нариманов,— ставят передо мной задачу своей литературной и общественной работой пробуждать и подготовить их к революции»²⁷.

Во второй половине XIX в. новые успехи в изучении истории Кавказа сделало русское востоковедение. Ценный вклад в изучение истории народов Востока внес профессор Казанского, а впоследствии Петербургского университета Мирза-Мухаммед Али Касим-оглы Казем-бек (1802—1870). Он происходил из

²⁵ «Каспий», 1899, № 270, 273, 277.

²⁶ «Каспий», 1900, № 86.

²⁷ М. Р а ф и л и. Нариман Нариманов — выдающийся революционер и писатель. Баку, 1956, стр. 7.

знатной семьи северного Азербайджана, получил хорошее образование. Начав свою научную работу в Казанском университете, Казем-бек вскоре был избран почетным членом великобританского Азиатского общества в Лондоне, а в 1835 г.— членом-корреспондентом петербургской Академии наук. После 23-летней работы в Казани Казем-бек был приглашен в Петербургский университет на кафедру восточных языков. Здесь, в Петербурге, он закончил работу «Дербенд-намэ» («Книга о Дербенте»), которая была издана в 1851 г. и удостоена Демидовской премии.

Исключительно плодотворная педагогическая и научная деятельность Казем-бека (им было написано свыше 120 трудов по различным вопросам востоковедения), выдвинула его в ряды наиболее выдающихся отечественных востоковедов. Среди его научных трудов следует отметить исследования, посвященные борьбе горцев под руководством Шамиля, и движению бабидов. В работе «Муридизм и Шамиль», опубликованной в 1860 г. в журнале «Русское слово», и в особом приложении к этой статье «О значении имама, его власть и достоинство», Казем-бек с горячей симпатией отзывается о борьбе горцев за свободу и независимость, впадая, однако, в ошибочную идеализацию личности имама и не проявив понимания классовых основ движения. Представляет интерес опубликованный в 1865 г. в С.-Петербурге труд Казем-бека «Баб и бабиды», являющийся первым исследованием по истории бабизма²⁸. В этой работе было показано, что движение бабидов носило не только религиозный, но и политический характер, будучи направлено против власти иранского шаха и официальной религии шиизма²⁹.

В 80-х годах появились работы по истории аграрных отношений в Закавказском крае, принадлежащие как русским исследователям, так и некоторым чиновникам царской администрации на Кавказе. Социально-экономическая история не являлась здесь объектом самостоятельного изучения, но нашла в них более или менее широкое отражение. В историографию Азербайджана начинает проникать влияние русской дворянско-буржуазной исторической науки. Однако оно было ограниченным, и самое появление в свет трудов об аграрных отношениях было связано с непосредственными задачами царской администрации (правительство решило заняться поземельным устройством государственных крестьян и нуждалось в сведениях об экономическом положении государственной деревни).

²⁸ Научная деятельность Казем-бека освещена в капитальном труде Г. Гусейнова «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в.», Баку, 1949 (см. стр. 230—233).

²⁹ Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 71.

В 1884 г. была организована специальная группа обследователей, которая в 1884—1886 гг. собрала во всех уездах Закавказского края огромный фактический материал, изданный в Тифлисе в 1885—1887 гг. в семи томах под названием «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». В «Материалах» нашли отражение самые различные вопросы социально-экономической жизни государственной деревни. Здесь собраны сведения о хозяйственных занятиях государственных крестьян, их численности, обеспеченности земель, отношении крестьянских общин к казенным пастбищам и лесам, податном обложении государственных крестьян и т. д. «Материалы» являются ценным источником для изучения истории государственных крестьян, но, разумеется, на качестве собранных данных не могла не сказаться политическая тенденциозность и классовая ограниченность их составителей. Этим следует объяснить то, что в «Материалах» отсутствуют выводы о социально-экономических процессах, происходивших в государственной деревне в тот период; почти нет данных о борьбе крестьян против социального и национально-колониального гнета; совершенно затушевана колониальная политика царизма.

На основании сведений, содержащихся в «Материалах», были написаны работы по отдельным вопросам социально-экономического положения и истории государственной деревни Закавказья, вышедшие в 1887—1888 гг. в Тифлисе в пяти томах под общим названием «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Эти работы носят большей частью сугубо описательный характер. Бросается в глаза стремление авторов избегать каких-либо серьезных обобщающих выводов³⁰.

В «Своде» была помещена работа М. Н. Кучаева «Поземельное устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях», которая была посвящена частновладельческим крестьянам Азербайджана³¹. Автор работы — царский чиновник, председатель Кавказского статистического комитета, вице-президент Кавказского общест-

³⁰ В этом отношении показательна статья Ф. Т. Маркова об обеспечении государственных крестьян Закавказского края землей. В ней ничего не говорится о тяжелой земельной нужде, которую испытывали государственные крестьяне Закавказья, хотя фактический материал статьи довольно красноречиво свидетельствует об этом. Автор даже не ставит вопроса о том, в какой мере удовлетворялись потребности крестьян в земле, хотя именно это и должно было находиться в центре его внимания («Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I—V. Тифлис, 1887—1888, т. II, стр. 217—330.)

³¹ «Свод...», т. I, ч. 2, стр. 1—69.

ва сельского хозяйства, принимал активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы в Закавказье; ему принадлежит несколько работ по аграрным отношениям в «мусульманских провинциях Закавказского края», т. е. в Азербайджане. Работа М. Н. Кучаева о поземельном устройстве состоит из двух частей. В первой рассматривается положение частновладельческих крестьян до реформы, причем автор утверждает, что в Азербайджане не было частной феодальной земельной собственности и беки являлись-де не собственниками населенных земель, а лишь их «управляющими». Во второй части излагается содержание «Положения» 14 мая 1870 г., однако автор и не пытается раскрыть социально-экономические предпосылки реформы, показать ее историческую обусловленность; в целом эта работа носит сугубо описательный характер. При всем этом упомянутые работы М. Н. Кучаева не лишены интереса и содержат немало конкретного материала.

Среди работ, помещенных в «Своде», заслуживает внимания исследование профессора Казанского университета С. А. Егиазаряна (Егиазарова) о сельской общине в Бакинской и Елизаветпольской губерниях³². Оно насыщено огромным фактическим материалом, который автор подверг тщательной обработке. В отличие от большинства авторов, работы которых были помещены в «Своде», Егиазарян смело ставит новые для историографии того времени острые социальные вопросы, в частности, правильно подмечает разложение сельской общины, концентрацию земельных угодий в руках кулаков-мироедов. Но он не смог понять исторической закономерности этого явления, не связывал его с развитием в стране капиталистических отношений, наивно полагая, что можно задержать распад общины, если будут приняты меры против огораживания земель.

В целом большинство работ, помещенных в «Своде», в научном отношении ниже уровня современной русской историографии. Это следует объяснить в значительной степени тем, что большая часть авторов не была специалистами-востоковедами и не имела специальной исторической и филологической подготовки, что, естественно, отразилось на качестве их работы. Не понимая законов развития человеческого общества, авторы не сумели раскрыть сущность и специфику феодальных земельных институтов в Азербайджане, не показали подлинного характера взаимоотношений между феодалами и различными категориями феодально-зависимых крестьян, обошли молчанием классовую борьбу в азербайджанской деревне, не дали классового анализа правительственных мероприятий.

³² «Свод...», т. III. О С. Егиазаряне см. также выше, стр. 769—770.

Дворянско-буржуазные кавказоведы рассматривали тиюль — широко распространенный в Азербайджане феодальный земельный институт — не как своеобразную условную форму феодальной частной собственности, а как наследственное держание; владельцев тиюля — тиюльдаров — не как феодальных собственников земель, а лишь как их «управляющих», своеобразных чиновников в пользу которых жители «управляемых» селений выполняли некоторые повинности. Ряд кавказоведов вообще отрицал наличие частной собственности на землю в Азербайджане ³³.

Запутав и фальсифицировав вопрос о феодальной земельной собственности, дворянско-буржуазные кавказоведы извращали характер взаимоотношений между крестьянами и феодалами, утверждая, что крестьяне были лично свободными, что в Азербайджане будтр не было отношений феодальной зависимости. Для них было характерно также стремление обойти молчанием колониальную политику царизма в Азербайджане, как и в других национальных районах страны. Зато эти авторы не жалели сил, чтобы показать «заботу» царизма о благе населения страны, в самых розовых тонах изображали деятельность царских администраторов. Говоря о политике правительства в «крестьянском вопросе», буржуазные кавказоведы умалчивали обычно о том, что царское правительство стояло на страже прав и интересов местных феодалов. Они всячески затушевывали то обстоятельство, что политика правительства определялась социальной сущностью самодержавия, интересами помещиков-крепостников.

К числу исторических произведений, написанных буржуазными учеными в конце XIX в. и отображающих социально-экономические отношения в Закавказье, относится труд С. А. Егiazаряна «Исследования по истории учреждений в Закавказье». Первая его часть ³⁴, посвященная сельской общине, представляет собой значительно расширенное переиздание ранее опубликованной в «Своде» статьи. Во второй части («Городские цехи, организация и внутреннее управление закавказских амкарств») ³⁵ автор подчеркивал наличие многочисленных пережитков феодальной старины в ремесленном производстве Закавказья, что особенно ярко проявлялось в структуре и деятельности цеховых организаций. Будучи опытным исследователем —

³³ И. М. Гасанов. Частновладельческие крестьяне Азербайджана в первой половине XIX в. Баку, 1957.

³⁴ С. А. Егiazаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I, Сельская община. Казань, 1889.

³⁵ С. А. Егiazаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление Закавказских амкарств. Казань, 1891.

юристом и историком, С. А. Егиазарян тщательно анализировал обширный материал самых разнообразных источников. Проведенное им исследование свидетельствует о стремлении всесторонне осветить затронутые вопросы. Во введении к своей работе Егиазарян, подчеркивая большое научное значение избранной им темы, пишет, что «изучение закавказских амкарств может пролить некоторый новый свет на вопрос о происхождении цехов вообще»³⁶. Проводя по ходу исследования аналогии с историей цеховых организаций на Западе, он вместе с тем пытается выявить и показать специфику возникновения и развития цеховых организаций на Востоке, в частности в Закавказье, и стоит на точке зрения государственного их происхождения. Большое место уделено таким вопросам, как организация амкарств в Закавказье, условия приема в них ремесленников, социальный и профессиональный состав амкарств, внутреннее управление ими, законоположения об амкарствах и т. д. Однако, не владея марксистской методологией, С. А. Егиазарян не мог правильно осветить положение классов, занятых в ремесле, и показать роль и место цехов в системе общественного производства в Закавказье.

В последней четверти XIX в. русскими военными историками было написано несколько работ, посвященных истории присоединения Кавказа к России, в которых в той или иной мере затрагивалась военно-политическая история Азербайджана. Этому в основном был посвящен шеститомный труд академика Н. Ф. Дубровина «История войн и владычества русских на Кавказе»³⁷. Как представителя великодержавной историографии, тема эта интересовала Н. Ф. Дубровина прежде всего в аспекте внешнеполитических устремлений русского царизма. Социально-экономическими вопросами автор занимался мало. Но наряду с описанием военных действий некоторое внимание уделяется им освещению отношения царизма к различным социальным группам населения Кавказа. Сильной стороной работы Дубровина является введение в научный обиход значительного архивного материала Дубровин идеализирует внешнюю политику царизма и войны, которые вела царская Россия на Кавказе. Как и другие историки официального направления, он искажает отношение азербайджанского народа к событиям русскотурецких войн первой трети XIX в., умалчивая о фактах активной помощи азербайджанцев, как и других народов Закавказья, русской армии.

³⁶ Там же, ч. II, стр. 11.

³⁷ Н. Ф. Дубровин, История войн и владычества русских на Кавказе, т. 1—6. СПб., 1871—1886.

Среди военных историков этого периода, в работах которых освещались вопросы военно-политической истории Азербайджана XVIII—XIX вв., следует назвать также П. Г. Буткова, М. Н. Муравьева, В. А. Потто.

Важное значение для распространения в Азербайджане исторических знаний имела местная печать, хотя в условиях колониальной политики царизма возможности ее были весьма ограничены. Тем не менее в конце XIX — начале XX в. наладилось издание ряда газет, на страницах которых время от времени появлялись исторические статьи. 22 июля 1875 г. в Баку вышел первый номер передовой просветительной газеты «Экинчи» («Пахарь»). Демократическое направление газеты вызывало серьезную тревогу и ненависть к ней бекоз, духовенства и царских чиновников. Они жестоко преследовали создателя и руководителя газеты Зардаби.

Определенную роль в создании научной базы для разработки в дальнейшем истории народов Кавказа, в том числе и Азербайджана, сыграло издание «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», представлявших собою официальное издание документов архива Главного управления наместника Кавказского³⁸. Большая заслуга в выпуске этого ценного издания принадлежала известному кавказоведу Ад. Берже. В «Актах» собран значительный материал по истории Азербайджана XVIII—XIX вв., но официозный характер издания предопределял его тенденциозность. В нем почти полностью отсутствуют документы о классовой борьбе и культуре народов Кавказа, не показан национально-колониальный гнет царизма.

Во второй половине XIX в. некоторые сдвиги произошли в археологическом изучении Закавказья, в том числе и Азербайджана. Но вплоть до начала 70-х годов внимание археологов было сосредоточено главным образом на исследовании памятников античной древности, в частности, греческих и латинских надписей³⁹. В этом видел на первых порах свою задачу и Кавказский археологический комитет, организованный в Тифлисе в 1871 г. В 1873 г. он был реорганизован в Общество любителей кавказской археологии, проводившее археологические обследования края.

Важным событием в развитии археологической науки в Закавказье явился V Всероссийский археологический съезд, созванный в Тифлисе в 1881 г. Работа съезда сразу же привлекла к себе внимание широких кругов интеллигенции, namного

³⁸ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. 1—12, Тифлис, 1866—1904.

³⁹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 5.

усилив тягу к изучению памятников старины. После съезда археологические работы значительно расширились. На всей территории Закавказья, а также на территории Азербайджана стали производиться новые раскопки. Только в течение двух лет, с 1888 по 1890 г., химик медеплавильного завода Сименса в Кедабеке В. Бельк раскопал на территории Шамхорского района свыше 300 древних могил ⁴⁰.

Плодотворную работу по археологическому обследованию Закавказья производило Московское археологическое общество. Им был организован ряд экспедиций, материалы которых стали издаваться с 1888 г. отдельной серией.

Начиная с 1891 г. в археологическое изучение Закавказья включилось и другое научное учреждение — Российская археологическая комиссия. С помощью местных работников ею был произведен ряд раскопок, в том числе и на территории Азербайджана; их вел в числе других, преподаватель Шушинского реального училища Ресслер, которому удалось обнаружить много памятников материальной культуры древности. Большого внимания заслуживают археологические изыскания А. А. Ивановского, раскопавшего в Кедабекском районе свыше 70 погребений бронзового века, и раскопки Ж. де Моргана в Талыше ⁴¹.

Однако археологические памятники Азербайджана до революции не являлись объектом специального исследования, и относительно незначительные по объему работы осуществлялись в основном не археологами-профессионалами, а отдельными энтузиастами-любителями. Памятники древности привлекали внимание и охотников до легкой наживы. В погоне за кладами они варварски уничтожали ценнейшие памятники старины. Среди многих других бесследно исчезли знаменитый «Шамхорский столб» и минарет в Мильской степи.

В итоге источниковедческих и археологических работ изучение истории Закавказья вообще и Азербайджана, в частности, получило серьезную научную основу. Во второй половине XIX в. кавказоведение сделало шаг вперед. Расширялась историческая проблематика, появились работы по социально-экономической истории. Однако в силу своей классовой ограниченности и тенденциозности дворянские и буржуазные историки оказались не в состоянии вскрыть закономерности исторического процесса и дать более или менее цельную картину общественного развития.

⁴⁰ Там же, стр. 7.

⁴¹ См. археологические работы в Азербайджане.— Научный архив Института истории АН Азерб. ССР, инв. № 1786, стр. 2—3.

В конце XIX в., в обстановке роста рабочего движения по всей России, царские власти и представители господствующих классов вынуждены были обратить определенное внимание на «рабочий вопрос». В этой связи уже в то время появились первые работы, затрагивающие отдельные стороны жизни и быта пролетариата Баку.

Из таких работ можно назвать книгу члена Горного ученого комитета врача Л. Бертенсона о санитарном состоянии бакинских нефтяных промыслов⁴².

Командированный в Баку в 1896 г. для санитарно-врачебного обследования промыслов, Бертенсон собрал значительный фактический материал, пополненный сведениями окружного горного инженера и губернского механика. Высокопоставленный царский чиновник вынужден был признать, что бакинские рабочие трудятся и живут в неимоверно тяжелых условиях. Мы находим в книге многочисленные факты, свидетельствующие о полном отсутствии на промыслах охраны труда, что влекло за собой огромные человеческие жертвы.

В книге Бертенсона ярко показана антисанитария, царившая на промыслах и заводах Баку, из рук вон плохое медицинское обслуживание рабочих. Хотя автор и не пытался вскрыть причины всего этого, книга явилась, помимо его желаний, обличением варварских порядков, царивших в нефтяном Баку.

Жилищные условия бакинских рабочих освещены в работе А. М. Бенкендорфа, первоначально представленной ее автором — крупным бакинским капиталистом — в качестве доклада XIII съезду бакинских нефтепромышленников в 1899 г. и впоследствии опубликованного отдельной книгой⁴³.

Основываясь на данных официальной статистики и периодической печати, Бенкендорф показывает крайне тяжелые жилищные условия рабочих. Он, разумеется, не раскрывает подлинные причины тяжелых бытовых условий рабочих. Доклад должен был служить совсем иным целям: обосновать предложение, чтобы обеспечением рабочих жилищами занимались сами нефтепромышленники, что сулило последним новые прибыли.

С других позиций подошел к описанию быта и жизни бакинских рабочих писатель-реалист А. Ширванзаде. Уроженец г. Шемахи, он долгое время жил и работал в Баку. Верный жизненной правде, писатель смело обличал капиталистические порядки, при которых, как он говорил, «существо, именуемое человеком, хватало, прижимало к стене и душило себе подоб-

⁴² Л. Бертенсон. Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. СПб., 1897.

⁴³ А. М. Бенкендорф. О мерах к улучшению жилищ служащих и рабочих на бакинских нефтяных промыслах. Баку, 1899.

ных»⁴⁴. В очерках «Пожар на нефтяном промысле» и «Дневник приказчика», опубликованных в армянской газете «Мшак» («Работник»), издававшейся в Тифлисе, Ширванзаде с огромной художественной силой обрисовал зверскую эксплуатацию рабочих Баку, их бесправие, невыносимые условия жизни и быта. Сочинения А. Ширванзаде являются ценным источником при изучении экономического положения рабочего класса Азербайджана.

IX

ИСТОРИОГРАФИЯ УЗБЕКИСТАНА

В колониальном Узбекистане, где хозяйничала продажная царская администрация и были очень сильны местные реакционные феодально-клерикальные круги, условия для развития науки, особенно силами представителей коренного населения, были крайне неблагоприятны. Вместе с тем царская администрация поощряла в известной мере создание научных организаций и кружков по изучению растительного и животного мира, геологического строения, путей сообщения и перспектив экономического развития, так как это могло помочь в хозяйственном освоении колонии русскими помещиками и капиталистами. Одновременно власти не могли не интересоваться, разумеется, в своих целях, историческим прошлым народов Туркестана — края, который стал форпостом царского владычества на Востоке. Этот интерес подогревался всякого рода проектами наиболее эффективной эксплуатации этой богатейшей окраины империи, что требовало знания истории среднеазиатских народов, их традиций и обычаев, особенностей их бытового уклада. Поэтому царская администрация в Туркестане и центральные правительственные учреждения в Петербурге были вынуждены, в известных, конечно, пределах, содействовать отдельным представителям русской востоковедческой науки, в изучении истории, культуры, памятников материальной культуры, местных языков, исторических связей Средней Азии с Россией и с другими странами. Этим прежде всего объясняется внимание российской востоковедческой науки и ее ведущих учреждений, в частности, Академии наук, к истории Средней Азии, включая и историю народов Узбекистана.

Под влиянием русской востоковедческой науки новое направление получает и местная историография Узбекистана. Если до присоединения Средней Азии к России она, отражая идеологию придворных феодальных кругов, занималась историей только ханов и других феодалов, то теперь начинает

⁴⁴ А. Ширванзаде. Избранное. М., 1949, стр. 4.

заниматься и изучением истории своей страны, отдельных городов, памятников старины и т. д. Вместе с тем местные историки, преимущественно из среды духовенства, продолжают, особенно в первые десятилетия после присоединения к России, книжно-схоластические занятия историей стран Востока, историей развития в них ислама по старым трудам, без критического к ним отношения. В этот период местными историками создаются и работы историко-мемуарного характера.

Особого внимания заслуживают исторические записки типа мемуаров о царском завоевании Средней Азии, написанные на узбекском и таджикском языках. В них отражается отношение различных групп населения к присоединению к России и приводятся некоторые данные о политической и социальной истории страны.

Истории завоевания Средней Азии посвящена рукопись на узбекском языке «Шахид-и-икбал» («Счастье мученичества»), автором которой был хивинский историк Агехи (Мухаммед-Риза). Агехи кратко рассказывает о завоевании царскими войсками Ура-Тюбе, Джизака, Самарканда и Катта-Кургана и подробно — о войнах, которые велись между бухарским эмиром Музаффаром и его сыном Абдумаликом. В рукописи дается довольно обстоятельная характеристика положения Хивинского ханства перед присоединением к России. Труд Агехи, при критическом к нему отношении, может служить ценным источником по истории завоевания царизмом Средней Азии. «Шахид-и-икбал» был доведен автором до 1872 г. и остался незаконченным¹.

Интересной попыткой осветить события в Узбекистане в период его присоединения к России является рукопись на таджикском языке «Тарихи-джидида-и-Ташкент» («Новая история Ташкента») ташкентца Мухаммеда Салиха. Автор посвятил свой труд истории Кокандского ханства, кончая 1880 г. Мухаммед Салих уделил много внимания описанию военных действий между царскими войсками и войсками бухарскими и кокандскими. Любопытен рассказ автора об обороне и взятии Ташкента.

Одно из первых мест среди среднеазиатских историков второй половины XIX в. принадлежит выдающемуся ученому и просветителю Ахмад Махдум Донишу. Им написаны на таджикском языке два исторических труда: «Навадир-уль-вакои» («Редкости происшествий»), в котором автор описывает собы-

¹ Выдержки из этого сочинения опубликованы на русском языке В. В. Бартольд. См. «Кауфманский сборник» (М., 1910 г.), затем «Материалы по истории каракалпаков» (Л., 1935) и «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II (Л., 1938).

тия в Бухарском ханстве при правлении эмира Музаффера и отчасти Абдулахада, и «Тарджума-ал-ахволи амирани Бухари-шариф» («Жизнеописание эмиров священной Бухары»).

Последователем Ахмада Дониша был бухарец Мирза Азим Сами, придворный историк бухарских эмиров, который основное внимание в своей рукописи «Подарок шаху» уделяет истории завоевания Бухарского ханства. Описав основные этапы продвижения царских войск, он рассказывает о политическом состоянии ханства в тот период.

Указанные работы резко отличаются от обычной придворной исторической литературы и являются попыткой создать исторические труды, близкие и понятные широкому кругу читателей из местного населения.

Отдельные историки, не ограничиваясь описанием истории своего ханства, интересуются историей других народов. Так, Джахангир Тюрк написал в 1885 г. «Историю России» на узбекском языке.

В начале 80-х годов Средняя Азия стала составной частью Российской империи. Сохранив в качестве своих вассалов Бухарский эмират и Хивинское ханство, царизм на остальной территории края создает Туркестанское генерал-губернаторство. Период после присоединения Средней Азии к России был периодом быстрого развития русского капитализма «вширь», расширение его на новые территории, когда он осваивал новые земли и рынки на Востоке. Это был период буржуазных преобразований и ломки старых, крепостнических отношений. Рост капитализма, общественное движение 70-х годов, крепнущее рабочее движение 80-х годов и первые шаги марксизма в России знаменовали наступление новой исторической полосы в жизни страны и не могли не оказать влияния на окраины России, в частности, на недавно присоединенную Среднюю Азию.

Присоединение к России — один из важнейших этапов исторического развития узбеков, таджиков, казахов, туркмен, киргизов и каракалпаков. Оно наложило глубокий отпечаток на все последующее развитие этих народов.

Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России заключалось в том, что оно объективно подготовило непосредственное и активное участие народов Средней Азии в борьбе за победу пролетарской революции в России. Несмотря на гнет самодержавия и его колониальную политику порабощения нерусских народов, население Средней Азии включилось вместе с русскими трудящимися в общий фронт борьбы против царизма и капитализма. Вопреки царизму и местным эксплуататорам, трудовые массы Средней Азии приобщались к высокой духовной и материальной культуре русского народа.

В результате присоединения Средней Азии к России изучение истории ее народов поднимается на новую, более высокую ступень.

Русское востоковедение на основе глубокого изучения восточных первоисточников и археологических данных, хотя и с позиций буржуазной историографии, приступает к научной разработке целого ряда проблем, связанных с историей народов Средней Азии. Русские историки и востоковеды проделали весьма полезную работу в области археологии, этнографии, эпиграфики, нумизматики и других отраслей исторической науки и поставили изучение истории Узбекистана на научные рельсы. Несомненной заслугой русских ученых являлось исследование проблемы оригинальности культуры народов Средней Азии — узбеков, таджиков, казахов, туркмен и каракалпаков.

Историческим и археологическим изучением Узбекистана занимались центральные российские научные учреждения: Археологическая комиссия (с 80-х годов), Восточное отделение Русского археологического общества (с 90-х годов) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (с 1903 г.). В 1895 г. в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии, просуществовавший более 20 лет (1895—1917). Этот кружок был единственной специализированной в области исторических знаний научно-краеведческой организацией, проделавшей громадную работу по изучению археологии и истории материальной культуры Средней Азии.

Деятельность Туркестанского кружка довольно широко освещалась в туркестанской и общероссийской периодической печати того времени. Кружок организовал печатание своих «Протоколов и сообщений» (выпуск I—XXI), получивших широкую известность и вызвавших ряд рецензий Бартольда, Веселовского, Ольденбурга, Розена и других востоковедов. Ряд работ членов кружка публиковался в центральных научных изданиях.

Помимо протоколов, кружком были изданы: «История Бухары» Наршахи² и «Хронологическая таблица мусульманских династий», составленная И. И. Трофимовым³. Большой заслугой членов кружка Н. П. Остроумова, И. В. Аничкова, И. И. Трофимова явилось составление ими описаний археологических и нумизматических коллекций Ташкентского музея и самого кружка. Наиболее видными членами кружка, внесшими значительный вклад в изучение истории Средней Азии, являлись

² Наршахи. История Бухары. Пер. Н. С. Лыкошина, ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.

³ И. И. Трофимов. Хронологическая таблица мусульманских династий. Ташкент, 1887.

М. С. Андреев, А. А. Диваев, Л. А. Зимин, В. А. Каллаур, Б. Н. Кастальский, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий, В. П. Наливкин, Н. Н. Пантусов и др. Ведущая роль в кружке принадлежала В. В. Бартольду и Н. П. Остроумову.

Наряду с созданием оригинальных исследований по истории Узбекистана и всей Средней Азии, русские ученые собрали и опубликовали ценные источники по истории, географии и экономике присоединенного к России края. Разумеется, эти издания требуют критического к себе отношения, так как содержат главным образом те документы и материалы, которые отвечали «видам» царского правительства.

Полезным источником для изучения истории присоединения Средней Азии к России является многотомное издание документов по истории Туркестанского края⁴. В сборник включены документы из архивов не только Ташкента и других городов Туркестанского края, но и Петербурга, Москвы, Оренбурга, Омска и Тбилиси, использованы материалы военно-ученого и общего архива Главного штаба, Военного министерства, Главного инженерного управления Морского министерства, С.-Петербургского архива Министерства иностранных дел и Московского отделения общего архива Главного штаба.

Из других источников по истории колониального Узбекистана следует указать на ряд статистических сведений, опубликованных в Средней Азии, в Москве и Петербурге. Сюда надо отнести материалы демографической переписи 1897 г., статистические ежегодники, обзоры и справочные книги по отдельным областям Туркестанского края (Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской), издававшиеся в Средней Азии с конца XIX в. и вплоть до Октябрьской революции, военно-статистические описания Сыр-Дарьинской области и Хорезмского оазиса, материалы для статистики Туркестанского края (5 выпусков), «Военный сборник» и ряд аналогичных изданий.

Необходимо также упомянуть материалы ревизий Туркестанского края, опубликованные тайным советником Гирсом (в 1882—1883 г.) и сенатором Паленом (в 1908—1909 г.). Много данных по Узбекистану имеется в современной периодической печати, русской и иностранной, и в брошюрах публицистического характера. Значительная часть газетных и брошюрных материалов была собрана библиографом В. И. Межовым и хранится в систематизированном виде под наименованием «Туркестанский сборник» в Ташкентской государственной публичной библиотеке им. Алишера Навои.

⁴ «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал А. Г. Серебренников». Ташкент, 1912—1915. В свет вышли тома V—VIII (документы 1839—1852 гг.) и XVII—XXII (1864—1866 гг.).

В историографии Узбекистана колониального периода довольно отчетливо прослеживаются два основных научных направления: либерально-буржуазное и реакционное, откровенно колонизаторское. Первому были свойственны некоторые положительные черты: известная широта теоретических обобщений, интерес к социально-экономическим проблемам, часто сочувственное отношение к угнетенным народам, глубокое уважение к их древней культуре, критика наиболее отрицательных сторон колониального режима.

В целом дореволюционные историки, руководствуясь идеалистическими теориями, сводили историю Узбекистана к истории династий, завоеваний и внешнеполитических событий, игнорируя историю народных масс; изображали историю культуры как некий единый поток и замалчивали ее классовый характер; недооценивали или игнорировали факты экономической истории, смены общественно-экономических формаций, роль классовой борьбы в историческом развитии общества.

В то же время русская буржуазная ориенталистика оставила значительное наследство, которое после Октября стало достоянием советской исторической науки. Русские ученые, работавшие в Средней Азии, собрали и систематизировали громадный фактический материал по истории, этнографии, культуре местных народов и тем самым создали важные предпосылки для глубокого исследования исторического прошлого народов Узбекистана в советское время.

Типичными представителями реакционного монархическо-колонизаторского направления были М. А. Терентьев, С. В. Жуковский, Ф. Ф. Мартенс, Л. Ф. Костенко, Н. И. Гродеков, В. И. Массальский. Наиболее значительной работой является труд М. А. Терентьева по истории завоевания Средней Азии⁵. Главная ценность его заключается в том, что это — сводная работа, в которой автор использовал многочисленные архивные и литературные источники. Внутренняя и внешняя политика царизма освещается в книге согласно тогдашней официальной точке зрения и полностью одобряется автором. Вопросы экономики Средней Азии затрагиваются в работе вскользь и крайне поверхностно. Автора не интересуют внутренние социально-экономические отношения.

Другая работа М. А. Терентьева посвящена вопросам англо-русского экономического соперничества в Средней Азии⁶.

Как известно, с конца 80-х годов в Узбекистане все шире развивается хлопководство, что тесно связывает экономику дехканского хлопководческого хозяйства с русской хлопчатобу-

⁵ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I—III. СПб., 1906.

⁶ М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876.

мажной промышленностью. Под влиянием роста производства хлопка происходят значительные изменения в дехканском хозяйстве, выразившиеся в известном росте буржуазных капиталистических элементов при консервации старых феодальных методов эксплуатации непосредственных производителей. Одной из первых работ, в которой делается попытка разобраться в новых процессах, происходивших в кишлаке и ауле в связи с развитием хлопководства, является книга В. И. Массальского⁷. В ней отсутствует научный социально-экономический анализ тех процессов, которые происходили в сельском хозяйстве края. Автор не понял сущности феодально-капиталистической эксплуатации дехкан-хлопкоробов. Но он проявлял беспокойство в связи с огромной задолженностью крестьян хлопковым фирмам и местным скупщикам хлопка, отмечал недостатки в ведении хлопководческого хозяйства.

Большой и разнообразный фактический материал, характеризующий общее историческое, статистико-экономическое и географическое положение Туркестана, содержится в работах Л. Ф. Костенко⁸, Ф. Ф. Мартенса⁹, Н. И. Гродекова¹⁰ и др.

Ведущее место в изучении истории Узбекистана принадлежит талантливой плеяде русских буржуазных историков-востоковедов в лице А. Л. Куна, В. В. Григорьева, В. П. Наливкина и др. Работы этих авторов, воспитанных на лучших традициях русского востоковедения, отличались блестящим знанием фактического материала, тщательностью, высокой научной добросовестностью.

Основные работы А. Л. Куна были посвящены истории Кокандского и Хивинского ханств, а также Шахрисабзского бекства. В. П. Наливкину принадлежит первая попытка дать историю самого молодого среднеазиатского ханства — Кокандского¹¹; им написаны и другие, менее значительные работы по истории Узбекистана.

Из работ В. В. Григорьева о Средней Азии наибольший интерес представляет «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости»¹² и «Современные монеты

⁷ В. И. М а с с а л ь с к и й. Хлопковое дело в Средней Азии. (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее. СПб., 1892.

⁸ Л. Ф. К о с т е н к о. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. I—III. СПб., 1880.

⁹ Ф. Ф. М а р т е н с. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880.

¹⁰ Н. И. Г р о д е к о в. Хивинский поход 1873 года. СПб., 1883.

¹¹ В. П. Н а л и в к и н. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

¹² В. В. Г р и г о р ь е в. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости.— «Записки РГО», 1861, № 2.

Кокандского ханства»¹³. В сборнике «Россия и Азия» (1876) собраны наиболее ценные его исследования по истории, этнографии и географии, написанные в разное время.

Историки Н. Н. Пантусов и М. Ростиславов занимались исследованием форм землевладения, а также историей ирригации. В своих работах они приводят интересные данные о формах землевладения и налоговой системе, что имело большое значение для правильного освещения положения народных масс в Туркестане.

Крупная роль в исследовании истории и культуры народов Средней Азии принадлежала академику В. В. Бартольду. Будучи выдающимся востоковедом, прекрасным знатоком многих восточных языков, В. В. Бартольд изучил громадное количество различных источников по истории Средней Азии. Изучение исторического прошлого Средней Азии всегда стояло в центре его научных интересов. В. В. Бартольд был наиболее ярким представителем русской либерально-буржуазной востоковедческой школы. Несмотря на громадную и разностороннюю эрудицию, Бартольд, скованный буржуазной методологией, не смог понять роль и значение в историческом процессе классов и классовой борьбы, недооценивал значения развития производительных сил и социально-экономической истории. Вместе с тем нельзя не признать, что труды Бартольда положили начало всестороннему изучению истории Средней Азии и представляют громадный вклад русской востоковедческой науки в изучение прошлого народов Средней Азии.

Мировую славу принес В. В. Бартольду его двухтомный труд по истории Средней Азии до монголов и истории ее завоевания монголами вплоть до смерти Чингис-хана¹⁴. Большое внимание при изучении Средней Азии Бартольд уделял критическому разбору произведений восточных авторов.

Дореволюционная русская наука дала ряд трудов по отдельным вопросам культуры, этнографии и географии Средней Азии. Одно из первых мест в изучении Казахстана и Средней Азии принадлежит видному этнографу А. А. Диваеву. Уделяя основное внимание происхождению казахов, А. А. Диваев написал ценные работы и по истории и этнографии Ташкента¹⁵.

¹³ В. В. Григорьев. Современные монеты Кокандского ханства.— «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», ч. II СПб., 1858.

¹⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1—2. СПб., 1898—1900.

¹⁵ А. А. Диваев. Предание о возникновении азиатского города Ташкента.— «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии» (далее: «Протоколы ТКЛ»), т. 5. Ташкент, 1899—1900.

По истории Ташкента работал также Н. Г. Малицкий¹⁶. Н. С. Лыкошин выступил с работой, посвященной быту местного коренного населения¹⁷.

При характеристике дореволюционной историографии Узбекистана надо иметь в виду, что ценным дополнением к собственно исторической литературе являются работы общего или историко-экономического характера, посвященные отдельным вопросам развития хлопководства, торговли, промышленности, ремесла и положения непосредственных производителей в Средней Азии. В этой литературе содержится богатейший фактический материал по истории развития народного хозяйства колониального Узбекистана. Ее основная задача — наметить пути и способы повышения экономической эксплуатации колонии, повышения ее «доходности» в интересах русской буржуазии и царизма. Таковы, например, книги О. А. Шкапского и П. И. Пашино¹⁸.

Историография Узбекистана теснейшим образом связана с производившимися там археологическими исследованиями.

Первые крупные археологические работы в дореволюционном Узбекистане были начаты русскими учеными — историками и археологами.

Несмотря на равнодушное отношение царских властей к сохранению ценнейших исторических памятников Узбекистана, под давлением научной общественности они начали отпускать небольшие суммы на ремонт и реставрацию этих памятников.

Археологические раскопки были предприняты вскоре после присоединения Узбекистана к России. Еще в 1874 г. некий майор Борзенко, не имевший до того никакого отношения к археологии, произвел, по приказанию самаркандского губернатора генерала Абрамова, небольшие раскопки на Афрасиабе — городище древнего Самарканда. В 1883 г. там же копал подполковник Крестовский. В 1885 г. на Афрасиабе производил раскопки востоковед и археолог Н. И. Веселовский. Все эти работы, хотя и недостаточно научно выполненные, дали, однако, значительный

¹⁶ Н. Г. Малицкий. К истории Ташкента под Кокандским владычеством.— «Протоколы ТКЛА», т. 5; его же. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие.— Там же, т. 3. 1897—1898.

¹⁷ Н. С. Лыкошин. «Ишаны» (ташкентские).— «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII. Ташкент, 1899.

¹⁸ О. А. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900; В. Н. Оглоблин. Хлопчатобумажная промышленность и торговля в среднеазиатских русских владениях. (Из путевых заметок).— «Русское экономическое обозрение», М., 1900, № 11; П. И. Пашино. О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области.— «Известия РГО», т. III, 1867.

первоначальный материал, показавший, что городище древнего Самарканда таит в своих недрах большие научные ценности, ожидающие настоящего исследователя.

Одним из первых археологов и коллекционеров из числа коренного населения являлся житель Ташкента Акрам Аскарлов, который собрал большую коллекцию древностей и был удостоен в 1897 г. малой серебряной медали Русского археологического общества с надписью «За содействие успехам археологии».

Более тщательно было подготовлено изучение других памятников древнего Самарканда. В 1895 г. экспедиция Археологической комиссии в составе архитекторов П. П. Покрышкина, А. В. Щусева, художника С. М. Дудина и археолога Н. И. Веселовского изучала Гур-Эмир, знаменитую усыпальницу Тимура и его потомков. Изучение некоторых других памятников (мечеть Бибаханым и др.) не было доведено до конца.

Из работ, производившихся вне Самарканда, заслуживали внимания раскопки курганов (на «Никифоровских землях» под Ташкентом), раскопки в местности Бия-Найман Катта-Курганского уезда Самаркандской области, где были открыты осколки глиняных гробов-оссуариев, и раскопки на городище древнего Пайкенда в Бухарском оазисе.

Необходимо отметить, что значительная работа в области археологического изучения Узбекистана и всей Средней Азии была проделана членами Туркестанского кружка любителей археологии. Ими проводились работы по изучению остатков древних поселений, городов и крепостей по фиксации и исследованию ирригационных сооружений, наскальных изображений, памятников архитектуры и т. д.

В целом же археологические работы в Узбекистане велись явно недостаточно и неорганизованно. Лишь в советское время по настоящему развернулись археологические работы, давшие ценные сведения о далеком историческом прошлом народов Узбекистана.

Х

ИСТОРИОГРАФИЯ ТУРКМЕНИСТАНА

История Туркменистана второй половины XIX в. насыщена важными историческими событиями. На этот период падает усиление колонизаторских устремлений царизма и дальнейший рост политических, экономических и культурных связей туркменских племен с русским народом, завершившийся в 1880-х годах присоединением Туркменистана к России.

Историография Туркменистана этого периода представлена преимущественно трудами русских ученых, военных и граждан-

ских чиновников, путешественников, купцов, собиравших все-сторонние сведения об этом обширном крае. Разумеется, подавляющая часть этих работ носила описательный характер. Зачастую авторы не обладали специальными знаниями и необходимой подготовкой, занимались в основном фиксацией и сбором материалов посредством личных наблюдений и расспросов местного населения, не всегда заботясь о достоверности полученных сведений. Поездки официальных лиц в этот край были связаны с выполнением определенных военных заданий; их работы, в которых был нередко использован ведомственный материал, а иногда и литературные источники, носили в большинстве своем тенденциозный характер, отражая колонизаторскую политику царизма. Иногда в них все же содержится ценный фактический материал, который при известном критическом к нему отношении может быть использован исследователем.

Более обстоятельному изучению подверглись прежде всего туркмены восточного побережья Каспийского моря, которые в условиях не прекращавшейся агрессии со стороны Хивы, Бухары и Ирана издавна придерживались политической ориентации на Россию и первыми из туркменских племен добровольно присоединились к Российской империи.

В 1850 г. были опубликованы две работы И. Ф. Бларамберга¹. Автор описывает, с привлечением интересных исторических, этнографических и статистических сведений, расселение, численность, образ жизни и основные занятия прикаспийских туркмен, состояние скотоводческого хозяйства, земледелия и кустарных промыслов, способ добычи нефти, соли, озокерита, характер торговли туркмен этими продуктами с Ираном и Россией. Однако все повествование носит отрывочный, фрагментарный, в подавляющей своей части описательный, а не исследовательский характер. Автор не высказывает своего отношения к излагаемым им фактам и событиям, не снабжает их ссылками на источники, которыми он пользовался.

В 1856 г. вышла работа К. Бодэ, посвященная описанию населения Юго-Западного Туркменистана (в основном гоклен)². Автор дает об этих районах некоторые топографические и географические сведения, описывает расселение гоклен, характеризует взаимоотношения их между собою и с соседними пле-

¹ И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана.— «Записки РГО», 1850, кн. IV; его же. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношении с русским правительством.— «Записки РГО», 1850, кн. IV.

² К. Бодэ. Очерки Туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря.— «Отечественные записки», 1856, кн. 7, 8, 9 (отд. изд.— СПб., 1856).

менами, приводит их родовой и численный состав. Будучи видным царским чиновником по дипломатической части, К. Бодэ мог не только собрать значительный фактический материал в архивах, но и располагал возможностью во время поездок по краю лично наблюдать жизнь туркмен и знакомиться с их обычаями и нравами. Часть собранного К. Бодэ материала рассчитана на обоснование необходимости присоединения этих районов к России.

В 50-х — начале 60-х годов в периодической печати появляются заметки и статьи ряда других авторов, которые вводили в научный оборот много фактов из экономической и общественно-политической жизни прибрежных туркмен³.

Одновременно развивается местная историография. Тяжелая внешнеполитическая обстановка этого периода, когда Туркменистан являлся ареной ожесточенных кровавых войн с окружающими его феодальными деспотиями — Ираном, Хивой, Бухарой, а также внутренние междоусобицы запечатлены в произведениях отдельных туркменских авторов, из которых прежде всего надо отметить Абду-с-Саттар-казы и его поэму «Книга рассказов о битвах текинцев»⁴.

Автор поэмы происходил из рода Махтум, жил в селении Келята общества Юсуп отдела векиль тохтамышской части текинского племени. Высшее богословское образование (окончил медресе) он получил в Хиве, где в течение семи лет состоял на службе в качестве духовного судьи, казия. Он для своего времени был образованным человеком и хорошо знал светскую художественную и мусульманско-богословскую литературу. Книга его написана в малодоступной для широких народных масс форме — «для избранных» — и изобилует множеством персидских и арабских заимствований. Являясь представителем феодально-клерикальной историографии, автор отразил в своем произведении ее настроения. В поэме рассказано о походе персидского шаха Насир-ед-дина с целью завоевания Ахала (1858), о союзе гоклен со своими единоплеменниками и помощи текинцев и иомудов в борьбе с врагом. Соединенные силы текинцев, иомудов и гоклен под руководством Нурберды-хана разгроми-

³ П. Небольсин. Туркмены.— «Астраханские губернские ведомости», 1852, № 43; И. Евланов. Некоторые сведения о современном состоянии астрабадских туркмен.— «Кавказ», 1853, № 21; Г. Мельгунов. Замечания об острове Челекене и о туркменах, кочующих по восточному берегу Каспийского моря.— «Кавказ», 1862, № 19—22; его же. О южном берегу Каспийского моря, ч. V. Туркменский берег и остров Ашур'адэ.— «Записки имп Академии наук», 1863, т. 3, прилож. № 5.

⁴ Абду-с-Саттар-казы Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века. Пер. А. Н. Самойлович. СПб., 1914.

ли персидскую армию. Во второй части поэмы описывается победа туркмен над персидскими войсками под Мервом в 1861 г. Автор последовательно описывает события, предшествовавшие решительному сражению с персами: неоднократные вылазки текинцев против засевших в окопах персов, попытку диверсии последних и разгром их текинцами, затем генеральное сражение текинцев с персами, беспорядочное отступление последних, преследование их текинцами и окончательный разгром во время бегства из-под Мерва. Книга написана в высокаторжественном, эпическом тоне, в духе религиозной нетерпимости и фанатической ненависти к инаковерующим. Воззрения автора сугубо реакционны. Войну туркмен с персами Абду-с-Саттар-казы изображает как священную войну суннитов-туркмен против шиитов-персов. Поэма в основном посвящена прославлению ханов, военные подвиги которых всячески превозносятся и идеализируются; автор умалчивает о героизме народных масс в борьбе с иноземными захватчиками. Сведения о внутреннем положении туркмен, их податном бремени и т. д. крайне скупы.

Работа ценна фиксацией достопамятных в жизни туркменского народа событий, характеристикой действующих лиц — туркмен и персов, описанием взаимоотношений отдельных туркменских племен между собою и с персами, а также их быта, военно-административной организации, боевого снаряжения и т. д. Эти данные при критическом отношении к ним могут быть использованы историками с учетом сугубо реакционных воззрений автора.

Другой туркменский поэт, Даван ша'ыр, в повести «Победа Коушут-хана над войсками Насир-ед-дин-шаха» также воспел разгром текинцами персидских войск под Мервом. В саркастической форме он высмеял 20-дневное стояние под Порсукала войск персидского шаха, не решавшихся вступить с туркменами в борьбу. Автор подробно описал сражение между текинцами и персидским войском на левом берегу Мургаба, которое продолжалось несколько дней и закончилось полным разгромом персов и массовым их пленением. Автор воспеваег в стихах доблесть и мужество Коушут-хана и его приближенных сердаров (военачальников), оставляя в стороне основную массу народа, участвовавшего в этой битве; преувеличивает роль аламанов (грабительских набегов). В то же время он дает конкретную картину этого исторического события, сопровождая ее описанием местности, численности войск, боевого снаряжения и т. д.

1860-е и начало 70-х годов ознаменовались дальнейшим усилением интереса русских к изучению Туркмении, ее истории, экономики, географии, культуры. В 1867 г. была издана работа

М. Н. Галкина «Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю»⁵. Значительное место в ней отводится описанию земель восточного побережья Каспийского моря, дается численный и родовой состав туркмен этого района, характеризуются их взаимоотношения между собою и с сопредельными государствами — Хивой, Персией, Россией; приводятся данные о хозяйственной деятельности туркмен, рыболовстве, разработке соляных и нефтяных месторождений, добыче серы, красок, занятиях торговлей, скотоводством, а на Атреке и Гюргене — и земледелием. Автор дает некоторые сведения об общественном строе туркмен, их обычаях, религиозных верованиях, домашнем быте и т. д. Работа М. Н. Галкина, стремившегося обосновать необходимость подчинения туркмен России, насыщена в то же время богатым фактическим материалом и не потеряла значения до настоящего времени.

Если до 70-х годов изучалась главным образом жизнь туркмен восточного побережья Каспия, то в начале 70-х годов стали появляться заметки и статьи об экономической, общественно-политической жизни и культуре жителей центральных районов Туркмении⁶. Связано это было с продвижением отдельных разведывательных, рекогносцировочных отрядов в глубь туркменских степей и дальнейшим сбором сведений об этом обширном крае и населявшем его народе. Авторы, как правило, являлись военными специалистами и чиновниками, и собираемый ими материал был связан с характеристикой военно-стратегического значения тех или иных обследуемых ими районов и преследовал цель определить их общий военный потенциал.

Более полное и всестороннее описание внутренней жизни различных районов Туркмении содержалось в работах И. И. Стебницкого⁷, А. Н. Куропаткина⁸ и Н. Г. Петрусевича⁹,

⁵ М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.— «Записки РГО по отделению этнографии», 1867, кн. 1. Отд. изд. СПб., 1869.

⁶ См., например, С. Морозов. Население Туркменского края.— «Туркестанские ведомости», 1870, № 4; М. Венюков. Заметки о Туркмении.— «Известия РГО», 1872, т. VIII, № 1; Ф. Бакулин. Песни у туркмен и поэты их Махтум-Кули.— «Известия Кавказского отделения РГО», 1872, кн. 1, № 3.

⁷ И. И. Стебницкий. Заметки о Туркмении, составленные по сведениям, собранным до 1871 г.— «Записки Кавказского отделения РГО», 1873, кн. 8; его же. Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 году.— «Известия Кавказского отделения РГО», 1873—1874, т. 2, вып. 1; его же. Новые разведки в туркменских степях. Тифлис, 1873.

⁸ А. Куропаткин. Туркмения и туркмены.— «Военный сборник», СПб., 1879, № 9, 10.

⁹ Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии.— «Записки Кавказского отделения РГО», Тифлис, 1880, кн. XI, вып. 1; его же. Юго-восточное побережье Каспийского моря и дороги от него в Мерв.— Там же.

написанных главным образом на основе литературных и ведомственных материалов, а отчасти разведывательных данных. Работы Петрусевича, например, характеризуют географические условия приамударьинской части Туркмении, состав племен, дислокацию, численность туркмен этого района. Автор сообщает и некоторые исторические данные, касаясь при этом преимущественно военной истории, в которой придает большое значение аламанам туркмен. Характеризуя общественный строй, автор подчеркивает отсутствие какой-либо централизации и организованной системы управления, значение старшин, ханов, сердаров, аксакалов, а также ишанов и мулл, власть обычного права (адата, дэба).

1870—1880-е годы явились периодом военного наступления царизма в Туркменистане и окончательного присоединения его к России. Значительная часть литературы данного периода посвящена военным событиям. Большинство авторов сами являлись непосредственными участниками описываемых событий, проводниками колониальной политики царизма, поэтому стремились обосновать и доказать необходимость завоевания Средней Азии и представить в розовом свете политику царской администрации на этой колониальной окраине. Не менее характерной чертой этой литературы является ее тенденциозность и односторонность в освещении военных событий, замалчивание военной организации и боевых действий туркмен и широкий показ операций русских войск. В таком аспекте написаны работы Л. К. Артамонова¹⁰, А. Маслова¹¹, А. А. Майера¹². Известный интерес представляет работа В. А. Туган-Мирза-Барановского¹³, хотя лейтмотивом ее и является утверждение автора о закономерности колониализма¹⁴.

Автор был непосредственным участником описываемых событий. Он дает некоторые сведения о закреплении царских войск на восточном побережье Каспия, их дальнейших рекогносцировках в глубь Туркмении и краткое описание истории первой Ахал-Текинской экспедиции (1879 г.). Одновременно характеризуются взаимоотношения отдельных туркменских

¹⁰ Л. К. Артамонов. Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880—1881 гг. СПб., 1884.

¹¹ А. Маслов. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880—1881 гг.). СПб., 1882.

¹² А. А. Майер. наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг. (из воспоминаний раненого). Кронштадт, 1886.

¹³ В. Л. Туган-Мирза-Барановский. Русские в Ахал-Теке СПб., 1881.

¹⁴ Так, объясняя причины Ахал-Текинской экспедиции, он пишет: «...соседство цивилизованного государства с нецивилизованным... на основании исторического закона должно всегда и везде кончатся полным подчинением последнего первому». (В. А. Туган-Мирза-Барановский. Русские в Ахал-Теке, стр. 3).

племен, их дислокация, расположение и облик аулов, численность, родо-племенное и общественное устройство, основные занятия и быт туркмен, положение женщины, состояние торговли и ремесла и т. д.

Наиболее крупной работой, посвященной изложению военных операций в Закаспийском крае, является четырехтомный труд генерал-майора Н. И. Гродекова¹⁵. Этот труд содержит богатейший фактический материал по политической, экономической и культурно-бытовой жизни туркмен накануне и в период присоединения их к России. Автор — видный представитель и активный деятель колониальной политики царизма — был начальником штаба экспедиционных войск, располагал всеми необходимыми ведомственными материалами, связанными с организацией экспедиции в Туркмению, продвижением и заключительным ее этапом — осадой и штурмом крепости Денгиль-тепе 12 января 1881 г. Помимо широко используемых ведомственных материалов — реляций и штабных документов, он привлек значительное количество литературы, преимущественно современных ему авторов (Сполатбог, Соболев, Петрусевич, Алиханов, Бларамберг, Бодэ, Быков и др.).

В первом томе автор дает краткий естественно-исторический очерк Туркмении; характеризует общественно-политическую жизнь туркмен, их обычаи, нравы, дает этнографические сведения, прослеживает общую генеалогию туркмен, их внешне-политическое положение, взаимоотношения с Ираном.

Второй том содержит описание продвижения царских войск в глубь Туркмении, которое дано на общем фоне внешнеполитических взаимоотношений России с сопредельными с Туркменией государствами — Персией, Афганистаном, Хивой, Бухарой, а также с Аму-Дарьинским отделом, Туркестанским и Оренбургским генерал-губернаторствами. Автор останавливается на внутреннем и внешнеполитическом положении туркменских племен, показывает интриги и происки персидских властей и английских эмиссаров с их политическими комбинациями и заговорами против туркмен и русских.

Третий том дает общую характеристику положения в Закаспийском крае накануне его покорения. Дается дислокация войск и продвижение отдельных отрядов накануне покорения Ахал-Теке, рекогносцировки Денгиль-тепе, разработка планов его покорения и штурм 12 января 1881 г. К тому приложен материал, характеризующий военно-техническое снаряжение экспедиции.

Четвертый том посвящен обзору событий после взятия Геоктепе, занятию Асхабада, описанию внутреннего положения

¹⁵ Н. И. Гродеков. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг., т. 1—4. СПб., 1883—1884.

отдельных туркменских племен, общему положению дел в крае и образованию Закаспийской области.

Ценная с военно-исторической точки зрения и насыщенная фактами, эта работа несет на себе печать мировоззрения, автора, махрового реакционера и колонизатора.

В 1880-х годах появляется ряд работ, в которых освещается внутренняя жизнь Мервского, Иолотанского, Серахского и Пендинского оазисов. В 1883 г. вышла работа офицера царской армии М. Алиханова-Аварского¹⁶. При освещении внутреннего и внешнеполитического положения в Мерве автор стоит на колонизаторских, великодержавно-монархических позициях, преувеличивает роль аламанов в жизни туркмен, всячески подчеркивает роль и значение «выдающихся» ханов. Тем не менее работа содержит некоторые ценные данные об общественной и хозяйственной жизни мервских туркмен того времени.

Исследования внутренней жизни Мургабской группы оазисов накануне их присоединения к России принадлежат П. М. Лессару. В своей работе «Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров)»¹⁷ он, помимо общих топографических и географических сведений, дает насыщенное фактами описание населявших Серахский, Иолотанский и Пендинский оазисы салоров и сарыков, сообщает интересные исторические и этнографические сведения об этих племенах, их взаимоотношениях между собою и с окружающими племенами и народами, характеризует их основные занятия — земледелие и скотоводство, орошение земель, торговлю, промыслы, имущественную дифференциацию племен, освещает внутреннее и внешнее положение этих племен, их отношение к вопросу о подданстве России и т. д. Ценные сведения о внутреннем положении Мерва и Атека содержатся также в статье П. М. Лессара «Мервские ханы»¹⁸.

И. П. Минаев¹⁹, Л. Н. Соболев²⁰, М. Н. Венюков²¹ и ряд других авторов в своих трудах наряду с богатым фактическим материалом по истории, этнографии, экономике края дали

¹⁶ М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883.

¹⁷ П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения (Земли сарыков и салоров), с картою. СПб., 1885 (Оттиск.— «Известия РГО», т. 21).

¹⁸ П. М. Лессар. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 г.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. IV. СПб., 1883.

¹⁹ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарья. СПб., 1879; его же. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880, 1885—1886. М., 1955.

²⁰ Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря. СПб., 1885.

²¹ М. Н. Венюков. Опыт военного обозрения русских границ в Азии, СПб., 1873; его же. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией.— «Сборник государственных знаний», т. V. СПб., 1873.

важные сведения по разоблачению захватнических происков Англии в Средней Азии, инсинулируемой ею мнимой версии «русской угрозы» британскому владычеству в Индии и т. д.

Присоединение Туркменистана к России открыло широкую возможность для экономического освоения края российским капитализмом. В связи с этим усиливается сбор экономических, общегеографических, топографических материалов, этнографических и естественно-исторических сведений и т. д. При канцелярии начальника Закаспийской области был создан статистический отдел, в котором сосредоточивалась работа по изучению области не только в статистическом, но также в географическом, этнографическом и историческом отношениях.

В 1891 г. был составлен обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г. включительно²²; следующие томы этого издания выходили затем ежегодно. Обзоры содержат интересный материал о социально-экономическом развитии Туркменистана. В них характеризуются самые различные стороны быта его населения: состояние земледелия и скотоводства, промышленности и кустарных промыслов, развитие внутренней и внешней торговли; рост городов, общественно-политическая и культурная жизнь населения отдельных районов и области в целом. Однако степень достоверности сообщаемых сведений вызывает сомнение, что связано с примитивным состоянием статистики в изучаемый период и низким уровнем техники сбора статистических сведений. Поэтому материал обзоров требует критического к себе отношения.

На основе собранного обильного фактического материала стали появляться и специальные историко-этнографические работы²³.

С присоединением к России создались благоприятные условия для изучения Туркменистана и в археологическом отношении. Памятники мирового значения — древний Мерв, Ниса, Ан-ау, Мешед-и-Мисриан и др.—привлекли внимание русских ученых. В 80-х годах первым произвел разведывательные раскопки на городище старого Мерва, Гяур-Кала, в древней его части, Эрик-Кала (Эрки-Тепе), начальник области А. В. Кома-

²² Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад, 1892.

²³ М. И. Венюков. Одно из степных владений (Туркмения).— «Русская мысль», 1883, № 6; П. С. Васильев. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее (Историко-географические и оро-геологические очерки Закаспийской области). СПб., 1888; А. А. Ивановский. Туркмены и турки по краниологическим исследованиям.— «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. LXXI, вып. 3, 1891; Б. С. Э с а д з е. Краткий исторический очерк наступательного движения России в Среднюю Азию с торговыми и военными целями с самого начала возникновения до Ахил-Текинской экспедиции 1880—1881». Б. м., б. г.

ров. Им был также раскопан северный курган, Анау. В результате произведенных раскопок А. В. Комаров опубликовал статью «Закаспийская область в археологическом отношении»²⁴. Кроме того, А. В. Комаров занимался сбором нумизматической коллекции, которая состояла из 687 монет и других местных древностей.

Описание ряда исторических памятников Туркмении было дано Л. Синицыным²⁵. Плодотворную работу по изучению древностей Туркменистана проводил профессор В. А. Жуковский. В 1890 г. им были произведены археологические раскопки развалин древнего Мерва, а в 1894 г. вышел его труд, посвященный этому ценному историческому памятнику²⁶.

Таким образом, во второй половине XIX в. с помощью русских ученых был сделан известный шаг вперед в исследовании исторического прошлого Туркменистана и в сборе материалов, способствовавших дальнейшему изучению истории туркменского народа.

XI

ИСТОРИОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

В 70—80-х годах прошлого столетия в присоединенном к России новом крае появились русские и иностранные ученые, в том числе историки-ориенталисты. Н. И. Веселовский, профессор кафедры истории Востока Петербургского университета, отразил свои неоднократные поездки в Среднюю Азию в научных статьях и отдельных исследованиях по разным вопросам местной истории и археологии. В. П. Наливкин в 1886 г. издал в Казани свою «Краткую историю Кокандского ханства», написанную по первоисточникам; книга была переведена на французский язык.

С 90-х годов прошлого столетия начинается изучение истории Средней Азии, в частности, таджикского народа одним из крупнейших ученых востоковедов, учеником профессора Н. И. Веселовского, впоследствии академиком — В. В. Бартольд. Его многочисленные труды до сих пор остаются весьма ценными пособиями для историков. В 1897 г. под его редакцией вышел сделанный Н. С. Лыкошиным перевод важнейшего памятника по истории таджикского народа — «Истории Бухары» Мухаммеда Наршахи.

²⁴ А. В. Комаров. Закаспийская область в археологическом отношении.— «Туркестанские ведомости», 1883, № 24, 25.

²⁵ Л. Синицын. Древние города Байрам-Али и Гяур-Кала. Развалины Султан-Санджармаза.— «Туркестанские ведомости», 1885, № 13.

²⁶ В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.

Во многих трудах В. В. Бартольда имеются сведения по истории таджиков и их этногенезу. Одновременно с В. В. Бартольдом интенсивную научную работу вел самаркандский археолог и историк В. Л. Вяткин. Тогда же и не без влияния русских ученых стало развиваться изучение родной истории отдельными представителями таджикского народа.

Во второй половине XIX в. один из первых бухарских просветителей, Ахмад Дониш (1827—1897), написал несколько работ обличительного характера, посвященных биографиям эмиров Бухары и воспоминания о бухарском посольстве в Петербурге (автор трижды был в составе посольства). Эти работы, тайно распространяемые в рукописях, никогда не были напечатаны.

В 1862—1863 гг. неизвестным автором была составлена «Зафарнома-и Хисрави» («Царственная книга побед»), охватывающая историю периода правления бухарского эмира Насруллы (1826—1860). Автор подробно описывает походы эмира в соседние владения, сообщает о количестве войск и вооружении воюющих сторон, приводит имена командующих войсками, планы сражений, рассказывает о разведывательных действиях войск до начала сражений, дает картину боев, разорения и опустошения городов и населенных пунктов во время военных действий, угона скота победителями, пишет о заключении мира, условиях мирного договора и т. д.

Такое подробное описание фактов свидетельствует о том, что автор близко стоял ко двору и, очевидно, сопровождал эмира во время его поездок и походов.

Единственная рукопись этого труда, хранящаяся в Отделе востоковедения и письменного наследия АН Таджикской ССР, является, по-видимому, автографом автора и представляет большую ценность для изучения истории Средней Азии времени правления Насруллы.

Там же хранится рукописная книга Имом Алия Кундузи (Коми) — «Таворих-и Манзума» («Летописи в стихах»). В предисловии автор отмечает, что он в своем труде описывает наиболее крупные события и происшествия, назначения на должности и увольнения, рождение и смерть некоторых известных людей, сооружение, разрушение и ремонт разных построек, землетрясения и эпидемии, постигшие население, что эти события происходили у него на глазах и он описывает их по памяти. Труд Коми охватывает время с 1822 по 1888 г. Большинство описываемых событий относится к Кокандскому ханству. Эта рукопись — ценный источник, хорошо дополняющий другие источники по истории Средней Азии XIX в.²⁷

²⁷ Подробности о последних двух рукописных работах, а также о некоторых других рукописных источниках по истории Средней Азии XIX в. см.

ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА

Присоединение Казахстана к России было завершено к 60-м годам XIX в. Обширный край, простирающийся от берегов Каспия до Алтайских гор, от реки Тобола на севере до Тянь-Шаня на юге, полностью вошел в состав Российской империи. Завершение присоединения совпало с буржуазными реформами, которые способствовали бурному развитию капитализма в России. Во второй половине XIX в. развитие капитализма «вширь» захватывает и Казахстан. В связи с этим в пореформенный период начинается его оживленная колонизация.

Чтобы освоить новые земли и природные богатства края, нужно было изучить этот край: его географию, природу, историю и быт народа, его населявшего. Представления обо всем этом были еще очень скудны. Усиление изучения Казахстана в 60-х годах было связано также с подготовкой к проведению в Казахстане реформ в области административного управления, суда, народного образования. Если до этого интерес к Казахстану проявляли больше правительственные круги и изучение его проводилось в основном военными — офицерами генерального штаба (Бларамберг¹, Герн и Васильев², Л. Мейер³, Красовский⁴), которые рассматривали его лишь как плацдарм для завоевания Средней Азии и дальнейшего движения на Восток, то теперь его начинают изучать географы, ориентологи, натуралисты, первые краеведы из местной интеллигенции. Поскольку Казахстан представлял собой малоизученную страну, ученые и краеведы, независимо от своей научной специальности, обращали внимание на все то, что было новым для науки и могло представлять интерес для русского общества. Поэтому

А. Мухтаров. О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в.— «Известия Отд. общественных наук АН Тадж. ССР», Сталинабад, 1956, № 8, стр. 97—101.

¹ Бларамберг. Военно-статистическое обозрение земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства.— «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XIV, ч. 3, СПб., 1848.

² Герн и Васильев. Военно-статистический обзор Оренбургской губернии.— «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XIV, ч. 2, СПб., 1848.

³ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, т. X. СПб., 1865.

⁴ Красовский. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, ч. 1—3. СПб., 1868.

большинство из них выступает как исследователи-энциклопедисты.

С 60-х годов XIX в. начинается изучение археологических памятников Казахстана.

До этого в исторической литературе встречались только упоминания о некоторых археологических памятниках на территории Казахстана (у П. И. Рычкова⁵, П. Палласа⁶, А. Левшина⁷ и др.), теперь же начинается научная регистрация памятников и их изучение в связи с прошлой историей народа.

В печати появляются первые сообщения и статьи об археологических памятниках — курганах, могильниках, городищах и т. д. В Семиречье поиски и описание памятников производит Н. А. Абрамов, изучивший могильники около Капала, Лепсинска, по рекам Кара-талу и Коксу, а также памятник, связанный с легендой о «Козы-Корпеш и Баян Служу»⁸. Сообщения об отдельных археологических памятниках Казахстана появляются в работах А. И. Макшеева⁹, С. И. Гуляева¹⁰, А. И. Бутакова¹¹, В. В. Григорьева¹² и др. В работах А. И. Мукшетова, Э. И. Эйхвальда, А. Г. Влангали, В. Ковригина и других географов имеются известия о древних рудниках.

К археологическому изучению Казахстана приступает Русское археологическое общество, которое командировало своих ученых членов в Казахстан для проведения специальных исследований.

⁵ П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750).— «Ежемесячные сочинения и переводы», СПб., 1759; его же. Топография Оренбургской губернии.— «Ежемесячные сочинения и переводы», СПб., 1762.

⁶ П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1—3. СПб., 1773—1788.

⁷ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I—III. СПб., 1832.

⁸ Н. А. Абрамов. Гор. Копал с его округом в 1862 г.— «Записки РГО по общей географии», 1867, т. I, стр. 279—320; его же. Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях.— «Известия Русского археологического общества», 1867, т. 8, вып. 1, стр. 59—63; его же. Древнее укрепление при речке Чингильды — «Тобольские губернские ведомости», 1867, № 50; его же. Краткое описание намогильного памятника Кузу-Курпеч между Семипалатинском и Копалом.— «Известия Восточного отделения Русского археологического общества», 1858, ч. 1, вып. 2, стр. 56—60; см. также «Тобольские ведомости», 1859, № 40.

⁹ А. И. Макшеев. Описание низовьев Сыр-Дарьи. СПб., 1856.

¹⁰ С. И. Гуляев. О древностях, открываемых в киргизской степи.— «Вестник РГО», 1853, ч. 8, кн. 3, отд. 7, стр. 22—25.

¹¹ А. И. Бутаков. Новейшие изыскания на Сыр-Дарье между фортом Перовским и урочищем Байлыр-Тугай.— «Записки РГО», 1864, вып. 4.

¹² В. В. Григорьев. [О находке медных монет (бактрийских и хорезмшахских) в низовьях Сыр-Дарьи].— «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», ч. 2, 1856 и др.

Первым ученым, который провел особенно серьезную и обстоятельную работу по обследованию археологических памятников в Казахстане, был П. И. Лерх.

В 1867 г. по поручению Археологического общества, секретарем которого он был, Лерх совершил поездку в Туркестанский край и проехал от низовий Сыр-Дарьи до Семиречья, обследуя развалины древних городов Янгикента, Дженда, Сыгнака, Саурана и др. На древнем городище Джанкенте он произвел раскопки. Работы Лерха¹³ имели большое значение для последующих археологических исследований Казахстана и изучения средневековой его истории.

В эти же годы начинает работу по изучению Казахстана в связи с историей тюркских народов Сибири и Алтая В. В. Радлов.

Он проводит археологические раскопки около Семипалатинска, Павлодара, а в 1869 г. посещает Джунгарскую степь и Семиречье¹⁴. В Семиречье он произвел раскопки около Тургеня, Алма-Аты. Его археологические исследования Сибири, Семиречья и Алтая были обобщены им в работе «Aus Sibirien» («Из Сибири»), вышедшей на немецком языке¹⁵, а также в ряде других работ, опубликованных в России¹⁶.

Большую помощь в изучении памятников оказали некоторые русские офицеры. Так, Д. Л. Иванов открыл и впервые зарисовал археологический памятник IX—XI вв. Ахыр-Таш. Тогда же В. Ф. Ошаниным были открыты около селения Головачевка грандиозные средневековые сооружения караханидского периода — мазары (мавзолеи) Айша-Биби и Бабаджан-Хатун, могильник Беркара, Джеты-тобе и др.

Однако первоначально изучение памятников материальной культуры прошлого века еще охватывало лишь отдельные части Казахстана, в основном его южные районы, близкие к Ташкенту и Туркестану. Но уже в 1880-х годах археологическим изучением были охвачены все области Казахстана за исключением района пустынь, причем в отличие от предыдущих лет стали в более широком объеме производиться раскопки; отметим рас-

¹³ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867. СПб., 1870; его же. О развалинах Джанкента.— «Сын Отечества», 1868, № 6; см. также сообщение об археологическом обследовании П. И. Лерхом Семиречья и района нижней Сыр-Дарьи.— «Известия РГО», 1869 г. 5, отд. 2 и др.

¹⁴ В. В. Радлов. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область на Иссык-Куль летом 1869 г.— «Известия РГО», 1870, т. 6, стр. 96—100.

¹⁵ W. Radloff. Aus Sibirien. v. 1—2, Leipzig, 1884.

¹⁶ В. В. Радлов. Сибирские древности.— «Материалы по археологии России», вып. 15. СПб., 1894.

копки Ф. Д. Нефедова¹⁷ (Уральская область), А. Н. Харузина¹⁸ (Букеевская орда), А. В. Селиванова¹⁹ (Акмолинская область), Н. Н. Пантусова (Семиречье) и др. Особенно ценны работы Н. Н. Пантусова, востоковеда по образованию, начавшего археологическое изучение Семиречья в 80-х годах XIX в. Его первые статьи публикуются в отчетах Археологической комиссии и других научных изданиях за 1882, 1885, 1886 гг. Это — сообщения об отдельных археологических находках вблизи г. Алма-Аты и Семиреченских селений. В 1889 г. Н. Н. Пантусов проводит раскопки трех курганов вблизи Алма-Аты. Его работы привели к открытию несторианских памятников в Семиречье²⁰.

А. Н. Харузин, написавший большое исследование о Букеевской орде, положил начало антропологическому исследованию казахов. В дальнейшем эти исследования продолжают другие ученые, выясняя антропологический тип населения отдельных районов, что имело большое значение для изучения древней истории Казахстана и проблемы этногенеза народа. Тогда же начинается сбор нумизматического материала по Казахстану краеведами Туркестанского края. Исследованием нумизматических находок занялись ведущие русские востоковеды — В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, П. С. Савельев, Г. С. Саблуков и др.

Первые археологические исследования способствовали развитию исторической науки в Казахстане: они показали, что край имеет уникальные памятники материальной культуры прошлого, указывающие на его высокое развитие в древности и в средние века. Эти первые открытия и сообщения повышали интерес научных кругов к историческому прошлому Казахстана, привлекали внимание видных ученых к его изучению.

Уже в эти годы делаются первые попытки осмыслить археологические памятники Казахстана, связав их с историей про-

¹⁷ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологическом исследовании в Южном Приуралье, произведенном летом 1887 и 1888 гг.— «Материалы по археологии восточных губерний», М., 1899, т. 3, стр. 1—43.

¹⁸ А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды.— «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», 1891, т. 72.

¹⁹ А. В. Селиванов. Раскопки в Акмолинской области — «Отчеты Археологической комиссии за 1894 г.», СПб., 1896, стр. 30—31, 154.

²⁰ Доклад Никольского о сирийских надписях в Семиреченской области.— «Туркестанские ведомости», 1886, № 15; Н. Н. Пантусов. Древнеязыческие христианские кладбища в Семиреченской области.— «Восточное обозрение», 1886, № 5; его же. О несторианском кладбище, открытом близ Пишпека и Токмака Семиреченской области. Сообщение.— «Записки Русского археологического общества», новая серия, т. 2, вып. 2, 1886; «Раскопки Пантусова Н. Н. на древних несторианских кладбищах близ Пишпека и Токмака». — «Туркестанские ведомости», 1886, № 37.

шлого, с известиями китайских и восточных письменных источников, определить их историческую принадлежность и происхождение. В этом отношении интересны работы В. В. Радлова²¹ и М. Н. Ядринцева²².

Одновременно с изучением археологических памятников изучаются хозяйство, обычаи и нравы казахов. В 1870—1880-х годах в периодической печати и различных изданиях публикуется большое количество научных и научно-популярных статей, путевых заметок чиновников, работавших в местных управлениях, и путешественников. Они посвящены главным образом жизни казахского аула, быту, хозяйству и т. д. По научному значению они не однородны: часть из них — поверхностна, часть представляет добросовестное описание виденного без каких-либо обобщений, но некоторые описания сделаны на довольно высоком уровне, с привлечением статистических сведений. Они остаются до сих пор важным подспорьем для историков при изучении дореволюционного Казахстана. Из этих работ надо отметить путевые записки Е. П. Ковалевского, сделанные им во время экспедиций в Хиву, Кульджу и к берегам Каспийского моря, опубликованные в различных популярных журналах и позднее изданные отдельно²³.

Из научных статей и очерков заслуживают внимания публикации И. Я. Словцова, М. Н. Галкина, А. Ф. Косенко, А. Е. Алекторова, А. Н. Краснова и др.²⁴, содержащие самые различные сведения о казахах. Немало для изучения кочевников

²¹ В. В. Радлов. Древние аборигены Сибири.— Сб. «Живописная Россия»; его же. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, «Западная Сибирь». СПб.— М., 1884, т. 9, стр. 3—30.

²² М. Н. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг.— «Древности. Труды Московского археологического общества», 1883, т. 9, вып. 2—3, стр. 181—205.

²³ Е. Ковалевский. Странствователь по суше и морям. Собр. соч., т. 3, СПб., 1871.

²⁴ И. Я. Словцов. Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г.— «Записки Сибирского отделения РГО», 1881, кн. 3, стр. 1—152; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868 [1869]; Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.— «Этнографическое обозрение», 1896, № 1—3; А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз.— «Известия РГО», т. 23, вып. 4, 1887; А. М. Никольский. Путешествие на оз. Балхаш и в Семиреченскую область.— «Записки Западно-Сибирского отделения РГО», 1885, кн. 7, вып. II; Н. Зеланд. Киргизы, этнологический очерк.— Там же, 1885, вып. II; А. Ф. Косенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870; его же. Очерки Семиреченского края (путевые письма).— «Военный сборник», 1872, т. XXXVII, № 11—12.

Казахстана сделал Г. Н. Потанин, опубликовавший обстоятельные статьи о казахах, их быте и хозяйстве, народном творчестве и т. д.²⁵.

Русские ученые начинают заниматься в этот период не только изучением истории и быта казахского народа, но и русского старожильского населения на Алтае, так называемых «каменщиков» — старообрядцев, пришедших на Алтай еще в XVIII в.²⁶, и историей и бытом русского казачества.

Надо отметить также деятельность А. Е. Алекторова, который опубликовал в 80—90-х годах много различных статей, заметок, сообщений по самым разнообразным вопросам истории, быта, народного творчества казахов, о политике оренбургских властей и т. д. в отдельных изданиях, но главным образом в газетах²⁷. Большой интерес для истории изучения Казахстана представляют работы М. И. Венюкова, явившиеся результатом его военно-рекогносцировочных поездок по Южному Казахстану и Средней Азии в середине XIX в. Некоторые интересные сведения по истории внешней политики России на Востоке в связи с историей Казахстана можно найти в его последней работе, опубликованной за границей на русском языке²⁸.

Для изучения юга Казахстана большое значение имели работы Сыр-Дарьинского статистического комитета за 70-е годы²⁹, касающиеся в основном экономики и быта населения Сыр-Дарьинской области и Семиречья и содержащие большое количество статистических данных относящихся к данному периоду.

В это время появляются первые работы М. Терентьева, посвященные хозяйственному изучению Сыр-Дарьинской области,

²⁵ См., например, К. Струве и Г. Н. Потанин. Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года.—«Записки РГО», 1867, т. I, стр. 463—533; Г. Н. Потанин. Зимняя поездка на озеро Зайсан зимой 1863—1864 гг.—«Записки РГО», 1867, т. I, стр. 429—461; е го же. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 г.—«Известия РГО», 1875, т. XI, вып. 2 и др.

²⁶ Принтц. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии, и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г.—«Записки РГО по общей географии», т. I, 1867; М. Н. Ядринцев. Раскольничьи общины на границах Китая.—«Сибирский сборник», 1886, кн. I.

²⁷ А. Е. Алекторов. Очерки внутренней киргизской орды.—«Известия Оренбургского отделения РГО», 1893—1894, вып. II—III. См. также в газетах: «Оренбургский листок», «Астраханский листок», «Тургайские областные ведомости», «Окраины России» и др.

²⁸ М. И. Венюков. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора, 1855—1878, т. 1—4. Прага — Лейпциг, 1878—1880.

²⁹ «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1—4. СПб., 1872—1876.

которые изобилуют ценными статистическими данными по экономике и движению населения³⁰.

В 1868 г. в Казахстане было введено в действие «Временное положение об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». При подготовке этого Положения в степь были посланы специальные комиссии из представителей Министерства внутренних дел и Военного министерства, которые собирали данные о хозяйственных особенностях отдельных районов Казахстана, системе управления и суда у казахов и т. д. Часть собранных членами комиссии данных, послуживших для выработки Положения 1868 г., была опубликована в качестве очерков и статей. Среди них необходимо отметить очерки А. К. Гейнса, изданные впоследствии в сборниках его трудов³¹.

Во второй половине XIX в. в областных городах стали выходить памятные календари и книжки, адрес-календари области, в которых одновременно с официальными данными публикуются интересные статьи по вопросам истории колонизации края, его экономики и т. д. Делается попытка составить хронологический указатель по истории Казахстана в связи с историей Сибири и России³².

В 50—70-х годах XIX в., вследствие усиления колониального гнета, произвола и поборов местных чиновников и казахских старшин, находящихся на службе у царизма, увеличением налогов и ограничениями в кочевании, происходят локальные крестьянские восстания против царских властей: восстание рода Шекты под руководством батыра Исеты Котибарова (1855—1858), сыр-дарьинских игинчей (земледельцев) в районе укрепления Казалы (1856—1857), восстание рода Адай на Мангышлаке около форта Александровского (1870—1871). Восстания произошли также в Западном Казахстане в 1869 г. в связи с введением российской системы управления. Эти восстания вызвали отклики в печати вплоть до «Колокола» Герцена³³. Народные восстания 60-х годов вызвали интерес к

³⁰ М. Терентьев. Статистические очерки Средне-Азиатской России.— «Записки РГО по отделу статистики», 1874, т. IV, стр. 1—129; его же. Туркестан и туркестанцы.— «Вестник Европы», 1875, т. 9—10 и др.

³¹ А. К. Гейнс. Киргизские очерки.— «Военный сборник», 1866, № 1, стр. 145, № 6—8; см. также «Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса», т. I—III. СПб., 1897—1899.

³² П. Кеппен. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861; его же. Киргизы и киргизкайсаки (Казачья орда); его же. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Западной Сибири.— «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1881.

³³ Бий Исет Кутебаров. Возмутитель киргизской степи.— «Русский хозяйственный листок», 1858, № 31; П. Назаров. Воспоминание о степном походе в ханства Хиву и Бухару.— «Военный сборник», 1864; № 4;

восстаниям, происходившим до этого,— начинается изучение народных движений в Казахстане и их причин. Так выходит несколько статей о крестьянском восстании 1837 г. в Букеевской орде под руководством Исатая Тайманова и о феодально-монархических движениях, охвативших казахскую степь после упразднения ханской власти при первых попытках введения российской системы управления³⁴.

Однако для исследователей второй половины XIX в. характерна одна особенность — они интересуются большей частью политическими событиями, бытом и нравами казахов, а вопросы экономики казахского аула, его внутренней социальной жизни и классовых отношений остаются в общем вне их внимания.

Во второй половине XIX в. начинается изучение обычного права казахов. Пограничные управления еще в 40-х годах принимают сбор сведений, относящихся к этому вопросу. Эти материалы, собранные в степи у казахских баев, аксакалов (старейшин), содержат большой фактический материал, освещающий нормы казахского адата в области уголовного, гражданского, брачного права, права наследования и т. д.; сосредоточенные в архивах управлений, они послужили базой для написания ряда работ по казахскому обычному праву, представляющих огромный интерес для истории Казахстана, в особенности для понимания классов и социальных категорий казахского общества³⁵.

Изучение обычного права казахов продолжалось и в последующие годы, но труды второй половины XIX в. являются более капитальными по содержанию записей казахского адата, чем

«Колокол», 1858, № 28; И. В. Аничков. Киргизский герой батыр Джанхожа Нурмухамедов. Очерки из первых шагов русских на Сыр-Дарье.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1894, т. 12, вып. 3, стр. 290—237, Л. А р а с а н с к и й. Причина волнений в Киргизских степях.— «Деятельность», 1869, № 98, З е л е н и н. Подавление беспорядков на Мангышлаке в 1870 г.— «Военный сборник», 1873, № 11—12; Н. А. С е р е д а. Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания) (1869—1870).— «Русская мысль», 1891, кн. 7, 8, 10; 1892, кн. 8.

³⁴ Н. С а в и ч е в. Исатая Тайманов, старшина внутренней орды.— «Уральские войсковые ведомости», 1878, № 43, 45, 47, 49, 51; 1877, № 1; Н. А. С е р е д а. Бунт киргизского султана Кенисары Касимова (1838—1847).— «Вестник Европы», 1870—1871, кн. 8—9, А х м е т К е н е с а р и н. Султаны Кенесары и Садык. Ташкент, 1889.

³⁵ Н. И. Г р о д е к о в. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889; Г. З а г р я ж с к и й. Юридические обычаи киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных.— «Материалы для статистики Туркестанского края», СПб., 1876, вып. 4; П. Е. М а к о в е ц к и й. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов.— «Материальное право». Омск, 1886, вып. 1—2; Д. Я. С а м о к в а с о в. Сборник обычного права сибирских инородцев. Обычаи киргизов, Варшава, 1876.

последующие публикации XX в., когда в связи с разложением патриархально-феодальных отношений казахов под влиянием капиталистических отношений их обычное право претерпевает много изменений.

Большое значение для развития казахской историографии имело открытие в Сибири и Казахстане отделений Русского географического общества и музеев, а также библиотек. В 1868 г. был основан Оренбургский отдел Русского географического общества, в последующие годы сосредоточивший в своих руках организацию изучения Оренбургского края и прилегающих к нему областей. В 1877 г. был открыт Западно-Сибирский отдел РГО в г. Омске, члены которого деятельно изучали историю, археологию и этнографию Западной Сибири и Восточного Казахстана. В 1860 г. создается музей Уральского казачьего войска в г. Уральске, расширяется музей в г. Оренбурге, организованный еще в 1831 г. при участии В. Даля. В 1888 г. по инициативе участника русского революционного движения ссыльного Михаэлиса был открыт музей в г. Семипалатинске. В музеях сосредоточивались как случайные археологические находки, так и материалы раскопок, этнографические материалы, нумизматические коллекции и т. д. Вокруг музеев группировались силы местных краеведов и ученых. Деятельность научных обществ в основном развернулась в первом десятилетии XX в., но и в рассматриваемый период она имела большое значение.

Во второй половине XIX в. русское востоковедение начинает обращать серьезное внимание на изучение прошлого Казахстана. Отдельные вопросы его истории и археологии находят отражение в работах таких известных востоковедов, как Н. И. Веселовский, И. М. Мелиоранский и др. Из среды русских востоковедов выдвигаются ученые, давшие, на основе изучения восточных и архивных источников, ценные работы, относящиеся к истории Казахстана. Одним из них был академик В. В. Вельяминов-Зернов. Его работа, посвященная истории рода касимовских царевичей и Касимовского ханства, хотя и не относится непосредственно к Казахстану, содержит впервые приведенные интересные извлечения из средневековых источников об образовании первых казахских ханств. Другая работа В. В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана» относится непосредственно к истории Казахстана³⁶.

³⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1—4. СПб., 1864—1866; его же. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765), т. 1—2. Уфа, 1853—1855.

Востоковед В. В. Григорьев, много лет проживший в Казахстане во время работы в оренбургском пограничном управлении, приподнял завесу над средневековым прошлым Казахстана своими исследованиями о государстве Караханидов X—XI вв., в состав которого входили Семиречье и Южный Казахстан³⁷.

Большое значение для развития исторической науки Казахстана имело изучение русскими востоковедами средневековых восточных источников по истории Золотой орды и ханства Джучидов. Особую ценность представляли труды И. Н. Березина³⁸ и В. Г. Тизенгаузена³⁹. В. Г. Тизенгаузен дал переводы извлечений из восточных авторов и хроник периода завоевания и господства монголов в Казахстане. Он использовал рукописи, хранящиеся не только в России, но и за границей, совершив для этого поездку по городам Европы. Переводы Тизенгаузена дали богатейший фактический материал не только по военной истории монголов, но и для изучения социально-экономических отношений кочевников-тюрьков, этнического состава народов Средней Азии, Кавказа, Поволжья, казахских городов и их культурного уровня. Работа Тизенгаузена, который впервые ввел в научный оборот большое количество восточных источников, была выдающимся событием не только в русской, но и в мировой ориенталистике. Второй том переводов оставался до революции неизданным, он появился в свет только в советское время⁴⁰.

В начале 90-х годов было издано несколько работ русского востоковеда Н. Аристов. Он первый сделал серьезную попытку поставить некоторые проблемные вопросы истории казахского народа, в частности, об этногенезе казахов⁴¹. Аристов собрал все доступные ему данные о родо-племенном составе казахской народности и происхождении отдельных казахских родов. Он приводит сведения о численности родов, местах их кочевания, связывая происхождение некоторых из них с племенами, населявшими Казахстан в глубокой древности. Но, не имея еще достаточных данных по антропологии и языку, не

³⁷ В. В. Григорьев. Караханиды в Маверанахре.— «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», 1874, т. 17 и др.

³⁸ И. Н. Березин. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева.— «Труды Восточного отделения РГО», 1864, ч. 8.

³⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I. СПб., 1884.

⁴⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II. Л., 1941.

⁴¹ Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов.— «Живая старина», 1894, вып. 3—4; его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Там же. 1896, вып. 3—4.

владея древними китайскими источниками, Аристов смог лишь поставить вопрос об этническом составе казахской народности, но не разрешить его.

Во второй половине XIX в. возникает пресса на казахском языке, хотя и официального направления. На казахском языке стала издаваться, например, как приложение к Акмолинским областным ведомостям «Киргизская степная газета», с 1894 г. она стала выходить отдельно от «Ведомостей». Ряд изданий на казахском языке выходит в Казани. В периодической печати появляются первые работы представителей молодой казахской интеллигенции,— они печатаются как на русском, так и на казахском языках в русских научных изданиях и в «Степной газете». Так, султан Сейдалин опубликовал интересную статью о развитии хлебопашества в Младшем жузе, султан Газин — об обычном праве, Даулбаев, Тяукин — о хозяйстве и быте казахов, М. Бабаджанов — о казахах Букеевской орды, известный казахский просветитель И. Алтынсарин — о земледелии, оседлости и по этнографии казахов⁴².

Появление в печати научных статей авторов казахов было новым и прогрессивным явлением, результатом влияния передовой культуры России и ее общественной жизни на Казахстан и передовые слои его общества.

Статьи, написанные авторами казахами, прекрасно знающими быт и язык своего народа, были ценны тем, что сведения по современной истории, хозяйству, быту и культуре казахов

⁴² О. Сейдалин. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая.— «Записки Оренбургского отделения РГО», 1870, вып. 1; И. Ибрагимов. Очерки быта киргизов.— «Древняя и новая Россия», 1876, т. III, № 9; его же. Заметки о киргизском суде.— «Записки РГО по отделению этнографии», 1878, вып. 8, отд. 2; М. Черманов. Киргизские народные обычаи.— «Семипалатинские областные ведомости», 1871, № 32; Е. Даулетов. Ростовщичество и народный суд.— «Киргизская степная газета», 1895, № 35; Мухамед-Салих Бабаджанов. О каменной бабе, найденной в киргизской степи.— «Этнографический сборник РГО», 1864, т. 6; его же. Из Внутренней киргизской орды.— «Известия РГО», 1865, кн. 1, № 6; его же. Заметка киргиза о киргизах.— «Северная пчела», 1861, № 4; Мухамед-Галлий Тяукин. Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи.— «Экономические записки», 1861, № 4; Айтжанов. Печальное положение современной киргизской женщины.— «Киргизская степная газета», 1894, № 33, 34, 35; его же. «Эреже» (постановление) одного чрезвычайного съезда народных судей.— «Киргизская степная газета», 1896, № 48, 49, 50; И. Алтынсаркин. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства.— «Западно-Оренбургское отделение РГО», 1870, вып. 1; Газин. О древнем судопроизводстве киргиз.— «Акмолинские областные ведомости», 1888, № 51; Б. Д. Даулбаев. Рассказы о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г.— «Западно-Оренбургское отделение РГО», 1881, вып. 4; Алимбеков. Голос киргиза о заселении степи переселенцами.— «Сибирский вестник», 1889, № 85—86.

давались в них с глубоким пониманием всех сторон кочевой жизни и психического склада казахов. Эти работы во многом содействовали развитию отечественной исторической науки и развитию общественной мысли в самом Казахстане.

В конце XIX в. начинается изучение вопросов переселения и крестьянской колонизации Казахстана, а также экономики русского переселенческого села⁴³. При этом исследователи Казахстана начинают уделять больше внимания экономике казахского аула, изучая вопросы специфики кочевого хозяйства, землепользования и казахскую пастбищно-кочевую общину, обращая особое внимание на развитие оседлости и земледелия среди казахов. Но вопросы классовых взаимоотношений, эксплуатации и классовой борьбы остаются еще вне их внимания.

Однако, несмотря на известные успехи в развитии исторической науки в Казахстане и на расширение круга вопросов в его изучении русскими учеными, этот период был по существу лишь временем первоначального накопления фактов и материалов из прошлого и настоящего, первых обобщений. В этот период исследователи еще не ставили перед собой больших проблем по изучению истории Казахстана.

ХIII

ИСТОРИОГРАФИЯ ТАТАРИИ

Первую попытку изучения истории народов Поволжья, в том числе и предков татар, предприняли местные авторы XII—XVI вв.

По сообщению аль-Андалуси в XII в. в Биляре жил историк Якуб ибн-Номан, автор не дошедшего до нас труда «Таварихи Булгария» («История Болгар»). В середине XVI в. Шереф-эд-дин Булгари написал историческую работу под тем же названием. Работа Шереф-эд-дина, несмотря на фантастичность многих утверждений, представляет интерес как один из первых памятников древнетатарской феодальной исторической литературы.

Развитие исторической науки в Татарии связано в первую очередь с деятельностью русских ученых. Интерес к народам

⁴³ Н. М. Ядринцев. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г.— «Землеведение», 1894, т. I, кн. IV; К. Качаровский. Переселенцы в Азиатской России.— «Записки Западно-Сибирского РГО», 1893, кн. XV, вып. 1; Д. М. Головачев. Заметки о русской колонизации Сибири.— «Землеведение», 1894, т. I, кн. IV; Р. Закржевский. Краткий очерк северного склона Джунгарского Ала-Тау.— «Записки Западно-Сибирского отделения РГО», 1893, кн. XV, вып. 1; его же. Заселение киргизских степей.— «Восточное обозрение», 1882, № 19.

Поволжья в русской исторической литературе пробудился в первые же десятилетия после присоединения к России Казанского ханства. Так, уже к середине XVI в. относится книга неизвестного автора под названием «История о Казанском царстве» («Казанский летописец»),— выдающееся произведение об историческом прошлом Татарии. В XVII—XVIII вв. один за другим появляются труды Н. Лызлова «Скифская история: П. А. Рычкова «Опыт казанской истории древних и средних времен», Г. Ф. Миллера «О народах, издревле в России обитающих» и др. Ценные сведения о татарах и других народах Поволжья дают в своих книгах участники экспедиций Академии наук XVIII в. П. Паллас¹, И. Лепехин², Г. Миллер³ и др.

После создания в 1804 г. в Казани университета последний становится крупным центром русской востоковедческой науки. В его стенах в различные годы работали такие ученые, как В. В. Григорьев, В. В. Радлов, И. Н. Березин, И. Н. Смирнов, Н. Ф. Катанов, С. М. Шпилевский, Н. А. Фирсов и т. д. Ими был собран большой фактический материал и написан ряд монографий и статей по истории народов Среднего Поволжья. Особенно значительна в этом отношении была роль созданного в 1878 г. при университете Общества истории, археологии и этнографии, которое издавало свои «Известия». Ученые Казанского университета внесли большой вклад в изучение истории татар и других народов Поволжья. Однако в целом дворянско-буржуазная историография, отражавшая интересы господствующих классов России, историю нерусских народов рассматривала с точки зрения оправдания аннексионистско-колониаторской политики царского правительства. Она игнорировала вопрос о сближении русского, татарского и других народов на почве общей трудовой деятельности и борьбы с внутренними и внешними врагами в едином Русском государстве.

Искажалась история татарского народа и феодально-буржуазной националистической историографией, сводившей ее к восхвалению «подвигов» отдельных ханов, эмиров, полководцев и мусульманских пророков.

Националистическая историография также превозносила реакционные секты ислама (мюридизм, суфизм, ишанизм и т. п.) и разбойные набеги мусульманских ханов и феодалов на другие народы. Не случайно такие эмиры, как Идегей,— организатор разбойных набегов на Русь,— возводились ею в

¹ П. И. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1—3, СПб., 1773—1788.

² И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства... 1768—1805, ч. 1—4. СПб., 1771—1805.

³ Г. Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791.

народные герои. Татарский народ в сочинениях подобных националистических историков представлял «единым», отрицалось наличие классов и классовой борьбы. История татарского народа рассматривалась изолированно от истории других народов, и прежде всего от истории великого русского народа. Факт прогрессивного значения присоединения Татарии к Русскому государству отрицался. Замалчивалось прогрессивное воздействие русской культуры на формирование передовых идей среди татар. Зато пантюркисты преклонялись перед культурой феодального Востока. Подобные антинаучные «теории» стали особенно распространяться в конце XIX и начале XX в., когда молодая татарская буржуазия и ее идеологи-джадидисты пытались выступить не только от имени масс татарского общества, но и от имени других тюркских народов России.

Против этой пантюркистской пропаганды всегда выступали передовые представители татарского общества. Уже первый татарский просветитель-демократ Каюм Насыров (1825—1902) призвал свой народ ориентироваться на Россию и ее прогрессивную культуру. Не случайно он первым из татар вступил в 1887 г. в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете, в котором рука об руку с русскими учеными работал на поприще отечественной истории. Именно за это ценили его выдающиеся деятели русской науки. «Такого наблюдателя из татар-магометан... не бывало еще у нас... Это первый из наших мусульман, которого европейское образование, полученное им в Казанском университете, подняло в умственном отношении на такую высоту, что он мог отнестись к исламу объективно», — писал о нем академик В. В. Григорьев⁴.

Как же освещались отдельные вопросы истории Татарии в дореволюционной буржуазной историографии? Остановимся прежде всего на вопросах этногенеза казанских татар и населения созданных ими первых государственных объединений. По этим вопросам следует отметить труды И. Н. Березина, В. В. Григорьева, И. Н. Смирнова, С. М. Шпилевского и др. Большинство исследователей — И. Н. Смирнов («Волжские болгары»), Н. И. Веселовский («Лекции по истории монголов») и др. — считало казанских татар потомками татар Чингис-хана. Встав на такой путь, историки не смогли объяснить многие очень важные вопросы древнейшей истории Татарии, особенно периода монголо-татарского ига. Остались не изученными в их трудах регрессивное влияние монгольского нашествия на Булгарию и борьба народов Среднего Поволжья против завоевателей.

⁴ В. Григорьев. Предисловие к статье Насырова «Поверья и приметы казанских татар» — «Записки РГО», вып. VI, 1880, стр. 241—242.

Вопросы истории Камской Булгарии в дореволюционной литературе особенно подробно исследованы в монографии С. М. Шпилевского⁵.

Отдельными сторонами истории Булгарии занимались также татарские историки Ш. Марджани, К. Насыров, Г. Ахмаров и др. Особый интерес представляют исторические сочинения татарского просветителя К. Насырова «Материалы археологические»⁶ и др. Насыров был первым популяризатором курсов русской истории на татарском языке. В своих ежегодных «Календарях», издававшихся в виде журналов в течение 26 лет, он печатал статьи по разным периодам русской истории, выделяя события, имеющие прогрессивное значение для национальных меньшинств народов России. Насырову чужды были национализм и идеализация прошлого.

Однако большинство дореволюционных татарских историков, в том числе Марджани (1818—1889)⁷, оставалось на националистических позициях. Они всячески восхваляли Орду и ее деятелей, разбойные набеги ханов на русские земли и земли других народов. Они стремились скрыть историческую правду о борьбе народов Среднего Поволжья, в том числе и болгар, против монгольского ига, об общности судеб народов, которые стонали под гнетом чужеземных завоевателей и своих феодалов.

Националистами извращалась история Казанского ханства. Такие «историки», как Х. Атласов («Казанские ханы», «Сююмбика»), наряду с идеализацией ханско-феодального строя отрицали роль народных масс в истории Казанского ханства. Они сводили ее к истории отдельных ханов. В их сочинениях восхвалялись те круги татарской буржуазии, которые ориентировались на восточные страны и были резко враждебны русскому народу.

Серьезным исследованием по истории Татарии является труд В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах», вышедший в 1864 г. Ценность его состоит в том, что в нем приводятся многочисленные русские и восточные источники по истории русско-татарских взаимоотношений. В частности, подробно рассказывается об участии татарского и других народов Среднего Поволжья в составе русского войска в Ливонской войне.

Ряд исследований посвящен вопросам экономического положения народов Среднего Поволжья, их быту, а также

⁵ С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии, Казань, 1877.

⁶ Каюм Насыров. Неизданные произведения. Казань, 1926.

⁷ Ш. Марджани. Мустафад-ул-Ахбар, т. I, Казань, 1885.

колониальной политике царского правительства. При этом большинство историков оправдывало ее. Русификаторская политика и распространение христианства на территории Татарии и в других областях Среднего Поволжья рассматривались как цивилизующие факторы в отношении народов Среднего Поволжья. В то же время оставался неизученным вопрос прогрессивного влияния на татар более передовой русской экономики и культуры, проникавших к ним в течение веков в результате общения русского и татарского народов и их совместной борьбы с угнетателями и внешними врагами. Ярким образцом такого типа исследований является двухтомный труд Г. И. Перетятковича «Поволжье в XV—XVI вв.» (1877) и «Поволжье в XVII—XVIII вв.» (1882). Можно отметить еще работы И. М. Покровского⁸ и А. Можаровского⁹. Весь материал в этих книгах излагается в явно великодержавно-монархическом духе. Так же писали о народах Поволжья и миссионеры, группировавшиеся вокруг Казанской духовной академии и братства св. Гурия.

С либеральных позиций подходит к этой проблеме Н. А. Фирсов¹⁰. В его работе хотя и отсутствуют великодержавно-миссионерские тенденции, но тем не менее причины национально-колониальной политики царизма смазываются, а борьба народных масс против нее остается нераскрытой. Несмотря на это, труды Н. А. Фирсова не потеряли своего значения, так как в них собран богатый фактический материал по истории крестьянского населения края.

Как известно, на территории многонационального Поволжья всегда находили мощный отзвук крестьянские восстания XVII—XVIII вв. Но в дореволюционной историографии этот вопрос фактически был обойден, если не считать небольшую работу Н. П. Загоскина¹¹, написанную с буржуазно-либеральных позиций и обходящую антикрепостнический характер крестьянских восстаний.

Известный интерес представляет работа татарского ученого К. Насырова «О Пугачеве, Ишбулат-мулле и Аксак-Карату-

⁸ И. М. Покровский. К истории казанских монастырей до 1764 года. Казань, 1902; его же. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г.— «Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование (в память 350-летия существования Казанской епархии 1555—1905 гг.)». Казань, 1906.

⁹ А. Можаровский. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1567 год. Казань, 1880.

¹⁰ Н. А. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869; его же. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

¹¹ Н. П. Загоскин. Казанский край в смутное время. Казань, 1891.

не¹²». В ней он на основе вновь собранных материалов показывает роль различных классов татарского общества в восстании Пугачева. Насыров особо выделяет предательскую роль татарских мурз и купцов во время этого восстания.

Слабо разработана в дореволюционной историографии история Татарии XIX в. Только отдельные вопросы нашли своего исследователя. Вопросы экономики, состава населения и их быта освещены в работах В. А. Сбоева¹³ и К. Фукса¹⁴. Историю культурной жизни в крае и значение Казанского университета можно найти в трудах профессора Н. Н. Булича¹⁵, Н. П. Загоскина¹⁶. Оба автора стоят на позициях буржуазного либерализма. Вопросы общественного и массового движения в крае в 30—40-х годах XIX в. нашли отражение в работе народников-областников Лаврского и Пономарева¹⁷. Другим народником Посадским (Н. Я. Агафоновым), в литературном сборнике «Первый шаг» (1876) была опубликована статья на тему «Как добились себе воли казанские суконщики». Автор, вопреки исторической правде, стремится показать, что это «освобождение» было достигнуто «законным путем».

XIV

ИСТОРИОГРАФИЯ СИБИРИ

Интерес к изучению Сибири усилился во второй половине XIX в. в связи с развитием капитализма в России, распространением его «вширь» — на сибирские окраины страны, ростом переселения в Сибирь, поисками золота, каменного угля и других полезных ископаемых, земельным вопросом, проведением Сибирской железной дороги.

Большая роль в изучении Сибири принадлежала Русскому географическому обществу и его отделам на местах. В 1851 г. в Иркутске был основан Сибирский отдел общества — первое научное общество в Сибири. В дальнейшем при нем организовались секции математической географии, физической геогра-

¹² Каюм Насыров. Неизданные произведения.

¹³ В. А. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856; его же. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1855.

¹⁴ К. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.

¹⁵ Н. Н. Булич. Из первых лет Казанского университета (1805—1819), т. 1—2. Казань, 1887—1891.

¹⁶ Н. П. Загоскин. История Казанского университета, т. I—IV, Казань, 1904.

¹⁷ К. В. Лавровский и П. А. Пономарев. К. Ф. Фукс и его время.— «Казанский литературный сборник. 1878».

фии, этнографии и статистики. Работники отдела занимались также изучением археологии, истории Сибири, языкознания¹. Активными деятелями этого научного общества были политические ссыльные и местные краеведы.

Уже в первые годы существования Сибирского отдела Географического общества им было обращено внимание на необходимость изучения архива Главного управления Восточной Сибири, содержащего многие важные материалы по истории Сибири. Этим занялись И. С. Сельский, А. А. Мордвинов, В. И. Вагин и др. На основании материалов местных архивов А. А. Мордвинов опубликовал статью «Об открытии и проложении путей кругом Байкала» (в конце XVIII и первой половине XIX в.)². В 1856 г. был издан «Историко-этнографический очерк Иркутской губернии» В. Н. Чудовского³. В 60—70-х годах XIX в. активным работником Сибирского отдела Географического общества был известный историк, этнограф и публицист А. П. Шапов.

Труды А. П. Шапова занимают видное место в историко-этнографическом изучении Сибири. Ей посвящены его исследования: «Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении» (1872), «Историко-этнографических заметки о Сибири» (1873), «Бурятская улусно-родовая община» (1874), «Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине...» (1875), «Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинском крае» (1875)⁴, «Сибирское общество до Сперанского» (1873)⁵ и ряд небольших статей. Работы А. П. Шапова имеют преимущественно историко-этнографический характер. В них сочетаются современные автору этнографические и статистико-экономические данные с историческими материалами XVII, XVIII и первой половины XIX в. Значительная часть этих материалов извлечена А. П. Шаповым из архивов волостных правлений, бурятских «контор» и степных дум.

Исходя из положений, высказанных им еще во вступительной лекции в Казанском университете, что «творец истории есть сам народ», что «сущность и содержание истории есть жизнь народная», А. П. Шапов изучал движение русского народа в

¹ В 1877 г. Сибирский отдел Географического общества разделился на Запдно-Сибирский и Восточно-Сибирский отделы.

² А. А. Мордвинов. Об открытии и проложении путей кругом Байкала.— «Записки Сибирского отдела РГО», 1856, кн. 2, отд. 1, стр. 101—144.

³ В. Н. Чудовский. Историко-этнографический очерк. Иркутской губернии.— «Записки Сибирского отдела РГО», 1865, кн. VIII, отд. 2.

⁴ Публиковались в «Известиях» Сибирского отдела Географического общества. Перепечатаны в кн. А. П. Шапов Собр. соч. Дополнит. том. Иркутск, 1937.

⁵ А. П. Шапов. Соч., т. 3. СПб., 1908, стр. 643—717.

Сибирь, его взаимоотношения с народами Сибири. Большое внимание он уделял изучению русской и бурятской общин. Он собрал и систематизировал ценные материалы, связанные с этим вопросом, но в его взглядах на улусную и сельскую общину были резкие противоречия. С одной стороны, он идеализировал бурятскую общину, считая, что в ней распространены принципы «социально-кооперативной взаимности, союзности и солидарности», но в то же время отмечал разложение общины, в которой «все более и более резко обозначается разделение членов общины на богатых и бедных, на хозяев и работников», объясняя это ростом «эгоистически-приобретательных наклонностей»⁶. А. П. Шапов пишет и о «торговых земледельцах-капиталистах», приводит примеры эксплуатации наемного труда, говорит о развитии торговли, «барышнических привычек и правил», указывает, что «эксплуатация богатыми бурятами бедняков... все более и более усиливается». На основании подворных списков Манзурской волости за 1872—1873 гг. он дает представление о неравномерности распределения «главных источников крестьянского материального благосостояния»⁷.

А. П. Шапов поставил важный вопрос о взаимоотношениях русского и бурятского населения, об их взаимном влиянии в области хозяйства, быта, языка.

В последние годы жизни Шапов изучал труд К. Маркса «Капитал». Он высоко ценил К. Маркса, причисляя его к «светочам человечества». Вероятно, под влиянием труда К. Маркса А. П. Шапов приступил к изучению рабочего вопроса в Сибири⁸. Но А. П. Шапов так и не перешел на позиции исторического материализма, он механически переносил законы природы на историю общества, переоценивал роль естественно-географической среды, антропологических и физиологических данных в его развитии. Попытки материалистического объяснения исторических явлений переплетались у него с идеалистическими взглядами.

Научная заслуга А. П. Шапова заключается в том, что он обратил внимание на необходимость углубленного изучения истории народного хозяйства и быта русского и коренного населения Сибири. Интересны его историко-географические заметки о Сибири — о ходе и значении русских географических открытий в Сибирских землях в XVII и первой четверти XVIII в. Шапов отмечал роль в этих открытиях простых русских «землепроходцев».

⁶ А. П. Шапов. Собр. соч. Дополнит. том., стр. 235.

⁷ Там же, стр. 242—245. Такими источниками А. П. Шапов считает лошадей, рогатый скот, пашню.

⁸ Ф. А. Кудрявцев. Исторические памятники Иркутской области. Иркутск, 1949, стр. 37—39.

Ценность историко-этнографических сочинений А. П. Щапова определяется богатством фактических материалов по истории и этнографии сибирского населения, которые он выявил, собрал и обобщил. Это относится и к трудам других деятелей Географического общества.

В 1872 г. вышел двухтомник В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год»⁹, являющийся не только историческим исследованием, богатым фактическим материалом, но и сборником документов по истории Сибири первой четверти XIX в., выявленных автором в архиве Главного управления Восточной Сибири, рукописном отделе Петербургской публичной библиотеки и полученных от частных лиц (письма М. Сперанского, Г. Державина, И. Пестеля и других лиц, официальные донесения, обзоры, правительственные акты по сибирским делам и др.). Труд В. И. Вагина содержит многие данные о состоянии Сибири в первой четверти XIX в. в экономическом, административно-политическом и культурном отношении, о местной администрации, ее злоупотреблениях, о сибирской ревизии 1819 г., об административных реформах М. М. Сперанского. Деятельность последнего, не касавшуюся основ самодержавно-крепостнического строя, В. И. Вагин идеализировал.

После выхода книги В. И. Вагина «в виде дополнения и пояснения к ней» с «привлечением неизданных памятников местной сибирской письменности» был написан труд А. П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского», где рассматривался вопрос о взаимоотношениях между сибирской торговой буржуазией и чиновничеством. Характеризуя произвол сибирского генерал-губернатора И. Пестеля, иркутского губернатора Трескина и других чиновников, Вагин представлял их противников из среды сибирского купечества протестантами, мучениками за правду и справедливость, выразителями интересов местного общества в целом. Он не видел резких противоречий между буржуазным и рабочим сословиями (Вагин и Щапов не разграничивали такие определения, как классы и сословия). Щапов же считал, что «капиталистическое буржуазное сословие, хотя бы и просвещалось науками, все-таки по самому существу своему не может допустить общественного и экономического развития низших рабочих и промышленных сословий, составляющих источник их обогащения, предмет их эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»¹⁰. По мнению А. П. Щапова, как те купцы, которым покровитель-

⁹ В. И. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, т. 1—2. СПб., 1872.

¹⁰ А. П. Щапов. Соч., т. 3, стр. 670—671.

ствовал губернатор Трескин, так и его противники из среды сибирской торговой буржуазии преследовали свои интересы. Расхождения во взглядах А. П. Шапова и В. И. Вагина выражали разногласия между демократом и буржуазным либералом.

А. П. Шапов представлял демократическое направление в историографии Сибири, к которому примыкал и литератор-публицист С. С. Шашков (1841—1882), опубликовавший ряд очерков по истории Сибири: «Сибирские инородцы в XIX столетии» (1867), «Иркутский погром в 1758—1760 гг.» (1872)¹¹. «Очерки нравов в старинной Сибири» (1867)¹² и др. Шашков обращал внимание русского общества на тяжелое положение народностей Сибири, страдавших от поборов и злоупотреблений царской администрации, от закабаления купцами-ростовщиками, привлек неопубликованные документальные материалы, дал сведения о политике царского правительства в Сибири. Рассматривая эти вопросы, С. С. Шашков допускал, однако, существенную ошибку (которая и позже повторялась буржуазными историками, этнографами, публицистами), нередко отождествляя русских чиновников и купцов-ростовщиков с русским народом.

«Очерки нравов в старинной Сибири» представляют собою характеристику быта и нравов разных слоев сибирского общества в XVII—XIX вв. Публицист радикально-демократического направления, С. С. Шашков обличил в «Очерках» купцов-ростовщиков, чиновничество, духовенство, осуждая грубые и жестокие нравы.

Показателем возрастающего интереса к истории Сибири была публикация исторических источников. Еще в 40-х годах Археографическая комиссия приступила к изданию исторических актов, в том числе источников по истории Сибири XVII в.¹³ В дальнейшем документы XVII—XVIII вв. публиковались Обществом истории и древностей российских (публикации Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова и др.)¹⁴, печатались в «Русской исторической библиотеке»¹⁵ и других изданиях. В 1882 и 1885 гг. вышли два тома «Памятников сибирской

¹¹ С. С. Шашков. Собр. соч., т. 2, СПб., 1898.

¹² С. С. Шашков. Очерки нравов в старинной Сибири.— «Отечественные записки», 1867, № 20, 22.

¹³ Акты исторические, т. I—V. СПб., 1841—1842, «Дополнения к актам историческим», т. I—XII. СПб., 1846—1872.

¹⁴ Материалы для истории Сибири, собранные по сибирским архивам Г. Н. Потаниным. «Чтения ОИДР», 1866, кн. IV; 1867, кн. I.; «Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII веке», сообщ. С. Шашковым.— Там же, 1864, кн. 3.

¹⁵ «Русская историческая библиотека», т. II, СПб., 1875; т. VIII. СПб., 1884.

истории XVIII века». Кроме архивных материалов, издавались источники литературно-описательного характера: «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и от границ Китая русского посланника Николая Спафария», «Чертежная книга Сибири...» С. Ремезова, «Краткая Сибирская летопись» (Кунгурская) (1880)¹⁶.

В рассматриваемое время в Сибири продолжалось летописание, идущее от традиций XVII—XVIII вв.: новые летописи являлись хронологическими сводами, содержали данные о городах и отдельных местностях Сибири. В 1858—1861 гг. в «Иркутских губернских ведомостях» была напечатана «Летопись города Иркутска», составленная П. И. Пежемским. Это был хронологический свод событий с 1652 по 1807 г. В 60—80-х годах в местных газетах печатались подобные же летописи Томска, Енисейска, Селегинска, Верхнеудинска, а в 1881 г. вышла летопись Западной Сибири в целом¹⁷.

Был издан общесибирский свод, составленный И. В. Щегловым¹⁸. Автор коснулся многих вопросов: ранних сведений русских о Сибири, движения в сибирские земли и основания населенных пунктов, фактов истории промышленности, данных о государственных и горнозаводских крестьянах, торговле, управлении, просвещении и культуре. Щеглов поставил вопрос о разработке исторической статистики. В целом труд И. В. Щеглова может служить необходимым пособием для каждого занимающегося историей Сибири.

В XIX в. составлялись бурятские летописи-хроники, получившие распространение в рукописных списках. Самым ранним произведением летописно-хроникального характера считается краткая история монголов и бурят, составленная в 1814 г. Лубсановым. В 1839 г. Доржи Тарбаевым написана историческая записка-хроника о хоринских бурятах. Более подробные летописно-хроникальные произведения относятся ко второй половине XIX в., из них наиболее известны летопись селенгинских бурят Тугултур Тобоева (1863), Вандана Юмсунова (1875), Хабитуева (1887), баргузинская летопись Н. Ц. Сахарова (1887). Составители использовали обычно исторические записки и хроники своих предшественников, монгольские летописи, документальные материалы степных дум, личные архивы тайшей и родовых начальников, записи народных сказаний и свои

¹⁶ Издание источников литературно-описательного характера производилось Археографической комиссией.

¹⁷ И. Балакшин. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Западной Сибири.—«Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1881.

¹⁸ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883.

воспоминания. В бурятских летописях встречаются также упоминания о русской исторической литературе. Некоторые из авторов летописей были нойонами, что отразилось на содержании их трудов и оценке изложенных событий. Много внимания летописцы уделяют истории тайшинства и ламства. В бурятских хрониках сказывается также влияние «устных летописей» — народных преданий о прошлом, переходящих из поколения в поколение. Летописцы не могли пройти мимо вопиющих злоупотреблений тайшей, вызывавших острое недовольство народа. В летописях содержатся данные о хозяйстве, быте бурятского населения, устном народном творчестве, об изменениях, проследивших в жизни бурят под влиянием русского народа. Присоединение Буряти к Российскому государству, влияние русского народа на бурятский рассматриваются летописцами как важное и положительное явление.

Бурятские летописи тщательно переписывались, распространялись в рукописях по степям Забайкалья, имели своих внимательных читателей, удовлетворяли до некоторой степени потребность в познании исторического прошлого бурят. Списки некоторых бурятских летописей попадали к русским ученым и использовались ими как исторический источник.

Развитие капиталистических отношений в Сибири и оживление общественно-политической жизни вызвали среди сибирской интеллигенции так называемое областническое движение. Основателями его были этнографы, географы и публицисты, занимавшиеся также историей Сибири, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. В общественно-политических взглядах областников элементы народничества сочетались с буржуазным либерализмом и специфически областническими тенденциями, объективно выражавшими интересы сибирской буржуазии.

Основные взгляды областников на историю Сибири и перспективы ее развития изложены в книге Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония»¹⁹. Большинство глав этой книги начинается с исторических обзоров колонизации Сибири, ссылки в этот край, экономического развития, управления, народного образования и культуры. Автор опирается на труды П. А. Словцова, В. И. Вагина и других историков, а также использует публикации документов и материалы местных архивов. Исторические обзоры даны с XVI—XVII вв. до конца 70-х годов XIX столетия. Большое внимание Н. М. Ядринцев уделял вопросам истории и перспективам колонизации Сибири. Характеризуя казенную промышленность, торговую и земледельческую

¹⁹ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882.

колонизацию, он считал Сибирь «по преимуществу продуктом свободной народной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало»²⁰. Он крайне отрицательно относился к ссылке в Сибирь уголовных преступников, ратовал за ее ограничение и отмену²¹. В главе «История эксплуатации богатств на Востоке» Ядринцев отмечал, что использование ее природных ресурсов носило хищнический характер²². Конкретные факты, приведенные в книге Н. М. Ядринцева, представляют значительную ценность для характеристики процесса развития капиталистических отношений в сибирской деревне и расслоения крестьянства, но сам автор не связывает описанные им явления с развитием капитализма.

Общая тенденция книги страдает местной ограниченностью и искусственностью выводов. Подобно народникам, сибирские областники считали, что Сибирь минует стадию капиталистического развития, а торговые монополии, мироедство, кулачество и кабала могут быть устранены путем развития в крае своего хозяйства и промышленных производств, начиная с ремесленных и кустарных, введения новых судов, широкой гласности, покровительства «инородцу», гражданского полноправия на Востоке, сознания «здоровых путей экономического развития, гражданской доблести, общечеловеческой связи и солидарности интересов всего населения»²³. Как и народники, сибирские областники не понимали законов общественного развития, которые проявлялись и в истории Сибири. Народнические взгляды на «самобытность» развития России областники переносили на Сибирь, обособляя ее историю от закономерного процесса развития общества в России и зарубежных странах. Это приводило к местной ограниченности в освещении истории Сибири. Противоречивы были взгляды Н. М. Ядринцева на структуру сибирского общества. Считая Сибирь страной контрастов, он приводил многочисленные факты о социальном расслоении сибирской деревни, эксплуатации крестьян купцами-ростовщиками и деревенскими мироедами — кулачеством. Вместе с тем Ядринцев писал о «солидарности интересов всего населения» Сибири, идеализировал сибирскую сельскую общину. Фактическое признание социального расслоения сочеталось у него с непониманием классовой структуры общества и классовой борьбы.

В книгах И. В. Щеглова и Н. М. Ядринцева делались попытки систематических обзоров истории края в общесибирском масштабе. Подобную же попытку предпринял и В. К. Ан-

²⁰ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония..., стр. 127.

²¹ Там же, стр. 222.

²² Там же, стр. 234.

²³ Там же, стр. 295.

дриевич, написавший с консервативно-официальных позиций несколько сочинений компилятивного характера, относящихся к истории края с XVI до второй четверти XIX столетия²⁴. Он занимался историей Сибири в связи с составлением историко-статистического и военно-административного обзора Забайкальского казачьего войска. Ведая военно-административными делами, генерал-майор Андриевич рассматривал историю как своего рода практическое руководство для царского правительства и местных администраторов в Сибири, основанное на использовании опыта прошлого. Главным источником для него было Полное собрание законов Российской империи. Сочинения Андриевича представляют собою расположенные в хронологическом порядке сводки правительственных актов с небольшими дополнениями из других источников и пособий. Книги его являются собственно не историческими исследованиями, а полусырыми сводками материалов для истории Сибири и именно с этой стороны в известной мере полезными для историка.

Широкий замысел исследования истории Сибири был у профессора Харьковского университета П. Н. Буцинского. Он полагал, что необходимое условие сводного труда по истории Сибири составляет монографическое изучение отдельных уездов этого обширного края. Стремясь к выполнению этой задачи, Буцинский ознакомился с материалами Сибирского приказа и другими источниками, опубликовав на основании их анализа книгу «Заселение Сибири и быт первых ее насельников»²⁵, а также ряд очерков в «Записках Харьковского университета» за 1893 г. Его труды относятся к северо-западной части Сибири от Урала до Енисея, в них описываются Верхотурский, Туринский, Тюменский, Тобольский, Тарский, Пелымский, Березовский, Нарымский, Сургутский, Кетский и Мангазейский уезды. Хронологические рамки работ Буцинского — это 1594—1645 гг. Автор характеризует историю заселения этих уездов, трудовую деятельность русских крестьян, их положение, действия сибирской администрации.

Попытки создания обобщенного труда по истории Закаменной России, как иногда называли Сибирь, не осуществились, но за работами А. П. Щапова, С. С. Шашкова, И. В. Щеглова, П. Н. Буцинского последовал ряд небольших исследований, касающихся различных сторон сибирской истории. К ним

²⁴ В. К. Андриевич. Пособие для написания истории Забайкалья. Иркутск, 1885; его же. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887; его же. Исторический очерк Сибири... т. I—II. Иркутск, 1886; его же. Сибирь в XIX столетии, ч. I—II. СПб., 1889.

²⁵ П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

относятся исторические очерки и статьи А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова, И. П. Кузнецова-Красноярского, А. А. Дмитриева, П. М. Головачева, Н. Н. Оглоблина и др.

А. В. Оксенов в ряде статей²⁶ рассматривал сношения Великого Новгорода с Югорской землей, походы туда московских служилых людей, характеризовал внутреннее положение и внешние связи татарского Сибирского ханства, торговые сношения и пути, соединявшие Русское государство с Северо-Западной Азией до похода дружины Ермака в Сибирь. Главный труд И. И. Тыжнова касался иностранных известий о Сибири второй половины XVI в.²⁷

И. П. Кузнецов-Красноярский (1851—1917) занимался археологией и историей Сибири, преимущественно Минусинского округа, производил там археологические раскопки²⁸.

А. А. Дмитриев (1854—1902) — автор и составитель сборника статей и материалов «Пермская старина», вышедших в восьми выпусках в 1889—1900 гг. Изучая историю Приуралья, А. А. Дмитриев рассматривал и вопросы истории Сибири: действия купцов Строгановых и взаимоотношения их с Ермаком, «покорение Югорской земли и Сибири» (Западной).

П. М. Головачев (1862—1913) — историк, географ-экономист и публицист буржуазно-областнического направления, изучал преимущественно вопросы экономического состояния и состав населения сибирских городов XVII — первой четверти XVIII в. Им изданы со вступительными статьями сборники материалов по истории Иркутска, Тюмени, Томска, а также статьи по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. и этюд по истории края в XVIII в.²⁹ Истории одного из главных городов Сибири — Иркутску — посвящена книга, изданная под редакцией В. П. Сукачева³⁰.

Н. Н. Оглоблин на основании документов Сибирского приказа опубликовал обстоятельные очерки о сибирских земле-

²⁶ А. В. Оксенов. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (Историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири). — «Восточное обозрение», 1885; его же. Слухи и вести о Сибири до эпохи Ермака. — Там же, 1887, вып. IV.

²⁷ И. И. Тыжнов. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI в. — «Восточное обозрение», 1887.

²⁸ Им опубликованы «Исторические акты XVII столетия (1633—1699). Материалы для истории Сибири». Томск, 1890 (два выпуска); «Древние могилы Минусинского округа». Томск, 1889; «Минусинские древности». Томск, 1908 и ряд статей по истории Минусинского края.

²⁹ П. М. Головачев. Первое столетие Иркутска. СПб., 1902; его же. Тюмень в XVII столетии. М., 1903; его же. Томск в XVII в. СПб., 1904, его же. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII в. М., 1889.

³⁰ «Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири», под ред. В. П. Сукачева. М., 1891.

проходцах В. Атласове и С. Дежнев и дипломатах XVII в., об источниках «Чертежной книги» С. Ремезова и о народных движениях в Сибири³¹. Главный же вклад Н. Н. Оглоблина в изучение истории этой обширной части нашей страны — составление капитального археографического труда «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (1592—1768)³². Оглоблин не ограничивается перечнем документов и дает ясное представление об их содержании и значении.

Одна из важнейших задач исторического изучения Сибири заключается в исследовании истории рабочего класса в этом крае. Несмотря на утверждение областников об отсутствии рабочего вопроса в Сибири, он с развитием капитализма приобретал все большую остроту, привлекая внимание экономистов, историков и публицистов.

В 70-х годах о рабочем вопросе писал А. П. Шапов, считая его «одним из основных вопросов сибирского общества». Известна его статья «Что такое рабочий народ в Сибири», в которой приводится первая в сибирской печати ссылка на «Капитал» К. Маркса (статья опубликована в иркутской газете «Сибирь», № 11—12, 1875)³³. Шапов характеризовал тяжелое положение рабочих на сибирских золотых приисках. Но у А. П. Шапова не было четкого представления о пролетариате как особом классе капиталистического общества и его роли в общественном развитии. Рабочим народом он считал все трудовое население — крестьян, ремесленников и фабрично-заводских рабочих.

Истории рабочих на сибирских заводах и рудниках в XVIII и первой половине XIX в. касается С. Максимов в своем труде «Сибирь и каторга»³⁴. Одна из глав третьей части этой книги посвящена краткой истории Нерчинских серебряных рудников и золотых промыслов, Петровского железодельного завода, Усть-Кутского, Селенгинского, Иркутского (Усольского) солеваренных заводов, Тальцинской фаянсовой и Тельминской суконной фабрик (по существу мануфактур), винокуренных заводов и других предприятий. Описывая их историю, Максимов приводит сведения о составе и положении рабочих. Историю рудников и заводов Нерчинского горного округа с 1703 по 80-е годы XIX в. осветил в кратком очерке М. Герасимов³⁵. Он

³¹ Н. Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове — «Чтения ОИДР», 1888, кн. 1; его же. Семен Дежнев (1638—1671). СПб., 1890; его же. Красноярский бунт 1695—1698 гг. Томск, 1902 и др.

³² Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768), ч. 1—4. М., 1895—1901.

³³ А. П. Шапов. Собр. соч., стр. 316.

³⁴ С. Максимов. Сибирь и каторга. СПб., 1871.

³⁵ М. Герасимов. Краткий очерк Нерчинского серебряно-свинцового производства. — «Горный журнал», 1882, т. IV, октябрь—ноябрь, стр. 199—221.

останавливается на вопросе о формировании рабочих кадров на казенных рудниках и заводах в крепостническую эпоху, положении рабочих в дореформенное время и после реформы 1861 г. Сходные вопросы рассматривал Н. Михайлов, который приходил к выводу, что в Сибири не было крепостного права в тех размерах и формах, какие существовали в Европейской России³⁶. Число крепостных в Сибири было крайне незначительно. К. Михайлов показал, что отношения крепостнического типа существовали на казенных и посессионных предприятиях Сибири. Он пишет о положении казенных мастеровых и приписных крестьян в Алтайском и Нерчинском горных округах, где труд носил в дореформенное время принудительно-обязательный характер, а работа по найму была исключением.

Целый ряд работ относится к статистико-экономическому и историческому описанию Сибири и ее отдельных районов³⁷.

Много работ посвящено золотопромышленности Сибири³⁸. По вопросам сельского хозяйства ценные данные имеются в издании «Материалы по исследованию земледельческого и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний»³⁹. Рассматривались также специально вопросы переселения⁴⁰, северного морского пути в Сибирь⁴¹, истории каторги и ссылки в Сибири⁴².

Первым капитальным исследованием, специально посвященным истории основной части рабочих в Сибири, является двухтомный труд В. И. Семевского о рабочих на сибирских золотых промыслах⁴³. Он исследует историю рабочих на казенных и частных золотых приисках с первой четверти XIX в. до 1896 г. Труд Семевского написан главным образом по до-

³⁶ Н. Михайлов. Крепостничество в Сибири.— «Сибирский сборник», 1888, кн. 1.

³⁷ Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854; Д. Ларионов. Очерк экономической статистики Иркутской губернии, Иркутск, 1870; Сукачев. Иркутск. М., 1891; «Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год». СПб., 1863; М. Ф. Кривошинкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865; С. Чудновский. Енисейская губерния. Томск, 1885.

³⁸ Н. П. Латкин. Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа. СПб., 1869; И. Боголюбский. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877; В. Д. Скорягин. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862; А. Уманский. Очерк золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888.

³⁹ «Материалы по исследованию земледельческого и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний». Иркутск, 1893

⁴⁰ И. А. Гурвич. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888.

⁴¹ Ф. Студитский. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки до Беренгова пролива. СПб. 1883.

⁴² С. Максимов. Сибирь и каторга. СПб., 1874.

⁴³ В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах. т. 1—2. СПб., 1898.

кументальным материалам центральных и местных архивов в широком историческом плане. Вопрос о положении рабочих получил здесь всестороннее освещение. В. И. Семевский конкретно показывает, как с развитием золотопромышленности в Сибири росли кадры приисковых рабочих, характеризует кабальные условия найма, размеры заработков, эксплуатацию рабочих золотопромышленниками, условия труда и быта рабочих, их материальное и правовое положение. Исследователь рассматривает также правительственные законоположения о промышленности и приисковых рабочих. Наконец, Семевским описаны первые шаги рабочего движения на приисках: протесты, волнения и забастовки. Труд В. И. Семевского проникнут сочувствием к рабочим, но исследователь их истории видел разрешение противоречий между рабочими и золотопромышленниками не в развитии классовой борьбы, а в законодательной политике правительства.

Истории Забайкалья и забайкальских казаков посвящен труд А. П. Васильева⁴⁴. Он рассматривает историю забайкальских казаков как военнослужилого сословия с XVII в. до 1900 г., описывает их пограничную и внутреннюю службу, комплектование и состав казачьих частей, правительственные мероприятия по отношению к казачеству; в приложениях освещается гражданская история Забайкалья, заселение и освоение края, развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, пути сообщения, положение государственных и горнозаводских крестьян, рабочих на казенных заводах и рудниках, ссыльных. Отделяя приложения от основного текста, Васильев отрывал военную историю забайкальских казаков от социально-экономической истории края. Автор рассматривает казачество как единое в социальном отношении, не замечая его классового расслоения.

Труд А. П. Васильева имеет и свои достоинства по сравнению с другими дореволюционными изданиями по истории Забайкалья. В нем, кроме литературы, использовано много документальных материалов из архивов Сената, Главного управления казачьих войск, рукописного отдела Академии наук. Если Андриевич главными событиями прошлого считал историю правительственных мероприятий по отношению к Забайкалью, то Васильев, хотя и в приложениях к основному тексту, касается важных вопросов социально-экономического развития края.

Итак, во второй половине XIX в. было собрано, систематизировано, опубликовано, изучено значительное количество разнообразных материалов, представляющих ценность для

⁴⁴ А. П. Васильев. Забайкальские казаки, т. 1—3. Чита, 1916—1918.

дальнейшей разработки истории Сибири, шире стал круг вопросов, подвергавшихся изучению. В методологическом отношении освещение ее истории не представляло чего-то единого. Труды одних историков отличались демократическим направлением (А. П. Шапов, С. С. Шашков), в иных сказывалось также влияние народнических взглядов, третьи были написаны с позиций буржуазного либерализма и буржуазного областничества. Были сочинения и консервативно-официального направления.

В условиях царского режима, особенно на сибирских окраинах, исследовательская деятельность протекала в тяжелой обстановке. Над научными обществами устанавливалась административно-полицейская опека и слежка за ними. Они испытывали недостаток в средствах и кадрах. Особенно стеснена была деятельность политических ссыльных. Доступ к ведомственным архивам был ограничен. Многие документальные материалы находились в хаотическом состоянии и гибли без всякого присмотра.

Несмотря на все это, продолжалась деятельность историков-краеведов, вносящих свой вклад в исследование «Закаменной России».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. П. 361
 Абаза В. А. 102
 Абамелик-Лазарев С. С. 299
 Аббас I 773, 774
 Абдул-Ахад-хан 791
 Абдумалик 790
 Абду-с Саттар-Казы 800, 801
 Абрамов А. К. 797
 Абрамов Н. А. 681, 810
 Абу-Бекр-Мухаммед ибн Джа'фар
 ан-Наршахи 792, 807
 Абулхайр, хан 527, 817
 Август 312, 316, 318, 322
 Август II 417
 Августин 316, 378
 Авенариус Н. П. 681
 Ага-Мохаммед *см.* Ага-Мухаммед
 Ага-Мухаммед 776, 777
 Агафонов Н. Я. *см.* Посадский Я.
 Агбуга *см.* Бека А.
 Агехи, псевд. (Мухаммед-Риза) 790
 Агис 301
 Адай 815
 Адигезал-бек *см.* Мирза Адигезал-бек
 Адонц Н. Г. 770
 Адрианова-Перетц В. П. 591
 Азадовский М. К. 66
 Азаревич Д. И. 520
 Айвазовский И. К. 612
 Айналов Д. В. 508, 518, 520
 Айтжанов 819
 Акатова А. И. 5, 841
 Акопов Г. Б. 6
 Аксак-Каратун 824, 825
 Аксаков И. С. 213, 485, 499, 694,
 695, 722
 Аксаков К. С. 96, 97, 495, 583, 661
 Аксаков С. Т. 239
 Ал-Бекри *см.* Аль-Бакри
 Аландский П. И. 308, 319
 Александр I 102, 112, 120, 121, 127,
 168, 605
 Александр II 156, 191, 233, 364,
 605, 739, 741
 Александр III 99, 148, 603, 604, 665
 Александр Баттенберг 499
 Александр Македонский 586
 Александр Михайлович 669
 Александр Невский 256
 Александр Север 321
 Алексеев П. А. 283
 Алексей II 509
 Алексей Михайлович 83, 116, 167,
 594, 713
 Алексей Петрович 45
 Алекторов А. Е. 813, 814
 Алимбеков 819
 Алиханов А. М. (Аварский, псевд.)
 804, 805
 Алишан Г. 766
 Алпатов М. А. 5, 313, 371
 Алтан-Тобчи 538
 Алтынсарин И. 819
 Аль-Андалуси 820
 Аль-Бакри 531
 Альбер, псевд. (Мартен) 441
 Альберти[ни] Л. Б. 349
 Альгидрас (Ольгерд) 730
 Альфтан 546
 Ангелы 513
 Андреев 814
 Андреев В. Ф. 651
 Андреев М. С. 793
 Андриевич В. К. 832, 833, 837
 Андриевский А. А. 710
 Андроник I 509

* Указатель составлен А. Д. Кушниренко, Т. Н. Волковой и Л. Р. Брауде.

- Андроник III (младший) 509, 510
 Анжуйская династия 333
 Аничков И. В. 792, 816
 Анна Иоанновна 605
 Анненкова П. А. 612
 Антонович В. Б. 140, 613, 671, 703, 706—710, 712, 717, 718, 724, 729, 730
 Антонович М. А. 3, 9, 10, 13, 45, 46, 52, 68
 Анучин Д. Н. 537, 627, 628, 637, 643, 644, 651
 Аполлоний Тианский 31
 Аптекман О. В. 269
 Арандаренко Г. 639
 Арасанский Л. 816
 Арборе З. 750
 Арбуа де Жюбанвиль см. Жюбан-виль
 Ардашев П. Н. 400
 Аристов Н. А. 818, 819
 Аристов Н. Я. 270, 613
 Аристотель 310, 313
 Аристофан 307
 Д'Арманьяк 440
 Арнольди, псевд. см. Лавров П. Л.
 Арсений, еп. 746
 Арсеньев К. К. 442, 445
 Арсеньев Ю. В. 651, 684
 Артамонов Л. К. 803
 Архангельский А. С. 586, 589, 590, 727
 Арциховский А. В. 5, 615, 840
 Арцыбашев Н. С. 563
 Аршакиды 767, 769
 Асиновская С. А. 6
 Аскарлов А. 798
 Атилла 422
 Атласов В. В. 651, 835
 Атласов Х. 823
 Афанасьев А. Н. 634
 Ахемениды 293
 Ахмад Дониш (Ахмад-Каллэ), псевд. Ахмада Махдума, сына Носира 790, 791, 808
 Ахмаров Г. 823
 Ахмед-Бек Джаваншир 777, 778
 Ахунд Мир-Мехти 777
 Ахундов Мирза Фатали 772—774, 780
 Баб 781
 Бабаджанов Х. С. 819
 Бабст И. К. 50, 329
 Багалей Д. И. 613, 649, 713
 Багатуров С. 762
 Базунов А. Ф. 690
 Байер Г. З. 552, 565, 684
 Бакмейстер Л. И. 684, 685
 Бакрадзе Д. З. 753—757, 760, 761
 Бакунин М. А. 77, 78, 180, 181, 184—188, 194, 218, 235, 240, 241, 261, 267, 274, 280, 281
 Бакунин Ф. 802
 Балакшин И. 830
 Баллод П. Д. 740
 Балческу Н. 748, 749
 Банзаров Д. 537
 Бантыш-Каменский Д. Н. 129
 Бантыш-Каменский Н. Н. 684, 685
 Баранов П. И. 597
 Барвинский А. Г. 707
 Барон Брамбеус, псевд. см. Сенковский О. И.
 Барсов Е. В. 590
 Барсов Н. П. 648, 650
 Барсов Т. В. 523
 Барсуков А. П. 681, 682
 Барсуков Н. П. 90, 92, 93
 Бартенев П. И. 611, 690, 743
 Бартольд В. В. 683, 790, 792, 793, 796, 807, 808
 Бартошевский Н. 547
 Барятинские, княж. род 682
 Басанавичюс И. 733
 Батеньков Г. С. 293
 Баторий Стефан 681, 732
 Баттенберг А. 499
 Батюшков П. Н. 714, 715, 722, 746, 750
 Бауер В. В. 337, 400—415, 421, 423, 427, 428, 436, 840
 Башкин М. С. 588, 589
 Безбард К. 739
 Безменов В. Н. 779
 Безобразов В. П. 454, 652
 Безобразов П. В. 508, 516, 518, 519, 524
 Бейлис М. 299
 Бека А. 760
 Белинский В. Г. 7, 9, 11, 15, 17, 19, 25, 26, 33, 45, 50, 51, 54, 58, 59, 61—64, 115, 260, 266, 293, 448, 555, 556, 558, 559, 698
 Беллярминов И. И. 102
 Белов В. Д. 653
 Белов Г. 368
 Белозерский В. М. 130
 Белокуров С. А. 685
 Белоруссов М. 375
 Белох Ю. 309
 Бельк В. 787
 Беляев А. П. 612
 Беляев Д. Ф. 508

- Беляев И. Д. 210, 257, 580, 660, 663, 666, 667, 725
 Беляев П. И. 362, 664, 665
 Беляшевский Н. Ф. 709
 Бенкендорф А. М. 788
 Бенфей Т. 646
 Берви (Флеровский Н.) В. В. 190, 192
 Березин И. Н. 660, 818, 821, 822
 Берже А. П. 786
 Беринг В. 651
 Бернштейн Э. 221, 252
 Бертенсон Л. Б. 788
 Бертъе-Делагард А. Л. 677
 Бессонов П. А. 717
 Бестужев М. А. 612
 Бестужев-Рюмин К. Н. 83, 86—89, 100, 101, 558, 568—571, 573, 574, 576—578, 604, 613, 713, 720
 Биезбардис К. *см.* Безбард К.
 Бильбасов В. А. 323, 328, 330—332, 337, 490, 491, 500, 840
 Био 539, 543
 Бисмарк О. фон Шенгаузен 285, 309, 410, 739
 Бичурин Н. Я. 540, 542, 543
 Бишоп И. 546
 Благовещенский Н. М. 318
 Блан Л. 36, 441
 Бларамберг И. Ф. 639, 799, 804, 809
 Боборыкин П. Д. 288
 Бобровников А. А. 660
 Бобровский П. О. 728
 Богдан Хмельницкий (З. Б. М.) 130, 134, 138, 141—145, 693, 694, 701, 707, 713, 714
 Богданов А. И. 684, 685
 Богданов А. П. 620, 637
 Богданов В. В. 644
 Богданович М. И. 215, 604
 Богишич Б. В. 353, 361, 495
 Боголепов Н. П. 338, 383
 Боголюбский И. 836
 Богораз-Тан В. Г. 638
 Богушевич Ф. К. 719, 720
 Боде (Бодэ) К. К. 799, 800, 804
 Бодянский О. М. 490, 493, 505, 700
 Божок-Балыка 706
 Бокаччо Д. 347
 Бокк В. 742
 Бокль Г. Т. 13, 15, 20, 30, 40, 329, 419, 421, 422, 754
 Болотников И. И. 114, 138, 256
 Болотов А. Т. 612
 Болотов В. В. 518
 Болсуновский К. В. 673, 681
 Болтин И. Н. 551, 553, 565
 Болховитинов Е. А. 680, 684
 Бонмер Ж.-Э. 395
 Бонч-Бруевич В. Д. 698
 Борнс Годунов 62, 97
 Борис-Миханл, болг. кн. 490, 493
 Боркгейм 236
 Бороздин И. Н. 5, 6, 329, 840
 Брактон Г. 376
 Брауде А. И. 687
 Брауншвейгский герцог *см.* Вильгельм Фердинанд
 Брентано Л. 191
 Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. 333, 349, 518, 700
 Броневский С. М. 639
 Бруйнинг Г. 743, 744
 Бруни (Бруни-Аретино) Л. 348
 Брюховицкий И. 707
 Брянцев П. Д. 722
 Бубнов Н. М. 328, 343, 391, 392
 Будилович А. С. 495
 Бузескул В. П. 308—310, 333, 392, 394, 415
 Булавин К. А. 118
 Булгаковский Д. 725
 Булич Н. Н. 825
 Бульчев Н. И. 673
 Бунге (Фридрих-Георг) Ф. А. 743
 Бурачков П. О. 675
 Бурбоны 481
 Бурджалов Э. Н. 265
 Буренин В. П. 612
 Буркгардт Я. 346
 Буслаев Ф. И. 150, 330, 331, 585
 Бутаков А. И. 810
 Буташевич-Петрашевский М. В. 209
 Бутенко В. А. 415
 Бутков П. Г. 563, 679, 786
 Бутурлин В. В. 144, 145
 Буцинский П. Н. 649, 651, 655, 833
 Быков [Е.?] 804
 Быховский Н. Я. 748
 Бычков А. Ф. 598, 602, 604
 Бюхер К. 322, 340, 368, 369, 645
 В. В. *см.* Воронцов В. П.
 Вагин В. И. 826, 828, 829, 831
 Вайнштейн О. Л. 333, 393, 399
 Вайц Г. 341, 354, 372
 Валиханов Ч. 538
 Валк С. Н. 338
 Валла Л. 346, 349
 Валуа 435
 Вальдемар Х. (К). М. 738, 739, 742
 Ванновский П. С. 383
 Вардан Великий 766

- Варлаам, арх. 147
 Василий II Болгаробойца 514, 522, 531
 Василий III Иванович 593
 Василий (Иванович) Шуйский 144
 Василий Охридский 521
 Васильев 809
 Васильев [А. В.?] 500
 Васильев А. П. 837
 Васильев В. П. 534, 537, 541—543
 Васильев П. С. 806
 Васильевский В. Г. 300, 301, 318, 321, 333, 337—339, 343, 401, 402, 414, 496, 507—510, 512—516, 518, 520—522, 524, 525, 840
 Васильчиков А. И. 201, 202
 Васснан Косой (В. И. Патрикеев) 589
 Вахтанг VI Законодатель 754, 760
 Вахтин В. [В.?] 651
 Вахушти 754
 Вашингтон Д. 412
 Вебер Б. Г. 1, 5, 840
 Вебер Г. 30, 542, 633
 Вейде М. 740
 Вейдемейер 228
 Вейле К. 642
 Величко С. В. 144, 145
 Вельяминов-Зернов В. В. 344, 527, 528, 660, 683, 812, 817, 823
 Венгероу С. А. 541
 Венелин Ю. И. 492
 Венюков М. И. 190—192, 544, 639, 802, 805, 806, 814
 Верещагин Н. 690
 Вермишев Х. 762
 Веселовский А. Н. 346, 347, 585, 647
 Веселовский Н. И. 537, 538, 618, 619, 620, 628—630, 677, 792, 797, 798, 807, 817, 822
 Веселовский С. Б. 680
 Вигель Ф. Ф. 750
 Виговский И. А. 707
 Виклеф 504
 Вико Д. 329
 Виллигиз, архиеп. 345
 Вильгельм II 742
 Вильгельм III Оранский 412
 Вильгельм Фердинанд 285
 Винеа П. 331
 Виноградов А. Л. 725
 Виноградов П. Г. 313—315, 326—328, 344, 353, 358, 360—362, 365, 370—383, 389, 461, 466, 840
 Виолле П. 361
 Виппер Р. Ю. 378, 383, 392, 461
 Виташевский Н. А. 638
 Вишенский И. см. Иоанн Вишенский
 Владимир 672
 Владимир Александрович, вел. кн. 604
 Владимир Мономах 593
 Владимир Святославич 522, 576, 582, 673
 Владимиров П. В. 727
 Владимирский-Буданов М. Ф. 706, 713, 714, 724, 732, 733
 Влангали А. Г. 810
 Власьев Г. А. 682
 Вовк см. Волков Ф.
 Воден А. М. 258
 Волков С. И. 208
 Волков Ф. (Вовк) 709
 Волконский Н. 653
 Волошинский Я. Я. 672
 Вольтер Ф.-М.-А. 317, 420, 431
 Вольф Ф. А. 302
 Воровский В. В. 260, 263, 264
 Воронов А. 491
 Воронцов В. П. (псевд. В. В.) 178, 195, 196, 200, 201, 203—207, 218, 274, 277
 Воронцовы, кн. 614
 Востоков А. А. 713
 Востоков А. Х. 597
 Всеволод Мстиславич 680
 Выговские 713
 Выговский И. О. 138, 141
 Вызинский Г. В. 373
 Вырубов Г. Н. 352, 441
 Высоцкий Ф. 664
 Вяземские, кн. 614
 Вяземский П. А. 604
 Вяткин В. Л. 808
 Габашвили В. Н. 5, 841
 Габсбургн 487, 694, 705, 707
 Гаващи А. 37
 Гагарин Г. И. 293
 Гагарин П. П. 291
 Гаге (н) мейстер Ю. А. 836
 Газин 819
 Гакстгаузен А. 234, 238, 252
 Галкин М. Н. 639, 802, 813
 Гальперин А. Л. 5, 840
 Гамбаров Ю. С. 365
 Гамбетта Л. М. 441
 Ган В. 742
 Гарагашян А. М. 768
 Гарадаги Гасан Али-Хан 776
 Гардинер С. Р. 296
 Гарелин (Горелин) Я. П. 653
 Гарибальди Д. 12, 37
 Гарин-Михайловский Н. Г. 546

- Гаркави А. Я. 298
 Гартье Э. К. 690
 Гасанов И. М. 5, 6, 784, 841
 Гауэр Д. 387
 Гацисский А. С. 654
 Гегель Г. В. Ф. 27, 104, 108, 119, 276, 284, 317, 323, 329, 420, 426, 764
 Гедеонов С. А. 343
 Гезехуи Н. 361
 Геймбах 520
 Гейне Г. 31
 Гейнс (Гейнц) А. К. 815
 Гейсер Л. 401, 410
 Гейтц Ф. Ф. 677
 Гельвещий К. А. 275
 Геннади Г. Н. 687
 Генрих II 434
 Генрих IV 332, 430
 Генрих Латыш 743
 Георги И. Г. 211
 Георгиевский С. М. 542, 543
 Георгий Амастридский 522, 525
 Георгий Блистательный 761
 Георгий Михайлович 669
 Георгий Победоносец 672
 Гераклитов А. А. 654
 Герасимов М. 835
 Герауэр 424
 Герберт (папа Сильвестр II) 343, 392
 Герберштейн С. 594, 649
 Гервег Г. 235
 Гервинус Г. Г. 15, 20, 30, 31
 Гердер И. Г. 317, 420
 Герланд Г. 642
 Герн К. И. 809
 Геродот 295, 307, 308, 542, 615, 616
 Герцберг Г. Ф. 516
 Герцен А. И. 7—9, 15, 17, 19, 22, 25, 26, 31—37, 43, 45—47, 50, 51, 53—58, 59—64, 68, 77, 109—111, 118, 172, 177, 181, 190, 213, 217, 234, 235, 239, 242, 252, 266, 280, 281, 318, 544, 555, 559, 592, 612, 719, 764, 815
 Герье В. И. 147, 311—313, 315, 323, 344—346, 383, 393, 415—424, 440, 441, 445, 450—465, 480, 481, 482, 501, 840
 Гете И. В. 293
 Геюшев З. Б. 779
 Гиббон Э. 317, 517
 Гизель *см.* Иннокентий (Гизель)
 Гизо Ф. П. Г. 27, 28, 30, 49, 92, 275, 323, 336, 337, 368, 372, 379, 420, 550, 568
 Гизы 430
 Гийярд-Бреголь 331
 Гильдебрант Б. 261
 Гильфердинг А. Ф. 87, 187, 484—487, 498, 500, 504, 506, 568
 Гиляров А. Н. 309
 Гимади Х. Г. 5, 841
 Гинцель 490
 Гирке О. 368
 Гирс Н. К. 793
 Гиршфельд О. 341
 Глаголева-Данини С. М. 480
 Глазунов И. И. 689, 690
 Глассон Э. 361
 Глинка С. Н. 612
 Гогенштауфенские герцоги 331
 Гоголь Н. В. 54, 484
 Годунов *см.* Борис Годунов
 Гозий С. 425, 504
 Голенищев В. С. 296, 297
 Голенищев-Кутузов В. И. 639
 Голицын А. М. 210
 Голицын Н. Н. 682
 Голицыны 682
 Головачев П. М. 820, 834
 Голубев А. 690
 Голубинский Е. Е. 517, 523, 746
 Голубовский П. В. 713, 714
 Голубцов В. В. 682
 Гольбах П. А. 275
 Гольцев В. А. 279, 373
 Гомбоев Г. 537
 Гомер 302
 Гонта И. 707
 Гончаров А. И. 11, 547
 Гораций Ф. К. 321, 322, 340
 Горбунов А. Н. 662
 Горский А. В. 489, 490
 Горский В. В. 539, 540, 597
 Горчаков А. М. 604
 Горчаков М. И. 662
 Горький М. (Пешков А. М.) 145
 Готье Ю. В. 585, 648, 650
 Градовский А. Д. 122, 123, 125—128, 664
 Грановский Т. Н. 15, 27, 33, 313, 323, 327—329, 346, 354, 360, 379, 382, 394, 416, 418, 420—422, 461, 485, 567, 753, 754
 Грацианский В. И. 613
 Грацианский Н. П. 351
 Гревс И. М. 321, 322, 328, 337—341, 362, 383, 840
 Греков Б. Д. 522
 Грибоедов А. С. 54
 Григорий 578
 Григорьев В. В. 526, 527, 660, 672

- 676, 795, 796, 810—812, 818, 821, 822
 Грзингер Г. 184
 Грин Р. 347
 Гродеков Н. И. 639, 794, 795, 804, 816
 Гросул Я. С. 5, 745, 841
 Грот К. Я. 498
 Гроций Г. 419
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 536
 Грушевский М. С. 141, 708
 Грыцько *см.* Елисеев Г. З.
 Гуго Г. 420, 421
 Гудзий Н. К. 585
 Гулиев А. Н. 5, 772, 841
 Гулисашвили З. 759
 Гульянов И. А. 292
 Гуляев С. И. 810
 Гумбольт В. 633
 Гурвич И. А. 836
 Гус Я. 332, 403, 500, 501, 504
 Гусев В. Е. 634
 Гусейнов Г. Н. 781
 Гутнова Е. В. 6
 Гуттен-Чапский Э. 677, 678
- Даван ша'ыр 801
 Давид Строитель 757, 758, 761
 Дай-цин 543
 Даль В. И. 777, 817
 Дамаскин (Семенов-Руднев Д.) 684, 685
 Даниельсон Н. Ф. 178, 196, 203, 204, 206, 207, 237—239, 242, 252, 254, 257, 258, 262, 277
- Даниил, митроп. 589, 590
 Даниил Галицкий 696, 709
 Данилевич В. Е. 671, 725
 Данилевский Г. П. 612
 Данилевский Н. Я. 87, 93—101, 489
 Данилов А. И. 5, 840
 Данилович И. Н. 727
 Дарест де ля Шаванн А.-К. 395, 467, 479
 Даулбаев Б. Д. 819
 Даулетов Е. 819
 Дашкевич Н. П. 709, 730
 Дашкова Е. Р. 565
 Дебольский Н. Н. 648, 649, 661
 Дежнев С. И. 651, 835
 Делоткевич П. М. 546
 Делянов И. Д. 208, 363
 Дембовецкий А. С. 728
 Деметра 617
 Демулен 34
 Державин Г. Р. 828
 Дестунис С. Г. 508
- Джабадари И. 758, 759
 Джавахишвили И. А. 753, 756
 Джамал Мирза 775—777
 Джанашвили Д. 761
 Джанашвили М. Г. 760
 Джанашиа С. Н. 775
 Жанхожа *см.* Нурмухаммедов Д.
 Джаншиев Г. А. 747
 Джахангир Тюря 791
 Желал-уд-Довле 773
 Дживанни да Ровенна 347
 Джучиды, ханы 818
 Диваев А. А. 793, 796
 Дидро Д. 239
 Диль Ш. 519
 Димитрий, архиеп. 606
 Димитрий Донской (Димитрий Иванович) 137, 256
 Димитриу А. 520, 660
 Диофант 617, 618
 Дитятин И. И. 368
 Длугош Я. 577
 Дмитревский П. 545
 Дмитренко И. И. 654
 Дмитриев А. А. 653, 834
 Дмитриева Е. Л. 239, 240
 Дмитрий *см.* Димитрий
 Дмитрий Грозные Очи 674
 Добровский И. 489
 Добролюбов И. В. 653
 Добролюбов Н. А. 3, 7—66, 68, 133—135, 172, 176, 177, 181, 239, 242, 265, 266, 288, 318, 461, 555—560, 632, 634, 693—695, 698, 702, 718, 719, 839
- Добрынин Г. И. 612
 Довнар-Запольский М. В. 217, 709, 710, 724, 736
 Докучаев В. В. 649
 Долгорукий В. А. 363
 Долгоруков П. В. 682
 Доленга А., псевд. *см.* Лавров П. Л.
 Доленга-Ходаковский З. 623
 Дониоль Ж.-А.-А. 395
 Допш А. 377
 Дорн Б. А. 531, 676
 Дорошенко П. Д. 141, 707
 Дочембрио П. 349
 Драгоманов М. П. 315—318, 343, 698, 708, 711—713
 Драудин Т. Я. 5, 6, 841
 Дринов М. С. 492, 505, 506, 508, 523
 Дружиловский П. Л. 725
 Дубасов И. И. 612
 Дубровин Н. Ф. 90—92, 215, 603, 612, 640, 652, 761, 777

- Дудин С. М. 798
 Дулишкевич И. 711
 Думбадзе М. К. 754
 Дунаевский В. А. 5, 6, 9
 Дункер М. 262, 309
 Дьяконов И. М. 297
 Дьяконов М. А. 593
 Довернуа Н. Л. 579—581, 662, 664
 Евгений, митроп. см. Болховитинов Е. А.
 Евлампий 539
 Евлахов И. 800
 Егиазаров (Егиазаряц) С. А. 533, 769, 770, 783—785
 Егоров Д. Н. 381
 Езян (Эзов) К. 769, 770
 Екатерина II Алексеевна 45, 91, 102, 111, 127, 157, 161, 168, 207—215, 231, 332, 502, 565, 605, 648, 649, 681, 704, 736
 Екатерина Медичи 435
 Елагин В. А. 498, 499
 Елагин И. П. 551
 Елагин Н. Е. 583
 Еленев Ф. П. см. Скалдин, псевд.
 Елизавета Тюдор 347
 Елисеев Г. З. 9, 10, 13, 45, 121, 559, 560
 Ельчин 652
 Емельянов И. [К.?] 589
 Ерицян (Ерицов) А. Д. 768
 Ерлыков В. 664
 Ермак Тимофеевич 644, 651, 834
 Ермолин В. Д. 598
 Ернштед В. К. 303
 Ершов М. 338
 Ефименко А. Я. 4, 178, 179, 197—200, 202, 209, 583, 613, 636, 652, 655, 656, 704, 705
 Ефименко П. С. 636
 Ефимов Д. Е. 294
 Ефремов П. А. 690
 Ешевский С. В. 360, 373, 421, 424, 461, 568, 753
 Жаткович Г. 711
 Жданов И. Н. 593
 Жебелев С. А. 303
 Железнов В. Я. 377
 Жеребцов Н. А. 45
 Жизневский А. К. 620
 Житков Б. М. 651
 Жмакин В. И. 589, 590
 Жордания Ф. (Т.) Д. 760
 Жукович П. Н. 425, 504, 727
 Жуковский Вал. А. 630, 807
 Жуковский Вас. А. 611, 777
 Жуковский С. В. 794
 Жуковский Ю. Г. 178, 248
 Жюбанвиль 361
 Жюгжда Ю. И. 6
 Жюльен С. 543
 Забелин И. Е. 612, 615—617, 628, 656, 674
 Заблоцкий-Десятовский А. П. 747
 Заблоцкий М. П. 673
 Завалишин Д. И. 612
 Завитневич В. З. 717, 718
 Загоскин Н. П. 664, 665, 824, 825
 Загрязский Г. С. 816
 Зайчиков В. Т. 546
 Заклинский К. 710
 Закревский Р. 820
 Залеман К. Г. 299
 Замысловский Е. Е. 594, 613, 649, 650
 Зардаби Гасан-бек Меликов 779, 780, 786
 Засулич В. И. 251, 257, 258, 281, 286—288, 644
 Захаров И. И. 538—540, 543
 Зашук А. И. 751
 Зеланд Н. [Л.?] 813
 Зеленин Д. К. 816
 Зеленский И. 728
 Зелинский Н. Д. 383
 Зибель Г. 453
 Зибер Н. И. 263—264, 645
 Зигель Ф. Ф. 494, 495
 Зимин А. А. 6
 Зимин Л. А. 793
 Зиновий Отенский 592
 Зиновьев А. З. 547
 Зом Р. 361, 368, 372
 Зотов Р. В. 682
 Зубов П. В. 669
 Ибн-Фадлан А. 531, 623
 Ибрагим (Халил)-хан Карабахский 775
 Ибрагимов И. 819
 Иван I Калита (Иван Данилович) 231, 674
 Иван III Васильевич 62, 137, 231, 578, 593
 Иван IV Васильевич 62, 88, 137, 166, 188, 231, 553, 555, 558, 564, 578
 Иван Павлович 620
 Иваненко М. 761
 Иванов Д. Л. 811
 Иванов П. А. 713, 714

- Иванов П. И. 656, 681
 Ивановский А. А. 298, 787, 806
 Ивановский А. О. 543
 Ивановский Л. К. 622
 Иванюков И. И. 359, 747
 Иверсен Ю. Б. 677, 678
 Игорь Святославич 590, 591
 Идегей 821
 Иеринг Р. 580
 Иероним Пражский 403
 Извольский П. 338
 Иконников В. С. 344, 562, 563, 573, 589, 607, 610, 613, 687
 Иллерицкий В. Е. 5, 6, 105, 839, 840
 Иловайский Д. И. 3, 83—88, 100—102, 333, 382, 417, 503, 523, 568, 612, 713
 Ильницкий В. 710
 Имам Али-ий Кундузи (Коми, псевд.) 808
 Иманов Г. 775
 Ингбер М. 365
 Иннокентий III 334, 335
 Иннокентий (Гизель) 572
 Иностранцев А. А. 627
 Иоаканф *см.* Бичурин Н. Я.
 Иоанн IV Постник 498
 Иоанн VI Кантакузин 509, 510
 Иоанн Вишенский 700, 701
 Иоанн Златоуст 586, 587
 Иоанна II 333
 Иоанна Безумная 332
 Иоанна «Паписса» 332
 Ионин А. С. 641
 Ионинас И. З. 5, 841
 Ионов В. М. 638
 Иоселиани А. П. 753, 756
 Иосиф II 502
 Иосиф Волоцкий (Санин) 589, 599
 Иосиф Шумлянский 701
 Иохельсон В. И. 638
 Ираклий, визант. имп. 767
 Ираклий, груз. царь 758
 Ираклий II, груз. царь 757
 Ирина 521
 Иричек К. И. 494
 Искандер *см.* Герцен А. И.
 Истрин В. М. 586, 587
 Итальянский А. Я. 293
 Итенберг Б. С. 6
 Ишбулат-мулла 824
 Иштуин Н. А. 635
 142, 143, 217, 247, 398, 418, 447, 448, 464, 481, 554, 555, 557, 558, 563, 567, 570, 572, 574, 686
 Кавеньяк Л. Э. 36
 Кавур К. Б. 12, 37
 Каганкатваци А. М. 767
 Казаков В. Н. 690
 Казанский П. С. 674
 Казем-бек А. К. 780, 781
 Калантаров Г. А. 762
 Калачев Н. В. 579—581, 596, 608, 643, 666, 667
 Калиновский К. С. 719
 Каллаур В. А. 793
 Калугин Ф. [Г.?] 592
 Кальвин Ж. 378, 436
 Каменецкий Б. А. 6
 Канаберов Н. Ф. 523
 Канкрин Е. Ф. 213
 Кант И. 276, 420, 421
 Кантакузин И. *см.* Иоанн VI Кантакузин
 Капнист П. А. 363
 Капустин М. Н. 686, 687
 Карабаги *см.* Мирза Юсуф Карабаги
 Каракозов Д. В. 191
 Карамзин Н. М. 82—88, 102, 114, 132, 255, 330, 548—551, 553, 554, 556, 560—562, 564, 566, 568—573
 Каратыгин П. А. 612
 Караханиды 818
 Карбелашвили [П. ?] 761
 Кареев Н. И. 277, 329, 338, 349, 364, 365, 373, 375, 383, 416—418, 425, 445, 452, 453, 461—483, 503, 504, 840
 Каричашвили Д. 760
 Карл Великий 313, 373
 Карл V, 332, 409
 Карл IX 435
 Карл X 34
 Карпов Г. Ф. 144, 713, 714
 Карский Е. Ф. 658, 659, 727
 Карышев Н. А. 178, 196, 205
 Касимов *см.* Касымов К.
 Кастальский Б. Н. 793
 Касымов К. 816
 Катанов Н. Ф. 821
 Каткарт Д. 228
 Катков М. Н. 99, 100, 310, 425, 446, 499, 742
 Катырев-Ростовский И. М. 591
 Каульбарс А. В. 639
 Каутский К. 465, 470, 477
 Кауфман А. А. 201
 Кауфман И. И. 243 678, 679
- Каблиц И. И. (И. Юзов) 218
 Кавелин К. Д. 4, 29, 82, 85, 87, 88, 98, 104—112, 114, 115, 121—123,

- Кафаров П. И. *см.* Палладий
 Кафенгауз Б. Б. 614
 Кацнельсон И. С. 293
 Кацнельсон Л. И. 299
 Качаровский К. Р. 820
 Каченовский Д. И. 351, 352, 354, 356
 Каченовский М. Т. 550—552, 554, 562—564
 Каштанов С. М. 5, 840
 Кейтген Ф. 368
 Кемал-уд Довле 773
 Кёне Б. В. 672, 675, 677
 Кенесарин А. 816
 Кенесары *см.* Касымов К.
 Кеппен П. И. 815
 Кер Г. Я. 534
 Кигоро Огано 545
 Кизеветтер А. А. 211, 212
 Киквидзе А. Я. 752, 753
 Кильбургер И. Ф. 594
 Кинглек А. У. 30, 42, 45, 46
 Киндяков К. 666
 Киприан, митр. 593
 Киприанов Г. 511
 Киреевские 485
 Киреевский И. В. 379
 Кирилл (Константин) 332, 489—491
 Киркор А. К. 677, 717
 Кирпичников А. И. 508, 518
 Кирхманн П. Ф. 150
 Киселев П. Д. 213, 747
 Кишера Ж. 441
 Клапрот Г. Ю. 292
 Клеандр 303
 Клеванов А. С. 500
 Клемансо Ж. Б. 441
 Клеменц Д. А. 637
 Клеомен 301
 Климент Величский 487
 Климент Смолятич 592
 Клисфен 309
 Ключевский В. О. 4 75, 85, 89, 128, 146—170, 212, 215, 363, 564—568, 574, 581, 587, 588, 591, 593—595, 656, 667, 713, 720, 839
 Кобленц И. Н. 5, 685, 840
 Ковалевский Е. П. 813
 Ковалевский М. М. 262, 264, 267, 325—328, 330, 344, 347, 351—370, 375, 376, 378, 386, 390, 463, 532, 533, 645—646, 761, 840
 Коваленко Л. А. 5, 6, 841
 Ковалик С. Ф. 638
 Ковригин В. 810
 Когэлничану (Когыльничану) М. 748
 Козлов П. К. 536, 640
 Козьмин Б. П. 5, 184, 185, 839
 Коковлев П. К. 298, 299
 Кольцов Д. 281
 Колюбакин Н. П. 639
 Комаров А. В. 806, 807
 Комнины 513
 Кон Ф. 638
 Конашевич = Сагайдачный П. К. *см.* Сагайдачный П. К.
 Кондаков Н. П. 508, 518, 519, 621
 Кондратович Л. *см.* Сырокомля Владислав
 Константин *см.* Кирилл (Константин)
 Константин V 513, 524
 Константин VII Багрянородный (Порфирородный) 506, 507, 514
 Константин Павлович 56
 Константинов О. И. 639
 Конт О. 13, 15, 123, 329, 352, 421, 426, 433, 439, 445
 Конюшая Р. П. 5, 839
 Коперник Н. 276
 Копылов 670
 Корелин М. С. 315, 323, 328, 344—351, 392, 461, 840
 Корнилов А. А. 212, 214
 Короленко П. П. 654
 Коропчевский Д. А. 642
 Коростовцев М. А. 5, 839
 Корсак А. К. 534
 Корсаков Д. А. 573, 574
 Корф М. А. 29, 45, 55, 215, 557
 Корш В. Ф. 299, 308
 Косвен М. О. 640
 Косминский Е. А. 351, 372
 Косой Ф. 588, 589, 592
 Коссаковский С. О. 293
 Коссович К. А. 299
 Костенко Л. Ф. 794, 795, 813
 Костомаров Н. И. 4, 46, 128—146, 186, 189, 256, 417, 502, 503, 567, 568, 573, 576—578, 613, 656, 687, 693, 694, 703, 706, 707, 710, 714, 720, 735, 839
 Костылев В. Я. 535, 548
 Косцюшко-Валужанич К. К. 618
 Котляревский П. С. 778
 Кошут-хан 801
 Кочи-бей Гёмюрджинский 530
 Кочин Г. Е. 583
 Кочнев Варфаломей, псевд. *см.* Любимов Н. А.
 Кочубей В. В. 674, 675
 Кошелев А. И. 247, 251
 Коялович М. О. 571—574, 721, 722
 Кравченко И. С. 6
 Краевский А. А. 332

- Краснов А. Н. 813
 Красовский Н. И. 809
 Краузе И. Г. 511
 Крашевский И. 725
 Крестовников Н. 614
 Крестовниковы 614
 Крестовский В. В. 797
 Кривошинкин М. Ф. 836
 Кригер *см.* Кродзинник Я.
 Кричный Б. 748
 Кродзинник Я. (Кригер) 744, 745
 Кромвель О. 411
 Кропоткин Н. А. 626
 Кротков А. А. 677
 Крумбахер К. 519
 Крымский А. Е. 298
 Ксенопол А. Д. 750
 Кугельман Л. 262, 742
 Кудрявцев П. Н. 313, 323, 346, 360,
 373, 416, 420, 461, 753
 Кудрявцев Ф. А. 6, 827, 841
 Кузнецов С. К. 680
 Кузнецов-Красноярский И. П. 834
 Кулаковский Ю. А. 319—321
 Кулиш П. А. 130, 134, 141, 700, 703,
 706, 707, 714
 Кулишер М. И. 365, 642, 643
 Кун А. Л. 795
 Куник [А. А.] 492, 672, 674
 Куракин Ф. А. 614
 Куракины 211
 Курбский А. М. 564, 590—592
 Куропаткин А. Н. 639, 802
 Курц Б. Г. 594
 Кутебаров И. Б. 815
 Куторга М. С. 301, 303, 328, 329,
 337, 353, 360, 400, 402, 421, 753
 Кучаев М. Н. 761, 782, 783
 Кэр *см.* Кер Г. Я.
 Кюнер Н. В. 535
 Кюхельбекер В. К. 612
- Лабитт Ш. 432
 Лавеле Э.-Л.-В. 361
 Лавров П. Л. 4, 78, 173—177, 179—
 182, 184—188, 190—191, 194, 208,
 218, 240, 243, 257, 267, 441, 463
 (стр. 175 под псевд. П. Миртова,
 стр. 190 под псевд. Арнольди и
 А. Доленга)
 Лавровский К. В. 825
 Лавровский Н. А. 659
 Лавровский П. А. 490, 491
 Лазаревский А. М. 613, 701—704,
 706
 Лазарь Парбский 764—766
 Лакиер А. Б. 680, 681, 684
- Ламанский В. И. 484, 487—489,
 493, 496—498, 500, 515, 523, 637,
 694
 Ламбин Б. П. 687—689
 Ламбин Н. П. 523
 Ламбин П. П. 687—689
 Ламенне Ф. Р. 316
 Лампрехт К. 361
 Ланге Н. И. 579, 580, 662, 673
 Ланцев Г. В. 655
 Лаппо И. И. 585, 732
 Лаппо-Данилевский А. С. 584, 585,
 680, 736
 Лаптин П. Ф. 351
 Ларионов Д. 836
 Лассаль Ф. 194, 232, 284, 285, 712
 Латкин Н. П. 836
 Латышев В. В. 303—305, 524, 617,
 618
- Лафарг П. 242
 Леббок Д. 642
 Лебедев А. П. 518
 Лев III Исавр 513, 524
 Левассер Э. 395
 Левенстим А. 678
 Левенталь Л. Г. 638
 Левин Л. А. 262
 Левицкий О. И. 704, 705
 Левшин А. И. 810
 Легоцкий Т. 711
 Ледрю-Роллен А. О. 36
 Лейбниц Г. В. 423, 424
 Лейбович Л. И. 578
 Леклерк Н. 553
 Лемери 395
 Лемке М. К. 32
 Лемм О. Э. 295
 Ленин В. И. 8, 20, 21, 36, 43, 48, 51, 105,
 146, 171—173, 177—179, 183, 195,
 202—207, 218, 219, 224, 225, 228,
 237, 243, 246, 248, 249, 254, 262—
 264, 266, 269, 270, 272, 275, 280,
 282, 284, 288, 290, 291, 315, 324,
 344, 365, 449, 451, 463, 474,
 483, 557, 614, 636, 650, 651, 702,
 705, 711, 764
- Ленорман Ф. 760
 Лео (Бабаханян А.) 770
 Леонид, архим. (Кавелин Л. А.) 597
 Леонтович Ф. И. 122, 125—126,
 198, 494—496, 640, 710, 727, 732
 Леонтьев К. Н. 93, 98—100
 Леонтьев П. М. 310, 311, 329,
 374, 446
 Лепехин И. И. 821
 Лепсиус Р. 295
 Лермонтов М. Ю. 54, 611, 777

- Лернер И. Я. 6
 Лерх П. И. 811
 Лессар П. М. 805
 Лессинг Г. Э. 239, 423
 Лефевр Д'Этапль Ж. 403
 Лешков В. Н. 673
 Ли Цзы-Чэн (Ли Чуан-ван) 539
 Ливий Тит 295
 Лившиц И. Г. 293
 Ликург Афинский 329
 Лилли Д. 347
 Линиченко И. А. 709
 Линч Ч. 50
 Липперт Ю. 642
 Лисовский Н. М. 690
 Литке Ф. П. 652
 Литтре Э. 441
 Лихачев А. Ф. 677
 Лихачев Н. П. 298, 659, 680
 Лишин А. А. 654
 Лобанов-Ростовский А. Б. 682
 Локк Д. 419
 Ломакин А. 639
 Ломоносов М. В. 534, 551—553, 565, 572
 Лонгфорд И. Г. 546
 Лопарев Х. М. 523
 Лопатин Г. А. 236, 240, 241
 Лопиталь М. 426—429
 Лоран 317
 Луарсаба II 761
 Лубсан-Данзан (Лубсанов) 830
 Лукомский В. К. 683, 684
 Лунь юй 542
 Лучицкий И. В. 333, 341, 360, 364, 365, 383, 393, 426—445, 461, 474, 712, 713, 736, 840
 Лызлов А. И. 821
 Лыкошин Н. С. 639, 792, 793, 797, 807
 Льюис Д. Г. 123
 Лэн-Пуль С. 683
 Любавский М. К. 383, 648, 726, 731, 732
 Любимов Н. А. 446, 449
 Любович Н. Н. 425, 504, 727
 Любомудров И. В. 670
 Людовик Бородатый 332
 Людовик XI 394
 Людовик XIV 329, 354, 355, 410, 411, 412, 478
 Людовик XV 477
 Людовик XVIII 34
 Людовик-Наполеон *см.* Наполеон III
 Лютер М. 396, 397, 403, 404, 499, 500
 Мабли Г. Б. 217, 459
 Магакий 767
 Мазепа И. С. 131, 713
 Майер А. А. 803
 Майков А. А. 493, 494
 Майнов И. И. 638
 Мак-Ленан Д. Ф. 353, 381, 642
 Макалинская 691
 Макарий 599
 Маккиавели Н. 317, 346
 Маковецкий П. Е. 816
 Маколей Т. Б. 28, 30, 49, 330
 Максим Грек 589
 Максимейко Н. А. 732
 Максимов С. В. 643, 835, 836
 Максимович М. А. 129, 141, 145
 Макушев В. В. 494, 523, 524
 Макшеев А. И. 639, 810
 Малинин В. Н. 586
 Малинин Н. П. 102
 Маллицкий Н. Г. 793, 797
 Мальшевский И. И. 491, 725
 Мамай 256
 Мамиконян В. 766
 Манетти А. 348
 Манкиев А. И. 551
 Мануил I Комнин 521
 Мануйлов А. А. 377
 Марат Ж. П. 34
 Маргарита Ангулемская (Наваррская) 449
 Марджани Ш. 823
 Маркевич А. И. 578, 579
 Маркевич Н. А. 129
 Марко-Поло *см.* Поло Марко
 Марков А. К. 671, 672, 676, 677
 Марков Ф. Т. 782
 Маркович Я. 706
 Маркс К. 4, 12, 37, 38, 48, 66, 76, 105, 130, 177, 178, 188, 190, 192, 194, 217, 219—273, 274—278, 280, 282—284, 286—290, 318, 325, 338, 340, 351—356, 358, 361, 421, 437, 452, 464, 465, 469, 470, 472, 473, 477, 532, 533, 636, 644, 645, 698, 700, 704, 742, 827, 835, 839
 Марло К. 347
 Мароция 191
 Марр Н. Я. 298, 631
 Мартен Е. 431
 Мартенс Ф. Ф. 544, 602, 794, 795
 Маслов А. 803
 Маслов П. П. 289, 290
 Масперо Г. 760
 Массальский В. И. 794, 795
 Матвеев З. Н. 547
 Матвеев П. А. 498, 499

- Матвей Башкин *см.* Башкин М. С.
 Матвей Властарь 497
 Матвей из Янова 504
 Матвей Парижский 332
 Маурер Г. Л. 191, 198, 354, 361,
 368, 372, 406, 645
 Махтум-Кули 800, 802
 Мачинский А. В. 293
 Машкин Н. А. 5, 308, 310, 839
 Маяковский И. Л. 596, 610
 Медведев С. 684
 Межов В. И. 686, 688—690, 793
 Мейер Д. 666
 Мейер Л. 809
 Мейер Э. 385
 Мейчик Д. М. 520, 667
 Мелетий (Максим) Смотрицкий 721
 Меликов (Мелик-Заде) *см.* Зардаби
 Гасан-бек Меликов
 Мелиоранский П. М. 817
 Мельгунов Г. 800
 Мельгунов Ю. Н. 643
 Мендельсон В. И. 6
 Мендрик В. М. 535
 Мериваль Ч. 317
 Мертваго Д. 544
 Метгерних К. 31, 92, 279
 Мефодий 332, 489—491
 Мехти Астрабадский 772
 Мечников Л. И. 277, 378
 Меша 298
 Миглиник П. 740
 Миклашевский И. Н. 585, 648, 649
 Миклухо-Маклай Н. Н. 536—537,
 641—642
 Милич Я. 504
 Миллер В. Ф. 359, 360, 647
 Миллер Г. Ф. 550, 551, 565, 572,
 685, 821
 Миллер Д. П. 702, 703
 Миллер О. Ф. 613
 Милль Д. 71, 123, 237, 465
 Милош Обренович 42
 Милькович В. 711
 Мильтон Д. 419
 Мильков П. Н. 365
 Милютин В. А. 662, 663
 Милютин Д. А. 105
 Милютин Н. А. 291
 Мин, кит. династия 539—543
 Минаев И. П. 529, 530, 537, 641, 805
 Миндовг 731
 Минин К. М. 137, 256
 Минх А. Н. 654
 Минцлов С. Р. 614
 Минье Ф. О. М. 30, 275, 432
 Мир-Мохсун-ага 775
 Мир Мустафа-хан 778
 Мирза Адигезал-бек 775—777
 Мирза Азим Сами 791
 Мирза Джамал *см.* Джамал Мирза
 Мирза Юсуф Карабаги (Нерсесов)
 775, 776
 Миртов П. *см.* Лавров П. Л.
 Митридат VI Евпатор (Дионис) 617
 Михаил VIII Палеолог 524
 Михаил Обренович 485
 Михайлов А. Д. 280
 Михайлов К. П. 836
 Михайлов М. И. 9, 10, 13, 31, 53
 Михайловский В. М. 410
 Михайловский Н. К. 4, 173—178,
 188, 203, 208, 218, 248, 277, 288—
 291, 422
 Миханкова В. А. 631
 Михаэлис Е. П. 817
 Мишле Ж. 431, 432
 Мищенко Ф. Г. 306—308
 Мовсес Хоренаци 766, 767, 769
 Мовсесян А. М. *см.* Ширванзаде А.
 Могильницкий Б. Г. 5, 840
 Модестов В. И. 307, 318, 319
 Модзалевский В. Л. 683
 Можаровский А. Ф. 824
 Моисей Хоренский *см.* Мовсес Хо-
 ренаци
 Момзен Т. 312, 319, 320
 Моно Г. 441
 Монтелиус О. 623
 Монтестье Ш. Л. 317, 420, 457
 Морган Ж., де 787
 Морган Л. Г. 353, 361, 381, 642
 Мордвинов А. А. 826
 Мордовцев Д. Л. 612, 654
 Морз 546
 Морозов С. 802
 Мортрель 520
 Мохаммед *см.* Мухаммед
 Мохов Н. А. 5, 6, 745, 841
 Мошкович Г. Г. 351
 Мрочек-Дроздовский П. Н. 580
 Мстислав Владимирович 680
 Музаффар 790, 791
 Мукшетов А. И. 810
 Муравьев А. Н. 294
 Муравьев М. Н. 786
 Муравьев Н. М. 562
 Муравьев С. С. 465
 Муравьев-Апостол М. И. 612
 Муромцев С. А. 363
 Мусин-Пушкин А. А. 401, 410
 Мустафад-ул-Ахбар 823
 Мухаммед 298

- Мухаммед-ага Мучтехид-заде 775
 Мухаммед Али 527
 Мухаммед-Риза *см.* Агехи, псевд.
 Мухаммед Худабенде 773
 Мухтаров А. 809
 Мхитар Себастиаи 764
 Мэн Г. С. 191, 353, 361, 362, 372, 381
 Мюнцер Т. 393, 395, 396, 398, 399
 Мюнши Искандер-бек 773, 774
 Мякотин В. А. 687
- Набалдян М. Л. 763—765
 Навваб Тезкирен 775
 Навои Низамаддан Алишер 793
 Нагарола И. 349
 Надеждин Н. И. 549, 550
 Надир-шах 775, 780
 Надлер В. К. 504
 Назаров П. 815
 Назин С. 610
 Найденов Н. 614
 Накко А. 745, 750
 Наливкин В. П. 639, 793, 795, 807
 Наполеон I 23, 65
 Наполеон III 34, 36, 49
 Нариманов Н. Н. 780
 Наршахи *см.* Абу-Бекр-Мухаммед
 ибн Джа'фар ан Наршахи
 Насир-ед-дин 800, 801
 Насрулла-хан 808
 Нассэ Э. 361
 Насыри (Насыров) К. 822—825
 Небольсин Г. П. 534
 Небольсин П. И. 800
 Невзоров (Ю. М. Стеклов) 269
 Неволлин К. А. 583, 608, 648, 663
 Невоструев К. И. 597
 Неккер Ж. 479
 Некрасов И. С. 588
 Некрасов Н. А. 13, 239, 242, 266
 Нельдеке (Нельдтке) Т. 298
 Непомнин В. Я. 5, 841
 Нерсесов (Шушинский) *см.* Мирза
 Юсуф Карабаги
 Нестор 593
 Нестроев Л. И. 607
 Нетушил И. В. 320
 Нефедов Ф. Д. 812
 Нечаев С. Г. 241, 635
 Нечай И. 713
 Нечкина М. В. 148
 Нибур Б. Г. 27, 293, 319, 550, 562
 Никитенко А. В. 612
 Никитин Афанасий 529
 Никитин С. А. 5, 42, 840
 Никитский А. В. 303, 305, 306
 Никитский А. И. 583, 584, 656, 679, 680
- Никифор II Фока 514
 Никифоровский Н. Я. 716
 Николадзе Н. Я. 751—754, 759, 760
 Николай I 92, 102, 121, 130, 168,
 169, 210, 222—224, 232, 556, 557,
 605, 614
 Николай II 604
 Николай Михайлович 604
 Николай — он *см.* Даниельсон Н. Ф.
 Никольский А. М. 813
 Никольский М. В. 297, 298, 812
 Никольский Н. К. 592
 Никон, патр. 600
 Нил Сорский 589, 590
 Нич (Нитч) К. В. 368
 Новиков Е. П. 499, 500, 504
 Новиков Н. И. 157, 606, 684, 685
 Новицкий, ген. 344
 Новицкий И. П. 704, 705, 732
 Новосадский Н. И. 303, 306
 Норов А. С. 294
 Носович И. И. 715
 Нурберды-хан 800
 Нурмухаммедов Д. 816
- Оболенский М. А. 578, 681
 Обренович Милош *см.* Милош Обре-
 нович
 Обренович Михаил *см.* Михаил Об-
 ренович
 Огано Кигоро *см.* Кигоро Огано
 Огарев Н. П. 7—9, 17, 19, 25, 26,
 31, 32, 35, 43, 45, 53—61, 77, 556,
 557, 737, 764
 Оглоблин В. Н. 797
 Оглоблин Н. Н. 651, 655, 834, 835
 Оксёнов А. В. 834
 Окулич И. [С. ?] 365
 Оленин А. Н. 293
 Ольга, киев. кн. 578
 Ольденбург С. Ф. 792
 Ону А.-М. 402
 Оранский Вильгельм *см.* Виль-
 гельм III Оранский
 Орбели И. А. 298
 Ордин-Нащокин А. Л. 713
 Орешников А. В. 670, 673
 Ори И. 769
 Орлов В. И. 267
 Орловский Е. Ф. 725
 Освинцим С. 706
 Осокин Н. А. 323, 328, 332—
 337, 840
 Островский А. Н. 11
 Острогорский М. Я. 102
 Острожские, кн. 721
 Острожский-Лохвицкий И. О. 706

- Остроумов А. А. 363
 Остроумов Н. П. 639, 792, 793
 Оттон I Великий 343
 Оттоны, имп. 345
 Оуэн Р. 15, 276
 Ошанин В. Ф. 811
- Павел I** 168, 213
 Павлинов Д. М. 638
 Павлов А. С. 508, 520, 524, 582
 Павлов П. В. 131
 Павлов-Сильванский Н. П. 663
 Падалица, псевд. (Фиш. З. Л.) 134
 Падалка Л. В. 710
 Паласаян С. 767, 768
 Палаузов С. Н. 491, 492, 746, 751
 Палацкий Ф. 498, 499, 504
 Палладий (Кафаров П. И.) 537—539, 543
 Паллас П. С. 211, 810, 821
 Пален К. 793
 Палицын А. 564
 Пальмерстон Г. Дж. Т. 92, 225
 Пальмов И. С. 500, 501
 Панах-Али 776
 Панин В. Н. 291
 Пантелеймон 524
 Пантусов Н. Н. 793, 796, 812
 Пападопуло-Керамевс А. И. 524
 Пассек Т. П. 612
 Патканов (Патканян) К. П. 757, 767
 Пахомий Лагофет 593
 Пашино П. И. 797
 Пашкевич Э. («Тетка», псевд.) 719
 Пашков А. И. 204, 205
 Певцов М. В. 536, 640
 Пежемский П. Н. 830
 Пекарский Э. К. 638
 Пеликан А. 547
 Перевошиков Д. М. 668
 Перетяткович Г. И. 649, 824
 Перикл 308—310
 Пермский П. 365
 Перран Ф. 442, 445
 Перферкович И. А. 299
 Перцев В. Н. 5, 841
 Пестель И. Б. 828
 Пестель П. И. 55
 Петр, царь болг. 507
 Петр I 22, 23, 45, 46, 62—65, 70, 75, 76, 81, 97, 98, 106, 108, 109, 112, 116—119, 127, 157, 161, 168, 188, 231, 232, 255, 352, 400, 417, 418, 424, 448, 449, 502, 553, 555—558, 561, 564, 565, 603, 605, 611, 626, 648, 669, 678, 769
- Петр III 53
 Петрарка Ф. 349
 Петров 670
 Петров М. Н. 400, 401, 405, 414, 415, 427, 428, 436, 840
 Петров Н. И. 586, 715
 Петров П. Н. 656
 Петровский Гай 341
 Петрос ди Саргис Гиланец 767
 Петрусевиц Н. Г. 802—804
 Петрушевский Д. М. 326, 327, 344, 358, 376—379, 383—391, 840
 Петрушевский И. П. 774
 Пиотровский Б. Б. 786
 Писарев Д. И. 3, 9, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 31, 33—35, 50, 55, 64, 68, 71—73, 78, 288, 330, 462, 740
 Плавильщиков П. А. 565
 Плавский К. А. 725
 Платон (Левшин), митроп. 551
 Платонов С. Ф. 83, 86, 89, 100, 590, 591, 650
 Плеханов Г. В. 4, 76—78, 176, 183, 218, 232, 242, 257, 258, 260, 261, 266—286, 288, 290
 Плеханова М. Ф. 266
 Плещеев А. Н. 779
 Плиний Старший Гай Секунд 488
 Плотников А. Е. 365
 Победоносцев К. П. 99, 100, 210
 Повалишин А. Д. 610, 653
 Погодин М. П. 3, 29, 46, 58, 81—83, 87, 92, 93, 114, 133—136, 329, 554—556, 560—563, 567, 568, 570, 572, 574, 694, 742
 Поджо М. А. 545
 Поджо (Поджо) Браччолини (Браччолини) 349
 Подолинский С. А. 695—697
 Подоров Г. 192
 Подставин Г. В. 535
 Пожарский Д. М. 137, 256
 Позднеев А. М. 535, 537, 538, 543, 641
 Позднеев Д. М. 535
 Покровский И. М. 824
 Покровский М. Н. 148, 252, 269, 383
 Покрышкин П. П. 798
 Полевой Н. А. 550, 563, 572
 Полевой Ю. З. 5, 6, 839
 Полежаев П. 666
 Полемон II Понтийский 675
 Поленц 431
 Полибий 306, 307
 Полиньяк О. Ж. А. 332
 Поло Марко 537, 544

- Половцов А. А. 604, 605
 Поляков И. С. 626
 Помпоний Атик Тит 322, 340
 Помяловский И. В. 321
 Пономарев П. А. 825
 Попов А. В. 534
 Попов А. Д. 547
 Попов А. Н. 492, 577, 589, 598
 Попов В. А. 691
 Попов Н. А. 361, 494, 495, 560, 561, 569
 Попов П. С. 538, 543
 Попов Р. С. 717
 Попруженко М. Г. 606
 Порфирий, еп. (Успенский К.) 294, 524
 Порфирьев И. Я. 585, 586
 Посадский Я., псевд. (Агафонов Н. Я.) 825
 Постников В. Е. 178, 205
 Потанин Г. Н. 78, 536, 641, 647, 814, 829, 831
 Потто В. А. 786
 Прахов А. В. 297
 Пржевальский Н. М. 536, 545, 640, 652
 Пригоровский Г. М. 375
 Принц А. 814
 Прозоровский Д. И. 668, 674, 678, 679, 681
 Прокопий Кесарийский 373
 Протопопов С. 593
 Прохоров С. В. 677
 Прудон П. Ж. 77, 194, 262, 287
 Прыжов И. Г. 634, 635
 Пселл М. 519
 Пугачев Е. И. 52, 53, 91, 183—186, 208, 268, 606, 699, 824, 825
 Пумпур А. 740
 Пурлевский 614
 Пурцеладзе А. 759
 Пурцеладзе Д. 760
 Путнынъ Э. К. 5, 6, 839
 Путятин Е. В. 547
 Пуффендорф С. 420
 Пуцилло М. П. 545
 Пушкарев Л. Н. 635
 Пушкин А. С. 54, 157, 484, 611, 777
 Пфлуг-Гартунг Ю. 309
 Пыпин А. Н. 217, 488, 507, 585, 646
 Пэйдж Т. В. 377
 Пясецкий А. А. 299
 Раглан Дж. Г. 30
 Радзишевский А. Т. 725
 Радичев А. Н. 7, 54, 67, 217, 606
 Радлов В. В. 531, 532, 811, 813, 821
 Разин С. 52, 114, 130, 138, 139, 183, 184, 186, 256, 268, 699
 Ранке 379, 380, 401, 420, 453
 Рассудов А. 578
 Раулинсон Г. 292
 Рафалович А. А. 294
 Рафили М. 780
 Регель В. Э. 508, 524
 Редин Е. К. 518, 520
 Редкин П. Г. 727
 Рейналь Г. 217
 Ремезов С. У. 600, 830, 835
 Ресслер Р. 749, 787
 Реуэль А. Л. 260
 Рзакули-бек Мирза Джамал-оглы 776
 Риза Гули-хан 772
 Рикардо Д. 263
 Риттер К. 527
 Ритчел С. 368
 Рихтер А. Б. 743
 Ришельё А. Ж. дю П. 429, 431, 481
 Роберти Е. В. 352
 Робеспьер М. М. И. 33
 Роборовский В. И. 536, 640
 Ровинский Д. А. 643
 Ровинский П. А. 75
 Родес И. 594
 Роджерс Д. Э. Т. 358, 386
 Рождественский С. Е. 102
 Рожков В. 653
 Розен В. Р. 296, 508, 523, 531, 532, 792
 Роман I Лекапин (Лакапин) 514
 Роман II 514
 Роман Мстиславич 696
 Романов Е. Р. 716—718
 Романовы 89
 Росвита 332
 Ростислав 490, 498
 Ростиславов М. Н. 796
 Ростовцев М. И. 375
 Ростовцев Я. И. 291
 Рот П. Р. 372
 Рубакина Л. Т. 691
 Рубинштейн А. Г. 612
 Руге А. 260
 Рудаков А. В. 535
 Рудольф II 710
 Руммель В. В. 682
 Руссо Жан Жак 217, 458
 Руссов Б. 743
 Рустамов С. 778
 Рыбников П. Н. 634
 Рылеев К. Ф. 56, 67
 Рындзюнский П. Г. 6
 Рычков Н. П. 211
 Рычков П. И. 810, 821

- Юрий 58, 682
 Юриков дом 555
 Юриковичи 89
- Саакадзе Г. 757, 759
 Сабанин В. В. 690
 Сабинин М. П. 761
 Саблуков Г. С. 528, 812
 Савелов Л. М. 682, 684
 Савельев П. С. 293, 537, 672, 676, 812
 Савенков И. Т. 627
 Савинков И. К. 688
 Савиньы Ф. К. 311, 368, 372, 420, 421
 Савичев Н. 816
 Савонарола Д. 333, 334, 403
 Сагайдачный П. К. 707
 Садык 816
 Салиас Е. А. 612
 Салих М. 790
- Салтыков-Щедрин М. Е. 9, 13, 14, 18, 23, 31, 35, 38, 39, 49, 51, 239, 242, 257, 557
- Салютати К. 348
- Самарин Ю. Ф. 153, 213, 247, 291, 735, 741, 742
- Самойлович А. Н. 800
 Самойлович И. Г. 713
- Самоковасов Д. Я. 596, 610, 621—623, 628, 671, 684, 816
- Санин Иосиф *см.* Иосиф Волоцкий
- Сапунов А. П. 717, 718
- Сарпи П. 334
- Сасаниды 767
- Сафронов Б. Г. 6
- Сахаров Н. Ц. 830
- Сбоев В. А. 825
- Свачян А. 763
- Свистун Ф. И. 711
- Святополк 672
- Святополк, морав. кн. 498
- Святополк Окаянный 673
- Святослав Ярославич 658
- Сгибнев А. С. 652
- Себеос, еп. 767
- Севастьянов П. И. 524
- Сегюр Ф. П. 255
- Сеид А. Ш. 779, 780
- Сеид-заде А. А. 775
- Сейдалин О. 819
- Селиванов А. В. 653
- Селиванов А. В. 812
- Селлий А. Б. 684
- Сельский И. С. 826
- Семевский В. И. 4, 91, 179, 207—218, 257, 291, 649, 736, 747, 748, 836, 837, 839
- Семевский М. И. 611, 612
- Семен Гордый (Семен Иванович) 661
- Семенов А. А. 5, 841
- Семенов Тянь-Шанский (Семенов) П. П. 243, 251, 536
- Сементовский-Курилло (Сементовский) А. М. 725
- Сенигов И. П. 579
- Сенковский (Барон Брамбеус) О. И. 292, 293
- Сен-Симон А. К. 276
- Сергеевич В. И. 122—127, 520, 581, 659, 660, 662, 663
- Серебренников А. Г. 793
- Серебряков Е. А. 281
- Серета Н. А. 816
- Середонин С. М. 594
- Серно-Соловьевич Н. А. 9, 10, 13, 15, 16, 18, 31, 262
- Серошевский В. 638
- Сефевиды 774
- Сеченов И. М. 383
- Сибиряков А. М. 638
- Сибом Ф. 325, 376, 381
- Сиверс А. А. 682
- Сивков К. В. 5, 840
- Сигизмунд II Август 745
- Сизов В. И. 622—624
- Сильвестр II *см.* Герберт
- Сименс Э. В. 787
- Симеон, болгар. царь 491
- Симеон Гордый *см.* Семен Гордый
- Симеон Метафраст 524
- Синицын Л. 807
- Сисмонди Ж. Ш. Л. С. 207
- Скабаланович Н. А. 368, 508, 509, 516, 518, 520
- Скалдин, псевд. (Еленев Ф. П.) 243, 247, 248, 250, 702
- Скальковский К. А. 544
- Скачков К. А. 538, 544
- Скачков П. Е. 543
- Склифосовский Н. В. 363
- Скобелев М. Д. 639, 803, 804
- Скворода Г. С. 713
- Скорина Ф. 727
- Скорятин В. Д. 836
- Скребицкий А. И. 257
- Скржинская Е. Ч. 338
- Слепцов В. А. 288
- Словцов И. Я. 813
- Словцов П. А. 831
- Смирин М. М. 393
- Смирнов А-др В. 653

- Смирнов А-сей 373
Смирнов В. Д. 530
Смирнов В. П. 678
Смирнов И. Н. 334, 504, 505, 642, 821, 822
Смирнов Н. А. 5, 781, 840
Смирнов Я. И. 631, 632
Смолятич К. *см.* Климент Смолятич
Смородский А. П. 725
Смотрцкий *см.* Мелетий Смотрцкий
Смышляев Д. Д. 653
Собко Н. П. 690
Соболев Л. Н. 804, 805
Соболевский А. И. 586, 587, 658, 659
Сокальский П. П. 643
Соколов И. И. 518
Соколов М. И. 492, 493
Соколов Ф. Ф. 300—303, 305, 306
Соколовский П. А. 4, 178, 197—199, 202, 209, 257, 583, 584, 649
Сокольский В. В. 520, 659
Сокурова М. В. 686, 690
Соловейчик М. А. 298
Соловьев С. М. 4, 29, 45, 82, 85, 87, 88, 102, 104, 106—109, 112—121, 123, 124, 127, 134, 142, 143, 147, 149, 153, 164, 165, 323, 400, 416—418, 420, 422, 424, 447—452, 454—456, 461, 464, 480, 481, 485, 501—503, 550—555, 557—563, 567—571, 573, 574, 613, 714, 720, 735, 753, 779
Солон 309
Сонцов Д. П. 674, 681
Спагис (*Спаг*) А. 739
Спальвин Е. Г. 535
Спартак 382
Спасский Г. И. 675
Спасский И. Г. 669
Спафарий Н. Г. 537, 543, 651, 830
Слеснер Г. 123, 178, 329, 352, 642
Сперанский Д. 301
Сперанский М. М. 213, 557, 826, 828
Сперанский М. Н. 586, 587
Спиноза 419
Спицын А. А. 656, 717, 718
Сполатбог Н. Н. 804
Срезневский И. И. 337, 341, 387, 576—578, 607, 657, 658
Ставровский А. И. 425
Сталь К. Ф. 639
Станиславская А. М. 5, 839
Станкевич А. В. 416
Станкевич Н. В. 45, 563
Старчевский А. В. 547, 549
Стасов В. В. 519, 643, 647
Стасюлевич М. М. 186, 187, 323, 328—330, 337, 360, 840
Стебницкий И. И. 802
Стебс В. 354, 357
Стеклов Ю. М. *см.* Невзоров, псевд.
Степанос Сюникский 766
Степанос Таронаци (Торонский) Асог(х)иг 766
Степняк (Кравчинский) С. М. 288
Стефан Душан 495, 497, 498, 520
Стефан Сурожский 522
Стефан Томашевич 493
Столетов А. Г. 363
Стороженко Н. И. 345—347, 360, 363
Страбон 306
Стрекалов Н. 563
Строганов А. С. 669
Строганов С. Г. 615
Строгановы 834
Строев С. М. 563
Строу 387
Струве К. В. 814
Струве П. Б. 365, 814
Студитский Ф. 836
Стукалич В. К. 725
Стулов П. М. 365
Суворин А. С. 446, 455, 612
Суворов Н. С. 582
Сугерий 329, 394
Сукачев В. П. 834, 836
Сумцов Н. Ф. 643
Суручан Д. Д. 748
Сусанин И. О. 137
Сухомлинов М. И. 576, 577
Сфорца Муцио Аттендоло 333
Сыма-цзянь 542
Сырокомля Владислав, псевд. (Кондратович Л.) 725
Тайлер Уот 327, 357, 367, 379, 385—388, 390
Тайлор Э. Д. 642
Тайманов И. 816
Таклат-Паласар 767
Таланцевы 691
Тамара, царица Грузии 757, 758, 761
Тамерлан *см.* Тимур
Тамизе М. 440
Тан Н. А. *см.* Богораз-Тан В. Г.
Танфильев Г. И. 649
Тарановский Ф. В. 725, 726
Тарбаев Доржи 830
Тарле Е. В. 439—441

- Татищев В. Н. 551, 552, 560, 561, 564, 568, 569, 572, 579
Татищев С. С. 90, 92
Тацит Публий Корнелий 295, 316, 318, 338
Теннеман В. Г. 40
Теодорих 375
Тер-Меликседекян Г. 763
Терентьев М. А. 794, 814, 815
Терновский Ф. А. 508, 518, 523
Тетеря П. И. 707
«Тетка», псевд. см. Пашкевич Э.
Тиберий Клавдий Нерон 316
Тигран II Великий 768
Тизенгаузен В. Г. 676, 818
Тимирязев К. А. 351, 363, 364, 383
Тимур 526, 798
Типольт Н. А. 684
Титмар Мерзебургский 341
Тихомиров И. А. 577, 578
Тихомиров Л. А. 189
Тихомиров М. Н. 576, 577, 579—581
Тихонравов К. Н. 653
Тихонравов Н. С. 585, 658, 659
Ткачев П. Н. 4, 180, 181, 183—185, 187, 188, 194, 218, 243, 244, 272, 274, 280, 281, 740
Тобоев Тугултур 830
Товстуха Я. П. 701
Токарев С. А. 5, 840
Токвиль А. 30, 380, 395, 453, 454, 466—469, 471, 480
Толстой Д. А. 99, 382
Толстой И. И. 669, 672—674
Томсен В. 532
Тотт Ф. 706
Транзее Рочен А. 744
Трачевский А. С. 410, 424
Тредьяковский В. К. 551
Трескин Н. И. 828, 829
Трирогов В. Г. 243
Троицкий И. Е. 508, 517, 518, 524
Тройницкий С. Н. 683, 684
Трофимов И. И. 792
Трубейкой Е. Н. 378
Трубницкий А. 725
Трутовский В. К. 671, 677, 684
Ту Ж. О. 144
Туган-Барановский М. И. 338, 365
Туган-Мирза-Барановский В. А. 803
Тун А. 267, 281
Тураев Б. А. 296, 297
Тургенев И. С. 363
Тургеневы, бр. 614
Турчинович О. В. 720
Тыжнов И. И. 834
Тышкевич Е. 717
Тьер А. 30
Тьерри А. 318
Тьерри О. 28, 30, 275, 317, 323, 336, 337, 368, 379, 420, 432, 458, 550
Тэйлор Э. Б. см. Тайлор Э. Б.
Тэн И. 330
Тюдоры 379
Тюро А. Р. Ж. 32, 412, 465, 479
Тюря см. Джыхангир Тюря
Тягай Г. Д. 546
Тяукин М. Г. 819
Уваров А. С. 597, 615, 625, 626
Удальцова З. В. 5, 840
Ульянов Н. А. 691
Ульянова В. Н. 691
Уляницкий В. А. 677
Уманский А. 836
Ун-Амун 296
Ундольский В. М. 684, 685
Урбнели Н. 760, 761
Услар П. К. 639
Усманов К. А. 538
Успенский Г. И. 441
Успенский Ф. И. 372, 494, 507—512, 515—521, 523—525, 749
Устрялов Н. Г. 3, 29, 45, 46, 81—83, 118, 400, 549, 556
Утин Н. И. 181, 184, 185, 239, 240
Фасмер Р. Р. 677
Федор Иванович 597
Федосеев Н. Е. 288—291
Федотов А. 548, 549
Федотов-Чеховский А. А. 663
Фейербах Л. А. 272, 283
Фемистокл 309
Феодора 191
Феофилактос К. М. 625
Фергюсон А. 426, 439
Фердинанд II 487
Фигнер В. Н. 188
Филимонов Г. Д. 623
Фиркс Ф. И. см. Шедо-Ферротти, псевд.
Фирсов Н. А. 821, 824
Фиш З. Л. см. Падалица, псевд.
Фишер 655
Флеровский Н. см. Берви (Флеровский Н.) В. В.
Флетчер Дж. 594
Флоринский Т. Д. 496—498, 508—510, 518, 520, 523, 524
Фогт К. 233
Фойгт Г. 346
Фока Варда 522
Фома Славянин 516

- Форстен Г. В. 413, 735, 736
 Фортинский Ф. Я. 328, 337, 341—344, 362, 392, 840
 Фостер 546
 Фотий, архиеп. 524
 Фотий, патр. 523
 Фрадкина З. Л. 689
 Франклин В. 412
 Франко И. Я. 697—701, 707, 708, 712
 Франциск I 434, 435
 Франциск II 434
 Френ Х. Д. 531, 672, 676
 Фридрих II 331, 332
 Фридрих Вилгельм II 412, 502
 Фридрих III 401, 403—405, 407—409, 414
 Фриман Э. 354
 Фролов Н. Г. 632
 Фруассар Ж. 387
 Фукидид 295, 306, 307, 309
 Фукс К. Ф. 825
 Фурье Ш. 276
 Фюстель де Куланж Н. Д. 322, 325, 338—341, 359, 362, 372, 376, 379
 Хабитуев 830
 Хазани Мир Мехти Гашим оглы 774—776
 Халатьянц Г. А. 769
 Халтурин С. Н. 283
 Ханенко Н. Д. 706, 707
 Харлампович К. В. 715, 727
 Харузин А. Н. 812
 Харузин Н. Н. 813
 Харузины 642
 Хаханашвили А. С. 762, 763
 Хвольсон Д. А. 296, 298, 299
 Хворостинин И. А. 564
 Хельберт 546
 Хилков 551
 Хлудов А. И. 345, 598
 Хмельницкий Ю. Б. 707
 Хованский Н. Ф. 654
 Ходаки 707
 Ходаковский *см.* Доленга-Ходаковский З.
 Хомяков А. С. 213, 485
 Хотюк Семен 701
 Храповицкий М. 539, 540
 Хрущов И. П. 589, 590
 Худаверди-оглы Ахмед мирза 778
 Худаяр-хан 527
 Худяков И. А. 634, 635, 637
 Цагарели А. А. 762
 Цахарие фон Лингенталь К. Э. 511, 520
 Церетели Г. Е. 751—753
 Циммерман В. 184, 396—398
 Цинь 539, 540
 Цинь Ши Хуан-ди 542
 Цыбиков Г. Ц. 535
 Чавчавадзе И. Г. 751—753, 756—759, 761
 Чамчан М. 765, 766
 Чан-чунь (Чан Чун) 539
 Чарнецкий Ф. 727
 Чарноцкий *см.* Доленга-Ходаковский З.
 Чаславский В. И. 243
 Чекалин Ф. Ф. 654
 Черенин А. 690
 Черепнин А. И. 653, 672—674
 Черепнин Л. В. 5, 6, 564, 584, 657, 668, 839
 Черкасский В. А. 291, 499
 Черманов М. Ч. 819
 Чернев Н. П. 673, 674
 Чернышев Е. И. 6
 Чернышевский Н. Г. 3, 7—66, 68, 70—72, 74, 79, 105, 110, 111, 121, 130, 131, 133—135, 140, 172, 176, 177, 180, 181, 236—240, 242, 247, 252, 259, 265, 266, 271, 274, 277, 280—283, 318, 329, 354, 423, 447, 449, 461, 465, 467, 475, 479, 485, 511, 528, 539, 555—559, 632—634, 693—695, 698, 702, 710, 719, 736, 740, 764, 839
 Черняк И. 713
 Чертков А. Д. 492, 669, 674, 686
 Черухин Н. И. 668
 Чечулин Н. Д. 584
 Чешихин (Ветринский) В. Е. 654
 Чешихин Е. В. 743
 Чижов С. И. 670
 Чингисхан 534, 796
 Чириако из Анконы 349
 Чичерин Б. Н. 4, 15, 29, 45, 46, 49, 50, 58, 72, 97, 98, 103—116, 118, 121—128, 142, 149, 153, 164, 168, 196, 197, 200, 359, 360, 418, 447, 464, 479, 481, 557, 559, 567, 572, 660
 Чичинадзе З. 758
 Чубинский П. П. 243
 Чубинашвили Д. 762
 Чудновский С. Л. 836
 Чудовский В. Н. 826
 Чупин Н. К. 653
 Чупров А. И. 363, 365, 383
 Шавани Э. 543

- Шакловитый Ф. 600, 713
 Шамиль 781
 Шампольон Ж. Ф. 292, 293
 Шаповалова Л. 365
 Шараневич И. 710
 Шатобриан Ф. Р. 316
 Шафарик П. И. 488
 Шахматов А. А. 661
 Шахматов В. Ф. 5, 841
 Шашков С. С. 642, 655, 829, 833, 838
 Шварц Д. 309
 Шведова О. И. 609
 Швецов Г. В. 372
 Шевченко Т. Г. 67, 130, 694, 702
 Шевырев С. П. 588
 Шедо-Ферроти, псевд. (Фиркс Ф. И.) 740
 Шейбони 629
 Шейн П. В. 715, 716
 Шекспир В. 347
 Шекта, род 815
 Шелгунов Н. В. 3, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 21, 23, 25, 31, 35, 37, 38, 40, 41, 45, 46, 51, 52, 61, 115, 121, 261, 559
 Шеллинг Ф. В. Й. 420, 421
 Шереметевы 211, 614, 682
 Шереметьев П. В. 713
 Шереш-эд-дин Булгари 820
 Шерр 317
 Шибанов П. П. 690
 Шиллер Г. 380
 Шиллер Ф. 454
 Шильдер Н. К. 3, 90, 215, 612
 Шиман Т. 742
 Шимановский М. Ф. 747
 Ширванзаде А., псевд. (Мовсесян А. М.) 788, 789
 Ширвани Сенд Азим 778, 779
 Ширрен К. Х. Г. 741, 742
 Шишонко В. Н. 653
 Шкапский О. А. 797
 Шлёцер А. Л. 548, 550—552, 562, 563, 566, 568, 572
 Шлиман Г. 303
 Шлоссер Ф. К. 27, 28, 30, 255, 396, 397, 401, 542
 Шлюмберже Г. 519
 Шматковский И. А. 713
 Шмидт И. П. 535
 Шмурло Е. Ф. 100, 569, 570
 Шодуар С. И. 674
 Шопен И. И. 761
 Шпилевский П. М. 715
 Шпилевский С. М. 821—823
 Штернберг Л. Я. 638, 639, 642
 Шубинский С. Н. 612, 613
 Шульгин В. Н. 260, 264
 Шульгин В. Я. 330, 425
 Шумаков С. А. 665
 Шуурц Г. 642
 Шюкюр-заде Э. Б. 777
 Шапов А. П. 3, 9, 18, 45, 46, 52, 66—80, 151, 270, 271, 573, 583, 636, 655, 826—829, 833, 835, 838, 839
 Щеглов И. В. 655, 830, 832, 833
 Щепкина Е. Н. 585
 Щербатов М. М. 551, 565
 Щетинин Б. А. 354
 Щуровский Г. Е. 637
 Щусев А. В. 798
 Эберс Г. 295
 Эварницкий Д. И. 710
 Эверс И. Ф. Г. 106, 548
 Эдуард I 355
 Эзов *см.* Езян
 Эйнгорн В. О. 713
 Эйхвальд Э. И. 810
 Эйхгорн К. Ф. 420, 421
 Экземплярский А. В. 682
 Эккарт Ю. 742
 Эльчибекян А. М. 5, 841
 Эмин М. 765—767
 Эмин Ф. А. 551
 Энгельгардт А. Н. 205, 250, 636
 Энгельман А. 668
 Энгельман И. Е. 666
 Энгельс Ф. 12, 38, 48, 66, 105, 188, 192, 194, 219—230, 232—236, 238—262, 264—267, 270—272, 274—276, 278, 282—284, 286, 287, 318, 325, 351, 353—355, 361, 421, 437, 452, 464, 465, 470, 477, 533, 638, 646, 697, 698, 700, 704, 742, 839
 Эразм Роттердамский 404
 Эсадзе Б. С. 806
 Этьен Марсель 31
 Эшли У. Д. 386
 Юань (династия) 540—543
 Южаков С. Н. 178, 196, 203, 204, 218
 Юзефович Т. 602
 Юзов И., псевд. *см.* Каблиц И. И.
 Юлиев-Клавдиев династия 318
 Юль (Юстус) 611
 Юмсунов В. 830
 Юнг А. 462
 Юнг Ю. 749
 Юнкер В. В. 641
 Юргевич В. Н. 617
 Юст Ю. *см.* Юль (Юстус)
 Юстиниан I 497, 498

- Юсуповы 682
Ющинский А. 299
- Ягеллоны 424, 709
Ядринцев Н. М. 78, 79, 532, 536,
655, 813, 814, 820, 831, 832
Яковлев В. А. 587, 588
Якуб ибн-Номан 820
Якушкин Е. И. 643
Якушкин И. Д. 213
Яневич-Яневский К. К. 727
Янжул И. И. 363
Янин В. Л. 5
Яниш Н. Н. 578
- Янсен И. 404
Янсон Ю. Э. 243, 248, 250, 747
Ярослав I Владимирович 60, 581,
582, 672, 673
Ярославичи 581
Ярославский Е. М. 220
Ясинский А. Н. 590—592
Ясинский М. Н. 665, 727
Ястрембский С. В. 638
Яцимирский А. И. 746
Яцунский В. К. 5, 651, 655, 840
Яхонтов И. А. 588
Яхонтов С. Д. 653
Яхья Антиохийский 531

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I</i>	
Революционно-демократическое направление в русской историографии	
I Исторические взгляды русских революционных демократов Работы Н Г Чернышевского, Н А Добролюбова и их соратников (В Е Иллерицкий)	7
II А. П. Щапов — историк-демократ (Б. П. Козьмин)	66
<i>Глава II</i>	
Дворянско-буржуазная историография русской истории во второй половине XIX века	
I Официальное охранительное направление (В Е Иллерицкий)	81
II Государственная школа (В Е Иллерицкий)	103
III Исторические взгляды Н И Костомарова (А М Станиславская)	129
IV В. О Ключевский (Л В Черепнин)	146
<i>Глава III</i>	
Народническая историография 70—90-х годов (А М Станиславская)	
I Народническая социология	171
II Историография революционного народничества (Р П Конюшая)	179
III Либерально-народническая историография	195
IV В И Семеvский	207
<i>Глава IV</i>	
Распространение марксизма в России. Начало применения марксизма к изучению русской истории	
I К Маркс и Ф Энгельс об историческом развитии России (Р П Конюшая)	219
II Начало марксистской историографии в России (Ю З Полевой)	259
<i>Глава V</i>	
Изучение истории древнего мира в России	
I Изучение истории Древнего Востока (М А Коростовцев)	292
II Изучение античной истории	299
§ 1 Изучение истории древней Греции (Э К Путный)	300
§ 2 Изучение истории Рима (Н А Машкин)	310

Глава VI

Изучение истории средних веков

I. М. М. Стасюлевич. В. А. Бильбасов. Н. А. Осокин (М. А. Алпатов)	328
II. В. Г. Васильевский. И. М. Гревс. Ф. Я. Фортинский (М. А. Алпатов)	337
III. М. С. Корелин (И. Н. Бороздин). М. М. Ковалевский. П. Г. Виноградов (М. А. Алпатов). Первые работы Д. М. Петрушевского (Б. Г. Могильницкий и А. И. Данилов)	344

Глава VII

Изучение новой истории

(Б. Г. Вебер)

I. Начало университетского преподавания новой истории в России (М. Н. Петров, В. В. Бауер). Появление специальных исследований. В. И. Герье, И. В. Луцицкий	393
II. Разработка истории французской революции XVIII в. (В. И. Герье, Н. И. Кареев)	445

Глава VIII

Славяноведение. Византиноведение

I. Славяноведение (С. А. Никитин)	484
II. Византиноведение (З. В. Удальцова)	508

Глава IX

Изучение истории Востока

I. Изучение истории стран Ближнего и Среднего Востока (Н. А. Смирнов)	526
II. Изучение истории стран зарубежного Дальнего Востока (А. Л. Гальперин)	533

Глава X

Изучение русской историографии. История источниковедения и архивного дела. Развитие археологии. Этнография. Историческая география

I. Историография (В. Е. Иллерицкий)	548
II. Источниковедение (С. М. Каштанов)	575
III. Архивное дело. Публикация письменных источников (К. В. Сивков)	595
IV. Археология (А. В. Арциховский)	614
V. Этнография (С. А. Токарев)	632
VI. Историческая география. История географических открытий. Краевая историография (В. К. Яцунский)	647

Глава XI

Изучение вспомогательных исторических дисциплин

I. Палеография (С. М. Каштанов)	657
II. Дипломатика (С. М. Каштанов)	659
III. Хронология (С. М. Каштанов)	668
IV. Нумизматика (В. Л. Янин)	669
V. Метрология (В. Л. Янин)	678
VI. Сфрагистика (В. Л. Янин)	680
VII. Генеалогия и геральдика (В. Л. Янин)	682
VIII. Историческая библиография (И. Н. Кобленц)	684

Глава XII

Развитие исторической науки у народов СССР во второй половине XIX века

I. Историография Украины (Л. А. Коваленко)	693
II. Историография Белоруссии (В. Н. Перцев)	715
III. Историография Литвы (И. З. Ионинас)	729
IV. Историография Латвии (Т. Я. Драудин)	733
V. Историография Молдавии (Я. С. Гросул, Н. А. Мохов)	745
IV. Историография Грузии (В. Н. Габашвили)	751
VII. Историография Армении (А. М. Эльчибемян)	763
VIII. Историография Азербайджана (И. М. Гасанов, А. Н. Гулиев)	771
IX. Историография Узбекистана (В. Я. Непомнин)	789
X. Историография Туркменистана (А. И. Акатова)	798
XI. Историография Таджикистана (А. А. Семенов)	807
XII. Историография Казахстана (В. Ф. Шахматов)	809
XIII. Историография Татарии (Х. Г. Гимади)	820
XIV. Историография Сибири (Ф. А. Кудрявцев)	825
Указатель имен	839

**Очерки
истории исторической науки**

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Б. Кинд*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*

РИСО АН СССР №38—88 В. Сдано в набор 30/VI 1960 г.
Подписано к печати 23/IX 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 54. Уч.-издат. л. 54,2. Тираж 5000 экз.
Г-12307. Изд. № 4158. Тип. зак. № 763.

Цена 34 руб. 50 коп.; с 1/1 1961 г.— 3 руб. 45 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
5	3 сн.	З. В. Удальцов	З. В. Удальцова
150	12 сн.	ского землевладения	землевладения
268	5 св.	в личности	и личности
349	21 св.	Ногарола	Нагарола
361	8 сн.	О В. Богишиче	О В. Богишиче
376	7 сн.	протоков	протоколов
399	5 св.	политическому	политическому
405	1 св.	ственно	непосредственно
	5 сн.	Соколовского	Сокольского
	6 св.	Великанов	Валиханов
504	11 св.	Ф. Ф. Чекалин	Ф. Ф. Чекалин
687	17 сн.	1848 [1850 гг.]	1848 [—1850 гг.]—
	23 сн.	А. И. Брауде	А. И. Браудо
757	15 сн.	памятника Бакрадзе	памятника. Бакрадзе
841	лев. стб., 17 сн.	Богишич Б. В.	Богишич В. В.
	пр. стб., 10 св.	Брауде А. И.	Браудо А. И.
863	6 св.	Т. Б. Кинд	А. А. Зимин

